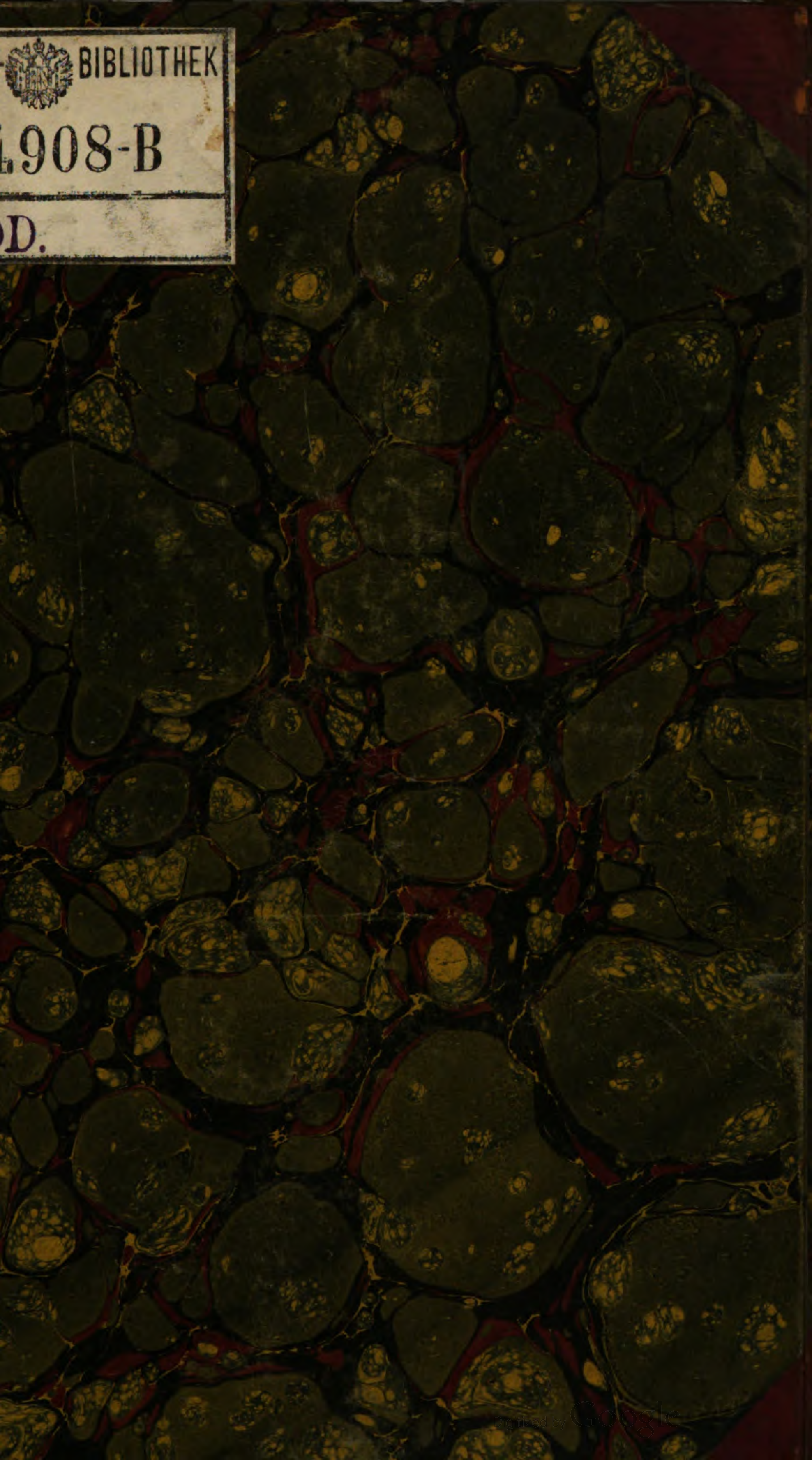
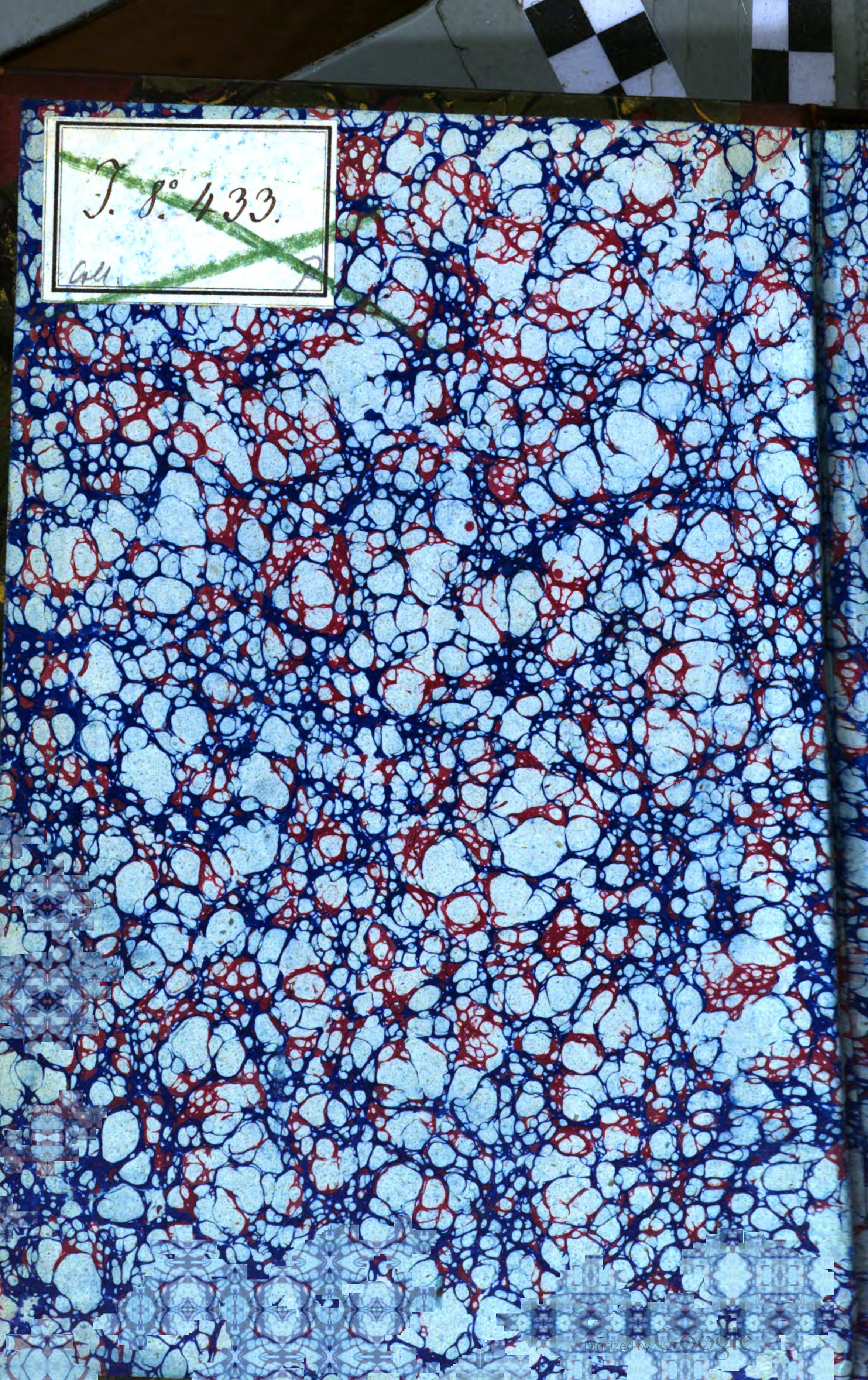
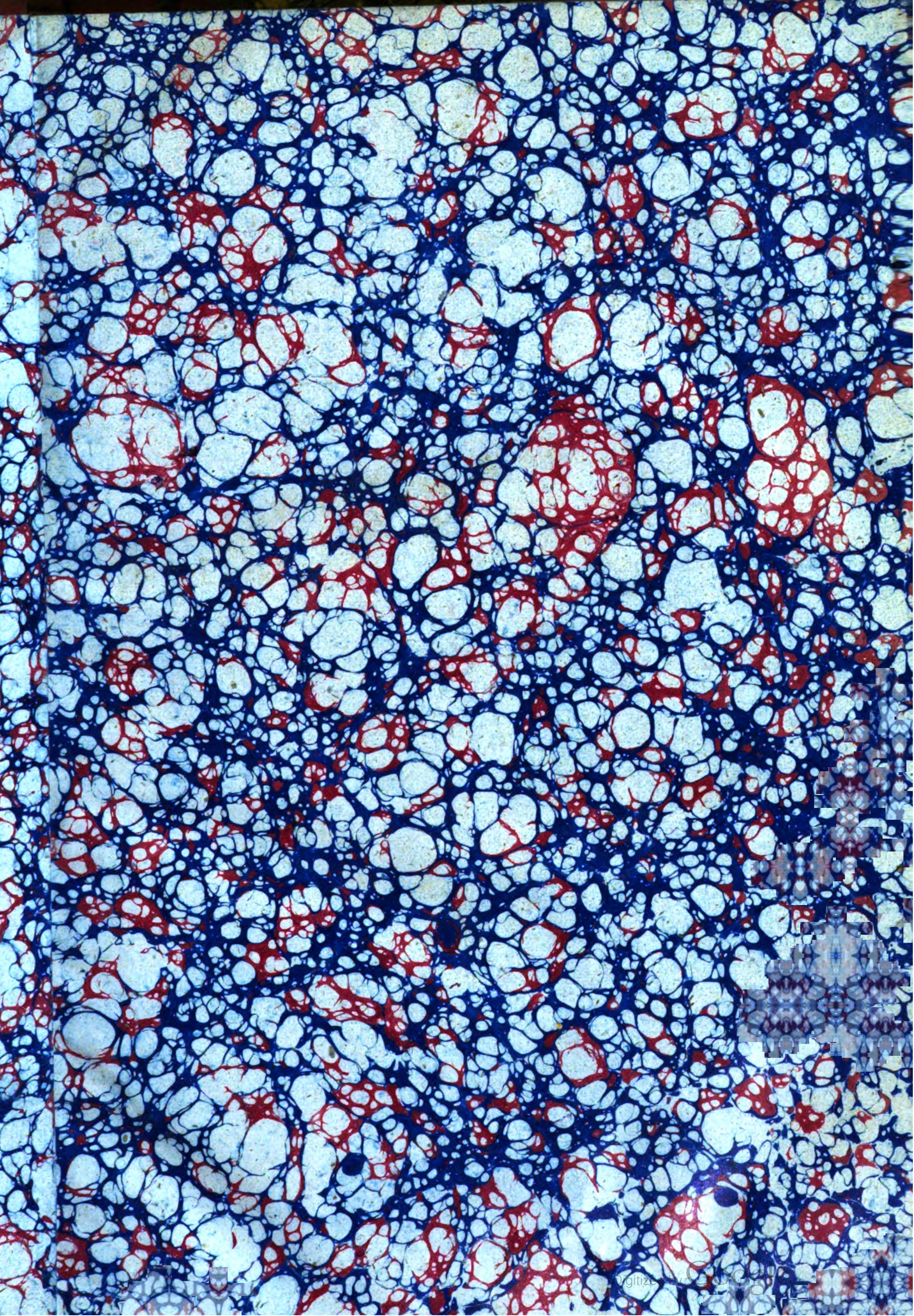

BIBLIOTHEK
4.908-B
OD.

J. 8° 433.
Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ CIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1859.

I.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА МАЙ 1859 ГОДА.

19. (4 мая) *Объ освобожденіи воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ раввинскихъ училищахъ, отъ рекрутства во время состоянія ихъ кандидатами на должности раввиновъ и учителей Еврейскихъ училищъ.*

Государь Императоръ, по положенію комитета объ устройствѣ Евреевъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: дополнить 1403 ст. Св. Зак. т. IX (изд. 1857 г.) слѣдующимъ правиломъ: воспитанники раввинскихъ училищъ, окончившіе съ успѣхомъ курсъ наукъ, состоя кандидатами на должности раввиновъ и учителей казенныхъ Еврейскихъ училищъ, пользуются свободою отъ рекрутства, доколѣ не будутъ исключены изъ кандидатовъ, по собственному ихъ желанію или по распоряженію начальства.

20. (4 мая) *Объ учебномъ образованіи Евреевъ.*

Государь Императоръ, по положенію комитета объ устройствѣ Евреевъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Обученіе дѣтей Евреевъ купцовъ и почетныхъ гражданъ въ общихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а гдѣ та-

ковыхъ нѣтъ, въ Еврейскихъ казенныхъ училищахъ, объявить обязательнымъ, дозволивъ Евреямъ, если пожелаютъ, учредить на свой счетъ при гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ особые для своихъ дѣтей пансіоны.

2) Предоставить Евреямъ обучать дѣтей своихъ закону вѣры по собственной ихъ волѣ, въ училищахъ или у частныхъ учителей; за симъ домашнее ученіе оставить на прежнемъ основаніи.

3) Меламдамъ (домашнимъ учителямъ), неопороченнымъ въ поведеніи или законопротивныхъ поступкахъ и незамѣченнымъ въ особомъ проявленіи фанатизма, продолжать выдачу ежегодныхъ свидѣтельствъ на основаніи порядка, учрежденнаго бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Уваровымъ. По истеченіи-же 10 лѣтъ, выдачу дозволительныхъ свидѣтельствъ ограничить только прежними меламдами, а вновь поступающихъ опредѣлять не иначе, какъ изъ обучавшихся въ раввинскихъ училищахъ, или въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ 1875-же году привести въ полное дѣйствіе указъ 7 іюня 1855 года, по которому чрезъ 20 лѣтъ домашними учителями могутъ быть исключительно только Евреи, обучавшіеся въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

4) Учителей въ ешиботахъ и талмудъ-торахъ, какъ равно содержателей частныхъ училищъ и пансіоновъ и учителей оныхъ опредѣлять съ настоящаго времени изъ людей, получившихъ надлежащее образованіе; но мѣру сію не распространять на домашнее обученіе, которое производится меламдами въ своихъ домахъ, или на квартирахъ и ограничивается небольшимъ числомъ учениковъ.

5) При каждомъ казенномъ Еврейскомъ училищѣ имѣть почетнаго блюстителя изъ Евреевъ болѣе вліятельныхъ и образованныхъ, предоставивъ имъ попеченіе о матеріальныхъ удобствахъ училищъ и чтобы ученики посѣщали училища въ свое время. На нихъ возложить также наблюденіе, чтобы родители

не уклонялись отъ образованія своихъ дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, дѣйствуя на нихъ личными убѣжденіями и посредствомъ раввиновъ; наконецъ, чтобы домашніе учители, или меламды постепенно были замѣщаемы людьми, получившими образованіе въ раввинскихъ училищахъ, или въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

6) Въ талмудъ-торахъ ввести преподаваніе общихъ предметовъ и причислить ешиботы къ второстепеннымъ училищамъ.

21. (4 мая) *Объ учрежденіи пяти пансіонерскихъ вакансій въ С. Петербургскомъ технологическомъ институтѣ для воспитанниковъ изъ Евреевъ.*

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія г. министра внутреннихъ дѣлъ и согласно положенію Еврейскаго комитета, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Учредить въ С. Петербургскомъ технологическомъ институтѣ пять пансіонерскихъ вакансій для воспитанниковъ изъ Евреевъ, на тѣхъ-же основаніяхъ, какія установлены для воспитанниковъ института прочихъ исповѣданій.

2) Вакансіи эти замѣщать изъ губерній, гдѣ дозволено постоянное жительство Евреямъ, по-очереди, соображаясь съ степенью Еврейскаго въ нихъ населенія. Распредѣленіе, на семъ основаніи, очереди между губерніями предоставить министерству внутреннихъ дѣлъ, по сношенію съ министерствомъ финансовъ.

3) Избраніе въ губерніяхъ кандидатовъ, которые должны удовлетворять всѣмъ требуемымъ условіямъ для поступленія въ институтъ, предоставить главнымъ мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ, по соглашенію съ городскими думами, магистратами или ратушами и съ утвержденія начальниковъ губерній. Кандидатовъ сихъ избирать изъ числа обучающихся въ казенныхъ Еврейскихъ училищахъ мальчиковъ, отличнѣйшихъ по способностямъ и успѣхамъ, преимущественно изъ бѣдныхъ си-

ротъ и дѣтей многочисленныхъ, недостаточныхъ семействъ, ремесленнаго класса.

4) По извѣщеніи министерствомъ финансовъ о времени пріема въ институтъ избранныхъ кандидатовъ, они доставляются туда по распоряженіямъ мѣстныхъ городскихъ думъ, магистратовъ или ратушъ, тѣмъ-же порядкомъ, какой установленъ для доставленія штатныхъ воспитанниковъ института отъ городскихъ обществъ.

и 5) Содержаніе Еврейскихъ воспитанниковъ въ институтѣ, равно издержки на доставленіе ихъ туда и на опредѣленное закономъ пособіе, по выпускѣ ихъ изъ института, обратить на мѣстные коробочные сборы тѣхъ губерній, изъ которыхъ будутъ поступать воспитанники, для чего вносить, въ свое время, потребныя суммы въ смѣты расходовъ изъ сихъ сборовъ, по статьѣ на губернскія надобности.

22. (8/20 мая) *О преобразованіи Варшавскаго 2-го филологическаго уѣзднаго училища въ пятиклассное отдѣленіе реальной гимназіи.*

Для отклоненія слишкомъ значительнаго накопленія учащихся въ Варшавской реальной гимназіи и для удовлетворенія стремленія жителей къ реальному образованію, Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе предположенія попечителя Варшавскаго учебнаго округа о преобразованіи Варшавскаго 2-го филологическаго уѣзднаго училища въ пятиклассное параллельное отдѣленіе реальной гимназіи, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) желающихъ обучаться въ реальной гимназіи и живущихъ въ южной части города, гдѣ находится означенное училище, принимать исключительно въ учреждаемые параллельные классы; 2) за ученіе взимать такую-же плату, какъ въ гимназіи, т.-е. по 20 р. въ годъ, и 3) ученикамъ предоставить носить мундиръ учениковъ реальной гимназіи. При

семъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія и штатъ пятиклассенаго отдѣленія реальной гимназіи.

23. (8 мая).

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*Быть по сему*».

8 мая 1859 года.
Въ Царскомъ Селѣ.

ШТАТЪ

ПЯТИКЛАССНАГО ОТДѢЛЕНІЯ ВАРШАВСКОЙ РЕАЛЬНОЙ ГИМНАЗІИ.

	Жалованье и другіе расходы рублями серебромъ.	Классы должностей.	Разряды мундировъ.
Инспектору	675	VIII	VIII
Законоучителю Римскокатолическаго исповѣданія	300		
Старшимъ учителямъ математическихъ и естественныхъ наукъ: одному	400	IX	IX
другому	360	IX	IX
третьему	300	IX	IX
Младшимъ учителямъ: 1) Русскаго языка, 2) Польскаго языка и 3) исторіи и географіи: одному	450	X	X
другому	360	X	X
третьему	300	X	X
Учителю Нѣмецкаго языка	270	XII	XII
» Французскаго языка	270	XII	XII
» чистописанія и рисованія	270	XII	XII
За преподаваніе Латинскаго языка для желающихъ	200	—	—
Учителю церковнаго пѣнія	90	—	—
Писцу	90	—	—
На прислугу, канцелярскіе расходы, отопленіе, освѣщеніе, совершеніе духовныхъ требъ, физическіе и химическіе опыты и другія надобности	620	—	—
Итого	4955	—	—

Примѣчаніе. Въ составъ опредѣленной по сему штату суммы обращаются 3,847 р. 50 к., употребляемые на содержаніе втораго въ Варшавѣ филологическаго уѣзднаго училища, а остальные 1107 р. 50 к. отпускаются изъ казны Царства Польскаго.

Подлинное подписали: Евграфъ *Ковалевскій*, Іаковъ *Ростовцевъ*, Константинъ *Сербиновичъ*, Павелъ *Гаевскій*, Петръ *Плетневъ*, Иванъ *Деляновъ*, Николай *Ребиндеръ* и князь Николай *Цертелевъ*.

24. (11 мая) *Объ учрежденіи въ Соломбальскомъ селеніи, въ Архангельскѣ, приходскаго училища.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшемъ докладѣ управляющимъ морскимъ министерствомъ ходатайства главнаго командира Архангельскаго порта, объ учрежденіи въ Соломбальскомъ селеніи, въ Архангельскѣ, приходскаго училища, Высочайше на сіе соизволилъ и удостоилъ утвержденія проекты положенія о семъ училищѣ и штата онаго.

25. (11 мая).

На подлинномъ рукою управляющаго морскимъ министерствомъ написано: «*Высочайше утверждено* 11 *мая* 1859 *года*».

Подписалъ: Адмиралъ *Мѣтлинъ*.

ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ О СОЛОМБАЛЬСКОМЪ ПРИХОДСКОМЪ УЧИЛИЩѢ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ.

§ 1.

Для распространенія первоначальнаго образованія между жителями селенія Соломбала, учреждается въ семъ селеніи приходское училище.

§ 2.

Состоя въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія собственно по учебной части, училище находится подъ особымъ покровительствомъ главнаго командира Архангельскаго порта.

§ 3.

При училищѣ состоятъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ штатнаго смотрителя Архангельскаго уѣзднаго училища, одинъ учитель и одинъ законоучитель.

§ 4.

Въ училище поступаютъ, во всякое время года, безплатно и безъ предварительнаго испытанія, дѣти всѣхъ состояній обоего пола, мальчики — не моложе семи, а дѣвочки — не старше десяти лѣтъ.

§ 5.

Предметы, преподаваемые въ училищѣ, суть: 1) Законъ Божій: изученіе молитвъ, съ истолкованіемъ ихъ, священная исторія въ разсказахъ и краткій катихизисъ. 2) Чтеніе книгъ церковной и гражданской печати. 3) Ариѳметика: первыя четыре дѣйствія; ознакомленіе учащихся съ употребленіемъ счетовъ и съ мѣрами, вѣсомъ и монетами, принятыми въ Россіи. 4) Чистописаніе. 5) Черченіе и 6) рисованіе.

§ 6.

Преподаваніе закона Божія возлагается на законоучителя; оно имѣетъ характеръ духовной, назидательной бесѣды, доступной для дѣтскаго возраста. Сверхъ-того законоучитель обучаетъ дѣтей церковному пѣнію.

§ 7.

Прочіе предметы преподаетъ учитель. Онъ обязанъ, кромѣтого, приспособлять учащихся мальчиковъ къ столярному и плотничному ремесламъ, какъ наиболѣе необходимымъ для адмиралтейства.

§ 8.

Преподаваніе всѣхъ вообще предметовъ должно быть изустное, наглядное и направленное къ развитію умственныхъ и нравственныхъ способностей учащихся.

§ 9.

Мѣстное гражданское начальство обязано содѣйствовать успѣху училища всѣми зависящими отъ него способами.

§ 10.

Сумма, исчисленная по штату на ежегодное содержаніе училища, всего *пятьсотъ сорокъ девять* руб., отпускается изъ портоваго казначейства, по третямъ года.

§ 11.

Въ пользу училища дозволяется принимать добровольныя пожертвованія.

§ 12.

Во всемъ прочемъ, касающемся порядка и внутренняго устройства училища, оно руководствуется правилами Высочайше утвержденнаго устава о приходскихъ училищахъ 8 декабря 1828 года.

26. (11 мая).

ПРОЕКТЪ

ШТАТА СОЛОМБАЛЬСКАГО ПРИХОДСКАГО УЧИЛИЩА.

	Жалованья и содержанія.				
	Число лицъ.	Одному.		Всѣмъ.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Учителю	1	200	—	200	—
Законоучителю	1	57	15	57	15
На книги и классныя потребности	—	—	—	17	50
» ремонтъ училищной мебели	—	—	—	10	—
» наемъ квартиры	—	—	—	144	—
» отопленіе, освѣщеніе и содержаніе въ чистотѣ	—	—	—	60	—
» наемъ сторожа	—	—	—	60	—
Итого	—	—	—	548	65
А для округленія	—	—	—	549	—

Примѣчаніе. Исчисленная по сему штату сумма 549 руб. вносится ежегодно въ смѣту Архангельскаго порта, по коммиссаріат-

скому департаменту. Могущіе быть отъ сей суммы остатки обращаются на усиленіе учебныхъ пособій.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ВЪ ПРИСУТСТВІИ СВОЕМЪ

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ,

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ

ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛѢДУЮЩІЕ

ПРИКАЗЫ:

№ 20. 6 мая 1859 года.

УВОЛЬНЯЕТСЯ:

Ректоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Траутфеттеръ* — отъ службы, за выслугою срока, съ мундиромъ, присвоеннымъ должности.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Бунге* — ректоромъ сего университета.

№ 21. 8 мая 1859 года.

КОМАНДИРУЮТСЯ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ:

Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дорнъ* — на четыре мѣсяца.

Заслуженный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Черняевъ* — на шесть мѣсяцевъ.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Ценковскій* — на двадцать девять дней сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Профессоръ Ришельевскаго лицея, надворный совѣтникъ *Лохвицкій* — на лѣтнее вакаціонное время.

Коллежскіе ассессоры: старшій учитель пятой С. Петербургской гимназіи *Гертвигъ* и учитель С. Петербургскаго Вознесенскаго уѣзднаго училища *Лыткинъ* — оба на лѣтнее вакаціонное время.

Старшій учитель Виленскаго дворянскаго института, коллежскій ассессоръ *Пржибыльскій* — по болѣзни, на двадцать восемь дней сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Почетный смотритель Лугскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Нарышкинъ* — по болѣзни, на три мѣсяца.

Младшій учитель Кіевской первой гимназіи, коллежскій секретарь *Паночини* — по болѣзни, на два съ половиною мѣсяца.

Младшій учитель Симферопольской гимназіи *Фену* — по болѣзни, на три мѣсяца сверхъ лѣтнихъ вакацій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦЕЮ:

Почетному смотрителю Рославльскаго уѣзднаго училища, коллежскому секретарю *Лайкевичу* — по болѣзни, на одинъ годъ.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

№ 22. 11 мая 1859 года.

КОМАНДИРУЮТСЯ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ:

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра, коллежскій совѣтникъ *Беретти* — на четыре мѣсяца.

Старшій учитель Кіевской первой гимназіи, титулярный совѣтникъ *Ростовцовъ* — на полтора года.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ КОМАНДИРОВКИ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ:

Ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскому совѣтнику *Иллинскому* — до 1 іюля 1859 года.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Старшій учитель Митавской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Блезе* — на двадцать девять дней сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Марковичъ* — на восемь мѣсяцевъ.

Ассистентъ терапевтическаго отдѣленія факультетской клиники Императорскаго Московскаго университета, коллежскій ассессоръ *Красновъ* — по болѣзни, на одинъ годъ сверхъ вакаціоннаго времени.

Сверхштатный старшій учитель второй С. Петербургской гимназіи *Авенаріусъ* — по болѣзни, на четыре мѣсяца.

№ 23. 12 мая 1859 года.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Почетный смотритель Виленскаго дворянскаго училища, камеръ-юнкеръ Двора Его Императорскаго Величества,

титулярный совѣтникъ графъ *Плятеръ* — по выборамъ дворянства, почетнымъ попечителемъ Виленскаго дворянскаго института и тамошней гимназіи, на трехлѣтіе, съ увольненіемъ отъ занимаемой имъ нынѣ должности.

Почетный попечитель Гродненской гимназіи, предводитель дворянства Гродненскаго уѣзда, надворный совѣтникъ *Ляхницкій* — по выборамъ дворянства, въ должности почетнаго попечителя, на новое трехлѣтіе.

Почетный попечитель Симбирской гимназіи, Симбирскій губернскій предводитель дворянства, гвардіи штабсъ-капитанъ *Ермоловъ* — по выборамъ дворянства, въ той-же должности почетнаго попечителя означенной гимназіи, на новое трехлѣтіе.

№ 24. 18 мая 1859 года.

ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Коншинъ* — главнымъ инспекторомъ училищъ Западной Сибири.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Инспекторъ казенныхъ училищъ С. Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Максимовичъ* — на двадцать девять дней сверхъ каникулярнаго времени.

Младшій учитель Московской 1-й гимназіи, надворный совѣтникъ *Сиверсъ* — по болѣзни, на двадцать девять дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Учитель Полоцкаго дворянскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Давыдовъ* — на четыре мѣсяца.

Почетный попечитель Витебской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Цѣхановецкій* — на шесть мѣсяцевъ.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Герцъ* — съ ученою цѣлію, на двадцать девять дней сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Старшій учитель Московской 3-й реальной гимназіи *Гебель* — на двадцать девять дней сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Младшій учитель Динабургской гимназіи *Томъ-Гаве* — на двадцать девять дней сверхъ каникулярнаго времени.

Домашній учитель дирекціи училищъ Смоленской губерніи *Богдановъ* — на четыре мѣсяпа.

№ 25. 30 мая 1859 года.

КОМАНДИРУЕТСЯ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ:

Архитекторъ Кіевскаго учебнаго округа *Шлейферъ* — на четыре мѣсяца.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Почетный смотритель Пронскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Барыковъ* и врачь Московской 2-й гимназіи, коллежскій ассессоръ *Тарловскій* — оба на четыре мѣсяца.

Почетный попечитель Самарской гимназіи, надворный совѣтникъ *Шалашниковъ* и почетный смотритель Козьмодемьянскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Еремѣевъ* — по болѣзни, первый на четыре, а послѣдній на три мѣсяца.

Старшій учитель Минской гимназіи, коллежскій ассессоръ *Шейбе* и законоучитель Виленскаго дворянскаго уѣзднаго училища, ксендзъ *Цѣхановскій* — оба на 28 дней, сверхъ каникулярнаго времени.

Почетный смотритель Вилкомірскаго дворянскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Косско* — по болѣзни, на шесть мѣсяцевъ.

Младшій учитель Ковенской гимназіи *Мазингъ* — на полтора мѣсяца.

Подписалъ: *Товарищъ министра народнаго просвѣщенія Николай Мухановъ.*

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА МАЙ 1859 ГОДА.

11. (7 мая) *О введеніи въ Алешковскомъ уѣздномъ училищѣ преподаванія Французскаго и Нѣмецкаго языковъ.*

По представленію исправляющаго должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ ввести въ Алешковскомъ уѣздномъ училищѣ преподаваніе Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, съ порученіемъ сего преподаванія, безмездно, учителю того училища *Мургакевичу*, согласно изъявленному имъ на то желанію.

12. (9 мая) *Циркулярное предложеніе объ отмѣнѣ § 16 Положенія о взиманіи платы за ученіе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Главное правленіе училищъ, въ засѣданіи 5 мая, по выслушаніи записки департамента народнаго просвѣщенія объ отмѣнѣ § 16 Положенія о взиманіи платы за ученіе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ департамента, опредѣлило:

Статью 16-ю Положенія 16 мая 1852 года о взиманіи платы за ученіе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, — о томъ, чтобы лицъ податнаго состоянія ни въ какомъ случаѣ не освобождать отъ платы за ученіе, отмѣнить, предоставя затѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ въ освобожденіи учащихся податнаго состоянія по бѣдности отъ платы за ученіе

руководствоваться правилами, постановленными на сей предметъ въ томъ же Положеніи для всѣхъ вообще учащихся.

О семъ имѣю честь сообщить къ надлежащему исполненію.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

ПРИКАЗЪ

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

№ 13.

5 мая 1859 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Кандидатъ Императорскаго С. Петербургскаго университета *Богушевичъ*.

ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ:

Преподаватель Лейпцигскаго университета, докторъ медицины *Уле* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по каѳедрѣ терапіи и клиники.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Секретарь С. Петербургскаго ценсурнаго комитета, коллежскій ассессоръ *Ярославцевъ* — ценсоромъ въ С. Петербургскій ценсурный комитетъ, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

ПЕРЕВОДИТСЯ:

Канцелярскій чиновникъ канцеляріи правленія Императорскаго С. Петербургскаго университета, коллежскій регистраторъ *Косинскій* — въ департаментъ народнаго просвѣщенія въ число канцелярскихъ чиновниковъ.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЯМЪ:

Цензоръ С. Петербургскаго цензурнаго комитета, статскій совѣтникъ *Фрейганъ* — съ мундиромъ, должности цензора присвоеннымъ.

Почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Тамбовскаго — титулярный совѣтникъ *Коваленковъ*, Бѣлгородскаго — коллежскій секретарь *Бѣленихинъ* и Алешковскаго — отставной корнетъ *Овсянико-Куликовскій*.

Канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Головинъ*.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Тучковъ* — въ Московскую, Тверскую и Владимірскую губерніи, на четыре мѣсяца.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА:

Члену ученаго комитета при главномъ правленіи училищъ, дѣйствительному статскому совѣтнику *Фишеру*—за исправленіе въ теченіе слишкомъ восьми мѣсяцевъ должности предсѣдательствующаго въ семъ комитетѣ.

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

№ 14.

18 мая 1859 года.

ПРИЧИСЛЯЮТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Профессоръ Ришельевскаго лицея, надворный совѣтникъ *Лохвицкій*, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Причисленный къ департаменту удѣловъ, титулярный совѣтникъ *Пемеллеръ*.

ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежскій ассессоръ *Загибенинъ* — секретаремъ С. Петербургскаго цензурнаго комитета.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Каченовскій* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ общенароднаго права и дипломаціи.

ПЕРЕВОДЯТСЯ:

Помощникъ главнаго доктора Кронштадтскаго военнаго госпиталя, докторъ медицины и хирургіи, коллежскій совѣтникъ *Грубе* — въ Императорскій Харьковскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ оперативной хирургіи и хирургической клиники.

Помощникъ правителя канцеляріи военнаго губернатора приморской области Восточной Сибири, коллежскій секретарь *Тарасенко-Годный* — въ департаментъ народнаго просвѣщенія старшимъ помощникомъ столоначальника.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЯМЪ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Ивановъ* — съ мундиромъ, должности присвоеннымъ.

Почетный смотритель Уфимскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Стрѣлковъ* — съ мундиромъ, должности присвоеннымъ.

Почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Ярославскаго — ротмистръ *Карновичъ* и Глазовскаго — титулярный совѣтникъ *Детцель*.

ПОРУЧАЕТСЯ:

Вице-директору департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику *Кисловскому* — управленіе канцеляріею министра народнаго просвѣщенія съ 18 мая 1859 года, на время отсутствія директора сей канцеляріи, уволеннаго въ заграничный отпускъ на четыре мѣсяца.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКИ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поль* — въ разныя губерніи, на три мѣсяца.

Почетный попечитель Тульской гимназіи, гвардіи подпоручикъ *Васильчиковъ* — къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ, на четыре мѣсяца.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, магистръ Императорскаго С. Петербургскаго университета *Миллеръ* — въ Самарскую губернію, на три мѣсяца.

ИСКЛЮЧАЕТСЯ ИЗЪ СПИСКА:

Умершій попечитель Казанскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Груберъ*.

Уволенному отъ службы по прошенію, директору Житомірскаго раввинскаго училища, статскому совѣтнику *Ковалевскому*, дозволяется носить въ отставкѣ мундиръ, должности присвоенный.

Указомъ правительствующаго сената 6 мая 1859 г. № 43 произведены по департаменту народнаго просвѣщенія, за выслугу лѣтъ:

Въ коллежскіе секретари — канцелярскій чиновникъ, губернскій секретарь Ѳедоръ *Бекаревичъ*, со старшинствомъ съ 15 ноября 1858 года.

Въ коллежскіе регистраторы — канцелярскій служитель Николай *Леонтьевъ*, со старшинствомъ съ 1 января 1859 года.

По сему предписывается сдѣлать распоряженіе согласно 584 и слѣд. ст. III тома Св. Зак. уст. о служ. по опред. отъ прав. (изд. 1857 г.).

№ 15.

24 мая 1859 года.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Адъюнктъ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ медицины *Эргардтъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета, по каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія.

КОМАНДИРУЕТСЯ ПО ДѢЛАМЪ СЛУЖБЫ:

Временно исправляющій должность чиновника особыхъ порученій при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія, губернскій секретарь *Щербина*—въ Таганрогъ и Новочеркаскъ.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Старшій столоначальникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Проневскій 1-й*—въ разныя губерніи, и старшій помощникъ столоначальника сего-же департамента, коллежскій секретарь *Ивановъ 2-й* — въ С. Петербургскую губернію, оба на 29 дней.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Почетный смотритель Суздальскаго уѣзднаго училища, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, надворный совѣтникъ *Козловъ* — по прошенію.

Указами правительствующаго сената 6 сего мая:

1) за № 42, произведены, за выслугу лѣтъ со старшинствомъ:

Въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: Императорскихъ университетовъ: ординарные профессоры Харьковскаго — Владиміръ *Кочетовъ*, съ 15, и Тимоѳей *Иллинскій*, съ 24 іюля, С. Петербургскаго — исправляющій должность ординарнаго профессора Илья *Березинъ*, съ 15 іюня, и экстраординарный профессоръ Давидъ *Чубиновъ*, съ 17 сентября, Московскаго — исправляющій должность экстраординарнаго

профессора Ѳедоръ *Буслаевъ*, съ 5 августа, св. Владиміра — адъюнктъ Густавъ *Эйсманъ*, съ 24 сентября, и директоръ Динабургской гимназіи Дмитрій *Зябловъ*, съ 24 іюня 1858 года.

Въ коллежскіе совѣтники: надворные совѣтники: причисленный къ министерству, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, Николай *Бантышъ-Каменскій*, съ 12 декабря; Императорскихъ университетовъ: Московскаго — исправляющій должность экстраординарнаго профессора Павелъ *Петровъ*, съ 30 октября, адъюнкты: Харьковскаго—Михаилъ *Петровъ*, съ 19 сентября, и св. Владиміра—Григорій *Чугаевичъ*, съ 6 октября; директоръ училищъ Полтавской губерніи Александръ *Данилевскій*, съ 23 мая; исправляющіе должности директоровъ гимназій: Поневѣжской — Василій *Заіончковскій*, Кейданской — Флоръ *Дучинскій* и исправлявшій должность директора Новогрудской гимназіи — Василій *Лебедевъ*, всѣ трое съ 7 августа 1858 года. Изъ нихъ *Бантышъ-Каменскій*—съ оставленіемъ въ настоящемъ придворномъ званіи.

Въ надворные совѣтники: коллежскіе ассессоры: исправляющій должность профессора лицея князя Безбородко Емельянъ *Бѣлобровъ*, съ 20 октября, и почетный смотритель Таганрогскаго уѣзднаго училища Дмитрій *Міоковичъ*, съ 10 іюля 1858 года.

Въ коллежскіе ассессоры: директоръ училищъ при Евангелическо-Лютеранской церкви св. Анны въ С. Петербургѣ Германъ *Видеманъ*, съ 3 ноября 1852 года; титулярные совѣтники: начальникъ типографіи Императорскаго Московскаго университета Николай *Жемчужниковъ*, съ 20 іюля 1858 года, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Липецкаго — Ѳедоръ *Циммерманъ*, съ 9, Шлиссельбургскаго—Александръ *Решеткинъ*, съ 12 декабря 1856 г., Козмодемьянскаго — Дмитрій *Еремѣевъ*, съ 18 апрѣля, Волоколамскаго — Андрей *Стариковъ*, съ 26 октября, Подольскаго — князь Александръ

Оболенскій, съ 5 ноября 1858 г., Симферопольскаго — Дмитрій *Кулоглу*, съ 24 декабря 1857 г., Карачевскаго — Павелъ *Тепловъ*, съ 9 декабря 1856 г., и бывшій почетный смотритель Моршанскаго уѣзднаго училища Алексѣй *Чулковъ*, съ 25 августа 1858 года.

Въ титулярные совѣтники: исправляющій должность адъюнкта Императорскаго С. Петербургскаго университета Константинъ *Голстунскій*, съ 8 октября 1853 г.; коллежскіе секретари, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: С. Петербургскаго Сампсоньевскаго — Петръ *Салмановъ*, съ 30 сентября 1858 г., Чистопольскаго — Аркадій *Молоствовъ*, съ 8 марта 1858 г., Переяславскаго — Константинъ *Троцина*, съ 24 декабря 1857 г., Хорольскаго — Илья *Стефановичъ*, съ 4 ноября 1856 г., Нѣжинскаго — Николай *Волжинъ*, съ 3 мая 1858 г., Ахтырскаго — Иванъ *Ковалевскій*, съ 15 мая 1857 г., и бывшій почетный смотритель Ярославскаго уѣзднаго училища Сергѣй *Карцовъ*, съ 9 декабря 1856 г.

Въ коллежскіе секретари: губернскіе секретари, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Ядринскаго — Александръ *Анчуринъ*, съ 8 ноября, Обоянскаго — Василій *Стремоуховъ*, съ 20 августа, Ливенскаго — Николай *Горбовъ*, съ 17 мая 1858 года.

Въ губернскіе секретари: коллежскіе регистраторы, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: С. Петербургскаго Вознесенскаго — Иванъ *Мясниковъ*, съ 30 апрѣля, Малоархангельскаго — Николай *Плахово*, съ 6 марта 1857 г., Керчинскаго — Карпъ *Джеварджи*, съ 8 февраля 1858 г., Рязанскаго — Александръ *Елагинъ*, съ 5 апрѣля, и Лепельскаго дворянскаго — Ѳаддѣй *Богушевичъ*, съ 19 іюля 1858 г.

Въ коллежскіе регистраторы: комнатный надзиратель главнаго педагогическаго института Александръ *Гавриловъ*, съ 29 апрѣля 1858 г.

2) *за № 46*, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Бронницкаго — Иванъ *Хомяковъ* и втораго Московскаго —

Степанъ *Хомяковъ*, по степени дѣйствительнаго студента Императорскаго Московскаго университета, утверждены въ чинѣ губернскаго секретаря, первый — съ 19, послѣдній — съ 27 ноября 1858 г., и надзиратель за приходящими учениками Кейданской гимназіи Карлъ *фонъ-Шмидтъ* утвержденъ въ чинѣ коллежскаго регистратора, съ 3 января сего года.

3) за № 47, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, отставной капитанъ гвардіи Александръ *Шульманъ* — переименованъ въ надворные совѣтники, соотвѣтственно означенному военному его чину.

Опредѣленный почетнымъ смотрителемъ С. Петербургскаго Рождественскаго уѣзднаго училища, отставной поручикъ арміи Михаилъ *Бѣлавинъ*, переименовывается въ коллежскіе регистраторы, соотвѣтственно его прежнему военному чину корнета.

По сему предписывается сдѣлать распоряженіе согласно 584 и слѣд. ст. III тома Св. Зак. уст. о служ. по опред. отъ прав. (изд. 1857 г.).

УТВЕРЖДЕНЪ:

По Императорскому С. Петербургскому университету.

Заслуженый профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Устряловъ* — почетнымъ членомъ (18 мая).

О КНИГѢ,

одобренной для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ засѣданіи ученаго комитета главнаго правленія училищъ 28 апрѣля 1859 года слушали мнѣніе одного изъ членовъ онаго о составленной г. *Серпине* книгѣ, подъ заглавіемъ:

«Grammaire française simplifiée et mise à la porté des enfans», которая, по приказанію министра народнаго просвѣщенія, передана была на разсмотрѣніе ученаго комитета. По отзыву рецензента, составленное г. Серпине руководство не только не уступаетъ столь распространенной у насъ грамматикѣ Ноэля и Шапсаля, но, какъ менѣе отвлеченное, удобопонятнѣе для учениковъ. Грамматика эта кромѣ-того имѣетъ еще нѣкоторыя преимущества въ томъ, что снабжена этимологическими упражненіями, которыя безспорно придаютъ болѣе разнообразія самымъ урокамъ учителя. Посему книга эта можетъ быть допущена къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ наравнѣ съ подобными ей сочиненіями Нуке, Ноэля и Шапсаля и др., съ тѣмъ впрочемъ, чтобы предоставленъ былъ начальствамъ гимназій выборъ изъ этихъ руководствъ, по опредѣленію учебныхъ совѣтовъ сихъ заведеній. Мнѣніе сіе принято ученымъ комитетомъ.

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія приказалъ объявить о семъ для свѣдѣнія училищныхъ начальствъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ

ОТЧЕТА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА 1858 ГОДЪ.

Имѣю счастіе всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству отчетъ по министерству народнаго просвѣщенія за 1858 годъ.

Отчетъ сей заключаетъ въ себѣ: обозрѣніе общихъ распоряженій, описаніе каждой части отдѣльно, таблицы статистическія и вѣдомости объ оборотахъ суммъ и движеніи дѣлопроизводства.

Ваше Императорское Величество, снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *Норова* объ увольненіи его отъ должности министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта, Высочайшимъ указомъ 23 марта 1858 года всемилостивѣйше изволили назначить меня министромъ народнаго просвѣщенія.

Въ то-же время товарищъ министра, сенаторъ князь *Вяземскій*, согласно прошенію его, всемилостивѣйше уволенъ отъ сей должности, съ оставленіемъ въ званіи сенатора.

Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля, оберъ-форшнейдеру Высочайшаго Двора, почетному опекуну С. Петербургскаго опекунскаго совѣта, тайному совѣтнику *Муханову* всемилостивѣйше повелѣно быть товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ОБЩІЯ.

О причисленіи къ министерству чиновниковъ сверхъ штата.

По министерству народнаго просвѣщенія часто бывали случаи, что лица извѣстныя образованіемъ и желавшія посвятить себя служенію по сему министерству, не могли быть принимаемы на службу за неимѣніемъ соотвѣтственныхъ для нихъ вакансій, и отъ того министерство лишалось людей, которые со-временемъ въ-состояніи были-бы занять съ пользою должности по учебной или административной части. Для устраненія этого ощутительнаго неудобства и по примѣру другихъ министерствъ, я испросилъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніе: 1) причислять къ министерству народнаго просвѣщенія, въ случаѣ надобности, сверхъ штата, лицъ, извѣстныхъ образованіемъ и благонамѣренностію, съ цѣлію опредѣленія къ должностямъ, соотвѣтствующимъ ихъ познаніямъ и чинамъ; 2) причисляемымъ на семъ основаніи къ министерству чиновникамъ, безъ особаго Высочайшаго повелѣ-

нія, не производить содержанія ни изъ государственнаго казначейства, ни изъ другихъ казнѣ-же принадлежащихъ источниковъ, и 3) въ-отношеніи производства ихъ въ чины слѣдовать въ точности правиламъ, установленнымъ въ 560 ст. 3 т. Св. Зак. (изд. 1857 г.), *Уст. о служ. по опред. отъ прав.*

О перемѣщеніи студентовъ на вольныя квартиры.

По положенію главнаго правленія училищъ, въ 30 день мая Высочайше повелѣно: 1) Въ университетахъ Московскомъ, св. Владиміра, Харьковскомъ и Казанскомъ (*), казеннокоштныхъ студентовъ и пансіонеровъ разныхъ вѣдомствъ перемѣстить на вольныя квартиры, съ производствомъ имъ, въ видѣ стипендіи, отпускаемыхъ на содержаніе ихъ суммъ, предоставляя мнѣ, въ случаѣ нужды, по соображенію съ мѣстными потребностями, возвышать положенную по штатамъ университетовъ сумму для содержанія казеннокоштнаго студента, на-счетъ свободныхъ суммъ университетовъ. 2) Должность эконома въ означенныхъ университетахъ упразднить и положенныя по штатамъ на жалованье экономамъ суммы, всего 1,572 р. 28 к. въ годъ, обратить на усиленіе денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ по штатамъ на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ. Побужденіемъ къ ходатайству о сей мѣрѣ были слѣдующія уваженія: 1) матеріальныя выгоды университетовъ, которые, выигривая помѣщеніе, сокращаютъ значительно и расходы, неизбѣжные съ помѣщеніемъ казенныхъ студентовъ въ зданіяхъ

(*) По С. Петербургскому университету въ 1847 г. дозволено казеннокоштнымъ студентамъ жить на вольныхъ квартирахъ съ полученіемъ стипендій, а въ 1850 г. они переведены въ главный педагогическій институтъ; въ Дерптскомъ-же университетѣ казенные студенты постоянно помѣщались на вольныхъ квартирахъ.

университетовъ, при чемъ необходимо особое хозяйство, особые чиновники и прислуга; 2) удобства самихъ студентовъ, которые, живя на вольныхъ квартирахъ, могутъ заниматься спокойнѣе и съ бо́льшимъ успѣхомъ, и 3) помѣщеніе молодыхъ людей въ такомъ возрастѣ, какъ студенты, въ закрытомъ заведеніи, имѣетъ большое неудобство въ-отношеніи дисциплины. Съ другой стороны, размѣщеніе студентовъ на вольныхъ квартирахъ нисколько не затруднитъ способовъ надлежащаго за ними надзора, который одинаково необходимъ и для своекоштныхъ студентовъ, составляющихъ значительное большинство.

Объ измѣненіяхъ въ приготовленіи преподавателей для среднихъ училищъ,

Въ организаціи главнаго педагогическаго института, учрежденнаго для приготовленія преподавателей въ среднія училища, давно замѣчены были недостатки, состоящія преимущественно въ томъ, что окончившіе курсъ института поступали прямо въ учители безъ необходимаго педагогическаго приготовленія. Дѣло объ этомъ разсматривалось въ главномъ правленіи училищъ, которое нашло полезнымъ и сообразнымъ съ цѣлью — главный педагогическій институтъ закрыть и вмѣсто его учредить педагогическіе курсы во всѣхъ городахъ, гдѣ находятся университеты, съ тѣмъ, чтобы въ сіи курсы поступали студенты, окончившіе уже свое образованіе, и впродолженіе оныхъ занимались одною практикою преподаванія. (Подробности объ этомъ преобразованіи находятся въ VII главѣ сего отчета).

О вознагражденіи учителей за преподаваніе постороннихъ предметовъ.

При введеніи въ учебныхъ округахъ дѣйствующихъ штатовъ, Высочайше утвержденныхъ 8 декабря 1828 года, министерство народнаго просвѣщенія, имѣя въ виду могущую встрѣтиться не-

обходимость въ порученіи одному лицу двухъ учительскихъ должностей, до прінсканія и опредѣленія на вакантное мѣсто способнаго преподавателя, предложило къ руководству учебнымъ начальствамъ вознаграждать такія лица за посторонніе труды *половиннымъ* окладомъ жалованья по вакантному мѣсту, съ тѣмъ, чтобы на сіе каждый разъ испрашиваемо было разрѣшеніе. Принимая во вниманіе: 1) что такая мѣра вознагражденія за занятія по вакантнымъ должностямъ не всегда соотвѣтствуетъ трудамъ, употребленнымъ на преподаваніе учителями постороннихъ предметовъ; 2) что въ настоящее время, при возвышеніи цѣнности на всѣ предметы, оклады 1828 года оказываются крайне-недостаточными, и 3) что Высочайше утвержденнымъ въ 1817 г. докладомъ министра народнаго просвѣщенія, на основаніи котораго допускается соединеніе преподавательскихъ должностей, предоставлено министерству, при такомъ соединеніи должностей, давать *полные оклады* по разнымъ мѣстамъ или части оныхъ, — по всѣмъ симъ уваженіямъ, я призналъ справедливымъ, въ видахъ соразмѣрнаго вознагражденія особыхъ трудовъ преподавателей, допускать, съ особаго каждый разъ разрѣшенія министерства, выдачу учителямъ, за исправленіе вакантныхъ учительскихъ должностей, *полнаго* жалованья или части онаго, независимо отъ содержанія, коимъ они пользуются по настоящимъ своимъ должностямъ, смотря по важности труда, величинѣ окладовъ и способностямъ преподавателей.

О платѣ за ученіе. Въ 4 день декабря 1857 г. Высочайше утверждено положеніе главнаго правленія училищъ о возвышеніи платы съ учащихся въ гимназіяхъ и

дворянскихъ училищъ, при чемъ предоставлено министру установлять плату за ученіе и въ тѣхъ *уѣздныхъ училищахъ*, гдѣ, по усмотрѣнію мѣстнаго училищнаго начальства, окажется это возможнымъ, съ тѣмъ однакожь, чтобы количество и употребленіе платы опредѣлялись, по представленіямъ попечителей учебныхъ округовъ, министромъ, а освобожденіе отъ взноса платы производилось на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и въ гимназіяхъ, не исключая и лицъ податнаго состоянія, для которыхъ преимущественно и предназначены училища уѣздныя. Главное правленіе училищъ находило возможнымъ установленіе платы въ уѣздныхъ училищахъ и потому, что это есть только возобновленіе мѣры, существовавшей уже съ 1819 по 1829 г. На семъ основаніи, по представленіямъ попечителей учебныхъ округовъ, установлена плата за ученіе почти во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ самая умѣренная — отъ одного до пяти руб. сер. въ годъ; но въ бо̀льшей части училищъ она не превышаетъ трехъ рублей. Сборъ этотъ предназначенъ на поддержаніе самыхъ училищъ, на награды достойнѣйшихъ учителей и на пособія бѣднымъ ученикамъ.

О благородныхъ пансіонахъ при гимназіяхъ.

На поднесенной Вашему Императорскому Величеству статьѣ журнала главнаго правленія училищъ, о дозволеніи принимать въ благородный пансіонъ одной изъ гимназій дѣтей купцевъ 1 гильдіи и почетныхъ гражданъ, въ 30 день мая послѣдовала собственноручная Вашего Величества резолюція: «исполнить, но съ тѣмъ, чтобы пансіонъ сей уже не называть благороднымъ, а просто *пансіономъ при гимназіи*, — что̀ принять за правило и для прочихъ, гдѣ допущены подобныя исклю-

ченія». Повелѣніе это принято къ точному исполненію.

О неопредѣленіи въ учительскія должности лицъ, невыдержавшихъ установленныхъ испытаній.

Производящіяся въ министерствѣ дѣла показываютъ, что по нѣкоторымъ учебнымъ округамъ опредѣлялись учителями лица, которыя, не пріобрѣтя по своему образованію права поступить въ эти должности, или вовсе не держали для занятія оныхъ установленныхъ испытаній, или выдержали оныя не вполнѣ согласно съ установленными для этого правилами. Отъ несоблюденія въ точности постановленныхъ на сей предметъ условій, преподаваніе производится неудовлетворительно, во-вредъ учащимся, и сами учители стѣсняются въ дальнѣйшемъ прохожденіи ихъ службы и награжденія чинами. Для отвращенія этого на будущее время, я нашелъ необходимымъ предложить начальствамъ учебныхъ округовъ, чтобы никто не былъ опредѣляемъ въ учительскую должность или перемѣщаемъ съ одной должности на другую, если, по образованію или по невыдержанію установленнаго спеціальнаго испытанія, не получитъ права на занятіе предназначаемой должности.

Училища для дѣвицъ.

Въ нашей системѣ народнаго образованія преимущественное вниманіе правительства было обращено на дѣтей мужескаго пола. Институты для дѣвицъ, обязанные существованіемъ своимъ попеченіямъ Особъ Августѣйшаго Дома, предназначены для ограниченнаго числа дочерей дворянъ. Частные пансіоны большею частію доступны только дѣтямъ родителей богатыхъ; лица-же недостаточнаго состоянія, особенно въ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи, лишены всякой возможности дать дочерямъ своимъ даже самое скромное образованіе. Постигая эту существенную потребность, предмѣстникъ мой

представлялъ въ 1856 году на Высочайшее благоусмотрѣніе предположенія свои объ учрежденіи училищъ для дѣвицъ. Ваше Императорское Величество, соизволивъ одобрить мысль дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *Норова*, Высочайше повелѣли приступить къ дальнѣйшимъ соображеніямъ объ устройствѣ означенныхъ училищъ.

Въ самомъ началѣ этого важнаго дѣла встрѣтилось затрудненіе въ способахъ содержанія училищъ. Правительство не могло жертвовать для этого огромныя суммы; необходимо было, чтобы мѣстныя общества и частныя лица, для пользы которыхъ учреждаются женскія училища, приняли самое дѣятельное и близкое участіе въ содержаніи ихъ. Пока производилась объ этомъ переписка съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, оказавшимъ въ семъ случаѣ большое содѣйствіе, пока не было положительно опредѣлены основанія для образованія училищъ, открытіе ихъ шло весьма медленно, —такъ-что въ 1857 г. учреждено было только одно заведеніе сего рода въ Костромѣ, на частное пожертвованіе тамошняго дворянства и почетнаго попечителя гимназіи *Григорова*. Доставленныя потомъ попечителями учебныхъ округовъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія и соображенія дали возможность министерству народнаго просвѣщенія составить *Положеніе о женскихъ училищахъ* сего вѣдомства; Положеніе это, по разсмотрѣніи въ главномъ правленіи училищъ, удостоилось Высочайшаго утвержденія 30 мая 1858 г. На основаніи сего Положенія, училища предназначены исключительно для учениц *приходящихъ*; по курсу преподаванія, они подраздѣляются на два разряда; плата за ученіе по-

ложена самая умѣренная, а именно: съ ученицъ перваго разряда—не болѣе 35, а втораго—не болѣе 25 р. въ годъ; училища учреждаются немедленно по открытіи денежныхъ средствъ. Послѣ обнародованія сего Положенія, при высокомъ покровительствѣ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны, соблаговолившей удостоить своимъ Августѣйшимъ именемъ нѣкоторыя изъ училищъ, открытіе ихъ пошло весьма быстро. Въ-теченіе послѣдней половины 1858 г. утверждены или предназначены къ открытію училища: въ Вологдѣ, Тотьмѣ, Устьсысольскѣ, Твери, Рязани, Самарѣ, Моршанскѣ, Ржевѣ, Черниговѣ, Тулѣ, Смоленскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Если дальнѣйшій успѣхъ будетъ соотвѣтствовать такому началу, то просвѣщеніе въ Россіи получитъ сильное подкрѣпленіе: ибо ни кто и ни что не можетъ имѣть такого благотворнаго вліянія на первоначальное образованіе юноши, какъ просвѣщенная мать.

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія состоитъ девять учебныхъ округовъ: С. Петербургскій, Московскій, Кіевскій, Харьковскій, Казанскій, Дерптскій, Одесскій, Виленскій, Варшавскій и училища въ Сибири. Кавказскій учебный округъ находится въ полномъ завѣдываніи Кавказскаго намѣстника и изъ управленія министерства изъятъ.

Учебныя заведенія дѣлятся на *высшія*, *среднія* и *низшія*.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I. Университетъ С. Петербургскій.

Высочайшимъ указомъ 24 іюня 1858 г. дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Щербатовъ* всемилостивѣйше уволенъ, по прошенію, отъ службы. Высочайшимъ указомъ 18 іюля, старшему чиновнику II-го отдѣленія собственной Вашего Императорскаго Величества канцеляріи, тайному совѣтнику *Делянову* всемилостивѣйше повелѣно быть попечителемъ С. Петербургскаго учебнаго округа.

Составъ университета.

С. Петербургскій университетъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и факультета восточныхъ языковъ; сей послѣдній заключаетъ въ себѣ пять разрядовъ: 1) Арабско-Персидско-Турецко-Татарскій, 2) Монголо-Калмыцко-Татарскій, 3) Китайско-Маньчжурскій, 4) Арабско-Еврейскій и 5) Армяно-Грузино-Татарскій. Факультетъ физико-математическій раздѣляется на два разряда наукъ: математическихъ и естественныхъ. Юридическій факультетъ составляютъ также два разряда: юридическихъ наукъ и камеральныхъ.

Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 76, студентовъ 848; въ томъ числѣ по факультетамъ: историко-филологическому 87, физико-математическому 248, юридическому 452, восточныхъ языковъ 61. Сверхъ-того постороннихъ лицъ, допущенныхъ къ слушанію лекцій, было 135. За тѣмъ всего состояло въ университетѣ 983 слушателя.

Учебныя пособія.

Въ университетской библіотекѣ находилось 29,714 сочиненій, въ 54,912 томахъ. При университетѣ имѣются кабинеты: физическій, астрономическій, минералогическій, ботаническій, зоологическій, агрономическій, технологическій, химическая лабораторія, музей искусствъ и древностей и рисовальный классъ.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

Бывшій настоятелемъ церкви при Берлинской миссіи, протоіерей магистръ *Палисадовъ* назначенъ профессоромъ богословія, логики, психологіи и церковнаго законовѣдѣнія, вмѣсто уволеннаго, по прошенію, отъ должности профессора священника магистра *Янышева*, перемѣщеннаго въ Берлинъ на мѣсто Палисадова. Адъюнктъ *Стасюлевичъ* утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Магистръ *Пузыревскій* опредѣленъ доцентомъ минералогіи и геогнозіи. Экстраординарный профессоръ Молдаво-Валахскаго языка *Гинкуловъ* выбылъ изъ университета, по случаю прекращенія преподаванія сего языка. Состоящій при Императорской публичной библіотекѣ статскій совѣтникъ *Коссовичъ* принялъ на себя преподаваніе Санкритскаго языка.

Преподаваніе.

По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 26 день августа, существовавшая временно при университетѣ каѳедра Молдаво-Валахскаго языка, по соображеніямъ министерства иностранныхъ дѣлъ, закрыта.

На основаніи Высочайшаго соизволенія, состоявшагося 3 ноября 1855 г., въ истекшемъ году открыто преподаваніе Санскритскаго языка для студентовъ всѣхъ факультетовъ, преимущественно-же факультета восточныхъ языковъ. Для успѣшнаго преподаванія Санскритскаго языка,

признано цѣлесообразнымъ составить новое (шестое) отдѣленіе изъ языковъ Санскритскаго и Персидскаго, которые по своему филологическому сродству наиболѣе близки между собою и въ семействѣ восточныхъ языковъ представляютъ единственную группу, дополняющую семейство извѣстныхъ намъ языковъ, называемыхъ «Индо-Европейскими».

Возведеніе въ ученыя степени.

Университетъ удостоилъ 96 человѣкъ возведенія въ ученыя степени и званія, именнно: доктора — 1, магистра — 6, кандидата — 77, дѣйствительнаго студента — 12.

Частныя испытанія.

Въ испытательномъ комитетѣ удостоено званій: домашняго учителя — 40, домашней учительницы — 83, младшаго учителя гимназіи — 27, учителя уѣзднаго училища — 26.

Публичные курсы.

Студенты университета, завѣдывающіе студентскою кассою, учрежденною для вспомоществованія бѣднѣйшимъ и достойнѣйшимъ своимъ товарищамъ, обратились къ профессорамъ съ просьбою оказать имъ содѣйствіе къ пополненію кассы открытіемъ публичныхъ курсовъ въ зимнее время. Вслѣдствіе сего, профессоры *Никитенко*, *Горловъ*, *Ценковскій*, *Стасюлевичъ* и *Благовѣщенскій*, желая поддержать въ молодыхъ людяхъ заботливость объ участи бѣдныхъ сотоварищей, охотно согласились прочитать по-нѣскольку лекцій каждый, изъ пяти отдѣловъ наукъ: литературнаго, политико-экономическаго, естественнаго, историческаго и древне-классическаго. Предположеніе это, мною утвержденное въ концѣ 1858 г., приведено въ исполненіе въ текущемъ году.

Торговый домъ Струговщикова, Похитонова, Водова и К°, стремясь къ распространенію обще-

полезныхъ свѣдѣній по части наукъ естественныхъ и прикладныхъ, доставилъ нѣкоторымъ профессорамъ университета и другимъ ученымъ средства къ открытію публичныхъ чтеній внѣ университета. На открытіе этихъ курсовъ, по одобреннымъ мною программамъ, получили дозволеніе: профессоръ университета *Ленцъ*—по физикѣ, профессоръ медико-хирургической академіи *Загорскій* — по антропологіи, докторъ физики и химіи *Ходневъ*—по химіи, профессоръ университета *Ценковскій*—по ботаникѣ, магистръ *Вышнеградскій* — по механикѣ, доцентъ университета *Пузыревскій*—по геогнозіи (послѣдніе двое уже въ 1859 г.).

Кромѣ-того, многіе ученые просили разрѣшенія читать отдѣльно публичныя лекціи. Такимъ образомъ, по одобреннымъ въ университетѣ программамъ, съ моего разрѣшенія, дано было дозволеніе на чтеніе публичныхъ курсовъ: 1) Французскому подданному *Вишневскому-де-Турнефору* — о нѣкоторыхъ Французскихъ писателяхъ; 2) преподавателю Французской словесности *Бужо* — по исторіи Французской литературы; 3) статскому совѣтнику *Чистякову*—по Русской словесности, и 4) коллежскому совѣтнику *Сѣрову* — о музыкѣ.

Ученыя путешествія.

Профессоръ минералогіи *Гофманъ*, по распоряженію министерства финансовъ, командированъ былъ въ Германію, Францію и Англію, для совѣщаній относительно ближайшаго опредѣленія горныхъ породъ, собранныхъ въ дачахъ Уральскихъ заводовъ, и для присутствія въ Штутгардѣ въ собраніи естествоиспытателей. Адъюнктъ по каѳедрѣ Русской словесности *Сухомлиновъ* отправленъ на годъ въ Германію и Францію, для знакомства съ иностранными литераторами и для усовер-

шенствованія въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Студенты факультета восточныхъ языковъ, стипендіаты министерства народнаго просвѣщенія *Лыткинъ* и *Михайловъ*, по распоряженію попечителя и по собственному ихъ желанію, посланы въ Калмыцкія степи, для практическаго упражненія въ Калмыцкомъ языкѣ и для изученія на мѣстѣ быта народа.

Стипендіи Муравьева-Амурскаго.

Торгующее на Кяхтѣ купечество, въ память заключеннаго графомъ *Муравьевымъ-Амурскимъ* 16 мая 1858 г. Айгунскаго трактата, между-прочимъ, постановило образовать на свой счетъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, въ С. Петербургскомъ университетѣ, по факультету восточныхъ языковъ, двухъ лучшихъ учениковъ Иркутской гимназіи, съ наименованіемъ ихъ «пансіонерами графа Николая Муравьева-Амурскаго.

Ремонтъ зданія.

На ремонтъ зданія университета разрѣшено употребить 1,840 руб.

II. Университетъ Московскій.

Съ назначеніемъ меня министромъ народнаго просвѣщенія, Высочайшимъ указомъ 23 апрѣля 1858 г. попечителемъ Московскаго учебнаго округа всемилостивѣйше повелѣно быть Высочайшаго Двора гофмейстеру *Бахметеву*.

Составъ университета.

Московскій университетъ составляютъ четыре факультета: историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій.

Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 135, студентовъ 1,760, а именно: въ историко-филологическомъ факультетѣ 67, физико-математическомъ 258, юридическомъ 442 и медицинскомъ 993. Сверхъ-того слушало лекцій постороннихъ

лицъ 39, аптекарскихъ помощниковъ 79, студентовъ Александровскаго Финляндскаго университета 2. Такимъ образомъ, число учащихся въ университетѣ простиралось въ 1858 году до 1,880.

Перемѣны въ личномъ составѣ

Опредѣлены: священникъ, магистръ *Сергіевскій*— профессоромъ богословія, логики, психологіи и церковнаго законовѣдѣнія и настоятелемъ университетской церкви; докторъ медицины *Минъ*—адъюнктомъ по каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія, для преподаванія ветеринарной полиціи и эпизоотическихъ болѣзней; магистры: *Богдановъ* и *Вызинскій* — исправляющими должность адъюнктовъ, первый по каѳедрѣ зоологіи, а послѣдній по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Исправлявшій должность адъюнкта по каѳедрѣ химіи *Лясковскій* утвержденъ въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора. *Перемѣщены:* учитель Александринскаго сиротскаго кадетскаго корпуса *Ешевскій* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи; исправлявшій должность профессора гражданскихъ законовъ въ Демидовскомъ лицеѣ *Никольскій* — исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ того же предмета. *Уволены* отъ службы при университетѣ: заслуженный профессоръ богословія, логики и психологіи, протоіерей *Терновскій*—за выслугою срока; адъюнктъ *Клименковъ*—по болѣзни. *Умерли:* ординарный профессоръ по каѳедрѣ зоологіи *Рулье* и исправлявшій должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи *Кудрявцевъ*.

Учебныя пособія.

Библіотека университета состояла изъ 74,674 сочиненій, въ 119,570 томахъ, считая и періодическія изданія, рукописи, карты, эстампы и пор-

треты. Сверхъ-того находится 4,982 сочиненія, въ 9,768 томахъ—бывшей академической библіотеки, собраній *Рихтера*, *Страхова* и библіотеки генерала *Ермолова*.

При университетѣ имѣются кабинеты: физическій, зоологическій, минералогическій, гербарій, астрономическая обсерваторія, химическая лабораторія, кабинеты: анатомическій, сравнительной анатоміи, анатомико-патологическій, фармацевтическій, собраніе снарядовъ при каѳедрѣ теоретической хирургіи, сельско-хозяйственный кабинетъ и кабинетъ древностей. Сверхъ-сего устроивается лабораторія и кабинетъ технологическіе.

Клиники.

Факультетская клиника: въ терапевтическомъ отдѣленіи находилось 60 кроватей, больныхъ состояло 145, приходило за совѣтами 4,359; въ хирургическомъ отдѣленіи 60 кроватей, больныхъ было 234, за совѣтами являлось 2,266, большихъ операцій сдѣлано 31, малыхъ — 202; въ акушерскомъ — больныхъ состояло 233, за совѣтами приходило 439.

Госпитальная клиника: въ терапевтическомъ отдѣленіи лечилось 1,233 человѣка, въ хирургическомъ 801; всѣхъ операцій, за исключеніемъ малыхъ, произведено 102.

Возведеніе въ ученыя степени.

Въ ученыя степени и званія возведено: доктора — 1, магистра — 4, кандидата — 43, дѣйствительнаго студента— 36, доктора медицины — 7, лекаря — 118, оператора—3, акушера—6, уѣзднаго врача—122, магистра фармаціи 1, провизора—65, аптекарскаго помощника—51; всего 457.

Пріобрѣтеніе кабинета.

Съ Высочайшаго разрѣшенія университетъ пріобрѣлъ отъ профессора *Овера* анатомико-патологическій кабинетъ, содержащій въ себѣ 526 препара-

товъ, за 12,000 р., съ уплатою сихъ денегъ изъ суммы, собираемой за слушаніе лекцій, и со взносомъ оныхъ въ-теченіе четырехъ лѣтъ, по 3,000 р. ежегодно, въ Московскій опекунскій совѣтъ; изъ процентовъ-же съ означеннаго капитала, согласно желанію Овера, учреждены при университетѣ три стипендіи, съ наименованіемъ двухъ изъ нихъ стипендіями профессора *Овера* и одной — стипендіею ***Мудрова.***

Стипендія Жуковскаго.

По Высочайше утвержденному 16 мая 1858 г. положенію комитета министровъ, въ память заслугъ *Жуковскаго* на поприщѣ Русской литературы, учреждены на капиталы, составившіеся изъ остатковъ отъ приношеній на сооруженіе надгробнаго ему памятника, четыре стипендіи его имени: двѣ — въ историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета и двѣ — въ Тульской гимназіи.

Главнѣйшія распоряженія.

По представленію начальства университета, разрѣшено исправляющему должность экстраординарнаго профессора *Петрову* преподавать Еврейскій, Арабскій и Персидскій языки для желающихъ заниматься оными.

Утверждены, въ видѣ опыта, на два года, правила перехода студентовъ университета изъ однихъ факультетовъ въ другіе.

Студентамъ университета дозволено переводить и печатать сочиненія лучшихъ Англійскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ ученыхъ и издавать «Сборникъ статей» по всѣмъ отраслямъ наукъ, съ тѣмъ, чтобы изданія эти подлежали разсмотрѣнію цензуры на общемъ основаніи, и чтобы статьи Сборника были предварительно разсмотрѣны и одобрены профессоромъ или адъюнктомъ по принад-

лежности предмета. Сборникъ разрѣшено печатать на-счетъ суммъ университета.

Испытанія частныхъ лицъ.

По надлежащемъ испытаніи удостоено званій: учителей гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ — 19 человѣкъ, домашняго учителя — 86, домашней учительницы — 68.

Путешествія съ ученою цѣлію.

Профессоръ юридическихъ курсовъ для юношества Царства Польскаго, при университетѣ учрежденныхъ, *Циммерманъ*, уволенъ за границу на годъ для поправленія здоровья и для посѣщенія университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. — Докторъ медицины *Эйнбродтъ* отправленъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ. — Исправляющій должность адъюнкта *Гивартовскій* командированъ въ Германію и Францію на 4 мѣсяца, съ цѣлію ознакомиться со способами преподаванія химіи, фармаціи и фармакогнозіи, и разсмотрѣнія снарядовъ для лекціонныхъ опытовъ. — Экстраординарный профессоръ *Давидовъ* уволенъ во Францію, Германію и Англію для ознакомленія съ послѣдними изобрѣтеніями въ области прикладной математики.

Строительный расходъ.

На производство работъ по исправленію зданій астрономической обсерваторіи разрѣшено употребить 2,286 р. и на ремонтъ по прочимъ зданіямъ университета 687 р. 50 к.

Типографія.

На пріобрѣтеніе для типографіи университета матрицъ и шрифтовъ ассигновано 5,937 р.

Московскія вѣдомости.

Ежегодно увеличивающееся число частныхъ журналовъ, изъ коихъ нѣкоторые пользуются большимъ успѣхомъ въ публикѣ, и возрастающее вмѣстѣ съ тѣмъ соперничество нѣкоторыхъ изъ нихъ съ «Московскими вѣдомостями», требовало настоятельно, чтобы и это изданіе, приносящее зна-

чительный доходъ университету, подверглось нѣкоторому преобразованію согласно съ требованіями времени и обстоятельствъ. На семъ основаніи, по ходатайству начальства университета, я дозволилъ издавать «Московскія вѣдомости» съ 1859 г. ежедневно.

Осмотръ.

По званію попечителя, я неоднократно обозрѣвалъ университетъ и принадлежащія ему клиники, и замѣчанія мои, клонящіяся къ улучшенію частей, сообщалъ по принадлежности; то-же было исполнено и со-стороны опредѣленнаго вмѣсто меня попечителя.

III. Университетъ св. Владиміра.

Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату 18 іюля 1858 г., попечителю Одесскаго учебнаго округа, тайному совѣтнику *Пирогову* всемилостивѣйше повелѣно быть попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа.

Составъ университета.

Университетъ св. Владиміра составляютъ четыре факультета: историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій. Факультетъ физико-математическій раздѣляется на два разрядя: наукъ естественныхъ и наукъ математическихъ.

Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей было 96, учащихся 964; изъ нихъ, въ историко-филологическомъ факультетѣ—95, въ физико-математическомъ—116, въ юридическомъ—113 и въ медицинскомъ — 640.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

Утверждены въ званіи профессоровъ: экстраординарные: *Мерингъ* — ординарнымъ по частной терапіи и *Мацонъ*—ординарнымъ по патологической

анатоміи; адъюнкты: *Незабитовскій* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ международнаго права, *Шульгинъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи. *Опредѣлены:* адъюнктъ-профессоръ Александровскаго лицея *Талызинъ*—исправляющимъ должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ физики; магистръ уголовнаго права *Колосовскій*—адъюнктомъ по каѳедрѣ уголовныхъ законовъ и законовъ благочинія; магистръ химіи, помощникъ директора терапевтической факультетской клиники *Горецкій*—адъюнктомъ по каѳедрѣ частной терапіи; помощникъ директера акушерской клиники *Лазаревичъ*—доцентомъ по каѳедрѣ акушерства. Кандидатъ математическихъ наукъ *Ромеръ* прикомандированъ къ университету для преподаванія подъ руководствомъ профессора чистой математики. *Уволены:* ординарный профессоръ физики *Кнорръ*—отъ службы при университетѣ, по прошенію, съ званіемъ заслуженнаго профессора; исправлявшій должность адъюнкта по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія *Пилянкевичъ* и состоявшій при каѳедрѣ законовъ о государственныхъ повинностяхъ, кандидатъ *Шварцъ*, — по болѣзни, согласно ихъ прошеніямъ.

Учебныя пособія. Въ библіотекѣ университета имѣется 98,393 тома книгъ и 254 названія періодическихъ изданій. При университетѣ находятся кабинеты: зоологическій, минералогическій, физическій, химическій съ лабораторіею, технологическій съ лабораторіею, сравнительной анатоміи, патологическій и архитектурный, минцкабинетъ; обсерваторіи: астрономическая и метеорологическая, музей древностей и изящныхъ искусствъ, кабинетъ

и театръ физіологической анатоміи, собраніе художественныхъ произведеній, собраніе агрономическихъ орудій и машинъ, фармокологическое собраніе, аптека, гербарій и ботаническій садъ, въ которомъ было 5,008 видовъ растеній, въ 35,956 экземплярахъ. Кромѣ-того университетъ имѣетъ типографію, литографію и манежъ.

Клиники.

Въ *терапевтической* факультетской клиникѣ положено имѣть 20 кроватей; въ-теченіе года больныхъ въ ней было 157, въ амбуляторной клиникѣ являлось 500 человѣкъ. Въ терапевтическомъ отдѣленія Кіевскаго военнаго госпиталя пользовалось 573 больныхъ. Въ *хирургической* факультетской клиникѣ полагается 20 кроватей; больныхъ было 167, за совѣтами приходило 537 человѣкъ. Въ хирургическомъ отдѣленіи военнаго госпиталя, къ которому присоединено сифилитическое отдѣленіе, пользовалось 1,156 человѣкъ, за совѣтами являлось 93; операцій произведено: въ факультетской клиникѣ 163, въ госпитальной 124. Въ *акушерской* факультетской клиникѣ, устроенной на 8 кроватей, пользовалось 40 женщинъ, операцій сдѣлано 8, за совѣтами приходило 73 больныхъ.

Институты.

При университетѣ св. Владиміра состояли институты: педагогическій, юридическій и медицинскій. Въ первомъ находилось 24, во второмъ 11, въ третьемъ 81 казеннокоштныхъ воспитанниковъ; всѣ они съ 1 августа 1858 г. живутъ на вольныхъ квартирахъ и получаютъ стипендіи. Въ заведеніи для недостаточныхъ студентовъ живутъ 25 человѣкъ.

Возведеніе въ ученыя степени и званія.

Въ 1858 г. удостоено 196 лицъ разныхъ ученыхъ степеней и званій, именно: кандидата — 17, дѣйствительнаго студента — 27, доктора медицины — 3, лекаря — 65, уѣзднаго врача — 32, провизо-

ра—9, аптекарскаго помощника — 31, повивальной бабки — 10 и зубнаго врача — 2.

Главнѣйшія распоряженія

1) Дабы предоставить воспитывающимся въ гимназіяхъ пансіонерамъ приказовъ общественнаго призрѣнія бо̀льшую возможность поступать въ университетъ на казенное содержаніе, постановлено имѣть въ медицинскомъ институтѣ 16 вакансій.

2) Казеннокоштнымъ воспитанникамъ университета, по окончаніи ими курса, немедленно прекращается содержаніе. Но какъ они, по несостоятельности, не имѣютъ средствъ къ жизни до опредѣленія ихъ на службу, посему опредѣлено: каждому окончившему курсъ штатному казеннокоштному воспитаннику педагогическаго и медицинскаго институтовъ, удостоенному ученой степени или званія, выдавать по день опредѣленія на службу, за каждый мѣсяцъ впередъ, сумму, причитающуюся по штатному назначенію на содержаніе въ институтѣ въ-теченіе мѣсяца одного воспитанника.

3) По сношенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ послѣдовало распоряженіе объ отпускѣ изъ приказовъ общественнаго призрѣнія, сверхъ суммы, положенной на содержаніе воспитанника приказа, еще по 8 р. 33¼ к. въ годъ на каждаго пансіонера, для пріобрѣтенія книгъ и учебныхъ пособій, которыя должны быть выдаваемы пансіонерамъ для пользованія въ-теченіе университетскаго курса, а по окончаніи онаго должны быть возвращаемы для передачи тѣмъ студентамъ, которые поступятъ на мѣсто выбывшихъ.

4) По возникшему недоумѣнію: можно-ли дозволять стороннимъ слушателямъ университета посѣщать лекціи безъ ограниченія предметовъ, или

слѣдуетъ для таковыхъ слушателей ограничить посѣщеніе лекцій только по нѣкоторымъ предметамъ,—предложено попечителю Кіевскаго учебнаго округа, что, согласно съ основною мыслію положенія о производствѣ въ ученыя степени, лекціи университетскія открыты для каждаго, а самое посѣщеніе лекцій по одной какой-либо наукѣ или по цѣлому факультету предоставлено личному усмотрѣнію самихъ слушателей, съ разрѣшенія ректора.

5) По другому вопросу: должно-ли молодымъ людямъ, слушавшимъ лекціи до выдержанія пріемнаго въ университетѣ испытанія и до зачисленія въ студенты, пробыть въ университетѣ, со дня зачисленія ихъ въ студенты, четыре года для полученія ученыхъ степеней, съ присвоенными имъ правами, или можно зачислять тѣ семетры, въ которые они слушали лекціи до пріема въ университетъ, въ число обязательныхъ лѣтъ пребыванія въ университетѣ?—найдено возможнымъ зачитать время бытности въ университетѣ въ качествѣ стороннихъ слушателей въ число лѣтъ обязательнаго пребыванія въ университелѣ, для полученія правъ, сопряженныхъ съ окончаніемъ курса, если таковые слушатели, кромѣ пріемнаго экзамена, удовлетворятъ и всѣмъ прочимъ условіямъ, требуемымъ отъ студентовъ тѣхъ семестровъ, въ кои сторонніе слушатели по своимъ познаніямъ будутъ зачислены.

Частные курсы для публики.

Въ-теченіе учебнаго года въ университетѣ читали для публики курсы: 1) профессоръ *Вальтеръ*—частной опытной физіологіи человѣка; 2) профессоръ *Селинъ*—о драматической поэзіи и представленіяхъ трагедіи Испанской и Англійской; 3) про-

фессоръ *Фонбергъ* — технической химіи и технологіи; 4) профессоръ *Рахманиновъ* — прикладной механики, и 5) профессоръ *Матвѣевъ* — акушерства, для женщинъ, готовящихся къ званію повивальной бабки.

Частныя испытанія.

Испытаніямъ въ университетѣ подвергались: на званіе учителя Французскаго языка — 3, учителя уѣзднаго училища — 5.

Центральный архивъ.

Въ учрежденномъ при университетѣ центральномъ архивѣ для актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской находилось: древнихъ книгъ — 5,815, отдѣльныхъ документовъ — 453,381 и актовыхъ книгъ текущаго столѣтія — 399. Въ 1858 г. засвидѣтельствовано документовъ и выда́но выписей 569, составлено описей актамъ 3,010.

Путешествія съ ученою цѣлію.

Профессоръ *Рахманиновъ* посланъ въ Германію, Францію и Англію срокомъ на полтора года, для ознакомленія съ современнымъ преподаваніемъ теоретической и преимущественно практической механики и изученія современнаго построенія машинъ. Профессоръ *Незабитовскій* отправленъ въ Германію, Францію, Бельгію, Голландію и Англію, срокомъ на полтора года, для ознакомленія съ методами преподаванія извѣстныхъ въ Европѣ профессоровъ по части наукъ государственныхъ. Профессоръ *Мерингъ* командированъ на четыре мѣсяца въ Германію и Францію, а профессоръ общей терапіи и фармакологіи *Беккеръ* — въ Германію, Францію и Англію, для ученыхъ цѣлей. Отправленному за границу, для изученія сравнительной археологіи, срокомъ на полтора года, профессору *Павлову* командировка была продолжена еще на 6 мѣсяцевъ. Профессоръ *Митюковъ*, команди-

рованный въ январѣ 1857 г. за границу срокомъ на полтора года, возвратился изъ путешествія. Профессоръ *Рахманиновъ* осматривалъ замѣчательные сахароваренные и рафинадные заводы въ Кіевской губерніи, принадлежащіе графамъ Браницкому и Бобринскому, Ягненко и Симиренко. Профессоръ *Ставровскій* совершилъ поѣздку въ Полтавскую губернію для знакомства съ архивами тамошнихъ помѣщиковъ, и нашелъ въ нихъ много важныхъ манускриптовъ, изслѣдованіемъ и описаніемъ которыхъ онъ занимается. Хранитель минцкабинета *Волошинскій* посланъ былъ въ разныя мѣста Кіевской, Подольской и Волынской губерній для продолженія начатыхъ имъ археологическихъ изслѣдованій и избранія мѣстностей для предстоящихъ розысканій. Профессоръ *Кесслеръ* совершилъ путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря и по Таврическому полуострову, съ цѣлью зоологическихъ розысканій и изслѣдыванія вообще рыбъ при устьяхъ Днѣпра, Буга и Днѣстра и въ сѣверныхъ заливахъ Чернаго моря въ частности. Профессоръ *Роговичъ* совершилъ экскурсію въ Полтавскую, Кіевскую, Подольскую и Волынскую губерніи для изслѣдованія мѣстной флоры и собранія растеній. Профессоръ *Ѳеофилактовъ* путешествовалъ по Кіевской губерніи, съ цѣлію окончательной повѣрки приготовленной имъ къ изданію геогностической карты Кіевской губерніи. На изданіе сей карты разрѣшено употребить до 1,760 р. изъ суммъ университета. Профессоръ *Гогоцкій* командированъ былъ въ Москву и С. Петербургъ для изученія педагогіи, для ознакомленія съ устройствомъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній и со способомъ препо-

даванія въ нихъ, а также для личнаго совѣщанія съ учеными, занимающимися теоріею и практикою педагогическою.

Зданіе университета.

Въ-теченіе 1858 г. произведено въ университетскомъ зданіи ремонтныхъ работъ на 4,900 р. 70 к.; въ то число изъ суммъ министерства ассигновано 2 т. р., а остальные употреблены изъ сбора за ученіе.

IV. Университетъ Харьковскій.

Высочайшимъ указомъ 6 февраля 1858 г. исправлявшему должность попечителя Харьковскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику *Зиновьеву* всемилостивѣйше повелѣно быть попечителемъ округа.

Составъ университета.

Харьковскій университетъ составляютъ четыре факультета: историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій. Факультетъ физико-математическій раздѣленъ на разряды математическихъ наукъ и наукъ естественныхъ.

Чиновниковъ и преподавателей въ университетѣ 70, студентовъ 422; изъ нихъ по факультетамъ: историко-филологическому — 20, физико-математическому — 66, юридическому — 122 и медицинскому — 214.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

Опредѣлены: баккалавръ Кіевской духовной академіи *Добротворскій* — ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ богословія и церковной исторіи; бывшій ординарный профессоръ Казанскаго университета *Пахманъ* — тѣмъ-же званіемъ на каѳедру государственнаго благоустройства и благочинія; перемѣщенный изъ Ришельевскаго лицея профес-

соръ *Сокальскій* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ политической экономіи и статистики. Докторъ правъ Гейдельбергскаго университета *Кенигъ* допущенъ къ преподаванію по каѳедрѣ Римскаго права. — *Перемѣщены:* ординарный профессоръ по каѳедрѣ педагогіи Николай *Лавровскій*—тѣмъ-же званіемъ на каѳедру Русской словесности; инспекторъ Курской гимназіи, магистръ *Тихоновичъ*—адъюнктомъ по каѳедрѣ Греческой и Римской словесности. — *Утверждены* въ званіи ординарныхъ профессоровъ: исправлявшій должность экстраординарнаго профессора *Клобуцкій* — по каѳедрѣ законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ; экстраординарные профессоры: *Свиридовъ*—по каѳедрѣ судебной медицины и Петръ *Лавровскій*—по каѳедрѣ Славянскихъ нарѣчій; адъюнктъ *Бейеръ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ чистой математики.—*Уволены:* ординарные профессоры: богословія—протоіерей *Лебедевъ*, фармакологіи и фармаціи — *Гордѣенковъ* и Римскаго права — *Мицкевичъ*, по прошеніямъ, за выслугою срока; ординарный профессоръ Русской словесности *Метлинскій* — по болѣзни, лекторъ Нѣмецкаго языка *Метелеркампъ*—за выслугою срока. Адъюнктъ *Юргевичъ* перемѣщенъ профессоромъ въ Ришельевскій лицей на каѳедру Римской словесности.—*Умерли:* ординарные профессоры: хирургіи—*Нарановичъ*, Греческой словесности — *Валицкій* и адъюнктъ при физико-математическомъ факультетѣ — *Щеглеевъ*.

Возведеніе въ ученыя степени и званія.

Въ ученыя степени и званія возведены: доктора—1, магистра—2, кандидата—25, дѣйствительнаго студента— 21, доктора медицины—2, ле-

каря—25; удостоено званій: инспектора врачебной управы—1, акушера—2, оператора—1, уѣзднаго врача—9, провизора—3, аптекарскаго помощника—18, повивальной бабки—2; всего 112.

Учебныя пособія.

Въ университетской библіотекѣ находилось 30,050 названій, въ 60,894 томахъ, книгъ, рукописей, картъ и эстамповъ. При университетѣ находятся кабинеты: астрономическій, физическій, минералогическій, ботаническій, зоологическій, технологическій, агрономическій, архитектурный, анатомическій; лабораторіи химическая и фармацевтическая, ботаническій садъ, минцкабинетъ, музей изящныхъ искусствъ, собранія пособій рисовальныхъ, музыкальныхъ и фехтовальныхъ и манежъ. Отъ дочери полковника корпуса горныхъ инженеровъ *Лисенко* пріобрѣтена за 1,148 р. 40 к. коллекція минераловъ и металловъ.

Клиники.

Въ терапевтическомъ отдѣленіи находилось больныхъ 122, за совѣтами приходило 824; въ хирургическомъ—больныхъ было 97, за совѣтами являлось 844, операцій сдѣлано 15; въ акушерскомъ — больныхъ было 33, приходившихъ за совѣтами 45.

Испытанія частныхъ лицъ.

По испытаніямъ удостоено званія домашнихъ учителей и учительницъ 8 человѣкъ.

Частные курсы

Съ октября 1857 до апрѣля 1858 г. преподавали публично: ординарный профессоръ *Соколовъ*—прикладную механику, ординарный профессоръ *Коссовъ*—технологію и адъюнктъ *Бекетовъ*—техническую химію. Число слушателей было: по первому предмету—28, по второму—143, по третьему—до 300.

Ученыя путешествія.

Заслуженный профессоръ ботаники *Черняевъ* ѣздилъ по Харьковской губерніи въ мѣста, менѣе посѣщаемыя ботаниками, чтобы убѣдиться въ пол-

нотѣ собранныхъ уже имъ запасовъ для Украинской флоры. Профессоръ минералогіи *Борисякъ*, для опредѣленія геогностическихъ пунктовъ Харьковской губерніи, важныхъ по нахожденію въ нихъ матеріаловъ, употребляемыхъ на желѣзныхъ дорогахъ, совершилъ поѣздку съ Французскимъ горнымъ инженеромъ Гильменомъ, состоящимъ при этихъ дорогахъ по горной части. Командированы: профессоръ механики *Соколовъ* — въ Москву и С. Петербургъ, для совѣщанія съ учеными по составленію курса динамики и для осмотра механическихъ заведеній; профессоръ физики *Лапшинъ* — въ С. Петербургъ, для присутствованія при изслѣдованіяхъ, производившихся въ Михайловской артиллерійской академіи надъ дѣйствіемъ гальванической батареи въ 800 Бунзеновыхъ паръ. Отправлены за границу: профессоръ *Иллинскій*—въ Германію и Францію, на годъ, для практическаго ознакомленія съ современнымъ состояніемъ анатомическихъ заведеній; профессоръ *Демонси*—во Францію и Германію, на полгода, для ознакомленія съ новѣйшимъ способомъ леченія въ лучшихъ госпиталяхъ, терапевтическихъ клиникахъ и гимнастическихъ заведеніяхъ; профессоръ *Каченовскій*—въ Германію, Францію и Англію, на полтора года, для усовершенствованія въ предметахъ общенароднаго правовѣдѣнія и государственнаго права Европейскихъ державъ; адъюнктъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи *Петровъ*—въ Германію, Италію, Францію, Бельгію и Англію, на два года; адъюнктъ *Щеглеевъ*—въ Германію, Швейцарію, Францію и Англію (умеръ въ Парижѣ); адъюнктъ химіи *Бекетовъ*—въ Германію, Францію и Англію, на годъ и три мѣсяца; адъюнктъ по каѳедрѣ сравнительной

анатоміи и физіологіи *Масловскій*—въ Германію, Швейцарію, Голландію, Францію и Англію, на годъ и три мѣсяца. Послѣднія четыре лица отправлены для усовершенствованія въ избранныхъ ими наукахъ, слушанія лекцій лучшихъ профессоровъ, посѣщенія библіотекъ и пр. Докторъ *Щелковъ*—въ Германію и Францію, на три года, для усовершенствованія въ патологической физіологіи и патологическій анатоміи. Адъюнкту при каѳедрѣ судебной медицины *Питрѣ* продолженъ срокъ пребыванія за границею на 4 мѣсяца.

Зданія. На ремонтъ университетскихъ зданій употреблено 1,362 р. 55 к. Кромѣ-того разрѣшено употребить: 550 р.—на устройство каменнаго погреба для труповъ при загородномъ анатомическомъ театрѣ, 2,326 р. 86¼ к.—на передѣлку 274 оконныхъ переплетовъ въ зданіяхъ университета и 452 р. 18½ к.—на пристройку каменнаго сарая къ манежу.

Приношеніе. Изъ пожертвованныхъ вдовою титулярнаго совѣтницею *Манько*, на устройство при университетѣ галвано-магнитнаго леченія, поступило 20,901 р. 61 к., которые отправлены, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, въ Харьковскій приказъ общественнаго призрѣнія, для приращенія процентами.

О гимнастической школѣ. По представленію попечителя, предмѣстникъ мой изъявилъ согласіе на учрежденіе при университетѣ практической гимнастической школы для упражненія студентовъ университета и учениковъ Харьковскихъ гимназій, въ видѣ опыта, на два года.

Типографія. На пріобрѣтеніе для типографіи университета новыхъ шрифтовъ, матрицъ и нѣкоторыхъ дру-

тихъ вещей, разрѣшено употребить 2,000 р. изъ суммы сбора за слушаніе лекцій.

Ветеринарное училище.

Въ Харьковскомъ ветеринарномъ училищѣ чиновниковъ и преподавателей было 17, кромѣ преподавателей вспомогательныхъ предметовъ; учащихся находилось 68. При училищѣ имѣются: библіотека въ 1291 томъ, зоотомическій, физическій и хирургическій кабинеты, кузница и аптека. Въ клиникѣ пользуемо было 978 животныхъ.

V. Университетъ Казанскій.

Его Императорское Высочество, Генералъ-Адмиралъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій удостоили принять званіе почетныхъ членовъ Императорскаго Казанскаго университета.

Составъ университета.

Казанскій университетъ состоитъ изъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Физико-математическій факультетъ раздѣляется на разряды: наукъ математическихъ и наукъ естественныхъ, и факультетъ юридическій — на разряды собственно-юридическихъ наукъ и камеральный.

Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 78, учащихся 348; изъ сего числа: въ факультетѣ историко-филологическомъ—19, физико-математическомъ — 36, юридическомъ — 120 и медицинскомъ — 173.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

Опредѣлены: докторъ медицины *Овсянниковъ* — ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ физіологіи и общей патологіи; старшій учитель 2-й Казанской гимназіи, докторъ философіи и древней фило-

логіи *Шарбе*—экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ Греческой словесности и древностей; магистръ фармаціи *Лангель*—адъюнктомъ при каѳедрѣ врачебнаго веществословія; учитель 1-й Казанской гимназіи *Дютрессель* — лекторомъ Французскаго языка. *Утверждены* въ званіи ординарныхъ профессоровъ: исправлявшій должность ординарнаго профессора *Микшевичъ* — по каѳедрѣ политической экономіи; экстраординарный профессоръ *Козловъ*—по каѳедрѣ акушерства и ученія о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ; экстраординарный профессоръ *Бутлеровъ*—по каѳедрѣ химіи; экстраординарный профессоръ *Буличъ* — по каѳедрѣ Русской словесности. *Перемѣщены*: ординарный профессоръ по каѳедрѣ гражданскихъ законовъ *Пахманъ* — въ Харьковскій университетъ; ординарный профессоръ Римскаго права *Мейковъ*—въ Дерптскій университетъ. Прикомандированы: учитель 1-й Казанской гимназіи кандидатъ *Степановъ* — для преподаванія законовъ государственнаго благоустройства и благочинія; учитель Пензинской гимназіи кандидатъ *Нелидовъ* — для преподаванія Русскихъ государственныхъ законовъ и энциклопедіи законовѣдѣнія; учитель 2-й Казанской гимназіи кандидатъ *Кремлевъ* — для преподаванія уголовныхъ законовъ и занятія со студентами юридическою практикою. Уволены по прошеніямъ: адъюнктъ по каѳедрѣ естественныхъ наукъ *Вагнеръ*, лекторъ Французскаго языка *Де-Пляньи*, ординарный профессоръ ботаники *Корнухъ-Троцкій*, заслуженный профессоръ физіологіи *Берви* и исправлявшій должность ординарнаго профессора уголовныхъ законовъ *Фогель*, за выслугою срока.

Учебныя пособія. Главная библіотека состоитъ изъ 57,520 го-

мовъ. При университетѣ находятся: кабинеты: нумизматическій, этнографическій, физическій, минералогическій, зоологическій, сравнительной анатоміи, хирургическій, фармакологическій, технологическій, архитектурный, рисованія и живописи, обсерваторіи астрономическая и магнитная, химическая и фармацевтическая лабораторіи, ботаническій садъ, анатомическій театръ и аптека.

Клиники.

Въ *терапевтической* клиникѣ, устроенной на 26 кроватей, больныхъ было 145, за совѣтами являлось 79; въ *хирургической*, гдѣ также имѣется 26 кроватей, находилось 111 больныхъ, за совѣтами приходило 84; операцій произведено 124; въ *повивальномъ* институтѣ пользовалось 80 женщинъ и дѣтей.

Возведеніе въ ученыя степени и званія.

Въ 1858 г. удостоено ученыхъ степеней и званій: кандидата — 18, дѣйствительнаго студента —8, доктора медицины—3, лекаря—22, уѣзднаго врача — 22, инспектора врачебной управы — 1, оператора—1, провизора—1, аптекарскаго помощника—2, акушера—3, повивальной бабки—5, зубнаго врача—1; всего 69.

Испытанія частныхъ лицъ.

Въ университетѣ подвергались испытаніямъ на званія: учителя гимназіи—7, учителя уѣзднаго училища—18, домашняго учителя—2, домашней учительницы—9.

Частные курсы для публики.

Въ 1858 году продолжалось чтеніе публичныхъ лекцій: прикладной механики— профессоромъ *Котельниковымъ* и технологіи — адъюнктомъ *Чугуновымъ*.

Путешествія съ ученою цѣлію.

Адъюнктъ по каѳедрѣ оперативной хирургіи *Сутковскій* отправленъ на годъ въ Германію и Францію, для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ практической медицины вообще и хи-

ругіи въ-особенности. Адъюнктъ по каѳедрѣ судебной медицины *Зедерштедтъ* командированъ на годъ, также въ Германію и Францію, для занятій патологическою и микроскопическою анатоміею, физіологическою и патологическою химіею. Адъюнктъ по каѳедрѣ технологіи *Чугуновъ*, для болѣе близкаго знакомства съ ходомъ различныхъ отраслей мануфактурной промышлености, посланъ былъ на четыре мѣсяца въ разныя внутреннія губерніи. Ординарный профессоръ *Вагнеръ*, успѣшно трудящійся надъ геогностическимъ атласомъ губерній, составляющихъ Казанскій учебный округъ, командированъ былъ на четыре съ половиною мѣсяца въ Оренбургскую губернію, для изслѣдованія оной въ геогностическомъ отношеніи. За недостаткомъ въ Казанскомъ университетѣ собственныхъ средствъ, расходъ по изданію составленныхъ уже профессоромъ *Вагнеромъ* геогностическихъ картъ губерній Казанской, Симбирской и Самарской (до 2,520 р.) отнесенъ на счетъ процентовъ съ общаго экономическаго капитала.

Зданія. На производство построекъ и ремонтъ зданій разрѣшено употребить 11,502 руб. изъ разныхъ принадлежащихъ университету суммъ.

VI. Университетъ Дерптскій.

Составъ. На основаніи устава 1820 г., Дерптскій университетъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго. Факультетъ философскій раздѣляется на два разряда: историко-филологическій и физико-математическій.

Въ университетѣ состояло чиновниковъ и препо-

давателей 84, учащихся 542; изъ нихъ: въ богословскомъ факультетѣ — 91, юридическомъ — 65, медицинскомъ — 270, историко-филологическомъ — 43 и физико-математическомъ — 73.

Учебныя пособія.

Въ университетской библіотекѣ находилось 57,784 названія, въ 102,313 нумерахъ. Приращеніе библіотеки составляютъ 7,678 сочиненій, въ 11,078 томахъ; въ это число вошла богатая, пожертвованная бывшимъ профессоромъ *Моргенштерномъ* библіотека, состоящая изъ 9,602 томовъ Университетъ имѣетъ кабинеты: физическій, минералогическій, зоологическій, математическій, химическій, анатомическій, сравнительной анатоміи, патологическій, музей искусствъ (собраніе монетъ и медалей, картинъ, гравюръ, древностей, моделей); центральный музей отечественныхъ древностей; обсерваторію съ особою библіотекою; собранія предметовъ: по части сельскаго хозяйства, технологіи, архитектуры, фармацевтическое, фармакологическое, и ботаническій садъ. На обогащеніе музея искусствъ гипсовыми снимками съ древнихъ статуй и другихъ произведеній пластики разрѣшено употребить 1000 р. изъ экономической суммы университета.

Клиники.

Въ *терапевтической* клиникѣ пользовалось 152 человѣка, приходило за совѣтами 975; въ *хирургической* больныхъ было 923, операцій произведено 116; въ клиникѣ *акушерской* содержалось 72 женщины; искусственная помощь оказана 14 разъ.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

Съ увольненіемъ отъ службы, по прошенію, ректора университета, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Гафнера*, обязанности ректора, съ Высочайшаго соизволенія, возложены на ординарнаго профессора, дѣйствительнаго статскаго со-

вѣтника *Биддера*. *Утверждены:* въ званіи ординарныхъ профессоровъ — экстраординарный профессоръ Казанскаго университета *Мейковъ* — по каѳедрѣ Римскаго и Германскаго гражданскаго правъ, общаго законовѣдѣнія и практическо-ученаго правовѣдѣнія; экстраординарный профессоръ *Бульмеринкъ* — по каѳедрѣ государственнаго и народнаго права; исправляющими должность ординарныхъ — экстраординарные профессоры: *Ратлефъ* — по каѳедрѣ историческихъ наукъ, *Асмусъ* — по каѳедрѣ зоологіи; помощникъ прозектора *Купферъ* — прозекторомъ и экстраординарнымъ профессоромъ; штатный частный преподаватель *Ширренъ* — экстраординарнымъ профессоромъ статистики и географіи. *Опредѣлены*: штатными частными преподавателями: по богословскому факультету — магистръ *Люткенсъ* и по медицинскому — докторъ *Бетхеръ*. Ассистентъ при хирургической клиникѣ и сверхштатный частный преподаватель *Шимановскій* перемѣщенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Гельсингфорскій университетъ. *Уволены* за выслугою сроковъ по прошеніямъ: ординарный профессоръ гражданскаго права *Отто* — съ званіемъ заслуженнаго, ординарный профессоръ экзегетики и восточныхъ языковъ *Кейль*, лекторъ Русскаго языка *Павловскій* и лекторъ Англійскаго языка *Деде*. Умеръ ординарный профессоръ терапіи и клиники *Эрдманъ*.

Возведеніе въ ученыя степени и званія.

Въ ученыя степени и званія возведено 194 лица, именно: доктора 3, магистра — 3, кандидата — 23, дѣйствительнаго студента — 32, доктора медицины — 32, лекаря — 23, уѣзднаго врача — 11, акушера — 1, провизора — 19, аптекарскаго помощника — 31, повивальной бабки — 15.

Путешествія съ ученою цѣлію.

Путешествія съ ученою цѣлію предпринимали: профессоръ *Кемтцъ* — въ Австрійскія владѣнія, Швейцарію и сѣверную Италію, для продолженія начатыхъ имъ въ предшедшемъ году изслѣдованій касательно образованія глетчеровъ или горныхъ ледниковъ; профессоръ *Адельманъ* — въ Германію и Бельгію, преимущественно для сравненія причинъ мѣстныхъ главныхъ болѣзней, встрѣчающихся въ Остзейскихъ провинціяхъ; профессоры *Кемтцъ*, *Шмидтъ* и *Миндингъ*—въ С. Петербургъ, для участія въ опытахъ надъ галваническою цѣпью, произведенныхъ въ Михайловской артиллерійской академіи; профессоръ *Гревингъ*—въ Курляндію и смежныя съ нею губерніи, для окончанія предпринятыхъ имъ геогностическихъ изслѣдованій; помощникъ директора ботаническаго сада магистръ *Шмидтъ* — въ Швецію, для естественно-историческаго сравненія острововъ Готланда и Эзеля. Кромѣ-того, профессоръ ботаники *Бунге* и лаборантъ химіи магистръ *Гебель* состояли въ ученой экспедиціи, отправленной, съ Высочайшаго соизволенія, Русскимъ географическимъ обществомъ, въ Персію.

О строгости испытаній.

Для предотвращенія вредныхъ для студентовъ послѣдствій отъ непостояннаго посѣщенія ими лекцій, попечитель предложилъ преподавателямъ употребить болѣе дѣятельныя мѣры введеніемъ строгой и вѣрной аттестаціи въ успѣхахъ слушаемыхъ студентами курсовъ и отчетливыхъ, чуждыхъ неумѣстной снисходительности, испытаній.

Частныя испытанія.

На право обученія въ частныхъ домахъ подвергались испытаніямъ 19 человѣкъ, и на званія учителей въ казенныхъ училищахъ 13.

Частные курсы.

Съ начала года до апрѣля мѣсяца и съ октября до зимней вакаціи были публичныя лекціи: профессоръ *Кемтцъ* излагалъ ученіе о магнитизмѣ и электричествѣ, профессоръ *Шмидтъ* — процессъ питанія животныхъ и человѣка. Лекціи профессора *Петцольда* относились къ добыванію и технической обработкѣ металловъ; кромѣ-того, онъ читалъ о земледѣльческихъ орудіяхъ и машинахъ. Число слушателей простиралось до 79.

Нарвская стипендія.

Проживающіе въ Нарвѣ, бывшіе студенты Дерптскаго университета и другія лица, послучаю 50-лѣтняго юбилея онаго, составили капиталъ въ 1,300 руб. на стипендію одному студенту сего университета. Составленный на сей предметъ Нарвскимъ магистратомъ проектъ правилъ утвержденъ мною.

Зданія.

Въ 1858 г. отстроены вчернѣ второй флигель главнаго университетскаго зданія, два флигеля анатомическаго театра, починена южная и восточная стороны желѣзной крыши на главномъ университетскомъ зданіи и увеличено помѣщеніе зоологическаго кабинета, приведены въ порядокъ помѣщенія музея искусствъ и минералогическаго кабинета; помѣщенія, занимаемыя прежде химическимъ и физическимъ кабинетами, обращены въ аудиторіи, и начата внутренняя отдѣлка университетской церкви.

Ветеринарное училище.

Въ Дерптскомъ ветеринарномъ училищѣ чиновниковъ и преподавателей 12, учащихся 26; кромѣ-того 10 студентовъ университета слушали лекціи о болѣзняхъ домашнихъ животныхъ. Изъ окончившихъ курсъ два воспитанника получили званіе ветеринарныхъ лекарей.

Училище имѣетъ: библіотеку въ 4,062 тома;

кабинеты: физическій, минералогическій, зоологическій, химическій и патологическій; гербарій, собранія: зоохирургическихъ инструментовъ, фармакогностическое, зубныхъ препаратовъ и подковъ; кузницу, аптеку и клинику.

Въ клиникѣ пользуемо было 1,209 животныхъ.

Путешествіе съ ученою цѣлію.

Профессоръ *Іессенъ* совершилъ путешествіе въ Германію, Голландію, Бельгію, Данію и Швецію для обозрѣнія ветеринарныхъ учрежденій. Онъ участвовалъ и въ собраніи естествоиспытателей въ Карлсруэ, гдѣ въ одномъ изъ засѣданій собранія произнесъ рѣчь о произведенныхъ съ 1853 г. въ Россіи опытахъ прививанія чумы рогатому скоту.

Медаль.

По всеподданнѣйшему докладу моему, въ 7 день іюня Высочайше утвержденъ рисунокъ медали для награжденія воспитанниковъ Дерптскаго ветеринарнаго училища за удовлетворительное рѣшеніе предлагаемыхъ на основаніи устава задачъ.

VII. Главный педагогическій институтъ.

Составъ.

Главный педагогическій институтъ состоялъ изъ двухъ факультетовъ: историко-филологическаго и физико-математическаго. Оба факультета раздѣлялись на четыре постепенные курса: курсы 1-й и 2-й, которыми начиналось педагогическое образованіе, были предназначаемы для общаго факультетскаго ученія; въ курсахъ 3-мъ и 4-мъ, которыми оканчивалось педагогическое образованіе, спеціально приготовлялись преподаватели по особеннымъ отраслямъ наукъ.

Въ институтѣ находилось чиновниковъ и преподавателей 44, учащихся было 98.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

Уволены: экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ педагогики *Вышнеградскій* — по прошенію, отъ службы при институтѣ, и экстраординарный профессоръ Польскаго языка *Дубровскій* — за упраздненіемъ каѳедры сего языка. Экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ Русской словесности *Лебедевъ* повышенъ въ званіе ординарнаго профессора по той-же каѳедрѣ.

Число вступившихъ и выбывшихъ студентовъ.

Въ истекшемъ году поступило въ институтъ студентовъ 28, выбыло 27. Изъ окончившихъ курсъ всѣ удостоены званія старшихъ учителей гимназій; но, по неимѣнію вакантныхъ мѣстъ, опредѣлены: въ старшіе учители — 13, въ младшіе — 2, въ военно-учебное и морское вѣдомства — 2, въ домашніе наставники — 1.

Учебныя пособія.

Библіотека института, раздѣленная на главную и учебную, состояла изъ 27,205 томовъ. При институтѣ имѣлись кабинеты: физическій, минералогическій, зоологическій, ботаническій, химическая лабораторія и нумизматическая коллекція.

Закрытіе каѳедры Польскаго языка.

Съ прекращеніемъ приготовленія въ институтѣ учителей для училищъ Царства Польскаго, закрыта въ семъ институтѣ каѳедра Польскаго языка.

О разрѣшеніи опредѣлять студентовъ въ морское вѣдомство.

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было соизволить, чтобы студенты главнаго педагогическаго института, при неимѣніи для нихъ учительскихъ вакансій въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, опредѣлялись, по сношенію съ симъ министерствомъ, или переводились, при неимѣніи со стороны онаго препятствій, на службу въ учебныя заведенія морскаго вѣдомства, съ сохраненіемъ обязанности осьмилѣтней выслуги, опредѣленной уставомъ института.

Ремонтъ зданія.

Ремонтныхъ работъ произведено на 2,031 руб. 50 коп.

Преобразованіе института.

Главное правленіе училищъ, по разсмотрѣніи дѣла о преобразованіи главнаго педагогическаго института, находило въ организаціи сего учрежденія недостатки: 1) въ условіяхъ пріема студендовъ, при которыхъ нерѣдко случалось, что въ институтъ поступали молодые люди, не оказывавшіе впослѣдствіи ни наклонности, ни достаточныхъ способностей къ званію, для котораго готовились, и 2) въ самомъ курсѣ, лишенномъ практическаго, въ необходимыхъ размѣрахъ, примѣненія преподаваемыхъ студентамъ теорій. Обсудивъ существенные вопросы по сему предмету, главное правленіе училищъ признало сообразнымъ съ цѣлію: упразднивъ главный педагогическій институтъ, учредить взамѣнъ онаго особые *педагогическіе курсы*, въ которые принимать молодыхъ людей, окончившихъ уже курсъ въ университетѣ, слѣдовательно, избирающихъ предлежащее имъ поприще сознательно. А какъ педагогическіе институты, существующіе при университетахъ, имѣютъ общіе съ главнымъ педагогическимъ институтомъ: то посему главное правило училищъ признало полезнымъ учредить упомянутые педагогическіе курсы во всѣхъ городахъ, гдѣ есть университеты. Такая мѣра къ улучшенію педагогическаго образованія, съ одной стороны, будетъ имѣть по-возможности повсемѣстное благотворное вліяніе, а съ другой — устранитъ невыгоды централизаціи приготовленія преподавателей для всѣхъ краевъ имперіи. Педагогическіе курсы соединятъ факультетское образованіе съ спеціальнымъ и практическимъ. Они должны про-

должаться два года и быть *открытыми* учрежденіями. Для бóльшаго развитія и распространенія педагогическаго образованія, предположено допускать въ оные, кромѣ стипендіатовъ, и вольныхъ слушателей, на одинаковыхъ основаніяхъ въ-отношеніи условій пріема, но съ тѣмъ, что стипендіаты, по окончаніи своего образованія, обязываются прослужить по учебной части вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ, а вольные слушатели не подчиняются этой обязанности. Какъ стипендіатамъ, такъ и вольнымъ слушателямъ время пребыванія въ педагогическихъ курсахъ будетъ зачитаться въ дѣйствительную службу,—но послѣднимъ въ такомъ только случаѣ, если они, по выходѣ изъ педагогическихъ курсовъ, поступятъ въ учебную службу. Положеніе главнаго правленія училищъ въ 15 день ноября удостоено Высочайшаго утвержденія.

ЛИЦЕИ.

I. Ришельевскій лицей.

Составъ. Ришельевскій лицей состоитъ изъ отдѣленій: физико-математическаго, юридическаго и камеральнаго. Въ немъ состояло чиновниковъ и преподавателей 32, учащихся было 110; изъ нихъ въ отдѣленіяхъ: физико-математическомъ — 35, юридическомъ — 34 и камеральномъ — 41.

Въ 1858 году выпущено изъ лицея по окончаніи курса 25 студентовъ, изъ нихъ 23 съ правомъ на XII-й классъ.

Учебныя пособія. Библіотека лицея состояла изъ 8,141 названія въ

16,444 томахъ, кромѣ 3,051 тома періодическихъ изданій, картъ, эстамповъ и рукописей. Въ даръ лицею всемилостивѣйше пожалованъ экземпляръ сочиненія: «О древностяхъ Босфора Киммерійскаго». Лицей имѣетъ кабинеты: физическій, астрономо-геодезическій, минералогическій, зоологическій, технологическій, земледѣльческихъ орудій, минцкабинетъ и химическую лабораторію.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

Опредѣлены: перемѣщенный изъ Харьковскаго университета профессоръ *Юргевичъ* — профессоромъ Римской словесности; перемѣщенный изъ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса, магистръ *Журавьевъ*—исправляющимъ должность профессора политической экономіи и коммерціи. *Утверждены* профессорами исправлявшіе должности профессоровъ: магистръ *Богдановскій* — по каѳедрѣ гражданскихъ законовъ и магистръ *Максимовъ* — по каѳедрѣ Римскаго и международнаго права. Профессоръ политической экономіи *Сокальскій* уволенъ, для поступленія въ Харьковскій университетъ. Умеръ профессоръ Русской словесности *Зеленецкій*.

Главнѣйшія распоряженія.

1) Общія правила для испытанія лицъ, желающихъ поступить въ высшія учебныя заведенія, оказалось нужнымъ измѣнить въ примѣненіи оныхъ къ поступающимъ въ Ришельевскій лицей. Посему постановлено требовать отъ испытуемыхъ удовлетворительнаго познанія по всѣмъ предметамъ, и тѣ, которые хотя въ одномъ изъ нихъ получатъ неудовлетворительную отмѣтку, не принимаются въ лицей. Окончившіе курсъ ученія въ гимназіяхъ съ одобрительными по успѣхамъ и поведенію аттестатами принимаются въ студенты безъ вступительнаго экзамена; тѣ-же изъ нихъ, которые не

обучались Латинскому языку, допускаются къ пріему въ лицей только по выдержаніи въ семъ предметѣ испытанія.

2) Утверждены новыя инструкціи для помощниковъ инспектора и педелей по надзору за студентами.

3) Дозволено студентамъ переводить иностранныя сочиненія ученаго содержанія по назначенію профессоровъ; а какъ такіе переводы могутъ приносить существенную пользу наукѣ, то, для поощренія студентовъ въ ихъ трудахъ, удовлетворительные переводы предположено печатать на счетъ лицея. Сверхъ-того, для доставленія студентамъ средствъ къ практическому усовершенствованію ихъ познаній, опредѣлено давать вспомоществованія на экскурсіи въ Крымъ, Бессарабію и другія мѣста Новороссійскаго края тѣмъ изъ оканчивающихъ курсъ ученія въ лицеѣ, кои изъявятъ желаніе спеціально заняться наукою.

Ученыя путешествія. Отправлены за границу исправляющіе должности адъюнктовъ: по каѳедрѣ чистой математики *Карастелевъ*—во Францію, на два года, для обогащенія себя познаніями и для пріобрѣтенія въ Парижѣ снарядовъ для физическаго кабинета лицея, и агрономъ *Палимпсестовъ*—въ Германію и Францію, на четыре мѣсяца, для наблюденія по сельскому хозяйству.

Зданія. На разныя подѣлки и ремонтъ зданій лицея употреблено 4,795 р. 80 к.

II. Лицей князя Безбородко.

Цѣль и составъ. Цѣль лицея князя Безбородко, преобразованнаго по уставу 24 апрѣля 1840 г., есть распро-

страненіе свѣдѣній по части отечественнаго законовѣдѣнія и образованіе юношества для гражданской службы.

Въ лицеѣ, съ состоящимъ при немъ пансіономъ, находилось чиновниковъ и преподавателей 19, учащихся 66; выпущено по окончаніи курса 13 студентовъ: 7 съ правомъ на XII-й и 6 съ правомъ на XIV-й классъ.

Учебныя пособія. Библіотека лицея заключала 4,299 названій и 10,960 томовъ книгъ, періодическихъ изданій и эстамповъ. Въ исполненіе распоряженія предмѣстника моего, при личномъ въ 1856 г. осмотрѣ лицея замѣтившаго недостатки библіотеки, въ истекшемъ году разрѣшено употребить на пополненіе оной нужнѣйшими сочиненіями 1,184 р. изъ лицейскаго капитала. При лицеѣ находятся кабинеты: физическій, минералогическій, зоологическій и минцкабинетъ.

Зданія. Въ истекшемъ году произведена часть починокъ въ зданіяхъ на счетъ 5,553 руб., разрѣшенныхъ для этого предмета къ употребленію изъ суммы лицея, такъ-какъ зданія, по давности постройки (1806-1818 г.), требовали капитальныхъ передѣлокъ.

Приношеніе. Супруга почетнаго попечителя лицея, графиня *Кушелева-Безбородко*, внесла тысячу рублей для основанія студенческой библіотеки.

III. Демидовскій лицей.

Составъ. Демидовскій лицей, по уставу 29 ноября 1845 г., имѣетъ назначеніемъ распространеніе свѣдѣній по части камеральныхъ наукъ, въ связи съ отечественнымъ законовѣдѣніемъ.

Въ лицеѣ чиновниковъ и преподавателей 19, учащихся 43. По окончаніи курса выпущено 5 студентовъ съ правомъ на XII-й классъ.

Перемѣны въ личномъ составѣ. Кандидатъ *Чебышевъ-Дмитріевъ* опредѣленъ исправляющимъ должность профессора гражданскихъ, уголовныхъ и полицейскихъ законовъ, вмѣсто исправлявшаго должность профессора сихъ-же предметовъ *Никольскаго*, перемѣщеннаго въ Московскій университетъ. Уволенъ исправлявшій должность профессора естественныхъ наукъ *Головачевъ*.

Учебныя пособія. Въ библіотекѣ находилось 3,613 сочиненій, въ 7,824 томахъ. При лицеѣ имѣются кабинеты: физическій, минералогическій, зоологическій, ботаническій, технологическій, минцкабинетъ и химическая лабораторія.

Зданіе. На разныя исправленія по зданію лицея употреблено 1,995 р.

СРЕДНІЯ И НИЗШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I. С. Петербургскій учебный округъ.

Гимназіи Вологодская, Архангельская и Петрозаводская и училища для дѣвицъ въ Вологдѣ и Архангельскѣ въ іюлѣ 1858 г. осчастливлены Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества посѣщеніемъ.

Составъ округа. С. Петербургскій учебный округъ составляютъ училища восьми губерній: С. Петербургской, Новгородской, Псковской, Вологодской, Архангельской, Олонецкой, Витебской и Могилевской.

Въ округѣ находится 15 гимназій (*), 5 дворянрянскихъ пятиклассныхъ училищъ, 59 уѣздныхъ, 122 приходскихъ и приготовительныхъ при уѣздныхъ училищахъ классовъ, 20 училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій и 246 частныхъ пансіоновъ и школъ, — всего 467 учебныхъ заведеній. Пансіоновъ при гимназіяхъ и училищахъ 12. Чиновниковъ и преподавателей въ казенныхъ училищахъ 907.

Число учащихся.

Въ 1858 году изъ учебныхъ заведеній С. Петербургскаго учебнаго округа выбыло 5,104, въ томъ числѣ 1,988 по окончаніи курсовъ; вступило 5,108. Къ 1859 году находилось учащихся: мужескаго пола — 16,566, женскаго — 6,800, всего 23,366.

Открытіе и закрытіе училищъ.

Въ Порховскомъ уѣздномъ училищѣ, домъ котораго истребленъ пожаромъ, прекращено на-время преподаваніе. Открыты: женскія училища въ Вологдѣ (два), Тотьмѣ и Усть-Сысольскѣ и 10 частныхъ пансіоновъ и школъ. Закрыто 7 частныхъ учебныхъ заведеній.

Преподаваніе.

Въ началѣ текущаго учебнаго округа во всѣхъ гимназіяхъ въ С. Петербургѣ пріостановилось преподаваніе законовѣдѣнія, по неимѣнію желающихъ обучаться оному; вслѣдствіе чего сдѣлано временное распоряженіе объ усиленіи преподаванія Латинскаго языка, начавъ оное не съ 4-го, какъ было, а съ 3-го класса. Въ Ларинской гимназіи, по желанію значительнаго числа учениковъ высшихъ классовъ, открытъ частный курсъ Греческаго языка. Въ Царскосельскомъ уѣздномъ училищѣ введено для желающихъ, за особую плату, преподаваніе

(*) Со включеніемъ училищъ при евангелическихъ церквахъ св. Петра и св. Анны въ С. Петербургѣ.

Французскаго и Нѣмецкаго языковъ; въ Архангельскомъ уѣздномъ училищѣ разрѣшено преподавать съ 3 класса опытную физику; въ Кемскомъ уѣздномъ училищѣ дозволено ввести преподаваніе Норвежскаго языка, изученіе картъ Бѣлаго и Карскаго морей и Сѣвернаго океана и употребленія компаса.

О допущеніи въ 1 С. Петербургскую гимназію приходящихъ учениковъ.

Бывшій попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа ходатайствовалъ о допущеніи въ первую здѣшнюю гимназію, бывшую закрытою, приходящихъ учениковъ, по примѣру другихъ гимназій. Главное правленіе училищъ, принявъ въ соображеніе, что въ Высочайшемъ указѣ 29 марта 1830 года, на основаніи котораго преобразованъ бывшій университетскій благородный пансіонъ въ первую гимназію, не заключалось воспрещенія принимать въ оную приходящихъ учениковъ, и, напротивъ-того, преобразованіе это повелѣно было произвести на основаніи устава 8 декабря 1828 г., по которому гимназіи назначаются для приходящихъ учениковъ, утвердило представленіе попечителя. Впослѣдствіи допущенъ въ эту гимназію пріемъ полупансіонеровъ.

О Новгородскомъ пансіонѣ.

Въ 1857 г. дворянство Новгородской губерніи постановило: къ производящемуся на содержаніе въ благородномъ пансіонѣ при тамошней гимназіи 20 бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей трехкопеечному и съ дворянскихъ доходовъ сбору, добавить двѣ копейки, для содержанія въ означенномъ пансіонѣ еще 20 воспитанниковъ. Мѣра эта, встрѣтившая тогда препятствіе въ исполненіи по мѣстнымъ обстоятельствамъ, возымѣла свое дѣйствіе въ истекшемъ году, и на первый разъ принято только десять новыхъ пансіонеровъ; прі-

емъ-же остальныхъ послѣдуетъ въ текущемъ году, соображаясь съ количествомъ взноса.

О капиталѣ училища для бѣдныхъ Русскихъ мальчиковъ.

На учрежденное по Высочайшему повелѣнію въ 1822 г. въ С. Петербургѣ училище взаимнаго обученія для бѣдныхъ Русскихъ мальчиковъ, отпускается изъ казны по 2,857 руб. въ годъ. Бережливостію смотрителя училища изъ остатковъ сей суммы составился капиталъ, возросшій въ 1858 г. до 21,421 р. Бывшій попечитель округа, не находя надобности и даже возможности употребить эту сумму на пользу училища, и принимая въ соображеніе, что она будетъ оставаться безъ употребленія, не принося пользы, ходатайствовалъ о передачѣ означенной суммы въ собственность С. Петербургскаго университета, для отправленія насчетъ оной молодыхъ людей за границу, съ цѣлію приготовленія ихъ къ профессорскому званію. По положенію главнаго правленія училищъ, въ 9 день іюня 1858 г. Высочайше повелѣно: сумму училища взаимнаго обученія передать въ вѣдѣніе попечителя округа, для употребленія на надобности ввѣреннаго ему управленія.

О воскресныхъ классахъ для ремесленниковъ.

Ремесленное отдѣленіе С. Петербургской городской общей думы составило приговоръ объ открытіи воскресныхъ классовъ для ремесленниковъ. Находя это предположеніе полезнымъ и заслуживающимъ полнаго одобренія по цѣли—распространить общее и техническое образованіе въ ремесленномъ сословіи, — я увѣдомилъ министра внутреннихъ дѣлъ, что для помѣщенія воскресныхъ классовъ могутъ быть предоставляемы дома нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищъ, съ назначеніемъ незначительной суммы въ прибавокъ служителямъ и на отопленіе комнатъ въ воскресные дни зимою.

Осмотры училищъ. Первая и третья гимназіи въ С. Петербургѣ осмотрѣны лично мною въ подробности.

Попечители бывшій и настоящій неоднократно обозрѣвали здѣшнія гимназіи, уѣздныя и нѣкоторыя приходскія училища. Инспектору казенныхъ училищъ поручено было осмотрѣть учебныя заведенія въ Могилевѣ, Оршѣ и Витебскѣ.

Испытанія частныхъ лицъ. Въ-теченіе 1858 г. выдано свидѣтельствъ: на званія домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ—187, на право первоначальнаго обученія—107, на производство въ первый классный чинъ—62, на званіе учителей—20, на званіе аптекарскаго помощника—5 и для поступленія въ медико-хирургическую академію—18.

Зданія. Строившійся для пансіона дѣтей канцелярскихъ служителей при Петрозаводской гимназіи домъ, на-счетъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ, оконченъ. На ремонтъ училищныхъ домовъ по округу употреблено 10,475 р. 89 к.

Приношенія. Въ пользу училищъ С. Петербургскаго учебнаго округа принесено разными лицами въ даръ денегъ и вещей на 5,883 р. 65 к.

II. Московскій учебный округъ.

Ваше Императорское Величество изволили осчастливить Высочайшимъ посѣщеніемъ и Всемилостивѣйшимъ вниманіемъ гимназіи Владимірскую, Костромскую, Смоленскую, Тверскую и Ярославскую, съ состоящими при нихъ пансіонами.

Въ Смоленскѣ, кромѣ-того, Вашему Величеству благоугодно было удостоить посѣщеніемъ два частные пансіона для дѣвицъ и положить первый камень въ основаніе дома для пансіона гимназіи.

Въ Твери Ваше Величество съ Государынею Императрицею Марiею Александровною изволили присутствовать при открытiи женскаго училища, а въ Костромѣ осчастливили посѣщенiемъ такое-же училище.

Составъ округа. Въ составъ Московскаго учебнаго округа входятъ училища девяти губернiй: Московской, Владимiрской, Калужской, Костромской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской.

Въ округѣ находится: 12 гимназiй, съ реальными курсами при двухъ изъ нихъ, 84 уѣздныхъ и 220 приходскихъ училищъ; 19 училищъ для дѣвицъ, 4 воскресные класса рисованiя, 3 дополнительные курса при уѣздныхъ училищахъ и 83 частныя школы, — всего 427 учебныхъ заведенiй. Пансiоновъ при гимназiяхъ и воспитательныхъ заведенiй при уѣздныхъ, приходскихъ и дѣвичьихъ училищахъ 18. Чиновниковъ и преподавателей въ казенныхъ училищахъ 1,287.

Число учащихся. Въ-теченiе учебнаго года изъ учебныхъ заведенiй Московскаго учебнаго округи выбыло учащихся 7,232, въ томъ числѣ по окончанiи курсовъ 2,410; вступило въ училища 7,724 (*). Къ 1859 году находилось всѣхъ учащихся 24,865.

Открытiе и закрытiе училищъ. Въ-теченiе года открыто въ разныхъ мѣстахъ 11 и закрыто 3 частныхъ учебныхъ заведенiй.

Рязанское Барыковское училище для дѣвицъ, по недостатку средствъ къ улучшенiю содержанiя, преобразовано, согласно Высочайше утвержден-

---

(*) Замѣчательно, что сословiе мѣщанъ, ремесленниковъ и цѣховыхъ постоянно занимаетъ первое мѣсто между вступающими въ училища. Изъ вышепоказаннаго общаго числа послѣднихъ въ 1858 г. было 3,282.

ному въ 30 день мая 1858 года Положенію о женскихъ училищахъ, въ училище 1-го разряда, и получило наименованіе «Маріинскаго». Въ Твери одинъ женскій пансіонъ обращенъ въ такое-же училище.

Испытанія частныхъ лицъ.

Выдано по испытаніямъ свидѣтельствъ: на званіе домашнихъ наставниковъ—4, домашнихъ учителей—24 и домашнихъ учительницъ—118; на право производства въ первый классный чинъ—46; на званіе учителей уѣздныхъ училищъ—10; на основаніи правилъ испытанія ветеринаровъ и фармацевтовъ — 8.

Осмотръ училищъ.

Четыре Московскія гимназіи и гимназію въ Тулѣ осматривалъ я лично.

Бывшій попечитель округа обозрѣвалъ неоднократно гимназіи и училища въ Москвѣ, Твери и Владимірѣ.

Инспекторъ казенныхъ училищъ осматривалъ: гимназіи Московскія, Костромскую, Тульскую и Ярославскую и нѣкоторыя уѣздныя и приходскія училища.

Зданія.

Для Волоколамскаго приходскаго училища построенъ на-счетъ дворянства деревянный на каменномъ фундаментѣ домъ, цѣною въ 1,002 руб. 72 к.

Для Бѣльскихъ приходскаго и уѣзднаго училищъ разрѣшено купить домъ за 2,300 р. сер.

По всеподданнѣйшему докладу моему послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе купить для Тульской гимназіи домъ за 12 т. р. на-счетъ общаго экономическаго капитала гражданскихъ учебныхъ заведеній, по неимѣнію собственныхъ средствъ гимназіи.

Исправленій въ училищныхъ домахъ по округу произведено на 11,664 р. 21 к.

Приношенія. Основатель и содержатель Воскресенскаго приходскаго училища купецъ *Чикинъ* подарилъ для учащихся въ томъ училищѣ платья, обуви и книгъ и для надобностей училищнаго дома, всего на 344 р. 75 к. Въ пользу Клинскаго уѣзднаго училища, духовнымъ завѣщаніемъ бывшаго Клинскаго почетнаго смотрителя, статскаго совѣтника *Ярославова*, завѣщана деревня Полушкино съ 28 крестьянами, въ ней поселенными, съ тѣмъ чтобы собираемо было съ имѣнія по 6 р. съ души. Почетный смотритель Серпуховскаго уѣзднаго училища *Любенковъ* произвелъ исправленій въ училищномъ домѣ на 200 р., а почетный смотритель Клинскаго уѣзднаго училища — на 115 р. 4½ к. Для Московской 2 гимназіи Фридрихсгамскій купецъ *Геслинъ* подарилъ книгъ на 100 р., титулярный совѣтникъ *Молчановъ* — книгъ и другихъ учебныхъ пособій на 165 р. 9½ к. и потомственный почетный гражданинъ *Молчановъ* устроилъ паркетныхъ половъ на 300 р. Для Московской реальной гимназіи принесены въ даръ превосходные физическіе инструменты на 1,000 руб. отъ частнаго лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, и отъ почетнаго смотрителя 2 уѣзднаго училища Степана *Хомякова*—физическихъ и механическихъ снарядовъ на 600 руб. Для Московской 4-й гимназіи мануфактуръ-совѣтникъ *Гучковъ* подарилъ собраніе Латинскихъ классиковъ и руководствъ къ изученію Латинскаго языка (27 книгъ). Почетный смотритель Перемышльскаго уѣзднаго училища, поручикъ *Воейковъ* произвелъ на свой счетъ исправленія ветхостей въ училищномъ домѣ

на 310 р. 18 к. Почетный попечитель Костромской гимназіи *Григоровъ* въ пользу губернскаго училища для дѣвицъ пожертвовалъ 1,943 р. 41 к., а коллежскій ассессоръ *Базилевскій*—на женскія школы 300 руб. Почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Пронскаго — *Барыковъ* и Касимовскаго—*Таптыковъ*, пожертвовали — первый 1,000 р. на исправленіе деревянныхъ домовъ женскаго училища, второй—200 р., на нѣкоторыя исправленія въ домѣ гимназіи. Въ пользу Маріинскаго женскаго училища въ Твери изъявили желаніе жертвовать по 1,000 руб.: Тверской голова *Головинскій* — впродолженіе 5 лѣтъ и временной купецъ *Пановъ* — въ-теченіе 3 лѣтъ. Почетный попечитель Ярославской гимназіи, надворный совѣтникъ *Михалковъ* пожертвовалъ на потребности гимназическаго пансіона 150 руб. Почетный смотритель Романоборисоглѣбскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Скульскій* произвелъ въ училищномъ домѣ исправленій сверхъ смѣты на сумму болѣе 200 руб. Кромѣ-того, разными лицами въ пользу училищъ Московскаго округа пожертвовано 1,762 р. 96½ к.

III. Кіевскій учебный округъ.

Составъ округа.

Кіевскій учебный учебный округъ составляютъ училища пяти губерній: Кіевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской. Въ немъ 11 гимназій, 9 дворянскихъ училищъ, 32 уѣздныхъ и 110 приходскихъ, 35 частныхъ учебныхъ заведеній и 9 училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, — всего 206. Воспитательныхъ заведеній состояло: пансіоновъ при гимназіяхъ и дворянскихъ училищахъ — 6, общихъ уче-

ническихъ квартиръ — 8. Чиновниковъ и преподавателей было 788.

Число учащихся. Въ 1857-58 учебномъ году выбыло изъ училищъ 3,757 человѣкъ, въ томъ числѣ по окончаніи курса 1,486; поступило 4,647; общее число учащихся въ христіанскихъ училищахъ было 11,505.

Частныя испытанія. Въ гимназіяхъ Кіевскаго учебнаго округа подвергались испытаніямъ: на право обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ—30 лицъ женскаго пола, на званія учителей—11, на право производства въ первый классный чинъ – 47, для поступленія въ аптекарскіе ученики — 20 человѣкъ.

Зданія. На перестройки и ремонтныя исправленія въ училищныхъ зданіяхъ употреблено 24,005 р. 48¾ к. Въ Кіевѣ истреблено пожаромъ принадлежавшее 1-й гимназіи каменное двухъэтажное зданіе съ флигелями и службами.

Приношенія. Въ пользу учебныхъ заведеній и учащихся принесено въ даръ. 4,107 р. 53 к. Значительнѣйшія изъ пожертвованій были: 1) почетнаго смотрителя Черноостровскаго дворянскаго училища *Свѣйковскаго* (1,087 р. 53 к.); 2) почетнаго смотрителя Златопольскаго дворянскаго училища *Бороздина* (900 р.), 3) почетнаго попечителя Новгородсѣверской гимназіи *Васильчикова* (1,000 руб.); 4) почетнаго попечителя Немировской гимназіи графа *Потоцкаго* (400 р.), сверхъ ежегодно вносимой имъ на ремонтъ суммы, и 5) графа *Тышкевича* (351 р. 68 к.).

VI. Дерптскій учебный округъ.

Составъ. Дерптскій учебный округъ составляютъ учили-

ща губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской.

Въ округѣ находятся: 4 гимназіи, изъ коихъ двѣ, въ Ригѣ и Дерптѣ, съ параллельными классами, рыцарское и Домское училище въ Ревелѣ съ курсомъ гимназіи, начальная учительская семинарія въ Дерптѣ, одно реальное училище, 23 уѣздныя и 89 начальныхъ училищъ и 143 частныхъ пансіоновъ и школъ, — всего 262 учебныя заведенія.

Воспитательныхъ заведеній, въ коихъ-бы дѣти только воспитывались, а для обученія посылались въ публичныя училища, въ Дерптскомъ округѣ не существуетъ.

Чиновниковъ и учителей въ казенныхъ училищахъ было 305.

Учащіеся.

Изъ публичныхъ училищъ выбыло 2,600, изъ нихъ 862 съ аттестатами; поступило въ училища 2,931. Общее число учащихся: въ публичныхъ училищахъ — 4,930 учениковъ и 1,935 ученицъ, всего 6,865; въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ — 2,404 ученика и 2,544 ученицы, всего 4.948; въ домашнемъ воспитаніи—558 учениковъ и 713 ученицъ, всего 1,271, — итого 7,892 ученика и 5,192 ученицы, а всѣхъ 13,084.

Открытіе и закрытіе училищъ.

Въ-теченіе года открыты 3 начальныя и 19 частныхъ училищъ, закрыто 1 начальное и 11 частныхъ.

Преподаваніе и мѣры къ улучшенію онаго.

Сверхъ предписанныхъ уставомъ предметовъ, въ публичныхъ училищахъ въ Митавѣ, Ригѣ, Дерптѣ и Ревелѣ ученики православнаго исповѣданія получали наставленіе въ законѣ Божіемъ отъ особыхъ законоучителей. Таковое-же наставленіе ученики получаютъ и въ другихъ учебныхъ

заведеніяхъ, гдѣ есть священники православнаго исповѣданія.

По значительному числу учебныхъ заведеній въ городахъ, гдѣ находятся гимназіи, оказалось необходимымъ раздѣлить ревизію и спеціальный надзоръ за состояніемъ училищъ между начальниками казенныхъ учебныхъ заведеній тѣхъ городовъ. Вслѣдствіе сего, директорамъ предоставленъ надзоръ за учебными заведеніями, имѣющими высшій курсъ, а инспекторамъ гимназій и смотрителямъ уѣздныхъ училищъ—надзоръ за прочими.

Имѣя въ виду разнообразіе употребляемыхъ въ округѣ учебниковъ, попечитель составилъ особый комитетъ для разсмотрѣнія учебныхъ книгъ и для избранія лучшихъ изъ нихъ; представленный въ министерство списокъ такихъ книгъ утвержденъ главнымъ правленіемъ училищъ.

Библіотеки уѣздныхъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа, служа пособіемъ для преподавателей и учениковъ, понынѣ не были доступны посороннимъ лицамъ. Во вниманіи къ тому, что въ бо́льшей части уѣздныхъ городовъ не имѣется общественныхъ библіотекъ и оказывается вообще недостатокъ въ средствахъ къ удовлетворенію потребности къ умственному образованію, и дабы вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить училищамъ возможность пользоваться произведеніями литературы, недоступными онымъ при ограниченности имѣющихся средствъ, попечитель округа предложилъ училищнымъ коллегіямъ, а гдѣ таковыхъ не имѣется—городовымъ магистратамъ, чтобы они вошли въ ближайшія соображенія объ открытіи публичныхъ библіотекъ, причемъ имъ моглобы быть предоставлено и пользованіе училищными

библіотеками. Вслѣдствіе сего поныне приняли таковое предложеніе и назначили ежегодныя денежныя пособія въ пользу библіотекъ города: Верро, Гапсаль, Валькъ, Вейсенштейнъ и Якобштадтъ.

Осмотръ училищъ. Попечителемъ округа были постоянно осматриваемы учебныя заведенія г. Дерпта, при чемъ училища эти найдены въ совершенно-удовлетворительномъ состояніи, а преимущественно параллельные классы при Дерптской гимназіи и 3-е начальное училище для приготовленія къ поступленію въ гимназію, которые равняются лучшимъ заведеніямъ въ Европѣ.

По распоряженію попечителя, инспекторъ казенныхъ училищъ обозрѣлъ значительную часть оныхъ.

Частныя испытанія. Въ гимназіяхъ подвергались испытаніямъ для полученія: званій домашнихъ учителей и учительницъ—51, права на первоначальное обученіе—66, права на производство въ первый классный чинъ —6 человѣкъ.

О платѣ за ученіе. Попечитель, имѣя въ виду, что въ училищахъ округа существовало чрезмѣрное разнообразіе во взиманіи платы за ученіе, и что учебныя заведенія почти вовсѣ не имѣютъ экономическихъ суммъ на удовлетвореніе встрѣчающихся сверхштатныхъ издержекъ, составилъ новый проектъ правилъ о взиманіи платы за ученіе и распредѣленіи собираемой суммы. Правила сіи, по разсмотрѣніи и измѣненіи оныхъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ въ главномъ правленіи училищъ, Высочайше утверждены 30 мая 1858 г

О штатѣ управленія округомъ. Штатъ управленія Дерптскимъ округомъ Высочайше утвержденъ въ 1836 г. Попечитель до-

несъ, что нерѣдко встрѣчалось затрудненіе въ прінсканіи на убылыя мѣста по канцеляріи управленія способныхъ чиновниковъ, по недостаточности штатнаго жалованья: ибо служащіе въ сей канцеляріи лица должны быть равно способны къ дѣлопроизводству на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, и что въ послѣдніе годы цѣны на всѣ потребности увеличились. А какъ по опыту оказалось, что суммы на разъѣзды и на наемъ помѣщенія могутъ быть значительно уменьшены, то и представилась возможность воспользоваться этимъ избыткомъ для увеличенія жалованья чиновникамъ. На этомъ основаніи составленъ новый проектъ штата, по которому общая сумма осталась прежняя, т.-е. 6,088 р. Штатъ сей, по разсмотрѣніи и исправленіи въ главномъ правленіи училищъ, Высочайше утвержденъ 2 мая 1858 г.

О капиталѣ Миддендорфа.

Умершій тайный совѣтникъ *Миддендорфъ* духовнымъ завѣщаніемъ предназначилъ учредить, подъ названіемъ «Уварова фонъ-Миддендорфа Юстовый пфенингъ», капиталъ для вдовъ и сиротъ училищныхъ чиновниковъ и пасторовъ тѣхъ приходовъ, въ которыхъ состояли его имѣнія, и на стипендіи бѣднымъ студентамъ Русскихъ университетовъ. Въ исполненіи сего завѣщанія, сынъ покойнаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миддендорфъ* представилъ въ билетахъ 1,501 р., поступившіе въ Дерптскую гимназію, которой разрѣшено принимать и дальнѣйшіе взносы, какіе будутъ поступать отъ наслѣдниковъ завѣщателя.

IV. Харьковскій учебный округъ.

Составъ.

Харьковскій учебный округъ составляютъ училища шести губерній: Харьковской, Курской, Ор-

ловской, Воронежской; Тамбовской и Земли Войска Донскаго.

Въ округѣ находится 7 гимназій, отдѣленіе восточныхъ языковъ при Новочеркасской гимназіи, 2 реальные класса при гимназіяхъ, 67 уѣздныхъ и окружныхъ училищъ, 114 приходскихъ и 32 частныхъ пансіоновъ и школъ, — всего 223 учебныхъ заведеній; воспитательныхъ заведеній 7.

Чиновниковъ и преподавателей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ было 732.

Открытіе и закрытіе училищъ. Вообще по округу открыта одна частная школа, закрыто 3.

Число учащихся. Въ-теченіе года выбыло изъ учебныхъ заведеній 4,845, въ томъ числѣ 1,723 по окончаніи курсовъ; вступило въ училища 4,806; къ концу года находилось всего 11,394 учащихся.

Испытанія частныхъ лицъ. Испытаніямъ подвергались: на право домашняго обученія — 40 лицъ, на званіе учителей — 10 и на званіе аптекарскихъ учениковъ — 8; на право производства въ первый классный чинъ — 52.

Зданія. Главное зданіе, строившееся хозяйственнымъ способомъ подъ наблюденіемъ строительнаго комитета, для помѣщенія Воронежской гимназіи съ благороднымъ при ней пансіономъ, окончено. Въ домѣ Курской гимназіи произведено исправленій на 566 р. 95 к. На исправленіе домовъ Моршанскаго и Козловскаго уѣздныхъ училищъ разрѣшено употребить: на первое — до 4,599 р. 16 к., на второе — до 3,041 р. 4 к. На починки въ домѣ Сѣвскаго уѣзднаго училища назначено 2,551 р. 77 к.

Пожертвованія. Дворянство Курской губерніи въ собраніи своемъ 1856 г. постановило: пожертвованный имъ въ 1851 г., въ ознаменованіе совершившагося тогда

двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича, капиталъ, состоящій изъ 40 т. р., на учрежденіе въ Курскѣ банка и пріюта, внести въ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія и проценты съ онаго употреблять на содержаніе въ благородномъ пансіонѣ при тамошней гимназіи воспитанниковъ изъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ Курской губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство ходатайствовало о присвоеніи этимъ воспитанникамъ наименованія «воспитанниковъ Николая I». По всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало на это Высочайшее соизволеніе.

Сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Бутковъ* по духовному завѣщанію назначилъ въ пользу Старооскольскаго уѣзднаго училища свою библіотеку, состоящую изъ 983 названій въ 2,658 томахъ, съ цѣлію устройства при училищѣ публичной бобліотеки,—что̀ и будетъ приведено въ исполненіе. Умершій помѣщикъ маіоръ *Рубановъ*, по духовному завѣщанію, назначилъ въ пользу 1-й Харьковской гимназіи 30,000 р., съ тѣмъ, чтобы на проценты съ оныхъ воспитывались дѣти бѣдныхъ родителей. Въ пользу прочихъ учебныхъ заведеній пожертвовано деньгами 2,829 р. 72 к.

Осмотръ. Кромѣ неоднократныхъ посѣщеній учебныхъ заведеній въ Харьковѣ, попечитель обозрѣлъ училища въ Курскѣ, Орлѣ, Новочеркасскѣ и въ восьми уѣздныхъ городахъ.

V. Казанскій учебный округъ.

Ваше Императорское Величество въ 21 день августа 1858 г. осчастливили Высочай-

шимъ Своимъ посѣщеніемъ Нижегородскій Александровскій дворянскій институтъ и тамошнюю гимназію, и Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Симбирскую гимназію.

Составъ округа. Казанскій учебный округъ составляютъ училища десяти губерній: Казанской, Нижегородской, Пензинской, Астраханской, Саратовской, Симбирской, Самарской, Оренбургской, Пермской и Вятской. Въ округѣ находится: 2 дворянскіе института, 11 гимназій, 79 уѣздныхъ училищъ, при нихъ 17 приготовительныхъ классовъ, 151 приходское, 3 школы при церквахъ иностранныхъ исповѣданій и 29 частныхъ пансіоновъ и школъ, — всего 292 учебныя заведенія. Воспитательныхъ заведеній при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ 10. Чиновниковъ и преподавателей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ было 1,068.

Число учащихся. Въ-теченіе года выбыло изъ училищъ 7,610, въ томъ числѣ 2,548 по окончаніи курсовъ; поступило 8,081; къ 1859 году находилось всѣхъ учащихся 17,214 (мужескаго пола 16,176 и женскаго 1,048).

Открытіе и закрытіе училищъ. Открыто 5 приходскихъ училищъ, четыре женскіе пансіона (въ Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Симбирскѣ и Самарѣ), четыре женскія училища и школа для дѣтей обоего пола. Закрыто три приходскія училища въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, по желанію владѣльцевъ, и четыре женскія школы.

Испытанія частныхъ лицъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ округа подвергались испытаніямъ: на право домашняго обученія — 21

человѣкъ, на званіе учителей—65, на право производства въ первый классный чинъ — 70.

Зданія. На постройку, по Высочайше утвержденному проекту, каменнаго дома для пансіона при Пермской гимназіи, съ разрѣшенія правительствующаго сената предложено заключить контрактъ съ подрядчикомъ за 32,400 р. изъ суммъ пансіона, гимназіи и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ. Для Камышинскаго уѣзднаго училища выстроенъ деревянный домъ, по подряду, за 2,000 р. На постройку деревяннаго на каменномъ фундаментѣ дома для уѣзднаго училища въ Мамадышѣ разрѣшено употребить до 5,250 р. Градской глава г. Кузнецка (Саратовской губерніи) пожертвовалъ деревянный домъ, оцѣненный въ 3,500 р., для помѣщенія женскаго приходскаго училища. На ремонтъ зданій по округу разрѣшено употребить 9,062 р. 3 к.

Приношенія. Помѣщикъ Саратовской губерніи *Шиловскій* пожертвовалъ 1,000 р. на содержаніе въ пансіонѣ при Саратовской гимназіи одного воспитанника изъ бѣдныхъ дворянъ Сердобскаго уѣзда. Почетный смотритель Шадринскаго уѣзднаго училища, капитанъ *Ахтъ* привесъ въ даръ училищу разныхъ вещей на 359 р. 91 к.

Осмотръ учебныхъ заведеній. Попечитель округа наблюдалъ за ходомъ преподаванія и за управленіемъ учебныхъ заведеній въ Казани и обозрѣлъ Симбирскую гимназію и тамошнее уѣздное училище. Помощникъ попечителя осматривалъ Нижегородскій Александровскій дворянскій институтъ, тамошнюю гимназію, нѣкоторыя училища и учебныя заведенія въ Казани.

Инспекторъ казенныхъ училищъ обозрѣвалъ

Саратовскую и Самарскую гимназію и нѣкоторыя училища.

VII. Одесскій учебный округъ.

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, въ 15 день октября 1858 г., изволилъ удостоить посѣщеніемъ Симферопольскую гимназію съ пансіономъ при ней, а 14 того-же мѣсяца Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня Александра Петровна изволила осматривать находящійся въ Симферополѣ частный дѣвичій пансіонъ *Блюменталь*.

Высочайшимъ указомъ 18 іюля 1858 г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику *Ребиндеру* всемилостивѣйше повелѣно быть попечителемъ Одесскаго учебнаго округа.

Составъ округа. Одесскій учебный округъ составляютъ училища губерній: Херсонской, Екатеринославской, Таврической, области Бессарабской и градоначальствъ Одесскаго и Таганрогскаго.

Въ округѣ находится 7 гимназій, 32 уѣздныя и 67 приходскихъ училищъ, 5 школъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій и 72 частныя учебныхъ заведеній — всего 183; пансіоновъ при гимназіяхъ 8. Чиновниковъ и преподавателей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ было 517.

Число учащихся. Въ-теченіе 1858 г. выбыло изъ училищъ 3,141, въ томъ числѣ по окончаніи курсовъ 1,102; поступило 4,002; къ 1859 г. оставалось 9,787 человѣкъ.

О пансіонахъ при гимназіяхъ.

Давно уже существовало предположеніе открыть при гимназіи въ *Таганрогѣ* пансіонъ. Въ минувшемъ году предположеніе это осуществилось, благодаря дѣятельности бывшаго попечителя округа, и пожертвованіямъ почетнаго попечителя гимназіи, штабсъ-капитана *Сомова.* Пансіонъ при гимназіи открытъ съ приготовительнымъ при ономъ отдѣленіемъ для дѣтей чиновниковъ и дворянъ, съ платою по 285 руб. въ годъ за воспитанника.

Попечитель доносилъ по сему случаю, что по мѣстнымъ обстоятельствамъ не только полезно, но и необходимо принимать въ сіе заведеніе дѣтей почетныхъ гражданъ, купцовъ первыхъ двухъ гильдій и иностранцевъ, такъ-какъ Таганрогъ — городъ коммерческій, и многіе жители изъ купечества и иностранныхъ негоціантовъ неоднократно выражали крайнее затрудненіе и невозможность дать образованіе дѣтямъ своимъ, внѣ гимназическаго пансіона. По положенію главнаго правленія училищъ, въ 3 день ноября, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе въ сей пансіонъ дѣтей почетныхъ гражданъ, купцовъ и иностранцевъ.

Равномѣрно, по положеніямъ главнаго правленія училищъ, Высочайше разрѣшено допускать въ пансіоны при гимназіяхъ: *Херсонской* — дѣтей купцовъ 1-й гильдіи и почетныхъ гражданъ и лицейской въ *Одессѣ* — дѣтей иностранцевъ.

Недостаточнаго состоянія дворяне, желающіе помѣщать сыновей своихъ въ пансіонъ при *Симферопольской* гимназіи, живя въ уѣздахъ Таврической губерніи, лишены возможности обучать ихъ иностраннымъ языкамъ и вообще подготовлять

къ поступленію въ гимназію. Для устраненія сего и для увеличенія матеріальныхъ средствъ пансіона, по представленію попечителя, разрѣшено учредить при Симферопольскомъ пансіонѣ приготовительный классъ.

По случаю возвысившихся въ *Екатеринославѣ* цѣнъ на всѣ предметы первой потребности и по невозможности покрывать всѣ расходы по гимназическому пансіону взимаемою съ пансіонеровъ платою, по необходимости возвышена оная съ 200 до 225 р. въ годъ съ каждаго.

Въ пансіонѣ лицейской гимназіи въ *Одессѣ* обязанности нѣкоторыхъ комнатныхъ надзирателей распространены возложеніемъ на нихъ и званія репетиторовъ; мѣра эта признана полезною особенно въ низшихъ классахъ, для обезпеченія успѣховъ учащихся.

Преподаваніе

Въ Одесскомъ уѣздномъ училищѣ, сверхъ положенныхъ по уставу предметовъ, введено преподаваніе Французскаго языка, техническаго черченія и коммерческой бухгалтеріи, на счетъ городскихъ суммъ. Въ Елисаветградскомъ уѣздномъ училищѣ допущено преподаваніе Французскаго и Нѣмецкаго языковъ.

Путешествія съ ученою цѣлью.

Дворянство Бессарабской области пожертвовало тысячу рублей на пополненіе физическаго кабинета Кишиневской гимназіи. Для пріобрѣтенія инструментовъ командированъ былъ въ Парижъ инспекторъ гимназіи *Яновскій*, спеціально-занимающійся физикою. При семъ случаѣ Яновскій практически ознакомился съ успѣхами современной педагогіи,—что было полезно по исправляемой имъ должности инспектора. Старшій учитель лицейской гимназіи въ Одессѣ, кандидатъ *Миницкій*

посланъ за границу на годъ для слушанія въ Германіи, Франціи и Англіи лекцій всеобщей исторіи и для ознакомленія въ тѣхъ странахъ и въ Швейцаріи съ устройствомъ среднихъ и нисшихъ учебныхъ заведеній и со способами преподаванія въ нихъ.

Приношенія. Почетный попечитель Кишиневской гимназіи, надворный совѣтникъ *Казиміръ* вызвался вносить ежегодно по 60 р. на усиленіе средствъ канцеляріи дирекціи училищъ Бессарабской области. Почетный смотритель Таганрогскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Міюковичъ*, сверхъ вносимой имъ постоянно по сему званію суммы, обязался платить еще по 150 р. ежегодно на улучшеніе быта учителей. Почетный смотритель Александровскаго (Екатеринославской губерніи) уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Солошичъ* доставилъ 1000 рублей на удовлетвореніе надобностей училища.

Зданія. Отданная въ 1857 г., съ разрѣшенія правительствующаго сената, за 51,500 руб. постройка дома для Екатеринославской гимназіи начата въ 1858 г. на отведенномъ по Высочайшему повелѣнію мѣстѣ и должна быть окончена къ исходу 1860 г. На исправленіе флигеля при домѣ Θеодосійскаго уѣзднаго училища разрѣшено употребить 881 р. 77 к. На постройки при домѣ Бахмутскаго уѣзднаго училища назначено 691 р. 77¼ к.

VIII. Виленскій учебный округъ.

Ваше Императорское Величество изволили осчастливить Всемилотивѣйшимъ посѣщеніемъ: въ *Минскѣ*—гимназію съ благороднымъ при ней

пансіономъ и частный пансіонъ для дѣвицъ г-жи *Стефановичъ*; въ *Вильнѣ*—музеумъ древностей, гимназію, дворянскій институтъ, раввинское училище, образцовый пансіонъ для дѣвицъ и конвиктъ для бѣдныхъ учениковъ; въ *Ковно*—гимназію и частный пансіонъ для дѣвицъ г-жи *Сявцилло*, съ отдѣльнымъ приономъ дѣвичьимъ Еврейскимъ училищемъ.

При посѣщеніи Вашимъ Императорскимъ Величествомъ музеума древностей, попечитель Виленскаго учебнаго округа имѣлъ счастіе доложить просьбу предсѣдателя и членовъ Виленской археологической коммиссіи о принятіи сей коммиссіи и музеума подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича,—на что и послѣдовало Всемилостивѣйшее соизволеніе. Его Императорское Высочество по сему случаю удостоилъ рескриптомъ предсѣдателя коммиссіи, графа *Тышкевича*.

Составъ.

Виленскій учебный округъ составляютъ училища четырехъ губерній: Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской.

Въ округѣ находится одинъ дворянскій институтъ, 11 гимназій, 2 реальныя отдѣленія гимназій (при двухъ изъ нихъ параллельные классы), 15 уѣздныхъ для дворянъ училищъ, 24 приготовительныхъ классовъ, 66 приходскихъ, 27 училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, 1 казенный образцовый пансіонъ, 2 начальныя дѣвичьи школы и 24 частныхъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ одинъ образцовый пинсіонъ. Пансіоновъ при гимназіяхъ и конвиктовъ 18.

Въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ чиновниковъ и преподавателей 649.

Число учащихся. Впродолженіе года выбыло изъ училищъ 4,737; въ томъ числѣ 1,887 по окончаніи курсовъ. Вновь поступило 5,391; наличное къ 1859 г. число учащихся въ христіанскихъ училищахъ 9,190.

Преобразованіе училищъ. На основаніи штата 1843 года, въ Виленскомъ учебномъ округѣ существовали 19 пятиклассныхъ училищъ и при гимназіяхъ Виленской и Бѣлостокской особыя четырехклассныя отдѣленія. До 1850 г. дворянскія училища соотвѣтствовали пяти, а отдѣленія гимназій—четыремъ низшимъ классамъ оныхъ. Со введеніемъ въ гимназическій курсъ преподаванія законовѣдѣнія и естественныхъ наукъ и съ прекращеніемъ, въ то-же время, преподаванія Латинскаго языка въ дворянскихъ училищахъ и въ отдѣленіяхъ гимназій, необходимая связь сихъ учебныхъ заведеній съ гимназіями нарушилась: курсы отдѣленій гимназій и дворянскихъ училищъ, не имѣя надлежащей полноты и цѣлости, потеряли свое значеніе, самыя-же учебныя заведенія утратили цѣль, для которой были учреждены, т.-е. дать возможность своимъ воспитанникамъ переходить въ высшіе классы гимназіи. Чтобы вывести отдѣленія гимназій и дворянскія училища изъ положенія, въ которомъ они долѣе оставляемы быть не могли, оказалось необходимымъ или измѣнить курсы ихъ, сдѣлавъ оные законченными, или согласить съ курсами соотвѣтствующихъ классовъ гимназій, чтобы возстановить прежнія значеніе и цѣль. Къ приведенію въ исполненіе предположенія о соглашеніи курсовъ представилось препятствіе въ недостаткѣ денежныхъ средствъ. Съ другой стороны, мѣстныя по-

требности указали, что полезнѣе дворянскія училища замѣнить нѣкоторымъ числомъ гимназій и трехклассныхъ дворянскихъ-же училищъ. Вслѣдствіе сего, попечитель Виленскаго учебнаго округа внесъ въ министерство свои предположенія, совершенно одобренныя Виленскимъ военнымъ, Гродненскимъ и Ковенскимъ генералъ-губернаторомъ.

Главное правленіе училищъ, разсмотрѣвъ эти предположенія, находило и съ своей стороны большую часть изъ предложенныхъ попечителемъ мѣръ соотвѣтствующими цѣли, а приведеніе оныхъ въ исполненіе удобнымъ, по имѣющимся для того средствамъ. Вслѣдствіе сего главное правленіе училищъ положило: 1) Четырехклассныя отдѣленія Виленской и Бѣлостокской гимназій преобразовать каждое въ три параллельные класса сихъ гимназій, такъ-какъ классы эти особенно многочисленны. 2) Вмѣсто 19 пятиклассныхъ дворянскихъ училищъ, учредить семь гимназій и двѣнадцать трехклассныхъ уѣздныхъ училищъ, съ наименованіемъ сихъ училищъ *дворянскими*, въ томъ вниманіи, что, по значительному числу бѣдныхъ дворянъ въ краѣ, они будутъ посѣщаемы преимущественно дворянами, и что жители привыкли уже къ этому названію. 3) Преподаваніе въ каждомъ изъ сихъ училищъ распредѣлить между штатнымъ смотрителемъ и двумя учителями наукъ, а для закона Божія и чистописаніи, съ черченіемъ и рисованіемъ, имѣть особыхъ преподавателей. 4) Въ 1858 году открыть четыре гимназіи; время-же открытія остальныхъ трехъ гимназій и самые пункты, гдѣ должны быть учреждены новыя гимназіи, предоставить опредѣлить министру, по соглашенію съ попечителемъ и генералъ-губернаторомъ. 5) Од-

новременно съ учрежденіемъ первыхъ четырехъ гимназій, упразднить дворянскія пятиклассныя училища въ Пинскѣ, Новогрудкѣ, Поневѣжѣ и Кейданахъ, и сверхъ-того въ Мозырѣ, Бобруйскѣ, Брестѣ, Пружанахъ, Лидѣ, Вилькомірѣ, Тельшахъ и Россіеннахъ, замѣнивъ изъ нихъ восемь училищъ трехклассными дворянскими уѣздными училищами. 6) Преобразованіе остальныхъ семи пятиклассныхъ дворянскихъ училищъ произвести по усмотрѣнію министра, и 7) смотрителямъ и учителямъ пятиклассныхъ дворянскихъ училищъ, кои поступятъ въ таковыя-же должности въ трехклассныя училища Виленскаго округа, сохранить права на жалованье и пенсію по прежнимъ должностямъ и производить, до выхода ихъ въ отставку или до полученія высшихъ должностей или пенсій, на службѣ добавочное жалованье, нужное для сравненія ихъ окладовъ съ прежними.

Такое положеніе главнаго правленія училищъ и штаты новыхъ семи гимназій и 12 уѣздныхъ училищъ удостоены Высочайшаго утвержденія въ 9 день іюня 1858 года.

На семъ основаніи, въ истекшемъ году открыты: гимназіи — въ Пинскѣ, Новогрудкѣ, Поневѣжѣ и Кейданахъ, и уѣздныя трехклассныя дворянскія училища — въ Мозырѣ, Бобруйскѣ, Брестѣ, Пружанахъ, Лидѣ, Вилкомірѣ, Тельшахъ и Россіенахъ. Затѣмъ остается открыть: гимназіи — въ Свенцянахъ, Молодечнѣ и Свислочи, и преобразовать пятиклассныя дворянскія училища въ трехклассныя въ Вильнѣ, Минскѣ, Слонимѣ и Дрогичинѣ.

О фундушѣ Карпя. Ковенской губерніи, Поневѣжскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Іоганишкель, по завѣщанію помѣщика *Карпя*, находится двухклассное приходское учи-

лище и больница съ 12 кроватями. По волѣ завѣщателя, при училищѣ должна быть учреждена учебная агрономическая ферма. Объ уступкѣ необходимаго количества земли подъ оную производится переписка съ министромъ государственныхъ имуществъ. Съ учрежденіемъ фермы и самое училище должно быть преобразовано въ агрономическое. Между-тѣмъ, по возникшимъ въ управленіи училищемъ и больницею недоразумѣніямъ, имѣя въ виду, что участіе почетнаго смотрителя можетъ содѣйствовать скорѣйшему осуществленію воли основателя училища относительно учрежденія фермы и способствовать благосостоянію больницы, я испросилъ Высочайшее соизволеніе Вашего Императорскаго Величества имѣть при Іогашкельскихъ заведеніяхъ особаго почетнаго смотрителя.

О фундушѣ Вишніовецкихъ.

Въ 1699 году князь *Вишніовецкій* и супруга его завѣщали 3 т. руб. Любешовскому монастырю піаровъ на воспитаніе 12 бѣдныхъ дворянъ. Исполненіе сего завѣщанія прекратилось съ поступленіемъ монастырскихъ имѣній въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ. Вслѣдствіе сего, въ 1844 г. Высочайше повелѣно, взамѣнъ фундуша князей *Вишніовецкихъ*, производить по 500 р. въ годъ на содержаніе 12 воспитанниковъ, для коихъ при Пинскомъ дворянскомъ училищѣ учрежденъ былъ, въ видѣ опыта, особый конвиктъ. По оказавшейся невозможности на эту сумму содержать такое число воспитанниковъ, число ихъ въ 1852 г. разрѣшено ограничить восемью, съ переводомъ въ Минскую гимназію и съ помѣщеніемъ въ общую ученическую квартиру. По-случаю закрытія въ минувшемъ году общихъ

квартиръ, въ томъ числѣ и Минской, попечитель ходатайствовалъ о разрѣшеніи содержать трехъ воспитанниковъ сего фундуша въ благородномъ пансіонѣ Минской гимназіи, подъ названіемъ: «пансіонеровъ князей Вишніовецкихъ», соображаясь съ платою, въ которую обходится содержаніе пансіонера въ томъ заведеніи. По положенію главнаго правленія училищъ, мѣра эта Высочайше утверждена въ 9 день іюня 1858 г.

Открытіе и закрытіе училищъ.

Почетный попечитель Ковенской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ *Огинскій* просилъ дозволенія открыть въ принадлежащемъ ему мѣстечкѣ Ретовѣ практическо-агрономическое училище, не требуя пособія отъ правительства и желая только, чтобы въ-теченіе трехъ лѣтъ, въ видѣ опыта, предоставлено ему было право руководить эту школу по его личному усмотрѣнію и на полной его отвѣтственности. Въ Самогитіи особенно ощутительна потребность въ заведеніяхъ такого рода и потому нуженъ хотя одинъ успѣшный примѣръ, чтобъ указать другимъ путь къ удовлетворенію этой потребности. По засвидѣтельствованію попечителя Виленскаго учебнаго округа и генералъ-губернатора о личныхъ достоинствахъ графа *Огинскаго*, разрѣшено учредить такое училище на предложенныхъ помѣщикомъ условіяхъ и дозволено пригласить изъ Пруссіи учителя, знающаго Самогитскій языкъ, для преподаванія практической агрономіи. Кромѣ-того открыто четыре частные женскіе пансіона и одно приходское училище. Закрыты одно приходское и два частныя учебныя заведенія.

Зданія.

Значительнѣйшія постройки и исправленія произведены въ зданіяхъ: Виленскаго дворянскаго ин-

ститута—на 25,658 р. 15 к.; Виленской гимназіи—на 11,513 р. 54 к. с.; Ковенской гимназіи, — на 925 р.; Поневѣжской гимназіи—на 7,002 р.; въ Минской гимназіи построена классная мебель на 1,464 р. 32 к. и въ зданіяхъ гимназіи и благороднаго пансіона произведено ремонтныхъ и капитальныхъ передѣлокъ на 522 р. 50 к. Въ зданіи Новогрудской гимназіи произведено окончательныхъ работъ на 3,125 руб. На поправку дома бывшаго Бѣлостокскаго областнаго правленія, уступленнаго гимназіи взамѣнъ гимназическаго зданія, употреблено 6,250 р. 89¼ к. Въ зданіи Пинской гимназіи произведено передѣлокъ на 1,184 р. 40 к. Исправлены дома приходскихъ училищъ: Сядскаго—за 1,251 р. 16 к. и Ворненскаго — за 210 р. 60 к. Сверхъ-того на починки въ зданіяхъ, принадлежащихъ управленію округомъ, употреблено 1,418 р. 6 к. На всѣ эти исправленія и починки отпущено изъ строительной суммы министерства 13,000 р.; остальныя-же издержки покрыты изъ собственныхъ средствъ учебныхъ заведеній и заимообразно изъ суммъ, въ вѣдѣніи округа находящихся, и сверхъ-того употреблено заимообразно 5,711 р. 15 к. на сверхсмѣтныя работы, произведенныя въ зданіи Виленскаго дворянскаго института. Отъ продажи зданій Бобруйскаго уѣзднаго дворянскаго училища выручено 1,735 руб. Изъ разрѣшенныхъ къ производству въ 1858 году работъ, устройство дома Тельшевскаго дворянскаго училища будетъ произведено въ 1859 году; работы по устройству сего дома отданы на подрядъ за 4,400 рублей.

Осмотры учебныхъ заведеній.

Виленскій дворянскій институтъ и Виленскій казенный образцовый для благородныхъ дѣвицъ пан-

сіонъ посѣщены были Виленскимъ военнымъ, Гродненскимъ и Ковенскимъ генералъ-губернаторомъ.

Попечитель Виленскаго учебнаго округа осматривалъ всѣ учебныя заведенія, въ Вильнѣ находящіяся; по Ковенской губерніи—гимназію и частный женскій пансіонъ въ Ковно, дворянскія училища: Вилькомирское, Поневѣжское и Тельшевское, гимназію въ г. Шавляхъ и вновь открытыя гимназіи въ Кейданахъ и Поневѣжѣ и Кретингенское приходское училище; по Гродненской губерніи—гимназію съ благороднымъ при ней пансіономъ и приготовительнымъ классомъ, приходское училище при евангелическо-лютеранской церкви въ Гродно и два частные женскіе пансіона; дворянскія училища: Свислочское, Слонимское, Пружанское и Волковысское приходское училище; по Минской губерніи—гимназію съ благороднымъ при ней пансіономъ, два частные женскіе пансіона въ Минскѣ и дворянскія училища: Минское, Мозырское и Пинское.

Помощникъ попечителя и инспекторъ казенныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа осматривали всѣ учебныя заведенія, въ Вильнѣ находящіяся; сверхъ-того помощникъ попечителя обозрѣлъ: гимназіи въ Ковно, Поневѣжѣ и Кейданахъ, Вилкомирское уѣздное дворянское училищѣ и Іоганишкельскія фундушевыя заведенія; приходское училище и госпиталь; въ Гродненской губерніи—гимназію съ благороднымъ при ней пансіономъ, дворянскія училища Свислочское и Слонимское; въ Минской губерніи—гимназію съ благороднымъ при ней пансіономъ и прочія заведенія въ Минскѣ, Борисовское приходское училище и Новогрудскую гимназію два раза, а также Лидское дворянское учили-

ще три раза. Инспекторъ казенныхъ училищъ осмотрѣлъ въ Ковенской губерніи дворянскія училища: Тельшевское и Вилькомирское и приходскія училища: Жемелянское и Сядское.

Частныя испытанія.

Въ комитетѣ, учрежденномъ при Виленскомъ дворянскомъ институтѣ для желающихъ занять мѣста преподавателей Польскаго языка, подвергалось испытаніямъ 24 лица. Свидѣтельствъ на право частнаго обученія выдано 112. Спеціальнымъ испытаніямъ подвергались: на званія учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищъ—13, на право производства въ первый классный чинъ—30 человѣкъ.

Центральный архивъ.

Въ центральномъ архивѣ древнихъ актовыхъ книгъ губерній Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской было 15,419 нумеровъ. Описанныхъ актовъ находилось 28,422. Выдано выписей 162 и произведено 712 справокъ по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ и начальствующихъ лицъ.

Пожертвованія.

Почетный смотритель училищъ Виленскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ, камеръ-юнкеръ графъ *Платеръ* внесъ для уплаты за ученіе 10 бѣдныхъ учениковъ гимназіи и Виленскаго уѣзднаго дворянскаго училища 100 р. Дворянство Свенцянскаго уѣзда пожертвовало необходимую сумму на каменную пристройку къ училищному зданію для выгоднаго помѣщенія предположенной къ открытію гимназіи, а граждане г. Свенцянъ обязались внести на сей-же предметъ 1,000 рублей. Почетный попечитель Ковенской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ *Огинскій*, содержалъ на собственномъ иждивеніи 51 бѣднаго ученика гимназіи. Помѣщикъ графъ *Чапскій*, для вновь открытой

въ Кейданахъ гимназіи, пожертвовалъ 2,000 руб. на устройство кабинетовъ, а жители Кейданъ—каменный двухэтажный домъ для помѣщенія учителей. Для предположенной къ открытію въ Свислочи гимназіи, казенные крестьяне при починкѣ гимназическаго зданія обязались поставить болѣе тысячи пѣшихъ и конныхъ работниковъ, а жители м. Свислочи обязались дать 1,500 саж. досокъ. Для гимназіи въ Новогрудкѣ жители города пожертвовали 400 р. на покупку дома для помѣщенія инспектора гимназіи, а дворянство Новогрудскаго уѣзда, на устройство для сей гимназіи кабинетовъ и библіотеки, пожертвовало по 5 к. съ ревижской души. Для гимназіи въ Пинскѣ дворянство Пинскаго уѣзда внесло 2,000 р. на расходы при устройствѣ гимназіи, а Еврейское общество 1-й части г. Пинска на сей-же предметъ предоставило капиталъ въ 538 р., хранящійся въ Минскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія.

IX. Варшавскій учебный округъ.

Составъ.

Варшавскій учебный округъ состоитъ изъ училищъ пяти губерній: Варшавской, Радомской, Плоцкой, Люблинской и Августовской. Учебныя заведенія Варшавскаго округа раздѣляются на *общія*, *спеціальныя* и *частныя*.

Къ *общимъ* принадлежатъ: благородный институтъ въ Варшавѣ, пансіонъ для дѣвицъ въ Варшавѣ, содержимый отъ правительства, 6 филологическихъ гимназій, 17 уѣздныхъ филологическихъ училищъ (въ томъ числѣ 6 пятиклассныхъ), 1,116 начальныхъ, 93 воскресно-ремесленныхъ и 6 Еврейскихъ начальныхъ училищъ.

Къ разряду *спеціальныхъ* учебныхъ заведеній относятся: Варшавская медико-хирургическая академія, институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маримонтѣ, Варшавская реальная гимназія, Варшавская художественная школа, институтъ первоначальныхъ учителей въ Радзиминѣ, 2 высшія реальныя заведенія, 9 реальныхъ училищъ, Варшавское раввинское училище и воскресно-коммерческое училище тамъ-же.

Въ разрядъ *частныхъ* учебныхъ заведеній входятъ 193 пансіона и училища.

Вообще учебныхъ заведеній въ округѣ 1,451.

Отдѣльныя учрежденія.

Отдѣльныя, для пособія по учебной части, учрежденія суть: экзаменаціонный комитетъ, завѣдывающій и частными учебными заведеніями, главная библіотека округа съ 93,515 томами, кабинеты, астрономическая обсерваторія и ботаническій садъ.

Домашнее воспитаніе.

Въ частныхъ домахъ занимались преподаваніемъ: домашнихъ учителей — 116, домашнихъ учительницъ — 119; выдано свидѣтельствъ на званіе домашнихъ учителей и учительницъ 72.

Число учащихся.

Въ-теченіе учебнаго года выбыло изъ учебныхъ заведеній учащихся обоего пола 21,620; изъ нихъ окончило курсъ въ казенныхъ, спеціальныхъ и общихъ среднихъ училищахъ 1,459; вновь поступило 23,668, затѣмъ состояло къ 1859 г. 76,412.

Открытіе училищъ.

Въ 1858 г. открыто: одна приходская Греко-Унитская школа, 16 первоначальныхъ училищъ и 22 частныхъ учебныхъ заведеній; закрыто: первоначальныхъ училищъ 12 и частныхъ учебныхъ заведеній 10.

Медико-хирургическая академія.

15/27 сентября 1858 г. медико-хирургическая академія осчастливлена была Всемилостивѣй-

шимъ посѣщеніемъ Вашего Императорскаго Величества, причемъ Вашему Величеству благоугодно было преподать студентамъ отеческое наставленіе. Въ академіи открыты уже въ истекшемъ году 3 и 4-й семестры, или второй годичный курсъ медицинскихъ наукъ. Учащихся въ этомъ заведеніи было: въ медицинскомъ курсѣ— 185 и въ фармацевтическомъ — 67, всего 252.

Состоявшій въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ докторъ медицины *Гирштовичъ* утвержденъ преподавателемъ по каѳедрѣ теоретической хирургіи въ академіи, съ оставленіемъ въ военномъ вѣдомствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено отправить его на текущій академическій годъ за границу въ ученое путешествіе.

Юридическія стипендіи.

На основаніи Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 11 день августа 1857 г., объ увеличеніи въ университетахъ Имперіи числа юридическихъ стипендій Царства Польскаго, въ 1858 г. зачислены въ университеты Имперіи стипендіатами Царства 18 воспитанниковъ Варшавскаго учебнаго округа: въ С. Петербургскій—10 и въ Московскій — 8.

Пансіонъ для дѣвицъ въ Варшавѣ.

Открытый въ Варшавѣ въ 1857 г. казенный пансіонъ для дѣвицъ, въ короткое время своего существованія снискалъ полное довѣріе жителей; посему разрѣшено первоначальный комплектъ сего заведенія (на 66 дѣвицъ) увеличить еще 14 пансіонерками.

О Русскихъ учителяхъ.

Высочайше утвержденнымъ 15 ноября 1858 г. положеніемъ главнаго правленія училищъ предоставлено попечителю Варшавскаго учебнаго округа вызывать Русскихъ учителей для подвѣдомственныхъ ему заведеній, посредствомъ сно-

шеній съ начальствами другихъ учебныхъ округовъ, изъ числа состоящихъ на службѣ въ Имперіи или отставныхъ учителей, извѣстныхъ начальству по своему образованію, неукоризненному поведенію, и преимущественно женатыхъ; если же таковыхъ не найдется, то прибѣгать къ избранію и молодыхъ людей, окончившихъ курсъ наукъ въ университетахъ или духовныхъ академіяхъ. Для привлеченія въ Царство Польское хорошихъ Русскихъ учителей, выдавать отправляемымъ туда лицамъ, по примѣру опредѣляемыхъ въ отдаленныя мѣста Имперіи, двойные прогоны по чинамъ и въ пособіе, не въ зачетъ, годовые оклады, изъ стипендіальной или экстраординарной суммы округа, съ обязаніемъ получившихъ такое пособіе прослужить въ Варшавскомъ учебномъ округѣ не менѣе трехъ лѣтъ.

Отправленіе за границу воспитанниковъ округа.

На основаніи Высочайше утвержденнаго $^{7}/_{19}$ сентября 1857 г. положенія о казенныхъ стипендіяхъ въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, разрѣшено отправить за границу девять бывшихъ воспитанниковъ реальной гимназіи и художественной школы, для усовершенствованія по части архитектуры, механики и химіи.

Объ усиленіи преподаванія строительнаго искусства.

По признанной необходимости усилить въ Варшавской художественной школѣ обученіе строительному искусству, особенно въ практическомъ отношеніи, преподаваніе сего предмета поручено члену правленія XIII округа путей сообщенія, инженеръ-подполковнику *Стуарту*.

Люблинская гимназія съ пансіономъ.

По-случаю приводимой къ окончанію постройки новаго зданія для Люблинской гимназіи и для пансіона при оной, ассигновано на внутреннее устройство пансіона и на обзаведеніе гимназіи прилич-

ною мебелью 14 т. р., изъ остатковъ отъ суммы по содержанію при департаментѣ народнаго просвѣщенія отдѣленія по дѣламъ Варшавскаго учебнаго округа.

Еврейскія первоначальныя училища.

По признанной пользѣ въ устройствѣ въ Царствѣ Польскомъ отдѣльныхъ Еврейскихъ первоначальныхъ школъ, увеличено число таковыхъ школъ въ Варшавѣ и приняты мѣры къ устройству подобныхъ заведеній въ Люблинѣ, Петрковѣ, Влоцлавкѣ и Кальваріи, какъ мѣстахъ особенно населенныхъ Евреями, на-счетъ мѣстныхъ источниковъ.

Обозрѣніе училищъ.

Въ минувшемъ году попечитель округа осматривалъ учебныя заведенія въ Варшавѣ. Помощникъ его обозрѣвалъ Люблинскую и Сувалкскую гимназіи, Ломжинское и Пултусское пятиклассныя училища. Членъ совѣта народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ визитаторъ *Смачнинскій* осматривалъ Радомскую и Петрковскую гимназіи, Келецкое высшее реальное училище, Ленчицкое и Пинчовское пятиклассныя, Ловичское и Сандомірское четырехклассныя и Петрковское реальное уѣздныя училищи, а также реальное Нѣмецко-Русское училище въ Лодзи.

X. Училища въ Сибири.

Число училищъ и учащихся.

Въ *Иркутской губерніи* находится гимназія съ пансіономъ, 3 уѣздныя и 15 приходскихъ училищъ; въ нихъ чиновниковъ и учителей 44. Въ теченіе года выбыло изъ училищъ 243 человѣка, изъ нихъ 82 по окончаніи курсовъ; вновь поступило 392; всѣхъ учащихся было 905.

Въ *Тобольской губерніи* —гимназія съ пансіономъ,

9 уѣздныхъ и 13 приходскихъ училищъ; чиновниковъ и учителей 88. Выбыло учащихся 638, въ томъ числѣ 187 окончившихъ курсы ученія; вновь поступило 813; общее число учениковъ 1,439.

Въ *Томской губерніи* — гимназія съ пансіономъ, 3 уѣздныя, 5 приходскихъ училищъ и 2 частныя учебныя заведенія; чиновниковъ и учителей 47. Выбыло учащихся 190, изъ нихъ 19 по окончаніи ученія; вновь поступило 192; наличное число учащихся 500.

Въ *Енисейской губерніи* — 3 уѣздныя и 9 приходскихъ училищъ; чиновниковъ и учителей 37. Выбыло учениковъ 254, изъ нихъ 134 по окончаніи курсовъ; вновь поступило 286; всего училось 623.

Въ *Забайкальской области* — 2 уѣздныя и 9 приходскихъ училищъ; чиновниковъ и учителей 22. Выбыло учащихся 94, изъ коихъ 46 окончили ученіе; вновь поступило 125; наличное число учащихся 397.

Въ *Кяхтинскомъ градоначальствѣ* — 1 уѣздное и 3 приходскія училища; въ нихъ чиновниковъ и учителей 9. Изъ числа учащихся выбыло 66, вновь поступило 126; всѣхъ учившихся 230.

Въ *Якутской области* — 1 уѣздное и 2 приходскія училища, въ коихъ находилось 6 чиновниковъ и учителей. Учащихся выбыло 49, вновь поступило 60, всѣхъ на лицо 185.

Всего въ Сибирскомъ краѣ: 3 гимназіи съ пансіонами при нихъ, 22 уѣздныя и 56 приходскихъ училищъ и 2 частныя учебныя заведенія. Чиновниковъ и преподавателей 252, учащихся 4,279.

О стипендіатахъ. Въ 1835 и 1837 годахъ Высочайше повелѣно было содержать въ Казанскомъ университетѣ

для учебной и гражданской службы въ Сибири 28 стипендіатовъ изъ воспитанниковъ Сибирскихъ гимназій; но до 1858 г. отпускалась сумма только на 14 человѣкъ. Между-тѣмъ число кандидатовъ на стипендіи увеличивалось и многіе изъ нихъ, въ ожиданіи стипендіи, терпѣли крайнюю нужду. Обстоятельство это внесено было мною на усмотрѣніе Сибирскаго комитета. Принявъ во вниманіе, что Сибирь особенно нуждается въ хорошо-образованныхъ чиновникахъ, и что для отвращенія этого недостатка необходимо или переводить чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній. что̀ сопряжено со многими неудобствами и со значительными расходами, или-же дать средства тамошнимъ уроженцамъ пріобрѣтать необходимое образованіе для службы на родинѣ, — комитетъ призналъ полезнымъ открыть молодымъ людямъ, съ успѣхомъ оканчивающимъ курсъ въ Сибирскихъ гимназіяхъ, средство получать на-счетъ казны высшее образованіе въ Казанскомъ университетѣ, дабы посвятить себя исключительно службѣ въ Сибири. Руководствуясь симъ, комитетъ полагалъ существенно необходимымъ содержать въ университетѣ все то число стипендіатовъ, какое опредѣлено закономъ, съ отпускомъ на 14 остальныхъ стипендій—1,999 р. 97 к. въ годъ изъ государственнаго казначейства Такое положеніе Сибирскаго комитета удостоено Высочайшаго утвержденія въ 1 день ноября 1858 г.

Особое воспитательное заведеніе.

Забайкальской области, Верхнеудинскаго округа, при Онинскомъ Бурятскомъ приходскомъ училищѣ открыто для 15 Бурятъ воспитательное заведеніе на-счетъ отпускаемыхъ ежегодно для того обществомъ Хоринскихъ Бурятъ 900 р.

Строительные расходы.

На работы по устройству дома Тобольской гимназіи съ пансіономъ разрѣшено употребить до 3,660 р. 71½ к. По дому Иркутской гимназіи на разныя подѣлки употреблено 549 р. 53 к. Купечество и граждане города Кургана (Тобольской губерніи) пріобрѣли на свой счетъ домъ за 3,500 р. для помѣщенія уѣзднаго и приходскаго училищъ, а со-временемъ и училища для дѣвицъ. На окончательную отдѣлку сего сего дома разрѣшено употребить до 3,003 р. 26½ к. изъ мѣстныхъ способовъ. На покрытіе издержекъ по постройкѣ при уѣздномъ училищѣ въ Тобольскѣ флигеля для помѣщенія приходскаго училища употреблено 1,801 р. 30½ к.

XI. Медицинская часть.

Число студентовъ.

Въ пяти медицинскихъ факультетахъ университетовъ состояло 2,290 студентовъ, именно: въ Московскомъ—993, св. Владиміра — 640, Харьковскомъ — 214, Казанскомъ — 173 и Дерптскомъ—270.

Выпускъ.

Выпущенные въ 1858 году казеннокоштные медицинскіе студенты опредѣлены на службу: въ гражданское вѣдомство—23, въ военное—16.

О воспитанникахъ Уральскаго войска.

По ходатайству Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: предоставить войсковому начальству Уральскаго казачьяго войска содержать въ 1-й Казанской гимназіи и въ тамошнемъ университетѣ по-четыре воспитанника изъ дѣтей чиновниковъ войсковаго сословія, съ отнесеніемъ издержекъ на-счетъ войсковыхъ суммъ и съ тѣмъ, чтобы

воспитанники сіи, по окончаніи курса въ гимназіи, поступали въ университетъ по медицинскому факультету, для приготовленія ихъ къ службѣ по Уральскому войску въ медицинскихъ должностяхъ.

О коммиссіи для введенія чумопрививанія рогатому скоту.

По всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше повелѣно: учредить при томъ министерствѣ, въ видѣ опыта, на три года, комитетъ для распоряженій и высшаго наблюденія за мѣрами искусственнаго прививанія чумы рогатому скоту и изысканія вообще средствъ къ истребленію и отвращенію скотскихъ падежей. Членами въ сей комитетъ со-стороны министерства народнаго просвѣщенія назначены профессоры Дерптскаго ветеринарнаго училища *Гессенъ* и *Унтенбергеръ*.

О сообщеніи свѣдѣній для военно-медицинскаго журнала.

Для доставленія военнымъ врачамъ возможности слѣдить за мѣрами, предпринимаемыми для усовершенствованія врачебной части, и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомиться съ произведеніями отечественной медицинской литературы, военный министръ изъявилъ желаніе, чтобы медицинскому департаменту военнаго министерства, для печатанія въ «Военно-медицинскомъ журналѣ», были сообщаемы извѣстія о всѣхъ распоряженіяхъ по медицинской части со-стороны министерства народнаго просвѣщенія, равно-какъ и ученыя медицинскія диссертаціи. Вслѣдствіе сего сдѣлано надлежащее распоряженіе по университетамъ.

XII. Образованіе Евреевъ.

Число училищъ и учащихся.

Въ учебныхъ округахъ: С. Петербургскомъ, Кіевскомъ, Виленскомъ, Дерптскомъ и Одесскомъ,

подъ ближайшимъ руководствомъ министерства народнаго просвѣщенія, находится 123 Еврейскія учебныя заведенія, содержимыя на-счетъ особаго съ Евреевъ сбора, подъ названіемъ *свѣчнаго.* Училища сіи суть: 2 раввинскія, въ Вильнѣ и Житомірѣ, съ приготовительными классами и съ общими ученическими квартирами; 13 училищъ 2-го разряда на степени уѣздныхъ, 93 училища 1-го разряда на степени приходскихъ, 14 училищъ для дѣвицъ, изъ коихъ одно, въ Одессѣ, на полномъ казенномъ содержаніи, а 13 получаютъ пособія отъ министерства, и общественное училище въ Ригѣ, состоящее на степени училища 1-го разряда, на счетъ общественныхъ суммъ.

Въ вышеозначенныхъ училищахъ находилось чиновниковъ и учителей изъ христіанъ и Евреевъ 410, учащихся ,3538.

Открытіе въ Одессѣ училища.

Вмѣсто существовавшаго при Одесскомъ казенномъ Еврейскомъ училищѣ 1-го разряда параллельнаго класса, открыто другое такое-же училище въ полномъ составѣ.

О раввинскихъ училищахъ.

Для Виленскаго раввинскаго училища утверждена новая табель распредѣленія предметовъ преподаванія по классамъ и программа Еврейскихъ предметовъ, по которымъ положено воспитанникамъ раввинскаго отдѣленія, поступающимъ на практику къ раввинамъ, преподавать нѣкоторые предметы Еврейскаго закона и такимъ образомъ устроить теоретическо-практическій раввинскій классъ.

Въ 1858 г. послѣдовалъ въ Виленскомъ раввинскомъ училищѣ *седьмой* выпускъ учителей и *четвертый* выпускъ раввиновъ, а именно выпущено: учителей 2 и раввиновъ 4.

Изъ Житомірскаго раввинскаго училища сдѣланъ *пятый* выпускъ педагогическихъ воспитанниковъ въ числѣ 9 и *второй* выпускъ раввиновъ въ числѣ 2.

Еврейскія училищныя коммиссіи.

Для приведенія въ извѣстность ученыхъ и учебныхъ заведеній и частныхъ учителей и меламдовъ и для надзора за тѣми заведеніями и за лицами, занимающимися обученіемъ Евреевъ, въ 1845 г. учреждены губернскія и уѣздныя Еврейскія училищныя коммиссіи.

Коммиссіи эти предположено закрывать, по мѣрѣ устройства казенныхъ Еврейскихъ училищъ и опредѣленія особыхъ лицъ для надзора за ними и за частнымъ воспитаніемъ Евреевъ. На семъ основаніи въ 1858 г. разрѣшено закрыть Еврейскія училищныя коммиссіи въ Курляндккой губерніи. Въ настоящее время таковыя коммиссіи существуютъ еще въ губерніяхъ: Витебской, Могилевской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Кіевской, Подольской, Волынской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Полтавской, Бессарабской области и въ Таганрогскомъ градоначальствѣ.

О переводѣ казенныхъ Еврейскихъ училищъ.

По случаю пожаровъ, истребившихъ мѣстечки Любавичи и Бѣшенковичи, находившіяся тамъ казенныя Еврейскія училища 1-го разряда переведены въ мѣстечко Дубровну и въ г. Суражъ.

Изданіе учебниковъ.

Въ минувшемъ году окончено печатаніе назначеннаго для Еврейскихъ училищъ *Еврейско-Русскаго словаря*, и приступлено къ печатанію *Русско-Еврейскаго словаря*, а также напечатано 2-е изданіе *Извлеченій изъ книги Хаіе-Адамъ*.

О свѣчномъ сборѣ.

Пересмотръ положеній о коробочныхъ сборахъ, на счетъ которыхъ предполагается отнести со-

держаніе казенныхъ Еврейскихъ училищъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ еще не конченъ. Посему испрошено Высочайшее разрѣшеніе на продолженіе взиманія *свѣчнаго съ Евреевъ сбора* на нынѣ существующихъ правилахъ, впредь до утвержденія новаго положенія о коробочныхъ сборахъ.

Императорская академія наукъ.

Составъ.

Императорская академія наукъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: а) физико-математическаго, б) Русскаго языка и словесности в) и историко-филологическаго. Въ нихъ дѣйствительныхъ членовъ: по 1-му отдѣленію—21, по 2-му—18, по 3-му—12, всего 51 ординарныхъ и экстраординарныхъ академиковъ и адъюнктовъ.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

Утверждены по избранію: экстраординарный академикъ *Гротъ* и протоіерей *Павскій*—въ званіи академиковъ ординарныхъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности; адъюнкты: *Дубровскій*, *Зининъ* и *Кокшаровъ* — въ званіи экстраординарныхъ академиковъ, первый—по отдѣленію Русскаго языка и словесности, второй—по химіи, послѣдній—по минералогіи. *Опредѣлены*: экстраординарный академикъ *Веселевскій*—исправляющимъ должность непремѣннаго секретаря академіи, на мѣсто уволеннаго отъ сей должности, по прошенію, ординарнаго академика *Миддендорфа*; переводчикъ при Азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, надворный совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера *Вельяминовъ-Зерновъ* — адъюнктомъ по части мусульманскихъ языковъ; старшій учитель гимназіи въ Берлинѣ докторъ *Наукъ* —

экстраординарнымъ академикомъ по классической филологіи; докторъ философіи *Виннеке* — адъюнктъ-астрономомъ при Николаевской главной обсерваторіи. На основаніи новаго штата сей обсерваторіи 17 декабря 1857 г., занимавшіе по прежнему штату должности помощниковъ директора *Струве* 2-й, *Делленъ* и *Вагнеръ* (изъ коихъ первый былъ и вторымъ астрономомъ) утверждены въ должностяхъ старшихъ астрономовъ, и изъ нихъ Струве — въ званіи вице-директора или втораго астронома.

Директоръ обсерваторіи академикъ *Струве* 1-й всемилостивѣйше уволенъ за границу впредь до выздоровленія.

Труды 1-го и 3-го отдѣленій.

Ученыхъ разсужденій представлено было: членами 1-го отдѣленія—27, 3-го отдѣленія—15, учеными, состоящими при академіи,—3; сторонними лицами сообщено въ 1-е отдѣленіе 27 и въ 3-е—12 статей. Сверхъ-того были представлены академиками отчеты о присланныхъ на разсмотрѣніе и обсужденіе академіи сочиненіяхъ, изобрѣтеніяхъ, монетахъ и пр.

Къ *текущимъ* изданіямъ академіи принадлежатъ:

1) Записки (Mémoires), въ 4-хъ отдѣлахъ.

2) Ученыя извѣстія (Bulletins), въ 2-хъ отдѣлахъ.

3) Смѣсь (Mélanges), въ 6-ти отдѣлахъ.

4) Отчетъ о трудахъ академіи за истекшій годъ.

5) Отчетъ о 27-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ.

6) Отчетъ о 2-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ.

7) Русскій сборникъ (Beiträge) *Бера* и *Гельмерсена*.

8) Матеріалы къ познанію прозябаемости Российской имперіи, *Рупрехта*.

Отдѣльно изданы слѣдующія сочиненія:

Оконченныя:

Шифнера, Castren's Ostjakische Grammatik.

Шифнера, Castren's Jenissei, Ostjak und Kottische Grammatik.

Дорна, Auszuge aus Muhammedanischen Schriftstellern. Кн. IV.

Броссе, Introduction et tables des matières de l'histoire de la Géorgie.

Кеппена, Города и селенія Тульской губерніи.

Лерха, Словарь къ изданію «Изслѣдованія объ Иранскихъ Курдахъ». Кн. III.

Лерха, Forschungen über die Kurden. T. II.

Боннеля, Russisch-Livländische Chronographie.

Шуберта, Exposé des travaux astronomiques et géodesiques en Russie, avec supplément.

Дестуниса, Историческое сказаніе инока Комнина и инока Прокла, о разныхъ деспотахъ.

Опись трудамъ покойнаго академика, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Буткова.

Неоконченныя:

Миддендорфа, Sibirishe Reise. IV Bd. I Th.

Миддендорфа, Путешествіе по Сибири. т. IV. Отд. I.

Бетлинга, Санскритскій словарь. T. II, вып. 5 6 и 7, T. III, вып. I.

Шифнера, Castren's kleinere Schriften.

Струве, Каталогъ книгамъ библіотеки Николаевской главной обсерваторіи.

Шифнера, A. Schögren's gesammelte Schriften. Т. 1 и 2.

Шифнера, Heldensagen der Minuss. Tataren.

Вельяминова-Зернова, Сочиненіе Шерифъ-Намé

Энгельмана, Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской исторіи.

Шренка, Amur-Reise.

Вейссе, Stern-Catalog, т. II.

Бартоломея, Lettre numismatiques et archéologiques.

Труды 2-го отдѣленія.

Въ засѣданіяхъ 2-го отдѣленія читаны были членами очередныя филологическія разсужденія, обсуживались разные предметы, относящіеся къ отечественному языковѣдѣнію, также сочиненія, поступавшія отъ членовъ отсутствующихъ и корреспондентовъ и отъ постороннихъ литераторовъ; разсматривались матеріалы для Областнаго и Общаго Словарей Русскаго языка и рѣшались вопросы, возникавшіе изъ переписки и сношеній отдѣленія съ разными лицами. Сверхъ сихъ занятій, члены отдѣленія участвовали въ сужденіяхъ о присвоеніи наградъ за сочиненія, поступавшія въ академію на Демидовскія и Уваровскія преміи.

Въ истекшемъ году отдѣленіе издало: *Дополненіе къ Областному словарю Великорусскаго языка* и первый томъ *Словаря Церковно-Славянскаго языка*, составленнаго академикомъ *Востоковымъ*. Оно продолжало, въ прежнемъ объемѣ и по прежнему плану *Ученыя записки* и *Извѣстія*, подъ редакціею академика *Срезневскаго*, равно и *Санскрито-Русскій словарь*, составляемый *Коссовичемъ*.

Учено-литературныя сношенія съ иностранными Славянистами въ истекшемъ году, подобно предъидущимъ, постоянно продолжались.

Библіотека и кабинеты.

По 1-му (Русскому) отдѣленію библіотеки, находящемуся въ завѣдываніи академика *Куника*, къ числу состоявшихъ по спискамъ книгъ, поступило въ 1858 г. 1,801. Общее число книгъ и рукописей составляло 37,067 нумеровъ.

По 2-му (иностранному) отдѣленію, завѣдываемому академикомъ *Беромъ*, приращеніе состояло изъ 3,305 книгъ; за симъ общее число томовъ составляло 92,555.

Академія имѣетъ кабинеты: физическій, минералогическій, зоологическій, ботаническій и анатомическій; минцкабинетъ; музеи: Египетскій, Азіатскій и этнографическій и химическую лабораторію.

Обсерваторіи.

Въ 3-й день марта 1858 г. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ съ Августѣйшими своими братьями изволилъ удостоить посѣщеніемъ *малую* обсерваторію академіи.

Въ сей обсерваторіи находилось 90 инструментовъ (частію старыхъ), 689 книгъ и 58 рукописей.

Въ *Виленской* обсерваторіи было 107 инструментовъ и приборовъ и 1,550 книгъ.

Въ *Николаевской* главной астрономической обсерваторіи состояло главныхъ астрономическихъ и геодезическихъ инструментовъ 30, принадлежащихъ къ нимъ снарядовъ 168, часовъ и хронометровъ 18, приборовъ для измѣренія линій 21, метеорологическихъ инструментовъ 36, общихъ вспомо-

гательныхъ снарядовъ 87; въ механической мастерской инструментовъ 64; въ библіотекѣ книгъ 7,381 и диссертацій 8,113.

При Николаевской обсерваторіи признано нужнымъ надстроить на двухъ флигеляхъ по этажу для жительства членовъ сего учрежденія, число коихъ должно увеличиться по новому штату 17 декабря 1857 г. Работа эта отдана съ подряда за 17,987 р. и должна быть кончена лѣтомъ 1859 года.

Демидовскія награды.

Демидовскихъ наградъ по 27-му конкурсу присуждено 8, изъ коихъ одна полная, въ 1,428 р., и 7 половинныхъ, въ 714 р. каждая.

Полной преміи удостоено сочиненіе *Гошкевича*: Японско-Русскій словарь. (Рецензенты: Виконтъ *де-Рони* въ Парижѣ и *Леонтьевскій*).

Второстепенныхъ премій: 1) *Заблоцкаго*, Руководство къ изученію и леченію сифилитическихъ болѣзней. (Рецензентъ — вице-президентъ медико-хирургической академіи *Глѣбовъ*).

2) Барона *Дельвига*, Руководство къ устройству водопроводовъ. (Рецензентъ — инженеръ-генералъ-маіоръ *Кербедзъ*).

3) *Попова*, Исторія возмущенія Стеньки Разина. (Рецензентъ — академикъ *Устряловъ*).

4) *Майкова*, Исторія Сербскаго языка. (Рецензентъ — академикъ *Срезневскій*).

5) *Шмидта*, Untersuchungen über die silurische Formation von Ehstland, Nord-Livland und Oesel. (Рецензенты: академикъ *Гельмерсенъ* и докторъ *Пандеръ*).

6) *Пыпина*, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ сказокъ Русскихъ. (Рецензентъ—академикъ *Срезневскій*).

7) *Чистовича*, Исторія С. Петербургской духовной академіи. (Рецензентъ—академикъ *Устрялов*ъ).

Уваровскія преміи.

Изъ сочиненій, представленныхъ на конкурсъ *Уваровскихъ* премій, удостоено почетнаго отзыва сочиненіе Д. *Равинскаго*: «Обозрѣніе Русскаго гравированія на металлѣ и на деревѣ до 1725 года. (Рецензентъ—Влад. *Стасовъ*).

Награды Гарелина и Баранова.

Число премій, присужденіе коихъ предоставлено академіи, увеличилось по одному особенному случаю: 4 іюля 1857 г. праздновапъ былъ въ городѣ Владимірѣ семисотлѣтній юбилей его основанія. Почетные граждане: *Гарелинъ* и *Барановъ*, бывшіе на торжествѣ, возымѣли мысль, въ ознаменованіе онаго, назначить премію за составленіе подробной «Исторіи великаго княжества Владимірскаго» и предложили на сей предметъ 1,100 р. сер. Академія, съ Высочайшаго разрѣшенія, принявъ сіе пожертвованіе, пригласила на конкурсъ историковъ по составленной программѣ требуемой исторіи. Срокомъ представленія сочиненій назначено 4 іюля 1861 года.

Ученыя путешествія.

Аральская экспедиція, снаряженная для естественно-историческихъ изслѣдованій на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ и на Аральскомъ морѣ, подъ начальствомъ магистра *Сѣверцова*, возвратилась. Путешествіе это едва не стоило жизни ученому испытателю природы, который былъ раненъ и отведенъ въ плѣнъ Коканцами, но потомъ возвращенъ содѣйствіемъ мѣстнаго начальства. Путешественники занимаются нынѣ разборомъ и разработкою собранныхъ ими ученыхъ матеріаловъ.

Академикъ *Беръ* осмотрѣлъ музеумы въ Стокгольмѣ, Берлинѣ, Фрейбургѣ, Лейденѣ и Амстер-

дамѣ, съ цѣлію изучить формы человѣческихъ черепов разныхъ народовъ Европы и западной Азіи, и дополнить нашу коллекцію тѣми типами, которыхъ въ ней недоставало. Главнымъ предметомъ его путешествій было войти съ совѣщаніе съ Европейскими учеными о средствахъ установить, по предварительному обсужденію, раціональную и единообразную систему измѣренія черепов. По предложенію Бера, ученые условились пригласить извѣстныхъ антропологовъ съѣхаться въ будущее лѣто на совѣщаніе въ Гёттингенъ.

Академикъ *Гельмерсенъ* ѣздилъ въ Олонецкую губернію. Онъ дополнилъ и довершилъ изслѣдованіе этого края въ геологическомъ отношеніи, произведенное имъ въ прошедшія два лѣта; посѣтилъ край на сѣверъ отъ Петрозаводска до озеръ Выга и Сега, равно-какъ и южную часть Петрозаводскаго уѣзда до рѣки Свири, составляющей его границу. Въ этомъ путешествіи Гельмерсенъ дознадъ окончательно, что песчаникъ, изъ коего состоитъ западный берегъ Онежскаго озера, простирается далеко на западъ, а діоритъ находится и на лѣвомъ берегу Свири.

Академикъ *Абихъ*, по Высочайшему повелѣнію, командированъ, на два года, на Кавказъ для управленія горными развѣдками, тамъ предпринятыми. Это путешествіе послужитъ къ дополненію прежнихъ розысканій по геологіи и физической географіи того края.

Академикъ *Купферъ*, по званію директора главной физической обсерваторіи, посланъ былъ на четыре мѣсяца въ Германію и Францію для совѣщанія съ тамошними учеными.

Академикъ *Кеппенъ*, по распоряженію министра

государственныхъ имуществъ, командированъ былъ съ ученою цѣлію въ Таврическую губернію, до лѣта 1859 г.

Академики *Фрицше* и *Беръ* ѣздили съ ученою цѣлію въ Германію и Англію, и академикъ *Веселовскій*—въ Германію, Бельгію, Францію и Сѣверную Италію.

Академикъ *Срезневскій* осматривалъ Московскую синодальную библіотеку и библіотеки Троицкой лавры и Воскресенскаго монастыря.

Корреспондентъ отдѣленія Русскаго языка и словесности *Майковъ* отправился въ Грецію для разъясненія, между прочимъ, нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ о существованіи Славянскаго элемента посреди Ново-Греческаго населенія.

Академикъ *Видеманъ* собиралъ въ Курляндской губерніи матеріалы къ пополненію сочиненія умершаго академика *Шёгрена* «о Ливахъ».

Кандидатъ С. Петербургскаго университета *Лерхъ* посланъ былъ въ Хиву и Бухару для пріобрѣтенія восточныхъ рукописей и монетъ.

Типографія. Ихъ Императорскія Высочества, Великіе Князья Александръ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ и Алексій Александровичъ 26 ноября изволили осматривать типографію и словолитню академіи, а 28 ноября удостоилъ посѣщеніемъ эти заведенія и Его Императорское Высочество, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ.

Факторъ типографіи *Нагель*, ѣздившій за границу для обозрѣнія типографій и словолитенъ, по порученію академіи, пріобрѣлъ тамъ разныхъ вещей, для усовершенствованія академической типо-

графіи, на 2,969 р. 60 к.; кромѣ-того здѣсь пріобрѣтено шрифтовъ, красокъ и другихъ матеріаловъ на 5,281 р. 78 к.

Старыя изданія. По накопленію въ книжномъ магазинѣ академіи въ большомъ числѣ экземпляровъ многихъ старинныхъ изданій академіи, большею частію Русскихъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ, положено нѣкоторое число экземпляровъ сихъ сочиненій разослать въ даръ гимназіямъ и семинаріямъ.

Публичныя библіотеки.

Число публичныхъ библіотекъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ простиралось въ 1858 г. до 50. Ближайшее завѣдываніе оными возложено на губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства. Существованіе библіотекъ зависитъ отъ пожертвованій частныхъ лицъ и платы, взимаемой за право пользоваться книгами. Пособіе получаютъ только три библіотеки: Одесская — по 1,000 р., изъ городскихъ доходовъ, Кишиневская — по 285 р., изъ суммъ Бессарабской области, и Тифлисская — по 1,570 р., изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи намѣстника Кавказскаго.

Въ минувшемъ году дано разрѣшеніе открыть публичныя библіотеки: *въ Нижнемъ-Новгородѣ* — при тамошнемъ Александровскомъ дворянскомъ институтѣ, и *въ Лебедяни* — при уѣздномъ училищѣ.

По изъявленному покойнымъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ *Бутковымъ* желанію, чтобы его библіотека, состоящая преимущественно изъ книгъ историческаго и ученаго содержанія, была пожертвована на устройство публичной би-

бліотеки въ г. *Старомъ Осколѣ* (Курской губерніи) съ наименованіемъ ея «Бутковскою», сдѣлано распоряженіе о пріемѣ означенныхъ книгъ и о принятіи мѣръ къ открытію библіотеки.

Ученыя Общества.

Изъ существующихъ въ разныхъ краяхъ Имперіи ученыхъ и литературныхъ обществъ, 17 подчинены вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Отпускаемыя нѣкоторымъ изъ нихъ пособія отъ правительства, именно: въ С. Петербургѣ, минералогическому—2,857 р. 10 к., въ Москвѣ: испытателей природы—2,857 р. 10 к., исторіи и древностей Россійскихъ—1,428 р. 50 к., въ Одессѣ, исторіи и древностей—1,428 р. 57 к., по Высочайше утвержденному журналу государственнаго совѣта по департаменту экономіи, 3 октября и 9 ноября 1857 г. исключены на 1858, 1859 и 1860 годы изъ смѣты расходовъ министерства народнаго просвѣщенія, съ отнесеніемъ оныхъ на собственныя средства министерства.

Частное и домашнее воспитаніе.

Порядокъ открытія частныхъ училищъ.

Въ 1835 году принято было по министерству правиломъ, чтобы на открытіе вновь всякаго частнаго учебнаго заведенія предварительно испрашивалось разрѣшеніе министерства, съ представленіемъ побудительныхъ къ тому причинъ и основаній, на коихъ пансіонъ или школа предполагаются къ учрежденію. Желая сколько возможно облегчить средства къ повсемѣстному распространенію частныхъ училищъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ сократить излишнюю переписку, я нашелъ возможнымъ и полезнымъ предоставить попечителямъ учебныхъ

округовъ право разрѣшать открытіе частныхъ учебныхъ заведеній, съ соблюденіемъ въ точности установленныхъ на сей предметъ правилъ.

Число частныхъ училищъ.

Частныхъ учебныхъ заведеній въ Имперіи было 668; въ томъ числѣ мужескихъ пансіоновъ 50, пансіоновъ для дѣвицъ 226, школъ 392; учащихся въ нихъ обоего пола было 24,036.

Образцовые пансіоны.

Образцовые пансіоны для дѣвицъ въ западныхъ губерніяхъ существуютъ въ Вильнѣ, Минскѣ, Кіевѣ, Житомірѣ, Витебскѣ и Полоцкѣ. На содержаніе ихъ производится 10,500 р. изъ государственнаго казначейства, и 1,000 р. особо на Виленскій пансіонъ изъ процентовъ съ капитала на усиленіе женскаго воспитанія въ Виленскомъ учебномъ округѣ.

Домашніе учители.

Въ-теченіе 1858 года выдано 416 свидѣтельствъ на званіе домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ и 24—на исправленіе сихъ должностей. Правительствующимъ сенатомъ утверждено въ службѣ по учебной части 49 домашнихъ учителей, принадлежавшихъ къ податнымъ состояніямъ.

О домашнихъ учителяхъ за границею.

По положенію главнаго правленія училищъ, въ 29 день марта послѣдовало Высочайшее соизволеніе: зачислять въ дѣйствительную службу время, проведенное домашними наставниками и учителями изъ Русскихъ подданныхъ за границею, въ обученіи дѣтей въ домахъ тѣхъ Русскихъ подданныхъ, которые по обязанностямъ службы проживаютъ въ чужихъ краяхъ, съ тѣмъ, чтобы означенные наставники и учители, поступая въ такой домъ, предъявляли свидѣтельство на свое званіе въ наши миссіи и присылали ежегодно въ министерство народнаго просвѣщенія отчеты о своихъ

занятіяхъ, съ приложеніемъ одобрительныхъ свидѣтельствъ объ исполненіи своихъ обязанностей и о нравственныхъ качествахъ отъ миссій и отъ лицъ, у коихъ они занимаются обученіемъ дѣтей.

О домѣ призрѣнія ближняго въ Ярославлѣ.

Въ Ярославлѣ съ давняго времени существуетъ благотворительное заведеніе, подъ названіемъ: «Домъ призрѣнія ближнаго», состоящее въ вѣдѣніи начальника Ярославской губерніи. При этомъ домѣ находится воспитательное отдѣленіе для бѣдныхъ дворянъ и вообще свободнаго состоянія дѣвицъ. Учебный курсъ заведенія удовлетворяетъ требованіямъ, назначеннымъ для желающихъ получить званіе домашнихъ учительницъ. Кончившія курсъ дѣвицы получали свидѣтельство отъ Дома призрѣнія ближняго, размѣщаемы были въ частные домы, для обученія дѣтей; потомъ, дабы облечь ихъ право въ установленную по министерству народнаго просвѣщенія форму, испытаніе ихъ дѣлалось въ присутствіи директора Демидовскаго лицея и училищъ Ярославской губерніи, и отъ него уже выдавались имъ свидѣтельства на право первоначальнаго обученія въ частныхъ домахъ. Въ видахъ положительнаго опредѣленія права выпускаемыхъ дѣвицъ, вполнѣ соотвѣтствующаго пріобрѣтеннымъ имъ познаніямъ, и для обезпеченія будущности ихъ внѣ заведенія, начальникъ Ярославской губерніи ходатайствовалъ объ удостоеніи воспитанницъ помянутаго заведенія, послѣ выпускныхъ экзаменовъ, свидѣтельствами на званіе домашнихъ учительницъ. Главное правленіе училищъ опредѣлило, что окончившимъ курсъ воспитанницамъ заведенія при Ярославскомъ домѣ призрѣнія ближняго могутъ быть выдаваемы, установленнымъ порядкомъ, свидѣтельства на званіе

домашнихъ учительницъ, послѣ выпускнаго испытанія,—но съ тѣмъ, чтобы при семъ испытаніи, на основаніи Высочайше утвержденнаго 1 іюля 1834 г. ***Положенія о домашнихъ учителяхъ и учительницахъ***, присутствовали директоръ Демидовскаго лицея и профессоры, къ предметамъ преподаванія коихъ относится испытаніе, и чтобы самое испытаніе вполнѣ соотвѣтствовало предписаннымъ для сего правиламъ.

О высшемъ дѣвичьемъ училищѣ въ Ревелѣ.

Главное правленіе училищъ, разсмотрѣвъ представленіе попечителя Дерптскаго учебнаго округа, объ открытіи при Ревельскомъ высшемъ городскомъ дѣвичьемъ училищѣ, въ видѣ опыта, на три года, класса для образованія домашнихъ учительницъ, 28 февраля 1858 года, разрѣшило это, съ тѣмъ, чтобы испытаніе выпускнымъ воспитанницамъ на званіе домашнихъ учительницъ было производимо въ присутствіи директора училищъ, почетнаго попечителя и совѣта гимназіи, на основанія изданныхъ для сего правилъ.

Объ училищахъ въ Дерптѣ.

По ходатайству попечителя Дерптскаго учебнаго округа, главное правленіе училищъ 11 апрѣля 1858 г., разрѣшивъ распространеніе состава двухъ Дерптскихъ городскихъ дѣвичьихъ училищъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставило воспитанницамъ оныхъ права начальныхъ и домашнихъ учительницъ, съ выдачею имъ, на основаніи испытатій, свидѣтельствъ на означенныя званія.

Департаментъ народнаго просвѣщенія.

Дѣлопроизводство.

Въ 1858 году въ департаментъ поступило 14,673 бумаги; исходящихъ было 10,252; къ 1859 г. оставалось неисполненныхъ 44.

Отчетъ объ оборотахъ суммъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія отправленъ въ государственный контроль къ опредѣленному для того времени, т.-е. къ 1 іюля.

Въ архивѣ департамента къ 1858 г. находилось 128,977 дѣлъ; въ-теченіе года поступило 3,586; всего состоитъ 132,563 дѣла.

Смѣта расходовъ. По государственной росписи на 1858 г. ассигновано было министерству народнаго просвѣщенія на всѣ расходы 2,881,012 р. 99 к.

Капиталы. Къ 1859 году состояло капиталовъ:

Общаго экономическаго гражданскихъ учебныхъ заведеній — 806,167 руб. 11¼ коп.

Призрѣнія домашнихъ наставниковъ и учителей — 102,513 р. 79½ коп.

Пенсіоннаго для приходскихъ учителей—72,628 р. 72¾ к.

На содержаніе *Еврейскихъ училищъ* — 372,185 р. 54¼ к., *Еврейскаго пенсіоннаго* — 9,986 р.

На учрежденіе *ветеринарныхъ учебныхъ заведеній* —126,972 р. 14 коп.

Хозяйственной суммы департамента народнаго просвѣщенія — 51,072 р. 87¼ коп.

Суммы на покрытіе расходовъ *по ученому комитету* главнаго правленія училищъ — 12,822 р. 4½ коп.

Учебники. Къ 1858 году оставалось въ книжномъ магазинѣ книгъ и учебныхъ пособій 242,262 экземпляра.

Къ тому поступило вновь отпечатанныхъ и пріобрѣтенныхъ покупкою отъ авторовъ и издателей и книгопродавцевъ 211,023. Изъ того числа употреблено 228,809; къ 1859 г. оставалось 224,476 экземпляровъ.

О Щукиномъ рынкѣ.

Съ отданныхъ по контрактамъ лавокъ Щукина рынка причиталось дохода за 1858 г. 68,425 р. 83 к., да недоимочныхъ за 1857 г. 3,234 р. 36 коп., всего 71,660 р. 19 к.

Въ то число поступило 69,993 р. 50 к. Затѣмъ къ 1859 г. оставалось въ недоимкѣ 1,666 р. 69 к.

Археографическая коммиссія.

Археографическая коммиссія, занимающаяся изданіемъ памятниковъ историческихъ и юридическихъ, относящихся до Россіи, не только продолжаетъ съ ревностію свои труды по плану прежнихъ лѣтъ, но и увеличила ихъ въ 1858 году, предпринявъ новое изданіе—*Писцовыхъ книгъ*. Возможность къ такому распространенію круга своихъ занятій, поставленному ей впрочемъ въ обязанность Высочайше утвержденными для нея правилами, она получила вслѣдствіе дарованнаго ей Вашимъ Императорскимъ Величествомъ прибавленія 3,427 руб. 83 коп. сер. къ отпускавшейся доселѣ суммѣ на ея изданія. Такимъ образомъ въ 1858 году ею были приготовлены слѣдующія печатаемыя нынѣ изданія:

1) VIII томъ *Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей*. Этотъ томъ будетъ заключать въ себѣ вторую половину такъ-называемой *Воскресенской лѣтописи*, которая до-сихъ-поръ еще не была издана и въ которой описаны событія, преимущественно касающіяся Московскаго государства. Она начинается 1351 годомъ и оканчивается 1541 — нашествіемъ на Россію Крымскаго хана Саипъ-Гирея. Настоящая половина Воскресенской лѣтописи печатается по тремъ неизвѣстнымъ прежде спискамъ, изъ коихъ основнымъ при изданіи принятъ списокъ, хранящійся въ императорской Па-

-рижской библіотекѣ, доставленный въ коммиссію чрезъ наше посольство въ Парижѣ.

2) VII томъ *Дополненій къ Актамъ историческимъ*. Онъ долженъ содержать въ себѣ матеріалы царствованія Θеодора Алексѣевича; но по обилію этихъ матеріаловъ, все еще пополняющихся новыми документами, сообщаемыми изъ разныхъ мѣстъ въ археографическую коммиссію, они не могутъ умѣститься въ одномъ томѣ. Содержаніе ихъ, интересное само-по-себѣ, получаетъ тѣмъ бо̀льшую важность, что до-сихъ-поръ извѣстно было въ печати лишь самое незначительное число актовъ, поясняющихъ это замѣчательное царствованіе.

3) II томъ *Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи*, печатаемыхъ на иждивеніе члена коммиссіи, статскаго совѣтника *Калачова*, будетъ заключать въ себѣ продолженіе матеріаловъ, относящихся, по своему содержанію, къ юридическимъ терминамъ, которыми характеризуются разныя группы дѣловыхъ бумагъ въ древней Россіи. Термины эти расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

4) Второе изданіе сочиненія *Котошихина: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.* Оно напечатано на основаніи подлинника, полученнаго изъ Упсальской библіотеки, и будетъ дополнено нѣкоторыми новыми матеріалами и свѣдѣніями, относящимися до самого Котошихина, также подробнымъ указателемъ собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ, встрѣчающихся въ этомъ любопытномъ сочиненіи.

5) *Собраніе актовъ на* Латинскомъ, Нѣмецкомъ

и Русскомъ языкахъ, относящихся къ исторіи *сѣверо-западной Руси.*

6) Хронологическій *Указатель* къ стариннымъ актамъ, относящимся до Русской исторіи и Русскаго права. Какъ матеріалъ для этого Указателя, напечатанъ предварительно перечень всѣхъ изданій, гдѣ помѣщены акты означеннаго содержанія.

7) I томъ *Писцовыхъ книгъ.* Для обозрѣнія матеріаловъ, которыми надлежитъ воспользоваться при этомъ изданіи, членъ коммиссіи *Савваитовъ*, назначенный редакторомъ Писцовыхъ книгъ, былъ командированъ въ Москву, гдѣ хранится бо́льшая ихъ часть въ архивѣ министерства юстиціи и въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Послѣ такого предварительнаго подробнаго ихъ обозрѣнія, положено начать изданіе Писцовыхъ книгъ съ Новгородскихъ, какъ по важности содержанія, такъ и по древности этихъ послѣднихъ. Первый томъ будетъ заключать въ себѣ Переписную оброчную книгу Деревской пятины.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія продолжалъ издаваться на прежнемъ основаніи по утвержденной для него министерствомъ программѣ. Направленіе его — серьезно-ученое. Въ немъ помѣщались статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, составленныя большею частію лицами, принадлежащими къ ученымъ сословіямъ, и въ-особенности къ университетамъ. Статьи мелкія постоянно знакомили читателей съ важнѣйшими изслѣдованіями и открытіями въ области наукъ, особенно по части естествознанія. Редакція имѣла при этомъ въ виду доставить учителямъ подвѣдомыхъ министерству учебныхъ заведеній въ провинціяхъ возможность слѣдить за ходомъ если не

всѣхъ наукъ, то по-крайней-мѣрѣ тѣхъ, которыхъ движеніе и успѣхи столь тѣсно связаны нынѣ съ развитіемъ и благосостояніемъ обществъ. Въ отдѣлѣ критики было разсмотрѣно и оцѣнено нѣсколько замѣчательнѣйшихъ ученыхъ сочиненій, а также постоянно обозрѣвались замѣчательнѣйшія статьи Русскихъ журналовъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и литературы. Перечень этотъ можетъ служить важнымъ пособіемъ при общихъ историческихъ изображеніяхъ знанія и литературной дѣятельности въ Россіи.

Канцелярія министра.

Въ 1858 году бумагъ было: входящихъ 3,338, исходящихъ 2,563.

Предложенный Французскимъ правительствомъ проектъ конвенціи о взаимномъ обезпеченіи правъ литературной собственности разсмотрѣнъ былъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и, по совѣщаніи съ разными учеными и литераторами, сообщено мною заключеніе по сему предмету министерству иностранныхъ дѣлъ.

26 августа 1858 года воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на отправленіе Лейпцигскаго профессора *Тишендорфа* на востокъ, для пріобрѣтенія въ пользу Русскаго правительства замѣчательныхъ древнихъ рукописей, находящихся въ монастырскихъ библіотекахъ. На путевыя издержки всемилостивѣйше пожаловано *Тишендорфу* 3,000 р., а на пріобрѣтеніе рукописей — 5,000 р. изъ государственнаго казначейства. *Тишендорфъ* долженъ былъ выѣхать изъ Лейпцига въ ноябрѣ 1858 года.

Въ 24 день декабря 1858 г. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть представлять Вамъ краткое извлеченіе изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій, появляющихся въ современной періодической литературѣ. Это принято къ исполненію съ начала 1859 года.

Профессору Московскаго университета *Соловьеву*, занимающемуся составленіемъ исторіи Россіи, испрошено разрѣшеніе на разборъ подлинныхъ дѣлъ и бумагъ въ государственныхъ и другихъ правительственныхъ архивахъ, для извлеченія изъ сихъ актовъ свѣдѣній, нужныхъ для продолженія его труда.

Въ-теченіе 1858 года поднесено Вашему Императорскому Величеству 12 сочиненій, удостоившихся Высочайшаго вниманія.

Занятія канцеляріи по цензурной части заключаются въ особомъ отчетѣ по главному управленію цензуры.

ЦЕНСУРА.

а) Въ имперіи.

О цензурныхъ правилахъ для разсмотрѣнія статей, относящихся до современныхъ правительственныхъ распоряженій.

Въ истекшемъ году главному управленію цензуры объявлены Высочайше утвержденныя правила для руководства внутренней цензуры при разсмотрѣніи и пропускѣ къ напечатанію статей, относящихся до предпринятаго освобожденія крѣпостнаго состоянія, и до прочихъ предметовъ современныхъ государственныхъ вопросовъ и правительственныхъ распоряженій. Отъ нѣсколькихъ министерствъ и другихъ вѣдомствъ государственнаго управленія назначено по одному довѣренному

чиновнику, для предварительнаго разсмотрѣнія предполагаемыхъ къ печатанію статей, относящихся до сихъ вѣдомствъ.

Объ увеличеніи штата цензурнаго вѣдомства.

Въ декабрѣ, по всеподданнѣйшему докладу моему, Высочайше повелѣно: для усиленія способовъ внутренней цензуры, по-случаю значительнаго умноженія повременныхъ изданій, прибавить въ С. Петербургскомъ и Московскомъ цензурныхъ комитетахъ, къ настоящему штатному числу цензоровъ, въ первомъ—двухъ, а въ послѣднемъ—одного, и при главномъ управленіи цензуры прибавить къ настоящему числу чиновниковъ особыхъ порученій VI класса еще одного такого-же чиновника.

О дѣйствіяхъ главнаго управленія цензуры.

Главное управленіе цензуры, слѣдя постоянно за духомъ и направленіемъ литературной дѣятельности въ Россіи, и наблюдая какъ непосредственно, такъ и при пособіи особыхъ чиновниковъ, за точнымъ исполненіемъ правилъ цензурнаго устава, разрѣшало возникавшіе въ кругу дѣйствій подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ недоумѣнія и вопросы, и вообще руководствовало цензоровъ въ сомнительныхъ случаяхъ; о важнѣйшихъ-же дѣлахъ представляло свои заключенія на Высочайшее благоусмотрѣніе. Сверхъ-сего, главное управленіе цензуры занималось разсмотрѣніемъ проекта новаго устава о цензурѣ, составленнаго въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Число вышедшихъ книгъ.

Число вышедшихъ въ свѣтъ въ 1858 году сочиненій оригинальныхъ простирается до 1,577, переводныхъ—до 284. Первыя, взятыя въ одномъ экземплярѣ, заключаютъ въ себѣ 13,679 печатныхъ листовъ, вторыя — 2,489. Всего вышло 1,861 книга, въ 16,168 печатныхъ листахъ.

Періодическія изданія.

Изъ числа издававшихся въ 1857 году журналовъ и газетъ, съ истеченіемъ года прекратилось изданіе газеты «Молва» въ Москвѣ. Въ 1858 году начали выходить въ свѣтъ журналы и газеты: 1) Иллюстрація; 2) Сѣверное сіяніе, на Армянскомъ языкѣ; 3) Листокъ для всѣхъ; 4) Кавказцы или подвиги и жизнь замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ; 5) Sonntags-Blatt; 6) Часъ досуга; 7) Свѣтопись; 8) Московская медицинская газета; 9) Вѣстникъ промышлености; 10) Семейный кругъ; 11) Атеней; 12) Журналъ для землевладѣльцевъ; 13) Сельское благоустройство; 14) Солдатская бесѣда; 15) Народное чтеніе; 16) Русская газета; 17) Рисовальщикъ; 18) Весельчакъ; 19) Подснѣжникъ; 20) Журналъ охоты; 21) Школа рисованія; 22) Драматическій сборникъ; 23) Меркурій модъ иностранныхъ и Петербургскихъ; 24) Библіографическія записки; 25) Шехеразада; 26) Промышленый листокъ; 27) Русскій библіографическій листокъ. Сверхъ-сего подчинены общей цензурѣ три изданія, разсматривавшіяся прежде другими вѣдомствами: Военный сборникъ, Морской сборникъ и Чтеніе для солдатъ. Число періодическихъ изданій, выходившихъ въ 1858 году, разсматривавшихся цензурными учрежденіями вѣдомствами министерства народнаго просвѣщенія, доходило до 165.

Въ 1858 году послѣдовало Высочайшее соизволеніе на выпускъ двадцати новыхъ періодическихъ изданій, и еще тридцать таковыхъ разрѣшено главнымъ управленіемъ цензуры, на основаніи предоставленнаго оному Высочайшимъ повелѣніемъ 9 ноября 1857 года права

Сравнительные выводы.

Изъ сравненія числа книгъ ученыхъ и учебнаго содержанія за 1858 годъ съ числомъ ихъ за 1857 годъ усматривается, что въ 1858 году оригинальныя сочиненія этихъ разрядовъ умножились 55 книгами. Сличеніе частныхъ итоговъ по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній показываетъ, что въ послѣднемъ году особенно увеличился объемъ сочиненій по части географіи, этнографіи и путешествій, а также исторіи всеобщей и иностранныхъ государствъ, наукъ юридическихъ и государственныхъ; уменьшился-же — по богословію иновѣрческихъ исповѣданій, по наукамъ медицинскимъ, математическимъ и военнымъ. Между оригинальными сочиненіями собственно литературнаго содержанія, сравнительно съ 1857 годомъ, оказывается увеличеніе въ собраніяхъ сочиненій, энциклопедическихъ словаряхъ, альманахахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ; уменьшеніе-же — особенно въ романахъ и повѣстяхъ.

Сравнительно съ 1857 годомъ увеличился выходъ книгъ на языкахъ восточныхъ и особенно на Еврейскомъ.

Ввозъ книгъ.

Общее число ввезенныхъ изъ-за границы въ Россію въ 1858 году книгъ составляло 1,614,874 тома. Въ 1857 году число это простиралось до 1,613,862 томовъ. Слѣдовательно привозъ иностранныхъ книгъ увеличился въ 1858 году на 1,012 томовъ.

Разсмотрѣніе иностранныхъ книгъ.

Изъ числа поступившихъ на разсмотрѣніе въ 1858 году книгъ неизвѣстнаго цензурѣ содержанія, разсмотрѣно въ томъ году въ комитетѣ цензуры иностранной 1,586 сочиненій, въ 2,244 томахъ, а иногородными цензурными комитетами въ

Ригѣ, Вильнѣ, Одессѣ и Кіевѣ, и отдѣльными цензорами въ Ревелѣ и Дерптѣ — 876 сочиненій въ 1,403 томахъ. Въ 1858 году подверглись запрещенію преимущественно сочиненія политическія, романы, повѣсти и сочиненія историческія.

Высылка книгъ за границу.

По прошеніямъ книгопродавцевъ и другихъ лицъ выслано обратно за границу 2,114 сочиненій, въ 7,423 томахъ, запрещенныхъ и позволенныхъ съ исключеніями.

б) Въ Царствѣ Польскомъ.

Цензура внутренняя.

На разсмотрѣніе Варшавскаго цензурнаго комитета представлено въ 1858 году, по цензурѣ внутренней, рукописей и печатныхъ книгъ 556 (противъ 1857 года менѣе 8-ю). Изъ этого числа одобрено къ печатанію 465, возвращено авторамъ для исправленія 20, не одобрено 10, осталось къ разсмотрѣнію на 1859 годъ 61.

Ввозъ книгъ.

Въ 1858 году привезено изъ-за границы 38,651 сочиненіе, въ 173,857 томахъ. Этотъ годъ превосходитъ предыдущій въ привозѣ иностранныхъ книгъ на 7,954 названія, а по количеству томовъ —на 52,733.

Общій выводъ и заключеніе.

Въ 1858 году, въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія находилось: а) въ *Имперіи*: 2,432 учебныхъ заведеній съ 133,618 учащихся; изъ нихъ: въ университетахъ и главномъ педагогическомъ институтѣ было 4,982, въ лицеяхъ—219, въ ветеринарныхъ училищахъ — 94, въ гимназіяхъ — 22,270, въ уѣздныхъ училищахъ— 28,358, въ приходскихъ—53,659, въ частныхъ пансіонахъ и школахъ — 24,036, въ Еврейскихъ казенныхъ училищахъ — 3,538; б) въ *Варшав-*

скомъ учебномъ округѣ: медико-хирургическая академія съ 343 студентовъ; училищъ 1,451; въ нихъ учащихся: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ — 3,988, въ уѣздныхъ — 4,665, въ начальныхъ — 60,809, въ частныхъ пансіонахъ и школахъ—6,607.

За тѣмъ *совокупное* число учебныхъ заведеній составляло 3,883, а число учащихся 210,030.

Въ сравненіи съ 1857 годомъ число учащихся въ Имперіи увеличилось: въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—на 198, въ среднихъ—на 1,996, въ уѣздныхъ училищахъ—на 92, въ приходскихъ—на 844, всего на 3,130. Въ Царствѣ Польскомъ, учащихся вообще прибыло 2,069. Общая прибыль учащихся въ Имперіи и Царствѣ въ 1858 г. простирается до 5,199, что составляетъ около трехъ процентовъ.

Обращаясь къ училищамъ въ частности, оказывается, что самое большое приращеніе учащихся (около 10%) было въ гимназіяхъ и вообще въ среднихъ училищахъ; за симъ слѣдуютъ высшія учебныя заведенія въ Имперіи—университеты, лицеи и ветеринарныя училища, гдѣ приращеніе учащихся составляетъ болѣе 4%; наконецъ въ низшихъ училищахъ прибыль не составляетъ и 2%.

Хотя фактъ о значительномъ увеличеніи числа учащихся въ гимназіяхъ показываетъ, что у насъ начинаетъ возникать стремленіе къ высшему образованію, и это тѣмъ замѣчательнѣе, что по Московскому округу значительная часть поступившихъ въ эти училища въ 1858 году принадлежала къ сословіямъ мѣщанъ, ремесленниковъ и цеховыхъ; но не менѣе того, число учащихся въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, предназначен-

ныхъ собственно для народнаго образованія, въ которыхъ передаются знанія, необходимыя для каждаго гражданина, къ какому-бы сословію онъ ни принадлежалъ, оказывается непомѣрно малымъ, сравнительно со всѣми христіанскими государствами Европы.

Приходскія училища подвѣдомственны министерству народнаго просвѣщенія только въ городахъ и мѣстечкахъ, въ крестьянскихъ-же селеніяхъ они принадлежатъ министерству государственныхъ имуществъ и другимъ вѣдомствамъ. Ограничиваясь одними приходскими училищами, въ полномъ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія состоящими, и уѣздными училищами, въ городахъ Имперіи находящимися, оказывается, что въ первоначальныхъ училищахъ одинъ ученикъ приходится на 600 городскихъ жителей и одинъ учащійся въ уѣздныхъ училищахъ на тысячу обывателей городовъ. Конечно, главную причину такого грустнаго явленія должно искать въ равнодушіи вообще жителей къ образованію дѣтей; но справедливость требуетъ сказать, что и училища не возбуждаютъ къ себѣ сочувствія. Это происходитъ главнѣйше отъ недостатка способныхъ и достаточно приготовленныхъ учителей; отъ неудовлетворительной методы преподаванія и несоотвѣтствующаго потребностямъ учащихся распредѣленія научныхъ предметовъ. Подобные недостатки, хотя и въ меньшей степени, заключаются и въ среднихъ училищахъ. Все это я осмѣлился изъяснять во всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ 23 октября 1858 года, предъявленномъ въ совѣтѣ министровъ и удостоенномъ Высочайшаго вниманія Вашего Императорскаго Величе-

ства. Показавъ въ немъ со всею откровенностью недостатки въ учебныхъ заведеніяхъ министерстерства народнаго просвѣщенія, я имѣлъ счастіе изложить и средства къ устраненію ихъ.

Средства сіи, по моему мнѣнію, заключаются: въ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей среднихъ и низшихъ училищъ, въ правильно-организованномъ приготовленіи сихъ учителей, въ измѣненіи курса наукъ и способа преподаванія ихъ и въ изданіи необходимыхъ учебниковъ.

Всеподданнѣйшее ходатайство мое объ увеличеніи содержанія учителей, терпѣвшихъ въ этомъ отношеніи самую крайнюю нужду, удостоилось милостиваго вниманія Вашего Величества. Хотя испрашиваемое увеличеніе совершилось окончательно въ послѣдующемъ уже году; но я не могу умолчать объ этомъ важнѣйшемъ для министерства народнаго просвѣщенія событіи. Семнадцатое число апрѣля 1859 года, въ которое удостоились Высочайшаго утвержденія прибавочные штаты для низшихъ и среднихъ училищъ въ Имперіи, останется навсегда счастливѣйшимъ днемъ для бѣдныхъ тружениковъ на поприщѣ народнаго образованія, которые всегда будутъ благословлять высокоторжественный день рожденія Вашего Величества.

О мѣрахъ, принятыхъ къ болѣе правильному и практически-организованному приготовленію преподавателей для среднихъ училищъ, подробно объяснено въ статьѣ о замѣнѣ главнаго педагогическаго института въ С. Петербургѣ открытыми педагогическими курсами въ городахъ, гдѣ находятся университеты. Остается учредить на прочныхъ основаніяхъ семинаріи для приготовленія препода-

вателей уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Считая предметъ сей важнѣйшимъ въ управленіи ввѣреннаго мнѣ министерства, а съ другой стороны избѣгая по-возможности обремененія государственнаго казначейства, я поставилъ себѣ обязанностію, собравъ всѣ мѣстныя свѣдѣнія, до того относящіяся, и мнѣнія спеціалистовъ по сей части какъ внутри Россіи, такъ и за границею, составить проектъ въ такомъ видѣ, чтобы онъ обнималъ одно существенное и требовалъ-бы по-возможности наименѣе расходовъ. Все это составитъ предметъ занятій будущаго времени.

Потребность измѣненія курса наукъ и методы преподаванія ихъ въ низшихъ и среднихъ училищахъ давно уже была признана въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Вслѣдствіе сего, учрежденъ при главномъ правленіи училищъ ученый комитетъ, котораго главная обязанность—составленіе новыхъ проектовъ уставовъ для учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Проектъ устава для гимназій я нашелъ уже составленнымъ до вступленія моего въ управленіе министерствомъ. Но какъ заключающіеся въ немъ предметы имѣютъ тѣсную связь съ проектами уставовъ для низшихъ училищъ, и сіи должны даже ему предшествовать: то я усилилъ работы ученаго комитета по составленію означенныхъ проектовъ, которые, какъ я надѣюсь, будутъ изготовлены въ 1859 году и подвергнуты одновременному обсужденію съ проектомъ устава для гимназій и дальнѣйшему разсмотрѣнію установленнымъ законодательнымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ симъ, будутъ п иняты мѣры къ изданію учебниковъ, сообразныхъ съ настоящимъ состояніемъ наукъ, по-

средствомъ консурсовъ и достаточныхъ премій за удовлетворительныя сочиненія.

По управленію университетами, главное вниманіе было обращаемо на замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ достойными профессорами и открытіе новыхъ каѳедръ по-мѣрѣ необходимости и возможности. Для вѣрнѣйшаго достиженія сей цѣли, мѣра, допущенная съ 1856 года въ Московскомъ университетѣ и состоящая въ подготовленіи молодыхъ людей, наиболѣе способнѣйшихъ для профессуры, при самомъ университетѣ, и въ отправленіи потомъ ихъ за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранномъ каждымъ изъ нихъ предметѣ, распространена постепенно и по-мѣрѣ средствъ на другіе учебные округи. На этомъ основаніи, въ минувшемъ году отправлено было за границу до 20 лицъ съ ученою цѣлію; сверхъ-того, значительное число профессоровъ путешествовали въ Россіи для обогащенія себя познаніями, потребными для преподаваемыхъ ими предметовъ.

Симъ я пріемлю смѣлость окончить отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1858 годъ, въ управленіи котораго я принималъ участіе последніе девять мѣсяцевъ.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА ІЮНЬ И ІЮЛЬ 1859 ГОДА.

27. (6 іюня) *Объ открытіи уѣзднаго училища въ г. Семипалатинскѣ.*

Государь Императоръ, по положенію Сибирскаго комитета, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Открыть нынѣ-же въ городѣ Семипалатинскѣ уѣздное училище на тѣхъ-же основаніяхъ, на коихъ существуютъ въ Сибири подобныя училища, и во всемъ согласно Высочайше утвержденному въ 17 день апрѣля текущаго года новому штату Омскаго уѣзднаго училища.

2) Потребныя по таковому штату деньги на содержаніе въ Семипалатинскѣ уѣзднаго училища 3,160 р. с. въ годъ отпускать изъ государственнаго казначейства, обративъ эту издержку въ текущемъ году на счетъ суммы, назначенной по государственной росписи на чрезвычайные расходы, а съ будущаго 1860 года вносить въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія.

28. (6 іюня) *О приготовленіи въ Императорскихъ С. Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ десяти Кавказскихъ и Закавказскихъ уроженцевъ для занятія учительскихъ должностей по Кавказскому учебному округу.*

Государь Императоръ, по положенію Кавказскаго комитета, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) По случаю закрытія главнаго педагогическаго института, вмѣсто положенныхъ въ семъ институтѣ 10-ти студентовъ изъ Кавказскихъ воспитанниковъ для приготовленія въ учители Кавказскаго учебнаго округа, имѣть съ этою-же цѣлію впредь въ С. Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ, въ обоихъ вмѣстѣ, десять студентовъ изъ Кавказскихъ-же воспитанниковъ, сверхъ тѣхъ студентовъ, кои приготовляются въ сихъ университетахъ на-счетъ казны для другихъ родовъ государственной службы, замѣщая эти вакансіи тѣми Кавказскими воспитанниками, кои начальствомъ Кавказскаго учебнаго округа будутъ положительно для сего избраны.

2) Назначеніе университета, въ которомъ каждый студентъ долженъ быть приготовляемъ, и каѳедры, къ какой онъ готовится, предоставить ближайшему усмотрѣнію и соглашенію главнаго начальства Кавказскаго учебнаго округа и управляющаго дѣлами Кавказскаго комитета, по сношенію съ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

3) На содержаніе каждаго изъ поступавшихъ на сіи вакансіи студентовъ отпускать изъ казны по 300 руб. сер. въ годъ, по сношенію управляющаго дѣлами Кавказскаго комитета съ министромъ финансовъ. Студентовъ сихъ считать казенными Кавказскими стипендіатами того университета, гдѣ будутъ обучаться.

4) Обязать ихъ непремѣнно слушать особые педагогическіе курсы, при университетахъ учрежденные, и

5) Означенныхъ студентовъ, наравнѣ съ прочими студентами изъ Кавказскихъ воспитанниковъ, подчинить всѣмъ вообще правиламъ, о казенныхъ Кавказскихъ воспитанникахъ постановленнымъ.

29. (16 іюня) *О стипендіи генерала-отъ-артиллеріи Глинки 1-го.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, вслѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: учрежденную

въ 1851 году въ Демидовскомъ лицеѣ, на-счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго владѣльцами и управляющими частными горными заводами Уральскаго хребта, стипендію, согласно изъявленному жертвователями тогда-же желанію, выраженному въ чувствахъ признательности къ генералу-отъ-артиллеріи Глинкѣ за его попечительное управленіе горными Уральскими заводами, именовать *стипендіею генерала-отъ-артиллеріи Глинки 1-го.*

30. (17 іюля) *О раздѣленіи подвѣдомственности женскихъ училищъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу товарища министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: чтобы женскія училища, учрежденныя и учреждаемыя на-счетъ пожертвованій частныхъ лицъ, дворянства и городскихъ обществъ, состояли въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія согласно положенію, Высочайше утвержденному 30 мая 1858 года, не исключая и тѣхъ, кои будутъ пользоваться августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы; тѣ-же изъ женскихъ училищъ, которыя получаютъ средства на свое содержаніе отъ вѣдомствъ, состоящихъ подъ управленіемъ Его Императорскаго Высочества Принца Ольденбургскаго, должны состоять въ вѣдѣніи Его Высочества.

31. (21 іюля) *О предоставленіи намѣстнику Кавказскому одобрять драматическія піесы къ представленію на театрахъ Кавказскаго и Закавказскаго края.*

На основаніи ст. 52-й *Уст. о ценс.* Св. Зак. т. XIV изд. 1857 года, драматическія сочиненія одобряются къ представленію на театрахъ III-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Нынѣ Государь Императоръ, по представленію г. намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго комитета,

Высочайше соизволилъ повелѣть: одобреніе драматическихъ сочиненій къ представленію на театрахъ Кавказскаго и Закавказскаго края, во вниманіе къ отдаленности сего края отъ столицы, предоставить самому намѣстнику.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ВЪ ПРИСУТСТВІИ СВОЕМЪ
ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ
СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ
ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЛѢДУЮЩІЕ
ПРИКАЗЫ:

№ 26. 6 іюня 1859 года.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Почетный смотритель Бѣлевскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Плечко* и надзиратель благороднаго пансіона Черниговской гимназіи *Горжковскій* — оба на четыре мѣсяца.

№ 27. 11 іюня 1859 года.

КОМАНДИРУЕТСЯ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ:

Ассистентъ при акушерскомъ отдѣленіи факультетской клиники Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины *Тольскій* на два года.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Отставной маіоръ *Деменковъ*, по выборамъ, въ должности почетнаго попечителя Курской гимназіи, на трехлѣтіе.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВЫСОЧАЙШАЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Инспектору казенныхъ училищъ Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику *Чашникову*, бывшему инспектору 2-й Казанской гимназіи, коллежскому асессору *Петерману*, состоящему нынѣ инспекторомъ той-же гимназіи, коллежскому ассессору *Ефремову*, старшему учителю сей гимназіи *Балліону* и студентамъ Императорскаго Казанскаго университета: физико-математическаго факультета — 2-го курса *Шапошникову*, 3-го курса *Жедринскому* и медицинскаго — 1-го курса *Якоби* и 5-го курса Петру *Сысоеву*, — за особенное усердіе, оказанное ими къ спасенію зданій означенной гимназіи во время бывшаго 25 минувшаго мая въ г. Казани пожара; а также лицамъ, участвовавшимъ въ пожертвованіи до 300 р., собранныхъ по подпискѣ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и тамошнихъ гимназіяхъ, въ пособіе пострадавшимъ отъ помянутаго пожара.

№ 28. 18 іюня 1859 года.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Якоби*, на двадцать девять дней сверхъ каникулярнаго времени.

Секретарь при президентѣ Императорской академіи наукъ, коллежскій ассессоръ *Клейберъ*, по болѣзни, на четыре мѣсяца.

Младшій учитель Владимірской гимназіи *Ренье* — на два съ половиною мѣсяца.

Почетный смотритель училищъ Новоалександровскаго уѣзда, коллежскій регистраторъ графъ *Мориконн* — на шесть мѣсяцевъ.

Смотритель Россіенскаго казеннаго Еврейскаго училища 1-го разряда *Лашкевичъ* — на двадцать девять дней.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦЕЮ:

Ординарному профессору Императорскаго С. Петербургскаго университета, статскому совѣтнику *Кржижановскому* — по 1 августа 1859 года.

№ 29. 24 іюня 1859 года.

ПРОИЗВОДИТСЯ ЗА ОТЛИЧІЕ:

Въ надворные совѣтники — экстраординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета и преподаватель института корпуса инженеровъ путей сообщеній, коллежскій ассесоръ *Скобликовъ* (18 іюня 1859 г.).

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЮ:

Членъ главнаго правленія училищъ, тайный совѣтникъ *Адеркасъ*, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ (6 іюня 1859 г.).

ВЪ ПЕТЕРГОФѢ,

№ 30. 7 іюля 1859 года.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Инспекторъ казенныхъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тюринъ* — до 1 сентября 1859 года.

Чиновникъ особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры, статскій совѣтникъ *Елагинъ* — на три мѣсяца.

Почетный смотритель училищъ Ошмянскаго уѣзда, коллежскій регистраторъ графъ *Ледуховскій* — на шесть мѣсяцевъ.

Подписалъ: *Товарищъ министра народнаго просвѣщенія*
Николай Мухановъ.

НАГРАЖДЕНЫ:

а) *Орденами св. Станислава.*

2-й степени: Корреспондентъ Императорской академіи наукъ, профессоръ восточныхъ языковъ и главный библіотекарь Тюбингенскаго университета *Ротъ*—въ награду его ученыхъ трудовъ по разработкѣ древнѣйшихъ памятниковъ Индійской литературы и семилѣтнее сотрудничество въ составленіи издаваемаго Императорскою академіею наукъ «Санскритскаго словаря» (14 іюля).

3-й степени: Законоучитель Лютеранскаго исповѣданія въ Пензинской гимназіи Августъ *Воллейдтъ* — въ награду отлично-усердной и ревностной службы (12 апрѣля); Французскій вице-консулъ въ Парамарибо *Барнетъ-Ліонъ* — за пожертвованіе имъ для нашихъ музеевъ особенно-замѣчательныхъ коллекцій птицъ и насѣкомыхъ (6 іюня).

б) *Подарками.*

Цензоръ С. Петербургскаго цензурнаго комитета, надворный совѣтникъ *Палаузовъ* и инспекторъ и профессоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Эминъ* — за поднесеніе Его Величеству, первымъ — сочиненія: «Румынскія государства Молдавія и Валахія» и вторымъ — переведенной имъ съ Армянскаго языка на Русскій «Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго, лѣтописца V вѣка» (6 мая); непремѣнный секретарь Императорскаго Общества естественныхъ наукъ въ Шербургѣ Августъ *Лежолй* — за поднесеніе Его Величеству экземпляра первыхъ четырехъ томовъ «Записокъ» сего Общества (14 іюля).

в) *Наперснымъ крестомъ.*

Законоучитель Слуцкой гимназіи, Римскокатолическій священникъ *Плохоцкій* — въ награду отлично-усердной и ревностной службы (12 апрѣля).

Всемилостивѣйше священнослужители за службу въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія:

НАГРАЖДЕНЫ:

а) *Орденомъ св. Анны.*

2-й степени: Законоучитель Бѣжецкаго уѣзднаго училища, протоіерей Нестеръ *Архангельскій.*

3-й степени: Законоучитель Саратовской гимназіи, священникъ [illegible] *[illegible].*

б) *Наперсными крестами.*

Законоучители гимназій: Орловской — протоіерей Григорій *Жмакинъ;* священники: первой Кіевской — Василій *Каменскій,* Екатеринославской — Петръ *Лебединцевъ,* Новгородской — Василій *Орнатскій.* 3-й Московской — Алексѣй *Соловьевъ-Михайловъ,* Калужской — Александръ *Рождественскій;* уѣздныхъ училищъ: протоіереи: Медынскаго — Максимъ *Скворцовъ,* Сѣвскаго — Петръ *Струковъ,* Кіевоподольскаго дворянскаго — священникъ Андрей *Стефановскій.*

в) *Камилавками.*

Законоучители: Новочеркасской гимназіи—священникъ Іоакимъ *Фесенковъ;* уѣздныхъ училищъ: протоіереи: Сольвычегодскаго — Михаилъ *Шалауровъ* и Яренскаго — Михаилъ *Георгіевскій;* священники: Малоархангельскаго — Іоаннъ *Жоановъ* и Мценскаго— Алексѣй *Измайловъ;* перваго Донецкаго окружнаго училища — Андрей *Часовниковъ;* приходскихъ училищъ: Мигулинскаго — Петръ *Поповъ,* Филоновскаго — Алексѣй *Трояновскій,* Михайловскаго—Стефанъ *Александровъ,* Саратовскаго-Ильинскаго — Іаковъ *Палимпсестовъ.*

г) *Скуфьею.*

Законоучители: гимназій: Новгородсѣверской—протоіерей Павелъ *Крыловскій;* священники: Могилевской — Стефанъ *Гласко* и 2-й Харьковской — Іоаннъ *Вертеловскій;* уѣздныхъ училищъ: протоіереи: Боровскаго — Евгеній *Чертковъ* и Грязовецкаго —

Николай *Пухидинскій;* священники: Бахмутскаго — Михаилъ *Никитинъ*, Мещовскаго — Іоаннъ *Виноградовъ*, Золотоношскаго — Іоаннъ *Думитрашковъ* и Саранскаго — Петръ *Охотинъ;* приходскихъ училищъ: Якиманскаго въ Москвѣ — Петръ *Покровскій*, Серпуховскаго тамъ-же — Симеонъ *Мясоѣдовъ*, Семеновскаго, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, — Григорій *Малининъ*, Кишиневскаго перваго — Симеонъ *Исааковъ*, Тульскаго для дѣвицъ — Александръ *Глаголевъ,* Сарапульскаго — Ѳеодоръ *Утробинъ*, Качалинскаго — Петръ *Никольскій*, Алексѣевскаго — Іоаннъ *Одоламскій*, 1 и 2-го Орловскихъ — Михаилъ *Александровскій*, Елецкаго — Павелъ *Бутягинъ*, Ливенскаго — Іоаннъ *Красѳвитовъ*, Роменскаго ланкастерскаго — Ѳеодоръ *Діаконенковъ*, Устьмедвѣдицкаго — Іоаннъ *Поповъ* и Бабаевской школы взаимнаго обученія — Іоаннъ *Хижняковъ.*

Нижеслѣдующіе священнослужители, по удостоенію святѣйшаго синода, за службу по учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія:

НАГРАЖДЕНЫ:

Набедренникомъ.

Законоучители училищъ, священники: Серпуховскаго уѣзднаго — Алексѣй *Протопоповъ* и Царскосельскаго приходскаго — Павелъ *Благовѣщенскій.*

Объявлено благословеніе святѣйшаго синода.

Законоучителямъ: священникамъ: училищъ уѣздныхъ: Бендерскаго — Ильѣ *Кужбѣ* и Великоустюжскаго — Арсенію *Попову;* приходскихъ: Кишиневскаго втораго — Пимену *Проценко;* діаконамъ: Тверскаго и Арбатскаго, въ Москвѣ, — Іоанну *Дроздову* и Пречистенскаго, тамъ-же, — Алексѣю *Цвѣткову.*

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА ІЮНЬ И ІЮЛЬ 1859 ГОДА.

13. (8 іюля) *О взиманіи платы съ воспитанниковъ пансіона Симферопольской гимназіи на первоначальное обзаведеніе.*

По представленію исправляющаго должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, товарищъ министра народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: при поступленіи въ пансіонъ Симферопольской гимназіи воспитанниковъ взимать единовременно на первоначальное обзаведеніе по 50 руб. сер. съ каждаго.

14. (10 іюля) *О введеніи во 2-ю С. Петербургскую гимназію преподаванія гимнастики.*

По представленію начальства С. Петербургскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ ввести во 2-ю С. Петербургскую гимназію преподаваніе воспитанникамъ, въ свободное отъ занятій время, гимнастическихъ упражненій, съ платою преподавателю по 150 р. с. въ годъ изъ экономической суммы гимназіи.

15. (20 іюля).

ПОЛОЖЕНІЕ

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ КУРСА ПОВИВАЛЬНАГО ИСКУССТВА ДЛЯ ВОЛЬНОПРИХОДЯЩИХЪ УЧЕНИЦЪ.

(Утверждено товарищемъ министра народнаго просвѣщенія 30 іюля 1859 г.).

1) При медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Казанскаго университета учреждается курсъ повивальнаго искус-

ства для вольноприходящихъ ученицъ, содержащихся на собственномъ иждивеніи, съ цѣлію умноженія образованныхъ повивальныхъ бабокъ, число коихъ въ семъ краѣ весьма недостаточно.

2) Ученицы повивальнаго искусства при Казанскомъ университетѣ принимаются изъ всякаго состоянія, возрастомъ не моложе 20 и не старѣе 40 лѣтъ.

3) Желающія поступить въ число ученицъ подаютъ въ началѣ учебнаго года, не позже 1-го сентября, въ медицинскій факультетъ, на простой бумагѣ, прошеніе, къ которому прилагаютъ: 1) письменный видъ на проживаніе, 2) метрическое о рожденіи и крещеніи свидѣтельство и 3) свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстнаго начальства, гдѣ проживали въ послѣднее время.

4) Медицинскій факультетъ, по полученіи прошенія и документовъ, испытываетъ поступающихъ (чрезъ одного изъ членовъ своихъ) въ способностяхъ, умѣньи читать и писать по-Русски, удостовѣряется въ отсутствіи тѣлесныхъ недостатковъ, препятствующихъ занятіямъ повивальной бабки, и удовлетворившихъ требованіямъ принимаетъ въ число ученицъ, о чемъ извѣщаетъ профессора акушерства.

5) Полный курсъ ученія совершается въ одинъ годъ. Въ первомъ полугодіи ученицы слушаютъ у профессора акушерства, отдѣльно отъ студентовъ, теорію повивальнаго искусства по программѣ, утвержденной медицинскимъ факультетомъ, и въ то-же время упражняются въ клиникѣ въ изслѣдованіи женскихъ половыхъ частей и таза, равно въ изслѣдованіи зеркаломъ, стетоскопомъ, въ выслушиваніи біеній младенческаго сердца и въ нѣкоторыхъ техническихъ пріемахъ, однимъ словомъ упражняютъ глазъ, ухо и осязаніе для будущихъ своихъ занятій. Во второмъ полугодіи онѣ учатся принимать въ родахъ подъ руководствомъ профессора и занимаются повтореніемъ пройденной въ первомъ полугодіи теоріи. Въ-теченіе обоихъ полугодій онѣ поочередно дежурятъ въ родильномъ отдѣ-

леніи клиники и помогаютъ клинической повивальной бабкѣ въ ея служебныхъ занятіяхъ.

6) По окончаніи курса, ученицы, удостоенныя профессоромъ акушерства допущенія къ экзамену, подаютъ въ факультетъ прошенія, къ которымъ прилагаютъ: 1) свидѣтельство профессора о томъ, что выслушали у него теорію повивальнаго искусства и съ успѣхомъ принимали въ родахъ; 2) свидѣтельство градскаго начальства о томъ, что въ-теченіе всего времени своего пребыванія въ городѣ вели себя благонравно.

7) За симъ ученицы подвергаются въ полномъ присутствіи факультета испытанію и, по удовлетворительномъ выдержаніи онаго, удостоиваются званія повивальной бабки со всѣми правами и преимуществами, дарованными сему званію въ Россійской Имперіи. На это званіе онѣ получаютъ отъ университета установленныя свидѣтельства. Тѣ изъ ученицъ, которыя не выдержатъ испытанія, оставляются въ курсѣ еще на годъ, но если и по истеченіи сего срока не выдержатъ испытанія, то увольняются изъ курса безъ дипломовъ.

8) За обученіе повивальному искусству при Казанскомъ университетѣ никакой платы съ ученицъ не полагается.

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

№ 16. 6 іюня 1859 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Директоръ училищъ Тульской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Андріевскій-Александровичъ*—съ увольненіемъ, по прошенію, отъ настоящей должности.

ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежскій секретарь, магистръ *Рачинскій* — адъюнктомъ Императорскаго Московскаго университета, по каѳедрѣ ботаники.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Инспекторъ Вятской врачебной управы, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Розовъ*, и ординаторъ терапевтическаго отдѣленія клиники Императорскаго Харьковскаго университета, лекарь *Добровольскій* — врачами: первый при Вятской гимназіи, а послѣдній при 1-й Харьковской гимназіи и пансіонѣ оной, съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ.

Инспекторъ Тульской гимназіи, надворный совѣтникъ *Гаяринъ* — директоромъ училищъ Тульской губерніи.

Троицкосавскій городовой врачъ, лекарь, коллежскій ассессоръ *Марцинкевичъ* — почетнымъ смотрителемъ Троицкосавскаго уѣзднаго училища, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Магистръ *Дмитріевъ* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, по каѳедрѣ государственнаго права Европейскихъ державъ (29 апрѣля 1859 г.).

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Куторга* 1-й — въ званіи заслуженнаго профессора.

Ординарные профессоры Императорскаго Харьковскаго университета, статскіе совѣтники: *Зернинъ* и *Палюмбецкій* — деканами факультетовъ сего университета: первый — историко-филологическаго, а послѣдній — юридическаго, по 1 января 1862 года.

Исправляющій должность адъюнкта Императорскаго Московскаго университета, по каѳедрѣ всеобщей исторіи, ма-

гистръ *Вызинскій* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по той-же каѳедрѣ (20 мая 1859 г.).

Исправляющій должность адъюнкта главнаго педагогическаго института, состоящій въ 9 классѣ, *Скворцовъ* — въ этомъ званіи (28 апрѣля 1859 г.).

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЯМЪ:

Почетный смотритель Гатчинскаго уѣзднаго училища, поручикъ *Ѳедоровъ*.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Императорской академіи наукъ ординарный академикъ, тайный совѣтникъ *Остроградскій*, и экстраординарный академикъ, статскій совѣтникъ *Видеманъ* — въ разныя губерніи, на 29 дней сверхъ каникулярнаго времени.

Членъ главнаго правленія училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Цертелевъ*—въ Харьковскую и Полтавскую губерніи, на 29 дней.

Начальникъ отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Пещуровъ* — по болѣзни, въ разныя губерніи, на четыре мѣсяца.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА:

Почетному смотрителю С. Петербургскаго Вознесенскаго уѣзднаго училища, коллежскому регистратору *Мясникову*—за пожертвованіе пятисотъ руб. сер. въ пользу ввѣреннаго попеченію его училища.

№ 17. 19 іюня 1859 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Докторъ философіи Лейпцигскаго университета *Цункъ*.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Изъ отставныхъ, титулярный совѣтникъ, докторъ естественныхъ наукъ *Бекетовъ* — адъюнктомъ Императорскаго Харьковскаго университета, по каѳедрѣ ботаники.

Окончившій курсъ въ Ришельевскомъ лицеѣ съ правомъ на чинъ 12 класса *Кассо* и изъ отставныхъ, коллежскій регистраторъ *Григоровъ* — почетными смотрителями уѣздныхъ училищъ: первый Кишиневскаго 1-го, а послѣдній Чухломскаго (Костромской губерніи).

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Срезневскій* — деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на четыре года.

Ординарные профессоры Императорскаго Московскаго университета: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Баршевъ* и статскій совѣтникъ *Соловьевъ* — деканами факультетовъ сего университета: первый юридическаго, по 31 декабря 1860 г., а второй — историко-филологическаго, на четыре года.

Адъюнктъ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Матюшенковъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ теоретической хирургіи и офтальміатріи.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ теоретической хирургіи и офтальміатріи, статскій совѣтникъ *Басовъ* — ординарнымъ-же профессоромъ сего университета по каѳедрѣ оперативной хирургіи.

ПЕРЕВОДИТСЯ:

Калужскій губернскій уголовныхъ дѣлъ стряпчій, титулярный совѣтникъ *Самаринъ* — почетнымъ смотрителемъ Епифанскаго (Тульской губерніи) уѣзднаго училища.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЯМЪ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Иноземцевъ*.

Почетный смотритель Московскаго 3 уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Устиновъ*.

Бѣльскій уѣздный врачъ лекарь *Тараевичъ* — отъ должности врача при Порѣчскихъ (Смоленской губерніи) уѣздномъ и приходскомъ училищахъ.

Цензоръ С. Петербургскаго цензурнаго комитета, надворный совѣтникъ *Дубровскій* увольняется отъ занятій его по ученому комитету главнаго правленія училищъ.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Департамента народнаго просвѣщенія: врачъ надворный совѣтникъ *Поотельсъ* въ г. Выборгъ; старшій помощникъ столоначальника, надворный совѣтникъ *Колчинъ* въ С. Петербургскую губернію и старшій помощникъ начальника архива, коллежскій ассессоръ *Михневичъ* въ Тверскую и Тамбовскую губерніи, — всѣ трое на 29 дней.

Почетный попечитель Вологодской гимназіи, коллежскій ассессоръ *Брянчаниновъ* — на четыре мѣсяца, въ разныя губерніи.

Канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ *Леонтьевъ* — въ С. Петербургскую губернію на 29 дней.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА:

Директору училищъ Симбирской губерніи, статскому совѣтнику *Гриппенбергу* до 1 августа текущаго года.

Старшему столоначальнику департамента народнаго просвѣщенія, коллежскому совѣтнику *Проневскому* — на два мѣсяца и старшему помощнику столоначальника сего же департамента, коллежскому секретарю *Иванову 2-му* на одинъ мѣсяцъ.

№ 18. 17 іюля 1859 года.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Инспекторъ Бѣлостокской гимназіи, коллежскій ассессоръ *Тапперъ*—исправляющимъ должность директора училищъ Гродненской губерніи.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Исправляющій должность профессора Харьковскаго ветеринарнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Пороховъ* — профессоромъ сего училища.

Коллежскіе совѣтники, исправляющіе должность экстраординарныхъ профессоровъ Императорскаго Московскаго университета по каѳедрамъ: Русской словесности и исторіи Русской литературы—*Буслаевъ* и Римской словесности и древностей—*Леонтьевъ*—исправляющими должность ординарныхъ профессоровъ по тѣмъ-же каѳедрамъ.

Адъюнктъ Императорскаго Московскаго университета, по каѳедрѣ физики и физической географіи, коллежскій ассессоръ *Любимовъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по той-же каѳедрѣ.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Почетный членъ врачебной управы Варшавской губерніи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Халубинскій* — исправляющимъ должность ординарнаго профессора Императорской и Царской Варшавской медико-хирургической академіи, по каѳедрѣ частной терапіи и терапевтической клиники.

Старшій помощникъ кодификаціонной коммиссіи Царства Польскаго, коллежскій совѣтникъ *Губе* и состоящій при той-же коммиссіи кандидатъ правъ *Лагуна* — исправляющими должность адъюнктовъ при Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ, первый—по каѳедрѣ гражданскихъ законовъ, а послѣдній—по каѳедрѣ уголовныхъ и административныхъ зако-

новъ Царства Польскаго, съ оставленіемъ на службѣ и при коммиссіи.

Докторъ медицины *фонъ-Гольстъ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета, по каѳедрѣ родовспомогательнаго искусства женскихъ и дѣтскихъ болѣзней.

Изъ отставныхъ, статскій совѣтникъ *Станиславскій* — въ Императорскій Харьковскій университетъ ординарнымъ профессоромъ, по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и Россійскихъ государственныхъ законовъ.

ПЕРЕВОДИТСЯ:

Директоръ училищъ Гродненской губерніи, статскій совѣтникъ *Максимовъ* — директоромъ Шавельской гимназіи.

ЗА ПРЕДСТОЯЩИМЪ УПРАЗДНЕНІЕМЪ, НА ОСНОВАНІИ ВЫСОЧАЙШАГО ПОВЕЛѢНІЯ 15 НОЯБРЯ 1858 Г., ГЛАВНАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА, УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПРИ ОНОМЪ, СЪ 1 ІЮЛЯ СЕГО ГОДА.

а) Заслуженный профессоръ, тайный совѣтникъ *Остроградскій.*

б) Ординарные профессоры, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Ленцъ*, *Брантъ*, *Куторга*, *Срезневскій* и *Савичъ*; статскіе совѣтники: *Воскресенскій*, *Блумъ*, *Вернадскій*, *Благовѣщенскій*, *Штейнманъ*, *Рупрехтъ*, *Лебедевъ* и исправляющій должность ординарнаго профессора Французской словесности, коллежскій ассессоръ *Бужо.*

в) Адъюнкты, статскіе совѣтники: *Пчельниковъ*, *Смирновъ;* коллежскій совѣтникъ *Михайловъ*; надворный совѣтникъ *Гумаликъ;* коллежскій ассессоръ *Будаевъ* и состоящій въ 8 классѣ *Скворцовъ* — съ оставленіемъ Смирнова, впредь до окончательнаго упраздненія института, при должностяхъ ученаго секретаря и старшаго надзирателя при институтѣ.

г) Архитекторъ, титулярный совѣтникъ *Деминъ* и врачъ, штабъ-лекарь, надворный совѣтникъ *Кребель.*

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Циммерманъ* и преподаватель, коллежскій секретарь *Павловскій* — по-случаю прекращенія преподаванія въ семъ университетѣ законовъ Царства Польскаго.

Адъюнктъ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій ассессоръ *Майковъ*—по прошенію.

Почетные смотрители училищъ: Остерскаго уѣзднаго — коллежскій секретарь *Миклашевскій* и Бѣлостокскаго уѣзда — губернскій секретарь *Скирмунтъ*, по прошеніямъ.

Почетный смотритель Новоградволынскаго дворянскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Вчелько* — отъ сей должности по-случаю назначенія его судьею въ Житомирскій уѣздный судъ.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Чиновники особыхъ порученій: при министрѣ народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Смирновъ* и при департаментѣ народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Поржецкій*, первый — въ Ярославскую губернію на три мѣсяца, а послѣдній — въ Москву и Смоленскую губернію на два мѣсяца.

Департамента народнаго просвѣщенія: старшій помощникъ столоначальника, титулярный совѣтникъ *Спасскій* — въ Выборгскую губернію, на 29 дней, и канцелярскій чиновникъ, коллежскій секретарь *Энгельманъ* — въ Лифляндскую губернію, на 28 дней.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА:

Почетному смотрителю Петровскаго уѣзднаго училища, титулярному совѣтнику *Лупандину* — до 11 августа 1859 года.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА:

Бывшему почетному попечителю Курской гимназіи, коллежскому ассессору князю *Салтыкову*—за изъявленное имъ желаніе жертвовать пожизненно, въ пользу сей гимназіи, по 300 руб. въ годъ, на пріумноженіе гимназической библіотеки и на улучшеніе кабинетовъ: физическаго и естественныхъ наукъ.

Почетному попечителю Московскихъ гимназій, гвардіи поручику князю *Гагарину*—за пожертвованіе 500 руб. въ пользу Московской 4-й гимназіи.

Помощнику губернскаго архитектора Казанской губернской строительной и дорожной коммиссіи, титулярному совѣтнику *Жайворонкову*—за безмездный въ-теченіе 8 лѣтъ присмотръ надъ работами по исправленію и перестройкѣ зданій нѣкоторыхъ ѣздныхъ училищъ Казанской губерніи.

№ 19. 30 іюля 1859 года.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, по каѳедрѣ церковный исторіи и Богословской литературы, надворный совѣтникъ *фонъ-Энгельгардтъ* и исправляющій должность ординарнаго профессора того-же университета, по каѳедрѣ чистой математики, надворный совѣтникъ *Гельмлингъ* — ординарными профессорами по тѣмъ-же каѳедрамъ.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Старшій ветеринарный врачь при Лифляндской палатѣ государственныхъ имуществъ, коллежскій секретарь *Унтербергеръ* — исправляющимъ должность адъюнкта въ Дерптское ветеринарное училище.

Ассистентъ клиники Харьковскаго ветеринарнаго училища, магистръ ветеринарныхъ наукъ *Степановъ* — сверхштатнымъ

адъюнктомъ сего училища, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Изъ отставныхъ, коллежскій секретарь, магистръ математическихъ наукъ *Эверсманъ* — астрономомъ-наблюдателемъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

Студенты главнаго педагогическаго института, неокончившіе курса, учителями въ уѣздныя училища: *Медвѣдевъ* — въ Трубчевское, *Кунаховичъ* — въ Суджанское, *Соколовъ* — въ Мценское, *Казанскій* — въ Бѣлгородское, *Невдачинъ* — въ Орловское, *Покровскій* — въ Дмитровское, *Гераклитовъ* — въ Харьковское, *Дубняковъ* — въ Брянское и *Высоцкій* — въ Задонское, — всѣ съ обязанностію прослужить по учебной части министерства народнаго просвѣщенія не менѣе 8-ми лѣтъ (17 іюля 1859 г.).

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Почетный смотритель городскихъ начальныхъ училищъ въ Москвѣ, губернскій секретарь князь *Грузинскій*, по прошенію,

Почетный смотритель Чаусовскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Любомирскій*, по прошенію.

Почетный смотритель Мологскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь князь *Шаховской* — отъ сей должности, по случаю назначенія его чиновникомъ для особыхъ порученій министерства финансовъ VIII класса (30 іюня 1859 г.).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА:

Чиновникамъ особыхъ порученій: при главномъ управленіи цензуры, статскому совѣтнику *Волкову* и при министрѣ народнаго просвѣщенія, коллежскому совѣтнику *Ефремову* — первому на 28 дней, а второму на три недѣли.

Старшему помощнику столоначальника департамента народнаго просвѣщенія, надворному совѣтнику *Колчину*, на 29 дней.

Бывшему директору училищъ Орловской губерніи, статскому совѣтнику *Зимовскому*—дозволяется носить въ отставкѣ мундиръ, означенной должности присвоенный.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА:

Потомственному почетному гражданину Василію *Джуричу*, за пожертвованіе 500 р. с. въ пользу Таганрогской гимназіи.

Подписалъ: *Товарищъ министра народнаго просвѣщенія*

Николай Мухановъ.

УТВЕРЖДЕНЫ:

По университетамъ:

Харьковскому: Членъ главнаго правленія училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Цертелевъ* — въ званіи почетнаго члена (9 іюня).

Казанскому: Берлинскій профессоръ К. Б. *Рейхертъ* — въ званіи почетнаго члена (21 іюля).

II.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ВВЕДЕНІЕ ВО ВСЕОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

В. ГУМБОЛЬДТА.

(*Продолженіе*).

§ 22. *Обзоръ предыдущаго хода изслѣдованія. Отступленія отъ правильной формы въ образованіи языковъ.*

Мы достигли теперь того пункта, къ которому предназначено было вести настоящее изслѣдованіе. Припомнимъ въ короткихъ словахъ содержаніе предыдущаго, сколько это нужно для связи съ послѣдующимъ.

Весь изложенный нами взглядъ въ сущности состоитъ въ томъ, что *языкъ* вмѣстѣ (съ ближайшимъ своимъ значеніемъ и назначеніемъ) есть необходимое *восполненіе мышленія* и естественное *развитіе того дарованія*, которое знаменуетъ въ человѣкѣ его человѣческую природу. Но это развитіе не есть обнаруженіе *инстинкта*, который можно было-бы объяснять физіологически. Оно не есть и актъ непосредственнаго самосознанія, ни минутнаго произвола и свободы, и при всемъ томъ оно можетъ принадлежать только существу, одаренному самосозна-

ніемъ и свободой, и происходитъ въ немъ изъ глубины его *индивидуальности*, для него самого неизслѣдимой, и изъ *дѣятельности* дарованныхъ ему силъ. Оно вполнѣ зависитъ отъ *энергіи* и отъ *формы* того *толчка*, которымъ человѣкъ, безъ участія своего самосознанія, даетъ движеніе всей своей *духовной индивидуальности* (См. выше § 2, § 6, § 7). Отъ этой связи съ *индивидуальною дѣйствительностью*, равно и отъ другихъ, привходящихъ причинъ, это развитіе подчиняется вмѣстѣ *условіямъ*, окружающимъ человѣка въ мірѣ и даже оказывающимъ свое вліяніе на актъ его свободы. Такимъ-образомъ въ языкѣ, какъ онъ является у человѣка въ дѣйствительности, различаются между-собою два зиждительныя начала: *внутреннее чувство языка*, der innere Sprachsinn (разумѣя подъ этимъ выраженіемъ не особенную силу, а всю духовную способность въ-отношеніи къ образованію и употребленію языка, слѣдовательно только ея направленіе), и *звукъ* въ его зависимости отъ свойства органовъ и въ качествѣ передаваемаго по наслѣдству. Внутреннее чувство языка господствуетъ надъ нимъ изъ-внутри себя; оно всему даетъ движеніе. Звукъ самъ по себѣ былъ-бы страдательнымъ, воспринимающимъ форму веществомъ. Но, превращаясь силою проникающаго его чувства языка въ звукъ *членораздѣльный* и чрезъ-то совмѣщая въ себѣ, въ неразлучномъ единствѣ и всегдашнемъ взаимодѣйствіи, и разумную и чувственную силу, онъ становится въ языкѣ истинно-и, по видимому, даже самостоятельно-*творящимъ* своею символическою дѣятельностью *началомъ*. Какъ вообще законъ существованія человѣка въ мірѣ таковъ, что онъ ничего не можетъ извести изъ себя, что̀ въ ту-же минуту не сдѣлалось-бы массой, обратно-дѣйствующею на него самого и обусловливающею дальнѣйшее его творчество, такъ и звукъ, претворяемый внутреннимъ чувствомъ языка въ членораздѣльный, видоизмѣняетъ потомъ своимъ дѣйствіемъ на душу взглядъ и пріемы самаго внутренняго чувства языка. Такимъ-образомъ всякое дальнѣйшее созиданіе въ языкѣ не есть только продолженіе простаго перво-

начальнаго направленія, а есть усложненіе этого послѣдняго дѣйствіемъ созданнаго прежде. Такъ-какъ *природная способность* говорить есть общій даръ всему человѣчеству и каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ ключъ къ пониманію всѣхъ языковъ, то значитъ, что *форма* всѣхъ языковъ въ сущности *одинакова* и во всѣхъ должна достигать общей цѣли языка. *Различіе* можетъ состоять только въ средствахъ и только въ границахъ, совмѣстныхъ съ достиженіемъ цѣли. Между-тѣмъ это различіе весьма разнообразно и является не въ однихъ только *звукахъ*, въ которыхъ одни и тѣ-же предметы получали-бы для себя только разные знаки, но и въ *употребленіи* звуковъ, какое дается имъ внутреннимъ чувствомъ языка въ-отношеніи къ его формѣ, даже въ особенной идеѣ формы языка. Одна внутренняя потребность слова могла-бы произвести во всей формальной сторонѣ языка лишь *однообразіе*, потому-что внутреннее чувство во всѣхъ людяхъ требуетъ *правильнаго* и *вѣрнаго* самому-себѣ строенія языка, какимъ можетъ быть только одно. Но въ дѣйствительности выходитъ иначе, частію по-причинѣ *обратнаго вліянія звука*, частію-же по-причинѣ *индивидуальности* внутренняго чувства въ явленіи. Дѣло зависитъ отъ *энергіи* силы, съ какою внутренняя потребность слова дѣйствуетъ на звукъ и преобразуетъ его во всѣхъ, даже тончайшихъ его оттѣнкахъ, въ живое выраженіе мысли. А эта энергія не вездѣ можетъ быть одинакова, не вездѣ дѣйствуетъ съ одинаково напряженностью, живостью и послѣдовательностью. Не вездѣ также одинаково она поддерживается наклонностью къ символическому выраженію мыслей и эстетическимъ чувствомъ богатства и гармоніи звуковъ. При всемъ-томъ *внутреннее чувство языка*, по своему стремленію, все-таки дѣйствительно направлено къ *одинаковости* въ языкахъ, и его господство даже неудачныя формы старается какъ-нибудь возвратить къ правильному пути. Звукъ, напротивъ-того, дѣйствительно, есть начало, которое плодитъ *разнообразіе* въ языкахъ: ибо онъ зависитъ отъ свойства *органовъ*; ими главнымъ образомъ производится *азбука*, которая, какъ оказывается

изъ правильнаго анализа, составляетъ основу каждаго языка. Звукъ, и именно *членораздѣльный*, имѣетъ, далѣе, свои собственные, частію на легкости, частію на благозвучіи выговора основанные *законы* и *обычаи*, которые хотя и сами опять ведутъ къ однообразію, но въ частномъ примѣненіи образуютъ разности. Наконецъ, такъ-какъ мы никогда не имѣемъ дѣла съ языками, вполнѣ изолированными и совершенно вновь возникающими, то звукъ всегда непремѣнно примыкаетъ (въ своихъ законахъ и обычаяхъ) къ *готовому*, стало-быть, къ *чужому*. Въ этомъ-то въ совокупности заключаются причины необходимаго *различія* въ строеніи языка. Языки не могутъ получить одинаковаго строенія, потому-что говорящіе ими *народы* различны и обусловливаются не одинаковыми положеніями въ своемъ существованіи.

Изъ разсматриванія языка *вообще* (an sich) должна оказаться *форма*, которая изо всѣхъ возможныхъ формъ *наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ языка:* преимущества и недостатки *существующихъ* формъ можно оцѣнивать по степени, въ какой онѣ приближаются къ той формѣ. Слѣдуя этимъ путемъ, мы нашли, что форма эта необходимо отличается тѣмъ, что наиболѣе приноровлена къ *общему ходу* развитія *человѣческаго духа*, содѣйствуетъ его возрастанію, наилучшимъ образомъ *устроиваетъ его дѣятельность*, не только облегчая соразмѣрное настроеніе всѣхъ его направленій, но и вызывая такое настроеніе ихъ совокупности своею собственною прелестью. Но *дѣятельность духа* имѣетъ цѣлію не одно только внутреннее свое *возвышеніе:* на этомъ пути она увлекается и къ внѣшней цѣли — возвести *міросозерцаніе* въ научное зданіе и въ этомъ направленіи опять дѣйствовать творчески. И это мы принимали въ разсмотрѣніе, изъ котораго и оказалось несомнѣннымъ, что для этого расширенія области человѣческаго кругозора наилучшимъ образомъ или наиболѣе служитъ нитью *совершеннѣйшая форма языка.* Потому мы вошли въ разсмотрѣніе этой формы подробнѣе и я сдѣлалъ опытъ показать свойство этой формы на такихъ пунк-

тахъ, гдѣ способомъ образованія языка непосредственно достигаются послѣднія его цѣли. Вопросъ о томъ, какимъ путемъ языкъ достигаетъ того, чтобы представить мысль въ *простомъ предложеніи* и въ сочетаніи нѣсколькихъ предложеній въ *періодѣ*, казалось мнѣ, велъ здѣсь простѣйшее рѣшеніе задачи къ ея оцѣнкѣ и по внутреннимъ и по внѣшнимъ цѣлямъ. А отъ этихъ путей оказалось возможнымъ опять перейдти къ необходимымъ свойствамъ *отдѣльныхъ стихій*. Чтобы какое-нибудь племя языковъ изъ налично-данныхъ, или какой-нибудь отдѣльный языкъ вполнѣ и на всѣхъ пунктахъ соотвѣтствовалъ совершеннѣйшей формѣ языка, этого нельзя ожидать, или по-крайней-мѣрѣ нѣтъ этого въ доступной намъ сферѣ опытной. Но *Санскритскіе* (или Индо-Европейскіе) языки наиболѣе подходятъ къ этой формѣ; на нихъ вмѣстѣ-съ-тѣмъ умственное образованіе человѣчества наиудачнѣе развилось длиннымъ рядомъ успѣховъ. Потому мы можемъ принимать ихъ за *твердый пунктъ* при *сравненіи* всѣхъ другихъ языковъ.

Не такъ просто опредѣлить остальные языки. Такъ-какъ они стремятся къ той-же послѣдней цѣли, какъ и языки правильнаго устройства, но достигаютъ этой цѣли не въ одинаковой мѣрѣ или неправильными путями, то въ ихъ строеніи не можетъ господствовать ясно-обнаруживающаяся послѣдовательность. Выше, разсматривая способы *образованія предложенія*, мы нашли, что, кромѣ *Китайскаго языка*, вовсе не имѣющаго грамматическихъ формъ, *возможны* еще *три формы языковъ*: *наращательная* (flectirende), *приставочная* (agglutinirende) и *всесовокупляющая* (einverleibende). Всякій языкъ хранитъ въ себѣ или одну или и не одну изъ этихъ формъ, и для оцѣнки относительныхъ преимуществъ между языками надобно знать, какъ эти отвлеченныя формы приняты въ конкретныя, или, лучше, что̀ служитъ основаніемъ для принятія или смѣшенія формъ? Выставляемое мною различіе между *отвлеченно*-возможными формами языка и между дѣйствительно-существующими, *конкретными*, я надѣюсь, поможетъ смягчить рѣзкое впечатлѣ-

ніе, производимое рѣшительнымъ предпочтеніемъ одной вѣтви языковъ, отъ чего на остальные само-собою ложится клеймо *несовершенства.* Что между *отвлеченными* формами только *наращательныя* (флексивныя) могутъ-быть признаны правильными, это едва-ли можно оспорить. Но вытекающій отсюда приговоръ другимъ формамъ не въ одинаковой мѣрѣ падаетъ на *конкретныя* формы существующихъ языковъ, потому-что въ нихъ та или другая форма не имѣетъ исключительнаго господства, но вмѣстѣ съ нею всегда живо дѣйствуетъ очевидное стремленіе къ правильной формѣ. Впрочемъ, этотъ пунктъ требуетъ еще строжайшаго разбора для своего оправданія.

Всякій, кто знаетъ нѣсколько языковъ, конечно, очень расположенъ думать, что какъ-скоро эти языки занимаютъ одинаковую степень, по своей *обработанности*, то *каждому* изъ нихъ принадлежатъ свои *преимущества*, такъ-что нѣтъ возможности отдать рѣшительное предпочтеніе однимъ предъ другими. Взглядъ, изложенный нами въ предыдущихъ разсужденіяхъ, прямо противорѣчитъ этому мнѣнію, и многимъ онъ можетъ казаться тѣмъ противнѣе, что все наше изслѣдованіе клонится преимущественно къ тому, чтобы доказать живую и неразрывную *связь языковъ* съ *умственною силою народа.* Такимъ-образомъ этотъ несимпатичный приговоръ языкамъ, по-видимому, падаетъ и на народы. Здѣсь однакожъ надобно поточнѣе установить различія. Выше мы уже замѣчали, что хотя *преимущества* языковъ зависятъ отъ *энергіи умственной дѣятельности* вообще, но еще совершенно особеннымъ образомъ они зависятъ отъ настроенія этой дѣятельности къ *разработкѣ мысли* посредствомъ *звука.* Потому *несовершенный языкъ* ближайшимъ образомъ доказываетъ только меньшую степень силы, направленной на языкъ, не рѣшая вопроса о другихъ *умственныхъ преимуществахъ* говорящаго имъ народа. За исходную точку у насъ повсюду принимается чисто лишь *строеніе* языковъ и, составляя приговоръ о строеніи, мы и держались только самаго строенія, не выходя изъ границъ языка. А что строеніе въ одномъ языкѣ

имѣетъ преимущество предъ строеніемъ другаго, что оно выше въ Санскритскомъ, чѣмъ въ Китайскомъ, лучше въ Греческомъ, нежели въ Арабскомъ, это едва-ли будетъ отвергать кто-либо изъ самыхъ пристрастныхъ изыскателей. Какъ ни старайся взвѣшивать одни преимущества съ другими, всегда придется допустить, что одни языки одушевлены *плодотворнѣйшимъ началомъ умственнаго развитія*, чѣмъ другіе. Но надобно вовсе не понимать отношеній между *умомъ* и *языкомъ*, чтобы выводимыя отсюда разнообразныя заключенія не распространять, посредствомъ вліянія языковъ, на самую *умственность* народовъ, которою они [сколько это зависитъ отъ силы человѣка] образованы. Такимъ-образомъ съ этой стороны нашъ взглядъ вполнѣ оправдывается. Можно, впрочемъ, возразить еще, что отдѣльныя преимущества языковъ способны и развивать по-преимуществу отдѣльныя умственныя стороны, и что *умственныя дарованія* самихъ народовъ несравненно больше различны по той или другой ихъ *совокупности* и по *качеству*, такъ-что ихъ нельзя и сравнивать по *степени*. То и другое, безспорно, справедливо. Но *истиннаго преимущества* языковъ должно вѣдь искать въ ихъ силѣ дѣйствовать на духъ *всесторонно* и *гармонически*. Языки — необходимыя орудія для дѣятельности духа, — колеи, по которымъ она совершаетъ свое теченіе. Потому языки тогда только бываютъ истинно благотворны, когда, сопровождая дѣятельность духа, облегчаютъ и одушевляютъ каждое ея направленіе, когда вводятъ ее въ то средоточіе, изъ котораго разкрываются всѣ роды ея. Такимъ-образомъ, хотя мы и допустимъ, что форма Китайскаго языка больше всякой другой поддерживаетъ силу чистой мысли, исключительнѣе и напряженнѣе сосредоточиваетъ на ней душу, именно потому, что исключаетъ всѣ мелкіе соединительные звуки, и хотя чтеніе даже не многихъ Китайскихъ текстовъ доводитъ убѣжденіе въ этомъ до удивленія; при всемъ томъ защитники этого языка едва-ли рѣшились-бы утверждать, что онъ направляетъ дѣятельность духа къ тому средоточію, изъ котораго съ одинаковой свобо-

дой развиваются поэзія и философія, ученое изслѣдованіе и ораторское краснорѣчіе.

Итакъ, съ какой стороны я ни посмотрю, отовсюду вижу себя вынужденнымъ выставить ясно и прямо рѣшительную противоположность между языками *строго-правильной формы* и между *отступающими* отъ строгой правильности. По самому искреннему моему убѣжденію, это — фактъ неопровержимый. Этимъ взглядомъ не забываются, ни уменьшаются въ языкахъ ни ихъ совершенства, доставляющія имъ *частныя преимущества*, ни смышленость ихъ техническаго строенія: только отрицается у нихъ способность дѣйствовать на духъ столь-же регулярно, столь-же всесторонно и гармонически, какъ дѣйствуютъ языки правильнаго строенія. Никто не можетъ быть меньше меня расположенъ осудить какой-либо языкъ, даже у самыхъ грубыхъ дикарей. Такое осужденіе я почелъ-бы не только унизительнымъ для человѣчества въ его самыхъ человѣчественныхъ способностяхъ, но и противорѣчащимъ всему, что мы знаемъ о языкахъ изъ умозрѣнія и опыта. Каждый языкъ всегда остается *оттискомъ искони* принадлежащаго человѣчеству *дара слова*, и для достиженія простѣйшихъ цѣлей, которыхъ каждый языкъ непремѣнно достигаетъ, всегда требуется такое *умное устройство*, что его изученіе для изслѣдователя всегда привлекательно, не говоря уже о томъ, что каждый языкъ, кромѣ *наличнаго развитія*, обладаетъ *способностью* къ безпредѣльной разработкѣ въ гибкости своего собственнаго существа и къ усвоенію все большаго обилія и высшаго достоинства идей. Мы разумѣемъ здѣсь народы, *ограничивающіеся* своимъ *собственнымъ* кругомъ. Но они берутъ себѣ и *чужое образованіе*, и ихъ умственная дѣятельность получаетъ отъ того *приращеніе*, которымъ они не обязаны своимъ языкамъ и которое служитъ для послѣднихъ расширеніемъ собственной ихъ области. Ибо каждый языкъ обладаетъ гибкостью, которая дозволяетъ ему все воспринимать въ себя и всему давать изъ себя выраженіе. Никогда и ни подъ какимъ условіемъ

языкъ не можетъ стать для человѣка безусловною *границей*. Разница въ томъ только, въ самомъ-ли языкѣ заключается исходная точка къ возвышенію силъ и къ расширенію идей, или она чужда ему? Другими словами, одушевляетъ-ли къ тому самъ языкъ, или только какъ-бы пассивно отдается чуждому направленію и по высшей мѣрѣ только содѣйствуетъ ему?

Если-же есть такое *различіе* между языками, то спрашивается, по какимъ *признакамъ* можно судить о немъ? Рѣшеніе этого вопроса, находимое мною прямо въ грамматической методѣ *образованія предложенія*, можетъ казаться одностороннимъ, несоотвѣтствующимъ полнотѣ искомаго понятія. Потому и у меня отнюдь не было намѣренія тѣмъ и ограничить это понятіе, такъ-какъ оно одинаково живо содержится въ *каждой стихіи* и въ *каждомъ соединеніи*. Но я съ намѣреніемъ остановился на томъ, что составляетъ основную смычку въ языкѣ и тотчасъ оказываетъ самое рѣшительное дѣйствіе на развитіе *понятій*. Ихъ логическое построеніе, ихъ ясное отдѣленіе другъ отъ друга, опредѣлительное изложеніе взаимныхъ отношеній между ними составляетъ необходимую основу всѣхъ, даже самыхъ высшихъ обнаруженій умственной дѣятельности; а это-то и зависитъ, какъ всякому должно быть ясно, отъ изложенныхъ мною разныхъ методъ въ языкахъ. При правильной методѣ и мышленіе происходитъ правильно, легко и естественно; при иныхъ методахъ оно встрѣчаетъ въ себѣ затрудненія или по-крайней-мѣрѣ не пользуется такою-же помощью со стороны языка. То-же самое настроеніе духа, изъ котораго возникаютъ тѣ три методы, само-собою распространяется и на образованіе *всѣхъ прочихъ стихій* и только узнается по-преимуществу на составѣ предложенія. Къ тому-же, наконецъ, именно эти особенности по-преимуществу способны быть выставленными фактически на составѣ самыхъ языковъ—обстоятельство весьма важное въ изслѣдованіи, которое прямо имѣетъ цѣлью отыскать на *историческихъ данныхъ*, на *фактахъ*, ту фор-

му, какую языки сообщаютъ духу или въ какой они ему представляются съ внутренней стороны.

§ 23. *Свойство и происхожденіе языковъ несовершеннаго устройства. Языки Семитическіе. Делаварскіе.*

Уклоненія отъ правильнаго пути, указываемаго образованію языковъ *законною* необходимостью, могутъ быть *различны* до безпредѣльности. Потому кругъ этого рода языковъ со стороны *началъ* нельзя опредѣлить и представить въ строгой классификаціи: по высшей мѣрѣ можно только сближать ихъ одни съ другими по *сходствамъ* въ главнѣйшихъ частяхъ ихъ образованія. А если справедливо, что *естественное образованіе* зависитъ съ одной стороны отъ крѣпкаго *единства словъ* и съ другой — отъ надлежащаго *раздѣленія членовъ* въ составѣ *предложенія*, то всѣ языки разсматриваемаго круга либо ослабляютъ *единство слова*, либо стѣсняютъ *свободу совокупленія мысли*, или наконецъ совмѣщаютъ въ себѣ обѣ эти невыгоды. Въ этихъ отношеніяхъ, при сравненіи даже разнообразнѣйшихъ языковъ, всегда можно находить общую мѣрку для опредѣленія ихъ отношеній къ развитію духа. Особенно трудно отъискивать *основанія* такихъ *уклоненій* отъ *естественнаго пути*.. Этотъ путь можно опредѣлить посредствомъ развитія *понятій*, а уклоненія зависятъ отъ *индивуальностей*, которыя, при мракѣ, покрывающемъ древнѣйшую исторію каждаго языка, можно только чуять и угадывать. Гдѣ несовершенство организма состоитъ только въ томъ, что разумный тактъ языка не вездѣ могъ создать себѣ *чувственное выраженіе* въ *звукѣ* и гдѣ потому онъ оскудѣлъ *силой образовать формы*, прежде нежели довершилъ формальное образованіе языка, тамъ трудность, конечно, меньше, потому-что причина несовершенства заключается въ самой этой слабости. Но подобные случаи рѣдко представляются такъ просто, и есть другіе, притомъ самые замѣчательные, которыхъ никакъ нельзя объяснить такимъ об-

разомъ. При всемъ томъ изслѣдованіе неослабно должно доводить до этого пункта, если не хотимъ отказаться объяснять *строеніе языковъ* въ его *первыхъ основаніяхъ*, силою которыхъ они какъ-бы пускаютъ свои корни въ органы и въ духъ народа. Исчерпать здѣсь этотъ предметъ было-бы невозможно: ограничиваюсь лишь двумя примѣрами, и для перваго беру языки *Семитическіе*, и изъ нихъ опять избираю по-преимуществу языкъ *Еврейскій*.

Семитическое племя языковъ очевидно принадлежитъ къ *флексивнымъ:* оно воспитало въ себѣ, какъ уже выше замѣчено, даже *чистѣйшую флексію*, въ смыслѣ крайней противоположности прикладыванію знаменательныхъ звуковъ. Еврейскій и Арабскій языки доказываютъ и внутреннее превосходство своего строенія, первый — высочайшимъ поэтическимъ настроеніемъ своихъ твореній, послѣдній — богатою, многостороннею ученой литературой вмѣстѣ съ поэтической. Да и самъ по себѣ, со стороны своей техники, организмъ этихъ языковъ не только не уступаетъ ни одному языку, но, можетъ быть, и превосходитъ всѣ другіе строгою послѣдовательною, художественною простотою и умнымъ приспособленіемъ звука къ мыслямъ. При всемъ томъ эти языки обнаруживаютъ въ себѣ *двѣ особенности*, которыя не вызываются естественными требованіями и даже, можно сказать, едва допускаются языкомъ. Именно, въ этихъ языкахъ, по-крайней-мѣрѣ въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, каждое коренное слово непремѣнно должно имѣть *три согласныя* буквы, и двоякое значеніе въ словахъ матеріальное и формальное, выражается не *согласною* и *гласною* вмѣстѣ, а порознь; первое — согласными, а *гласнымъ* предоставлено исключительно обозначать отношеніе. Первая изъ этихъ особенностей подвергаетъ *форму слова стѣсненію*, которому справедливо предпочитается свобода другихъ языковъ, особенно Санскритскаго племени. Да и другая-то особенность представляетъ невыгоды въ сравненіи съ *флексіей* чрезъ прибавленіе звуковъ, подчиняемыхъ надлежащимъ образомъ. По-

тому Семитическіе языки съ этихъ сторонъ все-таки должно, по моему убѣжденію, причислить къ уклоняющимся отъ пути, наиболѣе приспособленнаго къ умственному развитію. Но если попробуемъ доискиваться основаній этого явленія и связи его съ *національнымъ даромъ слова*, то едва-ли достигнемъ вполнѣ удовлетворительнаго результата. Прежде всего является недоумѣніе, которую изъ этихъ двухъ особенностей считать главною причиной, отъ которой зависитъ другая? Очевидно, обѣ состоятъ между собою въ самой внутренней *связи*. Объемъ слова, возможный при трехъ согласныхъ, какъ-бы вызывалъ на то, чтобы разнообразныя отношенія словъ обозначать перемѣною гласныхъ; а какъ скоро гласныя были къ тому назначены исключительно, то необходимаго обилія значеній въ одномъ и томъ-же словѣ пришлось достигать умноженіемъ согласныхъ. Но эта *взаимная* зависимость обѣихъ особенностей способна больше объяснять внутреннюю стройность языка въ нынѣшнимъ его образованіи, чѣмъ открыть источное начало такого строенія. Обозначенія грамматическихъ отношеній одними гласными нельзя признать за первую причину, потому-что устраненіе гласныхъ отъ выраженія значенія словъ уже напередъ должно-бы быть объяснено. *Гласныя*, конечно, надобно разсматривать съ двухъ сторонъ. Прежде всего онѣ служатъ только *звукомъ*, безъ котораго нельзя выговорить *согласной*; за тѣмъ выступаютъ *звуковыя различія*, составляющія извѣстный рядъ гласныхъ. Въ первомъ случаѣ нѣтъ гласныхъ, а есть только одинъ всеобщій гласный звукъ, какъ объясняемый ниже, или, если угодно, нѣтъ даже вовсе настоящей гласной, а есть только неясный, неразвитый до особенности звукъ швы. Нѣчто подобное бываетъ и при согласныхъ въ ихъ совокупленіи съ гласными. И гласная, чтобы быть слышимой, имѣетъ нужду въ консонантическомъ придыханіи, и покуда это придыханіе имѣетъ только нужное для того качество, до тѣхъ поръ оно отлично отъ всѣхъ согласныхъ, располагаемыхъ по особенно-

му качеству ихъ звона на разряды (*). Отсюда само собою слѣдуетъ, что въ выраженіи понятій гласныя имѣютъ мѣсто только въ совокупленіи съ гласными и, какъ уже признано глубокомысленнѣйшимй изслѣдователями языковъ (**), служатъ главнымъ образомъ для ближайшаго *опредѣленія* слова, образуемаго согласными. По свойству своего звука, гласныя означаютъ нѣчто тончайшее, болѣе пронзительное и болѣе внутреннее, нежели согласныя, и какъ-бы менѣе вещественны и больше одушевлены. Отъ этого онѣ больше годны для *грамматическихъ отмѣтокъ*, къ чему еще надобно присовокупить легкость ихъ звука и способность примыкать къ другимъ звукамъ. Все это однако еще далеко не то, что исключительно грамматическое употребленіе ихъ въ Семитическихъ языкахъ, которое, мнѣ кажется, стоитъ единственнымъ явленіемъ въ исторіи языковъ и потому должно имѣть свое особенное основаніе. Если мы вздумаемъ для отысканія этого начала зайти съ другой стороны, отъ *двусложнаго строенія корней*, то подобной попыткѣ помѣшаетъ то обстоятельство, что двусложный составъ корней хотя и составляетъ конститутивное начало въ извѣстномъ намъ состояніи этихъ языковъ, однако не былъ, по всей вѣроятности, дѣйствительно первоначальнымъ. Скорѣе можно думать, какъ объясню я ниже, что ему служило уже основой *односложное* строеніе, вѣроятно, въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ полагаютъ обыкновенно нынѣ. И все-таки, впрочемъ, разсматриваемая особенность, можетъ быть, объяснится именно этимъ путемъ, переходомъ къ двусложнымъ формамъ: на это наводитъ насъ сравненіе двусложныхъ формъ между собою. Односложныя формы состояли изъ двухъ согласныхъ, съ гласною между ними. Могло быть, что гласная, замкнутая такимъ образомъ между согласными и подавляемая ихъ звукомъ, теряла

(*) Эти положенія, равно и различіе между начальнымъ *a* и *h* въ Санскритскомъ языкѣ, яснѣе и удовлетворительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, развиты Лепсіусомъ въ его Palaeographie als Mittel der Sprachforschung.

(**) Ср. J. Grimm, Deutsche Gramm. II стр. 1.

способность къ надлежащему самостоятельному развитію и не принимала участія въ выраженіи значенія слова. Только позднѣе открывшаяся необходимость въ грамматическомъ обозначеніи, можетъ быть, вызвала гласныя къ развитію и потомъ, чтобы дать больше простора грамматическимъ флексіямъ, понудила прибавлять другой слогъ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ должна быть еще другая причина не давать свободы гласности звуковъ, и этой причины, конечно, скорѣе можно искать въ свойствѣ органовъ и въ особенности выговора, нежели во внутренней сторонѣ языка.

Вѣрнѣе этого объясненія и для опредѣленія отношеній Семитическихъ языковъ къ умственному развитію, мнѣ кажется, важнѣе то, что у этихъ народовъ все-таки недостаетъ ясности и рѣшительности во взглядѣ на различіе между *вещественнымъ значеніемъ* словъ и ихъ отношеніями то ко всеобщимъ формамъ *слова* и *мысли*, то къ составу предложенія, такъ-что отъ этого подвергается опасности даже чистота различія между согласными и гласными звуками. Прежде всего я долженъ здѣсь указать на особенное свойство звуковъ, называемыхъ въ Семитическихъ языкахъ корнями: они существенно отличны отъ коренныхъ звуковъ въ другихъ языкахъ. Такъ-какъ гласныя лишены вещественной знаменательности, то три коренныя согласныя, судя строго, остаются безъ гласныхъ, т.-е. сопровождаются звукомъ, нужнымъ только для собственнаго ихъ произнесенія. А въ этомъ состояніи въ нихъ недостаетъ звуковой формы, необходимой для явленія ихъ въ рѣчи, потому-что Семитическіе языки не допускаютъ и стеченія согласныхъ другъ за другомъ непосредственно, съ одною только швой. Съ прибавленіемъ гласныхъ коренныя согласныя выражаютъ уже то или другое опредѣленное отношеніе, переставая быть безотносительными корнями. Потому, когда корни дѣйствительно являются въ языкѣ, они уже настоящія формы слова, въ положеніи-же чистыхъ корней въ нихъ недостаетъ важной части въ сравненіи съ полнотою ихъ звуковой формы въ рѣчи. Отъ этого са-

мая флексія получаетъ въ Семитическихъ языкахъ другой смыслъ, чѣмъ въ прочихъ языкахъ, гдѣ корень безъ всякой примѣси отношеній является въ рѣчи дѣйствительно внятнымъ для слуха, по крайней мѣрѣ какъ часть слова. Слова въ грамматическихъ формахъ въ Семитическихъ языкахъ представляютъ въ себѣ не видоизмѣненія коренныхъ звуковъ, а восполненіе ихъ до настоящей звуковой формы. А такъ-какъ первоначальный коренной звукъ не можетъ быть слышимъ въ теченіи рѣчи наравнѣ съ грамматическимъ его измѣненіемъ, то отъ этого страдаетъ живое различіе между выраженіемъ *значенія* и *отношенія*. Правда, потому-же самому выраженія того и другаго крѣпче связываются между собою, и употребленіе звуковъ, по остроумному и вѣрному замѣчанію *Эвальда*, является умѣстнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ языкѣ, потому-что подвижнымъ гласнымъ предоставляется здѣсь болѣе духовное, а согласнымъ болѣе матеріальное. Но чувство необходимаго единства слова, совмѣщающаго въ себѣ значеніе и отношеніе, бываетъ больше и живѣе, когда совокупляемыя стихіи могутъ дѣлиться до чистой самостоятельности, и это соотвѣтствуетъ какъ цѣли языка, вѣчно раздѣляющаго и совокупляющаго, такъ и существу самаго мышленія. Да и въ частныхъ *способахъ* выраженія отношеній и значенія эти языки не свободны отъ нѣкотораго смѣшенія обоихъ. По недостатку *неотдѣляемыхъ предлоговъ*, они не имѣютъ способа выраженія для цѣлаго класса отношеній, которыя составляютъ систематическое цѣлое и могутъ быть представлены въ полной схемѣ. Въ Семитическихъ языкахъ этотъ недостатокъ отчасти вознаграждается тѣмъ, что въ нихъ для такихъ глагольныхъ понятій, оттѣняемыхъ предлогами, назначены особенныя слова. Но это вовсе не даетъ полноты, и еще меньше можно этимъ кажущимся богатствомъ окупить ту невыгоду, что при недостаточно ощутительномъ представленіи различія частностей, не ясно представляется взору и общая ихъ совокупность, и говорящіе лишаются воз-

можности легко и навѣрное обогащать языкъ новымъ, до тѣхъ поръ неиспытаннымъ употребленіемъ словъ.

Не могу также пройти здѣсь молчаніемъ важнаго, по моему мнѣнію, различія въ обозначеніи разнаго рода отношеній. *Падежи* въ *именахъ*, какъ скоро допускается ихъ выраженіе звуками, а не однимъ положеніемъ словъ, обозначаются приставкою предлоговъ, *лица* въ *глаголѣ* приставкою мѣстоименій. Обоими этими отношеніями нисколько не затрогивается значеніе словъ. Это выраженія чистыхъ, повсюду приложимыхъ отношеній. Но грамматическимъ средствомъ для ихъ выраженія служитъ здѣсь приставка, и еще приставка такихъ буквъ и слоговъ, которые ходятъ въ языкѣ въ качествѣ самостоятельныхъ словъ, и здѣсь, въ смыслѣ окончанія, соединяются съ словами только до нѣкоторой степени плотности. Перемѣна гласныхъ, сколько и она привходитъ сюда, есть слѣдствіе тѣхъ приставокъ, присовокупленіе которыхъ не можетъ оставаться безъ дѣйствія на форму слова, когда въ языкѣ господствуютъ столь твердо опредѣленныя правила построенія словъ. Прочія выраженія отношеній, чистою-ли перемѣной гласныхъ, или присовокупленіемъ къ тому согласныхъ, какъ въ формахъ: гифилъ, нифалъ и т. д., или удвоеніемъ согласной самаго слова, какъ во многихъ формахъ повышенія по степенямъ, имѣютъ довольно близкое сродство съ самымъ значеніемъ слова, болѣе или менѣе касаются его, конечно, даже нѣкоторымъ образомъ измѣняютъ его совершенно, подобно тому, какъ это было-бы въ случаѣ производства, посредствомъ подобной формы, слова: *воспитывать* отъ слова: *большой*. Правда, первоначально и главнымъ образомъ эти выраженія означаютъ настоящія грамматическія отношенія: отличіе именъ и глаголовъ, дѣйствительные и средніе глаголы, возвратные и причинные и т. д. Измѣненіе первоначальнаго значенія, посредствомъ котораго изъ темъ возникаютъ производныя понятія, есть естественное слѣдствіе самыхъ формъ этихъ, и можетъ даже обходиться безъ смѣшенія выраженій значенія съ выраженіемъ отношеній. Это доказы-

ваютъ подобныя явленія и въ языкахъ Санскритскихъ. Но въ цѣломъ различіе тѣхъ двухъ классовъ (падежныя и мѣстоименныя приставки съ одной стороны, внутренняя перемѣна гласныхъ въ глаголахъ—съ другой) и разные способы обозначенія въ обоихъ представляютъ въ себѣ поразительную странность. Пожалуй, въ этомъ различіи есть нѣкоторое соотвѣтствіе различію самаго дѣла. Гдѣ понятіе не подвергается никакой перемѣнѣ, тамъ обозначеніе дѣлается только снаружи; гдѣ-же грамматическая форма, простираясь только на отдѣльное слово, касается его значенія, тамъ обозначеніе происходитъ внутри слова, въ самой его темѣ. Гласная принимаетъ въ этомъ обозначеніи участіе, о которомъ было упомянуто выше, тоньше обрисовывая и рѣшительнѣе оттѣняя понятіе. Во второмъ классѣ всѣ случаи дѣйствительно такого рода и, что касается глагола, могутъ быть примѣнены уже къ причастіямъ, не касаясь дѣйствительной силы самаго глагола. Въ Барманскомъ языкѣ это дѣйствительно такъ; и въ языкахъ Малайскихъ глагольные предлоги описываютъ почти тотъ-же кругъ, какъ этотъ способъ обозначенія въ языкахъ Семитическихъ. Всѣ случаи этого способа обозначенія дѣйствительно можно свести къ нѣкоторому измѣненію самаго понятія. Это относится даже къ обозначенію временъ, гдѣ оно дѣлается посредствомъ флексіи, а не синтаксически; потому-что первымъ способомъ обозначается, только дѣйствительность, и неопредѣлимая съ достовѣрностью безвѣстность. Между-тѣмъ все-же странно, что именно тѣ отношенія, которыя, наиболѣе оставляя значеніе слова неизмѣненнымъ, ставятъ его только въ иное положеніе, какъ напр. падежи, равно и тѣ, которыми образуется самое существо глагола, какъ напр. лица, обозначаются менѣе формально и даже, вопреки понятію флексіи, почти сбиваются на механическое складываніе; а отношенія, видоизмѣняющія понятіе слова, получаютъ, наоборотъ, самое формальное выраженіе. Кажется, что народный тактъ языка былъ настроенъ не столько къ тому, чтобы рѣзко различать отношеніе и значеніе, сколько къ тому,

чтобы изъ первоначальнаго значенія словъ въ порядкѣ производить понятія съ разными оттѣнками по систематическому раздѣленію грамматической формы. Иначе одинаковое свойство всѣхъ грамматическихъ отношеній не было-бы нѣкоторымъ образомъ изглажено двоякимъ способомъ ихъ выраженія. Если это соображеніе окажется вѣрнымъ и согласнымъ съ фактами, то этотъ случай доставляетъ намъ примѣръ того, какъ народъ можетъ поступать въ своемъ языкѣ съ удивительнымъ остроуміемъ и столь-же рѣдкимъ чувствомъ взаимныхъ требованій между понятіемъ и звукомъ, и въ то-же время не попасть на тотъ путь, который всего естественнѣе для языка вообще. Отвращеніе Семитическихъ языковъ отъ *сложныхъ словъ* легко объяснить изъ общей ихъ формы, изображенной здѣсь въ главныхъ чертахъ. Хотя трудность давать многосложнымъ словамъ прочно-укореняющуюся въ языкѣ форму могла быть побѣждена, какъ доказываютъ собою сложныя собственныя имена у Семитическихъ народовъ, все-таки они, по привычкѣ къ краткимъ, строго-организованнымъ и легко-обозримымъ формамъ словъ съ внутреннимъ образованіемъ, предпочитали избѣгать словосложенія. Да и случаевъ къ образованію сложныхъ словъ имъ представлялось немного, и при обиліи коренныхъ имъ не трудно было обойтись безъ нихъ.

Въ *Делаварскомъ языкѣ* въ Сѣверной Америкѣ, можетъ быть, больше чѣмъ во всякомъ другомъ, господствуетъ обычай образовать новыя слова посредствомъ *сложенія*. Но стихіи этихъ сложныхъ словъ рѣдко содержатъ въ себѣ первоначальное слово въ цѣлости: отъ него берется для сложенія только часть, или даже отдѣльный звукъ. Изъ одного примѣра, приводимаго у *Дю-Понсо* (*), можно даже заключать, что составлять такія слова или лучше цѣлыя фразы, стиснутыя въ одно слово, изъ обрывковъ отъ простыхъ словъ, зависитъ отъ личности говорящаго. Изъ ki *ты*, wulit *хорошъ*, *красивъ*, wichgat

(*) См. Предисловіе къ Делаварской грамматикѣ Цейсбергера (Philadelphia, 1827, 4°, стр. 20).

лапа и слова schis, употребляемаго въ смыслѣ уменьшительнаго окончанія, образуется при обращеніи къ котенку слово: k-uli-gat-schis *твоя хорошенькая лапка.* Подобныя фразы переходятъ въ глаголы и выдерживаютъ полное спряженіе. Nad-hol-ineen отъ naten *приносить*, amochol *лодка* и придаточнаго управляемаго мѣстоименія 1-го лица множ. числа, значитъ: *перевези насъ на лодкѣ.* Изъ этихъ примѣровъ уже видно, какимъ значительнымъ измѣненіямъ подвергаются слова при сложеніи. Такъ изъ wulit въ вышеприведенномъ примѣрѣ вышло uli; въ другихъ случаяхъ, когда при сложеніи спереди не приходится согласная, остается wul, а съ предыдущею согласною бываетъ и ola (*). Сокращенія бываютъ очень смѣлы. Для составленія слова *лошадь*, отъ слова awesis (звѣрь) берется для сложенія только слогъ es. А такъ-какъ эти обрывки словъ совокупляются съ другими звуками, то они измѣняются и по законамъ благозвучія и еще меньше дѣлаются похожими на самихъ себя. Въ вышеупомянутомъ словѣ для названія лошади: nanayung-es, кромѣ окончанія es, содержится только nayundam *носить тяжесть на спинѣ.* Буква g кажется вставкой, а удвоеніе начальнаго слога допущено только при сложеніи. Одно начальное m отъ слова machit *худъ* или отъ medhick *золъ* придаетъ слову смыслъ злаго или отвратительнаго (**). Эти искаженія словъ очень сильно порицали, какъ варварскую грубость. Но надобно глубже знать языкъ Делаварскій и имѣть въ рукахъ формы Делаварскихъ словъ въ родственныхъ ему языкахъ, чтобы рѣ-

(*) Transactions of the Historical and Literary Committee of the American Philological Society. Philadelphia, 1819. Vol. I, стр. 405 и слѣд.

(**) Цейсбергеръ (тамъ-же) замѣчаетъ, что mannitto составляетъ отсюда исключеніе, потому-что подъ этимъ словомъ разумѣютъ самого Бога, великаго и добраго духа. Но нѣтъ ничего страннаго видѣть, что религіозныя идеи необразованныхъ народовъ ведутъ свое начало отъ страха, внушаемаго злыми духами. Потому очень возможно, что первоначальное значеніе слова было именно таково. Другихъ остатковъ этого слова, за неимѣніемъ Делаварскагó словаря, я нигдѣ не вижу. Поразительно, хотя, можетъ быть, совершенно случайно, это слово сходно съ Тагальскимъ anito *идолъ* (ст. Ueber die Kawi-Sprache, I кн., стр. 75),

шить, дѣйствительно-ли уничтожаются этими сокращеніями коренные слоги, или напротивъ именно сберегаются? Что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно бываетъ послѣднее, доказываетъ одинъ замѣчательный примѣръ. Lenape значитъ человѣкъ; въ сложеніи съ нимъ слово lenni (Lenni-Lenape) составляетъ имя главнаго Делаварскаго племени, содержитъ въ себѣ смыслъ о чемъ-то первобытномъ, несмѣшанномъ, искони туземномъ, и потому значитъ также *общій*, *обыкновенный*. Въ послѣднемъ смыслѣ это выраженіе служитъ названіемъ всего туземнаго, даннаго великимъ добрымъ духомъ страны, въ противоположность тому, что принесено съ чужбины только бѣлыми людьми. Ape значитъ *ходить прямо* (*). Такимъ образомъ въ lenape совершенно правильно совокуплены характеристическіе признаки въ прямомъ положеніи ходящаго туземца. Что это слово получило значеніе *человѣка* вообще, и что, для образованія собственнаго имени, къ нему еще разъ присоединено понятіе первоначальности, это легко объясняется. Въ pilape *юноша* слово pilsit *невинный* соединено съ тою-же частью слова lenape, которая означаетъ характеристическій признакъ человѣка. Такъ-какъ слова, принимаемыя въ составъ сложенія, бываютъ большею частію многосложны и въ свою очередь также уже составныя, то весь вопросъ состоитъ въ томъ, которая изъ ихъ частей употребляется для новыхъ сложныхъ словъ: это объяснялось-бы только ближайшимъ изслѣдованіемъ языка по полному словарю его. Само собою также разумѣется, что употребленіе подчиняетъ эти сокращенія извѣстнымъ правиламъ. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ это видно уже изъ того, что опредѣляемое слово всегда ставится позади опредѣляющаго, какъ послѣдній членъ словосложенія. Потому метода этого наружнаго искаженія заслуживаетъ болѣе благосклоннаго суда и дѣйствуетъ на этимологію не такъ разрушительно, какъ можно

(*) Такъ понимаю я Геккевельдера (Transactions I, 411). Во всякомъ случаѣ, *ape* есть только окончаніе съ значеніемъ прямо-ходящаго существа, какъ chum — для четвероногихъ.

опасаться при поверхностномъ взглядѣ. Эта метода точь-въ-точь та-же, что вышесказанная характеристическая наклонность Американскихъ языковъ соединять съ глаголомъ сокращенное или еще болѣе измѣненное мѣстоименіе. Делаварская метода обнаруживаетъ еще обширнѣйшее стремленіе соединять нѣсколько понятій въ одно слово. Если сравнимъ между собою нѣсколько языковъ, не имѣющихъ флексіи и обозначающихъ грамматическія отношенія частицами, то увидимъ, что одни изъ нихъ, какъ Барманскій, многіе языки Южнаго моря и даже Маньчжурскій и Монгольскій, скорѣе ставятъ частицы порознь отъ опредѣляемыхъ ими словъ, тогда-какъ Американскіе, напротивъ, расположены совокуплять ихъ съ словами. Это расположеніе естественно вытекаетъ изъ выше-изображенной (§ 17) совокупительной методы. Это я представилъ тамъ стѣсненіемъ для образованія предложенія, и объяснялъ заботливостью крѣпко сжимать части предложенія изъ опасенія за его вразумительность.

Въ разсматриваемой Делаварской методѣ образованія словъ можно усмотрѣть еще другую замѣчательную сторону. Въ ней очевидно дѣйствуетъ наклонность — понятія, соединяемыя въ мысль, представлять душѣ заразъ и притомъ въ звуковомъ единствѣ, вмѣсто-того, чтобы вычитывать ихъ поодиночкѣ. Это — живопись языка, въ точности соотвѣтствующая образнымъ представленіямъ понятій посредствомъ другихъ способовъ обозначеній въ этомъ языкѣ. Жолудь называется по-Делаварски wu-nach-quim *орѣхъ листа руки* (отъ wumpach *листъ*, nach *рука* и quim *орѣхъ*), потому-что живое воображеніе народа сравниваетъ выкроенный листъ дуба съ рукою. И здѣсь видно двоякое выполненіе вышеупомянутаго правила размѣщенія стихій: во-первыхъ, въ послѣднемъ словѣ, и потомъ въ обоихъ остальныхъ, гдѣ рука, какъ-бы изъ листка образованная, опять стоитъ послѣ этого послѣдняго, и на-оборотъ. Весьма важно, безъ сомнѣнія, много-ли языкъ въ-состояніи вмѣщать въ одно слово, вмѣсто-того, чтобы при описательномъ способѣ выра-

женія употреблять нѣсколько словъ. И хорошій писатель тщательно наблюдаетъ эту разницу, какъ-скоро языкъ предоставляетъ ему свободу выбора. Правильное равновѣсіе, соблюдаемое въ этомъ отношеніи Греческимъ языкомъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ важнѣйшимъ красотамъ его. Совокупляемое въ одно слово и душѣ представляется строже въ единствѣ, потому-что слова въ языкѣ то-же, что отдѣльные предметы въ дѣйствительности. Совокупленіе сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе, чѣмъ высчитываніе порознь. Потому первое больше дѣло воображенія, второе—больше дѣло разсудка. Эти двѣ силы души можно въ этомъ случаѣ представлять даже противоположными другъ другу; по-крайней-мѣрѣ каждая изъ нихъ поступаетъ здѣсь по своимъ собственнымъ законамъ, различіе которыхъ обнаруживается на ясномъ примѣрѣ въ языкѣ. Разсудокъ требуетъ отъ слова, чтобы оно вызывало собою понятія вполнѣ и совершенно опредѣленно; но требуетъ вмѣстѣ, чтобы оно показывало и логическое отношеніе понятія, въ какомъ оно является въ языкѣ и рѣчи. Этому требованію разсудка Делаварскій языкъ удовлетворяетъ только своимъ особеннымъ образомъ, не удовлетворительнымъ для высшаго такта языка, но онъ является живымъ символомъ ряда образовъ, вызываемыхъ воображеніемъ, и достигаетъ въ этомъ отношеніи совершенно особенной красоты. И въ Санскритскомъ языкѣ такъ-называемыя несклоняемыя причастія, такъ часто употребляемыя для выраженія вводныхъ предложеній, много способствуютъ къ живому изображенію мысли, представляя душѣ ея части одновременнѣе. Но такъ-какъ въ нихъ есть грамматическая помѣта, то они совмѣщаютъ въ себѣ строгость требованій разсудка съ свободнымъ изліяніемъ воображенія. Это хорошая ихъ сторона:. потому-что въ нихъ есть, конечно, и невыгодная сторона, когда они своей неповоротливостью связываютъ свободу состава предложеній и громоздкой совокупительной медодой напоминаютъ недостатокъ разнообразія средствъ для надлежащаго расширенія состава предложеній.

Стоитъ, мнѣ кажется, замѣтить, что это смѣлое картинное совокупленіе словъ принадлежитъ именно одному изъ *Сѣверо-Американскихъ* языковъ, хотя я не могу съ увѣренностью сдѣлать отсюда заключеніе о харектерѣ этихъ народовъ въ противоположность *Южнымъ*, потому-что для этого нужно имѣть больше данныхъ касательно тѣхъ и другихъ и касательно древнѣйшей ихъ исторіи. Достовѣрно, впрочемъ, что въ рѣчахъ и переговорахъ Сѣверо-Американскихъ племенъ замѣтно больше возвышенности души, больше смѣлаго полета воображенія, нежели сколько извѣстно у южныхъ Американцевъ. Этому могли содѣйствовать въ одно время природа, климатъ, и больше Сѣверной Америкѣ свойственная охотничья жизни съ своими далекими переходами по пустымъ лѣсамъ. Если это справедливо, то въ южной Америкѣ, безъ сомнѣнія, зловредно дѣйствовали обширныя *деспотическія* государства, и особенно убійственно было для свободнаго развитія личности соединенное съ *жреческою* властью *Перуанское* владычество, тогда-какъ тѣ охотничьи племена, по-крайней-мѣрѣ сколько намъ извѣстно, всегда жили въ свободныхъ союзахъ между собою. Да и со-времени *завоеванія* Америки *Европейцами*, эти двѣ части ея испытали, именно въ разсматриваемомъ нами отношеніи, существенно различную участь. Пришельцы на берега Сѣверной Америки оттѣснили туземцевъ въ глубь страны и, конечно, несправедливо отняли у нихъ собственность, но не покорили ихъ, а миссіонеры, одушевленные болѣе свободнымъ и болѣе кроткимъ духомъ протестантизма, не подчинили ихъ гнету монашеской дисциплины, какая систематически введена была въ южной Америкѣ Испанцами и Португальцами.

То богатство воображенія, какимъ видимо запечатлѣны иные языки, какъ *Делаварскій*, не должно-ли почесть знакомъ того, что въ нихъ сохранилось *юношеское* состояніе языка? На это отвѣчать трудно, потому-что мало можно различать, что́ принадлежитъ въ нихъ времени и что̀ направленію народнаго духа. Замѣчу только, что такія совокупленія, отъ которыхъ въ

настоящее время часто остаются только отдѣльные звуки, можно находить и въ самыхъ лучшихъ, въ самыхъ образованныхъ языкахъ, потому-что языкамъ естественно восходить отъ простѣйшаго, и впродолженіе многихъ тысячелѣтій, въ которыя слова передаются изустно, терять значеніе первобытныхъ звуковъ.

§ 24. *Языки несовершеннаго устройства. Китайскій языкъ. Свойство и происхожденіе несовершеннаго устройства языковъ. Барманскій языкъ.*

Изъ всѣхъ извѣстныхъ языковъ, *Китайскій* и *Санскритскій* стоятъ въ самой рѣшительной противоположности другъ къ другу, такъ-какъ первый предоставляетъ *всю грамматическую форму досужести ума*, а послѣдній старается влить ее въ звукъ до тончайшихъ ея оттѣнковъ. Въ этомъ отсутствіи *обозначенія* въ одномъ языкѣ и въ яркой наличности его въ другомъ дѣйствительно состоитъ существенное различіе между обоими. За исключеніемъ нѣкоторыхъ частицъ, безъ которыхъ впрочемъ *Китайскій* языкъ, какъ увидимъ ниже, отлично умѣетъ обходиться, всѣ формы грамматики въ самомъ обширномъ смыслѣ онъ отмѣчаетъ *размѣщеніемъ* словъ, однажды навсегда утвержденнымъ въ извѣстной формѣ ихъ *употребленіемъ* и *связью* ихъ *по смыслу*, слѣдовательно такими средствами, употребленіе которыхъ требуетъ внутренняго напряженія. *Санскритскій*, напротивъ, вноситъ въ самый звукъ не только *смыслъ* грамматической формы, но и тончайшій видъ ея — *отношенія* ея къ *значенію*.

Поэтому съ перваго взгляда можно почесть *Китайскій* языкъ самымъ далекимъ отъ естественныхъ требованій языка и *самымъ несовершеннымъ* между языками. Но, при строжайшемъ разборѣ дѣла, этотъ взглядъ исчезаетъ. Совсѣмъ напротивъ, Китайскій языкъ обнаруживаетъ въ себѣ высокую степень *превосходства* и оказываетъ хотя одностороннее, но могуще-

ственное *вліяніе* на *умственную способность.* Причину того можно-бы искать въ *ранней ученой разработкѣ* его и въ богатой *литературѣ.* Но, очевидно, скорѣе самъ языкъ содѣйствовалъ этимъ успѣхамъ образованія, вызывая оное и служа его орудіемъ. Всего прежде въ *Китайскомъ* не подлежитъ спору большая *послѣдовательность* его построенія. Всѣ другіе языки, не имѣющіе флексіи, какъ ни сильно выказываютъ въ себѣ стремленіе къ ней, но останавливаются на полудорогѣ, не достигнувъ цѣли. Китайскій языкъ, не касаясь этой дороги совершенно, проводитъ свое начало до самаго конца выполненія. Затѣмъ, самое свойство средствъ, употребляемыхъ имъ для отличія всего формальнаго въ рѣчи, повело къ строжайшему наблюденію различія всѣхъ формальныхъ отношеній и къ систематическому ихъ распредѣленію. Отъ этого, наконецъ, различіе между вещественнымъ *значеніемъ* и формальнымъ *отношеніемъ* само собою представляется уму тѣмъ яснѣе, что этотъ языкъ, сколько онъ слышится ухомъ, содержитъ въ себѣ только *вещественно-знаменательные звуки*, а выраженіе формальныхъ отношеній звукомъ, какъ чистыхъ отношеній, онъ предоставляетъ *положенію* и *подчиненію* словъ. Этимъ, почти всюду *беззвучнымъ обозначеніемъ* формальныхъ *отношеній*, Китайскій языкъ отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ языковъ въ полной мѣрѣ, въ какой могутъ они отличаться другъ отъ друга при общемъ сходствѣ своемъ въ одной для всѣхъ внутренней формѣ. Всего яснѣе это видишь при попыткѣ втѣснить какую-нибудь часть его въ форму другихъ языковъ, падобно тому, какъ сдѣлалъ это одинъ изъ величайшихъ знатоковъ его, *Абель-Ремюза*, выставлявшій полное Китайское склоненіе (Fundgruben des Orients III, 283). Очень понятно, что въ каждомъ языкѣ долны быть какія-нибудь средства для отличія разныхъ отношеній имени. Но эти средства далеко нельзя еще считать по одному этому назначенію за настоящіе падежи. Китайскій языкъ рѣшительно ничего не выигрываетъ отъ такого взгляда. Совсѣмъ напротивъ, характеристическое преимущество его, какъ тамъ-же

весьма мѣтко указалъ самъ Ремюза, составляетъ особенная его система, которою онъ разнится отъ другихъ языковъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ отъ того-же самаго лишается и многихъ выгодъ и конечно уступаетъ, какъ языкъ и какъ орудіе ума, языкамъ Санскритскимъ и Семитическимъ. Впрочемъ, отсутствіе звуковаго выраженія для формальныхъ отношеній не должно брать во вниманіе исключительно. Надобно вмѣстѣ съ тѣмъ и даже главнымъ образомъ имѣть въ виду то дѣйствіе, какое производитъ этотъ недостатокъ на умъ, вынуждая его легко сопровождать слова этими отношеніями, не влагая ихъ въ самыя слова, но тѣмъ не менѣе давая въ нихъ дѣйствительно понимать ихъ. Потому, какъ-бы ни казалось парадоксальнымъ, а я считаю рѣшеннымъ, что въ Китайскомъ языкѣ наружное отсутствіе всякой грамматики именно изощряетъ народный смыслъ къ пониманію формальной св зи рѣчи, тогда-какъ языки съ попытками на обозначеніе грамматическихъ отношеній, но попытками неудачными, скорѣе, напротивъ-того, усыпляютъ умъ и спутываютъ грамматическій смыслъ народа смѣшеніемъ матеріальнаго и формальнаго значенія.

Это особенное строеніе Китайскаго языка происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ фонетической особенности народа въ древнѣйшія времена, отъ обычая держать звуки въ строгой разрозненности и отъ недостатка подвижности, которою они видоизмѣняютъ другъ друга. Эту чувственную особенность должно принимать за основаніе, когда надобно объяснять умственную особенность внутренней формы, потому-что каждый языкъ ведетъ свое начало отъ необразованнаго простонароднаго говора. Такимъ образомъ, когда пытливый и изобрѣтательный смыслъ народа, его дѣятельный и острый разсудокъ, преобладающій надъ воображеніемъ, далъ *языку* философскую и ученую *обработку*, она могла принять только тотъ самый путь, который дѣйс вительно оказывается въ *древнѣйшемъ* стилѣ; она должна была удержать дробленіе звуковъ, какъ оно существовало въ устахъ народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить и строго распре-

дѣлить то, что требовалось для яснѣйшаго изображенія мысли въ высшемъ употребленіи языка, освобожденномъ отъ интонаціи и ужимокъ, сопровождающихъ повседневную рѣчь для большей ея вразумительности. А что такую обработку Китайскій языкъ получилъ очень рано, это доказано исторически, и кромѣ того подтверждается несомнѣнными, хотя и немногими слѣдами образнаго представленія мыслей въ *Китайскомъ письмѣ.*

Можно, конечно, вообще утверждать, что когда умъ начинаетъ доходить до *строгаго мышленія* и когда это направленіе является въ обработкѣ языка, тогда *образное письмо* не можетъ долго держаться. У Китайцевъ это было двоякимъ образомъ. Къ *буквенному письму* ихъ, какъ всѣ другіе народы, могло-бы привести чувство членораздѣльныхъ разницъ въ звукѣ. Но у нихъ, какъ это легко объяснить, изобрѣтеніе письма пошло не этимъ путемъ. Такъ-какъ въ разговорномъ языкѣ звуки не переплетались между собою, то у нихъ мало могло быть надобности въ обозначеніи ихъ порознь. Какъ слухъ воспринималъ монограмму языка, такъ эти-же монограммы отпечатывались и на письмѣ. Начавъ съ письменныхъ образовъ и вовсе не приближаясь къ буквенному письму, Китайцы образовали себѣ искусственную, произвольно-составленную систему знаковъ, не лишенную связи между частностями, но связи всегда только идеальной, а не фонетической. Такъ-какъ разсудочное направленіе у нихъ было сильнѣе охоты наслаждаться переливами звуковъ, то и письменные знаки у нихъ сдѣлались представителями больше *понятій*, нежели звуковъ,—только каждому понятію всегда соотвѣтствовало извѣстное слово, потому-что понятіе достигаетъ своей полноты только въ словѣ.

Такимъ образомъ во всей области извѣстныхъ намъ языковъ *Китайскій* и *Санскритскій* составляютъ двѣ твердыя конечныя точки, равныя другъ другу не по приспособленности своей къ развитію духа, но по внутренней послѣдовательности и по оконченности выполненія своей системы. *Семитическіе языки* не занимаютъ средины между ними. По своему рѣши-

тельному направленію къ наращенію, они принадлежатъ къ одному классу съ Санскритскими языками. Но *всѣ прочіе языки* можно считать на *срединѣ* между этими *конечными точками*, потому-что всѣ они приближаются либо къ Китайской наготѣ словъ, не прикрытыхъ грамматическими отношеніями, либо къ системѣ крѣпкой смычки всѣхъ звуковъ, обозначающихъ отношеніе. Даже языки совокупительной системы, какъ Мексиканскій, занимаютъ такое мѣсто, потому-что совокупленіемъ они могутъ обозначать не всѣ отношенія, и потому бываютъ вынуждены прибѣгать къ частицамъ, которыя могуть быть присовокупляемы или оставаться отдѣльными. Кромѣ этихъ отрицательныхъ качествъ — неполнаго отсутствія всѣхъ грамматическихъ помѣтъ и отсутствія истинной флексіи — эти, разнымъ образомъ отличные другъ отъ друга языки, ничего не имѣютъ общаго между собою, и потому лишь вовсе неопредѣленно могутъ быть отнесены къ одному классу.

Спрашивается теперь, нѣтъ-ли въ ходѣ *образованія языковъ* (разумѣется, не въ одномъ племени, а вообще) *постепеннаго приближенія* къ *высшему совершенству?* Этотъ вопросъ можно относить къ дѣйствительному происхожденію существующихъ языковъ, понимая его такъ, какъ будто-бы въ разныя эпохи исторіи человѣчества разныя системы образованія языковъ возникали одна за другой, предполагая и обусловливая другъ друга, какъ степени. Въ такомъ случаѣ Китайскій былъ-бы древнѣйшимъ языкомъ, Санскритскій—самымъ позднѣйшимъ. Выше я уже достаточно объяснилъ,—и это составляетъ главный пунктъ въ моемъ взглядѣ,—что совершеннѣйшій языкъ, сколько можно рѣшать этотъ вопросъ со стороны идей, не долженъ быть непремѣнно позднѣйшимъ. Исторически ничего нельзя сказать на этотъ вопросъ; я постараюсь, впрочемъ, въ слѣдующемъ параграфѣ опредѣлительнѣе разсмотрѣть его на фактическомъ происхожденіи и смѣшеніи языковъ. Можно, впрочемъ, и не касаясь того, что̀ и какъ было въ дѣйствительности, спрашивать, не представляютъ-ли такого постепеннаго восхожденія относительно

другъ друга языки, занимающіе вышеозначенную средину, по самому своему строенію, или къ нимъ вовсе нельзя прилагать такого простаго масштаба? Съ одной стороны кажется, какъ будто надобно допустить первое. Барманскій языкъ наприм. для множества грамматическихъ отношеній имѣетъ дѣйствительные звуковые знаки въ частицахъ, но онъ не совокупляетъ этихъ частицъ посредствомъ перемѣны звуковъ ни между собою, ни съ знаменательными словами; а Американскіе языки, какъ показалъ я выше, совокупляютъ сокращенныя стихіи и въ образованныхъ такимъ способомъ словахъ достигаютъ нѣкотораго фонетическаго единства: эта метода, повидимому, ближе той къ настоящей флексіи. Но, съ другой стороны, когда, сравнивая Барманскій языкъ съ Малайскимъ, видимъ, что хотя первый гораздо больше обозначаетъ отношенія тамъ, гдѣ второй оставляетъ ихъ, по-Китайски, не обозначенными, и когда Малайскій въ свою очередь въ имѣющихся у него приставочныхъ слогахъ заботливѣе бережетъ какъ ихъ собственные звуки, такъ и звуки главныхъ словъ: то приходишь въ нерѣшимое затрудненіе, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе, хотя, при оцѣнкѣ обоихъ съ иной точки зрѣнія, преимущество безспорно принадлежитъ Малайскому.

Такимъ образомъ видно, что этимъ путемъ и этими средствами опредѣлять степени между языками было-бы односторонностью. И это совершенно понятно. Если предыдущими разсужденіями справедливо была признана правильною только одна форма языка, то преимущество это состоитъ только въ томъ, что, по счастливому стеченію богатаго и тонкаго органа съ живою силой языковаго такта, вполнѣ и безошибочно развивается вся способность, какою человѣкъ одаренъ въ своей физической и духовной природѣ. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, строеніе языка возникаетъ изъ правильнаго и энергическаго чувства отношенія рѣчи къ мышленію и всѣхъ частей языка между собою. Строго-правильное строеніе дѣйствительно возможно только тамъ, гдѣ такое чувство, какъ

животворное пламя, проникаетъ все образованіе языка. Безъ этого, все изъ себя выработывающаго начала, правильное строеніе языка недостижимо путями механической постепенности. Если такія благопріятныя обстоятельства не вездѣ стекаются вмѣстѣ, то по-крайней-мѣрѣ всѣ народы при образованіи языковъ имѣютъ одно и то-же стремленіе. Всѣ хотятъ правильнаго, естественнаго, стало-быть самого лучшаго. Это желаніе ихъ выполняетъ развивающійся у нихъ и въ нихъ языкъ самъ собою, безъ ихъ собственныхъ заботъ, и мы не можемъ представить себѣ, чтобы какой-нибудь народъ намѣренно вздумалъ, наприм., выражать звуками только вещественное значеніе и лишилъ звуковаго выраженія грамматическія отношенія. Человѣкъ, какъ уже выше было говорено, не столько самъ образуетъ себѣ языкъ, сколько открываетъ въ себѣ его самодѣятельныя развитія съ какимъ-то радостнымъ изумленіемъ. Такъ-какъ однако языкъ въ своемъ созданіи зависитъ отъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ является въ дѣйствительность, то онъ и не вездѣ достигаетъ своей одинаковой (у всѣхъ) цѣли, но чувствуетъ себя, при своей несостоятельности, въ стѣсненіи, причина котораго не въ немъ самомъ. А между-тѣмъ необходимость удовлетворить общей цѣли вынуждаетъ его такъ или иначе преодолѣвать стѣсненія и достигать образованія, которое годилось-бы для его цѣли. Такъ происходитъ *конкретная* форма разныхъ языковъ, и въ своихъ уклоненіяхъ отъ правильнаго построенія она всегда имѣетъ вмѣстѣ отрицательную сторону, въ которой выражаются тѣсныя границы ея образованія, и сторону положительную, въ которой дается достигнутое, хотя и невполнѣ, для удовлетворенія общей цѣли. Вотъ въ этой *отрицательной* сторонѣ, конечно, можетъ быть въ ряду языковъ *постепенное восхожденіе* — по степени, до какой достаетъ у нихъ творческой силы. Но *положительная* сторона, въ которой часто и въ несовершенныхъ языкахъ встрѣчается весьма искусное индивидуальное строеніе, далеко не всегда допускаетъ такое простое опредѣленіе. Такъ-какъ здѣсь

болѣе или менѣе есть и близость къ правильному строенію и удаленіе отъ него, то часто надобно довольствоваться оцѣнкой только *преимуществъ* и *недостатковъ*. При такомъ, если можно сказать, аномальномъ рожденіи языковъ, часто съ особеннымъ пристрастіемъ одна часть развивается въ нихъ предпочтительно предъ другой, и въ этомъ именно состоятъ по большей части характеристическія черты отдѣльныхъ языковъ. А въ такомъ случаѣ истинное начало образованія, естественно, не выразится совершенно чисто ни въ одной части: ибо начало это требуетъ равномѣрной обработки всѣхъ частей, и какъ-скоро оно истинно пропитываетъ собою хотя одну изъ нихъ, то само собою изливается и на другія. Потому отсутствіе истинной внутренней *послѣдовательности* составляетъ общій характеръ всѣхъ этихъ языковъ. Даже Китайскій не вполнѣ выдерживаетъ послѣдовательность, потому-что и онъ въ помощь своему началу размѣщенія словъ прибѣгаетъ въ нѣкоторыхъ, хотя немногихъ, случаяхъ къ частицамъ.

Но если нѣтъ въ несовершенныхъ языкахъ настоящаго *единства* по *началу*, которымъ-бы все извнутри освѣщалось въ нихъ равномѣрно, то изъ показаннаго здѣсь способа ихъ образованія видно, что, не смотря на то, все-таки въ каждомъ изъ нихъ есть крѣпкая *связь* и *единство*, проистекающее, конечно, не изъ существа языка вообще, а изъ особенной его индивидуальности. Безъ единства формы вообще нельзя и представить себѣ языка; какъ-скоро люди говорятъ, они непремѣнно сводятъ свой говоръ подъ одну форму. Это бываетъ при каждомъ внутреннемъ и внѣшнемъ приращеніи языка. По самому внутреннему существу своему, языкъ составляетъ связную ткань аналогій, въ которой чужая стихія можетъ держаться только посредствомъ собственной его смычки.

Предложенныя здѣсь разсужденія показываютъ вмѣстѣ, какое *разнообразіе строеній* допускаетъ рожденіе человѣческаго языка, и тѣмъ приводитъ въ отчаяніе за возможность полной *классификаціи* языковъ. Она, пожалуй, возможна, если имѣть

въ виду опредѣленныя *цѣли* и принимать за основаніе дѣленія частныя явленія въ языкахъ, но запутываетъ въ нерѣшимыя затрудненія, когда дѣленіе ихъ, при глубочайшемъ изслѣдованіи дѣла, заставитъ входить въ существенныя свойства языковъ и въ ихъ внутреннюю связь съ духовною индивидуальностью народовъ. Выставить сколько-нибудь полную систему этой связи ихъ и различій невозможно уже по нынѣшнему состоянію языкознанія, не говоря объ упомянутыхъ общихъ трудностяхъ. Выполненіе этой задачи немало предполагаетъ такихъ изслѣдованій, какія донынѣ еще вовсе не предпринимались. Для правильнаго уразумѣнія особеннаго свойства какого-либо языка нужны изслѣдованія настойчивѣе и глубже тѣхъ, какимъ подвергали донынѣ большую часть языковъ.

Есть однако и между разноплеменными языками, и притомъ на пунктахъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ вяжущихся съ направленіемъ духа, различія, по которымъ они, повидимому, дѣйствительно составляютъ разные *классы*. Выше (§ 21) я уже говорилъ о важности формальнаго обозначенія истинной функціи *глагола*. Этой особенностью отличаются другъ отъ друга языки, по всему остальному образованію занимающіе, повидимому, одинаковую степень. Естественно, что *частичные* языки, какъ можно-бы назвать тѣ, въ которыхъ грамматическія отношенія обозначаются частицами или словами, вовсе не присоединяемыми къ словамъ, либо примыкаемыми слабо и отдѣлимо, — естественно, говорю я, что такіе языки вовсе не имѣютъ у себя первобытно-установленной разницы между *именемъ* и *глаголомъ*. Если они и отмѣчаютъ звуками нѣкоторые роды именъ, то это дѣлается лишь въ-отношеніи къ извѣстнымъ понятіямъ и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а не въ смыслѣ всеобщаго грамматическаго распредѣленія. Потому въ нихъ нерѣдко бываетъ, что каждое слово безъ различія можетъ превращаться въ глаголъ и, наоборотъ, каждая глагольная форма можетъ получить значеніе причастія. Языки, въ этомъ отношеніи между собою равные, все-таки отличаются другъ отъ друга тѣмъ

что въ однихъ глаголъ вовсе не снабжается никакимъ *выраженіемъ* его особенной функціи — совокупленія частей предложенія, въ другихъ она обозначается присовокупленіемъ къ глаголу по-крайней-мѣрѣ сокращенныхъ или видоизмѣненныхъ *мѣстоименій*, съ сохраненіемъ часто упоминаемаго выше различія между мѣстоименіемъ и лицомъ глагола. Первой методы держатся: напр. Барманскій языкъ, сколько я могу судить о немъ, также Сіамскій, Маньчжурскій и Монгольскій, такъ-какъ въ нихъ мѣстоименія не сокращаются въ приставки, языки острововъ Южнаго моря и большая часть другихъ Малайскихъ языковъ Западнаго Архипелага; второму способу слѣдуетъ Мексиканскій, Делаварскій и другіе Американскіе языки. Такъ-какъ въ Мексиканскомъ придается къ глаголу управляющее и управляемое мѣстоименія, то въ конкретномъ, то въ обыкновенномъ значеніи, то въ немъ дѣйствительно идеальнѣе выражается особенная функція глагола отмѣткою ея направленія на другія главныя части предложенія. При первой изъ этихъ двухъ методъ подлежащее и сказуемое соединяются только тѣмъ, что глагольная сила выражается прибавкой глагола *быть*. Большею-же частію этотъ глаголъ только подразумѣвается, и такъ-называемый глаголъ въ языкахъ этого образованія есть только причастіе, или глагольное имя, и можетъ употребляться совершенно въ такомъ значеніи, хотя-бы въ немъ обозначались вмѣстѣ залогъ, время и наклоненіе. А подъ наклоненіемъ въ этихъ языкахъ разумѣются только тѣ случаи, когда встрѣчаются понятія, желанія, опасенія, возможности, необходимости и т. д. Чистое *сослагательное* имъ обыкновенно неизвѣстно. Выражаемое имъ безъ прибавки особеннаго понятія нерѣшительное и зависящее предложеніе не можетъ быть удовлетворительно передано на языкахъ, въ которыхъ нѣтъ формальнаго выраженія для прямаго изреченія о совершающемся дѣйствіи. Эта часть мнимаго глагола въ такомъ случаѣ обработывается болѣе или менѣе тщательно и отливается въ звуковую единицу. Показанное здѣсь различіе совершенно таково-же,

какъ когда глаголъ разлагается на *описаніе* или когда онъ употребляется въ живомъ единствѣ. Перваго рода выраженіе есть болѣе логически-устроенный способъ, послѣднее—чувственно-изобразительное; вникая въ особенность этихъ языковъ, кажется, видишь, что̀ происходитъ въ духѣ народовъ, которые усвоили себѣ только тотъ аналитическій способъ выраженія. Въ другихъ того-же рода языкахъ, точно такъ-же, какъ въ языкахъ правильнаго устройства, употребляются оба способа выраженія по различію обстоятельствъ. Языкъ, по своей природѣ, не можетъ безъ большой для себя невыгоды бросить чувственно-изобразительнаго выраженія глагольной функціи. И дѣйствительно, въ языкахъ, которые справедливо можно упрекнуть въ полномъ отсутствіи настоящаго глагола, эта невыгода значительно уменьшается тѣмъ, что въ большей части глаголовъ ихъ глагольная натура заключается въ самомъ ихъ *значеніи*, и такимъ образомъ недостатокъ формы вознаграждается содержаніемъ. А если къ тому еще, какъ въ Китайскомъ, слова, которыя могли-бы служить и именами и глаголами, *употребленіемъ* утверждаются только въ одной изъ этихъ функцій, или если та или другая ихъ функція обозначается особымъ *удареніемъ*, то языкъ еще больше возвращаетъ себѣ свои права этими мокольными путями.

Изъ всѣхъ, довольно близко знакомыхъ мнѣ языковъ, ни одинъ столько не чуждается формальнаго обозначенія *глагольной функціи*, какъ языкъ Барманскій (*). *Карей* прямо говоритъ въ своей грамматикѣ, что глаголы въ Барманскомъ языкѣ, по

(*) Барманы называютъ себя Mranmâ. Имя это обыкновенно пишется Mrammâ, а выговаривается Byammâ (*Judson* h. v.). Если объяснять это имя значеніемъ его стихій, то оно значитъ *крѣпкую сильную породу людей*. Mran значитъ *быть быстрымъ*, а mâ—*быть крѣпкимъ, здоровымъ*. Отъ этого, безъ сомнѣнія, туземнаго слова произошли разныя правописанія имени народа и страны, изъ которыхъ правильное есть Barma и Барманы. Въ правописаніи Burma у Карея и Джудсона разумѣется тотъ-же звукъ *a*, только выраженный неточнымъ, хотя очень употребительнымъ (у Англичанъ) правописаніемъ. Ср. также Berghaus Asia. Gotha 1832. I Lieferung № 8. Hinterindien, стр. 77 и Leyden (Asiat. Res. X 232).

грамматическому значенію, чуть-ли не причастія только. — чего, по его мнѣнію, и достаточно для обозначенія понятія, выражаемаго глаголомъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ отрицаетъ въ Барманскомъ языкѣ существованіе глагола (*). Но эта особенность становится понятною только въ-связи со всѣмъ строеніемъ языка.

Барманскія слова не подвергаются никакой перемѣнѣ посредствомъ наращенія грамматическихъ слоговъ. *Единственную звуковую перемѣну* составляетъ переходъ одной изъ двухъ придыхательныхъ буквъ, стоящихъ рядомъ, въ непридыхательную, да въ-случаѣ соединенія двухъ односложныхъ словъ въ одно, или при удвоеніи одного и того-же слова переходъ начальной глухой согласной въ звучную. Точно также въ *Тамульскомъ* языкѣ буквы *k*, *t* (и язычныя, и зубныя) и *p* въ срединѣ словъ переходятъ въ *g*, *d*, и *b* (**). Разница въ томъ только, что въ Тамульскомъ согласная, удвояемая въ срединѣ слова, остается глухою, а въ Барманскомъ, напротивъ, она подвергается перемѣнѣ и тогда, когда первое изъ двухъ слагаемыхъ словъ оканчивается согласною. Такимъ образомъ въ Барманскомъ больше достигается единство слова посредствомъ большей подвижности буквъ при взаимной встрѣчѣ (***).

(*) A Grammar of the Burman language. Serampore. 1814. стр. 79 § 1 стр. 181. Особенно-же введеніе стр. 8, 9. Эта грамматика сочинена *Феликсомъ Кареемъ*, старшимъ сыномъ Вильяма Карея, учителя Индійскихъ языковъ въ Фортѣ Вильямѣ.

(**) Грамматика *Андерсона*, см. таблицу буквъ.

(***) Эта перемѣна въ *выговорѣ* буквъ въ обоихъ языкахъ не выражается *письмомъ*, хотя въ Барманскомъ, не такъ какъ въ Тамульскомъ, есть знаки для всѣхъ звучныхъ буквъ. Разницы между выговоромъ и правописаніемъ въ Барманскомъ часты. Главнѣйшія изъ такихъ разногласій въ односложныхъ словахъ, напр. kak, по выговору ket, вѣроятно, имѣютъ этимологическое основаніе (какъ объяснилъ я въ письмѣ къ г. Jacquet о Полинезскихъ письменахъ см. Nouv. Journ. Asiat. IX 500) (и въ Нѣм. изданіи настоящаго сочиненія). Мало-по-малу выговоръ, должно быть, удалился отъ письма, а оно удержано для сохраненія первоначальнаго вида слова *Лейденъ*, кажется, былъ того-же мнѣнія (Asiat. Res X, 237): у Бармановъ онъ находитъ несогласный съ письмомъ, смягченный, меньше выразительный выговоръ, чѣмъ у жителей *Аракана* — Rukhéng (у Judson: Rariñ). Дѣйствительно, по естественному ходу

Кромѣ мѣстоименій и грамматическихъ частицъ, Барманскій языкъ состоитъ изъ *односложныхъ коренныхъ словъ и ихъ совокупленій*. *Коренныя слова* можно раздѣлить на два разряда: одни изъ нихъ означаютъ дѣйствія и качества, и потому относятся къ *нѣсколькимъ предметамъ*; другія служатъ названіями *отдѣльныхъ* предметовъ живыхъ существъ или неодушевленныхъ вещей. Такимъ образомъ коренныя слова имѣютъ здѣсь значеніе и глаголовъ и прилагательныхъ и существительныхъ. Да и вышеозначенная разница между коренными словами состоитъ только въ ихъ значеніи, а не въ формѣ: ê холодѣть, свѣжѣть; kû окружать, соединять, помогать; mâ быть крѣпкимъ, сильнымъ здоровымъ, по образованію ничѣмъ не отличаютъ отъ lê вѣтеръ, rê (выговаривается yê) (*) вода, lû человѣкъ. *Слова*, означающія

вещей, едва-ли могло быть иначе. Еслибы вышеприведенное kak никогда не выговаривалось такъ прежде, то не откуда было-бы и возникнуть такому правописанію. Извѣстно и недавно вновь доказано *Лепсіусомъ* (въ его остроумномъ и богатомъ дѣльными мыслями и наблюденіями сочиненіи: Ueber die Paläographie als Mittel für die Sprachforschung, стр. 6, 7, 89), что на письмѣ не является ничего, чего не было-бы когда-нибудь въ выговорѣ. Только обратное заключеніе я считаю болѣе, чѣмъ сомнительнымъ: есть неопровержимые примѣры того, что на письмѣ не всегда вполнѣ передается выговоръ. Что означенныя разности въ звукахъ произошли отъ летучести выговора, видно изъ прямаго замѣчанія Карея о томъ, что несогласныя съ письмомъ окончанія односложныхъ словъ выговариваются не чисто, не ясно, едва внятно для слуха. Небные носовые на концѣ словъ въ такихъ случаяхъ нерѣдко даже вовсе исчезаютъ въ выговорѣ. Оттого письменный слогъ thang, выражающій разныя грамматическія отношенія, по выговору у Карея пишется то theen (*ee*=*i* долг. См. таблицу за стр. 20), то thee (стр. 36 § 105), а Hough въ своемъ Англійско-Бирманскомъ словарѣ обыкновенно пишетъ the: такъ различно укорачиваетъ звуки выговоръ. Въ другомъ случаѣ можно исторически доказать, что въ письмѣ хранится выговоръ другаго нарѣчія, которое можно считать древнѣйшимъ. Глаголъ *быть* пишется hri и произносится Барманами shi, а въ Араканѣ онъ выговаривается hi: народъ этой области признается старшимъ и раньше Бармановъ вышедшимъ изъ дикости (*Leyden*, Asiat. Res. X, 222, 237).

(*) Такъ показываетъ Hough; *r* выговаривается то како *r*, то какъ *y*, какъ будто безъ всякаго постояннаго правила. *Клапротъ* (Asia Polyglotta, стр. 369) пишетъ, по Французскому выговору, *ji*, но не показываетъ, откуда онъ взялъ это Барманское слово. Тамъ, гдѣ выговоръ разнится отъ правописанія, я держусь послѣдняго, но обозначаю и выговоръ, при чемъ буква H означаетъ выше названнаго автора Барманской грамматики.

качества и дѣйствія, *Карей* собралъ въ алфавитномъ перечнѣ, приложенномъ къ его грамматикѣ, и разсматривалъ ихъ совершенно такъ, какъ *корни* въ Санскритскомъ. Съ одной стороны, ихъ дѣйствительно можно сравнивать съ этими корнями: потому-что въ первоначальномъ своемъ видѣ они не принадлежатъ ни къ какой части рѣчи отдѣльно, и въ рѣчи являются только въ сопровожденіи частицами, показывающими ихъ значеніе въ ея составѣ. Къ тому-же, изъ нихъ образуется множество словъ производныхъ, по свойству самыхъ понятій, ими выражаемыхъ. Но, по строжайшей оцѣнкѣ, они совсѣмъ инаго свойства, чѣмъ Санскритскіе корни, такъ-какъ грамматическая метода всего языка только приставляетъ къ кореннымъ словамъ грамматическія частицы, но не образуетъ словъ посредствомъ совокупленія звуковъ производственными слогами. Такимъ образомъ Бармапскія слова не являются въ рѣчи неотдѣлимыми частями совокупленныхъ формъ слова, а остаются въ своемъ видѣ неизмѣнно и вовсе не требуютъ искусственнаго пріема для выдѣла ихъ изъ наращенныхъ и совокупленныхъ въ себѣ формъ. Самое производство отъ этихъ коренныхъ словъ не есть настоящее производство, а есть только сложеніе. Наконецъ существительныя большею частію не имѣютъ въ себѣ ничего, чѣмъ-бы они отличались отъ коренныхъ словъ, и большею частію не произведены отъ нихъ. По-крайней-мѣрѣ въ Санскритскомъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, форма именъ отлична отъ формы корня: производить всѣ имена отъ корней даже посредствомъ суффиксовъ разряда Unâdi справедливо можно считать неумѣстнымъ, Итакъ мнимые *Бармапскіе корни* сами-по-себѣ то-же, что Китайскія слова, хотя въ остальномъ строеніи языка, конечно, обнаруживаютъ нѣкоторое сближеніе съ

Чего державшся *Клапротъ* въ своей Asia Polyglotta, неизвѣстно. На стр. 375 пишетъ онъ *la* языкъ и *lek* рука; но первое пишется *hlyâ*, выговаривается shyâ; второе пишется *lak*, выгов. *let*. Показаннаго у него слова *ma* въ значеніи языка я не нахожу въ своемъ словарѣ.

Санскритскими корнями. Эти мнимые корни очень часто безъ всякой перемѣны совмѣщаютъ въ себѣ и значеніе *существительнаго*, въ которомъ болѣе или менѣе ясно выдается собственное ихъ, глагольное значеніе. Такъ *taï* значитъ *быть чернымъ*, *грозить*, *стращать*, и растеніе *индиго*, *né* — *пребывать*, *продолжаться*, и *солнце*, *paun* — *прибавлять*, оттуда *закладывать*, и *бедра*, *ляшки* у животныхъ. Чисто-грамматическая категорія измѣняется и обозначается посредствомъ словопроизводнаго слога только въ одномъ случаѣ; по-крайней-мѣрѣ случай этотъ, съ перваго взгляда, отличается отъ обыкновеннаго во всемъ остальномъ складыванія. Посредствомъ приставки спереди изъ корней образуются существительныя, а по Гоу (Hough, Voc. стр. 20) и прилагательныя: a-châ, *кушанье*, *съѣстное*, отъ châ *ѣсть*; a-myak (a-myet H.), *досада*, отъ myak *быть досаднымъ*, *досадовать*; a-pan, *утомительное дѣло*, отъ pan *задыхаться*; a-chang, *порядокъ*, отъ chang (chî) *ставить въ-рядъ*. Но это приставочное *a* опять отбрасывается, если существительное является однимъ изъ послѣднихъ членовъ словосложенія. Но оно отбрасывается, какъ увидимъ ниже въ *ama*, и тогда, когда не составляетъ производственнаго слова. Есть существительныя, которыя безъ перемѣны значенія могутъ имѣть эту приставку, могутъ и не имѣть ея. Такъ вышеприведенное paun употребляется иногда и apaun. И такъ это *a* все-таки нельзя считать словопроизводнымъ звукомъ.

Въ *словосложеніи* соединяются то два названія качества или дѣйствія (у Карея—корни), то два имени, то наконецъ имя съ однимъ изъ такихъ корней. Первое часто употребляется вмѣсто наклоненія въ глаголахъ, напр. желательнаго посредствомъ соединенія какого-нибудь глагольнаго понятія съ словомъ *желать*. Впрочемъ, два корня складываются между собою и просто для видоизмѣненія значенія, и въ такомъ случаѣ послѣдній корень прибавляетъ къ первому иногда едва замѣтный оттѣнокъ: иной разъ даже трудно угадать причину сложенія по значенію корней, разсматриваемыхъ порознь. Такъ pan, pan-krâ: и pan-kwâ значатъ *испраши-*

вать позволеніе, *просить*; krâ: (kyâ:) значитъ *получать* и *давать вѣсть*, а потомъ и *быть разлученнымъ*. Другія сложныя понятнѣе: такъ prach-hmâ: значитъ *грѣшить*, *проступиться*; порознь prach (prich) *бросаться зачѣмъ-нибудь*, hmâ: *блуждать*, *быть на непрямой дорогѣ*, отсюда и само по себѣ *грѣшить*. Итакъ здѣсь сложеніемъ усиливается понятіе; такіе случаи довольно часты и показываютъ свойственное этому языку расположеніе, не довольствуясь простыми и *односложными корнями*, очень часто производить составные изъ двухъ, и потому *двусложные* глаголы безъ существеннаго измѣненія *значенія*, такъ-что прибавленный корень передаетъ понятіе другаго или только нѣсколько другимъ образомъ, или даже просто повторяетъ его, или наконецъ прибавляетъ къ нему самое общее понятіе (*). Къ этому важному для построенія языка явленію я возвращусь ниже. Нѣкоторые изъ такихъ корней, составляющіе даже первый членъ сложнаго слова, никогда не употребляются отдѣльно. Изъ числа такихъ tuṅ· всегда встрѣчается только въ совокупности съ wap (wet), хотя каждый изъ этихъ корней значитъ тоже, что ихъ совокупленіе—*преклоняться съ почтеніемъ*. Говорится и наоборотъ: wap-tuṅ·, но въ усиленномъ значеніи: *ползать*, *пресмыкаться предъ знатными*. Иногда корни въ сложныхъ словахъ сохраняютъ только часть своего значенія, а другая часть онаго, противорѣчащая другому члену сложнаго слова, оставляется безъ вниманія. Такъ корень hchwat, *быть бѣлымъ*, по прямому замѣчанію Джудсона, употребляется съ названіями другихъ цвѣтовъ, чтобы усилить выраженіе. Сложеніе сильно дѣйствуетъ на отдѣльныя слова, такъ-что иное слово, при соединеніи съ другими, по замѣчанію Джудсона, получаетъ совсѣмъ особенное значеніе (a specific meaning).

При соединеніи *именъ* съ *корнями*, послѣдніе обыкновенно ставятся позади первыхъ: lak-tat (let-tat H.) *художникъ*, *ма-*

(*) Сложныя этого рода въ Кареевой грамматикѣ не выставлены и даже не упомянуты особенно; но они оказываются сами собою при критическомъ пересмотрѣ Барманскаго словаря.

стеръ, отъ lak (let H.) *рука* и tat *быть въ чемъ искуснымъ*, *умѣть*. Такія совокупленія сходны съ тѣми Санскритскими, въ которыхъ, какъ въ dharmawid, къ имени придается въ качествѣ втораго члена корень. Часто также корень въ такихъ сложныхъ берется просто въ смыслѣ прилагательнаго, и тогда возникаетъ сложное слово лишь потому, что въ Барманскомъ языкѣ прилагательное, соединяемое съ своимъ существительнымъ, всегда принимается за сложное слово, напр. nwâ:-kauñ *корова хорошая* (собственно: *быть хорошимъ*). Въ болѣе собственномъ смыслѣ сложное слово есть lû-chu *людей множество*, отъ lû *человѣкъ* и chu *собираться*. При сложеніи *именъ между собою* есть случаи, когда первоначальное значеніе втораго члена такъ утончается, что онъ становится чѣмъ-то въ родѣ суффикса съ самымъ общимъ значеніемъ. Такъ ama *женщина*, *мать*, теряя *a*, сокращается въ ma и, присоединяясь къ другому слову, придаетъ ему значеніе большаго, лучшаго, главнаго; tak (tet) *весло*, но tak-ma *главное*, *кормовое весло*, *руль*.

Между *именемъ* и *глаголомъ* въ Барманскомъ языкѣ нѣтъ кореннаго различія. Только въ рѣчи оно показывается частицами, присовокупляемыми къ слову; но здѣсь нельзя узнавать имя по извѣстнымъ образовательнымъ слогамъ, какъ въ Санскритскомъ, и понятіе о темѣ, занимающей средину между корнемъ и склоняемымъ именемъ, Барманскимъ языкомъ совершенно устраняется. По высшей мѣрѣ вышеупомянутыя существительныя, образуемыя прибавкою *a* спереди, составляютъ лишь исключеніе. Все граматическое образованіе существительныхъ и прилагательныхъ состоитъ въ явномъ складываніи, въ которомъ послѣдній членъ прибавляетъ къ значенію перваго болѣе общее понятіе, служитъ-ли первымъ членомъ корень или имя. Въ первомъ случаѣ изъ корней образуются имена, во-второмъ — нѣсколько именъ совокупляется подъ одно понятіе, какъ-бы въ одинъ разрядъ. Ясно, что послѣдній членъ этихъ сложныхъ словъ не можетъ быть названъ собственно *приставкой* (affixum), хотя онъ и носитъ это названіе въ Бар-

манской грамматикѣ. Настоящій аффиксъ обработкою звуковъ въ единство слова показываетъ, что онъ переноситъ знаменательную часть слова въ извѣстную категорію, не прибавляя къ ней никакого новаго содержанія. Гдѣ нѣтъ такой обработки звуковъ, какъ въ Барманскомъ, тамъ этотъ переносъ не выражается звуками символически, но говорящій самъ долженъ подразумѣвать его изъ значенія мнимаго аффикса или по общепринятому употребленію. Этого различія не должно выпускать изъ вида при оцѣнкѣ всего Барманскаго языка. Въ немъ выражается все или по-крайней мѣрѣ очень многое изъ того, что можетъ быть обозначено флексіей, но въ немъ повсюду недостаетъ настоящаго символическаго выраженія, посредствомъ котораго переходитъ въ языкъ форма, и посредствомъ котораго она обратно дѣйствуетъ на душу. Оттого въ Кареевой грамматикѣ, въ главѣ объ образованіи именъ, находишь рядомъ самые разнородные случаи: имена производныя, чистосложныя, герундіи, причастія и т. д., и за это совокупленіе по правдѣ нельзя упрекать автора, потому-что во всѣхъ этихъ случаяхъ слова посредствомъ кажущагося аффикса дѣйствительно совокупляются въ одно понятіе и, сколько способенъ къ тому языкъ, въ одно слово. Нельзя притомъ отвергать, что употребленіе, при безпрестанномъ повтореніи этихъ сложныхъ, въ умѣ говорящихъ дѣйствительно нѣсколько сближаетъ послѣдніе члены ихъ съ настоящими аффиксами, особенно если такъ-называемые аффиксы, какъ это часто бываетъ въ Барманскомъ, либо вовсе не имѣютъ своего особеннаго, отдѣльно опредѣлимаго значенія, либо имѣютъ, сами-по-себѣ, такое значеніе, какого или вовсе не находишь въ нихъ въ приставочномъ ихъ употребленіи или находишь лишь весьма отдаленное. Оба эти случая, при пересмотрѣ Барманскаго словаря, нерѣдко встрѣчаются въ языкѣ, хотя и не очень часто, и хотя въ послѣднемъ случаѣ о связи отдаленнаго значенія отдѣльнаго корня съ приставочнымъ его значеніемъ не всегда можно судить съ полной достовѣрностью. Эта наклонность складыванія

къ употребленію корней въ значеніи приставокъ доказывается еще и тѣмъ, что значительное количество корней и именъ, какъ мы видѣли выше, никогда не употребляются сами по себѣ отдѣльно, какъ это бываетъ и въ другихъ языкахъ, именно въ Санскритскомъ. Корень ḣkyaň: есть аффиксъ, имѣющій разнообразное употребленіе и всегда измѣняющій своимъ присоединеніемъ другой корень, слѣдов. глаголъ, въ имя. Этимъ аффиксомъ образуется отвлеченное понятіе состоянія, выражаемаго глаголомъ, представленіе выражаемаго дѣйствія въ видѣ предмета: chê *посылать*, chê-ḣkyaň: (chê-gyeň:) *посылка*. Самъ же по себѣ глаголъ ḣkyaň: значитъ *буравить*, *прокалывать*, *проникать:* между этимъ значеніемъ и между приставочнымъ его смысломъ нельзя открыть никакой связи. Но въ нынѣшнемъ конкретномъ значеніи слова, безъ сомнѣнія, скрывается утратившееся общее значеніе этого слова. Остальные аффиксы для образованія именъ, сколько я знаю, всѣ имѣютъ очень частное, положительно опредѣленное значеніе.

Образованіе *прилагательнаго* происходитъ посредствомъ одного *прикладыванія* и наглядно показываетъ, какъ Барманскій языкъ повсюду держится этого способа въ грамматическомъ образованіи. Само-по-себѣ, отдѣльно, прилагательное есть не что иное, какъ самый корень. Свое грамматическое свойство оно получаетъ только въ сложеніи съ *существительнымъ* или и въ самостоятельномъ употребленіи, когда оно, какъ существительныя, принимаетъ спереди частицу *a*. Слагаясь съ *существительнымъ*, оно можетъ стоять и впереди его и позади; но въ первомъ случаѣ оно принимаетъ въ помощь соединительную частицу (thang или thau). Причину этого отличія я усматриваю въ свойствѣ словосложенія. Послѣдній членъ сложнаго долженъ отличаться большею общностью значенія и быть въ состояніи принять первый членъ въ большемъ его объемѣ. При сложеніи же прилагательнаго съ существительнымъ большій объемъ принадлежитъ первому, для котораго потому нужна сообразная съ этимъ свойствомъ его прибавка, чтобы соединиться съ существи-

тельнымъ. Это назначеніе выполняетъ вышеупомянутая соединительная частица, о которой подробнѣе будетъ сказано ниже; и это совокупленіе означаетъ не прямо, напр. *добрый человѣкъ,* а вѣрнѣе: *человѣкъ, который добръ*; только въ Барманскомъ принятъ обратный порядокъ: *добръ который человѣкъ.* Такимъ образомъ, кажущееся прилагательное принимается здѣсь совершенно за глаголъ: потому-что если, съ одной стороны, kauñ-thang-lû и значитъ *добрый человѣкъ,* то двѣ первыя стихіи, взятыя отдѣльно, значатъ: *онъ добръ.* Еще яснѣе оказывается это изъ того, что такимъ-же образомъ предъ существительнымъ, вмѣсто прилагательнаго, можетъ ставиться настоящій глаголъ, даже съ своимъ управляемымъ; *птица, летящая по воздуху,* по-Бармански говорится: *воздушное пространство въ летѣть* (затѣмъ соединительная частица) *птица.* Когда прилагательное ставится послѣ существительнаго, положеніе понятій бываетъ такое-же, какъ въ тѣхъ сложныхъ, въ которыхъ послѣдній членъ — какой-нибудь корень съ значеніемъ *имѣть, стоить, быть достойнымъ*—вмѣстѣ съ другими словами образуетъ имена, различающіяся между собой значеніемъ перваго члена.

Отношенія словъ въ *рѣчи* показываются частицами. Понятно, что для глаголовъ и для именъ должны служить не однѣ и тѣ-же частицы. Между-тѣмъ это не вездѣ соблюдено въ Барманскомъ, и оттого имя и глаголъ еще больше подходятъ подъ одну категорію. Совокупительная частица thang служитъ и настоящимъ *знакомъ именительнаго* и вмѣстѣ образуетъ *изъявительное* наклоненіе. Въ обѣихъ этихъ функціяхъ она сряду и является въ краткомъ выраженіи: *я дѣлаю* ñâ-thang pru-thang. Въ основаніи такого употребленія скрывается особый взглядъ, отличный отъ обыкновеннаго значенія грамматическихъ формъ, и мы поищемъ его ниже. Эта-же частица является окончаніемъ *творительнаго* (instrumentalis) и стоитъ въ такомъ смыслѣ въ слѣдующей фразѣ: lû-tat-thang hchauk-thang-im *домъ, построенный искуснымъ человѣкомъ.* Первое изъ этихъ двухъ словъ составлено изъ *человѣкъ* и *искусный*, съ прибавкою къ нимъ ча-

стицы, принимаемой за знакъ творительнаго. Во второмъ содержится корень *строить*, поставленный здѣсь въ смыслѣ *быть построеннымъ*, какъ прилагательное, впереди слова im (ieng H.) *домъ*, по вышеупомянутому способу, при посредствѣ частицы thang. Для меня весьма сомнительно, дѣйствительно-ли понятіе творительнаго искони принадлежитъ частицѣ thang, или оно придано ей только позднѣе грамматическимъ чувствомъ, такъ-какъ первоначально въ первомъ словѣ содержалось только понятіе объ искусномъ человѣкѣ и предоставлялось самому слушателю подразумѣвать отношеніе, въ какое это понятіе ставилось здѣсь ко второму слову. Такимъ-же образомъ частицу thang выдаютъ и за признакъ *родительнаго*. Принимая въ соображеніе большое количество частицъ, которыя будто-бы въ видѣ падежей выражаютъ отношенія именъ, ясно видишь, что грамматики языка *Пали*, которымъ Барманскій языкъ обязанъ ученымъ распредѣленіемъ своего матеріала и терминологіей, старались раздѣлить Барманскія частицы на *восемь* падежей по образцу Санскритскаго и своего языка и отыскать въ Барманскомъ склоненіе. Но, говоря строго, склоненія не можетъ быть въ языкѣ, въ которомъ мнимыя падежныя окончанія употребляются только по значенію частицъ, безъ вниманія къ звукамъ имени. Къ каждому падежу отнесено по нѣскольку частицъ, изъ которыхъ каждая выражаетъ свой особый оттѣнокъ относительнаго значенія. Карей, выставивъ склоненіе, приводитъ еще нѣсколько частицъ отдѣльно. Нѣкоторыя изъ падежныхъ окончаній сопровождаются еще присовокупленіемъ другихъ то впереди, то на концѣ словъ, для точнѣйшаго опредѣленія отношеній. Сами же падежныя частицы всегда ставятся на концѣ имени, а между именемъ и частицею знакъ *рода* и множественнаго *числа*. Знакъ множественнаго, равно и всѣ падежныя окончанія, употребляются и въ мѣстоименіяхъ, и въ Барманскомъ нѣтъ особенныхъ мѣстоименій *мы*, *вы*. Такимъ образомъ въ этомъ языкѣ все различается по значенію, ничто не совокупляется посредствомъ звука и тѣмъ явно исключается естествен-

ное и коренное стремленіе внутренняго чувства языка образовать изъ знаковъ рода, числа и падежа особенныя звуковыя видоизмѣненія вещественно-знаменательнаго слова. Междутѣмъ первоначальное значеніе знаковъ падежей можно показать только въ немногихъ частицахъ; даже въ знакѣ множественнаго tô· (do H.) это возможно только въ томъ случаѣ, если, не обращая вниманія на удареніе, производить его отъ слова tô: *умножать, прибавлять.* *Личныя мѣстоименія* всегда употребляются только въ самостоятельной формѣ и никогда не служатъ приставками въ сокращенномъ или измѣненномъ видѣ.

Глаголъ, если разсматривать въ немъ только коренную часть, можно узнавать только по вещественному его *значенію.* *Управляющее мѣстоименіе* всегда ставится впереди глагола и уже этимъ показываетъ, что оно не принадлежитъ къ его формѣ, такъ-какъ оно ставится совершенно отдѣльно отъ *глагольныхъ частицъ*, которыя всегда полагаются послѣ кореннаго слова. Все, что составляетъ *форму глагола*, состоитъ здѣсь изъ частицъ, которыми показывается множественное число, наклоненіе и время. Образуемая ими глагольная форма одна и та-же для всѣхъ трехъ лицъ, и потому все образованіе глагола или даже предложенія просто значить, что здѣсь коренное слово съ своею глагольною формой составляетъ *причастіе*, которое съ подлежащимъ, стоящимъ отдѣльно отъ него, соединяется посредствомъ подразумѣваемаго глагола *быть.* Для этого послѣдняго хотя есть въ языкѣ особое слово, но оно, кажется, рѣдко берется въ помощь для образованія обыкновеннаго глагольнаго выраженія.

Знакъ множественнаго числа придается прямо къ коренному слову или къ той части глагола, которая, вмѣстѣ съ этимъ знакомъ, считается за одно цѣлое. Но замѣчательно, что знакъ множественнаго въ спряженіи совсѣмъ иной, чѣмъ въ склоненіи, и это служитъ однимъ изъ средствъ узнавать глаголъ. Односложный знакъ множественнаго kra (kya), никогда не опускаемый при глаголѣ, обыкновенно принимаетъ, хотя и не

всегда, еще другой слогъ kun, родственный съ словомъ akun(*) *полный*, и языкъ опять обнаруживаетъ здѣсь свою двоякую особенность: онъ обозначаетъ грамматическое отношеніе складываніемъ и въ этомъ складываніи усиливаетъ выраженіе присовокупленіемъ другаго слова тамъ, гдѣ было-бы довольно и одного. Впрочемъ, здѣсь мы встрѣчаемъ замѣчательный примѣръ того, что къ слову, превратившемуся въ приставку съ потерей первоначальнаго значенія, придается другое слово, котораго значеніе извѣстно.

Наклоненія, какъ уже замѣчено, образуются большею частію посредствомъ соединенія корней болѣе *общаго* значенія съ конкретными. Держась такимъ образомъ одного вещественнаго значенія, наклоненія совершенно выходятъ изъ предѣловъ логическаго объема этой формы глаголовъ, и число ихъ становится почти неопредѣлимымъ. За знаками наклоненій слѣдуютъ знаки временъ, присоединяясь, за немногими исключеніями, къ самому глаголу; а знакъ множественнаго числа помѣщается тамъ или индѣ, смотря по плотности, съ какою корень, обозначающій наклоненіе, кажется соединеннымъ съ корнемъ конкретнаго значенія; а въ этомъ отношеніи чувство языка въ народѣ установило двоякій взглядъ. Въ нѣкоторыхъ, немногихъ случаяхъ знакъ множественнаго ставится между обоими корнями, а въ наибольшей части — позади обоихъ. Ясно, что въ первомъ случаѣ корнями, означающими наклоненіе, больше распоряжается хотя темное чувство грамматической формы, а въ послѣднемъ оба корня, по совокупленіи ихъ значенія, принимаютъ какъ-бы за одно слово. Въ разрядъ такъ-называемаго наклоненія, образуемаго присоединеніемъ корней, входятъ формы самаго разнороднаго грамматическаго значенія, какъ напр. *причинные* глаголы, образуемые присоединеніемъ корней *посылать*, *поручать*, *повелѣвать*, и глаголы, въ другихъ языкахъ оттѣняемые въ своемъ значеніи неотдѣлимыми предлогами.

(*) Hough пишетъ a-kun. Значеніе этого слова происходитъ отъ значенія глагола kun *достигать конца, доконать*, также *истощать*.

Частицъ для показанія *временъ* Карей приводитъ пять для настоящаго, три—для настоящаго и прошедшаго вмѣстѣ, двѣ—исключительно для прошедшаго, потомъ нѣсколько для будущаго. Образуемыя ими окончанія онъ называетъ формами глагола, не показывая, впрочемъ, различія въ употребленіи обозначающихъ одно и то-же время. А что различіе между ними дѣлается, показываетъ прибавленная въ одномъ мѣстѣ замѣтка, что два окончанія, о которыхъ онъ именно говорилъ, мало различаются между собою по значенію. Частица thê: по замѣчанію Джудсона, показываетъ, что дѣйствіе не перестало еще продолжаться въ настоящую минуту. Но, кромѣ приведенныхъ въ этомъ значеніи частицъ, встрѣчаются и другія, именно показывающія совершенно-прошедшее время. Эти частицы времени принадлежатъ собственно *изъявительному* наклоненію, такъ-какъ онѣ не показываютъ другаго наклоненія; другія же служатъ вмѣстѣ и къ означенію повелительнаго, хотя оно имѣетъ и свои собственныя частицы или выражается совершеннымъ обнаженіемъ корня. Джудсонъ называетъ нѣкоторыя изъ сихъ частицъ только эвфоническими, или служащими для наполненія. Слѣдя ихъ по словарю, находимъ, что многія изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ суть настоящіе корни, хотя со значеніемъ вовсе неродственнымъ, или только отдаленнымъ: стало-быть и здѣсь языкъ идетъ путемъ знаменательнаго складыванія. Эти частицы, по цѣли, достигаемой языкомъ, очевидно составляютъ одно слово съ корнемъ, и всю такую форму слова надобно считать за сложное слово. Но единство такихъ словосложеній не обозначается перемѣной буквъ, исключая только то, что въ вышеуказанныхъ случаяхъ глухія буквы измѣняются выговоромъ въ непридыхательныя звучныя. Да и это выражено у Карея нерѣшительно; но, кажется, слѣдуетъ изъ всеобщности его правила и изъ правописанія у Гоу, который сохраняетъ эту перемѣну выговоромъ во всѣхъ словахъ, употребляемыхъ такимъ образомъ за частицы; напримѣръ, знакъ прошедшаго совершеннаго prî: по выговору пишется byî. Я нахожу также въ письменномъ языкѣ

дѣйствительное сліяніе гласныхъ, принадлежащихъ двумъ односложнымъ словамъ такого рода въ будущемъ причинныхъ глаголовъ. Изъ знака причинности chê (корень *повелѣть*) и частицы будущаго an· выходитъ chim (*). То-же, кажется мнѣ, дѣлается въ сложной частицѣ будущаго lim·-mang: частица lê съ an. слита въ lim· и потомъ прибавлена другая частица будущаго mang. Такихъ случаевъ можетъ найтись въ языкѣ еще нѣсколько; но они не могутъ быть многочисленны, потому-что иначе они попадались-бы чаще. Описанныя здѣсь глагольныя формы могутъ затѣмъ склоняться: *знаки падежей* ставятся тогда или прямо къ корню, или къ сопровождающимъ его частицамъ. Это отзывается свойствомъ герундій и причастій въ другихъ языкахъ: но ниже мы увидимъ, что въ Барманскомъ языкѣ есть совершенно особенный родъ глаголовъ и глагольныхъ выраженій, съ которыми поступаютъ, какъ съ именами.

Изъ числа вышеупомянутыхъ частицъ для означенія наклоненій и временъ, должно отдѣлить одну, имѣющую самое существенное вліяніе на образованіе *глагольныхъ формъ*, но принадлежащую вмѣстѣ и имени и играющую важную роль во всей грамматикѣ Барманскаго языка. Изъ предыдущаго уже можно догадаться, что я разумѣю здѣсь частицу thang, упомянутую выше въ качествѣ знака именительнаго. Уже и Карей чувствовалъ ея отличіе отъ другихъ. Хотя онъ приводитъ ее первою частицей для образованія настоящаго времени, однако рѣшительно отдѣляетъ ее отъ другихъ, называя соединительною частицей (connective increment). Частица эта не придаетъ глаголу никакого видоизмѣненія (**), какъ другія частицы; даже вовсе не касается его вещественнаго значенія; но, прикладываясь къ слову, оно показываетъ, въ какомъ грамматическомъ смыслѣ должно понимать его, показываетъ, такъ сказать, границу его

(*) Carey стр. 116, § 112. Judson v. chim.

(**) Карей прямо говоритъ это во многихъ мѣстахъ своей грамматики, стр. 96, § 34; стр. 110 § 92, 93. Но онъ уходитъ въ своемъ мнѣніи еще дальше, именно будто безъ этой частицы слово само-по-себѣ не имѣетъ никакого значенія; въ какой мѣрѣ это основательно, увидимъ ниже.

грамматической формы. Стало-быть она принадлежитъ при глаголѣ не къ знаменательнымъ словамъ, а къ тѣмъ, отъ которыхъ зависитъ вразумительность въ совокупленіи стихій рѣчи, и совершенно сходна съ понятіемъ такъ-называемыхъ въ Китайскомъ пустыхъ словъ. Сопровождая глаголъ, thang прикладывается сзади или прямо къ корню, если нѣтъ при немъ другихъ частицъ, или послѣ другихъ, если онѣ есть. На обоихъ мѣстахъ она допускаетъ склоненіе посредствомъ прибавленія падежныхъ знаковъ. Но тутъ встрѣчается замѣчательное различіе: при склоненіи именъ thang есть только знакъ именительнаго и въ другихъ падежахъ не является, а въ причастіяхъ (глаголъ въ этомъ случаѣ, конечно, должно принимать за причастіе) она удерживаетъ свое мѣсто и въ другихъ падежахъ. Это, кажется, доказываетъ, что въ послѣднемъ случаѣ эта частица имѣетъ своимъ назначеніемъ показывать совокупность частицъ съ корнемъ, слѣд. опредѣлять форму причастія. По правилу она употребляется только *въ изъявительномъ*. Въ сослагательномъ она вовсе не имѣетъ мѣста, равно и въ повелительномъ; точно также она не допускается и въ нѣкоторыхъ другихъ отдѣльныхъ совокупленіяхъ. По Карею, она служитъ къ соединенію причастныхъ формъ съ слѣдующимъ словомъ, и это согласно съ моимъ мнѣніемъ въ томъ отношеніи, что она разграничиваетъ причастныя формы отъ слѣдующихъ за ними. Соображая сказанное въ совокупности и въ связи съ употребленіемъ въ именахъ, тотчасъ чувствуешь, что всего этого нельзя объяснить теоріей частей рѣчи и что здѣсь, какъ при Китайскихъ частицахъ, надобно обратиться къ первоначальному значенію. А въ этомъ значеніи разсматриваемая частица выражаетъ понятіе: *это*, *такъ*, и у Карея, равно и у Джудсона, дѣйствительно называется указательнымъ мѣстоименіемъ и нарѣчіемъ (только они не ставятъ этого значенія въ связь съ употребленіемъ этого слова въ качествѣ частицы). Въ томъ и другомъ употребленіи, частица эта въ качествѣ перваго члена образуетъ нѣсколько сложныхъ словъ. Даже въ совокупленіи съ глаголь-

ными корнями, гдѣ какое-нибудь обширнѣйшее понятіе видоизмѣняетъ смыслъ другаго слова, Карей приводитъ thang въ смыслѣ очень близкомъ къ его адвербіальному значенію: *соотвѣтствовать, соглашаться* (слѣд. *быть точно также*); но, къ сожалѣнію, онъ не привелъ примѣровъ и не внесъ этого значенія въ реестрѣ корней (*). Въ такомъ-же смыслѣ она, мнѣ кажется, употребляется и въ качествѣ средства къ вразумительности рѣчи. Когда говорящій хочетъ, чтобы нѣкоторыя слова его были поняты съ совокупности, или старается особенно выставить нѣкоторыя существительныя и глаголы, онъ вслѣдъ за ними прибавляетъ: вотъ это! вотъ такъ! и тѣмъ обращаетъ вниманіе слушателя на сказанное, чтобы потомъ соединить сказанное съ слѣдующими словами, или, когда thang составляетъ послѣднее слово предложенія, заключить тѣмъ свою рѣчь. Подъ этотъ случай не подходитъ Кареево названіе частицы thang частицею, соединяющею предыдущее съ послѣдующимъ, и отсюда-то, можетъ быть, произошла замѣтка Карея о томъ, что корень или глагольная форма въ соединеніи съ thang на концѣ предложенія имѣютъ силу глагола (стр. 96, § 34). Въ срединѣ рѣчи глагольная форма, соединенная съ thang, по Карею, есть причастіе, или по-крайней-мѣрѣ такое совокупленіе, въ которомъ лишь съ трудомъ можно узнать настоящій глаголъ; но на концѣ предложенія она бываетъ настоящимъ глаголомъ съ окончаніемъ спряженія. Это различіе мнѣ кажется неосновательнымъ. И на концѣ предложенія разсматриваемая форма бываетъ только причастіемъ или, говоря точнѣе, формой, образованной по подобію причастія Настоящую *глагольную силу* предоставляется только подразумѣвать въ обоихъ случаяхъ.

Впрочемъ, для дѣйствительнаго выраженія глагольной силы въ Барманскомъ есть другое средство, хотя ни Карей, ни Джудсонъ не объясняютъ вполнѣ истиннаго свойства его: оно

(*) Стр. 115, § 110; срав. также стр. 67, 74, § 75, стр. 162, § 4, стр. 169 24, стр. 170, § 25, стр. 173.

имѣетъ большое сходство съ силой *вспомогательнаго глагола.* Когда хотятъ закончить предложеніе настоящимъ спрягаемымъ глаголомъ и прекратить всякую связь съ послѣдующимъ, тогда къ корню или къ глагольной формѣ вмѣсто thang прибавляютъ eng (î H.). Этимъ устраняется всякое недоразумѣніе, которое моглобы проистекать отъ приставки thang, и рядъ связанныхъ между собою причастій дѣйствительно замыкается: pru-eng дѣйствительно значитъ уже *дѣлаю* (или *дѣлаешь*, *дѣлаетъ*, смотря по тому, какое личное мѣстоименіе стоитъ впереди), а не *есть дѣлающій*, pru-prî:-eng *дѣлалъ*, а не *былъ дѣлавшимъ*. Собственное значеніе этого словечка не показано ни у Карея, ни у Джудсона. Послѣдній говоритъ только, что оно равносильно (equivalent) слову hri (shi) *быть*. Но странно при этомъ, что оно употребляется въ спряженіи самаго этого глагола (*). По Карею и Гоу, оно употребляется также въ качествѣ знака *родительнаго*: lû-êng *человѣка*. У Джудсона нѣтъ этого значенія (**). Впрочемъ, этотъ знакъ окончанія, по замѣчанію Карея, въ разговорѣ употребляется рѣдко, да и въ письменности употребляется по-преимуществу въ переводахъ съ языка *Пали*: это отзывается, съ одной стороны, наклонностью Барманскаго связывать предложенія въ рѣчи и съ другой — правильнымъ построеніемъ періодовъ въ названномъ дѣтищѣ Санскритскаго. Ближайшую причину, почему этотъ вспомогательный глаголъ употребляется именно въ переводахъ съ Пали, мнѣ кажется, надобно искать еще въ томъ, что въ литературѣ этого языка глаголомъ *быть* обыкновенно соединяется нѣсколько причастій, и въ такомъ случаѣ онъ всегда ставится, съ нѣкоторымъ звуковымъ видоизмѣненіемъ, на концѣ періодовъ (***) Барманскіе переводчики, строго держась подлинниковъ, старались пріискать равносильное этому вспомогательному глаголу выраженіе и выбрали къ тому êng. Тѣмъ не менѣе это выраженіе есть Бар-

(*) См. въ Евангеліи Іоанна XXI, 2 hri-kra-êng (shi-gya-i) *они суть* или *были*.

(**) Carey стр. 79, § 1. стр. 96, § 37, стр. 44, 46. — Hough стр. 14. — Judson v. êng.

(***) Burnouf und Lassen, Essai sur le Pali, стр. 136, 137.

манское, а не заимствованное изъ Пали. Точный переводъ Палійскаго вспомогательнаго былъ невозможенъ ужъ потому, что Барманскій глаголъ не допускаетъ въ себѣ обозначенія лицъ. По особенности языка, эта заключительная частица ставится послѣ всѣхъ глагольныхъ формъ за исключеніемъ будущаго, послѣ котораго она не можетъ быть употреблена. Упомянутая Палійская конструкція имѣетъ мѣсто, повидимому, также попреимуществу при прошедшихъ временахъ. Причина этого заключается едва-ли въ свойствѣ частицъ будущаго, потому-что онѣ безъ затрудненія допускаютъ употребленіе thang. По замѣчанію Карея, который старается отличать причастныя формы отъ спрягаемаго глагола, только повелительныя и вопросительныя формы глагола нѣсколько имѣютъ видъ этой части рѣчи въ Барманскомъ (*). Но это кажущееся исключеніе состоитъ только въ томъ, что помянутыя формы не принимаютъ падежныхъ знаковъ, которые не могли-бы соединиться съ принадлежащими имъ частицами. Этими частицами формы оканчиваются, а въ вопросительныхъ глаголахъ соединительная частица thang становится спереди, для того, чтобы ей самой присоединиться къ частицамъ времени.

Съ разсматриваемымъ thang очень сходна, по своему свойству, соединительная частица thau. Но какъ я поставилъ себѣ задачей показать общій характеръ языка, то отдѣльные случаи сходствъ и различій оставляю безъ вниманія. Есть еще другія соединительныя частицы, которыя вмѣсто thang и thau придаются къ глагольнымъ формамъ, также ничего не прибавляя отъ себя къ значенію. А нѣкоторыя изъ нихъ употребляются и въ другихъ случаяхъ, кромѣ выраженія сослагательнаго; но ихъ назначеніе въ каждомъ данномъ случаѣ можно угадывать только изъ связи рѣчи.

Порядокъ частей предложенія требуетъ, чтобы прежде всего ставился субъектъ, потомъ объектъ и наконецъ глаголъ:

(*) Стр. 109, § 88.

Богъ землю сотворилъ, *царь своему министру сказалъ*, *онъ мнѣ далъ*. Положеніе *глагола* въ этой конструкціи рѣчи, очевидно, неестественно: по порядку идей, эта часть рѣчи становится между субъектомъ и объектомъ. Въ Барманскомъ языкѣ это объясняется тѣмъ, что глаголъ здѣсь есть только причастіе, за которымъ должно слѣдовать дальше заключительное предложеніе и при которомъ есть даже частица, имѣющая назначеніемъ соединять что-нибудь со слѣдующимъ. Не образуя предложенія, какъ настоящій глаголъ, эта глагольная форма воспринимаетъ въ себя все предыдущее и все относитъ къ нижеслѣдующему. Карей замѣчаетъ, что посредствомъ этихъ формъ *предложенія сцѣпляются* одно съ другимъ насколько угодно, не достигая конца, и прибавляетъ, что въ чисто-Барманскихъ сочиненіяхъ такія сцѣпленія господствуютъ въ высшей степени. Чѣмъ дальше откладывается камень, заканчивающій собою весь рядъ соображеній, въ смыкающихся между собою предложеніяхъ, тѣмъ больше должно быть заботы о томъ, чтобы отдѣльныя предложенія оканчивались тѣмъ частнымъ заключительнымъ словцомъ. И языкъ остается вѣренъ этой формѣ: онъ всегда ставитъ опредѣленіе прежде опредѣляемаго. Потому по-Барманско нельзя сказать: *рыба есть въ водѣ*, *пастухъ идетъ съ коровами, я ѣмъ рисъ вареный съ масломъ*, а говорятъ: *въ водѣ рыба есть*, *съ коровами пастухъ идетъ*, *я съ масломъ вареный рисъ ѣмъ*. Такимъ образомъ на концѣ каждаго второстепеннаго предложенія всегда бываетъ слово, которое уже не требуетъ себѣ дальнѣйшаго опредѣленія. Напротивъ, отдаленнѣйшее опредѣленіе обыкновенно всегда предшествуетъ ближайшему и тѣснѣйшему. Когда напр. въ Англійскомъ переводѣ Евангелія Іоанна, XXI, 2, говорится: and Nathanael of Cana in Galilee, въ Барманскомъ находимъ обратный порядокъ: *Галилеи области Каны города уроженецъ Наѳанаилъ*.

Другимъ средствомъ къ соединенію многихъ предложеній служитъ обращеніе ихъ въ составныя части *сложнаго слова*, при чемъ каждое предложеніе становится предшествующимъ

прилагательнымъ существительнаго. Въ выраженіи: славлю Бога, который создалъ всѣхъ живущихъ, который непричастенъ грѣху и т. д., всѣ эти придаточныя предложенія, сколько-бы ихъ ни было, посредствомъ вышеупомянутаго въ этомъ назначеніи thau соединяются съ существительнымъ, а оно ставится лишь на концѣ послѣдняго изъ этихъ предложеній. Они ставятся такимъ образомъ впереди существительнаго, которое вмѣстѣ съ ними принимается за сложное слово; глаголъ (*славлю*) заканчиваетъ рѣчь. А для облегченія разумѣнія въ Барманской письменности каждая часть такого длиннаго словосложенія отличается своимъ знакомъ препинанія. При правильности такого размѣщенія бываетъ очень легко слѣдить за построеніемъ періода; только въ предложеніяхъ описательнаго рода надобно идти отъ конца къ началу. Но при изустной рѣчи надобно, должно быть, сильно напрягать вниманіе, чтобы узнать наконецъ, къ кому относится эта безконечная цѣпь предикатовъ. Надо полагать, что въ общежитіи избѣгаютъ такого длиннаго сцѣпленія предложеній.

Барманской *конструкціи* вовсе не свойственно располагать *части періода* въ надлежащей отдѣльности, такъ-чтобы придаточное предложеніе слѣдовало за главнымъ. Она всегда, напротивъ, старается умѣстить придаточное предложеніе въ главномъ, отъ чего первое, естественно, должно предшествовать второму. Такимъ образомъ въ Барманской конструкціи цѣлыя предложенія принимаются какъ-бы за отдѣльныя *имена*. Чтобы сказать напр.: *я слышалъ, что ты продалъ свои книги*, надобно начать, совершенно въ обратномъ порядкѣ, съ словъ: *свои книги*, затѣмъ поставить въ прошедшемъ времени глаголъ *продать*, съ прибавленіемъ къ нему знака винительнаго падежа, и потомъ уже закончить фразу словомъ: *я слышалъ.*

Если мнѣ удалось, посредствомъ предложеннаго разбора, вѣрно указать тотъ путь, какимъ въ Барманскомъ языкѣ мысль смыкается въ составѣ рѣчи, то мы видимъ, что этотъ языкъ, съ одной стороны, очень далекъ отъ полнаго отсутствія *грамма-*

тическихъ формъ, но съ другой—онъ не достигаетъ и *образоватя* ихъ. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣйствительно занимаетъ средину между этими двумя способами построенія языковъ. Достигнуть настоящихъ грамматическихъ формъ мѣшаетъ ему уже первоначальное его словопостроеніе, такъ-какъ онъ принадлежитъ къ *односложнымъ языкамъ* народныхъ племенъ, обитающихъ между *Китаемъ* и *Индіей*. Эта особенность словообразованія въ помянутыхъ языкахъ хотя не оказываетъ на ихъ строеніе особенно глубокаго дѣйствія именно тѣмъ, что каждое понятіе она замыкаетъ въ плотно-отлитые отдѣльные звуки; но такъ-какъ односложность возникла не случайно, напротивъ, органы поддерживаютъ ее съ намѣреніемъ и вслѣдствіе своего индивидуальнаго настроенія, то она сопровождается отдѣльнымъ выговоромъ каждаго звука порознь; а это потомъ естественно оказываетъ сильное дѣйствіе на самую внутреннюю глубину строенія языковъ, лишая ихъ возможности сливать съ словами, вещественно-знаменательными, суффиксы, обозначающіе понятія отношеній. Индо-Китайскіе народы, говоритъ Лейденъ (*), приняли много словъ изъ языка Пали, но всѣ ихъ они приноравливаютъ къ своему особенному произношенію, выговаривая въ нихъ каждый слогъ, какъ особенное слово. Это свойство должно считать за характеристическую особенность помянутыхъ языковъ, какъ и Китайскаго, и при разборѣ ихъ строенія не упускать изъ виду, если не поставить даже въ основаніе изслѣдованія, такъ-какъ звукъ есть исходная точка во всякомъ языкѣ. Съ этимъ свойствомъ соединено другое, гораздо въ меньшей степени принадлежащее прочимъ языкамъ: стремленіе разнообразить и умножать богатство словъ посредствомъ разныхъ *акцентовъ*. *Китайскіе* акценты извѣстны; и въ нѣкоторыхъ Индо-Китайскихъ языкахъ, именно въ *Сіамскомъ* и *Анамскомъ*, ихъ такое множество, что намъ съ своимъ слухомъ почти нѣтъ возможности правильно отличать ихъ другъ отъ друга.

(*) Asiat. res. X, 222.

Рѣчь становится отъ этого какимъ-то напѣвомъ или речитативомъ и *Ло* находитъ Сіамскіе акценты совершенно сходными съ музыкальною гаммой (*). Акценты эти еще больше самыхъ буквъ служатъ къ размноженію мѣстныхъ нарѣчій: объ Анамскомъ языкѣ увѣряютъ, что тамъ каждая мѣстность имѣетъ свое особенное нарѣчіе и что сосѣди для объясненій между собою иногда принуждены бываютъ прибѣгать къ письму (**). Въ *Барманскомъ*—*два* такихъ акцента: одинъ для медленнаго и тихаго произношенія, означаемый въ Барманскомъ письмѣ двоеточіемъ на концѣ словъ; другой—для скораго и отрывочнаго произношенія, означаемый точкой подъ словомъ. Такъ-какъ, кромѣ-того, есть еще выговоръ безъ акцента, то одно и то-же слово можетъ являться въ языкѣ въ *трояко́мъ* видѣ, съ болѣе или менѣе разнымъ значеніемъ: рô—*удерживать, насыпать, наполнить, длинная овальная корзина*; рô—*одно къ другому прикрѣплять, привязать, прицѣпить, насѣкомое, червякъ*; рô·—*нести, принести, научить, подносить, быть во-что или на что нибудь кинутымъ*; ñâ—*я*, ñâ:—*пять, рыба.* Впрочемъ, не каждое слово имѣетъ всѣ акценты. Нѣкоторыя конечныя гласныя не принимаютъ ни того, ни другаго акцента, другія принимаютъ который-нибудь одинъ, и акценты всегда могутъ быть только на словахъ, имѣющихъ на концѣ гласную или носовую. Послѣднее обстоятельство ясно показываетъ, что акценты составляютъ видоизмѣненія гласныхъ и неразлучно съ ними связаны. Когда два слова составляютъ одно сложное, то первое не теряетъ своего акцента: изъ этого надо заключать, что слоги и при сложеніи между собою отдѣляются выговоромъ, какъ особенныя слова. Такіе акценты обыкновенно приписываютъ ощутительной въ односложныхъ языкахъ надобности умножать количество звуковыхъ совокупленій. Но такую разсчетливость въ языкѣ трудно себѣ представить. Наоборотъ, гораздо естественнѣе полагать, что эти разнообразные оттѣнки выговора и сперва

(*) A Grammar of the Thai or Siamese Language. Стр. 12—19.

(**) Asiat. res. X, 270.

принадлежали органамъ и звуковымъ привычкамъ народовъ; что слоги, для отчетливаго ихъ произнесенія, искони отсчитывались порознь и съ мгновенною разстановкой и что этотъ именно навыкъ неблагопріятствовалъ образованію многосложныхъ словъ.

Вслѣдствіе того односложные Индо-Китайскіе языки, безъ всякаго предположенія историческаго родства между ними, по самой природѣ своей, имѣютъ нѣкоторыя общія свойства какъ между собою, такъ и съ Китайскимъ. Впрочемъ, я останавливаюсь на одномъ Барманскомъ, потому-что по другимъ языкамъ не имѣю пособій, которыя содержали-бы въ себѣ данныя, достаточныя для такого изслѣдованія, какъ наше настоящее (*). А о *Барманскомъ* языкѣ всего прежде надобно сказать, что въ немъ звукъ коренныхъ словъ никогда не подвергается видоизмѣненіямъ для выраженія ихъ отношеній и что основаніемъ *состава рѣчи* служатъ въ немъ не грамматическія категоріи. Мы уже видѣли, что грамматическія категоріи искони здѣсь не обозначаются въ словахъ, что одно и то-же слово придается къ нѣсколькимъ, существо глагола вовсе не понято и даже одна и та-же частица употребляется и при глаголѣ и при имени, такъ-что лишь изъ значенія слова, а гдѣ этого не достаточно, тамъ по связи рѣчи приходится смекать, которая изъ этихъ двухъ категорій разумѣется въ данномъ изрѣченіи. Основное начало состава рѣчи здѣсь — показывать, какое слово служитъ въ рѣчи опредѣленіемъ другаго. Въ этомъ *Барманскій* совершенно сходенъ съ *Китайскимъ* (**). Въ обоихъ — укажу хотя только это — есть въ числѣ частицъ одна, исключительно на-

(*) О *Сіамскомъ* языкѣ у *Ло* (Low) есть въ высшей степени важныя свѣдѣнія, которыя дѣлаются еще поучительнѣе, если, пользуясь ими, принимать въ соображеніе критическую статью *Бюрнуфа* въ Nouv. Journ. Asiat. IV. 210. Но во многихъ частяхъ грамматики онъ говоритъ слишкомъ коротко, и слишкомъ строго ограничивается, вмѣсто правилъ, одними примѣрами, даже безъ надлежащаго ихъ разбора. Объ *Анамскомъ* языкѣ я имѣлъ только разсужденіе Лейдена въ Asiat. res. X. 158 — пособіе полезное, но не соотвѣтствующее нынѣшнему состоянію языкознанія.

(**) См. W. Humboldt's Brief an Abel-Rémusat. Стр. 31.

значенная для установленія конструкціи рѣчи: въ одно и то-же время и для одной и той-же цѣли она раздѣляетъ и соединяетъ. Сходство между Барм. thang и Кит. tchî въ такомъ употребленіи такъ разительно, что его нельзя не замѣтить (*). Но Барманскій языкъ опять далеко расходится съ Китайскимъ, какъ по смыслу, въ какомъ онъ принимаетъ *опредѣленіе*, такъ и въ способахъ его обозначенія. Разсматриваемое здѣсь опредѣленіе требуется въ двухъ случаяхъ, которые очень можно строго отличить другъ отъ друга: въ-случаѣ *зависимости* слова по управленію отъ другаго и какъ *восполненіе* понятія, остававшагося съ извѣстныхъ сторонъ неопредѣленнымъ. Слово должно опредѣляться со-стороны *качества*, по своему объему и свойству, и со-стороны *отношеній*, въ своей причинной связи, какъ зависящее отъ другаго или управляющее другимъ. Въ Китайскомъ языкѣ эти два случая строго различаются другъ отъ друга, и каждый является на своемъ мѣстѣ. Слово управляющее здѣсь предшествуетъ управляемому, подлежащее—глаголу, глаголъ—своему прямому объекту, наконецъ этотъ послѣдній—его непрямому объекту, если онъ есть въ рѣчи. Здѣсь нельзя собственно сказать, что предшествующее слово служитъ дополненіемъ понятія: скорѣе, глаголъ дополняется въ своемъ понятіи субъектомъ и объектомъ, между которыми стоитъ онъ, и точно также прямой объектъ непрямымъ. Съ другой стороны, дополняющее слово всегда должно предшествовать принимающему дополненіе, прилагательное—существительному, родительный—именительному; тутъ наблюдается правило, нѣкоторымъ образомъ, противоположное предыдущему. Потому-что это еще неопредѣленное, здѣсь позади-ставимое слово есть управляющее и по аналогіи предыдущаго случая должно-бы поэтому стоять впереди. Такимъ образомъ Китайская конструкція основывается на двухъ общихъ и различныхъ другъ отъ друга законахъ и хорошо дѣлаетъ, что отношеніе глагола къ своему объекту такъ рѣшительно выставляетъ посредствомъ особен-

(*) Тамъ-же, стр. 31—34.

наго положенія, потому-что глаголъ преимущественно предъ всѣми другими частями рѣчи есть управляющее слово. Первый законъ употребляется въ *главномъ составѣ* предложеній, другой — во *второстепенныхъ его частяхъ*. Еслибы послѣднія слѣдовали примѣру перваго, т.-е. еслибы прилагательное, нарѣчіе и родительный ставились послѣ существительнаго, глагола и родительнаго, то хотя стройность предложенія, проистекающая именно изъ развивающейся здѣсь противоположности, пострадала-бы, и положеніе нарѣчія послѣ глагола не давало-бы возможности ясно отличать его отъ объекта, но самому порядку предложенія и соотвѣтствію его хода съ внутреннимъ чувствомъ языка это не нанесло-бы никакого вреда. Существеннымъ дѣломъ было правильно установить понятіе *управленія*, а Китайская конструкція крѣпко держится этого понятія, лишь съ немногими исключеніями, которыя оправдываются болѣе или менѣе частыми отступленіями отъ обыкновенныхъ правилъ расположенія словъ во всѣхъ языкахъ. *Барманскій* языкъ вовсе не различаетъ этихъ двухъ случаевъ и наблюдаетъ собственно только одинъ *законъ конструкціи*, покидая именно важнѣйшій изъ тѣхъ двухъ. Субъектъ здѣсь предшествуетъ объекту и глаголу, но глаголъ ставится послѣ объекта. Отъ этого превратнаго помѣщенія глагола становится болѣе чѣмъ сомнительно, имѣется-ли въ виду помѣщеніемъ субъекта впереди выставить его управляющимъ, или не считается-ли онъ скорѣе дополненіемъ слѣдующихъ частей предложенія. Управляемый объектъ, очевидно, принимается за дополнительное опредѣленіе глагола, который, будучи самъ-по-себѣ неопредѣленъ, слѣдуетъ за полнымъ исчисленіемъ всѣхъ своихъ опредѣленій субъектомъ и объектомъ и заканчиваетъ предложеніе. Что субъектъ и объектъ, каждый самъ-по-себѣ, также собираютъ впереди себя всѣ свои опредѣленія, это разумѣется само-собою и ясно видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ.

Это различіе между *Бирманской* и *Китайской конструкціей* происходитъ, очевидно, отъ того, что въ Китайскомъ есть пра-

вильное понятіе о *глаголѣ*, а въ Барманскомъ оно недостаточно. Въ *Китайской* конструкціи выказывается чувство настоящей, подлинной функціи глагола. Помѣщая глаголъ въ срединѣ предложенія между субъектомъ и объектомъ, она тѣмъ самымъ высказываетъ, что глаголъ господствуетъ въ предложеніи и служитъ душей всего состава рѣчи. Такимъ образомъ, безъ всякой перемѣны звуковъ, она однимъ расположеніемъ словъ вливаетъ въ предложеніе жизнь и движеніе, исходящія отъ глагола, и представляетъ наличное выраженіе чистаго такта языка, или по-крайней-мѣрѣ обнаруживаетъ внутреннее чувство его требованій. Въ Барманскомъ языкѣ все это находимъ совсѣмъ въ иномъ положеніи. *Глагольныя формы* здѣсь колеблются между спрягаемымъ *глаголомъ* и *причастіемъ*: будучи, по вещественному значенію, собственно причастіями, онѣ не достигаютъ этого значенія формально, потому-что для самого глагола здѣсь нѣтъ никакой формы. Здѣсь не только не имѣетъ для себя выраженія существенная функція глагола, но и особенное образованіе мнимыхъ глагольныхъ формъ и ихъ видимое сходство съ именемъ показываютъ, что въ живыхъ воззрѣніяхъ, которыми проникаютъ свои слова говорящіе, вовсе нѣтъ чувства истинной силы глагола. Съ другой стороны, Барманскій языкъ несравненно больше Китайскаго характеризуетъ глаголъ и отличаетъ отъ имени *частицами*: это тѣмъ удивительнѣе, что глаголъ выходилъ здѣсь изъ своей истинной категоріи. Безспорно, впрочемъ, что это не совсѣмъ такъ, а все дѣло тѣмъ и объясняется лучше, что глаголъ обозначается здѣсь по оттѣнкамъ, которые могутъ относиться и къ вещественному его значенію, но нѣтъ ни малѣйшаго гаданія о какой-нибудь чисто-формальной его принадлежности. *Китайскій* языкъ рѣдко пользуется такимъ вещественнымъ обозначеніемъ, часто воздерживается отъ него совершенно, и въ правильномъ расположеніи словъ признаетъ форму, невидимо парящую надъ рѣчью. Можно сказать, что чѣмъ меньше въ немъ наружной грамматики, тѣмъ глубже въ немъ гнѣздится внутренняя. Гдѣ грамматическій

взглядъ проникаетъ въ Китайскую рѣчь, тамъ онъ правиленъ логически. Эта логическая правильность дала первое распредѣленіе, и посредствомъ этого инструмента, настроеннаго такъ правильно, Китайская рѣчь должна была продолжать свое дальнѣйшее образованіе въ духѣ народа. Можно возразить противъ сказаннаго, что и во флексивныхъ языкахъ вовсе не рѣдкость видѣть глаголъ послѣ его объекта, и что *Барманскій* языкъ, какъ и тѣ, имѣетъ особенныя частицы для означенія падежей въ именахъ. Но такъ-какъ онъ на многихъ другихъ пунктахъ ясно показываетъ, что у него нѣтъ въ основаніи яснаго представленія о частяхъ рѣчи и что онъ въ своихъ совокупленіяхъ добивается только видоизмѣненія словъ однихъ другими, то его дѣйствительно нельзя избавить отъ упрека во взглядѣ, не понимающемъ истинной сущности *состава предложенія.* Это доказывается и тѣмъ ненарушимымъ постоянствомъ, съ какимъ мнимый Барманскій глаголъ всегда отодвигается на конецъ предложенія. Это тѣмъ ярче кидается въ глаза, что и другое вышепоказанное основаніе этого положенія — именно возможность присовокупить къ глагольной формѣ еще новое предложеніе—ясно показываетъ, что въ Барманскую рѣчь не проникаетъ ни чувство собственнаго существа *построенія періода*, ни чувство производящей это построеніе силы глагола. Въ Барманскомъ, очевидно, недостаетъ *частицъ*, которыя, подобно нашимъ союзамъ, посредствомъ соединенія предложеній сообщали-бы періодамъ жизнь и разнообразіе. *Китайскій* несравненно выше его въ этомъ отношеніи: наблюдая и здѣсь общее правило своего расположенія словъ, онъ ставитъ какъ родительный прежде именительнаго, такъ и предложенія опредѣляющія и дополняющія прежде опредѣляемыхъ. Въ Барманскомъ предложенія идутъ другъ-за-другомъ какъ-бы по прямой линіи. Но и тутъ они рѣдко примыкаютъ другъ-къ-другу посредствомъ такихъ соединительныхъ союзовъ, которые, подобно нашему *и*, предоставляли-бы каждому предложенію его самостоятельность. Барманскій способъ соединенія ихъ больше

связываетъ ихъ другъ-съ-другомъ по содержанію. Это зависитъ отъ самаго свойства частицы thang, обыкновенно употребляемой на концѣ слѣдующихъ другъ-за-другомъ предложеній: совокупляя предыдущее, она вмѣстѣ съ тѣмъ всегда употребляетъ это предыдущее для уразумѣнія слѣдующаго. Легко понять, что изъ этого должно возникать тяжелое теченіе рѣчи, при которомъ, кромѣ-того, неизбѣжно утомительное однообразіе.

По способамъ обозначенія *порядка словъ*, Китайскій и Бирманскій сходны между собой въ томъ отношеніи, что оба употребляютъ для того и *положеніе* словъ и особенныя *частицы*. *Бирманскому* языку собственно нѣтъ надобности въ очень строгихъ законахъ расположенія словъ, потому-что большимъ количествомъ частицъ, означающихъ отношенія, уже достаточно обезпечивается понятность рѣчи. Между-тѣмъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ еще довольно добросовѣстно наблюдаетъ обычное расположеніе словъ, и только въ одномъ случаѣ не выдерживаетъ послѣдовательности въ ихъ порядкѣ, дозволяя ставить *прилагательное* и прежде и послѣ *существительнаго*. Такъ-какъ, впрочемъ, первое изъ этихъ положеній всегда требуетъ прибавленія частицъ, необходимыхъ для опредѣленія порядка словъ, то видно, что собственно второе положеніе должно считать естественнымъ, и это надо, конечно, признать слѣдствіемъ того обстоятельства, что прилагательное и существительное вмѣстѣ составляютъ *сложное* слово, въ которомъ падежное окончаніе, никогда ему непридаваемое, если прилагательное стоитъ впереди, надобно считать принадлежащимъ только существительному, точнѣе опредѣляемому въ своемъ значеніи прилагательнымъ. А въ *сложныхъ* словахъ, какъ именахъ, такъ и глаголахъ, первымъ членомъ ставится слово, принимаемое въ данномъ случаѣ за родовое понятіе, а вторымъ—слово, опредѣляющее и болѣе общее (потому-что оно можетъ имѣть приложеніе къ нѣсколькимъ родамъ). Такъ образуются *наклоненія* глаголовъ, точно также съ предшествующимъ словомъ *рыба*—мно-

жество названій рыбъ и т. д. Если въ другихъ случаяхъ языкъ повидимому принимаетъ противоположный путь, напр. образуетъ названія ремесленниковъ изъ общаго понятія *дѣлать*, присовокупляемаго на второмъ мѣстѣ къ названію ремесла, то остается сомнительнымъ, берется-ли тутъ дѣйствительно иная метода, или только измѣняется взглядъ на то, что въ данномъ случаѣ принимается за родовое понятіе. Именно такъ бываетъ въ сложныхъ, имѣющихъ вторымъ членомъ прилагательное, гдѣ оно теснѣе опредѣляетъ родовое понятіе. *Китайскій* и здѣсь остается вѣренъ своему общему закону: слово, къ которому придается тѣснѣйшее опредѣленіе, и въ сложеніи составляетъ второй членъ. Когда для образованія страдательнаго, или, лучше, вмѣсто его, употребляется глаголъ *видѣть*, хотя само-по-себѣ, конечно, это неявстественно, то глаголъ этотъ ставится впереди главнаго понятія: *видѣть убить*, т.-е. *быть убитымъ*. Такъ-какъ видѣть можно очень многое, то впереди стоять должно-бы собственно *убить*. Но обратный порядокъ здѣсь показываетъ, что *видѣть* принимается здѣсь за модификацію слѣдующаго слова, стало быть, за состояніе убіенія; а чрезъ это фраза, на первый взглядъ поражающая странностью, тонко и умно намекаетъ на грамматическое представленіе. Такимъ-же способомъ образованы *земледѣлецъ*, *книжный магазинъ* и т. п.

Китайскій и *Барманскій* одинаково помогаютъ *положенію словъ* въ составѣ рѣчи *частицами*. Они равны другъ другу и въ томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ частицъ въ нихъ назначены единственно для обозначенія конструкціи, такъ-что онѣ ничего не прибавляютъ къ вещественному значенію словъ. Но въ этихъ-же частицахъ *Барманскій* удаляется отъ Китайскаго и принимаетъ свой особенный характеръ. Чтобы обозначать отношенія, въ какихъ одно слово должно представлять въ совокупности съ другимъ, посредствующими понятіями, языкъ умножаетъ число помянутыхъ частицъ и доводитъ ихъ до нѣкоторой, конечно, не совсѣмъ систематической полноты. Вмѣстѣ

съ тѣмъ, въ языкѣ обнаруживается стремленіе придвигать эти частицы ближе къ кореннымъ словамъ, чѣмъ къ другимъ. Настоящаго единства слова, при дробленіи слоговъ выговоромъ и по духу языка вообще, здѣсь, конечно, не можетъ быть. Но мы видѣли однако, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вліяніемъ слова производится перемѣна согласной въ присовокупляемомъ къ нему непосредственно, и конечныя частицы thang и êng въ глагольныхъ формахъ совокупляютъ глагольныя частицы съ кореннымъ словомъ въ одно цѣлое. Въ одномъ частномъ случаѣ является даже сжатіе двухъ слоговъ въ одинъ, что въ Китайскомъ письмѣ могло-бы быть изображено только фонетически, слѣдовательно уже несвойственнымъ ему образомъ. Чувство истиннаго существа суффиксовъ есть и въ томъ, что даже тѣ изъ частицъ, которыя можно-бы считать за опредѣлительныя прилагательныя, напр. знаки множественнаго, никогда не ставятся впереди слова, а всегда позади. Въ Китайскомъ языкѣ, по различію знаковъ множественнаго, допускается то одно, то другое положеніе.

По-мѣрѣ-того, какъ *Барманскій* языкъ удаляется отъ *Китайскаго строенія*, онъ приближается къ *Санскритскому*. Но было-бы вовсе лишнимъ обстоятельно объяснять, что отъ Санскритскаго онъ отдѣленъ настоящею пропастью. Разница здѣсь состоитъ не въ томъ только, что частицы примыкаютъ къ словамъ болѣе или менѣе плотно. Эта разница обнаруживается особенно изъ сравненія частицъ съ *суффиксами* Индійскаго языка. Суффиксы эти тоже *знаменательныя слова*, какъ всѣ другія слова языка, хотя, конечно, ихъ значеніе большею частію уже вымерло въ памяти народа. Это по большей части *субъективные звуки*, способные и для однихъ внутреннихъ отношеній. Вообще, хотя *Барманскій* занимаетъ, повидимому, *средину* между обоими языками, однакожь его никакъ нельзя признать за *переходную точку* отъ одного къ другому. Жизнь каждаго языка основывается на внутреннемъ воззрѣніи народа на способъ облекать мысль въ звуки. А способъ этотъ во всѣхъ трехъ сравни-

ваемыхъ языкахъ совершенно различенъ. Хотя числомъ частицъ и количествомъ ихъ употребленія образуется постепенное приближеніе къ *грамматическому обозначенію* отъ стараго *стиля Китайскаго* чрезъ посредство новѣйшаго до Барманскаго, но послѣдній рѣшительно отличается отъ перваго по основному воззрѣнію, которое одинаково остается и въ новѣйшемъ стилѣ Китайскаго. Китайскій опирается единственно на *размѣщеніе словъ* и на отпечатокъ *грамматической формы* въ самомъ духѣ; *Барманскій* въ составѣ своей рѣчи не основывается на размѣщеніи словъ, хотя еще крѣпче держится размѣщенія, соотвѣтствующаго его особенному способу представленія. Онъ связываетъ *понятія* посредствомъ присовокупленія *новыхъ* понятій, и вынуждается къ тому самымъ своимъ способомъ размѣщенія словъ, которое безъ этого посредства впадало-бы въ двусмысленность. Такъ-какъ посредствующія понятія должны быть выраженіемъ *грамматическихъ формъ*, то они, конечно, и представляютъ ихъ въ языкѣ. Но представленіе этихъ формъ здѣсь вовсе не такъ ясно и опредѣленно, какъ въ Китайскомъ и Санскритскомъ; не такъ ясно, какъ въ первомъ, потому-что, здѣсь есть подставка посредствующихъ понятій, при которыхъ внутреннему такту языка нѣтъ такой необходимости сосредоточиваться въ себѣ самомъ; не такъ ясно, какъ въ Санскритскомъ, потому-что воззрѣніе не господствуетъ въ Барманскомъ языкѣ надъ звукомъ, не пропитываетъ его до образованія дѣйствительнаго единства слова и до настоящихъ формъ. Съ другой стороны, Барманскій языкъ нельзя относить и къ *приставочнымъ* языкамъ, потому-что онъ, напротивъ, постоянно раздѣляетъ слоги въ выговорѣ. Онъ чище и послѣдовательнѣе приставочныхъ по своей системѣ, хотя именно отъ этого онъ еще больше удаляется отъ всякой флексіи, которая впрочемъ и въ приставочныхъ языкахъ проистекаетъ не изъ настоящаго своего источника, а есть только случайное явленіе.

Историческаго родства, судя по всѣмъ свидѣтельствамъ, кажется, нѣтъ между *Барманскимъ* и *Китайскимъ*. *Одинаковыхъ*

словъ въ обоихъ языкахъ весьма не много. Я не знаю, впрочемъ, не требуетъ-ли этотъ пунктъ еще строжайшаго изслѣдованія. Странно, что нѣсколько словъ изъ разряда грамматическихъ въ обоихъ языкахъ очень сходны по звукамъ. Число ихъ не велико, за-то они принадлежатъ именно къ тѣмъ частямъ строенія, которыя наиболѣе обнаруживаютъ сродство языковъ; да и различіе между Китайской и Барманской грамматикой, какъ оно ни велико и какъ ни глубоко входитъ въ строеніе языка, все-же не таково, чтобы родство между ними было также не возможно, какъ между Барманскимъ и Тагальскимъ.

§ 25. *Многосложный составъ словъ въ языкахъ не произошелъ-ли изъ односложнаго?*

Предложенныхъ здѣсь изслѣдованій весьма близко касается вопросъ о свойствѣ различія между *односложными* и *многосложными* языками, именно: *безусловное ли* различіе между ними составляетъ ихъ многосложность и односложность, или только различіе *относительное* по степени? И эти формы словостроенія составляютъ-ли въ сущности *характеръ* языковъ, или *односложность* есть только *переходное состояніе*, изъ котораго мало-по-малу развились языки *многосложные?*

Въ прежнія времена языкознанія *Китайскій* и нѣкоторые юго-восточные Азіятскіе языки считались за односложные. Потомъ стали сомнѣваться въ этомъ, и *Абель-Ремюза* прямо оспаривалъ этотъ взглядъ на Китайскій (*). Казалось однако, что этотъ отрицательный взглядъ шелъ противъ очевидныхъ фактовъ, и можно смѣло утверждать, что теперь основательно опять возвратились къ прежнему мнѣнію. Весь споръ происходилъ отъ разныхъ недоразумѣній, и потому всего прежде нужно надлежащимъ образомъ опредѣлить, что̀ называется *односложною* формой слова и въ какомъ смыслѣ отличаютъ *одно-*

(*) Fundgruben des Orients. III. стр. 279.

сложные языки отъ *многосложныхъ?* У *Ремюза* всѣ примѣры многосложности Китайскаго рѣшительно сбиваются на сложныя слова; а словосложеніе, конечно, совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ первоначальная многосложность. Въ словосложеніи понятіе, даже принимаемое рѣшительно за простое, образуется все таки изъ двухъ или нѣсколькихъ соединенныхъ между собою понятій. Возникающее отсюда слово потому никогда не можетъ быть простымъ, и языкъ не перестаетъ быть односложнымъ оттого, что въ немъ есть сложныя слова. Здѣсь, очевидно, спрашивается о такихъ простыхъ словахъ, въ которыхъ нельзя различить никакихъ стихій, образующихъ понятіе, но гдѣ, напротивъ, знакъ понятія составляютъ два или нѣсколько слоговъ, сами по себѣ не имѣющихъ значенія. Даже и встрѣчая слова, повидимому, именно такія, все-таки надобно еще строго допытываться, не имѣлъ-ли въ немъ каждый слогъ отдѣльно своего собственнаго значенія, которое только утратилось. Настоящій примѣръ противъ односложности какого-либо языка долженъ-бы доказывать собою, что *всѣ звуки* слова *знаменательны* только вмѣстѣ, въ совокупности, а отнюдь не порознь. Это Абель-Ремюза, безъ сомнѣнія, представлялъ себѣ не довольно ясно, и оттого въ выше указанномъ его разсужденіи оригинальное образованіе Китайскаго дѣйствительно осталось непонятнымъ (*). Но, съ другой стороны, мнѣніе Ремюза все-же основывалось на чемъ-то истинномъ и замѣченномъ вѣрно. Онъ останавливался на раздѣленіи языковъ на односложные и многосложные, и отъ его проницательнаго взора не могло ускользнуть, что этого дѣленія нельзя принимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается обыкновенно. Выше я уже замѣтилъ, что это дѣленіе можетъ основываться не на одномъ только преобладаніи односложныхъ и многосложныхъ словъ фактически, на что въ глубинѣ его лежитъ нѣчто болѣе существенное, именно: отсутствіе *аффиксовъ*, и наклонность выговора

(*) Это вѣрно почувствовалъ *Амперъ* (De la Chine et des travaux de M. Abel-Rémusat въ Revue des deux mondes. T. 8. 1832. p. 373—405).

держать въ *раздробленіи звуки слоговъ* даже и тамъ, гдѣ умъ совокупляетъ понятія. Причина *отсутствія аффиксовъ* скрывается глубже, въ самомъ духѣ. Ибо когда зависимое отношеніе аффикса къ главному понятію живо ощущается умомъ, тогда и языкъ никакъ не можетъ давать аффиксу въ выговорѣ такой-же звуковой вѣсъ, какъ самому слову. Сліяніе двухъ разнородныхъ стихій въ единство слова есть необходимое и непосредственное слѣдствіе такого ощущенія. Потому Ремюза, мнѣ кажется, въ томъ только погрѣшилъ, что, вмѣсто нападенія на односложность Китайскаго, не попытался напротивъ показать, что и *другіе языки* начинаются съ *образованія односложныхъ корней* и только достигаютъ *многосложности* частію своимъ особеннымъ путемъ *прикладыванія*, а частію и Китайскому не чуждымъ путемъ *словосложенія*, но достигаютъ этой цѣли дѣйствительно, потому-что не были стѣсняемы вышеупомянутыми препятствіями, какъ Китайскій. Вотъ этотъ-то путь я хочу здѣсь проложить, держась нити фактическаго изслѣдованія нѣсколькихъ языковъ, которые по-преимуществу могутъ идти здѣсь въ разсмотрѣніе.

Какъ ни трудно возводить *слова* къ истинному ихъ *происхожденію* и хотя это отчасти даже невозможно, при всемъ томъ тщательно выполняемое разложеніе словъ приводитъ насъ во многихъ языкахъ къ *односложнымъ корнямъ*, и отдѣльные случаи противоположныхъ явленій не могутъ служить доказательствомъ *искони-многосложныхъ* корней: причину такихъ явленій гораздо вѣроятнѣе искать въ томъ, что не было достаточно продолжено разложеніе словъ. Да и начиная со стороны идей, мы не зайдемъ слишкомъ далеко, если допустимъ вообще, что первоначально каждое *понятіе* обозначалось *однимъ словомъ*. Понятіе при изобрѣтеніи языка есть *впечатлѣніе*, производимое на человѣка внѣшнимъ или внутреннимъ предметомъ, и *звукъ*, вызываемый изъ груди живостью этого впечатлѣнія, есть *слово*. Такимъ образомъ два звука едва-ли могутъ отвѣчать одному понятію. Еслибы явилось непосредственно другъ-за-другомъ

два звука, то они показывали-бы два впечатлѣнія, происходящія отъ одного предмета, и составили-бы *сложность* въ самомъ зарожденіи слова, не нарушая тѣмъ основанія односложности. Такъ и бываетъ въ удвоеніи, встрѣчаемомъ во всѣхъ языкахъ и по преимуществу въ языкахъ необразованныхъ. Каждый изъ повторяемыхъ звуковъ выражаетъ весь предметъ, а съ повтореніемъ привходитъ въ выраженіе знакъ высшей живости испытываемаго впечатлѣнія, или признакъ повторенія предмета: въ такомъ смыслѣ удвоенію подвергаются по-преимуществу прилагательныя, такъ-какъ въ качествѣ то особенно бросается въ глаза, что оно является не отдѣльнымъ веществомъ, а какъ-бы поверхностью одного и того-же пространства. Дѣйствительно, во многихъ языкахъ, изъ которыхъ я особенно приведу здѣсь языки островитянъ Южнаго моря, удвоеніе принадлежитъ по-преимуществу, даже почти исключительно прилагательнымъ и образованнымъ изъ нихъ, слѣд. первоначально ощущаемымъ въ смыслѣ прилагательныхъ, существительнымъ. Конечно, дѣло покажется совсѣмъ иначе, если первоначальное обозначеніе слова мы представимъ себѣ обдуманнымъ *раздѣломъ звукомъ* между *понятіями*. Забота о томъ, чтобы различнымъ понятіямъ не дать совсѣмъ одинаковыхъ знаковъ; тогда могла-бы быть самою вѣроятною причиной, почему какому-нибудь слогу, совершенно независимо отъ его особеннаго значенія, придавался-бы еще другой и третій. Но такой взглядъ былъ-бы очевидно невѣренъ; такъ думать значило-бы вовсе забывать, что языкъ не мертвое механическое произведеніе, а живое твореніе, возникающее изъ себя самого, и что первые говорившіе люди были несравненно воспріимчивѣе къ чувственнымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ мы, притупленные образованностью и знаніемъ, основаннымъ не на нашихъ опытахъ. Во всѣхъ языкахъ, конечно, есть слова, которыя своимъ разнымъ значеніемъ при одинаковыхъ звукахъ могли-бы производить двусмысленность. А если это между тѣмъ бываетъ рѣдко, и если каждому понятію соотвѣтствуетъ

иначе оттѣняемый звукъ, то это происходитъ, безъ-сомнѣнія, не отъ обдуманнаго сравненія наличныхъ словъ, которыя говорящій даже и не могъ держать въ своей памяти, а отъ того, что какъ *впечатлѣніе* предмета, такъ и вызванный имъ *звукъ* всегда были *индивидуально*-особенны; а одна индивидуальность никогда вполнѣ не сходится съ другою. Съ другой стороны, запасъ языка, безъ-сомнѣнія, могъ увеличиваться и *распространеніемъ готовыхъ словъ*. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ узнавалъ больше предметовъ и узнавалъ ихъ точнѣе, во многихъ изъ нихъ, при *общемъ сходствѣ*, представлялись ему *особенныя различія*, и это новое впечатлѣніе, естественно, производило новый звукъ, который, прибавляясь къ прежнему, образовалъ *многосложное слово*. Но и здѣсь *обозначеніемъ* одного и того-же предмета являются соединенныя понятія съ соединенными звуками. Касательно первоначальнаго обозначенія по высшей мѣрѣ можно-бы считать возможнымъ, что языкъ допускаетъ прибавку звуковъ безъ значенія изъ одного чувственнаго наслажденія ими, или что конечные придыхательные звуки, при установкѣ произношенія, превращались въ настоящіе слоги. Что звуки въ языкахъ дѣйствительно удерживаются безъ всякаго значенія, только въ своемъ чувственномъ качествѣ, этого я не рѣшусь отрицать; но это бываетъ отъ того только, что ихъ значеніе теряется. А первоначально ни одинъ членораздѣльный звукъ не вырывается изъ груди, не бывъ вызванъ ощущеніемъ.

Съ теченіемъ времени измѣняется вообще и положеніе *многосложности* въ языкахъ. Отвергать многосложность въ сформировавшихся языкахъ, какъ фактъ, невозможно: она оспаривается только въ *корняхъ*, и внѣ круга ихъ она, по происхожденію, которое надобно принять вообще и очень часто можно показать въ подробностяхъ, дѣйствительно состоитъ изъ *словосложенія* и оттого не выдерживаетъ своей особенной природы. Не потому только, что намъ неизвѣстно значеніе отдѣльныхъ стихій слова, онѣ кажутся намъ *лишенными значе-*

кія; это явленіе часто имѣетъ еще нѣчто положительное въ своемъ основаніи. Языкъ совокупляетъ въ словахъ всего прежде *понятія*, дѣйствительно *видоизмѣняющія* другъ друга. Потомъ онъ присовокупляетъ къ *главному понятію* другое, идущее къ дѣлу только въ метафорическомъ смыслѣ или только въ одной части своего значенія, подобно тому, какъ въ Китайскомъ для означенія различія между старшимъ и младшимъ, при объясненіи родственныхъ отношеній между людьми, слово *сынъ* употребляется въ сложныхъ названіяхъ родства тамъ, гдѣ нейдетъ къ дѣлу ни прямое происхожденіе, ни полъ, а гдѣ разумѣется единственно разстояніе по возрасту. Когда нѣкоторыя изъ такихъ понятій часто дѣлались *стихіями словъ* для *тѣснѣйшаго опредѣленія* понятія, къ чему дается имъ возможность большею ихъ общностью, тогда въ языкѣ образовалась привычка употреблять ихъ и тамъ, гдѣ ихъ отношеніе очень отдаленно и едва постижимо, или гдѣ, надо прямо сознаться, нѣтъ никакого дѣйствительнаго отношенія и гдѣ потому знаменательность на самомъ дѣлѣ превращается въ чистый нуль. Такія явленія, когда звуки, слѣдуя всеобщей аналогіи, переносятся отъ случаевъ, къ которымъ они дѣйствительно принадлежатъ, на другіе, гдѣ ихъ употребленіе вовсе неумѣстно, — такія явленія встрѣчаются и въ другихъ частяхъ образованія языковъ. Такъ напр. нельзя отрицать, что во многихъ флексіяхъ Санскритскаго склоненія скрываются мѣстоименные корни, но что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ случаевъ дѣйствительно нельзя отыскать причины, почему этотъ, а не другой корень предоставленъ тому или другому падежу; нельзя даже сказать, какъ вообще можетъ какой-либо мѣстоименный корень составлять выраженіе извѣстнаго падежнаго отношенія. Можетъ быть, что и въ тѣхъ изъ такихъ случаевъ, которые наиболѣе поражаютъ насъ своею странностью, есть совершенно индивидуальныя и тонко-понятыя *связи* между *понятіемъ* и *звукомъ*. Но эти связи бываютъ тогда такъ далеки отъ всеобщей необходимости и если не случайны, то все-же до такой степени доступны

нашему разумѣнію только исторически, что въ нашихъ глазахъ исчезаетъ самое ихъ существованіе. О заимствованіи *многосложныхъ словъ* изъ одного языка въ другой я съ намѣреніемъ здѣсь не упоминаю, потому-что многосложность такихъ словъ, если только вышеизложенное наше мнѣніе справедливо, никогда не можетъ быть искони, и отсутствіе значенія въ ихъ отдѣльныхъ стихіяхъ для языка, которымъ они заимствованы, остается лишь относительною.

Но и независимо отъ яснаго или уже темнаго происхожденія многосложности изъ словосложенія, въ языкахъ неодносложныхъ бываетъ, разумѣется, въ весьма различной степени, *стремленіе* къ чистой *многосложности*, происходящее отъ совокупности внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ. Тогда языкъ требуетъ извѣстнаго объема звуковъ какъ-бы для выраженія *простыхъ понятій* и въ этомъ объемѣ вмѣщаетъ соединенныя въ нихъ элементарныя понятія. Этимъ двоякимъ путемъ происходитъ тогда обозначеніе одного понятія нѣсколькими слогами. Ибо какъ Китайскому языку противна многосложность и какъ Китайское письмо, возникшее, очевидно, подъ вліяніемъ этого отвращенія, еще болѣе укрѣпляетъ его въ немъ, такъ другіе языки имѣютъ противоположную наклонность. Чувство благозвучія и заботы о ритмической соразмѣрности ведетъ эти языки къ образованію словесныхъ формъ большаго размѣра, и внутреннее чувство различаетъ потомъ словосложенія, возникающія только въ составѣ *рѣчи*, отъ тѣхъ, которыя можно принимать за выраженіе простаго понятія нѣсколькими слогами со значеніемъ уже неизвѣстнымъ, или оставляемымъ безъ вниманія. Акакъ все въ языкѣ тѣсно связывается одно съ другимъ, то и это стремленіе, съ перваго взгляда кажущееся совершенно чувственнымъ, имѣетъ болѣе прочное и широкое основаніе. Къ этому, очевидно, содѣйствуетъ направленіе ума совокуплять понятія съ его отношеніями въ одномъ и томъ-же словѣ, — достигаетъ-ли этой цѣли языкъ, если онъ истинно-фиксивнаго образованія, или останавливается на полудорогѣ, если онъ

приставочнаго образованія. И здѣсь коренным дѣятелемъ служитъ та творческая сила, посредствомъ которой языкъ, выражаясь метафорически, произращаетъ изъ корня все то, что принадлежитъ къ внутреннему или внѣшему образованію слова. Чѣмъ дальше простирается это творчество, тѣмъ выше степень этого стремленія, и чѣмъ скорѣе это творчество ослабѣваетъ, тѣмъ меньше степень стремленія. Полное-же округленіе этого стремленія къ благозвучію назначаетъ производимому имъ звуковому объему слова необходимую границу. Дѣйствительно, языки, менѣе счастливые въ сліяніи слоговъ въ единицы, нанизываютъ большое количество ихъ другъ за другомъ безъ ритмическаго склада, тогда-какъ успѣшное стремленіе къ единству гармонически смыкаетъ небольшое число слоговъ. Такъ близко и такъ строго и здѣсь совпадаетъ внутреннее и внѣшнее совершенство образованія языковъ. Самыя понятія во многихъ случаяхъ вызываютъ стараніе совокуплять нѣкоторыя понятія только для того, чтобы дать приличный знакъ простому понятію, не сохранивъ при этомъ именно напоминанія о совокупленіи понятій. Изъ этого естественно возникаетъ тогда тѣмъ болѣе истинная многосложность, что составленное такимъ образомъ понятіе играетъ роль только простаго.

Случаи, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, раздѣляются главнымъ образомъ на два разряда. Въ однихъ имѣется въ виду *опредѣленнѣе установить* или лучше объяснить *понятіе*, уже переданное *звукомъ*, посредствомъ присовокупленія другаго понятія, слѣдовательно вообще устранить неопредѣленность и неясность. Такимъ образомъ въ языкахъ часто соединяются понятія, совершенно однозначащія или отличающіяся другъ отъ друга очень мелкими оттѣнками, также понятія общія, придаваемыя къ частнымъ и часто лишь этимъ употребленіемъ возводимыя въ эту общность изъ частныхъ, подобно тому, какъ въ Китайскомъ понятіе *быть* переходитъ въ такихъ словосложеніяхъ почти въ понятіе *дѣлать*. Ко другому разряду принадлежатъ случаи, когда изъ *двухъ разныхъ понятій* дѣйстви-

тельно образуется *третье*, когда напр. *солнце* называется *окомъ дня*, *молоко — водой груди* и т. д. Въ основаніи перваго рода совокупленій лежитъ недовѣріе къ ясности употреблявшаго выраженія или хлопотливая забота увеличить ее. Въ языкахъ очень разработанныхъ совокупленія этого рода встрѣчаются рѣдко; но въ языкахъ, чувствующихъ за собою нѣкоторую неясность по самому своему строенію, они многочисленны. Въ случаяхъ втораго рода два совокупляемыя понятія представляютъ непосредственное изображеніе полученнаго впечатлѣнія, стало-быть составляютъ, въ своемъ частномъ значеніи, самое слово. Сами по себѣ они составляли-бы два слова. Но такъ-какъ они означаютъ одну вещь, то разсудокъ требуетъ самаго тѣснаго соединенія ихъ въ формѣ слова, и какъ власть его надъ языкомъ возрастаетъ и первоначальное воззрѣніе въ языкѣ утрачивается, то самыя замысловатыя и любимыя метафоры этого рода теряютъ свое дѣйствіе на душу и ускользаютъ отъ вниманія говорящихъ, какъ-бы ни было легко объяснить смыслъ ихъ. Оба этого рода соединенія находятся и въ языкахъ односложныхъ; только въ нихъ внутренняя потребность соединять понятія не можетъ преодолѣть наклонности раздѣлять слоги въ выговорѣ.

Такимъ-то образомъ, мнѣ кажется, надобно понимать и обсуживать въ языкахъ явленіе односложности и многосложности. Теперь я попытаюсь примѣрами подтвердить общія разсужденія, которыя мнѣ не хотѣлось прерывать перечнемъ фактовъ.

Въ *новѣйшемъ стилѣ Китайскаго* уже довольно значительно количество словъ, которыя составлены изъ *двухъ элементовъ* такъ, что сложеніе ихъ имѣетъ цѣлью только образовать *третье*, простое понятіе. При нѣкоторыхъ изъ такихъ словосложеній даже очевидно, что присовокупленіе одной стихіи, ничего не прибавляющее къ смыслу, вошло въ *обычай* отъ дѣйствительно-знаменательныхъ случаевъ его употребленія. Расширеніе понятій и языковъ должно приводить къ тому, чтобы новые предметы обозначались словами посредствомъ сравненія

съ другими, уже извѣстными, и чтобы въ образованіе языковъ переходило дѣйствіе ума при образованіи понятій. Эта метода мало-по-малу должна замѣнять прежнія, по которымъ впечатлѣніе символически выражается по аналогіи между членораздѣльными звуками. Впрочемъ, у народовъ, одаренныхъ большою живостью воображенія и чувственною воспріимчивостью, позднѣйшая метода восходитъ къ весьма древнимъ временамъ, и потому въ языкахъ, наиболѣе отличающихся юношескимъ характеромъ своего образованія, хранится очень много словъ, картинно-изображающихъ существо предметовъ. А въ ново-Китайскомъ въ этомъ отношеніи оказывается даже излишекъ образованія, такъ сказать, переростъ, принадлежащій лишь позднѣйшему умственному развитію. Въ словахъ, составленныхъ такимъ образомъ изъ двухъ стихій, очень часто видишь больше игры остроумія, чѣмъ истинно-поэтическаго описанія предметовъ, которые въ нихъ нерѣдко скрываются, какъ въ загадкахъ (*). Другія сложныя съ перваго взгляда кажутся чрезвычайно странными: *два противоположныя понятія*, соединяясь между собою, выражаютъ понятіе общее, совмѣщающее въ себѣ обѣ противоположности: такъ *младшіе и старшіе братья*, *высокія и низкія горы* употребляются въ смыслѣ *братьевъ*, *горъ* вообще. Въ такихъ случаяхъ общность понятія, заключающаяся въ опредѣленныхъ границахъ, наглядно обозначается противоположными крайностями, такъ-что устраняется всякая возможность исключенія. Говоря собственно, слова этого рода составляютъ болѣе ораторскую фигуру, нежели способъ образованія словъ. Но въ языкѣ, въ которомъ сами по себѣ чисто-грамматическія выраженія такъ часто приходится вносить въ содержаніе рѣчи матеріально, эти обороты не безъ основанія можно причислять къ образованію словъ. Впрочемъ, такія слово-

(*) Сенъ-Жюльенъ, въ Парижѣ, первый обратилъ вниманіе на эту, такъ-сказать, поэтическую терминологію, которая требуетъ особеннаго и продолжительнаго изученія, безъ чего она можетъ вводить въ величайшія недоразумѣнія.

сложенія встрѣчаются изрѣдка во всѣхъ языкахъ; въ Санскритскомъ объ нихъ напоминаетъ часто-встрѣчающееся въ философскихъ стихотвореніяхъ sthâwara-jangamam. Но въ Китайскомъ къ тому присоединяется еще обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ случаевъ для общаго понятія вовсе нѣтъ простаго слова, и потому по-необходимости должно употреблять такія описанія. Такъ напр. отношенія по возрасту нельзя отдѣлить въ выраженіи отъ слова *братъ*, и можно сказать только *старшіе и младшіе братья*, а *братъ* вообще — нельзя. Это ведетъ свое начало, вѣроятно, изъ временъ прежней необразованности. Желаніе представить въ словѣ предметъ съ его качествами наглядно и отсутствіе отвлеченія заставляютъ покидать общія выраженія, обнимающія собою нѣсколько различій; индивидуальное чувственное воззрѣніе предускоряетъ общія воззрѣнія ума. Это явленіе часто встрѣчается и въ языкахъ Американскихъ. Совсѣмъ съ противоположной стороны, именно по искусственно-изобрѣтенной разсудкомъ методѣ, этотъ родъ словосложенія въ Китайскомъ отличается еще тѣмъ, что симметрическое расположеніе понятій, имѣющихъ между собою опредѣленныя отношенія, считается преимуществомъ и украшеніемъ слога, къ чему содѣйствуетъ и свойство письма, замыкающаго въ одинъ знакъ каждое понятіе. Потому такія понятія стараются съ намѣреніемъ вводить въ рѣчь, и Китайская риторика создала для этого особенное ученіе, и никакой родъ отношенія не способенъ столько, какъ отношеніе чистой противоположности, выставлять въ языкѣ контрасты понятій. Въ *старинномъ* Китайскомъ *стилѣ* сложныя слова вовсе не употрбляются, потому-ли, что въ древнѣйшія времена еще не дошли до этого способа образованія словъ, что̀ при нѣкоторыхъ родахъ ихъ очень понятно, или потому-что этотъ строгій стиль нѣкоторымъ образомъ вообще не любилъ поддерживать напряженіе ума помощію языка, и потому исключилъ этотъ родъ словъ изъ своего круга.

Барманскій языкъ я могу здѣсь миновать, потому-что вы-

ше, при общей характеристикѣ его строенія, уже было показано, какъ посредствомъ присовокупленія подобозначущихъ или тѣснѣе опредѣляющихъ корней изъ односложныхъ образуются многосложныя слова.

Въ *Малайскихъ* языкахъ, по отдѣленіи *аффиксовъ* весьма часто, можно сказать, даже большею частію остается *двусложный корень*, нераздѣлимый болѣе въ грамматическомъ отношеніи къ составу рѣчи. Да и тамъ, гдѣ онъ бываетъ *односложный*, онъ весьма часто, а въ Тагальскомъ даже обыкновенно *удвояется*. Потому нерѣдко случается встрѣчать упоминанія о *двусложномъ строеніи* этихъ языковъ. Между-тѣмъ донынѣ, сколько я знаю, нигдѣ не было предпринято разложенія состава словъ въ этихъ языкахъ. Я попробовалъ сдѣлать это, и если еще не успѣлъ отдать полнаго отчета о свойствѣ стихій всѣхъ этихъ словъ, то по-крайней-мѣрѣ убѣдился, что въ весьма многихъ случаяхъ *каждый* изъ двухъ соединяемыхъ *слоговъ* можно найти въ языкѣ въ качествѣ *односложнаго* корня и что можно понять и причины ихъ соединенія. Если можно достигнуть этого при нынѣшнихъ недостаточныхъ средствахъ и при нашихъ скудныхъ познаніяхъ, то, конечно, можно заключить о дальнѣйшемъ распространеніи этого начала и *о первоначальной односложности* этихъ языковъ. Больше трудности представляютъ слова, оканчивающіяся гласною, но и они, вѣроятно, объяснятся будущими изслѣдованіями. Теперь очевидно уже то, что *послѣдніе слоги* Малайскихъ двусложныхъ корней нельзя считать за *аффиксы*, прикладываемые къ знаменательнымъ словамъ, но что въ нихъ оказываются настоящіе *корни*, совершенно однородные съ корнями первыхъ слоговъ: ибо они то встрѣчаются *первыми слогами* сложныхъ, то являются въ языкѣ совершенно *отдѣльно*. А *односложные* корни по большей части надобно отыскивать въ ихъ *удвоеніяхъ*.

Изъ этого свойства двусложныхъ словъ, съ перваго взгляда кажущихся простыми, и однако возводимыхъ къ односложнымъ корнямъ, обнаруживается направленіе языка къ *много-*

сложности не интеллектуальнаго только свойства, но, какъ видно изъ множества удвоеній, отчасти и *фонетическаго.* Совокупляемые слоги больше, чѣмъ въ Барманскомъ, на самомъ дѣлѣ смыкаются въ *одно слово*, такъ-какъ здѣсь соединяетъ ихъ между собой удареніе. Въ Барманскомъ языкѣ каждое односложное слово имѣетъ на себѣ свое удареніе и сохраняетъ его въ сложеніи съ другими. Чтобы цѣлое реченіе, составляющееся такимъ образомъ, имѣло одно общее удареніе, которымъ-бы держались въ совокупности всѣ его слоги, это никѣмъ не было замѣчено и при ощутительномъ отдѣленіи слоговъ въ выговорѣ даже невозможно. Въ Тагальскомъ многосложное слово всегда имѣетъ удареніе, которымъ возвышается, либо понижается предпослѣдній слогъ; но *перемѣной буквъ* словосложеніе здѣсь не сопровождается.

Двусложность Семитическихъ корней совсѣмъ инаго рода, чѣмъ разсмотрѣнная выше: она неотдѣлимо *вросла* въ лексикальное и грамматическое *строеніе*. Она составляетъ существенную часть *характера* языковъ этого племени и не можетъ быть выпущена изъ виду, коль-скоро дѣло идетъ объ ихъ происхожденіи, образованіи и вліяніи. При всемъ томъ можно считать дѣломъ рѣшеннымъ, что и эта многосложная система основана на первоначальной *односложной*, которой ясные слѣды можно замѣчать еще и въ нынѣшнемъ языкѣ. Это признано нѣсколькими знатоками Семитическихъ языковъ, именно *Михаэлисомъ*, и уже прежде его, а *Гезеніусомъ* и *Эвальдомъ* развито и опредѣлено обстоятельнѣе (*). Есть, говоритъ Гезеніусъ, цѣлые ряды коренныхъ глаголовъ, въ которыхъ только *двѣ первыя согласныя одинаковы*, а третьи совершенно различны, и которыя однако сходны между собой по значенію, по-крайней-мѣрѣ въ главномъ понятіи. Онъ называетъ только преувеличен-

---

(*) Gesenius hebraisches Handwörterbuch I, стр. 132. II. Vorrede, стр. XIV. Его-же Geschichte der hebraischen Sprache und Schrift, стр. 125, и особенно его Ausführliches Lehrgebäude der hebraischen Sprache, стр. 183 и слѣд. Ewald's kritische Grammatik der hebraischen Sprache, стр. 166, 167.

нымъ мнѣніе Каспара Неймана (умершаго въ началѣ прошлаго столѣтія), который хотѣлъ привести всѣ двусложные корни къ односложнымъ. Итакъ въ вышеупомянутыхъ случаяхъ нынѣшнія двусложныя коренныя слова имѣютъ въ основаніи корни, состоящіе изъ двухъ согласныхъ съ замкнутою между ними гласною: при позднѣйшей установкѣ языка къ нимъ, посредствомъ другой гласной, присовокуплена простая согласная. Это принималъ также *Клапротъ*, и въ особенномъ разсужденіи выставилъ много такихъ рядовъ, на которые указалъ Гезеніусъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мѣтко раскрылъ, какъ односложные корни, бывъ освобождены отъ третьей согласной, очень часто вполнѣ, или по большей части сходятся и по звуку и по значенію съ Санскритскими. *Эвальдъ* замѣчаетъ, что такое сравненіе корней, осторожно выполненное, повело-бы къ новымъ результатамъ, но прибавляетъ, что такая этимологія ведетъ въ древность за предѣлы собственно Семитическаго языка и Семитической формы. Въ послѣднемъ я съ нимъ совершенно согласенъ: по моему убѣжденію, съ каждой существенно-новой формой, какую пріобрѣтаетъ даже нарѣчіе одного и того-же народнаго племени въ-теченіе времени, дѣйствительно начинается новый языкъ.

По вопросу объ *объемѣ* происхожденія *двусложныхъ корней* изъ *односложныхъ* надобно прежде всего точно опредѣлить фактически, какъ далеко можетъ идти этимологическое разложеніе корней. А если останутся случаи, которыхъ нельзя возвести къ односложности, то вину этого можно, конечно, приписывать потерѣ членовъ, нужныхъ для полноты рядовъ. Но мнѣ кажется даже на общихъ основаніяхъ необходимымъ допустить, что системѣ расширенія всѣхъ корней до двухъ слоговъ непосред-

(*) Observations sur les racines des langues Sémitiques. Это разсужденіе составляетъ прибавленіе къ сочиненію *Меріана:* Principes de l'étude comparative des langues, изданному вскорѣ послѣ смерти автора (сконч. 25 апр. 1828). По несчастному случаю, сочиненіе Меріана вскорѣ послѣ изданія вышло изъ книжной торговли. Вслѣдствіе того и разсужденіе Клапрота успѣли получить лишь немногіе.

ственно предшествовала не *совершенно односложная* система, а смѣшеніе *односложныхъ* и *двусложныхъ* формъ слова. Перемѣны въ языкахъ отнюдь не должно представлять такими насильственными, или по-крайней-мѣрѣ такъ теоретически, чтобы народу (или, все равно, языку) вдругъ навязалось новое начало образованія, котораго до-тѣхъ-поръ вовсе не было примѣровъ. Напротивъ надобно, чтобы до того уже были подобные случаи, и въ достаточномъ количествѣ, если нужно было распространять въ языкѣ извѣстныя звуковыя свойства посредствомъ грамматическаго законодательства, которое, навѣрное, вообще сильнѣе въ исключеніи прежнихъ формъ, чѣмъ во введеніи новыхъ. Ради одного общаго положенія, что корень всегда долженъ быть односложенъ, я никакъ не рѣшусь отрицать первоначальную двусложность. Объ этомъ я уже ясно отозвался выше. Если-же я потомъ самую двусложность объясняю словосложеніемъ, принимая два слога за совокупное представленіе двухъ-же впечатлѣній, то словосложеніе это могло уже содержаться въ самомъ умѣ того, кто въ первый разъ изрекъ слово. Здѣсь это тѣмъ болѣе возможно, что дѣло идетъ о народномъ племени, одаренномъ чувствомъ флексіи. Въ Семитическихъ языкахъ привходитъ даже еще одно важное обстоятельство. Если уничтоженіе закона двусложности ставитъ насъ за предѣлы нынѣшняго строенія языка, то все-же и здѣсь остается два другіе характеристическіе признака, именно то, что коренной слогъ, къ которому приводитъ разложеніе нынѣшнихъ словъ, всегда *замыкался согласною* и что *гласная* считалась за *ничто* относительно вещественной знаменательности слова. Еслибы промежуточная гласная дѣйствительно имѣла значеніе, то было-бы невозможно отнять у нея эту знаменательность. Объ отношеніи гласныхъ къ согласнымъ въ этихъ односложныхъ корняхъ я говорилъ уже выше (*). Съ другой стороны, и прежнее образованіе языка могло придти къ выраженію *двой-*

(*) См. выше, § 23.

наго впечатлѣнія двумя совокупленными слогами. *Флексивное чувство* заставляетъ принимать слово за цѣлое, въ которомъ совмѣщается разное, и наклонность вносить грамматическіе намеки въ нѣдра самаго слова должна была повести къ расширенію его объема. На изложенныхъ здѣсь основаніяхъ, которыя кажутся мнѣ нисколько не натянутыми, можно-бы даже защищать мнѣніе о *двусложности* наибольшей части первоначальныхъ Семитическихъ корней. Одинаковое значеніе первыхъ слоговъ во многихъ изъ нихъ доказывало-бы только одинаковость главнаго впечатлѣнія разныхъ предметовъ. Мнѣ-же представляется естественнѣе допустить бытіе *односложныхъ* корней, только не исключая уже совмѣстнаго существованія корней *двусложныхъ*. Нельзя не пожалѣть, что извѣстныя мнѣ изслѣдованія о Семитическихъ корняхъ не простираются и на *значеніе третьихъ* согласныхъ, прибавленныхъ къ предыдущимъ двумъ одинаковымъ согласнымъ. Только такое, конечно, въ высшей степени трудное изслѣдованіе могло-бы вполнѣ разъяснить этотъ предметъ. А если-бы и всѣ Семитическія слова мы приняли за *сложныя*, то все-же съ перваго взгляда видно, что это словосложеніе совсѣмъ инаго рода, чѣмъ въ вышеупоминаемыхъ языкахъ. Въ послѣднихъ *каждый членъ* словосложенія есть *особенное слово*. Если-же въ нихъ, по-крайней-мѣрѣ въ Барманскомъ и Малайскомъ, есть даже такіе случаи, въ которыхъ слагаемыя слова не употребляются сами-по-себѣ отдѣльно, а являются только въ сложеніи, то все-же это явленіе есть слѣдствіе уже дальнѣйшаго употребленія языка. А въ нихъ самихъ собственно нѣтъ никакого препятствія ихъ самостоятельности, и прежде они даже навѣрное были особенными словами, и только потому вышли изъ употребленія въ качествѣ отдѣльныхъ словъ, что по своему значенію по-преимуществу годны были служить модификаціями понятій въ словосложеніяхъ. А въ Семитическихъ темахъ *второй слогъ* не могъ-бы стоять *самъ-по-себѣ* отдѣльно, потому-что онъ, съ предшествующею гласной и слѣдующей за нею согласной, вовсе не имѣетъ над-

лежащей формы ни имени ни глагола. Изъ этого ясно видно, что для Семитическаго образованія двусложныхъ темъ лежитъ въ духѣ народа совсѣмъ иное основаніе, чѣмъ въ Китайскомъ и другихъ языкахъ, сходныхъ съ нимъ въ этой части строенія. Въ Семитическихъ языкахъ не *два слова складываются*, а, съ очевидной заботой о единствѣ слова, *одно образуется* посредствомъ *расширенія* объема. И въ этомъ отношеніи Семитическое племя языковъ обнаруживаетъ свою благороднѣйшую форму, которая больше соотвѣтствуетъ требованіямъ разумнаго такта языка, и вмѣстѣ вѣрнѣе и свободнѣе содѣйствуетъ успѣхамъ мышленія.

Немногіе *многосложные корни въ Санскритскомъ языкѣ* приводятся къ *односложнымъ*, отъ которыхъ, по теоріи Индійскихъ грамматиковъ, происходятъ всѣ прочія слова. Такимъ образомъ Санскритскій не знаетъ другой *многосложности*, кромѣ производимой грамматическимъ *наращеніемъ*, или очевиднымъ *словосложеніемъ*. Выше было уже замѣчено (§ 13), что грамматики можетъ-быть заходятъ слишкомъ далеко: въ числѣ словъ неизвѣстнаго происхожденія, не производимыхъ отъ корней естественнымъ образомъ, есть и такія *двусложныя*, которыхъ происхожденіе остается сомнительнымъ, потому-что въ нихъ не видно ни производства, ни сложенія. Вѣроятно, впрочемъ, что и въ нихъ скрывается послѣднее, но такъ, что не только первоначальное значеніе ихъ отдѣльныхъ *стихій* изчезло въ памяти народа, но и самый звукъ этихъ стихій потерпѣлъ утраты, дѣлающія ихъ похожими только на *суффиксы*. Къ тому и другому должно было мало-по малу привести самое начало всеобщаго производства, принятое грамматиками. Но есть и такія многосложныя (именно въ разрядѣ словъ Unâdi), въ которыхъ дѣйствительно можно признать *словосложеніе*....

И такъ на вопросъ о томъ, остаются-ли въ Санскритскихъ словахъ, по отдѣленіи всѣхъ *аффиксовъ*, *двусложныя* или *многосложныя простыя слова*, конечно, надобно отвѣчать утвердительно, потому-что въ немъ дѣйствительно встрѣчаются слова, въ

которыхъ послѣдній членъ нельзя съ достовѣрностью принять за суффиксъ, приложенный къ корню. Но простота такихъ словъ, навѣрное, только наружная. Они, безъ сомнѣнія, *сложныя слова*, въ которыхъ значеніе одной стихіи утратилось.

Кромѣ *видимой многосложности*, нѣтъ-ли въ Санскритскомъ еще другой, *потаенной?* Дѣло въ томъ, что можетъ подлежать сомнѣнію, не сдѣлались-ли изъ первоначальныхъ *двусложныхъ односложными*, корни, начинающіеся двумя согласными и особенно оканчивающіеся согласными, первые посредствомъ сжатія звуковъ, вторые посредствомъ опущенія конечной гласной? Эту мысль я высказалъ уже въ одномъ изъ прежнихъ разсужденій (*), говоря о Барманскомъ языкѣ. Простое строеніе слоговъ съ *конечною гласною*, которому остались по большей части вѣрны многіе изъ языковъ восточной Азіи, кажется самымъ естественнымъ; а такимъ образомъ корни, кажущіеся нынѣ односложными, могли быть собственно двусложными въ прежнемъ языкѣ, составляющемъ основаніе нынѣ намъ извѣстнаго, или въ первобытномъ состояніи того-же языка. *Конечная согласная* была-бы въ такомъ случаѣ *начальною согласною* новаго слога, или *другаго слова*. Этотъ послѣдній членъ нынѣшнихъ корней былъ-бы, смотря по духу языка, или ближайшимъ опредѣленіемъ *главнаго понятія* посредствомъ особаго *оттѣнка*, или членомъ настоящаго *сложнаго* изъ двухъ самостоятельныхъ словъ. Такимъ образомъ въ Барманскомъ напр. оказалось-бы явное словосложеніе на почвѣ нынѣ уже незамѣтнаго. Всего прямѣе къ этому открытію повели-бы корни съ промежуточной простою гласной между одинаковыми согласными въ началѣ и въ концѣ. Въ Санскритскомъ, за исключеніемъ развѣ *dad*, которое вообще объясняется, можетъ быть, иначе, такіе корни имѣютъ значеніе, способное къ выраженію посредствомъ редупликаціи: они означаютъ равномѣрно-продолжающееся состояніе, какъ напр. kak, jaj, s'as'—сильное движеніе, lal—же-

(*) Nouv. Journ. Asiat. IX. 500—506.

ланіе, вождѣленіе, sas — спать. Подражанія звукамъ смѣха: kakk, khakkh, ghaggh, въ ихъ происхожденія, вѣроятно, надобно представлять повтореніемъ полнаго слова. Можетъ-ли анализъ уйдти этимъ путемъ много дальше, я считаю сомнительнымъ, и полагаю, что эта конечная согласная легко могла быть искони только окончательнымъ звукомъ. Даже въ Китайскомъ, который въ Мандаринскомъ и книжномъ языкѣ вовсе не допускаетъ настоящихъ согласныхъ на концѣ словъ, провинціальныя нарѣчія допускаютъ прибавку такихъ окончательныхъ согласныхъ въ словахъ, оканчивающихся гласною.

Въ другомъ отношеніи, вѣроятно и въ другомъ смыслѣ, *Лепсіусъ* (*) доказывалъ *двусложность* всѣхъ Санскритскихъ *корней, оканчивающихся согласною*. Необходимость такого положенія въ его послѣдовательной и остроумной системѣ выводится изъ того, что въ Санскритскомъ вообще господствуетъ только раздѣленіе на слоги и что недѣлимый слогъ въ дальнѣйшемъ образованіи корня можетъ произвесть изъ себя не отдѣльную букву, а опять только недѣлимый слогъ. Авторъ настаиваетъ, что звуки флексій должно принимать только за органическое развитіе корней, а не за случайныя вставки и прибавки буквъ, и такимъ образомъ вопросъ сводится къ тому, надобно-ли напр. въ bôdhâmi букву *a* считать конечною гласною слова budha, или только придаточною гласною, случайно-прибавляемою къ корню budh въ спряженіи? Для нашего предмета важно особенно значеніе кажущейся или дѣйствительной конечной согласной. А такъ-какъ авторъ въ этой части сочиненія занимается только вокализмомъ, то онъ и не высказываетъ здѣсь мнѣнія касательно нашего вопроса. Потому я замѣчу только, что если мы и не будемъ употреблять выраженія: «дальнѣйшее развитіе корня», а вмѣсто этого топическаго выраженія будемъ говорить о вставкѣ и прибавкѣ звуковъ, то все-же, при правильномъ воззрѣніи, будетъ устранено всякое уча-

(*) См. его Palaeographie, стр. 61—74, § 47—52, стр. 91—93, № 25—30 и особенно стр. 83, прим. 1.

стіе произвола въ образованіи языка, потому-что и самыя приставки и вставки всегда дѣлаются согласно съ органическими законами и по ихъ требованію.

Въ языкахъ, какъ мы видѣли, къ *конкретному понятію* иногда присовокупляется его *родовое*: такъ-какъ это одинъ изъ главныхъ путей, коими въ односложныхъ языкахъ могутъ возникать двусложныя слова, то я долженъ еще разъ остановиться на этомъ. Въ названіяхъ *естественныхъ предметовъ*, которые очень видимо дѣлятся на классы, какъ напр. растенія, животныя и т. д., такіе примѣры часты во всѣхъ языкахъ. Но въ нѣкоторыхъ два такія понятія иногда соединяются совсѣмъ не по-нашему: объ этихъ-то соединеніяхъ я хочу здѣсь сказать. Дѣло въ томъ, что къ конкретному предмету не всегда присоединяется именно настоящее родовое понятіе, а иногда только названіе вещи, содержащей въ себѣ такое понятіе только въ какомъ-нибудь *общемъ сходствѣ*; такъ напр. понятіе протяженной длины соединяется съ словами: ножъ, мечь, копье, веревка, борозда и т. д., такъ-что присоединеніемъ такихъ словъ ставятся въ одинъ разрядъ самые разнородные предметы, лишь потому, что между ними есть хотя какое-нибудь общее свойство. Если такимъ образомъ эти соединенія словъ свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о чувствѣ логическаго порядка, то еще сильнѣе здѣсь выказывается досужесть живаго воображенія, какъ напр. когда въ Барманскомъ *рука* служитъ родовымъ понятіемъ всякаго рода орудій, огнестрѣльнаго оружія, равно и долота. Говоря вообще, этотъ родъ выраженія состоитъ въ изображеніи предметовъ, то облегчающемъ разумѣніе, то увеличивающемъ наглядность. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ можетъ быть основанъ на дѣйствительной необходимости *уясненія*, хотя-бы это теперь было уже неощутительно. Мы всегда далеки отъ *основнаго значенія* словъ. Что собственно значитъ во всѣхъ языкахъ *огонь*, *вода*, *человѣкъ* и т. п., то для насъ, съ немногими исключеніями, только условный звукъ. Что-же служило основаніемъ, — первобытный взглядъ народа на пред-

меты по ихъ качествамъ, опредѣлившимъ ихъ словесное обозначеніе,—то остается для насъ чуждымъ. А тутъ-то именно и могутъ быть прибавки *родовыхъ понятій*, для необходимаго уясненія. Если положимъ, напр., что Китайское ji, *солнце* и *день*, значило первоначально *теплоту* и *свѣтъ*, то къ нему непремѣнно нужно было прибавить tseoù—названіе вещественнаго, шарообразнаго предмета, чтобы разумѣть не въ воздухѣ распространенную теплоту и ясность, а грѣющее и свѣтящее небесное тѣло. По такой-же причинѣ можно было потомъ, съ прибавленіемъ tseù, посредствомъ другой метафоры, назвать день *сыномъ тепла и свѣта*. Весьма замѣчательно, что помянутыя выраженія принадлежатъ только *новѣйшему*, но не свойственны *старому Китайскому стилю*, тогда-какъ заключающійся въ нихъ, по нашему объясненію, образъ представленія кажется болѣе первоначальнымъ. Это располагаетъ думать, что такія выраженія составлялись съ цѣлію устранить недоразумѣнія, которыя могли происходить отъ употребленія одного и того-же слова для выраженія разныхъ понятій или письменныхъ знаковъ. Ужели-же именно въ позднѣйшее время языкъ подражалъ еще метафорическому способу выраженія? Скорѣе, не употреблялъ-ли онъ для достиженія чисто-разсудочныхъ цѣлей такихъ-же средствъ, и потому напр. не составилъ-ли названіе *дня* уже не изъ понятія о родствѣ, а какъ-нибудь иначе?

Объ этомъ я не могу отказаться отъ сомнѣнія, которое и прежде не разъ возникало во мнѣ при сравненіи *стараго* и *новаго стиля*. *Старый* намъ знакомъ *только* изъ *сочиненій*, и то большею частію философскихъ. *О разговорномъ языкѣ* того времени мы ничего не знаемъ. Изъ того, что мы теперь приписываемъ новѣйшему стилю, не было-ли иное и даже многое въ ходу уже въ древнемъ, именно въ разговорной рѣчи? Одинъ фактъ, мнѣ кажется, дѣйствительно говоритъ въ пользу этого. Старѣйшій стиль — koù wên — содержитъ въ себѣ небольшое число *частицъ*, если исключить совокупленія нѣсколькихъ; въ новѣйшемъ стилѣ—kouân hoá—ихъ гораздо больше, особенно та-

кихъ, которыя точнѣе опредѣляютъ грамматическія отношенія. Какъ-бы третьимъ стилемъ, существенно-отличнымъ отъ обоихъ, надобно считать стиль *историческій*—wên tchang; и этотъ весьма скупо употребляетъ частицы, даже почти вовсе избѣгаетъ ихъ употребленія. И между-тѣмъ историческій стиль начинается хотя и позднѣе старшаго, однако уже лѣтъ за двѣсти до нашего лѣтосчисленія. По обыкновенному ходу образованія языковъ, это разное обращеніе съ такой важной, вдвойнѣ важной въ Китайскомъ, частью рѣчи рѣшительно необъяснимо. Если-же допустимъ, что эти *три стиля* составляютъ только *три обработки одного и того-же разговорнаго языка* для разныхъ цѣлей, то оно очень понятно. Большее обиліе частицъ, естественно, принадлежало разговорному языку, который очень расположенъ снабжать рѣчь новыми прибавками для ея вразумительности и въ этомъ отношеніи не отказывается даже отъ кажущагося ненужнымъ. Старшій стиль, предполагая больше умственнаго напряженія уже самымъ свойствомъ развиваемаго имъ предмета, уменьшалъ употребленіе частицъ для большей ясности, но находилъ въ нихъ хорошее средство давать рѣчи, посредствомъ обозначенія различія между понятіями и предложеніями, симметрическое расположеніе, соотвѣтствующее внутреннему логическому порядку мыслей. Историческій слогъ принимаетъ тоже основаніе избѣгать множества частицъ, но онъ не находитъ основанія опять допускать ихъ для другой цѣли. Онъ назначался для серьезныхъ читателей, но содержалъ простые разсказы о легко-понятныхъ предметахъ. Отъ этого-то различія происходитъ, что историческія сочиненія обходятся даже безъ обыкновенной конечной части (yè) при переходѣ отъ одного предмета къ другому. Новѣйшій стиль драматическихъ сочиненій, романовъ и легкихъ стихотвореній, изображая общество и его жизнь, вводя разговаривающія лица, долженъ былъ допустить всю ткань живаго разговора, а потому и весь запасъ частицъ.

Возвращаюсь послѣ этого отступленія къ приставкѣ *родо-*

выхъ выраженій, посредствомъ которой происходятъ въ языкахъ *односложныхъ* повидимому *двусложныя слова*: разумѣю выраженія для *простыхъ понятій*, въ обозначеніи которыхъ отдѣльные слоги принимаютъ участіе не какъ отдѣльные, а какъ употребляемые только въ совокупности. Такія двусложныя могутъ являться двоякимъ образомъ: или *относительно* къ позднѣйшей понятности ихъ, или дѣйствительно сами-по-себѣ, *безотносительно*. Происхожденіе родоваго выраженія можетъ изгладиться въ памяти народа, и оттого самое выраженіе можетъ сдѣлаться *ничего незначащею прибавкой*. Тогда понятіе цѣлаго слова хотя дѣйствительно содержится *въ обоихъ слогахъ* вмѣстѣ, но оно только по *отношенію* къ намъ не слагается изъ значеній каждаго слога порознь. Но и при *извѣстности значенія* и при частомъ употребленіи, приставка, какъ-бы по какому-то безсмысленному употребленію, можетъ придаваться предметамъ, къ которымъ она не имѣетъ никакого отношенія, такъ-что въ этомъ *соединеніи* она опять должна являться *безъ значенія*. Тогда понятіе цѣлаго слова содержится въ совокупности *обоихъ слоговъ* и значеніе его уже *безусловно* не можетъ происходить изъ соединенія смысла того и другаго слога порознь. Что оба эти два рода двусложности могутъ происходить вслѣдствіе перехода словъ изъ одного языка въ другой, понятно само-собою. Особый родъ такихъ сложеній, частію еще объяснимыхъ, частію уже необъяснимыхъ, въ нѣкоторыхъ языкахъ навязывается рѣчи совокупленіемъ *чиселъ* съ *конкретными предметами*. Мнѣ извѣстны четыре языка, въ которыхъ приложеніе этого закона имѣетъ замѣчательный объемъ: это языки Китайскій, Барманскій, Сіамскій и Мексиканскій. Навѣрное онъ дѣйствуетъ и во многихъ другихъ языкахъ, а отдѣльные примѣры такого рода, безъ сомнѣнія, есть во всѣхъ языкахъ, не исключая и Нѣмецкаго. Въ этомъ употребленіи дѣйствуютъ, какъ мнѣ кажется, двѣ причины: во-первыхъ, обыкновенная придача родоваго понятія, о какой я сейчасъ говорилъ, и, во-вторыхъ, особенное свойство нѣкоторыхъ предметовъ при счетѣ ихъ; когда для

нихъ нѣтъ дѣйствительной мѣры, то для счета изобрѣтаются искусственныя единицы ихъ, подобно тому, какъ говорятъ: *вязка сѣна, четыре вилки капусты* и т. п.; или общимъ словомъ, присоединяемымъ къ числу, какъ-бы хотятъ уничтожить различіе между считаемыми предметами, какъ напр. въ выраженіи: *четыре головы скота* теряютъ свое различіе коровы, овцы, лошади. Изъ выше названныхъ языковъ ни въ одномъ нѣтъ этого употребленія въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Бармайскомъ. Кромѣ большаго количества уже установившихъ выраженій для извѣстныхъ классовъ, говорящій всегда можетъ употреблять такимъ образомъ каждое слово, которое можетъ совмѣщать подъ собою нѣсколько предметовъ по выраженному имъ сходству, и наконецъ есть еще всеобщее слово (hku), приложимое ко всѣмъ предикатамъ всякаго рода. Что касается способа образованія такихъ сложныхъ, то, кромѣ разницъ, зависящихъ отъ величины числа, конкретное слово составляетъ въ нихъ первый членъ, число—средній, а родовое выраженіе—последній членъ. Если конкретный предметъ какъ-нибудь извѣстенъ тому, къ кому обращается рѣчь, то говорящій употребляетъ только родовое выраженіе. При вышепоказанномъ множествѣ разсматриваемыхъ приставокъ, такія сложныя, особенно въ разговорѣ, должны встрѣчаться очень часто, тѣмъ болѣе, что одно уже употребленіе единицы въ смыслѣ неопредѣленнаго члена должно производить ихъ много (*). Такъ-какъ нѣкоторыя изъ родовыхъ понятій выражаются словами, при которыхъ невозможно угадать какое-нибудь отношеніе къ конкретнымъ предметамъ, или которыя, кромѣ этого употребленія, не имѣютъ никакого значенія, то эти числительныя слова въ грамматикахъ называются частицами. Но первоначально всѣ они—существительныя.

(*) См. объ этомъ: Burnouf, Nouv. Journ. Asiat. IV. 221. Low, Сіамская грамм., стр. 21; 66—70. Carey, Бармайская грамм., стр. 120—141, § 10—56. Rémusat, Китайская грамм., стр, 50, № 113—115, стр. 116, № 309—310, Asiat. res. X. 245.

Изо всего, сказаннаго здѣсь, выходитъ, что если *Китайскій* и *Санскритскій* языки принимать за *крайнія точки*, то въ языкахъ, занимающихъ мѣсто *между* этими точками, какъ въ *разрозниваюшихъ слоги*, такъ и достигающихъ *соединенія ихъ несовершенно*, господствуетъ *постепенное стремленіе* къ болѣе явному *обозначенію грамматическихъ отношеній* и къ болѣе *вольному объему слоговъ* въ словѣ. Не выводя отсюда заключеній о такой-же *исторической постепенности* между языками, я довольствуюсь тѣмъ, что выставилъ здѣсь *это явленіе вообще* и показалъ нѣкоторые его *виды*.

Перев. съ Нѣмецк. **И. БИЛЯРСКІЙ.**

О СОСТОЯНІИ ЖИВОПИСИ

ВЪ СѢВЕРНОЙ ЕВРОПѢ ОТЪ КАРЛА ВЕЛИКАГО ДО НАЧАЛА РОМАНСКОЙ ЭПОХИ.

(IX и X столѣтія).

Состояніе живописи въ сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи (IX-го и X-го столѣтія по Р. X.) есть одинъ изъ самыхъ интересныхъ и темныхъ вопросовъ исторіи искусства. Источники для познанія этихъ двухъ вѣковъ очень скудны. Письменныя извѣстія лѣтописцевъ или разныя указанія, находимыя въ житіяхъ святыхъ, въ древне-христіанскихъ стихотвореніяхъ и въ письмахъ знаменитыхъ мужей того времени, очень отрывочны и неполны. Собранныя новѣйшими писателями въ разныхъ сочиненіяхъ (1), они даютъ неудовлетворительное понятіе о школахъ, стилѣ, стремленіяхъ и направленіяхъ тогдашней живописи. Кромѣ книжнаго знакомства съ предметомъ, исторія искусства требуетъ еще нагляднаго знакомства съ памятниками. Но, къ-сожалѣнію, этому требованію трудно удовлетворить. Сѣверная Европа еще бѣднѣе памятниками живописи этой эпохи, чѣмъ извѣстіями писателей. Она не имѣетъ, подобно Риму, катакомбъ, въ которыхъ сохранились-бы остатки стѣнной живописи IV-го

(1) *Eméric David*, Histoire de la peinture au moyen-âge. Paris, 1842. *Augusti*, Analekten zur christlichen Kunstgeschichte въ его-же Beiträge zur christlichen Kunstgeschichte. Leipzig, 1841. *Kugler*, Handbuch der Geschichte des Malerei. Berlin, 1847, 2 Th. и т. д.

и V-го вѣковъ: древнѣйшія ея фрески едва-ли восходятъ ранѣе XII-го вѣка (2). Она не имѣетъ, подобно Риму, Константинополю и Венеціи, огромнаго и продолжительнаго ряда мозаикъ, которыя, въ нетлѣнномъ матеріалѣ, служатъ документами для развитія живописи отъ IV-го до XVI-го вѣка. Сѣверная Европа вовсе не сохранила подобныхъ памятниковъ, кажется, созданныхъ для вѣчности: даже мозаика, сдѣланная по повелѣнію Карла Великаго и украшавшая нѣкогда сводъ построенной имъ дворцовой церкви въ Ахенѣ, дошла до насъ только въ плохомъ рисункѣ (3). О существованіи картинъ, писанныхъ па доскахъ, изъ этого періода нельзя и думать. Много внѣшнихъ причинъ содѣйствовали этому уничтоженію важнѣйшихъ произведеній искусства въ сѣверной Европѣ: невѣжество, частыя измѣненія вкуса, въ-особенности гибельныя для старинныхъ произведеній во-время возниканія готическаго стиля (4), въ эпоху возрожденія и въ XVIII-мъ вѣкѣ; протестантскій фанатизмъ и господство атеистической черни во время Французской революціи. Мы не могли-бы составить себѣ никакого нагляднаго представленія о живописи этой эпохи, еслибы, по-счастію, до насъ не дошелъ рядъ памятниковъ, которыхъ прилежное изученіе можетъ намъ возсоздать, по-крайней-мѣрѣ въ главнѣйшихъ чертахъ, искусство цѣлыхъ періодовъ и многихъ народовъ.

Миніатюры въ рукописяхъ среднихъ вѣковъ составляютъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ наслѣдій средневѣковаго искусства. Нѣтъ сомнѣнія, что украшеніе рукописей рисунками было въ употребленіи въ древности у древне-Азіатскихъ и классическихъ

---

(2) См. великолѣпное изданіе: Les peintures de J. Sarin, publiées par ordre du gouvernement, avec un texte de M. *Merimée*, in-fol.

(3) *Ciampini*, Vetera monimenta, Tom. II, tabl. XLI. *Leroux d'Agincourt*, Sammlung von Denkmälern der Architektur, Sculptur und Malerei. Atlas, tab. 17, № 12 (изданіе фонъ Кваста).

(4) Таковы были постройки аббата Сугерія, пересоздавшаго церковь Сенъ-Дени, оконченную при Карлѣ Великомъ; многочисленныя готическія перестройки въ Романскихъ церквахъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи.

народовъ (5); но въ рукописяхъ среднихъ вѣковъ до насъ дошелъ непрерывный рядъ картинъ, огромнѣйшая галерея въ свѣтѣ (6), составленная изъ произведеній всѣхъ образованныхъ Европейскихъ народовъ, которая обнимаетъ исторію живописи отъ IV-го до конца XVI-го вѣка. Она начинается языческими картинами къ Гомеру и Виргилію (7) и оканчивается Рафаэлемъ и Римскими маньеристами XVI-го вѣка (8). Уже со-временъ Монфокона поняли важность этихъ памятниковъ для изученія исторіи обычаевъ, одеждъ, вооруженія, сосудовъ, музыкальныхъ инструментовъ и т. д. (9). По нимъ составлены великолѣпнѣйшія изданія костюмовъ среднихъ вѣковъ (10). По нимъ новѣйшіе археологи намѣрены издать исторію измѣненія внѣшней формы разныхъ церковныхъ сосудовъ и принадлежностей западной церкви (11). Изъ нихъ орнаментика почерпнула самые счастливѣйшіе мотивы для своихъ прихотливыхъ созданій. По нимъ ученые старались возстановить внѣшнюю физіогномію

---

(5) Изображенія боговъ и сцены загробнаго суда, украшающія *книги усопшихъ* (rituel funéraire, Todtenbuch) на папирусахъ въ музеяхъ Берлина, Парижа и Турина, представляютъ любопытный образчикъ Египетскихъ миніатюръ. О миніатюрахъ у Римлянъ см. *Millin*, Dict. des beaux-arts, s. v. miniature.

(6) Въ одной императорской публичной библіотекѣ въ Парижѣ хранится болѣе 10,000 манускриптовъ съ миніатюрами. См. *Didron*, Des manuscrits à miniatures. Annales archéologiques. 1 Mars 1845, p. 165.

(7) Миніатюры къ Гомеровой Иліадѣ изъ III или IV вѣка сохраняются въ Амвросіанской библіотекѣ въ Миланѣ; см. Picturae antiquissimae bellum Iliacum representanter, ed. ab Angelo Maio. Mediolani, M. DCCC. XIX; къ Виргилію, изъ V вѣка, въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ; см. *Bunsen*, Beschreibung der Stadt Rom. 2 Th. p. 345.

(8) Миніатюры, писанныя Рафаэлемъ, были недавно найдены во Франціи. См. Athenaeum français, 1855, 23 Juin, p. 535. Миніатюры XVI и слѣдующихъ вѣковъ, при изобиліи монументальныхъ художественныхъ произведеній этого времени, не имѣютъ значенія для исторіи искусства.

(9) См. статьи по послѣднему предмету *Куземакера* въ разныхъ томахъ Дидроновыхъ Annales archéologiques.

(10) Напр. *Гефнера-фонъ-Альтенека*: Die Trachten des christlichen Mittelalters и т. д.

(11) Такъ готовятъ теперь въ Германіи къ изданію исторію алтаря, сосуда и т. п. См. тоже прекрасное изданіе: *Viollet-le-Duc*, Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque carlovingienne à la renaissance. Paris, Bauce.

давно-исчезнувшихъ съ лица земли народовъ (12). Но всѣ эти качества миніатюръ въ рукописяхъ имѣютъ для исторіи искусства только второстепенное значеніе. При невозвратной гибели монументальныхъ памятниковъ живописи изъ темныхъ эпохъ среднихъ вѣковъ, однѣ миніатюры могутъ вознаградить насъ за грустную потерю, знакомя насъ нагляднымъ образомъ не только съ манерою пониманія и воспроизведенія разныхъ представленій у разныхъ народовъ въ разныя эпохи, но и съ талантливѣйшими живописцами, ихъ манерою, разными школами и стилями разныхъ эпохъ. Обѣ эти стороны составляютъ идеальное единство въ исторіи и археологіи пластическихъ искусствъ. Самое существованіе миніатюръ въ рукописяхъ имѣетъ еще одно важное преимущество, которымъ всегда не пользуются ни картины, писанныя на доскахъ, ни фрески: эпоха ихъ происхожденія завѣрена годовыми числами, встрѣчающимися въ рукописяхъ, временемъ жизни лицъ, для которыхъ онѣ были написаны, палеографическими признаками рукописей и наконецъ повѣркою миніатюръ неизвѣстной эпохи миніатюрами точно-опредѣленнаго времени. Я часто буду имѣть случай говорить обо всѣхъ этихъ качествахъ миніатюръ.

Но если миніатюры въ-самомъ-дѣлѣ должны дополнить пробѣлъ въ исторіи неизвѣстныхъ эпохъ, отъ которыхъ до насъ не дошло произведеній въ большихъ размѣрахъ, то невольно возникаетъ вопросъ: какое ихъ отношеніе къ монументальной живописи? Не составляютъ-ли онѣ особаго класса произведеній, развившагося по собственнымъ законамъ, независимо отъ монументальной живописи? На всѣ эти вопросы, поднятые въ новѣйшее время, наука должна отвѣчать отрицательно, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями для отдаленнѣйшихъ временъ среднихъ вѣковъ. Главнѣйшее достоинство миніатюръ состоитъ именно въ томъ, что ихъ художественный характеръ въ об-

(12) Напр. Струттъ—Англо-Саксонцевъ. *Joseph Strutt*, l'Angleterre ancienne. Paris, 1789 г.

(13) *Schnaase*, Geschichte der bildenden Künste, 3-te Theil, p. 312.

щихъ чертахъ всегда вполнѣ соотвѣтствуетъ художественному характеру монументальной живописи извѣстной эпохи: въ нихъ одинаковое пониманіе и воспроизведеніе предметовъ и, что главное, тотъ-же стиль живописи. Нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ историческихъ, вполнѣ развитыхъ въ дѣлѣ искусства эпохъ, докажутъ эту мысль. Въ Парижской императорской публичной библіотекѣ сохраняется рукопись, извѣстная подъ именемъ: «Speculum humanae salvationis». Она содержитъ въ себѣ 160 картинъ, приписываемыхъ Таддео Гадди, ученику Джіотто. Стиль этихъ произведеній вполнѣ согласуется со стилемъ произведеній Джіотто и его школы, отлично-извѣстнымъ намъ по фрескамъ въ Santa Maria dell'Arena, въ Падуѣ, въ церкви Incoronata въ Неаполѣ, въ разныхъ церквахъ Флоренціи и т. д. (14). Тотъ, кто видѣлъ великолѣпныя миніатюры Аттаванте, писанныя имъ по порученію Матөея Корвина, короля Венгерскаго, напр. знаменитый Missale въ Брюссельской королевской библіотекѣ (15), безъ труда узнаетъ въ немъ Флорентійскаго живописца XV-го вѣка, воспитаннаго въ школѣ Доменико Гирландаіо. Кромѣ-того, намъ положительно извѣстно, что величайшіе живописцы среднихъ вѣковъ, напр. братья Фанъ-Эйкъ и Мемлингъ въ Нидерландахъ, Андреа Мантенья и Фьезоле въ Италіи, Албертъ Дюреръ и Гольбейнъ въ Германіи, Жакъ Фуке во Франціи, котораго лучшія произведенія находятся во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, занимались украшеніемъ рукописей произведеніями своей кисти. Художники самостоятельные, они въ стиль своихъ миніатюръ переносили художественный стиль своихъ монументальныхъ произведеній. Но, допуская вообще эту тожественность стиля монументальнаго со стилемъ

(14) См. описаніе этой рукописи у *Ваагена*, Kunstwerke und Künstler in Paris. Berlin, 1839. ст. 316.

(15) См. описаніе этой рукописи, которой миніатюры писаны въ 1485 г., въ Нѣмецкомъ переводѣ Вазари, сдѣланномъ Шорномъ, II. Band, 1-te Abth. p. 380. Жизнь этого художника не была достаточно извѣстна Вазари. Два письма отъ 1483 и 1484 г. напечатаны у *Bottari*, Lettere pittoriche, III. p. 328 и 329.

миніатюрной живописи, должно однако для отдаленнѣйшихъ и темнѣйшихъ временъ среднихъ вѣковъ сдѣлать нѣкоторыя ограниченія. Если мы допускаемъ и въ эти отдаленныя эпохи существованіе вполнѣ-выработавшихся національныхъ школъ живописи, съ отличительными особенностями въ воспроизведеніи художественныхъ предметовъ, то тѣмъ не менѣе въ одной и той-же странѣ, въ одно и то-же время, могутъ встрѣчаться миніатюры, созданныя подъ вліяніемъ чуждыхъ образцевъ. Причина этого явленія очень понятна. Рукописи съ миніатюрами привозились изъ центровъ тогдашней цивилизаціи; не только описывался ихъ текстъ, но и срисовывались картины (16). При необыкновенной дороговизнѣ и цѣнности рукописей, при затруднительности путей сообщенія, при множествѣ существовавшихъ тогда въ монастыряхъ копистовъ, число изданныхъ произведеній долженствовало быть очень велико. Поэтому, при изслѣдованіи исторіи и живописи избраннаго мною періода, надлежало руководствоваться, для опредѣленія времени и мѣста происхожденія миніатюръ рукописей, новыми и строгими правилами, которыхъ примѣненіе составляетъ предметъ настоящаго разсужденія.

Два обстоятельства послужили поводомъ этимъ изслѣдованіямъ: занимаясь исторіею живописи въ средніе вѣка, я нашелъ, что, не смотря на важныя услуги, оказанныя ей трудами Ваагена (17), Куглера и Шназе, въ ней остается еще много необработанныхъ частей. Говорятъ напр. обыкновенно, что въ Нидерландахъ живопись началась братьями Фанъ-Эйкъ, вышедшими изъ обширной школы миніатюристовъ XIV-го вѣка.

(16) См. *d'Aschery*, рядъ статей о библіотекахъ, рукописяхъ, каллиграфахъ, живописцахъ, продажѣ и цѣнѣ рукописей въ средніе вѣка въ Annales de la philosophie chrétienne, première série, tome XVII, XVIII et XIX. Также *von Quast*, Text zu dem Werke von Leroux d'Agincourt. 3-te Abth. p. 95. *Merryweather*, Bibliomania in the middle ages. London, 1849.

(17) Онъ изложилъ довольно подробную исторію живописи въ средніе вѣка по миніатюрамъ въ сочиненіи своемъ: Kunstwerke und Künstler in Paris. Berlin, 1839. Большое, написанное имъ объ этомъ предметѣ, сочиненіе, къ сожалѣнію, за недостаткомъ средствъ, до-сихъ-поръ еще не издано.

Но, спрашивается, какія же школы миніатюристовъ процвѣтали въ этой странѣ до появленія братьевъ Фанъ-Эйкъ? какое вообще было начало живописи въ Нидерландахъ? Во-вторыхъ, во время моего путешествія по Германіи и въ-особенности по Бельгіи, я имѣлъ счастіе открыть въ разныхъ книгохранилищахъ публичныхъ, частныхъ и церковныхъ, значительное число еще неописанныхъ и неизданныхъ миніатюръ, весьма важныхъ и увеличивающихъ матеріалы для исторіи живописи въ средніе вѣка. Библіотеки Трира, Гейдельберга, Ахена, Гента, Люттиха, Тонгра, Намура, Турне были изслѣдованы мною съ этою цѣлью; но всѣхъ болѣе матеріаловъ доставили мнѣ Брюссельскія библіотеки, именно: коллегіума іезуитовъ, герцоговъ д'Арембергъ и въ-особенности знаменитая своими рукописями королевская библіотека (прежде библіотека герцоговъ Бургундскихъ), заключающая въ себѣ до 20 тысячъ рукописей. Куглеръ, въ сочиненіи своемъ: Handbuch der Geschichte des Malerei. Berlin, 1847 (I. p. 264 и II. p. 144) дважды изъявляетъ желаніе, чтобы были описаны миніатюры этого богатаго книгохранилища, въ которомъ находится еще неизслѣдованная исторія школъ живописи XIV ст., изъ которыхъ вышли братья Фанъ-Эйкъ. Можно было-бы подумать, что сочиненіе г. Эриса (Histoire de l'école flamande de peinture en XV siècle, son point de départ, les causes de sa splendeur et de la décadence, par M. Heris), напечатанное въ 27 томѣ «Записокъ» Бельгійской академіи 1856 г., и получившее отъ Брюссельской академіи наукъ премію, рѣшитъ этотъ вопросъ по неизслѣдованнымъ еще памятникамъ; но, къ-сожалѣнію, это сочиненіе есть очень искусная компиляція и голословный выборъ изъ Нѣмецкихъ трудовъ Куглера, Шназе и въ-особенности Ваагена. Очень странно, что профессоръ Гото, въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи: Die Malerschule Huberts van Eyck. 1 Theil, Berlin, 1855, вовсе не говоритъ о миніатюрной живописи.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію Русскаго посланника въ Бельгіи, я получилъ позволеніе снять съ оригиналовъ

точныя кальки и описать тѣ рукописи съ миніатюрами, которыя обнимали избранный мною періодъ отъ VIII вѣка по Р. Х. до начала Романскаго искусства. Чрезвычайное изобиліе неописанныхъ рукописей съ миніатюрами послѣдующихъ столѣтій потребовало-бы втораго и болѣе продолжительнаго пребыванія въ Бельгіи. Нужно было ограничить свои занятія періодомъ, для насъ еще болѣе любопытнымъ и наставительнымъ: потому-что миніатюры отъ VIII до IX-го вѣка суть единственные памятники, дающіе намъ понятіе о состояніи живописи въ эти отдаленныя и темныя времена.

I.

Не только въ политической и административной исторіи сѣверной Европы, но и въ художественныхъ ея лѣтописяхъ имя Карла Великаго составляетъ эпоху. До насъ не дошло памятниковъ живописи въ сѣверной половинѣ Европейскаго материка, восходящихъ за времена этого великаго дѣятеля (18). Германскіе народы, поселившіеся завоевателями на почвѣ Римской имперіи, вскорѣ почувствовали всемогущество античной цивилизаціи. И въ искусствѣ, въ эти времена предназначенномъ служить выраженіемъ новыхъ вѣрованій, они принуждены были принять отъ побѣжденныхъ ими народовъ превосходную ихъ технику и формы, служившія другимъ убѣжденіямъ. Въ сферѣ искусства новыя идеи вырабатывались медленно, съ трудомъ, и часто шли рука-объ-руку съ языческими представленіями (19). Это состояніе искусства продолжалось долгое время:

(18) Меровингскія рукописи, находящіяся въ чрезвычайно-великолѣпномъ изданіи графа *Бастара*: Peintures et ornements des manuscrits, classés dans l'ordre chronologique pour servir à l'histoire des arts du dessin depuis le IV jusqu'à la fin du XVI siècle, къ-сожалѣнію, далеко неоконченномъ, имѣютъ, вмѣсто миніатюръ, однѣ заглавныя буквы, писанныя красною краскою. Слово *миніатюра* произошло именно отъ этого обычая, бывшаго въ употребленіи въ сѣв. Франціи. Италіянцы еще въ XIII вѣкѣ, имѣя безчисленное множество миніатюръ, не имѣли для нихъ названія.

(19) *Piper*, Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst von den ältesten Zeiten bis im XVI Jahrhundert, 2 Th. Weimar, 1847.

въ борьбѣ двухъ элементовъ, въ конечномъ замиранiи одного и въ окончательномъ постепенномъ торжествѣ другаго, состоитъ вся исторiя западно-христiанскаго искусства, начиная отъ перваго его проявленiя въ Римскихъ катакомбахъ до XIII-го вѣка. Германскимъ народамъ, не вынесшимъ изъ дикихъ лѣсовъ своей родины никакой идеи о пластическомъ искусствѣ и его высокой цѣли (20), не было никакой возможности обойдтись безъ художниковъ, воспитанныхъ въ преданiяхъ Римской школы временъ упадка. Цѣлые вѣка находились они подъ обаянiемъ древней цивилизацiи, древняго искусства, блестѣвшаго тогда еще такимъ сiянiемъ, о которомъ мы теперь едва можемъ составить себѣ слабое понятiе (21). Какъ въ Италiи Остъ-Готѳы и Лонгобарды, такъ въ сѣверной половинѣ Европы Вестъ-Готѳы, въ южной—Франки, въ сѣверной Галлiи, употребляли для своихъ построекъ и украшенiя ихъ художниковъ, получившихъ образованiе въ Римскихъ школахъ (22). Собственно нацiональнаго искусства, возникшаго въ новыхъ формахъ изъ нацiональнаго духа, существовать не могло. Во всю эпоху Меровингскаго владычества, художественная дѣятельность, какъ намъ извѣстно по сказанiямъ лѣтописцевъ, была обширна и блистательна (23). Но, основанное на античныхъ преданiяхъ, искусство въ эти времена, вѣроятно, начало подчиняться влiянiю

(20) Прежнiя ошибочныя мнѣнiя о древности т.-н. Лонгобардской архитектуры давно опровергнуты новѣйшею критикою: см. *Cordero de'Conti di S. Quintino:* Ragiomento dell'italiana architettura durante la dominazione longobarda. Brescia, 1829. *Vitet*, De l'architecture lombarde, въ его Etudes sur les beaux-arts. Paris, 1851, II, p. 1. *Kugler*, Die Kirche S. Michele Maggiore zu Pavia, въ его Kleine Schriften zur Kunstgeschichte. Stuttgart, 1853, I. p. 203.

(21) *Schnaase*, Geschichte der bildenden Künste, III, p. 482 n. 2.

(22) Извѣстно удивленiе и уваженiе, которое внушалъ древнiй Римъ и его памятники Теодорику, королю Остъ-Готскому, Амалазунтѣ, Деодату, Франкскому королю Теодоберту и т. д. *Bunsen* und *Platner*, Beschreibung der Stadt Rom. Stuttgart, 1829. I. p. 287. Теодорикъ реставрировалъ и древнюю базилику св. Петра въ Римѣ, что доказываютъ найденные съ его именемъ кирпичи. *Stiglitz*, Geschichte der Baukunst. 1820, p. 38.

(23) См. описанiя, къ-сожалѣнiю, не дающiя яснаго архитектурнаго представленiя, разныхъ Галльскихъ базиликъ у Григорiя Турскаго. *Greg. Turon.* Historia eccleſt. Franc. L. II, cap. 14, 15 et 16.

варварскаго элемента, приведшаго его постепенно къ грубости и упадку. По памятникамъ мы можемъ проследить это двойное вліяніе только со-временъ Карла Великаго. Во-времена политическихъ смутъ при последнихъ Меровингахъ искусство, вероятно, находилось въ этомъ положеніи, когда Карлъ Великій вызвалъ и на этомъ поприщѣ огромную дѣятельность.

Извѣстно, какъ КарлъВеликій, въ ежедневной жизни своей остававшійся Германцемъ (24), уважалъ Римскую цивилизацію, науку и искусство. Въ своихъ столицахъ, въ Ахенѣ, Ингельгеймѣ и Нимвегенѣ, онъ воздвигъ огромные дворцы, которыхъ стѣны украшены были картинами историческаго содержанія (25). Время не пощадило этихъ зданій. Изъ многочисленныхъ построенныхъ имъ великолѣпныхъ церквей, до нашихъ дней сохранился одинъ соборъ въ Ахенѣ (26), служившій Карлу Великому придворною церковью. Онъ соединялся съ дворцомъ императора крытымъ портикомъ съ колоннами. Современники не находятъ словъ для описанія этой лучшей и главной постройки императора (27). Говорятъ обыкновенно, что Карлъ Великій былъ пораженъ видомъ Рима и его монументальными зданіями (28); но мнѣ кажется, что на впечатлительную его душу гораздо сильнѣйшее дѣйствіе произвелъ видъ Равенны, — города, построеннаго въ Византійскомъ вкусѣ и напоминавшаго собою Константинополь временъ Юстиніана. Это мнѣніе подтверждается многими фактами: наряду съ преобладаніемъ античныхъ формъ я встрѣчаю спеціально-Византійское вліяніе на западное искусство уже въ произведеніяхъ временъ Карла Великаго. Образцомъ для главнаго собора любимѣйшей столицы

(24) *Einhardi* vita Caroli Imper. cap. 23. Monachi S. Gallens. de rebusgestis C. M. l, I. c. 34.

(25) См. Ermoldi Nigelli Carmem lib. IV, v. 179—282.

(26) См. любопытное и ученое изслѣдованіе *Мертенса*: Ueber die karolingische Kaisercapelle in Aachen. Allg. Bauzeitung. Wien, 1840.

(27) *Einhardi* vita C. L c. 17 и 26. Мраморы и колонны были взяты изъ древнихъ зданій Рима и Равенны.

(28) *Schnaase*, G. der b. K. III. p. 491.

Карлъ Великій не избралъ простой формы церквей, господствовавшей въ Римѣ, — формы базилики, раздѣленной на три или болѣе нефовъ, но церковь St. Vitale въ Равеннѣ, съ ея центральнымъ планомъ и куполомъ (29). Внутреннее ея убранство соперничало съ храмомъ св. Софіи въ Константинополѣ (30). Этотъ Византійскій примѣръ, поданный Карломъ Великимъ, подѣйствовалъ такъ сильно, что Ахенскій соборъ въ свою очередь послужилъ образцомъ для церквей въ Нимвегенѣ, въ Фульдѣ (31), построенной знаменитымъ Рабаномъ Мавромъ, современникомъ Карла Великаго, церкви въ Эсселѣ (32), церкви въ Оттоорсгеймѣ (въ Эльзасѣ) и многихъ другихъ, не уцѣлѣвшихъ до насъ (33).

Не въ одной архитектурѣ замѣтно это вліяніе Византійскаго искусства на Карла Великаго, но и въ живописи. Не смотря на утрату монументальныхъ ея произведеній изъ временъ Карла Великаго, мы можемъ изучить слѣды этого Византійскаго вліянія и на миніатюрахъ рукописей, достовѣрно принадлежащихъ его времени. Въ основаніи этихъ миніатюръ лежатъ древне-христіанскіе образцы лучшей эпохи; техника ихъ античная; но элементы постепеннаго упадка, который долженъ былъ вскорѣ приблизиться быстрыми шагами, видны въ увеличивающейся грубости рисунка и преувеличенномъ размѣрѣ головъ и оконечностей. Начинающееся Византійское вліяніе замѣтно отчасти въ типѣ головъ и штриховкѣ золотомъ на одеждахъ, въ зеленоватомъ тонѣ, господствующемъ въ тѣняхъ тѣлесныхъ частей. Изъ трехъ рукописей (34), несомнѣнно при-

(29) *Von Quast*, Die christlichen Bauwerke zu Ravenna von V bis im IX J. Berlin, 1842.

(30) *Einhardi*, Vita C. I. cap. 26.

(31) *Lange*, Die Michaeliskirche zu Fulda. Fulda. Müller, 1856.

(32) *Von Quast*, Die Münsterkirche zu Essen, въ Zeitschrift für chr. Archäologie und Kunst. Leipzig, I. B. p. 1.

(33) Напр. S. Jean l'Evangeliste въ Люттихѣ, построенная знаменитымъ архіепископомъ Нотхеромъ. *Schayes*, Histoire de l'architecture en Belgique. 2 ed. Bruxelles 1853, T. I. p. 296.

(34) Первая, Евангелистаріумъ, т. е. собраніе мѣстъ изъ евангелій, служащихъ текстомъ для проповѣдей въ воскресные и праздничные дни, писана

надлежащихъ времени Карла Великаго, превосходнѣйшая въ художественномъ отношеніи есть знаменитый Codex aureus (35), —евангеліе, на пергаминѣ, in-fol., хранящееся въ городовой библіотекѣ города Трира, названное такъ потому, что написано золотомъ (36). Передъ каждымъ евангеліемъ находится изображеніе евангелиста, сидящаго на тронѣ, покрытомъ богатою тканью, подъ аркою, за которою видно центральное зданіе. Надъ нимъ паритъ символическое его изображеніе со свиткомъ, которому вообще придано необыкновенное величіе. Въ изображеніи напр. евангелиста Марка (37) можно прослѣдить всѣ элементы живописи временъ Карла Великаго. Античная основа видна въ самомъ созданіи, въ архитектурѣ поздно-Римской, въ принадлежностяхъ костюма, въ камеяхъ, украшающихъ арку, въ широкомъ стилѣ, въ гармоніи красокъ, и главное—въ юношескомъ возрастѣ всѣхъ евангелистовъ. Почти до конца X-го вѣка эти черты характеризуютъ всѣ западныя произведенія, изданныя подъ вліяніемъ античныхъ образцевъ. Византійское искусство съ VI ст. въ этомъ дѣлѣ пошло другимъ путемъ (38). Визан-

---

Готшалькомъ, по повелѣнію Карла Вел.; вторая, изъ монастыря св. Медарда въ Суассонѣ. Обѣ хранятся въ публичной императорской библіотекѣ въ Парижѣ. См. *Waagen*, K. und K. in Paris. p. 234.

(35) См. описаніе, хотя и не полное, у *Kugler*, Kleine Schriften z. K. II. p. 337.

(36) Изъ приписки, сдѣланной красными чернилами позднѣйшею рукою, можетъ быть въ X ст., въ концѣ рукописи, видно, что она была писана по приказанію Ады, сестры Карла Великаго, по преданіямъ. Quem (sc. librum) devota Do jussit perscribere mater Ada ancilla Di (domini) pulchrisque ornare metallis (т.-е. окладъ евангелія). Рукопись принадлежала нѣкогда богатому монастырю св. Максимина близъ Трира.

(37) Заглавная буква евангелія отъ Матѳея (L) почти тождественна съ такою-же буквою въ рукописи евангелія, хранящейся въ церкви S. Cajisto, въ Римѣ (d'Agincourt, 3 отдѣл. tab. 45, p. 1), — доказательство преемственности хорошихъ образцовъ, потому-что послѣдняя рукопись принадлежитъ временамъ Каролинговъ, именно несомнѣнно Карлу Лысому.

(38) Въ находящихся у меня еще неизданныхъ снимкахъ Византійскихъ миніатюръ V вѣка, изъ рукописи Книги Бытія, хранящейся въ Британскомъ музеѣ, всѣ лица еще юны. Мозаики-же временъ Юстиніана, сдѣланныя въ

тійское вліяніе высказалось въ этомъ рисункѣ болѣе въ технической части: блики или свѣта наложены на одеждѣ золотомъ и въ тѣняхъ тѣлесныхъ частей уже видно начало того зеленоватаго тона, который придаетъ лицу мертвенность. Эта позолота и богатство внѣшнихъ украшеній есть рѣшительная принадлежность богатаго Византійскаго двора. То-же замѣтно и въ архитектурѣ: именно, въ капителяхъ колоннъ, въ центральномъ зданіи, находящемся за евангелистомъ. Наконецъ упадокъ искусства, вторгающееся варварство, видно нѣсколько въ неловкомъ рисункѣ цѣлаго, но въ-особенности въ ошибочномъ рисункѣ оконечностей: пальцы на рукахъ и ногахъ уже здѣсь начинаютъ получать ту неестественную, завитую форму, которая въ послѣдующихъ миніатюрахъ доходитъ до нелѣпости. Наконецъ нельзя не обратить вниманія на особенно-любимый орнаментъ всѣхъ Франкскихъ миніатюръ этого времени до самаго конца X-го вѣка: это встрѣчающіяся въ заставкахъ и другихъ мѣстахъ изображенія разныхъ птицъ, несвязанныхъ между собою никакою мыслію, безъ всякаго драматическаго дѣйствія, какъ это встрѣчается позже и въ другихъ школахъ живописи. Такъ напр. въ этомъ Трирскомъ евангеліи надъ изображеніемъ Матѳея находятся два фазана, надъ изображеніемъ Марка — два пѣтуха, Луки — двѣ утки, Іоанна — два козленка. Приписать этимъ вездѣ разбросаннымъ изображеніямъ символическое значеніе — невозможно; искусство любило и тогда природу безъ всякихъ символическихъ отношеній.

Это число до-сихъ-поръ извѣстныхъ рукописей временъ Карла Великаго можно было-бы увеличить еще одною рукописью съ миніатюрами, но, къ-сожалѣнію, я не могъ снять съ нея ни одного рисунка. Извѣстно, что Карлъ Великій былъ погребенъ въ подземномъ склепѣ Ахенскаго собора (39). Онъ сидѣлъ, въ полномъ царскомъ облаченіи, на мраморномъ тронѣ,

Византіи, изображаютъ всѣ идеальныя лица въ старости глубокой. См. *Salzenberg*, Die altchristlichen Baudenkmale von Konstantinopel. Berlin, 1854.

(39) *Schervier*, Die Münsterkirche zu Aachen. Aachen, 1853, стр. 5.

обитомъ позолоченными рельефами (40), со скипетромъ въ рукахъ, препоясанный страннической сумою, съ мечемъ и щитомъ на боку, съ евангеліемъ на колѣнахъ. Такъ видѣлъ его въ 1000 году императоръ Оттонъ III, а въ 1165 — Фридрихъ Барбаросса, который повелѣлъ положить его кости въ мраморный античный саркофагъ. Регаліи Карла Великаго долго служили при коронованіи Нѣмецкихъ императоровъ. Во-времена Французской революціи онѣ отвезены были на сохраненіе въ Падерборнъ, потомъ въ Вѣну, гдѣ и остаются понынѣ. Евангеліе, лежавшее на колѣнахъ Карла Великаго, есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ искусства этого времени. Рукопись писана золотомъ, унціальными буквами, на пурпурномъ пергаминѣ и восходитъ, можетъ быть, за нѣсколько лѣтъ до смерти Карла Великаго. Передъ каждымъ изъ евангелистовъ находится его изображеніе, писанное совершенно въ античномъ духѣ, съ необыкновеннымъ величіемъ въ формахъ и легкостью въ техникѣ. Евангелисты одѣты въ бѣлыя хламиды и каждый занятъ писаніемъ. Они изображены безъ символовъ своихъ представителей, также безъ золотаго сіянія и безъ бороды. Желательно было-бы получить позволеніе для точнаго описанія этого памятника и опредѣленія его эпохи (41). Хотя я не имѣю рисунка съ этихъ миніатюръ, но я упоминаю о нихъ потому, что онѣ, или другія имъ подобныя, послужили образцемъ для цѣлаго ряда памятниковъ.

Именно, послѣ смерти Карла Великаго Византійское вліяніе на извѣстныхъ мнѣ памятникахъ начинаетъ ослабѣвать и античные лучшіе образцы берутъ опять верхъ, хотя и къ нимъ примѣшиваются, въ мѣстахъ, болѣе удаленныхъ отъ тогдашнихъ центровъ цивилизаціи, варварскіе элементы. Изъ такихъ, въ ан-

(40) Которые сохраняются нынѣ въ сокровищницѣ Ахенскаго собора и представляютъ весьма интересный образецъ скульптуры того времени. У меня находится неизданный рисунокъ одного изъ нихъ.

(41) Я сохранилъ слабое воспоминаніе объ этой рукописи, видѣнной мною въ Вѣнѣ шесть лѣтъ тому назадъ; копіи съ одной изъ ея миніатюръ мнѣ удалось видѣть въ Ахенѣ зимою 1855 года.

тичномъ духѣ писанныхъ, всѣхъ ближе къ посмертному евангелію Карла Великаго подходящихъ миніатюръ, замѣчательны: во-первыхъ, изображеніе одного евангелиста, приложенное къ евангелію, хранящемуся въ королевской библіотекѣ въ Брюсселѣ подъ № 18,723. На пурпурномъ пергаминѣ (42), евангелистъ изображенъ сидящимъ за пультомъ и пишущимъ. Онъ безъ вѣнца и символическаго спутника. На немъ pallium синяго цвѣта, на который свѣтà проложены бѣлою краскою. Техника античная. Это изображеніе приложено было къ рукописи, вѣроятно, изъ желанія сохранить отъ гибели прекрасный и достопочтенный памятникъ искусства, потому-что самую рукопись украшалъ уже рисунокъ, писанный для нея на пергаминѣ одинаковой съ нею доброты. По мнѣнію ученаго и знаменитаго знатока Нѣмецкихъ древностей Моне (43), эта Латинская рукопись (44), относящаяся къ первой половинѣ IX вѣка, замѣчательна тѣмъ, что въ евангеліи св. Матѳея находится въ особенности много древне-Германскихъ глоссъ. Но для насъ она необыкновенно-драгоцѣнный памятникъ живописи Каролинскихъ временъ. Въ простой, сдѣланной красною краскою рамкѣ, находится миніатюра, къ-сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ очень попорченная, на которой изображенъ среди облаковъ сидящій на всемірномъ шарѣ Спаситель. Лѣвою рукою держитъ Онъ «Книгу жизни», правою благословляетъ по Греческому обычаю находящуюся у Его ногъ землю. Онъ изображенъ юнымъ. Солнце и луна находились по обѣимъ сторонамъ Его. Среди

(42) Пурпурный пергаминъ уже въ IV-мъ вѣкѣ былъ въ большомъ употребленіи. Уже св. Іоаннъ Златоустъ и Іеронимъ жалуются на чрезмѣрную роскошь рукописей св. писанія, писанныхъ золотомъ и серебромъ на пурпурномъ пергаминѣ, съ богатыми окладами. См. *Augusti*, Handbuch der christl. Archäelogie. Leipzig, 1837, 3te Band, p. 703. Потомъ онъ становится все рѣже и въ XI совершенно исчезаетъ.

(43) См. сдѣланную имъ большую приписку въ началѣ рукописи.

(44) in 4°. Спереди приписка древней руки: In sacrario Scti Victoris eccles. Xantens. Древнѣйшіе остатки нынѣшней церкви въ Ксантенѣ принадлежатъ Романской эпохѣ; по легендамъ-же святыхъ городъ Ксантенъ есть одинъ изъ первыхъ расcадниковъ христіанства въ Германіи.

великолѣпнаго ландшафта, завершающагося на горизонтѣ четырьмя горами, на высяхъ коихъ видны символическіе представители евангелистовъ, сидятъ евангелисты въ-рядъ и пишутъ святое слово; передъ каждымъ находится книжный ящикъ (scrinium), знакомый намъ по многимъ языческимъ памятникамъ (45). Миніатюра, по характеру лицъ и техникѣ, широкой и безъ абриса, совершенно сходна съ предыдущимъ памятникомъ. Только кирпично-красноватая карнація доказываетъ, что этотъ памятникъ, какъ и евангелія Лотаря и Карла Лысаго, принадлежитъ IX вѣку. Еще болѣе драгоцѣнный памятникъ живописи, современной этому и совершенно съ нимъ сродственный, сохраняется въ Ахенскомъ соборѣ. Это — евангеліе, тоже имѣющее одну, но гораздо лучше сохранившуюся миніатюру, гдѣ, среди превосходнаго ландшафта, находятся подобные-же четыре евангелиста, но иначе размѣщенные. Къ-сожалѣнію, я не могъ получить позволенія снять копію.

Однако при первыхъ наслѣдникахъ Карла Великаго, въ первой половинѣ IX вѣка, въ южной Германіи, мы находимъ — при всемъ превосходствѣ орнаментовъ, исполненныхъ въ чисто-классическомъ вкусѣ, при пурпурномъ пергаминѣ, при тѣхъ-же орнаментахъ, исполненныхъ въ томъ-же вкусѣ, при такой-же работѣ и драгоцѣнномъ матеріалѣ, употребленномъ для письма, — тѣ-же слѣды варварства, которые мы уже видѣли при Карлѣ Великомъ. Въ рукописи Sacramentarium Papae Grigorii I (46), принадлежавшей первоначально монастырю Petershausen близъ Боденскаго озера, изображеніе благословляющаго по Греч. обряду Спасителя, — что на западныхъ миніатюрахъ продолжается до XI вѣка, хотя и отличается юностью и разумѣніемъ

(45) См. *Visconti*, Iconographie Romaine. Milan, 1818, T. I. p. 386 и p. XIII. Рукописи съ IV вѣка получили форму четвероугольную; до-того была въ употребленіи для нихъ форма свитковъ, отчего и самые ящики употреблялись круглые, какъ видно на знаменитой статуѣ Софокла. См. *Welckers*, Alte Denkmäler. Göttingen, 1849, I B. p. 5.

(46) Въ Гейдельбергской библіотекѣ, Cod. ms. Salem. Schr. 9, n 6. Салемскій монастырь, нынѣ уничтоженный, находился близъ Цюриха.

складокъ, но глаза черезъ мѣру открыты, волосы имѣютъ видъ парика, а оконечности, въ-особенности руки, представляютъ образецъ упадка искусства. Во второй миніатюрѣ этой рукописи изображена императрица Елена на тронѣ, съ большимъ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ (47). По Византійскому обычаю, она богато одѣта. Глаза также недостаточно исполнены, какъ и въ предыдущемъ изображеніи Христа. Очевидно, что вліяніе Византійскаго образца обнаруживается не только въ сюжетѣ, взятомъ изъ Византійской исторіи, но и въ колоритѣ тѣла.

Въ концѣ IX-го вѣка это античное направленіе, на дальнемъ сѣверѣ Европейскаго материка, недавно завоеванномъ цивилизаціею, грубѣетъ, — что̀ въ X и XI вѣка переходитъ въ этихъ странахъ въ совершенный упадокъ живописи. Именно, въ концѣ IX-го вѣка я встрѣчаю въ первый разъ рукопись съ миніатюрами, принадлежащую Нидерландамъ: это Liber officiorum ecclesiae Stabulensis (48), въ которой въ началѣ находится календарь, нарочно написанный для церкви монастыря и, что замѣчательно, съ именами святыхъ, чтимыхъ въ немъ особенно, и съ Нѣмецкими названіями мѣсяцевъ (49). Два изображенія святыхъ, писанныя на пурпурномъ пергаминѣ, въ которыхъ думаютъ видѣть папу Григорія Великаго, по рисунку, въ-особенности второй, гораздо слабѣе предыдущихъ миніатюръ. Такимъ образомъ мы видимъ, что и на отдаленнѣйшемъ образованномъ пунктѣ сѣвера, въ области Люттиха, какъ на

---

(47) *Waagen*, K. u. K. in Deutschland. Leipzig, 1835, 2te Th. стр. 382 ошибочно принялъ ее за изображеніе папы Григорія(!). Кромѣ женскаго наряда, на ней серьги. Это изображеніе почти тожественно съ еще неописаннымъ и неудачнымъ рельефомъ изъ слоновой кости, хранящемся въ Трирскомъ соборѣ, съ котораго въ моемъ собраніи находится слѣпокъ.

(48) in 4°. Въ королевской библіотекѣ въ Брюсселѣ, № 1814.

(49) Изъ множества рукописей, принадлежавшихъ этому монастырю, основанному во второй половинѣ VII вѣка, видно, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ центровъ цивилизаціи въ Арденнахъ. См. жизнь св. Ремакла въ Vies des pères, des martyres etc. par *Alban Buttler*. Lille, 1834, 3 Septembre. *Courtjen*, Les illustrations de Stavelot et les vies des. Remacle etc. Liège, 1848.

всѣхъ точкахъ тогдашняго образованнаго міра преобладало съ разными измѣненіями античное вліяніе.

Во всѣхъ мною изслѣдованныхъ библіотекахъ, которыя я назвалъ выше, я не могъ найдти новыхъ матеріаловъ для дальнѣйшаго развитія живописи въ сѣверной половинѣ Европы для второй половины IX и X вѣка. Это явленіе доказываетъ, что число памятниковъ въ тѣ времена было незначительно, что живопись преимущественно въ X вѣкѣ во всей сѣверной Европѣ находилась въ глубочайшемъ упадкѣ (50). Только съ X вѣка живопись возраждается снова; но это возрожденіе произошло въ Германіи, преимущественно въ южной, гдѣ, на античномъ основаніи, проявляется вліяніе специальнаго Византійскаго искусства.

Но, прежде нежели мы перейдемъ къ этому явленію, необходимо бросить взглядъ на двѣ самобытныя школы, развившіяся на самомъ отдаленномъ сѣверѣ Европы и имѣвшія сильное вліяніе и на материкъ: я разумѣю школы Ирландскую и Англо-Саксонскую.

II.

Древнѣйшіе, дошедшіе до насъ памятники живописи въ сѣв. Европѣ, принадлежатъ не материку ея, но отдаленному острову, который еще въ языческія времена почитался священнымъ. Черезъ столѣтіе по введеніи въ Ирландію христіанской вѣры, мы находимъ этотъ островъ наполненнымъ монастырями, знаменитыми ученостью монаховъ и ревностью ихъ въ дѣлѣ распространенія христіанской вѣры. Начиная съ VI и VII столѣтій Ирландскіе монахи толпами, проповѣдуя, странствуютъ по Британіи, Франціи, Германіи, Швейцаріи и даже Италіи. Вездѣ основываютъ они монастыри, которые въ свою очередь остановятся разсадникомъ вѣры и науки. Изъ этихъ

(50) *Waagen* K. u. K. in Paris, pag. 261.

миссіонеровъ въ-особенности прославились св. Колумбанъ, св. Галлъ, основатель знаменитаго Санктъ-Галленскаго монастыря, св. Киліанъ, св. Виллебрордъ. До насъ дошли любопытныя описанія этихъ странниковъ (51). Когда въ VI и VII столѣтіяхъ весь западъ казался погруженнымъ въ безвыходное варварство и Меровингская имперія, при всеобщей игрѣ и грубости нравовъ, почти распадалась, одна Ирландія была убѣжищемъ науки: туда стекались Британскіе, Гальскіе, Римскіе и, можетъ быть, даже Египетскіе монахи; а въ свою очередь Ирландскіе ходили съ словомъ Божіемъ еще далѣе: слѣды ихъ найдены были даже въ Исландіи. Нетолько въ отечествѣ, и въ основанныхъ ими на материкѣ монастыряхъ прославились они своими знаніями Греческаго и Латинскаго языковъ, математическихъ наукъ, музыки, но особенно искусствами въ каллиграфіи. Уже въ VI ст. пользовались огромною извѣстностью въ послѣднемъ искусствѣ Аббатъ Дагей, въ IX — Аббатъ Менгалъ, учитель Санктъ-Гальскихъ монаховъ: Ноткера, который перенесъ это искусство въ Люттихскій округъ (52), и Туттилы (53), и наконецъ знаменитый Сиитрамъ, искусству пальцевъ котораго, по выраженію лѣтописцевъ, дивился весь міръ. Уже въ VI ст. мы находимъ у нихъ въ живописи совершенно развитой стиль, который не имѣетъ ничего сродственнаго ни съ одною изъ Европейскихъ школъ. Именно, Ирландскія рукописи (54) можно отличить съ перваго взгляда по почерку, имъ однимъ свойственному, но преимущественно по украшающимъ

---

(51) См. Dr. *Wattenbach*, Die Congregation der Schuttenklöster in Deutschland въ Zeitschrift für christliche Archäologie und Kunst. 1856, I B. p. 21.

(52) Одно изъ его скульптурныхъ произведеній изъ слоновой кости нынѣ хранится въ публичной библіотекѣ въ Люттихѣ.

(53) Одно изъ его скульптурныхъ произведеній изъ слоновой кости нынѣ хранится въ Сентъ-Галленской библіотекѣ. *Otte*, Handbuch der christlichen Kunst-Archäologie des deutschen Mittelalters. Leipzig, 1854, стр. 185.

(54) См. превосходное сочиненіе *Ф. Келлера*: Bilder und Schriftzüge in den irischen Manuscripten der schweizerischen Bibliotheken, въ Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft zu Zürich. 7te Band. Zürich, 1857. *Waagen*, Deutsches Kunstblatt, 1856, № 11.

ихъ миніатюрамъ. Ирландскія рукописи отличаются необыкновеннымъ богатствомъ, красотою и роскошью фантазіи въ орнаментахъ, сдѣланныхъ съ недостижимымъ техническимъ совершенствомъ; но эти орнаменты носятъ преимущественно каллиграфическій характеръ. Они состоятъ изъ прихотливѣйшихъ, безчисленныхъ сплетеній разныхъ змѣй и драконовъ, головы которыхъ съ шипящею пастью выступаютъ со всѣхъ сторонъ или переплетаются съ другими органментами. Наряду съ этою искусною орнаментикою, изображенія одушевленныхъ предметомъ, въ-особенности людей, представляютъ непонятный образецъ страннаго и ничѣмъ необъяснимаго вкуса. Подобіе человѣческой фигуры создается посредствомъ странной симетріи или параллелизма линій, соотвѣтствующей глазамъ, носу, рту, и этотъ параллелизмъ проведенъ вездѣ съ большою каллиграфическою тщательностію. По этой причинѣ всѣ части тѣла представляются сочетаніемъ какихъ-то каллиграфическихъ завитковъ или спиральныхъ линій; чертя ихъ, живописецъ и не думалъ о дѣйствительности, о настоящей природѣ. Таковъ художественный характеръ Ирландскихъ миніатюръ, начиная съ древнѣйшихъ рукописей, каковы: Book of kells, относящаяся къ VI вѣку (55), и Cuthbert book, хранящаяся въ Британскомъ музеумѣ (56), написанная въ половинѣ VII вѣка, и столь-же знаменитыя рукописи Сентъ-Галленскаго монастыря (57), въ которыхъ можно прослѣдить лучшую эпоху и упадокъ этого рода живописи на материкѣ Европы.

---

(55) См. *Keller*, Bilder und Schriftzüge, p. 78.

(56) *Waagen*, Kunst und Kunstwerke in England. Berlin, 1837. I B. p. 134, еще ошибочно приписываетъ эту рукопись къ Англо-Саксонскимъ. Въ то время, когда онъ писалъ это замѣчаніе, еще не проведена была черта, раздѣляющая эти двѣ школы. Въ біографіи св. Кумберта, напечатанной въ *Buttler*, Vies des Saints. Lille, 1834, 20 Mars, упоминается о нахожденіи рукописи при недавнемъ открытіи гроба этого святаго. Куда дѣвалась эта рукопись, въ послѣдній разъ находившаяся въ рукахъ какого-то г. Филиппса, мнѣ неизвѣстно.

(57) См. *Keller*, стр. 81.

Но, при разсматриваніи этой странной и до-сихъ-поръ безпримѣрной школы живописи, невольно возникаетъ вопросъ: откуда произошла Ирландская живопись? Думали, что удаленіе этого острова, въ эти времена, лишенныя быстрыхъ средствъ сообщенія, расторгло при самомъ началѣ въ Ирландскомъ искусствѣ связь его съ древне-христіанскими преданіями; что эту любовь къ страннымъ сплетеніямъ и фантастическимъ животнымъ, змѣямъ и драконамъ, должно соединять съ фантастическимъ направленіемъ сѣверныхъ сагъ; что любовь къ симетріи, которой совершенно подчинено у Ирландцевъ человѣческое изображеніе, объясняется изъ аллитераціи и рѳомы Скандинавской поэзіи и Кельтскихъ тріодъ язычниковъ (58). Другіе (59) полагали, что начало этого искусства, совершенно чуждаго Европѣ, должно искать на востокѣ и именно въ связи, въ которой находилась Ирландія съ Египтомъ. По мнѣнію Келлера, Египетскіе христіане не могли точно также освободиться отъ Египетскихъ художниковъ, какъ Италіянское искусство, которое въ началѣ своемъ вращалось въ формахъ античнаго. Онъ думаетъ, что художникамъ, работавшимъ въ Египетскомъ вкусѣ, поручали, можетъ быть, изукрашеніе христіанскихъ книгъ. Эти произведенія могли, вслѣдствіе частыхъ сношеній между Ирландскими и Египетскими монахами, проникнуть въ Ирландскіе монастыри и послужить для нихъ образцами для искусства, которое такъ преимущественно развилось въ Ирландіи. Есть много свидѣтельствъ о пребываніи Египетскихъ монаховъ въ Ирландіи (60). Наконецъ, что всего важнѣе, въ Ирландіи, переполненной монастырями (въ одномъ Бангорѣ считалось въ одно время 3000 монаховъ) (61) монастыри были устроены совершенно по образцу Египетскихъ монастырей. Это мнѣніе, подтверждаемое историческими фактами, заслужи-

(58) *Schnaase*. Geschichte der b. Kunst. B. IV. 2 Abth. p. 460.
(59) *Keller*, p. 78 и 79.
(60) *Keller*, p. 79.
(61) Dr. *Wattenbach*, Die Congregation der Schottenklöster, p. 22.

вастъ особое вниманіе. Для его разрѣшенія, по моему мнѣнію, должно изслѣдовать древнѣйшія Коптскія рукописи, въ которыя, по всей вѣроятности, перешелъ художественный стиль древнѣйшихъ Египетскихъ христіанскихъ рукописей. Для этой цѣли нужно также изслѣдовать библіотеки Ирландіи и Великобританіи (62), для описанія началъ Ирландскаго искусства въ VI стол., и описать художественный характеръ Коптскихъ рукописей, которыми, говорятъ, богата Оксфордская библіотека. Въ путешествіе мое по Бельгіи, я нашелъ только Коптскую рукопись (63), имѣющую одну миніатюру, на которой изображенъ большой крестъ и нѣсколько заставокъ. Всѣ орнаменты и ихъ раскраска въ этой рукописи представляютъ много сходнаго съ Ирландскими миніатюрами, но, по позднему происхожденію этой рукописи (она принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ XV вѣку), она не можетъ быть принята въ разсчетъ.

Не менѣе важенъ для насъ другой вопросъ: именно распространеніе вліянія Ирландской школы на Европейскомъ материкѣ. Это вліяніе съ перваго взгляда можетъ показаться невозможнымъ по противорѣчію своему со здравымъ во всѣ времена вкусомъ въ дѣлѣ искусства Европейскихъ народовъ, но этотъ фактъ тѣмъ не менѣе существуетъ. Изъ историческихъ свидѣтельствъ намъ извѣстно, что Ирландскіе монахи первыя свои странствія направили въ Галлію. Въ лицахъ св. Колумбана (64) († въ 615 г. по Р. Х.) они появляются при Меровингскомъ дворѣ. Несомнѣнно, что они приносили съ собою Священное Писаніе или другія церковныя книги. Я имѣлъ счастіе найдти въ королевской библіотекѣ въ Брюсселѣ рукопись подъ № 9850, принадлежащую или концу VII или самому началу

(62) Одинъ Англійскій вельможа, какъ разсказывалъ мнѣ профессоръ Ваагенъ, владѣетъ богатѣйшимъ собраніемъ Ирландскихъ рукописей, но, съ Британскою оригинальностію, не позволяетъ ихъ описывать.

(63) Въ библіотекѣ іезуитовъ, въ Брюсселѣ.

(64) См. его біографію, написанную монахомъ Іоною и переведенную Абелемъ въ собраніи: Die deutschen Geschichtschreiber. VII. Jahrh. *Böhringer*, Die Kirche Christi. Zürich, 1849, 2 B. 1 Abth. p. 0.

VIII вѣка, доказывающую распространеніе Ирландскихъ образцовъ въ сѣверной Франціи. По тогдашней связи всѣхъ монастырей, подчиненныхъ правилу св. Бенедикта Нурсійскаго, это явленіе очень понятно. Номедій, аббатъ знаменитаго монастыря св. Медарда въ Суассонѣ, поручилъ списать поученія блаженнаго епископа Цезарія. Заглавный листъ, котораго буквы совершенно исчезли, представляетъ аркаду на колоннахъ, украшенную тѣми странными созданіями фантазіи, которыя находятся въ чисто-Ирландскихъ рукописяхъ. Въ срединѣ подъ аркою есть родъ розы, составленной изъ рыбъ; подъ нею заглавіе, написанное красными Римскими прописными буквами. Вотъ что можно было прочесть:

Строка 1-я.... Hic liber: Vita Poc
— 2-я.... tru͠ (s) eu vel Humilias Sc͠r
— 3-я.... Caesarii Epi͠. Quod venera
— 4-я.... bilis vir Nomedius Abba
— 5-я.... scribere rog͠ (avit?) etipsum basil (icae?)
— 6-я.... Sc͠. Medardi contulit exinde auferre tempta
— 7-я.... verit,judicium cum Domine et sancto Medardo sibi habere....

Прочее невозможно разобрать. Болѣе десяти заглавныхъ буквъ украшаютъ эту рукопись. Всѣ онѣ состоятъ изъ тѣхъ странныхъ соединеній линій, характеризующихъ Ирландское искусство; во всѣхъ почти главную роль играетъ рыба—этотъ древнѣйшій символъ (65), котораго частое присутствіе доказываетъ и древность рукописи. Но, кромѣ-того, по свидѣтельству лѣтописей Бенедиктинскаго ордена (66), Номедій былъ аббатомъ монастыря св. Медарда въ Суассонѣ при Хильдебертѣ III, а такъ-какъ извѣстно, что этотъ Меровингскій король царствовалъ отъ 695 до 711 года, то и эта замѣчательная рукопись относит-

(65) См. объясненіе его у *Augusti*, Beiträge zur chr. Kunstgeschichte. B. I. p. 123. *Menzel*, Chr. Symbolik. Regensburg, 1856, s. v. Fisch.

(66) Annales Ord. S. Ben. Tom. I. p. 482.

ся, вѣроятно, къ концу VII или къ первымъ годамъ VIII столѣтія, что видно и по каллиграфическимъ ея признакамъ.

Такимъ образомъ Ирландскій стиль уже въ древнѣйшія времена проникъ во Францію, гдѣ, кромѣ сейчасъ приведеннаго новаго примѣра, есть нѣсколько другихъ рукописей (67); но мы видимъ изъ нихъ, что онъ ограничился подражаніемъ однихъ орнаментовъ или животныхъ. Человѣческихъ фигуръ въ Ирландскомъ вкусѣ, кромѣ Санктъ-Галленскихъ и Вюрцбургскихъ (68) манускриптовъ, на твердой землѣ мы не находимъ. Около того же времени (начиная съ VIII столѣтія) я нахожу, что этотъ стиль начинаетъ распространяться и къ нынѣшней Бельгіи. Какъ во Францію, такъ и въ Бельгію, онъ принесенъ былъ Ирландскими монахами и проповѣдниками, основавшими тамъ много монастырей (69), изъ которыхъ многіе пользовались большою знаменитостію. Такъ св. Фойланъ основалъ монастырь близъ мѣстечка Fosses, св. Ультанъ, братъ его, монастырь Mont-Saint-Quentain. Въ исторіи Бельгійскихъ монастырей есть еще другіе важные факты. Когда Норманны опустошили въ 882 г. монастыри Ставело и Мальмеди, основанные св. Ремакліемъ, и ученые труды монаховъ погибали отъ этого нашествія и распрей могущественныхъ послѣдующихъ аббатовъ, то настоятель св. Одильонъ (945—954) призванъ изъ Санктъ-Галленскаго монастыря Ноткера для возстановленія наукъ въ обоихъ монастыряхъ. Онъ провель тамъ, говорятъ, болѣе 20 лѣтъ, пока не призванъ былъ на архіепископскій престолъ въ Люттихѣ. Онъ привезъ съ собою, вѣроятно, изъ Санктъ-Галлена, и свои Ирландскія книги (70).

Поэтому неудивительно, если въ Бельгійскихъ библіотекахъ, наслѣдовавшихъ библіотеки этихъ монастырей, я на-

(67) *Waagen*, K. und K. in Paris, p. 244 и 258.
(68) *Schnaase*, G. der b. K. 4 Th. 2te Abth. p. 463.
(69) *Dufau*, Histoire de la religion en Belgique. Vol. I. p. 125.
(70) См. *Fisen*, Histor. eccles. Leodiens. p. 147. Les délices du pays de Liège. 1743. Tom. III, p. 206.

шелъ рукописи съ миніатюрами, исполненными въ Ирландскомъ вкусѣ. Привожу найденныя мною рукописи:

Рукопись подъ № 8780·93 въ кор. библіотекѣ въ Брюсселѣ, содержащая въ себѣ разные богословскіе трактаты, имѣетъ заглавныя буквы, писанныя красною краскою, съ изображеніемъ разныхъ фантастическихъ животныхъ. Вѣроятно, принадлежитъ IX вѣку.

Рукопись подъ № 5219, тамъ-же, содержащая 13 богословскихъ сочиненій, имѣетъ подобныя-же буквы, довольно грубо-исполненныя. Р. IX вѣка.

Рукопись подъ № 14652, тамъ-же, содержитъ въ себѣ (что очень замѣчательно) житія разныхъ мѣстныхъ Бельгійскихъ святыхъ, напр. св. Аманда, Леодгарія и др., имѣетъ подобныя-же буквы, такъ-же исполненныя. Рукопись X вѣка. Происхожденіе ея неизвѣстно.

Но эти житія мѣстныхъ святыхъ не единственныя Ирландскія рукописи въ Бельгіи. Кажется, что во многихъ Бельгійскихъ монастыряхъ процвѣтала Ирландская орнаментика, хотя и въ очень испорченномъ видѣ. Рукопись подъ № 194, хранящаяся въ публичной библіотекѣ въ Гентѣ, по старинной припискѣ принадлежавшая монастырю св. Петра въ Гентѣ, но вѣроятно, монастырю св. Бавона въ томъ-же городѣ (71), и относящаяся, по всему вѣроятію, ко второй половинѣ IX вѣка, содержитъ въ себѣ жизнь св. Аманда, главнаго святаго, чтимаго въ монастырѣ св. Бавона. Она показываетъ, что и въ древнѣйшемъ монастырѣ, основанномъ въ этой части Бельгіи (72), искусство Ирландское нашло себѣ пріютъ. Большія и малыя

(71) Старинная приписка: lib. Sci Petri Gandensis sive Blandiniensis ecclesiae. Когда Карлъ V уничтожилъ монастырь св. Бавона, то библіотека его перешла въ монастырь св. Петра, основанный также св. Амандомъ. Послѣдній монастырь былъ уничтоженъ во время Франц. революціи. См. *van Lockeren*, Le chateau espagnol à Gand. Gand, 1855.

(72) *Van Lockeren*, Le chateau espagnol à Gand. Gand, 1855, p. 12 и того-же автора Histoire de l'abbaye de S. Baron et de la crypte de S. Jean à Gand. Gand, 1855. *De Busschler*, Les ruines de l'abbaye de S. Baron à Gand, безъ года.

заглавныя буквы, часто даже сдѣланныя серебряными чернилами, что вообще рѣдко встрѣчается, всѣ исполнены во вкусѣ, уже извѣстномъ по многочисленнымъ примѣрамъ.

Не въ одной Бельгіи, но и въ Германіи, въ эту отдаленную эпоху, во многихъ мѣстахъ было распространено вліяніе Ирландскаго искусства. Кромѣ извѣстныхъ рукописей монастырей св. Галла въ Швейцаріи, св. Киліана въ Вюрцбургѣ и др., я нашелъ три рукописи, принадлежавшія первоначально знаменитому и богатому монастырю св. Максимина близъ Трира. Первая изъ нихъ, подъ № 548, нынѣ хранящаяся въ Публичной библіотекѣ въ Гентѣ (73), и содержащая разныя сочиненія Беды Достопочтеннаго, имѣетъ два рисунка. Первый изъ нихъ представляетъ въ кругѣ крестъ, съ помѣщенными на оконечностяхъ и въ срединѣ его въ пяти малыхъ кружкахъ буквами. Второй рисунокъ представляетъ аркаду; но долженствовавшая въ ней помѣщаться надпись не была сдѣлана; лишь внизу написано красными буквами: si quis absluberit anathema sit. Amen. Заглавныя буквы этой рукописи исполнены въ Ирландскомъ вкусѣ.

Гораздо великолѣпнѣе и болѣе въ чисто-Ирландскомъ вкусѣ рукопись in-fol. изъ того-же монастыря, содержащая Псалтирь и нынѣ находящаяся въ библіотекѣ іезуитовъ въ Брюсселѣ (74). Заглавныя буквы, часто занимающія цѣлый листъ in-fol, рисованы весьма тщательно перомъ и слегка раскрашены водяными красками. По вкусу орнаментовъ, змѣиныхъ, птичьихъ и драконовыхъ головъ, тотчасъ можно узнать школу, которой эта рукопись принадлежала. Третья рукопись, принадлежащая концу X вѣка, сохраняющаяся подъ № 457 въ публичной библіотекѣ въ Гентѣ и содержащая Деказы бл. Ав-

(73) Въ каталогѣ библіотеки монастыря св. Максимина она означена была № 183.

(74) Въ высшей степени замѣчателенъ календарь, предшествующій псалмамъ, съ современными приписками историческаго и церковно-историческаго содержанія; онъ изданъ въ сочиненіи Гонтгейма: Prodromus Historiae Trevirensis. Tom. I. p. 357 et 373.

густина, имѣетъ большія заглавныя буквы, тщательно, хотя не очень тонко-исполненныя, перевитыя уже красными цвѣточными линіями.

Самый грубый изъ всѣхъ видѣнныхъ мною памятниковъ этого вліянія въ Бельгіи есть евангеліе, хранящееся въ главной церкви города Тонгръ (Tongres). Къ-сожалѣнію, я не имѣлъ времени изслѣдовать подробнѣе миніатюры этой рукописи.

Но самая важная изъ всѣхъ рукописей, возникшихъ вслѣдствіе вліянія Ирландской школы на Европейскомъ материкѣ и, безъ-сомнѣнія, принадлежащая концу IX или началу X вѣка, нынѣ хранится въ библіотекѣ Трирскаго собора. Это есть евангеліе in-fol, написанное на пергаминѣ и расписанное двумя или, можетъ быть, тремя переписчиками; къ-сожалѣнію, мѣсто происхожденія ея неизвѣстно (75). Первый листъ (76), окаймленный рамкою, раздѣленъ на четыре поля, среди которыхъ находится въ медальонѣ поясное изображеніе Христа. Въ четырехъ поляхъ изображены съ надписями: homo, leo, vitulus, aquila, четыре символическія представленія евангелистовъ, окружающія ликъ Спасителя. Второй листъ изображаетъ старца, который держитъ въ рукахъ два неизвѣстныя орудія, которыхъ назначеніе трудно опредѣлить; съ пояса висятъ заткнутыя за него шкуры и когти трехъ символическихъ изображеній евангелистовъ; вокругъ старца надписаны имена четырехъ евангелистовъ. Это «тетраморфъ», — изображеніе, считавшееся принадлежностью одного Византійскаго искусства (77), но оно найдено было еще точнѣе изображеннымъ по описанію Проро-

(75) Описана, но весьма неудовлетворительно, въ *Kuglers* Kl. Lehr. II. p. 341.

(76) На первомъ листѣ первый писецъ приписалъ слѣдующіе стихи:

Scribtori vita eterna,
Legenti pax perpetua.
Videnti felicitas perennis.
Habenti posessio cum salute.
Amen. Dea gratias.
Ora pro me. Dominus tecum.

(77) См. Mme *F. d'Ayzac*, въ Tétramorphe. Paris, in 4°. Figures.

ка, въ одной рукописи XI вѣка (78). Изображеніе тетраморфа въ Трирской рукописи, древнѣе и, сообразно состоянію искусства этого времени, еще грубѣе. Подъ картиною находится подпись: Thomas scribsit. Третій рисунокъ вставленъ позднѣе, и потому его не описываю. За нимъ слѣдуютъ десять страницъ каноновъ, по-обыкновенію раздѣленныхъ арками на колоннахъ, поздно-Римскаго характера. Въ срединѣ каждой большой арки находится медальонъ съ поясным изображеніемъ одного изъ апостоловъ. По обѣимъ сторонамъ медальона изображено по птицѣ: такъ при Петрѣ два пѣтуха; при прочихъ апостолахъ, которыхъ имена, къ-сожалѣнію, не вездѣ приписаны, утки, павлины, ибисы и т. д. Апостолы изображены благословляющими одною рукою, въ другой держатъ они свитокъ или книгу. Наконецъ передъ каждымъ евангеліемъ находится изображеніе евангелиста, кромѣ евангелія отъ Іоанна.

Изучая пристально миніатюры этого замѣчательнаго евангелія, приходишь къ убѣжденію, что оно было расписано двумя или даже тремя живописцами. Первый изъ нихъ былъ миніатюристъ, принадлежавшій къ чисто-Ирландской школѣ, какъ мы ее встрѣчаемъ въ Санктъ-Галленскихъ рукописяхъ и въ евангеліи св. Кумберта. Работа его и въ техническомъ отношеніи совершенно отличается отъ работъ двухъ другихъ живописцевъ. Она исполнена перомъ и раскрашена легкою водяною краскою и отличается тонкою и тщательною отдѣлкою. Въ отношеніи вкуса она можетъ поспорить съ лучшими Ирландскими рукописями. Это—то-же прихотливое сплетеніе, тѣ-же фантастическія животныя. Ему-же принадлежатъ лучшія заглавныя буквы этой рукописи (другія въ послѣдней части рукописи писаны позже и гораздо хуже), орнаменты и три символическія изображенія евангелистовъ на первомъ листѣ. Чтобы убѣдиться, что Ирландскіе живописцы изъ существъ дѣйствительной природы дѣлали каллиграфическое украшеніе, стоитъ толь-

(78) Bulletins de la société historique de Tournai. Tournai, 1849. Tom. I. p. 266.

ко взглянуть на изображеніе, подписанное: vitulus, или на птицы, находящіяся надъ канонами: это чистая игра линій. Само собою разумѣется, что такое отступленіе отъ видимой природы, не смотря на весь грубый вкусъ этой эпохи упадка искусства, не могло удовлетворить самымъ простымъ требованіямъ. По-этому всѣ изображенія фигуры человѣческой въ этой рукописи поручено было написать другому живописцу, который сохранялъ образъ человѣка. Онъ исполнилъ дѣло свое по крайнему разумѣнію. Всѣ его миніатюры сдѣланы гуашью, въ противуположность Ирландскимъ, писаннымъ водяною краскою. Ихъ формы и исполненіе грубы въ высшей степени. Я полагаю однако, что и Ирландскій образецъ, съ котораго списывалось евангеліе, не остался безъ вліянія и на Франкскаго живописца: это видно изъ симетрическихъ складокъ и особенно изъ положенія ногъ, которое въ этомъ видѣ (т.-е. въ профили, когда лице изображено en face) встрѣчается только въ древне-Азіатскихъ произведеніяхъ (79). Замѣчательно вездѣ отсутствіе тѣней, характеризирующее Ирландскую живопись. Нигдѣ также не встрѣчается употребленіе золота, которое вошло въ обычай въ Византійской живописи и потомъ перешло на западъ, гдѣ его можно преслѣдовать во всѣхъ миніатюрахъ, созданныхъ подъ Византійскимъ вліяніемъ. Наконецъ, можетъ-быть, третьему живописцу принадлежатъ изображенія апостоловъ надъ канонами. Въ нихъ техника того-же Франкскаго живописца; но первообразы, лежащіе въ ихъ основаніи, вѣроятно, не находились въ Ирландскомъ образцѣ, потому-что художникъ взялъ ихъ съ античныхъ изображеній, живо напоминающихъ образцы древнѣйшихъ мозаикъ или живопись Римскихъ катакомбъ. Хотя эти образы грубы, но они исполнены величія.

Такимъ образомъ, кромѣ переписчика, не одинъ художникъ,

---

(79) См. изображеніе такъ-наз. Ассирійскаго Геркулеса на Ниневійскихъ скульптурахъ въ изданіяхъ Ботты и Леярда. Также у *Raoul-Rochette*: Mémoires d'archéologie comparée. Sur l'Herucle assyrien. Paris, 1852.

а иногда два и, можетъ быть, даже и болѣе, содѣйствовали изукрашенію драгоцѣнныхъ рукописей.

Въ XI столѣтіи Ирландское вліяніе, кажется, совершенно исчезаетъ на Европейскомъ материкѣ: ни въ одной изъ мною изслѣдованныхъ библіотекъ, я не нашелъ, миніатюръ, созданныхъ подъ этимъ вліяніемъ, позднѣе X вѣка. Оно уступаетъ мѣсто другому искусству: какъ въ дѣлѣ распространенія религіи Ирландскіе монахи уступили свое мѣсто Англо-Саксонскимъ проповѣдникамъ, такъ въ искусствѣ Англо-Саксонское вліяніе, болѣе сообразное съ западнымъ вкусомъ, вытѣснило на Европейскомъ материкѣ Ирландское.

III.

Требованія времени измѣнились. Отличительною чертою Ирландской церкви было первое распространеніе христіанской вѣры среди Германскихъ народовъ посредствомъ проповѣди; сама-же она управлялась совершенно патріархальнымъ образомъ. Среди гражданскихъ смутъ послѣднихъ Меровингскихъ временъ, церковь, какъ представительница духовной власти, нуждалась во внѣшнемъ единствѣ: оно могло быть сообщено ей только введеніемъ іерархическаго начала. Эту миссію взяли на себя Англо-Саксы. Не смотря на все могущество своей проповѣди, Ирландцы должны были имъ уступить, потому-что имъ недоставало того твердаго внутренняго устройства, которое характеризировало Англо-Саксовъ. Такъ-какъ они во многомъ отступили отъ ученія и порядка Римской церкви, и часто вели одичалую жизнь, то Англо-Саксонскіе миссіонеры считали ихъ еретиками, противъ которыхъ вели упорную борьбу (80). Въ концѣ VI столѣтія прибыли къ Англо-Саксонскимъ берегамъ первые проповѣдники христіанскаго ученія, присланные папою Григоріемъ Великимъ. Въ-те-

(80) См. жизнь св. Бонифація, въ *Böhringer*, Die Kirche Christi. 2te Band. 1 Abth. p. 63.

ченіе VII столѣтіе не только всѣ Англо-Саксы были обращены въ христіанскую вѣру, но и твердо присоединены къ Римской церкви. Англо-Саксонская церковь вскорѣ прославилась своими миссіонерами и учеными. Въ числѣ первыхъ замѣчателенъ Бонифацій (81), (VIII ст.); изъ знаменитыхъ ученыхъ монаховъ, Дунгалъ и могущественный Дунстанъ (въ X в.), славившійся своимъ искусствомъ въ музыкѣ и живописи. Когда многіе Германскіе народы обращены были въ христіанство они основали разные монастыри, изъ которыхъ прославились многіе, и еще понынѣ существуютъ въ Германіи Регенсбургскій и Вѣнскій т.-наз. монастыри Шотландцевъ.

Эта постоянная зависимость отъ Рима и сношеніе Англо-Саксонскихъ миссіонеровъ и монаховъ съ престоломъ св. Петра весьма важны и для исторіи искусства: они объясняютъ основаніе и отличительную черту Англо-Саксонской живописи, хотя происхожденіе и начало этой школы еще далеко не изслѣдованы достаточнымъ образомъ (82). Исключая одного, весьма короткаго періода, во второй половинѣ X вѣка, когда повидимому въ Англіи господствовала гуашная школа живописи въ антично-Византійскомъ духѣ, въ этомъ государствѣ развилась своя собственная школа, которая, вмѣстѣ съ Англо-Саксонскою проповѣдью, имѣла сильное вліяніе и на материкъ Европейскій, въ-особенности на Германію и преимущественно на Бельгію, что мы увидимъ изъ большаго числа миніатюръ, возникшихъ въ этой странѣ по образцамъ Англо-Саксонскимъ. Шнаазе, въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи (83), очень ошибается, производя

(81) О многочисленныхъ его реформахъ въ церковномъ управленіи и его безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Римомъ, см. его біографію.

(82) У Ваагена, K. und K. in England, Tom I. p. 136 и 137 многое еще смѣшано; онъ въ этомъ сочиненіи еще не различалъ живопись Ирландскую отъ Англо-Саксонской. *Schnaase*, C. der b. K. IV B. 2 Abth. стр. 482 хотя и вѣрно опредѣлилъ характеръ этой живописи, но не знакомъ съ ея древнѣйшими памятниками, хранящимися въ библіотекахъ Англіи; его замѣчанія заимствованы изъ книги Ваагена.

(83) *Schnaase*, G. der b. K. VI B. 2 Abth. p. 482. Тамъ-же, на стр. 488, Шнаазе совершенно ошибается, говоря, что этотъ стиль возникъ только въ половинѣ XII. Онъ противорѣчитъ сказанному на стр. 483.

начало этой школы отъ Ирландской. Напротивъ, въ основаніи Англо-Саксонской живописи лежатъ языческо-классическіе и древне-христіанскіе образцы, къ которымъ примѣшиваются иногда національныя черты. Послѣднее явленіе произошло отъ сильнаго національнаго элемента, который проникъ въ самую церковную службу, совершавшуюся большею частью на отечественномъ языкѣ. Англо-Саксы, обращенные Римскими проповѣдниками въ христіанство, естественно должны были получить отъ нихъ со священными книгами и образцы для искусства; только они значительно видоизмѣнили его относительно технической части. Какъ произошло въ самыхъ древнихъ манускриптахъ это видоизмѣненіе — вотъ вопросъ, еще вовсе на разрѣшенный (84). Отъ Ирландскаго искусства Англо-Саксонское заимствовало только одно; это — орнаментику въ заставкахъ и заглавныхъ буквахъ, и эта заимствованная часть у нихъ исполнена небрежнымъ образомъ, тогда-какъ Ирландское искусство славилось ею. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ Англо-Саксонское искусство самостоятельно. Миніатюры Англо-Саксонскихъ рукописей состоятъ изъ рисунковъ, объясняющихъ текстъ и вставленныхъ въ него, какъ иллюстраціи нашихъ книгъ. Переписчикъ оставлялъ для живописца или, правильнѣе, рисовальщика, пустое мѣсто, которое обводилось рамкою для изображенія описываемаго сюжета. Во множествѣ манускиптовъ есть много подобныхъ пустыхъ мѣстъ. Эти рисунки сдѣланы или перомъ и расписаны легкими, мѣстами, водяными красками безъ тѣней, или сдѣланы очерками, въ которыхъ всѣ части очерчены соотвѣтствующими имъ красками. Такъ волосы сдѣланы коричневою краскою, лице — красною, платье — синею, золотою и т. д. Но всего замѣчательнѣе въ Англо-Саксонскихъ миніатюрахъ композиція: она исполнена жизни и глубоко-поэтическихъ мыслей; въ картинахъ обыкновенно дѣйствуетъ много фигуръ,

(84) Слѣдуетъ разсмотрѣть всѣ рукописи, хранящіяся въ многочисленныхъ библіотекахъ Англіи.

которымъ придана сильная драматическая жизнь и одежды представлены въ такомъ волнистомъ движеніи, какъ въ готическомъ искусствѣ, или даже въ произведеніяхъ Бернини. Въ положеніяхъ тѣла есть что-то вновь напоминающее грацію готической скульптуры. То-же должно сказать и объ изображеніяхъ животныхъ. Что-же касается до изображеній архитектурныхъ, одежды, домашней утвари, то въ иныхъ представленіяхъ Англо-Саксонскія миніатюры держатся строго античныхъ и древнехристіанскихъ преданій, въ другихъ передаютъ національную жизнь.

Характеризировавъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ Англо-Саксонскую живопись на ея родинѣ, мы должны перейдти къ вліянію, которое пріобрѣла она, перешедши, вмѣстѣ съ Англо-Саксонскими миніатюрами, на сѣверную половину Европейскаго материка, и изучить, какимъ измѣненіямъ она здѣсь подверглась. И въ этомъ вопросѣ я долженъ совершенно противорѣчить Шнаазе, который, не изслѣдовавъ памятниковъ, утверждаетъ, что на Европейскомъ материкѣ это искусство не имѣло никакого вліянія, потому-что тамъ привыкли къ болѣе совершеннымъ формамъ (85). Но въ этомъ вопросѣ я позволю себѣ еще разъ не согласиться съ мнѣніемъ этого высокоуважаемаго мною историка. Открытый мною рядъ памятниковъ докажетъ его ошибочность.

Очевидно, что Англо-Саксонское искусство, подобно Ирландскому, при перенесеніи своемъ на новую почву, должно было потерять то совершенство, которымъ оно отличалось на родинѣ. Въ самомъ-дѣлѣ, миніатюръ, сдѣланныхъ въ томъ второмъ родѣ, о которомъ я говорилъ выше,—кромѣ одной и, что странно, очень поздней рукописи,—въ изслѣдованныхъ мною библіотекахъ я не нашелъ. Въ эту общую эпоху упадка искусства и миніатюры, исполненныя на материкѣ въ Англо-Саксонскомъ вкусѣ, вообще отличаются въ техническомъ отношеніи

(85) Тамъ-же, стр. 488.

грубостью отдѣлки и несовершенствомъ рисунка; въ большей части рукописей рисунки просто начерчены перомъ и только въ немногихъ кое-гдѣ раскрашены. Для болѣе окончательныхъ работъ, кажется, недоставало ни умѣнья, ни терпѣнія. Но и всѣ сдѣланныя на Европейскомъ материкѣ Англо-Саксонскія миніатюры сохраняютъ тотъ античный и первобытный древне-христіанскій характеръ, о которомъ я говорилъ выше. Замѣчательно также, что ни одна изъ всѣхъ найденныхъ мною Англо-Саксонскихъ рукописей не восходитъ выше X вѣка, тогда-какъ Ирландскія обыкновенно оканчиваются этимъ вѣкомъ: видно, какъ и въ искусствѣ, одинъ народъ былъ преемникомъ другаго и одно господствующее вліяніе смѣнялось другимъ. Въ рукописи подъ № 10,262, въ королевской библіотекѣ въ Брюсселѣ, содержащей разныя сочиненія Евсевія, Іеронима и др. и принадлежащей X вѣку, нельзя не восхититься превосходною заглавною буквою, довольно небрежно сдѣланною и кое-гдѣ раскрашенною красною краскою, которая кажется исполненною по какому-нибудь Помпеянскому образцу. Рукопись, по старинной припискѣ, принадлежала церкви монастыря св. Лаврентія близъ Люттиха (86).

Рукопись подъ № 150, хранящаяся въ публичной библіотекѣ въ Гентѣ, содержитъ житія разныхъ Бельгійскихъ святыхъ и въ-особенности Гентскихъ, напр. св. Бавона, Ливина и Макарія; послѣднему посвящена единственная уцѣлѣвшая капелла нѣкогда знаменитаго монастыря св. Бавона (87). Рукопись принадлежала первоначально монастырю св. Бавона, потомъ собору св. Бавона и наконецъ перешла въ публичную библіотеку. Хотя она писана многими руками, но принадлежитъ X вѣку,—кромѣ поэмы Гильдеберта, тутъ-же помѣщенной, которая писана въ XII вѣкѣ. Эта рукопись замѣчательна тѣмъ, что представляетъ смѣсь господствовавшихъ тогда въ Бельгіи художественныхъ школъ. Такъ въ орнамен-

(86) Liber ecclesiae Sancti Laurentii juxta Leodi.

(87) См. выше приведенныя сочиненія Ванъ-Локерена.

тахъ и заглавныхъ буквахъ видно сильное античное и Ирландское вліяніе. Онѣ раскрашены и въ нихъ употреблено много золота и серебра. Напротивъ, два первые рисунка суть очерки, сдѣланные перомъ въ Англо-Саксонскомъ вкусѣ. Первая изображаетъ богато-одѣтаго воина въ древне-Римской одеждѣ, быстро-спѣщащаго къ святому мужу, стоящему спокойно съ евангеліемъ въ рукахъ, съ сіяніемъ вокругъ головы. Это Бавонъ, идущій къ св. Аманду съ просьбою принять его въ свою обитель (88). Наконецъ третья картина (fol. 174 verso), находящаяся предъ жизнеописаніемъ св. Макарія, изображаетъ этого святаго въ Греческихъ святительскихъ одеждахъ, благословляющаго народъ. Она до такой степени реставрирована, что нельзя узнать ни школы, которой она принадлежала, ни ея первоначальнаго вида.

Примѣръ другой, по почерку Англо-Саксонской рукописи X-го вѣка, украшенной заглавными буквами въ Ирландскомъ вкусѣ, представляетъ евангеліе X вѣка, хранящееся въ библіотекѣ іезуитскаго коллегіума въ Брюсселѣ.

Къ лучшимъ Англо-Саксонскимъ образцамъ гораздо болѣе приближаются три рукописи, хранящіяся въ королевской библіотекѣ въ Брюсселѣ. Онѣ принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ миніатюрамъ, мною найденныхъ: до-сихъ-поръ онѣ никому не были извѣстны и никѣмъ не описаны. Въ высшей степени замѣчательно то обстоятельство, что всѣ три содержатъ, въ числѣ прочихъ стихотвореній знаменитаго христіанскаго поэта IV вѣка Пруденція, иллюстрированную его поэму: Psychomachia (89). Этотъ древній писатель былъ очень любимымъ авторомъ у Англо-Саксонцевъ: его аллегорическія стихотворе-

(88) Оффиціальный каталогъ, составленный ученымъ, незнакомымъ съ искусствомъ, принимаетъ Бавона за Вѣчнаго Жида (!) См. Catalogue des manuscrits de la Bibliothéque de Gand. 1849—1852. p 167. Рубенсъ превосходно и поэтически изобразилъ этотъ предметъ въ прекрасной, запрестольной картинѣ, находящейся въ соборѣ св. Бавона въ Гентѣ.

(89) Ψυχομαχία, de compugnantia animi, о борьбѣ добродѣтели и порока въ человѣкѣ.

нія были очень часто переписываемы ими. Шоу говоритъ, что въ библіотекѣ Британскаго музея, въ Лондонѣ, есть рукопись Психомахіи, украшенная миніатюрами IX вѣка. По fac-simile, приложенному къ его изданію, видно, что это очерки, въ небольшихъ размѣрахъ, исполненные во второмъ описанномъ выше родѣ: они прекрасны. По его словамъ, въ Лондонѣ есть еще двѣ рукописи съ миніатюрами Психомахіи и каждая изъ университетскихъ библіотекъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ имѣетъ по одной. Каково-же было мое удивленіе и восторгъ, когда я нашелъ въ *одной* библютекѣ *три* рукописи ея съ миніатюрами. Число миніатюръ въ каждой изъ нихъ значительно: иногда оно доходитъ до сорока, иногда ихъ еще больше. Кромѣ нѣсколькихъ библейскихъ сценъ, очень оригинально изображенныхъ, всѣ миніатюры представляютъ аллегорическія олицетворенія добродѣтелей и пороковъ. Такъ Fides, Pudicitia, Patientia и пр. изображены въ борьбѣ съ порочными страстями, тоже олицетворенными, каковы напр. Ira, Luxuria, Avaritia и т. д., но въ видѣ какихъ-то демоновъ. Эти отношенія олицетворенныхъ страстей другъ къ другу, моменты завлеченія, борьбы, побѣды, торжества, бѣгства и окончательнаго тріумфа и т. д. даютъ художнику поводъ къ весьма разнообразнымъ и иногда величественнымъ сценамъ. Добродѣтели вездѣ изображены въ поздне-Римскомъ костюмѣ, со шлемомъ на головѣ и панцыремъ. Особенно достойна изученія и вниманія вся обстановка, напр. архитектура храмовъ, одежды, орудія и т. д. Изучая миніатюры этихъ трехъ рукописей я вообще пришелъ къ заключенію, что онѣ всѣ суть вольныя копіи съ разными своеобразными variантами съ оригинала, вѣроятно, потеряннаго, восходящаго къ IV или — что еще вѣроятнѣе — къ V вѣку: потому-что, какъ художественный характеръ и духъ ихъ композиціи вообще, такъ и всѣ околичности указываютъ на эту эпоху. Такъ-какъ это поэтическое произведеніе Пруденція преимущественно по свойству и содержанію своему было способно къ подобнаго рода иллюстраціямъ, то можно предположить, что оно было украшено

ими вскорѣ послѣ изданія. Эти иллюстраціи должны были еще болѣе увеличить впечатлѣніе, производимое стихами. Возводя оригиналы этихъ миніатюръ къ V вѣку, я опираюсь, кромѣ костюма дѣйствующихъ лицъ, еще на форму церковныхъ зданій, алтарей, изображеніе сценъ судопроизводства, молитвы, писанія книгъ и т. д.; всѣ они представляютъ не обычаи X или XI вѣка, къ которому относятся находящіяся передъ нами рукописи, но совершенно принадлежатъ IV и V вѣку (91).

Древнѣйшая изъ этихъ рукописей, подъ № 9968—71, принадлежала, по старинной припискѣ на раз. 116, Бенедиктинскому монастырю св. Максимиліана близъ Трира (92). Рисунки этой, нетщательно писанной, рукописи часто испорчены какою-то позднѣйшею дерзкою рукою. Замѣчателенъ въ-особенности послѣ перваго (испорченнаго) рисунка, изображающаго жертвоприношеніе Исаака, рисунокъ второй: Мильхиседекъ, Sacerdos, юный видомъ, благословляетъ дары на алтарѣ, стоящемъ передъ трехнефною базиликою, изъ которой Богъ (въ видѣ длани) благословляетъ алтарь. Авраамъ приноситъ ему козленка на жертву. На 6 миніатюрѣ изображена Fides сидящею на тронѣ; у ногъ ея поверженный сатана. Она благословляетъ мучениковъ, стоящихъ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ (93), налагая руки на главу ихъ. Мученики изображены юными и въ античной одеждѣ съ обручами на рукахъ. 10-й рисунокъ изображаетъ, какъ послѣ побѣды надъ Libido, Pudicitia gladium suum lavit in Jordane. Рѣка Іорданъ изображена въ видѣ двухъ античныхъ юношей, которые льютъ воду изъ урнъ.

---

(90) Въ великолѣпномъ изданіи: Dresses and decorations of the middle ages. London, 2 vol. in sol., гдѣ и прилагаетъ снимки изъ рукописи Пруденція IX вѣка (parts XVII to XX, 3 Engraving).

(91) См. *Augusti*, Handbuch der chr. Archäologie. 3 B. Leipzig, 1836.

(92) Codex monasterii sancti Maximina extra muros Treverorum.

(93) О значеніи пальмы см. *Menzel*, Ch. Symbolik, s. v. Palme.

(94) См. объ олицетвореніи рѣкъ въ средневѣковомъ искусствѣ: *Ferd. Piper*, Mythologie der chr. Kunst, 2 Abth. p. 489—564.

На 24-мъ рисункѣ Superbia изображена ѣдущею верхомъ на львѣ (95).

Рукопись подъ № 9989, хотя и представляетъ много сродственнаго въ композиціи и костюмахъ съ предыдущею, но въ художественномъ отношеніи гораздо грубѣе. Всѣ стороны человѣческаго тѣла ростутъ въ объемѣ. Тамъ, гдѣ художнику слѣдовало изобразить сюжетъ христіанскій, видна вся недостаточность, весь невыработанный языкъ новыхъ формъ. Такова напр. миніатюра на стр, 109, гдѣ Humilitas возносится на небо. Античный элементъ особенно преобладаетъ въ многочисленныхъ изображеніяхъ воиновъ, въ ихъ костюмахъ и т. д. Въ-особенности замѣчательна миніатюра на стр. 109, гдѣ Luxuria in coena sedit; она, кажется, снята съ античнаго барельефа: Luxuria возлежитъ за столомъ и три раба приносятъ ей античные роги съ виномъ. На стр. 105 Superbia изображена верхомъ на лошади, а не на львѣ, какъ въ предыдущей рукописи.

Третья рукопись, подъ № 10,073, принадлежавшая монастырю св. Лаврентія возлѣ Люттиха (96), и содержащая 52 рисунка, отчасти слабо-раскрашенные водяными красками, хотя въ костюмахъ, зданіяхъ и т. д. совершенно однородна съ предыдущими, но одежды и вообще все убранство отличается большею роскошью. Кромѣ-того, добродѣтели имѣютъ вокругъ главы сіяніе. Порокамъ приданы самыя неестественныя положенія; они отвратительны своими тѣлесными формами, безпорядкомъ волосъ, и т. д. На стр. 114 verso: Prudentius scolasticus orat — поэтъ изображенъ совершенно схожимъ съ античными изображеніями евангелистовъ или Виргилія въ Ватиканской рукописи.

Очень замѣчательна по богатой архитектурѣ миніатюра на стр. 137, изображающая мудрость (Sapientia), засѣдающую въ ея первопрестольномъ городѣ.

(95) О символическомъ значеніи льва въ искусствѣ см. Dr. *Gustav Heider*, Ueber Thier-Symbolik und das Symbol des Löwen in der chr. Kunst. Wien, 1849.

(96) Старинная приписка: S. Laurentii prope Leodium.

Къ группѣ этихъ трехъ рукописей Психомахіи Пруденція, принадлежитъ еще рукопись подъ № 10,074, содержащая въ себѣ: Physiologus de naturis animalium et bestiarum (in 4°), въ-особенности въ художественномъ отношеніи сродственная съ № 10,073 и тоже находящаяся въ королевской библіотекѣ въ Брюсселѣ. Въ ней много весьма странныхъ по содержанію миніатюръ, исполненныхъ перомъ, въ очеркахъ, въ томъ-же духѣ и принадлежащихъ той-же эпохѣ. Можетъ быть, и въ основаніи ея лежалъ такой-же, болѣе древній оригиналъ, какъ и у Пруденція. На стр. 144 Христосъ изображенъ юнымъ. На той-же стр. verso, Venator снятъ, кажется, съ поздне-Римскаго барельефа. На стр. 142 Сирена—взята изъ античной миѳологіи. На стр. 143 представлено исцѣленіе больнаго посредствомъ взгляда на какую-то чудесную птицу. На стр. 144 (verso) въ дискѣ солнца изображенъ Геліосъ (97). На стр. 146 verso царь Соломонъ изображенъ на тронѣ, схожемъ съ т.-н. трономъ Дагоберта, сохраняемымъ въ публичной библіотекѣ въ Парижѣ. Корона его очень сходна съ короною Лотаря, въ евангеліи этого императора, хранящемся въ публичной библіотекѣ въ Парижѣ.

Англо-Саксонское вліяніе продолжается въ сѣверной половинѣ Европейскаго материка и въ XI вѣкѣ. Къ этой эпохѣ относится евангеліе изъ № 5573 въ королевской библіотекѣ въ Брюсселѣ. Миніатюры его суть тоже очерки, сдѣланные перомъ, но кое-гдѣ раскрашенные яркими и грубыми по матеріалу красками. Мѣстами встрѣчается и золото, но плохое. Орнаменты сдѣланы въ Ирландскомъ вкусѣ; я уже говорилъ объ этомъ соединеніи двухъ стилей въ одной и той-же рукописи. Въ капителяхъ колоннъ, украшающихъ каноны, встрѣчаются головы животныхъ, напр. лошадей, — обычай уже Романской эпохи. Въ высшей степени замѣчательна первая миніатюра этого евангелія. Она изображаетъ Христа, распятаго на крестѣ, но видомъ юнаго, безъ страданія на лицѣ. Онъ окруженъ сія-

(97) См. *Piper*, Mythologie. II. Abth. p. 116.

ніемъ, въ которомъ пламенѣетъ крестъ. Крестъ-же, на которомъ Онъ распятъ, изображенъ въ видѣ земнаго древа жизни, покрытаго листьями (98). Змѣя, вьющаяся у подножія креста, означаетъ зло, крестомъ побѣжденное. По обѣимъ сторонамъ Спасителя, съ сильнымъ движеніемъ, выражающимъ глубокую печаль, стоятъ, по обыкновенію, Божія Матерь и Іоаннъ евангелистъ. По обычаю Англо-Саксонскаго искусства, всѣ фигуры изображены очень длинными, и въ одеждахъ съ богатыми складками, какъ будто развѣваемыми вѣтромъ. Въ этомъ стилѣ исполненіе изображенія четырехъ евангелистовъ, которые тоже отличаются юностію.

Я оканчиваю обозрѣніе Англо-Саксонской живописи великолѣпнымъ евангеліемъ этой школы, принадлежащимъ избранной библіотекѣ герцога д'Аремберга въ Брюсселѣ, замѣчательнымъ не только по прекраснымъ миніатюрамъ, но и по необыкновенно-богатому окладу. Эта рукопись принадлежала первоначально церкви св. Северина въ Кельнѣ, что доказывается множествомъ присяжныхъ формулъ, въ ней находящихся. Но эта принадлежность еще не объясняетъ ея происхожденія: я не встрѣтилъ въ видѣнныхъ мною библіотекахъ ни одной Англо-Саксонской рукописи, которая по красотѣ исполненія подходила-бы къ этому евангелію. Можетъ быть, она была привезена изъ Англіи. По палеографическимъ признакамъ и по мнѣнію разныхъ ученыхъ, видѣвшихъ ее, принадлежитъ она XII вѣку. Эта школа въ такой чистотѣ могла сохраниться только на родинѣ. Рукопись писана весьма четко и тщательно: первая страница каждаго евангелія писана большими унціальными

---

(98) См. *Menzel's* Symbolik. s. v. Kreuz u. Kreuzigung. Христіанская поэзія среднихъ вѣковъ слѣдующимъ образомъ описала это древо:

Crux fidelis inter omnes
  Arbor una nobilis.
Nulla silva talem proffert
  Fronde, flore, germine.
Dulce lignum, dulce signum,
  Dulce pondus sustinens.

Гимнъ Лактанція (?) de passione Christi.

буквами, почти квадратной формы, сдѣланными разноцвѣтными красками. Миніатюры состоятъ изъ однѣхъ очертательныхъ линій, которыя никогда не были оттѣнены или наполнены краскою, даже одноцвѣтною. Только очертательная линія всегда принимаетъ соотвѣтствующую изображаемому предмету краску. Во всѣхъ фигурахъ есть какая-то быстрота дѣйствія, иногда необыкновенно величавая. Первая картина изображаетъ Христа на крестѣ, но уже съ бородою, и притомъ крестъ украшенъ карнизомъ, какъ архитектурное произведеніе. Христосъ изображенъ на крестѣ уже мертвымъ; ноги Его покоятся на подножіи. Кровь изъ раны течетъ въ сосудъ, внизу стоящій. Два ангела съ пальмами парятъ возлѣ Христа; на землѣ Божія Матерь и Іоаннъ евангелистъ. Но самыя замѣчательныя миніатюры этой рукописи находятся надъ аркадами каноновъ. Они изображаютъ: ангеловъ съ пальмами; Божію Матерь съ Младенцемъ; Христа во славѣ, сидящаго на тронѣ; Христа, которому поклоняются херувимы. Одна изъ самыхъ драматическихъ изображаетъ Христа, попирающаго льва и дракона (99). Любопытно для пониманія стиля разныхъ школъ сравнить этотъ рисунокъ съ спокойно-античнымъ изображеніемъ этого предмета на рельефѣ, находящемся у Gori, T. Lesaurus veter. dipty. Tom III. p. 33 и Didron, J con. ctret. p. 304. Всѣ евангелисты, окруженные богатыми въ отношеніи архитектуры зданіями, изображены въ юношескомъ возрастѣ, съ короткими волосами.

Рисовальныя манера очерками, сдѣланными перомъ, введенная Англо-Саксонскою школою, продолжалась въ Бельгіи съ увеличивающеюся грубостью формъ, во все теченіе XI и XII вѣка, и я нашелъ много рукописей съ миніатюрами, созданными подъ этимъ вліяніемъ. Разсмотрѣніе ихъ однако не относится къ предмету этого сочиненія.

(99) Символическое значеніе этого представленія объяснено у Дидрона: Histoire de Dieu. p. 303. *Heider*, Thier-Symbolik, p. 30. Это изображеніе находится также въ тимпанѣ церквей N. D. въ Аміенѣ, въ Шартрѣ и на Корсунскихъ вратахъ въ Новгородскомъ соборѣ. См. *Аделунгъ*, Корсунскія врата. Москва, 1834, стр. 38.

IV.

Многочисленные факты доказываютъ намъ глубокій упадокъ, въ которомъ находилась живопись отъ половины IX до конца X вѣка. Естественно, что подобныя произведенія, какъ миніатюры Евангелія подъ № 1, хранящагося въ библіотекѣ Трирскаго собора, должны были возбудить желаніе вывести искусство изъ этого печальнаго положенія Въ-самомъ-дѣлѣ, въ половинѣ X вѣка мы замѣчаемъ новое возрожденіе живописи въ Германіи, которая, подъ могущественнымъ правленіемъ императоровъ изъ Саксонскаго дома, въ это время достигла высокой степени силы, единства и благоденствія (100). Но въ концѣ X вѣка, въ живописи, основанной на античныхъ преданіяхъ, замѣчается снова неоспоримое и сильное вліяніе Византійскаго искусства. Фактъ этотъ въ исторіи живописи по миміатюрамъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію (101); ученые несогласны между собою только въ вопросѣ о причинахъ, вызвавшимъ это явленіе. Примемъ-ли политическія сношенія Германіи съ Византіею, именно бракъ Оттона II съ Греческою принцессою Θеофаніею (въ 972), привезшею съ собою въ Германію много Византійскихъ художественныхъ произведеній (102), и, можетъ быть, и художниковъ, или чрезъ распространеніе Византійскихъ произведеній, или чрезъ посредство Италіи, въ которой господствовала тогда Византійская живопись, или чрезъ торговыя сношенія,—только въ Германіи около этого времени появляется рядъ рукописей съ миніатюрами, на которыхъ оказывается сильное Византійское вліяніе. Мнѣ удалось открыть и изслѣдовать еще неописанныя рукописи, относящіяся къ концу этой эпохи, которая, при всемъ преобладаніи античнаго элемента, замѣтнаго и въ лучшихъ Греческихъ ру-

(100) *Waagen*, K. und K. in Paris, p. 264.
(101(*Kugler*, Handbuch der G. der M. Tom I. p. 163.
(102) *Schnaase*, G. der b. K. IV B. 2 Abth. p. 565 Die byzantinische Frage.

кописяхъ этого періода (103), носитъ на себѣ всѣ слѣды и спеціальнаго Византійскаго вліянія.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ рукописей этого времени есть Евангелитаріумъ (104), написанный на пергаминѣ въ большую 8 долю листа, подходящую къ квадратной формѣ, хранящійся въ публичной библіотекѣ въ Трирѣ. Два посвятительные листа, изъ которыхъ одинъ изображаетъ сцену посвященія этой рукописи, другой содержитъ посвятительные стихи, объясняетъ намъ мѣсто и время происхожденія этой рукописи. На посвятительной миніатюрѣ изображенъ Трирскій епископъ Эгбертъ, сидящій на тронѣ; два монаха подносятъ ему двѣ рукописи. Эгбертъ правилъ архіепископствомъ Трирскимъ съ 978 по 993 годъ; оба монаха назвали себя въ надписи, находящейся надъ ихъ головами: это были монахи монастыря Рейхенау на Боденскомъ озерѣ близъ Констанца, Керальдъ и Харибертъ. Этими двумя новыми именами обогащается исторія миніатюрной живописи. Можно предположить, что Эгбертъ, во время путешествія въ Италію, куда высшіе сановники церкви въ то время такъ-же часто ѣздили, какъ и нынѣ, иногда для покупки реликвій, останавливался въ этомъ монастырѣ, знаменитомъ въ исторіи искусства (105) и при отъѣздѣ получилъ въ даръ это евангеліе. Это доказывиетъ посвятительная надпись другаго листа, гдѣ, какъ и на первомъ, въ прекрасной рамкѣ на пурпуровомъ полѣ золотыми буквами написаны слѣдующіе стихи:

Hunc Egberte librum divino dogma
tae plenum
Suscipiendo vale. nec non in saecula
gaude.
Augia fausta tibi. quem defert
praesul honori.

(103) *Waagen*. K. und K. in Paris, p. 217.

(104) Описанъ, по неудовлетворительно, въ *Kugler's* Kleine Schriften. 2 B. p. 340.

(105) См. *Otte*, Kunst-Archäologie. p. 75.

Рукопись имѣетъ 56 миніатюръ: это очень большое число, потому-что всѣ онѣ съ оконченностью исполнены красками. За двумя посвятительными листами слѣдуютъ на четырехъ листахъ, на пурпурувомъ полѣ, съ золотыми орнаментами, изображенія четырехъ евангелистовъ. Они представлены въ глубокой старости,—что прежде не было въ употребленіи. Символическія ихъ изображенія, необыкновенно малаго размѣра, имѣютъ совершенно-фантастическій характеръ. Затѣмъ слѣдуютъ миніатюры изъ священной исторіи Новаго Завѣта. Онѣ не имѣютъ вовсе ландшафтовъ и фона въ нашемъ смыслѣ; но, обыкновенно, начиная съ верху, видно золотое небо, которое посрединѣ картины переходитъ въ розовую полосу. Земля не отличается отъ неба особою линіею, но горизонтъ переходитъ въ желтоватый, а потомъ въ темно-коричневый цвѣтъ,—что и означаетъ землю. Нельзя не замѣтить, что художникъ имѣлъ тонкое чувство колорита. Человѣческія фигуры малы ростомъ. Еще менѣе должно ожидать правильнаго рисунка въ разныхъ членахъ тѣла. Надъ фигурами находятся надписи золотыми буквами, точно также, какъ и надъ городами и т. д. Въ складкахъ много изящнаго и часто удержаны античные мотивы; гдѣ тѣло изображено обнаженнымъ, тамъ видно полное незнаніе анатоміи и недостатокъ въ наблюденіи надъ природою. Въ-особенности грубы наклоненныя фигуры. Ноги и колѣна иногда очень толсты. Совершенно условнымъ, отступающимъ отъ природы образомъ изображены деревья: можно подумать, что живописецъ ихъ никогда не видалъ въ природѣ. Изъ замѣчательнѣйшихъ миніатюръ этой рукописи опишу слѣдующія: Распятіе Спасителя, причемъ являются (съ надписями) совершенно языческимъ образомъ представленные Solu Luna; они плачутъ и отираютъ слезы пеленами. Христосъ распятъ на золотомъ крестѣ; Онъ изображенъ юнымъ и одѣтъ въ пурпуровый длиннополый хитонъ, на которомъ свѣта означены золотомъ. По сторонамъ Его два разбойника въ бѣлыхъ хитонахъ распяты на такъ-называемомъ Египетскомъ крестѣ. Въ вознесеніи Спасителя на небо, Онъ

изображенъ въ сіяніи и держитъ въ рукахъ длинный крестъ. Богъ-Отецъ, изображенный въ видѣ длани, взявъ Христа за руку, возноситъ Его на небо. Не менѣе замѣчательны: Христосъ съ Пилатомъ, Христосъ въ Эмаусѣ, крещеніе Спасителя, исцѣленіе слѣпаго и т. д. Разсматривая колоритъ этихъ миніатюръ, мы видимъ, что въ нихъ вообще господствуетъ чувство гармоническое и весьма тонкое, но иногда любящее пестроту и яркость. Тѣмъ не менѣе есть и большія отступленія отъ этого чувства. Такъ напр. на сѣдыхъ волосахъ евангелистовъ тѣни означены яркою голубою краскою, что позже встрѣчается во множествѣ рукописей. Всего поразительнѣе двоякое различіе въ колоритѣ нагихъ частей тѣла: въ иныхъ картинахъ, гдѣ замѣтно пониманіе складокъ и лучшая гармонія въ краскахъ, онъ имѣетъ тотъ кирпично-красноватый тонъ, который мы находили въ античныхъ миніатюрахъ временъ каролинговъ; въ другихъ, коихъ число менѣе, лица и всѣ нагія части тѣла имѣютъ тотъ зеленоватый тонъ, который составляетъ признакъ спеціально-Византійскаго вліянія. Поэтому я полагаю, что миніатюры этой рукописи были исполнены двумя живописцами, изъ которыхъ первый былъ воспитанъ еще на чисто-античныхъ образцахъ, а вторый уже находился подъ спеціально-Византійскимъ вліяніемъ. Убѣдительнымъ доказательствомъ можетъ служить миніатюра, изображающая поклоненіе волхвовъ: здѣсь Божію Матерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ можно принять за Византійскій образъ. Многія миніатюры потерпѣли отъ времени.

Совершенно сродственна съ этой рукописью другая рукопись: это Missale in 4°, находящаяся въ библіотекѣ герцога д'Аремберга, въ Брюсселѣ. Она хорошо сохранена и, можетъ быть, первоначально принадлежала какому-нибудь монастырю въ Намюрѣ. Какъ въ предыдущей рукописи, такъ и здѣсь небо и земля, не раздѣленныя линіею, сливаются, только полосы въ краскахъ неба находятся въ превращенномъ порядкѣ: каждая полоса начинается свѣтло и оканчивается темно, что вершенно противно оптическимъ явленіямъ свѣта на небѣ. Такъ

въ миніатюрѣ «Распятіе Христово» небо голубое, потомъ пурпуровое съ оттѣненіемъ полосъ внизъ. Фигуры нѣсколько длиннѣе, чѣмъ въ рукописи Эгберта, и отличаются красивыми чертами лица: у нихъ продолговатыя лица, прекрасный Римскій носъ, тонкій ротъ и т. д. Вообще такою-же красотою отличаются и всѣ женскія лица. Головы вообще малы, за то руки иногда большею частію непропорціонально-велики. Въ этой рукописи, напротивъ, менѣе античныхъ воспоминаній; колоритъ блѣднѣе и безжизненнѣе и тоже склоняется къ пестротѣ. Въ композиціи есть много оригинальнаго. Всего замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи первая миніатюра, изображающая Вознесеніе Господне: здѣсь небо усѣяно раковинами, изъ которыхъ выглядываютъ на землю ангелы съ такою небесною наивностью, которая напоминаетъ знаменитыхъ ангеловъ Сикстинской мадонны Рафаеля. Исполненіе очень нѣжно и матеріалы, въ-особенности части золота, хороши.

Наконецъ послѣдняя рукопись, относящаяся къ этому періоду, есть украшенное многочисленными миніатюрами евангеліе подъ № 9428, хранящееся въ Брюссельской королевской библіотекѣ, и по старинной присяжной формулѣ, находящейся на первой страницѣ, принадлежавшее соборной церкви въ Бременѣ (106). Замѣчательно, что и въ немъ вездѣ проявляется античный духъ, хотя и въ сильномъ упадкѣ. Богъ-Отецъ и Спаситель изображены вездѣ въ юношескомъ возрастѣ, за то всѣ евангелисты въ глубокой старости, что указываетъ на Византійское вліяніе. Апостолы, цари, народъ являются въ античномъ костюмѣ, иногда хорошо драпированномъ. За-то художникъ не владѣлъ выраженіемъ лицъ: чрезмѣрно большія головы, съ вытаращенными глазами, имѣютъ странное выраженіе. Изображенія народа переходятъ въ каррикатуру. Только по мимикѣ рукъ становится понятно, что̀ желалъ выразить художникъ. Фигуры малы ростомъ и широки тѣломъ. Руки

(106) Каталогъ Брюссельской библіотеки ошибочно приписываетъ ее временамъ Карла Лысаго.

и ноги иногда слишкомъ толсты. Какъ въ евангеліи Эгберта, такъ и здѣсь совершенно-неудачны положенія наклоненныя и согбенныя. Чувство гармоніи красокъ живетъ и здѣсь въ изображеніи неба, какъ въ евангеліи Эгберта; только земля представляется условленно-волнообразными линіями. Вообще исполненіе довольно грубо и безъ тѣней. Колоритъ тѣлесныхъ частей кирпичный, иногда мертвенно-зеленоватый; на немъ свѣты наложены бѣлою краскою. Драпировка вообще хороша, только тамъ, гдѣ живописецъ не имѣлъ передъ собою образцовъ античныхъ, они ниже всякой критики. Изъ отдѣльныхъ миніатюръ замѣчательно, что Распятіе Спасителя совершенно схоже съ изображеніемъ въ евангеліи Эгберта. Но особенно-замѣчательны миніатюры, изображающія обрѣтеніе мощей какого-то святаго, взятыя изъ современной съ рукописью эпохи.

Этою рукописью оканчиваю я описаніе найденныхъ мною миніатюръ X вѣка.

V.

Изъ этого обзора новооткрытыхъ миніатюръ въ рукописяхъ IX и X вѣковъ можно вывести слѣдующіе результаты для исторіи живописи въ сѣверной Европѣ въ вышеозначенную эпоху:

Древнѣйшіе памятники живописи въ сѣверной половинѣ Европейскаго материка восходятъ ко временамъ Карла Великаго. Въ его эпоху господствуетъ направленіе, въ которомъ искусство, въ-отношеніи внѣшней формы и техники, слѣдуетъ еще совершенно-античнымъ преданіямъ. Но въ то-же самое время замѣчается, во-первыхъ, сильное вліяніе рано-образовавшагося, самостоятельнаго Византійскаго искусства, — вліяніе, вошедшее въ западное искусство вслѣдствіе предпочтенія, которое оказывалъ послѣднему императоръ; во-вторыхъ, замѣчается начинающійся упадокъ искусства. При непосредственныхъ преемникахъ Карла Великаго, это Византійское вліяніе совершенно исчезаетъ и прежнее античное, что видно изъ многочисленныхъ примѣровъ, совершенно заступаетъ его мѣсто. Въ послѣдующее время живопись приходитъ въ глубочайшій упадокъ.

Такимъ образомъ въ то время, какъ на материкѣ Европейскомъ господствуютъ въ искусствѣ преданія античнаго міра, въ отдаленной Ирландіи, въ глубочайшей древности, образуется самостоятельная и совершенно-оригинальная школа живописи, которой древнѣйшіе памятники ученые относятъ къ VI вѣку. Съ Ирландскими миссіонерами она распространяется въ сѣверной Европѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ ее уже въ началѣ VIII вѣка, и преимущественно въ IX и X вѣкахъ. Но на Европейскомъ материкѣ нашла себѣ доступъ только ея искусная орнаментика; изображеніе человѣческой фигуры, совершенно отступающее отъ законовъ природы и представляющее одну прихотливую игру линій, даже во времена глубочайшаго упадка искусства, было замѣнено грубою работою Франкскихъ художниковъ. Кромѣ-того и въ орнаментахъ оно, какъ всякое подражаніе, лишилось своей превосходной техники. Послѣдніе памятники подражанія Ирландскому искусству принадлежатъ исходу X вѣка.

Какъ въ дѣлѣ религіи, такъ въ искусствѣ Ирландская школа уступила свое мѣсто Англо-Саксонской, оригинальнымъ образомъ сохранившей долѣе всѣхъ преданія античныя, но въ техникѣ живописной изобрѣтшей новую систему. Но и она, перенесенная на Европейскій материкъ миніатюрами, потеряла здѣсь свою оригинальную технику, но сохранила свой античный характеръ, хотя и тутъ обнаружился сильный упадокъ. Всего сильнѣе она, кажется, была распространена въ XI вѣкѣ.

Такимъ образомъ въ X вѣкѣ мы вездѣ на сѣверной половинѣ Европейскаго материка встрѣчаемъ живопись въ глубочайшемъ упадкѣ; но памятники конца этого вѣка доказываютъ, что она снова начинаетъ возраждаться, благодаря сохранившимся въ Византійской живописи древнимъ преданіямъ лучшей техники и созданнымъ ею типамъ. Они даютъ ей новую жизнь, которая входитъ въ элементы новаго искусства,—въ живопись Романской эпохи.

К. ГЕРЦЪ.

МОГИЛА ПУШКИНА И СЕЛО МИХАЙЛОВСКОЕ (*).

(*Письмо къ редактору*).

Чтобы скрасить сколько нибудь однообразіе дождливаго лѣта, я вздумалъ съ почтеннымъ собратомъ моимъ, Влад. Ѳед. Э—омъ, съѣздить по желѣзной дорогѣ во Псковъ, а оттуда пробраться въ село Михайловское — поклониться нашей литературной святынѣ: праху Пушкина и знаменитымъ Михайловскимъ рощамъ. Въ субботу 25 іюля, въ 8 часовъ утра, мы сѣли въ вагонъ и къ 4 часамъ вечера, къ самому обѣду, были во Псковѣ. Осмотрѣніе достопримѣчательностей Пскова не много отняло у насъ времени: городская стѣна, Троицкій соборъ въ Кремлѣ съ гробницами Всеволода и Довмонта, съ знаменитыми мечами, два древніе монастыря: женскій Ивановскій и мужской Мирожскій, Поганкины палаты, обращенныя со-временъ Петра Великаго въ провіантскій магазинъ, старинный домъ какихъ-то Меншиковыхъ, развалины котораго очень живописны, обгорѣлый старинный домъ Трубинскихъ—вотъ и всѣ древности Пскова. Изучать ихъ подробнѣе у насъ не было досугу. Мы купили въ чайномъ магазинѣ (книжной лавки во Псковѣ нѣтъ), почти передъ выѣздомъ, двѣ брошюры инспектора Псковской семинаріи г. Князева, въ которыхъ довольно подробно указаны всѣ достопамятности Пскова: съ этимъ гидомъ на будущее время любитель старины можетъ пуститься во Псковъ, и даже не прибѣгая къ рѣдкой

(*) Михайловское принадлежитъ теперь старшему сыну поэта, ротмистру лейбъ-гвардіи коннаго полка Александру Александровичу Пушкину.

нынѣ книгѣ митрополита Евгенія: «Описаніе Псковскаго княжества», изучить въ недѣлю все, что нужно для его соображеній. Насъ тянуло далѣе, къ Святогорскому монастырю, и 28 іюля, во вторникъ, въ теплое, слегка-пасмурное утро, мы покатили на перекладныхъ по Варшавскому шоссе. Дорога прекрасная, задержки въ лошадяхъ нѣтъ, и къ 2 часамъ мы были въ Островѣ, сдѣлавъ 4 станціи: Кресты, Стремутку, Дуловку, Островъ. И во Псковѣ и въ Островѣ, проѣзжающій, если онъ не слишкомъ прихотливъ, можетъ легко убѣдить себя, что онъ сытъ и спокойно выспался. Во Псковѣ особенно можно рекомендовать нумера для пріѣзжихъ у Геймбергера, въ домѣ Кладта, противъ почтамта: чисто, покойно, безъ трактирной суеты и недорого.

За Островомъ мы своротили съ Варшавскаго тракта на Кіевскій. Тутъ шоссе нѣсколько уже Варшавскаго, но полотно его показалось намъ плотнѣе, глаже. Обстановка дороги пошла другая: на насъ повѣяло югомъ, вечеръ наступалъ теплый, ароматный отъ луговъ, стали попадаться чаще холмы, красивыя рощи, посѣвы льну, стада, деревни. Къ половинѣ 7-го мы сдѣлали двѣ станціи: *Крюковскую*, очень красиво расположенную надъ р. Великою, и *Новгородки.* Отсюда поворотъ налѣво, къ юго-востоку, на станцію *Святыя Горы,* до которой предстояло сдѣлать 22 версты по красноватой глинѣ, позасыпанной пескомъ. Въ сухое время, впрочемъ, и эта дорога недурна, но теперь, чтобы засвѣтло добраться до ночлега, приходилось ѣхать на тройкѣ, особенно имѣя въ виду прошлые дожди и большую синюю тучу, которая подобралась къ намъ сбоку, пока мы, истые Петербуржцы, выбравшіеся изъ своего болота, восхищались холмами и лугами. Поѣхали. Туча смиловалась, разсыпалась гдѣ-то всторонѣ, и мы имѣли возможность полюбоваться великолѣпнымъ видомъ на Великую рѣку въ шести верстахъ отъ Святогорской станціи. Какъ ни упоренъ вашъ скептицизмъ, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, касательно восторговъ Петербургскаго жителя, разсказывающаго вамъ о красотахъ

мѣстности, но вы ужь повѣрьте на этотъ разъ, что дѣйствительно видъ на Великую подъ деревней Селихново—очень хорошъ. Мы сворачивали на мостъ: справа крутымъ поворотомъ шла къ намъ Великая рѣка; при наступавшихъ сумеркахъ вода чернѣла отъ густаго высокаго лѣса по обоимъ берегамъ, которые отлогими, небольшими лугами сходятъ отъ лѣса къ водѣ и окаймлены, удивительно симметрично, нависшими въ воду ракитами. Не смотря на сумерки, крестьяне еще копошились на пашняхъ; но это трудъ свободный, какъ мы узнали: деревни, мимо которыхъ мы проѣзжали, нѣкогда были приписаны къ монастырю и свободны съ прошлаго столѣтія. Замѣчу кстати, что по всей дорогѣ мы встрѣчали крестьянъ въ очень красивыхъ соломенныхъ шляпахъ домашней работы: это лучше безобразной шапки на ватѣ, которую видишь иногда въ іюльскій день въ окрестностяхъ Петербурга. Но вотъ и Святогорская монастырская слобода! Спускаемся съ горы и проваливаемся въ яму. Темно; тѣсная грязная улица; вотъ и домъ, рекомендованный намъ для ночлега: въ окнахъ тусклые огни, на лѣстницѣ какая-то суета; оказывается, что въ домѣ семейный праздникъ, пріютиться негдѣ; указываютъ намъ черезъ грязную улицу другой двухэтажный домъ—насилу взобрались туда впотьмахъ съ дорожными мѣшками. Не совѣтую никому слишкомъ довѣрчиво, въ 9 часовъ вечера, въѣзжать на ночлегъ въ монастырскую слободу, не зная, какъ мы не знали, есть-ли гдѣ въ окрестностяхъ еще другое пристанище, кромѣ грязной станціонной избы. Ну, какъ-бы ни было—переночевали, и—къ монастырю, къ могилѣ Пушкина. Дорога, отдѣляющая слободу отъ монастыря и прилежащихъ къ нему горъ, разграничиваетъ точно два разные міра: міръ тьмы, грязи, суматохи—отъ міра свѣта, красоты и покоя. Что за прелесть эти Святыя горы, покрытыя рощами, пашнями, открывающія далекій видъ на холмистый Новоржевскій уѣздъ! Прахъ Пушкина покоится за алтаремъ главной каменной церкви Святогорскаго монастыря, возлѣ самой монастырской ограды, мимо которой идетъ почтовая до-

рога въ Новоржевъ. Старыя липы осѣняютъ бѣлый мраморный памятникъ. Онъ стоитъ высоко на пьедесталѣ и черезъ каменную ограду виденъ съ почтовой дороги. Желѣзная рѣшетка ограждаетъ памятникъ: отъ нея шага четыре до церкви и столько-же до стѣны. Лицевая сторона памятника обращена къ церкви. Если стоишь у церковной стѣны, прямо противъ памятника, то справа и слѣва, сквозь вѣтви липъ открывается очаровательная панорама горъ, засѣянныхъ гречихой и льномъ. Сбылось желаніе Пушкина:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!

Осмотрѣвъ немногочисленныя достопамятности Святогорскаго монастыря подъ руководствомъ отца-настоятеля іеромонаха Гавріила, человѣка въ высшей степени обходительнаго и радушнаго, мы взяли себѣ въ проводники крестьянскаго мальчика и пошли въ Михайловское. Черезъ монастырскія ворота вышли мы на почтовую дорогу и, проходя мимо ограды, изъ-за которой виднѣлся памятникъ, мы вздумали испытать, до какой степени свѣжа въ околоткѣ память о Михайловскомъ помѣщикѣ. «Павлуша, кто тутъ похороненъ за оградой, знаешь-ли?» — Знаю. Пушкинъ. «А кто-жъ онъ такой былъ?» Мальчикъ замялся, наконецъ проговорилъ: генералъ.

Чтобы не дѣлать длиннаго обхода, мы свернули съ почтовой дороги на проселочную, сквозь лѣсокъ, и шли въ виду Тригорскаго и тѣхъ мѣстъ, по которымъ часто бродилъ Пушкинъ въ достопамятное свое двухлѣтнее пребываніе въ Михайловскомъ. Отсюда началось истинное наше паломничество. При взглядѣ на эти озера, рощи, мельницы, невольно повторялись стихи Пушкина, «какъ-будто ихъ раждала не память робкая, но сердце». Такъ вотъ онѣ сами, живьемъ, тѣ восхищавшія его «прелестныя картины!»

Здѣсь вижу двухъ озеръ уснувшія равнины,
Гдѣ парусъ рыбарей бѣлѣетъ иногда;
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты:
Вездѣ слѣды довольства и труда.

Вотъ намъ пересѣкаетъ путь дорога изъ Тригорскаго въ Михайловское. Невольно звуками Пушкина запоминаешь мѣстность:

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, по-одаль — двѣ другія....

Дѣйствительно, вотъ онѣ тѣ красивыя старыя сосны: но тутъ только двѣ, гдѣ-жъ третья? гдѣ-же

Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ?

Онъ ужъ срубленъ, какъ объяснилъ намъ потомъ почтенный отецъ-настоятель: бревно было толстое, на мельницу понадобилось.

Наконецъ вотъ онъ

Огромный запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ дріадъ....

Длинная аллея старыхъ елей тянется отъ полуразрушенной бесѣдки до домика Пушкина.

Мы заранѣе навели справки, есть-ли въ усадьбѣ кто-нибудь изъ дворовыхъ, кто-бы помнилъ Пушкина. Оказалось, живъ еще одинъ старикъ Петръ, служившій кучеромъ у Александра Сергѣевича. Отыскали Петра. Старикъ онъ лѣтъ за 60, еще бодрый, говоритъ хорошо, толково, и, какъ видно, очень понимаетъ, что за генералъ былъ его баринъ. «Увидѣть барскій домъ нельзя-ли?» сказалось само-собою, потому-что

здѣсь какъ-то сами-собою навертываются стихи изъ Онѣгина. Ну покажи намъ, Петръ, гдѣ тутъ больше проводилъ время твой покойный баринъ,

Гдѣ почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ?

— Э, батюшка, нашъ Александръ Сергѣичъ никогда этимъ не занимался: всѣмъ староста завѣдывалъ; а ему, бывало, все равно, хошь мужикъ спи, хошь пей: онъ въ эти дѣла не входилъ. А жилъ онъ вотъ тутъ, пожалуйте.

Мы вошли въ прихожую, отворяемъ дверь въ залъ.... Нѣтъ, лучше-бы туда и не заглядывать! Кчему въ нашемъ суровомъ, всеразрушающемъ климатѣ романтическія желанія — побывать въ той самой комнатѣ, отдохнуть на томъ самомъ креслѣ, гдѣ сиживалъ Пушкинъ, гдѣ шла оживленная бесѣда его съ друзьями, гдѣ онъ слушивалъ сказки своей няни. Мы не въ Англіи, Пушкинъ — не Борнсъ, чтобы его кресло хранилось какъ святыня, чтобы то оконное стекло, на которомъ нацарапано имъ четверостишіе, цѣнилось сотнями фунтовъ стерлинговъ и все-таки изъ поколѣнія въ поколѣніе оставалось собственностію домовладѣльца. Мы слишкомъ благовоспитаны, чтобъ дорожить подобными пустяками; въ нашей натурѣ, кромѣ лѣни, есть еще и практичность: мебель намъ нужна въ городѣ, въ жиломъ домѣ, а не въ пустырѣ, куда ни кто не заглянетъ, бревна нужны на мельницу, лѣсъ на дрова, а вовсе не на то, чтобы во-время чинить историческую крышу. И вотъ черезъ 22 года послѣ смерти поэта крыша провалилась, балки перегнили, потолокъ обрушился; подъ стропилами, на перекресткѣ двухъ жердей, въ углу сидитъ сова, эмблема мудрости, единственная поэтическая принадлежность, которую мы нашли въ жилищѣ поэта.

«Гдѣ-же тутъ былъ кабинетъ Александра Сергѣича?»

— А вотъ тутъ все у него было: и кабинетъ, и спальня, и столовая, и гостиная. Смотримъ: комната въ одно окно, сажени въ три, квадратная. Тутъ у него столикъ былъ подъ окномъ.

Коли дома, такъ все онъ тутъ бывало книги читалъ, и по ночамъ читалъ: спитъ, спитъ, да и вскочитъ, сядетъ писать; огонь у него тутъ безпереводно горѣлъ.

— Такъ ты его, старикъ, хорошо помнишь?

«Какъ не помнить; я здѣсь у него кучеромъ служилъ, я его и въ Михайловское-то привезъ со станціи, какъ онъ сюда изъ Одессы былъ вытребованъ».

— А няню его помнишь? Правда-ли, что онъ ее очень любилъ?

— Арину-то Родіоновну? Какъ-же еще любилъ-то, она у него тутъ вотъ и жила. И онъ все съ ней, коли дома. Чуть встанетъ утромъ, ужъ и бѣжитъ ее глядѣть: «здорова-ли, мама̀?» онъ ее все *мама̀* называлъ. А она ему, бывало, эдакъ нараспѣвъ (она вѣдь изъ-за Гатчины была у нихъ взята, съ Суйды, тамъ эдакъ всѣ пѣвкомъ говорятъ): батюшка ты, за что ты меня все мамой зовешь, какая я тебѣ мать. — Разумѣется ты мнѣ мать: не то мать, что родила, а то, что своимъ молокомъ вскормила. — И ужь чуть старуха занеможетъ тамъ что-ли, онъ ужь все за ней.»

Изъ развалинъ дома мы перешли въ уцѣлѣвшую баню, при которой есть чистая комната съ мебелью. Петръ промыслилъ намъ у дворовыхъ самоваръ, и за чаемъ продолжалась наша съ нимъ бесѣда.

— А правда-ли, Петръ, что Александръ Сергѣичъ читывалъ нянѣ свои стихи и самъ любилъ слушать ея сказки?

«Да, да, это бывало: сказки она ему разсказывала, а самъ онъ ей читалъ-ли что, не запомню: только точно, что онъ любилъ съ ней толковать. Днемъ-то онъ мало дома бывалъ; все больше въ Тригорскомъ, у Прасковьи Александровны, у Осиповой-то, что вотъ прошлымъ годомъ померла. Тамъ онъ все больше время проводилъ: уйдетъ туда съ утра, тамъ и обѣдаетъ, ну а къ ночи ужъ завсегда домой.

— Скучалъ онъ тутъ жить-то?

«Да, стало быть скучалъ; не поймешь его впрочемъ, мудре-

ный онъ тутъ былъ, скажетъ иногда ни вѣдь что, ходилъ эдакъ чудно̀: красная рубашка на немъ, кушакомъ подвязана, штаны широкіе, бѣлая шляпа на головѣ: волосъ не стригъ, ногтей не стригъ, бороды не брилъ—подстрижетъ эдакъ макушечку, да и ходитъ. Палка у него завсегда желѣзная въ рукахъ, девять фунтовъ вѣсу; уйдетъ въ поля, палку кверху бросаетъ, ловитъ ее на-лету, словно тамбуръ-мажоръ. А не то дома вотъ съ утра изъ пистолетовъ жаритъ, въ погребъ, вотъ тутъ за баней, да разъ сто эдакъ и выпалитъ въ утро-то.»

— А на охоту ходилъ онъ?

«Нѣтъ, охотиться не охотился: такъ все въ цѣль жарилъ.

— Пріѣзжалъ къ нему кто-нибудь въ Михайловское?

«Ѣздили тутъ вотъ, опекуны къ нему были приставлены изъ помѣщиковъ: Р...въ, да П...въ И.—Н. П...ва-то онъ хорошо принималъ, ну а того — такъ, бывало, скажетъ: опять ко мнѣ тащится, я его когда-нибудь въ окошко выброшу.

— Ну а слышно-ль было вамъ, за что его въ Михайловское-то вытребовали?

«Да говорили, что молъ Александръ Сергѣичъ на слова востеръ былъ, спуску этто не любилъ давать. Да онъ и здѣсь тоже себя не удавалъ. Ярмарка тутъ въ монастырѣ бываетъ въ девятую пятницу передъ Петровками; ну, народу много собирается и онъ туда хаживалъ, какъ есть бывало, какъ дома: рубаха красная, не бритъ, не стриженъ, чудно̀ такъ, палка желѣзная въ рукахъ; придетъ въ народъ, тутъ гулянье, а онъ сядетъ на̀-земь, соберетъ къ себѣ нищихъ, слѣпцовъ, они ему пѣсни поютъ, стихи сказываютъ. Такъ вотъ было разъ, еще спервоначалу, пріѣхалъ туда капитанъ-исправникъ на ярмарку: ходитъ, смотритъ, что̀ за человѣкъ чудно̀й въ красней рубахѣ съ нищими сидитъ? Посылаетъ старосту спросить: кто-молъ такой? А Александръ-то Сергѣичь тоже на него смотритъ, зло-такъ, да и говоритъ эдакъ скоро (грубо-такъ онъ всегда говорилъ): «скажи капитану-исправнику, что онъ меня не боится и я его не боюсь, а если надо ему меня знать, такъ я — Пуш-

кинъ». Капитанъ ничто взяло, съ тѣмъ и уѣхалъ, а Ал. Серг. бросилъ слѣпцамъ бѣленькую, да тоже домой пошелъ».

Такъ вотъ онъ, измученный невольный отшельникъ, въ чудномъ нарядѣ, съ мудреною и насильственно-грубою рѣчью! И эта Гамлетовская маска странностей скрывала подъ собою душу любящую, глубоко-скорбѣвшую о разладѣ жизни съ ея свѣтлымъ назначенiемъ! Вотъ какъ онъ самъ сознавалъ себя въ эту печальную эпоху своей жизни:

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я! Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ тогда лишь къ жизни; годы
Промчалися—и вы во мнѣ прiяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила:
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей.
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой.
За жаръ души, довѣрчивой и нѣжной —
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства....

Конечно, смѣшно въ наше время основывать характеристику поэта на разсказахъ его кучера; но согласитесь, что если сопоставить исповѣдь Пушкина: «я былъ ожесточенъ», «и горькія кипѣли въ сердцѣ чувства»—съ разсказомъ о чудномъ нарядѣ, грубой рѣчи, желѣзной палкѣ и о томъ, какъ онъ *жарилъ* изъ пистолетовъ, то выйдетъ, что на этотъ разъ психическое, неежедневное, довольно вѣрно отразилось въ физiологическомъ, ежедневномъ.

— А ты помнишь-ли, Петръ, какъ Александра Сергѣича Государь въ Москву вызвалъ на коронацію? Радъ онъ былъ, что уѣзжаетъ?

«Радъ-то радъ былъ, да только сначала всѣ у насъ перепугались. Да какъ-же? Пріѣхалъ вдругъ ночью жандармскій офицеръ изъ городу, велѣлъ сейчасъ въ дорогу собираться, а зачѣмъ—неизвѣстно. Арина Родіоновна растужилась, навзрыдъ плачетъ. Александръ-то Сергѣичъ ее утѣшать: не плачь мама, говоритъ: сыты будемъ; Царь хоть куды ни пошлетъ, а все хлѣба дастъ». Жандаръ торопилъ въ дорогу, да мы все позамѣшкались: надо было въ Тригорское посылать за пистолетами, они тамъ были оставши: ну Архипа-садовника и послали. Какъ привезъ онъ пистолеты-то, маленькіе такіе были въ ящичкѣ, жандаръ увидѣлъ и говоритъ: господинъ Пушкинъ, мнѣ очень ваши пистолеты опасны. «А мнѣ какое дѣло? мнѣ безъ нихъ никуда нельзя ѣхать; это моя утѣха».

— А въ городъ онъ иногда ѣздилъ, въ Новоржевъ-то?

«Не запомню, ѣздилъ-ли. Меня разъ туда посылалъ, какъ пришла вѣсть, что Царь умеръ. Онъ въ эвтомъ извѣстіи все сумнѣвался, очень безпокоенъ былъ, да прослышалъ, что въ городъ солдатъ пришелъ отпускной изъ Петербурга, такъ за эвтимъ солдатомъ посылалъ, чтобъ отъ него доподлинно узнать.»

— Случалось-ли тебѣ видѣть Александра Сергѣича послѣ его отъѣзда изъ Михайловскаго?

«Видѣлъ его еще разъ потомъ, какъ мы книги къ нему возили отсюда.

— Много книгъ было?

«Много было. Помнится, мы на двѣнадцати подводахъ везли; двадцать четыре ящика было; тутъ и книги его и бумаги были».

Гдѣ-то теперь эта библіотека? подумалъ я. Лыбопытно было-бы взглянуть на нее; вѣдь выборъ книгъ характеризуетъ человѣка. Простой каталогъ ихъ былъ-бы выразителенъ. Найдется-ли досужій человѣкъ, который занялся-бы этимъ легкимъ, почти механическомъ дѣломъ? Еслибы перелистовать, хоть наудачу, нѣсколько книгъ, бывшихъ въ рукахъ у Пушкина, можетъ быть внимательный взглядъ и отыскалъ-бы еще какую-

нибудь интересную черту для исторіи его внутренней жизни. Можетъ быть, и у Пушкина, какъ у его героя —

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей,

и по этимъ отмѣткамъ и «чертамъ его карандаша» внимательный и опытный взглядъ могъ-бы услѣдить,

Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бывалъ нашъ Пушкинъ пораженъ,
Въ чемъ молча соглашался онъ,

гдѣ онъ невольно обнаруживалъ свою душу —

То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

Можетъ быть, я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ дѣлѣ литературной критики подобное личное знакомство съ библіотекой писателя, почти то-же, что для историка обозрѣніе того поля, на которомъ происходила описываемая имъ какая-либо великая битва.

— А при погребеніи Александра Сергѣича ты былъ? Кто провожалъ его тѣло?

«Провожалъ его изъ города генералъ Ѳоминъ, да офицеръ, а еще кто былъ-ли тутъ, ужъ не помню....»

Послѣ завтрака мы опять вышли къ дому на разрушенную террассу, отъ которой идетъ склонъ къ рѣчкѣ Сороти, и по тропинкѣ спустились къ купанью. Сороть не широка: сажень шесть не больше. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея справа и слѣва два озера: Малинецъ и Кучане, оба съ плоскими берегами. За озеромъ Кучане видны поля, мыза г. Кампіона у опушки лѣса: видъ очень хорошъ.

— Хорошо плавалъ Александръ Сергѣичъ?

«Плавать плавалъ, да не любилъ долго въ водѣ оставаться. Бросится, уйдетъ во глубь и—назадъ. Онъ и зимою то-же купался въ банѣ: завсегда ему была вода въ ваннѣ приготовлена.

Утромъ встанетъ, пойдетъ въ баню, прошибетъ кулакомъ ледъ въ ваннѣ, сядетъ, окатится, да и назадъ; потомъ сейчасъ на лошадь и гоняетъ тутъ по-лугу: лошадь взмылитъ и пойдетъ къ себѣ».

Вотъ людскія, крытыя соломой. Живо представилась намъ зимняя обстановка Пушкина и тѣ впечатлѣнія, которыми вызваны были стихи:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя,
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя;
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То какъ путникъ запоздалый
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша бѣдная лачужка
И печальна и темна —
Что-же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?

И соломенная крыша, и старушка у окна, и просторъ для вьюги со стороны озера—все тутъ. Мы поняли смыслъ выраженій нашихъ паломниковъ: «все то видѣхъ очима своима многогрѣшныма и побродихъ по мѣстамъ симъ любовно».

Сорвавъ съ заросшихъ травою клумбъ два-три цвѣтка на память о Михайловскомъ, мы простились съ добродушнымъ старикомъ и часа черезъ полтора были въ кельѣ отца-настоятеля Святогорской обители.

Тригорскаго намъ не удалось осмотрѣть. Мы встрѣтили по дорогѣ большую кавалькаду мужчинъ и дамъ, какъ намъ сказали, хозяекъ Тригорскаго съ ихъ гостями, и не рѣшились безпокоить ихъ своимъ приходомъ.

Отецъ-настоятель принялъ насъ какъ нельзя радушнѣе, очень жалѣлъ, что мы не знали, что можно остановиться на ночлегъ и въ монастырѣ; сказалъ намъ, что на этихъ дняхъ будетъ кончена отдѣлка новаго флигеля съ монастырскою го-

стинницей для пріѣзжихъ. Тутъ-же мы познакомились съ тремя живописцами изъ Петербурга, которые заняты въ настоящее время поновленіемъ живописи на иконахъ одного изъ придѣловъ Святогорской обители. Мы просили ихъ въ свободное время набросать карандашемъ нѣсколько главныхъ мѣстностей въ окрестностяхъ монастыря, срисовать Михайловскую усадьбу, знаменитыя сосны, пока онѣ цѣлы. Все это можно-бы и должно-бы издать. Во Псковѣ, правда, мы купили потомъ литографированные рисунки: Святогорскаго монастыря, могилы Пушкина, когда на ней стоялъ еще деревянный крестъ, села Михайловскаго, — но эти рисунки довольно плохо сдѣланы въ 1837 г. какимъ-то Псковскимъ литографомъ.

Вечеромъ мы уѣхали въ обратный путь, ночевали въ Новгородкахъ, въ опрятной станціи Кіевскаго тракта; на другой день къ обѣду были во Псковѣ, а въ 4 часа утра по желѣзной дорогѣ домчались до дому. Мы слышали, что въ половинѣ августа будетъ готова желѣзная дорога до Острова, а оттуда всего 52 версты до Михайловскаго.

Многоуважающій васъ

К. Тимоѳеевъ.

7 августа 1859. С. Пб.

ЦИМБЕЛИНЪ.

(*Изъ Гервинуса*).

По слогу и стихосложенію «Цимбелина» сравниваютъ съ «Зимней сказкой», которая была написана вскорѣ послѣ него. Д-ръ Форманъ присутствовалъ при первомъ представленіи «Зимней сказки» въ 1611 г.; вѣроятно, въ этомъ-же или въ предыдущемъ году былъ игранъ и Цимбелинъ. Кажется, всѣ единодушно относятъ его появленіе къ 1609 г. Мы тоже ничего не имѣемъ сказать противъ этого мнѣнія, потому-что въ Цимбелинѣ упоминается о предметахъ, заключающихся въ Троилѣ и въ Антоніи, и вообще вся драма наполнена воспоминаніями, извлеченными изъ чтенія древнихъ авторовъ. Все это указываетъ на время, когда поэтъ содержаніе своихъ піесъ заимствовалъ преимущественно изъ древнихъ временъ. Но хотя мы и признаемъ справедливость нѣкоторыхъ сужденій, выводимыхъ изъ внѣшностей изложенія (*), это однако намъ не мѣшаетъ прида-

(*) Такъ напр. частое употребленіе скобокъ считаютъ признакомъ позднѣйшихъ произведеній Шекспира, которымъ онѣ болѣе свойственны, нежели первымъ. Между-тѣмъ піесы послѣдняго періода, гдѣ господствуетъ эта особенность, отдѣлены отъ прочихъ цѣлымъ рядомъ произведеній, гдѣ ея нѣтъ. Безспорно, что это у Шекспира гораздо менѣе дѣло привычки, нежели потребности, и не составляетъ особенности слога, но употребляется при различныхъ обстоятельствахъ и съ различными цѣлями, какъ характеристика. Такъ въ Цимбелинѣ, гдѣ Имогена выражаетъ свою прелестную радость, возбужденную въ ней ожиданіемъ свиданія съ Постуміемъ въ Мильфордѣ, вставныя фразы необходимы, какъ выраженіе счастія, преполняющаго ея сердце. Въ признаніи Якимо онѣ слѣдствіе запутанности рѣчи, происходящей отъ стыда, а въ болтливыхъ рѣчахъ Клотена имѣютъ совершенно другое значеніе.

вать значеніе внутреннимъ отношеніямъ, существующимъ между Цимбелиномъ и Лиромъ, тогда-какъ мы удерживаемся отъ всякаго сближенія между Макбетомъ и Гамлетомъ, не смотря на то, что ихъ раздѣляетъ подобное-же пространство времени.

Содержаніе Цимбелина, какъ и содержаніе Лира (*), состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ дѣйствій, взятыхъ изъ совершенно-различныхъ источниковъ. Оба дѣйствія опять такъ-же, какъ и въ Лирѣ, имѣютъ основаніемъ государственное и военное дѣло. Что касается до объема дѣйствія и до богатства событій, образующихъ эпическій характеръ піесъ, то мы уже объ этомъ говорили, равно-какъ и объ ихъ національномъ характерѣ и объ отличительныхъ чертахъ времени, въ которое онѣ были написаны. Дѣйствіе въ Цимбелинѣ, какъ и въ Лирѣ, происходитъ во времена языческія. Но въ Цимбелинѣ мы уже болѣе не въ мрачномъ вѣкѣ, предшествовавшемъ нашему лѣтосчисленію; мы перенесены въ свѣтлый періодъ царствованія императора Августа, когда Римское образованіе распространилось въ Британіи въ облагороженномъ видѣ. Это не то время, о которомъ Глостеръ говорилъ, что преслѣдованія, бездушіе и предательство составляютъ его лучшія черты. Напротивъ, Леонатій прославляетъ въ Римѣ своихъ образованныхъ соотечественниковъ: онъ говоритъ, что между ними господствуетъ порядокъ и что они далеко не похожи на тотъ народъ, надъ неловкостью котораго смѣялся Цесарь, хотя и признавалъ его мужество. Теперь-же дисциплина, предписывая законы храбрости, доказываетъ, что народъ этотъ идетъ наравнѣ съ вѣкомъ. Въ Лирѣ мы имѣли дѣло съ поколѣніемъ, въ которомъ чрезмѣрныя страсти не знаютъ себѣ предѣловъ, гдѣ одинъ моментъ разрушаетъ счастіе цѣлаго семейства и гдѣ, отуманенные страстями, люди впадаютъ въ отчаяніе, сходятъ съ ума, и тогда только достигаютъ спокойствія и самообладанія, когда ихъ покидаютъ силы и разбивается ихъ энергія. Здѣсь, напротивъ, съ первой сцены, имѣющей и во внѣшнемъ устройствѣ большое сходство

(*) См. Ж. м. н. пр. ч. CI, отд. II.

съ первой сценой Лира, мы видимъ спокойствіе и величавую добродѣтель, которая даже тамъ, гдѣ ее искушаютъ справедливо-возбужденныя страсти, противупоставляютъ имъ осторожность. Искушенія и страданія потрясаютъ твердые нравы дѣйствующихъ лицъ, но не уничтожаютъ ихъ, тогда-какъ въ Лирѣ самое легкое испытаніе, самый легкій соблазнъ встрѣчаютъ одну безоружную слабость. Образованное время выражается даже въ образованныхъ порокахъ. Лесть и лживость возлѣ Эдмунда и дочерей Лира занимаютъ второстепенное мѣсто, тогда-какъ въ Цимбелинѣ играютъ главную роль. Вѣрность и правдивость доходятъ у Кента до крайней рѣзкости, здѣсь-же соединены съ умомъ болѣе образованнаго поколѣнія. Въ Цимбелинѣ мы находимъ только остатки дикаго вѣка, подобно тому, какъ въ Лирѣ только начало болѣе мягкаго времени. Передъ нами движутся личности, одержимыя страстями, но вооруженныя присутствіемъ духа. Дочь, нарушившая дѣтскій долгъ, стоитъ передъ гнѣвнымъ отцемъ, который, какъ Лиръ въ Корделіи, ищетъ въ ней утѣшенія своей старости. Проклятіе этого отца падаетъ на нее, какъ проклятіе Лира на Корделію, изгнаніе постигаетъ ея возлюбленнаго Леонатія, какъ вѣрнаго защитника Корделіи. Но разительная противуположность въ выраженіи этихъ проклятій тотчасъ указываетъ на различіе, существующее между обѣими піесами. «Ты должна-бы возстановить мою молодость, говоритъ Цимбелинъ дочери, а вмѣсто-того ты дѣлаешь меня годомъ старѣе!» (Какъ нелѣпы толкователи, которые это характеристически-слабое выраженіе думаютъ усилить измѣненіемъ: many of year, пишутъ они, вмѣсто a year; это значитъ—не уважать намѣренія поэта). Затѣмъ слѣдуетъ проклятіе: «пусть ежедневно изсякаетъ въ ней по каплѣ крови (что и исполняется разлукой, искушеніями и страданіями) и пусть она въ старости умретъ отъ этого безумія (своей любви къ Постумію)»; проклинаемая готова произнести аминь. Проклятіе Цимбелина осѣняетъ дочь, какъ свѣтлое благословеніе, тогда-какъ Лирово проклятіе исполняется во всемъ своемъ

ужасѣ. Леонатій (*) и Имогена терпѣливо переносятъ страданія и получаютъ за то вознагражденіе. Цимбелинъ согласенъ постарѣть годомъ за неожиданную радость, сдѣлаться «матерью» своихъ потерянныхъ сыновей; Лиръ-же обрѣтаетъ дочь для того, чтобы снова ея лишиться. Тамъ, гдѣ въ Лирѣ лежатъ трупы людей, страстнаго поколѣнія, здѣсь видимъ мы счастіе, озаряющее своимъ свѣтомъ лучшихъ людей. Послѣдняя сцена Лира представляетъ образъ страшнаго суда; послѣдняя сцена Цимбелина—восторгъ, тишину, примиреніе и празднества.

Въ королѣ Лирѣ два дѣйствія слиты въ одно; ихъ сходство требовало этого соединенія и само собой указывало на одну общую мысль. Въ Цимбелинѣ совершенно другое дѣло: части, изъ которыхъ составлена эта драма, не имѣютъ между собой никакого отношенія. Мы различаемъ въ ней три дѣйствія. Главное изъ нихъ,—споръ о налогѣ и войну Британіи съ Римомъ, Шекспиръ заимствовалъ изъ Голинзеда, въ которомъ говорится о Цимбелинѣ, царствовавшемъ около 19 г. правленія императора Августа, и о его двухъ сыновьяхъ, Гвидеріи и Арвирагіи, какъ объ историческихъ личностяхъ. Второе дѣйствіе — судьба сыновей Цимбелина, не можетъ быть отнесено къ какому-либо извѣстному источнику; оно должно быть собственнымъ изобрѣтеніемъ Шекспира. Белларій, воинъ и царедворецъ, невольно подвергается опалѣ, и чтобы отмстить Цимбелину, похищаетъ принцевъ, уводитъ ихъ въ уединеніе лѣса, гдѣ мы находимъ ихъ уже взрослыми. Одинъ изъ нихъ впослѣдствіи убиваетъ Клотена, сына своей мачихи. Оба брата, какъ неизвѣстные, оказываютъ отцу важныя услуги во-время его войны съ Римлянами. Третья часть піесы, повидимому совершенно отдѣльнаго содержанія, заимствована изъ одной новеллы Боккачіо (II, 9), и изъ Англійскаго ей подражанія въ

(*) Это имя Шекспиръ могъ заимствовать изъ Сиднеевой Аркадіи, источника Глостерова эпизода въ Лирѣ.

сочиненіи «Westward for Smelts», изданіе котораго, по мнѣнію Стивенса, существовало въ 1603 году (никто болѣе не видѣлъ этого изданія). У Шекспира нѣкоторыя черты дѣйствія подходятъ болѣе къ Италіянскому разсказу, а другія—къ Англійскому. Новелла повѣствуетъ о мужѣ, который бьется объ закладъ съ однимъ негодяемъ о вѣрности своей жены. Хитрый обманъ удостовѣряетъ его въ измѣнѣ и онъ приказываетъ своему слугѣ умертвить жену. Но слуга, тронутый ея просьбами, даруетъ ей жизнь, а господину своему представляетъ доказательства ея смерти. Жена, переодѣтая мужчиной, вступаетъ въ услуженіе и впослѣдствіи снова встрѣчаетъ (среди различныхъ обстоятельствъ) обманщика и возстановляетъ свою оклеветанную честь. Этотъ разсказъ уже былъ однажды драматически изложенъ въ одной древней Французской піесѣ. Шекспиръ соединилъ его съ другими частями своей драмы тѣмъ, что оклеветанную женщину сдѣлалъ дочерью Цимбелина, а ея мужа—его пріемнымъ сыномъ. Имогена самовольно вышла за него, хотя отецъ и мачиха предназначали ее въ жены Клотену, сыну послѣдней.

Такимъ образомъ была устроена внѣшняя связь между этими различными дѣйствіями. Что-же касается до ихъ внутренняго отношенія и до единства идеи, которыя мы находимъ во всѣхъ произведеніяхъ Шекспира, то едва-ли можно не замѣтить ихъ. Самъ Кольриджъ, сличая Цимбелина съ Лиромъ, находитъ въ немъ опредѣленный и рѣзко-обозначенный предметъ. Послѣдняго качества недостаетъ во многихъ сочиненіяхъ Шекспира, но это нимало не вредитъ ихъ внутренней связи и единству идеи; напротивъ, кажется, что именно въ такихъ піесахъ, каковъ «Венеціанскій купецъ», опредѣленный смыслъ и основная идея еще болѣе бросаются въ глаза. То-же самое видимъ мы и въ Цимбелинѣ. Разсмотрѣвъ внутренній характеръ его отдѣльныхъ частей и побудительныя причины поступковъ, тотчасъ убѣждаешься, что лица и дѣйствія слиты въ одну опредѣленную форму и овладѣваешь смысломъ идеи, ихъ соеди-

няющей. Чрезъ сравненіе идеи съ ея выполненіемъ мы достигаемъ совершенно-яснаго пониманія піесы и находимъ въ ней глубину и пространство, которыя ставятъ ее наряду съ лучшими твореніями Шекспира. Весьма немногіе критики признавали за Цимбелиномъ подобныя достоинства, но я не знаю никого, кто-бы отдалъ ему полную справедливость. Не слишкомъ придерживаясь общаго мнѣнія, я однако всегда радуюсь, когда мой приговоръ не противорѣчитъ тому, которое утвердило время и большинство голосовъ. Въ этомъ-же случаѣ я отвергаю общепринятую оцѣнку. Счастіе не благопріятствовало Цимбелину. Закладъ Пестумія о вѣрности его жены, подобно исторіи Елены въ пьесѣ: *Все хорошо, что хорошо кончится*, отталкивалъ многихъ читателей; драму рѣдко смотрѣли на сценѣ. Старые комментаторы высказывали свои мнѣнія о ней. Джонсонъ находилъ самое преданіе глупымъ, происшествія невозможными, развитіе піесы нелѣпымъ и ошибки драмы столь очевидными, что на нихъ не надо и указывать, и столь громадными, что ихъ нельзя преувеличить. Критики, защищавшіе впослѣдствіи Шекспира противъ такихъ нападковъ, мало обращали вниманія на эту піесу. Шлегель удовольствовался тѣмъ, что восхищался удивительнымъ соединеніемъ ея отдѣльныхъ частей. Ульрици доказывалъ, что это есть не иное что, какъ комедія, имѣющая завязкою своею интриги и судьбу; но, по нашему мнѣнію, онъ впадалъ въ заблужденіе и удалялся отъ настоящаго смысла піесы. Отдѣльныя красоты ея, безъ сомнѣнія, представлялись уму мыслящаго читателя. Да и кто отвергалъ романтическій оттѣнокъ, бросающій свой блескъ на странствованіе Имогены? Кто не восхищался ея милымъ характеромъ? Кто не замѣчалъ изобилія фантазіи и прелести содержанія піесы? Кто не признавалъ ея великой нравственной цѣли? Только общій смыслъ и средоточіе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ красотъ ускользало отъ вниманія зрителя и тѣмъ удерживало его отъ восторга. То-же самое было и съ Гамлетомъ, пока не нашли ключа къ его пониманію. Чтобы ближе познакомиться

съ дѣйствующими лицами и вполнѣ овладѣть средоточіемъ піесы и единствомъ ея идеи, мы еще разъ разсмотримъ содержаніе ея главныхъ дѣйствій.

Когда сыновья Цимбелина были еще дѣтьми, при дворѣ ихъ отца жилъ вѣрный и заслуженный воинъ Белларій, который въ награду за свои заслуги пріобрѣлъ любовь короля. Но злая клевета внезапно лишила его довѣрія Цимбелина: два негодяя обвинили его въ предательскихъ сношеніяхъ съ Римлянами, и ложной клятвой подтвердили свой доносъ. Цимбелинъ изгналъ Белларія и лишилъ его имущества. Воинъ, взросшій при дворѣ, не могъ примириться съ мыслью, что его караютъ за вѣрность. Незаслуженное наказаніе, казалось ему, требовало мщенія. Онъ похитилъ обоихъ сыновей Цимбелина, женился на ихъ кормилицѣ, удалился въ горы и тамъ, въ глубинѣ пещеры, воспиталъ ихъ, какъ собственныхъ дѣтей. Белларій, прежде не отличавшійся благочестіемъ, превращается здѣсь въ смиреннаго отшельника, который въ своемъ уединеніи приготовляетъ отечеству двухъ достойныхъ принцевъ. Опытъ доказалъ ему, что подъ высокими сводами королевскаго замка не признаютъ могущества Бога и природы; что въ городахъ и при дворѣ, гдѣ гнѣздятся корысть и честолюбіе, ни кто не можетъ сохранить душевной чистоты. Онъ узналъ, что искусство жить въ свѣтѣ легко пріобрѣтается, что отъ него трудно оградиться, но для душевнаго спокойствія лучше его не знать. Всеобщая испорченность нравовъ ожесточила его. Удаляя отъ свѣта и воспитывая въ благочестіи дѣтей слабаго и неблагодарнаго короля, онъ думалъ оказать ему этимъ величайшую услугу. Посвящая ихъ въ таинства природы, указывая имъ на преимущества скромнаго жука передъ горделивымъ орломъ, описывая имъ прелести мирной жизни, онъ надѣялся достаточно ихъ оградить отъ опасныхъ политическихъ споровъ. Юноши, взросшіе въ уединеніи, отличаются простодушіемъ съ кротостью—качествами, которыя сестра ихъ Имогена, благодаря своей прекрасной натурѣ, умѣла сохранить среди соблазновъ свѣтской

жизни. Они прямодушны, правдивы, невинны, презираютъ золото; имъ неизвѣстны ни порочныя мысли, ни волненія страсти. Но съ лѣтами пробуждается въ нихъ мужество, царская кровь приходитъ въ броженіе; имъ душно въ глубинѣ лѣса, ихъ тянетъ на волю, на просторъ; они жаждутъ дѣятельности и войны. Имъ тѣсно въ пустынѣ, какъ въ клѣткѣ; они, подобно птицамъ, должны воспѣвать свою неволю. Ихъ страшитъ безцвѣтная старость,—естественное послѣдствіе бездѣятельной жизни; а имъ хотѣлось-бы, подобно Белларію, въ преклонныхъ лѣтахъ воспоминать о прошлыхъ подвигахъ. На охотѣ они преслѣдуютъ только звѣрей, безъ сопротивленія бѣгущихъ отъ нихъ. Благородный бой съ равнымъ противникомъ,—бой, о которомъ они мечтаютъ, имъ неизвѣстенъ; они еще не испробовали своихъ силъ. Природный инстинктъ возбуждаетъ въ нихъ стремленіе къ опасностямъ, соблазнамъ и испытаніямъ, коими изобилуетъ жизнь. Какой прекрасный зародышъ мудрости таится въ ихъ словахъ, когда они опытность Белларія признаютъ вполнѣ соотвѣтствующею преклоннымъ лѣтамъ его, но преждевременною для ихъ молодости (*). Намъ являются эти «пріятнѣйшіе въ мірѣ спутники», какъ называетъ ихъ пріемный отецъ, именно въ то время, когда ихъ попеременно волнуетъ духъ кротости и силы, скромности и честолюбія, очаровательной откровенности и безпредѣльной отваги. Они кротки, говоритъ Белларій, какъ зефиръ, который, играя съ фіалками, едва касается ихъ благоухающихъ лепестковъ; но когда взволнуется ихъ царская кровь, они ужасны, какъ ураганъ, потрясающій верхушки горныхъ сосенъ и склоняющій ихъ въ долину. Во-время своихъ услугъ Фиделю, они мягки, заботливы, нѣжны, какъ женщины. Одинъ

(*) «Вы говорите по опыту! Но мы, бѣдныя неоперившіяся птицы, еще никогда не теряли изъ виду нашего гнѣзда и не знаемъ, что тамъ за воздухъ вѣетъ. Можетъ быть, эта жизнь самая счастливая, если только счастіе заключается въ спокойствіи; для васъ она сладка, потому-что вы испытали болѣе суровую; она прилична вашей натурѣ, оцепенѣвшей отъ старости. Но для насъ она исполнена невѣжества; это—путешествіе въ постели, тюрьма одлжника, который не смѣетъ перешагнуть за ея предѣлы.

снимаетъ башмаки, подбитые гвоздями, чтобы не потревожить его сна; другой такъ тронутъ его мнимой смертью, что отъ избытка чувствъ не можетъ пѣть. Но когда шумъ войны проникаетъ въ ихъ уедининеіе, они спѣшатъ на полѣ битвы и вмѣстѣ съ Белларіемъ выигрываютъ потерянное сраженіе; трое они по мужеству равняются тремъ тысячамъ. Съ перваго взгляда характеры обоихъ братьевъ кажутся совершенно-схожими; но, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, мы находимъ между ними огромную разницу. Старшій, наслѣдникъ престола, Гвидерій, мужественнѣе брата, онъ и на охотѣ счастливѣе его. Когда Клотенъ оскорбляетъ его рѣчами столь дерзкими, что онъ «и морю не позволилъ-бы такъ на себя ревѣть», и угрожаетъ ему смертью, Гвидерій его убиваетъ и разсказываетъ это (къ великой зависти Арвирагія) смущенному Белларію. Далѣе, безъ всякой задней мысли, онъ сознается королю въ убійствѣ его пасынка, хотя пріемный отецъ предупреждаетъ его, что это сознаніе повлечетъ за собой мученія и смерть. Съ такимъ-же пыломъ и увлеченіемъ бросается онъ въ борьбу съ Римлянами и забываетъ даже испросить отеческое благословеніе. Въ противуположность ему, Арвирагій вездѣ является нѣжнѣе, мягче, многорѣчивѣе; онъ говоритъ языкомъ болѣе цвѣтистымъ. Гвидерій подозрѣваетъ его въ слабости, когда думаетъ, что онъ, безъ достаточныхъ къ тому причинъ, изъ ребячества, играетъ плачевныя пѣсни. Когда Арвирагій надъ тѣломъ мнимо-умершаго Фиделя вспоминаетъ о граціозномъ преданіи, въ которомъ разсказывается о рѣполовѣ, покрывающемъ мхомъ и цвѣтами непогребенные трупы, Гвидерій упрекаетъ его за то, что онъ, какъ ребенокъ, забавляется столь серьезнымъ происшествіемъ.

Похищеніе Белларіемъ сыновей Цимбелина происходитъ задолго до начала піесы; о немъ мимоходомъ упоминается въ первой сценѣ. Казалось-бы страннымъ и почти невѣроятнымъ, что королевскія дѣти такъ дурно охраняются, и что ихъ такъ лѣниво ищутъ. Но мы видимъ второе подобное происшествіе

съ третьимъ царскимъ дитятей, —происшествіе, которое совершается въ нашихъ глазахъ и разыгрывается тоже при дворѣ. Оно заставляетъ насъ понять, какимъ образомъ могло совершиться то, что въ началѣ намъ казалось невозможнымъ. Слабый, добродушный, раздражительный, не смотря на свою вялость, король, за неимѣніемъ собственной воли, почти неспособенъ въ размышленію. Онъ очарованъ лицемѣрной женщиной, своей второй женой. Какъ прежде онъ слушался клеветниковъ Белларія, такъ теперь совершенно подчиняется вліянію этой жены Она старается вооружить его противъ Имогены и Леонатія, и обратить всѣ его милости на своего сына Клотена, существо «слишкомъ дурное, чтобы быть названнымъ дурнымъ». Ослѣпленный король снова произноситъ несправедливый приговоръ. Всѣ его окружающіе, какъ будто, въ заговорѣ. Прежде кормилица допустила себя подкупить и содѣйствовала къ нохищенію дѣтей. Теперь всѣ придворные въ душѣ сочувствуютъ Леонатію и Имогенѣ, а на словахъ съ неловкимъ презрѣніемъ льстятъ Клотену. Королева преслѣдуетъ Имогену и ея вѣрнаго слугу и даже хочетъ ихъ отравить. Но врачъ, чтобы уничтожить ея замыслы или сдѣлать ихъ безопасными, обманываетъ ее, дѣлая видъ, будто ей служитъ. Никто не раздѣляетъ мыслей короля и его новаго семейства; всѣ единодушно сожалѣютъ объ Имогенѣ. Ясно, что еслибы она захотѣла бѣжать съ Леонатіемъ, то нашла-бы къ тому способъ; всѣ дороги были ей открыты. Она могла-бы исчезнуть, точно такъ-же, какъ исчезли нѣкогда сыновья Цимбелина.

Лесть и притворство придворныхъ, гоненія, преслѣдованія, хитрости, непокорность, ложная вѣрность и вѣрная ложь, волнующія семейство Цимбелина, объясняются при первомъ взглядѣ на главное лицо, которое сообщаетъ жизнь всему двору. Придворные изображаютъ королеву, какъ злаго духа, ежечасно затѣвающаго новыя козни, какъ женщину со всесокрушающимъ умомъ. Дальновидность ея поступковъ и отсутствіе совѣсти высказываются въ продолжительномъ и притворномъ

участіи, съ какимъ она изучаетъ свойство различныхъ травъ только для того, чтобы впослѣдствіи, не подвергаясь подозрѣнію, заниматься приготовленіемъ медлительныхъ ядовъ. Честолюбіе и злость ея прикрыты лестью и притворствомъ. Не смотря на это, она однако только до половины овладѣваетъ довѣріемъ простодушнаго Пизанія и совсѣмъ не можетъ обмануть ни врача, ни счастливаго инстинкта Имогены. Одинъ только слабодушный король вполнѣ довѣряетъ ей. Она подстрекаетъ его гнѣвъ противъ Постумія и Имогены, а потомъ, съ лицемѣрной дружбой разыгрывая роль заступницы, искусно уязвляетъ преслѣдуемыхъ. Далѣе, когда упорство Имогены усиливаетъ ярость Цимбелина, королева выказываетъ большую кротость; но самый гнѣвъ отца—ея дѣло. Выдать Имогену замужъ за своего грубаго сына Клотена, доставить ему тронъ, а себѣ власть—вотъ побудительныя причины ея дѣйствій. Но съ проницательностью, свойственной женщинѣ, она убѣждается въ прочности связи, соединяющей Леонатія съ Имогеной. Тогда она замышляетъ смерть послѣдней и съ радостью узнаетъ о ея побѣгѣ. Она стремится къ власти, а сынъ служитъ ей только орудіемъ. Она ищетъ смерти самого короля и приготовляетъ съ этой цѣлію медлительный ядъ. Цембелинъ долженъ томиться, изнывать, между-тѣмъ-какъ она будетъ до конца обманывать его своей притворной нѣжностью и заботами. А король такъ мало ей мѣшалъ: развѣ не была она всесильна и въ домѣ и въ государствѣ! Она лишила Цимбелина любимой дочери, удалила пріемнаго сына, который могъ-бы ему служить опорой. Она оскорбляетъ короля, между-тѣмъ-какъ онъ цѣной несправедливости старается поддержать съ ней хорошія отношенія. *Это* королева отказываетъ уплату подати. Вѣрность-же и благодарность предписывали Цимбелину, лично-обязанному Цесарю, выплатить ее,—что̀ онъ и исполняетъ послѣ войны, не смотря на свою побѣду. Болѣзнь королевы приводитъ Цимбелина въ отчаяніе: такъ былъ онъ къ ней привязанъ! Когда онъ узнаетъ, что жена любила въ немъ величіе, а не его самого, и

что она даже покушалась на его жизнь; когда смерть Клотена уничтожаетъ всѣ ея злодѣйскіе замыслы и она въ безуміи лишаетъ себя жизни, Цимбелинъ говоритъ, что не повѣрилъ-бы всѣмъ этимъ преступленіямъ, еслибы она сама ему въ нихъ созналась при жизни, а не на одрѣ смерти. Онъ произноситъ слова, которыя превосходно характеризуютъ лесть и притворство королевы и его собственную трогательную слабость: «я былъ-бы виновенъ, еслибы не довѣрялъ ей», говоритъ онъ.

Сынъ королевы, неловкій, невѣжественный и неспособный къ притворству Клотенъ, составляетъ совершенную противоположность ея свѣтлому, но злому уму. Наружностью онъ похожъ на царственнаго Леонатія, но нравственно отстоитъ далеко отъ него. Въ-сравненіи съ этимъ идеаломъ мужчины, онъ кажется неоконченнымъ человѣкомъ. Бѣдный пріемный сынъ исполненъ природнаго благородства и спокойствія, проистекающаго изъ чувства собственнаго достоинства. Клотенъ-же— принцъ обыкновенной и низкой натуры; дерзкое высокомѣріе, не смотря на высокое происхожденіе, принимаетъ въ немъ видъ мужицкой спѣси. Это глупецъ, котораго громкія и неумѣстныя рѣчи выражаютъ пустоту головы и сердца. Столь невѣжественный и неловкій женихъ, конечно, не могъ прійдтись по сердцу кроткой и нѣжной Имогенѣ. Не смотря ни на частныя совѣщанія съ зеркаломъ, ни на свою самоувѣренность, ни на искусные совѣты матери, которая научаетъ его давать Имогенѣ серенады, Клотенъ долженъ сознаться, что ничего не смыслитъ въ дѣлѣ любви. Мы въ этомъ скоро удостовѣряемся: какъ неловко старается онъ подкупить вѣрныхъ прислужницъ Имогены, какъ глупо произноситъ свои заученныя рѣчи и выводитъ изъ терпѣнія это кроткое созданіе. Онъ слишкомъ тупоуменъ, чтобы изобрѣсти клевету, и потому поноситъ Леонатія, надѣясь такимъ образомъ уничтожить любовь къ нему его жены. Но Имогена въ отвѣтъ на его дерзкія слова говоритъ, что онъ не достоинъ быть слугой ея мужа. Тогда оскорбленное самолюбіе заждаетъ въ немъ желаніе мести и, подобно матери,

онъ пускается на различныя продѣлки. Онъ старается подкупить Пизаніо со свойственными ему высокомѣріемъ и неловкостью, намѣревается убить Леонатія, оскорбить Имогену и потомъ покинуть ее. Ему извѣстно вліяніе королевы на Цимбелина, и потому онъ на все отваживается. Личное столкновеніе съ Постуміемъ тоже не устрашаетъ его. Неопытность скрываетъ отъ него опасность, а отсутствіе разсудка удаляетъ всякую мысль о страхѣ. Онъ не знаетъ мѣры ни своимъ, ни чужимъ силамъ, и къ тому-же еще ослѣпленъ ненавистью. Его воображеніе какъ-то дико настроено, онъ нагло хвастается. Потворство придворныхъ еще болѣе развиваетъ въ немъ самоувѣренность. Проводя ночи въ дурномъ обществѣ, предаваясь игрѣ, онъ нерѣдко въ бѣшенствѣ, изрыгая страшныя проклятія, бросалъ мячемъ въ голову товарища. Придворные обыкновенно переносили оскорбленія молча, а если и осмѣливались требовать удовлетворенія, то Клотенъ, пользуясь своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, отказывалъ имъ. Все это способствовало къ усиленію его дикой сварливости и давало пищу воображенію. Еслибы самъ Постумій выступилъ противъ него съ обнаженнымъ мечемъ, то онъ встрѣтилъ-бы его съ той-же безстыдной наглостью, съ какой нападаетъ на Гвидерія, отъ руки котораго и погибаетъ. Этотъ характеръ находятъ устарѣлымъ. Мнѣ кажется, что какъ ни рѣзко онъ очерченъ, онъ останется вѣчнымъ типомъ людей, взросшихъ въ невѣжествѣ и дурно-воспитанныхъ, — людей, которые всегда будутъ составлять привилегію аристократіи и двора. Подобныя личности надо искать среди военныхъ. Миссъ Севардъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ, что нашла точно такой характеръ въ одномъ ей знакомомъ капитанѣ. Онъ имѣлъ такую-же ничего неговорящую наружность, невѣрную походку, неумѣстныя рѣчи, хлопотливость, лихорадочные порывы храбрости, ворчливость, злобные капризы и даже рѣдкіе припадки разсудительности, которые, какъ свѣтлые лучи, пробивались сквозь мракъ его тупоумія. Все это особенности характера Клотена.

Среди этого двора, управляемаго столь ничтожными, злыми и невѣжественными повелителями, среди окружающихъ ихъ льстецовъ, возстаютъ два существа, которыя озарены блескомъ и одарены достоинствами усовершенствованнаго человѣчества. Нигдѣ, ни въ одной изъ своихъ другихъ піесъ, Шекспиръ не выводилъ предъ нами столь нравственно-прекрасныхъ личностей и не возвѣщалъ ихъ совершенствъ съ самаго начала драмы. Пріемышъ Цимбелина, Леонатій Постумій, былъ сынъ Сициліанца, который со славою служилъ Тенанцію, отцу Цимбелина. Два старшіе брата Леонатія пали на полѣ битвы, отецъ вскорѣ затѣмъ умеръ съ печали. Постумій родился уже послѣ смерти отца и, едва увидѣвъ свѣтъ, лишился матери. Заслуги его семейства, а еще болѣе собственное значеніе Леонатія доставили ему покровительство трона и двора. Онъ вполнѣ вознаградилъ данное ему воспитаніе и принесъ богатую, преждевременную жатву. Онъ еще въ юношескомъ возрастѣ, а уже представляетъ образецъ мужескаго совершенства. Мы еще не видѣли его поступковъ, не могли лично удостовѣриться въ его качествахъ, а уже въ первой сценѣ изъ устъ придворныхъ слышимъ почти преувеличенныя ему похвалы. Мы имѣемъ уже доказательство всеобщаго къ нему уваженія, которое обезоруживаетъ даже зависть. Придворные говорятъ, что для юношества онъ служилъ примѣромъ, для зрѣлаго возраста—образцомъ, для стариковъ — дитятей, которое указывало истинный путь ихъ ослабѣвшему разсудку. Они доказываютъ безукоризненную гармонію его прекрасной натуры и не находятъ ему равнаго ни по внутреннимъ достоинствамъ, ни по внѣшней красотѣ. Имогена говоритъ, что у него ликъ Юпитера, станъ Марса, ноги Меркурія и руки Геркулеса. И не только Имогена, которую можно-бы обвинить въ пристрастіи, но и Якимо сравниваетъ его съ богомъ, поселившимся между людьми. Онъ-же, мучимый угрызеніями совѣсти, называетъ его «лучшимъ изъ среды превосходнѣйшихъ», а спокойствіе его ставитъ наравнѣ съ добродѣтелью. Сама злая королева отдаетъ справедливость его мудрости и терпѣнію. Всѣ уста

восхваляютъ Леонатія, но выборъ Имогены возвышаетъ его болѣе всего. Она между женщинами то-же, что онъ между мужчинами; она почти совершеннѣе его, хотя отдаетъ ему полное преимущество. Они такъ скромны, что считаютъ себя недостойными другъ друга. «Я промѣнялъ на тебя мое бѣдное существо и тѣмъ принесъ тебѣ много убытку», говоритъ онъ. А она въ-присутствіи отца утверждаетъ, что нѣтъ женщины, которой-бы онъ не стоилъ, и что для нее онъ выше всего на свѣтѣ. Имогена-фениксъ своего пола, несравненная своего времени. Называя Леонатія богомъ, Якимо, ненавистникъ людей, считаетъ ее ангеломъ, а Белларій принимаетъ ее за божество, за фею, за какое-то чудное явленіе. Говоря языкомъ миѳологіи, которымъ Имогена восхваляетъ Постумія, ее слѣдовало-бы назвать Гебой и Психеей. Впечатлѣніе, производимое ею на мнимыхъ сыновей Белларія, соединяющихъ въ себѣ проницательность дикаря съ тонкимъ чувствомъ образованнаго человѣка, исполнено прелести и невинности. Невѣжественному Клотену кажется, что она обладаетъ всѣми превосходнѣйшими качествами женщины. Луцій, у котораго она служитъ пажемъ, сомнѣвается въ существованіи другаго слуги столь прекраснаго, столь строго-исполняющаго свои обязанности, столь прилежнаго и внимательнаго, столь ловкаго и женски-заботливаго.

Эта рѣдкая чета соединилась бракомъ въ Юпитеровомъ храмѣ, вопреки желанію родителей Имогены. Королевская дочь, питая непреодолимое отвращеніе къ Клотену, отдалась сиротѣ, пріемному брату, съ которымъ надѣялась украшать Британскій престолъ. Она отвергнула коршуна и избрала орла. Леонатій и Имогена, подобно Ромео и Джульеттѣ, Отелло и Дездемонѣ, самовольно вступаютъ въ бракъ. Но какъ различны характеры людей, совершающихъ этотъ ложный шагъ, какъ различны событія и поступки, ихъ сопровождающіе! Мы съ самаго начала предчувствуемъ, что имѣемъ дѣло съ энергическими сердцами, которыя управляютъ своей судьбой совершенно иначе, нежели страстный Ромео и мрачный Отелло. Не бур-

ный порывъ страсти привлекаетъ Леонатія къ Имогенѣ: они росли вмѣстѣ, онъ сдѣлался ея поклонникомъ по убѣжденію и вслѣдствіе продолжительнаго знакомства. Любовь, ихъ соединяющая, возникала медленно и давно уже созрѣла. Бракъ былъ необходимъ, потому-что служилъ имъ защитой противъ честолюбія мачихи. Имогена—наслѣдница престола, и потому должна выбрать достойнаго себѣ супруга. Одинокая среди своего семейства, лишенная братьевъ, она съ яснымъ самосознаніемъ ищетъ опоры себѣ и государству. Согласясь на предложеніе Клотена, она сдѣлала-бы болѣе, нежели того требовалъ дѣтскій долгъ, и менѣе, нежели слѣдовало въ-отношеніи къ отечеству. Леонатій и Имогена не считаютъ нужнымъ скрывать свой бракъ. Король пораженъ въ сердцѣ, изгоняетъ мужа и заточаетъ дочь. Постумій и его жена не обнаруживаютъ ни малѣйшаго сопротивленія или желанія къ бѣгству. Отчаяніе, малодушіе, уныніе, нетерпѣніе имъ обоимъ одинаково чуждо. Имогена переноситъ гнѣвъ отца, старается защитить своего мужа, и устроить такъ, чтобы она одна служила цѣлью яростныхъ взглядовъ. Его жизнь и вѣрность—вотъ ея утѣшеніе. Она добросовѣстно продолжаетъ исполнять священныя обязанности дочери, но гнѣвъ Цимбелина не въ-силахъ разорвать связи, соединяющей ее съ мужемъ. Развѣ не могъ обожаемый Постумій похитить Имогену такъ-же удачно, какъ это нѣкогда сдѣлалъ Белларій съ царскими сыновьями? Подобная мысль не приходитъ ему въ голову. Съ благородствомъ поборяя свои чувства, онъ поспѣшно, хотя и нѣжно, прощается съ ней. Дерзкій Клотенъ нападаетъ на него и принуждаетъ къ бою. Постумій, защищая свою жизнь, легко могъ-бы убить его въ этомъ поединкѣ, но онъ этого не дѣлаетъ. Спокойствіе ни на минуту не покидаетъ его и онъ съ презрѣніемъ проходитъ мимо. Въ Италіи Леонатій съ горделивымъ терпѣніемъ ожидаетъ теплаго лѣта послѣ холодной зимы; онъ нимало не сомнѣвается въ вѣрности Имогены. Любовь ея онъ считаетъ незаслуженнымъ даромъ боговъ и довѣрчиво предоставляетъ имъ заботиться о ея неприкосновенности. Имо-

гена со своей стороны пребываетъ въ такомъ-же точно настроеніи духа. Какъ ни глубока ея печаль по отсутствующемъ другѣ, она все съ терпѣніемъ переноситъ, даже неотступныя преслѣдованія нахальнаго Клотена. Въ ней не замѣтно ни малѣйшаго ожесточенія. Покинувшее ее внѣшнее счастіе она замѣняетъ внутренней духовной жизнью, исполненной блаженства, патому-что она соединяетъ ее съ милымъ ей Леонатіемъ.

Какъ прекрасна эта внутренняя жизнь души и фантазіи и какъ искусно посвящаетъ насъ поэтъ въ ея тайны. Въ минуту разлуки, когда скорбь дѣлаетъ Имогену нечувствительной къ гнѣву отца, она въ самозабвеніи, такъ сказать, прицѣпляется къ отъѣзжающемуся мужу. Она забываетъ все, что собиралась ему сказать. Ей хотѣлось среди ласкъ и поцѣлуевъ вырвать отъ него клятву въ томъ, что Италіянскія красавицы не уменьшать его любви къ ней. Она надѣялась сообщить ему, въ какое время дня и ночи будетъ молиться, въ какой часъ можетъ онъ мысленно встрѣчаться съ нею въ благочестивыхъ размышленіяхъ. Когда Леонатій удаляется, она посылаетъ вслѣдъ за нимъ вѣрнаго слугу, котораго онъ ей оставилъ съ цѣлью охранять ее. Слуга этотъ не покидаетъ Постумія до послѣдней минуты, но Имогена еще недовольна; она доказываетъ слугѣ насколько далѣе его могъ-бы слѣдить ея пламенный взоръ за удаляющимся супругомъ. Во все время отсутствія Леонатія она только и занимается имъ, «верхомъ своего несчастія». Она избѣгаетъ общества, потому-что чувствуетъ себя счастливѣе въ одиночествѣ. Когда произносится имя Леонатія или получаются отъ него извѣстія, ее объемлетъ радостный трепетъ, она мѣняется въ лицѣ, а письма его хранитъ у сердца. Она распечатываетъ ихъ съ трогательной радостью, молитъ боговъ о хорошихъ извѣстіяхъ, о его любви, здоровьи, довольствѣ, лишь-бы оно не проистекало изъ разлуки съ ней. Въ полночь, все еще погруженная въ воспоминанія о немъ, она ложится спать, съ молитвою на устахъ цѣлуетъ подаренный имъ браслетъ и всю ночь проводитъ безъ сна, тоскливо считая часы.

Имогену часто называли прелестнѣйшей и самой безъискусственной женской натурой, когда-либо созданной Шекспиромъ. Ея появленіе распространяетъ теплоту, благоуханіе и свѣтъ. Проще и правдивѣе Порціи и Изабеллы, она вмѣстѣ съ тѣмъ идеальнѣе ихъ. Въ ней соединены съ безукоризненной гармоніей внѣшнія прелести и нравственная красота, свѣжее, теплое чувство и ясный, свѣтлый разсудокъ. Она заключаетъ въ себѣ всѣ качества женщины; это идеалъ поэта. Сомнительно, чтобы существовало въ поэзіи другое столь очаровательное существо, изображенное съ такой вѣрностью природѣ. Къ тому-же дѣйствіе ведено такъ, какъ прежде это было доступно только повѣствовательному сочиненію. Шекспиръ очертилъ Имогену и Гамлета подробнѣе прочихъ своихъ дѣйствующихъ лицъ; ихъ отличительныя черты почти неисчислимы. Такимъ подробнымъ изображеніемъ наивной натуры женщины онъ вознаградилъ себя за многіе эскизы подобныхъ характеровъ, которыхъ онъ едва касался въ драмахъ этого періода. Какъ живо переноситъ онъ насъ въ комнату Имогены! мы какъ будто вдыхаетъ въ себя воздухъ ея сладостной атмосферы. И намъ описана не одна ея внѣшняя красота; мы слѣдимъ за каждымъ ея движеніемъ, знакомимся съ каждымъ совершенствомъ: она прекрасно поетъ, ароматически стряпаетъ, какъ сидѣлка Юноны; ея красивый нарядъ придаетъ ей щеголеватый видъ и возбуждаетъ зависть царицы боговъ. Но всѣ эти прелести затмѣваются ея внутренней красотой. Доказать это нравственное превосходство составляетъ нашу главную заботу, равно-какъ и задачу піесы.

Отличительныя черты характера Имогены—нравственное здоровье и душевная свѣжесть, ни на минуту не покидаютъ ее, среди трудныхъ обстоятельствъ, въ которыя ставитъ ее поэтъ. Невозмутимое спокойствіе духа, чистота нрава ясно и отчетливо отражаются въ каждомъ дѣйствіи ея практической и духовной натуры. Щедро надѣленная чувствомъ, онъ никогда не впадаетъ въ сантиментальность. Живость воображенія не воз-

буждаетъ въ ней прихотей, а искренняя глубокая любовь не волнуется болѣзненной страстью. Она искусно управляетъ сильнѣйшими движеніями души; самообладаніе никогда ее не покидаетъ. За изліяніями чувствъ слѣдуютъ рѣшительные, исполненные такта поступки. Мы видѣли, какъ беззаботно вступила она въ бракъ послѣ того, какъ признала его необходимость. Какъ тщательно раздѣляетъ она свои обязанности между отцемъ и мужемъ, какъ безропотно подчиняется необходимости разлуки! Съ одинаковымъ-же спокойствіемъ переноситъ она и послѣдствія этой разлуки. Преслѣдуемая гнѣвомъ отца, лицемѣріемъ мачихи, навязчивостью Клотена она все превозмогаетъ свойствами счастливой женской натуры, которая умѣетъ удалять отъ себя грустныя мысли и облегчать настоящее бремя пріятными воспоминаніями. Пизаніо, придворные и всѣ, ее окружающіе, сѣтуютъ о ея горькой участи. Сама-же она замѣчаетъ всю тяжесть своего положенія только послѣ бѣгства. Она не ропщетъ ни на короля, ни на мачиху, и даже сожалѣетъ о смерти послѣдней. Она не помнитъ оскорбленій, страданія и горе не уничтожаютъ ея. Дурныя мысли не волнуютъ, безплодныя сомнѣнія не терзаютъ ея беззаботной души. Если она слѣдуетъ влеченіямъ своего инстинкта не съ превосходствомъ мужественнаго духа Порціи, за то и безъ робости Корделіи, неразсудительности Дездемоны и вѣтренности Джульетты. Веселая, живая, простодушная, рожденная для счастія, осужденная на страданія, она чужда страстности, которая могла-бы привести ее къ трагическому концу. Какъ легко сбрасываетъ она съ себя бремя печали и разочарованій, въ послѣднемъ дѣйствіи піесы! Она снова вполнѣ предается счастію, рѣзвится, шутитъ съ братьями; ея глаза блестятъ и живо перебѣгаютъ съ одного предмета на другой. Ясно, что эта гибкая натура, способная дѣйствовать искусно въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и сопротивляться искушеніямъ, щедро надѣлена природой.

Но ни страданія, ни соблазны еще не прекратились. Насту-

паетъ часъ, въ который клеветникъ (Якимо) возбуждаетъ въ Имогенѣ сомнѣнія на-счетъ вѣрности Постумія и нападаетъ на ея собственную честь. Но не легко заставить ее подозрѣвать мужа. При первыхъ словахъ Якимо, она дрожитъ за его здоровье; когда-же онъ яснѣе выражается, она едва не выходитъ изъ себя и наконецъ погружается въ нѣмую печаль и ничего болѣе не хочетъ слышать. Якимо уговариваетъ ее отмстить Леонатію, но не говоритъ еще, о какой мести помышляетъ. Имогена не въ-силахъ мстить Постумію,—и это не потому, чтобы ея сердце, чистое какъ горлица, не было способно волноваться, нѣтъ! Когда она подозрѣваетъ Пизаніо въ намѣреніи умертвить ее, кровь ея приходитъ въ волненіе и она призываетъ на него всѣ проклятія, которыми бѣшеная Гекуба нѣкогда поражала Грековъ, и прибавляетъ къ нимъ свои собственныя. Но у нее нѣтъ проклятій для Постумія! Когда-же Якимо излагаетъ ей свой планъ мщенія, она внезапно приходитъ въ себя, быстро оправляется и проникаетъ его замыселъ. Она зоветъ Пизаніо, но Якимо съ намѣреніемъ удалилъ его. Сильная своей невинностью, она съ рѣдкимъ тактомъ приступаетъ сначала къ рѣшительнымъ мѣрамъ, а потомъ уже разражается гнѣвными словами и отражаетъ ими нападеніе. Далѣе Якимо свой планъ мщенія оправдываетъ искушеніемъ; Имогена ему вѣритъ, потому-что Постумій ей рекомендовалъ его, какъ честнаго человѣка. Одного слова достаточно, чтобы вырвать жало изъ ея кроткаго сердца. Она снова принимаетъ ласковый видъ, приличный въ-отношеніи къ гостю и другу мужа. Дальновидность и знаніе людей не свойственны этому роду женщинъ. Имогена разгадываетъ королеву, не смотря на ея искусное лицемѣріе, потому-что ежедневно ее видитъ, но она беззаботна предъ чуждымъ ей человѣкомъ и не помнитъ зла. Она съ трудомъ вѣритъ злымъ навѣтамъ Якимо на Постумія, но тотчасъ довѣряетъ его похваламъ ему. Мнимое испытаніе не оскорбляетъ ее; она не обидѣлась-бы и тогда, еслибы думала, что Постумій подвергнулъ ее ему, но она далека отъ этой

мысли. На одну минуту сочла она Леонатія вѣроломнымъ; теперь-же, зная что онъ ей не измѣнялъ, она не видитъ болѣе причинъ сомнѣваться въ немъ.

Итакъ замыслы Якимо не имѣли успѣха. Имогенѣ не трудно охранять свою честь. Она до-сихъ-поръ не знала оскорбленій, и потому не подозрѣваетъ Якимо. Поэтъ изображаетъ продолжительную осаду неприступной твердыни. Вечеромъ, послѣ посѣщенія Якимо, Имогена до полночи читаетъ и собирается встать на другой день уже въ четыре часа. Она читаетъ преданіе о Филомелѣ и останавливается на томъ мѣстѣ, гдѣ она отдается Тереусу. Это преданіе и опытъ протекшаго дня только смутно остаются у нее въ памяти. Она произноситъ краткую молитву, поручаетъ себя богамъ, проситъ ихъ защитить ее отъ фей и искушеній и засыпаетъ. Воображеніе ее спокойно, свѣжая кровь не волнуется. Пизаніо превозноситъ ее за то, что она, какъ богиня, противится бурѣ, которая сокрушила-бы многихъ другихъ. Но сама Имогена ничуть не ставитъ себѣ этого въ заслугу. Преслѣдованіе Клотена наконецъ выводитъ ее изъ спокойствія; формальное сопротивленіе заступаетъ мѣсто пассивной обороны. Пасынокъ короля осмѣливается поносить Постумія въ присутствіи Имогены. Тогда желчь, въ которой у ней нѣтъ недостатка, внезапно подымается. Терпѣніе и спокойствіе покидаютъ ее, она забываетъ приличія и отвѣчаетъ ему горькою бранью. Она не можетъ притвориться спокойной и ласковой, когда въ сердцѣ ее кипитъ досада. Этой минутой самозабвенія она навлекаетъ на себя новыя и жесточайшія испытанія. Клотенъ составляетъ планы мщенія и посягаетъ на жизнь Постумія. Имогена предается обманчивой надеждѣ встрѣтиться съ супругомъ въ Мильфордѣ. Тогда, вслѣдствіе окончательнаго разрыва съ Клотеномъ, побуждаемая желаніемъ увидѣться съ Леонатіемъ, она забываетъ уваженіе къ родительской волѣ и безъ долгихъ размышленій приготовляется покинуть дворъ. Она безпрестанно разспрашиваетъ о единственномъ предметѣ, ее занимающемъ. Радость, восторгъ и безза-

ботность не допускаютъ ее думать о послѣдствіяхъ этого свиданія. Если прежде, видя ея степенность и спокойствіе, мы не сознавали всей силы и любви, то теперь мстительное желаніе увидѣться съ Леонатіемъ убѣждаетъ насъ въ безграничной привязанности ея къ нему. Мы почти можемъ сомнѣваться, что имѣемъ дѣло съ той-же спокойной женщиной, какую видѣли прежде. Но предусмотрительность, сопровождающая ея приготовленія къ бѣгству, доказываютъ намъ, что это все тоже существо, исполненное совершенствъ.

Но вскорѣ радостная надежда на свиданіе съ Леонатіемъ замѣняется безотрадной печалью. Имогена узнаетъ, что мужъ обвиняетъ ее въ измѣнѣ и приказалъ слугѣ умертвить ее. Читая это извѣстіе, она задыхается и не можетъ вымолвить слова. Однако она не остается безмолвной, какъ Дездемона, а разражается въ трогательныхъ жалобахъ и клятвахъ, — что для Пизаніо служитъ доказательствомъ ея невинности. Она вспоминаетъ о клевѣтѣ Якимо и начинаетъ ей вѣрить. Съ понятіями о человѣчествѣ несовмѣстна мысль о томъ, что Якимо могъ и ее оклеветать предъ Постуміемъ, точно такъ, какъ хотѣлъ его очернить предъ ней. Безчеловѣчное приказаніе супруга она изъясняетъ его вѣроломствомъ и, до конца послушная его волѣ, какъ агнецъ, добровольно идетъ на смерть. Когда-же Пизаніо выражаетъ свое сожалѣніе и подаетъ ей надежду, что все это не болѣе какъ недоразумѣнія, основанныя на клеветѣ, она поспѣшно оправляется. Ея разумъ не находитъ оправданій жестокому приказанію Леонатія, а нравъ не допускаетъ до отчаянія. Она не чувствуетъ ненависти и не ищетъ мести. Увидѣть и спасти Леонатія, въ раскаяніи котораго она вѣритъ, — вотъ ея единственное желаніе. Добрая душа Имогены терпѣливо переноситъ оскорбленіе и сожалѣетъ оскорбителя. Она думаетъ, что предатель въ такихъ случаяхъ страдаетъ болѣе того, кому онъ измѣняетъ, потому-что рано или поздно имъ должно овладѣть раскаяніе. Ей кажется, что Постумія будетъ мучить воспоминаніе о ней, которая для него отвергла столькихъ жени-

ховъ царскаго происхожденія. Тогда, думаетъ она, онъ сознается, что это не совсѣмъ обыкновенный поступокъ. Съ какимъ удивительнымъ искусствомъ поэтъ заставляетъ Имогену сдѣлать здѣсь ошибку; изображая ее среди различныхъ душевныхъ треволненій, онъ украшаетъ ее всѣми прелестями добродѣтели. Имогена, негодуя на обожаемаго грѣшника, произноситъ себѣ очаровательную похвалу, потому-что высказываетъ въ ней оскорбленныя чувства собственнаго достоинства и любви.

Но и въ этомъ отчаянномъ положеніи Имогена не теряетъ ни мужества, ни самообладанія. Она на все готова, лишь-бы вновь увидѣть Леонатія. Никакія опасности не устрашаютъ ее, хотя-бы онѣ угрожали ея скромности, лишь-бы она могла ее сохранить во всей чистотѣ. Слѣдуя совѣтамъ Пизаніо, она хочетъ искать мужа въ Римѣ, и для того покидаетъ дворъ, родителей, Англію, переодѣвается мужчиной и вступаетъ въ услуженіе къ Луцію. Поэтъ заставляетъ ее замѣнить одежду своего пола нарядомъ пажа, подобно тому, какъ это дѣлаютъ его Юліи, Порціи, Віолы, Розалинды и Іессики. Это составляло любимый эффектъ тогдашней сцены и соотвѣтствовало обычаю, въ силу котораго женскія роли исполнялись молодыми людьми. У Имогены перемѣна костюма имѣетъ особенную прелесть: она не можетъ вмѣстѣ съ одеждой сбросить своей женской натуры. Пизаніо совѣтуетъ ей оставить робость и деликатность этихъ «спутницъ женщинъ или, лучше сказать, ихъ природу». Въ этихъ словахъ заключается вся прекрасная женственная натура Имогена. И именно эти-то свойства она должна замѣнить смѣлостью, сдѣлаться задорливой, какъ ласточка, быстрой на отвѣты, готовой на шутки, какъ всѣ прочія Розалинды. Все это предпринимаетъ Имогена, но ничего не можетъ выполнить. Счастіе, что во время своего странствованія она встрѣчаетъ только скромныхъ братьевъ въ ихъ пещерѣ и «святаго» Луція, а то ея робкій и кроткій нравъ скоро измѣнили-бы ей. Въ концѣ піесы, когда она въ лагерѣ находитъ Постумія, чувства до того стѣсняютъ ея сердце, что она

внезапно забывается и безсознательно выходитъ изъ своей роли.

Какъ восхитительна она въ пещерѣ у братьевъ, когда неожиданно встрѣчаетъ этихъ «ласковыхъ созданій», своихъ родственниковъ по свойствамъ еще болѣе, нежели по крови! Никогда никто не писалъ столь прелестныхъ идилій. Эта сцена, говоритъ Шлегель, могла-бы воскресить и воодушевить любовью къ поэзіи совершенно увядшее воображеніе. Имогена заблудилась, изнемогаетъ отъ усталости, находитъ пещеру, входитъ въ нее, ѣстъ, молится за ея обитателей и хочетъ оставить денегъ въ уплату за пищу. Ее застаютъ пустынники и принимаютъ со свойственною имъ привѣтливостью. Они очарованы ея появленіемъ. Терпѣніе и горе, глубоко пустившія корни въ ея сердце, не ускользаютъ отъ ихъ проницательности и сильнѣе возбуждаютъ въ нихъ участіе. Имогена со своей стороны чувствуетъ къ нимъ подобное-же влеченіе. Среди этихъ людей ея скорбь скоро замолкла-бы и она, можетъ быть, забыла-бы дорогу къ Луцію и Постумію. Не должно однако думать, что прелестные юноши ей нравятся. Поэтъ тщательно отстраняетъ все, что могло-бы привести насъ къ подобному заключенію. Братья, одаренные чуткимъ инстинктомъ, вскорѣ замѣчаютъ, что прекрасный мальчикъ похожъ болѣе на женщину, нежели на мужчину. Когда Имогена, побуждаемая женской своей натурой, снимаетъ съ нихъ хозяйственныя заботы, осмотрительно ведетъ себя на охотѣ, стараясь не нарушать своихъ привычекъ, они называютъ ее своей домоправительницей. Гвидерій говоритъ, что будь она дѣвушка, онъ за нею сталъ-бы ухаживать. Но Имогена заключается въ своей женской сферѣ и не отвѣчаетъ ему тѣмъ-же. Она здѣсь нашла то, чего искала въ свѣтѣ — созданія, которыя невинностью превосходятъ самого Постумія. Весьма естественно, что воспоминаніе о немъ не такъ горько для нея. Она думаетъ о его лицемѣріи и въ ней пробуждается желаніе остаться съ этими невинными людьми и прожить съ ними цѣлый вѣкъ невинности. Она нашла здѣсь но-

вую опору взамѣнъ потерянной. Все это однако нисколько не вредитъ ея вѣрности къ Постумію; мысль замѣнить его другимъ недоступна ея чистой душѣ. «Простите мнѣ боги, говоритъ она, я хотѣла-бы перемѣнить мой полъ, чтобы сдѣлаться ихъ товарищами, потому-что Леонатій мнѣ измѣнилъ». Вотъ какъ выражаетъ Имогена свое невинное влеченіе къ братьямъ.

Желая остаться съ обитателями пищеры, она нисколько не отступаетъ отъ священныхъ обязанностей къ Постумію. Ее побуждаетъ къ этому ея простодушіе и взглядъ на свѣтъ, преисполненный лжи. Имогена жила при дворѣ, но среди интригъ и неправды умѣла сохранить душевную прямоту. Она осталась невинной, благодаря нравственной силѣ, которая не допустила ее подчиниться ненавистному вліянію. Къ тому-же она всегда тайно желала покинуть свое блестящее положеніе. Напрасно восхваляли ей жизнь при дворѣ и порицали все, что не входило въ его составъ! Во время изгнанія Постумія она сожалѣла, что родилась не пастушкой, а онъ не сыномъ сосѣдняго пастуха. Она была-бы счастлива, еслибы ее похитили вмѣстѣ съ братьями. Это стремленіе дѣлало ее несчастною среди окружавшаго ее блеска. Она считаетъ блаженными тѣхъ, которые стоятъ низко, но чьи скромныя желанія исполняются. Здѣсь, въ пещерѣ братьевъ, встрѣчаетъ она людей, которые опровергаютъ слова придворныхъ и оправдываютъ ея внутреннее чувство. «Царственное море, говоритъ она, производитъ чудовищъ, тогда-какъ скромные ручьи приносятъ намъ въ даръ превосходнѣйшихъ рыбъ». Ей приходитъ на память слѣдующее изрѣченіе: «Всѣ люди должны быть братьями, но пыль чванится знатностью передъ пылью, хотя имѣетъ одинаковое съ нею происхожденіе». Имогена питаетъ это мнѣніе не только вслѣдствіе врожденной склонности къ уединенной жизни или вслѣдствіе горькаго опыта, который она пріобрѣла, живя въ большомъ свѣтѣ, но и потому, что гораздо охотнѣе лишилась-бы трона, нежели Постумія. По этой-же причинѣ желаетъ она быть сестрой Гвидерія и Арвирагія; «тогда, говоритъ она, ме-

ня не такъ-бы дорого цѣнили и я стояла-бы наравнѣ съ Постуміемъ. Царская кровь воспитанниковъ Белларія влечетъ ихъ изъ уединенія въ свѣтъ; напротивъ-того, женская натура Имогены стремится прочь отъ этого лицемѣрнаго свѣта; уединенная и скромная жизнь имѣетъ для нее неизъяснимую прелесть.

Доказывая, что желаніе Имогены остаться съ братьями въ пещерѣ непосредственно проистекаетъ изъ ея характера, мы не должны упускать изъ виду слѣдующаго къ тому повода: ее терзала мысль о невѣрности и жестокости Леонатія и она невольно думала, что навсегда его лишилась. Печаль и терпѣніе не покидаютъ ее; она все еще принадлежитъ Постумію и мысленно старается отдалиться отъ него только въ томъ случаѣ, если онъ пребудетъ въ-отношеніи къ ей вѣроломнымъ. Здравый смыслъ ея дѣйствуетъ такъ, какъ научилъ ее опытъ. Ея сердце разорвалось-бы отъ доказательства его измѣны, но она осталась-бы жива даже въ случаѣ его смерти. Поэтъ выводитъ ее передъ нами въ ту минуту, когда она просыпается послѣ мнимой смерти, видитъ трупъ Клотена и принимаетъ его за Постумія. Она въ ужасѣ отворачивается, думаетъ, что это еще сонъ, дрожитъ отъ страха и молитъ небо, если въ немъ есть хоть капля милосердія, сжалиться надъ ней. Она снова оборачивается, но сонъ не исчезаетъ. Тогда разражается ея скорбь. Она подозрѣваетъ Пизаніо и проклинаетъ его за то, что онъ далъ ей ядовитое лекарство. Но и здѣсь печаль ея сдержана, умѣренна, какъ будто чѣмъ-то подавлена; это печаль по невѣрномъ. Она не можетъ забыть измѣны и поэтъ въ самомъ паѳосѣ ея ужаснаго положенія не допускаетъ новому горю изгладить изъ памяти прежнія страданія. Имогена и здѣсь не теряетъ самообладанія, свойственнаго ея твердой и свѣжей натурѣ; она собирается хоронить мужа, оплакиваетъ его и потомъ съ покорностію предается своей участи. Наконецъ, когда ее берутъ въ плѣнъ и приводятъ къ отцу, удрученная горемъ страдалица не теряетъ присутствія духа. Взоръ ея столь проницателенъ, что, не смотря на присутствіе короля и братьевъ, отличаетъ

въ толпѣ плѣнниковъ клеветника Якимо, узнаетъ на его рукѣ кольцо Постумія и тѣмъ приводитъ къ развязкѣ многосложный узелъ своей судьбы.

Узелъ завязываетъ сначала Постумій своимъ страннымъ закладомъ о вѣрности Имогены. Этотъ фактъ отталкивалъ отъ піесы всѣхъ читателей, одаренныхъ тонкимъ чувствомъ. Какъ могъ поэтъ избрать такое грубое положеніе для столь высокаго произведенія искусства? Какъ могло случиться, и какъ согласовать съ психологическими истинами, что этотъ закладъ держитъ мужъ, котораго считаютъ совершеннѣйшимъ человѣкомъ, и что поводомъ къ нему служитъ женщина столь нѣжная и прекрасная, какова Имогена? Мы отвѣтимъ на это обвиненіе словами, которыя уже часто повторяли. Шекспиръ нашелъ этотъ фактъ въ преданіи, далъ ему драматическое изложеніе и удержалъ его, какъ поэтической символъ. Возможенъ онъ или нѣтъ,—по-крайнѣй-мѣрѣ поэтъ употребилъ все стараніе, чтобы сдѣлать его правдоподобнымъ. Леонатій въ юности посѣтилъ Францію и имѣлъ тамъ споръ за Имогену. Въ то время онъ былъ моложе, самоувѣреннѣе, вспыльчивѣе и склоненъ къ противорѣчію. Онъ уже тогда восхвалялъ свою невѣсту и ставилъ ее выше Французскихъ женщинъ. Споръ, по тогдашнимъ рыцарскимъ обычаямъ, долженъ былъ рѣшиться поединкомъ или Божьимъ судомъ, но все окончилось дружелюбно. Французъ, бывшій посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, встрѣчаетъ изгнаннаго Постумія въ Римѣ у Филаріо. Вечеромъ, наканунѣ его пріѣзда, во время пира, произошелъ между другими чужестранцами споръ о превосходствѣ ихъ соотечественницъ. Весьма естественно, что рѣчь заходитъ объ этомъ недавнемъ событіи. Постумій, сдѣлавшись осмотрительнѣе, не можетъ однако, какъ Французъ, равнодушно говорить о подобномъ предметѣ. Намекъ Якимо на Имогену тотчасъ приводитъ его въ раздраженіе, которое онъ однако подавляетъ со свойственнымъ ему мужествомъ, до-тѣхъ-поръ, пока не узнаетъ вполнѣ характера Италіянца. Якимо — царедворецъ, человѣкъ свѣтскій, ме-

лочной. Въ новеллѣ онъ скорѣе походилъ на развратника изъ временъ Борджіо, нежели на Римлянина вѣка имперіи. Его имя какъ-будто происходитъ отъ Яго, съ которымъ онъ вполнѣ сходится въ своемъ взглядѣ на человѣчество. Величіе и добродѣтель для него не существуютъ: онъ не вѣритъ въ нихъ. Когда рѣчь заходитъ о Постуміи, онъ находитъ подъ рукой цѣлый рядъ причинъ, которыми изъясняетъ его хорошую славу; главное-же ея основаніе — истинное превосходство Леонатія отъ него ускользаетъ, потому-что онъ не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Грубой клеветой уменьшать достоинства каждаго человѣка порознь и съ презрѣніемъ унижать все человѣчество не составляетъ однако его натуры, но вошло у него въ привычку. О женщинахъ онъ думаетъ, какъ морской разбойникъ, котораго всегда сопровождало счастіе. Онъ досадуетъ на добрую славу Постумія, на его непомѣрныя хвалы Имогенѣ и въ-особенности на его вѣру въ ея добродѣтель. Предлагая закладъ, онъ завидуетъ гораздо болѣе этой вѣрѣ, нежели доброму имени Имогены. Недовѣріе къ чистой нравственности рождаетъ подлыя мысли въ этомъ низкомъ человѣкѣ, а мелочная, ядовитая зависть побуждаетъ его предложить закладъ. Въ Постуміи, напротивъ, говоритъ сначала твердое убѣжденіе въ добродѣтели жены и вѣра въ человѣчество, а потомъ духъ противорѣчія, который возбуждается въ немъ дерзкими и несправедливыми мнѣніями Якимо. Въ немъ возмущается вся его нравственная природа, чему немало способствуетъ закладъ. Ни кто, кромѣ этого единственнаго случая, не въ-состояніи нарушить его спокойствія и намъ кажется, что человѣкъ, пребывающій въ нравственной невинности первобытнаго состоянія, долженъ именно такимъ образомъ выразить свою нетерпимость къ хвастливому пороку. Французъ смотритъ на все это, какъ на ничтожную соломенку, для защиты которой не стоитъ ничего предпринимать. Постумій-же находитъ, что оправданіе оскорбленнаго человѣчества составляетъ великое дѣло чести. И это не потому, чтобы онъ изъ донкихотства предназначалъ себя къ этому

рыцарскому подвигу. Онъ долго не соглашается на закладъ, а напротивъ нарочно уступаетъ Якимо, не скрываетъ, что его дерзость заслуживаетъ не только отказа, но и наказанія. Когда-же Италіянецъ начинаетъ пятнать бѣлоснѣжнаго лебедя Леонатія, а его самого осмѣиваетъ, говоря, что онъ долженъ имѣть серьезныя причины, побуждающія его такъ долго уклоняться отъ заклада, то Леонатій на все соглашается, зная, что ему нечего опасаться за Имогену. Она должна, думаетъ онъ, содѣйствовать возстановленію чести своего пола, а онъ хочетъ (въ этотъ и заключается смыслъ его заклада) присоединить заслуженное наказаніе и мечемъ отмстить Якимо за его дерзость и дурное мнѣніе о людяхъ. Во все время этого нравственнаго раздраженнаго состоянія Постумій не перестаетъ быть тѣмъ рѣдкимъ человѣкомъ, какимъ онъ является намъ въ прочихъ своихъ поступкахъ. Напротивъ, его раздражительность, проистекая изъ столь благороднаго источника, возвышаетъ и выказываетъ въ полномъ блескѣ его прежнее спокойствіе и разсудительность. Никогда не покидающая его умѣренность требуетъ отъ насъ, чтобы мы разсматривали съ двойной точки зрѣнія это обстоятельство, которое не въ примѣръ другимъ и при такой грубой обстановкѣ возбуждаетъ гнѣвъ Постумія. Вспомнимъ, что столь-же и даже болѣе спойкойная, столь-же и даже болѣе рѣдкая Имогена, находясь въ подобномъ положеніи, приходитъ въ такое-же раздраженіе: когда Клотенъ, желая возвыситься надъ Постуміемъ, унижаетъ его, и когда Якимо старается возбудить въ ней подозрѣнія. Вспомнимъ забвеніе женскихъ приличій, припадокъ гнѣва, ея проклятіе—все это въ женщинѣ свидѣтельствуетъ о гнѣвѣ равносильномъ чувству, побуждающему мужа къ закладу. Мы не хотимъ отрицать, что Постумій и Имогена забываются, дѣйствуя такимъ образомъ, таково было и намѣреніе поэта; какъ ни прекрасны и не извинительны побудительныя причины ихъ гнѣва, его нельзя утаить. Шекспиръ наказываетъ весьма чувствительно ихъ опрометчивость.

Этому наказанію содѣйствуютъ обѣ ошибки. Послѣдующую длинную цѣпь искушеній нельзя приписать одному закладу Постумія. Еслибы Имогена, измученная преслѣдованіями Клотена, не отправилась на обманчивое приглашеніе въ Валлисъ, то Пизаніо принужденъ-бы былъ ей на мѣстѣ открыть свое кровавое порученіе. Тогда ея мнимая смерть не была-бы подтверждена, Постумій своевременно-бы раскаялся и все-бы мягче развилось. Но теперь Имогена сама содѣйствуетъ выполненію мнимаго мщенія, которое Постумій предпринимаетъ противъ нее вслѣдствіе доноса Якимо, и которое потомъ съ такой тяжестью падаетъ на него самого. Хитрый Италіянецъ возвращается въ Римъ и хвастается своей ложной побѣдой надъ простодушными Бритами. Какъ Якимо ни дуренъ, не надо однако считать его худшимъ, нежели онъ есть въ дѣйствительности. Недовѣріе къ людямъ въ немъ не врожденно; оно поселилось въ его сердцѣ потому, что онъ никогда не встрѣчалъ добродѣтельныхъ людей. При первомъ взглядѣ на Имогену онъ видитъ то, чего никогда не видалъ, и тотчасъ чувствуетъ, что здѣсь необходимо совершенно другое оружіе. Отвергнутый ею и пристыженный, онъ не чувствуетъ ни злобы, ни ненависти, а остается только удивленнымъ. Еслибы въ немъ не было низкаго честолюбія и желанія чваниться тѣмъ, что ему невозможно противиться; еслибы онъ могъ иначе обезопасить свою жизнь и половину состоянія, то онъ не обманулъ-бы Постумія. Онъ произносилъ жестокую клевету на Имогену не изъ желанія оклеветать ее. Онъ выражается двухсмысленно, лжетъ безполезно и безполезно унижаетъ ее. Когда онъ достигъ своей цѣли и обезопасилъ себя, то являются послѣдствія только-что сдѣланнаго опыта. Видѣнная имъ добродѣтель въ искушеніи пробуждаетъ въ немъ совѣсть; стыдъ сокрушаетъ его и дѣлаетъ малодушнымъ въ Британской войнѣ. Поспѣшное сознаніе вины доказываетъ, что его терзаетъ раскаяніе, которое заслуживаетъ прощенія. Постумій вѣритъ побѣдѣ Якимо, потому онъ извѣщаетъ о ней равнодушно и холодно. Послѣ подобныхъ доказа-

тельствъ невозможно сомнѣваться, и самъ безпристрастный Филаріо считаетъ его побѣдителемъ. Затѣмъ Постумій впадаетъ въ страшное отчаяніе и бросаетъ мрачный взглядъ на своё потерянное блаженство. Ревность и оскорбленная честь потрясаютъ его мужескую натуру до того, что онъ теряетъ всякое самообладаніе, впадаетъ въ ярость и рѣшается на жестокую месть. Передъ нами почти Отелло. Какъ онъ, такъ и Постумій, далеки отъ той общежительной ясности духа, которая замѣняется счастливымъ сангвиническимъ легкомысліемъ. Серьезный характеръ его всегда былъ склоненъ къ меланхоліи даже безъ всякой къ тому причины. Какъ Отелло, онъ боготворитъ свою жену и думаетъ, что имъ пренебрегаютъ за его низкое происхожденіе. Въ обоихъ, вопреки ихъ величавому спокойствію, бьется страстная жила, надъ которой спекулируютъ Яго и Якиво. Какъ Отелло въ носовомъ платкѣ, такъ Постумій въ браслетѣ видитъ доказательство своего несчастія. Какъ тотъ, такъ и другой въ ужасѣ содрагаются и начинаютъ ненавидѣть и презирать людей. Въ обоихъ нарушена внутренняя гармонія и они ввергнуты въ какой-то хаосъ, гдѣ являются достойными гораздо болѣе сожалѣнія, нежели наказанія. Подобно Отелло, Постумій съ горечью представляетъ себѣ быструю побѣду Якимо надъ Имогеной, которую онъ считалъ чистой, какъ снѣгъ. Его презрѣніе падаетъ на всѣхъ женщинъ: «Все, говоритъ онъ, что есть дурнаго въ мужчинѣ, есть наслѣдіе женщины; всѣ пороки, всѣ грѣхи достояніе женщины». Въ негодованіи, онъ, какъ Отелло, осуждаетъ преступницу на жертву. Но сколько кротче его въ подобномъ-же положеніи его жена, его Имогена! Обманутая имъ, она не теряетъ вѣры во всѣхъ мужчинъ, а только говоритъ: «его лицемѣріе наброситъ тѣнь на весь мужской полъ!» Ее подстрекаютъ къ мести, но сама она не думаетъ о ней. Она не чувствуетъ ни малѣйшей ненависти къ мужу, а только сожалѣетъ о немъ; еслибы сердце ея немного и охладѣло къ нему, она все-таки не потеряла-бы въ него вѣры. Она неспособна предпринять что-нибудь злое противъ него.

Но это не ставитъ Постумія ниже ея. Различіе пола объясняетъ въ мужчинѣ, который не можетъ и не хочетъ ничѣмъ быть вполовину, это страшное сопротивленіе опыту, совершенно сбившему его съ толку. Едва поручаетъ онъ Пизаніо умертвить Имогену, какъ къ нему возвращается разсудокъ. Онъ упрекаетъ слугу за вѣрность, такъ быстро исполняющую приказанія. Отелло убилъ Дездемону для того, чтобы она больше не грѣшила, въ этомъ и состоитъ его различіе съ болѣе кроткимъ и человѣчнымъ Леонатіемъ, который проклинаетъ свой поступокъ потому, что жертва его, живя, имѣла-бы время для раскаянія! Значитъ вѣра въ добродѣтель Имогены только на минуту покинула Постумія, но не умерла въ немъ. Угрызенія совѣсти страшно терзаютъ его и побуждаютъ мстить самому себѣ. Гнѣвъ, который онъ питалъ къ Якимо, къ Имогенѣ и къ Пизаніо, теперь чувствуетъ онъ къ себѣ. Эта строгость къ самому-себѣ, равно-какъ и нравственное раздраженіе, побуждающее Постумія согласиться на закладъ и отмстить Имогенѣ, должны насъ примирить съ нимъ. Онъ не налагаетъ на себя рукъ, какъ это дѣлаетъ Отелло въ порывѣ ярости, но хладнокровно и спокойно осуждаетъ себя на покаяніе. Онъ сопровождаетъ Римское войско въ Британію, но не для того, чтобы сражаться противъ отечества, у котораго похитилъ такую прекрасную королеву, но для того, чтобы умереть за него, и умереть неузнаннымъ, неоплаканнымъ, въ бѣдной одеждѣ поселянина. Онъ не имѣетъ никакой другой цѣли, а хочетъ пристыдить свѣтъ и положить начало новому правилу: некрасивъ снаружи, драгоцѣненъ внутри. Поэтъ придаетъ этому идеалу высокаго мужескаго совершенства ту-же главную черту, которою обрисовываетъ характеръ Генриха V. Мораль этой піесы составляетъ какъ-бы повѣрку той. Она подтверждаетъ благоговѣйное уваженіе поэта къ людямъ, ненавидящимъ блескъ и благороднымъ безъ тщеславія. Свои воинскіе подвиги Постумій совершаетъ въ молчаніи, а славу, безъ всякой зависти, предоставляетъ Белларію и его сыновьямъ. Онъ

съ величайшимъ самообладаніемъ даруетъ жизнь виновнику всѣхъ своихъ бѣдствій, коварному Якимо, когда тотъ побѣжденный лежитъ у его ногъ; онъ не хочетъ, чтобы кто-либо другой, кромѣ его, претерпѣлъ наказаніе. Но желаніе Постумія не исполняется: онъ не умираетъ, а потому вмѣшивается въ толпу побѣжденныхъ и добровольно идетъ въ темницу. Недовольный еще раскаяніемъ, заставляющимъ только сожалѣть о злодѣяніи, онъ умоляетъ боговъ о смерти, которая одна можетъ искупить его жестокость. Даже послѣ исполненнаго радостныхъ обѣщаній видѣнія, онъ жаждетъ смерти съ тою-же неизмѣнной силой. Не надо однако этого спокойствія, умѣренности въ-отношеніи къ Якимо и самопреслѣдованія приписывать апатіи. Когда Якимо признаетъ себя виновнымъ, гнѣвъ Постумія снова разражается и съ такой силой, что онъ въ безпамятствѣ никого не узнаетъ, изрекаетъ страшныя проклятія противъ себя и Пизаніо и наконецъ въ припадкѣ ярости ударяетъ неузнанною Имогену. Потомъ, когда прекращаются его страданія, найденная супруга покоится у него на сердцѣ, гдѣ всегда должна оставаться, какъ плодъ на деревѣ, пока оно не засохнетъ! Возвращеніе братьевъ Имогены лишаетъ ее и Леонатія престола, что и служитъ имъ очищеніемъ въ глазахъ свѣта. Такимъ образомъ ихъ любовь совершенно-чиста и безкорыстна. Наконецъ осуществляются *ея* желаніе жить въ уединеніи и *его* подобное-же непритворное стремленіе къ истинному достоинству. Это ихъ послѣднее искушеніе: «О Имогена! говоритъ съ сожалѣніемъ Цимбелинъ, съ возвращеніемъ братьевъ ты теряешь королевство». — «Нѣтъ, отвѣчаетъ она, я пріобрѣтаю два міра».

До-сихъ-поръ, согласно нашему первоначальному намѣренію, мы старались яснѣе обозначить оба дѣйствія и очертить главныя лица піесы. Но мы еще не указали на средоточіе, изъ котораго поэтъ-художникъ извлекаетъ свою картину. Намъ еще не достаетъ главнаго ключа, который, раскрывая передъ нами различныя составныя части, открываетъ входъ во внутренность

зданія и доводитъ до того, что мы легко признаемъ его соразмѣрнымъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ законамъ искусства.

Наше истолкованіе піесы легко дастъ замѣтить, что, во всѣхъ различныхъ составныхъ частяхъ ея, дѣйствіе тѣснится около двухъ нравственныхъ началъ, коихъ по-Нѣмецки нельзя изобразить однимъ словомъ. Англійское true заключаетъ въ себѣ всѣ наши понятія о вѣрности и правдѣ, а противуположное ему слово (false) — совершенную ложь, неправду, невѣрность, лицемѣріе въ дѣлахъ или измѣну, лицемѣріе въ словахъ или клевету. Всѣ дѣйствующія лица піесы развиваютъ эти понятія такъ осязательно, какъ это доступно только Шекспиру въ самыхъ понятныхъ его произведеніяхъ, гдѣ мысль, управляющая всѣми другими, выдвигается сама собой. Въ началѣ мы видимъ дворъ съ его лицемѣріемъ, а потомъ, въ противуположность ему, глубину лѣса съ идиллической невинностью. Государственное дѣло, служащее какъ-бы заднимъ планомъ главному дѣйствію, примыкаетъ къ указанному нами средоточію драмы. Обязанный оставаться вѣрнымъ Риму, Цимбелинъ убѣждается доводами лукавой жены и дѣлается вѣроломнымъ. Потомъ, когда его опять оставляютъ на собственный произволъ, онъ раскаевается. Королева—мастерица лгать; она опутываетъ крѣпкими сѣтями лжи и обольщенія человѣка, столь слабаго, что онъ неспособенъ даже на обманъ, и угрожаетъ ему потерею дѣтей и государства. Два негодяя клевещутъ на Белларія и выдаютъ его за измѣнника. Изгнанный воинъ вѣренъ даже въ своей мести. Онъ удаляетъ отъ свѣта царскихъ сыновей, воспитываетъ ихъ, научаетъ истинѣ и справедливости и дѣлаетъ неспособными ко лжи, даже когда имъ угрожаетъ опасность. Лицемѣріе королевы настигаетъ Постумія и Имогену. Вѣрность, правдивость и неразлучныя съ ними простота и неиспорченность составляютъ основаніе ихъ характера. Какъ трогательно высказываетъ Имогена свою любовь къ истинѣ тамъ, гдѣ, называя своего мнимаго, какъ-бы умершаго господина, простосердечно обращается къ богамъ и молитъ, да про-

стятъ они ей и невинную ложь. А Постумій, съ своей стороны, находясь въ страшномъ нравственномъ раздраженіи, упрекаетъ себя, называетъ убійцей Имогены, но, добросовѣстный и правдивый среди самой ярости, внезапно себя прерываетъ и восклицаетъ: «Я лгу, какъ бездѣльникъ! Я приказалъ ее умертвить негодяю худшему, нежели я самъ». Что касается до постоянства ихъ обоихъ, то оно составляетъ главное содержаніе піесы, равно-какъ клевета, возбуждающая ихъ обоюдныя подозрѣнія, и терпѣніе и вѣрность, соблюдаемая ими другъ къ другу, не смотря на то, что каждый изъ нихъ считаетъ другаго вѣроломнымъ и даже умершимъ. Около нихъ двигаются второстепенныя личности, способствующія къ изъясненію и безъ того яснаго соотношенія между собой мелкихъ частей дѣйствія: Клотенъ—слишкомъ глупый для обмана и клеветы и слишкомъ неповоротливый для лицемѣрія и интригъ; придворные—грубо ему потакающіе; докторъ—котораго лицемѣрное обращеніе съ приготовительницей ядовъ оказываетъ столь благодѣтельныя послѣдствія: Пизаніо—служащій двумъ господамъ и такъ предусмотрительно раздѣляющій между ними свою вѣрность и свои обязанности.

Вѣрность—главная добродѣтель собственно героическаго времени. Она воспѣта въ древнихъ народныхъ эпосахъ, въ Одиссеѣ и Гудрунѣ, которыя имѣютъ весьма естественное отношеніе съ воинственными преданіями Илліады и Нибелунговъ. Причина этого отношенія скрывается непремѣнно въ характерѣ времени, и не есть игра случайности. Въ вѣкъ, гдѣ все основано на силѣ и богатствѣ, на честолюбіи и своекорыстіи, гдѣ жилище, состояніе и жизнь безпрестанно находятся въ опасности, — нѣтъ ничего прекраснѣе и драгоцѣннѣе приверженнаго друга, надежнаго слуги и твердой, постоянной женщины. Слѣдовательно весьма естественно искать характеристику подобнаго времени въ вошедшихъ въ пословицу древнихъ Греческихъ разсказахъ о дружбѣ, въ преданіяхъ о вѣрныхъ вассалахъ Нѣмецкихъ героическихъ эпопей и въ пѣсняхъ о Пе-

нелопѣ и Гудрунѣ. Шекспиръ такъ удачно достигъ подобнаго соотношенія между Лиромъ и Цимбелиномъ, какъ будто источникъ обоихъ произведеній проистекалъ прямо изъ преданій героическаго времени. Сознавалъ онъ это отношеніе или оно безсознательно, само собой сложилось въ тайной глубинѣ его генія, вслѣдствіе инстинктивнаго влеченія къ той эпохѣ — во всякомъ случаѣ это достойно удивленія. Въ Лирѣ привязанность стараго Кента совершаетъ то-же, что въ Илліадѣ дружба Ахилла къ Патроклу. Въ Цимбелинѣ грубое преданіе о закладѣ заимствовано изъ среднихъ вѣковъ и перенесено въ героическую эпоху. Хотя колоритъ и характеръ этого времени изображены съ талантомъ и знаніемъ исторіи, доступными только нашему вѣку, однакожь въ сущности содержаніе новеллы облечено въ такую чистую, неподдѣльную наивность, что Имогена Шекспира можетъ смѣло занять мѣсто въ-ряду древнихъ образцовыхъ изображеній женской вѣрности.

Въ Шекспировой пѣснѣ о вѣрности добродѣтель, имъ воспѣтая, получаетъ свою цѣнность оттого, что принуждена бороться съ постоянными искушеніями, соблазнами и опасностями. Она часто находится въ такомъ исключительномъ положеніи, что должна поддерживать себя подобіемъ порока. Пенелопа, оставаясь вѣрною мужу, находится въ необходимости хитрить съ женихами. Гудрунъ, чтобы не измѣнить данному слову, принуждена лживыми обѣщаніями обманывать своихъ преслѣдователей. Шекспиръ не оставилъ безъ вниманія этой характеристической черты. Въ Лирѣ правдивую вѣрность Кента онъ довелъ до трагическихъ послѣдствій. Здѣсь, въ Цимбелинѣ, мы видимъ совершенно-иную картину инстинктивной-же, но предусмотрительной преданности. Пизаніо хитеръ, но въ то-же время правдивъ; такимъ называетъ его королева и такимъ онъ самъ желаетъ быть. Въ немъ соединены мудрость змѣи и невинность голубя. Его исключительное положеніе таково, что онъ почти безъ изъятія вѣренъ именно тамъ, гдѣ измѣняетъ. Королева и Клотенъ хотятъ его подкупить; онъ обманываетъ

ихъ и самъ говоритъ, что чѣмъ болѣе лицемѣритъ, тѣмъ онъ преданнѣе. Ему приказано умертвить Имогену, и Постумій требуетъ отъ него клятвеннаго обѣщанія. «Моя вѣрность, восклицаетъ она? Если это называется вѣрной службой, то лучше мнѣ никогда не оказывать заслугъ!« Онъ тотчасъ угадываетъ, что клевета внушаетъ Постумію его подозрѣнія, но колеблется, горюетъ и проводитъ безсонныя ночи. Повиновеніе господину для него выше всего на свѣтѣ, но онъ не въ-силахъ и погубить невинную. Онъ предъявляетъ требованіе, по которому Имогена удаляется въ Валлисъ. Тамъ, смотря по обстоятельствамъ, ему удобнѣе будетъ выполнить жестокое приказаніе или воспользоваться удаленіемъ Имогены и обмануть своего господина мнимымъ убійствомъ. Едва заглядываетъ онъ въ душу ее, какъ тотчасъ удостовѣряется, что не иное что, какъ клевета очернила ее передъ Постуміемъ,—клевета, «остріе которой смертоноснѣе меча, языкъ ядовитѣе всѣхъ змѣй Нила, а звуки несутся на крыльяхъ бури и сѣютъ ложь во всѣхъ концахъ міра». Онъ дѣлаетъ то, чего Постумій въ раскаяніи отъ него требуетъ: «вѣрный слуга, говоритъ онъ, не исполняетъ всѣхъ приказаній; его обязанность состоитъ только въ томъ, что справедливо«. И такъ Пизаніо обманываетъ своего господина и не смотря на это остается благороднымъ человѣкомъ; онъ лжетъ изъ преданности. Точно также и докторъ считаетъ себя тѣмъ благороднѣе, чѣмъ болѣе обманываетъ королеву. Самодовольство, съ которымъ Пизаніо лицемѣритъ для того, чтобы выполнить высшія обязанности вѣрности, не вводитъ его въ заблужденіе. Онъ не обращаетъ вниманія на опасность, угрожающую ему при дворѣ, и въ молчаніи переноситъ ужасъ Имогены и проклятія Постумія. За все его вознаграждаетъ сознаніе, что онъ поступаетъ справедливо.

Чѣмъ болѣе вникаешь въ подробности положенія Пизаніо, тѣмъ болѣе замѣчаешь, какъ расширяются предѣлы содержанія піесы. Ея всемірное значеніе и нравственная глубина достигаютъ размѣровъ, какихъ, можетъ быть, не достигло никакое дру-

гое произведеніе Шекспира. Если Лиръ есть изображеніе всѣхъ страстей въ совокупности, то Цимбелина можно назвать изображеніемъ обыкновенной жизни, въ которую человѣкъ брошенъ съ своими стремленіями и силами. Отношенія людей между собой нерѣдко порождаютъ обстоятельства, въ которыхъ, какъ здѣсь, добродѣтель принуждена прикрываться порокомъ, а порокъ—добродѣтелью. Вѣрный Пизаніо не можетъ удержаться, чтобы не заплатить хитростью за хитрые поступки и слова и извлечь тѣмъ пользу для людей, которымъ преданъ. Это понятіе о нравственности составляетъ какъ-бы основаніе опытности Шекспира и его знанія жизни. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что внѣшніе законы нравственности, хотя предписанія ихъ и всегда бываютъ основательны, не должны безусловно управлять нашими поступками, но что мы должны руководиться внутренними законами и чувствомъ, которое, смотря по обстоятельствамъ, снимаетъ съ насъ наши обязанности, или усугубляетъ ихъ; что чувство собственнаго достоинства и самосознанія развито въ насъ для того, чтобы въ затруднительныхъ случаяхъ мы всегда имѣли живой законъ и непогрѣшимаго судью. Нѣкоторыя человѣческія натуры не считаютъ грѣхомъ невинную скрытность, полезное притворство, ложь, вынужденную свѣтомъ и обстоятельствами. Невозможно, живя съ злыми и лицемѣрными людьми, не заразиться ихъ пороками. Пизаніо весьма естественно извлекаетъ это правило изъ продолжительнаго знакомства съ людьми и начинаетъ поступать сообразно съ нимъ. Чтобы въ порочномъ свѣтѣ сохранить простосердечіе пустынника надо жить въ уединеніи. Такими видимъ мы сыновей Цимбелина. Но и ихъ привлекаютъ житейскія опасности и искушенія и они выпрашиваютъ родительское благословеніе. Первое прикосновеніе свѣта опуталобы ихъ опасностями, еслибы надъ ними не бодрствовало Провидѣніе. Потомъ поэтъ выводитъ передъ нами совершенныхъ людей, которые среди волненій свѣта остались неиспорченными. Мы видѣли, какъ всѣ въ-глаза и за-глаза признавали чистоту нравовъ Имогены и Постумія; но

и они осквернены дыханіемъ свѣта: ихъ добродѣтель искушается клеветой, ихъ присутствіе духа потрясается и внѣшнее счастіе, покидая ихъ, уноситъ съ собой и внутреннее. Они тоже убѣждаются, что, живя въ свѣтѣ, невозможно оставаться непорочными. Даже еслибы эти исключительные люди были одарены непоколебимой силой, то и тогда не избѣгли-бы искушеній. Клеветникъ преслѣдуетъ Постумія, пятнаетъ то, къ чему онъ имѣетъ полное довѣріе, и возбуждаетъ сомнѣнія въ его прекрасной, довѣрчивой душѣ. Спѣша выполнить требованія правосудія, Постумій заблуждается, и самъ впослѣдствіи говоритъ: «еслибы они были направлены противъ моихъ проступковъ, я не дожилъ-бы до совершенія мести». Имогену разлучаютъ съ мужемъ, отравляютъ ее терпѣніе и возбуждаютъ желанія. Она рѣшается на бѣгство, чтобы увидѣть и спасти мужа, котораго считаетъ вѣроломнымъ. И то и другое извинительно, даже похвально, но неизбѣжно влечетъ за собой обманы, ложь, переодѣванья и нравственныя опасности. Она должна скрывать и хранить свою вѣрность подъ многозначительнымъ вымышленнымъ именемъ Фиделя. Непорочная натура Имогены сопротивляется всему этому и безпрестанно встрѣчаетъ преграды. Чистѣйшій образецъ добродѣтели оскверненъ ядовитымъ дыханіемъ свѣта; подозрѣнія и недовѣріе, доселѣ чуждыя Имогенѣ, поражаютъ ее; искушенія, вооруженныя несчастіемъ и отчаяніемъ, преслѣдуютъ ее, но разбиваются о постоянство, отражающее всѣ удары. Вѣрность подъ-конецъ одерживаетъ верхъ надъ несчастіемъ и злобой и доказываетъ, что чужіе пороки не должны извинять наши и портить насъ. Невѣрность въ видѣ мщенія за невѣрность навсегда разрушила-бы счастіе и любовь Игомены и Постумія. Постоянство и твердость, вопреки подозрѣніямъ, преодолѣваютъ клевету и даже мнимую смерть. Твердая среди столькихъ искушеній, пройдя чрезъ столько возмущеній и оскверненій, добродѣтель пріобрѣтаетъ новый блескъ и чистоту. Вся драма громко и вразумительно возвѣщаетъ слѣдующее ученіе: искушенная добродѣтель, даже если она и ко-

лебалась, гораздо выше той, которая никогда не была искушаема. Эта мудрость скрывается во влеченіи къ свѣту сыновей Цимбелина и въ закладѣ Постумія. Человѣкъ подвергаетъ испытанію любимую особу, подобную Имогенѣ, только въ такомъ случаѣ, если оба убѣждены, что истинная добродѣтель не должна страшиться никакихъ, даже самыхъ опасныхъ искушеній. Эта-же идея высказана Шекспиромъ въ положеніи, въ какое онъ ставитъ Цимбелина, именемъ котораго піеса не совсѣмъ случайно названа. Среди всѣхъ искушаемыхъ и искушающихъ силъ стоитъ слабый король, лишенный чувства собственнаго достоинства, человѣкъ безъ воли, подчиняющійся всякому хорошему и дурному вліянію,—человѣкъ, котораго всякое испытаніе, всякая радость уничтожаютъ, а не сгибаютъ, какъ вѣтеръ дерево. Онъ чистый нуль; вся сила его заключается въ цифрѣ, предъ нимъ стоящей. Ему нельзя приписывать ни зла, которому его научаютъ и которое онъ считаетъ за добро, ни добра, дѣлаемаго имъ безсознательно, какъ и зло. Если разсматривать различіе, существующее между этимъ характеромъ и нравомъ искушаемаго страдальца, то наша піеса сдѣлается поэтической теодицеей. Это нѣсколько оправдываетъ наше стремленіе ко злу и борьбу со внѣшнимъ зломъ,—борьбу, возложенную на насъ: потому-что безъ нея добро не имѣетъ цѣны и безъ порока не существуетъ добродѣтели. Божество нисходитъ къ ложу дремлющаго Постумія и къ плачущимъ тѣнямъ его родителей именно для того, чтобы изъяснить этотъ смыслъ піесы и открыть то, чему Постумій научается у собственнаго разума, а другіе пріобрѣтаютъ опытомъ. Юпитеръ говоритъ: боги предназначили зло для искушенія добрыхъ, «паденіе часто есть способъ къ счастливѣйшему возстанію»,—«судьба нерѣдко направляетъ къ берегу лодку, у которой сломанъ руль», — «боги огорчаютъ тѣхъ, кого любятъ, и задерживаютъ дары, чтобы придать имъ новую прелесть»; только искушенная добродѣтель, созрѣвшая въ соприкосновеніи со зломъ, достойна любви; любимыя дѣти міра сего не избѣгаютъ его ударовъ и, только сопротивляясь его нападкамъ, могутъ утвердить за собой свои внутреннія достоинства. Шекспиръ заставляетъ дѣйствовать божество, какъ-то свойственно эпопеѣ, гдѣ дѣйствующія лица поступаютъ согласно

съ желаніемъ боговъ и съ ихъ законами. Піесѣ слѣдовало удержать за собой это эпическое свойство, равно-какъ и благополучную развязку эпоса. Въ ней дѣйствуютъ и заблуждаются друзья и любимцы боговъ; все, что они спокойно или по влеченію страсти творятъ противное закону, основано на нравственныхъ началахъ или нравственномъ раздраженіи; неблагопріятный исходъ драмы противорѣчилъ-бы обыкновенному порядку вещей. Я не думаю, чтобы имѣло какое-нибудь вліяніе на достоинство Шекспира мнѣніе Ульрици, говорившаго, что появленіе на сценѣ божества есть промахъ, и оправданіе Тика, который считалъ это остаткомъ піесы, будто-бы писанной поэтомъ въ юности. Мнѣ кажется, напротивъ, что введеніе божества въ эту драматизированную эпопею доказываетъ всю глубину удивительнаго инстинкта, съ какимъ Шекспиръ усвоивалъ себѣ свойства и условія драмы, чему мы видимъ примѣръ въ искусствѣ, съ какимъ подготовлена историческая почва въ двухъ послѣднихъ его произведеніяхъ. Поэтъ здѣсь воспользовался выгодой, которую ему доставляло олицетвореніе Провидѣнія, между-тѣмъ-какъ во многихъ мѣстахъ онъ пополнялъ исторію непредвидѣнными случайностями; введеніе чудеснаго придаетъ величіе случайностямъ, употребленіе которыхъ Шекспиръ никогда болѣе себѣ не позволялъ. Этотъ механизмъ Провидѣнія ничуть не вредитъ свободному дѣйствію движущихся передъ нами лицъ. И если что̀ въ совокупности внѣшнихъ событій кажется произвольнымъ, то̀ въ концѣ піесы сглаживается неподражаемой развязкой столь сложнаго узла. Самъ Джонсонъ находилъ ее хорошей. Она удивительно богата событіями; поэтъ, кажется, самъ себя хвалитъ, когда влагаетъ въ уста Цимбелина слѣдующія слова: «Это сжатое сокращеніе подраздѣляется на множество вѣтвей, изъ которыхъ каждая отдѣльно была-бы еще достаточно богата». Доказательствомъ можетъ служить то мѣсто, гдѣ глаза Имогены обливаютъ лучами своего взгляда Постумія, отца, братьевъ, на всѣхъ съ восторгомъ останавливаются и каждому говорятъ другое. Это одно уже оживляетъ дѣйствіе и при чтеніи вполнѣ доказываетъ, что Шекспира мало читать, а надо *смотрѣть*.

ОЧЕРКЪ
УПРАВЛЕНІЯ МАНУФАКТУРНОЙ ПРОМЫШЛЕНОСТИ
ОТЪ ПЕТРА I ДО ЕКАТЕРИНЫ II.

I.

Состояніе мануфактурной промышлености до Петра I.

Русь до Петра I, впродолженіе девятисотлѣтняго своего существованія, почти бездѣйствовала на поприщѣ промышлености вообще и мануфактурной въ-особенности. Мануфактуры, фабрики и заводы до Петра, если и встрѣчаются, то въ такомъ ничтожномъ числѣ, сравнительно съ народонаселеніемъ и пространствомъ Россіи, что это даетъ намъ возможность предположить, что техническая промышленость, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, едва только зарождалась.

Не недостатокъ матеріаловъ — ими изобилуетъ Россія, но, во-первыхъ, историческія обстоятельства, а во-вторыхъ, неимѣніе у нашихъ предковъ нужды въ произведеніяхъ фабрикъ,— вотъ главнѣйшія причины, воспрепятствовавшія развитію технической промышлености до Петра Великаго. Чтобы объяснить первое, вспомнимъ только, какъ долго междоусобія удѣльныхъ князей волновали Россію. Когда-же орды Монголовъ наводнили ее, междоусобія, правда, стихнули, но за то иго Монгольское 200 лѣтъ тяготѣло надъ Русскими, и въ этотъ двухвѣковой періодъ времени все полезное, что только зарождалось, или начинало развиваться, все было подавлено, истреблено завоева-

телями. Іоаннъ III сбросилъ съ Руси ярмо, наложенное Батыемъ, но мануфактурная промышленость очень медленно начала подвигаться впередъ. Причина этому состоитъ въ томъ, что фабрики не имѣли кому и куда расходовать свои произведенія.

Ни регулярнаго войска, ни флота Россіяне не имѣли. Высшій слой общества—дворянство было еще вѣрно патріархальнымъ, простымъ обычаямъ своихъ предковъ; оно не знакомилось, да и не хотѣло знакомиться съ утонченною роскошью сосѣднихъ народовъ, и вполнѣ было довольно домашними своими произведеніями; если-же ихъ недоставало, то всякій изъ Русскихъ могъ имѣть *«заморскіе»* товары, продажею которыхъ занимались наши купцы, развозившіе ихъ по городамъ и селамъ.

«Съ восшествіемъ на престолъ Романовыхъ, пишетъ Ивановъ (1), утверждается внѣшняя и внутренняя самобытность Россіи». Но и съ этимъ утвержденіемъ самобытности Россіи, мануфактурная промышленость подвинулась недалеко. По-крайней-мѣрѣ не можетъ служить доказательствомъ противнаго то, что «подмосковныя деревни, лежащія на большихъ дорогахъ, занялись ремеслами, одни сдѣлались кожевниками, другіе ткачами, третьи красильщиками, тележниками, кузнецами» и т. п. (2).

Вспомнимъ только, какъ велико населеніе Россіи, какъ обширно наше отечество, и потомъ невольно согласимся, что дѣятельность нѣсколькихъ селъ, лежащихъ въ центрѣ Россіи, близъ ея столицы, вовсе не можетъ служить доказательствомъ какъ напротивъ того утверждаетъ Ивановъ, что будто-бы вся Русь подвинулась на поприщѣ мануфактурной промышлености. Нѣтъ; Михаилъ Ѳеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царствуя одинъ за другимъ, впродолженіе почти цѣлаго столѣтія, немного успѣли въ развитіи мануфактурной промышлености. Простота нравовъ, нерѣдко

(1) Часть I, стр. 56, Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1844, № 1—3.
(2) Ч. V, стр. 56. *Ивановъ.*

слѣпая привязанность къ древнимъ обычаямъ, вотъ что препятствовало распространенію въ Россіи мануфактуръ» (3). Да притомъ самое естественное положеніе Россіи, окруженной съ сѣвера, востока и юга полудикими племенами, съ запада прилегавшей къ непріязненнымъ сосѣдямъ, отдаленной отъ морей, все это не могло благопріятствовать мануфактурной промышлености.

«Ознакомить Россію съ прочими Европейскими народами, заставить Русскихъ перенять обычаи образованныхъ народовъ, главное-же—для благоустройства государства учредить регулярное войско и образовать флотъ, возбудить духъ предпріимчивости и обезпечить производство па фабрикахъ вѣрнымъ и скорымъ сбытомъ, посредствомъ заграничной торговли, для всего этого надо было явиться генію» (4).

Царствованіе Петра Великаго. 1689—1725.

Петръ создалъ регулярную армію, построилъ флотъ, и въ первые-же годы его царствованія сукно, порохъ, оружіе, все необходимое для снаряженія, вооруженія и обмундированія войскъ и флота доставлялось съ Петрозаводской, Сестрорѣцкой, Охтенской, Тульской и другихъ фабрикъ и заводовъ, которые были какъ-бы *разсадниками* впослѣдствіи учредившихся мануфактуръ въ Россіи (5). Но среди своихъ подданныхъ государь не находилъ фабрикантовъ; Русскій человѣкъ былъ, вопервыхъ, совершенно неопытенъ въ техническомъ производствѣ, а во-вторыхъ, онъ недовѣрчиво смотрѣлъ на нововведенія государя, поэтому не охотно оставлялъ соху, чтобъ идти на фабрику. Вотъ почему Петръ I долженъ былъ выписывать изъ другихъ державъ *учителей-фабрикантовъ*. Но въ это-же время государь имѣлъ мысль создать, и какъ можно скорѣе, у себя,

(3) Ч. V, стр. 57.

(4) Ч. V, стр. 59.

(5) *Ивановъ*, стр. 60. *Афанасьевъ:* Государственное хозяйство при Петрѣ I. Современникъ 1847 года, № 6—7.

изъ Русскихъ, классъ мануфактуристовъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, онъ дѣйствовалъ рѣшительно: очень часто строгими мѣрами, иногда одобреніемъ, и наконецъ, не довольствуясь всѣмъ этимъ, онъ продолжалъ дѣйствовать на народъ и собственнымъ примѣромъ. Мѣры принужденія, нерѣдко строгія до жестокости, были въ полномъ ходу. Государь, въ указѣ сенату (25 ноября 1723 года), самъ говоритъ между прочимъ о причинѣ незначительнаго числа охотниковъ заводить фабрики:

«.....Нашъ народъ, яко дѣти неученія ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ, не всель неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ и въ мануфактурныхъ дѣлахъ не предложеніемъ однимъ ...... дѣлать, но и *принуждать* и вспомогать наставленіемъ машинами и всякими способами» (6).

Мѣры Петра касательно распространенія и развитія ремеслъ въ Россіи и образованіе имъ ремесленнаго класса.

Россія, по географическимъ свойствамъ своимъ, страна вполнѣ земледѣльческая. Народъ, населяющій ее, съ самыхъ незапамятныхъ временъ былъ прежде всего народомъ земледѣльческимъ, и хлѣбопашество, пчеловодство и скотоводство были главнѣйшими его занятіями. Но «непосредственнымъ звеномъ», по выраженію Афанасьева, между сельскою промышленостію и мануфактурными занятіями — служатъ *ремесла*. И такъ ремесла, возникшія задолго у насъ на Руси, должны были сами собою обратить на себя вниманіе Преобразователя Россіи, прежде чѣмъ онъ рѣшился развить въ наивозможно-большихъ размѣрахъ мануфактурную промышленость.

Петръ I, впродолженіе 36-лѣтняго своего правленія, строилъ города, крѣпости, корабли, рылъ каналы — воздвигъ

(6) П. с. з. т. V, № 4345, п. 2.

Петербургъ. Очевидно, что для всѣхъ этихъ работъ необходимо было множество каменьщиковъ, плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ и другихъ людей, которые дѣйствительно, сзываемые царскими указами, тысячами шли въ Петербургъ и Москву — на *«службу государственную»*. Призывая на службу ремесленниковъ, государь уже рѣшился организовать изъ этихъ людей одинъ общій *ремесленный классъ*, который до его царствованія не существовалъ на Руси. Многіе занимались ремеслами, но произведенія ихъ удовлетворяли только однимъ первымъ неизбѣжнымъ потребностямъ и поддерживались однимъ навыкомъ, привычкой и наслѣдственностію ремеслъ въ семействахъ, а не спеціальнымъ, техническимъ изученіемъ» (7).

Государь поручилъ «переведенцевъ, которымъ прежъ сего былъ нарядъ, и вновь ежели когда собрать повелѣно будетъ, а именно мастеровыхъ и всякихъ художествъ людей, а также и рекрутъ, губернаторамъ изъ ближнихъ городовъ, которые къ тому городу, гдѣ губернаторъ живетъ податны, *пересматривать* самимъ и списки закрѣплять своими руками, дабы неправдъ и коварствъ и негодныхъ не было».... (8).

Впослѣдствіи (въ 1719 г.) повелѣлъ «ремесленнымъ людямъ быть въ вѣденіи въ бергъ- и мануфактуръ-коллегіяхъ понеже и по инструкціи тѣ дѣла надлежатъ быть въ тѣхъ коллегіяхъ» (9). Но первоначально всѣ распоряженія Петра касательно организаціи ремесленнаго класса и его обученія были какъ-то отрывочны. Начавъ съ мелочей, пріучивъ своими указами ремесленниковъ записываться по приходѣ въ какой-нибудь городъ у воеводы, а въ Москвѣ и Петербургѣ въ канцеляріяхъ; возложивъ на губернаторовъ и воеводъ обязанность смотрѣть за развитіемъ ремеслъ, и самимъ способствовать этому развитію (10), — Петръ всѣми этими распоряженіями

(7) Ст. I, стр. 127.

(8) П. с. з. т. V, № 2753.

(9) П. с. з. т. V, № 3220, п. 2.

(10) *Афанасьевъ*, ст. I, стр. 128.

какъ-бы приготовилъ окончательное составленіе ремесленнаго класса, которое и воспослѣдовало въ 1721 году 16 января. Въ этомъ году изданъ регламентъ объ образованіи магистратовъ во всѣхъ городахъ съ цѣлью: *«размножать* и *усовершенствовать»* городскіе купеческіе промыслы и *ремесла* (11). Въ этомъ-же регламентѣ вполнѣ опредѣлялся уставъ магистратовъ, отношеніе этого учрежденія къ комерцъ- и мануфактуръ-коллегіи, отношеніе его къ ремесленникамъ, которые должны были составлять цѣхи, смотря по роду своихъ ремеслъ, и со старшинами своими подчиняться центральному управленію своего класса — «магистрату».

Образовавъ такимъ образомъ классъ *ремесленниковъ*, государь обратилъ большое вниманіе на снабженіе его спеціальными свѣдѣніями по части ремеслъ. Доказательствомъ этого служитъ, во-первыхъ, то, что во все продолженіе своего царствованія Петръ не переставалъ выписывать изъ иностранныхъ державъ знающихъ опытныхъ людей, которые и были *учителями* Русскихъ ремесленниковъ. 2) Множество молодыхъ людей, изъ этого раждающагося сословія, были посылаемы за границу. 3) Наконецъ государь заботился о распространеніи лучшихъ понятій, о переводѣ книгъ, которыя могли служить для ремесленнаго воспитанія Россіи (12).

Заботясь о передачѣ техническихъ свѣдѣній, государь въ то-же время старался сколь возможно увеличить этотъ классъ, полезный для государства. Такъ указомъ 1712 года повелѣвалось раздать разнымъ мастерамъ учениковъ (13) «изъ церковниковъ, изъ служекъ монастырскихъ и изъ дѣтей ихъ, 100 человѣкъ, которые были-бы лѣтъ по 15 или по 20 и умѣющихъ писать».... (14)

Въ 1703 году государь повелѣлъ построить въ Москвѣ

(11) П. с. з. т. VI, № 3708.
(12) Ст. I, стр. 131.
(13) Ст. I, стр. 132.
(14) П. с. з. т. IV, № 2449.

рабочій домъ для праздношатающихся, а въ 1724 году, въ указѣ января 20, между прочимъ мы встрѣчаемъ такого рода распоряженіе: «Въ Москвѣ и въ прочихъ городахъ, гдѣ обрѣтаются въ устроенныхъ домахъ незаконнорожденные и подкидыши въ возрастѣ, таковыхъ опредѣлять ко всякимъ *художествамъ* въ ученики» (15).

Къ этому обзору дѣятельности государя касательно развитія ремеслъ добавимъ, что какъ качество, такъ и форма издѣлій «не избѣгали вниманія государя» (16). Въ самомъ дѣлѣ, Полное собраніе законовъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько указовъ Петра 1701, 1703, 1704 и 1705 годовъ, въ которыхъ говорится: «какъ лучше дѣлать, по какому образцу: кафтаны, шапки, сѣдла, сапоги, башмаки и проч. издѣліе»; изъ которыхъ — сдѣланные согласно требованіямъ, помѣщеннымъ въ указахъ — *клеймились*, безъ клейма-же, кое должно было налагаться выборнымъ изъ добрыхъ и знатныхъ людей», произведенія ремесленниковъ не могли поступать въ продажу. Неисполнителямъ этого, какъ сказано въ указѣ 1701 года и повторено въ указѣ 22 декабря 1704 года, «учинено будетъ жестокое наказанье».

Въ 1722 году 11 сентября вышелъ указъ государя «о пріученіи монахинь къ рукодѣліямъ и ремесламъ» (17).

Въ указѣ говорится о разсылкѣ по монастырямъ «Покровскихъ мастерицъ пряденія», для обученія монахинь незнающихъ ремеслъ. Далѣе Петръ излагаетъ правила, какъ поступать при этомъ обученіи, какъ «учащимъ такъ и учимымъ».

1) «Обучать оному пряденію такихъ монахинь и непостригшихся, но для постриженія, по монастырямъ живущихъ, дѣвокъ и вдовъ, которыя не отъ благородныхъ и честныхъ родителей суть, и ко оному обученію удобныхъ и лучшаго передъ тѣмъ рукодѣлія необученныхъ, кромѣ престарѣлыхъ и

(15) П. с. з. т. VII, № 4421 п. 2.
(16) Ст. I, стр. 132.
(17) П. с. з. т. IV, № 1887, 1999.

больныхъ, которыя за немощію своею того прядельнаго дѣла понести не могутъ. А благородныхъ и честныхъ монахинь и дѣвицъ, также которыя хотя и не отъ благородныхъ и не отъ честныхъ, а имѣютъ какое честное рукодѣліе, таковыхъ къ оному прядению не принуждать и не привлекать и къ лучшемъ рукодѣліи (ремесламъ) препятія имъ не чинить».

Во второмъ пунктѣ указа повелѣвается Покровскимъ мастерицамъ учить и тѣхъ, которыя прядутъ по старому способу, слѣдовательно хуже и медленнѣе, чѣмъ по новому способу.

Касательно-же «распорядка», который долженъ наблюдаться между монахинями при ихъ обученіи, въ указѣ сказано:

1) «Благороднымъ и честнымъ, которыя отъ (онаго) пряденія яко неприличнаго имъ, уволены, употреблять иное честное рукодѣліе, а именно: шитье, низанье и тому подобное, къ чему которыя изъ нихъ обучены, кромѣ престарѣлыхъ. 2) Которыя такимъ честнымъ рукодѣліямъ не обучены, тѣмъ избрать рукодѣліе какое кто пожелаетъ, и изъ тѣхъ рукодѣлій, кто какое изберетъ дѣйствительно, во обученіе вступать, отъ времени полученія о семъ указа, въ два или три мѣсяца безъ отлагательства, дабы въ *праздности не пребывали*».

Далѣе говорится, что если монахини изъ благородныхъ и честныхъ не захотятъ обучаться, то заставлять ихъ прясть, «да не будутъ праздны».

Вводя въ обители монахинь полезныя рукодѣлія, Петръ I-й въ томъ-же указѣ излагаетъ правила, какъ должны поступать *мастерицы* при обученіи:

Такъ: «со опредѣленными къ тому обученію поступать кротко и смиренно, и показаніе къ скромному понятію чинить не скрытно, дабы оныя (монахини) безъ продолженія времени совершенно изучится и добрѣ дѣйствовать могли».

Далѣе говорится, что мастерицы на неакуратность, небрежность учащихся должны доносить игуменамъ, а самимъ-же «никого изъ учащихся не точію чѣмъ бить, ни о и никакою бранію не бранить, и не какимъ словомъ не оскорблять».

Указъ кончается повелѣніемъ: «рукодѣліе, которое какъ благородными, такъ и прочими, дѣйствоваться по силѣ каждой, будетъ, и получаемое отъ того рукодѣлія употреблять всѣмъ имъ на общую монастырьскую пользу, а не на собственныя свои потребы....»

Общія мѣры Петра касательно управленія мануфактурной промышлености.

Первоначально, въ царствованіе Петра, высшій надзоръ за фабриками и заводами былъ порученъ воеводамъ. Дѣйствительно, въ имянномъ указѣ государя, отъ 17 января 1718 года сказано было, что фабрикантъ или мастеровой непремѣнно долженъ былъ взять свидѣтельство, «отъ губернатора той губерніи, что онъ подлинно такого художества мастеровой человѣкъ, а не подложной, дабы подъ тѣмъ видомъ не могли *промыгаться*, украдываяся отъ службы....» (18).

Далѣе въ 1719 году въ «инструкціи или наказѣ воеводамъ», государь между прочимъ писалъ: «понеже не малыя суммы денегъ на произведеніе казенныхъ заводовъ изъ казны получаютъ, для того ему воеводѣ въ каждой четверти года старательно смотрѣть надъ приготовленными ко оными заводчиками стоитъ-ли произведенная отъ нихъ работа противъ полученныхъ изъ казны денегъ и удовольствованы ли у нихъ работные и рукодѣльные люди?»

Государь повелѣлъ заводчикамъ четыре раза въ годъ представлять отчетъ воеводѣ, а послѣдній въ свою очередь долженъ былъ въ концѣ года составлять вѣдомость о состояніи заводовъ порученной ему области, «которую (вѣдомость) заводчики своеручно подписать должны» (19).

Въ этомъ-же наказѣ воеводамъ, въ пунктѣ 38, встрѣчаемъ такого рода распоряженіе: «Воевода-жъ долженъ тщательное

---

(18) П. с. з. т. V, № 3142.
(19) П. с. з. т. V, № 3,294 п. 9.

осмотрѣніе имѣть, чтобы *всякіе* заводы, гдѣ какіе есть, въ добромъ состояніи были содержаны» (20).

Далѣе предписывалось воеводамъ «вывѣдывать, не явятся ли такія мѣста въ его провинціи, въ которыхъ бы можно заводы распространять и подданныхъ подъ обѣщаніемъ награжденія на объявленіе онаго привлекать». Наконецъ: «и о томъ и о всемъ прилежную кореспонденцію съ коллегіями бергъ и мануфактуръ всегда имѣть» (21).

Между прочими коллегіями, которыми государь замѣнилъ прежнія правительственныя и судебныя учрежденія «приказы», онъ учредилъ *мануфактуръ-бергъ-коллегію*, для управленія и надзора надъ промышленостію, одною изъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго хозяйства.

Еще въ 1718 году, въ реестрѣ «колегіямъ, о должности колегій, что въ которой управляти падлежитъ», приложенномъ къ именному указу государя отъ 12 декабря (22), сказано было между прочимъ: «Бергъ и мануфактуръ-колегіямъ быть и вѣдать рудокопные заводы и всѣ прочіе ремеслы и рукодѣлія, и заводы оныхъ и *размноженіе*».

Указомъ 1719 года отъ 4 марта, значительно расширено вѣдомство мануфактуръ-бергъ-коллегіи: «Полотняные, овчарные, кожевные, стеклянные, и *всякіе заводы* вѣдать въ мануфактуръ-коллегіи» (23).

10 декабря 1719 года, вслѣдствіе указа Петра I, отъ мануфактуръ-коллегіи отдѣлена была бергъ-коллегія, и изъ нея образованъ «бергъ-коллегіумъ, для вѣденія въ ономъ дѣлъ о рудахъ и минералахъ» (24).

«Россійское государство—сказано между прочимъ въ указѣ—предъ многими иными землями, преизобилуетъ и потреб-

---

(20) П. с. з. т. V, № 3,294, п. 38.
(21) П. с. з. т. V, № 3,255, п. 9.
(22) П. с. з. т. V, № 3,320. п. 6.
(23) П. с. з. т. V, № 3,464.
2(4) П. с. з. т. V. № 4,227, п. 2.

ными металами и минералами благословенно есть, которыя до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы; паче-же не такъ употреблены были, *какъ принадлежитъ*, такъ-что многая польза и прибытокъ, который-бы намъ и подданнымъ нашимъ изъ онаго произойти могъ, пренебреженъ».

Отсюда легко вывесть причины, для которыхъ государь учреждалъ бергъ-коллегіумъ, и далъ ему совершенно самостоятельную власть, и «*мощь* единымъ судіею быти надъ всѣми дѣлами, и лицами, относящимися къ горному вѣдомству.

Въ 17 пунктахъ указа объ учрежденіи *бергъ-коллегіума* изложены подробно правила, по которымъ должно было дѣйствовать это установленіе. Тутъ-же объявлены были льготы тѣмъ изъ подданныхъ государя, которые принялись-бы отыскивать руды и строить горные заводы. Между-тѣмъ-какъ бергъ-коллегіумъ получилъ правильное устройство, кругъ ея дѣятельности, степень власти — все это въ подробности было опредѣлено государемъ, мануфактуръ коллегія оставалась въ первобытномъ состояніи. И до «Регламента» мы встрѣчаемъ только одинъ указъ (отъ 20 мая 1723 г.), относящійся къ мануфактуръ-коллегіи: «Стамедные, суконные, чулочные, шляпные заводы, которые имѣлись при Липскихъ заводахъ» (25), поступили въ вѣдомство («вѣдѣніе») мануфактуръ-коллегіи.

Наконецъ 3 декабря 1723 г. государь далъ регламентъ мануфактуръ-коллегіи и опредѣлилъ подробно обязанности коллегіи. Ивановъ говоритъ (26), что еще до регламента вышелъ въ 1722 году (13 іюля) распорядительный указъ государя касательно мануфактуръ-коллегіи, къ нему послѣдовало дополненіе 6 ноября 1723 г. и что наконецъ послѣ этихъ двухъ указовъ государь обнародовалъ Регламентъ. Перваго указа мы не нашли въ полномъ собраніи законовъ; во-второмъ-же указѣ хотя очерчено, но довольно неопредѣленно вѣдомство мануфактуръ-коллегіи. Только въ регламентѣ 3 декабря 1723 г. нахо-

(25) П. с. з. т. VII, № 4,378, п. 1.
(26) Стр. 75.

димъ полный сборникъ законовъ, опредѣляющихъ власть, дѣлопроизводство и вѣдомство высшаго правительственнаго мѣста, учрежденнаго Петромъ I, для успѣшнѣйшаго теченія дѣлъ мануфактурныхъ и для надзора за ними. Государь самъ указываетъ въ Регламентѣ, что мануфактуръ-коллегія «при отправленіи своего дѣла поступать по регламенту имѣетъ».

Регламентъ мануфактуръ-коллегіи.

Прежде всего въ Регламентѣ помѣщена статья «о присяжной должности».

Здѣсь между прочимъ государь говоритъ: «что мануфактуръ-коллегіи члены обще и каждый особо должны пользу и благополучіе царское и общественное, всякимъ образомъ и по всей возможности искать и споспѣшествовать, убытокъ, вредъ и опасность отвращать».

Опредѣливъ обязанности членовъ «мануфактуръ коллегіума», относительно его императорскаго величества, и изложивъ присягу, по которой должны поступать члены коллегіи, государь продолжаетъ: «Коллегіумъ мануфактуръ имѣетъ *верховную* дирекцію надъ всѣми мануфактурными фабриками и прочими дѣлами, которыя касаются ко оному правленію, какого-бъ званія ни были во всей Россійской имперіи» (27).

Далѣе опредѣляются дѣлопроизводство въ коллегіи и обязанности президента коллегіи, который долженъ былъ самъ осматривать два или три раза въ годъ фабрики и заводы; «буде-же время до того не допуститъ», то президентъ долженъ былъ посылать члена, который, сдѣлавъ тщательный осмотръ, какъ прозиводится на «фабрикахъ и мануфактурахъ работа и прочее», чего недостаетъ, что надо исправить, и все то коллегія должна была «тщится какъ наискорѣе исправить и въ надлежащій порядокъ привесть» (28).

Мануфактуръ-коллегія пятымъ пунктомъ Регламента полу-

(27) П. 4.—(28) П. с. з.

чила совершенную самостоятельность въ-отношеніи другихъ равныхъ ей правительственныхъ учрежденій. Такъ повелѣно было, чтобы касающіяся до нея дѣла отнюдь не были-бы принимаемы и не поступали въ другія коллегіи и канцеляріи, «дабы тѣмъ правленію мануфактуръ-коллегіи *конфузіи* не чинить» (29).

Такъ-какъ государь «прилежное стараніе имѣетъ», сказано въ 6 статьѣ Регламента, «о распространеніи въ имперіи Россійской, къ пользѣ общаго блага и подданныхъ, дабы учредить разныя мануфактуры и фабрики....», то вслѣдствіе этого мануфактуръ-коллегіи предписывается: «прилежное о томъ стараніе имѣть, какимъ-бы образомъ вновь такія и иныя куріозныя художества въ имперію Россійскую вводить, а особливо такія, для которыхъ матеріалы въ Россійской имперіи найтися могутъ, безубыточнѣе ввести и распространить возможно» (30). Желающимъ-же заводить фабрики повелѣвалось снабдить «привилегіями».

Для того, чтобы болѣе пристрастить подданныхъ къ заводской промышлености, государь «соизволилъ» всякому «какого-бъ» чипа и достоинства онъ не былъ, гдѣ заблагоразсудитъ «мануфактуры и фабрики заводить».

Коллегіи-же предписывалось, отъ объявившихся охотниковъ завести фабрики, узнавать первоначально «о пожиткахъ и ихъ достоинствѣ», и уже послѣ этого, не только сколь возможно скорѣе выдать «такому охотнику» позволеніе, но мало того, коллегія должна была ему «всякіе способы показать, коимъ образомъ съ тою мануфактурою наилучше ему поступать, и въ доброе и неубыточное состояніе привести».

Возлагая на мануфактуръ-коллегію обязанность заботиться о нуждахъ учреждавшихся фабрикъ, предписывалось коллегіи въ то-же время: «о неисключеніи другихъ фабрикъ», т.-е. давая привилегіи одной какой-нибудь учреждавшейся фабрикѣ, въ то-же время коллегія должна была имѣть, говоря словами указа, «осторожность» въ томъ, чтобы «другихъ, которые та-

(29) П. 6. — (30) П. 8.

кія-жъ современемъ учредить похотятъ, ненадлежитъ выключать», а напротивъ-того также имъ способствовать при учрежденіи фабрики. Государь предвидѣлъ, что между фабриками будетъ соперничество, а оно естественно будетъ выгодно, какъ въ-отношеніи количества, такъ и качества производимыхъ ими издѣлій (30). Поэтому онъ всячески избѣгалъ водворенія монополій

Мануфактуръ-коллегія должна имѣть «прилежное смотрѣніе» и за тѣми фабриками, которыя содержатся коммиссіями. О всѣхъ причинахъ худаго или медленнаго производства на нихъ издѣлій, она должна разузнавать, и «въ-случаѣ нерадѣнія компанейщиковъ, ихъ принуждать къ порядочному содержанію», а въ случаѣ недостаточности средствъ, коллегія «имѣетъ чинить капиталомъ вспоможеніе» (31).

Надъ заводчиками поручалось «смотрѣть накрѣпко», для того, во-первыхъ, чтобы они имѣли на фабрикахъ искусныхъ иностранныхъ мастеровъ, у которыхъ-бы, сказано было въ Регламентѣ, Русскіе обучались совершенно «такъ, чтобъ впредь *могли сами за мастеровъ работать*», и во-вторыхъ, заводчики должны были такъ совершенствовать свои произведенія, чтобы «они могли славу принести Русскимъ мануфактурамъ» (32). О первовъ распоряженіи можно замѣтить, что преобразователь Россіи, распространяя и улучшая фабричную промышленость у себя въ государствѣ съ помощію иностранцевъ-фабрикантовъ, уже имѣлъ великую идею образовать у себя классъ мануфактуристовъ изъ Русскихъ. Такъ-какъ заведеніе фабрики обходится очень дорого заводчику, то, предвидя это и желая дать возможность заводчику поскорѣе покрыть приходомъ съ фабрики расходы, употребляемые имъ на ея обзаведеніе, дозволялось коллегіи (33): на сколько лѣтъ ей заблагоразсудится, освобождать фабрикантовъ отъ пошлины, при продажѣ ихъ произведеній, равно-какъ и матеріалы необходимые ихъ фабрикамъ, могли быть также въ эти годы покупатся безпошлинно.

(31) П. 9. — (32) П. 10.

Далѣе коллегіи предписывалось надзирать за пріемомъ, содержаніемъ и отпускомъ рабочихъ, учениковъ и мастеровъ на фабрики. Учредитель завода, со всѣми своими домочадцами, прикащиками, учениками, мастерами *освобождался отъ службы* «и судомъ и расправою, кромѣ государственныхъ и криминальныхъ дѣлъ», повелѣно вѣдать ихъ мануфактуръ-коллегіи (34).

Вообще коллегія должна «чинить всякое исправленіе и вспоможеніе» заводившемуся фабриканту, дабы «и другіе видя къ нимъ милость, всякихъ чиновъ и народовъ люди съ вящшею охотою» (35) вступали въ классъ мануфактуристовъ и, составляя компаніи или отдѣльно, начинали-бы заводить фабрики.

Въ 15 пунктѣ Регламента мануфактуръ-коллегіи поручалось имѣть «прилежное стараніе» касательно заведенія или приведенія въ лучшее состояніе казенныхъ фабрикъ, которыя, основанныя и содержимыя на «коштѣ» его величества, по приведеніи въ «доброе состояніе», могли быть отдаваемы на содержаніе частнымъ лицамъ. Это распоряженіе чрезвычайно важно. Государь понималъ очень хорошо, что только при взаимномъ соперничествѣ заводчиковъ и ихъ личномъ интересѣ, могутъ преуспѣвать фабрики и заводы. Въ то-же время содержатели казенныхъ фабрикъ обнадеживались въ томъ, что фабрики у нихъ не будутъ отняты даже и послѣ того числа годовъ, какое назначено было имъ при отдачѣ фабрики на содержаніе (36).

Чтобы еще большее число людей въ государствѣ пріохотить и привлечь къ заведенію мануфактуръ, Петръ позволилъ «какъ шляхетству, такъ и купечеству» къ заводамъ ихъ покупать деревни, какъ сказано было въ Регламентѣ (37): «не возбрано». Обязанность представлять въ мануфактуръ-коллегію капиталъ, на который заводилась мануфактура, чрезвычайно стѣсняла заводчиковъ. Государь и въ этомъ отношеніи, желая облегчить мануфактуристовъ, приказалъ (38) мануфактуръ-коллегіи «по возможности приводить ихъ въ охоту (заводить ма-

(34) П. 13. — (35) П. 14. — (36) П. 16. — (37) П. 22. — (38) П. 22.

нуфактуры) со всякими легкими манерами, не принуждая ихъ многіе капиталы съ начала къ тому употреблять».

Но, начавши съ малаго капитала, фабрикантъ, видя свою пользу, постепенно будетъ увеличивать капиталъ и распространитъ фабрику. Государь представляетъ невыгоды принуждать фабрикантовъ къ представленію при основаніи ими заводовъ большаго капитала: въ такомъ случаѣ владѣтель мануфактуры, расходуя вдругъ большую сумму, очень часто не будетъ имѣть возможности продолжать заниматься обработывающеюся промышленостію, и или броситъ фабрику, или остановитъ на время, по недостатку средствъ ея, производительность (39).

Краски и матеріалы, находящіеся въ другихъ государствахъ, но необходимые нашимъ фабрикамъ, мануфактуръ-коллегія должна была выписывать и раздавать фабрикантамъ (40).

Разсматривая Регламентъ Петра (3 декабря 1723 г.), мы въ каждой статьѣ находимъ новую привилегію классу мануфактуристовъ (41). Но самое благодѣтельное для мануфактуристовъ постановленіе въ Регламентѣ было то, что государь, давши имъ отдѣльный судъ—мануфактуръ-коллегію, въ то-же время повелѣлъ послѣдней, всѣ дѣла и споры между фабричными, рѣшать какъ можно скорѣе, и притомъ «словесно рѣшать, а не письменно, дабы за тѣмъ *волокитъ* не было» (42).

За всѣ права, даруемыя мануфактуристамъ, они должны были выполнить три главныя обязанности:

1) Представлять свои издѣлія въ коллегію. 19 статья Регламента опредѣляла, по скольку и какихъ произведеній надо представлять образцы «кои за печатамя» должна была имѣть мануфактуръ-коллегія, дабы, какъ сказано было въ Регламентѣ, «она могла видѣть, какъ въ добротѣ оныя (издѣлія) производятся» (43).

2) Фабриканты должны были имѣть хорошихъ мастеровъ и пріучать къ техническому дѣлу учениковъ. Въ Регламентѣ но-

(39) П. 20. — (40) Стр. 77, Ж. м. в. д. 1844 г. — (41) П. 26. — (42) П. 19. — 43) П. 25.

ручалось «накрѣпко» смотрѣть коллегіи, чтобы иностранные мастера на фабрикахъ имѣли Русскихъ учениковъ и мастерству своему обучали, «поставя за то цѣну награжденія, и время во сколько лѣтъ выучить».

«Того ради мануфактуръ-коллегія должна всякое попеченіе имѣть о такихъ ученикахъ и какъ возможно часто *экзаменовать* о ихъ наукѣ, видѣть радѣніе мастеровъ» (44). Государь, входя во всѣ мелочи, поручаетъ мануфактуръ-коллегіи, послѣ «экзаменовъ»; достойнымъ ученикамъ «велѣть награжденіе чинить по ихъ заслугамъ» (45).

Наконецъ третья обязанность фабрикантовъ состояла въ заботливости ихъ о возможно-совершеннѣйшей отдѣлкѣ издѣлій.

Мѣры Петра I къ водворенію, распространенію и развитію мануфактурной промышлености.

Подробно разсмотрѣвъ Регламентъ, мы въ бѣгломъ очеркѣ прослѣдимъ дѣятельность Петра касательно учрежденія и развитія фабрикъ, по всѣмъ отраслямъ промышлености.

Россія, заключая въ себѣ разнороднѣйшіе климаты и разнообразнѣйшія почвы, естественно, возбудила въ умѣ государя мысль соединить здѣсь всевозможныя отрасли промышлености. Вотъ съ какою мыслію Петръ, путешествуя по Европѣ, осматривалъ мануфактуры Лондона, Парижа, Амстердама и другихъ городовъ. Одаренный необыкновеннымъ практическимъ смысломъ, государь, послѣ небольшаго осмотра и подробнаго разспроса мастеровъ, быстро «уразумѣвалъ» сущность дѣла; но всего этого, по его мнѣнію, было недостаточно для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній; преобразователь Россіи, по свидѣтельству Голикова: «съ кузнецами молотомъ ковалъ, съ кожевниками строгалъ, съ ткачами садился за станки и ткалъ полотна, сукна и разныя матеріи, съ плотниками готовилъ брусъ, бревна и доски» (46). Образовавъ себя та-

---

(44) П. 24. — (45) П. с. з. т. III, № 1.588. (46) Голик. ч. 5. сту. 329.

кимъ образомъ, Петръ возвратился въ Россію, съ цѣлію перенести на Русскую почву Европейскую мануфактурную дѣятельность въ полномъ ея объемѣ. Но при этомъ водвореніи мануфактуръ, государь придерживался правила, чтобы прежде основывать фабрики «необходимѣйшія».

а) Горные, оружейные и литейные заводы.

Естественно, что заведеніе флота, построеніе крѣпостей, преобразованіе арміи и почти безпрерывныя войны заставили монарха, съ первыхъ-же годовъ своего царствованія, обратить вниманіе на устройство въ Россіи горныхъ заводовъ вообще и оружейныхъ въ-особенности.

Такъ въ указѣ 10 іюня 1697 года, говоря о «пріискѣ всякаго чина людямъ рудъ въ Верхнетурскѣ и Тобольскѣ», государь указываетъ на тѣ мѣста Сибири, гдѣ должно, найдя руду желѣзную или магнитную, строить заводъ.

Въ указахъ съ удивительною ясностью и точностью излагалось, гдѣ выгоднѣе и лучше учредить заводъ, чтобы и рѣка была подлѣ завода, чтобы и плотина была на ней «для молотовыхъ и большихъ мѣховъ подъему», чтобы подлѣ завода были и «пустые лѣса». Наконецъ, повелѣвая осмотрѣть и описать какъ мѣстность, на которой предполагается выстроить заводъ, такъ и руду, для разработки которой будутъ его строить, Петръ присовокупляетъ, чтобы «чертежъ учинить». Отъ желающихъ заводить желѣзные и другіе заводы, на выбранныхъ ими мѣстахъ въ Сибири, государь требовалъ описанія окружныхъ селеній, лѣтней и санной дороги и свѣдѣній—во что обходится перевозка произведеній завода водою.

«А указалъ великій государь (47) заводы желѣзные построить для того, что, по свидѣтельству *заморскихъ* опытовъ, та руда богаче и желѣзо выходитъ самое дорогое, и чтобъ на тѣхъ заводахъ лить пушки и гранаты и всякое ружье; также

(47) П. с. з. т. IV, № 2,416.

на томъ заводѣ дѣлать и лить желѣзно связное и прутовое и досчатое и кровельное».

Добываніе желѣза въ Сибири такъ увеличилось, что уже указомъ 15 февраля 1712 г. государь повелѣлъ на Тульскомъ оружейномъ заводѣ дѣлать въ годъ по «15 тысячь фузій съ ножами изъ Сибирскаго желѣза» (48), котораго повелѣвалось брать изъ «Сибирскаго приказа» по 10 тыс. пудовъ ежегодно. Но, кромѣ Тульскихъ заводовъ, какъ для литья пушекъ, такъ и для оружейнаго дѣла, были основаны Олонецкіе, Петровскіе и Сестрорѣцкіе заводы. Они постоянно распространялись и постепенно приходили въ лучшее состояніе» (49).

Съ основаніемъ оружейныхъ и литейныхъ заводовъ, Петръ увеличивалъ число желѣзныхъ, мѣдныхъ и всякаго рода рудныхъ заводовъ. Такъ въ концѣ его царствованія Уктусскіе, Алопаевскіе, Камонскіе, Невьяжскіе, Исетскіе и многіе другіе заводы отличаются своимъ развитіемъ. Такимъ образомъ въ 1718 г. было выплавлено на этихъ заводахъ почти 7 мил. пуд. чугуна и 200 тыс. пуд. мѣди» (50). Благодаря распоряженіямъ монарха, Россія имѣла *своего* издѣлія, а не *заморскаго:* пушки ружья, шпаги, тесаки, алебарды, сѣкиры, проволоки, всякаго вида и рода желѣзо, сталь, чугунъ и разныя вещи, необходимыя для флота, арміи и внутренняго потребленія Россіи. Успѣхъ-же всѣхъ трудовъ государя, касательно оружейнаго и литейнаго дѣла, превзошелъ самыя смѣлыя предположенія современниковъ:

Русскіе заводы вооружили и флотъ Петра, и его войско и его крѣпости. Число всякаго рода артиллерійскихъ орудій, кромѣ флотскихъ, по словамъ Голикова, въ 1725 году простиралось до 17 тыс. (51).

Селитренные, сѣрные и пороховые заводы.

Селитренное и пороховое производства также рано должны были обратить на себя вниманіе государя. До него были

(48) Стр. 36, Афанасьевъ. — (49) Стр. 36. — (50) Голиковъ.

только «зачатки» селитренныхъ и пороховыхъ заводовъ. Петръ еще въ 1697 году, въ своемъ «наказѣ окольничему князю Львову, опредѣленному воеводою въ Казань» (21 марта) поручилъ ему: «велѣть селитру варить и зелье дѣлать и въ иныхъ мѣстахъ селитры пріискивать и заводить селитренное и *зелейное* дѣло большими заводы, и *порохъ дѣлать* пушечный и ручной *самый добрый*» (52).

Въ 1712 году, указомъ отъ 29 октября (53), приказано было устроивать селитренные заводы въ губерніяхъ Кіевской, Казанской и Азовской.

Указомъ отъ 8 августа 1713 г. «въ Малороссійскихъ городахъ, всякихъ чиновъ людямъ» повелѣвалось «селитру размножать и селитру велѣть варить безъ остановки».

До какой степени государь считалъ важнымъ селитренное производство, можно видѣть изъ «Наказа» или инструкціи воеводамъ (54), гдѣ напоминалось имъ «о селитренномъ вареніи всегда пещися».

Сѣрные заводы, основанные въ 1703 году, у Сергіевска, въ Новосергіевскѣ и Самарѣ (55), «вполнѣ довольствовали артиллерію и пороховые заводы».

Число послѣднихъ, по свидѣтельству Голикова, простиралось до четырехъ, а именно: на Петербургскомъ островѣ, на Охтѣ, при Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ и на рѣкѣ Клязьмѣ (Московскаго уѣзда).

Полотнянныя и суконныя фабрики.

Съ образованіемъ регулярнаго войска, явилась необходимость въ большомъ количествѣ суконъ; это объясняетъ, почему Петръ также очень рано обратилъ вниманіе на суконные и полотнянные фабрики. Поручая Меньшикову вѣдать суконныя фабрики, царь писалъ ему въ указѣ: «заводъ суконный размно-

(52) П. с. з. т. III, № 1,579, п. 36. — (53) П. с. з. т. IV, № 2598.
(54) П. с. з. т. V, № 2705. — (55) Стр. 39.

жать не въ одномъ мѣстѣ, такъ, чтобы чрезъ 5 лѣтъ *не покупать мундира заморскаго* (56).

Эти слова очень хорошо показываютъ цѣль соблюсти выгоды Россіи,—цѣль, ради которой суконные фабриканты, задолго до регламента мануфактуръ коллегіи, надѣлены были многими привилегіями, какъ-то: освобожденіемъ отъ податей (57), правомъ безпошлинной продажи произведеній и т. под.; для этого-же запрещали вывозъ шерсти изъ Россіи, и въ то-же время обращено было вниманіе на размноженіе и улучшеніе породъ овецъ въ Малороссіи; царь выписывалъ изъ Силезіи и Польши, овчаровъ и суконныхъ дѣлъ мастеровъ (какъ то видно изъ указа сенату 29 апрѣля 1716 г.) (58).

Всѣ эти распоряженія довольно быстро приводились въ исполненіе и естественно, скоро должны были увѣнчаться успѣхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ высочайше утвержденномъ докладѣ сената (59), 13 января 1724 г., мы находимъ подтвержденіе «довольствованія всего войска Россійскими сукнами».

«Льняныя и бумажныя издѣлія не менѣе обращали на себя вниманіе государя» (60). Такъ въ указѣ отъ 28 февраля 1711 г., отдавая полотнянную, скатертную и салфеточную фабрику компаніи Русскихъ купцовъ, Петръ повелѣваетъ имъ: «заводъ распространять съ прибылью, своимъ коштомъ, и сдѣланное на тѣхъ заводахъ продавать повольною *цѣною ии свои избытки;* а буде они оный заводъ раденіемъ своимъ умножатъ и учинятъ въ немъ прибыль и за то они отъ великаго государя получатъ милость» (61). Но изъ донесенія содержателей этой фабрики отъ 26 февраля 1718 г., видно, что производство полотенъ, салфетокъ и скатертей, которое, какъ сказано въ донесеніи, «велѣно намъ (компаніи купцовъ) въ Россіи размножить противъ другихъ Европейскихъ государствъ, своимъ иждивеніемъ», въ-теченіи 7-ми лѣтъ, содержанія, фабрики, они, «какъ въ государ-

(56) П. с. з. т. IV, № 2467 п. 6. — (57) Ивановъ, стр. 62 и 64.
(58) П. с. з. т. V. — (59) П. с. з. т. VII № 4408. — (60) Стр. 66, Ивановъ.
(61) П. с. з. т. IV.

ственную всенародную пользу, такъ и себѣ въ прибыль произвести не могли» (62).

Далѣе излагается просьба «компанейщиковъ», о дарованіи имъ привилегій, безъ нихъ плохо шло дѣло. Привилегіи сіи заключались въ слѣдующемъ: 1) Позволено было компаніи нанимать мастеровъ и работниковъ безъ особаго разрѣшенія. 2) Отведенъ для ихъ фабрики каменный «дворъ», съ каменнымъ-же строеніемъ, дабы безопасно было отъ пожарнаго времени. 3) Позволено принимать въ число членовъ компаніи, кого они захотятъ; касательно судныхъ дѣлъ, государь подчинилъ ихъ мануфактуръ-коллегіи, даровалъ имъ заводъ «на тридцать лѣтъ» и наконецъ, 4) запретилъ ввозъ этого рода иностранныхъ издѣлій (63).

Многіе иностранцы, пожелавъ заняться производствомъ бумажныхъ и льняныхъ издѣлій, получили подобныя-же привилегіи.

Особенно заботясь о сбытѣ произведеній *Русской мануфактурной* промышлености, государь старался устранить все, что препятствовало или уменьшало этотъ сбытъ.

Такъ напр. указомъ отъ 21 октября 1715 г. онъ повелѣлъ: «во всѣхъ Россійскаго государства городахъ и уѣздахъ льняныя и пеньковыя, тонкія и толстыя, всякихъ рукъ и цѣнъ полотна дѣлать широкія, противъ *Европейскихъ государствъ*.

Опредѣляя мѣру ширины холста (1¼ арш.), государь, поясняя причину этого, говоритъ: «что во всѣхъ Европейскихъ государствахъ дѣляютъ полотна широкія, отъ чего промыслами и работами широкихъ полотенъ отъ большихъ цѣнъ имѣютъ многое *народное пополненіе*, понеже тѣмъ широкимъ полотнамъ великіе расходы состоятъ, паче другихъ товаровъ» (64).

Дѣятельность государя была обширна; онъ учреждаетъ фабрики, поддерживаетъ ихъ, даетъ имъ привилегіи, обезпечи-

(62) П. с. з. т. V, № 3174.
(63) П. с. з. т. V, № 3174 и Ивановъ, стр. 67.
(6) П. с. з. т. V, № 2943.

ваетъ сбытъ произведеній этихъ фабрикъ, и наконецъ онъ-же слѣдитъ за цѣною, по которой продаются эти произведенія. Такъ напр. указомъ отъ 16 ноября 1723 г. Петръ I приказалъ на полотна цѣны сбавить: «какъ коллегія за способнѣе разсудитъ, дабы охотнѣе покупали, къ тому-жъ-бы тѣ товары лежа долгое время на фабрикахъ *не пропадали*» (65).

Говоря о производствѣ суконъ, полотенъ и разныхъ бумажныхъ издѣлій, нельзя не замѣтить, что государь не упустилъ и тутъ изъ виду красильныя вещества, впрочемъ, очень важныя при производствѣ льняныхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ издѣлій. Такъ въ 1716 г. указомъ отъ 28 января, приказано: «въ народѣ публиковать, кто гдѣ какія краски найдетъ, дабы объявляли губернаторамъ». Кто-же тѣхъ красокъ сыскавъ объявитъ, давать имъ деньги по разсмотрѣніи» (66).

При указѣ приложенъ былъ реестръ нужныхъ красокъ, съ означеніемъ цѣны каждой. Въ 1719 г., въ указѣ объ учрежденіи бергъ-коллегіи, Петръ I въ первомъ-же пунктѣ указа говоритъ: «Соизволяется всѣмъ, и каждому дается воля, какого-бы чина и достоинства не былъ, во всѣхъ мѣстахъ, какъ на собственныхъ, такъ и на чужихъ земляхъ: искать, плавить, варить, и чинить всякіе металлы, такожъ минераловъ и *всякихъ красокъ*» (67).

Кожевенные заводы.

Производство кожъ чрезвычайно увеличено и улучшено Петромъ I. Такъ еще въ 1698 году устранено соперничество заграничныхъ кожъ. Во все продолженіе своего царствованія, онъ, выписывая кожевенныхъ мастеровъ изъ Голландіи, Пруссіи, Англіи и другихъ государствъ, не довольствовался этимъ, но посылалъ за границу многихъ молодыхъ Русскихъ ремесленниковъ учиться «Нѣмецкому производству кожъ». Петръ, указомъ отъ 4 ноября 1715 г. находя, что юфть, дѣлаемая для обуви,

(65) П с. з. т. VII № 4368. — (66) П. с. з. т. V № 2989.
(67) П. с. з. т. V, № 3464 п. 1.

«весьма не годна есть къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватитъ расползывается и вода проходитъ», приказалъ дѣлать юфть «съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ (68).

Производство канатовъ, необходимыхъ для флота, также всячески поощрялось. Такъ напр. даны были льготы канатнымъ заводчикамъ, опредѣлены формы, величина канатовъ; въ «регламентѣ адмиралтейскаго правленія» былъ изложенъ весь процессъ дѣланія канатовъ (69).

Правила, опредѣленныя Петромъ I, скоро и въ этой отрасли мануфактурной промышлености принесли существенную пользу; такъ изъ указа 1723 г. мы видимъ, что не только флотъ нашъ вполнѣ «довольствовался» канатами Русскихъ заводовъ, но заводы много еще отправляли канатовъ въ Испанію и въ другія земли.

Поташные, смольчужные, смоляные, скипидарные, гарпіусные, канифольные, кирпичные, черипичные и гончарные заводы.

Всѣ выше поименованные заводы или не существовали до Петра, или какъ по числу, такъ и по качеству издѣлій своихъ были ничтожны. Только Петръ далъ имъ порядочное устройство, обезпечилъ сбытъ произведеній, и по большей части распространилъ ихъ по всей Россіи. Грамоты, выдываемыя государемъ частнымъ лицамъ, изъявившимъ желаніе основать подобный заводъ, почти вездѣ начинались слѣдующими замѣчательными словами: «Объявляемъ чрезъ сіе, что мы прилежное стараніе всегда имѣемъ о распространеніи въ государствахъ нашихъ къ пользѣ общаго блага и пожитку подданныхъ нашихъ купечества и всякихъ художествъ и рукодѣлій, которыми всѣ *прочія благоучрежденныя государства процвѣтаютъ и боготятся;* и для того мы многимъ подданнымъ нашимъ дали позволеніе чрезъ наши указы и жалованныя грамоты нѣкоторые рукодѣльныхъ художествъ заводы дѣлать, и размножать».

(68) П. с. з. т V, № 2949. — (69) Афанасьевъ, стр. 55.

Слова эти какъ нельзя лучше характеризуютъ дѣятельность преобразователя.

Пивоварные, винокуренные, уксусные, воскобойные и воскобѣлильные заводы.

Производство вина извѣстно было Русскимъ (70), поэтому Петръ I здѣсь уже «не является нововводителемъ», но онъ только старается это производство улучшить и ограничить продажу его въ пользу государства. Точно также производство и продажа пива, квасовъ и уксуса сдѣлались монополіей казны.

Такъ-какъ пчеловодство было однимъ изъ древнѣйшихъ и главныхъ занятій нашихъ предковъ, то и нѣтъ сомнѣнія, «что обработка воска была въ Россіи задолго до Петра», при чемъ развилась и установилась многолѣтнимъ опытомъ. Вотъ почему мы въ указѣ государя, касательно воскобойныхъ и воскобѣлильныхъ заводовъ, находимъ только правительственныя, а не хозяйственныя распоряженія.

Сахарные заводы.

Сахарные заводы впервые основаны Петромъ. Въ 1711 г., указомъ отъ 14 марта, приказано Московскому купцу Павлу Вестову завести сахарный заводъ, на что мануфактуръ-коллегіи выдать Вестову привилегію на 10 лѣтъ, «и для оной фабрики вывозить ему *изъ-за моря* сахаръ сырецъ, и въ Москвѣ изъ того варить сахаръ готовый и продавать свободно» (71).

Въ 1721 г. указомъ отъ 20 апрѣля воспрещенъ ввозъ въ Россію *заморскаго* сахара; «токмо Вестова во удовольствованіи того сахара обязать сказскою, съ *подкрѣпленіемъ*, что ему конечно тотъ сахаръ противъ прежняго вывоза умножить (72).

(70) Винокуреніе есть изобрѣтеніе Аравитянъ, около XIII ст., и оставалось долго въ секретѣ. Генуэзцы первые узнали секретъ (въ XIV ст.) и развозили горячее вино по всей Европѣ, какъ *чудное лекарство*. Отъ насъ, надо полагать, привилось винокуренье въ Малой Руси, около XV ст.

(71) П. с. з. т. V, № 3181.

(72) П. с. з. т. VI, № 1 и № 3774.

Стеклянные, зеркальные, бисерные, игольные заводы.

Въ 1715 г. построенъ государемъ стеклянный заводъ въ Петербургѣ, потомъ выстроено нѣсколько такихъ-же заводовъ въ Москвѣ, въ Ямбургскомъ уѣздѣ, въ Кіевѣ и впослѣдствіи въ Нарвѣ (73). Зеркала, хрустальная посуда, разнаго рода стекла, посуда и бутылки производились на этихъ заводахъ.

Въ 1724 г. 19 ноября въ проектѣ мануфактуръ-совѣтника *Кассиса* «объ Италіянскихъ шелковыхъ мануфактурахъ и мастерахъ и объ ученіи тамошнимъ художествамъ Русскихъ учениковъ», сказано было между-прочимъ о томъ, что «такъ-какъ *маргариты*, т.-е. круглые всякіе разныхъ колеровъ стеклянные блессеры, кромѣ Венеціи нигдѣ не дѣлаются, безъ которыхъ Англіи и Голландіи пробыть невозможно для имѣющаго торгу въ Остъ- и Вестъ-Индіи и въ Африку; и хотя такая фабрика великимъ смотрѣніемъ присяжными мастерами содержится, однакожь не безъ надежды, изъ оной мастера пристойнымъ образомъ достать».

Государь противъ этого мѣста въ проектѣ написалъ слѣдующую резолюцію: «Бисерныхъ мастеровъ (нанять) буде возможно» (74). Неизвѣстно, впрочемъ, была-ли учреждена бисерная фабрика у насъ въ Россіи, въ царствованіе Петра, или нѣтъ.

Въ 1717 году, компанія изъ Русскихъ купцовъ, по указу Петра, должна была выстроить игольный заводъ «и размножать (производство иголъ) и Русскихъ людей тому игольному мастерству обучать».

Производство иголъ на Русскихъ заводахъ такъ скоро увеличилось и улучшилось, что именнымъ указомъ отъ 11 мая 1722 г. обложены иностранные иглы пошлиною равною цѣнѣ ихъ, или, другими словами: воспрещенъ ввозъ иголъ въ Россію, но въ замѣнъ иностранныхъ, приказано «продавать во всемъ Россійскомъ государствѣ тѣ, которыя дѣлаются *на заводахъ Россійскихъ*».

(73) Афанасьевъ, ст. II, стр. 42.
(74) П. с. з. т. VII, № 4605.

Кромѣ-того, компанія содержателей игольнаго завода должна была «Россійскій народъ обучать во всемъ *противъ заморскаго* дѣла иголъ, и тѣ иглы въ Россія продавать имъ цѣною не токмо выше привозныхъ изъ-за моря иголъ, но предъ тѣмъ съ убавкою» (75). Въ концѣ царствованія Петра I, заводъ, по словамъ Афанасьева, «не только могъ довольствовать Россію безъ ввоза иностранныхъ иголъ, но даже отправлять свои иглы за границу» (76).

Писчебумажные и шпалерные заводы.

Въ 1710 году, подлѣ Москвы, впервые основана фабрика *писчей бумаги.* Впослѣдствіи такія-же фабрики построены въ Петербургѣ и Красномъ селѣ. Какъ видно изъ указовъ 1714 и 1715 годовъ, государь самъ заботился о доставленіи матеріаловъ для основанныхъ имъ фабрикъ, а въ указѣ 25 ноября 1719 г. повелѣніемъ: всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и различнымъ правительственнымъ учрежденіямъ покупать бумагу *Русскихъ заводовъ*, вполнѣ обезпечилъ сбытъ произведеній этихъ фабрикъ. Въ 1716 г. указомъ 19 декабря сдѣлано распоряженіе о присылкѣ мастера на учрежденную тамъ *шпалерную* фабрику. Въ доказательство успѣшнаго производства шпалеръ на этой фабрикѣ Афанасьевъ приводитъ то обстоятельство, что въ 1718 году на ней уже ткали портретъ государыни (77).

Шляпныя, чулочныя, замшевыя, сафьянныя, корзинная, квахмальная, пудренная, пожарныхъ трубъ, пуговицъ, оловянной посуды, табачныхъ трубокъ, карточныя, лосинная, мыльныя и горчичныя фабрики.

Всѣ поименованные фабрики по большей части впервые основаны Петромъ, и притомъ, въ различныхъ городахъ Россіи, «къ сожалѣнію, кромѣ свидѣтельства Голикова объ основаніи Петромъ I этихъ фабрикъ, мы подробностей о нихъ не имѣемъ».

---

(75) П. с. з. т. VI, № 4006. — (76) Ст. II, стр. 34. — (77) Ст. II, стр 78.

Но достаточно одного перечня всѣхъ этихъ фабрикъ и заводовъ, чтобы судить о разнообразной дѣятельности преобразователя Россіи.

Шелковыхъ, золотыхъ, серебряныхъ издѣлій фабрики.

Съ 1714 г. водворены Петромъ I шелковыя мануфактуры; парча, атласы, разные позументы, шелковые чулки, шарфы,— все это начало выдѣлываться въ Россіи. Ввозъ-же иностранныхъ таковыхъ издѣлій строго запрещенъ указами государя, на Русскихъ-же фабрикахъ мастера должны были выдѣлывать издѣлія «супротивъ заморскихъ». Какъ матеріалы, такъ и краски для издѣлій этихъ фабрикъ повелѣвалось сколь возможно доставать въ предѣлахъ Россіи, а не выписывать изъ-за границы.

Пріобрѣтеніе Персидскихъ провинцій (Гиляна, Мазандерана, Астрабада и др.), вѣроятно, распространило шелковыя мануфактуры: потому-что какъ матеріалы, такъ и краски въ достаточномъ количествѣ могли быть получаемы изъ покоренныхъ областей.

Но трудно исчислить, замѣчаетъ Ивановъ (78), «всѣ постановленія въ поощреніе Русской промышлености, которыми ознаменовано мудрое правленіе Петра I. Нѣтъ предмета, на который-бы онъ не обратилъ своего вниманія, нѣтъ вѣтви, которую-бы онъ не оживилъ и не одобрилъ. Справедливо современники назвали его отцомъ отечества; потомство подтвердило ихъ приговоръ».

Петръ засталъ Россію, какъ мы уже говорили, почти безъ фабрикъ и заводовъ, безъ мастеровъ и мануфактурныхъ знаній. Съ энергіей, ему свойственной, онъ вкоренилъ на Русской почвѣ мануфактурную Европейскую промышленость и въ 25 лѣтъ распространилъ ее по всей Россіи. Главнымъ орудіемъ такой необыкновенной реформы *были привилегіи* (79).

«Сперва привилегіи давались отдѣльно фабрикантамъ, за-

(78) Стр. 79, Ж. м. в. д. 1844 г.
(79) Ст. II, стр. 13, Современникъ 1847.

водчикамъ и компаніямъ, какъ исключительныя права, но потомъ онѣ возведены на степень общаго правила» (какъ это видно напр. изъ Регламента мануфактуръ-коллегіи 3 декабря 1723 г.). Впрочемъ, присовокупляетъ Афанасьевъ, «и въ самомъ началѣ привилегіи были какъ-бы общимъ правиломъ, потому-что давались всякой фабрикѣ и заводу» (80).

Вотъ главнѣйшія изъ этихъ привилегій:

1) *Свобода отъ всякой службы*—привилегія очень важная; въ доказательство тому Ивановъ говоритъ, «что работники только изъ желанія освободиться отъ рекрутской повинности толпами уходили на отдаленныя мануфактуры (81).

2) *Устраненіе совмѣстничества* (монополія) *права торговли.*

3) *Право брать въ заемъ и получать денежныя пособія изъ казны*, на извѣстное время безъ процентовъ.

4) Привилегіи по суду.

5) Наслѣдственность фабрикъ и заводовъ въ семействѣ фабриканта.

6) Право покупать крестьянъ съ землею и безъ земли, для употребленія въ работу на фабрикахъ.

7) Привилегіи въ-отношеніи къ бѣглымъ людямъ.

О всѣхъ этихъ правахъ и привилегіяхъ, данныхъ государемъ фабрикантамъ, мы имѣли случай говорить при разборѣ Регламента мануфактуръ-коллегіи (82), въ которомъ права эти дѣлаются общимъ правиломъ для всѣхъ фабрикантовъ. Но другими указами Петра также даны еще многія привилегіи мануфактуристамъ, такъ напр.:

8) Мануфактуристы, впродолженіе извѣстнаго времени, освобождались отъ взноса податей и избавлялись отъ таможенныхъ пошлинъ, какъ при выпискѣ матеріаловъ и инструментовъ, такъ и при продажѣ своихъ издѣлій.

9) Не взыскивалось пошлинъ съ документовъ на владѣніе фабриками (83).

(80) Ст. II, стр. 13. — (81) Стр. 78.

(82) П. с. з. т. VII, п. 9, 12, 13, п. 26, 16, 17, 18 и пр.

(83) П. с. з. т. VI, № 3549.

10) Дома и заведенія, принадлежащіе фабрикантамъ, освобождались отъ постоя войска (84). Наконецъ

11) Право рубить дубовый или заповѣдный лѣсъ также предоставлялось фабрикантамъ для устройства станковъ, фабричныхъ и заводскихъ машинъ, для дѣланія инструментовъ. Эта привелегія, повидимому, маловажная, имѣла однакожь въ то время особенное значеніе, потому-что дубовые лѣса, признаваемые заповѣдными, предназначались Петромъ только «для нуждъ государственныхъ.

При всей многосторонней дѣятельности Петра, мануфактурная промышленость, только-что посаженная на Русской почвѣ, естественно не могла вполнѣ развиться. Государь могъ создать флотъ, армію, но для развитія мануфактурной промышлености надо время.

При концѣ своей жизни онъ имѣлъ однако удовольствіе видѣть въ Россіи двадцать одну мануфактуру и болѣе 100 заводовъ».

II.

Царствованія Екатерины I (1725—1727), Петра II (1727—1730) и Анны Ивановны (1730—1740).

Преемники Петра: Екатерина I, Петръ II и Анна Ивановна не измѣняли привелегій, дарованныхъ Петромъ I классу фабрикантовъ.

Что касается до распоряженій Петра I, то многія изъ нихъ были подтверждены новыми указами. Такъ напр. указомъ 25 іюля 1729 г. Петръ II подтвердилъ указъ о помѣщеніи незаконнорожденныхъ «мужеска и женска пола» на фабрики (86). Анна Ивановна указомъ 7 апрѣля 1731 г. подтвердила право

(84 и 85) П. с. з. т. VI, № 4622, т. 17 № 3582, 3621.
(86) П. с. з. т. VIII, № 5452.

фабрикантовъ имѣть лавки для продажи своихъ произведеній «въ-розницу» (87).

Указомъ 7 января 1736 г. работники совершенно подчинены фабричнымъ фабрикантамъ. Этого недостаточно; запрещено принимать впредь на фабрики бѣглыхъ, въ то-же время «всѣхъ, которые понынѣ (1736 г.) при фабрикахъ обрѣтаются и обучались какому-нибудь мастерству», тѣмъ, кто-бы они не были, бѣглые или нанятые «быть вѣчно при фабрикахъ». «Всякимъ-же мастерствамъ обучать и въ мастера производить» повелѣвалось изъ дѣтей этихъ фабричныхъ.

Если изъ фабричныхъ, мастеровъ, подмастерьевъ, учениковъ и работниковъ «явятся не воздержанные и то къ какому ученію неприлежные», тѣхъ позволялось фабрикантамъ штрафовать «довольнымъ домашнимъ наказаніемъ» и если этого было недостаточно, то такихъ представлять въ коммерцъ-коллегію для отсылки въ Сибирь на поселеніе.

Давая власть надъ фабричными, императрица повелѣвала «фабрикантамъ отвѣтствовать (за нихъ), такъ-какъ и о помѣщиковыхъ людяхъ и крестьянахъ по указамъ опредѣлено для того, ибо тѣ мастеровые люди будутъ за ними *крѣпостными*» (88).

Кромѣ этой весьма вредной привилегіи, подтверждены нѣкоторыя изъ прежнихъ, такъ напр. бродягъ мужескаго и женскаго пола, праздношатающихся повелѣно было «въ силу прежнихъ указовъ» (89) отдавать на мануфактуры и фабрики.

Право судить фабрикантовъ только въ ихъ коллегіи также было подтверждено.

Покупать крестьянъ и людей къ фабрикамъ фабриканты имѣли по-прежнему право, но только должны были покупать безъ земли. Строго подтверждалось полиціи съ фабрикъ и ма-

(87) П. с. з. т. VIII, № 5739 и Ивановъ, сг. I, стр. 60.
(88) П. с. з. т. IX, № 6858 п. 1, 2, 5 и 14.
(89) П. с. з. т. IX, № 6858 п. 9.

нуфактуръ людей «кромѣ карауловъ и бѣганья на пожары» не въ какіе службы не требовять и не наряжать».

Тѣмъ изъ фабрикантовъ, которые «отъ многихъ приказовъ и отъ полицій, сверхъ указовъ и данныхъ привилегій обиды и волокиты учинены» будутъ доносить о томъ подробно (90).

Что касается до управленія фабриками, то еще въ 1727 г. указомъ отъ 24 февраля, Екатерина I (91), объявила: такъ-какъ «умноженіе правителей и канцелярій по всемъ государствѣ не токмо служитъ къ великому отягощенію *штата*, но и къ великой тягости народной», то вслѣдствіе этого очень многіе канцеляріи въ губерніяхъ велѣно закрыть.

«Между тѣми-жъ канцеляріями, сказано было въ указѣ, не токмо въ губерніяхъ но и здѣсь въ резиденціи нашей почитается и мануфактуръ-коллегія и понеже оная безъ сенату и нашего кабинета никакой важной резолюціи учинить не можетъ, того ради и жалованье напрасно получаетъ; и для того той коллегіи дѣла отдать и всѣмъ фабрикамъ вѣдомымъ быть въ *коммерцъ-коллегію.*

Впрочемъ, для совѣщанія о нуждахъ фабрикантовъ и для рѣшенія неважныхъ дѣлъ приказано избраннымъ фабрикантамъ на одинъ мѣсяцъ съѣзжатся въ Москву «для совѣту» (92).

Въ указѣ 28 марта 1727 г. повелѣно «мануфактурнымъ дѣламъ, поелику онымъ при коммерцъ-коллегіи неприлично, быть при сенатѣ и рѣшаться въ конторѣ мануфактуръ». «Хотя коллегіи коммерцъ, бергъ и контора мануфактуръ понынѣ въ разныхъ правленіяхъ состоятъ», сказано было въ указѣ отъ 8 октября 1731 г. «но отъ него никакой пользы не находится и только одно дѣло въ разныхъ рукахъ обрѣтается, и для того указали мы бергъ-коллегію и мануфактуръ-контору сообщить къ коммерцъ-коллегіи».

Въ этомъ-же указѣ повелѣвалось дѣла подвѣдомственныя

(90) П. с. з. т. IX, № 6858 п. 12, 9, 13.
(91) П. с. з. т. VII, № 5017 п. 5.
(92) П. с. з. т. VII, № 5017 п. 5.

ей (т.-е. коммерцъ-коллегіи, «расписать на три экспедиціи»: 1) дѣла торговыя, 2) горныя, 3) фабрики и заводы (93).

Въ 1736 году, іюня 25, основанъ генералъ-бергъ-директоріумъ, замѣнившій всѣ эти три вѣдомства.

Перемѣны эти въ устройствѣ правительственнаго и судебнаго учрежденія для мануфактуръ и горнаго дѣла не имѣло никакого вліянія на развитіе мануфактурной и горной промышлености.

Царствованіе Елисаветы Петравны (1741—1761).

Вслѣдствіе указа (отъ 12 декабря 1741 г.) Елисаветы Петровны, въ которомъ она объявила: что правленіе внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ имѣть на основаніи учиненномъ отъ нашего государя, блаженной памяти Петра Великаго (94), правительствующій сенатъ представилъ докладъ на Высочайшее утвержденіе отъ 7 апрѣля 1742 г., въ которомъ представлялъ необходимость возстановленія мануфактуръ- и бергъ-коллегіи въ видѣ отдѣльныхъ правленій (95) другъ отъ друга и отъ коммерцъ-коллегіи. Императрица, вслѣдствіе этого доклада, повелѣла возстановить мануфактуръ- и бергъ-коллегіи, въ томъ самомъ видѣ, какой онѣ имѣли въ царствованіе Петра I, а генералъ-бергъ-директоріумъ закрыть (96).

Указомъ 15 октября 1751 г. опредѣлялось, чтобы «кто какую фабрику завесть и производить пожелаетъ, тѣмъ, въ силу мануфактуръ-коллегіи регламента (Петра I, 1723 г. декабря 3), «просить позволенія отъ (той) мануфактуръ-коллегіи» подъ опасеніемъ конфискаціи всего имущества въ случаѣ неисполненія этого повелѣнія (97).

Въ послѣдній еще годъ царствованія Анны Ивановны, указомъ отъ 30 мая 1740 г., фабриканты были обнадежены въ сохраненіи имъ тѣхъ привилегій, которыя они имѣли по регламенту 3 декабря 1723 года, но уже (98) въ царствованіе Ели-

(93) П. с. з. т. VIII, № 5860. — (94) П. с. з. т. XI, № 8486.
(95) П. с. з. т. XI, № 8543. — (96) Резолюція выше названному докладу.
(97) П. с. з. т. XI. № 2889. — (98) П. с. з. т. XI, № 8122.

саветы Петровны, права фабрикантовъ стали ограничиваться понемногу. Такъ указомъ правительницы 1741 г. (іюля 16) и императрицы 1743 г. (іюня 7) ограничено право торговли: розничная продажа въ лавкахъ и по рынкамъ запрещена (99). Скоро послѣ этого право учреждать фабрики ограничивается и дѣлается какъ-бы монополіей нѣкоторыхъ сословій; въ самомъ дѣлѣ въ указѣ 1742 г. января 19 мы встрѣчаемъ такого рода распоряженіе:

«Оставшіяся послѣ умершихъ гражданъ жены, ежели похотятъ замужъ другихъ чиновъ за людей, и тѣмъ прежде замужества надлежитъ продать дворъ и заводы *въ посадъ*, и заплатятся всѣ доимки сполна, выдтить за мужъ, за кого похочетъ; а не исполня того, такимъ гражданскимъ вдовамъ за бѣломѣстцевъ за-мужъ не выходить» (100).

Сверхъ-того, какъ говоритъ Соколовскій, «мануфактуръ-коллегія должна была позволять учреждать фабрики только большимъ капиталистамъ и съ особенными техническими познаніями» (101).

Указомъ 1742 г. сентября 17 и 1743 г. декабря 16, повелѣвалось: «понеже содержатели заводовъ, фабрикъ и мануфактуръ получаютъ отъ нихъ себѣ прибыль; того ради (нынѣ) всѣхъ дѣтей ихъ написать съ прочими (фабричными) народу при тѣхъ заводахъ, фабрикахъ и мануфактуръ» — въ подушный окладъ.

Въ то-же время штрафъ, налагаемый на фабрикантовъ, за содержаніе у себя бѣглыхъ, обращенъ изъ простой денежной пени (какъ это было при Аннѣ Ивановнѣ) въ конфискацію «всѣхъ заводовъ, мануфактуръ и фабрикъ» (102).

Въ 1744 г. марта 13 и потомъ 1753 г. августа 12, наистрожайше повелѣно клеймить издѣлія, и при клеймeніи взимать пошлины «безъ упущенія» (103).

(99) П. с. з. т. XI; № 8399, 8757. Ивановъ, ст. I, стр. 82.
(100) П. с. з. т. XI, № 8904 п. 25. — (101) Стр. 231.
(102) П. с. з. т. XI, № 8620, 3836 п. 5.
(103) П. с. з. т. XII, № 8895, т. XIII, № 1013.

Указомъ 1744 г. отъ 13 апрѣля: Армяне, Бухарцы, Индійцы, живущіе въ Астрахани, получили право учреждать фабрики и заводы (104).

Въ томъ-же году, указомъ отъ 27 іюня возвращено фабрикантамъ право покупать крестьянъ съ деревнями, и закрѣплять ихъ за фабриками и заводами (105). Въ то-же время подтверждено подчиненіе фабричныхъ фабрикантамъ, и назначены строгія наказанія первыхъ за побѣгъ и за ослушаніе хозяевамъ (106).

Въ указѣ 12 марта 1752 г. (107) мы снова встрѣчаемъ ограниченіе правъ фабрикантовъ. Такъ въ силу этого указа, владѣтели фабрикъ «не дворяне», или чиновные фабриканты, уже не имѣли право покупать деревень, людей-же только въ опредѣленномъ числѣ.

Въ 1754 г. указомъ отъ 30 августа, фабриканты ограничены въ правѣ свободнаго выбора мѣста подъ фабрики. Такъ огнедѣйствующіе заводы, для сбереженія лѣса, этимъ указомъ повелѣвалось уничтожить и впредь не заводить въ разстояніи 200 верстъ отъ Москвы (108).

Въ томъ-же году, указомъ отъ 21 ноября, уничтожено важное право фабричныхъ—«свобода отъ службы». Со 100 человѣкъ фабричныхъ, живущихъ въ деревняхъ, повелѣно было «наряду съ протчими» брать въ рекруты 1 человѣка. Фабриканты-же неимѣющіе при своихъ заводахъ или фабрикахъ деревень, должны были платить рекрутскую повинность 100 р. за человѣка, или по желанію могли исправлять рекрутскую повинность натурою (109).

Въ 1759 г. указомъ отъ 12 января, запрещено вокругъ Петербурга «по Невѣ рѣкѣ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, и въ другихъ способныхъ къ Петербургу мѣстахъ», сказано было въ указѣ, «для соблюденія лѣсовъ никакихъ фабрикъ и заво-

(104) П. с. з. т. XII, № 8919. — (105) П. с. з. т. XII, № 904.
(106) П. с. з. т. XIII, № 9649. — (107) П. с. з. т. XIV, № 10,285.
(108) П. с. з. т. XIV, № 40,326, 10,435. — (109) П. с. з. т. XV, № 10,914

довъ вновь не заводить. Дабы чрезъ то въ оныхъ къ Санктпетербургу способныхъ мѣстахъ находящіеся лѣса оставаться могли къ удовольствію расходовъ въ Петербургѣ» (110). Вскорѣ вышло повелѣніе «о несчитаніи приписныхъ къ частнымъ заводамъ казенныхъ крестьянъ вѣчною тѣхъ заводовъ принадлежностію» (111).

Съ 1761 г., въ силу указа отъ 13 декабря, фабриканты должны уже были на свой «коштъ» выписывать мастеровъ «изъ чужихъ земель» (112).

Царствованіе Петра III; 1762 годъ.

Петръ III указомъ отъ 29 марта 1762 г., вслѣдствіе открывшихся злоупотребленій, повелѣлъ: «къ фабрикамъ и заводамъ деревень съ землями и безъ земель покупать не дозволять, а довольствоваться имъ (фабрикантамъ) вольными наемными (113) людьми».

Царствованіе императрицы Екатерины II, съ 1762 г.

Царствованіе императрицы Екатерины II можно раздѣлить на 2 періода. Первый простирается отъ 1762 до 1775 г. и заключаетъ въ себѣ постановленія въ духѣ системы, введенной Петромъ, но на время съ нѣкоторыми ограниченіями для фабрикантовъ. Второй періодъ начинается съ 1775 г., т.-е. съ года, когда въ управленіи технической промышлености являются новыя начала.

Ограниченія правъ фабрикантовъ, начатыя Елисаветой Петровной, были продолжены Екатериною II. Такъ въ первый-же годъ ея царствованія, указомъ отъ 8 августа 1762 г., запрещено покупать къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ людямъ, не пользующимся правами дворянства (114). Въ манифестѣ отъ 1? декабря 1763 г. встрѣчается такого рода распоряже-

---

(110) П. с. з. т. XV, № 11,057. — (111) П. с. з. т. XV № 11,379.
(112) П. с. з. т. XV, № 11,490 и Ивановъ, ст. I, стр. 84.
(113) П. с. з. т. XVI, № 11,638. — (114) П. с. з. т. XVI, № 11,988 п. 8.

ніе: «Съ находящихся въ вѣдомствѣ мануфактуръ-коллегіи фабрикъ и заводовъ, гдѣ есть станы, брать съ каждаго стана по одному рублю, а гдѣ оныхъ (становъ) нѣтъ, съ тѣхъ наложить съ употребляемаго на оныя капитала по одному проценту» (115).

Указомъ отъ 30 октября 1769 г., по-случаю войны, начатой съ Турціей, увеличена была ежегодная подать съ фабрикантовъ, которая, смотря по предмету занятій фабрикантовъ, распредѣлена отъ 80 к. до 100 р. (116). Хотя наложеніе податей этихъ и было необходимо, съ одной стороны, для увеличенія государственныхъ доходовъ, а съ другой — для болѣе равномѣрнаго распредѣленія налоговъ между всѣми классами населенія; при всемъ этомъ взиманіе податей съ мануфактуристовъ, привыкшихъ до-сихъ-поръ не платить ничего, естественно не могло подѣйствовать благопріятно на фабрики (117). Кромѣ наложенныхъ податей, многія привилегіи, данныя нѣкоторымъ мануфактурамъ, были уничтожены. Наконецъ Екатерина II, желая знать, какія будутъ послѣдствія всѣхъ этихъ узаконеній, повелѣла мануфактуръ-коллегіи представлять ей полугодичныя вѣдомости о фабрикахъ (118). Повелѣніе это подтверждено въ 1773 г. Такъ указомъ отъ 16 іюля повелѣно было «мануфактуръ-коллегіи и ея конторѣ», «вѣдомости о числѣ и состояніи фабрикъ, съ показаніемъ въ нихъ сколько и какихъ именно сдѣлано, продано и отъ года въ годъ оставалось товаровъ, такожъ по какой цѣнѣ и какое предъ прежними годами выдѣлаемыхъ товаровъ размноженіе и въ одномъ противу другаго рознь состоитъ, какъ нынѣ прислали, такъ и впредь присылали въ вышеозначенные сроки (т.-е. въ январѣ и іюнѣ мѣсяцы) непремѣнно» (119).

Во все время продолженія этого періода (до 1775 г.), надзоръ за дѣйствіями фабрикъ ввѣренъ былъ по-прежнему ма-

(115) П. с. з. т. XVIII, № 13,375. — (116) Соколовскій, стр. 233.
(117) П. с. з. т. XVIII, № 12.592. — (118) П. с. з. т. XIX, № 14,011
(119) П. с. з. т. XIX, № 14,028.

нуфактуръ-коллегіи; власть и обязанности ея оставались тѣ-же; указомъ 23 октября 1762 г. подтверждено ей всячески стараться о размноженіи фабрикъ внѣ Москвы и С. Петербурга.

Указомъ отъ 28 августа 1773 г. (120) опредѣлено «мануфактуръ-коллегіи судить фабрикантовъ, также прикащиковъ, мастеровыхъ и учениковъ, кои находятся единственно при фабрикахъ и фабричномъ ремеслѣ».

Еще указомъ 2 марта 1775 г. было вновь ограничено право фабрикантовъ повелѣніемъ всѣ договоры ихъ съ иностранными мастерами вносить для записки и разсмотрѣнія (121) въ мануфактуръ-коллегіи; но уже съ указа 17 марта того-же года начинается новый порядокъ въ управленіи техническою промышленостью. Такъ въ манифестѣ «о высочайше дарованныхъ разнымъ сословіямъ милостяхъ по случаю заключеннаго міра съ Турціею» (122), сказано было, между-прочимъ, въ статьѣ 11: отмѣняется одно-рублевой сборъ съ каждаго стана и 1 процента съ капитала; «сею статьею» сказано было далѣе въ указѣ «всѣмъ и каждому дозволяется и подтверждается *добровольно* заводить всякаго рода станы и *рукодѣлія производить*, не требуя на то уже иного дозволенія, отъ высшаго или нисшаго мѣста».

Манифестомъ 28 іюня 1777 и указомъ 19 августа 1799 г. (123) окончательно подтверждена отмѣна податей съ фабрикантовъ.

Причина такой свободы въ правѣ заводить фабрики, облегченія фабрикантовъ отъ податей и зависимости отъ мануфактуръ-коллегіи, заключается въ томъ, что императрица по донесеніямъ изъ мануфактуръ-коллегіи замѣтила недостаточное развитіе и распространеніе мануфактурной промышлености; а такъ-какъ въ то-же время въ Европѣ распространились новыя мнѣнія экономистовъ, которые считали прежній порядокъ въ управленіи технической промышлености малополезнымъ, то го-

(120) П. с. з. т. XX, № 14,265. — (121) П. с. з. т. XX, № 14..75 п. 11.

(122) П. с. з. т. XX, № 14,204, № 14,625.

(123) П. с. з. т. XX, № 14,947, также Ивановъ, ст. II, стр. 187 и Соколовскій, стр. 233 и 235.

сударыня повелѣла мануфактуръ-коллегіи разобрать новыя теоріи экономистовъ западной Европы, сообразить ихъ съ настоящимъ положеніемъ мануфактурныхъ дѣлъ и изложить по этому предмету свое мнѣніе. Коллегія изложила всѣ обстоятельства, признанныя ею вредными для распространенія мануфактурной промышлености. «Все пойдетъ хорошо, писала между-прочимъ коллегія, если промышленость предоставить самой себѣ, если всякому разрѣшено будетъ работать сколько обстоятельства его позволятъ». Слѣдствіемъ этого доклада коллегіи былъ вышеозначенный указъ 1775 года, прямымъ слѣдствіемъ котораго въ свою очередь было совершенное уничтоженіе самой мануфактурной коллегіи съ ея конторою, какъ учрежденія, сдѣлавшагося безполезнымъ (22 ноября 1779 г.)

«Установленіе мануфактуръ-коллегіи и ея конторы имѣло начало въ такое время, объявляла императрица, когда къ распространенію полезныхъ рукодѣлій и фабрикъ недовольнымъ побужденьемъ казался собственный каждаго въ томъ прибытокъ, но старанія правительства простирались на изъятіе всякихъ предъубѣжденій».

Далѣе въ указѣ сказано, что послѣ манифеста 17 марта 1775 г. и указовъ 1777 и 1779 г. (отъ 28 іюня и 19 августа), когда всѣ подати съ фабрикантовъ сложены «да и всѣмъ подданнымъ нашимъ въ заведеніяхъ становъ и рукодѣлій столь безпредѣльная дана отъ насъ свобода, что не стѣсняются уже они ни частнымъ неспрашиваніемъ на то дозволеніе, ни надзираніемъ за дѣломъ рукъ ихъ, гдѣ *собственная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе стараться преуспѣвать въ добротѣ и прочности выработываемыхъ ими вещей»*. И при томъ, такъ-какъ «снабженіе» арміи сукнами приведено уже въ такое состояніе, что безъ малѣйшихъ принужденій доставленіе потребныхъ для арміи суконъ служитъ однимъ изъ надежнѣйшихъ способовъ къ прибыли фабрикантовъ и поставщиковъ, и ободреніемъ въ качествѣ и исправности достигать *лучшаго по*

возможности степени», то по симъ «уваженіямъ» повелѣно «о не бытіи впредь» мануфактуръ-коллегіи и ея конторы (124).

Въ томъ-же манифестѣ, фабрики, мануфактуры и заводы объявлялись собственнымъ недвижимымъ имѣніемъ «ихъ владѣтелей, а дѣла фабрикантовъ и фабричныхъ подчинены разбору обыкновенныхъ присутственныхъ мѣстъ.

9 марта 1776 года повелѣно награждать всѣхъ «сдѣлавшихъ новое изобрѣтеніе для общей пользы» (125); въ 1783 г. какъ фабриканты, такъ и фабричные освобождены отъ рекрутской повинности натурою (126).

Постановленія сіи, открывая всѣмъ и каждому путь къ распространенію отечественной промышлености, имѣли благотворное вліяніе на развитіе мануфактурной промышлености. Число фабрикъ и заводовъ въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ увеличилось отъ 500 до 2270 (127).

Послѣдствія преобразованій можно замѣтить изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1812 году было въ Россіи всего фабрикъ и заводовъ 2,322, въ 1814 г. — 2,731, въ 1824 г. — 4,800, въ 1839 г.—6,585, а по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ департамента мануфактуръ и внѣшней торговли въ 1850 году было ихъ 9,843 (128).

М. Семевскій.

---

(124) П. с. з. т. XXV, № 14,447.

(125) П. с. з. т. XXI, № 15,847.

(126 и 127) Ст. II, Иванвъ, стр. 429.

(128) Крюковъ. Таблица къ его очерку, графа: «число фабрикъ и заводовъ по свѣдѣніямъ за 1850 г.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

О

САНСКРИТСКОМЪ ЯЗЫКѢ И ЛИТЕРАТУРѢ (*).

Мм. Гг.

Вступая на каѳедру Санскритскаго языка въ началѣ истекшаго академическаго года, я изобразилъ, въ краткомъ очертаніи, качество и объемъ науки, принимающей неотъемлемое право гражданства въ системѣ наукъ, требуемыхъ современнымъ просвѣщеніемъ нашимъ. Мои вступительныя лекціи были почтены присутствіемъ многихъ изъ васъ, дѣлающихъ мнѣ ту-же честь и нынѣ, и лестное вниманіе ваше, которое навсегда останется для меня памятнымъ, вложило въ меня новыя силы. И дѣйствительно, медленность, или отсутствіе успѣховъ по предмету, обильному всеобщимъ интерессомъ, не могли-бы пасть на предметъ, а скорѣе на профессора. Санскритскій-же языкъ— въ настоящее время уже это аксіома—представляетъ образецъ языка съ самыми полными формами и съ самымъ совершеннымъ построеніемъ. Уже одно — знать такой языкъ, который представляетъ собою образецъ совершенства человѣческаго слова, не можетъ быть дѣломъ постороннимъ и не стоющимъ

(*) Читана 24 сентября 1859 года въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ, при открытіи Санскритско-Персидскаго разряда факультета восточныхъ языковъ, редакторомъ ученыхъ работъ Императорской публичной библіотеки К. А. *Коссовичемъ*.

труда для всякаго, кто не чуждъ высшихъ понятій о человѣчествѣ, кто не бездушенъ къ законамъ, обусловливающимъ проявленіе его мышленія. Но насъ привлекаютъ не одна только дивная полнота стихій этого языка и оконченность его построенія. Свѣтило это согрѣто чудною жизнью и блещетъ чуднымъ самостоятельнымъ свѣтомъ; но, знакомясь съ нимъ ближе, въ формахъ этого языка мы узнаемъ не однѣ общечеловѣческія формы мысли, выражаемой посредствомъ слова: мы узнаемъ въ нихъ духъ и плоть роднаго нашего языка во всей прелести и могуществѣ его первобытной полноты, — скажу болѣе, обрѣтаемъ семейный и общественный бытъ нашъ того времени, когда не было еще ни Славянина, ни Германца, ни Пеласга, когда всѣ мы, живыя и умершія племена, составляли одно племя, говорили однимъ языкомъ, жили подъ условіями однихъ и тѣжъ-же обычаевъ, одной и той-же религіи. Такое органическое сродство Санскритскаго языка съ Славянскими, восполняющее формы этихъ языковъ и объясняющее первоначальное ихъ значеніе—также въ настоящее время уже аксіома, и требуетъ отъ насъ не доказательствъ, но сознательнаго послѣдовательнаго изложенія.

Обильный безконечнымъ интерессомъ самъ по себѣ и по животворному для современной филологіи сродству его со всѣми почти языками Европы, живыми и мертвыми, Санскритскій языкъ столько-же, если не болѣе, знаменателенъ и для языковъ Востока. Съ Зендомъ онъ идетъ рука-объ-руку; корни и формы изыка Ново-Персидскаго только въ Санскритѣ находятъ разумное филологическое разъясненіе. Священный языкъ буддистовъ Сіама и Цейлона, языкъ Пали, ничто иное, какъ умягченный Санскритскій. Лингвистическія стихіи Санскрита сквозятъ и въ языкахъ всѣхъ народовъ и племенъ земли поклонившихся Индійскому Буддѣ—въ языкахъ Тибетскомъ, Монгольскомъ, Китайскомъ, языкахъ Малайскихъ и т. д. Непосредственно отъ него, какъ Романскіе языки отъ Латинскаго, произошло безчисленное множество браһманскихъ нарѣчій: Бен-

гальское, Пенжабское, Маhраттское, Индустани (послѣднее съ примѣсью корней Арабскихъ и Персидскихъ) и т. д., распространенныхъ нынѣ и понимаемыхъ по всему протяженію Индіи, отъ Гималая до Коморинскаго мыса. Всѣ они возводятся къ Санскритскому языку, какъ къ ближайшему общему своему источнику, и изучаются очень легко послѣ предварительнаго изученія ихъ родоваго корня. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ свою самостоятельную литературу. Четыре коренныя нарѣчія южной Индіи, принадлежавшія ея аборигенамъ (Тамиль, Телегу, Карнатака и Малаjаламъ), въ нынѣшнемъ своемъ построеніи, являются пропитанными Санскритомъ и имѣющими болѣе Санскритскихъ корней, нежели собственныхъ. Кромѣ-того, для милліоновъ браhманскаго населенія Индіи, Санскритскій языкъ, какъ языкъ ихъ религіи, независимо отъ того, что онъ принадлежалъ ихъ предкамъ или образователямъ, имѣетъ характеръ языка священнаго, также какъ и для милліоновъ другаго человѣчества, исповѣдывающаго ученіе Будды, населяющаго всю центральную Азію, едва-ли не третью долю Китая, полуостровъ Бармановъ и т. д.

Вы видите, мм. гг., какъ глубоко и какъ широко пустилъ корни этотъ дивный языкъ. Для филолога онъ сдѣлался не только пищею, но основою его науки; для лингвиста онъ ключъ къ изученію однихъ языковъ, при изученіи-же другихъ онъ ему неизбѣжное пособіе, онъ ему объяснитель необъяснимаго никакими изолированными запасами его лингвистики. И это я назову — и не ошибусь, думаю — также аксіомой.

Таковъ Санскритскій языкъ, какъ гармоническое сочетаніе самыхъ полныхъ, самыхъ животворныхъ, какъ видите, звуковъ. Мы видимъ, что наука этихъ звуковъ животворитъ помертвѣвшія стихіи языковъ отдаленнѣйшаго востока и отдаленнѣйшаго запада, связываетъ то, что разрывалось и дичало впродолженіе не вѣковъ, а тысячелѣтій, документально указывая столькимъ племенамъ на ихъ братское единство, утраченное ихъ сознаніемъ, но не изглаженное и таящееся еще въ ихъ

ежедневной рѣчи, формами-же и звуками только этого языка какъ-бы пробуждаемое отъ мертваго сна. Таковъ онъ еще и по стихіямъ, непосредственно изъ него исшедшимъ и донынѣ неискоренимо живущимъ въ столькихъ языкахъ племенъ, дѣйствительно ему чуждыхъ, — и по религіямъ, имъ проповѣданнымъ, какъ языкъ священный для болѣе, нежели трети всего населенія рода человѣческаго.

Свѣтъ, вносимый формами и корнями Санскрита въ систему Европейскихъ языковъ, отнюдь не происходитъ отъ какого-бы то ни было вліянія этого языка на образованіе Европейскихъ, каково н.-п. Латинскаго — на образованіе нѣкоторыхъ позднѣйшихъ языковъ Европы, Греческаго — на Латинскій и т. п. Равнымъ образомъ, ни одинъ изъ Европейскихъ языковъ не происходитъ отъ Санскритскаго. Племя, образовавшее его, подвергаясь разнымъ историческимъ условіямъ, сохранило въ первоначальной чистотѣ тѣ элементы словеснаго богатства, вынесенные имъ изъ семьи, общей съ племенами Европейскими, которые послѣдними были, на пути тысячелѣтнихъ ихъ странствованій, частію искажены, частію утрачены; и вотъ тайна поразительной тожественности Санскрита съ нашими языками. Но за племенемъ, сохранившимъ для насъ подобное богатство языка, не одна только честь великой и необычайной, такъ сказать, памятливости родныхъ звуковъ. Мы знаемъ, что стихіи Санскрита вошли во множество другихъ языковъ ему чуждыхъ, принадлежащихъ племенамъ, составляющимъ, какъ я сказалъ, едва-ли не третью долю населенія рода человѣческаго, не считая браһманистовъ Индіи. Такое вліяніе на другіе языки не производится однимъ совершенствомъ, или красотою языка вліяющаго: оно распространяется побѣдоносно только путемъ цивилизаціи, или политики, и въ обширныхъ размѣрахъ подобная побѣда одного языка надъ другими возможна только для цивилизаціи.

Слово цивилизирующихъ народовъ живетъ не въ однихъ своихъ результатахъ, не въ однихъ идеяхъ, дѣйствующихъ и

видоизмѣняющихся въ племенахъ, которыми онѣ восприняты. Нѣтъ, независимо отъ послѣдующихъ видоизмѣненій идей, имъ провозглашенныхъ, онѣ остаются навсегда въ первоначальной чистотѣ своей въ творческихъ памятникахъ этого слова, переживая не только народы, которыхъ языкъ этихъ идей былъ живымъ достояніемъ, но и племена, ихъ воспринявшія, и не умрутъ онѣ въ этихъ памятникахъ, доколѣ живо человѣчество. Такова письменность Еврейская. Такова классическая словесность. Такова и Санскритская.

Классическая словесность входитъ въ составъ предметовъ всякаго высшаго Европейскаго образованія. Это понятно и естественно, ибо цивилизація Европы создана міромъ классическимъ. Наше просвѣщеніе только тогда можетъ быть вѣрно самому себѣ и развиваться органически, когда развитіе его не будетъ состоять въ разрывѣ съ его корнемъ. Кто-же чуждъ этому корню, тотъ непремѣнно съ нимъ къ разрывѣ.

Таково значеніе памятниковъ Санскритской письменности, положимъ, для отдаленнаго Востока. Но для насъ, Европейцевъ, имѣютъ-ли какое-либо значеніе эти памятники? Филологическій интересъ Санскрита доказанъ Нѣмецкими учеными и не подлежитъ никакому сомнѣнію; для этого, казалось-бы, достаточно ограничиться грамматикою и лексикономъ.

Но одни грамматика и лексиконъ не удовлетворятъ для насъ даже и этой потребности: ибо мы способны понять и оцѣнить стихіи каждаго языка только въ живомъ отправленіи ихъ функцій, а не въ анатомическихъ, если позволено такъ выразиться, препаратахъ. Эти стихіи, сами по себѣ, мрачны и безмолвны, какъ и все мертвое. Къ тому-же, если такой изслѣдователь, путемъ утомительной кропотливости, и извлечетъ изъ грамматико-лексическаго гроба Санскритской литературы что-либо дѣйствительно подходящее къ живымъ стихіямъ нашихъ языковъ, то это должно приписать случаю, какъ и всякая находка не есть дѣйствительно плодъ ума, а случая, если она обрѣтена въ-потьмахъ и ощупью. Но допустимъ на минуту даже

непогрѣшимость апріорическаго такта и чутья филологовъ, разсуждающихъ по грамматикамъ и лексиконамъ. Такой филологъ, положимъ, если иногда, какъ я сказалъ, и безошибочно усвоиваетъ результаты чужихъ трудовъ, способенъ-ли онъ открыть самъ что-либо дѣйствительно новое въ своей наукѣ? Нѣтъ, его открытія ограничиваются неотразимымъ предѣломъ открытій, сдѣланныхъ другими. Живая и безпредѣльная грамматика, заключенная въ языкѣ памятниковъ, для него закрыта навѣкъ; онъ останется вѣчнымъ крохоборомъ самостоятельныхъ трудовъ, совершаемыхъ великими Нѣмцами, вѣчнымъ фамулюсомъ, а не настоящимъ слушателемъ своихъ достойныхъ наставниковъ.

И такъ, и обще-лингвистическій интересъ, вполнѣ современный, не освобождаетъ насъ отъ самостоятельныхъ занятій этимъ языкомъ.

«Но сколько трудовъ, сколько трудовъ для этого требуется?» скажутъ нѣкоторые. Дѣйствительно, требуется трудъ, какъ и всякое знаніе никому не дается безъ труда. При изученіи Санскритскаго языка, какъ и при изученіи языковъ классическихъ, требуется заранѣе готовность на трудъ механическій, на запамятываніе формъ, на словоисканіе въ словаряхъ; но, скажу вамъ, мм. гг., что трудъ, ведущій къ знанію Санскритскаго языка, гораздо легче, нежели требуемый другими языками; онъ легче потому, что каждая узнанная его флексія, каждое прінсканное слово, независимо отъ возноградительнаго значенія ихъ въ разобранномъ предложеніи, частію родственны формамъ и корнямъ языковъ извѣстныхъ трудящемуся, частію ведутъ, съ перваго уже шага его занятій, къ самымъ неожиданнымъ любопытнымъ филологическимъ соображеніямъ, къ какимъ не приводятъ, какъ извѣстно, формы и корни другихъ языковъ. Къ тому-же, дѣйствительно трудно было изучить Санскритскій языкъ Кольбруку и Джонсу, перенимавшимъ знаніе его, какъ тайну, у Пандитовъ, посѣщавшихъ ихъ скрытно, въ разное время дня и въ разные дни, изъ опасенія подвер-

гнуться гоненіямъ и ненависти со-стороны своихъ одноплеменниковъ. Не легко было трудиться надъ Санскритскимъ языкомъ Фридриху Шлегелю и Шези́, перенимавшимъ это знаніе, въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія, въ Парижѣ, у плѣннаго Англичанина, безъ руководствъ, безъ печатныхъ изданій, обрѣтая только въ одной головѣ наставника всѣ истолкованія предмету, когда составныя стихіи Санскрита не были еще разъяснены, когда родственность его съ нашими языками не была даже подозрѣваемою; можно себѣ представить, что не легко имъ было удовлетворять пламенную свою жажду, гемеопатическими, такъ сказать, и все-же неотступно-повторяемыми, и все-же какъ должно насыщавшими ихъ, пріемами. Не легко было изучить Санскритскій языкъ Боппу съ помощью однихъ грамматикъ Кольбрука и Вилькинса и указаній, въ нихъ содержимыхъ, безъ лексикона, просиживавшему въ цвѣтѣ молодости, въ 1812 году, когда вся Европа была въ волненіи, цѣлые дни въ Парижской библіотекѣ, списавшему въ то время собвенноручно всю Маһāбāрату, и потомъ издавшему и объяснившему съ такимъ мастерствомъ столько ея эпизодовъ.

Имъ дѣйствительно трудно было изучить Санскритскій языкъ. Но въ настоящее время, когда столько издано руководствъ для его изученія, когда мы обладаемъ, на разныхъ Европейскихъ языкахъ, 2-мя полными Санскритскими словарями, 14-ю грамматиками (6-ю на Англійскомъ, 6-ю на Нѣмецкомъ и 2-мя на Французскомъ языкѣ), множествомъ глоссаріевъ, когда всѣ его корни собраны съ возможнымъ тщаніемъ и объяснены въ общедоступныхъ изданіяхъ, когда вышло въ свѣтъ столько Санскритскихъ текстовъ при самыхъ обстоятельныхъ и общепонятныхъ объясненіяхъ, для насъ, мм. гг., основательно изучить въ скоромъ времени Санскритскій языкъ (не говорю о его литературѣ) значитъ сознательно и серьезно желать изучить его.

О предварительномъ трудѣ, слѣдовательно, требующемся Санскритскимъ языкомъ, какъ и всякою наукою, и не только

наукою, но всякимъ искусствомъ, всякимъ ремесломъ, всѣмъ, что стремится къ бойкости и къ развязности мастера, и говорить нечего. Дѣло въ важности предмета, въ силѣ побужденій, способныхъ, или неспособныхъ привлечь насъ къ предмету и къ труду. Трудъ, если мы дѣйствительно сознаемъ важность предмета, если отсутствіе знанія предмета мы можемъ счесть отсутствіемъ чего-то достойнаго и прекраснаго въ насъ, будетъ намъ ни по чемъ. Тогда поймемъ мы, что робость къ труду грозитъ отнять отъ насъ навсегда это прекрасное и достойное, и ни за что къ себѣ ее не допустимъ. Не будутъ намъ страшны тогда и дѣйствительныя лишенія, еслибы и таковыя отъ насъ требовались.

Побужденій къ тому, чтобы не страшиться никакихъ жертвъ труда, имѣя въ виду обладаніе Санскритскимъ языкомъ, для филолога и лингвиста очень много. Мы видимъ, что для перваго Санскритскій языкъ составляетъ, такъ сказать, сердце и ядро его науки, второму онъ проясняетъ напередъ темныя стороны въ языкахъ самыхъ отдаленныхъ формацій, которыхъ отдѣльное изученіе никогда прояснить неспособно. Но, независимо отъ языка, каковы-же письменные памятники народа, котораго цивилизація, вмѣстѣ съ религіей, донынѣ обхватываетъ, какъ извѣстно, кромѣ необъятной Индіи, почти третью долю населенія рода человѣческаго?

Есть, стало быть, прелесть и сила въ идеяхъ, заставившихъ такую массу упрямаго человѣчества отказаться отъ своихъ вѣрованій и преклониться предъ началами, проповѣданными ему—кѣмъ же?—безоружными выходцами изъ чужой страны, преобразовывая по этимъ идеямъ весь свой вѣковой бытъ, всю свою исторію.

Изложеніе древне-Индійскаго ученія Будды войдетъ въ составъ моихъ лекцій объ исторіи Санскритской литературы; здѣсь же я упомянулъ объ немъ только какъ о феноменѣ Санскритской мысли, который мы встрѣчаемъ и не доходя до Индіи, по разнымъ направленіямъ самаго отдаленнаго Востока, и

даже въ предѣлахъ нашего отечества. Буддизмъ не выдержалъ 20-вѣковой борьбы съ браһманизмомъ; но, уходя изъ родины, оставилъ ей произведенное имъ вліяніе на ея жизнь и литературу и—памятники зодчества, по смѣлости и громадности своего стиля, оставляющіе далеко за собою всѣ величавые архитектурные памятники какъ древняго, такъ и новаго міра.

Говорятъ, что Индія не имѣетъ исторіи. Если исторія есть изображеніе судебъ народа, развивавшагося самостоятельно подъ вліяніемъ идей, выработанныхъ его жизнью, если народами историческими называются преимущественно народы, организовавшіе свой государственный бытъ, при выработанномъ ими полномъ просторѣ для всѣхъ возможныхъ проявленій въ его нѣдрахъ свободной мысли и творчества, если есть несокрушимые памятники того и другаго, и при томъ, памятники слова, изображающіе его жизнь, то государства древней Индіи, исторіей своей, не уступятъ никакимъ, самымъ историческимъ государствамъ міра.

Не будетъ ново для васъ, мм. гг., если скажу, что древнѣйшія человѣческія общества состояли изъ отдѣльныхъ семействъ, управлявшихся ихъ вождями или старѣйшинами; но самую живую и привлекательную картину такого быта раскрываютъ намъ Веды. Племя, покорившее и образовавшее Индію, въ нихъ представляется намъ группами отдѣльныхъ родовъ или семействъ одного языка, одной религіи, величающихъ себя именемъ арјa, т.-е. *благовоспитанныхъ*, *почтенныхъ*, увѣренныхъ въ самой скорой помощи и защитѣ со стороны ихъ боговъ, на пути ихъ странствованій, противъ племенъ, не знающихъ жертвоприношеній, т. е. религіи, кровожадныхъ и лютыхъ. Религія этихъ семействъ — чистое обоготвореніе явленій природы, поражавшихъ ихъ впечатлительныя и воспріимчивыя чувства; но уже въ древнѣйшихъ изъ этихъ гимновъ за воспѣваемымъ явленіемъ природы очень ясно обозначается символъ.

Развалины того-же быта и какъ будто остатки тѣхъ-же ведаическихъ строфъ, пересказанныхъ на языкѣ, который состоитъ въ ближайшихъ, почти въ діалектическихъ отношеніяхъ съ Санскритскимъ, мы находимъ въ письменныхъ памятникахъ племени, сосѣдственнаго Индіи по сю сторну Гималая, образовавшаго самостоятельную цивилизацію и гражданственность и упрочившаго за собою названіе людей образованныхъ, аirјa, впослѣдстіи Иранъ, въ значеніи дѣйствительно собственнаго имени.

Реформа религіи, которую назову ведаической, была произведена Заратустрою, жившимъ, по указаніямъ Зендавесты, въ Бактріи, близъ Оксуса, на самомъ отдаленномъ краю восточнаго Ирана. Арійскія племена, не принявшія этой реформы, перешли, по западному склону Гималайскихъ горъ, въ Индію, Заратустрово-же ученіе съ другими Арійскими племенами распространилось на западъ и впослѣдствіи организовало могучую Персидскую имперію.

Языкъ Авесты, состоящій въ такихъ близкихъ отношеніяхъ къ Санскритскому, системою-же своей фонетики еще ближе, нежели Санскритскій, подходящій къ Славянскимъ языкамъ, надѣюсь, также войдетъ въ составъ нашихъ будущихъ занятій, и особенныхъ трудностей, послѣ того, что сдѣлано для его разъясненія, начиная съ Анкетиля-дю-Перрона, Бюрнуфомъ, Боппомъ, Лассеномъ, Вестергардомъ, Шпигелемъ и другими, представить уже не можетъ. Вся сила, какъ я сказалъ, въ одномъ —въ серьезномъ побужденіи къ труду.

Вступивъ въ предѣлы Индіи, Арійскія племена должны были бороться съ туземцами. Количество пришельцевъ, безъ всякаго сомнѣнія, не было сравнительно многочисленно; но окончательная побѣда надъ разрозненными первобытными обитателями Индіи осталась за единодушными и одноязычными пришельцами. Ихъ пѣвцы, прославлявшіе явленія природы, въ то-

же время изучали ея таинства и предуготовляли будущее высокое просвѣщеніе и цивилизацію этого края. Они руководили воинственныя дружины, сами обыкновенно оставаясь въ сторонѣ. Такимъ образомъ, по-мѣрѣ распространенія Арійскаго племени по Индустану, постепенно выработался между ними классъ жрецовъ (*брā҃hманā҃h̊*) и воиновъ (*кшатриjā҃h̊*). Завоеватели поселялись между побѣжденными, включая смирявшихся предъ ихъ могуществомъ въ составъ своего общества и даже допуская, въ извѣстной степени, законные между ними и своимъ обществомъ браки. Смирнымъ туземцамъ предоставлялось владѣть землею и заниматься торговлею; право это, разумѣется, условливало содержаніе и, такъ сказать, продовольствованіе высшихъ сословій, впослѣдствіи приведенное въ систему. Этихъ туземцевъ Индіи Арійскіе пришельцы удостоили даже названія *людей*, ибо слово *виç* (вайçjа), которымъ они ихъ именуютъ, въ ведаическомъ языкѣ значитъ: *человѣкъ*. Есть слѣды, что смирившіеся Индійскіе туземцы принимались иногда и въ разрядъ Кшатріевъ. Покорившіеся недобровольно, но послѣ упорнаго сопротивленія, включались въ сословіе безвыходныхъ рабовъ, *судрā҃h̊*, трехъ высшихъ сословій. Вотъ процессъ образованія Индійскихъ кастъ, о которыхъ во всѣхъ фоліантахъ Ведъ нѣтъ даже помина,—что доказываетъ, безъ-всякаго сомнѣнія, ихъ по-Ведаическое образованіе. Водворяя такимъ образомъ въ себя и, подъ условіемъ извѣстной системы, совершенно перерождая въ себя туземныя племена, пришельцы, естественно, съ каждымъ завоеваніемъ становились могущественнѣе и побѣда надъ остальными дѣлалась рѣшительною.

Я уже упомянулъ о глубокой увѣренности Арійскихъ племенъ періода Ведаическаго въ готовой всегда имъ помощи и заступничествѣ ихъ боговъ. Эта сознательная увѣренность въ своемъ превосходствѣ и въ своихъ нравственныхъ и физическихъ силахъ много способствовала подобному торжеству Арійскихъ племенъ въ Индіи.

Входившіе въ подобную общественную организацію, образованную пришельцами, ослѣпленные ихъ могуществомъ, дѣйствительно считали ихъ людьми высшаго происхожденія, перенимали ихъ религіозныя идеи и срастались, такъ сказать, съ ними подъ вліяніемъ этихъ идей, смягчившихъ наконецъ и уравновѣсившихъ ихъ отношенія, въ то-же время перенимая и языкъ своихъ *головъ* и *плечъ*, какъ имъ сказали брāһманы: ибо послѣдніе политическую идею кастъ внесли въ религіозное вѣрованіе и долго оставались во главѣ сдружившагося такимъ образомъ и сросшагося разнороднаго общества. Но булатъ, добывшій эту землю, вошелъ въ свои права: смиривъ и какъ-бы поглотивъ туземцевъ Индіи, Брāһманы и Кшатріи должны были бороться между собою. Отъ книгъ Ведъ отрывалъ руку брāһманъ Бала-Рāма, для того, чтобы схватить топоръ и рубить, какъ лѣсъ, строптивыхъ кшатріемъ. Воины все-таки одолѣли. Въ ихъ сословіи выработалась и сдѣлалась вполнѣ самостоятельною власть монархическая, прежде зависѣвшая непосредственно отъ жрецовъ; при брāһманахъ осталось превосходство ихъ рожденія, остались молитвы и неотъемлемое право храненія Ведъ. Но еще опаснѣе кшатріевъ явился соперникъ брāһманамъ—это Çакја-муни, кшатрија по рожденію, по воспитанію-же и по духу брāһманъ. Оружіе его тѣмъ было опаснѣе, что оно не было вещественно и что тайна могущества этого оружія была извлечена Çакјею изъ собственныхъ книгъ его противниковъ.

Я уже сказалъ, что въ средѣ брāһмановъ возникло и образовалось древне-Индійское просвѣщеніе: они были хранителями Ведъ, они увѣковѣчили великія историческія событія. Въ ихъ кругу образовались различныя философскія школы, между прочими, санкʿја, учившая, что достоинство человѣка не условливается его рожденіемъ, что праведный судра на цѣлую безконачность выше корыстолюбиваго брāһмана и т. п. Подобныя доктрины Çакја-муни изъ брāһманскихъ кружковъ внесъ въ

жизнь, не трогая внѣшней браһманской организаціи, оставляя каждому право помнить свое происхожденіе и другихъ и, пожалуй, величать имъ себя и другихъ, но, на основаніи браһманскихъ-же авторитетовъ, утверждая абсолютное равенство между людьми и одинакія права всѣхъ на высшія блага жизни и просвѣщенія. Браһманизмъ пошатнулся и принужденъ былъ дѣлать уступки. Не говоря о тѣхъ государствахъ, гдѣ буддизмъ былъ религіей господствующей (уже въ III вѣкѣ до Р. Х.), письменные памятники, современные первымъ эпохамъ буддизма, представляютъ намъ касты, даже въ браһманическихъ государствахъ, тщательно оберегаемыми, но въ то-же время, на дѣлѣ, не болѣе какъ наслѣдственными титулами, не мѣшавшими никому заниматься дѣломъ по своимъ талантамъ и встрѣчать всеобщее поощреніе, хотя-бы и относилось это дѣло, по старымъ браһманскимъ постановленіямъ, не къ той кастѣ, въ которой кто рожденъ. Творчество человѣческой дѣятельности вызывалось, вслѣдствіе этого, на общественную пользу не изъ однихъ, какъ прежде, привилегированныхъ, но изо всѣхъ слоевъ древне-Индійскаго общества тѣхъ эпохъ, и имѣло послѣдствіемъ общее блестяще его процвѣтаніе, свидѣтельствуемое не только Санскритскими памятниками, но сохранившимися свѣдѣніями Мегасѳена, жившаго долго при дворѣ одного изъ могущественнѣйшихъ государей древней Индіи (Чандрагупты) въ качествѣ уполномоченнаго посла преемника Александра Македонскаго въ Азіи, Селевка Никатора. Такимъ образомъ оба эти вѣрованія держались долго одно возлѣ другаго, но навсегда, уже по природѣ своей, не могли быть совмѣстны. Вліянію буддизма браһманская Индія обязана и тѣмъ, что право пера сдѣлалось тамъ достояніемъ общимъ. Кромѣ Ведъ, кромѣ историческаго эпоса, Пуранъ, философскихъ системъ и грамматики, воздѣлываемыхъ браһманами, явилась литература, которую можно назвать литературою кшатріевъ и вайсіевъ: театръ, элегія, сказки, романы, гномическая поэзія и

т. д. Верхъ процвѣтанія этой литературы относится къ эпохѣ царя Викрамāдитjи, отразившаго, по преданіямъ Индіи, набѣгъ сѣверныхъ варваровъ Саковъ, въ году, отвѣчающемъ, по нашему лѣтосчисленію, 57 году до-христіанской эры.

Собственно изящная Санскритская литература открывается двумя колоссальными эпосами, изъ которыхъ первый увѣковѣчилъ окончательную побѣду Аріевъ надъ туземными племенами всего полуострова, простирая ихъ власть и вліяніе даже на островъ Цейлонъ, другой — борьбу Аріевъ противъ Аріевъ, приведшихъ въ игру всѣ духовныя и вещественныя силы побѣдоносныхъ окрѣпшихъ народовъ, которыхъ воинственный духъ, не встрѣчая наконецъ посторонникъ соперниковъ, обрѣлъ ихъ въ междоусобіи и волею судебъ обновилъ эти племена, обагривъ ихъ кровію равнины сѣверной Индіи. Съ-тѣхъ-поръ союзъ древне-Индійскихъ государствъ былъ крѣпокъ и споры о первенствѣ ограничивались только частными войнами, но никогда не возбуждали уже войны общей.

Это историческая основа обѣихъ поэмъ. Въ древне Индійскомъ эпосѣ, какъ и въ Греческомъ, боги движутся собственно для того, чтобы возвысить людей; внѣ мірѣ человѣческаго ихъ могущество какъ-бы исчезаетъ. Въ Индійскомъ эпосѣ они даже становятся людьми, испытываютъ всѣ лишенія человѣка, божественностью-же природы своей торжествуютъ надъ зломъ и искореняютъ его. Въ Греческой миѳологіи есть слѣды подобныхъ явленій, но малозначущихъ въ сравненіи съ Индійскими (н.-п. воплощенія Зевеса и Аполлона). Въ Рāмājанѣ богъ Вишну вознегодовалъ противъ злобы лютыхъ существъ, населявшихъ Индію и обижавшихъ брāhмановъ, и чтобы защитить послѣднихъ, родился въ семействѣ одного изъ доблестнѣйшихъ царей земли Кōçаловъ. Чтобы совершить подвигъ торжества надъ злою вещественною силою, Рāма, Вишну во плоти человѣка, долженъ былъ представить въ себѣ образецъ чести, благородства, самоотверженія, быть подвергаемъ судьбою всѣмъ

возможнымъ искушеніямъ, но ничто не вовлекло въ нѣгу, или апатію, его высокой души: онъ всегда былъ пропитанъ правдою, всегда приносилъ ей себя въ жертву, всегда былъ дѣятельнымъ, непримиримымъ врагомъ безчестія и грубой матеріальной силы. Отсюда Рама въ первомъ изъ двухъ древне-Индійскихъ эпосовъ представляетъ идеалъ высшаго человѣка. Во второмъ эпосѣ дѣйствуетъ также между людьми Вишну (въ лицѣ Кришны), но не играетъ первой роли, какъ въ Рāмāјанѣ. Люди Маhāбāраты знаютъ, что между ними находится божество; но какъ-бы забываютъ это и мало внемлютъ его словамъ. Отсюда междоусобіе и кровопролитіе. Въ 'Багавад-гитѣ, одномъ изъ эпизодовъ Маhāбāраты, изданномъ съ исправностью лучшихъ классическихъ изданій Боннскимъ профессоромъ Лассеномъ, изложены въ блестящей поэтической формѣ всѣ основанія вѣрованія, по которому, когда человѣчество становит я недостойнымъ существованія на землѣ, милосердый Вишну пріемлетъ плотской образъ, возстановляетъ правду и уничтожаетъ злодѣевъ. Мы увидимъ, что и принявшіе ученіе Будды сбились скоро на старый брāhманскій догматъ воплощенія и даже перещеголяли брāhманистовъ: ибо богъ, постоянно живущій и движущійся передъ ними въ плоти, сдѣлался ихъ потребностью; послѣднее, впрочемъ, не относится къ буддизму чисто-Индійскому.

Съ Маhāбāратою тѣсно связаны Пурāны по содержанію и по способу изложенія, съ тою разницею, что въ нихъ религіозно-философскій элементъ рѣшительно преобладаетъ надъ историко-эпическимъ. Въ области Санскритской лирической поэзіи особенно примѣчательна элегія. Никогда страсть любви не выражалась языкомъ такого пламени, нѣги и тоски, какъ въ лирической поэмѣ Жајадѣвы. Санскритская литература средняго періода преимущественно богата драмою. Тѣ, которыя напечатаны (ихъ напечатано всего 12, извѣстны-же, по разнымъ источникамъ и большею частью находятся въ Лондонской библі-

отекѣ East-India house, не менѣе 60), заимствуютъ содержаніе частію изъ эпоса, подобно драмамъ Греческимъ, частію изъ обиходной жизни, частію выводятся въ нихъ на сцену историческія или политическія, близкія, по времени, къ творцамъ ихъ, событія. Шекспировская тайна раскрывать въ драмѣ всю подноготную самыхъ сокровенныхъ побужденій человѣка и типировать въ полномъ развитіи всѣ возможные его характеры была очень хорошо извѣстна Индійскимъ поэтамъ. Но катастрофа всегда у нихъ благопріятна для дѣйствующихъ лицъ. Поэтъ измучитъ читателя душевными страданіями праведника, или ударами судьбы, кажется, неминуемо-грозящими его уничтожить, но правда со всею успокоительною естественностью всегда въ этой драмѣ торжествуетъ. Интригантъ, гонитель и т. п. въ концѣ много-что предаются посмѣянію и пріемлютъ прощеніе отъ тѣхъ, кого думали сдѣлать своими жертвами. Въ нѣкоторыхъ драмахъ преданы поруганію плутовство и грязная жадность жреческаго сословія. По стихотворному метру, видоизмѣняющемуся въ лирическихъ мѣстахъ, соотвѣтственно ихъ содержанію, Санскритскія драмы еще разнообразнѣе драмъ Шекспира и Греческихъ. Литература перешла наконецъ въ стилистику. Писать кудряво и непонятно почиталось достоинствомъ. За отсутствіемъ предметовъ для поэзіи, пересказывались древнія эпическія сказанія въ дико-изысканномъ изложеніи съ перенесеніемъ на чистые героическіе типы всего растлѣнія нравовъ эпохи, которымъ принадлежали эти уродливыя произведенія. Причину паденія изящной литературы, какъ и процвѣтанія, мы найдемъ въ жизни древнихъ государствъ Индіи, современныхъ литературнымъ произведеніямъ той и другой категоріи.

Указывая на произведенія изящной Санскритской литературы, я прохожу мимо словесныхъ памятниковъ такъ-называемыхъ точныхъ наукъ въ самомъ обширномъ смыслѣ (медицины, астрономіи и т. д.), нерѣдко представляющихъ результаты,

до которыхъ только въ очень недавнее время дошла пытливость Европейской науки, я не говорю объ Индійской литературѣ Буддизма, которой по 80-ти огромныхъ рукописныхъ квартантовъ, находясь въ библіотекахъ Азіатскихъ обществъ Парижскаго и Лондонскаго, ждутъ отъ насъ ученой разработки, почти еще нетронутые любознательною рукою Европейцевъ, ими обладающихъ.

Словъ моихъ, кажется, достаточно, мм. гг., чтобы видѣть важность Санскритскаго языка для филолога, лингвиста, мыслителя и для любителя вѣковыхъ произведеній словеснаго творчества. Указавъ въ бѣгломъ очеркѣ на разныя стороны моей науки, знаю и то, что, какъ высшій предметъ университетскихъ занятій, она имѣетъ и должна имѣть характеръ спеціальный, что для надлежащихъ въ ней успѣховъ требуется особенное и постоянно ей преимущественно посвящаемое время. Россіи также нуженъ Санскритистъ, какъ математикъ, какъ историкъ. Не безъ особенныхъ высшихъ побужденій, начиная съ 1814 года, когда Шези первый открылъ публичный курсъ Санскритскаго языка въ Collège de France, каѳедры его постепенно учреждались и нынѣ учреждены во всѣхъ университетахъ Европы; въ нѣкоторыхъ-же, напр. въ Берлинскомъ, читаютъ этотъ предметъ даже по два профессора.

Будущимъ спеціалистамъ нашимъ университетъ, исходатайствовавъ учрежденіе Санскритско-Персидскаго разряда, открылъ полную возможность предаться этой наукѣ какъ должно и дѣйствительно ее усвоить. При столькихъ для нея пособіяхъ и обиліи времени, ей удѣленнаго, отечество въ-правѣ ожидать, что избравшіе этотъ разрядъ факультета восточныхъ языковъ, съ одной стороны, будутъ полезны родинѣ, съ другой — оправдаютъ попеченія о нихъ университета и принесутъ новую честь и украшеніе факультету, ихъ воспитавшему.

Остановки, при подобныхъ условіяхъ, не можетъ быти за предметомъ, Жертвовавъ съ радостью и сознательно изученію

его многими годами моей жизни, при всемъ томъ, если окажется, что моимъ трудамъ не суждено найти приложеніе, я не буду, мм. гг., эгоистомъ и отнесу съ чистою совѣстью, какъ сказалъ я въ началѣ моей лекціи, отсутствіе успѣховъ не къ предмету, а къ профессору.

III.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

О ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ (*).

На соисканіе Демидовскихъ наградъ представлено самими авторами, къ установленному сроку (1 ноября 1858) 27 сочиненій; къ нимъ присоединились: одно, отложенное отъ предшествовавшихъ конкурсовъ, и одно, внесенное членомъ академіи. Слѣдовательно общее число было 29; изъ нихъ:

по исторіи и археологіи	7.
— естествознанію	6.
— математическимъ наукамъ	5.
— филологіи	4.
— медицинѣ	2.
— статистикѣ	1.
— изящнымъ искусствамъ	1.
— богословію	1.

(*) Читанъ въ публичномъ собраніи Императорской академіи наукъ исправляющимъ должность непремѣннаго секретаря, академикомъ *К. С. Веселовскимъ*, 5 іюня 1859 года.

по философіи........................ 1.
— бухгалтеріи....................... 1.

Изъ этихъ сочиненій 3 рукописи и 26 печатныхъ.

Подробные разборы 17 изъ нихъ составлены академиками, а разсмотрѣніе остальныхъ 12 академія поручала посторонним ученымъ.

На основаніи правилъ о Демидовскомъ учрежденіи, академія имѣетъ честь представить общій отчетъ о послѣдствіяхъ разсмотрѣнія состязавшихся сочиненій, съ поименованіемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя удостоены премій, и съ указаніемъ главныхъ основаній, руководившихъ въ присужденіи наградъ.

I.

Полной преміи удостоено одно сочиненіе, а именно Амурская флора г. *Максимовича*, изданная подъ заглавіемъ: «Primitiae Florae Amurensis. Versuch einer Flora des Amurlandes». St. Petersbourg, 1859. 4°.

Сочиненіе это было внесено на конкурсъ и разсмотрѣно академикомъ Фр. Ив. *Рупрехтомъ*.

Г. *Максимовичъ* первоначально отправленъ былъ не для изслѣдованія Амура, а попалъ туда только случайно. Собственно онъ былъ назначенъ со стороны Императорскаго ботаническаго сада сопровождать, въ качествѣ ботаника, фрегатъ Діану, отправлявшійся въ 1853 въ путешествіе вокругъ свѣта. Вскорѣ затѣмъ возгорѣвшаяся война заставила фрегатъ войти въ заливъ де-Кастри. Г. *Максимовичъ*, къ-счастію своему, оставилъ здѣсь фрегатъ, который вскорѣ потомъ разбился на Японскомъ берегу. Съ іюля 1854 онъ посвятилъ себя ботаническому изслѣдованію дотолѣ еще малоизвѣстнаго Амурскаго края и продолжалъ это дѣло до осени 1856 года, отрѣзанный отъ всего прочаго ученаго міра и среди всякихъ лишеній и самыхъ тѣсныхъ обстоятельствъ, а въ мартѣ 1857 возвратился въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ наблюденій и ботаническихъ коллекцій, и нынѣ уже мы обладаемъ обширнымъ сочиненіемъ о флорѣ Амура.

Авторъ совершилъ нѣсколько путешествій въ при-Амурьѣ. Главною его стоянкою былъ новый военный постъ Маріинскъ, въ низовьяхъ Амура, откуда онъ дѣлалъ безпрестанныя экскурсіи вверхъ и внизъ рѣки до береговъ Уссури и вверхъ по этой рѣкѣ

въ глубь Маньчжуріи. Кромѣ-того, онъ былъ дважды въ заливѣ де-Кастри, а во время обратнаго своего слѣдованія познакомился и съ прочими частями Амура.

Сверхъ собранной имъ самимъ флоры, онъ пользовался также растеніями, привезенными или присланными гг. *Шренкомъ*, *Мааккомъ*, *Вейрихомъ*, *Дитмаромъ*, *Орловымъ* и *Кузнецовымъ*, такъ-что въ сочиненіе его вошло едва-ли не все, что доселѣ получено въ Европѣ изъ тамошняго края.

Книга г. *Максимовича* состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: спеціальнаго и общаго.

Первый представляетъ перечень всѣхъ доселѣ извѣстныхъ растеній Амурскаго края въ порядкѣ естественной системы. Здѣсь исчислено 880 породъ явнобрачныхъ и 35 сосудистыхъ тайнобрачныхъ. Для сравненія Амурскаго края съ другими странами въ ботаническомъ отношеніи, г. *Максимовичъ* придалъ еще два дополненія, касающіяся флоры Монголіи и Пекина. Большая часть видовъ изучена имъ особенно весною, по живымъ растеніямъ на самихъ мѣстахъ. Извѣстныя уже породы не описаны подробно, а только объяснены ссылками, съ присовокупленіемъ необходимыхъ критическихъ замѣтокъ и разныхъ дополненій. Породы, которыхъ не достаетъ въ флорѣ Ледебура и въ сосѣдственныхъ флорахъ, обработаны полнѣе. Вездѣ показаны съ большою точностью мѣстонахожденія и періоды развитія изслѣдованныхъ экземпляровъ; также приведены туземныя названія растеній, нерѣдко вмѣстѣ съ ихъ значеніемъ и употребленіемъ.

Главнымъ приращеніемъ науки, которымъ мы обязаны этой спеціальной части изслѣдованій г. *Максимовича*, должно почесть открытіе значительнаго числа отчасти совершенно новыхъ, отчасти въ Русской флорѣ еще неизвѣстныхъ родовъ и видовъ изъ Амурскаго края, а въ-особенности представителей 7 доселѣ еще не достававшихъ въ Русской флорѣ семействъ, — приращеніе, которому еще не было примѣра въ нашемъ столѣтіи. Г. *Турчаниновъ* отрылъ для Байкало-Даурской флоры 15 новыхъ родовъ, но не открылъ ни одного представителя дотолѣ еще въ Россіи не существовавшаго семейства. Ни флора Ситхи *Бонгара*, ни Алтайская *Ледебура*, *Бунге* и *Мейера*, ни Тавро-Кавказская *Маршалъ-Биберштейна* не обогатили въ такой степени числа типическихъ семействъ, и надобно развѣ обратиться къ первымъ ботаническимъ

путешествіямъ и естественно-историческимъ экспедиціямъ академіи въ прошломъ вѣкѣ, чтобы найти что-либо тому подобное.

Общая часть сочиненія г. *Максимовича* заключаетъ въ себѣ: 1) географическій очеркъ, 2) замѣтки о климатѣ, 3) распространеніе нѣкоторыхъ древесныхъ растеній, 4) границы, подраздѣленія и характеристику Амурской флоры, 5) статистику этой флоры и 6) растенія полезныя и разводимыя, вмѣстѣ съ замѣтками относительно измѣненій въ физіономіи флоры, произведенныхъ рукою человѣка. Каждая изъ этихъ главъ представляетъ много важнаго и поучительнаго.

1) Въ географическомъ очеркѣ собранъ сводъ имѣющихся скудныхъ свѣдѣній объ области Амура и его притоковъ, — о пространствѣ безъ малаго въ 38,000 кв. миль. За границы Амурскаго края авторъ принимаетъ гористыя низовья Шилки и Аргуни, исключая верховья этихъ рѣкъ со всѣми ихъ притоками, или собственно область истоковъ Амура, потому-что эта страна, вдаваясь въ степь Гоби, образуетъ собою совершенно особую ботаническую область, съ которою насъ ознакомили гг. *Бунге* и *Турчаниновъ*. Къ этому отдѣлу книги приложена превосходная карта, составленная г. *Самохваловымъ* и на которой нанесены границы распространенія 9-ти характеристическихъ древесныхъ растеній.

2) Въ отношеніи климата авторъ по-справедливости различаетъ, во-1-хъ, континентальный климатъ, вслѣдствіе положенія Амурскаго края на восточномъ краю большаго материка и, во-2-хъ, приморскій климатъ для береговой полосы вдоль Татарскаго залива. Оба они отдѣлены одинъ отъ другаго вліяніемъ береговаго кряжа. Постоянныя метеорологическія наблюденія произведены гг. *Шренкомъ* и *Максимовичемъ* въ Николаевскѣ и Маріинскѣ, слѣдовательно только въ двухъ близкихъ къ морю мѣстахъ. Холода въ первомъ доходили до — 31½, а во второмъ до — 30° Р. Судя по этимъ нисшимъ температурамъ, не предвидится препятствія акклиматизаціи Амурскихъ растеній на сѣверѣ Европейской Россіи. Такими климатическими данными вмѣстѣ опредѣляются и границы распространенія растеній, хотя тутъ много зависитъ и отъ температуры лѣта.

3) Касательно распространенія древесныхъ растеній авторъ сообщаетъ, сверхъ своихъ собственныхъ наблюденій, также разныя свѣдѣнія, добытыя имъ изъ устъ туземцевъ,—свѣдѣнія довольно надежныя, потому-что народъ такъ хорошо знакомъ съ

большею частью древесныхъ породъ, что можетъ различать ихъ даже зимою. Этимъ путемъ распространеніе нѣкоторыхъ деревъ и кустовъ было прослѣжено и въ неизвѣданныхъ доселѣ учеными странахъ. Деревья и кусты Амурскаго края образуютъ собою едва-ли не важнѣйшую и занимательнѣйшую часть флоры, а посему и нельзя не одобрить подробности, съ какою обработана эта глава.

4) *Границы и физіономія Амурской флоры.* Въ этой главѣ авторъ, указавъ на важность хребта Бурея, какъ естественнаго оплота, отдѣляющаго собою флору Маньчжурской впадины отъ флоры верхнихъ частей Амура или Дауріи, различаетъ нѣсколько областей Амурской флоры, обозначенныхъ какъ характеристическими растеніями, такъ и общимъ впечатлѣніемъ преобладающихъ въ каждой изъ нихъ деревъ и травъ. Обрисовавъ въ общихъ чертахъ растительную физіономію этихъ областей и сличивъ ее съ другими странами, авторъ набросалъ картину столь живую и превосходно-обработанную въ частностяхъ, что внимательный читатель чувствуетъ себя какъ-бы перенесеннымъ въ эти края. Она можетъ смѣло быть поставлена наряду съ лучшими произведеніями этого рода.

5) *Статистика Амурской флоры.* Здѣсь авторъ сообщаетъ важнѣйшія численныя показанія, служащія къ объясненію какъ характера, такъ и физіономіи Амурской флоры, а потомъ, сличивъ ихъ съ однородными статистиками сосѣднихъ флоръ, входитъ въ разсмотрѣніе вопроса: довольно-ли полны имѣющіеся нынѣ изъ Амурской флоры матеріалы для того, чтобы уже теперь выводить изъ нихъ заключенія. Мы видимъ, что изъ числа понынѣ извѣстныхъ 904 породъ Амурской флоры 527 водятся также въ Забайкальи, 293 также въ Восточной Сибири, 276 около Пекина, 163 въ Монголіи. И такъ эти страны какъ-бы удѣлили Амуру изъ своей собственной флоры 42, 55, 28 и 30%. Изъ этого сличенія можно судить о степени сродства при-Амурья съ тѣми странами. Только 143 породы доселѣ исключительно найдены на Амурѣ. Это составляетъ почти 16% всей флоры и дозволяетъ считать Амуръ особою, различною отъ сосѣднихъ странъ, ботаническою областью.

Въ 6-й главѣ авторъ собралъ много любопытныхъ свѣдѣній о разводимыхъ и полезныхъ растеніяхъ. Наибольшей пользы, по его мнѣнію, можно ожидать отъ хвойныхъ деревъ, а особенно—кедра и лиственницы въ употребленіи ихъ на строенія и на мачты. Въ-

заключеніе авторъ еще бросаетъ взглядъ на тѣ измѣненія въ физіономіи флоры, которыя произошли вслѣдствіе населенія края. Авторъ наблюдалъ эти перемѣны въ большихъ размѣрахъ при основаніи Маріинска. По его мнѣнію, первоначальный видъ Амурской флоры мѣстами вскорѣ долженъ изгладиться; строевыя деревья представятъ значительныя статьи торговли; пашни, сѣнокосы и каналы сдѣлаются новыми обителями растеній. Тогда набросанныя въ книгѣ г. Максимовича черты послужатъ къ любопытнымъ и поучительнымъ сличеніямъ.

Въ-заключеніе своего разбора рецензентъ дѣлаетъ о трудѣ г. Максимовича слѣдующій общій выводъ:

«Это первый обширный, писанный на основаніи собственныхъ изысканій, ботаническій документъ объ Амурѣ и сопредѣльныхъ съ нимъ странахъ. Авторъ, по скромности, назвалъ свое сочиненіе Primitiae. Знатокамъ очень хорошо извѣстно, что этою работою еще не завершены изслѣдованія въ такой обширной области. Нѣтъ ни одной частной флоры, ни одного сочиненія, которыя не моглибы быть пополнены вслѣдствіе позднѣйшихъ открытій; но такое начало, какъ Primitiae г. Максимовича, — въ томъ нельзя не сознаться, — достойно всякаго уваженія. Его сочиненіе обнимаетъ все, чего мы въ-правѣ ожидать отъ флоры. Оно не только заключаетъ въ себѣ систематическій перечень и ученую разработку всѣхъ доселѣ открытыхъ здѣсь растеній, кромѣ тайнобрачныхъ ячеистыхъ, но еще выводитъ наружу разныя общія отношенія, подмѣченныя въ природѣ самимъ наблюдателемъ посредствомъ сравненій, выкладокъ и заключеній и представленныя съ многоразличнѣйшихъ точекъ зрѣнія. Такою общею частью, поистинѣ, могутъ похвалиться немногія изъ нашихъ флоръ.

«Многочисленныя, важныя и любопытныя наблюденія автора служатъ не только къ обогащенію Русской флоры и свѣдѣній о матеріальныхъ средствахъ Россіи, но и къ расширенію круга нашихъ познаній о растительномъ царствѣ вообще. Добытые общіе результаты восполняютъ собою большой пробѣлъ въ познаніи растительнаго царства умѣренной части сѣвернаго полушарія и ближе опредѣляютъ новыя положенія географіи растеній».

Перехожу теперь къ сочиненіямъ, удостоеннымъ половинныхъ премій: такихъ на нынѣшнемъ конкурсѣ было 8; изъ нихъ одно

геологіи, одно по математикѣ, одно по статистикѣ, четыре по разнымъ отраслямъ исторіи и одно по языковѣдѣнію.

II.

Геогностическое описаніе южной части Уральскаго хребта, изслѣдованной въ-теченіе 1854 и 1855 годовъ, корпуса горныхъ инженеровъ капитаномъ *Меглицкимъ* и штабсъ-капитаномъ *Антиповымъ* 2.

Капитанъ *Меглицкій*, столь рано похищенный смертью среди его занятій, обѣщавшихъ несомнѣнную пользу для науки, обратилъ на себя особенное вниманіе и въ Россіи и за границею первыми своими болѣе значительными геологическими путешествіями, совершенными по Восточной Сибири. Во время этихъ путешествій онъ на дѣлѣ извѣдалъ, до какой степени несовершенны наши Сибирскія карты и какъ настоятельна необходимость въ ихъ исправленіи посредствомъ астрономическихъ опредѣленій положенія мѣстъ и хорошо-веденныхъ съемокъ. Для геолога, обязаннаго дать вѣрное изображеніе распредѣленія разныхъ формацій, невѣрность географической карты составляетъ одно изъ существенныхъ и важнѣйшихъ препятствій къ успѣшному выполненію задачи. Въ 1853 году, по желанію графа *Перовскаго*, бывшаго тогда Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, г. *Меглицкому* было поручено изслѣдовать въ геологическомъ отношеніи южный Уралъ, карты котораго, хотя были лучше картъ Сибири, однако требовали тщательной повѣрки. Чтобы приготовиться къ надлежащему исполненію этого дѣла, г. *Меглицкій* провелъ нѣсколько времени на Пулковской обсерваторіи для упражненій въ практической астрономіи. Помощникомъ и сотрудникомъ въ Уральскомъ путешествіи ему назначенъ былъ штабсъ-капитанъ *Антиповъ* 2, который имѣлъ значительное участіе въ самыхъ изслѣдованіяхъ и которому мы обязаны тщательнымъ изданіемъ всего путешествія. Г. *Меглицкій* умеръ въ 1857 году, въ Германіи, куда онъ отправился въ надеждѣ на исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни.

Подъ наименованіемъ южнаго Урала, въ настоящемъ случаѣ, разумѣлась часть хребта, простирающаяся отъ южной границы Пермской губерніи до средней части рѣки Урала. Изслѣдованія, занявшія два лѣта—1854 и 1855 годовъ, простирались только на

южную половину этого пространства и остались неконченными относительно сѣверной половины.

Академикъ Г. П. *Гельмерсенъ*, разсматривавшій это сочиненіе, отзывается объ немъ съ величайшею похвалою, и между прочимъ говоритъ, что на Русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ орографія страны была-бы представлена столь ясно, обстоятельно и наглядно, какъ въ книгѣ гг. *Меглицкаго* и *Антипова*; все изложеніе, содержащее въ себѣ множество весьма любопытныхъ подробностей, тѣмъ привлекательнѣе и поучительнѣе, что оно вездѣ выказываетъ зависимость внѣшняго вида поверхности отъ внутренняго строенія почвы, и въ этомъ отношеніи оно можетъ быть отнесено къ числу удачнѣйшихъ, имѣющихся въ геологической литературѣ. Геологическій отдѣлъ сочиненія, отличающійся основательностью, есть, по признанію рецензента, полнѣйшее и лучшее изображеніе края, заключающее въ себѣ много новаго. Въ числѣ такихъ новыхъ пріобрѣтеній для науки, г. *Гельмерсенъ* указываетъ на любопытное открытіе нижне-силурійскихъ пластовъ въ южномъ Уралѣ и ясное доказательство, что извѣстные пласты, въ области истоковъ рѣчки Губерли, принадлежатъ не къ юрскому періоду, какъ полагали доселѣ, но къ мѣловой почвѣ. Значительныя исправленія и приращенія нашихъ геологическихъ познаній сдѣланы также въ-отношеніи другихъ осадочныхъ формацій южнаго Урала, и въ-особенности девонской и горнаго известняка. Въ видѣ примѣра можно привести, что извѣстные песчаники и конгломераты на западѣ отъ крѣпости Подгорной, на правомъ берегу р. Урала, принадлежатъ, какъ доказали гг *Меглицкій* и *Антиповъ*, къ горнымъ известнякамъ, а не къ верхнимъ ярусамъ каменноугольнаго періода, какъ думаетъ *Мурчисонъ*.

Въ-заключеніе рецензентъ выставляетъ, какъ весьма важное дополненіе сочиненія, превосходно-исполненную геологическую карту изслѣдованной части Урала, а равно заслуги гг. *Меглицкаго* и *Антипова* по-отношенію къ астрономическому опредѣленію мѣстъ и по большому запасу собранныхъ ими гипсометрическихъ данныхъ.

III.

Приложеніе теоріи вѣроятностей къ вычисленію наблюденій и геодезическихъ измѣреній. Сочиненіе профессора С. Петербургскаго университета А. Н. *Савича*.

Авторъ этой книги своими сочиненіями много способствовалъ къ распространенію у насъ какъ практической астрономіи, такъ и лучшихъ, современныхъ методъ наблюденія и пріобрѣтенныхъ наукою въ послѣднее десятилѣтіе способовъ вычисленій. Въ 1846 году, академія, оцѣня по достоинству изданную имъ книгу: *Приложеніе практической астрономіи къ географическому опредѣленію мѣстъ*, присудила ему полную Демидовскую премію. Успѣхъ этого сочиненія вполнѣ оправдалъ мнѣніе академіи: трудъ г. *Савича* былъ переведенъ на Нѣмецкій языкъ и служитъ теперь настольною книгою многимъ занимающимся практическою астрономіею въ Германіи. Другое сочиненіе того-же автора, напечатанное въ 1850 году, подъ заглавіемъ *Математическая географія и первыя начала космографіи*, еетъ превосходное руководство, принятое для употребленія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Новый трудъ г. *Савича*, явившійся на нынѣшнемъ состязаніи, имѣетъ предметомъ приложеніе теоріи вѣроятностей къ вычисленію наблюденій и геодезическихъ измѣреній. При современномъ состояніи астрономіи и высшей геодезіи, его книга служитъ необходимымъ дополненіемъ къ трактатамъ нетолько по этимъ двумъ наукамъ, но и по всѣмъ другимъ, основаннымъ на такихъ наблюденіяхъ, которыя выражаются числами. Слѣдовательно книга г. *Савича*, по содержанію своему, непосредственно примѣнимому къ вопросамъ естественной философіи, имѣетъ несомнѣнный, высокій интересъ. Руководство такого рода тѣмъ болѣе должно обратить на себя вниманіе, что и въ иностранной литературѣ до-сихъ-поръ еще нѣтъ удовлетворительнаго сочиненія, которое соединяло-бы въ себѣ требованія теоріи и практики способовъ вычисленія наблюденій. Изслѣдованія по этому предмету большею частью отрывочны, разсѣяны по разнымъ изданіямъ, написаны разными авторами, изъ которыхъ каждый смотрѣлъ на вопросъ съ своей точки; такимъ образомъ въ этихъ отдѣльныхъ изысканіяхъ не можетъ быть единства.

На Французскомъ языкѣ, книга, наиболѣе подходящая къ цѣли, есть полное собраніе мемуаровъ Гаусса по вопросу о наивыгоднѣйшихъ результатахъ наблюденій, изданное въ 1855 г. извѣстнымъ математикомъ *Бертраномъ*. Но въ этомъ трудѣ, образцовомъ въ-отношеніи глубокихъ теоретическихъ соображеній, практическая сторона нѣкоторыхъ способовъ не вполнѣ развита; въ-особенности эта неполнота ощутительна въ пріемахъ вычисленія тригонометри-

ческихъ съемокъ и нивелированій. На Нѣмецкомъ языкѣ есть очень хорошее руководство къ вычисленію наблюденій, изданное въ 1843 г. *Герлингомъ*. Но оно, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, имѣетъ слишкомъ одностороннее назначеніе, излагая приложеніе исчисленія вѣроятностей только къ рѣшенію задачъ изъ межеванія и геодезіи; къ тому-же авторъ не коснулся теоретической стороны вопроса о наивыгоднѣйшихъ результатахъ наблюденій.

На Русскомъ языкѣ, кромѣ помѣщеннаго въ 1 части геодезіи г. *Болотова* прибавленія о способѣ наименьшихъ квадратовъ и статьи о томъ-же предметѣ въ переводѣ астрономіи *Литрова*, еще болѣе краткой и поверхностной, мы не имѣемъ никакихъ практическихъ пособій, которыми можно руководствоваться при вычисленіи наблюденій. Правда, въ сочиненіи В. Я. *Буняковскаго*: «*Математическая теорія вѣроятностей*», вопросъ о наивыгоднѣйшихъ результатахъ изложенъ съ большою подробностію, но только со стороны теоретической; практическіе-же способы не входили въ планъ сочиненія.

Трудъ г. *Савича* былъ разсмотрѣнъ академиками В. Я. *Буняковскимъ* и О. В. *Струве*, которые въ подробномъ разборѣ указали назначеніе книги, содержаніе, достоинства и недостатки, и наконецъ представили о ней слѣдующее заключеніе:

Руководство г. *Савича* есть на Русскомъ языкѣ первое, въ которомъ подробно излагается приложеніе теоріи вѣроятностей къ вычисленію наблюденій и преимущественно геодезическихъ измѣреній. Цѣль его—сдѣлать доступными для Русскихъ наблюдателей замѣчательные способы и пріемы, вносенные въ науку трудами знаменитыхъ геометровъ: *Лапласа*, *Гаусса* и *Бесселя*. Если принять въ соображеніе великую пользу, которую эти способы опредѣленія наивыгоднѣйшихъ результатовъ уже принесли многимъ наукамъ наблюдательнымъ, какъ-то: астрономіи, геодезіи, физикѣ, частію статистикѣ и другимъ отраслямъ нашихъ знаній, то должно признать, что изданіе на Русскомъ языкѣ книги, отчетливо-объясняющей эти пріемы, составляетъ весьма важную услугу для нашей ученой литературы.

Внимательное разсмотрѣніе книги г. *Савича* удостовѣряетъ, что она есть плодъ труда старательнаго и хорошо-обдуманнаго. Тщательно изучивъ лучшіе источники по избранному предмету, авторъ заимствовалъ изъ нихъ лучшее, прямо ведущее къ пред-

положенной имъ цѣли, и соединилъ изслѣдованія, иногда отрывочныя, въ одно стройное, систематическое цѣлое. По свойству такого труда, автору, для достиженія возможной простоты и ясности, нерѣдко приходилось дѣлать измѣненія въ ходѣ изложенія, принятомъ въ тѣхъ оригинальныхъ сочиненіяхъ, которыхъ онъ вообще придерживался. Кромѣ-того, ему представлялась необходимость развивать нѣкоторыя статьи по собственнымъ соображеніямъ.

По неимѣнію, даже въ иностранныхъ литературахъ, удовлетворительнаго пособія по предмету приложенія теоріи вѣроятностей къ вычисленію наблюденій, несправедливо было-бы требовать совершенства отъ перваго опыта въ этомъ родѣ на Русскомъ языкѣ. Книга г. *Савича*, несмотря на нѣкоторые, указанные рецензентами маловажные недостатки, есть, безъ сомнѣнія, лучшее въ настоящее время и самое полное практическое руководство по излагаемому въ ней предмету, и говоря это, мы разумѣемъ не одну Русскую, но и иностранную ученую литературу.

IV.

Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ. Сочиненіе Ив. Серг. *Аксакова*. С. Пб. 1858.

Разсмотрѣніемъ и оцѣнкою этого сочиненія занимался, по приглашенію академіи, профессоръ университета св. Владиміра Н. Х. *Бунге*, который въ своей рецензіи указываетъ разбираемому сочиненію одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ съ современной политико-экономической литературѣ.

«Трудъ г. *Аксакова*, говоритъ онъ, рѣзко выдѣляется изъ огромнаго числа появившихся въ послѣднее время статистическихъ и политико-экономическихъ изслѣдованій. Между-тѣмъ-какъ наша современная литература преимущественно направлена къ тому, чтобы удовлетворить современной, вызванной обстоятельствами, потребности — познакомить общество съ фактами и положеніями, уже добытыми наукою, «Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ» увеличиваетъ скудный капиталъ нашихъ свѣдѣній о Россіи запасомъ новыхъ даннымъ, обработанныхъ съ замѣчательнымъ талантомъ. Вотъ почему сочиненію г. *Аксакова* суждено, по нашему мнѣнію, пережить надолго своихъ сверстниковъ. Наконецъ, мы тѣмъ болѣе обязаны дорожить этою книгою, что она

появилась наканунѣ торговаго переворота, который неизбѣжно послѣдуетъ за устройствомъ нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ».

Показавъ затѣмъ, что разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: введенія, обзора ярмарокъ и изслѣдованія о торговлѣ разными родами товаровъ порознь, рецензентъ переходитъ къ ближайшему разбору каждой изъ этихъ частей особенно.

Во введеніи сперва объясняется происхожденіе ярмарочной торговли Украинской: она съ самаго начала приняла свой особый характеръ. Между-тѣмъ-какъ въ Великой Руси, сплотившейся въ одно цѣлое подъ державою царей Московскихъ, торговый бытъ созидался самостоятельно, въ Малороссіи, не имѣвшей политической самобытности, сословный организмъ сложился иначе. Городское устройство, заимствованное съ запада, не привилось и не образовало средняго сословія; казачество-же, по соединеніи Малороссіи съ Россіею, обратилось къ сельскимъ занятіямъ. Города не заселились, казакъ не сталъ купцомъ и торговля его ограничилась продажею собственныхъ сельскихъ произведеній. При такомъ положеніи дѣлъ, ярмарки должны были получить особенную важность. Изъ нихъ составился подвижной ходячій рынокъ, вращающійся цѣлый годъ по своему округу, и занимающій въ иныхъ мѣстахъ по 3 и 4 мѣсяца въ году. Въ этомъ торговомъ движеніи Малороссы почти не принимаютъ участія; оно находится въ рукахъ Великорусскихъ купцовъ и Евреевъ. Это явленіе авторъ главнѣйше объясняетъ особеннымъ характеромъ Малороссійскаго торговаго сословія. Купечество Украйны не выдѣлилось изъ общаго состава населенія; оно не пускаетъ своихъ капиталовъ въ оборотъ, не затрачиваетъ ихъ въ прочныхъ городскихъ постройкахъ и продавая товаръ, не отличается торговою изворотливостію, а требуетъ извѣстной цѣны и никогда не кредитуетъ. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ Малороссіяне не могли сдѣлаться главными дѣятелями на ярмаркѣ.

Самую исторію Украинскихъ ярмарокъ авторъ дѣлитъ на три періода. Въ первомъ, Малороссія была дѣйствительно *Украйною*, т.-е. пограничною страною, и какъ Россія въ то время еще не имѣла портовъ ни въ Балтійскомъ, ни въ Черномъ, ни въ Азовскомъ моряхъ, то торговля Малороссіи съ Россіею сосредоточивалась на пограничныхъ пунктахъ: въ Кролевцѣ, Нѣжинѣ и Ромнѣ. Изъ иностранныхъ товаровъ преобладали на рынкахъ Германскіе; Англійскія фабрики еще находились въ дѣтствѣ.

Второй періодъ начинается съ послѣдняго раздѣленія Польши и присоединенія Бессарабіи. Русская сухопутная граница отодвинулась, а по усиленіи Американской и Англійской мануфактурной дѣятельности ослабѣло значеніе Германскихъ мануфактуръ. Петербургъ, Рига, Одесса и Таганрогъ перетянули къ себѣ внѣшнюю торговлю Россіи. Новороссійскій край, куда переходило торговое Великороссійское племя, населился, Малороссія перестала быть *Украйною* и стала въ срединѣ между Великою и Новою Россіею. Послѣдняя привлекла ярмарочную дѣятельность на югъ, особенно въ Харьковъ.

Третій періодъ наступилъ съ изданія тарифа 1822 года. Губерніи Московская, Костромская и Владимірская образовали собою мануфактурный округъ, который нашелъ для себя главные рынки въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ и вытѣснилъ торговлю иностранными фабричными товарами.

Обращаясь къ современной системѣ Украинскихъ ярмарокъ, авторъ съ особенною ясностью показываетъ связь, существующую между ними: онъ слѣдитъ за всѣми переходами торговцевъ съ одной ярмарки на другую: изъ Москвы сперва на Ввведенскую ярмарку въ Сумахъ 20 ноября—6 дек., оттуда на Крещенскую въ Харьковѣ 6 января, далѣе на Маслянскую въ Ромнѣ. Отсюда купцы спѣшатъ кто въ Курскъ на Коренную на 3-ей недѣлѣ отъ Пасхи, кто въ Харьковъ на Троицкую 1 іюля, важную по своей торговлѣ шерстью. Въ половинѣ іюля открывается Ильинская ярмарка въ Полтавѣ, переведенная туда въ 1852 году изъ Ромна. За Ильинскою слѣдуетъ Успенская въ Харьковѣ, потомъ Крестовоздвиженская въ Кролевцѣ и наконецъ Покровская въ Харьковѣ. Эти 11 оптовыхъ ярмарокъ составляютъ какъ-бы поясъ, обхватывающій Украйну. Изъ нихъ Крещенская и Ильинская главныя, а прочія только вспомогательныя. Большинство купцовъ, участвующихъ въ этомъ торговомъ движеніи, бываетъ на 8, нѣкоторые-же на всѣхъ 11 ярмаркахъ.

Не ограничиваясь обозрѣніемъ движенія на всѣхъ Украинскихъ армаркахъ, авторъ беретъ еще въ разсмотрѣніе, откуда происходятъ поступающіе на нихъ и куда отпускаются съ нихъ товары, какія лица участвуютъ въ ярмарочной торговлѣ и на какомъ она ведется основаніи, какія существуютъ средства для перевозки товаровъ, во что она обходится и какъ велики бываютъ на ярмаркахъ обороты.

Предлагая себѣ затѣмъ вопросъ, что станется съ ярмарочною торговлею по устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, г. *Аксаковъ* предусматриваетъ, что она должна подвергнуться значительнымъ измѣненіемъ, но что впрочемъ Харьковъ останется и впредь важнымъ складочнымъ пунктомъ для юга Россіи.

Во второмъ отдѣлѣ авторъ разсматриваетъ ярмарочное движеніе въ 7 городахъ: въ Харьковѣ, Ромнѣ, Полтавѣ, Курскѣ, Кролевцѣ, Сумахъ и Елисаветградѣ, представляя сколь можно-вѣрную характеристику каждой изъ бывающихъ въ нихъ ярмарокъ, вмѣстѣ съ потребными историческими замѣтками и поясненіями; въ концѣ онъ приводитъ численныя данныя на основаніи какъ оффиціальныхъ показаній, такъ и собственныхъ своихъ выводовъ и заключеній, — трудъ огромный, исполненный съ рѣдкимъ терпѣніемъ и настойчивостью.

Третій отдѣлъ посвященъ торговлѣ отдѣльными родами товаровъ. Онъ очень важенъ и поучителенъ не только потому, что указываетъ мѣста, гдѣ и какія именно вырабатываются у насъ произведенія, но и потому, что знакомитъ насъ со способами доставки и съ цѣною тѣхъ или другихъ товаровъ въ частности. Это было, конечно, счастливою мыслью соединить вмѣстѣ замѣтки и наблюденія по этимъ двумъ важнымъ статьямъ въ особомъ отдѣлѣ, занимающемъ болѣе половины книги, и мы не можемъ не быть за то признательными трудолюбимому автору. Въ-заключеніе этого отдѣла представлены данныя общей торговли мануфактурными товарами на ярмаркахъ, и въ частности каждымъ родомъ товаровъ порознь.

При извѣстной скудости пособій для изученія отечественнаго товаровѣдѣнія, собранныя авторомъ съ такимъ тщаніемъ обильныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ составляютъ истинный кладъ и заслуживаютъ общую признательность, тѣмъ болѣе, что авторъ собственно по этому отдѣлу могъ пользоваться только однимъ благонадежнымъ источникомъ — книгою Г. П. Небольсина.

Рецензентъ оканчиваетъ свой разборъ слѣдующимъ общимъ приговоромъ, гдѣ взвѣшиваетъ какъ достоинства, такъ и недостатки разбираемаго имъ труда: «Достоинства книги г. *Аксакова* огромны. Она проливаетъ свѣтъ на предметъ для насъ совершенно-новый и знакомитъ съ нимъ тѣмъ ближе, что изслѣдователь отличается необыкновенно живымъ пониманіемъ описываемыхъ имъ сторонъ народнаго быта и тѣмъ строгимъ безпристрастіемъ, ко-

торое рѣдко встрѣчаются въ писателѣ. Видно, что авторъ не думалъ о томъ, чтобы доказать то или другое положеніе, когда онъ писалъ свою книгу; поэтому онъ подарилъ Русскую литературу трудомъ, который носитъ на себѣ печать истины. Эту истину не подрываютъ въ нашихъ глазахъ числа, иногда неточныя, иногда несогласныя другъ съ другомъ. Въ такомъ дѣлѣ, какъ наша настоящая внутренняя, и въ-особенности ярмарочная торговля, цифры имѣютъ подчиненное значеніе; пока мы должны искать въ нихъ не показаній о стоимости и количествѣ привоза или продажи, а указаній на относительное значеніе ярмарокъ и товаровъ. Этому требованію сочиненіе г. *Аксакова* удовлетворяетъ вполнѣ. Будутъ у насъ желѣзныя дороги, — будетъ и болѣе точная оффиціальная статистика. Тогда, конечно, поднимется и самый уровень требованій. Погрѣшности, встрѣчаемыя въ книгѣ, совершенно ничтожны въ-сравненіи съ достоинствами.

V.

Studien zur Geschichte Liv-, Esth- und Kurlands, von Georg *vom Brevern*. 1-er Band. Der Liber Census Daniae und die Anfänge der Geschichte Harrien und Wirland's (1219—1244). Dorpat, 1858.

Оцѣнка этого важнаго историческаго труда дѣйствительнаго статскаго совѣтника Е. И. *Бреверна* была поручаема приватъ-доценту Дерптскаго университета доктору К. К. *Ширрену*, который, какъ было извѣстно, самъ занимался изслѣдованіями о томъ-же предметѣ, и который въ самой важности труда г. *Бреверна* нашелъ поводъ подвергнуть главныя положенія автора весьма подробному разсмотрѣнію; при этомъ онъ изложилъ во всей обширности свои собственныя, самостоятельныя изысканія о Liber Census Daniae, и далъ своей рецензіи форму цѣлаго отдѣльнаго сочиненія, на которое академія не могла не обратить особаго вниманія. Держась по-необходимости въ тѣсныхъ предѣлахъ общаго отчета о состязавшихся сочиненіяхъ, мы должны отказать себѣ въ удовольствіи представить сущность изслѣдованій Г. *Ширрена*: они, впрочемъ, будутъ изданы академіею въ видѣ особой книги, и конечно, будутъ приняты съ признательностью всѣми интересующимися развитіемъ историческихъ знаній. Заключенія-же рецензента, относящіяся собственно къ сочиненію г. *Бреверна*, заключаются вкратцѣ въ слѣдующемъ.

«Какъ извѣстно, три главные источника служатъ основаніемъ для первоначальной исторіи Остзейскихъ провинцій: древнѣйшій изъ нихъ—лѣтопись Генриха Латышскаго — принадлежитъ Лифляндіи; новѣйшій, такъ-называемая Риѳмованная лѣтопись—Курляндіи. Средину между ними занимаетъ Liber Census Daniae, важный для исторіи Эстляндіи. Этотъ документъ до-сихъ-поръ считали чѣмъ-то въ родѣ кадастра, или поземельной описи, произведенной при короляхъ Вольдемарѣ II († 1241) и Христофорѣ I. Изъ этихъ трехъ документовъ еще ни одинъ не исчерпанъ достаточно, но всего менѣе изслѣдованъ тотъ, который служитъ къ точнѣйшему уразумѣнію исторіи древнѣйшихъ Нѣмецкихъ поселеній въ Эстляндіи. Г. *Бревернъ* въ первый разъ подвергнулъ его основательному разбору. Первые результаты своихъ изслѣдованій сообщилъ онъ еще въ 1842 году и съ-тѣхъ-поръ не прерывалъ своихъ занятій по этому предмету. Поэтому изданная имъ въ 1858 году книга отличается зрѣлостію взгляда; она составляетъ часть болѣе обширнаго труда, который будетъ обнимать всѣ три Остзейскія губерніи и вмѣстѣ коснется исторіи сосѣднихъ странъ, и именно Россіи. Первая, вышедшая уже часть, содержитъ въ себѣ изслѣдованія о Liber Census Daniae и начатки исторіи Гарріена и Вирланда съ 1219 по 1224 годы. Въ своемъ разборѣ, рецензентъ подвергъ критической оцѣнкѣ положенія автора относительно времени, къ которому относится Liber Census Daniae, относительно характера и происхожденія этого документа, а равно относительно Датско-Эстонской ленной системы. По многимъ вопросамъ критикъ расходится съ авторомъ, и тѣмъ не менѣе признаетъ за нимъ несомнѣнныя и большія достоинства. «И чѣмъ глубже (говоритъ онъ) я входилъ въ разборъ предмета, тѣмъ болѣе находилъ поводовъ заключить, что трудъ автора не изъ тѣхъ, которые требуютъ и заслуживаютъ только поощренія. Не съ неопытною ревностью новичка взялся онъ за разработку незнакомаго ему матеріала: больше 15 лѣтъ тому назадъ положилъ онъ начало своимъ занятіямъ и уже съ-тѣхъ-поръ изощрялъ свой взглядъ, испытывалъ силу соображеній, собиралъ матеріалъ и обдуманно распологалъ его. Не бѣгло просматривалъ онъ источники: онъ изучалъ ихъ съ любовью, углублялся въ нихъ и нашелъ результаты, которые свидѣтельствуютъ о зрѣлой обдуманности и проницательности изыскателя. Часто находилъ я полное удовольствіе слѣдить за нимъ въ его выводахъ и изумляться его тонкимъ соображе-

ніямъ. И когда я, какъ мнѣ казалось, встрѣчалъ его на невѣрномъ пути, я тѣмъ не менѣе видѣлъ въ немъ полную силу и способность опять выбраться на прямой путь: его уклоненія съ этого пути были только изворотами для того, чтобы миновать какое-либо препятствіе, которое мнѣ сначала не было видно. Тамъ, гдѣ, по моему мнѣнію, онъ не замѣчалъ какого-либо знака, который могъ-бы удержать его, онъ смотрѣлъ на него съ иной точки зрѣнія; а если вмѣстѣ-съ-тѣмъ иногда онъ кое-что обходитъ молчаніемъ, то это служитъ признакомъ пустыни, въ которую нельзя отваживаться безъ путеводной нити.» Наконецъ рецензентъ высоко ставитъ и реальное пріобрѣтеніе, обезпеченное трудомъ автора. Liber Census издавна служилъ для насъ источникомъ лишь отдѣльныхъ свѣдѣній. Г. *Бреверпъ* первый, если не овладѣлъ имъ, то во всякомъ случаѣ вторгнулся въ него систематически. Онъ далъ ему истолкованіе по вѣрнымъ признакамъ, снялъ съ него прежнюю неопредѣленность. Взгляды автора можно оспаривать, и онъ, безъ сомнѣнія, предоставляетъ себѣ защититься противъ иныхъ возраженій; но миновать его изслѣдованія невозможно. Они вынуждаютъ вниманіе къ себѣ и являются корнемъ, къ которому будетъ прививаться, въ видѣ органическихъ его членовъ, масса фактовъ, остававшихся доселѣ въ безпорядочномъ смѣшеніи. Такъ трудъ автора открываетъ кругозоръ дальше своихъ кажущихся границъ и поведетъ науку впередъ. Въ-заключеніе рецензентъ говоритъ, что, принимая въ соображеніе перевѣсъ достоинствъ разбираемаго сочиненія, которое требуетъ себѣ не поощренія, а признанія его важности, онъ считаетъ его достойнымъ полной преміи.

VI.

Персидскія войны. Критическія изслѣдованія событій этой эпохи древней Греческой исторіи. Соч. М. С. *Куторги*.

Разсмотрѣніе этого сочиненія было поручаемо бывшему профессору исторіи въ педагогическомъ институтѣ и корреспонденту академіи, доктору Лоренцу, котораго мнѣніе заключается въ слѣдующемъ:

Главная цѣль профессора Куторги, въ представленномъ имъ на состязаніе сочиненіи, состояла въ хронологическомъ опредѣленіи событій, которыя относятся къ пробѣлу между Геродотомъ и

Ѳукидидомъ. Хотя послѣдній изъ нихъ, въ первой книгѣ своей исторіи Пелопонезской войны, восполнилъ этотъ пробѣлъ, однако лишь краткимъ образомъ и только съ цѣлью показать причины возрастанія силы и величія Аѳинъ. Онъ самъ при этомъ случаѣ упоминаетъ, что его предшественники не обратили довольно вниманія на эту часть исторіи, и при основательности и осмотрительности Ѳукидида мы можемъ принять, что все, сообщаемое имъ объ этомъ періодѣ, заслуживаетъ предпочтеніе предъ другими противорѣчащими показаніями. Однако, по обычаю древнихъ, онъ опустилъ представить точныя хронологическія опредѣленія, а стараясь быть краткимъ, онъ изобразилъ лишь въ общемъ очеркѣ развитіе гегемоніи Аѳинъ, съ ея послѣдствіями, и отдѣльныя событія различилъ лишь общими обозначеніями времени, какъ-то: *послѣ того*, *вмѣстѣ съ тѣмъ* и т. п. Поэтому, позднѣйшимъ изслѣдователямъ предстояло распредѣлить хронологически событія этого промежутка времени, и стараніями отличнѣйшихъ и добросовѣстныхъ филологовъ и историковъ создана наконецъ система, которая въ нынѣшнее время служитъ основаніемъ всѣмъ изображеніямъ Греческой исторіи. Хронологическая система есть всегда болѣе или менѣе искусственное построеніе, опирающееся на одной принятой исходной точкѣ, на которой оно держится, какъ на фундаментѣ. Отнимите эту точку и все построеніе рушится. Но кто-же, безъ крайней необходимости, возмется за такое разрушеніе? Между-тѣмъ г. *Куторга* не устрашился низвергнуть всѣми принятую хронологическую систему, относящуюся до періода, которому посвящено его сочиненіе, и на мѣсто ея поставить новую. Докторъ Лоренцъ подробно разсматриваетъ причины, побудившія къ тому автора, и признавъ ихъ недостаточными, показываетъ вмѣстѣ-съ-тѣмъ, что предложенная профессоромъ *Куторгою* система болѣе запутываетъ, нежели разъясняетъ хронологію Греческой исторіи. Высказавъ, однако, свое убѣжденіе въ томъ, что эта новая хронологическая система не вытѣснитъ собою общепринятую доселѣ, рецензентъ прямо говоритъ, что онъ вовсе не отрицаетъ достоинствъ сочиненія. Напротивъ, столь основательный знатокъ Аѳинской исторіи, какъ профессоръ Куторга, не можетъ, о предметѣ спеціально имъ изученномъ, говорить иначе, какъ сообщая много поучительнаго. Уже само-по-себѣ не безъ заслуги и то, что хронологическія трудности избраннаго авторомъ періода снова подвергнуты пересмотру, и если добытый авторомъ результатъ не мо-

жетъ быть принятъ историками, то во всякомъ случаѣ послужитъ къ прочнѣйшему обезпеченію нынѣшней хронологической системы отъ наводимыхъ на нее сомнѣній. Читатель, который послѣдуетъ за авторомъ во всѣхъ подробностяхъ его изслѣдованій и провѣритъ его доказательства, будетъ вполнѣ вознагражденъ за свой трудъ многими тонкими замѣчаніями, разсѣянными въ книгѣ. Можно пожалѣть, что г. *Куторга* издалъ свое сочиненіе не на Латинскомъ языкѣ, посредствомъ котораго оно стало-бы доступнымъ для круга спеціалистовъ, интересующихся предметомъ и способныхъ судить о немъ. Но, съ другой стороны, тѣмъ оказана услуга Русской литературѣ, обогащенной такимъ сочиненіемъ, которое заслуживаетъ вниманіе и иностранныхъ филологовъ и историковъ.

VII.

Монеты Джучидовъ, Джагатаидовъ, Джелаиридовъ и другія, обращавшіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамыша. Соч. П. С. *Савельева.*

Въ то самое время, какъ академія вѣнчала это сочиненіе, авторъ его уже стоялъ на порогѣ смерти, въ бореніи съ тяжкою болѣзнію, низведшею его столь рановременно въ могилу, къ прискорбію всѣхъ, знавшихъ его, къ прискорбію всѣхъ, дорожащихъ успѣхами наукъ.

При несомнѣнной важности мухаммеданской нумизматики, какъ пособія для лучшаго познанія древней исторіи, этнографіи и географіи Россіи, сочиненіе г. *Савельева*, посвященное главнѣйше изслѣдованію Джучидскихъ монетъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе, какъ новый источникъ свѣдѣній для разъясненія столь мало-извѣстной и столь важной для насъ исторіи Золотой Орды. Этотъ трудъ тѣмъ болѣе полезенъ, что Джучидская нумизматика еще не вполнѣ разработана. Первый ученый, сдѣлавшій ее предметомъ основательныхъ изслѣдованій, былъ *Френъ*, положившій начало этой отрасли восточной нумизматики; въ 1826 г. вышло его знаменитое «Recensio numorum muhammedanorum academiae I. sc. Petropolitanae», а въ 1832 г.—другое, не менѣе извѣстное его сочиненіе: «Die Münzen der Chane von Ulus Dschudschi's», изданное въ 1833 и на Русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Монеты хановъ Золотой Орды». Дополненіемъ имъ служитъ изданное въ 1855 г. посмертное твореніе его: «Nova supplementa ad Recensionem etc.»

Все, что сдѣлано на этомъ поприщѣ послѣ *Френа*, ограничивается лишь описаніемъ, которое издалъ г. *Григорьевъ*, Золотоордынскихъ монетъ, найденныхъ близъ развалинъ Сарая.

Сочиненіе г. *Савельева* заключаетъ въ себѣ описаніе двухъ кладовъ: Екатеринославскаго и Тетюшскаго, всего 573 вида монетъ, изъ которыхъ 146 изображены на отдѣльныхъ, весьма отчетливо-сдѣланныхъ таблицахъ. Нужно было много труда, старанія и знанія, чтобы разобрать огромное количество монетъ, находившееся въ обоихъ кладахъ (въ одномъ Екатеринославскомъ ихъ было 14,350), отдѣлить отъ нихъ неизданные виды или почему-либо любопытные экземпляры и составить основательное описаніе Трудъ автора еще болѣе выигрываетъ тѣмъ, что о каждомъ ханѣ, монеты котораго у него находятся, онъ сообщаетъ краткія, но удовлетворительныя историческія и хронологическія данныя, извлеченныя изъ лѣтописей и другихъ источниковъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ извѣстія о ханахъ, имена которыхъ досихъ-поръ не были извѣстны, а равно и названія нѣсколькихъ новыхъ мѣстъ чеканки. Не менѣе любопытны статьи, подъ заглавіемъ: «монеты неопредѣленныя и подраженія, современныя Тохтамышу, Джучиды Синей Орды и Джелаириды». Особенной похвалы заслуживаетъ и то, что большая часть монетъ взвѣшена. Это обстоятельство послужитъ пособіемъ для разъясненія нетолько Джучидской, но и древней Русской монетной системы.

Отдавая полную справедливость достоинствамъ сочиненія г. *Савельева*, академики М. И. *Броссе*, Б. А. *Дорнъ* и В. В. *Вельяминовъ-Зерновъ*, разсматривавшіе его, представили вмѣстѣ-съ-тѣмъ нѣсколько замѣчаній относительно отдѣльныхъ мнѣній и взглядовъ автора, съ которыми они не считаютъ возможнымъ согласиться. Но эти замѣчанія, относящіяся только къ частностямъ, не такого рода, чтобы они могли служить къ уменьшенію существенныхъ достоинствъ книги. Напротивъ, рецензенты считаютъ трудъ г. *Савельева* весьма похвальнымъ и его книгу одною изъ полнѣйшихъ монографій Золотоордынской нумизматики, польза которой какъ для Русской исторіи, такъ и для объясненія происшествій, случившихся въ улусѣ Джучіевомъ, несомнѣнна.

VIII.

Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей (нынѣ Сvнодальной) ризницы и библіотеки. О. архимандрита *Саввы*

Разборъ этого сочиненія былъ составленъ академикомъ И. И. *Срезневскимъ.*

Всякому народу драгоцѣнно то, что напоминаетъ ему его старину. Въ иныхъ государствахъ почти каждый, сколько-нибудь значительный городъ, имѣетъ свое собраніе отечественныхъ древностей, составленное или усердіемъ частныхъ лицъ, или попеченіемъ самаго правительства. Россія не богата такими хранилищами родной старины; но чѣмъ они въ ней рѣже, тѣмъ болѣе мы должны дорожить ими и стараться ближе ознакомиться съ ними. Одна изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищницъ Русскихъ памятниковъ древности и старины есть безспорно бывшая патріаршая, нынѣ сѵнодальная ризница въ Москвѣ. Обязанная своимъ основаніемъ, вѣковъ за пять предъ симъ, ревности перваго Московскаго митрополита Петра, она потомъ все болѣе и болѣе обогащалась разными вкладами, одинаково-драгоцѣнными какъ для набожнаго чувства всякаго христіанина, такъ и для пытливости изыскателя древностей. Многія изъ этихъ вещей замѣчательны по тому отдаленному времени, къ которому онѣ принадлежатъ, другія по искусству, съ какимъ онѣ выполнены; тѣ и другія необходимы для изученія народнаго, а въ-особенности церковнаго быта древней и старинной Руси.

Но не въ этомъ только отношеніи, какъ одно изъ главныхъ святилищъ народной набожности, замѣчательна сѵнодальная ризница; она имѣетъ особенное значеніе также для исторіи просвѣщенія въ Россіи; при ней находится отборная библіотека: собраніе рукописей, едва-ли не самое драгоцѣнное, если не по количеству, то по-крайней-мѣрѣ по древности и рѣдкости многихъ изъ нихъ. Обогащеніе библіотеки началось двумя вѣками позже основанія ризницы, собственно не прежде вступленія на престолъ нынѣ достославно-царствующаго Дома Романовыхъ. Приращенію ея особенно содѣйствовалъ патріархъ Никонъ, который вывезъ много книгъ изъ Новгорода, купивъ ихъ тамъ на собственныя свои келейныя деньги, а позже вытребовалъ изъ 30 степенныхъ монастырей Русскихъ разныя рукописи «книгъ печатнаго дѣла исправленія ради» и въ то-же время послалъ въ Аѳонъ и на востокъ Троицкаго келаря Арсенія Суханова для пріобрѣтенія тамъ Греческихъ и Славянскихъ книгъ и рукописей. Послѣ него объ обогащеніи библіотеки особенно заботились патріархъ Іоакимъ, пріобрѣтая книги и рукописи пріемомъ въ даръ и покупкою, и мѣсто-

блюститель патріаршаго престола митрополитъ Стефанъ *Яворскій*. Съ 1721 года, по учрежденіи св. сунода, библіотека получила названіе сунодальной и вслѣдъ затѣмъ получила большое приращеніе указомъ Петра Великаго присылать въ Москву въ сунодъ изъ всѣхъ монастырей и епархій древнія рукописи для составленія съ нихъ тамъ списковъ. Въ 1786 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, переданы въ сунодальную библіотеку рукописи сунодальной типографіи, важныя по древности или по рѣдкости, но въ то-же время отчислены были изъ нея всѣ печатныя книги въ пользу сунодальной типографіи Славяно-Греко-Латинской академіи и другихъ мѣстъ. Съ-тѣхъ-поръ сунодальная библіотека исключительно состоитъ изъ однѣхъ только рукописей. Естественно, что главную ея часть составляютъ рукописи Славянскія: ихъ въ 1829 году считалось 956 и въ томъ числѣ многія весьма важныя для изслѣдованія отечественныхъ древностей, исторіи церкви, права и литературы. Но, кромѣ-того, въ сунодальной библіотекѣ хранится также много Греческихъ рукописей и въ числѣ ихъ нѣкоторыя, замѣчательныя по своей глубокой древности и особенно-важныя для историческаго изслѣдователя.

Уже изъ этого краткаго указанія можно судить о богатствѣ сунодальной ризницы и сколь желательно было имѣть пособіе для ближайшаго ознакомленія съ ея сокровищами. Нѣкоторые изъ наиболѣе любопытныхъ ея предметовъ, правда, сдѣлались извѣстными изъ превосходныхъ хромолитографическихъ рисунковъ, вошедшихъ въ драгоцѣнное изданіе древностей Россійскаго государства, иные описаны въ «Памятникахъ Московской древности» *Снегирева*. Обозрѣніе Греческихъ рукописей вышло уже въ 1723 году, а потомъ въ 1780 обозрѣніе Славянскихъ рукописей появлялось только по частямъ въ изданіяхъ Общества древностей, Румянцевской археографической коммиссіи, Московскаго университета и пр. Съ 1855 стало издаваться «Описаніе Славянскихъ рукописей сунодальной библіотеки» профессоровъ *Горскаго* и *Невоструева*. Но недоставало еще такого описанія сунодальной ризницы и библіотеки, которое могло-бы служить путеводителемъ для всякаго изыскателя древности и гдѣ было-бы, хотя кратко, но вѣрно обозначено все, что въ нихъ заслуживаетъ вниманіе. За этотъ трудъ взялся ризничій архимандритъ *Савва* и приготовленный какъ воспитаніемъ, такъ и навыкомъ къ ученымъ подвигамъ, а вмѣ-

стѣ коротко-знакомый съ драгоцѣнностями обоихъ хранилищъ, совершилъ его съ полнымъ сознаніемъ нуждъ ученыхъ и ревностью, требовавшею отъ него немалаго самоотверженія.

Его «Указатель» раздѣляется на двѣ части: первая посвящена ризницѣ, вторая библіотекѣ.

Въ 1-й части, послѣ краткаго историческаго вступленія, сообщается систематическій обзоръ вещей, хранящихся въ ризницѣ: 1) священныхъ и церковныхъ и 2) не церковныхъ. Чѣмъ предметъ замѣчательнѣе, тѣмъ подробнѣе описанъ; надписи на нихъ представлены въ вѣрныхъ спискахъ и къ нѣкоторымъ описаніямъ и надписямъ приданы ученыя объясненія. Въ пользу-же тѣхъ, которые незнакомы съ названіями старинныхъ вещей, въ концѣ приложенъ пояснительный археологическій словарь, гдѣ, между-прочимъ, сообщаются и разныя данныя, доселѣ еще неизвѣстныя даже ученымъ. И такъ обзоръ сvнодальной ризницы можетъ, по справедливости, почесться прекраснымъ пособіемъ для изученія отечественныхъ древностей вообще.

Вторая часть «Указателя» гораздо обширнѣе и относительно къ нынѣшнему положенію знаній древней и старинной литературы Славяно-Русской важнѣе. Изложивъ сначала довольно подробно исторію библіотеки на основаніи источниковъ, найденныхъ въ самой библіотекѣ, въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и въ другихъ мѣстахъ, авторъ приступаетъ къ указанію самихъ рукописей, причемъ слѣдуетъ азбучному порядку писателей, названій книгъ, а тамъ, гдѣ это было необходимо, названій предметовъ, которымъ посвящены сочиненія. Не ограничиваясь этимъ, онъ сообщаетъ и разныя библіографическія данныя; такъ напр. при имени лица показываетъ время его жизни, а при ссылкѣ на рукопись, кромѣ № ея, обозначаетъ форматъ, почеркъ, величину (число листовъ), замѣчательныя приписки, рисунки и время написанія. Такимъ образомъ о. *Савва* осматриваетъ всѣ рукописи сvнодальной библіотеки Греческія и Славянскія, тѣ и другія отдѣльно въ особенномъ указателѣ. При описаніи Греческихъ рукописей авторъ не преминулъ пользоваться замѣчаніями *Монфокона*, *Ламбеція*, *Бандини*, *Маттеи*, *Гардта*, *Каве*, а при описаніи Славянскихъ не забылъ ни одного Русскаго сочиненія, даже небольшаго объема. Со всѣхъ рукописей сняты тщательные снимки, — однимъ словомъ, не упущено ничего, что можетъ способствовать къ ближайшему библіографическому и палеографическому познанію рукописей.

«Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ рецензентъ въ заключеніе своего разбора, что важность труда о. Саввы будетъ признана всѣми, занимающимися отечественною древностью, и въ нѣкоторой степени тѣми учеными, которые посвящаютъ себя изученію литературы Греческой, особенно Византійской. Имъ пользоваться можно съ выгодою даже отдѣльно, какъ пользуются Монфоконовымъ общимъ указателемъ (Bibliotheca bibliothecarum) или Строевскими описаніями. Для тѣхъ-же изслѣдователей, которымъ синодальная ризница и библіотека доступны, «Указатель» о. Саввы необходимъ, какъ пособіе, облегчающее не только отыскиваніе того, что нужно подробно осмотрѣть въ ризницѣ или библіотекѣ, но и разныя справки и соображенія. Трудъ о. Саввы по-отношенію къ рукописямъ не умаляетъ достоинства ни стараго труда Ф. Маттеи, ни новаго труда, предпринятаго А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ, но не умаляется и ими, отличаясь отъ нихъ и цѣлью и составомъ и своего рода полнотою; по-отношенію къ ризницѣ также точно не умаляется трудами А. О. Вельтмана и И. М. Снегирева, оставаясь въ своемъ родѣ единственнымъ. Въ томъ и другомъ отношеніи онъ безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій ученой литературы въ Россіи.

IX.

Опытъ грамматики Пермяцкаго языка (рукопись). Николая *Рогова*.

Пермяки принадлежатъ къ той семьѣ Финскихъ племенъ, которыя лишь въ недавнее время сдѣлались предметомъ изслѣдованій лингвистики, или сравнительнаго языковѣдѣнія, и потому неудивительно, если, при всей быстротѣ, съ какою наука была обогащаема изысканіями о грамматическихъ свойствахъ и лексикальныхъ богатствахъ многихъ изъ Финскихъ языковъ, языкъ Пермяцкій, въ ожиданіи своей очереди, оставался еще неизслѣдованнымъ съ точки современныхъ требованій лингвистики.

Первая грамматика этого языка представлена въ рукописи на нынѣшній конкурсъ Николаемъ *Роговымъ*, крѣпостнымъ человѣкомъ графа Строганова, и была разсмотрѣна академикомъ *Видеманомъ*, котораго отзывъ въ главныхъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ:

Живя въ качествѣ лѣсничаго въ обитаемой Пермяками части

помѣстій графа Строганова, авторъ воспользовался близкими и долголѣтними сношеніями съ этимъ народомъ, для изученія языка его, и изложилъ результаты своихъ трудовъ въ представленной имъ грамматикѣ Пермяцкаго языка. Весьма жаль, что авторъ не обладаетъ основательнымъ школьнымъ образованіемъ, а именно знакомствомъ съ разными языками; это лишило его возможности составить трудъ, вполнѣ соотвѣтствующій требованіямъ науки. Но и то, что имъ исполнено, заслуживаетъ полной признательности. Роговъ не могъ пользоваться по своей части сочиненіями другихъ, какъ приготовительными для себя трудами; только Зырянская грамматика г. Саввантова, первая хорошая, на Русскомъ языка Финской семьи, могла, при близкомъ сродствѣ между собою обоихъ языковъ, служить Рогову образцомъ въ формальномъ отношеніи.

При незнаніи другихъ языковъ, авторъ не могъ понимать явленій Пермяцкаго языка иначе, какъ по сравненію ихъ съ Русскимъ языкомъ, а потому не могъ стать на болѣе общую точку зрѣнія, съ которой онъ былъ-бы въ-состояніи постичь и изложить болѣе удовлетворительнымъ образомъ нѣкоторыя формы и особенности Пермяцкаго языка. Но большая часть происшедшихъ отъ этого недостатковъ, по сознанію рецензента, такова, что легко можетъ быть устранена и исправлена еще до печатанія рукописи. Между-тѣмъ это сочиненіе, плодъ многолѣтнихъ, добросовѣстныхъ трудовъ, представляетъ дѣйствительное обогащеніе языковѣдѣнія, давая полное понятіе о такомъ языкѣ, о грамматическихъ свойствахъ котораго ничего не было извѣстно въ печати, да и въ рукописи имѣются только отрывочныя замѣтки покойнаго Шегрена въ академической библіотекѣ. Весьма полезное приложеніе къ грамматикѣ Рогова составляютъ разные образцы языка: отчасти разговоры и переводы, отчасти подлинники въ загадкахъ, пословицахъ, сказаніяхъ и пѣсняхъ, и этотъ отдѣлъ рукописи соединяетъ въ тебѣ, вмѣстѣ съ лингвистическимъ интересомъ, также значительный интересъ этнографическій.

За раздачею, такимъ образомъ, всѣхъ, бывшихъ въ распоряженіи академіи на нынѣшній годъ, премій,—удостоены *почетнаго отзыва* слѣдующія три сочиненія, оставшіяся неувѣнчанными за неимѣніемъ достаточнаго числа премій:

1) Г. *Рожкова:* «О гидравлическомъ горнозаводскомъ хозяйствѣ, съ описаніемъ устройствъ, въ немъ употребляемыхъ». С. Пб. 1856; — по рецензіи инспектора классовъ института корпуса горныхъ инженеровъ, подполковника П. А. *Олышева.*

2) A. *Richter:* «Geschichte der dem russischen Kaiserthume einverleibten Deutschen Ostseeprovinzen. Riga. 1857—58; — по двумъ рецензіямъ, доставленнымъ отъ Лифляндскаго Общества исторіи и древностей.

3) Проф. *Лешкова:* «Русскій народъ и государство. Исторія Русскаго общественнаго права до XVIII вѣка». 1858;—по рецензіи адъюнкта С. Петербургскаго университета магистра И. Е. *Андреевскаго.*

Оканчивая отчетъ о XXVIII присужденіи Демидовскихъ наградъ, имѣю честь довести до вашего, мм. гг., свѣдѣнія, что академія, въ изъявленіе своей признательности за труды стороннихъ рецензентовъ, оказавшихъ ей содѣйствіе при разсмотрѣніи конкурсныхъ сочиненій, положила выдать установленныя для этого золотыя медали: въ 12 червонцевъ—приватъ-доценту Дерптскаго университета доктору К. К. *Ширрену* и ординарному профессору Московскаго университета, статскому совѣтнику, доктору медицины В. И. *Коху;* золотыя-же въ 8 червонцевъ — ординарному профессору университета св. Владиміра Н. Х. *Бунге* и корпуса горныхъ инженеровъ подполковнику П А. *Олышеву.*

ВѢДОМОСТИ

ОБЪ

УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА 1857 И 1858 ГОДЫ.

№ 1.

УЧЕНІЯ И ВОСПИТА

Въ имперіи:

Университетовъ. . . . .
Главный педагогическій институтъ. . . . .
Лицеевъ . . . .
Ветеринарныхъ училищъ. . . . .
Дворянскихъ институтовъ . . . .
Гимназій . . . .
Уѣздныхъ училищъ. . . . .
Училищъ приходскихъ и при церквахъ иностранныхъ исповѣданій. . . . .
Частныхъ учебныхъ заведеній . . . .
Еврейскихъ казенныхъ училищъ . . . .

—

Учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ. . . . .

Пансіоновъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ . . . . . .
Конвиктовъ и общихъ ученическихъ квартиръ. . . . .

Учащихся:

Въ имперіи:

Въ университетахъ. . . . .
» главномъ педагогическомъ институтѣ. . . . .
» лицеяхъ . . . .
» ветеринарныхъ училищахъ . . . .
» округахъ (безъ Еврейскихъ училищъ). . . . .
» Еврейскихъ казенныхъ училищахъ . . . .

—

Учащихся въ Царствѣ Польскомъ . . . .

тельныя заведенія.

	1857.	1858.
	6	6
	1	1
	3	3
	2	2
	3	3
	77	81
	437	431
	1,095	1,129
	637	668
	107	108
	1,441	1,451
Всего . .	3,809	3,883
	54	55
	45	42
Всего . .	99	97
	4,714	4,884
	97	98
	188	219
	98	94
	121,584	124,785
	3,292	3,538
	74,343	76,412
Всего . .	204,316	210,030

№ 2.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ

	Универси-теты.		Лицеи.		Ветеринар-ныя учи-лища.		Гимназіи.	
	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.
Главный педагогическій институтъ	1	1	—	—	—	—	—	—
Въ учебныхъ округахъ:								
С. Петербургскомъ	1	1	—	—	—	—	15	15
Московскомъ. .	1	1	1	1	—	—	12	12
Харьковскомъ.	1	1	—	—	1	1	7	7
Казанскомъ . .	1	1	—	—	—	—	13	13
Кіевскомъ . . .	1	1	1	1	—	—	11	11
Дерптскомъ . .	1	1	—	—	1	1	4	4
Виленскомъ . .	—	—	—	—	—	—	8	12
Одесскомъ . . .	—	—	1	1	—	—	7	7
Въ Сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ. . .	—	—	—	—	—	—	3	3
Итого . .	7	7	3	3	2	2	80	84

ВЪ ИМПЕРІИ.

Училища				Частные пансіоны и школы.		Еврейскія казенныя училища.		Всего.	
Уѣздныя.		Приходскія.							
1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.
—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
64	64	139	142	243	246	19	19	481	487
84	84	246	246	75	83	—	—	419	427
68	68	114	114	34	32	—	—	225	223
79	79	169	171	24	29	—	—	286	293
41	41	117	119	32	35	38	38	241	246
25	25	87	89	145	143	6	7	271	270
23	16	96	117	24	26	26	26	177	197
32	32	73	74	57	72	16	18	186	205
21	22	54	56	3	2	—	—	81	83
437	431	1,095	1,129	637	668	105	108	2,368	2,432

№ 3.

ЧИСЛО ЧИНОВНИКОВЪ, УЧАЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ

Въ университетахъ:

С. Петербургскомъ. . . . .

Московскомъ . . . .

Харьковскомъ. . . . .

Казанскомъ. . . . .

Св. Владиміра. . . . .

Дерптскомъ. . . . .

Въ главномъ педагогическомъ институтѣ . . . .

Въ лицеяхъ:

Ришельевскомъ. . . . .

Демидовскомъ . . . .

Князя Безбородко. . . . .

Въ ветеринарныхъ училищахъ:

Дерптскомъ. . . . .

Харьковскомъ. . . . .

въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

	Учащихъ и должностныхъ лицъ.		Учащихся.	
	1857.	1858.	1857.	1858.
....	82	76	716	848
....	117	105	1,725	1,760
....	79	70	459	422
....	76	78	353	348
....	96	96	906	964
....	84	84	555	542
....	45	44	97	98
....	34	32	103	110
....	16	19	27	43
....	19	19	58	66
....	15	12	24	26
....	17	17	74	68
Всего ..	680	682	5,097	5,295

№ 4.

ЧИСЛО УЧИЛИЩЪ, УЧАЩИХЪ И УЧА

По учебнымъ округамъ:

С.-Петербургскому . . . .
Московскому. . . . .
Харьковскому . . . .
Казанскому . . . .
Кіевскому . . . .
Дерптскому . . . .
Одесскому . . . .
Виленскому . . . .
По Сибирскимъ губерніямъ и областямъ. . . . .

щихся по округамъ, въ Имперіи.

	Училищъ.		Учащихъ и должностныхъ лицъ.		Учащихся.	
	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.
....	480	486	884	907	23,374	23,767
....	417	425	1,282	1,287	24,266	24,865
....	223	221	824	732	11,383	11,394
....	285	292	1,011	1,068	17,006	17,204
....	239	244	775	788	12,385	12,714
....	271	268	305	305	12,716	13,306
....	185	204	521	517	9,633	10,587
....	177	197	645	649	9,936	10,096
....	81	83	256	252	4,177	4,290
И того . .	2,356	2,420	6,503	6,505	124,876	128,323

№ 5.

ЧИСЛО УЧАЩИХСЯ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

	1857.	1858.
С. Петербургскій округъ.		
Въ С. Петербургѣ: первая гимназія	148	194
вторая »	553	550
третья »	424	445
четвертая (Ларинская)	383	380
пятая	253	265
Въ Псковѣ	238	235
» Новгородѣ	181	181
» Вологдѣ	190	201
» Петрозаводскѣ	82	80
» Архангельскѣ	153	135
» Могилевѣ	299	318
» Витебскѣ	321	335
» Динабургѣ	135	146
	3,360	3,465
Московскій округъ.		
Въ Москвѣ: первая гимназія	475	539
вторая »	299	324
третья »	398	416
четвертая »	242	232
» Владимірѣ	214	234
» Костромѣ	262	249
» Калугѣ	249	242
» Рязани	331	330
» Смоленскѣ	224	245
» Твери	234	255
» Тулѣ	294	273
» Ярославлѣ	326	292
	3,548	3,631
Казанскій округъ.		
Въ Казани: первая гимназія	286	285
вторая »	209	197
» Нижнемъ-Новгородѣ: Александровскій дворянскій институтъ	95	82
гимназія	207	224
» Симбирскѣ	256	253

	1857.	1858.
Въ Пензѣ: дворянскій институтъ	118	130
гимназія	225	233
» Саратовѣ	291	289
» Вяткѣ	162	168
» Перми	171	185
» Уфѣ	180	179
» Астрахани	163	148
» Самарѣ	92	112
	2,455	2,485
Харьковскій округъ.		
Въ Харьковѣ: первая гимназія	279	307
вторая »	175	186
» Курскѣ	192	205
» Воронежѣ	242	260
» Орлѣ	165	200
» Тамбовѣ	204	216
» Новочеркасскѣ	425	451
	1,682	1,831
Кіевскій округъ.		
Въ Кіевѣ: первая гимназія	223	209
вторая »	736	747
» Житомирѣ	565	562
» Каменцѣ-Подольскомъ	340	463
» Ровно	291	319
» Черниговѣ	229	242
» Новгородѣ-Сѣверскомъ	251	239
» Полтавѣ	323	399
» Немировѣ	574	559
» Бѣлой-Церкви	205	223
» Нѣжинѣ	279	297
	4,016	4,259
Дерптскій округъ.		
Въ Дерптѣ: гимназія	203	217
» Ригѣ	193	221
» Митавѣ	227	247
» Ревелѣ	163	186
	786	871

	1857.	1858.
Виленскій округъ.		
Въ Вильнѣ: дворянскій институтъ	153	163
гимназія	432	583
» Ковнѣ	273	301
» Гроднѣ	259	247
» Шавляхъ	382	408
» Бѣлостокѣ	255	405
» Минскѣ	319	441
» Слуцкѣ	365	396
» Поневѣжѣ		366
» Кейданахъ		136
» Новогрудкѣ		176
	2,438	3,622
Одесскій округъ.		
Въ Одессѣ: при Ришельев. лицеѣ гимназія	125	123
вторая гимназія	326	346
» Херсони	205	201
» Симферополѣ	143	169
» Екатеринославѣ	256	260
» Кишиневѣ	295	304
» Таганрогѣ	158	192
	1,508	1,595
По Сибирскимъ управленіямъ.		
Въ Иркутскѣ: гимназія	190	199
» Тобольскѣ	175	188
» Томскѣ	116	124
	481	511
По округамъ:		
С. Петербургскому	3,360	3,465
Московскому	3,548	3,631
Казанскому	2,455	2,485
Харьковскому	1,682	1,831
Кіевскому	4,016	4,259
Дерптскому	786	871
Виленскому	2,438	3,622
Одесскому	1,508	1,595
По Сибирскимъ управленіямъ	481	511
И того	20,274	22,270

№ 6.

ЧИСЛО УЧАЩИХСЯ ВЪ НИЗШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

	Въ уѣздныхъ училищахъ.		Въ приходскихъ училищахъ.	
По округамъ:	1857.	1858.	1857.	1858.
С. Петербургскому	4,836	4,740	7,304	7,425
Московскому	5,318	5,411	14,019	14,307
Харьковскому.	3,188	3,056	6,470	6,681
Казанскому	3,675	3,709	9,106	9,201
Кіевскому	3,534	3,421	4,407	3,847
Дерптскому	1,401	1,512	3,719	3,870
Виленскому	2,541	2,440	2,885	3,001
Одесскому.	2,338	2,378	2,690	2,753
По Сибирскимъ управленіямъ	1,435	1,691	2,215	2,574
И того . .	28,266	28,358	52,815	53,659

№ 7.

Число учебныхъ заведеній и

	Число заведеній.	
	1857.	1858.
1) Общія:		
Благородный институтъ въ Варшавѣ.	1	1
Филологическихъ гимназій	6	6
Пансіонъ для дѣвицъ въ Варшавѣ, содержимый отъ правительства	1	1
Филологическихъ уѣздныхъ училищъ	17	17
Начальныхъ училищъ.	1,119	1,116
Ремесленно-воскресныхъ училищъ.	93	93
Еврейскихъ начальныхъ училищъ.	5	6
	1,242	1,240
2) Специальныя:		
Императорская и Царская Варшавская медико-хирургическая академія.	1	1
Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства.	1	1
Реальная гимназія	1	1
Художественная школа	1	1
Институтъ первоначальныхъ учителей. . . .	1	1
Реальныхъ высшихъ училищъ.	2	2
» уѣздныхъ »	9	9
Воскресно-коммерческое училище	1	1
Училище раввиновъ	1	1
	18	18
3) Частныя:		
а) *Высшія:*		
Мужскихъ	9	11
Женскихъ	49	50
б) *Низшія:*		
Начальныхъ для обоего пола.	123	132
	181	193
И того . .	1,441	1,451

Учащихся въ Царствѣ Польскомъ.

	Число учащихся.	
	1857.	1858.
Въ Варшавскомъ благородномъ институтѣ. .	242	230
» филологическихъ гимназіяхъ.	1,683	1,763
» пансіонѣ для дѣвицъ въ Варшавѣ, содержимомъ отъ правительства	27	79
» филологическихъ уѣздныхъ училищахъ .	2,829	2,887
» начальныхъ училищахъ.	52,702	53,427
» ремесленно-воскресныхъ училищахъ . . .	6,039	6,726
» Еврейскихъ начальныхъ училищахъ. . .	482	656
	64,004	65,768
» Варшавской медико-хирургической академіи	247	343
» Институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, съ находящеюся при немъ сельскою школою.	190	123
» реальной гимназіи	750	940
» художественной школѣ	72	87
» институтѣ первоначальныхъ учителей. .	26	21
» реальныхъ высшихъ училищахъ	604	708
» » уѣздныхъ »	1,305	1,456
» воскресно-коммерческомъ училищѣ. . . .	205	222
» училищѣ раввиновъ	150	137
	3,552	4,037
Въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.	6,787	6,607
И того . .	74,343	76,412

№ 8.

ЧИСЛО УЧАЩИХСЯ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

	1857.	1858.
Въ Варшавской губернской гимназіи.	339	357
» » реальной »	750	940
» Радомской губернской гимназіи.	186	205
» Люблинской » »	345	327
» Плоцкой » »	241	274
» Сувалкской » »	192	204
» Петрковской » »	380	396
И того . .	2,433	2,703

№ 9.

ЧИСЛО УЧИЛИЩЪ, УЧАЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Въ губерніяхъ:	Публичныя заведенія. Филологическихъ гимназій.		Публичныя заведенія. Спеціальныхъ, реальныхъ, уѣздныхъ и первоначальн. училищъ.		Частныхъ учебныхъ заведеній.		Учащихъ и надзирающихъ.		Учащихся вообще.	
	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.
Варшавской	2	2	739	735	130	140	1,531	1,555	47,134	48,036
Радомской .	1	1	171	171	21	25	314	329	10,105	10,577
Люблинской	1	1	152	156	13	12	300	298	6,713	7,124
Плоцкой. . .	1	1	121	120	16	14	226	216	6,918	7,107
Августовской	1	1	71	70	1	2	147	138	3,473	3,568
И того . .	6	6	1,254	1,252	181	193	2,518	2,536	74,343	76,112

№ 10.

ЧИСЛО ЛИЦЪ, ВОЗВЕДЕННЫХЪ

	Въ универси						
	С. Петербургскомъ.		Московскомъ.		Харьковскомъ.		Казан
	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.
Докторовъ по разнымъ факультетамъ	—	1	—	1	—	1	—
Магистровъ	11	6	4	4	1	2	—
Кандидатовъ	52	77	34	43	15	25	24
Дѣйствительныхъ студентовъ	16	12	41	36	32	21	3
Докторовъ медицины	—	—	4	7	2	2	—
Лекарей	—	—	85	118	21	25	13
Уѣздныхъ врачей	—	—	57	122	11	9	18
Акушеровъ, какъ членовъ врачебной управы	—	—	3	6	6	2	—
Операторовъ, какъ членовъ врачебной управы	—	—	3	3	5	1	7
Инспекторовъ врачебной управы	—	—	—	—	—	1	1
Ветеринарныхъ врачей	—	—	—	—	—	—	—
Ветеринарныхъ помощниковъ	—	—	—	—	—	—	—
Магистровъ фармаціи	—	—	—	1	1	—	—
Провизоровъ	—	—	113	65	6	3	4
Аптекарскихъ помощниковъ	—	—	86	51	15	18	8
Зубныхъ врачей	—	—	3	—	1	—	—
Повивальныхъ бабокъ	—	—	40	—	2	2	7
Итого	79	96	473	457	118	112	85

ВЪ УЧЕНЫЯ СТЕПЕНИ.

тетахъ.					Въ ветеринарныхъ училищахъ.				Всего.	
скомъ.	Св. Владиміра.		Дерптскомъ.		Дерптскомъ.		Харьковскомъ.			
1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.
—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	6
—	—	—	7	4	—	—	—	—	23	16
18	27	17	26	23	—	—	—	—	178	203
8	10	27	40	32	—	—	—	—	142	136
3	2	3	22	32	—	—	—	—	30	47
22	47	65	19	23	—	—	—	—	185	253
22	8	32	13	11	—	—	—	—	107	196
3	—	—	2	1	—	—	—	—	11	12
1	4	4	1	—	—	—	—	—	20	5
1	1	1	1	—	—	—	—	—	3	2
—	—	—	—	—	—	2	6	—	6	2
—	—	—	—	—	—	—	3	—	3	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
1	7	9	2	19	—	—	—	—	132	97
2	37	31	24	31	—	—	—	—	170	133
1	1	2	—	—	—	—	—	—	5	3
5	13	10	6	15	—	—	—	—	68	32
87	157	196	163	194	—	2	9	—	1,084	1,144

№ 11.

СОСТОЯНІЕ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ

	Каби							
Въ университетахъ:	Математическій.	Физическій.	Минералогическій.	Зоологическій.	Патологическій.	Анатомическій.	Сравнит. анатоміи.	Хирургическій.
С. Петербургск.	—	729	6,955	10,412	—	—	—	—
Московскомъ . . .	—	450	14,668	66,839	—	7,234	2,697	—
Харьковскомъ . .	—	503	12,246	16,508	—	2,676	202	2,500
Казанскомъ . . .	—	625	10,130	6,115	—	3,126	933	3,839
Св. Владиміра . .	—	506	16,592	39,605	1,346	2,243	2,516	1,495
Дерптскомъ . . .	117	1,015	19,147	11,470	1,162	1,463	1,930	1,420
Въ главномъ педагогическомъ институтѣ. . .	—	267	4,509	2,881	—	—	—	—
Въ лицеяхъ:								
Ришельевскомъ. .	54	329	5,972	5,038	—	—	—	—
Демидовскомъ . .	—	174	5,070	1,419	—	—	—	—
Кн. Безбородко .	—	193	697	1,227	—	—	—	—

въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

нeты.							Собранія.		
Анатомико-патолог.	Анатом.-хирург.	Формакологич.	Древностей.	Нумизматическій.	Архитектурный.	Астрономич. обсерваторіи и кабинеты.	Моделей и машинъ для прикладн. матем.	Технологическія и агрономическія.	Ботаническіе сады.
—	—	—	—	—	—	—	48	686	—
766	369	2,748	—	16,819	—	38	—	1,976	7,475
—	—	—	—	22,566	32	1,311	—	465	5,814
—	305	1,740	—	12,698	313	58	—	1,488	4,510
—	—	1,545	1,437	26,886	778	75	183	394	35,956
—	—	1,037	3,037	7,759	96	154	—	1,304	14,219
—	—	—	—	1,395	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1,718	—	—	—	103	—
—	—	—	—	792	—	—	—	181	—
—	—	—	—	428	—	—	—	—	—

№ 12.

СОСТОЯНІЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ БИБЛІОТЕКЪ.

	Число томовъ.	
	1857.	1858.
Въ Академіи наукъ	125,194	129,622
» университетахъ:		
Московскомъ	126,831	129,338
Св. Владиміра	97,038	98,393
Харьковскомъ	59,892	60,894
Казанскомъ	56,228	57,520
С. Петербургскомъ	53,965	54,912
Дерптскомъ	91,235	102,313
» Главномъ педагогическомъ институтѣ	18,010	27,205
» Варшавской главной	92,363	93,515
» лицеяхъ:		
Ришельевскомъ	19,485	19,495
Князя Безбородко	10,478	10,960
Демидовскомъ	7,627	7,824

№ 13.

Состояніе гимназическихъ библіотекъ.

	Число томовъ.	
	1857.	1858.
С. Петербургскій округъ.		
Въ С. Петербургской первой гимназіи	3,323	3,414
» » » второй »	3,764	3,843
» » » третьей »	3,004	3,055
» » » четвертой »	2,282	2,527
» » » пятой »	1,263	1,325
» Псковской	4,155	4,190
» Новгородской	2,639	2,747
» Вологодской	4,623	4,762
» Петрозаводской	2,925	3,017
» Архангельской	4,239	4,157
» Могилевской	5,671	5,785
» Витебской	13,024	13,049
» Динабургской	3,366	3,581
Московскій округъ.		
Въ Московской первой гимназіи	4,442	4,460
» » второй »	1,447	1,518
» » третьей »	3,579	3,742
» » четвертой »	5,419	5,494
» Владимірской	2,627	2,699
» Костромской	4,607	4,799
» Калужской	4,843	4,917
» Смоленской	1,728	1,747
» Тверской	3,383	3,383
» Тульской	1,966	2,069
» Ярославской	3,035	3,072
» Рязанской	3,194	3,234
Казанскій округъ.		
Въ Казанской первой гимназіи	1,722	1,754
» » второй »	2,802	2,880

	Число томовъ.	
	1856.	1857.
Въ Нижегородскомъ Александровскомъ дворянскомъ институтѣ. . .	3,141	3,338
» Нижегородской гимназіи	3,819	3,852
» Симбирской	2,978	2,998
» Пензинскомъ дворянскомъ институтѣ.	2,758	2,809
» Пензинской гимназіи	3,109	3,152
» Саратовской.	1,918	2,041
» Пермской.	2,365	2,400
» Вятской	2,702	2,730
» Уфимской	2,124	2,257
» Астраханской.	2,629	2,659
» Самарской.	160	289
Харьковскій округъ.		
Въ Харьковской первой гимназіи . . .	5,311	5,386
» » второй » . . .	2,285	2,385
» Курской	7,575	7,743
» Воронежской	3,549	3,717
» Орловской.	3,900	3,840
» Тамбовской	4,057	4,147
» Новочеркасской	7,494	7,255
Кіевскій округъ.		
Въ Кіевской первой гимназіи.	5,527	5,566
» » второй »	2,743	2,809
» Волынской.	7,978	8,011
» Каменецъ-Подольской.	3,852	3,915
» Черниговской.	1,740	1,791
» Новгородсѣверской	5,882	5,966
» Полтавской	5,719	5,719
» Немировской	3,729	2,954
» Бѣлоцерковской	7,876	7,907
» Ровенской.	2,856	5,948
» Нѣжинской.		2,212

	Число томовъ.	
	1857.	1858.
Дерптскій округъ.		
Въ Дерптской гимназіи	5,795	6,100
» Рижской	7,301	7,521
» Митавской	29,574	29,693
» Ревельской	6,891	7,279
Виленскій округъ.		
Въ Виленскомъ дворянскомъ институтѣ	6,131	6,131
» Виленской гимназіи	4,726	5,764
» Ковенской	4,553	4,642
» Гродненской	8,272	8,550
» Шавельской	2,868	2,897
» Бѣлостокской	4,719	5,177
» Минской	3,002	3,252
» Слуцкой	7,792	7,816
» Поневѣжской		2,072
» Кейданской		2,267
» Новогрудской		2,378
Одесскій округъ.		
Въ гимназіи, состоящей при Ришельевскомъ лицеѣ		869
» Одесской второй гимназіи	1,451	1,523
» Херсонской	2,921	2,980
» Симферопольской	3,036	3,365
» Екатеринославской	4,029	4,049
» Кишиневской	4,731	4,775
» Таганрогской	3,093	3,143
По Сибирскимъ управленіямъ.		
Въ Иркутской гимназіи	5,066	5,075
» Томской	1,250	1,277
» Тобольской	4,406	4,430

№ 14.

ЧИСЛО ЛИЦЪ, ПОЛУЧИВШИХЪ СВИДѢТЕЛЬСТВА

По учебнымъ округамъ:	Домашніе наставники. 1857.	Домашніе наставники. 1858.
С. Петербургскому	4	3
Московскому	5	4
Харьковскому	5	3
Казанскому	2	—
Кіевскому	—	—
Дерптскому	8	6
Виленскому	2	1
Одесскому	1	3
И того	27	20

на право заниматься домашнимъ воспитаніемъ.

Домашніе учители и учительницы.		Исправляющіе должности домашнихъ учителей и учительницъ.		Всего.		Получившіе право на начальное обученіе.	
1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.
140	170	19	15	163	188	124	107
113	138	1	4	119	146	9	8
13	13	2	2	20	18	25	40
2	6	—	1	4	7	3	13
1	2	—	1	1	3	14	22
84	63	1	—	93	69	85	22
3	2	—	—	5	3	98	109
11	2	3	1	15	6	28	30
367	396	26	24	420	440	386	351

№ 15.

ОБЩЕЕ ЧИСЛО ЛИЦЪ, ЗАНИМАВШИХСЯ ДОМАШ

По учебнымъ округамъ:	Домашнихъ наставниковъ.		Домашнихъ учителей.	
	1857.	1858.	1857.	1858.
С. Петербургскому.	22	24	144	164
Московскому	10	9	111	120
Харьковскому.	3	2	32	26
Казанскому	5	5	41	41
Кіевскому	1	1	6	5
Дерптскому	23	26	65	62
Виленскому	4	6	15	17
Одесскому.	14	3	18	10
И того . .	82	76	432	445

нимъ воспитаніемъ въ Имперіи.

Домашнихъ учительницъ.		Исправляющихъ должность домашнихъ учителей.		Исправляющихъ должность домашнихъ учительницъ.		Занимающихся первоначальнымъ обученіемъ.				Всего.	
						Мужескаго пола.		Женскаго пола.			
1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.	1857.	1858.
113	125	14	14	1	1	23	12	134	135	451	475
43	55	1	—	—	—	30	30	20	22	215	236
17	16	—	—	—	—	12	12	19	19	83	75
32	39	—	—	—	—	26	24	25	22	128	131
5	6	—	—	—	—	29	28	17	18	58	58
234	244	12	11	6	6	51	52	146	131	537	532
3	2	—	—	—	—	6	9	114	120	142	154
5	—	4	—	—	—	—	—	41	44	82	57
452	487	31	25	7	7	177	167	516	511	1,696	1,718

ОТЧЕТЪ

О ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

УВАРОВСКИХЪ НАГРАДЪ (*).

Нынѣшній годъ есть — третій существованія Уваровскихъ наградъ, и въ третій разъ не оказалось возможнымъ увѣнчать ни одного изъ драматическихъ сочиненій, бывшихъ на состязаніи. Такой результатъ не составляетъ для академіи неожиданности равно-какъ не можетъ удивлять никого, кто вникъ въ мысль учредителя, положенную въ основаніе начертанныхъ имъ правилъ о наградахъ. Онъ желалъ, чтобы наградъ были удостоиваемы не такія литературныя произведенія, которыя были-бы признаны лишь лучшими изъ представленныхъ на состязаніе — не такія которыя имѣютъ или могутъ имѣть лишь сценическій успѣхъ часто основанный на второстепенныхъ достоинствахъ піесы и на случайныхъ обстоятельствахъ, но созданія вполнѣ-художественныя, соотвѣтствующія требованіямъ строгой критики, имѣющія безусловное литературное достоинство. Поэтому-то для наградъ, назначенныхъ для драматическихъ произведеній, учредитель и не допускаетъ постепенностей: награды могутъ быть только полныя.

(*) Читанъ въ публичномъ собраніи Императорской академіи наукъ исправляющимъ должность непремѣннаго секретаря, академикомъ *К. С. Веселовскимъ*, 25 сентября 1859 года.

На нынѣшній конкурсъ театральныхъ піесъ представлено на судъ академіи лишь два сочиненія, и оба они, какъ по приговору постороннихъ рецензентовъ, избранныхъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ литераторовъ, такъ и по мнѣнію членовъ коммиссіи, не соотвѣтствуютъ означенной нормѣ, не смотря на то, что въ одномъ изъ нихъ, не лишенномъ нѣкоторыхъ достоинствъ, обнаруживается знаніе сценическихъ условій, и что поэтому оно, весьма вѣроятно, будетъ имѣть хотя временный успѣхъ на театрѣ.

Сочиненій по Русской исторіи представлено было, для соисканія, пять; изъ нихъ двумъ присуждены коммиссіею малыя преміи, въ 500 р. каждая. Эти сочиненія суть: 1) Г. *Лешкова:* «Русскій народъ и государство. Исторія Русскаго общественнаго права до XVIII столѣтія» и 2) *Ав. Энгельмана:* «Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV столѣтіяхъ».

Разсмотрѣніе перваго изъ нихъ было поручаемо г. профессору Московскаго университета *И. Д. Бѣляеву.* Въ представленномъ имъ пространномъ разборѣ, рецензентъ изложилъ какъ сущность содержанія труда г. *Лешкова*, такъ и оцѣнку главныхъ его выводовъ и положеній.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе самое заглавіе книги: «Исторія Русскаго общественнаго права», такъ-какъ терминъ *общественное право* является здѣсь въ употребленіи въ первый разъ и такъ-какъ объемомъ понятія, съ нимъ соединяемаго, опредѣляется самое содержаніе сочиненія. Объясненію общихъ понятій о предметѣ и значеніи общественнаго права авторъ и посвящаетъ первую главу своей книги. Смотря на трудъ г. *Лешкова* исключительно съ точки зрѣнія исторической, мы не считаемъ нужнымъ входить въ разборъ этой первой, такъ сказать догматической статьи; но замѣтимъ, что общественное право г. *Лешкова* есть собственно право полицейское, въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ вошелъ въ употребленіе у юристовъ. Съ этимъ согласенъ и рецензентъ, который однакожь видитъ въ этомъ измѣненіи названія «свидѣтельство о правильномъ пониманіи предмета», такъ-какъ вводимый г. *Лешковымъ* терминъ «вѣрнѣе очерчиваетъ кругъ или объемъ науки, и, такъ-сказать, проливаетъ новый свѣтъ на самое дѣло». Предоставляя юристамъ рѣшить, въ какой степени это нововведеніе необходимо и полезно

для науки, переходимъ къ исторіи Русскаго общественнаго права, которую авторъ дѣлитъ на два періода: первый—до «Русской Правды» включительно и второй — до начала XVIII столѣтія, и которую онъ начинаетъ положеніемъ, что каждый народъ находится подъ вліяніемъ своей особой идеи, составляющей, по его выраженію, красную нитку въ его исторіи, и представляющей отличительную черту одного народа отъ другихъ. Такую отличительную черту въ Русскомъ народѣ авторъ находитъ въ общинности, въ общинномъ бытѣ, въ способности составлять общины, постоянно держаться общиннаго устройства, порѣшая все при посредствѣ общины. Такое указаніе на общинный бытъ, какъ на отличительную черту Русскаго народа, рецензентъ находитъ вполнѣ-согласнымъ съ самымъ дѣломъ, съ исторіею нашего отечества, которую, по его мнѣнію, нельзя иначе объяснить, какъ общиннымъ бытомъ, что доказано несостоятельностью всѣхъ попытокъ къ объясненію нашей исторіи изъ другихъ началъ и тою удовлетворительностью, которую авторъ, по признанію рецензента, представилъ въ настоящемъ изслѣдованіи. Этимъ объясненіемъ, съ перваго приступа, обозначается точка зрѣнія и автора и рецензента на Русскую исторію. Итакъ мы знаемъ, что имѣемъ дѣло съ приверженцами той теоріи, по поводу которой возникло въ новѣйшее время такое рѣзкое разъединеніе между занимающимися Русскою исторіею. Таково свойство исторіи, что она всегда и вездѣ служила арсеналомъ, изъ котораго самыя противоположныя политическія воззрѣнія равно заимствовали оружіе для своей опоры. Принадлежность историка къ той или другой школѣ не исключаетъ однако для него возможности оказать истинныя услуги исторической наукѣ; напротивъ, антагонизмъ, контроверса, поддерживаемая даже нѣкоторымъ пристрастнымъ увлеченіемъ, всегда большею частью обращались въ пользу интересовъ науки, содѣйствуя къ проясненію темныхъ и спорныхъ историческихъ вопросовъ. Поэтому для академіи, поставленной быть судьею состязающихся сочиненій, — судьею, для котораго безпристрастіе есть первый законъ, одинъ лишь слишкомъ исключительный взглядъ г. *Лешкова* на Русскую исторію не могъ, самъ по себѣ, быть достаточнымъ поводомъ къ отказу ему въ преміи. Весь вопросъ, слѣдовательно, заключался въ томъ, что̀ существеннаго принесло сочиненіе г. *Лешкова* изслѣдованію отечественныхъ древностей.

4*

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы послѣдуемъ за ученымъ рецензентомъ. Авторъ начинаетъ «Исторію Русскаго общественнаго права» изслѣдованіемъ о значеніи и постепенномъ развитіи древнѣйшей Русской общины въ формѣ *верви*; это изслѣдованіе, по мнѣнію г. рецензента, «представляетъ весьма-замѣчательное явленіе въ нашей исторической литературѣ; оно такъ согласно съ требованіями науки, что съ нимъ нельзя не согласиться. Авторъ, въ своемъ изслѣдованіи, твердо стоитъ на исторической почвѣ и живо изображаетъ картину древней верви, — картину, необходимую для изслѣдованій о древнемъ бытѣ Русскаго общества, картину, служащую основаніемъ и точкою отправленія для вѣрнаго пониманія всѣхъ послѣдующихъ явленій общественнаго быта на Руси. Изслѣдованіе о древней верви въ нашей литературѣ является здѣсь въ первый разъ, и является въ удовлетворительной полнотѣ и ясности. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ можно еще не согласиться съ авторомъ, но противъ общаго впечатлѣнія спорить нельзя». Предъявивъ свои возраженія противъ взгляда г. *Лешкова* о томъ, что древнѣйшею формою верви была сельская община, изъ которой позже произошли города, рецензентъ находитъ, что послѣдующія затѣмъ розысканія автора о «Русской Правдѣ» раскрываютъ «въ этомъ памятникѣ рѣшеніе многихъ вопросовъ общественнаго права и первые проливаютъ свѣтъ на такой отдѣлъ нашей исторіи, къ которому прежніе изслѣдователи даже и не подходили». Г. *Лешковъ*, по замѣчанію рецензента, «первый взглянулъ на Русскую Правду со стороны общественнаго права, и взглядъ его имѣетъ на своей сторонѣ вѣрное пониманіе предмета и умѣнье раскрывать памятники».

Второй періодъ своей исторіи общественнаго права, отъ «Русской Правды» до начала XVIII столѣтія, авторъ начинаетъ указаніемъ на связь послѣдующаго законодательства съ «Русскою Правдою», и затѣмъ переходитъ къ опредѣленію значенія семьи, общины и государства и къ ихъ отношеніямъ другъ къ другу во время втораго періода. «Здѣсь, по мнѣнію рецензента, авторъ метко и вѣрно опровергаетъ тѣхъ писателей, которые утверждаютъ, что удѣльное время положило основаніе и начало развитію вотчинности князей и кормленія бояръ, въ томъ смыслѣ, что князья были не государями, а господами народа, бояре-же и княжіе мужи не были правителями областей, а только сборщиками въ

нихъ разныхъ доходовъ». Указавъ сущность доводовъ автора, г. рецензентъ заключаетъ, что г. *Лешковъ* «своимъ многостороннимъ изученіемъ памятниковъ, добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ и глубокимъ пониманіемъ предмета, съ полною ясностію доказалъ несостоятельность и поверхностность мнѣній и началъ, представляемыхъ его противниками, и настоящее его изслѣдованіе, навѣрное, останется руководствомъ для послѣдующихъ изслѣдователей».

Слѣдуя за авторомъ, критикъ представляетъ затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ результаты изысканій г. *Лешкова* относительно историческаго развитія, во второмъ періодѣ, законовъ благоустройства, названныхъ имъ законами установительными, и къ которымъ онъ отнесъ попеченіе о народонаселеніи, постановленія о личномъ и семейномъ правѣ, о путяхъ сообщенія, о ямской гоньбѣ и почтахъ, о разныхъ видахъ промышлености и о народномъ образованіи. Г. *Бѣляевъ* въ-собенности указываетъ на положенія автора относительно весьма ограниченнаго объема, въ какомъ существовало въ Россіи рабство въ этомъ второмъ періодѣ. Не отвергая существованія его въ древней Россіи, г. *Лешковъ* доказываетъ, что оно сравнительно было незначительно и не имѣло, въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, широкихъ основаній для своего развитія, и это положеніе, по отзыву рецензента, «основано на прямыхъ и ясныхъ свидѣтельствахъ памятниковъ и на глубокомъ ихъ изученіи». Относительно изслѣдованій автора о ямской гоньбѣ и почтѣ, г. *Бѣляевъ* замѣчаетъ, что они отличаются предъ другими изслѣдованіями о томъ-же предметѣ особенною полнотою собранныхъ свѣдѣній и умѣньемъ автора допытаться настоящаго смысла отъ древнихъ актовъ, а относительно статьи о разныхъ видахъ промышлености заключаетъ, что она «представляетъ полную разнообразную картину Русской промышлености стараго времени, и такую картину, какой еще не представляла наша историческая литература. Авторъ не только умѣлъ собрать огромную массу свѣдѣній объ этомъ предметѣ, но и умѣлъ собраннымъ свѣдѣніямъ дать научное значеніе и надлежащій смыслъ. У него нерѣдко небольшая и уже извѣстная грамота получаетъ весьма-важное значеніе и раскрываетъ дѣло на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ; такъ, напримѣръ, извѣстная грамота Всеволода, данная въ XII вѣкѣ Иванской купеческой общинѣ въ Новгородѣ, сличенная авторомъ съ разными подобными

грамотами послѣдующихъ столѣтій вплоть до Новоторговаго Устава 1656 г., является почти руководствомъ для производства иностранной торговли во все послѣдующее время».

Въ-отношеніи оцѣнки вліянія Монгольскаго ига на развитіе народнаго образованія, рецензентъ расходится съ авторомъ и доказываетъ, что если владычество Монголовъ и могло до нѣкоторой степени преграждать для Россіи сближеніе съ Византіею и съ нѣкоторыхъ сторонъ заслоняло отъ насъ цивилизацію запада, то, во всякомъ случаѣ, оно не могло остановить естественное движеніе Русскаго народнаго образованія: ибо это образованіе, какъ чисто-національное, разлитое, какъ говоритъ самъ-же авторъ, по всему народу, не могло быть остановлено въ своемъ движеніи игомъ, большею частью внѣшнимъ, мало касавшимся внутреннихъ сторонъ народной жизни; къ тому-же и самые факты, по замѣчанію г. *Бѣляева*, нисколько не доказываютъ остановки народнаго образованія во время Монголовъ.

Исторію законовъ благочинія, которые авторъ называетъ законами охранительными, онъ раздѣляетъ на два отдѣленія, относя къ первому законы *предупредительные*, а ко второму — *возстановительные.* Къ предупредительнымъ онъ относитъ законодательныя распоряженія, направленныя противъ враждебныхъ дѣйствій природы и человѣка, и включаетъ сюда мѣры безопасности населенія, мѣры обезпеченія народнаго продовольствія и народнаго здравія, мѣры безопасности отъ пожаровъ и наводненій, законы о паспортахъ и о ценсурѣ. Наконецъ, заключительную статью составляетъ обозрѣніе законовъ, названныхъ г. *Лешковымъ* возстановительными, куда онъ относитъ мѣры общественнаго призрѣнія. Въ-отношеніи этихъ отдѣловъ труда г. *Лешкова* рецензентъ представляетъ сводъ главныхъ положеній автора, указывая мѣстами нѣкоторые пропуски его, а въ-отношеніи изслѣдованія г. *Лешкова* о неурожаяхъ, голодныхъ годахъ и мѣрахъ обезпеченія народнаго продовольствія въ древней Россіи, съ 1024 по 1608 г., онъ говоритъ, что это есть «полное, отчетливое и еще доселѣ небывалое въ нашей литературѣ обозрѣніе предмета».

Г. профессоръ *Бѣляевъ* оканчиваетъ разборъ книги г. *Лешкова* слѣдующимъ заключеніемъ: «Книга сія составляетъ истинное и важное пріобрѣтеніе учено-исторической отечественной литера-

туры, какъ по важности и новости вопросовъ, поднятыхъ авторомъ, такъ и по вѣрному и обстоятельному рѣшенію сихъ вопросовъ. Авторъ въ своей книгѣ о многомъ заговорилъ у насъ первый, многому самъ прокладывалъ дорогу, и, не смотря на новость предмета, многое рѣшилъ такъ удовлетворительно, что, при настоящемъ состояніи источниковъ, болѣе удовлетворительнаго рѣшенія и ожидать нельзя. Исторія общественнаго права въ Россіи настоящимъ трудомъ г. *Лешкова* съ-разу поставлена на такую точку, какой другіе отдѣлы исторической науки достигали въ нѣсколько пріемовъ, и, по моему убѣжденію, Императорская академія наукъ вполнѣ удовлетворитъ справедливости, если присудитъ г. *Лешкову* полную Уваровскую премію».

Коммиссія съ благодарностію приняла трудъ г. *Бѣляева* о сочиненіи г. *Лешкова*, и хотя она не могла вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ согласиться съ безусловнымъ его одобреніемъ книги г. *Лешкова*, тѣмъ не менѣе сочла справедливымъ поощрить трудолюбиваго автора присужденіемъ ему малой преміи.

Другое, увѣнчанное на нынѣшнемъ конкурсѣ сочиненіе: «Хронологическія изслѣдованія» г. *Энгельмана* въ области Русской и Ливонской исторіи XIII и XIV столѣтій, было разсмотрѣно академикомъ *М. П. Погодинымъ*.

Ливонія, которой минувшія судьбы представляютъ собою для ученаго изслѣдователя такъ много занимательнаго, постоянно продолжаетъ вызывать новыхъ дѣятелей для разработки ея историческихъ матеріаловъ. *Наперскій*, *Бунге*, *Тобинъ* и многіе другіе посвящали ей труды свои; въ нынѣшнемъ году академія присудила половинную Демидовскую награду г. *Бреверну* за его «Studien zur Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands» и удостоила почетнаго отзыва сочиненіе г. *Рихтера*: «Geschichte der Ostseeprovinzen». И вотъ является на Уваровскій конкурсъ сочиненіе г. *Энгельмана*—трудъ добросовѣстный и дѣльный, не смотря на частность предмета. «Тщательное изученіе источниковъ (говоритъ рецензентъ), напряженное вниманіе ко всякому значительному слову, подборъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, благоразумная осторожность въ выводахъ, употребленіе различныхъ остроумныхъ пріемовъ для повѣрки — вотъ отличительныя достоинства этого сочиненія, которое доставляетъ наукѣ нѣсколько положеній, если не блистательныхъ, то вѣрныхъ и нужныхъ для дальнѣйшихъ ея успѣховъ».

Чтобы показать взглядъ автора на важность хронологіи для исторіи, позволяемъ себѣ привести нѣкоторыя его замѣчанія, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, какъ глубоко вникалъ онъ въ дѣло исторической критики, и какъ искренно былъ ему преданъ. «Хронологическія изысканія, говоритъ онъ, какъ нельзя лучше пріучаютъ къ точности и отчетливости въ разрѣшеніи историческихъ вопросовъ вообще, и, поведенныя какъ слѣдуетъ, могутъ съ тѣмъ вмѣстѣ служить вѣрнымъ ручательствомъ умѣнія изслѣдователей не только строить историческое зданіе, но строить его прочно и на твердомъ фундаментѣ.

«Открытіе новыхъ лѣтописныхъ извѣстій, продолжаетъ авторъ, или изслѣдованіе прежнихъ, можетъ повести къ перемѣнамъ нѣкоторыхъ историческихъ положеній. Въ этомъ мы видимъ не только общую участь, но и желательное слѣдствіе всякаго историческаго труда, и «страсть къ послѣднему слову» въ области науки, по нашему убѣжденію, есть злѣйшій врагъ истинно-ученаго успѣха.

Въ этихъ словахъ слышится голосъ опытнаго изслѣдователя, который вывелъ свои наблюденія и воззрѣнія изъ постояннаго и настойчиваго изученія источниковъ.

Въ подтвержденіе словъ своихъ о важности хронологіи для исторіи, авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, которые, представляя собою частный интересъ, не могутъ имѣть мѣста въ общемъ отчетѣ, но будутъ напечатаны въ рецензіи. Скажемъ только, что однимъ изъ нихъ подробно опровергается утвержденіе г. *Соловьева*, будто въ сохранившемся на Латинскомъ языкѣ проектѣ договора Ганзейскихъ городовъ съ Новгородомъ мы имѣемъ самый договоръ.

Изслѣдованія свои авторъ начинаетъ договоромъ Новгорода съ Ганзейскими городами. Видя разнорѣчіе прежнихъ изслѣдователей въ годѣ заключенія этого договора, онъ подвергаетъ новому пересмотру всѣ данныя этого хронологическаго вопроса, чтобы разрѣшеніемъ онаго повѣрить и соприкосновенныя съ нимъ другія данныя Русско-Ливонской хронологіи.

Разборомъ ряда вопросовъ, изслѣдованныхъ умно, терпѣливо и основательно, и послужившихъ для повѣрки и другихъ фактовъ, какъ напримѣръ годовъ начала княженія Ярослава Тверскаго, Раковорской битвы, осады Пскова и проч., авторъ не оставилъ

никакого сомнѣнія, что договоръ Новгорода съ Ганзейцами заключенъ въ 1270 году.

Для достиженія этого рѣшенія, авторъ приводилъ мѣста изъ Новгородской лѣтописи и Ливонской хроники, сличалъ одни съ другими, и каждый выводъ стоилъ ему кропотливаго труда и глубокихъ соображеній.

По ближайшему отношенію къ событіямъ этой эпохи Псковскаго князя Довмонта, авторъ дѣлаетъ обстоятельное изслѣдованіе о его дѣйствіяхъ, обозначая первоначальные источники позднѣйшихъ разсказовъ и степень важности заключающихся въ нихъ данныхъ, и затѣмъ указываетъ на измѣненія, коимъ эти данныя подверглись подъ перомъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и компиляторовъ. Благодаря этому изслѣдованію, мы знакомимся теперь короче съ дѣятельностію Псковскаго витязя.

Точно то-же должно сказать и о нѣкоторыхъ событіяхъ времени Александра Невскаго, разобранныхъ авторомъ со всею тщательностію, при чемъ онъ изслѣдовалъ мимоходомъ показанія Ливонскихъ источниковъ и разныя вставочныя извѣстія Новгородской лѣтописи, между-прочимъ о Литовскихъ князьяхъ.

Къ ученымъ изслѣдованіямъ своимъ авторъ присоединилъ два приложенія. Первое изъ нихъ содержитъ въ себѣ перечень событій въ хронологическомъ порядкѣ, весьма-тщательно составленный; второе представляетъ списки великихъ магистровъ Тевтонскаго ордена, ландмейстеровъ Прусскихъ, гермейстеровъ и маршаловъ Ливонскихъ, капитановъ Ревельскихъ, архіепископовъ Рижскихъ, епископовъ Дерптскихъ и Ревельскихъ. Всѣ эти списки частью дополнены и исправлены авторомъ при своемъ изслѣдованіи.

Сдѣлавъ замѣчаніе, что нѣкоторыя изслѣдованія автора могли-бы совершиться кратчайшимъ путемъ, именно принятіемъ въ основаніе Новгородской лѣтописи, *М. П. Погодинъ* заключаетъ свою рецензію слѣдующими словами: «Изслѣдованіе г. *Энгельмана* приноситъ существенную пользу Русской исторіи; оно опредѣлило съ точностію время многихъ событій, привело въ порядокъ различныя ихъ обстоятельства, послужило повѣркою показаній Русскихъ лѣтописей, освѣтило дѣятельность примѣчательныхъ историческихъ личностей, напримѣръ Александра Невскаго, Ярослава

Ярославича, Дмитрія Александровича, Литовскихъ князей Довмонта, Миндовга, Гердена» и пр.

По присужденіи наградъ по третьему Уваровскому конкурсу, коммиссія сочла своимъ долгомъ заявить публично свою признательность извѣстному нашему литератору *Александру Васильевичу Дружинину*, за содѣйствіе, оказанное ей при разсмотрѣніи драматическихъ сочиненій, и присудить золотую медаль профессору Московскаго университета *Ивану Дмитріевичу Бѣляеву* за разборъ историческаго сочиненія г. *Лешкова*.

IV.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

ОТЧЕТЪ

О

ЗАНЯТІЯХЪ ЗА ГРАНИЦЕЮ ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГІИ И ТЕРАПІИ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

ДЕМОНСИ.

По распоряженію совѣта Императорскаго Харьковскаго университета, въ 1858 году, съ наступленіемъ вакаціоннаго времени, я былъ отправленъ на шесть мѣсяцевъ за границу съ цѣлью:

1) Изслѣдовать всѣ нововведенія въ лучшихъ терапевтическихъ клиникахъ Франціи и Германіи.

2) Ознакомиться съ электро-гальвано-магнитнымъ способомъ леченія, въ какихъ именно случаяхъ оно оказалось наиболѣе полезнымъ.

3) Изучить микроскопическія и химическія изслѣдованія съ той стороны, принесли-ли они какую-либо пользу въ терапевтическомъ отношеніи?

4) Осмотрѣть нѣкоторыя гидро-терапевтическія заведенія и изслѣдовать, въ какихъ именно случаяхъ гидротерапія можетъ быть

полезна и какъ она можетъ быть примѣнима къ клиническому леченію.

5) Узнать результаты гомеопатіи; какое объ ней имѣютъ мнѣніе факультеты во Франціи и Германіи.

6) Осмотрѣть нѣкоторыя гимнастическія заведенія.

7) Заняться осмотромъ лучшихъ госпиталей, чтобы имѣть возможность быть наиболѣе полезнымъ при предполагаемой постройкѣ клиникъ Харьковскаго университета.

Вотъ чѣмъ я долженъ былъ руководствоваться при выполненіи возложеннаго на меня порученія. Прослѣдить каждый изъ этихъ предметовъ до малѣйшихъ подробностей — я поставлялъ своею задачею; но, къ-сожалѣнію, пріѣхавъ въ Парижъ, я заболѣлъ тяжело, и потомъ хотя поправился настолько, что могъ дозволить себѣ посѣщеніе клиникъ и госпиталей, но все это съ тою умѣренностью, какая только позволительна выздоравливающему. Это непредвидѣнное обстоятельство было причиною, почему я во многихъ случаяхъ ограничиваюсь только краткимъ изложеніемъ видѣннаго мною, избѣгая подробностей, которыхъ изслѣдовать ни силъ, ни времени не доставало у меня послѣ моей болѣзни.

Придерживаясь систематически даннаго мнѣ порученія, я долженъ раздѣлить свой отчетъ на столько главъ, сколько пунктовъ обозначено въ ученой цѣли моего путешествія, и порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ главы одна за другой — нисколько не отступаетъ отъ порядка ученыхъ вопросовъ, заключавшихся въ предписаніи совѣта.

ГЛАВА I.

О терапевтическихъ клиникахъ.

а) *Въ Парижѣ.*

Изъ четырнадцати госпиталей въ Парижѣ, предназначенныхъ для леченія острыхъ и хроническихъ болѣзней, а въ-особенности острыхъ, остаются въ настоящее время только три госпиталя, въ которыхъ существуетъ клиническое преподаваніе медицины, именно: l'Hôtel Dieu, la Charité и Hôpital des cliniques.

Собственно терапевтическія клиники существуютъ въ двухъ

первыхъ, а послѣдній заключаетъ въ себѣ клиники хирургическую и акушерскую.

Въ каждой изъ терапевтическихъ клиникъ служатъ по два профессора и читаютъ лекціи, смѣняя другъ друга чрезъ пять мѣсяцевъ. Такимъ образомъ въ Hôtel Dieu курсъ профессора Ростана длится съ ноября по апрѣль; для лекцій-же профессора Труссо назначенъ сезонъ съ апрѣля по августъ. Въ госпиталѣ, извѣстномъ подъ названіемъ La Charité, клиническія занятія поручены Бульо (Bouillaud) въ зимніе мѣсяцы, а въ лѣтній сезонъ клиникой завѣдываетъ Піорри. Каждый изъ профессоровъ читаетъ впродолженіе своего семестра только черезъ день.

Мнѣ кажется, что прежнее распредѣленіе четырехъ клиникъ по четыремъ больницамъ было лучше нынѣшняго ихъ устройства. Тогда каждый изъ четырехъ профессоровъ читалъ свой курсъ цѣлый годъ, и такимъ образомъ было четыре параллельные курса, что̀ давало возможность сравненія ихъ между собою. Нынѣ-же, когда аудиторіи клиническихъ профессоровъ существуютъ только въ двухъ госпиталяхъ, этого сдѣлать нельзя. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи клиническое преподаваніе нѣсколько проиграло; но за то оно выигрываетъ въ свою очередь тѣмъ, что молодые врачи, изъ которыхъ многіе состоятъ адъюнктами факультета, повсюду въ другихъ больницахъ открыли, съ разрѣшенія факультета, частные клиническіе курсы. Большая часть этихъ частныхъ курсовъ посѣщается огромнымъ числомъ учащихся, потому-что всѣ эти приватные профессоры очень образованные и ревностные поборники науки. Госпитальныя занятія даютъ имъ самимъ возможность болѣе развивать свой практическій талантъ и впослѣдствіи пріобрѣсть рано или поздно почетное званіе членовъ факультета.

Число больныхъ, назначаемыхъ больницею для терапевтической клиники, не превышаетъ 66, а часто бываетъ и меньше; въ Charité въ палатахъ г. Бульо считается не болѣе 40 кроватей — 26 для мужчинъ и 14 для женщинъ.

Курсъ каждаго профессора продолжается, какъ мы сказали прежде, только 5 мѣсяцевъ; въ остальное промежуточное время профессоръ служитъ въ больницѣ, какъ ординаторъ. Профессоры терапевтической клиники не даютъ публичныхъ консультацій, какъ это дѣлаютъ хирурги. Больныхъ въ завѣдываемыя ими палаты назначаетъ центральное бюро, и почти всегда страждущихъ

важными острыми болѣзнями или-же замѣчательныхъ по рѣдкости болѣзненнаго случая. Но часто случается, что профессоръ, желая посвятить свои чтенія какому-нибудь специальному предмету, предувѣдомляетъ объ этомъ своихъ товарищей въ центральномъ бюро, которое столько обязательно, что всегда присылаетъ къ нему больныхъ по роду его специальности. Такимъ образомъ мнѣ случалось чаще всего встрѣчать у г. Ростана страдающихъ пораженіемъ нервныхъ центровъ, у г. Бульо — ревматиковъ и тифозныхъ больныхъ, у г. Піорри — больныхъ перемежающеюся лихорадкой и воспаленіями легкихъ.

Способъ содержанія и леченія больныхъ въ клиническихъ палатахъ тотъ-же самый, что и въ остальныхъ палатахъ больницы. Впрочемъ, профессоры легче госпитальныхъ врачей получаютъ согласіе на нѣкоторыя требованія, выходящія изъ круга обычныхъ положеній больницы: такъ имъ дозволяется выписывать изъ больничной аптеки нѣкоторыя новыя лекарства, не числящіяся въ каталогахъ.

Право измѣнять назначеніе порцій противъ положенія не предоставлено и профессорамъ.

Профессоръ терапевтической клиники имѣетъ также преимущественное предъ своими товарищами ординаторами право на вскрытіе всѣхъ умершихъ въ его палатахъ, исключая взятыхъ родственниками. Въ другихъ-же палатахъ медикъ можетъ вскрыть только одинъ изъ трехъ труповъ; затѣмъ всѣ остальные трупы, не взятые родственниками покойниковъ, препровождаются для анатомическихъ занятій въ университетъ. Для учащихся у клиническаго профессора весьма важно данное ему позволеніе вскрывать всѣхъ умершихъ въ его отдѣленіи, потому-что чрезъ это самое профессоръ пріобрѣтаетъ драгоцѣнное средство дополнять патологическія и терапевтическія наставленія слушателямъ своимъ, указывая имъ на всѣ найденныя болѣзненныя измѣненія.

Смертность въ клиникахъ и въ прочихъ больничныхъ палатахъ одинакова,—что легко объясняется сходствомъ діететическихъ и терапевтическихъ условій, въ которыхъ находятся больные. Можетъ быть, смертность нѣсколько больше въ клиникахъ по причинѣ большей важности болѣзней; но эта разность, если она только существуетъ, весьма ничтожна.

По отчетамъ послѣднихъ годовъ, средняя смертность въ Парижскихъ больницахъ вообще составляетъ около 1 на 11 чело-

вѣкъ. Средняя продолжительность пребыванія больнаго въ госпиталѣ равняется 22 — 24 днямъ. Этотъ срокъ пребыванія, постоянно существовавшій впродолженіе 20-ти лѣтъ, по замѣчанію г. Бушарда (Bouchardat), факультетскаго профессора гигіены и прежняго аптекаря въ Hôtel-Dieu, постепенно все болѣе и болѣе сокращается. При каждомъ профессорѣ медицинской клиники находится начальникъ или директоръ клиники (Chef de clinique). Начальникъ, директоръ клиники, необходимо долженъ быть докторомъ и мѣсто это подлежитъ конкурсу. Профессоръ представляетъ факультету трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ по балотировкѣ выбирается одинъ. Чаще всего директоры клиникъ выбираются между получившими въ факультетѣ степень доктора съ отличіемъ (laureats). Ихъ служба ограничивается двумя годами времени. Они исполняютъ при клиническихъ профессорахъ такія-же обязанности, какія исполняютъ интерны при прочихъ врачахъ больницы: они обходятъ больныхъ вечеромъ, собираютъ свѣдѣнія о состояніи больныхъ и на другой день утромъ сообщаютъ профессору эти наблюденія. Во время отсутствія профессора они обходятъ клинику вмѣсто его.

Предпославъ эти необходимыя указанія на главнѣйшія положенія объ административныхъ формахъ, съ которыми тѣсно связано званіе профессора клиническаго, я перехожу къ частному разсмотрѣнію способовъ преподаванія практической науки каждымъ изъ четырехъ современныхъ корифеевъ Парижской медицины.

Клиника г-на Бульо.

Мы начинаемъ съ г. Бульо не потому, чтобы онъ былъ отличнѣйшій изъ четырехъ клиническихъ профессоровъ, но потому, что онъ старѣйшій изъ нихъ. Его назначеніе относится къ 26 августа 1831 года.

Впродолженіе долгаго времени въ его клиникѣ лучше всего наблюдали больныхъ, составляли исторіи болѣзней и возможно-точную діагностику.

Неутомимый, вспомоществуемый достойными директорами клиники, онъ выслушиваетъ каждое утро у постели больнаго, поступившаго наканунѣ, всѣ наблюденія, тщательно-сдѣланныя и отлично-составленныя директоромъ. Потомъ онъ начинаетъ самъ разспрашивать больнаго громко, и диктуетъ свои наблюденія, діа-

гностику и леченіе, и такимъ образомъ во все время пребыванія больнаго въ клиникѣ наблюденіе надъ нимъ не измѣняется до конца.

Всѣ исторіи болѣзней хранятся, какъ особенной важности документы. Количество собранныхъ такимъ образомъ мемуаровъ, конечно, доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ. Практическіе матеріалы такого рода служили для профессора Бульо основаніемъ тѣхъ ученыхъ трудовъ, которыми онъ дарилъ въ свое время нашу науку.

Весьма естественно, что наблюденія, собираемыя у кровати больнаго, составляютъ главный и почти исключительный предметъ клиническихъ лекцій г. Бульо.

Вотъ краткій образъ его клиническаго преподаванія: онъ каждую исторію болѣзни читаетъ, не опуская ни малѣйшей подробности въ ней; потомъ, не распространяясь о частностяхъ со стороны хода, продолженія болѣзни, предсказанія и проч., не дѣлая сравнительной діагностики и не выводя никакихъ высшихъ логическихъ заключеній, составляющихъ общую патологію, даетъ только замѣтить своимъ слушателямъ превосходство своего леченія предъ леченіемъ того или другаго изъ своихъ товарищей. Къ-сожалѣнію, это сравненіе часто выражается въ фразахъ, оскорбительныхъ для людей, поставленныхъ серьезными занятіями на одну, по-крайней-мѣрѣ, степень съ нимъ.

Клиника г. Ростана.

Г. Ростанъ есть второй клиницистъ по правиламъ старшинства; его назначеніе относится къ 1833 году. По достоинству и заслугамъ, оказаннымъ имъ медицинѣ, я поставилъ-бы его первымъ.

Начертанный мною его портретъ въ отчетѣ, изданномъ мною въ 1844 году, достаточно полонъ и вѣренъ, и мнѣ больше нечего прибавить къ сказанному тогда. Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о немъ, какъ о практическомъ врачѣ.

Сдѣлавши діагнозисъ и назначивши леченіе въ первые дни, профессоръ, кажется, нѣсколько забываетъ больнаго и только случайно вновь обращается къ нему, предоставляя директору клиники заботиться о пополненіи леченія и слѣдить за ходомъ болѣзни. Можетъ быть, этотъ способъ дѣйствованія и имѣетъ свою хорошую сторону въ томъ, что даетъ возможность директору клиники самому упражняться и пріучаетъ его къ трудностямъ практики. Но

для учащихся онъ не очень полезенъ, оставляя ихъ часто въ невѣдѣніи, если не исхода болѣзненнаго случая, то по-крайней-мѣрѣ тѣхъ фазовъ, по которымъ больной дошелъ до выздоровленія, и на которыя, безъ опытнаго содѣйствія ученаго профессора, учащіеся едва-ли могутъ обратить должное вниманіе.

Другой небольшой упрекъ, который можно ему сдѣлать, состоитъ въ томъ, что профессоръ не имѣетъ глубокой вѣры въ дѣйствіе и силу лекарствъ. Иногда, кажется, онъ прописываетъ что-нибудь больному отъ того только, что совѣстно не назначить никакого леченія, и что къ этому его понуждаетъ его положеніе, какъ главнаго начальника клиники.

Можно подумать, что лѣта какъ-бы отняли часть его убѣжденій въ терапіи. Наконецъ, не желая восхвалять тѣхъ эксперементаторовъ-медиковъ, которые, не останавливаясь ни на чемъ положительномъ, безпрестанно ищутъ новыхъ лекарствъ, и особенно тѣхъ практиковъ, къ счастію очень рѣдкихъ, которые не страшатся испытывать надъ человѣкомъ разныя опасныя средства, мы бы желали, чтобы г. Ростанъ иногда употреблялъ для своихъ больныхъ въ присутствіи слушателей новыя лекарства, которымъ опытъ другихъ придалъ уже серьезное значеніе, и которыя уже занесены на страницы терапіи. Студентамъ и молодымъ врачамъ необходимо знать, съ какимъ благоразуміемъ и предосторожностью они должны позднѣе пользоваться въ своей практикѣ тѣми разнообразными открытіями, о которыхъ громко заявляютъ свое мнѣніе — справедливое или нѣтъ — авторитетные органы ученой прессы.

Отвращеніе г. Ростана отъ испытанія новыхъ лекарствъ частію зависитъ отъ нѣкоторыхъ заранѣе составленныхъ своеобразныхъ понятій о способѣ дѣйствія врачебныхъ средствъ. Укажемъ для примѣра на то, что г. Ростанъ никакъ не хочетъ употреблять сѣрно-кислую хинину при леченіи ревматизма сочлененій, говоря, что ревматизмъ есть болѣзнь воспалительная, а сѣрнокислая хинина по-преимуществу средство антиперіодическое, и потому не можетъ имѣть свойства исцѣлять воспаленія.

По его мнѣнію, совершенно не сходящемуся съ мнѣніемъ Италіянскихъ врачей, сѣрно-кислая хинина не производитъ послабляющаго дѣйствія (action hyposthénisante). Это средство есть только

антиперіодическое и больше ничего; оно можетъ излечивать только перемежающіяся лихорадки.

Конечно, эти небольшіе недостатки нимало не уничтожаютъ заслуги г. Ростана, какъ профессора и отличнаго діагностика.

Клиника г. Піорри.

Г. Піорри есть одинъ изъ профессоровъ Парижскаго факультета, о которомъ очень трудно говорить, когда хочешь удержаться въ предѣлахъ должнаго приличія и въ то-же время сказать всю правду.

Онъ былъ назначенъ 22-го марта 1840 года профессоромъ патологіи внутреннихъ болѣзней на мѣсто Андраля, который занялъ каѳедру общей патологіи послѣ смерти Бруссе. Едва только г. Піорри достигъ такого высокаго положенія, какъ тотчасъ-же принялся за осуществленіе своей давно-задуманной реформы въ номенклатурѣ и классификаціи болѣзней. Онъ поставилъ себѣ обязанностію классифицировать болѣзни по ихъ сущности, по опредѣленіи которой онъ составлялъ для каждой болѣзни названія изъ одного или нѣсколькихъ Греческихъ словъ, вкратцѣ обозначающихъ разные признаки страданія.

Конечно, мы не предполагаемъ, чтобы навсегда было не возможно достигнуть до познанія сущности многихъ болѣзней; мы нимало не сомнѣваемся, что посредствомъ точныхъ и усиленныхъ изслѣдованій, которыми въ настоящее время владѣетъ наука, можетъ быть, рано или поздно мы пріобрѣтемъ для этого предмета много данныхъ, болѣе положительныхъ, нежели какими мы владѣемъ теперь. Но, въ настоящее время, въ этомъ отношеніи наша наука еще далека отъ оконченности, и если эти названія болѣзней по сущности ихъ примѣнимы къ небольшому числу случаевъ, то все-таки, вообще говоря, они еще далеко не всеобщи.

Слѣдовательно г. Піорри затѣялъ дѣло, которое въ настоящее время выше человѣческихъ силъ. Онъ только, къ-сожалѣнію, составляетъ такія странныя названія, которыя противны для слуха и даже смѣшны. Эта номенклатура можетъ быть раздѣлена на двѣ части: одна заключаетъ въ себѣ раціональныя названія, основанныя на сущности болѣзни или на существованіи нѣкоторыхъ только припадковъ болѣзни. Многія изъ этихъ названій усвоены

медицинскому языку и въ немъ останутся, таковы: nevropathies, arthropathies, encephalopathies и прочія слова, такимъ-же образомъ составленныя; l'anévrysme phlébectasique, les cardiectasies также безъ затрудненія приняты всѣми патологами. Но слова, подобныя слѣдующимъ: Indolviose — слово-въ-слово ядъ Индійской заразы, для названія Азіатской холеры, aérostercorenterectasie — расширеніе кишекъ каломъ и газомъ и другія подобныя, возбуждаютъ только смѣхъ.

Впродолженіе десятка лѣтъ аудиторія медицинскаго факультета оглашалась подобнаго рода словами. Но въ 1850 году, со смертію профессора Фукье, г. Піорри пожелалъ перемѣны своей каѳедры на клиническія лекціи, что̀ и было благосклонно принято. Такимъ образомъ г. Піорри перешелъ въ больницу de la Charité, гдѣ онъ и до настоящаго времени читаетъ клиническія лекціи. Открытіе знаменитаго Авенбруггера — методическая посредственная или непосредственная перкуссія, усовершенствованная послѣ того Корвизаромъ, а еще болѣе безсмертнымъ Леннекомъ, принесло много пользы наукѣ и человѣчеству.

Въ періодъ разработки новаго патологическаго вопроса, возбужденнаго геніемъ Леннека, г. Піорри былъ еще молодымъ врачемъ, неизвѣстнымъ въ медицинскомъ мірѣ, но уже и тогда онъ приходилъ къ той мысли, что, при болѣе глубокомъ изученіи этого новаго способа изслѣдованія, можно достигнуть до болѣе счастливыхъ и важныхъ результатовъ. Онъ тщательно занялся этимъ предметомъ и въ 1831 году публиковалъ свои изслѣдованія и наблюденія. Его знаменитое по этому предмету произведеніе извѣстно ученому міру подъ названіемъ: la percussion médiate.

Должно сознаться, что въ этомъ сочиненіи было много важныхъ указаній, и что г. Піорри заслужилъ славу прогрессивнаго двигателя въ этомъ отдѣлѣ знанія. Но вскорѣ онъ началъ преувеличивать важность способа, который онъ усовершенствовалъ, и кончилъ тѣмъ, что сталъ считать себя изобрѣтателемъ этого способа, воображать, что посредствомъ его можно достигнуть до болѣе точной діагностики всѣхъ болѣзней и что безъ постукиванія нѣтъ возможности что-либо узнать о существѣ болѣзни. Такое странное мнѣніе вмѣстѣ, съ его странною номенклатурой болезней, имѣло дурное вліяніе на клиническія лекціи профессора, о которыхъ скажемъ сейчасъ нѣсколько словъ.

Г. Піорри входитъ въ палаты около 8 часовъ утра, при чемъ директоръ клиники указываетъ ему кровати больныхъ, поступившихъ наканунѣ.

Подойдя къ одной изъ этихъ кроватей, онъ проситъ подать ему стулъ или табуретъ, чтобы не устать впродолженіе очень долгаго изслѣдованія больнаго. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ и не слишкомъ важныхъ вопросовъ, онъ приказываетъ раскрыть больнаго и посредствомъ плессиметра послѣдовательно изслѣдуетъ всѣ органы груди и живота и дермографическимъ карандашемъ рисуетъ на кожѣ туловища контуры этихъ органовъ. Г. Піорри имѣетъ претензію открыть посредствомъ постукиванія предѣлы полостей сердца и объемъ аорты. Намъ случалось видѣть, какъ онъ клалъ больнаго на животъ, рисовалъ контуры тѣла каждаго изъ позвонковъ, потомъ переходилъ къ животу, рисовалъ печень, поджелудочную железу, селезенку, желудокъ. Послѣ этого, тѣло больнаго дѣлается похожимъ на географическую карту.

Затѣмъ онъ коротко оканчиваетъ разспросъ больнаго, излагаетъ приблизительную діагностику, прописываетъ леченіе и переходитъ къ другому больному. Обыкновенно онъ въ одну визитацію довольствуется двумя субъектами. Послѣ этого оно встаетъ, какъ бы утомленный, и, не окончивъ визитаціи, сходитъ въ амфитеатръ, гдѣ почти впродолженіе цѣлаго часа слышатся только странныя слова, образчики его номенклатуры, и похвалы самому себѣ. Онъ думаетъ, что обучаетъ медицинѣ по математической методѣ. Не смотря на то, аудиторія его почти всегда бываетъ полна. Вновь поступающіе студенты, не имѣя еще понятія о трудностяхъ тѣхъ знаній, которыя они хотятъ пріобрѣсти, толпой стремятся къ профессору, въ надеждѣ изучить въ нѣскосько недѣль то, что изучается годами.

Конечно, по окончаніи двухъ или трехъ лѣтъ, большая часть аудиторіи сознаетъ свое заблужденіе и оставляетъ палаты de la Charité, переходя въ другія болѣе серьезныя клиники; но ихъ вскорѣ замѣняютъ новые адепты, и такимъ образомъ дѣлаютъ убыль въ аудиторіи незамѣтною.

Мы сказали, что г. Піорри страшно самолюбивъ; онъ повсюду громкимъ голосомъ провозглашаетъ свои заслуги, свою непогрѣшимость. Но въ немъ это происходитъ не отъ шарлатанства, не

отъ желанія насиловать чужое мнѣніе. Это есть плодъ глубокаго, но, къ-сожалѣнію, ошибочнаго и односторонняго убѣжденія. Онъ увѣренъ въ важности своихъ заслугъ, въ своемъ превосходствѣ надъ всѣми другими врачами и профессорами не только во Франціи, но и въ цѣломъ свѣтѣ.

Какъ ни были мы строги къ нѣкоторымъ недостаткамъ г. Піорри, но при всемъ томъ на сторонѣ его еще столько есть хорошаго, что всегда можно согласиться признать въ немъ человѣка съ замѣчательнымъ дарованіемъ. Впродолженіе своей ученой жизни, онъ касался многихъ сторонъ патологіи и нерѣдко оставлялъ въ ней такія слѣды, которые нескоро изгладятся. Онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на ту форму пневмоніи, которую назвали pneumonie hypostatique.

Около 1832 года онъ издалъ замѣчательный трактатъ о невральгіяхъ, въ которомъ ему удалось доказать въ нѣкоторыхъ случаяхъ существованіе воспаленія самаго нерва (nevrite) или его оболочки (nevrylemite), какъ причину этихъ страданій. Онъ обратилъ вниманіе на зависимость перемежающихся лихорадокъ отъ присутствія гипереміи въ селезенкѣ.

Наконецъ гематологія — ученіе о крови въ здоровомъ и больномъ состояніи — наука еще совершенно новая, много обязана его трудамъ; и, конечно, никто не забудетъ того объемистаго сочиненія объ этомъ предметѣ, которое онъ издалъ въ сотрудничествѣ съ докторомъ Л'Эритье (l'Heritier).

Клиника г. Труссо.

Въ 1852 году, вслѣдствіе отставки Шомеля, профессора въ Hotel-Dieu, каѳедра терапевтической клиники сдѣлалась вакантною. Г. Труссо явился искателемъ ея, и лестное назначеніе его профессоромъ клиники было отвѣтомъ на это желаніе. Вступая въ этотъ госпиталь, г. Труссо получилъ много дѣла. Здѣсь еще живы были самыя свѣжія воспоминанія о профессорѣ образованномъ, умномъ, обожаемомъ учениками и повсюду пользовавшимся репутаціей отличнѣйшаго практика. Очень трудно было замѣнить Шомеля, который добровольно, вслѣдствіе внѣшнихъ для науки побужденій, оставлялъ каѳедру и притомъ въ лучшее время своего долгаго и славнаго служенія наукѣ. Г. Труссо нетолько замѣ-

нилъ его, но ему даже почти удалось заставить забыть своего предшественника. Г. Труссо одаренъ замѣчательною способностью краснорѣчія. Мнѣ привелось слышать всѣхъ его факультетскихъ товарищей, какъ нынѣшнихъ, такъ и читавшихъ лѣтъ 15 тому назадъ. Я слышалъ Орфилу, яснаго, методическаго, краткаго и въ то-же время подробнаго; Берара, столь разнообразно образованнаго приводившаго на память въ одинъ урокъ 30 или 40 цитатъ разныхъ авторовъ и проч. Но, слушая г. Труссо, я всякій разъ спрашивалъ себя: приводилось-ли мнѣ когда-нибудь слышать дикцію, болѣе правильную, чистую, изящную, очаровательную и для уха, какъ гармонія, и для ума, какъ способъ представленія фактовъ и ихъ обсужденія?

Когда г. Труссо входитъ въ палаты, холодный, серьезный, даже съ нѣсколько суровымъ видомъ, то кажется страшнымъ обратиться къ нему за объясненіями или представить ему свои возраженія; но онъ всегда отвѣчаетъ, хотя нѣсколько свысока, но постоянно ласково.

Онъ всегда торопливо изслѣдуетъ больныхъ своей палаты, одного за другимъ, разнообразя свои предписанія въ такомъ обиліи, которое заставляетъ невольно узнавать въ г. Труссо знаменитаго профессора de matiére médicale и автора замѣчательнаго трактата: «De matiére médicale et de therapeutique». Это разнообразіе предписаній у него уже дѣло рѣшенное, установившееся; оно, впрочемъ, приноситъ большую пользу учащимся и молодымъ врачамъ, указывая имъ на всѣ пособія для ихъ общественной практики.

Его очень часто упрекаютъ въ томъ, что онъ повременамъ восторгается какимъ-нибудь новымъ лекарствомъ, которое впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кажется ему панацеею и которое онъ послѣ оставляетъ навсегда безъ употребленія. Для примѣра мы укажемъ на бѣлую окись антимонія (l'oxyde blanc d'antimoine), употребленіе которой въ пневмоніи, какъ средства въ нѣкоторомъ родѣ героическаго, онъ прославлялъ нѣсколько лѣтъ и о которомъ въ настоящее время онъ уже болѣе не говоритъ.

Войдя въ палаты, онъ проситъ директора клиники указать ему больныхъ, поступившихъ наканунѣ; у кровати ихъ онъ останавливается на болѣе продолжительное время.

Способъ его экзаменовать больнаго не такъ методиченъ и полонъ, какъ г. Ростана. Лишь-только послѣ двухъ или трехъ во-

просовъ ему покажется, что онъ попалъ на путь открытія сущности страданій больнаго, онъ уже только второстепеннымъ образомъ заботится объ изслѣдованіи прочихъ аппаратовъ и отправленій субъекта. Онъ стремится всегда къ разрѣшенію тѣхъ вопросовъ, которые, какъ кажется ему, открываютъ непосредственное отношеніе къ тому состоянію больнаго, въ которомъ онъ его подозрѣваетъ; затѣмъ онъ излагаетъ діагностику и назначаетъ леченье. Встрѣчающіяся трудности онъ разъясняетъ своимъ слушателямъ не у кровати больнаго, а въ амфитеатрѣ. Въ амфитеатрѣ онъ выбираетъ предметомъ своей лекціи интереснѣйшаго, по его мнѣнію, изъ своихъ больныхъ.

Когда г. Труссо читаетъ, его слово наставительно и величественно; онъ увлекаетъ свою аудиторію и такъ надъ нею господствуетъ, что въ первую минуту кажется не возможнымъ ни на секунду усомниться въ истинности высказываемыхъ имъ положеній. Г. Труссо часто цитируетъ древнихъ авторовъ; видно, что онъ ихъ читалъ со вниманіемъ и со смысломъ, и считаетъ себя наслѣдникомъ того почти прорицательнаго медицинскаго такта, которымъ, можетъ быть, древніе медики обладали болѣе новѣйшихъ своихъ собратовъ, пополняющихъ въ свою очередь этотъ недостатокъ лучшимъ методомъ наблюденій и полнѣйшими способами изслѣдованій больнаго организма.

Вообще, по нашему мнѣнію, г. Труссо, какъ профессоръ, есть одна изъ первенствующихъ знаменитостей Парижскаго факультета.

О терапевтическихъ клиникахъ.

б) *Въ Берлинѣ.*

Терапевтическія клиники профессоровъ Шенлейна, Траубе, Беренспрунга и Ромберга обратили на себя мое преимущественное вниманіе. Кромѣ-того я посѣщалъ нѣкоторыя лекціи патологической анатоміи профессора Виргофа, съ которымъ я имѣлъ случай еще болѣе познакомиться въ собраніи естествоиспытателей и врачей въ Карльсруэ. Въ Берлинѣ патологическая анатомія давно уже нуждалась въ такомъ представителѣ, какъ профессоръ Виргофъ. Патологическій институтъ, вновь выстроенный при главномъ Берлинскомъ госпиталѣ, имѣетъ всевозможныя удобства для препо-

дованія патологической анатоміи въ обширномъ размѣрѣ; такъ, въ этомъ зданіи, кромѣ обширныхъ аудиторій и секціонныхъ залъ, находятся также химическая лабораторія и особенное помѣщеніе для неизвѣстныхъ умершихъ, что̀ во Франціи la Morgue. Лекціи профессора Виргофа замѣчательны своею ясностью и глубокимъ знаніемъ патологическаго процесса; кромѣ-того учащіеся имѣютъ возможность при немъ хорошо ознакомиться съ употребленіемъ микроскопа и изучить патологическую химію.

Клиника профессора Траубе.

Болѣе всего заинтересовала меня клиника профессора Траубе по его тщательному изслѣдованію больнаго и по его вниманію къ малѣйшимъ признакамъ, могущимъ хотя нѣсколько прояснить свойство болѣзни. Онъ преимущественно обращаетъ вниманіе на физическій способъ изслѣдованія. Не говоря уже о перкуссіи и аускультаціи, онъ строго изслѣдуетъ температуру тѣла, преимущественно въ острыхъ болѣзняхъ, пульсъ, количество вдыханій и выдыханій впродолженіе минуты; физически и химически разсматриваетъ всѣ отдѣленія — однимъ словомъ все, что только можетъ руководить врача при изслѣдываніи патологическаго процесса. Онъ совершенно справедливо говоритъ, что врачъ, не владѣющій всѣми способами изслѣдыванія болѣзни, есть только полуврачъ. Точно также справедливо его мнѣніе о томъ, что тщательное изслѣдываніе каждаго органа, обращеніе вниманія на каждый признакъ гораздо важнѣе, чѣмъ дифференціальная діагностика, совершенно даже лишняя при строгомъ и правильномъ изслѣдованіи болѣзни. При леченіи больныхъ я замѣтилъ у него большую осторожность при назначеніи кровопусканій, которыя по надобности, назначаются имъ весьма умѣренныя, — не болѣе 8-10 унцій. Я вполнѣ раздѣляю это мнѣніе: практическій врачъ всегда долженъ щадить силы больнаго, чтобы сама природа имѣла возможность преодолѣть болѣзнь. Въ клиникѣ профессора Бульо я неоднократно имѣлъ случай видѣть, какъ часто бываютъ гибельны обильныя кровопусканія. Во-время моего посѣщенія клиники профессора Траубе, встрѣчались многіе весьма интересные случаи, преимущественно страданія спиннаго мозга. Всякому поступающему больному ординаторъ дѣлаетъ осмотръ, пишетъ исторію его болѣзни; а на другой день профессоръ, читая ее, дѣлаетъ

прибавленія, которыя онъ считаетъ необходимыми; иногда тутъ-же опредѣляетъ болѣзнь и назначаетъ леченіе. Если же распознаніе болѣзни не ясно, то онъ откладываетъ до другаго дня рѣшеніе о ея названіи и ограничивается только припадочнымъ леченіемъ,

Я былъ такъ радушно принятъ профессоромъ Траубе, что не могу безъ благодарности вспомнить о тѣхъ пріятныхъ и поучительныхъ беседахъ, которыми я пользовался у него. Мнѣ очень интересно было знать его мнѣніе о многихъ вопросахъ въ патологіи, весьма еще темныхъ и не разрѣшенныхъ. Мнѣ не забыть того, съ какой добросовѣстностью этотъ зрѣлый авторитетъ сознавался, что на многіе вопросы наша медицина еще до-сихъ-поръ только ученымъ образомъ молчитъ.

Клиника профессора Беренспрунга.

Я нѣсколько разъ посѣщалъ клинику профессора Беренспрунга завѣдывающаго отдѣленіемъ сифилитическихъ и накожныхъ болѣзней. Здѣсь мнѣ привелось часто видѣть счастливые результаты леченія сифилитической болѣзни во всѣхъ трехъ ея формахъ безъ употребленія меркурія, а только при помощи діеты, слабительныхъ, декоктовъ, ваннъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гидро-терапевтическаго способа леченія т.-е. завертыванья въ мокрыя простыни до возбужденія испарины, и потомъ обливанія холодною водою. Эта система гидротерапевтическаго леченія сифилитической болѣзни заслуживаетъ особеннаго вниманія врачей. Лучшимъ руководствомъ по этому предмету я нахожу сочиненіе доктора Крейзера, недавно вышедшее въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Die Behandlung der syphilis durch die Kaltwasser Heilmethode. Не ограничиваясь исключительно однимъ гидро-терапевтическимъ леченіемъ, докторъ Крейзеръ даетъ при этомъ еще меркуріальные препараты, и онъ убѣдился, что въ весьма малыхъ пріемахъ они оказываютъ очень удовлетворительные результаты, и что больной при этомъ леченіи вовсе не истощается, какъ это бываетъ при обыкновенномъ способѣ леченія венерической болѣзни.

Хотя этотъ методъ леченія болѣе продолжителенъ, но за то менѣе вреденъ для общаго состоянія больнаго. Должно сознаться, что, употребляя меркуріальные препараты, мы рѣшительно не знаемъ, какое количество меркурія потребно для излеченія венерической болѣзни, и какъ будутъ переноситься больнымъ мерку-

ріальные препараты; кромѣ-того, къ невыгодной сторонѣ меркуріальнаго леченія мы должны отнести и то, что никогда съ достовѣрностью нельзя сказать, что болѣзнь излечена радикально.

Я не говорю о клиникахъ профессоровъ Шенлейна и Ромберга: онѣ извѣстны всякому.

(Окончанiе впредь).

ОТЧЕТЪ

О

ЗАНЯТІЯХЪ ЗА ГРАНИЦЕЮ ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГІИ И ТЕРАПІИ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

ДЕМОНСИ.

(*Окончаніе*).

ГЛАВА II.

О приложеніи электро-гальвано-магнитизма къ леченію нѣкоторыхъ болѣзней.

Употребленіе электричества, какъ исцѣляющаго средства, преимущественно въ госпиталяхъ, началось главнымъ образомъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ; но надобно сказать, что оно и до-сихъ-поръ еще употребляется неправильнымъ образомъ. Конечно, теперь его употребляютъ чаще, нежели прежде; но и до-сихъ-поръ еще оно случайно прилагается къ леченію болѣзней. Употребленіе электрическихъ снарядовъ не очень затруднительно; но, не смотря на то, оно требуетъ нѣкотораго практическаго навыка. Еще и за границей мало медиковъ, которые умѣли-бы должнымъ образомъ употреблять это средство. Отсюда слѣдуетъ, еще разъ повторяю, что приложеніе электризованія къ леченію болѣзней производится не постоянно, а только иногда, когда представится случай, — и чаще всего дѣлается не ординаторами госпиталя, а медиками, исключительно этимъ способомъ леченія занимающимися и призываемыми начальникомъ какой-либо палаты, когда бываютъ случаи интересные и подающіе надежду на облегченіе подъ вліяніемъ электричества.

Изъ Французскихъ медиковъ докторъ Дюшенъ (изъ Булони) всѣхъ больше двинулъ впередъ эту новую часть терапіи и ввелъ употребленіе электричества какъ въ частной практикѣ, такъ и въ госпиталяхъ. Онъ самъ изобрѣлъ нѣсколько гальвано-электрическихъ снарядовъ и указалъ, гдѣ и какъ можетъ воспользоваться ими терапія. Свои учено-практическія изслѣдованія онъ производилъ въ палатахъ многихъ Парижскихъ больницъ.

Прежде всего скажемъ, что г. Дюшенъ приложилъ употребленіе электричества къ діагностикѣ многихъ болѣзней, которыхъ симптоматологія была мало извѣстна, или существованіе которыхъ только-что подозрѣвали.

Между этими страданіями мы укажемъ на параличъ діафрагмы, который прежде теоретически допускался нѣкоторыми авторами; на контрактуру того-же органа, на мышечную атрофію вслѣдствіе жировыхъ отложеній, превосходно-описанную докторомъ Араномъ (Aran) въ 1851 году (Archives génér. de médecine) и проч. Только при помощи электризованія ему удалось отличить, зависятъ-ли нѣкоторые параличи отъ повсемѣстнаго пораженія особаго свойства, какъ напримѣръ параличи, происходящіе отъ употребленія свинцовыхъ солей (paralyses saturnines;) или-же отъ пораженія мозга, или зависящихъ отъ него нервовъ; должны-ли они быть отнесены къ пораженіямъ мозга, или не суть-ли они характера ревматическаго и проч. Что касается пользы отъ употребленія электричества, то изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ госпиталяхъ, прежде всего слѣдуетъ заключить, что параличи, вслѣдствіе травматическаго пораженія нервовъ, излечиваются этимъ новымъ дѣятелемъ наичаще и всего скорѣе. Средняя продолжительность леченія вообще равнялась 2-3 мѣсяцамъ; но были случаи, очень рѣдкіе впрочемъ, которые требовали цѣлыхъ мѣсяцевъ и даже годовъ для своего излеченія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ параличей, вслѣдствіе свинцоваго отравленія, излеченіе было быстрое и совершенно-полное. Въ другихъ-же случаяхъ болѣзнь упорно сопротивлялась, не смотря на то, что она находилась въ одинаковыхъ условіяхъ съ первыми случаями. Самыя тщательныя изслѣдыванія не могли еще открыть причины этой разницы, такъ-что при началѣ нельзя еще сказать впередъ, принадлежитъ-ли случай къ категоріи излечимыхъ или нѣтъ. Мимоходомъ упомянемъ о томъ, что отъ этой болѣзни часто излечиваются простыми сѣрными ваннами, нѣкоторыми возбужда-

ющими кожу средствами такіе субъекты, у которыхъ электрическое леченіе было безполезно, и, наоборотъ, многіе излечивались только однимъ электричествомъ изъ числа тѣхъ, которые предварительно испытали полную неудачу отъ различныхъ средствъ, начиная мушекъ, сѣрныхъ ваннъ и оканчивая стрихниномъ.

Пораженіе нервовъ одной какой-нибудь стороны (hémiplegia), происходящее отъ изліянія крови въ мозгу (hemorrhagia cerebralis), должно было обратить на себя вниманіе наблюдателей гальвано-электрическаго леченія. Но при этомъ не ожидали благопріятныхъ результатовъ: потому-что существенное пораженіе есть центральное, а электричество дѣйствуетъ только на перефирію. Въ этихъ случаяхъ начали употреблять это средство съ крайнимъ недовѣріемъ. Но къ удивленію замѣтили, что часто возвращеніе движенія слѣдовало за электрическимъ возбужденіемъ. Такіе счастливые результаты смѣлой попытки побуждали врачей положительно узнать, должно-ли употреблять это леченіе тотчасъ послѣ пораженія, или спустя долгое время послѣ него. Въ этомъ отношеніи мнѣнія крайне раздѣлились. Хотя намъ еще и не привелось видѣть достаточнаго количества такихъ случаевъ, однакожь мы присоединяемся къ мнѣнію тѣхъ, которые полагаютъ необходимымъ промежутокъ по крайней мѣрѣ въ 6 или 8 мѣсяцевъ между началомъ болѣзни и первыми сеансами электризаціи. Мы видѣли въ Парижѣ одного изъ нашихъ собратовъ, который, имѣя 35 лѣтъ отъ роду, былъ пораженъ церебральной геморрагіей вмѣстѣ съ параличемъ нервовъ лѣвой стороны.

По совѣту одного изъ отличнѣйшихъ Парижскихъ практиковъ, доктора Вигла (Vigla), онъ рѣшился прибѣгнуть къ употребленію электричества только въ концѣ осьмнадцатаго мѣсяца послѣ бывшей у него геморрагіи. Улучшеніе шло быстро и впродолженіе всего леченія не показалось никакого новаго болѣзненнаго припадка со стороны нервныхъ центровъ. Между-тѣмъ заслуженные авторитеты приводятъ немало примѣровъ, гдѣ слишкомъ поспѣшное употребленіе электричества вызывало вновь изліяніе крови въ существѣ мозга. Намъ извѣстно, что параличи не зависятъ отъ однѣхъ и тѣхъ-же причинъ. У нѣкоторыхъ больныхъ они происходятъ отъ простаго ревматическаго страданія, преимущественно нервовъ конечностей и наичаще верхнихъ. Я видѣлъ много случаевъ, что электризованіе этого мѣстнаго паралича было весьма успѣшно, и этотъ способъ леченія при такихъ страданіяхъ болѣе

приносилъ пользы, чѣмъ отвлекающій методъ со всѣми его атрибутами. Въ параличахъ, зависящихъ отъ всеобщаго нервнаго пораженія, напримѣръ въ параличахъ характера истерическаго, электрическое возбужденіе часто даетъ превосходные результаты. Но врачи, производившіе эти опыты, сами должны были сознаться, что въ этомъ терапевтическомъ дѣйствіи ничего нѣтъ положительнаго, такъ-что оно иногда не удавалось въ такихъ случаяхъ, которые, казалось, были совершенно тожественны съ тѣми патологическими явленіями, гдѣ электричество справедливо завоевало себѣ блистательное имя въ ряду безчисленнаго множества средствъ, переживишхъ свою славу.

Замѣчено также, что, по выздоровленіи, необходимо продолжать леченіе еще нѣсколько времени, дабы достигнуть совершеннаго укрѣпленія.

Иногда для излеченія истерическаго паралича достаточно бываетъ одного только электрическаго возбужденія кожи. Впрочемъ, такое явленіе должно отнести къ числу весьма рѣдкихъ. Какъ объ особенно-замѣчательномъ наблюденіи, я долженъ сказать, что параличъ нижнихъ конечностей (paraplegia) истерическаго происхожденія излечивается наитруднѣе и представляетъ весьма малую вѣроятность выздоровленія при употребленіи электричества. Что-же касается до параплегіи отъ травматическаго пораженія спиннаго мозга, то она иногда значительно уменьшалась отъ электризованія, лишь-бы только пораженіе не было очень глубоко и важно. Въ параличѣ нижнихъ конечностей отъ перелома посвонковъ большею частью леченіе электро-гальваническими токами было безуспѣшно.

Я видѣлъ въ Hôtel-Dieu одинъ случай параплегіи, происшедшей отъ сильнаго напряженія при поднятіи тяжести, послѣ котораго замѣтили возвышеніе вслѣдствіе выдающагося остистаго отростка пятаго спинаго позвонка. Здѣсь всѣ возбуждающія, мѣстныя и общія, равно-какъ и отвлекающія средства оказались безуспѣшными. Между-тѣмъ электро-гальваническое леченіе излечило параличъ, такъ-что полное движеніе нижнихъ конечностей совершенно возвратилось, впрочемъ только по прошествіи слишкомъ 15 мѣсяцевъ постояннаго леченія.

Въ большемъ числѣ случаевъ, гдѣ параплегія зависитъ отъ сифилитической дискразіи, или отъ ревматическаго процесса, излеченіе электро-гальванизмомъ бываетъ весьма успѣшно. Но, при всемъ

томъ, и здѣсь мы должны сознаться, что выздоровленіе всегда бываетъ также непредвидѣнно и случайно, какъ объ этомъ уже нами выше упомянуто.

Г. Дюшенъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣлаетъ опыты перенесенія электризаціи глубже къ внутреннимъ органамъ, когда напримѣръ предполагается параличъ мышечной оболочки этихъ органовъ, напр. въ атоніи мочеваго пузыря, при выпаденіи заднепроходной кишки и проч. Но это суть еще только предметы, подлежащіе изученію; а потому дерзко было-бы произносить объ этомъ свое сужденіе, не собравъ для этого достаточнаго количества болѣе вѣрныхъ выводовъ.

Нѣсколько разъ употребляли электризованіе при потерѣ голоса (aphonia). Г. Шомель присовѣтовалъ это средство между прочемъ въ двухъ случаяхъ паралича гортанныхъ мускуловъ (paralysie des muscles du larynx); одинъ изъ нихъ произошелъ вслѣдствіе острой жабы, другой, вѣроятно, былъ нервнаго свойства. Въ обоихъ случаяхъ результатъ былъ вполнѣ счастливый.

Докторъ Фукаръ (Foucard), прежній директоръ клиники профессора Ростана, сказывалъ мнѣ, что онъ въ клиническихъ палатахъ de Hôtel-Dieu лечилъ три случая совершенной потери голоса, изъ которыхъ два произошли вслѣдствіе сильнаго испуга, а одинъ послѣ жестокаго огорченія. При всѣхъ трехъ случаяхъ г. Фукаръ употреблялъ электризованіе съ полнымъ успѣхомъ. Всѣ три субъекта были женщины чрезвычайно-нервнаго сложенія.

Параличъ половины лица (hemiplegia facialis), происшедшій отъ ревматическаго пораженія 7-й пары мозговыхъ нервовъ, и лечимый электро-гальванизмомъ, въ иныхъ случаяхъ былъ успѣшно устраняемъ, въ другихъ-же это леченіе не оказало никакого успѣха.

Не лишнимъ считаю упомянуть о нервной глухотѣ, которая произошла вслѣдствіе употребленія сѣрнокислой хинины при остромъ ревматизмѣ сочлененій. Здѣсь, послѣ нѣсколькихъ сеансовъ электро-гальваническаго леченія, слухъ былъ совершенно возстановленъ. Въ другомъ-же случаѣ болѣзнь упорно противилась всѣмъ средствамъ.

Чрезмѣрное увеличеніе и совершенное уничтоженіе чувствительности кожи (hyperesthesia et anesthesia cutaneae), очень часто наблюдаемыя у людей чрезвычайно-нервныхъ, а также послѣ при-

падковъ истерики или судорогъ (in eclampsia), нѣкоторыя невральгіи сѣдалищнаго нерва (ischias) и два или три случая грудной жабы (angina pectoris) были весьма успѣшно лечимы электрогальванизмомъ; но для показаній этого способа леченія мы еще не имѣемъ ничего вѣрнаго и положительнаго.

ГЛАВА III.

Микроскопическія и химическія изслѣдованія принесли-ли какую-либо пользу въ терапевтическомъ отношеніи?

Изученіе посредствомъ микроскопа органическихъ тканей и жидкостей уже впродолженіе 15 лѣтъ занимаетъ многихъ ученыхъ. Съ-тѣхъ-поръ уже сдѣланы многочисленныя открытія и исправлены многія неточныя понятія о строеніи нѣкоторыхъ частей тѣла. Но, въ этомъ случаѣ, общая анатомія, анатомія тканей и физіологія пріобрѣли болѣе, нежели собственно терапія.

Въ послѣдніе десять лѣтъ одинъ изъ искуснѣйшихъ микрографовъ нашего времени, докторъ Леберъ, проживіпій 15 лѣтъ въ Парижѣ, а теперь находящійся профессоромъ въ Цюрихскомъ университетѣ, спеціальнымъ образомъ изучалъ ткани, пораженныя раковиднымъ перерожденіемъ, и точно доказалъ, что при помощи микроскопа можно различать опухоль канкрозную отъ другой опухоли не канкрознаго свойства. Но должно сознаться, что хотя микроскопъ опредѣлилъ съ совершенною точностію различіе въ устройствѣ мулскулярныхъ основныхъ частей канкрознаго продукта отъ продуктовъ другаго рода, однакожь, при всей научной пользѣ этого открытія, оно всё-таки не вноситъ въ область терапіи ни одной благотворной идеи. И съ микроскопомъ и безъ него, во всякомъ случаѣ, операція для пораженнаго ракомъ есть всегда одинъ исходъ, и притомъ исходъ печальный. Всматриваясь ближе въ результаты микрографіи, мы приходимъ къ убѣжденію, что микрографія находится еще въ младенчествѣ, но рано или поздно она окажетъ дѣйствительныя заслуги. Тогда изслѣдователи щедро будутъ вознаграждены важностью добытыхъ результатовъ за продолжительные и безплодные годы усилій прошедшаго и настоящаго времени. Съ точки практическаго взгляда, приложеніе химіи къ изученію патологическихъ продуктовъ и явленій также немного принесло пользы для медицины до настоящей эпохи.

Химія доказала, что въ крови хлоротиковъ меньше желѣза, нежели въ нормальномъ состояніи. Но еще до открытія химіею этого результата хлоротикамъ уже давали желѣзо. Она доказала присутствіе бѣлковины въ уринѣ больныхъ Брайтовой болѣзнью; но, къ-сожалѣнію, не дала никакихъ средствъ къ излеченію этого страданія.

Единственная пока ея заслуга состоитъ въ указаніи той роли, которую играютъ питательныя вещества при образованіи сахара, находимаго въ уринѣ діабетиковъ.

На основаніяхъ химіи родилось и заняло мѣсто въ терапіи раціональное показаніе: избѣгать для подобнаго рода больныхъ такого рода пищи, въ составъ которой входятъ крахмальныя вещества, переходящія чрезъ броженіе въ сахаръ.

Какъ результатъ этого-же блистательнаго изслѣдованія, произошло чрезвычайно-практическое изобрѣтеніе факультетскимъ Парижскимъ профессоромъ Бушарда особаго рода хлѣба изъ клейковины (pain de gluten), который, какъ лишенный свойства броженія, доставляетъ возможность останавливать на нѣкоторое время ходъ сказанной болѣзни.

ГЛАВА IV.

Гидротерапевтическія заведенія.

Посѣщая нѣкоторыя гидротерапевтическія заведенія какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, я, къ особенному моему удовольствію, видѣлъ, что многими изъ нихъ завѣдуютъ врачи вполнѣ образованные. Съ положительною вѣрностью можно сказать, что между ними нѣтъ ни одного, который-бы оспаривалъ мнѣніе раціональной медицины, что на долю гидротерапіи падаетъ небольшое число болѣзней, гдѣ она имѣетъ свое прямое назначеніе. Въ самомъ дѣлѣ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ мы должны допустить, что гидротерапія доставляетъ одно изъ драгоцѣнныхъ пособій человѣчеству во многихъ болѣзняхъ, преимущественно хроническихъ. Лучшимъ доказательствомъ дѣйствительной пользы отъ этого метода леченія можетъ служить то, что почти во всѣхъ большихъ госпиталяхъ, преимущественно Германіи, существуютъ всѣ снаряды необходимые при леченіи холодною водою.

Я видѣлъ весьма счастливые результаты водолечебной системы въ хроническихъ ревматизмахъ—и соглашаюсь, что въ этихъ слу-

чаяхъ нами употребляемыя потогонныя большею частію разслабляютъ кожу, дѣлаютъ ее еще болѣе чувствительною и расположенною къ простудѣ; между-тѣмъ-какъ, при гидротерапевтическомъ леченіи, напротивъ, кожа укрѣпляется и человѣкъ получаетъ болѣе способности безвредно подвергаться различнымъ болѣзнетворнымъ вліяніямъ атмосферическимъ.

Тѣ-же счастливые результаты представила гидротерапія при леченіи ломоты, преимущественно хронической; не менѣе успѣховъ приписываютъ ей въ сифилитической болѣзни, по большей части въ секундарной и терціарной формахъ ея.

Болѣзни пищеварительныхъ органовъ, диспепсіи, завалы брюшныхъ внутренностей — всѣ эти патологическіе процессы представляютъ такую почву, на которой система гидротерапіи приноситъ прекрасные плоды.

Но леченіе холодною водою въ острыхъ болѣзняхъ едва-ли можетъ принести ту пользу, какую ей приписываютъ нѣкоторые ультрагидропаты.

Я не имѣлъ случая видѣть, но сомнѣваюсь, чтобы воспаленія легкихъ, плейры и пр. удачнѣе могли-бы быть лечимы этимъ способомъ, нежели общепринятыми въ терапіи средствами. Что касается до моего личнаго убѣжденія, то я скажу, что едва-ли холодная вода можетъ замѣнить кровопусканіе, среднія соли, рвотный камень и прочія средства, которыми по-справедливости можетъ гордиться наша наука. Говоря вообще, я позволяю себѣ заявить здѣсь свое мнѣніе, а именно, что леченіе холодною водою, при всей его очевидной пользѣ, во многихъ хроническихъ формахъ болѣзней не можетъ однакожь вполнѣ замѣнить нашу терапію. По результатамъ точныхъ наблюденій довольно будетъ для гидротерапіи, если причислить ее *къ разряду полезныхъ новыхъ средствъ* къ медицинѣ. Поэтому гидротерапевтическій методъ леченія слѣдовало-бы употреблять во всякомъ госпиталѣ и преимущественно въ клиникахъ, для того, чтобы показать его студентамъ въ большей подробности и ознакомить ихъ съ необходимыми его пріемами, какъ главною задачею этого метода.

ГЛАВА V.

Мнѣніе о гомеопатіи медицинскихъ факультетовъ во Франціи и Германіи.

Въ Парижѣ, въ-особенности въ послѣдніе 12 лѣтъ, появилось довольно значительное число врачей, которые исключительно по-

святили свои труды и способности практическому занятію гомеопатіей. Разбирая строго этихъ людей, невольно увидимъ, что это все большею частію доктора, умирающіе съ голода и надѣющіеся этой новой методой медицинской практики открыть себѣ лучшій источникъ матеріальныхъ пріобрѣтеній.

Нравственный искусъ этотъ тѣмъ сильнѣе для многихъ жрецовъ мечтательной науки, что нѣкоторымъ изъ корифеевъ ея она дала славу общественную и золото. Какъ-бы то ни было, но мнѣ, какъ врачу-аллопату, весьма интересно было знать мнѣніе лучшихъ современныхъ аллопатовъ въ Парижѣ о поклонникахъ гомеопатіи. Всѣ они торжественно выражались, что добросовѣстный и дѣльный врачъ никогда не согласится быть на консультаціи вмѣстѣ съ гемеопатомъ. Кто хочетъ знать настоящее мнѣніе Парижскихъ врачей о гомеопатіи, тому достаточно прочесть небольшую брошюру, изданную въ 1851 г. профессоромъ Рекеномъ (Requin). Въ ней онъ съ удивительнымъ жаромъ нападаетъ на шарлатановъ, которые, какъ онъ говоритъ, безчестятъ наше благородное призваніе: «Ce que nous repoussons de toutes nos forces, говорятъ онъ между-прочимъ, c'est d'admettre l'homeopathie même de nom dans la sphère de la médecine honnête. Lorsqu'un mot est devenu l'enseigne du charlatanisme, lorsqu'il ne fait que couvrir, sous un faux vernis scientifique, l'industrialisme médical le plus éhonté, on doit le rayer et le proscrire comme étant à jamais d'ignominieuse mémoire....»

Мы не будемъ больше распространяться въ цитатахъ объ этомъ предметѣ. Мнѣніе Рекена есть общее мнѣніе всѣхъ факультетскихъ докторовъ Франціи и Германіи.

ГЛАВА VI.

Ортопедическія и гимнастическія заведенія.

Въ Берлинѣ я посѣщалъ частныя ортопедическія заведенія докторовъ Эйленбурга и Берендта, въ-особенности у послѣдняго я видѣлъ удивительные результаты успѣшнаго леченія. Г. Берендтъ былъ ассистентомъ у Диффенбаха и по всей справедливости пользуется славой отличнаго хирурга. Въ его заведеніи, смотря по надобности, производится тенотомія, накладываются ортопедическіе аппараты и машины или назначаются гимнастическія упражненія, и нерѣдко при этомъ предписывается общее леченіе.

ГЛАВА VII.

Госпитали.

Во-время моего пребыванія за границей я осмотрѣлъ значительное число госпиталей, постоянно имѣя при этомъ въ виду предполагаемую постройку клиники при нашемъ университетѣ.

Въ Парижѣ я посѣтилъ госпитали: Lariboissiere (котораго имѣю планъ), Beaujon и Necker. Въ нихъ я подробно осмотрѣлъ способъ вентиляціи посредствомъ паровой машины, и сомнѣваюсь въ его примѣнимости въ нашемъ климатѣ.

Я также имѣлъ случай осмотрѣть въ Парижѣ Еврейскій госпиталь, построенный барономъ Ротшильдомъ. Госпиталь устроенъ на 60 человѣкъ, на постройку употреблено 250,000 франковъ, между-тѣмъ-какъ госпиталь Lariboissiere на 600 человѣкъ стоитъ болѣе 15 милліоновъ франковъ. Конечно, онъ выстроенъ очень роскошно, но, по моему мнѣнію, эта роскошь совершенно лишняя.

Въ Берлинѣ я также осмотрѣлъ новый госпиталь, называемый Diakonissen-Haus-Bethanien. Это весьма изящное зданіе устроено съ филантропическою цѣлью. Назначеніе его состоитъ, во-первыхъ, въ медицинскомъ образованіи особеннаго рода госпитальной прислуги для ухода за больными, — такъ-называемыхъ сестеръ милосердія. Во-вторыхъ, сюда принимаются за умѣренную плату больные и помѣщаются въ прекрасныхъ и удобныхъ комнатахъ, пользуются отличною пищею и весьма внимательною прислугою. Больной, помѣщающійся въ отдѣльной комнатѣ, платитъ 40 талеровъ въ мѣсяцъ. Если больныхъ двое въ одной комнатѣ, то они платятъ по 20 талеровъ, а если ихъ нѣсколько — то по 10 талеровъ.

Кромѣ терапевтическаго и хирургическаго отдѣленій, я осмотрѣлъ здѣсь еще особенное отдѣленіе для малолѣтныхъ дѣтей, гдѣ за весьма умѣренную плату дѣти пользуются самымъ лучшимъ присмотромъ и особенною родительскою заботливостію и попеченіемъ сестеръ милосердія.

При постройкѣ нашей клиники мы должны, по моему мнѣнію, болѣе придерживаться устройства Берлинскихъ госпиталей, какъ лучше приноровленныхъ къ такому климату, который ближе подходитъ къ нашему. Нѣкоторыя клиническія залы въ главномъ Берлинскомъ госпиталѣ Charité имѣютъ всевозможныя удобства для больныхъ: двойныя рамы, печи, вентиляторы, и пр. Вентиля-

ція производится отдушинами, выходящими въ трубу и открывающимися по произволу, а не сквознымъ вѣтромъ посредствомъ открытія противуположныхъ оконъ, какъ это большею частію дѣлается въ Парижскихъ госпиталяхъ. Въ каждой большой палатѣ, въ которой помѣщаются трудные больные, и гдѣ профессоръ производитъ свое клиническое преподаваніе, устроены ватерклозеты, умывальники и ванна.

Этотъ госпиталь весьма вѣрно и подробно описанъ въ превосходномъ сочиненіи директора этого заведенія Эссе, которому я очень обязанъ за доставленіе мнѣ случая видѣть это заведеніе во всѣхъ его подробностяхъ.

ГЛАВА VIII.

XXXIV-е собраніе Общества Германскихъ естествоиспытателей и врачей въ Карлсруэ.

По предписанію, данному мнѣ отъ университетскаго совѣта, принять участіе въ XXXIV-мъ собраніи Общества Германскихъ естествоиспытателей и врачей въ Карлсруэ и быть въ немъ однимъ изъ представителей Харьковскаго университета, я 15 сентября, наканунѣ открытія засѣданій, прибылъ въ Карлсруэ, дабы исполнить это лестное для меня порученіе.

Въ этомъ собраніи находилось значительное число ученыхъ всѣхъ странъ. Главными распорядителями и дѣлопроизводителями Общества избраны были двое изъ тамошнихъ ученыхъ: г. Эйзенлоръ, профессоръ физики, и Фольцъ, медицинскій совѣтникъ, а секретарями—докторъ Швигъ и профессоръ Дингеръ.

Это собраніе имѣло особыя отдѣленія по слѣдующимъ отраслямъ наукъ: 1) минералогіи и геогнозіи; 2) ботаники и физіологіи растеній; 3) зоологіи; 4) математики, астрономіи и механики; 5) физики; 6) химіи; 7) анатоміи и физіологіи; 8) медицины; 9) хирургіи и офтальмологіи; 10) акушерства, и 11) психіатріи.

Было рѣшено, чтобы общихъ засѣданій было три, а частныя по отдѣленіямъ происходили-бы каждый день, преимущественно утромъ, дабы все послѣобѣденное время оставалось свободнымъ,

Великій герцогъ Баденскій изъявилъ соизволеніе, чтобы всѣ публичныя заведенія были открыты для членовъ собранія на все

это время. Были устроены экскурсіи и праздники, и каждый день издавали бюллетенъ о препровожденіи времени.

Число членовъ конгресса простиралось до 905 человѣкъ. Я удостоился чести быть принятымъ въ члены медицинскаго отдѣленія.

Статьи, читанныя въ каждомъ засѣданіи, составляютъ большой томъ, изданіе котораго поручено директорамъ и секретарямъ Общества. Но я считаю своею обязанностію назвать нѣкоторыя статьи, болѣе интересныя, читанныя въ засѣданіяхъ того отдѣленія, къ которому я принадлежалъ.

Собраніе открылось 16 сентября въ присутствіи великихъ герцога и герцогини Баденскихъ.

Между членами находились нѣкоторыя первыя знаменитости ученаго міра: Либихъ, Вöлеръ, Бунзенъ, Дове, Розе, Хеліусъ, Келликеръ, Зибольтъ, Вирхофъ, Гебра, Депре и пр.

Первый директоръ г. Эйзенлоръ открылъ засѣданіе рѣчью. *О вліяніи естествознанія на благосостояніе человѣчества.*

Второй директоръ г. Фольцъ сказалъ рѣчь, которая всѣмъ очень понравилась, — *О настоящемъ и будущемъ состояніи медицины.*

Послѣ этого меръ города Карлсруэ привѣтствовалъ гостей искреннимъ выраженіемъ своей готовности быть для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ обязательнымъ.

Затѣмъ трое изъ членовъ произнесли рѣчи. Первый былъ профессоръ Баумгертнеръ (изъ Фрибурга); онъ избралъ предметомъ чтенія *прогрессивное развитіе организмовъ.* За нимъ послѣдовалъ извѣстный химикъ Эрдманъ (изъ Лейпцига). Этотъ ученый старался доказать, что *религіозныя вѣрованія не отвергаются наукою.* Наконецъ раздалась рѣчь, чисто-медицинская и полная интереса. Г. Роллеръ, директоръ большаго заведенія умалишенныхъ въ Илленау, близъ Ашерна, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, говорилъ *объ умопомѣшательствѣ по-отношенію къ уголовному праву.* Онъ доказывалъ, что часто преступленіе бываю слѣдствіемъ болѣзненнаго расположенія, и что для судей весьма важно совѣтываться съ компетентными медиками, а для медиковъ—изучать болѣзни, поражающія умственныя способности. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ должность кантональнаго медика ввѣряется только врачамъ, проведшимъ нѣсколько мѣсяцевъ на прак-

тикѣ въ заведеніяхъ умалишенныхъ. Въ медицинскомъ отдѣленіи, къ которому я имѣлъ честь принадлежать, говорилось о многихъ весьма интересныхъ вопросахъ въ медицинѣ и новыхъ открытіяхъ, произведенныхъ въ-теченіе года, правда уже большею частію обнародованныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Во второмъ общемъ засѣданіи совѣщались о выборѣ города для собранія въ будущемъ 1859 г. Было предложено три города: Кенигсбергъ, Эмсъ и Дюссельдорфъ. Выбранъ былъ Кенигсбергъ, а директорами назначены Ратке и Виттихъ. Въ этомъ засѣданіи докторъ Шварцъ (изъ Зигмарингена) говорилъ: *О раціональныхъ медицинскихъ ученіяхъ въ-сравненіи съ нѣкоторыми ложными ученіями, распространенными въ наше время.* Эта рѣчь была дѣльной критикой гомеопатіи, сомнамбулизма и гидротерапіи. Онъ обращаетъ вниманіе своихъ собратовъ на средства для противудѣйствія шарлатанству. Дай Богъ, чтобы голосъ этого честнаго врача и человѣка нашелъ себѣ отзывъ и заставилъ-бы краснѣть тѣхъ, для которыхъ всѣ средства хороши, лишь-бы они вели къ къ деньгамъ и почестямъ! Въ третьемъ и послѣднемъ общемъ засѣданіи знаменитый Берлинскій профессоръ Вирховъ произнесъ въ высшей степени интересную рѣчь: *О механическихъ явленіяхъ жизни.*

Главною цѣлью собранія было соединить людей, раздѣленныхъ между собой огромными пространствами и рѣдко имѣющихъ случай видѣться, познакомиться другъ съ другомъ и помѣняться мыслями. Уставы 1, 2 и 3 Германскихъ собраній указываютъ только эту цѣль. Чтобы доставить большему числу ученыхъ лучшую и бóльшую возможность пользоваться всѣми выгодами этихъ собраній, съѣзды назначаются попеременно, то на югѣ, то на сѣверѣ Германіи.

Для достойнѣйшаго пріема представителей науки правительства и города сами дѣлаютъ издержки: даютъ балы, концерты, обѣды и разнаго рода праздники.

Собраніе въ Карлсруэ не только ни въ чемъ не отстало въ этомъ отношеніи отъ другихъ собраній, но даже, можетъ быть, превзошло ихъ блескомъ праздниковъ, украшавшихся присутствіемъ герцога и герцогини. Царственные хозяева присутствовали во всѣхъ общихъ собраніяхъ и на трехъ театральныхъ представленіяхъ. Кромѣ-того, имъ угодно было, въ знакъ особеннаго

почтенія и сочувствія къ членамъ конгресса, пригласить ихъ къ себѣ на блистательный вечеръ, а на другой день 100 человѣкъ изъ членовъ были приглашены къ ихъ столу. Я удостоился чести быть въ числѣ приглашенныхъ. Сверхъ всего этого, великій герцогъ приказалъ выбить медаль съ своимъ изображеніемъ и роздалъ ее членамъ конгресса въ знакъ воспоминанія съѣзда ихъ въ его городѣ.

V.

ИСТОРІЯ

ПРОСВѢЩЕНІЯ И ГРАЖДАНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ТРУДОВЪ

ШВЕДСКАГО ИСТОРИКА

ГУСТАВА ГЕЙЕРА.

Эрикъ-Густавъ Гейеръ родился 12 января 1783 года на Рансетерскомъ заводѣ (Ransäters bruk), въ Вермландѣ (Wermland), въ приходѣ того-же имени, находящемся въ 5 миляхъ (*) къ сѣверу отъ города Карльстада (Carlstad). Родители его были: заводчикъ (Brukspatron) Бенгтъ Густавъ Гейеръ, принадлежавшій къ многочисленной фамиліи заводчиковъ Гейеръ, распространенныхъ по всей провинціи, и предокъ которыхъ, въ царствованіе короля Густава-Адольфа II, переселился изъ Австріи въ Швецію, и Ульрика Магдалина Гейслеръ (Geisler), родомъ изъ Фалуна, дочь Маркшейдера при находящемся тамъ рудникѣ Эрика Гейслера. «Я благодарю Бога, давшаго мнѣ добрѣйшихъ родителей», говоритъ онъ самъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*. Воспоминаніе о счастливой деревни, которую украшало милое ихъ присутствіе, озаряетъ душу мою какъ бы солнечнымъ свѣтомъ. Оно святое

(*) Шведская миля содержитъ въ себѣ 10 верстъ.

убѣжище въ сокровеннѣйшей глубинѣ моей души, гдѣ мнѣ все еще какъ-бы слышится журчаніе источника юности. Вся упоительная прелесть весны, тишина и прохлада тѣнистыхъ лѣсовъ, свѣжесть прозрачной волны, ароматъ елей и цвѣтовъ, деревенскій воздухъ, утренній воздухъ — все это ясно, все это живо въ этомъ воспоминаніи; и городская жизнь, кабинетная жизнь, книги, книги и опять книги, вся пыль избитой ученой дороги, не могли изгладить это воспоминаніе. Оно, какъ ключъ въ пустынѣ, пробивается сквозь песокъ».

Рансетерскій заводъ находится въ прекрасной долинѣ, прорѣзанной струями рѣки Кларэльфъ (Klarelf) и окруженной лѣсистыми возвышенностями. Къ западу отъ дома возвышается покрытая лиственными и хвойными деревьями гора, называемая Рансетерскою, и отдѣляющая отчасти Рансетерскій приходъ отъ Фрюкской долины (Fryksdalen). Съ противуположной стороны взору нашему представляется стоящая у самой рѣки кирка. Въ полумили къ сѣверу находится пустынное лѣсное озеро, называемое Ранскимъ, которое чрезъ небольшую извилистую рѣчку изливаетъ свои воды въ рѣку Кларэльфъ. По маленькой этой рѣкѣ, на пространствѣ четверти мили, стоятъ три желѣзные завода. «Тамъ, говорится въ *Воспоминаніяхъ*, зимою кипитъ жизнь и дѣятельность. Сѣверная зима — золотое время для желѣзныхъ заводовъ. Это ихъ *прекрасное* время года. Среди лѣта бѣдные сыны Вулкана, изнемогающіе отъ зноя у своихъ горнилъ, представляютъ самое печальное зрѣлище. Но зимою они и все окружающее является совсѣмъ въ другомъ видѣ; вы видите теперь прекрасную картину веселаго исполненія самыхъ тяжкихъ работъ. Яркое пламя, прорывающееся изъ-подъ снѣга; вода, быстро текущая подъ ледяными своими сводами; стукъ тяжелыхъ ударовъ молота, далеко раздающійся по окрестности и доказывающій кипучую дѣятельность человѣка среди оледенѣвшей, дремлющей природы; энергія и сила, проявляющаяся во всемъ; лица, пылающія яркимъ румянцемъ, и на которыхъ, не смотря на трескучій морозъ или вьюгу, крупными каплями выступилъ потъ; безпрерывное движеніе, длинные ряды поѣздовъ съ углемъ и чугуномъ; ржаніе лошадей, у которыхъ изъ ноздрей клубомъ валитъ паръ; посеребренныя инеемъ бороды подводчиковъ, народъ суетящійся, бѣгающій и хлопочащій,—вотъ картина, на которую никогда не наглядишься, въ которой всегда найдешь новую прелесть, новое очарованіе».

Въ этой-то сторонѣ, въ живописной этой мѣстности, въ родительскомъ домѣ, подъ особымъ руководствомъ наставника (*), прошло дѣтство Эрика-Густава Гейера, старшаго изъ семи дѣтей заводчика Бенгта Гейера. Осенью 1795 года онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Карломъ-Фридерихомъ (**) поступилъ въ Карльстадское народное училище. Впродолженіе всего пребыванія его тамъ онъ жилъ у преподавателя исторіи Акселя Фрюкселя (Axell Fryxell), особенному попеченію и надзору котораго онъ былъ порученъ родителями. Здѣсь двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ сначала овладѣла сильная тоска по родной деревнѣ и мирномъ семейномъ кружкѣ. Подъ вліяніемъ этой-то тоски, по собственнымъ его словамъ, и пробудилась собственно склонность его къ музыкѣ. Правда, что глухая его тетка уже съ шестилѣтняго возраста засаживала его за фортепіано; но урокъ частенько кончался тѣмъ, что маленькій шалунъ спасался отъ нея бѣгствомъ чрезъ окно. Теперь, въ одиночествѣ, въ длинные, скучные осенніе вечера, музыка сдѣлалась для него потребностію. Такъ развилась въ немъ страсть къ музыкѣ, доставившая ему впослѣдствіи столько свѣтлыхъ и отрадныхъ минутъ. Скоро онъ своимъ прилежаніемъ и способностями обратилъ на себя вниманіе своихъ учителей и товарищей, и занятія его шли такъ успѣшно, что онъ шестнадцати лѣтъ уже окончилъ полный курсъ въ епархіальномъ тамошнемъ училищѣ, и снабженный самыми лестными аттестатами отъ тогдашняго ректора гимназіи, вышеупомянутаго лектора Фрюкселя, оставилъ Карльстадъ, чтобы продолжать курсъ наукъ въ университетѣ. Осенью 1799 года онъ прибылъ въ Упсалу и вскорѣ поступилъ въ число студентовъ.

Свое вступленіе въ университетъ и первое испытаніе онъ самъ описываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ родителямъ. «Вотъ уже недѣля, какъ я въ Упсалѣ, пишетъ онъ, и я еще до-сихъ-поръ не могу какъ слѣдуетъ распредѣлить своихъ занятій. Завтра примусь серьезно за дѣло. Какое счастіе, что мнѣ не приходится,

(*) Наставникомъ его и единственнымъ учителемъ въ это время былъ студентъ, по имени Нюквистъ (Nyquist), бывшій впослѣдствіи пасторомъ и умершій помощникомъ пастора въ Вескомъ герадѣ (Wäse härad), находящемся въ Карльстадской епархіи.

(**) Бывшимъ впослѣдствіи камериромъ при горнозаводской конторѣ и какъ заводчикъ, посланный уполномоченнымъ отъ сословія граждан на государственные сеймы 1840 и 1844 годовъ.

какъ многимъ здѣсь, впервые учиться прилежанію и трудолюбію Во вторникъ въ восемь часовъ утра мнѣ должно было явиться къ декану. Я пришелъ въ назначенное время и убѣдился, что мнѣ нѣтъ причины слишкомъ бояться своего экзаменатора. Профессоръ Тингстадіусъ (Tingstadius) самый любезный и добродушный человѣкъ, какого мнѣ когда-либо случалось видѣть. Доброжелательство, умъ и чистосердечіе ясно выражаются въ каждой чертѣ его лица, хотя онъ долженъ быть ужъ очень не молодъ. Экзаменъ мой продолжался три четверти часа. По-Нѣмецки и по-Французски я тоже долженъ былъ читать, и все это вмѣстѣ доставило мнѣ похвальную отмѣтку. Въ этотъ-же день, въ одиннадцать часовъ утра, мы собрались въ консисторіи для присяги. Ректоромъ теперь профессоръ Нордмаркъ (Nordmark). Увы, въ первый разъ въ жизни пришлось мнѣ теперь присягнуть въ томъ, чего я не знаю, а по этому не могу и исполнить. Морозъ и теперь еще по кожѣ пробѣгаетъ, лишь только вспомню эти символическія книги, которымъ я клялся вѣрить, присягу, которую обѣщалъ исполнять. Безчеловѣчно и безбожно заставлять юношу начинать свое жизненное поприще клятвопреступленіемъ» (*).

И въ первое время послѣ поступленія его въ академію имъ часто овладѣвала тоска по быстрымъ рѣкамъ и прекраснымъ долинамъ милой родины, и не однажды, возвратившись въ древній университетскій городъ, послѣ каникулъ, весело проведенныхъ въ кругу семейства, онъ въ письмахъ своихъ къ родителямъ жаловался на несносную скуку городской жизни. Ему не доставало лѣса, воды и, вмѣсто синѣющихъ на дальнемъ горизонтѣ горъ,

---

(*) Какъ дополненіе къ свѣдѣніямъ о жизни, которую, 50 лѣтъ тому назадъ, вели Упсальскіе студенты, приводимъ здѣсь еще слѣдующее изъ письма, писаннаго имъ къ родителямъ нѣсколько времени позже: «Въ $^1/_2$6 я иду заниматься Греческимъ языкомъ до 8 часовъ, — это часъ нашего неприхотливаго завтрака; въ 9 часовъ я иду слушать профессора Нейктера (Neikter), который читаетъ физическую и нравственную исторію человѣка (Menniskans physiska och moraliska historia); въ 10 часовъ я беру приватный урокъ Нѣмецкаго языка у учителя языковъ Стремберга (Strömberg); въ 11 часовъ я рисую; отъ 12 до часу у меня нѣтъ опредѣленнаго занятія; въ часъ я обѣдаю; отъ 2 до 4 часовъ я записываю лекціи и пишу Французскую тему, которую въ 4 часа отношу къ Французу Ле Роа (Le Roy). Послѣ этого я нѣсколько времени упражняюсь въ Латинскомъ разговорѣ у Аросеніуса (Arosenius), и потомъ до самаго ужина читаю Ливія.

онъ изъ своей скромной комнаткѣ на чердакѣ видѣлъ только непривлекательную черепичную крышу. Когда онъ во-время лѣтнихъ каникулъ пріѣзжалъ домой, то жизнь была совсѣмъ не та. Онъ любилъ тогда по цѣлымъ часамъ лежать, съ книжкою въ рукѣ, подъ вѣковымъ тѣнистымъ кленомъ, украшавшимъ дворъ дома его отца, или бродить по лѣсамъ и долинамъ, то взбираясь на обрывистыя скалы береговъ Ранскаго озера, то гуляя по живописнымъ Рансетерскимъ возвышенностямъ. Это-то чувство живѣйшаго благоговѣнія къ красотамъ вѣчно-юной природы сохранилось въ душѣ его всю жизнь, и ни годы, ни обстоятельства не могли охладить его. Но не одна любовь къ природѣ была причиною его тоски по родинѣ; тамъ жили всѣ тѣ, которые были ему милы, которымъ онъ былъ милъ, и въ кругу которыхъ онъ провелъ лучшіе дни счастливой юности. Въ гостепріимномъ домѣ его родителей жизнь была самая веселая, — музыка, танцы, катанья, однимъ словомъ все, что такъ пріятно намъ въ молодости. «Это были не одни свѣтскія пустыя удовольствія, безъ пищи для ума и души, говоритъ онъ самъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*. Теперь, когда я хорошо узналъ свѣтъ и людей, я благословляю, вспоминая это деревенское общество, въ которомъ было столько высоко-нравственнаго, истинно-человѣческаго образованія». Родственникъ и старинный другъ семейства, котораго онъ обыкновенно называлъ своимъ благодѣтелемъ, былъ всегда милымъ и пріятнымъ гостемъ въ домѣ его родителей. Капитанъ Бенгтъ, Густавъ Раппгольтъ (Rappholt), такъ звали его, былъ человѣкъ образованный, который въ молодости жилъ въ большомъ свѣтѣ. Этотъ-то отечески-расположенный къ нему другъ и познакомилъ его съ поэтами родной страны, и юноша приходилъ въ восторгъ, читая ихъ подъ его руководствомъ. И на развитіе музыкальныхъ его способностей онъ имѣлъ немаловажное вліяніе. Старикъ былъ самъ хорошій музыкантъ, и молодой Гейеръ, проводя ваканціонное время дома, былъ введенъ своимъ покровителемъ въ семейства многихъ любителей музыки въ провинціи, съ которыми потомъ сохранилъ во всю жизнь дружескія отношенія.

Подъ вліяніемъ вспоминаній веселой, непринужденной и не связанной мелочнымъ тиранствомъ свѣтскихъ приличій жизни, которую вели въ домѣ его родителей, гдѣ господствовали простота и чистосердечіе, молодой студентъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ родителямъ: «Есть-ли что-либо на моей родинѣ, что не

было-бы мило моему сердцу? гдѣ-бы я ни былъ, я мысленно все нахожусь тамъ, живу и дѣйствую какъ прежде, я всюду ношу съ собою мирную нашу деревню, и всегда нахожу ее въ уединеніи скромной моей комнатки. Направо сидитъ добрый мой отецъ и милая мать, налѣво—старушка-бабушка, въ углу, тамъ, возлѣ плетки и кочерги,—классная наша комната. Я окруженъ братьями, сестрами и друзьями, и мнѣ такъ весело, я такъ счастливъ въ этомъ мірѣ, созданнымъ моимъ воображеніемъ, тѣмъ болѣе счастливъ, что онъ такъ вполнѣ мой, что онъ всегда, лишь только пожелаю, можетъ быть вызванъ мною. Какъ по очарованію передо мной всегда является та сцена изъ домашней нашей жизни, которую я именно желаю видѣть, я по произволу играю съ сестрою и забавляюсь съ малюткой-братомъ. — Вотъ я опять увлекся, замечтался и многіе найдутъ, что мнѣ ужъ смѣшно такъ ребячиться. Но пусть смѣется надо мной кто хочетъ, вѣдь мнѣ и самому не-разъ случалось посмѣяться надъ собою. — Что значитъ ребячиться? Какъ часто слово это употребляютъ совершенно не-впопадъ. — Ахъ, Боже мой, да перестаньте-же, милостивый государь, ребячиться, говоритъ умный и опытный пожилой человѣкъ пылкому юношѣ; говоритъ это, разсчитывая и придумывая, какія *умнѣйшія* средства употребить, чтобы добиться чина, звѣзды, хорошаго мѣстечка и т. д. Отчего-же осуждать другаго, если онъ старался отыскать въ дѣйствительности то, что, быть можетъ, существуетъ только въ его воображеніи, въ его прекрасной душѣ? Кто изъ нихъ больше ребячился—умный человѣкъ или юноша? Они только играютъ разными игрушками. Дѣтство наше кончается собственно тогда, когда мы лишаемся нашихъ родителей, или не заслуживаемъ уже болѣе имѣть ихъ: горькое положеніе и въ томъ и въ другомъ случаѣ; или-же, когда сердце наше неспособно болѣе сочувствовать радости только потому, что она проста и невинна. Поэтому я и люблю искренно тѣхъ людей, которыхъ веселитъ все радостное въ мірѣ, которые радуются, не спрашивая на это разрѣшенія моды, которые слѣдуютъ влеченію сердца, не спрашивая: да принято-ли это? прилично-ли мнѣ показать, что меня это радуетъ, занимаетъ? Обычай—злой тиранъ, онъ вынуждаетъ насъ скрывать веселое и добродушное лице подъ бездушной маской холоднаго свѣтскаго приличія. Отчего именно должны мы непремѣнно *учиться* тому, что принято называть свѣтскостію? Истинное добродушіе и любовь къ человѣчеству не есть-ли, не правда-ли, самая высшая

свѣтскость въ человѣкѣ? Мой почтенный отецъ не *изученіемъ* приличій пріобрѣлъ любезность и милую обязательность, которыя такъ сильно привлекаютъ къ нему расположеніе каждаго; онѣ слѣдствіе истинной, всеобъемлющей доброжелательности, которою наполнено его сердце, и вотъ причина, почему общество его такъ привлекательно, такъ пріятно. — Да, я дитя, я простодушенъ и хочу оставаться такимъ до-тѣхъ-поръ, пока кровь не остынетъ въ моихъ жилахъ, не перестанетъ биться мое сердце, съ дѣтскимъ простодушіемъ хочу я на жизненномъ пути наслаждаться каждою невинною, чистою радостію, любить природу, собирать ея простые и скромные цвѣты, утѣшаться ими, когда наступитъ старость, и наконецъ украсить ими скромную свою могилу. — Только тогда, если я когда-нибудь буду забытъ и отверженъ всѣми, если бурная осень унесетъ мое счастіе и радость, если несчастія сокрушатъ мою силу и твердость, и я не только лишусь тѣхъ, которые дороже всего моему сердцу, но и способность чувствовать и радоваться, лишусь *самого себя*, — тогда только я печально склоню голову и предамся грусти, стану сѣтовать на судьбу и молить, что бы Господь скорѣе окончилъ мои страданія».

Во-время пребыванія своего въ Упсальскомъ университетѣ, Гейеръ тщательно занимался изученіемъ классической древности и почти все время своего студентства посвятилъ изученію древнихъ языковъ, въ которыхъ пріобрѣлъ рѣдкія свѣдѣнія. Но еще прежде поступленія въ университетъ, онъ уже имѣлъ въ виду болѣе практическія занятія въ будущности. Причиною этому была его поѣздка, въ 1798 году, къ родственникамъ его матери въ Фалунъ, гдѣ видъ рудниковъ и мастерскихъ возбудилъ въ немъ сильнѣйшее желаніе заняться изученіемъ горной науки. Относительно этого онъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ родителямъ слѣдующее: «Меня необыкновенно занимаютъ плавильные заводы и рудники. Какъ я желалъ-бы заняться науками, относящимися къ этому: химіею и минералогіею. Сколько плановъ придумываю я для будущности! — и всѣ они разрушаются сомнѣніемъ: то та, то другая карьера кажется мнѣ лучшею, и мнѣ такъ-бы хотѣлось учиться всему, знать все. — Въ одномъ только нѣтъ сомнѣнія, а именно: что я непремѣнно посвящу свою дѣятельность изученію чего-нибудь практическаго, и употреблю на это всѣ свои силы, всѣ свои способности. Чему-нибудь практическому, сказалъ я, или чему-нибудь такому, что могло-бы въ примѣненіи быть по-

лезно для общественнаго блага. Конечно, всякому, любящему просвѣщеніе, пріятно и отрадно видѣть успѣхи человѣческаго ума на поприщѣ умозрительныхъ и отвлеченныхъ наукъ; но чтобы съ пользою заниматься этими науками, нужна геніальность, которая, къ-сожалѣнію, такъ рѣдко встрѣчается. Люди съ такою геніальностію — исключеніе изъ правила, по которому всѣ прочіе обязаны посвящать свои способности занятіямъ, имѣющимъ если не большее, то по-крайней-мѣрѣ ближайшее вліяніе на общее благосостояніе». Пиша это, онъ и не подозрѣвалъ, что со-временемъ самъ будетъ въ числѣ этихъ исключеній.

Поступивъ въ студенты, онъ совершенно пересталъ думать объ этомъ планѣ для будущности,—который, впрочемъ, быть-можетъ былъ не иное что, какъ мечта. Занятія его, какъ уже сказано, приняли совсѣмъ другое направленіе. Какъ по собственной склонности, такъ и изъ уваженія къ совѣтамъ отца и капитана Рапнгольта, онъ избралъ философскій факультетъ. Онъ имѣлъ слишкомъ высокое понятіе объ образованіи, чтобы не отличать блестокъ отъ сущности, и ему также противна была наружная, ложная основательность, или академическій педантизмъ, какъ и поверхностныя познанія, нерадивость въ наукѣ. Въ первомъ случаѣ онъ приводилъ, какъ примѣръ, академическіе диспуты. Вотъ, что говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Упсалы относительно этого: «По-середамъ и субботамъ здѣсь теперь обыкновенно бываютъ диспуты; но, будучи зараженъ предубѣжденіями, я до-сихъ-поръ все еще никакъ не могу привыкнуть къ этимъ внѣшнимъ комедіямъ. Убійственная монотонность, глупыя возраженія, а въ-особенности противная, отвратительная манера, съ которою они ведутся, доказываютъ такое глубокое варварство, что они не-разъ послужатъ предметомъ насмѣшекъ будущему поколѣнію». Относительно принятой въ то время системы экзаменовъ онъ прибавляетъ слѣдующее, что очень можетъ-быть примѣнено и къ нашему времени: «Напрасно было-бы вообще искать основательныхъ познаній у тѣхъ, которые пріѣзжаютъ сюда единственно для того, чтобы какъ можно скорѣе окончить экзаменъ, который необходимъ для невѣждъ, какъ вывѣска, свидѣтельствующая о томъ, чего они въ сущности, къ-сожалѣнію, не знаютъ, и для образованныхъ, чтобы познанію ихъ положенъ былъ извѣстный штемпель, безъ котораго они могли-бы быть приняты за контрабанду. Они читаютъ и занимаются только для того, чтобы знать въ ту мину-

ту, а не для того, чтобы извлекать потомъ пользу изъ своихъ познаній. Чтобы получить хорошую отмѣтку, кандидатъ прочитываетъ на скорую руку сколько можетъ, вытверживаетъ наизустъ самое трудное изо всякой науки, пропускаетъ безъ вниманія то, что надо-бы было выучить прежде, и потому забываетъ все, какъ-скоро урокъ его прочитанъ предъ философскимъ факультетомъ. Вотъ причина, почему такъ велика эта осада экзаменованныхъ и получившихъ одобрительные аттестаты поборниковъ науки (academici), которые между-тѣмъ самые большіе глупцы (idioter) относительно практическаго примѣненія полезныхъ познаній,—что, я думаю, должно быть главною цѣлью всѣхъ и каждаго». Въ письмѣ, писанномъ позже, онъ изъявляетъ свое сожалѣніе о томъ, что Веніаминъ Хейеръ (Benjamin Höijer) не могъ, за неимѣніемъ слушателей, читать лекціи: «доказательство, что мы посѣщаемъ только лекціи тѣхъ, слушаемъ тѣхъ, заискиваемъ только въ тѣхъ, которые не только могутъ сообщить намъ полезныя свѣдѣнія, но — что гораздо лучше — дать намъ хорошую отмѣтку, которая бываетъ такъ полезна при экзаменѣ — а послѣ экзамена? — выгодное мѣсто, порядочные доходы и по меньше дѣла, а потомъ смерть, потомъ спокойствіе».

Между-тѣмъ, какъ отецъ его, такъ и старый его другъ, капитанъ Раппгольтъ, писали ему, что они очень-бы желали, чтобы онъ былъ магистромъ къ промоціи (promotion) (*) 1803 года. На это онъ, весною 1802 года, въ одномъ изъ своихъ писемъ, далъ отцу очень замѣчательный отвѣтъ, въ которомъ, какъ самъ говоритъ, нетвердою рукою начерталъ планъ своей будущности. Имъ овладѣло непреодолимое желаніе ѣхать, по окончаніи университетскаго курса, въ чужіе краи, чтобы опытностію и полезными свѣдѣніями обогатить свой умъ.

«Хочу, пишетъ онъ, по-поводу вашего письма, добрѣйшій батюшка, предложить на разсмотрѣніе ваше планъ будущности, начертанный мною нетвердою рукою. Быть можетъ, онъ неблагоразуменъ и не сообразенъ съ обстоятельствами. Я этого не могу рѣшить, и потому обращаюсь къ тому, который всегда разрѣшалъ

(*) Торжество, совершаемое въ университетахъ Швеціи и въ Финляндскомъ Александровскомъ, при которомъ возведенныхъ въ степень магистровъ студентовъ вѣнчаютъ лаврами, а доктора всѣхъ факультетовъ получаютъ докторскія шляпы.

всѣ мои недоумѣнія. Прежде всего мнѣ должно — такъ я по-крайней-мѣрѣ думаю — опредѣлить цѣль своего экзамена, а тамъ уже рѣшить, какого рода онъ долженъ быть. Намѣреніе, которое я предлагаю здѣсь на ваше разсмотрѣніе, есть только средство достигнуть высшаго полезнѣйшаго средства. И такъ вы видите, что мнѣ необходимо, совершенно-необходимо найти возможность придумать средство *ѣхать путешествовать.* Я еще очень неопытенъ, мало знаю свѣтъ и людей, и даже самого себя; но одно мнѣ совершенно ясно, а именно: что какое-бы впослѣдствіи ни было поприще моей дѣятельности какъ человѣка и гражданина, средство это все-же непремѣнное условіе для развитія моихъ способностей, для достиженія твердости и положительности, быстраго и вѣрнаго взгляда, точности сужденій во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, однимъ словомъ для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ человѣкомъ и полезнымъ гражданиномъ и чиновникомъ. Воображеніе есть господствующая изъ моихъ способностей; сердце у меня доброе, но идеи мои не тверды, я во многихъ отношеніяхъ сумасбродъ, вы сами это лучше меня знаете, добрѣйшій батюшка; но не хочу говорить теперь объ этомъ, потому-что надо сперва исправиться въ своихъ недостаткахъ, а потомъ уже говорить о нихъ. Всѣ эти качества между-тѣмъ такого рода, что они для моей-же погибели, непремѣнно будутъ все глубже и глубже укореняться, если я еще долго буду оставаться въ мирномъ, счастливомъ и дружескомъ кругу, гдѣ снисхожденіе господствующее качество. Я сдѣлаюсь мечтателемъ, буду безпрестанно парить въ какомъ-то идеальномъ мірѣ, стремиться за какой-нибудь безполезной мечтой; я сдѣлаюсь какимъ-то среднимъ, не нужнымъ существомъ, человѣкомъ изъ числа тѣхъ людей, поступки которыхъ суть безпрестанные образчики жалкой безхарактерности, сумасбродства и преобладающаго воображенія; я сдѣлаюсь существомъ безполезнымъ для себя и другихъ. Но къ чему еще дальше говорить о томъ, что вамъ, добрѣйшій батюшка, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ? Рѣшено: мнѣ непремѣнно *надо путешествовать.*

«Не удаляясь отъ направленія, которое занятія мои уже приняли, и безъ противорѣчія моимъ склонностямъ, есть два средства достигнуть этой цѣли: поступить въ гражданскую службу или посвятить себя ученому поприщу.

«Если поступить въ гражданскую службу, то зачѣмъ быть сперва

магистромъ (тамъ это вовсе не рекомендація), зачѣмъ прямо не держать канцелярскій экзаменъ (canzli-examen)? Зачѣмъ не заняться тогда исключительно изученіемъ того, что необходимо для этого рода занятій? Зачѣмъ учиться такому множеству разныхъ предметовъ, которые будутъ мнѣ совершенно безполезны и къ которымъ я не чувствую ни малѣйшей охоты? Не знаю, что вы скажете, но по моимъ понятіямъ сужденія мои относительно этого какъ нельзя болѣе вѣрны. Я тогда могу надѣяться быть посланнымъ за границу секретаремъ посольства или коммиссіи (legations-eller, commissions-sekreterare), или же найти случай ѣхать туда въ качествѣ домашняго учителя. Не знаю, легко или нѣтъ достигнуть чего-нибудь по гражданскому вѣдомству. Но мнѣ все кажется, что не можетъ быть, чтобы не было множества затрудненій. Увѣряютъ, что для того, чтобы получить мѣсто секретаря посольства, нужна большая протекція. Что касается того, чтобы найти случай ѣхать за границу домашнимъ учителемъ, то я говорилъ объ этомъ со многими, въ томъ числѣ и съ инспекторомъ нашей корпораціи (nations inspector), оберъ-директоромъ Афцеліусомъ (öfver-direktor Afzelius) (*). Онъ совсѣмъ уничтожилъ мои надежды. Сопровождать кого-нибудь во время путешествія, сказалъ онъ, объ этомъ и думать нечего—многіе-ли путешествуютъ? а если кто ѣдетъ, то избираетъ провожатымъ не молодаго и неопытнаго юношу, но человѣка пожилаго, солиднаго, опытнаго и преимущественно такого, который уже прежде путешествовалъ. — Опытнаго? Боже мой, да именно для того, чтобы пріобрѣсти опытность я и хочу путешествовать.

«Быть можетъ, я только по неопытности нахожу службу по гражданскому вѣдомству труднѣе. Вамъ это лучше, чѣмъ мнѣ извѣстно, милый батюшка. Быть-можетъ и потому, что мнѣ нѣсколько болѣе извѣстна дорога ученаго поприща, что я имѣю болѣе склонности къ нему, мнѣ и кажется, что я, посвятивъ себя ему, скорѣе всего достигну своей цѣли. Я сталъ-бы тогда заботиться о мѣстѣ доцента (docentur), а потомъ старался-бы пріобрѣсти право на стипендію для путешествія за границу. По этому, если мнѣ быть магистромъ, то я хочу быть имъ не иначе, какъ по заслугамъ. Въ 1803 году мнѣ минетъ 20 лѣтъ. Судите-же сами, добрѣйшій батюшка, могу-ли я, двадцатилѣтній юноша, всего

(*) Перъ фонъ Афцеліусъ былъ впослѣдствіи извѣстнымъ архіатеромъ.

десять лѣтъ послѣ того, какъ началось мое воспитаніе, справедливымъ образомъ домогаться того, что, быть можетъ, двадцать человѣкъ старше, достойнѣе и способнѣе меня стараются получить, и не будутъ-ли они, въ случаѣ того, если я чрезъ протекцію получу то, что не иначе должно-бы получать какъ по заслугамъ, имѣть полнаго права жаловаться, что имъ предпочли мальчишку?

«Другой, болѣе щедро-одаренный способностями, болѣе трудолюбивый, могъ-бы въ мои лѣта достигнуть того, чего я теперь еще не въ состояніи: совѣстно, но не могу не сознаться — *мнѣ это рѣшительно невозможно.* Судите меня, добрѣйшій батюшка, съ самою строгою справедливостію. Быть-можетъ, это признаніе уничтожаетъ счастливое заблужденіе, слишкомъ выгодное обо мнѣ мнѣніе; но, что дѣлать, рано или поздно это должно было случиться. Мнѣ пріятнѣе, что скажутъ: онъ не то, что мы думали, — чѣмъ если нѣсколько лѣтъ позже можно будетъ сказать утвердительно: онъ никогда не *будетъ* тѣмъ, чѣмъ увидѣть его мы предполагали. Вы видите батюшка, что не одно желаніе путешествовать побуждаетъ меня отложить мой экзаменъ до 1806 года, а убѣжденіе, самое искреннее убѣжденіе, что для достиженія болѣе основательныхъ, обширныхъ и прочныхъ познаній, для развитія моихъ немногихъ и небольшихъ талантовъ, для того, чтобы я со-временемъ могъ быть полезнымъ, это совершенно необходимо. Но, быть можетъ, я и ошибаюсь. Ожидаю поэтому вашего совѣта, милый батюшка. Я-же сколько ни думаю, сколько ни размышляю, а результатъ все одинъ: не быть магистромъ, а если и быть, то въ 1806 году. Быть первымъ я не домогаюсь: это невозможно; я хочу только одного, а именно: что если когда буду магистромъ, то быть имъ не вполовину, не вчетверть, не въ какую-бы то ни было дробь, а вполнѣ, совершенно вполнѣ».

Очень понятно, что, по полученіи этого письма, начались совѣщанія съ другомъ Раппгольтомъ, какъ это всегда дѣлалось при всѣхъ важныхъ семейныхъ обстоятельствахъ. Слѣдствіемъ было то, что всѣ доводы, приведенные молодымъ Гейеромъ для доказательства необходимости отсрочить экзаменъ, были признаны совершенно-неосновательными, и рѣшено было настаивать на томъ, чтобы онъ непремѣнно исполнилъ желаніе отца. Изъ уваженія къ нему и старому своему другу, юноша согласился, и отвѣчалъ, что если отецъ его и капитанъ Раппгольтъ этого хотятъ, то онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее, и не смотря ни на какіе

труды, постарается быть магистромъ къ 1803 году. Это междутѣмъ не осуществилось. Въ послѣдніе два семестра ему пришлось заняться приготовленіемъ двухъ меньшихъ братьевъ, и это отняло у него слишкомъ много времени.

Теперь въ жизни его послѣдовала перемѣна, которая описана имъ самимъ живыми красками. «Рѣшили, чтобы я взялъ такъназываемую кондицію — мѣсто домашняго учителя, и если можно, то въ знатномъ домѣ. Мой старый другъ и благодѣтель, вышеупомянутый капитанъ Раппгольдъ, которымъ мысль эта была подана, провелъ большую часть своей молодости въ большомъ свѣтѣ. Онъ оставилъ его. и разстался со всѣми своими блестящими надеждами, вслѣдствіе потери состоянія, доставшагося ему послѣ родителей, и какъ многіе предполагали, и вслѣдствіе несчастной любви. Онъ написалъ къ одному изъ друзей своей молодости, къ государственному совѣтнику барону Мальте Рамелю (Malte Ramel), и просилъ его убѣдительно принять во мнѣ участіе. Отвѣтъ этого важнаго человѣка былъ мнѣ показанъ. Онъ писалъ, что справлялся обо мнѣ у другихъ, и что свѣдѣнія, полученныя имъ изъ университета, говорятъ очень не въ мою пользу. Что я юноша пустой и вѣтренный. Въ первый разъ пришлось мнѣ теперь испытать важность людскаго мнѣнія и доброй славы. Мнѣ казалось, что я униженъ, опозоренъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Все мое существо возмутилось и я захотѣлъ непремѣнно возстановить свою репутацію, и превратить эту совершенно-неожиданную извѣстность въ болѣе для себя выгодную Такъ взялся я за перо и написалъ похвальное слово Стенъ-Стуре старшему (Areminnet öfver Sten Sture den äldre), для состязанія на полученіе наградъ, раздаваемыхъ Шведскою академіею въ 1803 г.». Легко себѣ представить собственное его изумленіе и изумленіе всего его семейства, когда, около Рождества, вдругъ совершенно неожиданно получено было извѣстіе, что онъ за свое сочиненіе удостоенъ первой награды Шведской академіи.

Возвращаясь въ слѣдующемъ году въ Упсалу (въ февралѣ 1804 года), онъ провелъ нѣсколько времени въ Стокгольмѣ, и при этомъ познакомился со многими извѣстными литераторами того времени. Нильсъ фонъ Розенштейнъ (Nils von Rosenstein), болѣе другихъ покровительствовалъ ему; и Гейеръ даже въ старости всегда вспоминалъ съ особымъ умиленіемъ доброжелательство, съ которымъ этотъ почтенный человѣкъ, столь извѣстный покрови-

тель каждаго молодаго таланта, поощрялъ его при вступленіи на литературное поприще. Съ Ленбергомъ (Lehnberg) онъ познакомился въ это-же время. Вотъ, что самъ онъ пишетъ о своей поѣздкѣ въ Стокгольмъ и о сдѣланныхъ имъ знакомствахъ:

«Хотѣлось-бы мнѣ сообщить вамъ кое-что о моей поѣздкѣ въ Стокгольмъ. Но съ чего начать? Такъ и быть, начну съ описанія того, котораго ставлю выше всего видѣннаго мною теперь въ Стокгольмѣ. Начну съ Ленберга. Я былъ у него — но только часъ, не больше; въ часъ трудно, думаю даже невозможно, узнать человѣка, а у меня даже и въ помышленіи нѣтъ хвастать знакомствомъ съ такимъ великимъ человѣкомъ, который, быть можетъ, давно уже позабылъ меня. Но въ Ленбергѣ есть что-то особенное, что въ первую минуту также замѣтно, какъ и послѣ болѣе короткаго знакомства, а именно — любезность и пріятность обращенія свойственны его характеру, и что вѣжливость—врожденное въ немъ качество. Къ нему невольно чувствуешь довѣріе. Его обхожденіе не похоже на обыкновенную свѣтскую, вседневную любезность. Мнѣ онъ понравился какъ человѣкъ, который сознаетъ, что онъ такъ великъ, что ему не для чего, передъ кѣмъ-бы то ни было, показывать себя иначе, какъ онъ есть, а такого привлекательнаго, простаго и истинно-геніальнаго человѣка не легко найти. Онъ былъ такъ снисходителенъ, что нашелъ, что сочиненіе мое не безъ достоинствъ, и это одобреніе мнѣ гораздо дороже и пріятнѣе, чѣмъ всѣ медали и похвалы академіи. Мнѣ такъ хотѣлось поблагодарить его, но этого нельзя было сдѣлать. Это могло быть принято за лесть, что̀ было-бы для меня какъ нельзя болѣе непріятно и больно. Мы говорили о словесности и философіи. Онъ скорѣе охуждалъ, чѣмъ хвалилъ родъ моего сочиненія, и я сознаюсь, что и самъ съ гораздо бо̀льшимъ удовольствіемъ читаю біографію, писанную перомъ Шиллера, чѣмъ похвальное слово, будь оно хоть произведеніе Томаса. По-моему, онъ очень хорошъ собою. Въ его лицѣ соединено то, что большею частію встрѣчается только порознь, — добродушіе и проницательность. Въ его открытомъ взглядѣ столько ума и мысли, что съ удовольствіемъ встрѣчаешь его. Лице его выразительно. Лица большей части людей точно запечатанныя письма: никакъ не угадаешь ихъ содержанія; только и видно, что одно имя, да порою боярская гербовая печать».

Во время поѣздки своей къ родителямъ, лѣтомъ 1804 года,

онъ познакомился съ человѣкомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи очень извѣстнымъ. Не задолго до своей смерти, въ то время, когда болѣзнь почти уже не позволяла ему заниматься, Гейеръ самымъ поэтическимъ образомъ описалъ, какъ онъ, слѣдуя однажды за двумя охотниками по лѣсамъ и горамъ, дошелъ въ прекрасное лѣтнее утро до Ремменскаго завода (Rämmens bruk), и тамъ въ первый разъ увидѣлъ Исаію Тегнера (Esaias Tegnér). Все время бытности ихъ вмѣстѣ, впродолженіе путешествія, предпринятаго ими по живописнымъ лѣсамъ сѣверной части Верманда (Wermland), изображено имъ, какъ цѣпь постоянныхъ споровъ. Уже тогда разность ихъ образа мыслей и дарованій рѣзко обнаруживалась; да и впослѣдствіи, при всякой новой встрѣчѣ, у нихъ снова возникалъ споръ отъ противуположности ихъ понятій и взглядовъ, — что, впрочемъ, нисколько не мѣшало имъ оставаться друзьями до самой смерти.

Уже сказано, что Гейеръ долженъ былъ оставить свое намѣреніе быть магистромъ въ 1803 году. Только въ февралѣ 1806 г. онъ наконецъ держалъ экзаменъ на эту ученую степень и получилъ высшую отмѣтку въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ. Въ испытаніи изъ эстетики и исторіи литературы у профессора П. Ф. Авривильюса (P. F. Aurivillius), познанія его сначала не были признаны удовлетворительными; но послѣ того, какъ онъ ко вторичному испытанію приготовился по Эшенбургову учебнику исторіи литературы (Eschenburgs Handbok i Litteraturens Historia), чего непремѣнно требовалъ профессоръ, ему отдана была должная справедливость. Изъ исторіи профессоръ аттестовалъ его: *съ похвалою одобряю познанія.* Удостоенный степени кандидата, онъ пишетъ родителямъ: «Жизнь моя теперь самая счастливая и пріятная, я читаю что мнѣ вздумается, веселюсь когда только представляется случай, и занятія мои теперь не иное что, какъ самое пріятное развлеченіе. Прощайте астрономія, физика и Еврейскій языкъ (*). Возвращаюсь на родину, и мои первые, мои старые друзья, мои поэты, мои геніальные писатели снова уносятъ меня въ гораздо высшія сферы, чѣмъ всѣ Парнасы въ мірѣ. Но скоро однакожь мнѣ придется подумать о своемъ диспутѣ. Я рѣшился написать его самъ; впрочемъ, еслибы не добрая

(*) Тутъ капитаномъ Раппгольтомъ на полѣ письма сдѣлана отмѣтка: «Очень жаль».

моя воля, то необходимость заставила-бы меня это сдѣлать. Профессоры на этотъ разъ очень скупы на диспуты. Кто купилъ воловъ, кто женился, кто нѣжится, кто спитъ и т. д. Мой экзаменъ окончился очень хорошо. Въ среду на прошлой недѣлѣ, 12 числа, былъ этотъ великій день. Которымъ стою въ спискѣ, я еще не знаю, да и сознаюсь — нисколько не любопытствую знать. Почетнаго мѣста мнѣ не придется занять) если почетное мѣсто не значитъ всякое, которое занимаешь съ честію, и вамъ, милый батюшка, придется проиграть ваше пари и приплатиться бокаломъ, если не ошибаюсь. Дай Богъ, чтобы доброму моему отцу никогда не приходилось испытывать потерь, при которыхъ совѣсть моя была-бы менѣе спокойна, чѣмъ теперь».

Во-время зимняго семестра онъ издалъ диссертацію (gradual-disputation), подъ заглавіемъ: «О политическомъ направленіи среднихъ вѣковъ» (De ingenio politico medii aevi) о которой, говорится въ письмѣ. Іюня 14 онъ былъ возведенъ въ степень магистра и увѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ. Въ письмѣ къ сестрѣ онъ проситъ ее, чтобы она «не составляла себѣ слишкомъ поэтической идеи о магистерскомъ вѣнкѣ и промоціи: лавры очень просто принесены изъ оранжереи, Парнасъ сдѣланъ изъ крѣпкихъ сосновыхъ досокъ и Музы въ парикахъ».

Два слѣдующіе года Гейеръ большею частію провелъ въ Упсалѣ, то самъ занимаясь, преимущественно изученіемъ философіи и исторіи, то приготовляя молодаго земляка для поступленія въ университетъ. «Впродолженіе всего этого времени, говоритъ онъ, воображеніе мое было совершенно безплодно, Музы были неблагосклонны ко мнѣ. Лавровый вѣнокъ, которымъ наградили меня, казался мнѣ теперь какою-то злою ироніею. Лишь только бывало возмусь за перо, то предо мною такъ и начнетъ пестрѣть весь богатый запасъ читаннаго мною; тутъ явятся всѣ роды слоговъ, проза, стихи всѣхъ размѣровъ, — хаосъ да и только». Онъ говоритъ, что въ этотъ періодъ жизни узналъ совершенно-чуждое ему прежде чувство, а именно зависть къ тѣмъ людямъ, которыхъ природа одарила положительными способностями къ какому-нибудь извѣстному роду занятій. Это чувство, по собственному его признанію, доводило его иногда до отчаянія. Мнѣ-же кажется, что оно скорѣе могло быть названо сознаніемъ силы, еще не вполнѣ узнавшей себя и въ раздумьѣ боязливо-озирающейся, недоумѣвая, надъ чѣмъ-бы сперва испытать себя. Это было чувство, заключав-

шее въ себѣ роскошь и бѣдность, силу и слабость, и которому только опытъ могъ дать вѣрное направленіе; вотъ именно на эту-то внутреннюю борьбу, на это самоиспытаніе Гейеръ и намекаетъ, когда говоритъ: «если во мнѣ есть самостоятельность, то она, вѣрьте, не легко мнѣ досталась». Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, писанныхъ впослѣдствіи, онъ очень вѣрно характеризуетъ себя, называя себя *ищущимъ* (en sökande). И дѣйствительно онъ какъ на зарѣ, такъ и на закатѣ жизни былъ именно ищущій. Онъ началъ съ того, что съ священнымъ благоговѣніемъ и ревностнымъ усердіемъ принялся отыскивать собственный свой геній, и подобно Іакову, борющемуся съ ангеломъ, настоятельно требовалъ благословенія. Благословеніе было дано, и ангелъ, поднявъ ясный свой взоръ, указалъ ему свѣтъ и истину. По взору этому онъ узналъ, что то былъ собственный его геній.

Въ 1808 году Гейеръ былъ опредѣленъ сверхкомплектнымъ канцеляристомъ въ государственный архивъ (extraordinarie kanslist i Riks-arkivet), и провелъ осень этого года и начало 1809 въ Стокгольмѣ. Въ-теченіе этого времени онъ издалъ диссертацію, подъ заглавіемъ: «Объ историческомъ слогѣ у Римлянъ» (De stilo historico apud Romanos), для полученія мѣста доцента исторіи. Кромѣ того онъ занималъ еще въ это время мѣсто домашняго учителя при сынѣ коммерціи совѣтника фонъ-Шинкеля. Мѣсто это онъ взялъ собственно потому, что надѣялся со-временемъ сопровождать воспитанника своего (впослѣдствіи камергера И. Ф. фонъ-Шинкеля. I. F. von Schinkel) за границу. Надежда эта осуществилась очень скоро, именно уже лѣтомъ 1809 года.

На пути въ чужіе краи онъ заѣхалъ не надолго домой, чтобы проститься съ родителями, родственниками и друзьями. Въ одно прекрасное лѣтнее утро, дорожный его кабріолетъ остановился у калитки аллеи, ведущей къ Оденстадскому господскому дому, находящемуся въ Гиллебергскомъ кирхшпилѣ (Odenstads herregård i Gillebera socken). Онъ вышелъ изъ экипажа и встрѣтился въ аллеѣ съ владѣльцемъ деревни Канутомъ Лилліебіерномъ (Knut Knutsson Lilljebjörn), вдовцемъ, который, какъ и все его семейство, принадлежалъ къ числу самыхъ короткихъ друзей ихъ дома. Не дѣлая ни малѣйшихъ предисловій, Гейеръ тутъ-же просилъ руки младшей его дочери. Старикъ, никакъ не ожидавшій внезапнаго этого предложенія, былъ имъ сначала пораженъ и старался отговорить юношу отъ его намѣренія, представляя ему, что онъ еще

не скоро будетъ имѣть возможность содержать семейство и жениться на той, которую любитъ. «Но если ты ее уже такъ любишь, сказалъ онъ наконецъ, то поди отыщи ее, и пусть она сама рѣшитъ, я не буду противиться ея желанію». И вотъ чрезъ полчаса, не болѣе, магистръ былъ уже обрученъ, получилъ благословеніе будущаго своего тестя, простился съ милою своею невѣстою и отправился въ чужіе края.

Прежде всего онъ посѣтилъ Англію. Здѣсь открылся для него новый міръ, и онъ понялъ, что жизнь здѣсь вовсе не похожа на ту, которую онъ создалъ въ юношескихъ своихъ мечтахъ; здѣсь, среди націи, главною чертою которой есть строгая положительность, развились окончательно всѣ способности его ума и души, и онъ изъ юноши сдѣлался мужемъ. Результаты своихъ наблюденій, впродолженіе этого годоваго отсутствія онъ сообщаетъ, въ самыхъ живыхъ и вѣрныхъ чертахъ, въ своихъ письмахъ къ родителямъ и невѣстѣ, напечатанныхъ въ его «Воспоминаніяхъ». Впродолженіе этого пребыванія въ Англіи онъ получилъ мѣсто доцента при Упсальскомъ университетѣ, какъ помощникъ профессора исторіи доктора Фанта (Fant). Въ 1810 году онъ возвратился въ свое отечество. Ободренный и одушевленный опытностію, онъ теперь только вполнѣ узналъ всю силу и богатство своихъ способностей; и вотъ, подъ вліяніемъ этого сознанія какъ самъ онъ говоритъ, и написанъ имъ, вскорѣ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, отвѣтъ на одну изъ темъ, назначенныхъ Шведскою академіею для состязанія въ краснорѣчіи, а именно: *Какія выгоды при нравственномъ воспитаніи человѣка можно извлечь изъ его фантазіи?* (Hvilka fördelar kunna vid menniskors moraliska uppfostran dragas af deras inbillningsgåfva?). За это сочиненіе онъ снова былъ удостоенъ первой награды академіи (*).

Передъ самымъ его путешествіемъ и во-время пребыванія заграницей, произошли между-тѣмъ большія и важныя перемѣны въ его отечествѣ, вслѣдствіе страшныхъ политическихъ переворотовъ въ Европѣ, свидѣтелями которыхъ были дѣтство и юность Гейера. Въ мирномъ сельскомъ жилищѣ, гдѣ протекло его дѣтство, до слуха его уже долеталъ рокотъ грома Французской революціи. Юношею онъ съ изумленіемъ и благоговѣніемъ слѣдилъ за

(*) Напечатано въ 5 части записокъ Шведской академіи (Sv. Aka. Handl. Del 5) подъ заглавіемъ: Svar på frågan: «Hvilka fördelar kunna и т. д.

смѣлымъ побѣдоноснымъ шествіемъ Наполеона и возрастающимъ его величіемъ. Опустошенія этой всемірной бури достигли наконецъ и до сѣвера, и Шведы чуть не были вычеркнуты изъ числа самостоятельныхъ народовъ. Финляндія, гдѣ пало столько вѣрныхъ сыновъ Скандинавіи, сдѣлалась жертвою для спасенія Швеціи.

Множество Шведскихъ юношей, одушевленныхъ патріотизмомъ, возбужденнымъ опасностію, поспѣшили принять участіе въ борьбѣ, въ которой изнемогала несчастная эта страна, и стать въ ряды Шведскихъ войскъ. Гейеръ, въ душѣ котораго любовь къ отечеству и благоговѣніе ко всему великому и благородному, занимали первое мѣсто, едва тоже не послѣдовалъ за ними въ качествѣ волонтера. Было и еще одно обстоятельство, немало побуждавшее его къ этому, а именно: въ числѣ молодыхъ воиновъ былъ одинъ изъ лучшихъ друзей его юности и товарищь по университету (*). Это былъ однакожь только минутный порывъ, и благоразуміе скоро опять взяло верхъ надъ увлеченіемъ. Отечество, стоявшее на краю гибели, было между-тѣмъ вскорѣ спасено, чрезъ переворотъ, давшій ему въ 1809 году болѣе свободный образъ правленія. Тотъ, кто внимательно слѣдитъ за судьбами государствъ и народовъ, невольно замѣтитъ, что есть событія, которыя, вслѣдствіе своей важности и грандіозности, какъ-бы выдвигаются впередъ, невольно заставляя чрезъ то обратить на себя особенное вниманіе. Мощное ихъ вліяніе на ходъ событій, — вотъ что дѣлаетъ ихъ замѣчательными. Видъ борьбы двухъ вѣковъ, переходъ стараго къ новому, не можетъ не привлекать на себя общаго вниманія. Подобное зрѣлище обновляетъ душу, вызываетъ великія мысли. Послѣ случившихся въ Швеціи важныхъ политическихъ переворотовъ, она тоже представляла теперь одно изъ этихъ величественныхъ и занимательныхъ зрѣлищъ. Революція 1809 года была не иное что, какъ гроза, очистившая тяжелый и удушливый воздухъ, давно тяготѣвшій надъ Швеціею при прежнемъ порядкѣ дѣлъ въ государствѣ; благодатный вѣтеръ свободы освѣжилъ всѣхъ, и новая жизнь и дѣятельность проявились не только въ политической сферѣ, но и въ сферѣ наукъ и искусствъ. Въ эту эпоху вновь оживившейся надежды, много новыхъ великихъ та-

(*) Въ настоящее время полковникъ и кавалеръ королевскаго ордена Меча (kongl. Svärds-Orden) и многихъ другихъ Лудовикъ Детловъ Хейкеншельдъ (Ludvig Detlof Heijkenskjöld).

лантовъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія вдругъ явилось въ отечествѣ Гейера.

Правда, въ литературѣ уже нѣсколько раньше замѣтно было нѣкоторое пробужденіе къ новой жизни; но строгость цензуры и обскурантизмъ, господствовавшіе въ царствованіе Густава Адольфа, подавляли всякое свободное проявленіе мысли. Нѣсколькими юношами въ Упсалѣ заключенъ былъ поэтому союзъ, цѣлью котораго было — возстать противъ господствовавшаго тогда направленія въ литературѣ и искусствахъ. Дѣятельность его была между тѣмъ болѣе отрицательная, болѣе полемическая. Нѣсколько позже (11 февраля 1811) въ Стокгольмѣ основанъ былъ другой юношескій союзъ (ynglingaförbund). Основателями его были двѣнадцать молодыхъ людей, связанныхъ товариществомъ и принадлежавшихъ къ одной университетской общинѣ (Landsmanskap); въ числѣ ихъ былъ и Гейеръ, находившійся въ то время въ Стокгольмѣ и служившій при государственномъ архивѣ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ союза, и, участвуя въ издаваемомъ имъ журналѣ, пріобрѣлъ такъ сказать первые свои лавры. Основаніе и дѣятельность этого союза описаны имъ самимъ въ статьѣ, помѣщенной въ послѣдней тетради журнала Идуна.

Разность дѣйствій обоихъ этихъ литературныхъ обществъ описана имъ слѣдующимъ образомъ: «Относительно характера и стремленія своихъ сотрудниковъ они были совершенно различны, хотя оба возставали противъ господствовавшаго у нихъ до-тѣхъ-поръ подражанія Французской школѣ. Такъ-называемые Готы обращали все свое вниманіе на минувшій вѣкъ сѣвера и вдохновлялись, поэтически воспѣвая могущественныя времена язычества; другіе, хотя конечно и между ними нѣкоторые не были совершенно чужды этого направленія, обратились преимущественно къ югу, къ Германской, почти уже всеобемлющей литературѣ, къ прекрасной Италіи и дивной ея поэзіи, облекая также свой восторгъ въ родные звуки. Направленіе ихъ было христіански-романтическое и совершенно-противуположно новому готизму».

Въ обществѣ пріобрѣтшаго уже извѣстность поэта Исаіи Тегнера Гейеръ сталъ теперь впервые испытывать свои силы въ поэзіи. Совершенно излишне было-бы напоминать объ исполненныхъ истинно-сѣвернаго величія, патріотическихъ стихотвореніяхъ, каковы его *Мангемъ* (Manhem), *Послѣдній витязь* (Jiste

Kämpen), ***Послѣдній скальдъ*** (Jiste Skalden), ***Викингъ*** (морской вождь Vikingen) и мн. др., которыя создали его пылкое юношеское воображеніе, потому-что они будутъ жить, пока будетъ биться хотя одно Шведское сердце. Вскорѣ онъ пересталъ выражать свои мысли стихами, очень рѣдко отступая отъ этого впослѣдствіи, но поэзія сдѣлалась душею его прозы. Поэтому онъ и говоритъ, что въ строгомъ смыслѣ стихотворенія его должны быть названы не стихотвореніями, а «произведеніями поэта.»

При описаніи дѣтства и юности Гейера мы имѣли возможность входить въ многія подробности, такъ-какъ переписка его находится въ нашихъ рукахъ; воспользовавшись этимъ, мы заставляли его преимущественно говорить самого, чрезъ что, я увѣренъ, всякому гораздо легче будетъ составить себѣ вѣрное понятіе о немъ. Сожалѣемъ, что не можемъ сдѣлать того-же для зрѣлаго его возраста, о которомъ слѣдуетъ говорить. Но теперь приходится судить о внутреннемъ духовномъ развитіи замѣчательнаго человѣка, отразившемся во всѣхъ его твореніяхъ. Поэтому послѣдующее не можетъ быть такъ-же богато содержаніемъ, какъ предыдущее; намъ приходится ограничиться однимъ описаніемъ событій, которыхъ очень немного въ однообразной его внѣшей жизни, изображая въ однихъ только общихъ чертахъ его дѣятельность какъ автора и ученаго.

Какъ уже извѣстно, въ то время, до котораго дошелъ нашъ разсказъ, сильная реакція господствовала не только въ политическо-историческомъ отношеніи противъ сумасброднаго направленія Французской революціи, но и въ чисто философскомъ противъ поверхностности Французскаго энциклопедизма, и господствовавшей въ предшествовавшемъ вѣкѣ такъ-называемой философіи здраваго смысла. Какъ протестъ въ послѣднемъ отношеніи, можно принять статью Гейера: «О ложномъ и истинномъ просвѣщеніи относительно къ религіи» (Om falsk och sann upplysning med afseende på religionen), изданную имъ въ 1811 году. Въ ней вполнѣ выразилась потребность имѣть болѣе твердую, болѣе глубокую и нравственную опору въ жизни, чѣмъ можетъ намъ дать одинъ нашъ умъ. Въ ней Гейеръ впервые высказываетъ ре-

лигіозныя свои убѣжденія, которымъ потомъ много суждено было измѣниться отъ опыта и размышленія: это первая статья цѣлаго ряда статей этого рода, которыхъ заключеніемъ служитъ его послѣднее сочиненіе: «Тоже нѣсколько словъ о религіозномъ вопросѣ нашего вѣка» (Ocksâ ett ord öfver tidens religiösa fråga). Что касается вышеупомянутой реакціи въ политическомъ отношеніи, то она, между товарищами Гейера по Стокгольмскому союзу, преимущественно замѣтна въ произведеніяхъ поэтовъ журнала «Идуна», которые большею частію брали сюжеты изъ отечественной исторіи.

Кромѣ тщательнаго изученія исторіи, Гейеръ въ это время много занимался философіей и эстетикой, и въ 1814 году искалъ вакантнаго тогда мѣста адъютантъ-профессора философіи при Упсальскомъ университетѣ, и былъ, по представленіи своей диссертаціи (De jure naturae, qua ratione hactenus tractatum fuerit), включенъ въ число кандидатовъ. Много плановъ было имъ теперь придумано, какъ-бы лучше устроить свою будущность, и имѣть скорѣе возможность жениться. Между прочимъ онъ даже думалъ итти въ духовное званіе и искать пасторской должности при Нѣмецкомъ приходѣ въ Норрчепингѣ (Norrköping), что однакожь вскорѣ, обсудивъ хорошенько, совсѣмъ оставилъ. То-же было и съ экзаменомъ въ кандидаты богословія, котораго теперь также не для чего было держать. Въ 1816 году онъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ, и опредѣленъ исправляющимъ должность профессора; цѣль его была достигнута. Вскорѣ потомъ онъ женился. Въ 1817 году, когда умеръ профессоръ Фантъ, онъ былъ удостоенъ званія профессора и утвержденъ въ должности.

Теперь для дѣятельности Гейера открылось новое обширное поприще и жизнь его становится въ высшей степени любопытна для внимательнаго наблюдателя. Кому изъ его современниковъ Шведовъ не памятны первыя его лекціи, которыя новизною и увлекательностію изложенія и энтузіазмомъ къ предмету приводили въ восторгъ его слушателей? Въ первый еще разъ исторія Шведскаго народа была изложена поэтическимъ образомъ. Занимательность, которую онъ умѣлъ придать даже самому маловажному событію, и его вдохновенное краснорѣчіе привлекали на лекціи не одну молодежь Упсалы, не однихъ студентовъ; между слушателями было множество людей пожилыхъ и даже дамъ. Въ числѣ послѣднихъ была одна очень извѣстная своими поэтическими

произведеніями иностранка, Амалія фонъ Гельвигъ (Amalia von Helwig), въ пріятномъ обществѣ которой Гейеръ часто проводилъ вечера, ища въ музыкѣ и остроумной бесѣдѣ отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ. Возвратясь потомъ домой, онъ нерѣдко просиживалъ часть ночи, готовясь къ лекціи слѣдующаго дня; онъ имѣлъ обыкновеніе писать каждый разъ не больше, чѣмъ нужно было для слѣдующей лекціи, и такъ, если у него днемъ не было времени, то онъ дѣлалъ это ночью. Впрочемъ, Гейеръ вообще не любилъ педантическаго порядка въ занятіяхъ, хотя, безъ сомнѣнія, трудился гораздо болѣе многихъ, а особенно въ первые годы по занятіи имъ профессорской каѳедры. Заниматься тѣмъ или другимъ въ извѣстные часы было ему рѣшительно невозможно, тѣмъ менѣе слѣдовать въ жизни какой-бы то ни было рутинѣ. Онъ часто говаривалъ: «я не могу быть поденщикомъ; если мнѣ нельзя перемѣнять занятій, то я пропалъ.» Музыка, которую онъ любилъ страстно, была его отдохновеніемъ; въ ней онъ почерпалъ новыя силы для трудовъ и она часто заставляла его забывать даже время, назначенное для другихъ занятій. Поэтому, если у него было какое-нибудъ срочное занятіе, то онъ и говорилъ иногда шутя: «теперь я боюсь подойти къ фертепіано».

Впослѣдствіи онъ во многихъ отношеніяхъ не одобрялъ первыхъ своихъ лекцій, недостаточно, по его мнѣнію, обдуманныхъ и слишкомъ мало основанныхъ на подробномъ занятіи источниками, а также доказывающихъ больше чувство и фантазію, чѣмъ глубокія историческія познанія. Не смотря на это, онъ, будучи уже старикомъ и находясь на краю гроба, часто сожалѣлъ, что нельзя возвратить этого времени, столь богатаго для него трудами и славой. «Тогда можно было что-нибудь сдѣлать, сказалъ онъ нѣсколько недѣль до своей смерти, тогда мнѣ ни почемъ было просиживать весь день и даже часть ночи, сочиняя свои лекціи или какую-нибудь музыкальную піесу; тогда я и не зналъ, что̀ значитъ усталость». И при этихъ словахъ на лицѣ его изобразилась трогательная грусть.

Хотя впослѣдствіи лекціи его были менѣе посѣщаемы, чѣмъ въ первые годы, тѣмъ не менѣе всякому, слѣдившему за ходомъ образованія въ Швеціи, хорошо извѣстно, какое огромное вліяніе дѣятельность его, какъ преподавателя, имѣла во всѣ періоды собственнаго его развитія на образованіе,—чему впрочемъ немало содѣйствовала его личность: ибо что̀-же такъ плѣняло его слушателей, какъ не способность оживлять предметъ, которою онъ въ

такой высокой степени былъ одаренъ, и безпредѣльное его благоговѣніе ко всему прекрасному и великому, которое онъ такъ хорошо умѣлъ передать и другимъ; какъ не энергія, не эти, изливающіяся изъ сокровеннѣйшей глубины души, великія, могучія мысли, выраженныя такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сильно; какъ не эта неподдѣльная и строгая любовь къ истинѣ относительно всего фактическаго въ области исторіи, это постоянно-устремленное вниманіе на все великое въ человѣчествѣ и искусство указать на важные, отъ того происшедшіе результаты? Но это еще не все; однимъ словомъ, это была его геніальность, такъ тѣсно, такъ удивительно слившаяся съ его личностію, которая такъ могущественно дѣйствовала на всякую другую личность, приходящую съ нимъ въ какое-бы то ни было соприкосновеніе. Чтобъ употребить, хотя и въ совершенно-вседневномъ смыслѣ, его собственное выраженіе изъ послѣдняго его сочиненія, онъ былъ такое *я*, которое не могло быть безъ *ты*.

Это яснѣе всего замѣтно, если смотрѣть на него, какъ на наставника. Для сколькихъ молодыхъ поколѣній, такъ часто смѣняющихся на берегахъ Фюриса, онъ, чрезъ одни личныя свои достоинства, былъ предметомъ любви и уваженія, и это безъ всякаго со стороны его особаго старанія, не входя даже ни въ какія болѣе короткія отношенія со студентами, какъ дѣлали многіе изъ его товарищей по службѣ. Въ немъ молодежъ, столь воспріимчивая до всего касающагося чувства, чтила душевное величіе и глубокое знаніе человѣческаго сердца.

Его профессорская дѣятельность не ограничивалась однимъ непосредственнымъ вліяніемъ на студентовъ; она во многихъ отношеніяхъ имѣла важное вліяніе и на всю Швецію, и Гейеру, осенью 1819 года, дано было лестное порученіе преподавать отечественную исторію наслѣднику престола. Въ то-же время ему поручено было написать исторію своего отечества, и плодами этого довѣрія были: «Лѣтопись государства Шведскаго». (Svea Rikes Häfder) и «Исторія Шведскаго народа» (Svenska Folkets Historia), къ-сожалѣнію, оба не оконченныя.

Вслѣдствіе даннаго ему порученія издать сочиненія Торильда (Thorild), Гейеръ написалъ къ нимъ родъ введенія, которое должно было опредѣлить, какое мѣсто Торильдъ занимаетъ въ истоеіи литературы какъ мыслитель. Эта статья, писанная имъ во-время пребыванія его на родинѣ въ 1820 году, сдѣлалась его собственною «Фи-

лософическою или нефилософическою исповѣдью», какъ онъ самъ ее называетъ, и заключала въ себѣ всю сущность его религіозно-философскихъ мнѣній. Правительство нашло ее во многихъ отношеніяхъ опасною и непозволительною. Изъ гофканцлерской канцеляріи (Hofkanslers-embete) ему сдѣланъ былъ строжайшій выговоръ, на томъ основаніи, что статья будто-бы содержитъ въ себѣ ученія до того противныя догматамъ Лютеранской вѣры, что ее слѣдуетъ отнести къ такимъ, которыя запрещены 3 § Уложенія о свободѣ книгопечатанія, въ которомъ строго воспрещено всякое отступленіе отъ чисто-евангелическаго ученія. Чтобъ оправдаться, Гейеръ явился въ университетскій совѣтъ, послѣ-того-какъ на статью наложено было запрещеніе; послѣ разныхъ придирокъ и проволочекъ, назначена была наконецъ коммиссія и авторъ оправданъ. Подробнѣйшій ходъ этого дѣла можно узнать изъ актовъ, изданныхъ по этому случаю. Происшествіе это возбудило между-тѣмъ всеобщее вниманіе, не только между членами университета, но и въ публикѣ. Студенты чуть не штурмовали переднюю залы совѣта, каждый разъ какъ въ ней было засѣданіе по этому дѣлу, и когда Гейеръ наконецъ былъ оправданъ, его съ тріумфомъ и пѣснями проводили домой.

«Не мы, сказалъ одинъ извѣстный ораторъ въ рѣчи, говоренной по-случаю смерти Гейера, не мы, для которыхъ вопросы дня имѣютъ еще слишкомъ живой интересъ, а только безпристрастное потомство можетъ быть вѣрнымъ судьею на-счетъ различныхъ формъ политическихъ убѣжденій Гейера, хотя и нѣтъ сомнѣнія, что всякое благородное и откровенно-выраженное убѣжденіе въ сущности свято». Этимъ онъ хотѣлъ намекнуть, что политическія убѣжденія Гейера впослѣдствіи значительно измѣнились, и это дѣйствительно было такъ. Но онъ-же замѣтилъ, и совершенно вѣрно, что есть извѣстныя общія, основныя правила, которыя постоянно проявляются въ убѣжденіяхъ Гейера, не смотря на то, что форма измѣняется,—что̀ и служитъ вѣрнымъ доказательствомъ существующей между ними внутренней связи. Первымъ сочиненіемъ Гейера, относящимся къ гражданскимъ учрежденіямъ, должно по-настоящему считать изданную имъ въ 1823 году статью, подъ заглавіемъ: *Кое-что новое по поводу вопроса о власти академическаго управленія.* Статья эта, хотя въ сущности только полемическое сочиненіе, преимущественно относящееся къ извѣстному предмету, однако, во многихъ отношеніяхъ, касается и поли-

тическихъ учежденій вообще, а также заключаетъ въ себѣ выраженіе тѣхъ убѣжденій, которымъ слѣдовала большая часть тогдашнихъ профессоровъ Упсальскаго университета, или вообще политическія убѣжденія такъ-называемой *исторической школы.* Въ ней слышался какъ-бы отголосокъ тѣхъ мнѣній, которымъ тогда поклонялись во всей Европѣ приверженцы такъ-называемой реставраціонной политики. На государственныхъ сеймахъ 1828—1830 годовъ Гейеръ является явнымъ приверженцемъ королевской власти,—роль, которой онъ впослѣдствіи всегда оставался вѣренъ. Понятно послѣ этого, сколько было шума, толковъ и пересудовъ, когда онъ въ 1838 вдругъ началъ писать въ «Литературномъ листкѣ» (Litteraturbladet) статьи въ защиту болѣе свободныхъ идей. Статьи эти, въ которыхъ выражались измѣнившіяся его мнѣнія, хорошо извѣстны всѣмъ. Для уважающихъ борьбу прямой и благородной души пусть собственныя его слова послужатъ свидѣтельствомъ относительно этого вопроса: онъ часто говаривалъ, что не могъ не итти по собственному пути, не слѣдовать своему призванію; уваженіе къ правиламъ и политическимъ мнѣніямъ другихъ — досихъ-поръ удерживало его, подавляло изліяніе его убѣжденій; но неблагородно и малодушно было-бы не высказать ихъ наконецъ. Вотъ это-то отчасти и объясняетъ, почему самое ихъ проявленіе было такъ-же внезапно, какъ изверженіе волкана.

Въ частной жизни, какъ и въ общественной, Гейеръ является человѣкомъ съ сердцемъ младенца и умомъ мудреца. Онъ часто говаривалъ, что вполнѣ увѣренъ, что нѣтъ человѣка, который во всю жизнь свою былъ-бы такъ счастливъ, какъ онъ. Причиною этому, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, были не одни внѣшнія обстоятельства, какъ-то: удовлетворенное авторское самолюбіе, общее къ нему расположеніе и т. д. Главная причина находилась въ немъ самомъ. Это была та мирная гармонія души, которая наслаждается собственнымъ своимъ спокойствіемъ. Внѣшнія выгоды и почести онъ мало цѣнилъ. Доказательствомъ этому можетъ служить, что когда онъ, будучи уже кандидатомъ на Линчепингскую епархію (Linköpings stift), былъ представленъ кандидатомъ на Карльстадскую (Carlstads), и король самъ назначилъ его главою этой епархіи, то онъ отказался отъ этой чести, не смотря на то, что дѣло шло о

томъ, чтобы сдѣлаться важнымъ сановникомъ своей родины, и что его друзья и родные очень его о этомъ просили. Причина этого отказа ясна изъ собственныхъ его словъ: «профессоромъ Гейеромъ хочу я жить и умереть». Излишне даже и упоминать, что онъ любилъ свое отечество со всею преданностію, свойственною его прекрасной душѣ. Преданія отечества, его слава, будущность, выгоды всегда были ему священны. Для блага отечества онъ готовъ былъ всѣмъ жертвовать. «Шведская нація, сказалъ онъ однажды, моя первая и послѣдняя любовь». Не смотря на свою гордость, онъ нисколько не былъ занятъ своими достоинствами; предметъ, которымъ онъ увлекался, стоялъ для него выше всего. Что-же касается прочаго, то девизомъ его было: цѣнить все не выше, чѣмъ оно дѣйствительно стоило. Постояннною его мыслью было, что, вскорѣ послѣ его смерти, найдется такой человѣкъ, который, какъ патріотъ и историкъ, далеко превзойдетъ его. И это невыразимо счастливило его. Однимъ изъ его качествъ былъ и врожденный оптимисмъ. Онъ не только *хотѣлъ* видѣть все въ хорошемъ свѣтѣ, но духовно дѣйствительно видѣлъ все такъ, и это озаряло яснымъ свѣтомъ все окружавшее его.

Въ юношествѣ и въ возмужаломъ возрастѣ онъ обыкновенно былъ молчаливъ, почти постоянно погруженъ въ размышленія и занятъ наукой. Ему было тягостно, когда его заставляли высказывать свои мысли, и тогда нерѣдко случалось, что онъ, разгорячившись, говорилъ гораздо болѣе, чѣмъ-бы слѣдовало. Если его оставляли въ покоѣ, не мѣшали ему читать, писать и думать, то его присутствіе въ домѣ дѣлалось почти незамѣтнымъ, и только звукъ фортепіано подъ-часъ напоминалъ о немъ. Нерѣдко просиживалъ онъ за нимъ по цѣлому часу, фантазируя на двѣ или три темы, увѣряя, что эти постоянно-повторяющіеся звуки — лучшее для него средство рѣшить какую-нибудь трудную проблему. Когда у него бывали какія-нибудь тяжелыя умственныя занятія, то часто слышали, что онъ повторялъ отдѣльныя фразы по-Латыни или по-Англійски. Въ старости, онъ сдѣлался болѣе сообщителенъ и въ особенности послѣ 1838 года, когда онъ между товарищами своими по убѣжденію сталъ считать себя одинокимъ.

Природа одарила его рѣдкими тѣлесными силами, упадокъ которыхъ сталъ замѣтенъ только въ послѣдніе годы его жизни. Самъ онъ этого никогда не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣтить: потому-что юношески-свѣжая душа его никакъ не могла свык-

нуться съ мыслію, что обитаетъ въ тѣлѣ старика. Причиною его нездоровья было, такъ должно думать, долговременное болезненное разстройство сердца, которое, вѣроятно, произошло отъ излишнихъ трудовъ и постояннаго сидѣнья за письмомъ или чтеніемъ, и началось уже лѣтъ двадцать или болѣе до его смерти. Отъ трудовъ при составленіи «Лѣтописи государства Шведскаго» у него образовалась аневризма въ сердцѣ. Уже въ 1837 году онъ для историческихъ своихъ занятій былъ уволенъ отъ обязанности экзаменовать студентовъ. Слишкомъ сильное напряженіе силъ при послѣднихъ его лекціяхъ, было, быть можетъ, причиною полнаго и окончательнаго развитія болѣзни. Онъ два раза упалъ въ обморокъ во-время лекцій, и послѣ втораго обморока не могъ уже продолжать лекціи. Это было въ февралѣ 1846 г. Поѣздка за границу для поправленія здоровья была теперь рѣшена. Когда онъ уѣзжалъ изъ Упсалы, студенты самымъ трогательнымъ образомъ прощались со старымъ, искренно-любимымъ и уважаемомъ наставникомъ. Когда пароходъ сталъ отплывать отъ берега съ него раздались хорошо-знакомые звуки: «Viken tidens flygtige minnen». Путешествіе было предпринято въ половинѣ мая чрезъ Гамбургъ, Гановеръ и Бельгію въ Шлангенбадъ. Чрезъ три мѣсяца онъ возвратился въ Швецію чрезъ Германію и Данію; но силы его скоро уменьшились, и здоровье его нисколько не поправилось.

Уже прежде имъ рѣшено было переѣхать въ столицу, чтобы при своихъ изслѣдованіяхъ имѣть государственный архивъ подъ рукой. Рѣшеніе это было приведено въ исполненіе въ октябрѣ 1846 года. Теперь онъ уже не былъ тотъ-же дѣятельный человѣкъ, какъ прежде, хотя душа его и не утратила своей пылкости; но силы его были истощены и смерть быстрыми шагами приближалась къ нему.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ описанію послѣднихъ часовъ его жизни, постараемся представить ее въ общей картинѣ. Глядя на Гейера, намъ кажется, что мы видимъ предъ собою путешественника, подымающагося на гору, который по-временамъ останавливается, чтобы полюбоваться прекраснымъ видомъ. Чѣмъ выше онъ поднимается, чѣмъ шире становится горизонтъ, тѣмъ сильнѣе бьется его пылкое, любящее все прекрасное сердце, тѣмъ ему становится отраднѣе и легче. Наконецъ онъ, запыхавшись, достигаетъ вершины. Съ упоеніемъ, съ восторгомъ любуется онъ теперь необъятной, освѣщенной солнцемъ преспективой, вдругъ открыв-

шеюся изумленнымъ его взорамъ; но сердце его перестаетъ биться, въ глазахъ темнѣетъ, онъ падаетъ и все кончено для него.

Послушаемъ теперь, что онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ другу, писанномъ имъ въ послѣдній день годовщины своего рожденья, 12 января 1847 года: «Если я оглянусь и посмотрю на прошлую свою жизнь, то не могу не благодарить усердно Бога за всѣ радости и счастіе, ниспосланныя Имъ мнѣ. Во всѣхъ событіяхъ моей жизни есть какая-то внутренняя связь, которая становится мнѣ все яснѣе и яснѣе, и заставляетъ меня благоговѣть предъ отеческою заботливостію всеблагаго Провидѣнія. Говоря о событіяхъ моей жизни, я подразумѣваю внутреннюю нравственную жизнь. Вся жизнь моя проникнута одною основною мыслію, которая становится мнѣ все яснѣе и яснѣе, и не есть твореніе моего ума, потому-что она была моею руководительницею и наставницею до нынѣшняго дня. Еслибъ мнѣ должно было дать ей какое-нибудь имя, то я назвалъ-бы ее не иначе, какъ началомъ личности (principe de personnalité), проповѣдникомъ котораго я сталъ почти невольно. Я разумѣю этимъ, что удалилъ отъ себя и свергъ съ себя все то, что могло удержать и замедлить развитіе моей духовной жизни. Впрочемъ, все это совершилось большею частію безъ особаго со-стороны моего содѣйствія. Но какъ-бы то ни было, это все-же совершилось, и мнѣ становится теперь ясно, что все, за что я столько сражался въ литературѣ, политикѣ и религіи, въ сущности не что иное, какъ эта моя личность и ея сокровенныя права, въ высшемъ ихъ значеніи. Мнѣніе мое объ этомъ предметѣ вообще изложено мною въ небольшой статейкѣ на Нѣмецкомъ языкѣ: «Еще нѣсколько словъ о религіозномъ вопросѣ нашего вѣка», которая теперь уже издана въ Германіи. Въ ней заключается послѣднее мое мнѣніе о политикѣ, философіи и религіи. Ты знаешь, что я часто говорилъ тебѣ, что еще не чувствую приближенія своего конца. Теперь, мнѣ кажется, онъ долженъ-быть близокъ, и жизнь моя является мнѣ, какъ оконченная линія, въ которой меня съ завязанными глазами путеводилъ какой-то добрый духъ».

Едва успѣлъ онъ окончить это письмо, какъ ему сдѣлалось дурно и окружающимъ его стало ясно, что ему уже не долго остается быть съ ними. Онъ между-тѣмъ бодрился сколько могъ, рисовалъ днемъ, и ночью въ грезахъ, — какъ самъ разсказывалъ — создавалъ цѣлыя симфоніи, которыя и заставлялъ играть себѣ. Но

смерть, увы! была не далеко. Скоро онъ слегъ въ постель, чтобы уже больше не вставать. Во-время агоніи онъ часто восклицалъ: «Господи Іисусе Христе!» и спрашивалъ — который часъ? Когда его наконецъ, по собственному его желанію, перенесли на другую кровать, то душа его тихо освободилась отъ бренныхъ своихъ оковъ, и онъ уснулъ мирнымъ сномъ вѣчности, окруженный своимъ семействомъ и нѣсколькими старыми друзьями, въ то время, какъ колоколъ церкви св. Іакова созывалъ христіанъ къ вечерней молитвѣ и заходящее солнце разливало яркій свѣтъ на тихія волны (23 апрѣля 1847 года).

Бросимъ теперь взглядъ на то, что Гейеръ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (стр. 9) говоритъ о раннихъ своихъ музыкальныхъ занятіяхъ и музыкѣ, «этомъ прекрасномъ искусствѣ, этомъ богатомъ источникѣ наслажденія впродолженіе всей жизни». Здѣсь мы читаемъ разсказъ о ребенкѣ, взросшемъ въ отдаленной деревнѣ въ кругу почтеннаго семейства, въ которомъ высоко уважали искусства, между которыми музыка занимала одно изъ почетныхъ мѣстъ. Старая, глухая тетка и почтенный другъ дома, страстный любитель музыки и словестности, были первыми и главнѣйшими его наставниками и руководителями. Не смотря на это, Гейеръ шестьнадцати лѣтъ вышелъ изъ этой странной консерваторіи съ истинными музыкальными познаніями,— что̀ отчасти видно изъ нѣкоторыхъ его писемъ, писанныхъ имъ въ то время когда онъ былъ студентомъ въ Упсалѣ; нѣкоторыя извлеченія изъ сихъ писемъ не будутъ, надѣемся, лишними. Изъ нихъ видно, что этотъ любящій музыку юноша въ первое время пребыванія своего въ Упсалѣ не имѣлъ фортепіано, на что онъ постоянно не перестаетъ жаловаться. Наконецъ дѣло, это было улажено, фортепіано пріобрѣтено и Гейеръ, извѣщая родителей своихъ о счастливомъ этомъ событіи, кончаетъ восклицаніемъ: «Вотъ теперь-то мнѣ наконецъ можно будетъ поиграть!» Не смотря на это, Гейеръ повидимому былъ не слишкомъ-то доволенъ своею жизнью въ Упсалѣ, по-крайней-мѣрѣ въ музыкальномъ отношеніи и въ началѣ своего студенства очень скучалъ по роднымъ; это видно изъ письма, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Возвратясь въ Упсалу, я нашелъ свое фортепіано и много милыхъ старыхъ друзей. Ни одна струна не

лопнула, но оно очень разстроено. Впрочемъ, и вся моя музыка въ Упсалѣ будетъ, вѣроятно, не что иное, какъ разстроенный, слабый отголосокъ того, что я прежде слышалъ и чѣмъ наслаждался». Эти грустныя слова написаны имъ по возвращеніи его съ родины въ Упсалу, въ позднюю осень, послѣ довольно-продолжительнаго пребыванія въ Фресвидалѣ (Frösvidal) — мѣстѣ, гдѣ онъ въ различные періоды жизни провелъ столько счастливыхъ дней, и гдѣ хозяйкою дома была одна изъ любезныхъ и благородныхъ женщинъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

Въ письмѣ отъ 4 мая 1801 года онъ въ первый разъ говоритъ о своихъ музыкальныхъ сочиненіяхъ. Какая-то сочиненная имъ соната посланная, къ старому его другу и «благодѣтелю» капитану Раппгольту, память котораго Гейеръ особенно чтилъ, и о которомъ часто, даже и въ старости, говарилъ со слезами на глазахъ, была какъ-кажется поводомъ къ довольно-забавной сценѣ въ Вермландѣ, потому-что Гейеръ въ вышеупомянутомъ письмѣ къ отцу между прочимъ пишетъ: «Я готовъ-бы отдать Богъ знаетъ что, чтобы быть свидѣтелемъ музыкальнаго спора между капитаномъ Раппгольтомъ и Рейманомъ. Я, конечно, могъ думать, что моя соната въ-состояніи причпнить разнаго рода непріятности, какъ-то: зѣвоту, сонливость, скуку и проч. и проч.; но чтобы за нее выдрали кого-нибудь за волосы, кромѣ, разумѣется, самого господина композитора, это мнѣ даже и во снѣ никогда-бы не приснилось».

Позже мы видимъ, что онъ, во-время пребыванія своего въ Стокгольмѣ, занялся изученіемъ теоріи музыки. «Уже нѣсколько времени, пишетъ онъ, пачкаю я теперь безпрестанно нотную бумагу такъ-называемыми своими композиціями, которыя почтенный Фригель (Frigel) по добротѣ своей просматриваетъ. Много, много бываетъ перемарокъ, но о Фригелѣ можно сказать: кого онъ любитъ, того и наказуетъ. Я чувствую къ нему особенное уваженіе. Онъ почтенный человѣкъ, не только какъ композиторъ, но и во всѣхъ отношеніяхъ вообще. Дай Богъ, чтобы занятія мои имѣли успѣхъ, такъ чтобы и я когда-нибудь былъ въ-состояніи насать что-нибудь такое, какъ онъ! Но нѣтъ, это слишкомъ смѣлое желаніе».

Въ то время, какъ нашъ молодой любитель музыки, получившій уже тогда за свою статью Äreminnet öfors Sten Sture den äldre- первую награду Шведской академіи, находился въ столицѣ, онъ имѣлъ случай познакомиться со многими знатными людьми, люби-

телями музыки, какъ-то: съ Шельдебрандомъ (Sköldebrand), Крюселемъ (Crusell), Сильверстольпе (Silfverstolpe) — хорошимъ знатокомъ музыки, который былъ знакомъ съ Гайдномъ (Haydn), и разсказывалъ о немъ много интереснаго — и еще многими другими. У нихъ въ домѣ онъ не только имѣлъ случай слышать разныя оперы: Ифигенію (Iphigenie i Tauriden), Водовоза (Vattendragaren), Фальке Биргерсонъ (Falke Birgersson) — которыя называетъ онъ «божественными»; романсъ «Путешественникъ En Vandringsman), который былъ списанъ и посланъ къ сестрѣ, но и знаменитыхъ виртуозовъ того времени, изъ которыхъ старикъ Мюллеръ (Müller) преимущественно восхищалъ его. Нѣсколько раньше, есть другое, писанное имъ къ сестрѣ немедленно послѣ-того, какъ онъ слышалъ Реквіемъ Моцарта. Оно отъ 9 марта 1805 года, но по замѣчательности своей и интересу оставлено нами для заключенія.

«Воскликни со мною: нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ — я слышалъ Реквіемъ Моцарта, милая моя сестра, и не нахожу словъ, чтобы описать слышанное мною; а прошу тебя думать о небѣ и всѣхъ ангелахъ, до-тѣхъ-поръ, пока сама не поймешь того, чего выразить не можетъ ничье перо.

«Я былъ въ Стокгольмѣ два раза. Въ первый разъ я не былъ такъ счастливъ. Много и тогда говорили о Реквіемѣ и Сотвореніи міра, но не знаю почему, а концертъ какъ-то не состоялся. Вечеромъ въ молитвенный день (Böndagsabton), въ пятницу, въ 12 часовъ, я узналъ, что наконецъ данъ будетъ Реквіемъ. Я готовъ былъ прыгать отъ радости, и уже въ 2 часа отправился съ товарищемъ своимъ Левенгельмомъ въ путь. Совершенно неожиданно концертъ былъ снова отсроченъ, и намъ пришлось ожидать дня два; но въ награду мнѣ удалось присутствовать при репетиціи, такъ-что я слышалъ его два раза. Развернувъ партитуру, которую одолжилъ мнѣ Сильверстольпе, я слѣдилъ за каждою нотою, сколько позволялъ мнѣ омраченный слезами взоръ; и мнѣ казалось, что я въ потьмахъ стою на берегу, и незримый, безпредѣльный океанъ величественной гармоніи кипитъ у ногъ моихъ, и грозитъ мнѣ разрушеніемъ. Въ этихъ хорахъ есть что-то до того потрясающее, могучее, что человѣкъ невольно содрагается, трепещетъ. Ты знаешь, что слова Реквіема—католическая обѣдня по усопшимъ. Сперва слышатся тихіе и таинственные звуки музыки, и когда вслѣдъ за тѣмъ одинъ голосъ за другимъ начинаетъ пѣть послѣ этого ве-

личественнаго начала: «Господи пошли имъ вѣчный покой!» до-тѣхъ-поръ, пока весь хоръ, подымаясь медленными волнами все выше и выше, и слившись въ одно божественное цѣлое, уносится какъ-бы къ небу: то чувствуешь, что готовъ-бы, упавши въ прахъ, плакать и молиться. Такого благоговѣнія, чего-либо такого священнаго я никогда еще не испытывалъ; и теперь я только понялъ, что все святое и божественное, истинно-небесное, для котораго нѣтъ словъ, но которое человѣкъ предчувствуетъ и на которое надѣется, только музыкою можетъ быть вызвано изъ глубины сердца, что она только можетъ заставить насъ понять это, и тѣмъ наполнить душу нашу небесною неизмѣнною радостію, Реквіемъ написанъ Моцартомъ для панихиды по немъ самомъ, и можетъ быть названъ его преображеніемъ, гдѣ душа его, которой скоро должно было сбросить свою земную оболочку, проходитъ всѣ измѣненія, ощущаетъ сперва горе, раскаяніе, смущеніе, ужасъ и наконецъ упоенная любовью, благодарностію, надеждой, торжествующая и очищенная, уносится съ хвалебною пѣснью къ своему Создателю. Исполненіе, сколько мнѣ позволяло судить мое душевное волненіе, было совершенно удовлетворительно. Неужели тебя не удивляетъ, что мнѣ удалось слышать столько прекраснаго? Да, я былъ счастливъ, и воспоминаніе еще долго будетъ счастливить меня. Какъ въ свѣтлыхъ прохладныхъ волнахъ, я освѣжился въ прекрасныхъ счастливыхъ ощущеніяхъ, и искренно благодарю Бога, давшаго столько счастія на долю человѣка. Не многаго желаю я, еще меньшаго имѣю право требовать; но объ одномъ только молю, чтобы Онъ сохранилъ мнѣ свѣжесть, чистоту души и воспріимчивость ко всему прекрасному, возвышенному, заключающемуся во всемъ созданномъ Имъ, и я увѣренъ, что міръ и жизнь никогда не покажутся мнѣ скудны наслажденіями. Когда я любуюсь прекрасными Его твореніями, то глубоко чувствую свое ничтожество, и часто сомнѣваюсь—дѣйствительно-ли я рожденъ быть художникомъ. Трудъ! да, я имѣю твердую волю, а человѣкъ создается собственною волей: но божественное приходитъ независимо отъ него, достается на долю счастливца, какъ подарокъ безпредѣльной благости Творца: если оно не досталось тебѣ въ удѣлъ, тебѣ ужъ не пріобрѣсть его ничемъ: но наслаждайся имъ и ты будешь счастливъ».

Вотъ вкратцѣ все самое любопытное относительно музыки, заключающееся въ вышеупомянутыхъ письмахъ, изъ которыхъ въ по-

слѣднемъ этотъ даровитый-юноша обнаруживаетъ не только свое могущество, но и того рода скромность, которая всегда бываетъ неизмѣнной спутницею могущества. Отдѣльныя мысли и сужденія о музыкѣ находятся во многихъ его сочиненіяхъ, почему мы и не считаемъ нужнымъ приводить ихъ здѣсь. Что Гейеръ впродолженіи своей жизни познакомился съ многими артистами, что онъ имѣлъ случай слышать многихъ извѣстныхъ виртуозовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, замѣчательно только потому, что онъ самъ замѣчателенъ: потому-что кто-же въ наше время не видѣлъ и не слышалъ почти всего? Гейеру между-тѣмъ, не смотря на его обыкновенныя способности и пламенную любовь къ музыкѣ, не удалось заняться ею столько, сколько онъ желалъ-бы этого. Онъ могъ только посвящать ей свои досуги, время отдыха отъ другихъ его трудовъ, которые имѣли не менѣе привлекательности для этого необыкновеннаго человѣка, со столь многостороннимъ умомъ, и къ которымъ еще болѣе поощряло его всеобщее одобреніе.

Вотъ почему Гейеръ и оставилъ намъ такъ мало въ музыкальномъ отношеніи; Музы могли его посѣщать только украдкою. Впрочемъ, Гейеръ никогда и не считалъ себя иначе, какъ дилетантомъ въ музыкѣ, и врядъ кто-либо судилъ себя строже, чѣмъ онъ самъ, и былъ менѣе занятъ своимъ талантомъ, который между-тѣмъ былъ истинно-замѣчателенъ. Тө-же, что Гейеръ однакожь занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ на музыкальномъ Парнасѣ Швеціи, объясняется не только тѣмъ, что въ ней такъ мало даровитыхъ композиторовъ, но и тѣмъ, что хотя Гейеръ-музыкантъ и былъ не больше мизинца Гейера-историка, философа и политика, однакожь эта частица его генія была довольно велика, чтобы сдѣлать замѣчательными его музыкальныя произведенія. Притомъ-же музыка Гейера была ни что иное, какъ онъ самъ, точно такъ-же, какъ и вся его авторская дѣятельность была проникнута музыкою, и музыка нерѣдко помогала ему находить вѣрное выраженіе для доказательства какой-нибудь мысли, какой-нибудь великой истины, относящейся до предмета, не имѣющаго ничего общаго съ музыкой. Да, не смотря на опасеніе быть не понятымъ или ложно понятымъ, нельзя почти не сказать, что музыка была какъ-бы прибавленіе, которое не только дополняло, но и объясняло индивидуальность Гейера, и дѣлала изъ него одного изъ самыхъ гармоническихъ и многосторонне-образованныхъ людей, когда-либо существовавшихъ. Въ музыкѣ есть какая-то высокая строгость, пра-

вильность, которая между-тѣмъ, если хорошо ее понять, все-же допускаетъ самую полнуѣ свободу, самое безпредѣльное разнообразіе. Соединеніе самой пылкой фантазіи и высшей проницательности строгаго ума ничѣмъ не можетъ быть такъ хорошо выражено, какъ музыкою; развитіе, которое прекрасная и великая душа Гейера чрезъ нее получила, отразилось на всей его дѣятельности и не только дало сердечную теплоту его мысли и правильность его чувству но и заставило ихъ постоянно вмѣстѣ трудиться. Вотъ почему въ немъ и не было пристрастія, и частное имѣло въ глазахъ его цѣну только по связи своей съ цѣлымъ, почему имъ нигдѣ и никогда не выражено односторонней справедливости, которая могла-бы быть несправедливостію относительно къ чему-нибудь другому. Однимъ словомъ, главною характеристическою чертою Гейера было — постоянное стремленіе отыскивать гармонію, существующую во всей природѣ между частнымъ и цѣлымъ, и ихъ тѣсное соединеніе въ одно общее цѣлое.

Не смотря на всѣ споры, возникшіе отъ разности мнѣній и взглядовъ, Гейеръ все-же общимъ голосомъ признанъ — геніемъ. И онъ дѣйствительно былъ геній, рѣдкій геній, даже и въ музыкѣ; если онъ и не зналъ всѣхъ тонкостей и уловокъ, которыми обыкновенно увлекаютъ нашъ слухъ, то онъ все-же былъ одаренъ отъ природы гораздо высшею и рѣже-встрѣчающеюся способностію всегда вѣрно угадывать самое лучшее и возвышенное и выражать свои мысли самымъ трогательнымъ и благороднымъ образомъ. Конечно, Гейеръ былъ поэтому скорѣе музыкантъ по инстинкту и природнымъ дарованіямъ, чѣмъ по наукѣ и рутинѣ, но онъ тѣмъ не менѣе питалъ почти до благоговѣнія доходящее уваженіе къ артистическому совершенству даже и въ формѣ, которое, сколько дозволяли ему время и знаніе музыки, старался самъ пріобрѣсти. Его дилетантизмъ былъ самый привлекательный, милый и скромный. Человѣка менѣе обидчиваго относительно замѣчаній, касающихся формы или правилъ и вообразить трудно. И если образованіе обусловливается способностію понимать — чего еще не достаетъ въ этомъ образованіи, то Гейеръ вполнѣ его имѣлъ: потому-что онъ и въ музыкѣ постоянно догадывался, что есть еще что-то «за горами», какъ онъ часто выражался. Но не въ одномъ своемъ письмѣ о Реквіемѣ Моцарта онъ съ отчаяніемъ выразилъ свое сомнѣніе о томъ, дѣйствительно-ли въ немъ есть призваніе быть артистомъ. И впослѣдствіи онъ часто съ грустію

говорилъ объ этомъ. За то Гейеръ пользовался такимъ счастіемъ, которое достается въ удѣлъ очень немногимъ, и никогда не достается посредственности, а именно—онъ могъ сомнѣваться и отчаяваться, не довѣряя своимъ силамъ. Вліяніе Гайдна, Моцарта и Бетховена ясно отразилось въ музыкальныхъ произведеніяхъ Гейера; но въ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно, сколько торжественное величіе прекрасныхъ лѣсовъ Вермланда имѣло вліянія на музыкальное его развитіе; замѣтно, что ему хорошо понятенъ голосъ природы и что въ ней ничто для него не нѣмо; это-то и придаетъ его композиціямъ особенную индивидуальность и дѣлаетъ ихъ столь прекрасными. За то Гейеръ особенно любилъ и высоко уважалъ этихъ великихъ и безсмертныхъ виртуозовъ, геніальныхъ композиторовъ,—что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему отдавать должную справедливость и новымъ даже и не большимъ произведеніямъ; онъ былъ только неумолимо-строгъ ко всему жеманному, притворно-ложному, къ неудачному и посредственному, старающемуся выдать себя за хорошее и великое, къ глупымъ претензіямъ бездарности, которая никакъ не могла укрыться отъ его проницательнаго взгляда. Никто поэтому и не могъ находить страннымъ, или толковать въ дурную сторону глубокаго волненія, съ которымъ онъ часто слушалъ, какъ пѣли или играли собственныя его произведенія, когда они были исполняемы такъ, что вѣрно олицетворяли его мысль. Это волненіе происходило гораздо менѣе отъ удовлетвореннаго авторскаго самолюбія, чѣмъ отъ удовольствія, что ему удалось такъ хорошо достигнуть цѣли; оно было скорѣе выраженіемъ его благоговѣнія и благодарности къ искусству, которое болѣе чѣмъ что-либо въ мірѣ услаждало его труженическую жизнь.

По мнѣнію Гейера, всѣ его музыкальныя сочиненія и даже и многія другія произошли вслѣдствіе различныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Такъ наприм. знакомство съ піанисткою бывало поводомъ ко множеству піесъ для фортепіано, съ пѣвицею—къ сочиненію романсовъ и т. д. Студентамъ онъ писалъ квартеты для пѣнія и хоры. Случай нечаянно свелъ его съ нѣсколькими искусными скрипачами, любителями квартетовъ, и это побудило его къ нѣсколькимъ очень удачнымъ попыткамъ въ этомъ особенно-трудномъ родѣ музыки, къ сочиненію многихъ соло для скрипки или віолончеля, дуэтовъ на этихъ инструментахъ, сонатъ для фортепіано и віолончели или скрипки, и нѣсколькихъ терцетовъ и квар-

тетовъ для этихъ инструментовъ. Для госпожи А. Л. Левенгельмъ (Löwenhjelm), урожденной Гейерстамъ (Geijerstam), онъ сочинилъ множество фортепіанныхъ піесъ, которыя никогда не были написаны, потому-что г-жа Левенгельмъ, большая любительница музыки, имѣла рѣдкую музыкальную память и легко запоминала ихъ, если Гейеръ, бывшій въ свое время очень хорошій піанистъ, проигрывалъ ихъ ей раза два, или три. Но г-жа Левенгельмъ умерла; Гейеръ понемногу перезабылъ ихъ и такимъ образомъ утратилась нѣсколько тетрадей его сочиненій.

Слова къ его пѣснямъ и романсамъ были обыкновенно сочиняемы по какому-нибудь случайному поводу. Какое-нибудь минутное впечатлѣніе заставляло его сѣсть за фортепіано, и вотъ возникала новая мелодія, новая гармоническая пѣснь, которую ближе опредѣлить предоставлялось потомъ поэзіи. Чаще всего это было выраженіе его мнѣнія или чувства, на счетъ чего-нибудь случившагося въ то время, или какого-нибудь занимавшаго его интереснаго вопроса; вотъ почему въ его музыкѣ можно встрѣтить все, подъ-часъ даже и политику, какъ наприм. въ его прекрасномъ романсѣ «Ensam i bräcklig farkost vågar», который, такъ-какъ и другой («Min Politik») написанъ имъ въ то время, когда наконецъ рѣшено было издавать «Литературный листокъ» (Litteraturbladet).

Пѣсни Гейера вовсе не похожи на пѣсни языческихъ или католическихъ временъ, или на пѣсни Бельмана (Bellman); не принадлежатъ даже къ одному роду съ напѣвами Валеріуса (Valerius) или Ольстрема (Åhlström); не заключаютъ въ себѣ ни романтической прелести народныхъ пѣсенъ, ни поэтической шутливости сочиненій Бельмана, ни прозаической прелести композицій Ольстрема и Валеріуса. Онѣ не кстати ни въ лѣсу, ни при веселой попойкѣ или шумномъ обѣдѣ, негодятся даже и въ салонѣ или концертѣ; имъ непремѣнно нуженъ тѣсный дружескій кругъ, и тогда онѣ доставятъ не только удовольствіе, но и истинное душевное наслажденіе. Онѣ писаны для фортепіано и аккомпаниментъ имѣетъ большую для нихъ важность; вотъ почему и мало, если онѣ тольке хорошо спѣты, ихъ должно еще хорошо акомпанировать; при томъ же онѣ требуютъ еще отъ пѣвца не только хорошаго знанія музыки, но и высокаго пониманія изящнаго и душевной теплоты. Вотъ въ этихъ-то пѣсняхъ или романсахъ Гейеръ поэтъ болѣе, чѣмъ кто-либо въ Швеціи, и этимъ онъ обязанъ музыкѣ. Это искусство писать стихи, которые были бы музыкально-звучны, совсѣмъ не

то, что обыкновенно называютъ писать музыкальнымъ языкомъ; и читатель, хорошо понимающій разницу, существующую между этими совершенно-различными слогами, вѣрно не удивится, если мы скажемъ, что для того, чтобы понимать музыку Гейера, надо изучать его поэтическія произведенія, и обратно—для того, чтобы понимать ихъ красоты, нужно знать его музыку.

Первыя его произведенія: *Викингъ* (Wikingen), *Маленькій угольщикъ* (Kolargossen) и другія-суть небольшіе романсы въ нѣсколько строфъ, простыя и трогательныя мелодіи, которыя между-тѣмъ такъ мочны, что дали вкусу совершенно другое направленіе. Что можемъ мы сказать о нихъ? Кому было-бы пріятно, чтобы холодная проза коснулась самыхъ счастливыхъ и прекрасныхъ воспоминаній его юности: потому-что даже и самый удачный ихъ разборъ все-же будетъ въ высшей степени прозаиченъ въ сравненіи съ этими прекрасными, дремлющими въ глубинѣ нашего сердца, давно-знакомыми намъ звуками, съ этими воспоминаніями, напоминающими намъ о *немъ*, котораго мы привыкли любить и уважать со всею пылкостію юношеской души.

Не будемъ-же поэтому критически разбирать музыкальныхъ твореній Гейера, хотя это и было-бы здѣсь совершенно кстати. При томъ-же я того мнѣнія, что вообще, и особенно къ музыкѣ, никто не долженъ полагаться на сужденія невѣрной и шарлатанской науки, называемой критикою; будь-же лучше самъ судьею, замѣть какое впечатлѣніе производятъ на тебя мелодіи пѣсень Гейера,—трогаютъ-ли онѣ твое сердце и не навертывается-ли невольная слеза на твоихъ глазахъ, или не чувствуешь-ли ты себя особенно оживленнымъ, такъ-что готовъ-бы былъ вскочить съ своего мѣста, чтобы сообщить свои впечатлѣнія и чувства другому,—вѣрь мнѣ, твои чувства не обманутъ тебя въ эту минуту, и то, что ты тогда скажешь, или подумаешь, будетъ не только вѣрно относительно пѣсень Гейера, но и всей его музыки вообще.

Пер. со Шведскаго Н. [illegible].

VI.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

1) Хозяйственно-статистическіе матеріалы, собираемые коммиссіями и отрядами уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ. Два выпуска. С. Пб. 1857 in 4°.

2) Матеріалы для статистики Россіи, собираемые по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ. Выпускъ 1-й С. Пб. 1858 г. in 4°.

«Въ нашъ вѣкъ никто не сомнѣвается въ пользѣ статистики; всѣ согласны, что наука эта, проливая свѣтъ на состояніе страны и истинныя потребности народа, даетъ правительству возможность вѣрнѣе устроить бытъ гражданъ, истребляя дурное, питая и поддерживая хорошее». Такъ опредѣляетъ профессоръ Рославскій-Петровскій значеніе статистики въ наше время. И дѣйствительно, слова эти вполнѣ подтверждаются тѣмъ всеобщимъ вниманіемъ, которымъ пользуется статистическая наука, какъ въ-отношеніи чистаго знанія, такъ, особенно, администраціи. Разсматриваемая съ послѣдней точки зрѣнія, статистика служитъ основаніемъ для проектовъ новыхъ законовъ, къ ней прибѣгаютъ лучшіе современные ораторы, предпочитая безмолвное краснорѣчіе цифръ риторическимъ и логическимъ доводамъ.

Имѣя такое важное и серьезное значеніе, статистика, дабы вполнѣ соотвѣтствовать своей высокой цѣли, должна имѣть своимъ основаніемъ совершенную правдивость и точность показаній; факты, представляемые ею, должны отличаться строгою непреложностію и быть истиннымъ выраженіемъ явленій, разсматриваемыхъ наукою.

Средствами для достиженія всѣхъ этихъ условій являются различные способы собиранія статистическихъ свѣдѣній, какъ частными лицами, такъ и правительствомъ, и, по этимъ способамъ, самая статистика раздѣляется на частную и оффиціальную. Остановимся на послѣдней, какъ играющей важную роль въ современной администраціи Европы вообще и нашего отечества въ-особенности.

Собираніе, сколь возможно, точныхъ свѣдѣній о всѣхъ родахъ промышлености издавна признано правительствомъ нашимъ одною изъ первыхъ потребностей, для соображенія различныхъ мѣропріятій къ поощренію и развитію какъ промышлености вообще, такъ особенно важнѣйшей отрасли Русскаго хозяйства — сельской экономіи. Эта мысль выражена въ «общемъ учрежденіи министерствъ», изданномъ въ 1811 г. Тамъ сказано: «Первоначальная обязанность каждаго министерства есть собрать и составить самыя вѣрныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи его части, о законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ, къ ней относящихся, такъ чтобы всѣ предметы, въ составъ ея входящіе, содержимы были въ точной извѣстности. Собравъ сіи свѣдѣнія и тѣмъ самымъ составивъ статистику каждой части, должно постепенно усовершать ее, посредствомъ срочныхъ вѣдомостей, табелей и вѣрныхъ описаній.

На этомъ основаніи, статистическія свѣдѣнія о состояніи разныхъ отраслей сельскато хозяйства сосредоточивались въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, до образованія министерства государственныхъ имуществъ, а по учрежденіи сего послѣдняго, отнесены къ обязанностямъ департамента сельскаго хозяйства. Чѣмъ обширнѣе и разнообразнѣе самыя мѣры, принимаемыя для развитія сельской промышлености, тѣмъ и статистическія данныя о ней, необходимыя для соображеній административныхъ, должны быть многочисленнѣе и разнообразнѣе, а потому, пока принятіе мѣръ этого рода входило въ кругъ дѣйствій и безъ того уже обширной администраціи, до-тѣхъ-поръ статистическія свѣдѣнія

наши ограничивались немногими численными данными; но, когда, съ учрежденія министерства имуществъ, мѣры къ развитію сельскаго хозяйства получили мѣсто въ кругу постоянныхъ административныхъ распоряженій, то открылась необходимость какъ въ собираніи болѣе полныхъ свѣдѣній, такъ и въ производствѣ разныхъ мѣстныхъ изслѣдованій.

Эти дѣйствія производились постоянно, въ-теченіе 20 лѣтъ, министерствомъ государственныхъ имуществъ. Мы не можемъ ничего сказать о достоинствѣ и вѣрности ихъ: всѣмъ извѣстны недостатки и несовершенства, которыми сопровождались въ предшествовавшія времена полученія статистическихъ данныхъ о Россіи. Покойный Журавскій представилъ краснорѣчивый очеркъ этихъ огромныхъ несовершенствъ и злоупотребленій въ извѣстномъ сочиненіи своемъ: «Объ источникахъ статистическихъ свѣдѣній». Впрочемъ, неблагопріятное состояніе нашей административной статистики, проистекавшее отъ причинъ, тѣсно связанныхъ со всею организаціею нашего управленія, должно было скоро прекратиться. Благодѣтельныя мѣры правительства, направленныя къ всеобщему улучшенію и къ многостороннимъ преобразованіямъ, основаннымъ на болѣе раціональныхъ началахъ, которыя возымѣли дѣйствіе въ современную намъ эпоху, даютъ право надѣяться, что, съ измѣненіемъ самаго устройства различныхъ учрежденій, статистическіе труды примутъ болѣе правильное направленіе и статистика наша вступитъ на тотъ истинный путь, слѣдуя по которому, конечно, принесетъ тѣ-же благодѣтельные плоды, которыми сопровождалось развитіе ея въ другихъ государствахъ.

Многіе примѣры этого мы видимъ уже въ настоящее время. Блистательное начало развитія статистическихъ трудовъ Россіи положено нынѣ министерствомъ государственныхъ имуществъ изданіемъ «Матеріаловъ для сельско-хозяйственной статистики», подъ редакціею статистическаго отдѣленія департамента. Отдѣленіе это, подъ руководствомъ извѣстнаго ученаго нашего, г. Веселовскаго, совершило много полезныхъ трудовъ по части земледѣльческой статистики. Такъ, оно организивало постоянное и правильное производство метеорологическихъ наблюденій во всѣхъ подвѣдомственныхъ департаменту сельскаго хозяйства учебныхъ заведеніяхъ; имъ-же собраны и изданы были богатые матеріалы по земледѣльческой статистикѣ въ «Хозяйственно-статистическомъ

1*

атласѣ Европейской Россіи». Кромѣ этихъ трудовъ, много другихъ книгъ выходило подъ редакціею отдѣленія. При этомъ, кромѣ-того, оставалось значительное число работъ его безъ изданія, по неимѣнію особаго «Сборника», который былъ-бы преимущественно посвященъ статистикѣ. Осуществленіе этой мысли исполнилось въ настоящемъ году.

При производствѣ оцѣнокъ земель и промысловъ, для переложенія платимыхъ государственными крестьянами податей съ душъ на доходы, собирается много положительныхъ и интересныхъ свѣдѣній, касающихся какъ хозяйства и промышлености крестьянъ, такъ и подробностей оцѣночныхъ работъ. Эти свѣдѣнія, по способу собиранія ихъ, заслуживаютъ полнаго вниманія и довѣрія. Принимая въ соображеніе, что кадастровымъ чиновникамъ, для сравненій и соображеній, необходимо имѣть въ виду подробности оцѣнокъ, произведенныхъ въ разныхъ губерніяхъ, и что вообще подобныя свѣдѣнія полезны для министерства, департаментъ, съ разрѣшенія министра, приступилъ еще въ 1856 г. къ печатанію означенныхъ свѣдѣній отдѣльными выпусками, съ тѣмъ, чтобы, по мѣрѣ отпечатанія, разсылать ихъ въ коммиссіи и отряды уравненія денежныхъ сборовъ и въ палаты государственныхъ имуществъ губерній, состоящихъ на новомъ податномъ положеніи.

На этомъ основаніи вышли въ свѣтъ 1-й и 2-й выпуски изданія, заглавіе котораго мы привели въ началѣ статьи.

Нынѣ министръ государственныхъ имуществъ призналъ полезнымъ расширить предѣлы изданія, о которомъ мы упоминали, и приказалъ помѣщать въ немъ, кромѣ матеріаловъ кадастровыхъ оцѣнокъ, и другія свѣдѣнія, собираемыя по вѣдомству министерства. Такимъ образомъ появилось второе выписанное нами изданіе, представляющее уже болѣе полноты и отличающееся разнообразіемъ свѣдѣній.

Принимая въ соображеніе огромный интересъ упомянутыхъ двухъ изданій, и, особенно, полную достовѣрность заключающихся въ нихъ фактахъ, вытекающую изъ самаго способа ихъ собиранія, мы намѣрены представить главнѣйшія данныя о промыслахъ и хозяйствѣ государственныхъ крестьянъ тѣхъ губерній, къ которымъ относятся собранные матеріалы. Знакомство съ этими свѣдѣніями тѣмъ большее имѣетъ значеніе въ настоящее время, когда вопросъ объ улучшеніи Русскаго хозяйства вообще составляетъ предметъ всеобщаго вниманія.

Въ первомъ выпускѣ хозяйственно-статистическихъ матеріаловъ заключается: «Описаніе промысловъ государственныхъ крестьянъ Нижегородской губерніи», а къ нему приложены тщательно и подробно составленныя таблицы: оцѣнка этихъ промысловъ, вѣдомость о числѣ промысловыхъ заведеній и числѣ государственныхъ крестьянъ, занимающихся промыслами, и вѣдомость о количествѣ этихъ крестьянъ-промышлениковъ, по волостямъ.

Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ представляетъ интересную и поучительную картину промышленаго состоянія губерніи.

Описаніе начинается съ заволжской части Нижегородской губерніи, которая, какъ извѣстно, представляетъ собою страну лѣсную, и характеръ этой мѣстности рѣзко отражается на существующихъ тамъ промыслахъ. Къ числу промысловъ, вошедшихъ въ этихъ мѣстностяхъ въ народную привычку, съ давнихъ поръ принадлежатъ: работа ложекъ, точеніе чашекъ, блюдъ, плетеніе коробовъ, лаптей и проч.

Чтобы познакомить читателей со способомъ описанія означенныхъ промысловъ, мы, въ видѣ примѣра, приведемъ статью о такъ-называемомъ ложкарномъ промыслѣ (мѣстное названіе изготовленія ложекъ).

Деревянныя ложки дѣлаются исключительно въ Семеновскомъ уѣздѣ, почти во всѣхъ деревняхъ. Благопріятныя условія мѣстности, изобилующей лѣсомъ, мелкимъ сосновымъ и березовымъ, и большія требованія на ложки на Нижегородской ярмаркѣ, положили съ незапамятныхъ временъ основаніе промыслу, развившемуся въ настоящее время до того, что не только мужчины, но даже женщины и мальчики отъ 10—12 лѣтъ занимаются имъ. При всемъ томъ, однако, работа ложекъ доставляетъ небольшую выручку и только для крестьянина-земледѣльца выгодна, потому-что онъ можетъ заниматься ею зимою и лѣтомъ, не отлучаясь отъ дома и не оставляя своего хозяйства, при чемъ ему помогаютъ члены его семейства.

Послѣ такихъ общихъ замѣчаній о промыслѣ, слѣдуетъ изложеніе самаго способа производства работъ. Изъ дерева рубятъ $3^1/_2$-вершковые куски, колятъ пополамъ, очищаютъ отъ коры. Такой кусокъ называется баклушею, для ложки. Баклушу эту кладутъ на стулъ, въ которомъ сдѣлана ямка, и на широкомъ концѣ выдалбливаютъ впадину ложки, потомъ обрѣзаютъ бока и заточиваютъ конецъ ручки. Такъ отдѣланныя сырыя ложки красятъ и

сушатъ въ печахъ. Въ печахъ этихъ на горизонтальныхъ перекладинахъ вѣшаютъ обмоченныя въ краску ложки. Наполнивъ такимъ образомъ печь, закрываютъ дверцы и какъ только подсохнетъ краска, вынимаютъ перекладину, вновь обмакиваютъ въ краску и вкладываютъ ложки въ печь, повторяя это до трехъ разъ, наконецъ, выкрашенныя и сухія ложки укладываютъ въ короба и везутъ продавать въ Нижній.

Мы нарочно описали во всей подробности производство этого промысла, дабы показать читателю, до какихъ мелочей доведено изслѣдованіе крестьянскихъ промысловъ, производимое коммиссіями. Такое подробное и точное изученіе крестьянскихъ занятій, позволяя ознакомиться во всей подробности съ самыми пріемами производства, даетъ полное понятіе о самомъ промыслѣ и всѣ эти, повидимому, незначительныя мелочи обусловливаютъ собою возможность совершенно-вѣрной и справедливой оцѣнки его.

Изъ описанія нашего видно, что ложкарный промыселъ представляетъ крайнее раздѣленіе труда. Именно, онъ соединяетъ въ себѣ 4 рода занятій и 4 названія производствъ: 1) баклушниковъ, приготовляющихъ изъ березы и осины баклуши; 2) ложкарей, обдѣлывающихъ изъ этихъ кусковъ ложки; 3) завивальщиковъ, затачивающихъ ручку ложки, и 4) красильщиковъ и скупщиковъ. Всѣ эти лица пользуются пропорціональнымъ своему труду доходомъ, который высчитывается со всею подробностію слѣдующимъ образомъ: напр. для баклушниковъ.

Берется валовая выручка 1000 баклушъ, которыя продаются по 50 к. с., а за изготовленныя въ мѣсяцъ 9000 получается 4 р. 50 к., занимаясь 6 мѣсяцевъ, работникъ получаетъ 27 р. с.

Капитальныя затраты на это производство равняются слѣдующимъ суммамъ:

а) Основной капиталъ: годичная трата

Топоръ........................ 15 к. с.
Брусьевъ 2.................... 10 к. с.
Итого 25 к. с.
5% съ капитала............... $2^1/_2$ к. с.
Итого $27^1/_2$ к. с.

б) Оборотный капиталъ:

Попенныхъ.................. $52^1/_2$ к. с.
На содержаніе лошади $1^1/_2$ мѣсяца
по 1 р. 80 к............... 2 р. 70 к. с.
Всего капит. затратъ 3 р. 50 к. с.

Такимъ-образомъ, мы видимъ, что валовой доходъ одного работника въ 6 мѣсяцевъ 23 р. 50 к. (27—3 р. 50 к.). Личное содержаніе промышленика, принятое въ мѣсяцъ 2 р. 20 к., въ $^1/_2$ года будетъ 13 р. 20 к. слѣдовательно чистый доходъ за 6 мѣсяцевъ будетъ равнятся 10 р. 30 к., а на годоваго работника причитается: валоваго дохода—47 р., чистаго—20 р. 60 к. с.

Изъ такого обозрѣнія способовъ вычисленія доходовъ крестьянъ-промышлениковъ видно, на какихъ строго-раціональныхъ началахъ основано это вычисленіе. Неудивительно послѣ-того, что кадастровыя операціи требуютъ значительныхъ расходовъ, усилій и времени; но расходы и время это значительно выкупаются тѣми истинно-великими результатами, которыми сопровождается подобное вычисленіе, выражаясь въ обложеніи, на основаніи его, трудящагося человѣка тою частію сборовъ, которую онъ долженъ удѣлять государству изъ своихъ доходовъ. Доходы эти являются уже не вымышленными, не фиктивными, но дѣйствительными и истинными, и самый налогъ, слѣдовательно, который на нихъ падаетъ, имѣетъ въ основаніи своемъ не произволъ, слѣпой, безусловный, но дѣйствительно-существующіе факты, вѣрно-опредѣляющіе ту часть денежнаго взноса, которая должна быть удѣлена въ видѣ налога. Послѣдствія всего этого неисчислимы; мы не считаемъ нужнымъ распространяться объ этомъ извѣстномъ предметѣ; цѣль наша была только указать на значеніе, которое имѣетъ правильная оцѣнка доходовъ, и на благотворныя послѣдствія, которыя она влечетъ за собой, по-отношенію къ податному лицу.

Съ такою-же подробностію описаны въ «Матеріалахъ» и другіе разнообразные промыслы Нижегородской губерніи. Между ними нельзя не обратить вниманія на замѣчательный промыселъ мѣдвѣдниковъ.

Въ Нижегородской губерніи есть такія мѣстности, гдѣ, кромѣ земледѣлія, нѣтъ никакихъ другихъ промысловъ. Къ этимъ мѣстностямъ принадлежитъ, напр., Сергачьскій уѣздъ, крестьяне котораго, владѣя самымъ незначительнымъ количествомъ земли, неболѣе $2^1/_2$ десятинъ на душу, съ давнихъ поръ принуждены были обращаться къ мелкимъ занятіямъ, дабы добыть деньгу на уплату податей. Подобная необходимость породила въ крестьянахъ мысль покупать медвѣдей и показывать ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ за деньги. Въ началѣ медвѣдей показывали такъ, какъ они взяты изъ естественнаго состоянія; но потомъ крестьянинъ, задумавшій

водить медвѣдя, выучивалъ его копировать разныя дѣйствія человѣка. Кромѣ-того, медвѣдники придумали еще слѣдующую хитрость. Крестьяне, какъ извѣстно, склонны къ суевѣрію: они приписываютъ медвѣдю какую-то сверхъестественную силу изгонять домовыхъ изъ избъ. Крестьянинъ, подозрѣвающій, что у него въ домѣ не все благополучно, неотступно проситъ медвѣдника войти къ нему въ домъ и промышленикъ дѣйствительно вводитъ къ нему своего медвѣдя, и если звѣрь не сопротивляясь переступитъ порогъ дома, то это означаетъ, что злой духъ изгнанъ. И этотъ оригинальный промыселъ даетъ хозяину 57 руб. 96 к. въ годъ, а работникъ его получаетъ до 42 р. 18 к. с.

Мы указали на этотъ промыселъ съ цѣлію, съ одной стороны, показать, до какой степени доходитъ еще въ нашемъ крестьянствѣ неразвитость и, вслѣдствіе того, страшное суевѣріе; съ другой — какія придумываются и изобрѣтаются оригинальныя средства хитрыми промышлениками, чтобы добыть себѣ лишнюю копейку и обмануть легковѣрнаго собрата своего. Въ этомъ-же обстоятельствѣ, какъ намъ кажется, ясно выражается тотъ духъ промышлености, которымъ проникнутъ нашъ крестьянинъ.

Подобныя указанія на нравы и обычаи, встрѣчаемые въ крестьянскомъ быту Россіи, которыми полны разсматриваемые нами «Матеріалы», много содѣйствуютъ къ ознакомленію съ интересными сторонами жизни нашего поселянина.

Изъ другихъ болѣе важныхъ промысловъ Нижегородской губерніи обращаютъ на себя вниманіе промыслы по рѣкамъ Волгѣ и Окѣ, состоящіе въ судопромышлености, рыболовствѣ, бурлачествѣ, постройкѣ и починкѣ судовъ.

Что касается до судопромышлености, то она состоитъ въ перевозкѣ на собственныхъ судахъ преимущественно хлѣба отъ Астрахани до Рыбинска, на разстояніи 3000 верстъ. Промысломъ этимъ крестьяне занимаются съ давнихъ временъ, но наибольшее развитіе онъ получилъ послѣ основанія С. Петербургскаго порта и развитія хлѣбной торговли съ Англіей. Въ самое послѣднее время промыселъ этотъ находится въ нѣсколько стѣсненномъ положеніи, вслѣдствіе значительнаго развитія пароходства по Волгѣ.

Рыболовство есть одно изъ главныхъ занятій крестьянъ Балахнинскаго уѣзда, Чернорѣцкой волости. Оно производится по рѣкамъ Окѣ и Волгѣ. Болѣе важныя для рыболововъ мѣста на р.

Окѣ составляютъ оброчныя статьи, которыя находятся въ арендномъ содержаніи у государственныхъ крестьянъ.

Рыболовство между крестьянами Нижегородской губерніи развивалось съ давнихъ временъ и переходило отъ отца къ сыну. По преданіямъ старожиловъ, рыболовство это производилось уже тогда, когда за право ловли слѣдовало платить дань Татарскимъ ханамъ, частію пойманною рыбою, частію монетою.

Означивъ главнѣйшіе промыслы крестьянъ Нижегородской губерніи, мы, на основаніи таблицы, приложенной къ матеріаламъ, приведемъ данныя о доходности ихъ. Самый высшій доходъ, получаемый работниками, есть 100 р. Эти работники принадлежатъ къ судопромышленикамъ и рыболовамъ. Далѣе слѣдуетъ доходъ въ 50 р. Онъ получается также отъ судопромышлености, только на малыхъ судахъ. Отъ 35 р. до 25 р. получаютъ: конопатчики судовъ, лоцманы и кормщики. Доходъ, выручаемый отъ большей части другихъ промысловъ, простирается отъ 20 до 10 р., а выручка отъ самыхъ мелкихъ промысловъ равняется 6, 5, 3 и даже 1 руб. 90 к. с.

Такимъ-образомъ, изъ общаго разсмотрѣнія таблицы доходовъ, получаемыхъ работниками Нижегородской губерніи, видно, что доходы эти равняются отъ 100 р. до 1 р. 90 к. с. Какъ видно, ихъ далеко нельзя назвать значительными и, не смотря на огромное число занятій, которыхъ считается 68 отдѣловъ, выручки и достатки большей части жителей Нижегородской губерніи довольно скудны.

Относительно числа заведеній, на которыхъ производятся всѣ упомянутые нами промыслы, замѣтимъ, что, на основаніи вѣдомости, приложенной къ матеріаламъ, въ разсматриваемой нами губерніи считается 5966. Лицъ-же, производящихъ всѣ эти промыслы, насчитываютъ до 38,725, которыя раздѣляются слѣдующимъ образомъ:

1) Изготовляющія на продажу разные предметы	5,544.
2) Торговцы..............................	2,603.
3) Арендаторы и подрядчики................	367.
4) Извощики и конные работники..........	2,239.
5) Ремесленники........................	5,684.
6) Услужники..........................	1,137.
7) Чернорабочіе........................	15,185.

Кромѣ промысловъ, крестьяне Нижегородской губерніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ занимаются торговлею. Преимущественно торговую мѣстность составляетъ Спасская волость Васильевскаго уѣзда, съ 7 селеніями. Главный предметъ торговли, на который обращено большее количество капиталовъ, составляетъ кожи сырыя и выдѣланныя, по-преимуществу первыя. Изъ другихъ товаровъ въ торговлѣ встрѣчаются щетина, сало, воскъ, лошади, скотъ и мясо.

По мѣстнымъ изслѣдованіямъ, капиталъ торговца средней руки, составляетъ 25 р.; такой капиталъ онъ оборачиваетъ въ годъ 20 разъ, слѣд. всего оборотится 500 р. На каждый рубль такого капитала получается валовой выручки 15%, или 75 р. Расходы бываютъ слѣдующіе:

1) На содержаніе лошади..............	10 р. 80 к.
2) За билетъ, для отъѣздовъ въ другія губерніи........................	1 р. 25 к.
3) 5% съ капитала........................	1 р. 25 к.
Итого	13 р. 30 к.

Отсюда валовой доходъ торговца выходитъ 61 р. 70 к. Исключивъ на содержаніе работника 26 р. 40 40 к., чистый доходъ будетъ 35 руб. 30 к. Доходъ-же мелочнаго торговца гораздо менѣе: онъ доходитъ не болѣе, какъ до 12 р. 70 к.

Вторая часть «Хозяйственно-статистическихъ матеріаловъ» заключаетъ въ себѣ описаніе земледѣльческой промышлености государственныхъ крестьянъ Нижегородской губерніи. Изъ него мы почерпаемъ чрезвычайно-интересныя и подробныя свѣдѣнія о состояніи земледѣлія и народонаселенія означенной губерніи. Матеріалы начинаются съ изложенія числа населенія, опредѣленія числа селеній и дворовъ, наличныхъ работниковъ и работницъ. Во всѣхъ 11 уѣздахъ Нижегородской губерніи считается 528 селеній, въ которыхъ находится 31,495 дворовъ. Крестьянъ въ нихъ проживаетъ: мужескаго пола 92,639 и женскаго 97,829, итого 190,468 душъ. Въ числѣ этого населенія работниковъ считается 48,683, работницъ 54,312 остатокъ распредѣляется между полуработниками, полуработницами и неработниками. Населеніе это обработываетъ земли, раздѣляющіяся на усадьбы, пашни, сѣнокосы, выгоны, которыя заключаютъ въ себѣ

десятинъ: 1) усадьбы—11,256; 2) пашни — 286,103; 3) сѣнокосы —35,834 и 4) лѣса — 116,274. Сравнивая количество земельныхъ угодій съ числомъ работниковъ и съ числомъ ревизскихъ душъ, причитается на 100 работниковъ десятинъ 640,76, а на 100 ревизскихъ душъ 371,76.

По подворнымъ спискамъ, въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ оказалось слѣдующее количество скота. Лошадей и коровъ 82,969, жеребцовъ и телятъ 28,476, мелкаго скота 155,114. Сравнивая эти числа головъ скота съ количествомъ работниковъ, приходится на 100 человѣкъ: лошадей и коровъ 156,17, жеребятъ и телятъ 53,60 и мелкаго скота 291,77.

Таково состояніе трехъ главнѣйшихъ производительныхъ силъ земледѣлія Нижегородской губерніи.

Господствующее положеніе пахатныхъ земель этой губерніи волнообразное; почвы раздѣляются на черноземныя и нечерноземныя. Первая преобладаетъ на юго-восточной сторонѣ; на юго-западной, напротивъ, господствуетъ нечерноземная почва. Урожайность всѣхъ этихъ почвъ зависитъ отъ количества удобренія, которое въ свою очередь обусловливается количествомъ скота, содержимаго въ хозяйствѣ.

Вообще о состояніи хлѣбнаго продовольствія Нижегородской губерніи выведены слѣдующія данныя: Нижегородская губернія, въ отношеніи сбыта хлѣба, дѣлится на 2 части: въ одной недостаетъ хлѣба на годовое продовольствіе, а въ другой — остается болѣе или менѣе значительная часть хлѣба, для продажи. Главный сбытъ изъ хлѣбныхъ уѣздовъ Нижегородскаго, Ардатовскаго, Арзамасскаго, Княгининскаго и др. производится въ Рыбинскѣ и Муромѣ. Нормальная цѣна ржи опредѣлена для губерніи въ 2 р. 33 коп. с.

Земледѣльческій промыселъ доставляетъ слѣдующіе доходы по всей губерніи:

1) Отъ усадьбъ, огородовъ, коноплянниковъ и пр.	1,345,507.
2) Отъ пашенъ..............................	209,241.
4) Отъ выгоновъ............................	13,398.
Итого	1,753,196.

На 100 работниковъ причитается чистаго дохода отъ земель:

1) Усадебной................	348 р. 31 к.
2) Пахатной..................	252 « 61 «

3) Сѣнокосной.................. 377 « 8 «
4) Выгонной.................. 45 « 3 «

Общая-же сумма дохода всѣхъ его источниковъ, какъ-то: земель, промысловъ, лѣсовъ, мірскихъ оброчныхъ статей равняется 2.269,372 р. 71¾ к.

Податей, подлежащихъ переложенію на эти чистые доходы, исчислено вообще по губерніи, съ 91,576 душъ—398,531 р. 15½ к. или на душу — 4 р. 35¼ к.; кромѣ-того, переложена на доходы сумма, слѣдующая на покрытіе издержекъ по производству уравненія денежныхъ сборовъ 4952 р. 83½ к., которая составляетъ 1 р. 24 к. на каждые 300 руб. Для возмѣщенія этихъ суммъ взяты проценты съ чистыхъ доходовъ:

1) отъ земель и промысловъ........ 17,6%
2) отъ лѣсныхъ матеріаловъ........ 50%
3) отъ мірскихъ неземельныхъ оброчныхъ статей.......... .... 11,75%

По переложеніи означенныхъ суммъ на доходы оказалось сборовъ со всѣхъ статей 404,836 р. 78 к. или 4 руб. 41 коп. на душу. Такимъ-образомъ, величина душеваго оклада во всей губерніи, бывшая по подушной системѣ 4 руб. 35¼ к., оказалась, по переложеніи податей на доходы, 5¾ к. болѣе.

Что касается до расходовъ крестьянъ, то они подверглись также тщательному и подробному исчисленію. Они составляютъ: 1) содержаніе семейства, съ утварью, отопленіемъ и освѣщеніемъ; 2) содержаніе необходимаго при земледѣліи скота; 3) содержаніе земледѣльческихъ орудій; 4) сушка въ овинахъ хлѣба, и 5) платежъ податей.

Сравнивая всѣ эти расходы и вычитая ихъ изъ доходовъ, остается: для Нижегородскаго уѣзда 444,64, Семеновскаго 685,64, Балахнинскаго 1045, Арзамасскаго 968,47, Княгининскаго 730,19, Лукьяновскаго 1076,72, Сергачскаго 197,98, Васильскаго 81,33, Макарьевскаго 9,51; Горбатовскому и Ардатовскому недостаетъ: въ первомъ 185,96, а во второмъ 343,28. Отсюда видно, что уѣзды, по благосостоянію крестьянъ, идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Лучшіе: Лукьяновскій, Балахнинскій, Арзамасскій.
Хорошіе: Княгининскій, Семеновскій, Нижегородскій.
Средніе: Сергачскій, Васильскій, Макарьевскій.
Бѣдные: Горбатовскій, Ардатовскій.

Такимъ-образомъ, изъ 11 уѣздовъ Нижегородской губерніи только 2 находятся въ бѣдственномъ положеніи, прочіе-же пользуются нѣкоторымъ относительнымъ благосостояніемъ, особенно занимающіе первыя мѣста въ таблицѣ.

Подобное описаніе губерній, съ подробностями, которыя въ нашемъ изложеніи составляютъ слабую тѣнь того, что заключается въ матеріалахъ, есть единственное средство познать въ точности состояніе промышленаго и хозяйственнаго быта губерніи, который въ свою очередь вѣрно и точно выражаетъ самое благосостояніе народное; совокупность этихъ изслѣдованій представляетъ обильные матеріалы для государственныхъ соображеній, въ дѣлѣ принятія правительствомъ различныхъ мѣръ, клонящихся къ улучшенію быта народнаго. Слѣд. изъ этого ясно открывается, что для дѣйствительнаго осуществленія тѣхъ благихъ намѣреній, которыми, къ-счастію, такъ живо проникнуто наше правительство въ настоящее время, необходимо желать, чтобы возможно-бо́льшая часть мѣстностей нашего обширнаго отечества была также подробно и тщательно изслѣдована и многоразличныя свѣдѣнія эти публикованы.

Разсматривая хозяйственно-статистическіе матеріалы, собранные коммиссіями, цѣль наша была указать на методъ и пріемы, которымъ слѣдовали коммиссіи въ трудахъ своихъ. Поэтому мы избрали Нижегородскую губернію, какъ описанную болѣе подробно и систематически. Но кромѣ этого описанія въ матеріалахъ встрѣчаются различныя изслѣдованія, относящіяся до Владимірской губерніи и касающіяся оцѣнки земель, оцѣнки промысловъ, надѣленія государственныхъ крестьянъ лѣсомъ и соглашенія оцѣнокъ Владимірской губерніи съ оцѣнками другихъ губерній. Обо всѣхъ этихъ предметахъ мы не будемъ распространяться; замѣтимъ только, что описаніе ихъ отличается тѣми-же достоинствами, какія мы замѣтили въ изслѣдованіи хозяйства Нижегородской губерніи.

Приступимъ теперь къ обозрѣнію другаго изданія—«Матеріаловъ для статистики Россіи». Это изданіе представляется уже съ расширенными предѣлами; въ немъ, кромѣ матеріаловъ кадастровыхъ оцѣнокъ, заключаются и другія свѣдѣнія, собираемыя по вѣдомству министерства. Такимъ образомъ, означенные матеріалы заключаютъ въ себѣ болѣе полныя и пространныя свѣдѣнія, относительно: 1) доходовъ государственныхъ крестьянъ Московской губерніи, 2) пространства угодій, народонаселенія, числа скота,

промышлености и наемной платы въ селеніяхъ Новогородской и Тверской губерніи, 3) однодворцевъ и находящихся въ ихъ владѣніи земель и 4) продажныхъ цѣнъ на землю въ Ярославской и Костромской губерніяхъ.

Данныя, относящіяся до Московской губерніи, касаются населенія и земледѣльческой промышлености, но особенно онѣ обильны свѣдѣніями о промыслахъ жителей Московской губерніи. Промыслы эти въ означенной губерніи составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ доходовъ и потому должны обратить на себя особое вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ разсматриваемомъ изданіи они представлены въ живой и увлекательной картинѣ.

Существованіе разнообразныхъ промысловъ въ селеніяхъ Русскихъ крестьянъ составляетъ, какъ извѣстно, важное условіе относительнаго благосостоянія нѣкоторыхъ мѣстностей обширной Россіи. Отечество наше, по своимъ климатическимъ и другимъ обстоятельствамъ, не позволяетъ крестьянину исключительно заниматься обработкою земли: бываютъ довольно продолжительные періоды времени, когда занятія эти невозможны и когда крестьянинъ необходимо долженъ прибѣгать къ промысламъ. Кромѣ-того, самая малоцѣнность доходовъ, получаемыхъ Русскимъ земледѣльцемъ отъ главнаго его занятія, малоцѣнность, зависящая отъ слабаго развитія сельскаго хозяйства, придаетъ побочнымъ промысламъ характеръ настоятельной необходимости. Выручки отъ этихъ занятій, дополняя скудные доходы, получаемые крестьянами отъ земледѣлія, служатъ имъ важнымъ подспорьемъ и особенно помогаютъ имъ въ платежѣ податей.

Таковыя особенности Русскаго хозяйства вообще относятся къ большей части мѣстностей Россіи; но между ними есть и значительная часть такихъ губерній, гдѣ земледѣльческій промысель вовсе незначителенъ, а, напротивъ, въ нихъ преобладаетъ дѣятельность промысловая. Вопросъ о томъ, полезно-ли въ государствѣ земледѣльческомъ водворять и стараться поддерживать мануфактурную промышленость, рѣшенъ въ настоящее время положительно, ибо признана тѣсная зависимость этихъ двухъ родовъ человѣческой дѣятельности: гдѣ промышленость процвѣтаетъ, тамъ развивается и земледѣліе, и, наоборотъ, гдѣ земледѣліе слѣдуетъ по пути успѣха, тамъ и промышленость достигаетъ высшей степени развитія. На основаніи такого положенія, водворившіяся уже въ Россіи отрасли промышлености, особенно, если

онѣ, по своимъ хозяйственнымъ условіямъ, вполнѣ пригодны тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ господствуютъ, заслуживаютъ полнаго вниманія и поощренія со-стороны правительства и частныхъ лицъ. Конечно, къ-сожалѣнію, у насъ, въ Россіи всѣми безпристрастными наблюдателями замѣчается фактъ довольно неблагопріятный, по своимъ послѣдствіямъ, именно тотъ, что многіе фабриканты, прельщаемые мимолетными выгодами многихъ промысловъ, вовсе несвойственныхъ намъ, стараются заводить для нихъ фабрики и заводы и тѣмъ отвлекаютъ и капиталы и трудъ отъ болѣе полезныхъ и производительныхъ занятій, что въ свою очередь уменьшаетъ общую ихъ производительность; но такое явленіе можетъ назваться анормальнымъ и проистекаетъ въ настоящее время единственно отъ малаго знакомства нашихъ предпринимателей съ условіями хозяйственнаго быта и началами экономической науки. Современемъ явленіе такое, вѣроятно, уступитъ мѣсто болѣе здравому и современному взгляду на Русскую промышленость, которая тогда получитъ истинное значеніе и сдѣлается обильнымъ источникомъ народнаго богатства. Поэтому-то и слѣдуетъ придавать ей такой, вполнѣ соотвѣтствующій требованіямъ характеръ, поддерживая старые и водворяя новые промыслы, приличные мѣстности.

Московская губернія именно принадлежитъ къ такимъ странамъ, отличающимся промышленымъ направленіемъ. Въ ней вырабатывается издѣлій почти на 40 милліоновъ и приходится на одного жителя почти на 24 р. 66 к. с. Что касается до государственныхъ крестьянъ, — главнѣйшаго предмета нашего настоящаго обозрѣнія, — то въ 1313 селеніяхъ, подлежащихъ оцѣнкѣ, насчитано: работниковъ 72842, полуработниковъ 14589, итого 87431. Изъ нихъ занимающихся промыслами: работниковъ 66601, полуработниковъ 9487, итого 76088. Поэтому выходитъ, что промыслами занимаются изъ 100 работниковъ 91,4, изъ 100 полуработниковъ 65,0. Но при всемъ такомъ развитіи промысловъ, земледѣльческій характеръ Россіи отчасти отражается даже въ такой губерніи, какова Московская. Чтобы судить о степени развитія промысловой дѣятельности въ селеніяхъ Московской губерніи, мало знать число занимающихся промыслами, необходимы еще свѣдѣнія: сколько времени въ году посвящается этимъ занятіямъ. По сложеніи всѣхъ сроковъ, впродолженіе которыхъ крестьяне занимаются промыслами, оказалось, что среднимъ числомъ прихо-

дится на каждаго крестьянина $8^1/_2$ мѣсяцевъ. Промысловая дѣятельность развита сильнѣе въ уѣздахъ южныхъ и слабѣе въ сѣверныхъ и западныхъ. Въ южныхъ уѣздахъ мало средствъ къ развитію земледѣлія, ибо скотоводство находится тамъ не въ блестящемъ положеніи. Кромѣ-того къ этому присоединяются и другія причины, обусловливающія большее преуспѣніе промысловъ. Такъ, всѣ части Московской губерніи, исключая южной, примыкаютъ къ губерніямъ бѣднымъ, отчего жителямъ сѣверныхъ и западныхъ частей трудно найти предметъ дѣятельности въ сосѣднихъ губерніяхъ, по ихъ бѣдности. Южные-же уѣзды усилились въ своей промышлености между прочимъ отъ появленія фабрикъ въ самой Москвѣ. Но при всемъ томъ изслѣдованія показали, что Московскій уѣздъ уступаетъ въ первенствѣ прочимъ южнымъ уѣздамъ. Что была за причина этого? Въ матеріалахъ такъ объясняютъ это обстоятельство: причина слабаго развитія промысловъ Московскаго уѣзда зависитъ отъ свойства господствующихъ тамъ занятій. Не смотря на усиленіе фабрикъ, уѣздъ этотъ остался при извозномъ промыслѣ. Далѣе, причины сравнительно-малаго преуспѣнія промышленой дѣятельности Московскаго уѣзда находятся въ зависимости отъ улучшеннаго хозяйства, которое вводятъ у себя крестьяне, разводя овощи и сады.

Промысловыя занятія государственныхъ крестьянъ столь разнообразны, что, если вычислять ихъ всѣ, то наберется нѣсколько сотъ особыхъ названій. Всѣ эти промыслы можно раздѣлить на слѣдующіе виды: 1) предпріятія торговыя, 2) ремесла, 3) фабричныя работы, 4) услуги разнаго рода, 5) простыя безъискуственныя работы. Вообще въ губерніи на 100 промышлениковъ находится занимающихся:

1) фабричными работами .... 36.
2) ремеслами .... 25,13.
3) конными работами .... 10,74.
4) торговыми предпріятіями..................... 9,63.
5) услугами .... 8,60.
6) черными работами .... 7,59.

Изъ этого видно, что дѣятельность крестьянъ предпочтительно избираетъ работы на фабрикахъ.

Каждый уѣздъ представляетъ собою особый характеръ въ-отношеніи къ промысловымъ занятіямъ жителей: такъ въ Московскомъ уѣздѣ замѣчается преобладаніе конныхъ промысловъ. Боль-

шая часть богатыхъ крестьянъ обращаетъ свои капиталы на содержаніе извощичьихъ заведеній и постоялыхъ дворовъ.

Въ Богородскомъ уѣздѣ привлекаетъ къ себѣ народонаселеніе болѣе всѣхъ другихъ промысловъ фабрикація. Здѣсь преимущественно выдѣлываются шелковыя матеріи.

Въ Броницкомъ уѣздѣ труды крестьянъ обращены на ремесла и фабричныя работы.

Въ Коломенскомъ — главнымъ занятіемъ является ткачество и работы по судоходству.

Въ Серпуховскомъ — фабричныя работы развиты болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ Можайскомъ уѣздѣ главнымъ промысломъ считается подвозъ лѣса къ берегамъ, для весенняго сплава.

Клинскій уѣздъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ находится много крестьянъ-капиталистовъ. Многіе хозяева содержатъ постоялые дворы, трактиры, харчевни.

Дмитровскій уѣздъ отличается развитіемъ ткачества и возкою лѣса.

Вотъ главнѣйшіе промыслы въ уѣздахъ Московской губерніи, которая, какъ изъ этого видно, должна, по преимуществу, считаться промышленою, и дѣйствительно, всѣ разнообразные промыслы, тамъ господствующіе, доставляютъ жителямъ немаловажные доходы, которые выражаются у работниковъ въ получаемомъ ими жалованьи, а у хозяевъ — въ выручкѣ отъ предпріятія. Жалованье представляетъ болѣе однообразія, чѣмъ всѣ другіе доходы. Плата съ издѣлій очень разнообразна. Разность выручекъ хозяевъ, работающихъ отъ себя, обусловливается разностію капиталовъ, служащихъ основаніемъ производства.

Въ Московской губерніи человѣкъ, весь годъ посвящающій себя промышленымъ занятіямъ, заработываетъ отъ 60 до 70 р. сер. Средній-же заработокъ занимающихся промыслами простирается отъ 59 до 35 р. с. Доходъ отъ промысловъ на одинъ дворъ составляетъ среднимъ числомъ 76 р. с., а доходъ отъ земли и промысловъ въ совокупности составляетъ на одинъ дворъ 148 р. с.

Причины бо́льшаго благосостоянія промысловыхъ мѣстностей заключаются въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) доходъ отъ промысловъ менѣе измѣнчивъ, болѣе проченъ, чѣмъ доходъ отъ земли; 2) для занятій промыслами не требуется большаго капитала, и 3) промыслы доступны во всякое время года, не только

взрослымъ, но и дѣтямъ; потому въ промышленыхъ мѣстностяхъ крестьянину, чтобы найти занятіе, надо имѣть самый незначительный навыкъ къ тому или другому ремеслу. Изъ этого слѣдуетъ, что въ какомъ-бы безпомощномъ состояніи ни находился крестьянинъ, онъ тотчасъ найдетъ возможность заработать деньги. Въ промысловыхъ мѣстностяхъ нищенство съ дѣтства еще не предвѣщаетъ бѣдности на всю жизнь: потому-что сирота, мальчикъ, едва подростетъ, находитъ уже работу, которая со-временемъ можетъ дать ему возможность обзавестись хозяйствомъ.

Что касается до вліянія промысловъ на образованіе и предпріимчивость крестьянъ, то нельзя не признать, что промыслы эти развиваютъ въ крестьянахъ понятія, дѣятельность и предпріимчивость. Жители Московской губерніи знаютъ не одинъ свой край, но чуть не всю Россію. Здѣшнимъ крестьянамъ извѣстны дѣла, не только касающіяся ихъ быта, но они знакомы съ движеніемъ мануфактуръ и промышлености вообще, они знаютъ, что̀ требуется въ томъ или другомъ краѣ Россіи. Въ степяхъ, напротивъ, крестьяне только то знаютъ, что дѣлается около нихъ. Тамъ можно найти множество крестьянъ, которые не бывали даже въ своемъ уѣздномъ городѣ. Эта неподвижность степняка служитъ важной причиной его бѣдности, и однообразіе занятій степныхъ мѣстностей есть существенное обстоятельство, почему жители южныхъ губерній находятся въ болѣе трудномъ положеніи, нежели жители промысловыхъ странъ.

Промышленость, обыкновенно, обвиняютъ въ порчѣ нравственности крестьянъ; но это несовершенно справедливо. Господствующее въ крестьянскомъ сословіи преступленіе есть воровство. Бываетъ оно и въ селеніяхъ Московской губерніи, но тамъ нѣтъ такого очевиднаго, повсемѣстнаго и опаснаго, каково конокрадство въ степныхъ мѣстностяхъ. Число возникающихъ жалобъ крестьянъ можетъ быть также принято за признакъ нравственности; въ безпромышленыхъ мѣстахъ, какъ показали изслѣдованія, нѣтъ отбоя отъ такихъ жалобъ и въ базарные дни окружныя управленія наполнены толпами просителей; въ Московской губерніи обычай этотъ совсѣмъ неизвѣстенъ. Московскому крестьянину некогда заниматься раздорами; какъ только кончились земледѣльческія работы, тотчасъ надо начинать промысловыя. Кромѣ-того желаніе лучшаго заработка заставляетъ работниковъ трудиться, а трудъ отнимаетъ и время и охоту къ разврату. Наконецъ, въ доказа-

тельство того, что промышленость не ведетъ къ разврату, слѣдуетъ еще замѣтить, что промышленые крестьяне не разстраиваютъ своего состоянія, а напротивъ улучшаютъ его. Улучшеніе быта едва-ли возможно при безпорядочной и развратной жизни.

Впрочемъ, по отношенію къ вопросу о нравственномъ состояніи какъ крестьянскаго сословія, такъ и всего Русскаго населенія, мы должны сознаться, что вопросъ этотъ вовсе не разработанъ въ нашей статистической литературѣ, между-тѣмъ-какъ онъ, по сущности своей, представляетъ высшій интересъ. Всѣ другіе, менѣе существенные, менѣе важные вопросы обращаютъ на себя вниманіе, вопросъ-же о нравственномъ состояніи Русскаго населенія вовсе не тронутъ.

Изъ обозрѣнія, сдѣланнаго нами на основаніи данныхъ, заключающихся въ «Матеріалахъ» читатель видѣлъ, что, независимо отъ чисто-научнаго интереса, подобныя изслѣдованія быта и дѣятельности нашего крестьянина могутъ быть чрезвычайно полезны и въ административномъ отношеніи. Изслѣдованія эти, напр., самымъ очевиднымъ образомъ доказываютъ, какъ благотворно дѣйствуетъ на благосостояніе крестьянскаго сословія развитіе въ средѣ ихъ полезныхъ промысловыхъ занятій, какъ, вслѣдствіе такого развитія, богатство, нравы и понятія развиваются. Имѣя такой неопровержимый фактъ предъ глазами, нельзя не сочувствовать идеѣ, выражаемой имъ, нельзя не признать, что честный трудъ, въ наилучшемъ и совершеннѣйшемъ его развитіи, есть наиболѣе дѣйствительная причина относительнаго довольства, и потому нельзя не стараться всевозможными средствами развивать, распространять его между крестьянами. Съ другой стороны, подобныя изслѣдованія объясняютъ фактически причины слабаго благосостоянія нѣкоторыхъ мѣстностей. Изъ всего слѣдовательно видно, что описанія народнаго быта, произведенныя подобно тѣмъ, результаты которыхъ мы имѣли случай представить, заключаютъ въ себѣ, повторяемъ, драгоцѣнный матеріалъ для науки и вѣрное указаніе для практики. Потому нельзя остаться непризнательнымъ къ просвѣщенному управленію министерства государственныхъ имуществъ, которое съ такимъ усердіемъ и любовью преслѣдуетъ благородную и великую цѣль ознакомленія администраціи и публики съ нуждами и потребностями огромной массы Русскаго населенія.

Мы не будемъ касаться другихъ разнообразныхъ матеріаловъ, заключающихся въ разсматриваемомъ нами изданіи и относящих-

ся до многихъ интересныхъ предметовъ; остановимся только на двухъ статьяхъ, именно: на «Статистическихъ свѣдѣніяхъ объ однодворцахъ и находящихся въ ихъ владѣніи земляхъ» и упомянемъ о нѣкоторыхъ данныхъ относительно цѣнъ на землю въ Ярославской и Костромской губерніяхъ.

Земли однодворцевъ, по способу владѣнія ими, раздѣляются на *душевыя*, которыми однодворцы владѣютъ на томъ-же основаніи, какъ государственные крестьяне общественными землями, и на *четвертныя*, которыя состоятъ во владѣніи отдѣльныхъ лицъ и семействъ. Въ числѣ четвертныхъ земель слѣдуетъ различать *собственныя*, предоставленныя въ полное владѣніе однодворцевъ, и *помѣстныя*, относящіяся къ землямъ казенныхъ. Послѣднія до 1850 года раздѣлялись на души, съ этого-же года земли не поступаютъ въ раздѣлъ, но будутъ оставляемы въ пользованіи потомковъ однодворцевъ, изъ платежа оброка.

Всѣхъ однодворцевъ считается 1,191,980 д. Они раздѣлены по губерніямъ весьма неравномѣрно. Болѣе всего находится въ губерніи Курской (262,526), Тамбовской (227,123), Воронежской (218,324); менѣе всего въ губерніи Калужской (97) и Новгородской (47). Изъ общаго числа однодворцевъ владѣютъ землями:

по четвертямъ 453,982.
по душамъ . . . 737,998.

Мы привели только самыя общія и главныя данныя, касающіяся статистики однодворцевъ; въ «Матеріалахъ» представлено болѣе подробное обозрѣніе количества земель однодворцевъ, по губерніямъ.

Что касается до состоянія цѣнъ на землю въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, то въ настоящее время, когда подвигается къ окончанію нетерпѣливо-ожидаемое всѣми рѣшеніе великаго крестьянскаго вопроса, данныя о цѣнахъ на землю заслуживаютъ полнаго вниманія. Извѣстно, что главное и самое существенное затрудненіе для полнаго и скораго установленія новыхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами заключается въ выкупѣ земель и угодій, который требуетъ болѣе или менѣе совершенной и правильной оцѣнки этихъ земель и угодій. По состоянію вообще статистическихъ свѣдѣній о Россіи и особенно по совершенной недостаточности данныхъ о цѣнности земель, оцѣнка эта должна быть затруднительна, и потому всякое свѣдѣніе о цѣнахъ на землю въ настоящее время весьма важно и полезно.

Предварительно представленія самыхъ цѣнъ, «Матеріалы» дѣлаютъ общее замѣчаніе о характерѣ цѣнъ въ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ и въ южныхъ черноземныхъ. Въ первыхъ вообще земли отличаются рѣзкимъ различіемъ цѣнъ; такое различіе является здѣсь не только по мѣстностямъ, занимающимъ ограниченныя пространства, но сверхъ-того во всѣхъ мѣстностяхъ для каждаго отдѣльнаго угодья. Совсѣмъ иное замѣчается въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ удобреніе земли не составляетъ необходимаго условія для полученія достаточныхъ урожаевъ и гдѣ однокачественныя земли занимаютъ огромныя сплошныя пространства. Здѣсь цѣнность земли главнѣйше соразмѣряется съ густотою населенія и разстояніемъ отъ пунктовъ сбыта, и потому одинаковыя цѣны почти всегда распространяются на значительные районы. Этимъ, между-прочимъ, объясняется, почему въ южныхъ губерніяхъ удобно вывести точныя цѣны на землю, тогда-какъ для сѣверныхъ затрудненія представляются значительными. Тѣмъ не менѣе для Ярославской губерніи выведены слѣдующія данныя. Цѣна за десятину по всѣмъ угодьямъ высшая 225 р., низшая 3 р., средне-сложная всѣхъ угодій, вмѣстѣ взятыхъ, 22 р. Средняя цѣна по губерніи: на пашню 21¼ р., на сѣнокосъ 15¾ р. Цѣны на земли Костромской губерніи оказались: на пахатныя высшія 42 р. 50 к., низшія 10 р.; на сѣнокосныя: высшія 105 р., низшія 10 р. сереб.

Д. И.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ПЕРВУЮ ТРЕТЬ 1859 ГОДА.

I. Богословіе.

Изъ писаній св. отцевъ и учителей церкви напечатаны слѣдующія сочиненія: св. Іоанна Златоустаго: *Бесѣды на 1-е посланіе къ Өессалоникійцамъ*, 1—11-я (Христ. чт. янв.—апр.); двѣ первыя *Бесѣды на 2-е посланіе къ нимъ-же* (ibid. апр.); *Бесѣды на посланіе къ Евреямъ*, 1—12 (ibid. янв.—апр.); препод. Нила Синайскаго, *Письма къ разнымъ лицамъ* (Тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 1); *Сочиненія* преп. Максима Грека (Правосл. соб. февр.—апр.); св. Ефрема Сирина, *Ученіе о покаяніи* (Воскр. чт. № 49); св. Льва, папы Римскаго, *Слово на святую четыредесятницу* (ibid. № 54); св. Иларіона, митрополита Кіевскаго, *Молитва* (Дух. бес. № 1).

— По церковному краснорѣчію: высокопреосв. Филарета, митрополита Московскаго: *Бесѣда въ день тезоименитства благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича* (Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 1); *Бесѣда по освященіи храма св. Александра Невскаго, при Покровской богадѣльнѣ Московскаго мѣщанскаго общества* (ibid.); высокопреосвящ. Григорія, митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго, *Слово въ недѣлю мясопустную* (Дух. бесѣда № 7); *Слово въ недѣлю православія* (ibid. № 10); *Слово въ день Благовѣщенія Богоматери* (ibid. № 14); высокопреосвящ. Никанора, въ Бозѣ почившаго митрополита С. Петербургскаго и Новгородскаго, *Слово въ великій пятокъ* (ibid. № 15); преосвящ. Макарія, епископа Тамбовскаго и Шацкаго: *Слово въ день тезоименитства Благовѣрнаго*

Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича (Христ. чт. февр.); *Рѣчь въ день Рождества Христова* (ibid. мартъ); *Слово на новый годъ* (ibid.); преосвящ. Анатолія, архіепископа Могилевскаго и Мстиславскаго, *Слово въ недѣлю по просвѣщеніи* (Воскр. чт. № 43); *Покаянныя воздыханія* (ibid. № 46); *Слово въ недѣлю сыропустную* (ibid. № 49); *Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы* (ibid. № 53); *Слово въ недѣлю ваій* (ibid. № 55); преосвящ. Филарета, архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, *Слово въ день поклоненія веригамъ апостола Петра* (ibid. № 44); *Бесѣда по случаю возложенія новой ризы на чудотворную икону Богоматери,* въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ (ibid. № 45); *Слово по освященіи возобновленнаго храма при архіерейскомъ домѣ* (ibid. № 51); іеромонаха Сильвестра, *Слово въ навечеріе новаго года, по случаю торжественнаго поминовенія Кіевскаго митрополита Петра Могилы, основателя академіи, и всѣхъ учившихъ и учившихся въ ней* (ibid. № 47); Кирилла Транквилліона, архимандрита Черниговскаго (проповѣдника XVII вѣка), *Слово въ недѣлю мясопустную* (ibid. № 48); протоіерея Іосифа Васильева, *Рѣчь при заложеніи церкви въ Парижѣ* (ibid. № 13).—*Слово на новый годъ* (Христ. чт. янв.); *Слово на кавалерскій праздникъ военнаго ордена св. великомученика Георгія Побѣдоносца* (ibid.); *Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича* (ibid. мартъ); *Слово въ великій пятокъ* (ibid. апр.); *Рожденіе Христа и возрожденіе человѣчества. Слово* (Правосл. соб. февр.); *Привѣтъ церкви отечеству на новый годъ. Слово* (ibid.); *Слово объ освобожденіи крестьянъ* (ibid. мартъ); *Воскресная бесѣда священника съ прихожанами:* 8-я. *Объ Авраамѣ, Исаакѣ и Іаковѣ* (Воскр. чт. № 45); 9-я. *Объ Іосифѣ и народѣ Израильскомъ въ Египтѣ* (ibid. № 49, 50); 10-я: *Объ исходѣ Израильтянъ изъ Египта и странствованіи ихъ въ пустынѣ* (ibid. № 54); *Слово по освященіи храма* (ibid. № 52).

— «Бесѣда въ день тезоименитства Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича». — Бесѣда эта имѣетъ предметомъ своимъ общественное образованіе. «Что, если мудро-воспитанный наслѣдникъ царства, говоритъ архипастырь, вступая въ царскую дѣятельность, встрѣтитъ окрестъ себя родъ, воспитанный не мудро и небрежно? Можетъ-ли онъ поддержать, или устроить благоден-

ствіе царства и народа такъ-же удобно, какъ еслибы окруженъ былъ людьми, воспитанными тщательно и разумно? — Конечно, нѣтъ. И такъ народъ долженъ благодарить царя, который упрочиваетъ его благоденствіе мудрымъ воспитаніемъ своего наслѣдника: и съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ споспѣшествовать благонамѣренію царя и своему будущему благоденствію тѣмъ, чтобы каждый отецъ семейства воспитывалъ своихъ дѣтей тщательно и разумно, сообразно съ своимъ состояніемъ и съ ихъ способностями. Въ нынѣшнія времена о предметахъ, правилахъ и способахъ воспитанія такъ много разсуждаютъ, пишутъ, спорятъ, что это едва-ли не уменьшаетъ довѣрія къ воспитателямъ отъ воспитываемыхъ, которые слышатъ ихъ препирающихся между собою, и видятъ руководительныя книги, недавно одобренныя, вскорѣ осуждаемыя другими новыми. Можетъ-быть, это и неизбѣжно, по-причинѣ умножившихся и оразнообразившихся требованій жизни общественной и частной, которымъ воспитаніе должно удовлетворять. Притомъ гласность нѣкоторые почитаютъ всеобщимъ врачествомъ противъ общественныхъ золъ, хотя иногда она бываетъ и источникомъ общественныхъ болѣзней, если слишкомъ неудержимо расширяетъ уста свои не только для правды, но и для неправды. Впрочемъ, мнѣ заповѣдано *не словопрѣтися* (2 Тим. 2, 14). Мой долгъ указать, поколику возможно, родителямъ и воспитателямъ на то, что безспорно-истинно и для всѣхъ ихъ доступно и полезно, и на руководительную книгу, которой не оттѣсняла-бы отъ нихъ никакая другая». Приведя за симъ нѣсколько уроковъ для воспитанія изъ книгъ св. писанія, архипастырь продолжаетъ: «Таково ученіе священныхъ книгъ о воспитаніи. Оно просто и не многосложно: потому-что назначено не только для мудрыхъ, но и для простыхъ. Впрочемъ, и мудрые не унизятъ себя, если окажутъ вниманіе учениковъ симъ простымъ урокамъ: потому-что ихъ преподали люди, водимые Духомъ Божіимъ. Самое простое воспитаніе по правиламъ истиннаго благочестія и чистой нравственности можетъ образовать добраго гражданина царству земному, способнаго и къ небесному гражданству; воспитаніе-же любомудрое безспорно можетъ сдѣлать болѣе и совершеннѣе приспособить воспитываемаго къ достиженію разныхъ общеполезныхъ цѣлей. Но безъ сихъ правилъ, самое ученое воспитаніе есть построеніе благовиднаго зданія безъ прочнаго основанія. По симъ правиламъ просто воспитанъ былъ отрокъ Давидъ, чтобы пасти овецъ: но въ немъ от-

крылся мужъ, способный пасти народъ Божій, побѣдоносный воинъ, царь, пророкъ. По симъ правиламъ, вѣроятно, уже болѣе учительно, воспитанъ сынъ царевъ Соломонъ, и явился царемъ премудрымъ, царемъ-пророкомъ, царемъ необыкновенно-счастливымъ. Изъ того, что въ ветхозавѣтномъ ученіи о воспитаніи видно болѣе строгости, а въ евангельскомъ болѣе свободолюбивой кротости, естественно раждается вопросъ: должно-ли слѣдовать исключительно послѣднему, и совсѣмъ отложить первое? Чтобы разрѣшить сей вопросъ, обращаюсь къ изреченію св. апостола Павла, которымъ началъ слово. *Въ елико время наслѣдникъ младъ есть, ничимже лучшій есть раба, но подъ повелители и приставники есть.* Видите, онъ говоритъ о строгомъ воспитаніи, какъ не предосудительномъ, обыкновенномъ и должномъ. Это тѣмъ болѣе примѣчательно, что онъ строгое воспитаніе представляетъ образомъ того, какъ Богъ воспитываетъ человѣчество. Сіе видно изъ непосредственно слѣдующихъ словъ: *и мы, егда бѣхомъ млади, подъ стихіами бѣхомъ міра порабощени.* Ветхій завѣтъ есть дѣтство человѣчества, и его начальное воспитаніе подъ рабскимъ страхомъ закона. Христіанство есть высшій возрастъ человѣчества, и его совершительное подъ благодатію воспитаніе; здѣсь, соотвѣтственно возвысившемуся познанію и силѣ духа, ему ввѣряется духовная свобода; и тогда человѣкъ внутренно уже *не рабъ, но сынъ и наслѣдникъ Божій Іисусъ-Христомъ* Итакъ поелику апостолъ въ воспитаніи человѣчества Богомъ и въ воспитаніи каждаго человѣка родителями и наставниками признаетъ одинаковый порядокъ: то ясно, что и изъ христіанскаго кроткаго воспитанія онъ не совсѣмъ исключаетъ древнюю строгость, дабы свобода ввѣряема была воспитываемому, по мѣрѣ пріобрѣтенія имъ умѣнья пользоваться ею. Все-ли равно—давать обширную свободу умѣющему ее употреблять, или неумѣющему, зрѣлому въ разумѣ, или незрѣлому? — Очевидно, не все равно. Слѣдственно, по мѣрѣ возраста и образованія должно давать свободу дѣтямъ. Которое изъ двухъ направленій правильнѣе, пріятнѣе и удовлетворительнѣе для человѣка: поступленіе отъ расширенія свободы къ ея ограниченію, или, напротивъ, отъ ея ограниченія къ расширенію? — Очевидно, послѣднее. Итакъ надобно вести дѣтей отъ ограниченія свободы къ расширенію ея. Иначе, сдѣлавшійся слишкомъ свободнымъ слишкомъ рано, куда направится далѣе съ своимъ желаніемъ поступленія впередъ и возрастающаго удовлетворенія? Не будетъ-ли онъ

въ искушеніи поколебать справедливые предѣлы разумной и законной свободы? Провидѣніемъ Божіимъ призванные быть родителями, воспитателями и наставниками дѣтей да не пренебрегутъ сихъ напоминаній; да помышляютъ о нихъ благовременно и предусмотрительно; и наипаче чтобы основаніемъ и душею воспитанія было благочестіе; да пекутся о семъ съ искреннимъ усердіемъ ради дѣтей, ради себя, ради отечества, ради потомства. *Въ чадѣхъ своихъ познанъ будетъ мужъ* (Спр. 11, 24)».

— «Привѣтъ церкви отечеству на новый годъ». — Слово это исполнено прекрасныхъ совѣтовъ и теплой любви къ отечеству. Приводимъ его здѣсь сокращенно: «*И бысть вечеръ:* кончился годъ; *и бысть утро:* насталъ новый годъ. Такъ просто и легко дѣлается это въ природѣ, въ смѣнѣ временъ. Не такъ легко переживается жизнь человѣка. Еще труднѣе проходитъ жизнь народовъ, особенно чрезъ эпохи ихъ возрожденія. Тогда открывается борьба старой, отживающей жизни съ новою, зачинающеюся; тяготѣніе къ старому порядку сдерживаетъ однѣ массы народа, рвеніе къ новому увлекаетъ другія. Усиленное развитіе вопросовъ, возникающихъ въ обществѣ, возбуждаетъ въ немъ громкіе, шумные голоса разнородныхъ мнѣній и чувствъ; умы приходятъ въ броженіе; духъ общественный пробуждается въ судорожныхъ движеніяхъ. Все это имѣетъ видъ, похожій на муки рожденія, такъ-какъ народъ возраждаетъ изъ себя новую жизнь. Въ такомъ положеніи представляется теперь Россія. Что мы видимъ? Необычайное напряженіе всѣхъ нервовъ и мускуловъ въ ея общественномъ организмѣ; неудержимое рвеніе впередъ ея умственныхъ и нравственныхъ силъ; громкіе, доселѣ неслышные голоса, выражающіе совершенно-новыя потребности и стремленія жизни. Да! видно *пріиде часъ* Россіи! Она стремится къ возрожденію! *Пріиде часъ!* Можетъ-ли не сочувствовать этому времени церковь? О! церковь должна, и готова, тысячу разъ повторять ударъ этого часа, во всѣ свои колокола, чтобы огласить всѣ концы и углы Россіи, чтобы пробудить всѣ чувства Русской души и во имя христіанской истины и любви призвать всѣхъ сыновъ отечества къ участію и содѣйствію въ общемъ, великомъ дѣлѣ возрожденія. И свои есть побужденія для церкви. Давно, давно сама церковь, въ собственныхъ нѣдрахъ, страдаетъ скорбями рожденія, чувствуя слишкомъ сильно потребность дать новую жизнь своимъ чадамъ духовнымъ. Но таковъ чистый духъ церкви, что она не можетъ безъ особен-

ной заботливости и даже предусмотрительной строгости слѣдить за ходомъ возрожденія отечества. Церковь знаетъ и въ себѣ хранитъ твердыя основанія и вѣрные законы истиннаго, неложнаго развитія человѣчества; она постигаетъ и свято въ самой себѣ блюдетъ коренныя, глубочайшія начала жизни народной; она наконецъ преисполнена высшей любви и чистѣйшей преданности отечеству. Вотъ почему церковь, въ-отношеніи къ нему, даже строга и опаслива! И такова истина и такова любовь; ошибается, кто думаетъ противное. По такимъ побужденіямъ, съ такими чувствами, церковь обращается теперь къ отечеству.... Православная Россія! Новый годъ да будетъ для тебя вѣрнымъ шагомъ впередъ, къ твоему счастливому возрожденію. Но не спѣши, Россія! Не спѣши ускорить твое возрожденіе: иначе оно можетъ быть преждевременно, и тогда новая жизнь твоя будетъ немощна и ненадежна. Не насилуй естественнаго, историческаго теченія твоей жизни, чтобы дать себѣ искусственное возрожденіе: оно будетъ неправильно и не нормально, и ты можешь родить изъ себя жизнь аномальную, болѣзненную, а можетъ быть и—мертвую. Не усиливайся возродить въ себѣ все, вдругъ, въ-разъ: возрожденіе твое будетъ слишкомъ напряженно и можетъ-быть разрушительно, а будущее твое тогда — невѣрно и не безопасно. Не возраждай себя чуждымъ духомъ, отвнѣ, съ чужой стороны заимствованнымъ и съ твоею народностію несогласнымъ. Возраждайся твоимъ собственнымъ духомъ, кореннымъ, природнымъ, народнымъ; иначе возрожденіе твое будетъ ложно и ты будешь жить не своею жизнію. Не посягай на основныя начала твоей народной жизни, начала религіозныя, нравственныя, общественныя: въ нихъ твоя опора, твоя сила, твоя жизнь. Посягнешь на нихъ, — наложишь руки на самое себя. Возраждайся разумомъ и вѣрою, наукою и нравственностію, духомъ общественности и силою народной дѣятельности; тогда возрожденіе твое будетъ глубоко, полно, совершенно. Не считай себя слишкомъ устарѣвшею, чтобы выродить изъ себя совсѣмъ *юную Россію*, и не все старое считай слишкомъ устарѣлымъ, чтобы все передѣлать на новый видъ. Ты еще очень молода, и то, что кажется въ тебѣ устарѣлымъ, можетъ-быть, только еще не развито — по молодости. Но и старость, которая слишкомъ силится юнѣть, и юность, которая слишкомъ торопится жить, тѣмъ скорѣе и окончательно—старѣютъ. Не дай оглушить себя шуму разнообразныхъ голосовъ, такъ громко начинающихъ

раздаваться въ тебѣ, горячихъ, нетерпѣливыхъ, невсегда скромныхъ и осторожныхъ. Слушай болѣе всего одного голоса—истины, который невсегда бываетъ громокъ, даже иногда бываетъ очень тихъ, но всегда спокоенъ, умѣренъ, прямодушенъ. Не пренебрегай, если слышится голосъ этотъ изъ дальнихъ угловъ, изъ неважныхъ рядовъ, изъ безвѣстныхъ умовъ, или—изъ старыхъ головъ. Люби *свѣтъ*, по слову Того, кто сказалъ: *всякъ дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта и не приходитъ ко свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть. Творяй-же истину, грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана* (Іоан. 3, 20). Вотъ основаніе для твоей гласности, общественнаго мнѣнія, открытаго суда, и пр. Но это свѣтъ чистый, истинный: люби его, а не тусклый, ложный свѣтъ; люби свѣтъ дня, а не ночи. Мысль и слово, эти драгоцѣннѣйшія сокровища и силы человѣчества, да будутъ въ тебѣ живы, бодры, сильны и дѣйственны. Но смотри, куда дуетъ духъ мысли, куда летитъ слово.... Силою твоего народнаго благоразумія, твердымъ духомъ твоей народности, узами общественнаго порядка, сдерживай рьяные порывы тѣхъ пламенныхъ умовъ, которые съ неугомоннымъ крикомъ: «впередъ и впередъ»!—хотѣли-бы вдругъ схватить тебя на свои задорныя руки и, разметая и попирая все, что имъ кажется помѣхою, умчать тебя въ безграничную даль своихъ мечтательныхъ стремленій. Стой твердо противъ этихъ вихрей, раждающихъ бюри и пожары. Да не въ бурныхъ порывахъ вихрей и огней совершится твое возрожденіе, а въ образѣ тихаго, гармоническаго, животворнаго и усладительнаго для духа развитія разсвѣтающей утромъ природы. Примѣры-же другихъ народовъ да будутъ для тебя уроками! Береги юное поколѣніе твое: огради, очисти, воспитай духъ его истиною и любовію. Спаси его отъ увлеченій лжи, отъ заразы вольномыслія, отъ порывовъ юнобѣсія. Въ поколѣніи юномъ должно совершиться возрожденіе твое; въ немъ—будущая жизнь твоя. Наконецъ сбереги стараго, лучшаго твоего друга,—друга, который изначала жилъ неразрывно съ тобою, единымъ духомъ и единою жизнію; который прошелъ съ тобою неизмѣнно чрезъ всѣ періоды и эпохи твои, всегда во всемъ добромъ и полезномъ сочувствовалъ и помогалъ тебѣ; который воспиталъ народъ твой, охранилъ престолъ твой, врачевалъ твои недуги, страдалъ съ тобою и спасалъ тебя въ годы тяжкіе; который всегда молился за тебя и своею молитвою очищалъ, своею вѣрою и любовію искупалъ грѣхи твои; который сохранилъ въ себѣ

для блага твоего чистѣйшія начала истины, нравственности, народности и жизни общественной. Вооруженный ничѣмъ другимъ, кромѣ креста, онъ первый и болѣе, чѣмъ кто-либо, готовъ идти за тебя на крестъ—и положить свою душу, во имя истины и любви. Да не будетъ никогда слышимо, да не будетъ мыслимо ни что, могущее раздѣлить тебя съ нимъ: раздѣленіе — для него страданіе, для тебя — зло. Этотъ другъ твой — церковь твоя!»

— По духовной исторіи: *Рязанскіе іерархи* (Христ. чт. янв.); *Объ образѣ дѣйствій православныхъ государей Греко-Римскихъ, въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу церкви, противъ еретиковъ и раскольниковъ* (Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 1); ***Дѣянія вселенскихъ соборовъ. Соборъ Никейскій, вселенскій первый*** (Правосл. соб. янв. апр.); ***Библіотека Соловецкаго монастыря*** (ibid. янв. февр.); ***Памятники древне-Русской духовной письменности*** (ibid. янв.—апр.); ***Голосъ древней Русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ крестьянъ*** (ibid. янв.); ***Почитаніе среды и пятницы въ древнемъ Русскомъ народѣ*** (ibid. февр); ***Раскольники за Кавказомъ. Духоборцы. Духовные. Субботники. Общіе*** (ibid. мартъ, апр.); ***Сколько лѣтъ прошло отъ сотворенія міра до Рождества Христова? Къ раскольникамъ*** (ibid. мартъ); ***Взглядъ на христіанскій характеръ Славянскихъ племенъ*** (ibid. апр.); ***О благовременности пришествія въ міръ Сына Божія*** (Воскр. чт. № 42); ***Разговоръ преп. Максима Исповѣдника съ Пирромъ*** (ibid. № 50); ***Св. Григорій Палама и Варлаамиты*** (ibid. № 51); ***Благодатная сила св. подвижниковъ Печерскихъ въ обращеніи невѣрныхъ и неправовѣрныхъ къ вѣрѣ православной*** (ibid. № 53); ***О чудесахъ и знаменіяхъ, сопровождавшихъ страданіе и смерть Господа нашего Іисуса Христа*** (ibid. № 55); ***Фотій, святѣйшій патріархъ Константинопольскій*** (Дух. бесѣда № 3, 4); ***Разборъ буллы -- «Ineffabilis,—составленной и изложенной по правиламъ здраваго богословія братомъ Брауліемъ Моргезомъ, профессоромъ священнаго богословія въ орденѣ проповѣдниковъ и въ Алкольскомъ университетѣ*** (ibid.); ***Фарисеи*** (ibid. № 5); ***Секта квакеровъ*** (ibid. № 6); ***Православіе. Историческій очеркъ*** (ibid. № 9); ***Шествіе Господне въ Іерусалимъ*** (ibid. № 14); ***Спасительные плоды страданій и крестной смерти Господа нашего Іисуса Христа*** (ibid. № 15).

— «Дѣянія вселенскихъ соборовъ».—Доселѣ на Русскомъ языкѣ не было изданія дѣяній вселенскихъ соборовъ, и потому нельзя не встрѣтить съ признательностію начала этого изданія, предпри-

нятаго редакціею Православн. собесѣдн. Помѣщаемъ здѣсь вступленіе гг. издателей. «Вселенскіе соборы принадлежатъ въ исторіи церкви къ періоду времени отъ первой половины IV вѣка (325 по Р. Хр.) до послѣдней половины VIII вѣка (788). Нѣтъ нужды много говорить объ особенной важности ихъ въ церкви. Каждый изъ нихъ былъ выраженіемъ разума и голоса вселенской церкви, т.-е. всѣхъ мѣстъ и всѣхъ предыдущихъ временъ христіанства, а всѣ вмѣстѣ они составляютъ самое полное и живое свидѣтельство всей древней церкви въ отношеніяхъ догматическомъ, каноническомъ, іерархическомъ, нравственномъ. Они сами въ себѣ выразили и утвердили на всѣ послѣдующія времена чистѣйшее, изначальное церковное преданіе; раскрыли и во всей точности опредѣлили и изложили догматы вѣры; установили важнѣйшія церковныя правила, священнослужебныя, благочинныя, судныя и покаянныя; произнесли судъ не только надъ сектами и лицами неправомыслящими, возмущавшими тогда вселенскую церковь, но и надъ цѣлыми помѣстными церквами, болѣе или менѣе уклонявшимися отъ единаго духа вселенскаго, въ своихъ частныхъ мнѣніяхъ, дѣйствіяхъ и обычаяхъ; оградили чистое исповѣданіе православной вѣры и внутреннюю жизнь церкви отъ нововведеній, несогласныхъ съ ея изначальнымъ преданіемъ, и отъ всякаго произвола мнѣній и распоряженій въ ней — оградили именно утвержденіемъ положительныхъ основаній и образцевъ вѣроисповѣданія и духовнаго управленія церкви — на всѣ времена. Такъ-какъ они въ своихъ опредѣленіяхъ выражали единомысліе и единогласіе всей христіанской церкви разныхъ мѣстъ и временъ, не легко на такомъ пространствѣ мѣстъ и временъ могущее быть поддержаннымъ человѣческими силами, такъ-какъ, съ другой стороны, въ рѣшеніи важнѣйшихъ догматическихъ вопросовъ о высочайшихъ тайнахъ вѣры никакъ не могло-бы быть достаточно однихъ усилій человѣческаго разума, или однихъ свидѣтельствъ человѣческой вѣры: то вселенскіе соборы, по-справедливости, признаются вдохновенными въ своихъ рѣшеніяхъ отъ Духа Святаго. По всѣмъ этимъ уваженіямъ православная каѳолическая церковь сознаетъ себя и свою непогрѣшимую чистоту въ вѣрѣ и свою духовную цѣлость во внутренней жизни, — утвержденною на семи вселенскихъ соборахъ, какъ неизмѣнномъ основаніи. Памятниками вселенскихъ соборовъ остались не одни историческія, постороннія свидѣтельства, изъ коихъ нѣкоторыя современны имъ, а наи-

большая часть весьма близки къ нимъ по времени, но и собственныя *дѣянія* соборовъ, кромѣ двухъ первыхъ. Здѣсь, подъ именемъ соборныхъ дѣяній мы разумѣемъ не одни отдѣльные акты, или документы, относящіеся къ исторіи соборовъ, какъ напримѣръ посланія соборовъ или отцевъ, на нихъ присутствовавшихъ, грамоты государей о ихъ созваніи, соборныя изложенія вѣры и т. п., но самые порядки соборныхъ совѣщаній и дѣйствій, со всѣми подробностями. О подлинности этихъ соборныхъ дѣяній вообще нѣтъ причины сомнѣваться: ибо 1) составъ ихъ и изложеніе вполнѣ соотвѣтствуютъ извѣстіямъ и обстоятельствамъ времени, мѣста, лицъ и дѣлъ, относящихся къ тому или другому собору, такъ-что дѣянія сами въ себѣ носятъ признаки своей достовѣрности; 2) отдѣльные, несомнѣнные документы, принадлежащіе къ исторіи соборовъ, по частямъ подтверждаютъ то, что̀ излагается въ дѣяніяхъ; 3) постороннія историческія свидѣтельства указываютъ, также по частямъ, на многое, замѣчаемое въ дѣяніяхъ. Возможность составленія такихъ записей о соборныхъ совѣщаніяхъ не можетъ быть опровергнута, или подвержена сомнѣнію: ибо извѣстно, что на соборахъ, кромѣ пастырей церковныхъ, присутствовали и гражданскіе чины и писцы, и дѣянія, если не въ полномъ составѣ, то въ частяхъ, были представляемы для свѣдѣнія государямъ, которые иногда и подписывали ихъ собственноручно. Между-тѣмъ въ подробностяхъ соборныхъ совѣщаній можно видѣть весьма много любопытныхъ, поучительныхъ и полезныхъ данныхъ для исторіи церкви и для точнаго изученія самой вѣры православной. Дѣянія показываютъ, какъ внимательно, глубокомысленно, осторожно и точно св. отцы изслѣдовали божественное ученіе вѣры, опредѣляли догматы ея, не только въ мысляхъ, но и въ самыхъ выраженіяхъ и даже отдѣльныхъ словахъ; какъ тщательно наблюдали они повсемственное преданіе и всеобщій голосъ церкви; какъ терпѣливо и осмотрительно разбирали и разрѣшали всѣ недоумѣнія противъ вѣры умовъ колеблющихся и самыхъ вольномыслящихъ; какъ прилежно изучали мысли и писанія своихъ предшественниковъ, перечитывая ихъ на соборахъ; какъ не упускали ничего, повидимому и самыхъ малыхъ частностей, для благоустроенія церкви, для внутренняго ея утвержденія и огражденія отъ всѣхъ возможныхъ и случайныхъ колебаній, не для своего только времени, но и на послѣдующія времена. Есть нѣсколько изданій *соборныхъ дѣяній* на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ: на Русскомъ доселѣ

не было. Настоящимъ переводомъ *дѣяній* мы полагаемъ доставить поучительное и глубокозанимательное чтеніе всѣмъ православнымъ христіанамъ, а въ-особенности облегчить труды догматическаго и историческаго изученія вѣры и церкви» (*).

— «Библіотека Соловецкаго монастыря». — Православный собесѣдникъ предпринялъ съ 1858 года изданіе памятниковъ древне-Русской духовной письменности, какіе найдутся въ Соловецкой библіотекѣ, принадлежащей нынѣ Казанской духовной академіи. Необходимость и польза подобнаго изданія понятны сами собою. Соловецкая библіотека рукописей, не смотря на свое, сравнительно съ другими древними Русскими книгохранилищами, болѣе позднее происхожденіе, не смотря на ограниченное число замѣчательныхъ древностію и содержаніемъ рукописей, тѣмъ не менѣе можетъ представить внимательному изслѣдователю немало матеріаловъ, въ томъ или другомъ отношеніи очень важныхъ для исторіи Русской письменности и исторіи Русской церкви. Даже, безотносительно ко внутреннимъ достоинствамъ библіотеки, самое существованіе ея, какъ памятника, надъ сооруженіемъ котораго, впродолженіе вѣковъ, трудились сотни рукъ нашихъ древнихъ любителей книжнаго образованія, должно обратить на себя наше любопытство. Обстоятельное описаніе библіотеки, обнародованіе замѣчательныхъ ея памятниковъ, конечно, прямо повело-бы къ цѣли и вполнѣ удовлетворило бы справедливому любопытству. Но понятно, что на исполненіе такой многосложной задачи потребно немало времени и трудовъ. Это побудило редакцію Прав. собесѣд., прежде нежели приступлено будетъ къ обстоятельному описанію Соловецкой библіотеки, предложить читателямъ нѣсколько основанныхъ на общемъ обзорѣ ея свѣдѣній о составѣ, происхожденіи и относительной важности этого книгохранилища. Соловецкую библіотеку составляютъ 1343 нумера рукописей и 83 нумера старопечатныхъ книгъ. Въ обзорѣ рукописи раздѣлены на три отдѣла: 1) рукописи духовнаго содержанія, 2) рукописи свѣтскаго содержанія и 3) рукописи Анзерскаго скита, который въ 1764 г. былъ присоединенъ къ Соловецкой обители. Каждый изъ этихъ отдѣловъ рукописей имѣетъ свою особую нумерацію.

(*) Переводъ этотъ сдѣланъ по двумъ лучшимъ изданіямъ соборныхъ дѣяній: «Labbei et Cossartii» (1671): Lut. Paris, и «Harduini» (1715): Parisiis.

— «Голосъ древней Русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ крестьянъ». — Сообщаемъ нѣсколько извлеченій изъ этой рѣчи, читанной на торжественномъ актѣ Казанской духовной академіи въ память основанія ея, 8 ноября 1858 г. «Въ настоящее время (сказано во вступленіи въ эту рѣчь) Россія занята великою, всенародною думою, самымъ важнымъ вопросомъ изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ отечества. Съ 20 ноября прошлаго года, когда благодушный Государь нашъ Императоръ Александръ Николаевичъ возвѣстилъ волю свою объ улучшеніи быта 25 милліоновъ несвободнаго сельскаго населенія и призвалъ дворянство къ общему разсужденію объ этомъ дѣлѣ, быстро пронеслась эта радостная, цѣлыя вѣка вожделѣнная вѣсть по всей широкой землѣ Русской, по всѣмъ городамъ и селеніямъ: дѣло это теперь составляетъ предметъ всеобщаго вниманія, всеобщихъ толковъ и сужденій—и въ живомъ словѣ и въ литературѣ. Россія немного запомнитъ въ исторіи своей такихъ эпохъ, когда весь народъ Русскій, всѣ, начиная отъ дворца Царскаго, отъ палаты вельможи и до послѣдней хижины, такъ живо думали одну думу великую, народную. Осуществленіе этой думы будетъ великое, достойное величія Россіи событіе, лучшее украшеніе юбилея тысячелѣтія, который она будетъ праздновать въ 1862 г. Это плодъ и торжество не одного современнаго просвѣщенія и цивилизаціи, но и плодъ и торжество христіанства; это — *лѣто Господне пріятное* —не только для государства Русскаго, но и для церкви Русской. Это высокій нравственный подвигъ христіанской любви, христіанскихъ идей о нравственномъ достоинствѣ, правахъ и благѣ человѣчества. Въ эту минуту, м. г., изъ глубины отдаленныхъ вѣковъ, съ того конца исторіи нашей, когда только-что развивалось рабство въ Россіи, намъ слышится голосъ древней Русской церкви, съ живымъ сочувствіемъ отзывающійся на современный вопросъ объ улучшеніи быта людей несвободныхъ, и призывающій современную Русскую церковь обратить, и съ своей стороны, на него живѣйшее вниманіе. Просимъ вниманія—выслушать вкратцѣ этотъ голосъ древней нашей церкви». За симъ авторъ переносится мыслью въ темные средніе вѣка нашей исторіи, когда только-что еще возникало у насъ рабство, и бѣгло обрисовываетъ развитіе онаго, и за симъ продолжаетъ: «Такими и многими другими способами совершалось порабощеніе свободныхъ людей. И жалка, грустна была участь этихъ несчастныхъ жертвъ насилія! Ихъ, какъ вещь,

какъ имущество, можно было продать, заложить, украсть, уничтожить. Ихъ можно было убить, — и холопъ не смѣй искать правосудія на господина: права иска на господина холопъ лишенъ былъ *Русской Правдой* и *Уставной грамотой*. Холопъ не имѣлъ права семейной жизни, не имѣлъ права собственности: все, что онъ могъ пріобрѣсть собственнымъ трудомъ, было собственностію господина, а холопъ оставался нагъ, босъ и голоденъ. Холопъ лишался даже возможности быть истиннымъ христіаниномъ, исправлять дѣла благочестія, ходить въ церковь, получать христіанское воспитаніе и нерѣдко умиралъ даже безъ крещенія. Вотъ отъ этихъ-то несчастныхъ и слышится тотъ горькій плачъ, рыданіе и вопль на немилостивыхъ старѣйшинъ и бояръ, о которомъ говорятъ наши лѣтописи и древніе пастыри церкви. Такъ доносится до насъ вѣковой горькій плачъ жалкаго *заточника*—несчастнаго холопа, отъ XIII вѣка, съ дикихъ береговъ Олонецкаго озера Лача; слышится плачевный голосъ Даніила заточника, разнесшійся по всей древней Россіи, съ сочувствіемъ повторяемый всѣмъ Русскимъ народомъ въ древнее время. Горькое недовольство угнетающею дѣйствительностію, желаніе выйти изъ безотраднаго положенія вѣчнаго холопства, насилія и неправды; горечь въ самомъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, никѣмъ не признаннаго, смѣлый протестъ противъ безсмысленнаго оскорбленія, наносимаго нѣжнѣйшимъ, благороднѣйшимъ и самымъ возвышеннымъ чувствамъ и нравамъ человѣка, каковы семейная любовь и благочестіе; желаніе хотя въ монастырѣ, хотя въ пустынѣ дикой возвыситься надъ рабскимъ положеніемъ въ мірѣ, почувствовать себя человѣкомъ, сознать свою нравственно-разумную свободу: вотъ что слышится въ плачѣ горькаго *заточника*, — порабощеннаго человѣка. Какая-то горькая насмѣшка, что-то въ родѣ сатирическаго озлобленія слышится въ голосѣ заточника, когда онъ вспоминаетъ состояніе холопа. Онъ лучше хочетъ всего себя предать главному, верховному властителю — князю, лучше хочетъ отказаться отъ всѣхъ матеріальныхъ благъ въ домѣ своего поработителя боярина, чѣмъ жить безъ отраднаго, живительнаго внутренняго чувства нравственной свободы. Вотъ въ отвѣтъ на этотъ-то горькій плачъ заточника — древняго Русскаго раба, и раздался немедля спасительный, утѣшительный голосъ церкви, голосъ христіанства объ улучшеніи участи рабовъ. Великая будущность ждетъ тотъ народъ, полно жизни и силы то общество, въ которомъ и посреди

общественной неправды, среди сильнаго стремленія къ порабощенію, громко раздается могущественный голосъ разумнаго сознанія правды и противопоставляется сильное стремленіе къ нравственной свободѣ человѣческаго достоинства,—въ которомъ подлѣ грубой матеріальной силы, подлѣ господства сильной личности, стремящейся поработить себѣ слабыя личности, выступаетъ могущественная духовная сила, воздвигаются личности, облеченныя силою духа и правды, какъ пророки, защищающіе вдовъ и сиротъ и во имя христіанства возвѣщающіе отраду несправедливо-порабощаемымъ людямъ. Церковь Русская, въ эпоху первоначальнаго развитія въ Россіи рабства, уже явилась такой крѣпкой духовной силой, единственной, которая могущественно сдерживала стремленіе матеріальной силы къ порабощенію, и этому стремленію противополагала стремленіе къ улучшенію участи порабощенныхъ. Изъ церкви, съ каѳедры храма, изъ монастыря, изъ келліи подвижника, въ бесѣдахъ съ рабовладѣльцами, въ посланіяхъ къ князьямъ и боярамъ, неумолчно раздавался пастырскій голосъ въ защиту людей несвободныхъ, — голосъ, требовавшій или освобожденія ихъ, или по-крайней-мѣрѣ улучшенія ихъ матеріальнаго и нравственнаго быта. Обличая жестокосердыхъ рабовладѣльцевъ за ихъ нечеловѣколюбивое обхожденіе съ рабами, за то, что они не отпускали на свободу выкупающихся отъ рабства, или брали слишкомъ большую цѣну за свободу,—церковь поучала всѣхъ вообще рабовладѣльцевъ обращаться съ рабами, какъ съ своими чадами, заботиться отечески объ ихъ матеріальномъ и духовномъ благѣ. И не словомъ только поучали подвижники древней Русской церкви рабовладѣльцевъ, а и примѣромъ. Эти святые мужи были какъ-бы пророками и, если можно такъ сказать, прообразователями грядущей свободы чадъ Божіихъ. Въ то время, какъ толпы земледѣльцевъ и рабовъ бѣгутъ изъ селъ мірскихъ землевладѣльцевъ, бѣгутъ отъ поработительнаго насилія сильныхъ, углубляются все далѣе и далѣе въ дремучіе лѣса и тундры огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣверо-восточной Россіи и населяютъ пустыни,—въ то-же время, всегда впереди ихъ, идутъ ходатаи рабовъ, защитники порабощаемыхъ и угнетаемыхъ земледѣльцевъ и рабовъ — св. отшельники. Дѣти богатыхъ рабовладѣльцевъ — Зосима Соловецкій, Антоній Сійскій, Кириллъ Бѣлозерскій, Александръ Свирскій, Савва Вишерскій, Корнилій Вологодскій и цѣлый сонмъ подобныхъ отшельниковъ изъ рода богатыхъ бояръ-рабовладѣль-

цевъ, измлада напитавшись высокимъ ученіемъ церкви о рабахъ, о человѣческомъ достоинствѣ ихъ, по смерти родителей своихъ оставляютъ свои богатыя имѣнія, возвѣщаютъ свободу всѣмъ своимъ рабамъ; а сами уходятъ въ лѣса и дебри отдаленныхъ краевъ Россіи, чтобы тамъ насаждать сѣмена новой жизни, и тамъ еще даютъ льготы многочисленнымъ колоніямъ земледѣльцевъ. И за ними идутъ тысячи народонаселенія, идутъ впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ непрерывнымъ, стремительнымъ движеніемъ, въ чаяніи чрезъ нихъ защиты, освобожденія, избавленія отъ поработительнаго деспотизма сильныхъ. И вотъ около монастырей и пустынь отшельниковъ, среди дремучихъ дебрей, насаждается множество селъ, деревень и починковъ. Великіе отшельники, однажды навсегда отказавшіеся отъ своихъ селъ и рабовъ, еще далѣе уходятъ отъ наплыва стремящагося къ нимъ народонаселенія въ невѣдомые, непроходимые лѣса сѣвера, куда, выражаясь языкомъ древняго Русскаго земледѣльца, ни топоръ, ни коса, ни соха не ходили; но земледѣльцы Русскіе, повсюду ходившіе съ своимъ завѣтнымъ топоромъ, косою и сохой, находили и тамъ своихъ покровителей, отшельниковъ, и населяли около нихъ новыя села, деревни и новые починки. Не напрасно, а многозначительно было въ исторіи Русской церкви и гражданственности это всеобщее, непрерывное стремленіе народа за великими подвижниками, къ ихъ обителямъ, это постоянное примыканіе къ нимъ отовсюду-стекавшагося народонаселенія. Ибо оттуда, изъ этихъ обителей, слышался отрадный для угнетаемаго народа голосъ о нравственно-христіанской свободѣ раба и земледѣльца, такъ безпристрастно, неумолчно и гласно обличавшій жестокосердіе и несправедливось господъ. Около этихъ обителей, и только около нихъ однѣхъ, находила спасеніе, огражденіе, мирный пріютъ личность, въ обществѣ не признанная, подавляемая, гонимая всеобщимъ стремленіемъ къ порабощенію; ради ихъ и отъ нихъ давались земледѣльцамъ льготы, облегченія въ податяхъ и повинностяхъ и бо́льшая свобода труда. О всѣхъ почти великихъ подвижникахъ древніе памятники говорятъ: «должникамъ освобожденіе и искупъ подавалъ, и самъ отпускалъ долги; обидимымъ отъ насилующихъ и немилостивыхъ судей заступникъ бысть предивный, многихъ плѣнныхъ искупилъ и въ своихъ мѣстахъ паки посадилъ». Такъ сіяла въ древней Русской церкви идея лучшей участи людей несвободныхъ, и—свѣтъ во тмѣ свѣтился. Смотря на общественную

жизнь народа съ точки христіанства, съ книгою Евангелія, церковь возвышалась до самой чистой идеи человѣческаго достоинства, *гуманности*, задолго прежде, чѣмъ искусственная цивилизація дошла до нея путемъ горькихъ опытовъ и даже сильныхъ потрясеній въ жизни общественной. Но вотъ фактъ, котораго мы не минуемъ: церковь сама владѣла крестьянами. Послушаемъ-же, что говоритъ и тутъ правда историческая. Во-первыхъ, древніе Русскіе князья и цари, не давая церкви другаго матеріальнаго обезпеченія, сами давали ей земли и крестьянъ; бояре и другіе зажиточные люди передавали церкви своихъ крестьянъ по духовнымъ завѣщаніямъ; вступившіе въ монастыри владѣльцы приписывали своихъ рабовъ къ монастырямъ, отказываясь отъ своихъ личныхъ надъ рабами правъ. Наконецъ, самъ народъ охотнѣе шелъ жить по договорнымъ грамотамъ на земли церковныя и монастырскія, чѣмъ на земли боярскія, охотнѣе подчинялся игуменамъ монастырей, чѣмъ сильнымъ міра сего — боярамъ, потому-что ему тамъ большею частію было жить лучше,—льготнѣе, обезпеченнѣе. Словомъ, основанія духовныхъ владѣній были совсѣмъ другія; чѣмъ у мірскихъ владѣльцевъ: не насиліе, не порабощеніе, не обращеніе въ холопство лихоимствомъ, сутяжничествомъ и всѣми неправдами. А между-тѣмъ достаточно прочитать любую монастырскую уставную грамоту, чтобы видѣть, какъ заботилась церковь о своихъ крестьянахъ. Во-вторыхъ, крестьяне принадлежали не *лицамъ* духовнымъ, на правахъ личной собственности, какъ было у бояръ, а *учрежденіямъ* духовнымъ: церквамъ, монастырямъ, архіерейскимъ домамъ. Это далеко не одно и то-же—и духовныя владѣнія подлежатъ совсѣмъ другой точкѣ зрѣнія. Въ-третьихъ, кто прежде всѣхъ выразилъ мысль отказаться отъ крестьянъ? Кто прежде всѣхъ поднялъ вопросъ: слѣдуетъ-ли монастырямъ владѣть крестьянами?—Сама-же церковь,—по-крайней-мѣрѣ лучшіе и передовые въ ней люди. Извѣстно, какъ напр. разсуждалъ объ этомъ еще митрополитъ Кипріянъ, какъ сильно спорилъ знаменитый отшельникъ Нилъ Сорскій съ Іосифомъ Волоколамскимъ о томъ, что монастырямъ не слѣдуетъ владѣть крестьянами, какъ на сторонѣ преп. Нила были пустынники Бѣлозерскіе. Отъ времени до времени, почти чрезъ весь періодъ владѣнія крестьянами, изъ среды духовенства не переставали возникать голоса противъ этого владѣнія. Если-же при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III духовенство на соборѣ торжественно не согласилось отказаться отъ

владѣнія крестьянами: то вѣдь тогда вопросъ былъ только о передачѣ духовныхъ крестьянъ боярамъ и служилымъ людямъ, а не о томъ, чтобы дать крестьянамъ свободу: слѣдовательно предметомъ спора былъ только *фактъ* владѣнія ими, а не *право*; права-же духовенства, если не въ гражданскомъ, то въ нравственномъ смыслѣ были тѣ-же по этому предмету, что у бояръ, и даже чище и нравственнѣе, потому-что духовенство пріобрѣтало крестьянъ не насиліемъ, не порабощеніемъ, не сутяжничествомъ, а добровольными жертвами мірскихъ владѣльцевъ и самыхъ князей, не менѣе добровольнымъ поселеніемъ крестьянъ на духовныхъ земляхъ и только отчасти—покупкою. А еслибы дѣло шло объ освобожденіи крестьянъ, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что церковь не постояла-бы за свои владѣнія. Опять не надо забывать, что духовные крестьяне принадлежали не лицамъ, а учрежденіямъ церковнымъ: а при этомъ отказъ духовенства великому князю Іоанну III получаетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ—еслибы отказывали лица, отстаивая свои личныя преимущества и выгоды, отдѣльныя-же духовныя лица показывали и въ этомъ отношеніи примѣры поучительные. Церковь даже Русскимъ царямъ излагала основанія для благоустройства крестьянъ. Что-же? Внимало-ли древнее Русское общество голосу церкви? Слушались-ли его древніе рабовладѣльцы?... Внимали и слушались, но только поздно и не вполнѣ. Плодомъ вѣковаго ученія церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей — былъ вѣковой-же обычай въ древней Россіи только при смерти отпускать на волю своихъ рабовъ. При смерти и князья освобождали своихъ рабовъ. Такъ древне-Русское общество съ трудомъ мирилось съ высокою идеею христіанской, нравственной свободы и не созрѣло еще для полнаго осуществленія ея. Въ XVII вѣкѣ совершилось укрѣпленіе несвободныхъ людей къ землѣ. Въ XVIII вѣкѣ это укрѣпленіе возведено въ крѣпостное право и, если можно такъ сказать, въ душевладѣніе. Вѣкъ этотъ, столько-же, если еще не болѣе, мрачный, сколько и великій въ нашей исторіи вѣкъ узурпаторства, преобладанія сильныхъ, разрозненія сословій, вѣкъ матеріализма и чувственныхъ нравовъ едва-ли не былъ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ вѣковъ для нашего народа, для его низшихъ классовъ. Такъ нынѣ объ этомъ вѣкѣ уже прямо говорятъ и пишутъ; намъ можно объ немъ еще одну правду сказать. По идеѣ гражданственности и иноземнаго просвѣщенія, впрочемъ, плохо понятыхъ, тогда унижено было въ об-

ществѣ духовенство, которое вслѣдствіе этого униженія стало и нравственно слабѣть, упадать, утратило прежнее нравственное вліяніе на народъ, сдѣлалось раболѣпнымъ, закоснѣло въ школьной рутинѣ, какъ-бы замкнулось въ своей кастѣ. Въ то-же время, какъ духовенство было унижено, по той-же идеѣ, непомѣрно было возвышено, привилегировано, въ ущербъ другимъ сословіямъ, землевладѣтельное сословіе. XVIII вѣкъ былъ въ исторіи нашей почти исключительно вѣкомъ развитія аристократизма, а не развитія народа, всего народа. Но каковъ былъ этотъ аристократизмъ XVIII вѣка? Достаточно вспомнить, какъ описалъ его Фонъ-Визинъ и какъ изображается онъ въ мемуарахъ XVIII вѣка. Дворянство считало своимъ исключительнымъ гербомъ *честь*, а низшимъ классамъ, даже въ печати и въ публичныхъ актахъ, усвоено было названіе *подлаго народа*. Тогда утверждено и крѣпостное право на цѣлыя поколѣнія, милліоны народа. Но непріятные случаи, возникавшіе изъ отношеній между крестьянъ и помѣщиковъ во второй половинѣ XVIII вѣка, движенія крестьянъ при Пугачевѣ, можно сказать, были первыми плодами крѣпостнаго права. Что-же? Ужели та великая идея разумно-человѣческой, нравственной свободы, которая, прямо истекая изъ духа христіанства, составляетъ одно изъ самыхъ жизненныхъ началъ истиннаго прогресса человѣчества, ужели она должна была только блеснуть для несвободныхъ людей изъ древней нашей церкви, и потомъ исчезнуть навсегда? Нѣтъ! *Ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно.... сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ.* «Не умираютъ тѣ идеи, скажемъ словами одного нашего писателя, которымъ опредѣлено быть вѣчными; умираютъ въ буквѣ, но оживаютъ въ духѣ. Померкаютъ временно, умираютъ въ пустыхъ и вывѣтрившихся толпахъ; но воскресаютъ съ новою силою въ избранныхъ, за тѣмъ, чтобы въ сильнѣйшемъ свѣтѣ отъ нихъ разлиться по всему міру. Не умретъ изъ нашей старины ни зерно того, что есть въ ней истинно-Русскаго и что освящено христіанствомъ». Не даромъ простой народъ нашъ доселѣ помнитъ и съ живымъ сочувствіемъ разсказываетъ про древнихъ благочестивыхъ пастырей и подвижниковъ Русской церкви, которые защищали его отъ угнетенія и неправды, и всегда выражаетъ при этомъ желаніе—нынѣ имѣть такихъ пастырей и учителей, прилагавшихъ ученіе Христово къ самой жизни ихъ, къ насущнымъ, нравственнымъ потребностямъ народа. И

древній горькій заточникъ въ своемъ уныніи не доходилъ до отчаянія, а и на дикихъ берегахъ Лача-озера также чаялъ освобожденія. И всѣ древніе Русскіе люди, съ какимъ-то особеннымъ сочувствіемъ перечитывавшіе краснорѣчивый плачъ горемычнаго заточника, были вполнѣ увѣрены, что рано или поздно осуществится идея церкви объ улучшеніи быта народнаго, правда восторжествуетъ и заточникъ будетъ помилованъ и освобожденъ. Въ народѣ Русскомъ въ древнее время сложилась даже замысловатая повѣсть о томъ, какъ заточникъ запечаталъ свое «моленіе» въ воскъ, бросилъ завощеный свитокъ въ озеро; свитокъ поглотила рыба; рыбакъ поймалъ рыбу, и нашедши въ ней свитокъ, принесъ къ князю; князь прочелъ и повелѣлъ заточника освободить отъ горькаго заточенія.—Вотъ, благодареніе Богу! мы дожили, мы живемъ въ ту великую эпоху, когда Царь нашъ возвѣстилъ лучшую участь вѣковому, бѣдному заточнику — крѣпостному народу Русскому. М. Г.! Къ чему,—быть можетъ, подумаете вы,—вспоминать голосъ древней Русской церкви объ улучшеніи быта людей несвободныхъ, когда нынѣ уже живой, громогласный и дѣйственный голосъ разнесся по Россіи. Къ тому, что современная Русская церковь, свидѣтельница улучшенія жизни крестьянъ, какъ непосредственная преемница древней Русской церкви, есть вмѣстѣ-съ-тѣмъ преемница и всѣхъ ея высокихъ, христіанскихъ идей. Если древняя наша церковь сѣяла *голое зерно*, возвѣщала только идею улучшенія быта несвободныхъ людей, то современная церковь наша призывается голосомъ древней церкви возрастить, воспитать *будущее тѣло*, раскрыть, уяснить народу высокое нравственное значеніе свободы, развивать, воспитывать въ духѣ истинной, нравственно-христіанской свободы духовно-нравственную жизнь народа, раскрывать, выработывать и приводить въ дѣйствіе начала нравственнаго улучшенія быта народнаго. Свобода не принесетъ всей пользы народу, если не будетъ имѣть нравственнаго направленія, нравственныхъ оснований: иначе она можетъ быть даже вредна для него, будетъ не лучше средневѣковаго разгула матеріальной силы и произвола. Вотъ къ чему призываются нынѣ современные пастыри Русскаго народа, современная духовная наука и литература, чтобы быть вѣрными живымъ преданіямъ древней нашей церкви, развить, провести въ жизнь общества и оплодотворить ея высокія и прекрасныя идеи».

— «Фотій, святѣйшій патріархъ Константинопольскій». — Со-

общаемъ изъ этого небольшаго очерка знаменитаго Фотія извѣстіе о письмахъ его. «Чтобы вполнѣ выразумѣть великое значеніе для церкви святѣйшаго патріарха Фотія, нужно-бы изучить какъ всѣ замѣчательные труды его, такъ и все, что было написано о немъ и друзьями и врагами его и православія. Трудъ огромный! Къ-счастію, знакомство съ Фотіемъ, его дѣломъ, его вѣкомъ и знакомство весьма удовлетворительное значительно облегчено самимъ Фотіемъ. Великій мужъ въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ оставилъ намъ ключъ къ уразумѣнію своего вѣка и личности своей во всѣхъ важныхъ отношеніяхъ. Онъ изображаетъ въ нихъ вѣкъ свой, удовлетворительно знакомитъ насъ съ дѣломъ, которое онъ защищалъ, съ вопросами, занимавшими современниковъ его, и съ началами, которыхъ держались церкви восточная и западная. Фотіевы письма прекрасно знакомятъ насъ и съ нимъ самимъ, съ его достоинствами умственными и нравственными, и съ обстоятельствами и превратностями его жизни. Они краснорѣчиво говорятъ, что знаменитый защитникъ православія соединялъ въ себѣ съ необыкновенными способностями необыкновенную ученость: они, по словамъ Каве, свидѣтельствуютъ объ основательныхъ и обширныхъ свѣдѣніяхъ Фотія — философскихъ, медицинскихъ, математическихъ, богословскихъ. Еще важнѣе: читая письма Фотія, мы убѣждаемся въ томъ, что онъ былъ человѣкъ высоко-нравственнаго характера. Онъ всюду въ своимъ правиламъ одинаково-вѣренъ, всюду одинаково-благочестивъ и преданъ благу церкви: явный знакъ, что эти высокія качества составляли его настоящій, истинный характеръ и что его хулители на него клевещутъ. Наконецъ, читая письма Фотія, особенно письма, знакомящія насъ съ цѣлыми періодами его жизни, мы невольно придемъ къ тому убѣжденію, что Фотій былъ дѣйствительно избранникъ Промысла Божія. Письма живо изображаютъ, какъ промыслъ Божій бдитъ надъ нимъ, невѣдомо для него готовитъ его къ высокому служенію, неожиданно возводитъ его на высокій престолъ патріаршій, путемъ различныхъ превратностей и скорбей постоянно оживляетъ и укрѣпляетъ его, а современниковъ и потомковъ располагаетъ обратить все вниманіе на великаго и въ счастіи и несчастіи, и въ славѣ и униженіи, защитника православія. Письма Фотія и въ литературномъ отношеніи стоятъ высоко. Конечно, переводъ—не подлинникъ, и во всякомъ переводѣ, какъ-бы онъ ни былъ хорошъ, твореніе, особенно древнее, неизбѣжно терпитъ нѣ-

которыя невыгоды. У всякаго народа болѣе или менѣе особенный складъ ума, свои воззрѣнія на предметы, свои понятія о красотахъ и достоинствахъ труда. Все это, обыкновенно, отражается въ сочиненіяхъ особенно народныхъ писателей, и чѣмъ лучше отражается все это въ извѣстномъ сочиненіи, тѣмъ выше цѣнится оно соотечественниками писателя. Но эти достоинства, эти народныя особенности сочиненія могутъ не нравиться непривычной къ нимъ чужеземной публикѣ, и въ ея глазахъ отнимать много достоинствъ у сочиненія. Эта невыгода болѣе, чѣмъ другимъ трудамъ, можетъ угрожать письмамъ Фотія. Современный намъ читающій и мыслящій Русскій міръ способнѣе оцѣнить народныя особенности произведеній, переведенныхъ съ новѣйшихъ западныхъ Европейскихъ языковъ, чѣмъ сочиненій, переведенныхъ съ Греческаго языка и написанныхъ въ такую отдаленную эпоху, какъ эпоха Фотія. Съ современными народами запада, съ литературами, воззрѣніями, народными особенностями ихъ нашъ Русскій читающій міръ болѣе знакомъ потому, что ближе къ нимъ и болѣе ими занимается, чѣмъ съ Греческою церковною письменностію, особенно временъ Фотія. Исключеніе можетъ быть сдѣлано для лицъ, привыкшихъ къ складу Греческой церковной литературы, при помощи новѣйшихъ переводовъ отеческихъ твореній. Но изъ этихъ лицъ весьма многія менѣе способны понимать отеческую литературу Греческую, чѣмъ современныя западныя литературы: потому-что съ первою большая часть знакомится не по оригиналамъ, а по переводамъ, а съ послѣдними многія знакомятся сами помимо переводовъ. Кромѣ того, въ переводѣ самомъ лучшемъ невозможно передать всѣхъ красотъ оригинала. Особенно нужно это сказать о Фотіи. Въ его произведеніяхъ нерѣдко встрѣчается чрезвычайно-пріятная и остроумная игра словъ, которая, кажется, особенно много цѣнилась у Грековъ; но ни этой, ни другихъ подобныхъ красотъ перевести на Русскій языкъ невозможно. Самая точность перевода не всегда будетъ благопріятствовать его изяществу. Впрочемъ, и при этихъ невыгодахъ, переводъ писемъ Фотія можетъ познакомить читателя съ достоинствами его произведеній. Въ письмахъ Фотія встрѣчаются тѣ-же достоинства, какія замѣчены учеными критиками въ другихъ его произведеніяхъ, и особенно въ его библіотекѣ. Въ нихъ видна необыкновенная точность и сила сужденія, возвышенность мыслей, благородство чувствованій, тонкая и вѣрная критика и увлекательное красноречіе. Въ

письмахъ догматическихъ и догмато-полемическихъ и во всѣхъ тѣхъ письмахъ, въ которыхъ онъ касается догматическихъ истинъ,—истины сіи высказываются большею частію кратко, но необыкновенно-ясно и сильно. Выборъ основаній для нихъ изъ св. писанія показываетъ въ писателѣ тонкое пониманіе относительной силы разныхъ доказательствъ, приводимыхъ обыкновенно изъ св. писанія въ подтвержденіе тѣхъ или другихъ догматовъ. Фотій приводитъ такія мѣста св. писанія, которыя по-справедливости должны считаться лучшими основаніями доказываемыхъ имъ истинъ по своему близкому и прямому отношенію къ симъ истинамъ, и по особенной своей ясности. Смыслъ, который дается догмату тѣмъ или другимъ мѣстомъ св. писанія, опредѣляется Фотіемъ съ большимъ искусствомъ и остроуміемъ и въ то-же время съ величайшею точностію и строгостію, отнюдь не допускающею натяжекъ. Фотій всегда умѣетъ такъ сопоставить свидѣтельство св. писанія съ утверждающимся на немъ догматомъ, всегда умѣетъ такъ искусно подмѣтить въ словахъ св. писанія и высказать то, что особенно близко въ нихъ къ догмату и говоритъ въ его пользу—что всякій видитъ неразрывную внутреннюю связь между догматомъ и приведенными словами св. писанія. По любви къ истинѣ и по строго-логическому складу ума своего, Фотій при раскрытіи каждаго догмата не ограничивается только имъ однимъ и подходящими къ нему мѣстами св. писанія; но любитъ разсматривать каждый догматъ въ-связи съ другими догматами, и въ согласіи ихъ между собою находить вѣрное опредѣленіе предѣловъ каждаго изъ нихъ. Онъ, видимо, понималъ глубоко, что, разсматривая догматъ въ отдѣльности, богословъ весьма легко можетъ впасть при изложеніи его въ излишества, въ крайности, въ ереси, и потому въ умѣ Фотія, видимо, предносится цѣлая система догматовъ, неразрывно между собою соединенныхъ и взаимно другъ друга опредѣляющихъ и объясняющихъ. Особенно этого правила онъ держится тогда, когда занимается опроверженіемъ различныхъ догматическихъ заблужденій. Въ этомъ случаѣ онъ съ необыкновенною точностію подмѣчаетъ противорѣчіе, находящееся между заблужденіемъ и догматами, къ нему соприкосновенными, и допускаемыми самимъ заблуждающимъ, ясно и основательно указываетъ согласіе православнаго ученія съ этими догматами, и все это высказываетъ съ особеннымъ діалектическимъ искусствомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать письмо Фотія къ

Михаилу, царю Болгарскому,—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ, говоря о вселенскихъ соборахъ, дѣлаетъ краткій очеркъ догматовъ, утвержденныхъ на нихъ, и краткія замѣчанія касательно ересей, на нихъ осужденныхъ. Глубокое знаніе и пониманіе предмета видно также и въ письмахъ Фотіевыхъ каноническихъ и догматико-полемическихъ. Изъ нихъ видно, что онъ въ совершенствѣ владѣлъ и фактическою стороною законовѣдѣнія, подробно зналъ самые законы и глубоко понималъ относительную важность разныхъ законовъ и обязательность ихъ для церкви, и весь духъ церковнаго законодательства. Разрѣшая какіе-нибудь каноническіе вопросы, касающіеся разныхъ сомнительныхъ случаевъ, онъ дѣйствуетъ и такъ-же основательно и справедливо, и такъ-же искусно и удачно, какъ и при разборѣ споровъ догматическихъ. Свои рѣшенія сомнительныхъ вопросовъ онъ всегда старается поставить, и всегда удачно, въ согласіе съ смысломъ и духомъ не только частныхъ законовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ разсматриваемому случаю, но и всего законодательства, и каждый разъ съ величайшимъ искусствомъ распутываетъ самые запутанные вопросы. Когда, по поводу догматическихъ или каноническихъ вопросовъ, онъ обращается къ исторіи, мы видимъ, что онъ не только знакомъ съ событіями, лицами, писаніями отцовъ и дѣяніями соборовъ, но и все это изучилъ до подробности, во все вдумывался, всѣмъ воспользовался для образованія вѣрнаго и свѣтлаго взгляда на всѣ предметы. Поэтому онъ въ немногихъ словахъ, нерѣдко съ свойственнымъ ему критическимъ талантомъ, высказываетъ весьма мѣткую характеристику того или другаго историческаго лица. Поэтому данныя исторіи служатъ для него самымъ лучшимъ руководствомъ для основательнаго и истиннаго рѣшенія вопросовъ. Поэтому въ письмахъ его мы находимъ образцовыя рѣшенія на разныя недоумѣнія. Сознавая великія достоинства и церковно-историческую, догматическую и каноническую важность писемъ Фотія, мы, при всемъ пониманіи трудностей, ожидающихъ переводчика этихъ писемъ, рѣшаемся на этотъ трудъ, чтобы познакомить нашихъ читателей хотя съ нѣкоторыми изъ твореній великаго защитника православія. Мы думаемъ, что въ настоящее время весьма благовременно было-бы ожить въ православной церкви сугубому духу Фотіеву и подвигнуть ее на борьбу со врагами, съ папизмомъ и съ его исчадіемъ—протестантизмомъ, въ большинствѣ своихъ членовъ переродившимся въ раціонализмъ, пантеизмъ, атеизмъ. Эти

враги окружаютъ православную церковь отовсюду; они стали въ настоящее время домашними ея врагами.... Какъ легко могутъ увлекать они отъ матери церкви тѣхъ, которые не имѣютъ твердыхъ и разумныхъ убѣжденій въ неизмѣнномъ и всегда хранимомъ православіи ея!... Необходимо, чтобы чада православной церкви выясняли для себя всѣ основанія своихъ убѣжденій и всѣ свидѣтельства исторіи о своемъ православіи. Необходимо, чтобы мы съ энергіей, настойчивостію и пламенною ревностію боролись съ врагами церкви, противупоставляя имъ живо-и ясно-сознанную истину православія. Не передастъ-ли намъ святѣйшій Фотій сугубаго духа ревности по вѣрѣ въ своихъ твореніяхъ, какъ нѣкогда Илія передалъ Елисею сугубый духъ ревности съ своею милостію?... При переводѣ Фотіевыхъ писемъ мы будемъ держаться Лондонскаго изданія ихъ 1651 года. Это изданіе сдѣлано *Рожеромъ Даніелемъ* въ его собственной типографіи. Письма Фотія напечатаны въ этомъ изданіи въ два столбца: въ одномъ столбцѣ помѣщены подлинныя письма Фотія на Греческомъ языкѣ, въ другомъ—Латинскій переводъ ихъ, впрочемъ не вездѣ вѣрный, сдѣланный Норвичскимъ (въ Англіи) епископомъ *Ричардомъ Монтакуціемъ*, жившимъ въ первой половинѣ XVI столѣтія. Къ переводу присоединено нѣсколько примѣчаній переводчика на Латинскомъ-же языкѣ. Всѣхъ писемъ въ Лондонскомъ ихъ изданіи—253. Изъ нихъ 248 составляютъ какъ-бы самую книгу, а остальныя пять писемъ, занимающіяся рѣшеніемъ сомнительныхъ вопросовъ по каноническому восточному праву, составляютъ прибавленіе къ ней. Первыя 248 писемъ, по свидѣтельству Рожера Даніеля, списаны переводчикомъ съ древнѣйшаго рукописнаго кодекса, принесеннаго съ востока и хранящагося въ Бодлейянскихъ архивахъ. Послѣднія письма со многими другими принесъ съ востока въ Англію *Христіанъ Равій* и сообщилъ *Патрицію Юнію*. Юній, по вниманію къ пользамъ ученаго сословія, уступилъ ихъ въ полное распоряженіе ученаго типографщика Рожера Даніеля, съ тою цѣлію, чтобы онъ издалъ ихъ въ свѣтъ. Лондонское изданіе писемъ Фотіевыхъ начинается обращеніемъ типографщика къ читателю, въ которомъ, послѣ вышеприведенныхъ нами свѣдѣній о подлинныхъ письмахъ Фотія, ученый типографщикъ дѣлаетъ свои замѣчанія касательно ихъ достоинствъ и значенія. По его словамъ, письма Фотія представляютъ въ себѣ образцы дивно изящнаго слога и рѣдкаго остроумія въ объясненіи трудныхъ мѣстъ св. писанія, и пролива-

ютъ яркій свѣтъ на современную Фотію исторію, представляя въ истинномъ видѣ тѣ, окончившіяся раздѣленіемъ церквей восточной и западной, движенія, въ которыхъ принималъ главное участіе Фотій. За предисловіемъ слѣдуютъ три отрывочныя замѣтки о Фотіи Греческихъ писателей: первая изъ 3 тома лѣтописей Зонары, вторая—изъ Кедрина, третья—изъ Максима Маргунія, епископа Цитеры (Κυθήρων). Всѣ онѣ говорятъ о Фотіи, какъ мужѣ знаменитомъ, умномъ, мудромъ и ученомъ. Кромѣ того, въ двухъ первыхъ упоминается о государственныхъ должностяхъ, которыя проходилъ Фотій до вступленія на патріаршій престолъ, а въ послѣдней говорится о высокихъ достоинствахъ твореній и въ частности писемъ Фотія. Послѣ этихъ замѣтокъ помѣщенъ указатель лицъ, къ которымъ Фотій писалъ письма, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ начинаются письма. За указателемъ слѣдуютъ самыя письма, въ количествѣ, какъ мы выше сказали, 253. Въ Лондонскомъ изданіи, къ сожалѣнію, не помѣщены письма Фотія къ папѣ Николаю и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, имѣющія неоспоримую важность въ отношеніи каноническомъ, догматическомъ и литературномъ. Если найдемъ удобнымъ, то за переводомъ писемъ, заключающихся въ Лондонскомъ изданіи, помѣстимъ и эти письма, сохраненныя для насъ Іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ. Не можемъ не пожелать, чтобы трудъ нашъ былъ началомъ перевода замѣчательныхъ твореній какъ Фотія, такъ и другихъ знаменитыхъ Греческихъ писателей, занимавшихся спорными вопросами вѣроученія, и чтобы эти переводы заслужили просвѣщенное вниманіе нашихъ читателей и принесли пользу, какой въ правѣ ожидать отъ нихъ православная церковь....»

— По предметамъ христіанскаго ученія: *Изъясненіе 1 Коринѳ.* 16. 13—24 (Христ. чт. февр); ***Нравственная жизнь человѣка, по изображенію святаго Исаака Сиріянина*** (ibid. апр.); ***Обзоръ церковныхъ постановленій о крещеніи и миропомазаніи*** (Правосл. соб. янв. февр.); ***Обзоръ церковныхъ постановленій о причащеніи и покаяніи*** (ibid. мартъ, апр.); ***О благословеніи*** (Воскр. чт. № 46); ***Путь удаленія грѣшника отъ Бога и обращеніе его къ Богу, указанный въ притчѣ о блудномъ сынѣ*** (ibid. № 47); ***Необходимость и благотворность исповѣди*** (ibid. № 50); ***О взаимномъ отношеніи любви къ Богу и самоотверженія христіанскаго*** (ibid. № 52); ***О высшихъ причинахъ неравенства нашей участи на землѣ***, А. Знаменскаго (Дух. бесѣда № 1); ***Практическій взглядъ на единство церквей***

(ibid. № 4); *Изъ письма святѣйшаго патріарха Константинопольскаго Фотія къ Болгарскому князю Михаилу о томъ, въ чемъ состоитъ обязанность князя* (ibid. № 5, 7, 11, 12, 13); *Снимки съ иконъ и другихъ древностей св. горы Аѳонской* (ibid. № 12); *Отпаденіе человѣка отъ Бога и его возвращеніе къ Богу* (ibid. № 6, 7, 10, 12, 13); *Евангеліе, читаемое на благодарственныхъ царскихъ молебнахъ* (ibid. № 8); *Вѣра и долготерпѣніе, какъ средства къ достиженію обѣтованій Божіихъ* (ibid. № 14); *Плоды Воскресенія Христова* (ibid. № 16); *Ученіе о воскресеніи мертвыхъ, предложенное въ первомъ посланіи св. апостола Павла къ Коринѳянамъ* (ibid.).

— Изъ назидательныхъ размышленій укажемъ на слѣдующія: *О вліяніи жизни родителей на жизнь дѣтей* (Христ. чт. янв.); *Нѣсколько словъ о вѣрѣ въ народномъ просвѣщеніи Россіи* (Правосл. соб. янв.); *Общество и духовенство* (ibid.); *Драгоцѣнная находка. Евангельская притча* (ibid. апр.); *Общеполезная дѣятельность* (Воскр. чт. № 43); *Скука* (ibid. № 44, 46); *Совѣсть* (ibid. № 54); *Новый годъ* (Дух. бесѣда № 1); *Съ какими расположеніями мы должны рѣшаться на всякую важную перемѣну въ своей жизни?* (ibid. № 8); *Размышленіе въ недѣлю крестопоклонную* (ibid. № 11); на тексты: *Господи, отврати очи мои еже не видѣти суеты.* Псал. 118, 37 (Воскр. чт. № 42); *Смѣху рекохъ: погрѣшеніе.* Эккл. 2, 2 (ibid. № 48).

Сверхъ-того помѣщены разборы слѣдующихъ сочиненій: Origines catholiques de l'eglise Russe jusqu'au XII siècle, par Verdier (Христ. чт. янв.—мартъ); *Обличеніе на книгу: о возможности соединенія церкви Россійской съ западною* (Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 1).

II. Философія.

Къ этой отрасли знаній принадлежатъ слѣдующія статьи: *Механическая теорія міра* (Современный вопросъ между Германскими мыслителями. — Древнее поклоненіе природѣ. — Духъ и душа. — Демонологія. — Греческая и средневѣковая психологія. — Вѣкъ возрожденія естествознанія. — Неизмѣнность законовъ природы. — Философія XVIII вѣка. — Идеализмъ. — Его кризисъ. — Успѣхи естественныхъ наукъ. — Новые матеріалисты и ихъ противники. — Сущность матеріализма; веще-

ство, сила. — Механическая теорія міра; насколько она вошла въ науку. — Появленіе организмовъ. — Жизненная сила. — Цѣли въ природѣ. — Мозгъ и явленіе сознанія. — Ненаучность всѣхъ рѣшеній вопроса. — Душа животныхъ. — Произволъ. — Матеріализмъ, какъ метафизическая система и вѣрованіе; его философскіе недостатки; привлекательныя стороны его; нравственное его значеніе. — Можетъ-ли онъ сдѣлаться убѣжденіемъ большинства въ наше время? — Необходимость науки явленій духа. — Будущая философія. — Продолженіе о будущемъ движеніи науки), П. А. Лаврова (От. зап. № 4); *Новыя философскія книги:* сочиненія Бунзена, Менера, Трандорфа, Гендеверка, Т. Функа, Кретино-Жоли, Лабулэ Ванрэ и др. (ibid.); *Практическая философія Гегеля*, П. А. Лаврова (Биб. для чт. № 4); *О матеріализмѣ нашего времени*, М. І. Шлейцена (Атен. № 5); *Эммануилъ Кантъ* (Жив. библ. № 2).

— «Механическая теорія міра». — Начертавъ мастерскую, полную, хотя и сжатую, картину ученія матеріалистовъ, начиная отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго столѣтія включительно, и объяснивъ борьбу между современными Германскими мыслителями—послѣдователями матеріализма и идеализма, авторъ излагаетъ, на основаніи добытыхъ современными писателями результатовъ, сущность матеріализма слѣдующимъ образомъ: «Кромѣ вещества не существуетъ ничего. Это вещество безконечно и вѣчно; съ нимъ нераздѣльны силы, дѣйствующія по неизмѣннымъ законамъ. Отъ взаимнаго дѣйствія частей вещества одной на другую, оно преобразовывается, переходитъ отъ одной формы къ другой, измѣняетъ свои фактическія свойства, свой химическій составъ, дѣлается живымъ организмомъ. Въ организмѣ происходитъ вѣчное кругообращеніе вещества. Питаніе, наростаніе, обновленіе тканей, произведеніе новыхъ особей, сознаніе, чувство, мысль, наука, творчество суть рядъ явленій, происходящихъ въ преобразуемомъ веществѣ; для каждаго изъ этихъ отправленій существуютъ особые органы, съ разрушеніемъ которыхъ уничтожается отправленіе. Какъ кругообращеніе вещества въ организмѣ составляютъ біографію каждой особи, такъ кругообращеніе вещества въ цѣломъ природы составляетъ исторію вселенной, исторію каждой планеты, исторію породъ, замѣнявшихся новыми породами, или переродившихся въ нихъ, наконецъ исторію человѣчества съ его государственнымъ устройствомъ, художественными созданіями, религіозными вѣрованіями, научнымъ развитіемъ. Законъ безсознатель-

ной, неизмѣнной, неотвратимой необходимости, извлекающей слѣдствіе изъ причины, — необходимости, незнающей никакихъ цѣлей, составляютъ единственное связующее звено всего сущаго. Въ самомъ началѣ намъ представляются понятія: вещество и сила. Что это такое? какая наука, какое наблюденіе, какой инструментъ привели человѣка къ этимъ исходнымъ точкамъ всего естествознанія? Еще съ Канта извѣстно, что человѣку доступны только явленія; но, по необходимому закону своего ума, онъ всегда заключаетъ, что явленіе, имъ замѣчаемое, происходитъ въ *чемъ-нибудь*, указываетъ на бытіе *чего-то*, безъ котораго самое явленіе не имѣло-бы мѣста. Такимъ-образомъ отъ явленій человѣкъ переходитъ къ существамъ. Это заключеніе происходитъ въ человѣкѣ, и онъ не можетъ никакими средствами доказать его справедливость. Впрочемъ, встрѣчая предметы, въ которыхъ повторяется одна и та-же группа явленій, доступныхъ нашимъ чувствамъ, человѣкъ получаетъ неотразимое убѣжденіе въ дѣйствительности существованія каждаго изъ этихъ явленій. Но далѣе этихъ отдѣльныхъ существованій не идетъ никакой опытъ, никакое наблюденіе. Всѣ явленія въ наукѣ могутъ быть группированы только двумя способами: въ *законъ*, выражающій ихъ послѣдовательность и связь, независимо отъ существъ, въ которыхъ они происходятъ, и въ *существа*, которыя опредѣляются группою явленій. Оба эти процесса суть уже результатъ мышленія, но представляются съ неотразимою убѣдительностью, потому-что группы явленій повторяются предъ наблюдателемъ независимо отъ его воли. Такимъ образомъ исключительные предметы, признаваемые дѣйствительными наблюдательною наукою, суть отвлеченные законы и отдѣльныя особи. Но для удобнаго обсужденія окружающаго міра, человѣческая мысль идетъ далѣе: она изъ нераздѣльныхъ группъ явленій выдѣляетъ одно или болѣе, этимъ новымъ, составленнымъ группамъ даетъ названія, употребляетъ ихъ въ разговорномъ и въ ученомъ языкѣ наряду съ дѣйствительными существами. Эти отвлеченныя существа, созданныя мыслью для собственнаго удобства, суть только вспомогательныя понятія, не соотвѣтствующія въ наблюденіи и въ опытѣ ни чему дѣйствительному. Это *метафизическія* существа. Къ разряду ихъ принадлежитъ и понятіе вещества. Вещество можно разсматривать, какъ общее понятіе для всѣхъ существъ, въ которыхъ происходятъ какія-бы то ни было явленія, доступныя наблюденію, или ограничивать эти явленія только наблюденіями

чувствъ. Въ первомъ случаѣ, нечего и спорить, что внѣ вещества мы не можемъ ничего себѣ представить, но обыкновенно опредѣляютъ вещество вторымъ способомъ. Въ такомъ случаѣ, явленія, наблюдаемыя помощію сознанія,—именно всѣ явленія, называемыя душевными, духовными, —не принадлежатъ веществу. Для нихъ исторія создала въ человѣческихъ языкахъ особыя существа, которыя также соотвѣтствуютъ общему понятію о явленіяхъ, наблюдаемыхъ сознаніемъ, какъ вещество соотвѣтствуетъ понятію явленій, наблюдаемыхъ внѣшними чувствами. Это духъ, душа. Оба эти слова соотвѣтствуютъ понятіямъ отвлеченнымъ, метафизическимъ, которыя въ своей общности доступны только мысли, а не прямому наблюденію. Всѣ міросозерцанія основаны на трехъ началахъ, единственныхъ источникахъ всякой мысли; эти начала: личное сознаніе, внѣшній міръ и преданіе. Поэтому всѣ метафизическія теоріи выставляли одно изъ этихъ началъ, какъ преобладающее, или старались примирить эти начала сглаживающими системами отвлеченной мысли. Матеріалисты становятся на точку зрѣнія внѣшняго міра, поглощаютъ въ немъ человѣческое сознаніе, всѣ историческія преданія и признаютъ его метафизическою основою всякаго мышленія. Но эта точка зрѣнія не можетъ быть оправдана послѣдовательностію явленій и ихъ взаимнымъ отношеніемъ. Тотъ, кто хочетъ подчинить два изъ этихъ началъ третьему, долженъ, по-крайней-мѣрѣ, въ философской системѣ, выйдти изъ явленія, обусловливающаго прочія. Понятно, что системы, опирающіяся на миѳическое воззрѣніе, должны уступить системамъ, выходящимъ изъ созерцанія внѣшняго міра и собственнаго сознанія, потому-что всѣ миѳическія воззрѣнія потомковъ.... не имѣли и не могли имѣть другаго источника, какъ прямое созерцаніе природы и духа, сообразное съ научными знаніями предковъ. Поэтому во имя историческихъ свидѣтельствъ нельзя спорить противъ доказаннаго закона природы, или факта сознанія. Но этотъ-же критеріумъ долженъ насъ руководить и при сравненіи философскихъ системъ, опирающихся на данныя внѣшняго міра, или на сознаніе. Давно уже доказано, что человѣкъ знаетъ только свое собственное сознаніе; что лишь въ послѣднемъ отражаются всѣ явленія внѣшняго міра; что разумъ не могъ-бы отличить картины дѣйствительнаго міра отъ фантасмагоріи, которая-бы рисовалась въ его сознаніи. Убѣжденіе въ дѣйствительности внѣшняго міра для насъ неотразимо, и можно смѣло сказать, что не было и не

будетъ никогда человѣка, который-бы въ самомъ дѣлѣ усомнился въ существованіи внѣшнихъ предметовъ и собственнаго тѣла. Но другое дѣло — практическое убѣжденіе и другое дѣло — изслѣдованія психологическаго процесса знанія: здѣсь мы видимъ, что главный и необходимый фактъ — сознаніе. Мы могли-бы сознавать явленія, не имѣющія дѣйствительности (что въ самомъ дѣлѣ бываетъ); въ нашемъ сознаніи предметы могутъ представляться въ искаженнымъ образахъ, и въ этихъ случахъ для насъ будетъ существовать внѣшній міръ не дѣйствительный, но тотъ, который находится въ нашемъ сознаніи. Его искаженные законы мы будемъ наблюдать нашими чувствами; изъ его фантастическихъ фактовъ мы будемъ строить теоріи природы. Только то изъ внѣшняго міра намъ извѣстно, что переходитъ чрезъ наше сознаніе, и подъ вліяніемъ предубѣжденій, вѣрованій, углубленія въ мысль, внѣшній міръ для насъ исчезаетъ, или принимаетъ фантастическіе размѣры. «Во всѣхъ этихъ случаяхъ происходятъ физическія измѣненія, обусловливающія измѣненія сознанія» говорятъ матеріалисты. Положимъ, что такъ; допустимъ, что это не только предположеніе, но доказанное наблюденіе. Чтобы прослѣдить эти физическія измѣненія, чтобы представить ихъ себѣ, чтобы узнать о существованіи простѣйшаго физическаго опыта, нужно употребить орудіе того-же сознанія. Только сознаніе строитъ всѣ теоріи природы, какъ оно одно способно наблюдать явленія, въ себѣ самомъ происходящія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что философская теорія, ставящая на первое мѣсто внѣшній міръ и подчиняющая ему сознаніе, не можетъ считаться весьма-стройною. Главное явленіе всякаго бытія, доступнаго человѣку, основное условіе всякаго наблюденія, всякой науки, всякаго созданія, какъ-будто забыто ею. «Матеріализмъ (сказалъ Шопенгауэръ), это — философія личности (субъекта), забывающей самое себя при своемъ разсчетѣ.» Прошло время идеальныхъ теорій, подчинявшихъ природу сознанію и воссоздававшимъ ее на основаніи категорій безусловной идеи. Но современная философія не должна пренебрегать явленіемъ сознанія и въ точной системѣ психологіи должна искать дополненія теоріи внѣшняго міра. Только весь человѣкъ, въ цѣлости явленій его жизни—истинный предметъ философіи. Опираясь на блестящія побѣды естественныхъ наукъ, удовлетворяя современной потребности отрицанія идеализма, ученіе Фохта и Молешотта возвело въ философскую аксіому практическое правило механическаго есте-

ствозванія: «разсуждай лишь надъ тѣмъ, что можно изслѣдовать чувствами; никогда не ищи для наблюдаемаго явленія причины, недоступной наблюденію чувствъ. Но природа шире этого правила и человѣческая исторія представляетъ безчисленное множество фактовъ неоспоримыхъ, слѣдовательно входящихъ въ единое цѣлое природы, и между-тѣмъ совершенно-недоступныхъ наблюденію чувствъ. Правильно построенная теорія должна-бы сказать: эти факты недоступны нашему инструменту; они внѣ нашего круга изслѣдованій, и современная наука природы не можетъ еще соединить ихъ даже гипотетически съ фактами, подлежащими внѣшнимъ чувствамъ. Матеріализмъ захотѣлъ, во что-бы ни стало, подчинить себѣ психологію, онъ не умѣлъ сказать во-время: «не знаю», и сдѣлался изъ ученой теоріи метафизики—религіозною системою. Кто желаетъ убѣдиться, что занятіе естественными науками и вѣра въ ихъ результаты, даже наименѣе утѣшительные, не только не вредятъ нравственности человѣка, но скорѣе возвышаютъ послѣднюю, тому посовѣтуемъ прочесть главу, относящуюся къ этому предмету въ книжкѣ Фрауэнштедта: «Естествознаніе, въ-отношеніи къ его вліянію на поэзію, религію, нравственность и философію».... Очень просто и то, что человѣкъ, который честенъ и добродѣтеленъ, хотя не разсчитываетъ ни на какое вознагражденіе, долженъ считаться нравственнѣе того, который имѣетъ въ виду подобную награду. Что касается проповѣди чувственныхъ наслажденій, порока и преступленія, то, во-первыхъ, этого не проповѣдывалъ никто изъ предводителей какой-либо значительной школы, этого не проповѣдывалъ даже Ламеттри, самый рѣшительный эксцентрикъ XVIII вѣка въ этомъ отношеніи; а во-вторыхъ, по мнѣнію многихъ писателей, самое ученіе матеріализма, послѣдовательно-проведенное, отвергаетъ возможность нравственной и всякой другой проповѣди. Въ этомъ всего скорѣе можно искать недостатокъ практической стороны матеріализма. Если законъ необходимой механической послѣдовательности царствуетъ повсюду въ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ человѣка, какъ въ обращеніи крови, то допустимъ, что А матеріалистъ, Б спиритуалистъ; А честный человѣкъ, Б мошенникъ; А прогрессистъ, Б консерваторъ. То и другое равно необходимо. А не имѣетъ ни малѣйшаго права укорить Б и проповѣдь безполезна. Можно отвѣтить, что укоры и проповѣдь суть слѣдствіе той-же необходимости и неподготовленный оппонентъ не найдетъ, можетъ быть, что на это возразит

сознавая, впрочемъ, что вопросъ нерѣшенъ. Дѣйствительно, мы здѣсь имѣемъ двѣ совершенно-различныя сферы и затрудненіе происходитъ отъ ихъ смѣшенія. Въ метафизической сферѣ знанія человѣкъ можетъ сказать, что не имѣетъ произвола, и къ ней относится механизмъ связи причинъ со слѣдствіями: въ этой сферѣ ни одно существо не имѣетъ права порицать или осуждать другое: всѣ песчинки до мудреца равны, необходимы и безотвѣтны предъ безусловнымъ закономъ необходимости природы. Но внутри первой сферы существуетъ нравственная сфера сознательныхъ существъ, составляющихъ отдѣльную группу, въ которой сознаніе есть одна изъ дѣйствующихъ имъ. Въ этомъ сознаніи создается историческій рядъ нравственныхъ, гражданскихъ, религіозныхъ, философскихъ системъ, которыя составляютъ въ каждое мгновеніе законодательство сознанія; во имя этихъ законовъ судятъ и осуждаютъ личности и общества; предъ этими законами отвѣтственны сознательныя — и только сознательныя личности. Пропаганда истины производится для распространенія этихъ законовъ, и они служатъ единственною мѣрою для оцѣнки добра и зла въ личности и въ обществѣ, единственнымъ средствомъ для размѣщенія существъ въ какомъ-нибудь порядкѣ, для отдѣленія высшихъ отъ низшихъ, для того, чтобъ слова: *нравственная цѣль, идеалъ, назначеніе* имѣли какой-либо смыслъ. Матеріалисты нашего времени отыскивали законы первой сферы, потому-что сознавали полную ея независимость отъ второй, и въ этомъ они стояли выше матеріалистовъ прошлаго вѣка, воображавшихъ, что изъ метафизическихъ началъ необходимости можно вывести какія-нибудь практическія правила. Отдѣленіе одной сферы отъ другой устраняетъ и другія возраженія противъ матеріализма въ отношеніи безотвѣтности преступниковъ и невозможности суда надъ ними, въ-отношеніи равенства всѣхъ явленій въ ихъ необходимой связи, и потому несправедливости признать одно высшимъ, другое—низшимъ и худшимъ и т. п. Всѣ юридическія начала, всякая оцѣнка возможна только въ сферѣ сознанія. Для безсознательной природы, для мистическаго вещества матеріалистовъ дѣйствительно понятія справедливости, суда, предпочтенія относительнаго значенія явленій составляютъ нелѣпость; но для сознательнаго человѣка въ отдѣльности и общества въ его цѣломъ существуютъ въ каждый моментъ исторіи необходимыя мѣрила справедливаго, лучшаго и высшаго, и съ ними потребность и за-

конность суда и распредѣленія явленій. Какъ всѣ атеистическія и фаталистическія системы, матеріализмъ отнимаетъ у человѣка возможность опереться въ глубинѣ своей фантазіи на существо, его слышащее, сознающее его радость и горе, способное спасти или погубить его; матеріализмъ уничтожаетъ молитву и благодареніе, надежду на всемірную справедливость и на вѣчную заботливость о судьбахъ человѣка, народовъ и человѣчества. У всякаго человѣка бываютъ минуты слабости; и тотъ, кто въ подобныя минуты не имѣетъ близъ себя ни одного любящаго сердца, котороебы ему сочувствовало, ни одной дружеской руки, на которую-бы онъ могъ опереться, тотъ останется безпомощенъ и глубоко-несчастливъ съ своими матеріалистическими убѣжденіями. Точно также человѣкъ, въ душѣ котораго нѣтъ сознанія внутренней справедливости; кто не въ-состояніи страдать и бороться за идею истины безъ всякой надежды на вознагражденіе, тотъ, кто не выработалъ въ себѣ самостоятельности.... такой человѣкъ не въ-состояніи быть въ одно время счастливымъ и поклонникомъ вещества. Что ни писали нерѣшительные мыслители современныхъ школъ, чтобы прикрыть это обстоятельство, ни Фрауэнштедтъ, ни Вейгельтъ не даютъ человѣку что-нибудь въ вознагражденіе за потерю вѣрованія во всемірную справедливость и въ загробное искупленіе страданій. Это дѣйствительно неутѣшительное вѣрованіе; но откровенные матеріалисты этого не скрываютъ; они говорятъ, что вовсе не имѣютъ въ виду созданія системы, способной утѣшить человѣка, но только хотятъ научить его. Отъ этого откровенный матеріализмъ совсѣмъ не такъ опасенъ, какъ думаютъ противники. Стремленіе къ благополучію и къ удовлетворенію желаній есть одинъ изъ могучихъ двигателей человѣческой жизни. Онъ есть явный или тайный руководитель большинства въ выборѣ вѣрованій, въ построеніи метафизическихъ теорій. По этому невѣроятно, чтобы современное общество въ своемъ большинствѣ приняло вѣрованія матеріалистовъ. Теперь пишутъ, на нихъ мода въ Европѣ, особенно въ Германіи. Но во всѣхъ ученіяхъ людей, исповѣдующихъ много, а истинно-вѣрующихъ мало. Немногіе въ-состояніи удовлетвориться человѣческою справедливостью и успокоиться въ необходимости страданія. Немногіе способны внушить столько привязанности къ себѣ въ другихъ людяхъ, и такъ сильно къ нимъ привязаться, чтобы найдти въ нихъ опору въ тяжелыя минуты жизни.... И потому весьма трудно въ наше время

представить себѣ общество искреннихъ матеріалистовъ. Матеріализмъ есть религія меньшинства. Матеріализмъ въ научно-метафизическомъ отношеніи имѣетъ двойной недостатокъ. Онъ считаетъ себя научною теоріею, но въ сущности есть метафизическая система. Онъ закрылъ дѣйствительность явленій, наблюдаемыхъ чувствами и сознаніемъ, но не разрѣшилъ ее въ высшемъ единствѣ, и эти два рода явленій требуютъ все еще двухъ, совершенно-отдѣльныхъ наукъ. Для всѣхъ явленій, обозначенныхъ названіемъ *вещественныхъ*, теорія матеріализма можетъ быть только полезна, потому-что она есть не иное что, какъ философская форма извѣстнаго правила естествознанія: всѣ явленія, подлежащія чувствамъ, должны быть изслѣдуемы и объясняемы только помощію чувствъ, устраняя всякое чуждое предположеніе. Для явленій, обозначаемыхъ названіемъ *духовныхъ*, матеріализмъ можетъ быть въ теперешнемъ состояніи науки только вреденъ: потому-что отклоняетъ большинство ученыхъ отъ точныхъ психологическихъ изслѣдованій, возможныхъ и теперь, чтобы гнаться за мечтой, которую физіологія еще очень долго не въ-состояніи выполнить. Именно путь матеріализма могъ-бы повести къ успѣхамъ въ психологіи, еслибы физіологія могла прослѣдить за движеніемъ въ частицахъ мозга, которое сопровождается процессомъ мышленія; тогда группировка движеній повела-бы, вѣроятно, къ раціональной группировкѣ душевныхъ впечатлѣній и видовъ мысли, сопровождающихъ эти движенія. Но это desiderata, на исполненіе которой самый смѣлый физіологъ едва-ли можетъ надѣяться, даже чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ. Въ такомъ случаѣ, для обработки области феноменологіи духа остается путь прямаго наблюденія, помощью сознанія и свидѣтельства историческихъ памятниковъ. Пусть психологія и феноменологія духа (какъ-бы не называлась эта будущая наука) чуждается всякой метафизической ипотезы о сущности духа; пусть она не теряетъ своимъ силъ на ненаучный споръ: что такое духъ? вещество или не вещество. Пусть изучаетъ *явленія* и только явленія духа. На этомъ поприщѣ сдѣлано еще весьма мало; желательно-бы очень на него обратить вниманіе ученыхъ, но едва-ли мода на матеріализмъ подѣйствуетъ полезно въ этомъ отношеніи. Какъ метафизическая теорія, матеріализмъ, имѣя преимущество предъ нѣкоторыми другими ученіями, неполонъ, потому-что не обнимаетъ теоріи явленій сознанія, слѣдов.

пока нельзя на немъ остановиться, какъ нельзя остановиться ни на одной изъ существующихъ системъ идеализма. Задача будущей философской системы должна заключаться въ стройномъ уясненіи всего человѣка въ его тройномъ отношеніи: къ своему сознанію, къ внѣшнему міру и къ преданію. Всѣ видоизмѣненія сознанія, всѣ законы природы, весь процессъ преданія историческаго долженъ построиться въ этой системѣ въ единое цѣлое. Но, по всей вѣроятности, исходной точкою должно будетъ служить не наблюденіе чувственное, а сознаніе, потому-что оно обусловливаетъ знаніе внѣшняго міра и преемственность преданія. Оно есть необходимое звено, связующее все сущее, потому-что оно есть существеннѣйшая особенность всего мыслящаго. Но всякая философія есть временная намѣстница науки. Всѣ философіи падаютъ, потому-что наука ихъ перерастаетъ. Три науки, относящіяся къ тремъ родамъ явленій, по нашему мнѣнію, должны идти каждая своимъ путемъ. Естествознаніе достигнетъ совершенства, если прослѣдитъ всѣ движенія природы, отъ извѣстныхъ уже движеній тѣлъ небесныхъ до послѣднихъ мозговыхъ движеній, сопровождающихъ процессъ чувствованія, знанія, творчества, и если, потомъ, заключитъ всѣ эти движенія въ одну общую аналитическую формулу. Феноменологія духа должна обнять всѣ процессы сознанія и всѣ ихъ результаты въ систематическое и органическое построеніе, для котораго мы теперь не имѣемъ даже очерка. Исторія должна указать, какъ прогрессивно человѣкъ сознавалъ себя существомъ способнымъ изслѣдовать внѣшній міръ органами чувства, внутренній міръ—сознаніемъ, какъ онъ открывалъ законы этихъ міровъ и какъ воплощалъ свои желанія справедливаго и прекраснаго въ преходящія формы гражданскихъ учрежденій, религіозныхъ вѣрованій, философскихъ системъ, поэтическихъ и художественныхъ образовъ, какъ старыя формы боролись и падали предъ новымъ воззрѣніемъ, какъ росло человѣчество. Если независимыя изслѣдованія этихъ трехъ наукъ покажутъ аналогическое построеніе законовъ явленій, принадлежащихъ каждой изъ нихъ въ-особенности; если простымъ сближеніемъ можно будетъ свести эти законы въ одно общее начало, тогда.... метафизика будетъ ненужна, наука и вѣрованія сдѣлаются тожественными, и кривая развитія человѣчества достигнетъ своей ассимптоты».

— «Практическая философія Гегеля».—Эта статья, составляющая продолженіе статей подъ заглавіемъ: *Гегелизмъ*, помѣщенныхъ

въ Библіотекѣ для чтенія за 1858 годъ въ маѣ и сентябрѣ, нисколько не уступаетъ имъ въ достоинствѣ. Читатели наши могутъ это видѣть изъ нижеслѣдующаго отрывка о философіи права Гегеля. «Въ своей философіи права Гегель рѣшительно объявилъ нравственныя и политическія начала Канта и Фихте отсталыми, односторонними представленіями, либеральные порывы Германской молодежи преступными и неразумными стремленіями. Все сочиненіе проникнуто полемикою противъ либеральной оппозиціи, позволяющей себѣ думать, что она имѣетъ право противопоставлять свое личное мнѣніе, свою нравственную и политическую совѣсть существующему и узаконенному порядку вещей, организованной администраціи, въ которой воплотился міровой духъ. И между-тѣмъ основное понятіе всего сочиненія,—понятіе, служащее ему руководною нитью,—это свобода. «Свобода составляетъ сущность и опредѣленіе права и система права есть царство осуществленной свободы» говоритъ онъ. Но это свобода въ идеѣ. Съ самаго начала онъ противопоставляетъ эмпирической дѣйствительности и убѣжденію, опирающемуся на чувство и воодушевленіе, единственную дѣйствительность, имъ допускаемую,—дѣйствительность понятія, идеи Одно понятіе дѣйствительно именно такъ, что оно само себя дѣлаетъ таковымъ. Внѣ понятія существуетъ лишь переходное существованіе, случайность, мнѣніе, явленіе безъ сущности, ложь, обольщеніе и т. д. «Нѣтъ ничего живаго, что-бы не было идеею какимъ-нибудь образомъ». Затѣмъ возникаетъ передъ нимъ понятіе воли, которое служитъ исходною точкою всей практической философіи, и понятіе свободы, которое должное составить сущность его изслѣдованія. Философъ мысли не останавливается предъ самымъ личнымъ, самымъ самостоятельнымъ явленіемъ духа, и однимъ почеркомъ пера обращаетъ волю въ мысль. «Воля есть особенный родъ мышленія; это мышленіе, которое переходитъ въ существованіе, стремится существовать.» «Звѣрь не имѣетъ воли, потому-что не представляетъ себѣ того, что желаетъ». Затѣмъ не мудрено, что для Гегеля свобода есть не болѣе какъ сознаніе мыслящаго духа, что онъ могъ-бы поступить иначе, что онъ не связанъ необходимостью съ избраннымъ имъ направленіемъ, что его мысль нашла въ себѣ то направленіе, которое онъ избралъ. Гегель не вдается въ полемику относительно свободы или необходимости воли, — въ полемику, которая длится уже тысячелѣтія: этотъ вопросъ, касающійся одного изъ самыхъ жизненныхъ

вопросовъ религіи и нравственности, остается внѣ его изслѣдованія, потому-что слова, имъ употребляемыя, означаютъ не то, что подъ этими словами понимали Августинъ, Пелагій, Эразмъ и Лютеръ, Кондильякъ и Кузенъ. Для Гегеля свобода воли есть опредѣленіе, два нераздѣльныя понятія. Воля свободна потому, что сознаетъ себя, какъ мысль, которая сама себя опредѣляетъ, и слѣдовательно всегда свободна, такъ-какъ, не перейдя чрезъ сознаніе, она не будетъ существовать. Конечно, большая часть мыслителей потребовала-бы еще объясненія о зависимости или независимости отъ внѣшнихъ и внутреннихъ процессовъ того явленія въ человѣкѣ, которымъ опредѣляется его дѣйствіе, какъ-бы это явленіе ни было названо и какое-бы отношеніе оно не имѣло къ мышленію. Объ этомъ Гегель не говоритъ или говоритъ довольно противорѣчиво. Такъ онъ порицаетъ личность, противопоставляющую свою совѣсть государственнымъ постановленіемъ, слѣд., какъ будто признаетъ ея отвѣтственность и свободу воли, въ обыкновенномъ значеніи этихъ словъ. Съ другой стороны, личность для него не болѣе, какъ воплощеніе всемірнаго духа — безусловнаго, слѣд. всѣ явленія въ первой суть лишь изліянія послѣдняго; въ такомъ случаѣ личность безотвѣтственна предъ философіей, понимающей дѣйствительную причину ея дѣйствій, но отвѣчаетъ лишь предъ обществомъ, которое, по тѣмъ-же законамъ развитія безусловнаго, входя въ столкновеніе съ поступкомъ лица, оправдываетъ и осуждаетъ его по-необходимости. Какъ-бы то ни было, Гегель, по своему опредѣленію, становится внѣ этого важнаго вопроса и въ понятіяхъ, имъ созданныхъ, находитъ рѣшеніе задачи, которой онъ собственно и не тронулъ. Поставивъ свободу въ сознаніи, Гегель нападаетъ на низшія понятія, связанныя съ этимъ словомъ, на его одностороннее пониманіе. На низшей степени оно является Берлинскому философу, какъ «свобода пустоты», опирающаяся только на ту сторону явленія воли, вслѣдствіе которой человѣкъ можетъ выдѣлиться отъ всякаго содержанія. Здѣсь онъ казнитъ вмѣстѣ весьма разнородныя явленія: безсмысленное созерцаніе Индійскаго факира, фанатизмъ существующихъ учрежденій, истребляющихъ личности, имъ противодѣйствующія, фанатизмъ партіи, отвергающей всякія учрежденія и мысль о равенствѣ. «Всякое учрежденіе противно отвлеченному понятію о равенствѣ» говоритъ союзникъ Прусскаго правительства. Для воли, стоящей на этой ступени, Гегель не допускаетъ даже названія воли, потому-что она

лишена опредѣленнаго содержанія.—«Она *ничего* не хочетъ, и потому это не воля». — На второй ступени стоитъ воля, имѣющая опредѣленную цѣль и себѣ ее противопоставляющая, какъ нѣчто отдѣльное, ограничивающее, стѣсняющее—это точка зрѣнія Канта и Фихте. Но умозрительная философія идетъ далѣе. Въ этой философіи воля сознаетъ, что внѣ ея нѣтъ ничего, что она противопоставляетъ себѣ свое-же понятіе и слѣд. сознаетъ свое торжество надъ тѣмъ, что ее ограничиваетъ. Гордясь этимъ сознаніемъ, воля человѣка отказывается въ мышленіи Гегеля отъ всякой другой свободы, что было-бы выгодно для Меттерниховъ, но едва-ли возможно внѣ кабинета профессора. Что же возбуждаетъ дѣятельность воли? сначала стремленія, желанія, побужденія. Воля, какъ личный произволъ, выбираетъ между ними, оправдываетъ или осуждаетъ ихъ. Руководясь ими, она есть естественная, непосредственная воля. Въ этомъ смыслѣ, по своему происхожденію, она скорѣе можетъ считаться началомъ зла, чѣмъ началомъ добра, и поэтому Гегель принимаетъ, что, по своимъ побужденіямъ, человѣкъ болѣе склоненъ ко злу. Но надъ частными побужденіями возвышается предъ волею понятіе *блаженства.* Это уже высшее, чистѣйшее понятіе; воля, къ нему стремящаяся, выше воли, стоящей на первой ступени, но она конечна, потому-что ограничена цѣлью, внѣ ея находящеюся. Наконецъ воля находитъ, что цѣль, которую она воображала внѣ себя, есть ея-же мысль, есть она сама; она стремится къ самосознанію, стремится къ тому, чтобы найдти себя въ своихъ цѣляхъ. «Только въ видѣ мыслящаго ума воля дѣлается дѣйствительно-свободою». Такимъ образомъ Гегель считаетъ конченною борьбу человѣка съ его влеченіями — безконечное стремленіе къ идеалу блаженства, который манитъ его все впередъ, побуждая дѣйствовать и страдать для далекой, внѣ его лежащей цѣли. Этотъ идеалъ есть его собственная мысль. Узнавъ его, какъ свою мысль, онъ этимъ достигъ его и успокоился въ своемъ сознаніи. Для всего процесса не нужно ни страданій, ни дѣятельности, ни жертвъ; нужно только мыслящее созерцаніе. Оно спокойно и безопасно. Эта воля, перешедшая въ мысль, есть воля общая. Для личностей она получаетъ внѣшнее существованіе: она есть *право.* Это свобода въ формѣ идеи. Право священно, потому-что въ немъ осуществилось понятіе. Но оно можетъ быть осуществленіемъ понятія болѣе или менѣе ограниченнаго, болѣе или менѣе односторонняго. Поэтому оно переходитъ чрезъ различныя

ступени, которыя поднимаются тѣмъ выше, чѣмъ обширнѣе, полнѣе понятіе, въ нихъ осуществленное. Эта полнота зависитъ отъ того, что дѣйствительность въ ея многосторонности должна войдти въ идею права. Чѣмъ меньше элементовъ дѣйствительности входитъ въ право, тѣмъ оно ниже, чѣмъ болѣе, тѣмъ право возвышеннѣе. Низшія права должны уступать высшимъ и воля должна уступать праву «міроваго духа, котораго право безусловно-неограничено». Здѣсь, въ послѣдовательности проявленія свободной воли, перешедшей въ мысль, въ лѣстницѣ правъ, Гегель высказываетъ явно относительное значеніе, которое онъ придаетъ различнымъ формамъ практическихъ стремленій человѣка. Отвлеченное начало справедливости и взаимнаго обязательства, устанавливающее отношенія между разъединенными личностями, является на низшей ступени практическихъ идей для Гегеля, какъ самое бѣдное по дѣйствительному содержанію. Оно образуетъ область *отвлеченнаго* или *формальнаго права*. Слѣдующая ступень прибавляетъ къ первой личное убѣжденіе. Здѣсь впереди всего стоитъ не самое дѣйствіе, но его побудительная причина; не внѣшнее проявленіе воли, но ея оправданіе или осужденіе совѣстью. Это область *личной нравственности* (Moralität). Такъ-какъ она занимаетъ второе мѣсто, то, по общему правилу діалектическаго процесса, она представляетъ отрицаніе предыдущаго, на чемъ останавливаться не должно; слѣдовательно, въ мысли Гегеля, эта точка зрѣнія предосудительнѣе первой, хотя богаче ея по дѣйствительному содержанію. Наконецъ, мы имѣемъ третью область, гдѣ связующее начало общаго интереса, общаго мнѣнія, взаимной привязанности прибавляется къ отвлеченному началу справедливости взаимныхъ отношеній и къ личному началу убѣжденія совѣсти. Это область *общественной нравственности* (Sittlichkeit). Послѣдняя область, какъ высшая, заключаетъ еще въ себѣ ступени постепеннаго развитія. Это естественная связь *семейства*, основанная на привязанности. Это невольное соединеніе въ *гражданскія общества*, основанное на потребностяхъ. Это сознательный организмъ *государства*, основанный на добровольномъ подчиненіи его членовъ общему закону. Послѣдняя связь представляется въ трехъ послѣдовательныхъ единицахъ, постепенно-расширяющихъ кругъ дѣйствительности, въ нихъ вмѣщающейся. Это единицы отдѣльныхъ народовъ, системы государствъ и цѣлаго человѣчества въ его историческомъ развитіи. Мы еще будемъ говорить ниже о

послѣдовательности формъ, въ которыхъ выразилась, по мысли Гегеля, общественная нравственность, и объ ихъ относительномъ значеніи. Здѣсь замѣтимъ только положеніе трехъ главныхъ областей практическаго духа. Отвлеченное понятіе справедливости и личное убѣжденіе совѣсти должны, по системѣ Гегеля, уступить семейной связи, общественнымъ интересамъ, государственной пользѣ, политическимъ соображеніямъ, исторически-существующему факту, потому-что послѣднія богаче первыхъ дѣйствительнымъ содержаніемъ. Юристъ долженъ обратиться къ дипломату за рѣшеніемъ вопроса, не можетъ-ли исполненіе дѣла по отвлеченному началу повредить государственнымъ отношеніямъ. Личность реформатора, возстающаго всѣмъ своимъ существомъ противъ устарѣлыхъ, отжившихъ явленій въ жизни общества, должна умолкнуть предъ чиновникомъ, указывающимъ ему на пунктъ неотмѣненнаго закона, предъ археологомъ, доказывающимъ, что спорный обычай есть остатокъ исчезнувшихъ тысячелѣтій. Дѣйствіе признается тѣмъ болѣе нравственнымъ (sittlich), чѣмъ болѣе въ него входитъ сторонъ практической жизни, чѣмъ болѣе оно коренится одновременно и въ общественныхъ привычкахъ и въ государственныхъ цѣляхъ, и въ формальномъ законѣ и въ собственной совѣсти. Тотъ человѣкъ нравственнѣе, по системѣ Гегеля, кто лучше умѣетъ соглашать свое право и свою совѣсть съ административными распоряженіями, съ рѣшеніями дипломатовъ, съ историческими данными. Конечно, не всѣ эти результаты высказаны Гегелемъ; даже ни одинъ изъ нихъ не высказанъ въ той формѣ, которую мы имъ здѣсь дали. Между-тѣмъ они всѣ по-необходимости получаются изъ послѣдовательности, въ которой поставлены Гегелемъ формы практическаго духа, и изъ правила, заключающагося въ § 30 *Философіи права*. «Сравнительно съ правомъ, болѣе формальнымъ, т. е. болѣе отвлеченнымъ и слѣдовательно болѣе ограниченнымъ, сфера и степень духа, на которой онъ опредѣляетъ и вноситъ въ дѣйствительность, дальнѣйшія въ его идеѣ заключающіеся моменты, имѣетъ по этому самому высшее право, какъ болѣе конкретная, сама въ себѣ болѣе богатая, и съ большей справедливостью общая сфера». Конечно, можно допустить, что, говоря о безправности личности предъ государствомъ, онъ имѣлъ въ виду демагога, который, понимая весьма поверхностно сущность государственныхъ цѣлей, кричитъ противъ дѣйствій правительства, составленнаго изъ людей, обладающихъ высшимъ разумомъ, высшимъ зна-

ніемъ, высшею опытностью, высшимъ желаніемъ добра. Словомъ правительство для Гегеля служило, какъ въ Іенѣ, воплощеніемъ безусловнаго духа; оно не имѣло ни страстей, ни личныхъ побужденій и по мѣрѣ того, какъ вымирали историческія установленія, оно ихъ отмѣняло. Оппозиціонный крикунъ служилъ воплощеніемъ невѣжества и злонамѣренности. Въ этомъ случаѣ не мудрено рѣшить, на чьей сторонѣ долженъ находиться перевѣсъ. Но всегда-ли такъ было? даже было-ли это большею частію такъ? не служила-ли эта система взаимнаго подчиненія практическихъ идей выраженіемъ весьма частному, едва-ли когда-нибудь встрѣчающемуся случаю, созданному воображеніемъ философа, испуганнаго волненіемъ Берлинской молодежи? Неужели гражданскіе герои всѣхъ націй, которые словомъ и дѣломъ трудились впродолженіе всей жизни, а иногда и жертвовали жизнію, для того, чтобы вычеркнуть изъ законодательства какое-нибудь застарѣлое зло, для того, чтобы разоблачить предъ міромъ какую-нибудь пышную безсмыслицу, для того, чтобы побороть навсегда какую-нибудь могущественную неправду — неужели они всѣ поступали безнравственно? Я увѣренъ, что всякій читатель самъ найдетъ самый вѣрный отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Гегеля можно оправдать еще тѣмъ, что онъ не предписывалъ, какъ должно поступать въ томъ и другомъ случаѣ, что онъ даже не имѣлъ въ виду практическаго дѣйствія, вслѣдствіе своей теоріи, что его система была системою понятій, болѣе и болѣе обогащенныхъ дѣйствительнымъ содержаніемъ, что это не болѣе, какъ «естественная исторія духа», какъ онъ самъ замѣтилъ о своемъ ученія о добродѣтеляхъ. Но форма, приданная этой теоріи, ведетъ къ тому, что всякій послѣдующій видъ проявленія воли представляется читателю не только богаче содержаніемъ, но и обязательнѣе для самой воли. Здѣсь высказалась существенная разница практической области отъ теоретической, о чемъ говорено въ началѣ статьи. Можетъ быть, философъ хотѣлъ только указать, какъ понимать явленіе, но вопросъ немедленно обратился въ другой: какъ поступать? Если самъ Гегель не выводилъ всѣхъ практическихъ заключеній своего ученія, то его политическіе союзники, конечно, готовы были это сдѣлать. Но перейдемъ къ самому ученію. Въ отвлеченномъ правѣ Гегель встрѣтилъ понятія, которыя касались жизненныхъ вопросовъ только-что минувшаго или наступающаго періода. Это были права лица, знаменитыя права человѣка, которыя лежали въ осно-

ванія Европейскаго либерализма и стояли во главѣ учрежденій Французской республики. Затѣмъ, это былъ вопросъ о собственности, который хранилъ въ себѣ бури будущаго времени, а пока выказывался лишь въ малочитаемыхъ сочиненіяхъ Французскихъ утопистовъ. Кантъ поставилъ основнымъ правомъ (Urrecht) человѣка свободу, или независимость отъ произвола другихъ; всѣ прочія права онъ заключилъ въ этомъ основномъ. Фихте еще опредѣлительнѣе сказалъ, что основное право лица заключается въ его безусловномъ правѣ быть въ чувственномъ мірѣ всегда причиною (Ursache), никогда орудіемъ (Bewirktes). Гегель поставилъ здѣсь, повидимому, выше всего личность. «Заповѣдь права есть: будь лицомъ (Person) и уважай другихъ, какъ лица». Только тотъ, кто сдѣлался лицомъ, способенъ, по его теоріи, пріобрѣсти какія-либо права. Но лицо, по Гегелю, есть не болѣе, какъ единица, сознающая въ себѣ возможность отдѣлиться отъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ случайностей быта и при этомъ остаться самимъ собою. Въ способности чистаго мышленія и знанія, въ разумѣ заключается сущность лица. Все, что находится внѣ этого самосознанія, этого свободнаго самоопредѣленія, есть *вещь*. Въ обладаніи вещью высказывается воля лица внѣ его, и въ этомъ заключается право собственности. Поэтому лицо имѣетъ право присвоенія (Zueignungs-Recht) на всѣ вещи. Собственное тѣло, жизнь, свободное духовное развитіе лица признаются вещами, составляющими его собственность: о первыхъ двухъ упоминаетъ Гегель въ параграфахъ, имѣющихъ предметомъ собственность; духовное развитіе является, какъ способъ вступленія въ обладаніе собою. Вслѣдствіе этого отожествленія понятія о лицѣ съ представленіемъ о правѣ его на вещи, Гегель возстаетъ на раздѣленіе, допущенное Римскимъ правомъ и Кантомъ, гдѣ личныя права отдѣлены отъ вещественныхъ. Тѣ и другія у Гегеля тожественны и сливаются въ идеѣ собственности, которая, какъ сейчасъ было замѣчено, распространяется на понятія, самыя невыдѣлимыя изъ представленій личности. Такимъ-образомъ, юридическое лицо у Гегеля есть отвлеченная мысль, сознающая свою отдѣльность, и для него право обладанія, пріобрѣтенное палкою, одинаково-близко съ правомъ быть единственнымъ источникомъ движеній своего тѣла, звуковъ своего голоса, съ правомъ духовнаго развитія. Но это все принадлежности свободной, сознательной и отдѣльной мысли, которая находитъ всѣ свои права въ своемъ сознаніи. Ей для этого не нужно

даже противоположеніе другимъ равноправнымъ лицамъ. Если Гегель говоритъ: будь лицомъ! это понятно — это значитъ: мысли себя, какъ отдѣльную единицу, независимую отъ внѣшняго и внутренняго быта. Но когда онъ говоритъ: уважай другихъ, какъ лица, то это не болѣе, какъ уступка. Мысль не знаетъ правъ другихъ лицъ, потому-что, по Гегелю, всѣ ея права вытекаютъ изъ нея самой, а не изъ отношенія къ другимъ личностямъ, ея ограничивающимъ и ею ограничиваемымъ. Очевидно, въ теоріи лица и собственности Гегель имѣлъ въ виду два различные взгляда. Одинъ, въ которомъ источникъ всего есть мысль, принадлежалъ существенно-новому построенію практическихъ идей. Другой, заимствованный изъ политическихъ теорій либерализма, давалъ первому наружный блескъ своихъ формулъ, но оставался къ нему въ служебныхъ внѣшнихъ отношеніяхъ». Во второмъ отдѣлѣ отвлеченнаго права Гегель разсматриваетъ отношенія лицъ одного къ другому, именно теорію договора. Здѣсь только, для договора, онъ выставляетъ на видъ общее начало всякаго юридическаго явленія, именно одновременное присутствіе проявленій воли двухъ отдѣльныхъ лицъ. Соглашаясь съ Кантомъ въ раздѣленіи договоровъ, онъ противопоставляетъ эту систему «обыкновенной пошлости» юридическихъ построеній этого понятія. Впрочемъ, для самого Гегеля предметъ договоровъ важнѣе различныхъ степеней и видовъ ихъ обязательности. Сущность договора соединена съ его дѣйствіемъ, и въ самомъ заключеніи договора не довольно выпукло поставлено на видъ существеннѣйшее явленіе этого дѣйствія: ясно-выраженная обоюдная воля договаривающихся. Въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ отвлеченнаго права, обнимающемъ нарушеніе права (Unrecht), Гегель встрѣчается съ вопросами не менѣе важными и частью спорными, какъ и въ первомъ отдѣлѣ. Это значеніе проступковъ и преступленій и принудительная сила права—право наказанія. Въ первомъ вопросѣ онъ находитъ три ступени: безсознательное нарушеніе права, основанное на убѣжденіи въ справедливости кажущагося права: оно ведетъ къ процессу; сознательное замѣненіе дѣйствительнаго права кажущимся — обманъ; отрицаніе права — преступленіе. Ограниченіе втораго нарушенія права однимъ обманомъ (Betrug) вышло по-необходимости изъ отожествленія понятій о правахъ лица съ его правами собственности. Понятіе о преступленіи служитъ для Гегеля переходомъ къ понятію о принудительной силѣ права.

Нарушеніе договора является первымъ принужденіемъ, которое уничтожается вторымъ, и такимъ образомъ возстановляется потерянное право. Это довольно-искусственное построеніе, и вѣрнѣе можно принять другое его замѣчаніе, что самое опредѣленіе отвлеченнаго права, какъ допускающаго возможность принужденія, заключаетъ въ себѣ послѣдовательный рядъ понятій, необходимо-переходящихъ чрезъ понятіе о нарушеніи права. Гегель утвердилъ еще другое высшее понятіе о наказаніи, предъ которымъ разлетѣлись въ прахъ теоріи предупрежденія, устрашенія, угрозы, исправленія и т. п. Это — начало возстановленія идеи справедливости, нарушенной преступленіемъ. Но онъ связалъ это начало съ понятіемъ о государствѣ, и потому вырвалъ его изъ отвлеченнаго права. Едва-ли можно съ нимъ согласиться, когда онъ допускаетъ, что справедливость осуществляется только въ организмѣ государства. Законодательство не создаетъ эту идею, оно ее находитъ въ каждомъ изъ своихъ членовъ. Она проявляется въ отношеніяхъ человѣка къ животному, въ его самоосужденіи и самооправданіи. Она растетъ съ ребенкомъ, видоизмѣняясь только въ своихъ формахъ. Горе обществу, гдѣ члены должны справляться съ сводомъ законовъ, чтобы отличить справедливое отъ несправедливаго. Повсюду, гдѣ человѣкъ вошелъ въ сношеніе съ другимъ человѣкомъ, тамъ возникло юридическое отношеніе, основанное на справедливости, которая, конечно, могла быть нарушена другими сторонами практической дѣятельности: интересами, желаніями, предразсудками. Законы охранили справедливость отношеній, еще чаще ее исказили, но ея источникъ остался внѣ ихъ—въ природѣ человѣка. Нарушенная, она находила себѣ возстановленіе въ принужденіи, въ наказаніи, въ разрушеніи общественныхъ связей, въ нравственномъ осужденіи общества, во внутреннемъ неудовольствіи преступника, въ милліонѣ слѣдствій, вышедшихъ изъ начальнаго ея нарушенія, но такъ или иначе, справедливость была возстановлена. Это возстановленіе справедливости всегда было и будетъ существовать внутри государства и внѣ его. Но вопросъ о принужденіи остается внѣ ея, такъ-какъ способы возстановленія справедливости могутъ быть весьма различны, и потому остается еще нерѣшенною задача о томъ, какого рода наказаніе въ данномъ случаѣ есть дѣйствительное возстановленіе справедливости. Костры, пытки исчезли изъ законодательствъ съ развитіемъ послѣднихъ. Рѣже и рѣже смертная казнь является для современ-

ныхъ юристовъ справедливымъ наказаніемъ. Чаще останавливается законодатель въ смущеніи, не нарушаетъ-ли онъ неумѣреннымъ наказаніемъ того самаго начала, которое намѣренъ возстановить. Имѣетъ-ли право общество заставить преступника отказаться отъ правъ, связанныхъ съ самымъ понятіемъ лица, отъ жизни, отъ свободы передвиженія, слова, мысли? Гегель правъ въ томъ отношеніи, что юристъ безсиленъ въ этомъ случаѣ, діалектика понятія справедливости недостаточна, и вопросы рѣшаетъ государственный человѣкъ во имя интересовъ и удобства общества. Но при этомъ не надо называть источникъ дѣйствія именемъ, ему не принадлежащимъ; не осуществленіе и возстановленіе идеи справедливости имѣетъ въ виду государство въ своемъ законодательствѣ, но выгоду большинства (иногда это большинство обращается въ весьма незначительное, но могущественное меньшинство). Не въ организованной судебной власти, опирающейся на положительный законъ, и не теряющей изъ виду особыхъ цѣлей государства или правительства, но въ личномъ убѣжденіи, отвлеченномъ отъ всѣхъ интересовъ, въ юридическомъ приговорѣ личнаго духа заключено воплощеніе справедливости. Въ обязанности поддержать стройность государственнаго организма, для общественнаго порядка и спокойствія, лежитъ оправданіе принудительной власти положительнаго законодательства, государственнаго права: до справедливости это дѣло не касается. Конечно, цѣли государственныя и отвлеченная справедливость могутъ совпадать и стремиться къ совпаденію, но это дальній и едва достижимый идеалъ».

II. Педагогика.

По этой отрасли знаній мы встрѣтили слѣдующія статьи: *О народномъ воспитаніи*, Г. Е. Благосвѣтлова (№ От. зап. № 3); *О средствахъ къ распространенію грамотности*, А. Сапожникова (Совр. № 3); *Отчетъ С. Петербургскаго университета за* 1858 *г.* (ibid.); *Прощальный обѣдъ въ Кіевѣ Н. Р. Ребиндеру* (Русск. вѣстн. № 1); *Письма изъ Берлина*, Н. Н. Булича (Атен. № 1); *Значеніе Парижскаго университета*, Г. Е. Благосвѣтлова (Русск. слово № 1); *Гимназіи въ Австрійскихъ владѣніяхъ* (С. Пб. вѣд. № 77); *О пансіонахъ для дѣвицъ въ уѣздныхъ городахъ*, П. Б. (Моск. вѣд. № 4 и 5); *Бытъ уѣздныхъ учителей* (ibid. № 25); *Мысль о новой педа-*

гогической мѣрѣ по гимназіи, С. И. Протопопова (ibid. № 67 и 78); *Народныя школы въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ* (ibid. № 83); *Празднованіе юдовщины Харьковскаго университета 17 января 1859 г. въ Одессѣ* (Одесск. вѣстн. № 9); *Одинъ изъ живыхъ вопросовъ Новороссійскаго края*, А—на (ibid. № 13); *Еще нѣсколько словъ о живомъ вопросѣ Новороссійскаго края*, А. Криворотова (ibid. № 16); *По поводу статей о Херсонскомъ гимназическомъ актѣ*, Θ. Березкина (ibid. № 26); *Чего мы желаемъ? Статья Н.И. Пирогова*. Рец. В. Чибисова (ibid. № 28); *Соображенія пахаря по вопросу: чего мы желаемъ отъ нашихъ университетовъ*, А. Кр—ва (ibid. № 36); *Домашняя новость. Одесскій сиротскій домъ*, А. Криворотова (ibid. № 40); *Кое-что о женщинѣ вообще и о Кавказской въ частности* (Кавказъ № 2 и 3); *О вліяніи историческаго развитія государствъ на систему народнаго воспитанія* (ibid. № 12 и 13); *Нѣсколько словъ объ училищахъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ 4-го армейскаго корпуса* (Русск. дневн. № 13 и 14); *Нѣсколько словъ о Демидовскомъ лицеѣ*, А. Е. Львова (ibid. № 52 и 53); *Объ образованіи женщины въ Малороссіи*, В. Шевича (ibid. № 58); *Письмо изъ провинціи о женскомъ образованіи и воспитаніи*, Н. О. (ibid. № 68); *О методѣ первоначальнаго обученія г. Золотова*, В. Шв—а (ibid. № 72); *Письмо къ редактору*, А. Надеждина (Русск. газ. № 4); *О школахъ въ Америкѣ*, Э. Циммермана (ibid. № 5 и 6); *О сельскихъ школахъ*, А. Надеждина (ibid. № 7 и 15); *Женщина* (ibid. № 8); *Родители и дѣти*, Бэля (ibid. № 16).

— «О народномъ воспитаніи».—Эта статья написана по поводу изданія книги «The education of the people B. St. Iohn. London. 1858». Книга Джона имѣетъ одно неоспоримое достоинство: она заставляетъ размышлять; въ ней нѣтъ ни богатства фактовъ, ни глубокихъ соображеній, ни спеціальныхъ изслѣдованій; она написана не съ тою цѣлью, чтобы раскрыть новую сторону, или разрѣшить какую-нибудь частную задачу въ области педагогической дѣятельности — нѣтъ, она разсуждаетъ о народномъ воспитаніи вообще, соединяя въ одинъ блестящій фактъ всѣ современныя идеи Англіи объ этомъ предметѣ. Въ ней говоритъ человѣкъ отличнаго образованія, искренній патріотъ и другъ угнетеннаго работника; въ ней слышится вопіющій протестъ противъ невѣжества массъ, осужденныхъ бороться въ одно и то-же время съ нищетой, порокомъ и безвыходно-тяжкимъ трудомъ. «Если мы посмотримъ на поверхность общества (говоритъ Синтъ Джонъ), оно представляется намъ

подернутымъ блистательнымъ лоскомъ; но если проникнемъ въ глубь его, то тамъ открывается необозримый міръ заблужденій, дикихъ понятій и фантастическихъ грезъ, постоянно-возникающихъ изъ бездонной пропасти мрака. Но откуда вытекаетъ это убійственное равнодушіе къ величайшему изъ благъ человѣка—къ его нравственному совершенству? Гдѣ скрывается источникъ зла, вслѣдствіе котораго изъ 240 милліоновъ подданныхъ Британской имперіи едва-ли сотая доля наслаждается плодами истиннаго образованія и соціальнаго счастья? Вообще думаютъ (продолжаетъ авторъ), что знаніе въ низшихъ слояхъ народа не совсѣмъ удобно; когда требуютъ одного повиновенія, невѣжество всего лучше поддерживаетъ его. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, котораго умственныя силы развиты, не можетъ позволить обращаться съ собой, какъ съ ручнымъ животнымъ... До-тѣхъ-поръ, пока воспитаніе будетъ чистой мѣрой политики, бѣднякъ не перестанетъ враждовать съ нимъ; онъ всегда будетъ думать, что мы смотримъ на него, какъ на преступника въ будущемъ, и что всѣ наши заботы стремятся къ сохраненію личнаго благосостоянія, а не къ улучшенію его собственнаго быта». Кромѣ промышленыхъ интересовъ, въ Англіи есть другая побудительная причина къ народному воспитанію: страна, управляемая общественнымъ мнѣніемъ, должна держать его нравственной инищіативой. Авторитетъ и разумное направленіе этого мнѣнія стоятъ въ прямой пропорціи съ образованіемъ народа, и, напротивъ, источникомъ всѣхъ злоупотребленій въ представительныхъ государствахъ служитъ невѣжество. Со-времени парламентской реформы (1832) партія радикаловъ постоянно требовала всеобщей избирательной системы; но возможна-ли она въ настоящемъ положеніи Британской монархіи? На этотъ вопросъ, въ 1831 г., одинъ изъ геніальныхъ ораторовъ отвѣчалъ такъ: «я противлюсь всеобщей подачѣ голосовъ, потому-что, какъ я думаю, она поведетъ за собою разрушительную революцію....» Представительная система «должна опредѣлиться не простыми числами, а собственностью и *умомъ*» (Macaulay Speeches. ч. I. стр. 13—14). Но какимъ-же образомъ, возражаетъ эта партія, въ Америкѣ, такъ недавно-выступившей на сцену политической жизни, эта система безъ борьбы и потрясеній срослась съ общественнымъ организмомъ? Конечно, Америка представляетъ явленіе изумительное, достойное изученія и подраженія, но она нейдетъ въ примѣръ Европейскимъ обществамъ. Америка не имѣетъ за собой тѣхъ преданій, чрезъ

которыя, какъ чрезъ Дантово чистилище, проходятъ народы по сю сторону океана; въ ея дѣвственныхъ лѣсахъ не слышно было ни стоновъ нашихъ темницъ, ни папскихъ проклятій, ни феодальныхъ разбоевъ; на ея свободныхъ степяхъ не горѣло пламя инквизиціонныхъ судовъ, не гибли поля, села и цѣлыя провинціи среди военныхъ пожаровъ и опустошеній. Америка не знала ни крестовыхъ походовъ, ни Варѳоломеевскихъ ночей, ни дипломатическихъ интригъ Франціи, ни фанатизма Испаніи. Америка начала свою политическую жизнь на такой почвѣ, которая не требовала предварительной расчистки: она влила новое вино въ новые мѣха, и въ этомъ заключается ея необычайный успѣхъ. При томъ, Америка, сравнительно, гораздо образованнѣе Англіи; въ ней нѣтъ не только ни одного города, но и деревни, гдѣ-бы не было училища и журнала Въ одномъ Нью-Йоркѣ, въ публичныхъ школахъ считается до 900,000 воспитанниковъ, съ библіотеками, заключающими въ себѣ до 1.600,000 книгъ. «Въ Новой Англіи (говоритъ Токвиль) каждый гражданинъ получаетъ элементарное образованіе; ему преподаютъ правила его религіи, исторіи и главныя черты конституціи. Въ округахъ Кеннектикутъ и Массачусетъ чрезвычайно рѣдко встрѣчается человѣкъ, не имѣющій основательныхъ познаній въ этихъ предметахъ, и вовсе незнакомый съ ними составляетъ странное исключеніе (De la démocr. en Amerique ч. II стр. 189). Иначе и быть не можетъ. Вашингтонъ, заложивъ первый камень въ основу Американской республики, завѣщалъ, главнѣе всего, воспитывать народъ, и это завѣщаніе преемники его исполнили свято. Не то въ Англіи; не говоря уже объ Индіи и Ирландіи, о ея владѣніяхъ въ Африкѣ и Австраліи, въ самой метрополіи низшее сословіе поражаетъ невѣжествомъ. Половина возмужалаго народонаселенія въ Англіи и Валлисѣ не умѣетъ подписать собственнаго имени (Westm. Review XLVI, стр. 211). Какъже послѣ этого ввести бѣдную и безграмотную толпу въ участіе законодательной власти и выборовъ? Какимъ довѣріемъ она можетъ пользоваться въ дѣлѣ государственнаго управленія? Гдѣ ручательство за ея уваженіе къ личности и собственности? Поэтому вся благонамѣренная Англія вполнѣ убѣждена, что главное препятствіе на пути ея постепенныхъ реформъ и прогресса заключается въ недостаткѣ народнаго воспитанія. Безъ него она не освободится отъ Ирландскихъ и Индійскихъ мятежей; хотя она принуждена прибѣгать къ уголовнымъ карамъ тамъ, гдѣ было-бы до-

статочно одного разумнаго совѣта или слова — къ эмиграціямъ своихъ подданныхъ, которыхъ нищета, какъ слѣдствіе невѣжества, выбрасываетъ тысячами изъ отечества. «Можемъ-ли мы видѣть (спрашиваетъ Маколэй), безъ стыда и упрека, что многіе изъ нашихъ преступниковъ, предаваемыхъ казни, могли-бы жить и, может быть, остаться полезными членами общества? Кто знаетъ, можетъ-быть, болѣе чѣмъ половина изъ тѣхъ, которые теперь содержатся въ нашихъ тюрьмахъ, могла-бы пользоваться свободой; болѣе, чѣмъ половина изъ сосланныхъ въ каторжныя колоніи, могла-бы добросовѣстно служить своей странѣ, еслибъ государство употребило на образованіе изъ нихъ честныхъ людей хотя малую долю изъ того, что растратило оно на преслѣдованіе бѣдныхъ воровъ (Speeches ч. II стр. 210). Знаменитый историкъ совершенно-справедливъ, потому-что quid leges sine moribus vanae proficiunt? Вопросъ народнаго воспитанія занимаетъ въ наше время не одну Англію, но все образованое человѣчество: это самый живой и популярный вопросъ настоящей эпохи. Мы не знаемъ предмета, болѣе интереснаго для законодателя, политика, ученаго, для каждаго общества и семейства; мы всякій день убѣждаемся глубже, что отъ него зависитъ возрожденіе падшихъ народовъ и успѣхъ величайшихъ реформъ нашего вѣка. Европа пришла къ этому убѣжденію по дорогѣ горькихъ опытовъ. Съ одной стороны, повсюду замѣтно стремленіе къ прогрессу; съ другой—безсиліе и безнадежность этихъ стремленій. Умственные и матеріальные интересы быстро возрастаютъ, вызывая новыя потребности и раздражая доселѣ неизвѣстныя страсти; все тоскуетъ и порывается впередъ, а между-тѣмъ дѣйствительность, какъ пробужденіе бѣдняка, разрушаетъ мечты и планы, повидимому, самые сбыточные и вѣроятные. Современный человѣкъ, если мы заглянемъ въ его душу, страдаетъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь; онъ походитъ на уто леннаго пешехода, который постоянно видитъ передъ собой оазисъ для отдыха, но едва приблизится къ нему, миражъ исчезаетъ, и онъ, понуривъ голову, идетъ дальше. Исторія послѣднихъ десяти лѣтъ полна нравственныхъ миражей; безпрерывный рядъ реакцій всего лучше доказываетъ глубокій разрывъ между мыслью и дѣломъ, между идеаломъ и его примѣненіемъ, между надеждами народовъ и дѣйствительною ихъ жизнью. Мы видѣли столько потрясающихъ событій, что не можемъ не задуматься надъ ихъ внутреннимъ смысломъ. Въ 1830 году Лудовикъ-Филиппъ, восходя на тронъ,

сказалъ: «Отселѣ хартія будетъ истиной;» не прошло и пяти лѣтъ, какъ она обратилась въ ложь. Пій IX, принимая папскую тіару, обѣщалъ вычистить Авгіевы ясли отъ накопившейся съ вѣками грязи — и не сдержалъ своего слова. Неаполитанскій король торжественно клялся облегчить положеніе прекраснѣйшей части міра — и чрезъ нѣсколько дней нарушилъ свою клятву. Въ Вѣнѣ, Сардиніи, Тосканѣ, Миланѣ и Парижѣ почти въ одно время завязались политическія драмы, и всѣ окончились страннымъ паденіемъ. «Не прошло и двухъ лѣтъ (говоритъ Грегъ), какъ Европа представила любителю свободы и человѣческаго прогресса самый саркастическій видъ, какой только она когда-либо носила; и въ это короткое время неумолимая судьба соединила всѣ лучшія предпріятія, благородныя намѣренія, всѣ быстрыя побѣды и богатые планы замѣчательной эпохи, а потомъ покрыла ихъ двумя свинцовыми словами:» hic jacet (On political and social science. By Greg. т. II, стр. 119). Но гдѣ-же причина всѣхъ этихъ катастрофъ, историческихъ приливовъ и отливовъ? Неужели, въ самомъ-дѣлѣ, мы въ-правѣ допустить чистую случайность въ такихъ многозначительныхъ фактахъ, запечатлѣнныхъ кровью и жертвами? Отнюдь нѣтъ. Всѣ эти явленія, какъ они ни запутаны, объясняются очень просто; въ послѣднемъ результатѣ они были слѣдствіемъ недостатка сознанія, воли и неразлучной съ нимъ апатіи въ массахъ. Мы пояснимъ свою мысль самымъ нагляднымъ примѣромъ. Въ жизни каждаго изъ насъ, конечно, были такія минуты, когда чувствовалась необходимость пробужденія; недовольные своимъ прошедшимъ и прожитыми ошибками, мы хотѣли-бы разомъ разсчитаться съ ними и начать новый, лучшій періодъ существованія. Но какъ его начать, какъ отвязаться отъ старыхъ привычекъ и взгляда на вещи, какъ переродить себя мгновенно — это проблемма очень трудная; и если она выше нашихъ понятій и характера, то мы, обыкновенно, остаемся при одномъ добромъ желаніи и продолжаемъ прежній образъ жизни, какъ-бы онъ противенъ намъ ни былъ. Такія минуты въ исторіи народовъ называются переломами. Дѣло въ томъ, что всѣ замѣчательныя реформы только тогда вѣнчались полнымъ успѣхомъ, когда сходились съ общимъ сочувствіемъ, когда въ нихъ участвовала воля и умъ большинства, т.-е. того качественнаго большинства, котораго сила состоитъ не въ цифрахъ, а въ нравственномъ значеніи — въ идеѣ о справедливости. Франція даетъ превосходный урокъ въ этомъ отношеніи. Шестьдесятъ

лѣтъ она мечтала о свободѣ, говорила и писала о правахъ человѣка такъ много и такъ громко, какъ ни одинъ народъ не писалъ и не говорилъ,—и что же! не болѣе какъ въ восемь лѣтъ она очутилась почти въ эпохѣ Лудовика XV, другими словами: шестьдесятъ лѣтъ ея исторіи, исполненной ужасныхъ страданій, составляютъ печальный эпизодъ. Она сама, наконецъ, догадывается, что поднятый трудъ былъ не по силамъ ея, что она преслѣдовала фантомъ, котораго въ дѣйствительности нѣтъ, что ея прокламаціи и «импровизированныя въ пять минутъ теоріи правительства» были теоріей нѣсколькихъ людей, и что въ инстинктахъ самаго народа не было развито ни одного прочнаго начала для перехода въ новую эру жизни. Съ тѣмъ вмѣстѣ она сознаетъ, что дальнѣйшая судьба ея зависитъ именно отъ образованія массъ. Иное явленіе представляетъ намъ Швейцарія: она начала свое возрожденіе вмѣстѣ съ воспитаніемъ народа; Песталоцци считалъ его единственнымъ средствомъ помочь разоренной странѣ; онъ былъ убѣжденъ, что корень всякаго зла скрывается въ невѣжествѣ націи. Мнѣніе Песталоцци оправдалось: въ концѣ прошлаго вѣка Швейцарія находилась въ одинаковомъ положеніи съ Савоіей; черезъ пятьдесятъ лѣтъ, благодаря образованію своихъ жителей, она опередила всѣ сосѣдственныя державы, стала выше Австріи, Италіи и Франціи. «Пока въ моемъ отечествѣ (сказалъ Ивердонскій наставникъ) останется хотя одинъ безграмотный гражданинъ, свобода его невѣрна и будущее сомнительно (Pestalozzi et sa vie. Genéve 1851 г. стр. 70). Въ этихъ словахъ шестидесятилѣтняго старика, свидѣтеля необыкновенной эпохи, таится много смысла; независимость заключается не въ формамъ жизни, а въ нашей душѣ и убѣжденіяхъ. Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ произволъ и случай. Изъ всего этого слѣдуетъ, что воспитаніе народа есть первая основа истинной цивилизаціи и единственное ручательство за успѣхъ ея».

— «О средствахъ къ распространенію грамотности». — Эта статья замѣчательна по мысли, *печатно*-выраженной, сколько намъ помнится, еще въ первый разъ,—мысли, съ которою, если она только будетъ приведена въ исполненіе, улучшится матеріальный бытъ народа и возвысится нравственное его состояніе, а именно, что самою дѣйствительною мѣрою къ распространенію грамотности въ нашемъ народѣ было-бы *освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія грамотныхъ людей податныхъ сословій.* Вѣроятно, такъ думаютъ и всѣ истинно-образованные Русскіе люди. «Чтобы отличить гра-

мотныхъ людей отъ неграмотныхъ, говоритъ авторъ, нужно будетъ, разумѣется, выдавать первымъ свидѣтельства въ знаніи грамоты (отъ школъ или особыхъ, именно для этого учрежденныхъ, комитетовъ). Взимая при выдачѣ ихъ извѣстную плату — напр. хоть 5 руб. за каждое, правительство легко можетъ получить значительныя суммы, которыя съ распространеніемъ грамотности будутъ увеличиваться, и суммы эти можетъ, нисколько не стѣсняя себя, употреблять на учрежденіе народныхъ школъ. Представляя средства для учрежденія школъ, мѣра эта въ то-же время послужитъ и поощреніемъ къ ученію: народъ, видя, что именно ученію онъ обязанъ освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія, будетъ учиться гораздо охотнѣе. Плата за свидѣтельства, не будучи обязательною, не составитъ налога, а слѣдовательно не можетъ быть обременительна для народа. Предоставленіе правъ учащимся не новость. Императоръ Николай I предоставилъ лицамъ всѣхъ сословій, получившимъ ученыя степени, гораздо больше не только личныхъ, но и служебныхъ правъ, которыя теперь распространены и на Евреевъ. Мѣра эта не можетъ послужить къ ослабленію власти; власть, необходимость которой сознается, конечно, прочнѣе власти, поддерживающейся матеріальною силой. Притомъ тѣлесное наказаніе допускается не столько потому, что оно незамѣнимо, сколько съ цѣлью знакомить массу народа съ властью и карательными законами — такъ-какъ при безграмотности народа для этого нѣтъ никакихъ другихъ средствъ. Число преступленій отъ этого не увеличится, чему доказательствомъ можетъ служить статистика преступленій любаго государства, показывая, какъ ничтожно число грамотныхъ преступниковъ въ сравненіи съ числомъ неграмотныхъ. Да и странно было-бы предполагать, что освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія низшихъ сословій увеличитъ число преступленій, когда этого не было у насъ при освобожденіи и купечества первыхъ двухъ гильдій: оба эти сословія въ эпохи своего освобожденія едва-ли выше стояли въ умственномъ и нравственномъ развитіи, нежели грамотные люди низшихъ сословій въ наше время. Наконецъ, если въ народныхъ школахъ не будутъ употребляться тѣлесныя наказанія, то народъ, не привыкая къ нимъ съ дѣтства, еще легче будетъ обходиться безъ нихъ въ зрѣломъ возрастѣ».

— «Письма изъ Берлина. IV». — Это письмо г. Бабста посвящено разсмотрѣнію Прусскимъ регулативъ. «Прусскія регулативы, гово-

ритъ онъ, изданныя какъ законъ въ октябрѣ 1854 г. министерствомъ Раумера, явились вслѣдствіе § 26 Уложенія, по которому долженъ былъ состояться особенный законъ, опредѣляющій всю систему воспитанія въ Пруссіи. Онѣ задуманы вполнѣ въ духѣ реакціи, наставшей вслѣдъ за событіями 1848 г.; но образованіе общественное такъ велико въ Пруссіи, что только люди, хорошо знакомые съ этою страною, разглядятъ въ регулативахъ шагъ назадъ, подмѣтятъ тайную серьезную мысль останавливающихъ теорій. Тутъ не нарушенъ здравый смыслъ, который часто забывается реакціей; тутъ нѣтъ ничего дикаго, хлопающаго по ушамъ; въ другой странѣ на регулативы можно-бы смотрѣть, какъ на успѣхъ; здѣсь-же видятъ въ немъ реакцію, которая тѣмъ злѣе, чѣмъ хитрѣе. Въ этихъ регулативахъ преимущественно выражается осужденіе прежней педагогической системы, которая вытекла изъ духовнаго движенія времени. Но въ современности и вообще во всей общественной жизни *замѣтно сильное измѣненіе*, говорятъ составители регулативъ, а потому и школа должна измѣнить свои основанія, т.-е., Прусское министерство видитъ въ прежнемъ воспитаніи соучастника въ движеніяхъ 1848 г.: это скрытая, но существенная мысль регулативъ. Какъ-будто все то, что мы видѣли въ современности, не явилось вслѣдствіе прошедшаго, какъ-будто оно не развилось изъ прежняго. Современность не желаетъ насильственныхъ перемѣнъ, извнѣ, а только свободнаго, дальнѣйшаго движенія впередъ. Въ отношеніи школы, это высказывается во многихъ фактахъ, сильно-замѣтныхъ въ Пруссіи и совершенно противныхъ тайному и явному желанію регулативъ ограничить предметы преподаванія въ народныхъ школахъ: въ увеличеніи потребности въ реальныхъ школахъ; въ изученіи новыхъ языковъ, даже въ сельскихъ обществахъ, требуемомъ развитіемъ промышлености; въ общемъ интересѣ къ естественнымъ наукамъ; въ развитіи воскресныхъ школъ, въ общемъ индустріальномъ направленіи, въ распространеніи любви къ чтенію и проч. Все это говоритъ противъ регулативъ, которыя какъ-бы недовольны быстрыми шагами времени къ успѣху. Жизнь народа, говорятъ онѣ, требуетъ обновленія на основаніи вѣчныхъ истинъ христіанства, какъ-будто прежняя жизнь народа, а слѣдовательно и школа развивались иначе. Въ прежней школѣ регулативы видятъ много лишняго, ложнаго, даже языческаго. Разсматривая эти регулативы, легко замѣтить, что педагогическія начала ихъ стоятъ въ прямомъ противорѣчіи

со всею прежнею Нѣмецкою педагогикой, имѣвшею такое строгое развитіе. Прежняя педагогика вытекла изъ общаго духовнаго содержанія, того духа просвѣщенія и любви къ человѣчеству, которымъ были проникнуты такъ-называемые философы XVIII вѣка. Стоитъ только вспомнить, въ какомъ отупленіи, мракѣ и суевѣріи находилась масса народа въ этотъ вѣкъ философіи, когда образованіе и наука были достояніемъ незначительнаго числа избранныхъ счастливцевъ. Воспитательная школа Песталоцци сдѣлала чрезвычайно много для народнаго образованія. Она вооружилась противъ механизма прежней системы, противъ систематическаго отупленія и оглупленія человѣчества. Ее встрѣтили радостно, съ полнымъ участіемъ; ея дѣятельности вѣрили до настоящаго времени. Въ развитіи этой системы принимали участіе лучшіе умы въ Германіи, справедливо называемые воспитателями народа; имена ихъ съ почетомъ упоминаются въ исторіи педагогики. Новая теорія регулативъ, забывая, что воспитаніе также подчинено закону развитія, отрицаетъ идею, содержаніе ученія и методу ученія прежней педагогики. Идея послѣдней была образованіе человѣка; регулативы считаютъ эту идею пустою обстракціей, тогда-какъ общее образованіе есть требованіе всего Германскаго духа. Относительно религіознаго воспитанія, наприм., прежняя Нѣмецкая педагогика, принимая сущность и духъ христіанства за основаніе, не обращала вниманія на различіе исповѣданій, предоставляя это дѣло особенной заботѣ лицъ духоваго званія; въ глазахъ ея выше всего стояло достоинство человѣческое, почему такое воспитаніе и называлось общечеловѣческимъ, *гуманнымъ*. Да и государству прежде всего и болѣе всего необходимы граждане; оно основываетъ общія школы. Нравственность не зависитъ отъ исповѣданія. Въ Соединенныхъ Штатахъ религіозное воспитаніе дѣтей есть дѣло домашнее, а не школы, и, между-тѣмъ, изучавшіе нравственность и религіозность въ этой странѣ поражались обиліемъ достигнутыхъ тамъ результатовъ. Регулативы считаютъ такое направленіе абстрактнымъ, утопическимъ; онѣ хотятъ дѣйствительности, реальнаго специфическаго воспитанія въ духѣ лютеранизма, кальвинизма, католицизма и проч. У нихъ, вмѣсто здравой, общей человѣческой педагогики, является педагогика административная, бюрократическая, съ узкими цѣлями. Что касается до содержанія ученья, то прежняя педагогика въ исторіи и географіи, напр., обращала главное вниманіе на общія свѣдѣнія

регулативы подчиняютъ общее частному; онѣ не хотятъ, напр., знать общей исторіи, считаютъ ее выше сферы школьныхъ учителей и ограничиваются только исторіей той страны, къ которой принадлежитъ школа. Такимъ образомъ, регулативы отрицаютъ общее образованіе, на идеѣ котораго основано все Германское воспитаніе, всѣ университеты, гимназіи, реальныя школы, однимъ словомъ, вся Нѣмецкая наука. Это общее образованіе для регулативъ—пустой, ложный абстрактъ. Легко видѣть, что регулативы мало цѣнятъ науку, ибо не ее онѣ имѣютъ въ виду, а только измѣненіе прежняго образа воспитанія народнаго. Онѣ отрицаютъ пользу педагогики, какъ науки, пользу психологіи, столь необходимой учителю, имѣющему дѣло съ душевными способностями питомца. Образованіе учителя не увеличено ими, а умалено. Всѣ правила, все стремленіе, весь регулативъ заключается въ томъ, чтобы воспитать человѣка въ любви и привязанности къ налично-существующему, къ минутному; онѣ задуманы съ узкою консервативною мыслью, и всякій раціонализмъ, всякій либерализмъ противенъ ихъ началамъ. Для нихъ существующее является совершеннымъ, превосходнымъ; всякая мысль совершенствованія должна быть чужда юношеству; воспитаніе, говорятъ онѣ, рождаетъ высокія стремленія, идеализацію, вслѣдствіе чего кажется невозможнымъ всякій общественный успѣхъ. Но человѣкъ, выходя изъ школы въ жизнь дѣятельную, принимаясь за работу на пользу родной страны, долженъ-же носить въ груди своей идею выше, чѣмъ слѣпая вѣра въ непогрѣшимость всего окружающаго. Гдѣ-же возьметъ онъ благородныя побужденія для своей дѣятельности? Примѣните эту систему воспитанія къ странѣ свѣжей, молодой, гдѣ столько неразработанныхъ, дикихъ, но могущественныхъ силъ зарыто въ природѣ, гдѣ условія общественнаго быта требуютъ безконечной работы многихъ поколѣній, съ теплою, сердечною вѣрой въ успѣхъ и совершенствованіе, съ отрицаніемъ всего важнаго въ окружающемъ, — попробуйте воспитать по регулативамъ юношество такой страны, и если вы не погубите его, то надолго свяжете его по рукамъ, остановите развитіе, и когда пробьетъ часъ для общей дѣятельности въ великомъ общественномъ дѣлѣ, вы увидите только безсиліе, апатію или мелкіе корыстные разсчеты, вы услышите только нестройные крики. Такая цѣль, какъ увѣренность въ совершенствѣ определенной дѣйствительности, — слишкомъ низка для воспитанія. Она увѣчитъ душу народа. Регулативы хотятъ вос-

питать человѣка только для извѣстнаго исповѣданія, для извѣстной общественной формы; онѣ выпускаютъ изъ виду вѣчное, непреложное, которымъ только и должно опредѣляться воспитаніе. Онѣ желаютъ для каждаго вѣроисповѣданія особой школы (чистая противоположность сѣверо-Американскому воспитанію). Субъективность воззрѣнія—страшный призракъ для регулатива; всякая свобода мысли для нихъ подозрительна. На основаніи своей руководительной мысли, регулативы отвергаютъ всякое формальное ученіе, всякое формальное стремленіе въ ученіи.... Мысль общаго образованія формальнымъ развитіемъ считаютъ недѣйствительною, даже ложной. Это формальное направленіе ученія, стремящееся развить и укрѣпить душевныя способности, силу сужденія, разсудокъ, разумъ всегда былъ задачей Нѣмецкой педагогики, всегда было цѣлью лучшихъ воспитателей, желавшихъ, чтобы силы ученика укрѣпились на материкѣ ученья. Прежнему рабскому и слѣпому заучиванію наизустъ положила конецъ школа Песталоцци, сооласная съ духомъ времени. Она первая вооружилась противъ страдательнаго воспринятія и первая заговорила о развитіи умственныхъ силъ ученика. Этой здравой методѣ, кажется, противоположна метода регулатива, *желающая перемѣны.* Въ религіозномъ ученіи, между-прочимъ, она увеличиваетъ значительно массу матеріала и особенно напираетъ на твердое, слово-въ-слово, заучиваніе его, забывая психологическій фактъ, что разсудокъ стоитъ выше памяти, что насильственно-развивая память, она ослабляетъ силу разсудка. Причинъ подобнаго измѣненія методы регулатива не сообщаютъ, и потому открываютъ обширное поприще догадкамъ и подозрѣніямъ на-счетъ нравственной цѣли ихъ самихъ. Главный упрекъ со-стороны регулативъ, дѣлаемый всей Нѣмецкой педагогикѣ, состоитъ въ томъ, что она слишкомъ много заботилась объ абстрактномъ содержаніи; но этотъ упрекъ можно съ полнымъ правомъ обратить на нихъ самихъ. Возьмемъ въ примѣръ предметы религіознаго ученія. Въ немъ самое важное, по требованію регулативъ, есть заучиваніе наизустъ Лютерова катихизиса, не только текстовъ и изреченій, но и множества церковныхъ гимновъ абстрактнаго содержанія. Много-ли практическаго, принимая въ соображеніе дѣтскую натуру, въ слѣдующемъ первомъ вопросѣ Гейдельбергскаго катихизиса: «Въ чемъ заключается единственное утѣшеніе въ жизни и смерти?» а между-тѣмъ Эрлангенскій профессоръ Карлъ фонъ-Раумеръ совѣтуетъ

занимать ребенка такими вопросами съ трехлѣтняго возраста. Много-ли практическаго въ желаніи регулативъ, чтобъ ученики *сами въ себѣ переживали библейскіе разсказы и событія?* Какъ странно звучитъ, напр., въ устахъ маленькихъ дѣтей Берлинскаго пріюта евангелическій гимнъ, начинающійся такъ: «О глава, полная крови и ранъ!» Символическія книги евангелической церкви и согласное съ ними содержаніе духовныхъ гимновъ, — напр. заключающаяся въ первыхъ вѣра въ тѣлесное существованіе дьявола, породившая въ средніе вѣка инквизицію и процессы вѣдьмъ —рекомендуются регулативами. Въ этомъ случаѣ онѣ хотятъ только страдательнаго воспринятія развитія одной памяти насчетъ другихъ способностей. Не говоря уже о томъ, что Римскій и Гедельбергскій катихизисы смотрятъ враждебно другъ на друга, еретиками и развиваютъ такимъ образомъ въ дѣтяхъ ненужную политическую ревность, въ заучиваньи дѣтьми 40, 50 церковныхъ гимновъ наизустъ, да еще по старымъ первоначальнымъ текстамъ, гдѣ заключены опыты жизни и чувства, чуждые дѣтскому возрасту, содержаніе которыхъ стоитъ выше этого возраста, кажется немного практическаго, и регулативы еще вооружаются противъ сократической методы ученія, единственно-вѣрной при развитіи духовныхъ силъ. Съ нею ученикъ не останавливается на одномъ знаніи частностей; онъ подымается выше —. къ общей мысли, къ самомышленію; процессомъ мышленія она развиваетъ въ ученикѣ умственную силу, не механическимъ заучиваніемъ наизустъ, а возбужденіемъ его собственной мыслительности. Не странно-ли кажется это повтореніе всѣмъ извѣстныхъ истинъ, отвергаемыхъ регулативами, и гдѣ-же? — не въ какой-либо *темной* странѣ, а въ Пруссіи, «государствѣ разума»? Такъ сбиваетъ съ толку реакція. Какъ непрактичны мѣры министра Раумера видно и изъ того, что регулативы ограничиваютъ до крайности преподаваніе геометріи въ народной школѣ и естественныхъ наукъ въ учительскихъ семинаріяхъ; послѣднее привязываютъ они къ одному незначительному учебнику, и это посреди націи, которая гордится дѣятельностью Гумбольдта, и въ то время, когда развитіе промышлености вызываетъ заботы правительствъ, когда естественныя науки имѣютъ такое близкое примѣненіе къ техникѣ. Главный недостатокъ всѣхъ мѣръ, предписываемыхъ регулативами, заключается въ томъ, что онѣ берутъ за образецъ и основаніе слишкомъ незначительную и недостаточную одноклассную сельскую

школу. Регулативы, кажется, довольны самою меньшею степенью знаній; онѣ отвергають всякое стремленіе, отказываются отъ всякихъ высшихъ требованій въ-отношеніи къ учителямъ. По-этому, на послѣднихъ вліяніе ихъ было печально; онѣ парализировали въ нихъ дѣятельную силу, стремленіе и энергію. Ни одно сословіе въ составѣ государственной жизни не нуждается такъ въ поощреніи, одобреніи и общей признательности, какъ классъ учителей. Они тогда только могутъ назватися настоящими учителями и воспитателями, когда въ головѣ ихъ и сердцѣ живетъ идеалъ дѣятельности. Регулативы—необходимое проявленіе консерватизма; мысль ихъ — измѣнить прежнее воспитаніе на новое, въ духѣ охранительномъ. Регулативы не представляются результатомъ творящаго духа времени; онѣ вытекали изъ способа воззрѣнія партіи. Все это совершенно противоположно основнымъ началамъ Пруссіи, этого «государства разума»,—страны, развитой протестантизмомъ. Все прошедшее Пруссіи основано на свободѣ мысли, которая была заботою великихъ государственныхъ людей ея, на духѣ изслѣдованія, энергіи, самоопредѣленія, составляющемъ содержаніе протестантизма. Ея университеты, созданныя этимъ духомъ, — лучшіе въ мірѣ; ея школы пользуются заслуженною, всемірною славой. Вся жизнь ея съ 1808 г. дана ей воспитаніемъ народнымъ. Такимъ-образомъ регулативы стоятъ въ противорѣчіи съ убѣжденіями людей, спасавшихъ Пруссію во время войны за освобожденіе. Что казалось имъ опаснымъ — теперь является, съ точки зрѣнія Раумера, спасительнымъ для страны. Штейнъ, которому памятникъ скоро поставятъ въ Берлинѣ, былъ проникнутъ уваженіемъ къ старой педагогической школѣ Песталоцци. Онъ былъ убѣжденъ, что только она одна можетъ образовать людей-гражданъ. Это можно видѣть изъ переписки его съ принцессою Вильгельминою, Шлейермахеромъ, В. Гумбольдтомъ, и пр. Вотъ почему старая партія—нынѣ лучшая партія въ Пруссіи. Нападая на существенную сторону регулативъ, на тотъ вредъ и недостатки, которые онѣ должны принести воспитанію народному, нельзя однакожь не указать и на хорошія стороны ихъ, которыхъ, впрочемъ, немного. Между ними особенную благодарность заслуживаетъ, во-первыхъ, частое повтореніе требованія, чтобъ учители были практически-развиты,—что очень важно въ странѣ, гдѣ преобладаетъ теоретическое направленіе, хотя это требованіе выражено и несовсѣмъ послѣдовательно. Во-вторыхъ, желаніе, чтобъ ученіе было основа-

тельно, элементарно, чтобъ не было переходовъ къ дальнѣйшему пока вполнѣ не усвоенъ ближайшій матеріалъ. Наконецъ постановленіе, чтобы въ учительскихъ семинаріяхъ вовсе не была преподаваема система педагогики, какъ она преподается профессорами университета, въ формѣ догматической. Такая система не годится даже для учителей гимназіи: это предметъ научнаго изученія и для практической дѣятельности онъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Особенно важно то, что регулативы указываютъ на развитіе въ будущемъ учителѣ *устнаго выраженія*, какъ на самое существенное условіе, и требуютъ большой *наглядности* преподаванія, нападая на отвлеченность его. Но эта наглядность создана была еще системою Песталоцци, и требованіе регулативъ не ново. Тутъ онѣ сами себѣ противорѣчатъ, заставляя воспитанниковъ заучивать абстрактные церковные гимны наизустъ. Но, не смотря на многія хорошія стороны свои, регулативы, по духу своему и направленію, заслуживаютъ вполнѣ осужденія и справедливо вызвали ѣдкую критику Дистервега, стоящую выше всего того, что было сказано его противниками и особенно совѣтникомъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія Стилемъ, который и составилъ, по порученію начальства, самыя регулативы. Дистервегъ почти такъ формулируетъ свое обвиненіе регулативъ: «онѣ не соотвѣтствуютъ, по содержанію и духу, по направленію и формѣ своимъ: ни требованіямъ разума относительно общечеловѣческаго образованія, ни современному развитію образованныхъ народовъ, ни Нѣмецко-національному чувству юношества, ни свободному развитію человѣческой природы, ни наукѣ, ни здравымъ педагогическимъ теоріямъ, ни ожиданіямъ учителей, ни требованіямъ родителей и общества, ни историческому прошедшему страны, ни конституціонному ея настоящему». Регулативы какъ-бы представляютъ собою осуществленіе требованій знаменитаго Вольфганга Менцеля, который, въ своихъ реакціонерныхъ иллюзіяхъ, доходилъ до того, что считалъ достойнымъ ссылки учителя, объясняющаго народу причину происхожденія дождя, а тѣмъ, которые держались сократической методы развитія, совѣтовалъ воздвигнуть памятники, какъ «развратителямъ народа» (1854 г.). Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые не желаютъ ничему учить народъ. Противъ содержанія и духа регулативъ возстаютъ и образованные учители, и Нѣмецкая педагогика, и литература съ ея гуманными началами, и самая мысль вѣка, сдѣлавшаяся достоя-

ніемъ всѣхъ образованныхъ людей. Можно-ли, въ виду такихъ противниковъ, сказать въ слѣпой гордости, что тотъ, у кого въ рукахъ школа, владѣетъ будущимъ страны? Можно-ли, измѣнивъ школу, измѣнить вѣкъ и его содержаніе? Не будетъ-ли это жалкой фразой? какое-бы вліяніе ни оказывала школа на жизнь—послѣдняя все-же сильнѣе первой. Не смотря на ловкость и хитрость, завѣщанныя великимъ реакціонныхъ дѣлъ мастеромъ Меттернихомъ,—реакція не можетъ убить движенія и развитія: она только тормозитъ ихъ. Противъ могущественныхъ требованій жизни не устоитъ никакая насильственная мѣра, какъ-разъ позорно оборвется ложная теорія, когда нанесетъ ей горькій урокъ моментъ исторической жизни народа. Глубокая благодарность должна быть тѣмъ воспитателямъ, тѣмъ людямъ, владѣющимъ воспитаніемъ цѣлой страны, которые въ своей дѣятельности, въ своихъ «регулативахъ», не дожидаются тяжелыхъ уроковъ исторіи, и сознательно ведутъ впередъ школу и воспитаніе по свѣтлой и широкой дорогѣ развитія, которые не сбиваются съ прямаго пути ложными теоріями, созданными въ духѣ партіи, реакціи и консерватизма, а прислушиваются къ ходу исторіи, къ ея требованіямъ, къ голосу общественнаго мнѣнія. Все, что противно этимъ историческимъ дѣятелямъ, лишено жизни, подвержено ранней, печальной смерти. Для чего-же напрасно работать на тлѣніе?—Какая печальная роль въ исторіи—портить поколѣнія! «Уже чрезъ три года я не узналъ своихъ учениковъ» говоритъ Дистервегъ. При такой системѣ, какова проповѣдуемая регулативами, исчезаетъ самостоятельность и любовь къ труду въ учителяхъ; убивающее вліяніе проходитъ чрезъ всю ихъ дѣятельность. Они дѣлаются или педантами, забывая живыя требованія и содержаніе времени, или отказываются отъ своего призванія, отъ своего гражданскаго достоинства. Ихъ дѣло—скучная служба, отъ которой только какъ-бы поскорѣе отдѣлаться и вновь перейдти къ жалкому эгоизму покоя и лѣни. Они не сообщатъ ученикамъ своимъ живой мысли, страстной любви къ истинѣ и наукѣ, теплой вѣры въ успѣхъ. Какихъ учениковъ они образуютъ? Губительный поворотъ съ 1849 г. именно какъ-будто прямо добивался подобныхъ явленій. Реакція чрезвычайно усилилась въ эти темные годы. Она подымаетъ гордо голову. Посмотрите, какъ извѣстный Галльскій профессоръ Лео, братъ по духу Вольфгангу Менцелю, утѣшаетъ себя и своихъ единомышлениковъ въ томъ, что ихъ партія проиграла въ послѣдніе либеральные

Прусскіе выборы; онъ возвышается до паѳоса: «Мы-же не станемъ скорбѣть о нашемъ глупомъ пораженіи при выборахъ, но скорѣе радоваться побѣдѣ, достигнутой нами этимъ пораженіемъ, ибо наши ряды очистились отъ людей двусмысленныхъ. Мы можемъ радостно воскликнуть, какъ христіанскія общины во-время ихъ перваго значительнаго распространенія во всѣхъ слояхъ общественныхъ: «Вчера мы были ничто, а сегодня мы въ вашихъ судахъ, въ вашихъ дворцахъ, въ вашихъ хижинахъ»! За сорокъ лѣтъ мы также были ничто; во всей Германіи не было ни одного консервативнаго человѣка въ теперешнемъ значеніи этого слова; пишущій это самъ былъ абстрактнымъ, безразсуднымъ демократомъ, — а теперь мы на амвонахъ и на каѳедрахъ, въ совѣтѣ и судахъ, въ войскѣ, въ тысячѣ книгъ, въ журналахъ, вездѣ распространенныхъ. Мы и во дворцахъ королей, и въ хижинахъ работниковъ. Вчера еще были ничто, а сегодня мы сила и могущество...» Страшно за человѣчество, когда подумаешь, что̀ написано на знамени этого войска, такъ смѣло идущаго противъ исторіи. Естественно, что появленіе регулативъ — мѣры, измѣняющей все народное воспитаніе, вызвало разные голоса и *pro* и *contra*, такъ-какъ въ Пруссіи свобода печати обезпечена Уложеніемъ; но гораздо больше было голосовъ, защищавшихъ регулативы. Они принадлежали всѣ чиновникамъ министерства народнаго просвѣщенія и педагогамъ, обратившимся въ чиновниковъ, которые этимъ самымъ отрицали прежнюю дѣятельность свою. Особенно было замѣчательно то, что даже многіе либеральные педагоги обратились теперь въ обскурантовъ: вотъ что значитъ перемѣна начальства. При теперешнемъ, можетъ быть, болѣе либеральномъ министрѣ, Бетманъ Гольвегѣ, и они, пожалуй, сдѣлаются прогрессистами. Оффиціальные защитники регулативъ дошли до того, что, отрицая развитіе, требовали неизмѣнности преподаваемаго въ школѣ матеріала. Напрасно современные газеты и журналы, понимая значеніе регулативъ, настаивали, чтобъ онѣ были представлены на обсужденіе палатъ. Онѣ получили форму закона и безъ этого обсужденія. Правда, явилось прошеніе, подписанное 116 жителями Дортмундскаго округа, желавшими устраненія регулативъ, и Гаркортъ говорилъ во второй палатѣ, что три регулативы не соотвѣтствуютъ ни основаніямъ истинно-религіознаго воспитанія юношества и народа, ни идеѣ патріотически-Германскаго народнаго воспитанія, ни духу лучшихъ годовъ Прусской исторіи, что въ нихъ явно

отвергаются начала прогресса — но прошеніе и предложеніе Гаркорта были разсмотрѣны только въ комитетѣ народнаго образованія, состоявшемъ изъ 9 членовъ, и, разумѣется, не вызвали къ себѣ сочувствія. Рѣшеніе даже этого комитета не было внесеро на судъ палаты, хотя конечно тогдашній составъ ея и не внушалъ къ себѣ никакого уваженія. Самъ комитетъ заявилъ, что «палаты въ тогдашнемъ составѣ своемъ были *мало способны* разсуждать о постановленіи общаго плана ученія и произнести о немъ окончательное рѣшеніе». Вопросъ о томъ, имѣетъ-ли Прусскій министръ право поступать такъ самовластно и не нарушаетъ-ли онъ подобными распоряженіями параграфы конституціи—не былъ поднятъ. Регулативы имѣютъ характеръ и содержаніе закона, а были введены втихомолку, какъ въ большей части случаевъ, и здѣсь, гдѣ дѣло шло о предметѣ столь важномъ, какъ радикальное измѣненіе народнаго воспитанія, гдѣ законъ касается существенныхъ сторонъ народной жизни, палаты Прусскія показали только свою апатію, свой бюрократическій характеръ, свой чиновничій только смыслъ».

Дѣтская литература пріобрѣла слѣдующія статьи:

Въ Звѣздочкѣ: ***Паукъ,*** М. Каменской (№ 2); ***Англійскій языкъ для дѣтей по методѣ Робертсона.*** Уроки XXIX и XXX (№ 2 и 4); ***Отрывки изъ естественной исторіи*** (№ 2); ***Колонія обезьянъ*** (ibid.); ***Маменькины уроки или всеобщая исторія для дѣтей*** (№ 3); ***Мой дѣдушка и моя бабушка***, А. Вороновой (№ 4); ***Поѣздка верхомъ въ степи южной Америки***, съ Нѣмецк. О. П. (ibid.); ***Облачко***, съ Англ. М. С. (ibid.); ***Американскій плантаторъ и его негры*** (ibid.); ***Цвѣтъ и плодъ*** (ibid.); ***Дитя, унесенное орломъ*** (ibid.). Для младшихъ читателей: ***Какъ въ Нѣмецкой землѣ дѣти проводятъ зиму*** (№ 2); ***Дѣвочка съ мизинчикъ.*** Изъ Андерсена (№ 3); ***Первое письмо маленькой дѣвочки*** (№ 4); ***Маменька и птички*** (ibid.); ***Ласточка и другія птички*** (ibid.); ***Заяцъ и воробей*** (ibid.); ***Сигарка*** (ibid.).

Въ Лучахъ: ***Молитва***, М. К. (№ 1); ***Опасный даръ***, А. Вороновой (ibid. и № 2); ***Вивванія***, Н. С. (№ 1); ***Воспоминаніе о разсказахъ прежняго времени***, А. Вороновой (ibid.); ***Педагогическое значеніе состраданія***, С. Барановскаго (ibid.); ***Мірской хлѣбъ***, М. Каменской (№ 2); ***Разсказы изъ средней исторіи*** (ibid. и № 3); ***Нравы и обычаи Японцевъ***, съ Англ. О. П. (№ 2); ***Мертвый левъ***, съ Англ. Нины Р. (ibid.); ***Второе письмо къ брату***, О. П. (ibid.); ***Райская птичка***, Н. У. (№ 3); ***Мальстремъ*** (ibid.); ***Разсказъ о Шведскомъ***

соловьѣ, съ Англ. О. П. (ibid.); *Англійская Индія* (ibid.); *Вѣрный стражъ*, съ Франц. О. П. (ibid.); *Беркенъ* (ibid.); *Какъ часто Провидѣніе пользуется ничтожными причинами для великихъ послѣдствій* (ibid.); *Какъ обыкновенно обучаютъ языкамъ* (ibid.); *Нѣсколько совѣтовъ хозяйкѣ*, съ Франц. О. П. (ibid.); *Ангелъ и дитя*, съ Франц. Л. Пальмина (ibid.); *Паскаль и его сестры*, съ Франц. Е. Б. (ibid.); *Лукновъ и Дели* (ibid.); *Царь пустыни*, М. С—ской (ibid.); *Отвѣтъ на второе письмо сестры*, О. П. (ibid.); *Золотой вѣкъ дикарей* (ibid.); *Нѣсколько мыслей знаменитыхъ людей* (ibid.); *Что можетъ назваться нравственнымъ*, В. Кузена (ibid.); *Орѣхъ гуру* (ibid.); *Какого труда стоитъ Абиссинскимъ дамамъ придать своей кожѣ менѣе темный цвѣтъ*, съ Франц. М. С. (ibid.).

Въ журналѣ: Часъ досуга: по отдѣлу «Увеселительное чтеніе»: *Зоологическая диковинка, или звѣринецъ Крейцберга въ С. Петербургѣ* (№ 1); *Торжество старости* (ibid.); *Ученыя птицы* (ibid.); *Зоологическій указатель къ игрѣ «Звѣринецъ»* (№ 2); *Двѣ тропинки*, сказка (ibid.); *Заколдованная щука* (ibid.); *Самоѣды въ С. Петербургѣ* (ibid.); *Современная Петербургская новинка: три карлика-актеры* (ibid.); *Оригинальная рождественская елка* (ibid.); *Крыса—мать, хозяйка и архитекторъ* (№ 3); *Стихотворенія:* а) *Кукла*, сказочный разсказъ няни; б) *Будущему воину* (ibid.); *Представленія г. Гуденя у Арабовъ* (ibid.); *Первый ананасъ въ Англіи* (ibid.); *Соколиная охота въ Алжирѣ* (изъ разсказовъ Юлія Жерара) (№ 4); *Народный маскарадъ въ Москвѣ, въ 1763 г.* (ibid.); *Оригинальная мельница* (ibid.); *Птичьи гнѣзда, употребляемыя въ пищу* (ibid.); *Бабочка*, стихотвор. (ibid.); *Совѣты въ стихахъ* (ibid.); *Заклинательница*, разск. Англ. туриста (ibid.); *Содержаніе и усовертенствованіе рыбъ у древнихъ народовъ* (ibid.). Сверхъ-того помѣщено по отдѣлу «Игры и различныя упражненія»—27 статей, по отдѣлу «Фокусы»—17, по отдѣлу «Картонажи» — 7, по отдѣлу «Гардеробъ и рабочій столикъ» — 7, по отдѣлу «Мастерства и искусства»—5, по отдѣлу «Дополненіе библіотеки» — 5 статей и по отдѣлу «Сфинксъ» нѣсколько загадокъ.

Въ Журналѣ для дѣтей: *Волкъ—не волкъ, человѣкъ—не человѣкъ* (№ 1 и 2); *Игральныя карты* (№ 2 и 3); *Странное гостепріимство* (№ 3); *Термиты* (№ 4 и 5); *Пѣсня о славномъ человѣкѣ* (воспоминанія въ путешествіи) (№ 5); *Балы въ сѣверной Америкѣ* (ibid.); *Предразсудокъ* (№ 6 и 8); *Птичка*, стих. Плещеева; *Нива*, стих. Жадовской. Разборъ (№ 8 и 9); *Ая Софія* (изъ путе-

шествія въ Константинополь г. Милюкова, (№ 9); *Очеркъ жизнеописанія Давида Левингстона* (ibid. и № 10); *Пеликанъ* (№ 10); *Что хорошаго въ нашей зимѣ* (ibid.); *Что мнѣ особенно бросилось въ глаза за границей* (№ 11); *Эддистонскій маякъ* (ibid. и № 12); *Внутреннее состояніе Англіи въ концѣ XVII столѣтія* (№ 13 и 14); *Живая трава.* сказка (№ 14 и 15); *Инстинктъ* (№ 15); *Изъ записокъ Французскаго миссіонера въ Техасѣ* (№ 16).

Въ Подснѣжникѣ: *Собраніе чудесъ. Повѣсти, заимствованныя изъ миѳологіи* (часть первая), соч. Американскаго писателя Натаніэля Готорна: I. *На крыльцѣ Тенгльвуда*: *Голова Горгоны*. *Золотая рыбка*. II. *На берегу ручья.—Золотое осязаніе* (съ 3-мя картинками Французскаго рисовальщика Берталя). III. *Рождественскія каникулы. — Царство дѣтей* (со двумя картинками). IV. *Новый слушатель.—Три золотыя яблока* (съ 4-мя карт.) (№ 1 и 4); *Илья Муромецъ*, А. М—ва (№ 1); *Жизнь птицъ во время зимы* (ibid.); *Народныя преданія Грековъ*; *Преданія о Геркулесѣ* (ibid. и № 3 и 4); *Случай изъ жизни Беранже* (№ 2) ; *Старый негръ Тиффъ*. Разсказъ, извлеченный изъ романа Бичеръ-Стоу: «Нравы и обычаи южныхъ Штатовъ» (№ 2 и 4); *Разсказъ о древнихъ Русскихъ паломникахъ*, П. Н. С—на (№ 2 и 4); *Завоеваніе Мексики Фердинандомъ Кортесомъ* (№ 2 и 3); *Деревья-исполины* (№ 3); *Вильямъ Прескоттъ*. Некрологъ (ibid.); *Ребенку* (посвящ. А. М. У—ой), Н. Кельта (№ 4); *Франклинъ* (ibid.); *Термиты* (ibid.).

Въ Собесѣдникѣ: *Молитва Господня* (№ 1); *Зайцы* (ibid.); *Пріятнѣе давать, чѣмъ получать* (ibid.); *Пословицы*: 1) *Береженаго Богъ бережетъ.* 2) *Брось калачъ на лѣсъ, назадъ пойдешь найдешь.* 3) *Не убивши медвѣдя шкуру не продаютъ.* 4) *Не плюй въ колодецъ, пригодится напиться.* 5) *Кто малымъ доволенъ, тотъ у Бога не забытъ.* 6) *Кто родителей почитаетъ, тотъ вовѣкъ не погибаетъ.* 7) *Коли Богъ дастъ, такъ и въ окошко подастъ.* 8) *Нѣтъ худа безъ добра.* 9) *Какъ аукнется, такъ и откликнется.* 10) *Сердце звѣрь, ему не вѣрь.* 11) *Не мявши, не терши не будетъ калачъ.* 12) *Голодъ лучшая приправа* (ibid. и № 3); *Воздухоплаваніе* (№ 1 и 2); *Патагонцы* (№ 1); *Крыловъ* (ibid.); *Шахматная партія въ Индіи* (ibid.); *Стрекоза* (ibid.); *Пещера св. Петра* (ibid.); *Разсказъ другаго путешественника о пещерѣ св. Петра* (ibid.); *Описаніе дѣтскихъ костюмовъ* (ibid. и № 3); *Путешествіе для открытій* (№ 2); *Деревенская ворожея.* Драматич. предст. для домашняго театра (ibid.); *Братья*, восточный разсказъ (ibid.); *Жизнь въ Калькуттѣ* (ibid.);

Три разсказа изъ Американской жизни: 1) *Человѣкъ, заблудившійся въ лѣсу.* 2) *Пожаръ лѣсовъ.* 3) *Ураганъ* (ibid.); *Пѣтухъ* (ibid.); *Гнѣвъ* (№ 3); *Яблоко*, повѣсть (ibid.); *Изгнанники въ лѣсу*, Рида. 1) *Самый обширный лѣсъ.* 2) *Бѣглецы.* 3) *Ядовитыя деревья.* 4) *Ужинъ Гуаке.* 5) *Пуна.* 6) *Быкъ пуны.* 7) *Вакеро.* 8) *Ламы, алпаки, вигони и гуанаки.* 9) *Охота за вигонью.* 10) *Ловля кондора.* 11) *Перуанская дорога въ горахъ.* 12) *Крестъ въ лѣсу.* 13) *Оставленная миссія.* 14) *Гуано и коралловая земля.* 15) *Пальмовый лѣсъ.* 16) *Пальмовый домъ.* 17) *Тапиръ.* 18) *Ядовитыя стрѣлы.* 19) *Молочное дерево.* 20) *Гимнотъ и рыба-людоѣдъ.* 21) *Хина* (ibid. и № 4); *Приключеніе одного путешественника между дикими племенами Колумбіи.* 1) *Плоскія головы.* 2) *Гремучія змѣи.* 3) *Человѣкъ, покинутый въ степи* (№ 3); *Домашній увеселенія: фокусы, вѣчеръ I* (ibid.); *Голоса природы* (поэтическія картины) (ibid.); *Жучька* (№ 4); *Олинька* (ibid.); *Прасковья Григорьевна Лупалова* (ibid.); *Черты изъ жизни торговца невольнаками* (ibid.); *Электромагнитный сторожъ* (ibid.); *Сравненіе различныхъ скоростей* (ibid.); *Грифонъ-ягнятникъ* (ibid.); *Оберегательное средство отъ пожара* (ibid.); *Непостижимая быстрота фотографическихъ изображеній* (ibid.); *Цѣлительное дѣйствіе алоя* (ibid.).

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. С. Пб., въ типографіи III отдѣленія Собств. Е. И. В. канцеляріи, 1858.

Россія, получившая свою религію изъ Византіи, не разрывала никогда духовнаго родства съ своей крестной матерью; по временамъ духовныя связи соединялись съ политическими. Въ этихъ сношеніяхъ прежде всего замѣчается та общая черта, что съ одной стороны не перестаютъ просить, а съ другой — не устаютъ давать, и эта характеристика проходитъ черезъ всѣ времена. Такое явленіе, впрочемъ, довольно естественно: угнетенные и обѣднѣвшіе восточные христіяне не имѣли ни къ кому другому прибѣгнуть, кромѣ Россіи, гдѣ утвердившаяся центральная власть обладала уже настолько средствами, что могла оказывать помощь, точно такъ-же, какъ въ новѣйшія времена, католическіе христіяне востока обращаются за пособіемъ къ Риму и къ католическимъ государствамъ Европы.

Другое обстоятельство, привлекающее на себя вниманіе людей знакомыхъ съ востокомъ, заключается въ томъ, что довольно обильная помощь постоянно посылается изъ Россіи на украшеніе православныхъ храмовъ на востокѣ, и однакожъ тѣ, которые имѣли случай посѣтить эти храмы и монастыри, всегда были поражаемы ихъ убожествомъ и нищетой. Это замѣчаніе отчасти можетъ быть приложено и къ католическимъ храмамъ на Востокѣ. Откуда-же происходитъ это противорѣчіе историческихъ фактовъ съ дѣйствительностью? Когда сообразишь массу пожертвованій и приношеній, сдѣланныхъ какъ правительствомъ Русскимъ, такъ и частными людьми, и когда увидишь бѣдныя пра-

вославныя церкви въ Турецкой имперіи, большею частію представляющія едва поддерживаемую развалину, то невольно возникаетъ въ головѣ вопросъ: куда-же дѣлись всѣ эти богатства, которыя широкою рѣкою лились изъ Россіи на Востокъ? Большею частію, отвѣчаемъ мы на это, благочестивыя приношенія перешли въ карманы Турецкихъ чиновниковъ; они послужили не на украшеніе храмовъ, а на убранство харемовъ, потому-что о малѣйшемъ великолѣпіи церкви христіанинъ на востокѣ не смѣетъ и думать, а долженъ лишь заботиться постоянно платить Турецкимъ властямъ большія суммы только за то, чтобъ было позволено существовать церкви въ самомъ убогомъ видѣ. Въ Турціи всякая малѣйшая передѣлка и поправка въ христіанскомъ храмѣ можетъ быть произведена не иначе, какъ по фирману высокой Порты, за который надобно платить очень дорого, а потомъ еще нужно платить всѣмъ мѣстнымъ властямъ, которыя имѣютъ право вмѣшиваться въ это дѣло, и такимъ образомъ ничтожная починка, стоющая не болѣе десяти рублей, обходится въ нѣсколько тысячъ рублей, а иногда даже и въ десятки тысячъ, если по-несчастію въ это дѣло вмѣшается соперничество другихъ христіанскихъ исповѣданій, потому-что тогда приходится платить за нѣсколько фирмановъ. Особенно передѣлки въ Іерусалимскомъ храмѣ соединены съ большими затрудненіями и издержками. Нѣкоторою долею вспоможенія, высылаемыя изъ Россіи, шли на содержаніе православнаго духовенства на Востокѣ, потому-что не всегда паства имѣла достаточно средствъ къ содержанію своихъ пастырей. Это прискорбное явленіе происходитъ также преимущественно отъ угнстенія Турецкаго: постоянно обираемые и подавленные Турецкимъ владычествомъ христіяне Востока мало имѣютъ возможности къ увеличенію матеріальнаго капитала. Невѣжественное состояніе, въ которомъ они находятся и которому виною всего болѣе Турки, никакъ не допускаетъ развитія вещественныхъ богатствъ. Конечно, христіанское духовенство, составляющее на востокѣ ближайшаго попечителя о христіанахъ, могло-бы дѣйствовать спасительно на распространеніе просвѣщенія посредствомъ народныхъ школъ, а черезъ это и на увеличеніе матеріальнаго благосостоянія; но, во-первыхъ, духовенство не всегда имѣетъ средства къ учрежденію и содержанію училищъ, а во-вторыхъ, духовные и сами не обладаютъ тѣми практическими знаніями и науками, которыя необходимы для успѣховъ матеріальнаго процвѣтанія.

Въ разсматриваемой нами книгѣ собраны акты изъ Московскихъ архивовъ о сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ со-времени паденія Константинополя до 1624 года. Изъ этихъ документовъ видно, что наши связи съ давняго времени уже простирались до крайнихъ предѣловъ Востока: такъ въ правленіе великаго князя Василія IV начались сношенія съ отдаленнымъ Синаемъ. Что-же касается содержанія самыхъ грамотъ, то онѣ, какъ мы уже замѣтили, постоянно взываютъ о помощи какъ денежной, такъ и политической — заступничествомъ передъ султаномъ. О жестокомъ обращеніи Турокъ съ христіанами и о гоненіяхъ на христіанскія церкви въ грамотахъ упоминается довольно часто; такъ между прочимъ въ одномъ актѣ 1586 года говорится, что Турки отняли у православныхъ въ Константинополѣ церковь во имя Николая Чудотворца и что христіане выкупили этотъ храмъ, давши за него шестнадцать тысячъ аспровъ (стр. 180). Наряду съ Турецкими гоненіями замѣчается и междоусобный раздоръ самихъ христіанъ, дающій поводъ Турецкимъ властямъ, къ великому соблазну, вмѣшиваться въ церковныя дѣла православныхъ: такого рода суть напримѣръ событія, о которыхъ говоритъ грамота Константинопольскаго патріарха Ѳеолипта и разсказъ патріарха Іереміи. Вотъ отрывокъ изъ первой:

«Извѣстно буди вамъ, что патріархъ Антіохійскій, господинъ Михаилъ, оставилъ патріаршество своимъ произволеніемъ, что намъ повѣдано отъ блаженныхъ патріарховъ Александрійскаго и Іерусалимскаго, и отъ многихъ архіереевъ, что они, соборовавъ и избравъ по достоинству, поставили въ патріарха пресвятѣйшаго митрополита Іоакима, по закону нашему, какъ мы его видѣли мужа святаго и благочиннаго; но, ненавистника христіанскаго діавола наученіемъ, человѣкъ нѣкій въ Халеппѣ, по имени Григорій, исполся зла и смутилъ бывшаго патріарха Михаила, подняль его, и онъ началъ просить бывшей своей власти, которую самъ сдалъ, и многіе убытки учинилъ Божіей церкви, восемь тысячь золотыхъ.» (Стр. 175).

Разсказъ патріарха Іереміи заключается въ слѣдующемъ:

«Былъ я на патріаршествѣ въ Царьградѣ и, по моимъ грѣхамъ и ради грѣха всего христіанства Греческаго, возмутился салтанъ Турскій на церковь Божію. Виною же всему Гречанинъ, бывшій у меня подъ началомъ, который бѣжалъ и обусурманился и сдѣлался капуджи у салтана; онъ началъ наносить ему многія

ложныя слова на меня и возводить великія богатства и сокровища и обличать великое украшеніе въ той церкви, гдѣ прежде меня жили патріархи, говоря, что утвари сей нѣтъ цѣны и числа. Къ тому-же сталъ и Ѳеолиптосъ подкупать пашей, чтобы учинили его въ Царьградѣ патріархомъ, а онъ будетъ давать салтану, сверхъ прежней дани, двѣ тысячи золотыхъ. Я же, въ старости моей, хотѣлъ уже оставить престолъ свой и избрать инаго на мое мѣсто съ согласія всѣхъ патріарховъ, митрополитовъ и всего освященнаго собора, по прежнему обычаю. Но Турскій салтанъ нарушилъ грамоты прародительскія, кои даны были патріархамъ при взятіи Царяграда, чтобы въ духовные чины ни въ чемъ не вступаться, и велѣлъ быть Ѳеолиптосу, безъ нашего собора, патріархомъ. Когда же я сталъ о томъ много и жестоко говорить пашамъ, чтобы не рушить грамотъ дѣдовскихъ, Муратъ салтанъ учинилъ волненіе на церковь Божію, и на меня опалу возложилъ, послалъ на Бѣлое море на островъ Родосъ, и тамъ сидѣлъ я въ опалѣ четыре года. А въ то время въ Царѣградѣ былъ патріархъ Ѳеолиптосъ; на пятый годъ же салтанъ его отставилъ и разграбилъ церковь Божію и все церковное строеніе, учинивъ въ ней мечеть, а за мною прислалъ, чтобы мнѣ опять быть въ патріархахъ. Я пріѣхалъ въ Царьградъ, вижу Божія церковь разорена и строятъ въ ней мечеть, все достояніе разграблено, кельи обвалились. Тогда сталъ присылать ко мнѣ салтанъ, чтобы мнѣ устроить патріаршую церковь въ иномъ мѣстѣ въ Царѣградѣ; а мнѣ строить нечѣмъ, что было казны, все расхищено, и я съ приговору соборнаго билъ челомъ салтану, чтобы мнѣ позволилъ идти, ради милостыни на церковное строеніе, въ христіанскія государства, и онъ меня отпустилъ.» (Стр. 196 — 198).

Кромѣ религіозныхъ междоусобій, въ грамотахъ находятся свидѣтельства антагонизма расъ, хотя-бы и одновѣрческихъ: преимущественно это замѣтно, какъ и въ новѣйшія времена, между Греками и Славянами Турецкими. Послѣдніе жалуются на притѣсненія, которыя чинятъ имъ Греки, еще въ грамотѣ 1548 года, слѣдующимъ образомъ:

«И паки плачемся тебѣ царю и государю, умилосердись, окажи милость, пошли до Турецкаго султана свое царское слово, дабы съ насъ дани не бралъ и пошлинъ, и поклепы бы на насъ отъ его людей не было, а которыя пашни отняли у насъ Греки и зимовница, гдѣ скотъ монастырскій зимою живетъ, то бы намъ Турецкій

султанъ велѣлъ вернуть; отсего монастырь въ конецъ погибъ, тягаясь съ Греками предъ намѣстниками Турецкими; они богаты и Туркамъ великія посулы даютъ и у нашихъ монастырей пашни поотнимали, а наши монастыри нынѣ убоги и не имѣютъ что Туркамъ давать и за тѣмъ у насъ монастырскія отчины поотнимали, какъ скажутъ твоему царству старцы Пантелеймона. Сперва Греческіе монастыри многихъ благъ и богатства насладились отъ святаго Саввы и святаго Симеона, какъ его житіе извѣститъ, а нынѣ Греки наши монастыри не правдуютъ, и о томъ тебѣ царю и государю челомъ бьемъ и плачемся........

«Нынѣ наши монастыри Словенскаго языка, въ Греческой землѣ, пребываютъ въ чуждостранствіи, и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ, безъ своихъ царей и ктиторовъ у безбожныхъ Агарянъ.» (Стр. 66 — 68).

Сверхъ уясненія отношеній между нашей церковью и восточными христіанами, въ числѣ грамотъ находится одна очень любопытная собственно для насъ Русскихъ: это грамота царя Михаила Ѳеодоровича къ Константинопольскому патріарху, въ которой онъ, извѣщая о восшествіи своемъ на престолъ, излагаетъ довольно подробно обстоятельства, предшествовавшія его избранію. Мы приведемъ вполнѣ этотъ замѣчательный актъ:

«Объявляемъ мы, великій государь, вашему архирейству, что въ прошломъ 7106 году, праведнымъ судомъ Божіимъ, великаго князя Феодора Іоанновича, самодержца всея Руси не стало; оставивъ земное царство, отошелъ онъ въ вѣчное блаженство, а на великихъ государствахъ Россійскаго царства учинился царемъ Борисъ, и по вражію дѣйствію, и по злымъ умышленіямъ, и по ненависти Польскаго и Литовскаго короля Жигимонта и пановъ рады, черезъ многое ихъ короля и пановъ нарушеніе крестнаго цѣлованія, явился у насъ нѣкоторый воръ чернецъ, еретикъ именемъ Гришка Отрепьевъ, бѣжавшій въ Литву изъ Московскаго государства, за свои богомерзкія и скаредныя дѣла. Свергнувъ съ себя черное платье и обрученіе ангельскаго образа, и давъ на себя врагамъ рукописаніе, что если не исполнитъ ихъ воли, то будетъ отлученъ отъ Бога, онъ назвался царевичемъ Дмитріемъ Угличскимъ, великаго государя нашего, блаженныя памяти царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Руси самодержца, сыномъ а царевича Димитрія Угличскаго не стало, до того времени за тринадцать лѣтъ. Вражьимъ дѣйствіемъ и умышленіемъ и вспоможе-

ніемъ короля пановъ Рады, дошелъ онъ до царствующаго града Москвы, достигъ царскаго престола и государемъ Московскимъ наименованъ; но служилые и всякихъ чиновъ люди съѣхались изо всѣхъ государствъ въ царствующій градъ Москву, и соединясь единомышленно, обличили того вора и злой смерти его предали. По убійствѣ же его, избраніемъ всякихъ чиновъ всего Россійскаго государства, былъ поставленъ государемъ изъ бояръ, изъ рода Суздальскихъ князей, князь Василій Іоанновичъ Шуйскій; но Жигимонтъ король и паны Рады умыслили наше Московское государство раззорить больше прежняго, нарушивъ перемиріе и преступивъ свое и пословъ своихъ крестное цѣлованіе, которое учинили съ царемъ Василіемъ; наслали они на Московское государство другаго вора, родомъ Жидовина, и назвали его царевичемъ Дмитріемъ, какъ будто это былъ тотъ же, что былъ на Москвѣ и съ Москвы бѣжалъ. Этотъ другой воръ, собравшись съ Польскими и Литовскими людьми, пришелъ подъ Москву и стоялъ таборомъ, города и уѣзды воевалъ и къ Москвѣ приступалъ, а король, вопреки крестнаго цѣлованія, взялъ городъ Смоленскъ и, умысливъ съ измѣнниками Московскаго государства, Михайломъ Салтыковымъ и его совѣтниками, которые измѣнили царю Василію и уѣхали къ королю, писменно приказывалъ боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ: будто онъ, жалѣючи о христіанствѣ, пришелъ въ Московское государство, чтобы его успокоить и кровь унять и быть бы на Московскомъ государствѣ, сыну его, королевичу Владиславу, въ нашей православной вѣрѣ Греческаго закона, и въ вѣрѣ его онъ поручается, и чтобы государскаго чина и поведенія не измѣнять и никакого зла въ Московскомъ государствѣ не дѣлать.

«А какъ царь Василій свое государство оставилъ, было о томъ условлено, чтобы на Московское государство прислалъ королевича и договоръ съ гетманомъ учиненъ и крестнымъ цѣлованіемъ съ обѣихъ сторонъ укрѣпленъ: то король Жигимонтъ и то крестное цѣлованіе преступилъ, сына своего на государство не далъ и самъ отъ Смоленска не отошелъ, а по его повелѣнію, Польскіе и Литовскіе люди и измѣнникъ Михайло Салтыковъ, обманомъ вошли въ Москву, и царь Василій взятъ и отосланъ королю, и царствующій градъ Москву выжили и изсѣкли, и церкви Божіи и всѣ монастыри осквернили и святѣйшаго Гермогена, патріарха Московскаго и всея Руси съ престола свергли и въ заточеніе уморили, и бояръ

и всякихъ чиновъ людей безчисленное множество побили. Потомъ же Московскаго государства бояре и всякіе служилые люди, стоя подъ Москвою, гетмана Карла Хоткеева побили и запасы его не пропустили, и Московское государство очистили отъ Польскихъ и Литовскихъ людей.

«Тогда по Божіей милости, на великихъ государствахъ, на Владимірскомъ и Московскомъ и прочихъ, по племени великихъ государей царей Россійскихъ, по благословенію матери нашей, великія государыни старицы инокини Марөы Ивановны, и по избранію и челобитію царей и царевичей, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, бояръ и окольничихъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ, гостей и торговыхъ людей со всѣхъ городовъ и головъ всего Московскаго государства, учинились мы, великій государь, царь и великій князь Михаилъ Өеодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ, всея Россіи самодержцемъ; понеже мы, великій государь, великаго государя блаженныя славныя памяти царя и великаго князя Ивана Васильевича, всея Россіи самодержца, законныя супруги, великія государыни царицы и великія княгини Анастасіи Романовны Юрьевой, роднаго племянника Өеодора Никитича Романова Юрьева, сынъ. А учинясь мы, великій государь, на нашихъ государствахъ, и желая быть съ великимъ государемъ, Ахматъ салтановымъ величествомъ, въ братской любви и въ крѣпкой дружбѣ и въ любительной ссылкѣ, послали къ нему о государствѣ нашемъ возвѣстить, и о его брата нашего здоровья навѣдаться, и про Польскаго Литовскаго короля Жигимонта и пановъ Рады, о многихъ ихъ неправдахъ объявить, какія они Московскому государству, вопреки крестному цѣлованію, учинили. И къ вашему архирейству наказали мы посланнику нашему извѣстить васъ изустно о всѣхъ бывшихъ въ Россіи смутахъ. Да съ нимъ же послали къ вашему честнѣйшему архіерейству милостыни сорокъ соболей, и ваше архіерейство милостыню сію нашу отъ посланниковъ нашихъ принявъ, молили бы премилостиваго, всещедраго и человѣколюбиваго Бога и пречистую его Матерь, нашу христіанскую заступницу и молебницу къ Богу, и небесныхъ силъ и всѣхъ Святыхъ, Богу угодившихъ, о побѣдѣ на враговъ нашихъ, на Польскихъ и Литовскихъ людей, и о нашемъ царскомъ многолѣтномъ здравіи, чтобы Господь послалъ намъ свыше милосердіе свое и царство наше устроилъ мирно и не мятежно, и ото всѣхъ враговъ непоко-

лебимо на вѣки, и возвысилъ бы нашу царскую десницу надъ всѣми недугами нашими и покорилъ бы подъ ноги наши всѣхъ враговъ, возстающихъ на насъ, и чтобы наша святая и непорочная и честная православная вѣра христіанскаго закона, во всемъ нашемъ Россійскомъ государствѣ, была нерушима по прежнему и все бы православное государство было въ тишинѣ и покоѣ и въ благоденствіи, и наше царское имя предъ всѣми великими государями славилось къ очищенію и къ расширенію и къ прибавленію великихъ нашихъ государствъ, какъ изволила святая его воля. И о нашихъ государскихъ дѣлахъ прошу радѣть, и брата нашего Ахметъ-салтанова величества, пашамъ и ближнимъ людямъ говорить и напоминать и о нашихъ дѣлахъ съ радѣніемъ промышлять, и мы, великій государь, ваше архіерейство нашимъ жалованьемъ не будемъ забывать». (Стр. 330 — 335).

И. БЕРЕЗИНЪ.

Обломовъ. Романъ И. *Гончарова.* С. Пб. 1859.

«Обыкновенная исторія» разомъ поставила г. Гончарова въ число передовыхъ дѣятелей Русской литературы. Десять лѣтъ тому назадъ она произвела много шума въ журнальномъ мірѣ и вызвала предсмертную критическую статью В. Бѣлинскаго. Тогда-же опредѣлились и были замѣчены главныя свойства этого новаго таланта: тонкое, художественное чувство, положившее печать на каждую страницу названнаго произведенія, и вѣрный анализъ всякаго, даже мимолетнаго движенія сердца и мысли. Художественное спокойствіе, разлитое во всемъ произведеніи г. Гончарова, не дающее мѣста искаженному представленію предмета, дало поводъ сказать кому-то, что на г. Гончаровѣ «почилъ духъ Пушкина». Мы не войдемъ въ подробное объясненіе того, насколько справедливо это сравненіе: намъ хотѣлось только указать причину, породившую его. За «Обыкновенной исторіей» скоро появилась повѣсть въ двухъ частяхъ того-же автора: «Иванъ Савичъ Поджабринъ». При разборѣ этого произведенія, одинъ критикъ опять напомнилъ читателямъ разъ усвоенную мысль объ отличительныхъ свойствахъ таланта г. Гончарова. Въ повѣсти дѣйствуетъ смѣшное лицо, проводящее жизнь въ безпрестанной перемѣнѣ квартиръ и пошломъ

волокитствѣ за кѣмъ пришлось. Подобное лицо, очевидно, не стоило того анализа, который былъ такъ умѣстенъ въ болѣе широкомъ сюжетѣ «Обыкновенной исторіи» и критикъ, сожалѣя о напрасно-потраченной силѣ, не преминулъ указать автору на измѣну естественному направленію своего таланта.

Вскорѣ послѣ того г. Гончаровъ напечаталъ коротенькій эпизодъ изъ разбираемаго нами романа, подъ заглавіемъ: «Сонъ Обломова».

Лестный пріемъ, оказанный публикой первому произведенію г. Гончарова, сознательныя похвалы критиковъ, казалось, должны были поощрить молодаго автора на томъ пути, который указывалъ ему собственный «высшій судъ» надъ своимъ первымъ трудомъ. Но въ долгій промежутокъ между 1849 и 1859 годами авторъ только одинъ разъ напомнилъ о себѣ, объѣхавъ кругомъ свѣта и собравши свои путевыя впечатлѣнія въ книгѣ: «Фрегатъ Паллада». Публика не объяснила себѣ такого продолжительнаго молчанія любимаго автора, а нынѣ, держа въ рукахъ его новое произведеніе, уже мало думаетъ объ этомъ вопросѣ. «Лишь былъ-бы хорошъ новый романъ—думаетъ про себя каждый читатель—а тамъ, что за дѣло до огромнаго пространства времени, приготовлявшаго меня къ этому чтенію». Такой читатель, конечно, и правъ, если вспомнить нашу народную сказку объ одномъ богатырѣ, сидѣвшемъ 30 лѣтъ сиднемъ, чтобы выйти потомъ на геройскіе подвиги....

Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о медленности авторской работы, читатель строже смотритъ на самый трудъ долго-молчавшаго автора. Какъ употребилъ авторъ свои силы? Насколько новое его произведеніе отвѣчаетъ потребностямъ времени и искусства? —вотъ вопросы, которые тѣмъ взыскательнѣе разрѣшаются читателемъ, чѣмъ скорѣе помирился онъ съ продолжительнымъ молчаніемъ автора, чѣмъ дальше онъ отъ мысли составлять послужные литературные списки. Но, подступивъ къ роману съ одинаково-строгими требованіями, читатели высказались о немъ совершенно-различно. Однимъ показался онъ скучнымъ и растянутымъ; ихъ удивило то, что въ романѣ нѣтъ *дѣйствія*: герой его почти все время валяется на диванѣ и изъявляетъ очень мало признаковъ жизни. Такіе цѣнители, очевидно, хотятъ еще, чтобы герой романа не складывалъ рукъ отъ усиленной дѣятельности, чтобы все кипѣло и спорилось у него подъ руками, какъ у сказочнаго Монте-Кристо, чтобъ онъ разрушалъ и созидалъ. Другіе, признавая, что не од-

ни только внѣшнія дѣйствія могутъ быть основой романа, любуются той чрезвычайной простотой и легкостью, съ которою авторъ рѣшаетъ самыя сложныя психологическія задачи, ведетъ самыя трудныя, смѣшныя или патетическія сцены. Кромѣ изустныхъ мнѣній послышались печатные голоса, кратко или подробно, прямо или криво, разсуждавшіе о новомъ романѣ. Изъ провинціи принесся одобрительный отзывъ г. Гончарову (От. зап. 1859 г. май), и хотя провинціальный читатель сильно оборвался на отгадкѣ окончанія романа, забывъ Русскую пословицу: «поспѣшишь—людей насмѣшишь», но тѣмъ не менѣе онъ горячо принялъ къ сердцу новое произведеніе даровитаго автора.

Какъ-бы то ни было, но романъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ обществѣ: слово «обломовщина» сдѣлалось нарицательнымъ, мысль автора больше или меньше понята читающей массой. Ясно, что романъ не лишенъ особенно-важныхъ достоинствъ, что въ немъ затронута всѣмъ доступная и всѣмъ интересная сфера современной жизни. Дѣйствительно, талантъ г. Гончарова не истраченъ здѣсь на мелочную, нестоющую его работу, а современная жизнь захвачена въ такихъ широкихъ граняхъ, что ей долго не наполниться новымъ содержаніемъ.

Мы напомнимъ читателямъ сюжетъ романа, чтобы имъ самимъ не трудно было провѣрять наши комментаріи и даже сдѣлать послѣднее заключеніе изъ словъ нашихъ.

Обломовъ—лицо, давшее названіе роману,—представляетъ намъ цѣлый типъ, чисто-Русскій и вполнѣ современный. Илья Ильичъ воспитывался въ глуши, въ далекой Обломовкѣ—одномъ изъ средоточій доморощенныхъ баръ. *Жирная*, неподвижная жизнь окружала его съ ранняго дѣтства, пріучила къ лѣни и умственной безпечности, убаюкала нравственныя силы колыбельными сказками, лѣнивой спячкой окружающихъ людей, ихъ зѣвотой и послѣ-обѣденными вздохами, отъ которыхъ, по выраженію Польскаго писателя, «тухнутъ свѣчи». Образованіе, котораго потребность смутно признавалась въ Обломовкѣ, по уваженію къ его житейскимъ выгодамъ, присутствовало въ дѣтской жизни Обломова какимъ-то сухимъ, убійственнымъ началомъ, прогоняющимъ аппетитъ у мальчика и румяный цвѣтъ съ его личика. Благородное дитя побывало нѣкоторое время «въ наукѣ» у Нѣмца, управлявшаго сосѣднимъ имѣньемъ, да немного вынесло изъ рѣдкихъ и докучныхъ для всего Обломовскаго семейства поѣздокъ. «Умъ и сердце ре-

бенка исполнились всѣхъ картинъ, сценъ и нравовъ Обломовскаго быта прежде, нежели онъ увидѣлъ первую книгу» (Сонъ Обл. Ч. I, стр. 112). Немудрено послѣ этого, что одинъ видъ книги, заслонявшей вкусные Обломовскіе обѣды и безпечную игру въ снѣжки, производилъ въ ребенкѣ тошноту и уныніе. Изображеніе этого періода въ жизни Обломова поражаетъ у автора своей полнотой и отчетливостію. Не забыта ни одна малѣйшая подробность, дающая описанію новую, свѣжую краску дѣйствительности,—и при вторичномъ чтеніи особенно ярко выступаетъ на видъ художественная отдѣлка. Невольно переносишься при этомъ въ свое давно мелькнувшее дѣтство и реставрируешь въ памяти нѣсколько уже поблѣднѣвшія картины.... Мы говоримъ, конечно, про такого читателя, который на дѣлѣ испыталъ всѣ невзгоды и все, подъ-часъ, непреодолимое обаяніе обломовщины, а такихъ читателей очень много.

Но даровитая натура Обломова удержала его отъ окончательнаго паденія: онъ побывалъ-таки въ университетѣ, черпнулъ, сколько хватило силъ, книжной мудрости. Онъ помечталъ вволю о служеніи родинѣ, толковалъ о богатствѣ ея неузнанныхъ и неразработанныхъ силъ, читалъ Шиллера и давалъ читать двумъ хорошенькимъ особамъ, желая развить ихъ своими безкорыстными попеченіями. Но все это было коротенькимъ, хотя и свѣтлымъ, эпизодомъ въ сонной жизни Обломова. Молодая кровь и природная даровитость не могли однѣ загладить слѣдовъ первоначальнаго воспитанія, къ тому-же и въ эту короткую пору Обломовъ отчасти рисовался своими добрыми стремленіями (ч. II, стр, 284). Пока онъ несъ только службишку — «служба» стояла впереди. Служба эта была, конечно, выбрана на поприщѣ административной дѣятельности — давнишней аренѣ молодыхъ дарованій и людей съ преобразовательными наклонностями. Но Обломовъ «до того былъ проникнутъ семейнымъ началомъ, что и будущая служба представлялась ему въ видѣ какого-то семейнаго занятія, въ родѣ, напр., лѣниваго записыванья въ тетрадку прихода и расхода, какъ дѣлывалъ его отецъ» (ч. I, стр. 51).

Между-тѣмъ юношескій жаръ спалъ съ нашего героя: отъ него потребовали не праздныхъ разсужденій, не «открытій въ сферѣ идей», а практической работы, ведущей длиннымъ и скучнымъ корридоромъ къ дальнимъ покоямъ всесильной распорядительной власти. А ему-бы хотѣлось миновать все это, выбрать

какую-нибудь боковую, обходную дорожку, которая-бы скорѣе и надежнѣе привела его къ цѣли, чѣмъ грубая и тяжелая цѣпь долгаго труда, пчелиной работы. При такомъ наивномъ взглядѣ на служеніе общему дѣлу, Обломову, конечно, не посчастливилось на «дѣйствительной службѣ», и онъ очень скоро, отославъ какую-то нужную бумагу, вмѣсто одного города въ другой, принужденъ былъ выйти въ отставку....

Что-жъ дѣлать теперь? Заняться наукой, взять въ руки заброшенное имѣнье и осчастливить хотя триста человѣкъ своихъ крестьянъ за отсутствіемъ болѣе широкой карьеры? — но для этого опять-таки нуженъ трудъ, нужны терпѣніе и сноровка. «Жизнь у Обломова была сама-по-себѣ, а наука сама-по-себѣ», говоритъ намъ авторъ. «Обломовъ не привыкъ къ движенію, къ жизни, къ многолюдству и суетѣ» (ч. I, стр. 55). Наконецъ, «жизнь въ его глазахъ раздѣлялась на двѣ половины: одна состояла изъ труда и скуки—это у него были синонимы, другая—изъ покоя и мирнаго веселья» (ч. I, стр. 50). Первую половину онъ надѣялся пройти кое-какъ, опираясь на триста крѣпостныхъ людей и всякаго добраго человѣка, готоваго принять на свою спину чужое бремя, вторую безраздѣльно присвоивалъ себѣ. Принявъ все это во вниманіе, мы безъ труда поймемъ, что книга скоро начала вываливаться изъ бѣлыхъ ручекъ выхоленнаго барина, имѣніе падало съ году на годъ, а Обломовъ все лѣнился встать съ дивана, дочитать развернутую и запыленную книгу, хлопотать и работать на пользу трехсотъ безгласныхъ, вполнѣ ему ввѣренныхъ существъ. Поэтическія минуты, удѣленныя всѣмъ невполнѣ черствымъ и сколько-нибудь развитымъ натурамъ, тѣ золотыя мгновенія, когда, по словамъ поэта:

.... на сердцѣ радостно, свѣтло,
Какъ-бы эѳирною струею
По жиламъ небо протекло —

все рѣже и рѣже выпадали на долю Обломова. Находя возможнымъ отдѣлаться отъ труда и дѣятельности, для которыхъ отвелъ такой тѣсный и невзрачный уголокъ въ своей жизни, онъ нечувствительно отравлялся имъ-же подготовленнымъ ядомъ, отучился *дѣлать* и *жить*. Вотъ какъ говорилъ онъ про себя и свою прошлую жизнь, когда лѣнивая вседневная дремота окончательно пришибла его нравственныя силы:

....«Въ жизни моей никогда не загоралось ни спасительнаго, ни разрушительнаго огня. Она не была похожа на утро, на которое постепенно падаютъ краски, огонь, которое потомъ превращается въ день, какъ у другихъ, и пылаетъ жарко, и все кипитъ и движется въ яркомъ полуднѣ и потомъ все тише и тише, все блѣднѣе и все естественнѣе, и постепенно гаснетъ къ вечеру. Нѣтъ, жизнь моя началась съ погасанія. Странно, а это такъ? Съ первой минуты, когда я созналь себя, я почувствовалъ, что я уже гасну. Началъ я гаснуть надъ писаніемъ бумагъ въ канцеляріи, гаснулъ потомъ, вычитывая въ книгахъ истины, съ которыми не зналъ что̀ дѣлать въ жизни, гаснулъ съ пріятелями, слушая толки, сплетни, передразниванье, злую и холодную болтовню, глядя на дружбу, поддерживаемую сходками безъ цѣли, безъ симпатіи, гаснулъ и губилъ силы съ Миной: платилъ ей больше половины своего дохода и воображалъ, что люблю ее, гаснулъ въ уныломъ и лѣнивомъ хожденіи по Невскому проспекту, среди енотовыхъ шубъ и бобровыхъ воротниковъ,—на вечерахъ, въ пріемные дни, гдѣ оказывали мнѣ радушіе, какъ сносному жениху; гаснулъ и тратилъ помелочи жизнь и умъ, переѣзжая изъ города на дачу, съ дачи на Гороховую, опредѣляя весну привозомъ устрицъ и омаровъ, осень и зиму — положенными днями, лѣто — гуляньями, и всю жизнь—лѣнивой и покойной дремотой» (ч. I, стр. 285 и 286). Трудно было-бы Обломову выйти собственными усиліями изъ того положенія, въ которое онъ вошелъ такъ послѣдовательно: только сильный толчокъ могъ-бы сдѣлать такое чудо, хотя на нѣкоторое время. Г. Гончаровъ угадалъ эту движущую силу: онъ сблизилъ Обломова съ Ольгой Ильинской....

Но здѣсь мы принуждены сдѣлать маленькое отступленіе, чтобъ объяснить этотъ важный фазисъ въ романѣ. Еще въ дѣтскихъ лѣтахъ, Обломовъ чувствовалъ дружбу къ Андрюшѣ Штольцу, сыну управляющаго надъ сосѣднимъ имѣньемъ, куда возили учиться юнаго барченка. Съ годами дѣтская дружба перешла въ неразрывную нравственную связь, сдѣлалась единственнымъ узломъ, привязывавшимъ Обломова къ жизни. Андрей воспитался подъ самыми счастливыми условіями: съ одной стороны, на него дѣйствовала нѣсколько грубоватая, трудовая жизнь бюргера-отца, съ другой—не оставались безслѣдными и близость Обломовки съ сибаритскими наклонностями ея обитателей, и нѣжныя заботы образованной матери, развивавшей въ ребенкѣ bon-goût и стрем-

леніе къ иной, болѣе возвышенной, артистической и поэтической жизни, безъ сажи и копоти механическихъ производствъ, обвѣянной музыкальными звуками Герца, мечтами о славѣ воина или писателя. Отъ совокупнаго дѣйствія этихъ разнородныхъ причинъ, изъ Штольца не вышелъ ни тяжелоумный ремесленникъ, считающій жизнь добытыми рублями, ни лѣнивый баричъ, не вѣдающій и не желающій вѣдать практической жизни, — а сильный, привлекательный характеръ, стоящій на рубежѣ между указанными личностями, примирившій въ себѣ начала труда и возвышенной умственной жизни. Остается только необъясненнымъ въ романѣ: отчего мать Штольца, гувернантка изъ богатаго дома, съ довольно-аристократическими наклонностями, рѣшилась выйти за Нѣмца-управляющаго, когда «на ея взглядъ во всей Нѣмецкой націи не было и не могло быть ни одного джентльмена»? (ч. I, стр. 257).

Характеръ Штольца діаметрально-противоположенъ характеру Обломова: Штольцъ дѣятеленъ и настойчивъ въ исполненіи мысли, но этой противоположностью онъ еще болѣе привлекаетъ къ себѣ Обломова, видѣвшаго въ немъ единственное годное проявленіе постылой въ остальномъ жизни. Бодрый и всегда дѣятельный Штольцъ не могъ хладнокровно видѣть постепенное паденіе своего друга: испытавъ всѣ мѣры къ его нравственному возрожденію, онъ рѣшился сблизить его съ умной, самолюбивой и рѣшительной женщиной. Онъ разсчитывалъ въ этомъ случаѣ только на одно умственное вліяніе, просмотрѣвъ движеніе чувства, давшее иной исходъ отношеніямъ Обломова къ Ольгѣ. Нѣжность и сердечная чистота со стороны Обломова, самолюбіе и «игра нервъ» съ другой, скоро придали особенную теплоту и искренность этимъ отношеніямъ, и, возбудивъ въ Обломовѣ сильную страсть, вызвали въ Ольгѣ то особенное настроеніе духа, которое прекрасно названо у г. Гончарова «предчувствіемъ любви». Полной, горячей страсти къ себѣ не могъ возбудить Обломовъ: мало душевной силы, мало энергіи вносилъ онъ въ свое чувство, застывшее и неразвивающееся, — но его несомнѣнныя достоинства, его, хотя неспособная на долгія, сознательныя жертвы, но все-же искренняя привязанность должны были отозваться въ душѣ Ольги чѣмъ-то непохожимъ на простую дружбу, чувствомъ болѣе нѣжнымъ и увлекательнымъ.

Но если это чувство не было дружбой по особенной теп-

лотѣ и участію нервъ и крови, — оно-же не могло назваться и любовью въ томъ высшемъ, истинномъ смыслѣ, когда она возвышается до полнаго, безусловнаго совпаденія въ любящихъ лицахъ всѣхъ душевныхъ чувствъ и наклонностей. Подъ вліяніемъ молодости, идеальнаго изображенія, которое Штольцъ сдѣлалъ Обломову, собираясь дѣйствовать на него путемъ сближенія съ умной женщиной, Ольга рѣшилась-было отдаться вполнѣ Обломову.... Но это самозабвеніе не могло долго длиться: природная тонкость и здравость ума скоро помогли Ольгѣ оцѣнить безпристрастно личность Обломова: видя ясно, что любовь не преображаетъ его, что онъ, по-прежнему, уставая и отъ любви, какъ отъ жизни, входитъ въ роль спящаго или скучающаго человѣка, Ольга, дрожа и страдая, высказываетъ ему горькія истины, накопившіяся въ-теченіе многихъ мѣсяцовъ ихъ близкихъ сношеній. Обломовъ съ ужасомъ узнаетъ всю правду сказанныхъ ему словъ и жестокая горячка оканчиваетъ для него болѣе печальную, чѣмъ радостную драму любви. Ольга выходитъ за Штольца.

Вотъ въ короткихъ словахъ сюжетъ, изъ котораго г. Гончаровъ создалъ намъ широкую картину Русской жизни. Отсюда видно уже, что романъ не увлечетъ неожиданностью развязки, разнообразіемъ внѣшнихъ событій, — тѣмъ дешевенькимъ интересомъ, котораго еще такъ недавно съ жадностью искали въ литературѣ многіе изъ нашихъ читателей. Взамѣнъ этого, романъ представляетъ намъ строго-обдуманные характеры, цѣлый рядъ взвѣшенныхъ и анализированныхъ фактовъ, и вслѣдствіе этого ту поучительность, которая не нуждается въ нравственныхъ сентенціяхъ, а прямо и свободно воспринимается общественнымъ сознаніемъ.

Три личности являются намъ на первомъ планѣ произведенія: про нихъ мы исключительно говорили въ нашемъ обзорѣ, опустивъ другія, менѣе важныя, менѣе типичныя. Обломовъ—центръ этого міра: около него сосредоточены всѣ прочіе дѣятели въ романѣ; на немъ пробуютъ свои силы и буйный, вороватый Тарантьевъ, объѣдающій и опивающій Обломова въ ту силу, что они — «земляки», и умный Штольцъ и милая, нѣсколько насмѣшливая, Ольга. Обломовъ, сказали мы, представляетъ намъ цѣлый типъ, Обломова вы встрѣтите на каждомъ шагу, въ той или другой одеждѣ, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, — и не нужно быть Помпеемъ, чтобы набрать ихъ цѣлые легіоны.... Еще издавна Русская жизнь сложилась такъ, что Обломовъ сдѣлался присущимъ ей явленіемъ. Г. Гон-

чаровъ справедливо замѣтилъ, что и въ Русскихъ сказкахъ счастіе благопріятствуетъ только Обломовымъ—людямъ безъ воли и дѣятельности. Совокупность причинъ, всего чаще приводящихъ насъ къ этому типу, названа въ романѣ «обломовщиной», и стоитъ того, чтобы подумать надъ ней. Одинъ критикъ дѣльно сказалъ, что нетолько въ Рудинѣ и Бельтовѣ, но даже въ Онѣгинѣ и Печоринѣ мы видимъ задатки будущаго Обломова. Одна общая черта въ нихъ —обиліе душевныхъ силъ, дурно-употребленныхъ или—что почти то-же—совсѣмъ загашенныхъ, вслѣдствіе ненормальнаго развитія. Еще Бельтовъ жаловался на то, что «онъ обреченъ на бездѣйствіе» злою судьбою, между-тѣмъ-какъ въ немъ много «и силы, и крови». Угадывая свое высокое назначеніе, Бельтовъ бросался и на медицинскія занятія, и на занятія художествами, — и все-таки назначеніе это ускользало у него изъ-подъ рукъ, «деревня сгорала между глазъ». Гордый и самонадѣянный, но въ высшей степени непрактичный, щедрый на слова и скупой на упорные, продолжительные труды, Бельтовъ бросалъ дѣло на полдорогѣ, кокетничалъ и съ собой и съ другими «глубиной своего пониманія», но не хотѣлъ, или не могъ понять даже простой азбучной истины: безъ труда—нѣтъ плода. Въ параллель съ нимъ, Обломовъ «и въ пропасть полетѣлъ-бы, и сдѣлалъ-бы великое дѣло — будь это возможно въ одну минуту» (ч. III). Онъ не прочь-бы и крестьянъ устроить, и наукой заняться, и за границу съѣздить, еслибъ можно было отправиться въ путь на коврѣ-самолетѣ, писать планъ имѣнью, не прикасаясь рукой къ бумагѣ, изучить науку въ одинъ присѣстъ. Онъ также не прочь сослаться и на «судьбу-злодѣйку», давнишнюю мачиху Русскаго человѣка: «онъ отростилъ себѣ брюхо — говоритъ Штольцъ — и думаетъ, что судьба послала ему эту ношу» (ч. IV, стр. 292). Въ отношеніяхъ къ женщинамъ, Рудинъ то же не много отошелъ отъ Обломова: и тотъ и другой одинаково пали передъ умной, энергической женщиной, не прельстившейся однимъ краснословіемъ или тупымъ, хотя и искреннимъ, обожаніемъ; тотъ и другой равно спасовали предъ сильной волей, на все готовой рѣшимостью. Можно не проводить далѣе параллели между Обломовымъ и указанными лицами: вспомнимъ только, что выходка Онѣгина въ саду сильно напоминаетъ письмо Обломова къ Ольгѣ: и тамъ и здѣсь одинаково поучительный тонъ, принятый Богъ вѣсть по какому праву и профанированный послѣдующими дѣйствіями, тамъ и здѣсь—пріятное щекотанье удовлетвореннаго

самолюбія. Вспомнимъ также, что и въ отношеніяхъ Печорина къ женщинамъ нѣсколько проглядываетъ тонкая черта «обломовщины», именно въ томъ странномъ выборѣ, который привлекъ его не къ смѣлой и рѣшительной Лиговской, а къ вялой и нетребовательной Вѣрѣ. Впрочемъ, въ образованіи Печоринскаго характера участвовали два сильные двигателя, не вошедшіе въ личность Обломова: рѣзко-раздражительное самолюбіе и желчный темпераментъ, а потому Печоринъ менѣе похожъ съ перваго взгляда на нашего Илью Ильича.

Возводя къ крайнимъ причинамъ появленіе Обломовыхъ, нельзя также упустить изъ виду самую сферу общественной дѣятельности, въ которой вращаются эти люди и гдѣ могутъ найтись сильныя препятствія для нормальнаго, послѣдовательнаго перехода отъ мысли къ дѣлу, отъ убѣжденія къ проповѣди. Благодаря этимъ извилистымъ и ухабистымъ путямъ текущей жизни, часто приходится человѣку—или броситься, очертя голову, въ заколдованный кругъ общественныхъ интересовъ, не различая средствъ, указавъ себѣ только одну далекую, трудно-достижимую цѣль, или, сославшись на трудность безкорыстнаго, безстрашнаго служенія общему дѣлу, свернуться «комо̀мъ тѣста» на диванѣ въ собственной комнатѣ и заколотить на глухо окна, двери и щели, куда-бы могъ пробиться живительный лучъ Божьяго свѣта. Калиновичъ и Обломовъ, Обломовъ и Калиновичъ—это двѣ стороны одной и той-же медали, два цвѣтка на одномъ корнѣ. Что̀ заставляетъ поэта высказывать самому себѣ такія горькія истины:

Чужихъ страданій жалкій зритель,
Я жизнь растратилъ безъ плода,
И вотъ проснулась совѣсть — мститель,
И жжетъ лицо огнемъ стыда....
Чужой бѣдой я волновался,
Отъ слезъ чужихъ не спалъ я ночь. —
И все молчалъ, и все боялся,
И никому не могъ помочь....
Убитъ нуждой, убитъ трудами,
Мой братъ и чахъ, и погибалъ;
Я закрывалъ лице руками,
И плакалъ, плакалъ — и молчалъ!...
Я слышалъ злу рукоплесканья

И все терпѣлъ, едва дыша,
Подъ пыткою негодованья
Молчала рабская душа!
(*И. Никитинъ.* От. зап. 1859 г. янв.).

Что̀ заставило другаго поэта проклинать свою жизнь съ особенной энергіей своего могучаго таланта:

А годы несутся, а годы летятъ,
И вотъ ужъ полъ-жизни осталось за мною,
Но страшно и грустно взглянуть мнѣ назадъ —
Тамъ споръ безнадежный *съ людьми и судьбою*,
Тамъ рядъ *безполезныхъ* усилій ума,
Ошибокъ, утратъ, *огорченій* ?....

Что-же показываетъ все это, если не цѣлый рядъ, не цѣлую обстановку вредныхъ вліяній, неизбѣжныхъ житейскихъ толчковъ, справа и слѣва слетающихъ на неприготовленнаго къ нимъ человѣка?

Мы съ намѣреніемъ распространились о тѣхъ главныхъ причинахъ, которыми если не вполнѣ *оправдывается*, то достаточно *объясняется* личность Обломова. Барство и лѣнь, привитыя смолоду, далѣе жизнь въ кругу такихъ-же баръ и лѣнтяевъ, но *злостно* сохраняющихъ за собой право барствовать и лѣниться — вотъ главнѣйшіе агенты въ образованіи Обломовскаго характера. Какъ ни тяжело видѣть намъ такія не нормально-развившіяся личности, какъ ни хочется намъ отстоять униженную волю человѣка, но мы не рѣшимся бросить камень въ Обломова, отнять у него всякое право на участіе, какъ сдѣлали-бы это съ человѣкомъ, употребившимъ во зло свою волю, менѣе затрудненнымъ въ достиженіи благихъ цѣлей. Мало того: мы даже несогласны съ г. Гончаровымъ въ совершенной нравственной чистотѣ Обломова, потому-что для насъ кажется несомнѣннымъ нѣкоторое моральное отупѣніе вслѣдствіе молчаливаго созерцанія чужихъ мерзостей или бѣдствій (вспомнимъ Тарантьева и бытъ Обломовскихъ крестьянъ), — и все-таки не хотимъ стать въ позу Юпитера, мещущаго громы. «Осуждая и оплакивая» даромъ погибшаго человѣка, мы сознаемся: что «обломовщина» слишкомъ глубоко вошла въ нашъ бытъ, чтобы не имѣть ни малѣйшаго снисхожденія и сочувствія

къ лицамъ, зараженнымъ ею. Сколько поэтовъ и прозаиковъ издавна твердили намъ, что великое счастіе провести жизнь, какъ сонъ — гдѣ все минутно и не утомительно, гдѣ нѣтъ и помину о нравственномъ долгѣ. «Да не позоръ-ли это — скажете вы — *проспать* жизнь, нетолько не вѣдая, но и боясь узнать свое существенное, реальное призваніе въ мірѣ, добровольно уйти съ Божьяго свѣта въ темную мышиную норку, отречься отъ жизни, отъ себя, отъ человѣчества»? «Какъ ни грустно—говорите вы—какъ ни душно жить на извѣстныхъ мѣстностяхъ, хотя-бы и на землѣ, а не подъ землею, но все-же это нормальнѣе, достойнѣе человѣка и его высокаго жизненнаго назначенія?.... Вы вспомните къ тому-же, что Обломовъ былъ близокъ къ Штольцу, что у него подъ-бокомъ жилъ и двигался свѣжій, нормально-развитый человѣкъ, а Обломовъ все не хотѣлъ встать съ дивана, послушаться тѣхъ немногихъ, но сильныхъ внушеній собственнаго ума и сердца, когда ему казалась противной вся сонно-прожитая жизнь. Но, вспомнивъ это, вы опять-таки не поднимите камня на бѣднаго Илью Ильича, грустно и глухо сошедшаго въ могилу, а скорѣе перейдете къ самому Штольцу.

Въ лицѣ Штольца авторъ представилъ намъ счастливо-развившагося человѣка, дающаго мѣсто въ своей жизни и труду и законному наслажденію въ той мѣрѣ, въ какой оно оживляетъ и приготовляетъ насъ къ дальнѣйшей дѣятельности. Для него жизнь не раздѣляется на двѣ непохожія половины, изъ которыхъ одна отмѣчена тяжкимъ и докучнымъ трудомъ, а другая, вся, состоитъ изъ отдыха и мирной лѣни: «трудъ — говоритъ онъ — есть цѣль, образъ и стихія моей жизни». Въ этомъ случаѣ, Штольцъ напоминаетъ намъ Старш. Катона, умно сравнившаго нравственныя силы человѣка съ желѣзомъ, «которое стирается въ дѣлѣ, но не менѣе того теряетъ отъ ржавчины, когда остается безъ употребленія». «Ты выгналъ трудъ изъ своей жизни — говоритъ Штольцъ Обломову — и что изъ тебя вышло?»

Но, оставаясь упорнымъ ревнителемъ труда, безостановочной дѣятельности, въ самомъ отдыхѣ ища новой, возбуждающей къ подвигамъ силы, Штольцъ не очерствилъ своего сердца и своеобразно понялъ его требованія. Въ дѣлѣ чувства онъ держится той *завѣтной* (не въ ироническомъ смыслѣ) середины, которой рано или поздно, послѣ всѣхъ острыхъ и тупыхъ надъ ней глум-

леній, суждено вступить въ свои права надъ человѣческимъ сердцемъ. «Онъ считалъ себя счастливымъ уже и тѣмъ, что могъ держаться на одной высотѣ и, скача на конькѣ чувства, не проскакать тонкой черты, отдѣляющей міръ чувства отъ міра лжи и сантиментальности, міръ истины отъ міра смѣшнаго, или, скача обратно, не заскакать на песчаную, сухую почву жесткости, умничанья, недовѣрія, мелочи, оскопленія сердца. Онъ, и среди увлеченія, чувствовалъ землю подъ ногами и довольно силы въ себѣ, чтобы, въ случаѣ крайности, рвануться и быть свободнымъ. *Онъ не ослѣплялся красотой, а потому не забывалъ, не унижалъ достоинства мужчины, не былъ рабомъ, не лежалъ у ногъ красавицъ, хотя и не испытывалъ огненныхъ радостей.* У него не было идоловъ, за-то онъ сохранилъ силу души, крѣпость тѣла, за-то онъ былъ цѣломудренно-гордъ; отъ него вѣяло какой-то свѣжестью и силой, передъ которой невольно смущались и незастѣнчивыя женщины Онъ зналъ цѣну этимъ рѣдкимъ и дорогимъ свойствамъ и такъ скупо тратилъ ихъ, что его звали эгоистомъ, безчувственнымъ. Удержанность его отъ порывовъ, умѣнье не выйти изъ границъ естественнаго, свободнаго состоянія духа, клеймили укоромъ и тутъ-же оправдывали, иногда съ завистью и удивленіемъ, другаго, который, со всего размаха, летѣлъ въ болото и разбивалъ свое и чужое существованіе. «Страсти, страсти все оправдываютъ—говорили вокругъ него — а вы въ своемъ эгоизмѣ бережете только себя: посмотримъ, для кого». — «Для кого-нибудь да берегу» говорилъ онъ задумчиво, какъ-будто глядя въ даль, и продолжалъ не вѣрить въ поэзію страстей, не восхищался ихъ бурными проявленіями и разрушительными слѣдами, а все хотѣлъ видѣть идеалъ бытія и стремленій человѣка въ строгомъ пониманіи и отправленіи жизни» (ч. II, стр. 256 и 256).

Конечно, не многихъ Штольцевъ выработываетъ наша современная жизнь: причины этого прямо исходятъ изъ всего сказаннаго нами объ Обломовѣ. Если всмотрѣться пристальнѣе въ дѣйствія Штольца, то и на нихъ увидимъ мы отраженіе той-же сферы, которая сокрушаетъ Обломовыхъ. Для этого вспомнимъ только поступокъ Штольца по поводу подложнаго векселя, когда онъ принужденъ былъ, минуя законъ, прибѣгнуть къ *личной* помощи начальника.... Всего чаще сильная дѣятельность Штольца—или идетъ на неблаговидныя цѣли, или задушается, на первомъ порывѣ,

массой враждебныхъ обстоятельствъ. До умѣнья-же Штольца управлять, какъ искусный ѣздокъ конемъ, всѣми движеніями своего сердца, очень немногіе поднялись въ наше время. Вообще говоря, въ массѣ Обломовыхъ, Калиновичей, селадоновъ всѣхъ видовъ, начиная отъ пылкихъ старичковъ и кончая молодежью, изнывающей отъ одного прикосновенія женскаго платья, строгій, но симпатичный ликъ Штольца является рѣдко и ненадолго....

Но въ-правѣ-ли художникъ ставить такое, почти невоплотимое лицо на главное мѣсто въ своемъ романѣ? Мы отвѣтимъ, что въ-правѣ. Не бѣда, что такая личность встрѣчается рѣдко и не-всегда въ той полной, отчетливой формѣ, въ какой представляетъ намъ ее авторъ: лишь-бы черты, указанныя имъ, ясно мелькали въ обществѣ и настойчиво просились подъ перо. Г. Гончаровъ говоритъ намъ, что «много бойкихъ голосовъ послышалось уже въ Русской жизни, много Штольцевъ должно появиться подъ Русскими именами» — и мы вполнѣ раздѣляемъ его надежды, радуясь за Русскую жизнь, обогащенную теченіемъ времени.... Ни Обломова ни Калиновича — никакой другой типъ, широко-задуманный авторомъ — не найдете вы сразу въ натурѣ, во всей полнотѣ, приданной имъ на бумагѣ: у васъ будутъ бродить передъ глазами всѣ ихъ отличительныя качества, въ-одиночку или въ болѣе или менѣе неполномъ сочетаніи, — но художникъ все-таки не лгалъ, выставляя эти личности. Онъ точно узналъ всѣ характеристическія черты созданнаго типа, а возможность ихъ совокупленія въ одномъ лицѣ вѣрно опредѣлилъ своимъ художественнымъ тактомъ. Нельзя пройти молчаніемъ и той несправедливой нападки, которую дѣлаютъ на почтеннаго автора нѣкоторые рьяные патріоты изъ-за полу-Нѣмецкаго происхожденіе Штольца. «Намъ ставятъ въ образецъ Русскаго Нѣмца — говорятъ они — ужь не выписывать-ли намъ для своихъ дѣтей Нѣмецкихъ гувернеровъ изъ той самой буржуазіи, къ которой принадлежитъ отецъ Штольца? Нѣтъ сомнѣнія, что самъ авторъ крайне удивится, узнавъ, что ему приписаны такія воспитательныя наклонности. Думалъ-ли онъ поощрять людей, для которыхъ—ibi bene—ubi patria, когда заставилъ своего Штольца подчиниться облагораживающему вліянію Русской матери, пройти черезъ Русскій университетъ и держаться преимущественно въ Русскомъ кружкѣ, сочувствовать

успѣхамъ просвѣщенія даже въ Обломовкѣ? Мы-бы не стали и приводить такого диковиннаго обвиненія, еслибъ не замѣтили въ немъ совершеннаго непониманія таланта г. Гончарова, непониманія, которое часто смущало насъ, выражаясь такъ или иначе между читателями. Съ нѣкотораго времени, въ извѣстной части читателей — въ большомъ ходу то мнѣніе, что художникъ *долженъ* нетолько представить намъ полную картину изображаемой жизни, но еще подробно истолковать каждый приведенный фактъ, — да истолковать такъ, чтобы сейчасъ-же виднѣлась практическая мѣра къ его искорененію или къ удобнѣйшему имъ пользованію. Такой спеціальный догматизмъ требуетъ всегда нѣкоторой нравственной отмѣтки при изображеніи лица, при описаніи его дѣйствій: коли что дурно — такъ авторъ, хоть тресни, а заставь насъ познать, что это скверно. Такая крайность, вытекшая впрочемъ изъ прекрасной цѣли, не можетъ быть терпима въ дѣлѣ искусства. Художникъ очевидно берется не за свое дѣло, когда думаетъ рѣшать спорные пункты, подбирать олицетворенные доводы. Онъ силенъ именно тѣмъ, что уясняетъ дѣло безъ всякаго отношенія къ выводу, собираетъ нелицемѣрныя данныя для рѣшенія спора, но самаго спора не рѣшаетъ, а представляетъ умной критикѣ возможность воспользоваться этими данными, на основаніи ихъ сдѣлать вѣрные выводы и служить такимъ образомъ общественнымъ цѣлямъ. Художественный талантъ, употребленный на третейское обсужденіе дѣла, незамѣтно мельчаетъ, путается въ теоріяхъ, выгоняетъ жизнь изъ своихъ изображеній и обращаетъ ихъ въ судебный протоколъ, быть можетъ вѣрно-составленный, но крайне-скучный. Въ г. Гончаровѣ видимъ мы художника, уклонившагося отъ служенія мелочно-практическимъ цѣлямъ, художника высокаго достоинства — и ничего больше. Даже, выводя на сцену буяна и пьяницу Тарантьева, онъ не сдѣлалъ ни одного желчнаго замѣчанія насчетъ среды, воспитавшей его. Онъ ясно и отчетливо рисуетъ картину — и предоставляетъ смотрѣть на нее, у кого есть глаза, не предлагая публикѣ попользоваться его собственными, подъ предлогомъ, что одинъ зритель плохо видитъ, а у другаго бѣльмо на глазу. Изображая общественную болѣзнь, г. Гончаровъ указываетъ ясно ея симптомы, даетъ понять, чего недостаетъ человѣку, чтобы не впасть въ нее — и только: писать сигнатурку, гдѣ-бы значились золотники той или другой врачеб-

ної специи, онъ не намѣренъ, и еслибъ сталъ это дѣлать, то измѣнилъ-бы своему таланту, взялся-бы не за свое дѣло...

Ольга, не менѣе Штольца, должна интересовать Русскаго читателя, какъ новый, свѣжій представитель пробуждающейся половины нашего рода. Сближая Обломова съ Ольгой, авторъ задавалъ себѣ двѣ задачи, изъ которыхъ каждая могла-бы занять не одинъ талантъ: во-первыхъ, развить въ ясной, стройной картинѣ тѣ трудно-объяснимыя, летучія, но сильныя ощущенія, которыя возбуждаетъ въ насъ присутствіе молодой симпатичной женщины; во-вторыхъ, представить въ возможно-полномъ очеркѣ самую женскую личность, способную къ нравственному пересозданію мужчины, падшаго, обезсиленнаго, но еще сохранившаго въ себѣ многія человѣческія чувства. Благотворное вліяніе Ольги скоро сказалось на Обломовѣ: въ первый-же день новаго знакомства, Обломовъ возненавидѣлъ и ужасный безпорядокъ, царствовавшій въ его комнатѣ, и сонное лежаніе на диванѣ, на которое прежде такъ беззастѣнчиво обрекалъ себя. Халатъ подвергся неумолимому изгнанію. «Мало-по-малу вдаваясь въ новую жизнь, указанную Ольгой, Обломовъ покорился вполнѣ любимой женщинѣ, угадавшей въ немъ чистое сердце, ясный, хотя и недѣятельный, умъ и стремившейся дать лучшее направленіе втунѣ-гибнущимъ душевнымъ богатствамъ. Онъ сталъ даже нетолько прочитывать книги, прежде валявшіяся безъ всякаго почета, гдѣ пришлось, но и передавать вкратцѣ ихъ содержаніе жаждущей познаній Ольгѣ. Дѣйствіе было полное — и нужна была личность Обломова, чтобы дать снова погибнуть въ себѣ пробужденнымъ добрымъ начаткамъ. Заключительная сцена между Обломовымъ и Ольгой проста и трагична...

Изъ сказаннаго нами объ Ольгѣ читатель видитъ уже существенныя черты ея характера. Неумолкаемая душевная дѣятельность слилась въ ней съ той плѣнительной граціей и безъискусственнымъ изяществомъ мысли и чувства, которыя такъ отличаютъ натуру женщины. Соединившись со Штольцемъ, Ольга удовлетворила главной потребности своего характера, — и ничего не могло быть прочнѣе и естественнѣе такого союза. Но для полнаго изображенія ея личности, у автора не хватило нѣкоторыхъ данныхъ, — и потому VIII глава IV части, прекрасная въ первой половинѣ, не вполнѣ удовлетворяетъ требованію во второй, гдѣ,

рисуя намъ замужній бытъ Ольги, авторъ пытался изобразить въ ея новой жизни и немногія минуты какого-то томленія души, пресыщенной до избытка счастіемъ. Говоря о какихъ-то темныхъ «вопросахъ», волновавшихъ въ извѣстную пору Ольгу, о періодическомъ недовольствѣ жизнью, набѣгавшемъ на ея постоянно-дѣятельный умъ, авторъ какъ-будто не договариваетъ чего-то существеннаго, торопится кончить, точно попалъ въ темную комнату, изъ которой, ощупью, наудачу, спѣшитъ выбраться.... Наконецъ, имъ совсѣмъ не указаны отношенія идеальнаго семейнаго союза къ обществу,—отношенія, въ которыхъ союзъ этотъ, утрачивая много изъ своихъ эгоистичекких свойствъ, становится сильнымъ общественнымъ дѣятелемъ, той пропускною сферою, черезъ которую полезно и необходимо пройти всякому члену общества. Автора оправдываетъ впрочемъ то, что въ самомъ обществѣ еще невполнѣ выяснились эти стороны предмета: Ольга еще только дебютируетъ у насъ; въ натурѣ она еще дѣвушка, и довольно молодая, — а какова она будетъ послѣ, можно только угадывать болѣе или менѣе вѣрно. Великая благодарность г. Гончарову и за то уже, что онъ снялъ наконецъ съ женщины клеймо страдательной роли, издавна-лежащее на ней и упроченное изреченіемъ Гегеля: «разница между мужчиной и женщиной такая-же, какъ между животнымъ и растеніемъ». Пусть навлечетъ онъ на себя гнѣвъ разобиженныхъ сатировъ, готовыхъ отнять у женщины всякое право на активную дѣятельность: ихъ партія слабѣе, они уже — «обломки старыхъ поколѣній»! (*)

(*) Одинъ изъ нашихъ поэтовъ, привѣтствуя недавно-появившуюся у насъ личность развитой женщины, прекрасно выразилъ неладицу жизни, не освѣженной ея присутствіемъ. Высказывая сожалѣнія о напрасно-потраченныхъ силахъ, не направленныхъ и не подкрѣпленныхъ во-время рукою любящей женщины, авторъ говоритъ:

Но кто-же ты? Къ кому упреки?
Тебя я съ раннихъ лѣтъ не зналъ,
Не ты давала мнѣ уроки,
Когда я по складамъ читалъ;
Не ты любить меня учила,
Когда безумно я любилъ,
Не ты меня благословила
Бороться до утраты силъ.
Шли годы. Съ упованьемъ тайнымъ

Приведемъ одинъ отрывокъ, гдѣ прекрасно очерчена авторомъ характерная особенность женской натуры — чуткое воспринятіе жизненныхъ впечатлѣній.

«Два часа и слѣдующіе три-четыре дня (послѣ объясненія Обломова съ Ольгой) сдѣлали на нее глубокое впечатлѣніе, двинули ее далеко впередъ. Только женщины способны къ такой быстротѣ расцвѣтанія силъ, развитія всѣхъ сторонъ души. Она какъ будто слушала курсъ жизни не по днямъ, а по часамъ. И каждый часъ малѣйшаго, едва замѣтнаго опыта, случая, который мелькнетъ, какъ птица, мимо носа мужчины, схватывается неизъяснимо-быстро женщиной: она слѣдитъ за его полетомъ вдаль и кривая, описанная полетомъ, линія остается у ней въ памяти неизгладимымъ знакомъ, указаніемъ, урокомъ. Тамъ, гдѣ для мужчины надо поставить поверстный столбъ, съ надписью, ей довольно прошумѣвшаго вѣтерка, трепетнаго, едва уловимаго ухомъ, сотрясенія воздуха. Отчего вдругъ, вслѣдствіе какихъ причинъ, на лицѣ дѣвушки, еще на той недѣлѣ такъ беззаботной, съ такимъ до смѣха наивнымъ лицомъ, вдругъ ляжетъ строгая мысль? И какая это мысль? о чемъ? Кажется, все лежитъ въ этой мысли, вся логика-вся умозрительная и опытная философія мужчины, вся система жизни. Cousin, который оставилъ ее недавно дѣвочкой, кончилъ курсъ ученья, надѣлъ эполеты, завидя ее, бѣжитъ къ ней весело, съ намѣреніемъ, какъ прежде, потрепать ее по плечу, повертѣться съ ней за руки, поскакать по стульямъ, по диванамъ.... вдругъ, взглянувъ ей пристально въ лицо, оробѣетъ, отойдетъ смущенный и пойметъ, что онъ еще мальчишка, а она — уже женщина! Откуда? что случилось? Драма, громкое событіе, новость какая-нибудь, о которой весь городъ знаетъ? Ничего, ни maman, ни mon oncle, ни ma tente, ни няня, ни горничная — никто не знаетъ. И

Разстался я — къ чему-жъ теперь
Видѣньемъ свѣтлымъ, но случайнымъ
Ты къ старику стучишься въ дверь?
И слезы позднія роняя,
Мнѣ шепчешь: «о какъ ты грѣшилъ,
Какъ низко падалъ»! — но, святая,
Гдѣ ты была, когда я жилъ?

(*Полонскій.* Совр. 1859 г. іюль).

Авт.

некогда было случиться: она всего протанцовала двѣ мазурки, нѣсколько контрдансовъ, да голова у ней что-то разболѣлась: не поспала ночь.... А потомъ опять все прошло, только ужь въ лицѣ прибавилось что-то новое, иначе смотритъ она, перестала смѣяться громко, не ѣстъ по цѣлой грушѣ за-разъ, не разсказываетъ: «какъ у насъ въ пансіонѣ»....

Она тоже кончила курсъ» (ч. II).

Намъ не нужно, кажется, подводить итога нашей статьѣ—говорить о высокомъ общественномъ значеніи романа, восхищаться талантомъ г. Гончарова: талантъ автора опредѣляется его умѣньемъ выбирать и очерчивать живые типы, значеніе романа, кажется, ясно видно изъ нашихъ словъ....

А. ПЯТКОВСКІЙ.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ЗА ПЕРВУЮ ТРЕТЬ 1859 ГОДА.

III. Правовѣдѣніе.

Къ юридическимъ наукамъ принадлежатъ слѣдующія статьи: *Тюремныя заведенія во Франціи* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 1); *Очеркъ развитія городскихъ учрежденій въ Германіи, Англіи, Франціи, Сѣверной Италіи, Швеціи и Финляндіи* (ibid. № 3); *Развитіе лѣснаго законодательства въ Россіи*, С. (Журн. мин. гос. им. № 2); *О новомъ устройствѣ сельскаго управленіи* (по поводу статьи кн. Черкасскаго въ № 9 Сельскаго благоустройства), Ѳ. С. (ibid.); *Записки адвоката* (Mémoires de M-r Dupin), Т. И. Шишкина (ibid. № 2); *О правахъ Евреевъ въ Англіи*, Маколея (ibid. № 3); *Судебная гласность во времена Екатерины II* (ibid.); *Нѣсколько словъ о сельскихъ судахъ* (ibid.); *Уголовный судъ въ Англіи*, Д. Саранчова (ibid. № 5); *Докторъ правъ и философіи, обличающій дѣлопроизводство Новороссійскаго управленія* (ibid.); *Взглядъ на Русское судоустройство и судопроизводство*, М. Филиппова (Совр. № 1, 3 и 4); *О злоупотребленіяхъ и неспособности въ администраціи*, А. Поллунскаго (Биб. для чт. № 3); *Вопросъ объ устройствѣ и гласности суда* (Русск. вѣст. № 4); *О необходимыхъ гарантіяхъ уголовнаго суда*, С. И. Баршева (ibid. № 6); *Христіанъ Фридрихъ Вурмъ*, некрологъ, Д. И. Каченовскаго (ibid.); *Объ адвокатурѣ въ гражданскомъ процессѣ*, Н. С—ва (ibid.); *Послѣднее слово о полиціи*, С. С. Громеки (ibid. № 8); *Слѣдственная часть въ городскихъ полиціяхъ*, Н. Орлова (ibid.); *Русская юридическая литература въ 1858 году*, Ѳ. М. Дмитріевъ (Атен. № 3); *О систе-*

мъ законовъ. О правѣ вообще. О законахъ гражданскихъ. О системѣ законовъ собственности. О собственности. Объ охраненіи, графа М. М. Сперанскаго (Арх. историч. и практич. свѣд. № 1); *О завѣщаніяхъ*, Н. В. Полежаева (ibid.); *О практическомъ изученіи права въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ*, К. А. Царевскаго (ibid.); *Обозрѣніе новыхъ законовъ* (ibid.); *Договоры* вольныхъ людей, *конца XVII и начала XVIII вѣка, о поступленіи въ крестьяне и дворовые на срочное время*, Н. В. Калачова (ibid.); *Критика на сочиненіе М. М. Михайлова о Русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ до изданія Свода Законовъ* 1832 *года*, К. П. Побѣдоносцева (ibid.); *Нѣкоторые вопросы, возникающіе по духовнымъ завѣщаніямъ*, К. П. Побѣдоносцева (ibid.); *Возраженіе на письмо г. Х. Д. о С. Петербургской временной коммиссіи*, С. И. Заруднаго (ibid.); *О наймѣ недвижимыхъ имуществъ* (ibid.); *О значеніи доказательствъ, исчисляемыхъ въ* 312 *статьѣ 2-ой книги Свода законовъ уголовныхъ*, Провинціальнаго практика (ibid.); *О значеніи возраста въ области уголовнаго вмѣненія* (по поводу сочиненія *Фридрейха* о судебной антропологіи), П. Д. Колосовскаго (ibid.); *Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды*, Н. И. Ланге (ibid.); *Чтенія о Русскомъ гражданскомъ правѣ*, Д. И. Мейера (Учен. зап. Казан. Унив. № 1); *Взглядъ на правду въ судахъ и вліяніе ея на всеобщую нравственность*, А. С. (Сынъ от. № 5 и 7); *Три выигранные процесса*. Изъ временъ Петра Великаго. Составлено по подлиннымъ документамъ, Н. Храмцовскаго (ibid. № 10); *Шагъ къ гласности въ дѣлопроизводствѣ* (С. Пб. вѣд. № 79); *Начало судебной гласности въ Россіи*, В. П. Попова (Моск. вѣд. № 39); *Нѣсколько словъ о слѣдствіяхъ*, по поводу одного Французскаго процесса, Г. А. Снопова (ibid. № 46); *Нѣсколько словъ объ уѣздныхъ тюремныхъ замкахъ*, Ѳ. А. Лукашевича (ibid. № 54); *На какомъ языкѣ писанъ «Наказъ» императрицы Екатерины II о сочиненіи проекта новаго уложенія*, М. А. Дмитріева (ibid. № 62); *Нѣчто о слѣдствіяхъ*, Д. Г. (ibid. № 64); *По поводу статей о словесномъ судопроизводствѣ и адвокатурѣ*, Г. Н. Полозова (ibid. № 69); *Взглядъ на исторію Русскаго судопроизводства*. Вступительная рѣчь г. Дмитріева, произнесенная на диспутѣ 24 марта (ibid. № 74); *Случай, когда наряжается судъ присяжныхъ по Русскому законодательству*, Ю. Л—ва (ibid. № 80); *Мірской судъ въ Сибири* (Русск. дневн. № 4); *Еще о чиновникахъ* (Рус. газ. № 8); *Преимущества словеснаго судопроизводства* (Зол. Руно № 13).

— «Тюремныя заведенія во Франціи». — Вопросъ объ улучшеніи тюремныхъ заведеній во Франціи обсуждался въ палатахъ, въ-теченіе засѣданій 1840, 1843 и 1847 годовъ, и былъ поводомъ къ новымъ изысканіямъ и причиною появленія многочисленныхъ и интересныхъ сочиненій по этому предмету. Хотя еще ни одна исправительная система (systême penitentiaire) не была утверждена законодательствомъ; однако новѣйшія законоположенія о ссылкѣ преступниковъ и переселеніи осужденныхъ дозволяютъ нынѣшнюю исправительную систему характеризовать слѣдующимъ образомъ: отмѣна строгой келейной и примѣненіе такъ-называемой смѣшанной системы (systeme mixte); употребленіе заключенныхъ къ работамъ внѣ тюремнаго заведенія, земледѣльческимъ и другимъ, производящимся для общественной пользы; уничтоженіе заведеній, въ которыхъ содержатся осужденные на каторжныя работы (bagnes) и замѣненіе ихъ колоніями въ Гвіанѣ (colonies pénales à la Guyane). Общія правила для всѣхъ тюремъ гражданскихъ, въ отношеніяхъ хозяйственномъ и исправительномъ (disciplinaire), содержатся въ слѣдующемъ: «Законъ о содержаніи арестантовъ предписываетъ давать имъ здоровую пищу, въ достаточномъ количествѣ. Одежда имъ отпускается отъ правительства (costume pénal) и даются койки, постели, походныя кровати съ соотвѣтственнымъ количествомъ постельнаго бѣлья. Работа заключенныхъ, получающихъ часть задѣльной платы, обязательна, за исключеніемъ приговоренныхъ къ каторжной работѣ (traveaux forcés). Также обязательно для арестантовъ католическаго вѣроисповѣданія посѣщеніе церкви и обученіе вообще и въ догматахъ вѣры. Духовенству другихъ вѣроисповѣданій, признанныхъ правительствомъ, дозволяется посѣщать своихъ единовѣрцевъ. Книги нравственнаго или духовнаго содержанія раздаются арестантамъ, во-время отдохновенія и въ праздничные дни. Обученіе заключается въ преподаваніи самыхъ необходимыхъ предметовъ; оно ограничивается чтеніемъ, письмомъ, правописаніемъ, четырьмя правилами ариѳметики и изученіемъ системы вѣса и мѣры, принятой въ государствѣ. Во всѣхъ тюремныхъ заведеніяхъ принято общимъ правиломъ: арестантовъ мужескаго пола помѣщать отдѣльно отъ женскаго, а несовершеннолѣтныхъ—отъ взрослыхъ. Сверхъ-того, имъ дѣлаютъ еще подраздѣленія по роду наказанія. Арестанты одинаковыхъ категорій помѣщаются вмѣстѣ. Отступленіе отъ этого правила существуетъ въ заведеніяхъ, называемыхъ péniten-

ciers militaires, гдѣ каждый заключенный, въ-теченіе ночи, помѣщается отдѣльно. Во-время работъ и за обѣдомъ арестанты обязаны соблюдать молчаніе. Когда они находятся на тюремномъ дворѣ, имъ запрещаются игры шумныя или азардныя, крикъ, торгъ и мѣна. Арестанты не могутъ также имѣть при себѣ денегъ; отъ нихъ отбираются ножи и бритвы. Употребленіе крѣпкихъ напитковъ и табаку воспрещено также. Переписка арестантовъ съ лицами, не принадлежащими къ тюремному заведенію, подвергается пересмотру; посѣщеніе арестантовъ дозволяется съ разрѣшенія начальства; наконецъ взаимная отвѣтственность (la solidarité) каждаго за всѣхъ и всѣхъ за каждаго господствуетъ и въ тюремныхъ заведеніяхъ военнаго вѣдомства. Во всѣхъ тюремныхъ заведеніяхъ введены наказанія, которыя налагаются на провинившихся въ слѣдующей постепенности: запрещеніе гулять, учиться въ школѣ, принимать посѣтителей, вести переписку съ лицами, находящимися внѣ тюремнаго зданія; лишеніе вспомоществованія отъ постороннихъ лицъ, заработной платы (части ея и даже всей суммы); заточеніе на хлѣбъ и на воду; лишеніе свободы и наложеніе оковъ. За преступленія (crimes et delis), совершенныя арестантами въ предѣлахъ тюремнаго зданія, виновные предаются суду по законамъ уголовнымъ. За хорошее поведеніе, за прилежаніе къ работѣ, арестантовъ, въ видѣ награды, назначаютъ въ должности, съ коими сопряжено довѣріе къ лицу, какъ напр. въ должность старшины (prévost). Высшая степень награды состоитъ въ измѣненіи и уменьшеніи степени наказанія, и наконецъ совершенное помилованіе. Но для послѣдняго требуется, чтобы арестантъ высидѣлъ въ тюрьмѣ половину срока, на который осужденъ, или 10 лѣтъ, если приговоренъ къ пожизненному заключенію. Въ 1810 г. министерство внутреннихъ дѣлъ дозволило учредить при департаментскихъ тюрьмахъ благотворительные совѣты (conseils gratuits et charitables). Королевскимъ повелѣніемъ 1819 г., совѣтамъ этимъ присвоено было *наименованіе коммиссій для надзора за тюремными заведеніями* (commissions de surveilance des prisons) и расширенъ кругъ ихъ дѣйствій. Но это продолжалось недолго. Вслѣдствіе королевскаго повелѣнія 1823 года, распорядительная часть отошла отъ этихъ коммиссій и за ними оставлено наблюденіе за всѣмъ тѣмъ, что относится до гигіеническихъ мѣръ, преподаванія закона Божія и улучшенія нравственности. Подобныя коммиссіи учреждены были въ 1847 г., при централь-

ныхъ тюремныхъ домахъ, а въ 1850 г. и при заведеніяхъ, назначенныхъ для молодыхъ арестантовъ (etablissements pour les jeunes détenus). Члены коммиссіи назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, по представленію префекта. По порученію-же министра, главные инспекторы тюремныхъ заведеній (inspecteurs généraux des prisons de l'empire) осматриваютъ тюремныя и исправительныя заведенія и представляютъ свѣдѣнія *о нравственномъ и матеріальномъ ихъ положеніи.* По обсужденіи представленныхъ донесеній, министръ снабжаетъ главныхъ инспекторовъ подробными инструкціями, которыми они должны руководиться при дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ. Въ свободное отъ разъѣздовъ время, главные инспекторы составляютъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ министра или вице-президента (назначаемаго изъ ихъ среды). Въ совѣтѣ обсуждаются вопросы или дѣла, по указанію министра, а также проекты законовъ и постановленій, относительно тюремнаго управленія».

— «Записки адвоката». — Статья эта есть извлеченіе изъ мемуаровъ извѣстнаго адвоката Андрѐ-Мари-Жозефа Дюпена, и именно перваго тома мемуаровъ о процессахъ, получившихъ громкую извѣстность въ Европѣ. «Дюпенъ родился въ 1783 г. Отецъ его принадлежалъ къ числу самыхъ ярыхъ членовъ законодательнаго собранія. Онъ былъ первымъ руководителемъ сына въ области юриспруденціи. На 17-мъ году Андре Дюпенъ пріѣхалъ въ Парижъ и слушалъ тамъ лекціи знаменитаго Тронше, которому директорія позволила открыть академію правъ. 23-хъ лѣтъ Дюпенъ уже былъ докторомъ. Онъ со славою получилъ эту степень, защитивъ блестящимъ образомъ свои тэзисы. Вступивъ въ званіе адвокатовъ, Дюпенъ пріобрѣлъ вскорѣ громкую извѣстность. Извѣстность эта росла не по днямъ, а по часамъ, и молодаго адвоката постоянно осаждала толпа кліентовъ. Правительство на него косилось. Тѣмъ не менѣе, въ 1810 г. министръ юстиціи пригласилъ Дюпена въ коммиссію, учрежденную для разбора и приведенія въ порядокъ безчисленныхъ декретовъ Наполеона. Дюпенъ съ жаромъ принялся за эту работу и удивилъ всѣхъ своею неутомимою дѣятельностію, своимъ непомѣрнымъ трудолюбіемъ. Работа эта удалась ему какъ нельзя лучше. Въ 1814 г. Дюпенъ былъ избранъ членомъ палаты депутатовъ. Во время ста дней онъ явился однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ противниковъ Напо-

леона. Въ первую реставрацію Дюпенъ два раза предлагалъ себя кандидатомъ въ депутаты, но это не удалось ему оба раза, и только въ 1828 г. успѣлъ онъ попасть въ палату. Между-тѣмъ, съ 1824 г. Дюпенъ сблизился съ герцогомъ Орлеанскимъ, будущимъ королемъ Французовъ, и сдѣлался президентомъ его consul privé. Поведеніе Дюпена въ-теченіе трехъ іюльскихъ дней не всѣмъ казалось безукоризненнымъ, и онъ потерялъ чрезъ это много своей популярности. Дюпенъ въ эти дни гдѣ-то скрывался и явился уже тогда, когда горизонтъ началъ расчищаться, явился «frais et dispos». Въ это время онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ уравнять своему царственному кліенту дорогу. За прошлыя и настоящія заслуги ему дали мѣсто генералъ-прокурора въ кассаціонномъ судѣ. Здѣсь Дюпенъ былъ на своемъ мѣстѣ; заслуги, оказанныя имъ въ этомъ званіи Французскому праву, неоспоримы. Впослѣдствіи Дюпенъ былъ выбранъ въ президенты палаты депутатовъ; послѣ переворота 1848 г. его избрали президентомъ законодательнаго собранія. Отъ мѣста генералъ-прокурора онъ отказался, когда Наполеономъ изданъ былъ декретъ объ имуществѣ Орлеанскаго дома. Послѣдній coup d'état, казалось, положилъ конецъ дѣятельности Дюпена. Онъ удалился-было въ свое помѣстье растить капусту, но — увы! — не такимъ бодрымъ, смѣлымъ и твердымъ Римляниномъ безъ страха и упрека, какъ Цинциннатъ!.. Въ послѣднее время мы снова его видимъ засѣдающимъ въ кассаціонномъ судѣ. Излагая въ первыхъ частяхъ труда свою адвокатскую дѣятельность, Дюпенъ только во второй книгѣ касается своего политическаго поприща; да и при томъ большая часть этой книги занята разными приложеніями и объясненіями. Кромѣ-того, дѣятельность Дюпена, какъ политическаго лица, какъ парламентскаго оратора, далеко не столь значительна, какъ дѣятельность какого-нибудь Гизо или Тьера. Нѣкоторые рецензенты упрекаютъ Дюпена въ томъ, что, составляя свои мемуары, онъ имѣлъ въ виду преимущественно легистовъ, что слогъ его тяжелъ, изложеніе не живописно. Послѣдній упрекъ дѣйствительно справедливъ: мемуары Дюпена кажутся реквизитуарами прокурора, фразами d'un homme de loi. Что-же касается перваго упрека, то мы не можемъ съ нимъ согласиться. Предметы, которые описываетъ Дюпенъ, интересны для всякаго образованнаго человѣка, а не для одного спеціалиста-юриста. Процессы, въ которыхъ участвовалъ авторъ, какъ адвокатъ, занимательны въ высокой степени: они не заключались въ

тѣсномъ кругу обыденныхъ гражданскихъ отношеній; на нихъ были устремлены взоры цѣлой націи; всѣ они имѣли не одно юридическое, но и политическое значеніе. Съ своей стороны, мы можемъ поставить въ упрекъ Дюпену только недостатокъ скромности, частое выставленіе на сцену своего *я* и притомъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, провозглашеніе собственныхъ заслугъ, великодушное прощеніе, смѣшанное съ презрѣніемъ всѣмъ клеветникамъ и людямъ, не понимавшимъ или не хотѣвшимъ понять мотивовъ и образа дѣйствій автора. Несовсѣмъ-пріятно поражаетъ тонъ quasi Катоновской правдивости и грубыя шутки, колющія не въ бровь, а прямо въ глазъ. Въ своихъ мемуарахъ Дюпенъ сохраняетъ тотъ air goguenard, которымъ онъ подчасъ любилъ хвастаться на адвокатской и прокурорской каѳедрахъ. Въ Дюпенѣ нужно различать двѣ личности: адвоката-юриста и политическаго дѣятеля, министра, президента, парламентскаго оратора. Какъ дѣятель политическій, Дюпенъ далеко не безукоризненъ, далеко не выказываетъ тѣхъ блестящихъ дарованій, которыя отличали его, какъ адвоката. Въ палатѣ онъ явился прямымъ представителемъ буржуазіи, защитникомъ ея узкихъ интересовъ: отсюда его привязанность къ Орлеанскому дому. Памфлетистъ вполнѣ правъ, когда, описывая появленіе въ палатѣ депутатовъ Дюпена-президента, тяжело ступающаго своими грубо-сдѣланными, грязными башмаками по драгоцѣнному д'Обюссонскому ковру, говоритъ: «Смотрите! провозглашаетъ, кажется, мсьё Дюпенъ: смотрите на меня! узнаете-ли вы меня? Въ моей фигурѣ, въ моихъ манерахъ осталось еще что-то вульгарное, но я этимъ горжусь; происхожденіе мое извѣстно; родословная моя не велика. Я среднее сословіе (tiers état). Долго преклонялъ я чело свое, какъ невольникъ, но въ одинъ прекрасный день, съ помощію народа, на котораго теперь накинута мною узда, я выпрямился и всталъ грознымъ и ужасающимъ. Я все низвергъ: власть королевскую, духовенство, аристократію; я восторжествовалъ надъ имперіею, надъ реставраціею. Какое угодно правительство мнѣ ни почемъ! Очищайте-же мѣсто буржуазіи среднему сословію! Царство мое начинается!»—и бьютъ барабаны на пути мсье Дюпена, и цѣлый сонмъ раззолоченныхъ чиновниковъ спѣшитъ проложить ему дорогу; толпа благоговѣйно раздвигается и любуется своимъ представителемъ. А представитель этотъ является вполнѣ достойнымъ своихъ электоровъ. Онъ не уронитъ въ палатѣ достоинства буржуазіи. Сохраненіе порядка, который при-

ходится по-сердцу среднему сословію, служитъ ему девизомъ. Онъ не терпитъ шума и въ палатѣ: президентскій колокольчикъ звучитъ неумолимо, а самый голосъ президента, голосъ стентора, то и дѣло приглашаетъ разшумѣвшихся депутатовъ къ молчанію. Рѣчь его пестрѣетъ тѣми шуточками, которыя такъ любитъ буржуа, шуточками часто сальными и не всегда удачными, но все-таки мораль — avant tout, та мораль, которой кодексъ составленъ Парижскимъ tiers-état. Мсье Дюпенъ не прочь пощеголять и прямотою, и цинциннатствомъ, и стойкостью убѣжденія; но онъ любитъ дѣлать это такимъ образомъ, чтобъ о поступкѣ его знали всѣ, чтобъ поступокъ этотъ надѣлалъ шума. При этомъ, разумѣется, онъ распоряжается такъ, чтобъ и себѣ современемъ выгородить какую-нибудь щелочку для выхода, словомъ, — такъ, чтобъ и наши и ваши остались довольны. Но совсѣмъ другимъ является Дюпенъ, какъ юристъ, какъ адвокатъ, какъ генералъ-прокуроръ. Заслуги его на этомъ поприщѣ неоспоримы. Имя его связано самымъ блестящимъ образомъ со всѣми знаменитыми процесами реставраціи. Какъ адвокатъ, какъ представитель Французской магистратуры, Дюпенъ былъ всегда честнымъ, безпристрастнымъ человѣкомъ; ораторомъ истинно- и оригинально-краснорѣчивымъ. Логика его при защитѣ обвиняемаго или обвиненіи подсудимаго неумолима; его реквизитуары и защитительныя рѣчи исполнены знанія и свѣтлаго пониманія законовъ. Рѣчь его непринужденна, энергична, походитъ на импровизацію и всегда производитъ свое дѣйствіе. Юридическая эрудиція его огромна, и онъ умѣетъ ею пользоваться съ необыкновеннымъ искусствомъ. Литературныя произведенія Дюпена, весьма многочисленныя, не имѣютъ большаго значенія во Французской юридической литературѣ, но въ нихъ особенно замѣчательно практическое ихъ направленіе. Онъ написалъ до 76 книгъ и брошюръ, считая тутъ, впрочемъ, и академическія рѣчи. Но изъ этихъ книгъ и брошюръ, особенно замѣчательныхъ, такихъ, которыя-бы составили эпоху во Французской юридической литературѣ, нѣтъ; многія изъ нихъ имѣютъ характеръ компилативный; тѣмъ не менѣе всѣ онѣ отличаются ясностью и логичностью. Слѣдующія два сочиненія Дюпена въ свое время надѣлали много шуму во Франціи: «О защитѣ обвиненныхъ» и «Письма о званіи адвоката». Послѣдняя книга долго замѣняла для Французовъ курсъ пропедевтики и энциклопедіи права. «Дюпенъ (такъ отзываются о его про-

изведеніяхъ нѣкоторые критики) обладаетъ философіею опытности, но въ немъ нѣтъ изобрѣтательности; онъ не творецъ. Il arrange, il broche un manuel; il ne composerait pas un livre.»

— «Уголовный судъ въ Англіи.»—«Англійскія судебныя учрежденія рѣзко отличаются отъ всѣхъ подобныхъ учрежденій въ Европѣ. Весь Англійскій процессъ основанъ на идеѣ самоуправленія, которая придала ему грандіозный характеръ, которая дала Англійской магистратурѣ почти царственныя права. Магистратура и процессъ, образовавшіеся въ Англіи подъ вліяніемъ идеи самоуправленія, служили постоянно проводниками ея. Только съ этой точки зрѣнія можно смотрѣть на устройство Англійскихъ судовъ, этихъ постоянныхъ охранителей конституціи и народной свободы. Представителемъ судебной власти въ Англіи считается парламентъ, а представителемъ исполнительной власти — министерство. Извѣстно, какой огромный перевѣсъ имѣетъ парламентъ надъ министерствомъ. По основнымъ началамъ конституціи, верхняя палата парламента, какъ верховный судъ въ королевствѣ, имѣетъ право судить всѣхъ министровъ и административныхъ чиновниковъ по представленію палаты депутатовъ, которая въ этомъ случаѣ, такъ сказать, играетъ роль обвинительнаго жюри. Власть судебная въ Англіи, выражающаяся главнымъ образомъ въ парламентѣ, надзираетъ за дѣйствіями корпорацій, чиновниковъ и министерства, которое во всѣхъ отношеніяхъ ограничено и не можетъ переступить предѣловъ своей власти, не подвергаясь страшной отвѣтственности передъ закономъ и обществомъ. Послѣ парламента, судебная власть принадлежитъ сначала членамъ государственныхъ судовъ, которые на всемъ пространствѣ государственной территоріи пользуются правомъ «разрѣшать» и «связывать», а потомъ мирнымъ судьямъ. Участвуя, въ видѣ охранительнаго начала, въ администраціи графствъ, магистратура въ Англіи, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, не парализируетъ министерства, не уничтожаетъ дѣятельности послѣдняго, столь необходимой и полезной для каждаго благоустроеннаго государства. Хотя мирные судьи, управляющіе графствами, отвѣчаютъ передъ высшей магистратурой за свои проступки и представляютъ свои судебныя рѣшенія на разсмотрѣніе ея, но тѣмъ не менѣе текущими дѣлами они завѣдываютъ, подъ руководствомъ лордъ-лейтенантовъ, совершенно самостоятельно. Слѣдовательно, распоряженія мирныхъ судей не терпятъ никакихъ стѣсненій со-сто-

роны магистратуры, которая представляетъ собою только начало судебнаго надзора, преслѣдующее пристрастныя дѣйствія администраторовъ и поступки ихъ противъ конституціи. Иначе мирные судьи присвоили-бы себѣ власть несогласную съ духомъ законовъ; иначе юрисдикція, предоставленная мирнымъ судьямъ и главнымъ ихъ собраніямъ (General Quarter-Sessions), сдѣлалась-бы зломъ, а не благомъ. Англійское законодательство дало имъ обширныя права, дало имъ судебную власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлало ихъ независимыми въ-отношеніи министерства и подчинило магистратурѣ: ибо подчинить ихъ министерству значило-бы все равно, что предать въ руки его всѣ общины, весь народъ. Такое развитіе магистратуры, конечно, принесло большую пользу Англійскому обществу; отсюда понятны его крѣпость, его сила, его юридическій бытъ, его обширная свобода. Магистратура не администрація; она не стѣснила Англичанъ, а, напротивъ, освободила ихъ. Конечно, такое положеніе магистратуры обусловливалось самымъ обществомъ и его духомъ. На другой почвѣ, подъ другимъ небомъ, подобное положеніе магистратуры едва-ли принесло-бы тѣ богатые результаты, которые мы видимъ въ Англіи, гдѣ она вполнѣ достигла своего назначенія, служа безкорыстно и честно обществу и народу. Въ прочихъ Европейскихъ государствахъ, основанныхъ на другихъ началахъ, подобное положеніе магистратуры невозможно. Разсматривая Англійскую конституцію, мы замѣчаемъ, что хотя король и считается представителемъ судебной власти въ государствѣ, такъ-какъ онъ носитъ званіе предсѣдателя парламента, т.-е. верховнаго судилища, но тѣмъ не менѣе, въ-отношеніи судебномъ, онъ не имѣетъ почти никакого значенія и вполнѣ подчиняется закону, руководствоваться которымъ онъ клянется, вступая на престолъ. «Клянусь управлять по закону», говоритъ король, присягая въ торжественномъ собраніи государственнаго совѣта. Такимъ-образомъ король отрекается формально отъ вмѣшательства въ область суда. Вотъ что говоритъ Бентамъ о судебной власти въ Англіи и объ отношеніи къ ней короля: «Въ Англіи всякій гражданинъ, носящій званіе судьи, можетъ, въ случаѣ сопротивленія, распоряжаться матеріальными силами (т.-е. королевства), находящимися въ странѣ, которая подлежитъ его юрисдикціи; а главный судья Англіи можетъ распоряжаться въ подобномъ случаѣ силами цѣлаго государства, гражданами, милиціей и даже, я полагаю, войсками; король для судебныхъ цѣлей не можетъ рас-

поряжаться ни однимъ человѣкомъ. Когда Карлъ II приказалъ арестовать одного Англичанина, то приказаніе его было объявлено незаконнымъ, не смотря на то, что за поступокъ, сдѣланный этимъ Англичаниномъ, его могъ арестовать каждый судья. Если къ тюремщику Англійскій король пошлетъ приказаніе освободить какого-нибудь арестанта, то признаетъ-ли первый распоряженіе короля законнымъ? конечно, нѣтъ». По мнѣнію Бентама, понятіе о королевствѣ вообще чрезвычайно возвышается тѣмъ, что король подчиняется суду наравнѣ съ послѣднимъ своимъ подданнымъ. Отсюда видно, что судъ въ Англіи имѣетъ огромныя политическія права; это status in statu. Въ настоящее время всѣ важныя дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, завѣдываются парламентомъ и государетвенными судами, находящимися въ столицѣ королевства (Court of Queen's Bench, Court of Common Pleas and Court of Exchequor). Отсюда два раза въ годъ посылаются въ графства судьи для предсѣдательствованія въ ассизахъ. Изъ этого видно, что судебная власть въ Англіи централизируется въ Лондонѣ и оттуда уже распространяется по графствамъ. По мнѣнію профессора Гнейста, къ отличительнымъ признакамъ Англійской юстиціи слѣдуетъ также отнести ея единство (Einheit) и безпристрастіе (Unpartheilichkeit). Подъ единствомъ ея онъ разумѣетъ то, что всѣ лица въ Англіи судятся однимъ судомъ, исключая только перовъ, которые за уголовныя преступленія подлежатъ суду верхней палаты парламента. Теперь намъ остается замѣтить, что уголовныхъ судовъ въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаютъ на континентѣ, въ Англіи нѣтъ. Судьи Англійскихъ ассизовъ занимаются не только уголовными, но даже и нѣкоторыми гражданскими, и, такъ-сказать, административными дѣлами. Конечно, въ послѣднихъ двухъ случаяхъ присяжные не входятъ въ составъ суда, который составляется только изъ судей и ихъ помощниковъ, выбираемыхъ изъ самыхъ лучшихъ адвокатовъ. Во Франціи мы видимъ совсѣмъ другое: тамъ ассизы собираются для рѣшенія только однихъ уголовныхъ дѣлъ; рѣшивъ ихъ, они возвращаются къ своимъ прежнимъ занятіямъ въ тѣ-же апелляціонные суды, изъ которыхъ они были вызваны. Что-же касается постоянныхъ уголовныхъ судовъ въ Англіи, какъ-то: верхней палаты парламента, королевиной лавки (Queen's Bench) и главныхъ собраній мирныхъ судей (General Quarter Sessions), то они занимаются самыми разнородными дѣлами и не имѣютъ того чисто-уголовнаго характера,

которымъ отличаются постоянные суды въ Германіи и Россіи. Если къ этимъ чертамъ юстиціи мы присоединимъ начало частнаго обвиненія, на которомъ основанъ Англійскій процессъ, судъ присяжныхъ, похожій очень мало на суды присяжныхъ въ прочихъ Европейскихъ государствахъ, и гласность судопроизводства, которая развилась въ Англіи въ размѣрахъ, совершенно неизвѣстныхъ въ Европѣ, то у насъ образуется довольно опредѣленное представленіе объ Англійскою юстиціи вообще. Изъ того, что мы сказали объ общемъ духѣ Англійскаго процесса, можно уже понять и характеръ уголовнаго суда. Онъ также построенъ на политической идеѣ; онъ также централизированъ въ Лондонѣ; онъ также отличается безпристрастіемъ; онъ также одинаковъ для всѣхъ; онъ также, наконецъ, какъ и весь Англійскій процессъ, построенъ на гласности, началѣ частнаго обвиненія и началѣ «жюри». Затѣмъ, разсматривая Англійскій уголовный процессъ, мы замѣчаемъ въ немъ еще одну типическую черту, именно: уголовный судъ въ Англіи, вслѣдствіе началъ, лежащихъ въ его основаніи, *обязанъ* главнымъ образомъ защищать невиннаго и покровительствовать народной массѣ, которая повсюду обойдена счастіемъ и не приглашена на пиръ жизни. Жизнь этой массы горька и печальна, и было-бы ужасно лишить ее послѣдняго блага: лишить ее справедливаго и безкорыстнаго суда,—этой первой жизненной потребности послѣ хлѣба и воздуха. Вся процедура, весь Англійскій процессъ, всѣ судебныя формы и обряды въ Англіи направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобъ доставить невинному защиту. Это, конечно, самое лучшее слово, высказанное Англо-Саксскою расою; лучше этого она ничего не скажетъ».

— Въ заключеніе мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе нашихъ читателей на періодическое изданіе г. Калачова: «Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи»; въ немъ преобладаетъ юридическое направленіе. Всѣ указанныя выше въ настоящемъ обозрѣніи статьи этого изданія болѣе или менѣе замѣчательны. Статья *О системѣ законовъ* незабвеннаго Сперанскаго напомнила намъ великіе труды этого законодательнаго генія двухъ царствованій—Александра I и Николая I; желательно было-бы, чтобы всѣ его произведенія не только по юриспруденціи, но и по всѣмъ частямъ государственнаго управленія были собраны въ одно цѣлое и изданы отдѣльною книгою. Статьи *О завѣщаніяхъ*, гг. Полежаева и Побѣдоносцева, отличаются свѣтлымъ

взглядомъ и основательнымъ изученіемъ этого предмета нашихъ гражданскихъ законовъ. Критика на книгу М. М. Михайлова «О Русскомъ судопроизводствѣ» г. Побѣдоносцева замѣчательна по добросовѣстности и вѣрности воззрѣнія на предметъ. Словомъ, каждая статья имѣетъ свои достоинства. Совѣтуемъ юристамъ и всѣмъ образованнымъ чиновникамъ запастись «Архивомъ» г. Калачова.

V. Политическія науки.

Къ области политическихъ наукъ принадлежатъ слѣдующія статьи: *Движеніе народонаселенія Вологодской губерніи* (Жур. мин. вн. дѣлъ № 1); *Торговое движеніе Бремена въ* 1857 *г.* (idid.); *Сельско-хозяйственная статистика Сѣверо-Американскихъ Штатовъ* (ibid.); *О прорытіи канала чрезъ перешеекъ Панаму* (ibid.); *Вѣдомость привоза по Николаевской желѣзной дорогѣ разныхъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ припасовъ въ С. Петербургъ и Москву за ноябрь и декабрь* 1858 *и генварь и февраль* 1859 *г.* (ibid. № 2—5); *Цѣны на хлѣбъ и фуражъ по главнѣйшимъ городамъ Имперіи съ декабря* 1858 *г. по* 1 *апрѣля* 1859 *года* (ibid.); *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ* (продолженіе) (ibid. № 2 и 3); *Начало заселенія Оренбургскаго края Русскими* (ibid. № 2); *Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ* 1858 *и* 1859 *гг.* (ibid. № 3 и 4); *Хлѣбная торговля въ г. Муромѣ* (ibid. № 3); *Чистопольскій уѣздъ* (ibid. № 4); *Отрывки изъ замѣтокъ о Кареліи* (ibid.); *Ввозъ и употребленіе шерсти въ Англіи* (ibid.); *Обзоръ торговаго движенія Гамбурга въ* 1857 *г.* (ibid.); *О новооткрытой золотоносной странѣ* (ibid.); *Табаководство въ Полтавской губерніи* (ibid.); *Земледѣліе и скотоводство въ Енотаевскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи* (ibid.); *Березовская рыбопромышленость Тобольской губерніи* (ibid.); *Движеніе хлѣбной торговли на Холуйской пристани Владимірской губерніи* (ibid.); *О торговомъ и промышленомъ движеніи на Волгѣ*, Ю. А. Гагемейстера (Журн. мин. госуд. имущ. № 1 и 2); *Оброчныя статьи*, А. Э. Раева (ibid. № 1); *Объ оброчныхъ статьяхъ въ западныхъ губерніяхъ*, П. А. Прыткова (ibid. и № 2); *Финансы Франціи* (ibid. № 2); *Число Бурятъ, обращенныхъ въ православную вѣру въ* 1857 *г.* (ibid,); *О поселеніи колонистовъ въ Саратовскомъ краѣ* (ibid.); *Сравнительное положеніе земледѣлія въ Россіи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ* (ibid.); *Отчеты акціонерныхъ обществъ* (ibid.); *Вѣсти съ золотыхъ пріисковъ* (ibid. № 3); *Причина неу-*

довлетворительнаго состоянія промышлености въ Новороссіи (ibid. № 2); *Внѣшняя торговля Россіи за* 1857 *годъ* (ibid); *О торговыхъ результатахъ, какихъ можно ожидать отъ договоровъ съ Китаемъ* (ibid.); *Застрахованіе между работниками въ Англіи* (ibid.); *Алжирская колонія. Акцизы и пошлины на соль* (ibid.); *Отчетъ экспедиціи для изслѣдованія Каспійскаго рыболовства за* 1855 *годъ*, Бэра (ibid. № 3 и 4); *Объ опекахъ у государственныхъ поселянъ*, *А.* Раева (ibid. № 3); *О продажѣ государственныхъ имуществъ въ Россіи*, его-же (ibid. № 3); *Константиноградскій округъ Полтавской губерніи*, А. Дьякова (ibid.); *Статистическая таблица всѣхъ странъ земли* (ibid.); *О податяхъ съ потребленія соли*, Н. Х. Бунге (ibid. № 4); *Сравнительное изслѣдованіе таможенныхъ тарифовъ* (ibid.); *Объ успѣхахъ благосостоянія сельскихъ работниковъ въ Англіи* (ibid.); *Нѣкоторыя черты изъ общественной жизни Великобританіи* (ibid.); *О финансовомъ проектѣ, касающемся улучшенія быта крестьянъ*, М—ва (От. зап. № 1); *Объ отмѣнѣ обязательнаго труда, безъ нарушенія интересовъ помѣщиковъ и безъ принятія со-стороны правительства общихъ финансовыхъ мѣръ къ выкупу земель*, А. Ворошилова (ibid.); *Мысли объ устройствѣ сельскихъ обществъ.* (Дополненіе къ «Обзору статей по крестьянскому вопросу»), П. Г. Славинскаго (ibid.); *Общій характеръ и направленіе дѣятельности акціонерныхъ обществъ въ Россіи*, Д. М. (ibid.); *Произволъ въ истолкованіи данныхъ, представляемыхъ большею-частью статистическихъ таблицъ*, Ѳ. А. В—на (ibid.); *Крестьяне-собственники: первыя мѣры правительства къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія, на основаніи данныхъ, сообщенныхъ въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ»* (ibid.); *Экономическій кризисъ* 1857 *года*, Н. Х. Бунге (ibid. № 2 и 3); *Политическое обозрѣніе* (От. зап. № 2, 3 и 4; Русск. вѣстн. № 1—8); *Статистическія таблицы Россійской Имперіи за* 1856 *годъ* (ibid. № 2); *Замѣтки о крѣпостномъ правѣ*, П. Г. Славинскаго (ibid. № 3); *Обозрѣніе главнѣйшихъ причинъ всеобщей дороговизны.* Ст. I Д. М. (ibid. № 4); *О выкупѣ крестьянъ*, П. Корвинъ-Круковскаго (ibid.); *Пауперизмъ и мѣры противъ него, предлагаемыя современными экономистами*, А. Козлова (ibid.); *Робертъ Овэнъ и его попытки общественныхъ реформъ*, Н. Т—нова (Совр. № 1); *Труденъ-ли выкупъ земли?* Н. Г. Чернышевскаго (ibid.); *Политика* (ibid. № 3 и 4); *Экономическая дѣятельность и законодательство*, Н. Г. Чернышевскаго (ibid. № 2); *Поземельный кредитъ и его современная*

организація въ Европѣ, В. П. Безобразова (ibid.); *Библіографія журнальныхъ статей по крестьянскому вопросу* (ibid.); *Подольско-Витебскій откупъ*, В. А. Ѳедоровскаго (ibid. № 3); *Предположенія объ установленіи справедливыхъ отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ землѣ крестьянскими обществами и о правильномъ устройствѣ крестьянскаго быта*, Алексѣя Тютчева (ibid. № 4); *Еще нѣсколько словъ о нашихъ ремесленникахъ*, В. Пискунова (ibid.); *Вопросъ о невольничествѣ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ*, Ѳ. Г. Тернера (Библ. для чтенія № 1); *Статистическія замѣтки о крѣпостномъ сословіи*, Д—а (ibid. № 1); *Желѣзныя дороги и пароходство въ Сибири* (ibid.); *Заботы объ улучшеніи участи ремесленнаго класса* (ibid); *Проекты новыхъ желѣзныхъ дорогъ* (ibid. № 3); *Италіянскій вопросъ*, А. Каменскаго (ibid. № 4); *Письмо къ И. С. Тургеневу о результатахъ вольнаго труда въ одномъ изъ имѣній Тульской губерніи*, В. Л. (ibid. № 4); *Избирательная реформа въ Англіи* (ibid.); *Распространеніе трезвости въ Россіи* (ibid.); *Аристократія и интересы дворянства.* Мысли и замѣчанія по поводу крестьянскаго вопроса, В. П. Безобразова (Русск. вѣстн. № 1); *Изъ Берлина*, Б. Утина (ibid. № 6 и 8); *Мысли о значеніи механическаго искусства въ наше время и о будущности его въ Россіи*, А. С. Ершова (ibid.); *Нужды и желанія промышлености* (ibid. № 6); *Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи*, Евгенія Бокиена (ibid. № 2); *Экономическая корреспонденція*, Густава де-Молинари (ibid. № 5 и 7); *Замѣчанія о необходимости и пользѣ выкупа*, А. М. Унковскаго (ibid. № 2); *Кредитъ и крѣпостное право*, Н. Х. Бунге (ibid. № 48); *Мнѣніе о выкупѣ угодій крестьянъ въ Московской губерніи*, С. И. Витберга (ibid. № 2); *Важность гласности въ вопросѣ о выкупѣ* (ibid.); *Феодолизмъ и аристократія*, Макса Дункера (ibid. № 3); *Помѣщики и крестьяне*, П. Э. (ibid.); *Проклятыя деньги*, изъ Фридерика Бастіа (ibid. № 5); *О пріютахъ для бездомныхъ нищихъ въ Лондонѣ*, В. П. Боткина (ibid.); *Вклады въ банкахъ или билеты непрерывнаго дохода?* Е. И. Ламанскаго (ibid. № 6); *Уилльямъ Чаннингъ о трезвости* (ibid. № 7); *Русскій государственный долгъ* (ibid.); *Объ измѣненіи существующей системы снабженія войскъ вещами*, Д. И. Каменскаго (ibid. № 8); *Взглядъ на Русскую сельскую общину*, К. Д. Кавелина (Атен. № 1); *Современная исторія* (ibid. № 2 и 3); *Русскій экономистъ*, М. П. Щепкина (ibid. № 3); *Новый билль о реформѣ парламента* (ibid. № 4); *Общинное управленіе и общин*

ное землевладѣніе, Разина (ibid. № 5); *Свобода труда*, И. К. Бабста (ibid. № 6); *Замѣтка о подрядахъ и поставкахъ*, К. Д. Кавелина (Арх. истор. и практич. свѣдѣн., книга I); *Реформа выборовъ и парламента въ Англіи* (ibid.); *О жилищахъ для рабочихъ* (изъ соч. Круммеля), В. В. Калачова (ibid.); *О замѣнѣ мужскаго труда женскимъ*, Колмогорова (Сынъ от. № 2, 3 и 4); *Финансы войны*, ст. Горна (ibid. № 17); *О недостаточномъ жалованьи чиновникамъ во Франціи* (Живоп. библ. № 8); *Обличительное дѣло*, В. А. Кокорева (Спб. вѣд. № 79); *Трезвость и грамотность* (ibid.); *Успѣхи трезвости* (ibid. № 89); *Оправданіе провинціала* (ibid.); *Нѣсколько словъ о статьѣ г. Кокорева; «Милліардъ въ туманѣ»* (Рус. инв. № 90); *Чрезвычайное общее собраніе Имп. вольнаго экономическаго общества* (Сѣв. пч. № 82); *Нѣсколько словъ о пьянствѣ* (Моск. вѣд. № 8); *Московскіе трактиры и откупъ* (ibid.); *Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Кокорева объ откупахъ на продажу вина*, Д. А—го (ibid. № 20); *Библіотека Британскаго музея* (ibid. № 22); *Австрія и Италія*, Б. (ibid. 23, 40 и 82); *Еще нѣсколько словъ о прорытіи Суэзскаго перешейка* (ibid. № 25); *Дробность поземельной собственности и ассоціація*, Бонмера (ibid. № 44 и 45); *Объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Перми до Тюмена*, Б. (ibid. № 49); *Крестьяне и откупъ* (ibid.); *Нѣсколько словъ о собраніи статистическихъ данныхъ*, И. Н. Савинова (ibid. № 50); *Вопросъ о Евреяхъ* (ibid. № 63); *Распространеніе трезвости* (ibid. № 71, 76, 80, 89, 90, 94, 95, 97, 99 и 103); *Дѣятельность Англійскаго банка* (ibid. № 74); *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи*, кн. III, М. Щ. (ibid. № 80); *Населеніе земнаго шара по частямъ свѣта, расамъ и религіямъ* (ibid. № 87 и 88); *Откуда взять милліардъ?* Г. И. Сабурова (ibid. № 89); *Исторія и составъ Парижской общины.* По поводу присоединенія къ ней новыхъ общинъ (ibid. № 100 и 103); *Нѣчто о дорогахъ вообще и пароходствѣ по верховьямъ Дона въ-особенности*, Донскаго казака (ibid. № 103); *Народонаселеніе земнаго шара* (Вил. вѣстн. № 21—23); *Историческій очеркъ торговли Новороссійскаго края за послѣднее время*, Сокальскаго (Одѣсск. вѣстн. № 1, 2 и 3); *Одинъ изъ недостатковъ экономическаго быта*, Балинскаго (ibid. № 4); *Піемонтъ и Австрія*, —ова (ibid. № 6); *Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Кокорева объ уничтоженіи чарочныхъ откуповъ*, В. Шостака; *Замѣчанія на ту-же статью*, В. Песочина (ibid. № 8); *Проектъ взаимнаго застрахованія здоровья*

рабочихъ людей, В. П. (ibid. № 10); *Финансовое положеніе Турціи*, А. Т. (ibid. № 11); *Промышленые вопросы* (ibid. № 14); *Іоническій вопросъ*, —ова (ibid.); *Нѣсколько словъ объ общественномъ положеніи Евреевъ* (ibid. № 16); *Придунайскія княжества и Австрія*, —ова (ibid. № 17); *Какими средствами предотвратить возможность войны?* Ст. Молинари (ibid. № 20); *Избраніе въ Валахскіе господари Александра Іоанна Кузы*, А. Елисицына (ibid. № 22); *Что должна преслѣдовать гласность?* Д. Балинскаго (ibid. № 23 и 24); *Война или миръ?* (ibid. № 26); *Спорное Дунайское дѣло и первое Австрійское общество пароходства*, П. Стойковича (ibid. № 27); *Экономическія замѣтки о Крымѣ*, Иванова (ibid. № 30); *Полезно-ли обращеніе Новороссійскаго края въ порто-франко?* Б. Л. (ibid. № 31); *Клерикальныя партіи на западѣ Европы*, В. Д. (ibid. № 45); *О развитіи компанейской дѣятельности въ Россіи* (Кавк. № 4); *Будущность промышленой жизни Новороссійскаго края* (ibid. № 3, 9, 21. 22, 23 и 67); *Касса земледѣльческихъ страхованій въ Парижѣ* (ibid. № 4); *Земскія повинности въ Эстляндской губерніи* (ibid. № 15); *Нижегородская ярмарка въ* 1858 *году* (ibid. № 16 и 17); *Кинешемская промышленость* (ibid. № 24); *Судьба хлѣбной торговли Новороссійскаго края*, А. Скальковскаго (ibid. № 25); *С. Петербургъ въ статистическомъ отношеніи*, Е. П. Карновича (ibid. № 36, 38, 41, 42, 61, 62 и 80); *Нѣсколько словъ о благоустройствѣ Симферополя* (ibid. № 40 и 41); *Крестьянскій вопросъ и землевладѣніе въ Новороссіи*, А. А. Скальковскаго (ibid. № 56 и 57); *Что будетъ съ уѣздными городами?* Бэля (ibid, № 60, 80 и 81); *Сборная ярмарка*, П. А. (ibid. № 69 и 70); *Заграничная торговля Азовскаго бассейна въ* 1858 *г.*, А. А. Скальковскаго (ibid. № 71); *Соликамскъ въ настоящемъ и прошедшемъ*, свящ. Ипполита Словцова (ibid. № 72); *Какую можно развить промышленость въ Печерскомъ краю*, Валеріана Чернышева (idid. № 73); *Очеркъ народной промышлености во Владимірской губерніи*, К. Тихонравова (ibid. № 74); *Еще о сборной ярмаркѣ въ Симбирскѣ* (ibid. № 75); *Днѣпровскій каналъ*, К. В. Б. (ibid. № 86); *Жизнь и богатство даромъ*, Никтополіона Полеваго (Русск. газ. № 8); *Управленіе питейною частью въ Россіи*, И. Войнова (Русск. газ. № 9, 10 и 11); *Таможенные сборы въ Россіи*, его-же (ibid. № 15 и 16); *Общественные займы* (ibid. № 15); *О выгоднѣйшемъ устройствѣ международныхъ кредитныхъ трансфертовъ* (Журн. для акц. № 114); *О государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетахъ* (ibid. № 116

и 117); *О распространеніи акціонерныхъ компаній въ Россіи*, С. Скуратова (ibid. № 117 и 118); *Число жителей во всѣхъ частяхъ свѣта по вѣрамъ*, А. Грека (Зол. Руно № 13); *Два слова о предложеніяхъ поставки хлѣба въ казну Саратовскимъ помѣщикомъ* (Арх. истор. и практич. свѣд. книга I); *Объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Сердобскомъ уѣздѣ*, Сердобскаго помѣщика (ibid.); *Одна изъ мѣръ къ распространенію грамотности* кн. М. А. Оболенскаго (ibid.); *Замѣтка о подрядахъ и поставкахъ*, К. Д. Кавелина (ibid.); *О жилищахъ для рабочихъ*, В. В. Колачова (ibid.).

— «Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1858 и 1859 годахъ.» — Товаровъ въ 1858 году было:

	Привезено.	Продано.
По *Урюпинской Покровской*, въ Землѣ войска Донскаго	8.189,455 р.	4,648,075 р.
— *Ивановской*, въ г. Екатеринославѣ	545,682 р.	201,932 р.

Въ 1859 г. товаровъ было:

	Привезено.	Продано.
По *Васильевской*, въ г. Гомелѣ, Могилевслой губерніи	585,680 р.	320,500 р.
— *Крещенской*, въ мѣстечкѣ Любовичахъ, Оршанскаго уѣзда Могилевской губерніи	561,200 р.	340,700 р.

— «О продажѣ государственныхъ имуществъ въ Россіи.» — «Слово *государственныя имущества* становится у насъ извѣстнымъ съ Петра I, хотя самый предметъ, означаемый этимъ именемъ, существовалъ такъ-же давно, какъ существуетъ Русское государство. Въ древней Россіи имущества, называемыя нынѣ государственными, именовались княжескими, царскими и государевыми. При всемъ томъ у насъ издавна полагалось различіе между дворцовыми или волостями, деревнями, назначаемыми собственно для содержанія дворца государева, и прочими имуществами, которыя носили разныя названія: черныя деревни, черныя волости и проч. Іоаннъ Грозный, учреждая знаменитую въ нашей исторіи *опричину*, хотѣлъ положить строгое различіе между имуществами собственно-царскими и имуществами государственными. Наши историки не поняли учрежденій Іоанна IV, въ которыхъ онъ предусмотрѣлъ двумя столѣтіями ранѣе то, что сдѣлано было въ новѣйшее время. Онъ назвалъ государевыми землями тѣ, которыя на-

значались для его двора, а всѣ прочія земли *земщиною*. По смерти Іоанна IV, различіе между этими двумя родами имуществъ, конечно, исчезло. До Екатерины II между имуществами государственными считались также и дворцовыя волости и деревни, имѣя впрочемъ особенное управленіе. Учрежденіемъ о губерніяхъ дворцовыя селенія соединены съ другими казенными селеніями, и управленіе всѣмъ этимъ предоставлено казеннымъ палатамъ, съ возложеніемъ на нихъ обязанности доставлять доходы, поступавшіе отъ дворцовыхъ деревень въ придворную контору для удовлетворенія потребностей двора. При императорѣ Павлѣ I отъ государственныхъ имуществъ отдѣлены прежнія дворцовыя имѣнія подъ названіемъ *удѣльныхъ*, которыя стоятъ понынѣ въ вѣдомствѣ особаго управленія. Увеличиваясь отъ завоеваній, государственныя имущества Россіи изъ собственности казны переходили къ частнымъ лицамъ и обществамъ; въ то-же время въ общую массу государственныхъ имуществъ возвращалось все то, что переставало принадлежать кому-либо въ частности. Господствующій способъ отчужденія государственныхъ имуществъ состоялъ въ пожалованіи ихъ или на правѣ вотчинномъ, т.-е. въ собственность, или на правѣ помѣстномъ, т.-е. во владѣніе. Продажа государственныхъ имуществъ составляла другой способъ отчужденія ихъ, и касалась какъ земель и оброчныхъ статей, такъ и лѣсовъ. Она дѣлается положительно-извѣстною со-временъ Іоанна IV и продолжается до Петра I. Въ царствованіе Елисаветы Петровны эта продажа снова возобновляется и, прекратившись при Павлѣ, вновь возникаетъ при Александрѣ I. Необходимость въ особомъ капиталѣ для погашенія государственныхъ долговъ, которые сдѣланы были по-случаю воинъ съ Франціею, побудила наше правительство въ 1810 году обратиться къ продажѣ государственныхъ имуществъ. Для составленія капитала, управленіе которымъ ввѣрено особой коммиссіи погашенія долговъ, манифестомъ 27 мая 1810 г. установлено: изъ государственныхъ имуществъ, «кои служили залогомъ ассигнаціямъ», отдѣлить извѣстную часть — именно оброчныя статьи, часть казенныхъ лѣсовъ, а равно арендныя и другія имѣнія, находившіяся во временномъ частномъ владѣніи, — для обращенія ея въ частную собственность посредствомъ продажи. Изъ этой массы государственныхъ имуществъ, ежегодно, начиная съ 1810 г., въ-теченіе 5-ти лѣтъ, — продавать опредѣленное количество, о чемъ и объявлять

каждый разъ, съ точнымъ означеніемъ свойства имѣній, ихъ положенія и прочихъ обстоятельствъ. Продажу производить по губерніямъ, гдѣ находятся имущества, съ публичныхъ торговъ, окончательное заключеніе которыхъ совершать въ столицѣ. По праву, присвоенному въ Россіи всѣмъ свободнымъ состояніямъ, каждому предоставлено пріобрѣтать оброчныя статьи и лѣса, поступавшіе въ продажу. Русскому именитому купечеству разныхъ высшихъ разрядовъ, въ томъ числѣ и купцамъ первой гильдіи, а равно иностраннымъ капиталистамъ, даровано право пріобрѣтать и населенныя земли, съ тѣмъ, чтобы они пользовались этимъ правомъ при покупкѣ только тѣхъ населенныхъ имѣній, кои назначались въ продажу отъ казны, производя платежъ облигаціями коммиссіи погашенія долговъ, и чтобы означенные Русскіе и иностранные капиталисты владѣли помянутыми имѣніями на правѣ помѣщичьемъ, оставаясь въ купеческомъ состояніи и безъ всякаго присвоенія правъ, дарованныхъ дворянству. Тѣмъ-же манифестомъ объявлено, что порядокъ продажи государственныхъ имуществъ и всѣ условія ея будутъ установлены и возвѣщены въ свое время, что плата за пріобрѣтенныя имущества будетъ производиться не вдругъ, но по равнымъ частямъ, въ-теченіе 5-ти лѣтъ, со взносомъ процентовъ на остальную сумму; что права владѣльцевъ на населенныя имѣнія останутся неприкосновенными и что порядокъ удовлетворенія этихъ правъ будетъ установленъ и объявленъ вмѣстѣ съ открытіемъ продажи имуществъ. Казенныя оброчныя земли находились на огромныхъ пространствахъ губерній Великороссійскихъ и Новороссійскихъ, а равно Сибирскихъ и Кавказской. Государственный совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго внесены были министромъ финансовъ предположенія о продажѣ государственныхъ имуществъ, находилъ ихъ вообще правильными. При этомъ государственный совѣтъ, во избѣжаніе будущихъ недоразумѣній и для удержанія возможно-выгодныхъ цѣнъ при продажѣ имуществъ, а равно для большаго поощренія частныхъ лицъ къ покупкѣ ихъ, признавалъ нужнымъ, по совершеніи продажи, которая вездѣ производилась на ассигнаціи, назначаемое каждому владѣльцу арендпаго имѣнія удовлетвореніе на срокъ его содержанія опредѣлить серебромъ, по курсу того времени, когда продажа состоится, сохраняя казнѣ право платить и ассигнаціями по тому курсу, какой будетъ состоять въ сроки платежей. Этимъ способомъ сохранялось право каждаго частнаго владѣльца въ пол-

ной неприкосновенности, и казна, при возвышеніи достоинства ассигнацій, не несла убытка и не была затрудняема пріисканіемъ серебряной монеты, еслибы ея недоставало въ казначействахъ или ея коммиссіи погашенія долговъ, отчего, сверхъ-того, должно было ожидать возвышенія цѣны на серебро. По обыкновенному аукціонному обряду, цѣна продажному предмету составляется наддачею покупщиковъ, и часто по согласію или стачкѣ ихъ торги останавливаются ниже настоящихъ цѣнъ. Въ отвращеніе этого, государственнымъ совѣтомъ признано нужнымъ сдѣлать опытъ отысканія истинныхъ цѣнъ продажнымъ имуществамъ въ постепенной уступкѣ продавца, какъ это дѣлается въ другихъ странахъ. Для этого положено установить такой обрядъ публичныхъ торговъ: при началѣ торга, по объявленіи имущества, идущаго въ продажу аукціонистъ провозглашаетъ цѣну, какая назначена будетъ тому имѣнію. Цѣна эта, естественно, должна быть въ такомъ случаѣ самая высокая. Затѣмъ аукціонистъ сбавляетъ цѣну до того, какъ отзовется кто-либо, что желаетъ удержать имѣніе за собою; въ случаѣ, если при одной цѣнѣ отзовутся двое или болѣе, допускать между ними переторжку. При этомъ обрядѣ ожидалось устраненіе стачки между покупателями, такъ-какъ предполагалось, что всякій желающій пріобрѣсть продаваемое имѣніе и знающій истинную его цѣну, особенно-же настоящій владѣлецъ, не замѣдлитъ изъявить свое желаніе на его покупку, какъ-скоро услышитъ сходную цѣну, и даже иногда съ нѣкоторымъ превышеніемъ, опасаясь лишиться имѣнія, еслибы кто изъ торговавшихся сдѣлалъ подобный отзывъ. Каждому поступающему въ продажу имѣнію, кромѣ первоначальной высокой цѣны, отъ которой торгъ получалъ начало, опредѣлено назначать истинную его цѣну, выведенную коммиссіею, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ и соображеніямъ, на основаніи инструкцій, которыя положено дать отъ министра финансовъ губернскимъ коммиссіямъ. Эта послѣдняя цѣна должна была составить крайнюю мѣру, ниже которой имѣніе не могло идти въ торгъ, который и останавливался, если никто изъ явившихся къ торгамъ не изъявлялъ желанія удержать имѣніе за собою: такое имѣніе положено оставлять непроданнымъ до послѣдующихъ сроковъ, назначенныхъ для продажи. Опытъ введенія новаго обряда продажи съ публичнаго торга, относясь единственно къ имѣніямъ арендньмъ, отнюдь не долженъ былъ распространяться на оброчныя статьи и участки вьѣзжихъ лѣсовъ, назначавшихся въ про-

дажу: ибо, по мнѣнію государственнаго совѣта, не было возможности опредѣлить истинныхъ цѣнъ этимъ послѣднимъ предметамъ по совершенной неясности, въ которой находилось тогда управленіе ими, доказательствомъ чему служили крайне-низкіе или почти ничтожные доходы съ этихъ частей государственныхъ имуществъ. Для поощренія покупщиковъ къ пріобрѣтенію государственныхъ имуществъ за выгодныя для казны цѣны, представлялось еще средство, приведеніе въ дѣйствіе котораго государственный совѣтъ предоставилъ ближайшему усмотрѣнію министра финансовъ. Государственный совѣтъ находилъ, что, безъ сомнѣнія, въ сосѣдствѣ съ большими казенными имѣніями есть много мелкихъ помѣщиковъ, которые часто имѣли-бы желаніе, а нерѣдко и необходимость пріобрѣсти часть такого имущества. Правительству не могутъ быть извѣстны подобныя обстоятельства; но частные люди, живущіе на мѣстахъ, особенно владѣющіе тѣми имѣніями, конечно, знаютъ о томъ подробно. На этомъ основаніи, государственный совѣтъ признавалъ возможнымъ дозволить всякому, кто купитъ казенное имѣніе, раздроблять его продажею, и еще въ-теченіе пятилѣтія назначеннаго къ уплатѣ полной цѣны за купленное имъ имѣніе, принявъ мѣры, обезпечивающія казну отъ всякой потери. Государственный совѣтъ полагалъ также, что, по всей вѣроятности, найдутся многіе предпріимчивые люди, которые, разсчитавъ свои выгоды отъ подобнаго оборота, приступятъ къ покупкѣ и самыхъ большихъ имѣній, и будутъ давать за нихъ хорошія цѣны, имѣя въ виду, что казнѣ неудобно раздѣлять имѣнія на участки, по видамъ окружающихъ ихъ владѣльцевъ, которые пожелали-бы купить который-либо изъ тѣхъ участковъ. За тѣмъ составленъ былъ проектъ Высочайшаго манифеста о продажѣ государственныхъ имуществъ и прочтенъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта 7 сентября 1810 г. При этомъ отмѣненъ взносъ залоговъ на торги и назначено въ продажу въѣзжихъ лѣсовъ 900,000 десятинъ. Самый манифестъ обнародованъ 10 сентября того-же года. Онъ напечатанъ въ полномъ собраніи законовъ подъ № 24,346. Продажа государственныхъ имуществъ продолжалась 7 лѣтъ. Продано было 107,566 десятинъ 670 саж. за 3,896,685 руб. $29^3/_4$ коп.»

— «Экономическій кризисъ 1857 г.» — «Во всѣхъ экономическихъ кризисахъ—финансовыхъ, банковыхъ, торговыхъ и проч., мы замѣчаемъ одно и то-же явленіе: нарушеніе равновѣсія между за-

просомъ и предложеніемъ. Какъ ни важно опредѣленіе этого характеристическаго признака, но онъ еще не объяснитъ дѣла, а только указываетъ намъ, гдѣ мы должны искать причинъ потрясенія, и какого рода данныя приведутъ насъ къ ихъ открытію. Мы знаемъ, что предложеніе и запросъ измѣняются подъ вліяніемъ разнообразныхъ обстоятельствъ и представляютъ много особенностей, смотря и по родамъ и видамъ товаровъ. Предложеніе бумажныхъ денегъ во-время господства системы Лô, или въ эпоху Французской революціи, зависѣло вполнѣ отъ воли государственной власти и дѣятельности типографскихъ станковъ; предложеніе хлѣба зависитъ отъ урожая или неурожая и бóльшей или меньшей степени достаточности земледѣльческихъ классовъ; предложеніе драгоцѣнныхъ металловъ — отъ степени общественной безопасности, быстроты оборотовъ и богатства разработываемыхъ пріисковъ; предложеніе мануфактурныхъ товаровъ — отъ силы дѣйствующаго капитала, машинъ, избытка и дешевизны суровья и топлива. Предложеніе всѣхъ товаровъ сокращается неизбѣжно послѣ разорительной войны, но нѣкоторое время это бываетъ незамѣтнымъ, вслѣдствіе уменьшившагося потребленія. Такъ-же точно и запросъ: онъ сокращается и расширяется подъ вліяніемъ множества причинъ, и смотря по товарамъ, къ которымъ относится. Запросъ на предметы необходимости подверженъ малымъ колебаніямъ, но онъ настоятельнѣе (интенсивнѣе), и каждое уменьшеніе предложенія, каждое опасеніе насчетъ достаточности послѣдняго, при неизмѣнившихся доходахъ, усиливаетъ требованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣны. Наоборотъ: запросъ на вещи, составляющія предметъ роскоши, болѣе способенъ расширяться (гораздо-экстенсивнѣе), но не возвышаетъ цѣнъ, если предложеніе уменьшается, а средства потребителей остаются одни и тѣ-же. Возрастаніе доходовъ, которыми располагаютъ покупщики, опасенія или надежды на будущее, измѣняютъ очень-быстро силу запроса и цѣны на предметы удобства жизни и роскоши, усиливая или ослабляя тѣмъ самымъ производительную дѣятельность страны. Эти разсужденія представятся намъ съ совершенною ясностію, если мы сличимъ предложеніе и запросъ относительно двухъ какихъ-нибудь товаровъ, наиболѣе отличныхъ другъ отъ друга. При однихъ и тѣхъ-же средствахъ потребителей, уменьшеніе ежегодной добычи алмазовъ на $^1/_3$, по всей вѣроятности, не подниметъ ихъ цѣны на 33 проц.; напротивъ, уменьшеніе хлѣбной жатвы отъ $^1/_6$ до $^1/_3$ воз-

вышаетъ, по словамъ Тука, цѣны хлѣба въ Англіи на 100 и на 200 проц. Наоборотъ: при увеличеніи средствъ потребителей и при одномъ и томъ-же предложеніи алмазовъ и хлѣба, скорѣе вздорожаютъ первые, чѣмъ послѣдніе. Здѣсь на установленіе цѣнъ имѣютъ вліяніе: во-первыхъ, отношеніе ежегоднаго производства къ количеству наличнаго товара, предназначеннаго для удовлетворенія потребности; во-вторыхъ, значеніе самой потребности для человѣка; въ-третьихъ, неизмѣняемость или возрастаніе доходовъ и шансы будущаго. Очевидно, что пока въ странѣ нѣтъ значительныхъ капиталовъ и дѣятельной торговли, колебанія цѣнъ сопровождаются сильными страданія или производителей, или потребителей извѣстныхъ товаровъ, или наконецъ тѣхъ и другихъ (когда причина дороговизны имѣетъ общій характеръ, напримѣръ, продолжительная война); но надо создаться, что такое страданіе не такъ рѣзко выступаетъ наружу. При бѣдности въ капиталѣ, многіе производятъ, не прибѣгая къ кредиту, и кризисъ, который застигаетъ предпринимателей, не влечетъ за собою ихъ несостоятельности. Въ торговлѣ не богатой страны кредитъ можетъ быть болѣе развитъ, но пріостановка въ промышленыхъ дѣлахъ не сопровождается такими катастрофами, какъ въ богатыхъ государствахъ: потому-что спекулятивные обороты и закупки съ цѣлью перепродажи въ оптовыхъ количествахъ имѣютъ ограниченные размѣры, а разореніе мелкихъ продавцевъ, получающихъ товаръ на кредитъ, далеко не бываетъ всеобщимъ. До-сихъ-поръ, пока всѣ части хозяйственнаго организма живутъ какъ-бы отдѣльною жизнью, не будучи сплочены въ одно цѣлое взаимными сдѣлками и банковыми оборотами, каждый толчекъ сообщается постепенно, такъ-что сила удара, слабѣя при каждой дальнѣйшей передачѣ, становится наконецъ ничтожною. Иное явленіе представляется намъ въ богатыхъ государствахъ, гдѣ значительные оборотные капиталы затрачиваются на кредитъ. Отнимите послѣдній у производителя и положеніе тѣхъ мѣръ, которыя вели съ нимъ дѣла, будетъ въ опасности. Пониженіе цѣны на товаръ, закупленный въ оптовомъ количествѣ на кредитъ, съ цѣлью перепродажи, влечетъ за собой разореніе цѣлаго ряда вѣрителей; возвышеніе-же цѣнъ ведетъ къ столь-же быстрому обогащенію спекуляторовъ. Чѣмъ сильнѣе бываетъ колебаніе цѣнъ, смотря по свойству предметовъ, измѣнчивости существующаго для нихъ запроса и предложенія, тѣмъ бо-

лѣе шансовъ для прибылей, тѣмъ сильнѣе могутъ быть побужденія къ тому, чтобы расширить производство, затѣять новыя предпріятія и сдѣлать покупки на спекуляцію. Такимъ-образомъ *спекуляція* составляетъ принадлежность потрясенія и играетъ главную роль при нарушеніи равновѣсія между запросомъ и предложеніемъ; ею обусловливается сила, съ которой можетъ обнаружиться кризисъ. Но спекуляція, сама-по-себѣ, не есть причина кризиса; это только одинъ изъ рычаговъ, приводимыхъ въ дѣйствіе другими обстоятельствами, вызывающими измѣненіе въ кризисѣ и предложеніи, именно: естественными и общественными событіями, измѣняющими запросъ и предложеніе какъ вообще, такъ и въ частности для извѣстныхъ товаровъ. При колебаніи цѣнъ, при невозможности опредѣлить съ точностью ни величины предложенія предметовъ, на которые существуетъ обширный запросъ, ни настоятельности запроса, всякая закупка съ цѣлью перепродажи составляетъ спекуляцію. Закупщикъ разсчитываетъ, что запросъ будущій, или предъявленный въ другомъ мѣстѣ, дастъ ему возможность сбыть товаръ съ прибылью; успѣхъ спекуляціи зависитъ отъ вѣрности разсчета. Отсюда слѣдуетъ, что въ странахъ, достигшихъ значительнаго промышленаго развитія, гдѣ негоціанты владѣютъ большими капиталами, цѣны произведеній колеблются не только подъ вліяніемъ запроса потребителей и предложенія производителей, но и подъ вліяніемъ торговой спекуляціи. Слѣдя за состояніемъ рынковъ, спекуляторъ закупаетъ, предвидя недостатокъ въ какомъ-нибудь товарѣ, и сбываетъ его, получая свѣдѣнія о значительномъ предложеніи въ будущемъ, или умѣньшаетъ свои закупки, опасаясь болѣе низкихъ цѣнъ. «Такимъ-образомъ, говоритъ Боуэнъ, спекуляція отвращаетъ рѣзкіе переходы отъ изобилія къ недостатку, и на-оборотъ, распредѣляетъ запасы съ правильностью, которой едва-ли можно было-бы достичь иначе.» Словомъ, спекуляція, по замѣчанію М. Коллоха, есть предусмотрительность, исполняющая важную роль въ благотворительномъ порядкѣ, установленномъ Провидѣніемъ, гдѣ корысть и эгоизмъ направляются къ общему благу. Спекуляція доставляетъ жителямъ обширной столицы предметы, въ которыхъ нуждаются потребители; спекуляція въ неурожай доставляетъ запасы хлѣба, а въ урожаи предотвращаетъ въ большей или меньшей степени чрезмѣрное паденіе цѣнъ. Два обстоятельства роняютъ спекуляцію въ глазахъ общества. Во-пер

выхъ, сходство ея съ биржевою игрою. Въ самомъ дѣлѣ, трудно провести рѣзкую границу между обѣими. Биржевой игрокъ покупаетъ на срокъ фонды, спекуляторъ — товары. Но существенное различіе между этими лицами состоитъ въ томъ, что первый дѣлаетъ мнимую покупку; онъ какъ-бы держитъ пари и условливается заплатить разность въ случаѣ упадка, или получить таковую-же при возвышеніи курса. Истинный спекуляторъ товарами дѣлаетъ серьезную закупку; онъ въ самомъ дѣлѣ покупаетъ хлѣбъ, сахаръ или другіе товары. Во-вторыхъ, предразсудокъ противъ спекуляціи происходитъ оттого, что ей приписываютъ искусственное возвышеніе цѣнъ въ-ущербъ потребителю (при этомъ, въ-особенности, ссылаются на торговлю хлѣбомъ). Но и это несправедливо; если спекуляторъ и можетъ возвысить ихъ, то самъ расплачивается за продѣлку. «Нельзя отрицать, однакожь (замѣчаетъ Боуэнъ), что какъ въ хлѣбной, такъ и въ другихъ отрасляхъ торговли, спекуляція производитъ иногда возвышеніе, иногда пониженіе цѣнъ, простирающіяся за должные предѣлы. Это бываетъ слѣдствіемъ ошибочныхъ свѣдѣній, невѣрной оцѣнки результатовъ политическихъ событій, напр. войны, вліянія изобрѣтеній, открытій и застоя въ источникѣ предложенія. Купцы, подобно другимъ людямъ, ошибаются иногда въ своихъ разсчетахъ, и когда положеніе дѣла уясняется, тогда рынокъ испытываетъ потрясенія: цѣны падаютъ ниже, или поднимаются выше должнаго; но потребители среднимъ числомъ уплачиваютъ то, что имъ пришлось-бы издержать, еслибъ вовсе не было потрясенія. Въ ожиданіи войны между Англіею и Китаемъ, многіе въ 1839 г. полагали, что подвозъ чая почти совершенно прекратится: поэтому спекуляторы поспѣшили закупить всѣ запасы, находившіеся на рынкѣ, и цѣны возрасли на 100 проц. и болѣе. Но, менѣе чѣмъ чрезъ три мѣсяца было дознано, что предложеніе, при доставкѣ чрезъ посредство Американцевъ и Голландцевъ, будетъ такъ-же велико, какъ и прежде; между-тѣмъ, потребленіе уменьшилось отъ возрастанія цѣнъ. Вслѣдствіе этого произошла сильнѣйшая реакція на рынкѣ: потребители купили чай дешевле, чѣмъ когда-либо, и многіе изъ спекуляторовъ обанкрутились, повредивъ только самимъ себѣ. Экономисты довольно согласны между собою относительно опредѣленія причинъ кризиса 1837 года. Шеффле, Михаэлисъ и Виртъ насчитываютъ слѣдующія причины этого кризиса: 1) Политическія событія 1848—1850 г., которыя произвели огромное

передвиженіе металлическаго капитала. 2) Восточная война, потребовавшая около 200 милл. руб. сер. на непроизводительное потребленіе, не считая той траты личныхъ силъ, которая недопускаетъ точнаго исчисленія. Восточная война вызвала сильный запросъ на многіе предметы, усилила требованіе хлѣба и сырыхъ матеріаловъ на заатлантическихъ и Европейскихъ рынкахъ, не знавшихъ прежде такихъ значительныхъ закупокъ. 3) Неурожаи въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, сопровождавшіеся обильною жатвою въ 1857 г. 4) Отрытіе золота въ Калифорніи и Австраліи. 5) Огромный вывозъ серебра въ Азію, подъ вліяніемъ политическихъ событій въ Европѣ и Китайской междоусобной войны. 6) Установленіе новыхъ рынковъ, вслѣдствіе развитія средствъ сообщенія и направленія, принятаго торговлею. 7) Таможенныя облегченія, измѣнившія прежніе разсчеты. 8) Переходъ производства къ большимъ размѣрамъ и быстрые успѣхи, сдѣланные промышленою спеціальностью. 9) Возникновеніе множества обществъ движимаго кредита. 10) Привилегированная система торговыхъ банковъ и нераціональныя основанія кредита. Относительно послѣднихъ двухъ причинъ встрѣчается нѣкоторое разногласіе у названныхъ писателей. Между-тѣмъ, какъ Михаэлисъ и Виртъ сильно возстаютъ противъ обществъ движимаго кредита, Шеффле смотритъ на эти учрежденія благосклоннѣе. Что-же касается банковъ оборотныхъ, то всѣ единогласно осуждаютъ систему депозитовъ; но за то взгляды на вліяніе привилегированнаго устройства кажутся намъ недостаточно ясными. Придерживаясь началъ свободы промышлености, Германскіе экономисты, писавшіе о кредитѣ, не замѣтили послѣдствій, проистекавшихъ изъ пользованія правомъ выпуска билетовъ. Шеффле въ-особенности старался доказать, что количество банковыхъ билетовъ вовсе не было чрезмѣрнымъ и что торговое потрясеніе возникло совершенно-независимо отъ выпуска кредитныхъ орудій обращеній. Уже одинъ перечень причинъ показываетъ, какъ тѣсно онѣ были связаны между собою, то вытекая одна изъ другой, то сливаясь и дѣйствуя совокупно. Между-ними, однакожь, наибольшій интересъ представляютъ для изслѣдователя: во-первыхъ, *накопленіе* и *движеніе металловъ*, и во-вторыхъ, *кредитная система.* Взгляды экономистовъ на измѣненія, сопровождающія скопленія и передвиженіе металлической наличности, сильно разногласятъ между собою. Между-тѣмъ-какъ Боуэнъ низводитъ монеты

до крайняго возможнаго предѣла, Михаэлисъ приписываетъ перемѣщенію металлическаго капитала происхожденіе большей части явленій, ознаменовавшихъ кризисъ. Боуэнъ не отрицаетъ возможности передвиженія металловъ. Причины естественныя, или политическія—неурожай, вспыхнувшая война, возвратъ мира могутъ вызвать внезапное требованіе на капиталъ, предназначенный для отправленія за границу. Это можетъ уменьшить предложеніе и поставить въ затруднительное положеніе закупщиковъ, даже вызвать паническій отрахъ. Поводъ къ большимъ заграничнымъ требованіямъ металлическихъ денегъ можетъ происходить или отъ внезапнаго возрастанія привоза. или отъ внезапнаго уменьшенія вывоза. Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ производится питательныхъ веществъ болѣе, чѣмъ нужно для собственнаго потребленія, послѣдняя причина вѣроятнѣе. При избыткѣ хлѣба и недостаточномъ запросѣ на него въ Европѣ, приходится вывозить золото, вмѣсто средствъ существованія. Въ Англіи, напротивъ, самая лучшая жатва едва бываетъ достаточна, и приходится платить золотомъ за дефицитъ. Въ обоихъ случаяхъ расплата золотомъ не составляетъ характеристической черты явленія. Въ-теченіе времени произведенія оплачиваются произведеніями, привозъ - отпускомъ. Но такъ-какъ требованіе на возвратъ цѣнности бываетъ внезапнымъ и, не посылая золота, намъ пришлось-бы сдѣлать огромныя пожертвованія, то мы отправляемъ монету или слитки, и банковый резервъ истощается. Въ слѣдующемъ году мы покупаемъ наше золото обратно, уменьшая привозъ, или увеличивая отпускъ. Уменьшеніе металлическаго банковаго резерва ведетъ къ возвышенію учетовъ ради безопасности самаго учрежденія. Роль монеты, какъ орудія мѣны, совершенно отлична отъ ея значенія, какъ мѣрила цѣнности. Въ первомъ смыслѣ, какъ изобиліе, такъ и недостатокъ монеты не имѣютъ никакого значенія. Излишнюю монету мы оставляемъ праздною въ кошелькахъ или въ кладовыхъ банка; недостающую можемъ замѣнить банковыми билетами, чеками, или-же взаимнымъ разсчетомъ (account-current). Какъ-бы мы ни повертывали вопроса, но нельзя приписать монетѣ всѣхъ бѣдствій торговаго міра. Торговля есть мѣна товаровъ, и монета играетъ въ ней незначительную роль. Сравнивая деньги съ повозками, можно сказать, что еслибъ не было повозокъ, то мы переносили-бы товары на нашей спинѣ съ нѣсколько-большимъ безпокойствомъ (with little addional trouble). Другое назначеніе монеты — служить

мѣриломъ цѣнности металловъ и произведеній; но въ сравненіи главное не опредѣленіе отношенія товара къ металлу, но товаровъ между собою при помощи металла. Въ этомъ смыслѣ количество послѣдняго безразлично; сравненіе можетъ быть сдѣлано также хорошо, когда много и когда мало монеты. Что-же касается международнаго рынка, то торговцы слитками сами заботятся о такомъ распредѣленіи послѣднихъ, которое позволило-бы монетѣ сохранить одинаковую относительную цѣнность къ другимъ произведеніямъ. Михаэлисъ не приписываетъ кризисъ 1857 г. изобилію или недостатку монеты; но онъ очень удачно группируетъ свои изслѣдованія около передвиженій металлическаго фонда — этого спутника свободнаго оборотнаго капитала, этого орудія капитализаціи и затратъ. Кризисъ 1857 г. отличается отъ предшествовавшихъ своею всеобщностью. Было-бы пошло приписать его установленію всесвѣтныхъ международныхъ сношеній и винить во всемъ Сѣверо-Американскія спекуляціи. Кризисъ былъ вездѣ слѣдствіемъ самостоятельныхъ причинъ, связанныхъ одною общею нитью. «Передъ всеобщимъ взрывомъ (говоритъ Михаэлисъ) мы замѣчаемъ рядъ сотрясеній (Zuckungen), которыя съ 1850 г. обнаруживаются то въ Англіи, то въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, то въ Германіи, то во Франціи. Обращаясь къ ихъ началу, мы выходимъ неизбѣжно къ 1848 г., къ февральскому перевороту и къ открытію Калифорнійскихъ розсыпей». Политическое движеніе 1848 г. ограничило потребленіе необходимымъ и остановило предпріимчивость. Капиталы направились съ континентальныхъ рынковъ въ Америку и въ Англію, въ видѣ денегъ, и вексельный курсъ на Лондонъ достигъ значительной высоты. Премія, платимая по векселямъ, была преміею за переводъ и храненіе имущества въ безопасномъ мѣстѣ. Но, рано или поздно, можно было ожидать, что, деньги возвратятся назадъ. Въ то-же время, при недовѣріи къ Европейскимъ фондамъ, Американскихъ акцій и облигацій притекло въ Европу на сумму отъ 300 — 400 милл. долларовъ. При ограниченіи потребленія и привоза, Европейская континентальная промышленость устремилась на производство предметовъ внѣшняго потребленія; и когда вывозъ золота въ Англіи остановился, тогда водворился такъ-называемый выгодный торговый балансъ. Благородные металлы устремились въ Европу, но сначала они исчезали изъ обращенія, потому-что каждый накоплялъ, пряталъ ихъ не рѣшаясь отважиться на затраты. Особенный элементъ въ этомъ

развитіи составляла Австрія. Огромная фабрикація бумажныхъ орудій обращенія вытѣснила большую массу серебра въ Италію и Германію; но и здѣсь металлъ, какъ наиболѣе-надежное имущество, исчезалъ, служа для капитализаціи. Золото и серебро составляютъ капиталъ предпріимчивости. Въ періодъ 1848 — 1851 г. скопился на Европейскомъ континентѣ этотъ огромный капиталъ предпріимчивости — орудіе, которое, прійдя въ дѣйствіе, должно было произвести огромные результаты. Запросъ, дремавшій долгое время, съ наступленіемъ минуты пробужденія, долженъ былъ поднять цѣны до огромной высоты.» Разборомъ положеній Михаэлиса и Боуэна заключается настоящая вторая статья г. Бунге.

— «Русскій государственный долгъ» — Къ концу 1857 года Русскій государственный долгъ простирался около 1520 милліоновъ рублей. Онъ возрасталъ съ слѣдующей постепенности:

съ 1824 по 1828 годъ	долгъ	уменьшился	приблизительно на	10	милл.
— 1829 — 1838	—	возросъ	—	157	—
— 1839 — 1848	—	—	—	180	—
— 1849 — 1857	—	—	—	617	—

то-есть:

съ 1824 по 1828	долгъ	уменьшался	ежегодно на	$2^1/_2$	милл.	р. с.
— 1829 — 1838	—	возрасталъ	—	$15^7/_{10}$	—	—
— 1839 — 1857	—	—	—	$62^2/_8$	—	—.

Общій итогъ всѣхъ обязательствъ былъ приблизительно

къ	концу	1828	года	373	милл.	р. с.
—	—	1838	—	530	—	—
—	—	1848	—	722	—	—
—	—	1857	—	1520	—	—

Но тяжесть послѣдней цифры для страны всего болѣе увеличивается вслѣдствіе того, что въ составъ этой цифры входитъ 735 милліоновъ долга непроцентнаго, обращающагося въ странѣ въ видѣ бумажныхъ денегъ.» Выпускъ бумажныхъ денегъ есть заемъ непроцентный, дѣлаемый правительствомъ. Казна занимаетъ, выпуская бумажныя деньги Если-же есть занимающій, то долженъ быть и дающій взаймы. Государство, посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ, пріобрѣтаетъ капиталы, оно пріобрѣтаетъ настоящіе дѣйствительные капиталы, и покрываетъ

этими капиталами чрезвычайныя издержки; оно не прибѣгало-бы къ бумажнымъ деньгамъ, еслибы капиталы, доставляемые ими, не были для государства дѣйствительными капиталами. Но всякій капиталъ есть ни что иное, какъ сбереженный плодъ труда, и слѣдовательно, чьи-нибудь сбереженія, чье-нибудь состояніе непремѣнно поступаютъ въ руки государства, въ обмѣнъ на бумажныя деньги, а такъ-какъ по бумажнымъ деньгамъ не платится процентовъ, то слѣдовательно тѣ люди, чьи сбереженія или чье состояніе непосредственно или посредственно поступаютъ въ руки государства, непремѣнно лишаются соразмѣрной части своихъ доходовъ. Свойство займа посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ таково, что онъ не только переводитъ извѣстную часть капиталовъ изъ рукъ частныхъ людей въ руки государства, лишая эту часть капиталовъ способности приносить доходъ, но и независимо отъ того производитъ всеобщее перемѣщеніе богатствъ, между частными людьми, вслѣдствіе чего одни частные люди случайно бѣднѣютъ, а другіе случайно богатѣютъ на ихъ счетъ (такъ напримѣръ кредиторы бѣднѣютъ, а должники случайно богатѣютъ), особенно-же страждутъ отъ этого люди бѣдные. Избытокъ бумажныхъ денегъ производитъ дороговизну. Дороговизна-же всего болѣе бываетъ чувствительна государственной казнѣ; для государственнаго хозяйства она несравненно болѣе обременительна, нежели для частнаго хозяйства; она ложится тяжкимъ бременемъ на государственный бюджетъ и на всѣхъ тѣхъ людей, которые состоятъ въ государственной службѣ. Съ другой стороны, избытокъ бумажныхъ денегъ вводитъ страну въ постоянный обманъ относительно дѣйствительныхъ средствъ ея; онъ прямо ведетъ ее къ растратѣ народнаго богатства, къ неестественному усиленію потребленія на-счетъ дохода будущихъ лѣтъ, и слѣдовательно уменьшаетъ въ будущемъ народный доходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо затрудняетъ введеніе новыхъ или усиленіе прежнихъ налоговъ. Дороговизна настоятельно требуетъ расширенія бюджета, а помѣха, дѣлаемая бумажными деньгами успѣхамъ народнаго благосостоянія, закрываетъ тѣ источники, изъ которыхъ можно было-бы почерпать средства для расширенія бюджета. Дефицитъ не страшенъ, когда быстро возрастаетъ народное благосостояніе, когда быстро увеличивается сумма народныхъ сбереженій. Но кромѣ дефицита нѣтъ средствъ, когда народный капиталъ не прибавляется, а растрачивается и когда уменьшаются

средства людей, несущихъ налоги. Такимъ-образомъ не только относительно народнаго, но и относительно государственнаго хозяйства выпускъ бумажныхъ денегъ оказывается крайне невыгоднымъ способомъ принудительнаго займа. Производя хаосъ въ настоящемъ, потрясая частныя имущественныя отношенія, онъ не освобождаетъ будущихъ поколѣній отъ тяжести долга, и вдобавокъ неизбѣжно разстроиваетъ государственные финансы.»

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

I. Объ электричествѣ и методическомъ примѣненіи его къ врачебнымъ цѣлямъ. Соч. доктора *Оскара Ковалевскаго.* Ч. I. XVI и 396 стр. in-8 большаго формата, съ 57 политипажами. С. Петербургъ, 1858.

II. Галвано-терапія, или врачебное примѣненіе постояннаго галваническаго тока, по способу Берлинскаго врача, доктора Р. Ремака. Обработалъ *Оскаръ Ковалевскій.* Съ двумя чертежами. X и 100 стр. С. Петербургъ, 1859.

Хотя медицина уже издавна, чуть не съ перваго изобрѣтенія электрической машины, или по-крайней-мѣрѣ Лейденской банки Мушенбрёка, пыталась употреблять для своихъ цѣлей силу, получаемую изъ этихъ снарядовъ; однако весьма еще не давно — лѣтъ пятнадцать тому назадъ, — *раціональное* примѣненіе электричества къ леченію болѣзней для большинства медицинскихъ авторитетовъ казалось никогда неосуществимою мечтой праздныхъ умовъ, и это драгоцѣнное цѣлебное средство предоставлено было на долю эмпирикамъ — электризерамъ и врачебнымъ промышленикамъ. На нашей памяти еще тѣ времена, когда даже всякія новыя попытки ко введенію электричества въ научную медицину считались предосудительными, почти наравнѣ съ отыскиваніемъ философскаго камня. У г. Ковалевскаго, въ историческомъ очеркѣ первой части сочиненія его «*Объ электричествѣ*», прекрасно выставлены тѣ злополучныя внѣшнія обстоятельства, которыя, до временъ Дюшенна, отталкивали истинныхъ врачей отъ занятія электрическимъ леченіемъ.

Но, кромѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, успѣшности этого леченія препятствовали много несовершенство источниковъ добыванія электричества, незнаніе или даже превратное пониманіе образа дѣйствія этой силы на разныя ткани и органы человѣческаго тѣла, незнаніе, наконецъ, тѣхъ самобытныхъ электро-физіологическихъ явленій, которыя въ наше время открыты въ животныхъ тѣлахъ.

Парижскій врачъ Дюшеннъ, издавшій въ 1855 г. извѣстное сочиненіе свое «De l'électrisation localisée» не только надѣлилъ врачебную науку болѣе совершенными электрическими снарядами въ которыхъ соединены всѣ преимущества *индуктивнаго* электричества, но, что̀ еще важнѣе, открылъ возможность ограничивать дѣйствіе электричества лишь желаемою, точно-опредѣленною частью тѣла, — однимъ какимъ-нибудь органомъ, одною данной мышцею, или даже мышечнымъ пучкомъ, направлять электрическій токъ по произволу на нервный стволъ, периферическія нервныя развѣтвленія—на одну кожу, не касаясь лежащихъ подъ нею тканей, и пр.

На этомъ-то открытіи и основана его *мѣстная электризація*, въ которой по-справедливости должно признать одно изъ величайшихъ и благотворнѣйшихъ пріобрѣтеній новѣйшей науки. Старинные электризеры, употреблявшие по-преимуществу Лейденскую банку, дѣйствовали ея ударами наугадъ, потрясали всю нервную систему и часто возбуждали опасные рефлективные припадки тогда-какъ на больную часть тѣла приходилась иногда самая слабая доля электрической силы, — откуда безуспѣшность леченій, а иногда даже и вредныя послѣдствія. Теперь-же врачу дана возможность дѣйствовать прямо и съ какой угодно силой на ту только часть тѣла, въ которой гнѣздится болѣзнь, или отъ которой болѣзнь зависитъ, нимало не производя ненужныхъ или даже вредныхъ потрясеній въ другихъ — здоровыхъ органахъ и системахъ.

Дѣйствіе по способу мѣстной электризаціи, или *фарадизаціи*, какъ назвалъ ее Дюшеннъ, доставило въ рукахъ его рядъ блестящихъ торжествъ, какихъ немного внесено въ лѣтописи врачебной науки. Но чрезвычайное обиліе новыхъ фактовъ, открытыхъ Дюшенномъ и относящихся преимущественно къ физіологіи мышечной системы, до такой степени поглотило вниманіе этого ученаго, что онъ ни разу даже не подумалъ сдѣлать себѣ вопросы о томъ: какимъ-же именно таинственнымъ внутреннимъ механиз-

момъ электричество доставляло ему иногда такія чудныя излеченія? Какими путями электрическое возбужденіе, направляемое на периферію, отражается иногда цѣлебно въ нервныхъ центрахъ или другихъ глубокихъ органахъ? Дюшеннъ такъ уже безусловно связалъ себя понятіемъ о *мѣстномъ* дѣйствіи электричества, употребляемаго по его способу, что всякое цѣлебное вліяніе этой силы, проявляющееся за предѣлами непосредственнаго приложенія электродовъ, оставалось, съ его точки зрѣнія, рѣшительно необъяснимымъ. Почему, напр., иногда, при леченіи парализованныхъ ногъ, само собою возстановляется ослабленное зрѣніе или слухъ; почему порой, при дѣйствіи на голову, излечиваютъ разстроенное пищевареніе, и т. п.? Такіе факты хорошо извѣстны какъ самому Дюшенну, такъ и всѣмъ другимъ электро-терапевтамъ; но на нихъ, — на эти отдаленныя и не входящія въ разсчетъ врача дѣйствія электричества, примѣняемаго *мѣстно*, всѣ они смотрѣли какъ-то поверхностно и вовсе не старались разгадать ихъ значеніе. Послѣдователи Дюшенна, каковы: Морицъ Мейеръ, Эрдманъ, Байерлахеръ, Филипо и др., ограничивались, подобно самому основателю новой электро-терапіи, изученіемъ и примѣненіемъ тоже одного *чисто-мѣстнаго* дѣйствія электричества, выражающагося сокращеніемъ мышцъ и болью.

Г. Ковалевскій, въ изданномъ имъ нынѣ сочиненіи: «Объ электричествѣ», первый обратилъ вниманіе на *отдаленныя* дѣйствія электричества, примѣняемаго мѣстно, и постарался объяснить эти дѣйствія точными данными науки. Ключъ къ рѣшенію этого темнаго вопроса онъ нашелъ въ геніальныхъ открытіяхъ Дюбуа-Реймона по части животнаго электричества и въ законахъ Ампера, опредѣляющихъ дѣйствія токовъ на токи.

Руководствуясь этими основаніями, г. Ковалевскій развиваетъ въ своемъ сочиненіи ту мысль, что сокращеніемъ мышцы не оканчивается еще физіологическое дѣйствіе мѣстно-примѣняемаго электричества, но что дѣйствіе это, путемъ нервовъ, чрезъ такъ-называемое *отрицательное колебаніе электрическихъ токовъ* (negative Schwankung), проникаетъ даже въ самую глубину нервныхъ центровъ. Этимъ только и объясняется возможность дѣйствовать электричествомъ на головной и спинной мозгъ, которые, будучи заключены въ костныхъ полостяхъ, недоступны прямому вліянію электрическихъ токовъ. Съ точки зрѣнія автора, электро-терапія получаетъ совсемъ иное значеніе и становится въ полномъ смыслѣ

методой по-превосходству *физіологической и раціональной.* Электризацію-же, по способу Дюшенна, мы должны признавать *мѣстною* лишь въ весьма ограниченномъ и условномъ значеніи, или даже совсѣмъ откинуть отъ нея этотъ эпитетъ, въ наше время уже не вполнѣ *физіологическій.*

Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ г. Ковалевскій: «Взглядъ современныхъ электро-терапевтовъ на дѣйствіе электричества, по моему мнѣнію, одностороненъ. Самъ Дюшеннъ, открывшій намъ широкій путь къ раціональному примѣненію созданной имъ мѣстной фаредизаціи, и доставившій наукѣ столь важные и блестящіе результаты по части физіологіи, патологіи и терапіи, думаетъ однако, что употребляемая имъ мѣстная фаредизація *ограничивается* въ цѣлебномъ дѣйствіи своемъ возбужденіемъ лишь частей тѣла, чрезъ которыя пропускаются электрическіе токи. Воззрѣніе его, какъ и убѣжденіе другихъ извѣстнѣйшихъ электро-терапевтовъ: Морица Мейера, Эрдмана, Байерлахера, Беккереля и др., признающихъ въ электричествѣ средство лишь раздражающее (excitans, irritans), принадлежатъ, по моему мнѣнію, къ такимъ заблужденіямъ, которыя мы прежде всего считаемъ необходимымъ опровергнуть, и ясными фактами доказать всю многосторонность цѣлебныхъ дѣйствій электричества на организмъ» (стр. 4).

Затѣмъ г. Ковалевскій, приведя въ бѣгломъ очеркѣ тѣ наблюденія, которыя служатъ основою взгляда его на предметъ, заключаетъ такъ: «Присвоенное электричеству названіе *раздражающаго* (*excitans*, *irritans*, *Reizmittel*) средства всего менѣе приличествуетъ ему. Раздражающее вліяніе его, къ которому случается иногда прибѣгать при накожной фаредизаціи, составляетъ совершенно-исключительный кругъ его дѣйствія. Гораздо свойственнѣе понимать дѣйствіе электричества, какъ *физіологическаго возбудителя* (*stimulus*): *вызывая въ каждой нервной сферѣ, въ каждой даже нервной нити специфически-свойственныя имъ физіологическія отправленія, электричество ставитъ организмъ въ возможность собственными, данными ему отъ природы силами удалять болѣзненныя начала и продукты путемъ чисто-физіологическихъ движеній.* Средство это, какъ мы видѣли, удаляющее патологическія отложенія, увеличивающее массу тѣла и мясистыхъ его частей, возстанавливающее произвольныя и непроизвольныя движенія, а укрощающее неправильныя, то усиливающее, то уменьшающее отдѣленіе желѣзъ, то ускоряющее, то замедляющее біенія сердца и его

артерій, и все это въ видахъ физіятрическихъ, — утоляющее боли и оживляющее умственную и психическую дѣятельность, — средство это, говоримъ, ожидаетъ еще классическаго названія для обозначенія всѣхъ его дѣйствій, которыя мы старались оттѣнить, по-возможности, обычными, но въ сущности ничего не поясняющими школьными терминами. Для насъ, повторяемъ, оно будетъ имѣть значеніе общаго *физіологическаго возбудителя*» (стр. 17).

И такъ, для автора, электричество — это дѣятель, способный доводить до maximum физіологическое отправленіе, свойственное каждому органу, каждой системѣ, или отдѣлу системы. Едва-ли въ наше время станетъ кто опровергать правильность такого взгляда, который выведенъ г. Ковалевскимъ изъ терапевтическихъ наблюденій, и который съ каждымъ днемъ находитъ себѣ болѣе и болѣе подтвержденій въ прямыхъ физіологическихъ опытахъ. Изъ числа многихъ, мы укажемъ на изслѣдованія Кл. Бернара (Gazette médicale de Paris. 1858. № 34), который убѣдился, что нервы одной системы (черепно-мозговые), будучи возбуждаемы гальванизмомъ, или какимъ-бы ни было другимъ дѣятелемъ, производятъ *расширеніе* кровоносныхъ сосудовъ и *увеличеніе* органическихъ отдѣленій (напр. слюны), тогда-какъ возбужденіе нервовъ другой системы (симпатическихъ) сопровождается *съуженіемъ* кровоносныхъ сосудовъ и *уменьшеніемъ* этихъ отдѣленій, — т.-е. прямо-противуположными явленіями. Еще точнѣе этотъ законъ нервной физики формулированъ Пфлюгеромъ, который говоритъ: «Одинъ и тотъ-же нервъ или нервы отвѣчаютъ одинаково на возбужденіе какого-бы рода оно ни было, — механическое, химическое, электрическое и пр.; и на-оборотъ, одно и то же возбужденіе, направляемое на разные нервы, вызываетъ въ каждомъ изъ нихъ особенную специфически-свойственную ему дѣятельность» (Müller 's Arch. Heft. I. 1858) Отсюда понятно, почему одна и та-же сила—электричество, направляемая раціональнымъ путемъ то на тѣ, то на другіе отдѣлы нервовъ, можетъ вызывать совершенно-противуположныя физіологическія явленія и приносить пользу въ столь различныхъ, не похожихъ одна на другую болѣзняхъ. По этому нельзя не согласиться со взглядомъ г. Ковалевскаго на тотъ процессъ, которымъ электричество производитъ исцѣленіе данной болѣзни, и который онъ опредѣляетъ такимъ образомъ: *Процессъ этотъ*, говоритъ авторъ, *заключается во взаимномъ дѣйствіи внѣшнихъ электрическихъ токовъ на предсуще-*

ствующіе въ организмѣ животные токи, и чрезъ посредство ихъ на желаемый нервный центръ, — какъ это мы высказали во введеніи (стр. 17) и при ученіи о дѣйствіи электричества на органы движенія (ст. 258). Всѣ другія видимыя физіологическія явленія, при дѣйствіи электрическихъ токовъ, каковы сокращенія мышцъ, увеличеніе температуры и массы электризуемыхъ частей, умноженіе отдѣленій и выдѣленій и пр., суть только *вторичные, послѣдовательные результаты этого первоначальнаго и главнѣйшаго процесса*, который, замѣтимъ, до сего времени ускользалъ отъ вниманія всѣхъ электро-терапевтовъ, не исключая и Дюшенна» (стр. 366). И дѣйствительно, — если судить по сочиненію Дюшенна, то можно подумать, что онъ ничего не знаетъ и не слышалъ о физическихъ законахъ, открытыхъ его соотечественникомъ — Амперомъ и Берлинскимъ профессоромъ Дюбуа-Реймономъ.

Понятіе автора о самомъ электричествѣ, какъ физическомъ дѣятелѣ, служитъ выраженіемъ нынѣшнихъ идей первоклассныхъ авторитетовъ по части физики: Фарэдея, Пулье, I. Мюллера, Гаварре, Деля-Рива, Вебера и др., т.-е. что сила, которую обозначаютъ словами *статическое электричество, гальванизмъ, магнитизмъ, животное электричество*, въ существѣ своемъ одна и таже и разнится только по своимъ проявленіямъ, смотря по различію источниковъ, порождающихъ ее.

«Сообразуясь съ современными успѣхами физики, замѣчаетъ авторъ, правильнѣе было-бы изложить ученіе объ электричествѣ на основаніи общихъ его законовъ, не прибѣгая къ подраздѣленіямъ, которымъ мы слѣдуемъ. Но мы рѣшились удержать классификацію прежней школы относительно видовъ электричества, главнѣйше на томъ основаніи, что, въ физіологическомъ и терапевтическомъ отношеніи, разные виды электричества рѣзко отличаются другъ отъ друга. При дальнѣйшемъ изложеніи предмета увидимъ, чѣмъ именно они разнятся между собой, и что имѣютъ общаго, хотя, повторяемъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что всѣ они суть ни что иное, какъ многостороннее выраженіе одной и той-же силы, - какъ убѣдительнѣе всего доказываютъ труды Вебера, переданные нашимъ физикомъ г. Любимовымъ» (стр. 53).

Сообразно этому, авторъ описываетъ отдѣльно явленія и законы: а) электричества тренія или статическаго, b) динамическаго

съ подраздѣленіемъ его на галванизмъ и индукцію, c) животнаго электричества и d) атмосфернаго и земнаго.

При первыхъ двухъ отдѣлахъ описаны и изображены всѣ лучшіе врачебные снаряды, съ новѣйшими ихъ усовершенствованіями, которыми наука особенно обязана Дюшенну, Дюбуа-Реймону, Штереру, Геллеру и нашему С. Петербургскому механику г. Альбрехту. Мы встрѣчаемъ здѣсь даже первоначальные индуктивные снаряды, каковы Гютербока и Неефа-Вагнера, которые, вѣроятно, приведены авторомъ болѣе для исторической полноты, такъ-какъ къ подобнымъ снарядамъ въ наше время никто уже не станетъ прибѣгать. Само собою разумѣется, что успѣшность электрическаго леченія много зависитъ отъ совершенства снаряда; но какому, среди такого множества ихъ, отдать предпочтеніе? Для рѣшенія этого вопроса, доступнаго только для самаго опытнаго электро-терапевта, г. Ковалевскій излагаетъ подробно тѣ условія, которымъ необходимо долженъ удовлетворять хорошій врачебный снарядъ какъ галвано-магнитной, такъ и магнитной индукціи, и которыя послужатъ врачамъ достаточнымъ указаніемъ при выборѣ такихъ снарядовъ.

Животное электричество, котораго существованіе и сокровеннѣйшіе законы съ математической точностью доказаны въ наше время образцовыми изслѣдованіями Дубуа-Реймона, послужило предметомъ одного изъ интереснѣйшихъ и, безспорно, важнѣйшихъ отдѣловъ въ книгѣ г. Ковалевскаго. Онъ первый изложилъ на Русскомъ языкѣ съ такою подробностью ученіе Дюбуа-Реймона, служащее ключемъ къ разгадкѣ многихъ жизненныхъ явленій нервной и мышечной системы и краеугольнымъ камнемъ новѣйшей электро-терапіи. Смутное понятіе прежнихъ ученыхъ о такъ-называемой *нервной силѣ*, *нервной жидкости* (fluidum nerveum), которою объяснялась вся дѣятельность нервной системы, всѣ проявленія нервной жизни, сводится теперь, по убѣжденію большей части физіологовъ, уже къ болѣе опредѣленному началу,—къ животному электричеству. Чтобы показать всю многозначительность нынѣшняго ученія о животномъ электричествѣ, послушаемъ окончательные выводы автора, которыми онъ заключаетъ изложеніе этого предмета.

«Не увлекаясь примѣромъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ физіологовъ, говоритъ онъ, принимающихъ животное электричество за начало тожественное съ нервнымъ, мы не можемъ однако не ука-

зать на слѣдующіе многозначащіе для электро-терапіи факты, которые сами собою вытекаютъ изъ изложеннаго нами ученія:

«1) Что въ животныхъ тканяхъ, особенно въ нервахъ и мышцахъ во время физіологической, свойственной имъ дѣятельности, обнаруживаются неизбѣжно и неразлучно съ нею электрическія явленія.

«2) Что ткань животнаго организма способна къ физіологическимъ своимъ отправленіямъ, пока она обнаруживаетъ электрическіе токи, соотвѣтственные физіологическому ея покою.

«3) Что электричество, получаемое изъ приборовъ, въ состояніи вызывать въ испытываемой ткани такія измѣненія въ собственныхъ ея электрическихъ токахъ, какія необходимы для физіологическаго ея отправленія; или, иначе говоря, электричество, притекающее въ ткань извнѣ, возбуждаетъ въ ней специфическую ея дѣятельность.

«4) Что между различными родами электричества, индуктивное имѣетъ то преимущество, что, производя такія электрическія измѣненія въ тканяхъ, какія необходимы для проявленія физіологическихъ ихъ дѣйствій, не оказываетъ разрушительнаго химическаго вліянія на эти ткани.»

Отдѣлъ объ *электрическихъ рыбахъ* исполненъ обще-доступнаго интереса. Описаніе физическихъ и физіологическихъ свойствъ этихъ замѣчательныхъ животныхъ имѣетъ тѣмъ большую цѣну, что г. Ковалевскій, находившись въ 1845 г. въ Неаполѣ, въ качествѣ члена седьмаго конгресса Италіянскихъ ученыхъ, самъ видѣлъ почти всѣ опыты, какіе были производимы тогда Деля-Ривомъ и Маттеуччи, надъ замѣчательнѣйшею изъ такихъ рыбъ—электрическимъ угремъ (gymnotus elec.), присланнымъ изъ Бразиліи.

Вторая глава, содержащая въ себѣ электро-физіологію, начинается критическимъ изслѣдованіемъ вопроса о томъ: имѣютъ-ли мышцы самостоятельную сократительность, какъ принималъ Галлеръ, или же онѣ сокращаются только по причинѣ присутствія въ нихъ двигательныхъ нервныхъ нитей? «Правильное пониманіе этого вопроса, говоритъ авторъ, объяснитъ намъ все значеніе *непосредственнаго* дѣйствія электрическихъ токовъ на мышечныя волокна, и покажетъ неоспоримыя преимущества его, въ извѣстныхъ случаяхъ, предъ *посредственнымъ*, т. е. направляемымъ на мышцы путемъ двигательныхъ ихъ нервовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, надѣемся, рѣшится самъ собой безплодный и нескончаемый споръ Дюшенна

и Ремака о преимуществахъ перваго и послѣдняго способовъ электризаціи.» Г. Ковалевскій совокупилъ множество доказательствъ для убѣжденія, что элементарныя мышечныя волокна дѣйствительно сами по себѣ сократимы. Извѣстно, что на сторонѣ этого мнѣнія авторитеты Броунъ-Секара, Бернара и Кёлликера.

Затѣмъ мы находимъ основанное на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ ученіе объ отраженныхъ (рефлективныхъ) явленіяхъ, которыя, при электрическомъ леченіи, играютъ весьма важную роль,— роль, можетъ быть, даже важнѣе той, какую приписываетъ имъ авторъ, полагая, что электро-терапія только *иногда* пользуется рефлексами для цѣлебныхъ цѣлей.

Степень сопротивленія животныхъ тканей прохожденію электрическаго тока и дѣйствіе токовъ на разныя ткани, какъ то: на нервы разныхъ отдѣловъ, ихъ центры, на мышцы какъ произвольныя, такъ и органическія и проч., изложены съ такой полнотой, какой не находимъ ни у одного изъ предшественниковъ г. Ковалевскаго.

Переходя къ различнымъ способамъ врачебнаго примѣненія электричества, авторъ излагаетъ: 1) мѣстную фарадизацію по методѣ Дюшенна, 2) электро-гидропатическую методу доктора Кабата, 3) ослабляющій способъ, 4) электро-пунктуру, 5) методы возмѣстительную и возмущающую и наконецъ 6) эмпирическую или леченіе посредствомъ безпорядочныхъ рефлексовъ. Методы-же электро-литическая доктора Круссели и гальвано-каустическая Миддельдорпфа отнесены ко второй части, гдѣ авторъ предполагаетъ говорить о примѣненіи электричества къ хирургіи. Изъ всѣхъ этихъ методъ, фарадизація, какъ можно было и ожидать, изложена съ наибольшею подробностью, при чемъ показаны обстоятельно всѣ техническіе пріемы для электризаціи разныхъ частей тѣла, не исключая и внутреннихъ органовъ. Какъ возбужденіе нервныхъ нитей, двигательныхъ и смѣшанныхъ, бываетъ самою частою задачею электро-терапевта, то г. Ковалевскій, на тщательно-сдѣланныхъ анатомическихъ рисункахъ, представилъ тѣ точки, въ которыхъ эти нервы лежатъ наиближе къ толщѣ кожи, и потому всего доступнѣе дѣйствію токовъ. Эти рисунки, составленные по добросовѣстнымъ трудамъ д-ра Цимсена, послужатъ драгоцѣннымъ пособіемъ для начинающаго заниматься электрическимъ леченіемъ.

Послѣ способа мѣстной фарадизаціи, имѣющей самый обширный кругъ примѣненія, авторъ обращаетъ вниманіе врачей на

электро-гидропатическій способъ доктора Кабата, который придумалъ соединить дѣйствіе воды съ дѣйствіемъ электричества. Этотъ способъ, доставившій г-ну Кабату нѣсколько превосходныхъ результатовъ, не имѣетъ однако такихъ отчетливыхъ научныхъ оснований, какъ мѣстная электризація, и потому, не смотря на похвалы г. Ковалевскаго, электро-гидропатическая метода, вѣроятно, никогда уже не встанетъ изъ забвенія, въ которомъ глубоко покоилась съ 1844 г. При томъ же леченіе водою, — разумѣется, раціональное, какимъ оно обѣщаетъ сдѣлаться въ скоромъ времени, — само по себѣ во многихъ случаяхъ такъ дѣйствительно, что едва ли оно нуждается въ союзѣ съ электричествомъ.

Всѣ другія исчисленныя нами методы занимаютъ нынѣ самое подчиненное мѣсто въ практикѣ и имѣютъ себѣ весьма немного представителей въ наукѣ. Оттого и г. Ковалевскій касается этихъ мало-раціональныхъ и мало-успѣшныхъ способовъ лишь поверхностно. Впрочемъ, въ противность мнѣнію Дюшенна, онъ ожидаетъ весьма важныхъ услугъ отъ электро-пунктуры, т.-е. отъ дѣйствія электричествомъ на глубоко-лежащія части тѣла помощію втыкаемыхъ въ нихъ иголъ, — надежда, которой мы позволяемъ себѣ не раздѣлять съ ученымъ нашимъ авторомъ.

Книга оканчивается главою о примѣненіи фарадизаціи къ распознаванію болѣзней и предсказанію ихъ исхода. Узнать болѣзнь, значитъ почти вылечить ее, — говорили въ старину. Теперь не говорятъ этого; но все-же важное значеніе точной діагностики могутъ отвергать одни развѣ гомеопаты. Почти для всѣхъ болѣзней новѣйшая медицина имѣла уже довольно вѣрныя средства къ распознаванію, — исключая только параличей, которыхъ источники сколько разнообразны, столько-же и темны. Дюшеннъ пополнилъ этотъ недостатокъ, указавъ, какъ по различному состоянію сократительности и чувствительности мышцъ (подъ вліяніемъ электрическихъ токовъ), опредѣлять свойство, происхожденіе, а иногда и самый исходъ паралича, и узнавать съ точностью, какія именно мышцы входятъ въ область паралитическаго пораженія.

Таково, въ сущности, разнообразное содержаніе первой части сочиненія г. Ковалевскаго, встрѣтившаго одобрѣніе всѣхъ безпристрастныхъ ревнителей отечественной медицины. Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ изданной имъ недавно «*Галвано-терапіи, или врачебномъ примѣненіи постояннаго галваническаго тока, по способу Ремака.*»

Метода Берлинскаго электро-терапевта Ремака въ послѣдніе годы сильно подстрекала любопытство врачей всѣхъ странъ, потому-что Ремакъ содержалъ ее въ тайнѣ, а между-тѣмъ въ разныхъ газетахъ то и дѣло сообщалъ о достигаемыхъ имъ весьма замѣчательныхъ излеченіяхъ помощію галваническаго тока. Наконецъ, почти въ одно время съ книгой г. Ковалевскаго «*Объ электричествѣ*» явилось въ Берлинѣ описаніе методы Ремака, подъ заглавіемъ: «*Galvanotherapie der Muskel- und- Nervenkrankheiten.*» Мы съ полнымъ вниманіемъ прочли эту книгу и нашли въ ней множество вновь замѣченныхъ Ремакомъ фактовъ, относящихся какъ къ физіологическимъ, такъ и врачующимъ дѣйствіямъ галваническаго тока; но, скажемъ откровенно, Ремакъ — большой врагъ послѣдовательности, ясности и малословія; особенно непонятно описанъ придуманный имъ врачебный галваническій снарядъ, тогда-какъ безъ этого снаряда нельзя примѣнять и самой его методы. При томъ-же, Ремакъ слишкомъ уже пристрастно судитъ о фарадизаціи Дюшенна и считаетъ ее во всѣхъ отношеніяхъ ниже галванизаціи; въ этомъ случаѣ Ремакъ подчиняется очевидно вліянію тѣхъ не совсѣмъ дружелюбныхъ отношеній, какія существуютъ издавна между имъ и знаменитымъ Парижскимъ электро-терапевтомъ.

Монографія г. Ковалевскаго, по нашему мнѣнію, практичнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ книга Ремака. Въ первой мы встрѣчаемъ только тѣ электро-физіологическіе и электро-терапевтическіе факты, которые дѣйствительно составляютъ новое пріобрѣтеніе науки, а не повтореніе прежде уже извѣстнаго. Кромѣ-того, во многихъ случаяхъ г. Ковалевскій исправляетъ сужденія Ремака на-счетъ галвано-магнитной и магнитной индукціи, хотя ближайшую терапевтическую оцѣнку этого послѣдняго рода элетричества, сравнительно съ галваническимъ, онъ обѣщаетъ представить только во второй части своего сочиненія. Далѣе, у г. Ковалевскаго не только описанъ совершенно-ясно галваническій снарядъ Ремака, но и поясненъ двумя отчетливо-сдѣланными чертежами; а для врачей — это едва-ли не самое существенное.

Изъ приведенныхъ въ монографіи многочисленныхъ исторій болѣзней, мы ближе знакомимся какъ съ технической стороной весьма сложной методы Ремака, такъ и съ достигаемыми, помощію ея, цѣлебными результатами. По этимъ уже результатамъ позволительно думать, что галванизація займетъ важное мѣсто въ элек-

тро-терапіи, — тѣмъ болѣе, что самые способы примѣненія гальваническихъ токовъ непремѣнно съ каждымъ днемъ должны совершенствоваться, и мы имѣемъ полное основаніе надѣяться, что въ усовершенствованіи какъ этой, такъ и другихъ методъ электризаціи немаловажная часть выпадаетъ на долю нашего ученаго и трудолюбиваго электро-терапевта.

Обѣ книги г. Ковалевскаго изданы съ такою роскошью, къ какой издатели Русскихъ книгъ ученаго содержанія не пріучили еще нашей публики. О слогѣ мы считаемъ излишнимъ говорить, потому-что умѣнье г. Ковалевскаго владѣть перомъ достаточно уже извѣстно публикѣ изъ многочисленныхъ журнальныхъ его статей и прежнихъ сочиненій. Обѣ эти книги можетъ читать съ пользой не только врачъ, но и каждый образованный человѣкъ. Особенно мы совѣтовали-бы прочесть ихъ каждому, кто, будучи одержимъ какимъ-либо упорнымъ недугомъ, собирается прибѣгнуть къ электрическому леченію: тогда всякій лучше пойметъ, чего можетъ онъ ожидать для себя отъ фарадизаціи Дюшенна, или гальванизаціи Ремака.

Докторъ **К. Грумъ.**

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ПЕРВУЮ ТРЕТЬ 1859 ГОДА.

V. Географія, этнографія и путешествія.

Въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго географическаго Общества явились слѣдующія статьи: *Отчетъ о дѣйствіяхъ Общества за* 1858 *годъ* (№ 1); *Польскія приходно-расходныя книги XVII и XVIII столѣтій*, Ю. Рѣхневскаго (ibid.); *Елецкій уѣздъ въ историческомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ*, М. Стаховича (ibid.); *Отчетъ о дѣйствіяхъ Сибирской экспедиціи въ лѣто* 1858 *г.* (№ 2); *О вулканическихъ явленіяхъ земнаго шара*, А. В фонъ-Бушена (ibid. № и 3); *Вельскъ, уѣздный городъ Вологодской губерніи*, Г. Воронова (№ 2); *Мещевскъ, уѣздный городъ Калужской губерніи*, Ляметри (ibid.); *Геофанія или употребленіе земли въ пищу* (ibid.); *Іеддо и его окрестности* (ibid.); *Шангайскій журналъ* (ibid.); *Очеркъ мѣстности между заливомъ де-Кастри и р. Амуромъ*, Д. Н. Романова (№ 3); *Обзоръ важнѣйшихъ географическихъ работъ въ Россіи за* 1858 *г.*, А. Б. фонъ-Бушена (ibid.); *Соляныя озера Минусинскаго края* (ibid.); *О будущности Британской Колумбіи и острова Ванкувера* (ibid.); *Русскій путешественникъ г. Карчевскій* (ibid.); *Ученая экспедиція доктора Гея* (ibid.); *Народонаселеніе Нидерландской монархіи* (ibid.); *Доходы съ горныхъ промысловъ Великобританіи за* 1837 *г.* (ibid.); *Желѣзная дорога изъ Смирны въ Айдинъ* (ibid.); *Отчеты о дѣйствіяхъ Хорасанской экспедиціи*, графа Кейзерлинга, Бунге, Гебеля, Ленца (ibid.); *Обозрѣніе р. Усури и земель къ востока отъ нея до моря*, М. Венюкова (ibid.); *Островъ Барбадосъ* (ibid.); *Восхожденіе на гору Демавендъ* (ibid.);

Финиковыя пальмы на берегахъ Каспійскаго моря, въ прежнее время и теперь (ibid.); *Нѣмецкая книжная торговля* (ibid.); *Новая Зеландія, какъ страна колонизаціи* (ibid.); *Мнѣнія Англичанъ и Американцевъ о Русскомъ владычествѣ на Амурѣ* (ibid.); *Извѣстія о западной Америкѣ* (ibid.); *О переселеніяхъ Китайцевъ* (ibid.).

Въ прочихъ изданіяхъ къ географіи и этнографіи нашего отечества относятся слѣдующія статьи: *Городъ Кролевецъ и его ярмарки* (Ж. мин. вн. д. № 1); *Бытъ крестьянина восточной Сибири* (ibid. № 2); *Голая пристань и соленое при ней озеро* (ibid.); *Историческія розысканія о поселеніи Русскихъ на Амурѣ* (Биб. для чт. № 3); *Климатъ Европейской Россіи*, А. Н. Бекетова (Рус. вѣст. № 3 и 4); *Еще о городскихъ головахъ уѣздныхъ городовъ*, П — ва (Моск. вѣд. № 15); *Отрывки изъ путевыхъ замѣтокъ*, К. П. (ibid. № 16); *Краткій очеркъ Ордубатскаго уѣзда* (Кав. № 21); *Нижегородская ярмарка* (Рус. дн. № 3 и 4, 66 и 68); *Прогулка въ Новгородѣ*, М. П. Погодина (ibid. № 6 и 7); *Письмо изъ Саратова* (ibid. № 8); *Замѣтки на пути изъ Новгорода въ Олонецкую губернію*, Н. Отто (ibid. № 9, 10, 11, 26, 27, 28, 29 и 30); *Бытъ Литовскихъ крестьянъ* (ibid. № 11); *Свадебные обряды въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи* (ibid. № 12 и 14); *Очерки Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства*, Θ. Лазаревскаго (ibid. № 14 и 15); *Новоселье у Чувашъ села Новыхъ Айбесъ, Буинскаго уѣзда* (ibid. № 14); *О климатѣ Новгорода*, Н. Лѣсневскаго (ibid. № 20); *Провинціальныя письма* (ibid. № 22, 34, 35 и 69); *Лѣшій, этнографическій очеркъ* (изъ путешествія по Костромской губерніи), П. А. Андроникова (ibid. № 25); *Очеркъ Маріуполя*, А. Скальковскаго (ibid № 26); *Нѣкоторыя народныя повѣрья во Владимірской губерніи* (ibid. № 31); *Историческія замѣтки о Чистопольскомъ уѣздѣ*, Н. О. Линдсгрена (ibid. и № 32); *Виленская хроника* (ibid. № 32 и 60); *Село Богородское Горбатовскаго уѣзда* (ibid. № 34 и 35); *Отъ Азеевой до Елатьмы*, К. С. Т. (ibid. 36); *Вѣсти изъ Зырянскаго края*, Ф. А. Арсеньева (ibid. № 45); *Изъ Херсона въ Кишиневъ.* Изъ путевыхъ замѣтокъ Θаддея Березина (ibid.); *Замѣчанія о Новгородской губерніи и Новгородѣ*, Н. К. Отто (ibid. № 47); *Ярославская хроника* (ibid. № 48); *Слобода Кукарка, Яранскаго уѣзда Вятской губерніи* (ibid. № 48); *Вознесенскій посадъ* (ibid. № 49); *Отрывокъ изъ Саратовской старины* (ibio. № 51); *Верхнеднѣпровская хроника* (ibid.); *Рыбная ловля въ Новгородѣ и его окрестностяхъ*, Н. Лѣсневскаго (ibid. № 59); *Изъ Пріозерска дяди Филимона* (ibid.); *Пись-*

ма изъ Вологды, Сѣверянина (ibid. № 66 и 76); *Очерки хозяйственнаго быта въ Новороссіи*, Д. Георгіевскаго (ibid. № 65 и 66); *Ильинъ день въ селѣ Нощульскомъ*, М. Косарева (ibid. № 65); *Свадебные обряды Эстовъ*, А. Е. Грена (ibid.); *Костромская губернія въ 1858 г.* (ibid. № 76—78); *Хозяйство Астрахани*, А. А. (ibid. № 77); *Ейскій округъ земли войска Черноморскаго*, А. П. (ibid. № 87); *Русскіе на Амурѣ въ XVII столѣтіи*, С. Яковлева (Рус. газ. № 8, 7 и 9); *Мезенскіе Самоѣды*, Д. Соколова (ibid. № 11, 12 и 13); *Отрывки изъ путевыхъ записокъ*, М. А. Коркунова (Архивъ истор. и практ. свѣд. кн. I); *Раекъ Ярославца*, П. А. Шестернина (ibid.); *Нѣчто о многомъ*, Н. Б—ва (ibid.); *Орловская старина*, К. (ibid.); *Книга Травникъ*, сообщ. В. В. Губертъ (ibid.).

— «Историческія изысканія о населеніи Русскихъ на Амурѣ».— Свѣдѣнія, изложенныя въ этой статьѣ, заимствованы изъ недавно-изданной книги «Исторія рѣки Амура, составленная изъ обнародованныхъ источниковъ». Свѣдѣнія эти весьма любопытны, сообщаемъ извлеченіе изъ нихъ для нашихъ читателей. «Первое извѣстіе объ Амурѣ относится къ 1636 году, когда Томскіе казаки встрѣтились въ Охотскомъ морѣ съ Тунгусами, и тѣ объявили имъ, что въ это море впадаетъ рѣка Мамуръ, на которой живетъ народъ Натки, получающій отъ своихъ сосѣдей, поселенныхъ по рѣкѣ Омуту, золото, серебро, мѣдные котлы, бисеръ и разныя шелковыя ткани. Съ-этихъ-поръ начались экспедиціи правительственныя и промышленыя для отысканія Амура; но только въ 1644 году въ первый разъ проплыли Русскіе по этой рѣкѣ; начальникомъ экспедиціи былъ письменный голова Василій Поярковъ. Появленіе Русскихъ на Амурѣ было для туземцевъ происшествіемъ страннымъ и неожиданнымъ. Въ первый разъ увидѣли они людей съ бородами и съ русыми волосами,—людей, которые не боятся смерти, лѣзутъ на копья и стрѣлы, людей, горсть которыхъ нападаетъ на силу втрое бо̀льшую. Объ огнестрѣльномъ оружіи они имѣли уже понятіе. Людей этихъ назвали Тунгусы Лоча, а отъ нихъ перешло имя это къ Даурамъ и Маньчжурамъ. Лоча — значитъ лѣшій, лѣсовикъ. Послѣ того одна изъ важнѣйшихъ экспедицій на Амуръ была экспедиція Ерофея Хабарова, выходца изъ Устюга. Въ 1649 году, получивъ позволеніе отъ Якутскаго воеводы, Хабаровъ отправился для того, чтобы смирить непослушниковъ Русскаго государя, князей Лавкая и Батогу, жившихъ по рѣкѣ Шилькѣ (Амуру), обложить жителей ясакомъ, обложенныхъ

приводить къ присягѣ по ихъ вѣрѣ и дѣйствовать оружіемъ въ случаѣ сопротивленія. Въ 1650 году вышли Русскіе на Амуръ, къ улусамъ князя Лавкая. Хабаровъ пошелъ внизъ по Амуру (*) и вскорѣ увидѣлъ городъ, срубленный изъ бревенъ; около его глубокій ровъ, а въ стѣнѣ пять башень съ подлазами, и отверстія для вылазокъ. Городъ стоялъ на мысѣ, который образовала рѣка, впадающая въ Амуръ. Пятая башня составляла главныя ворота; строеніе каменное; въ домахъ окна съ колодами въ два аршина вышиною и полтора шириною, вмѣсто стеколъ бумага. Хабаровъ вошелъ въ городъ и не понималъ, почему не было въ немъ ни одной живой души. Взятіе города столь крѣпкаго безъ всякаго сопротивленія онъ приписывалъ особенной милости Божіей къ Русскому царю. Хабаровъ пошелъ далѣе внизъ по Амуру и вскорѣ подошелъ къ другому городу: онъ былъ пустъ. Отсюда пришли къ третьему городу, тоже оставленному, и Хабаровъ избралъ его мѣстомъ своего пребыванія. Того-же дня подъѣхали къ городу пять человѣкъ верхами: оказалось, что то былъ князь Лавкай съ двумя братьями, зятемъ и прислугою. Черезъ толмача онъ спросилъ, какіе они люди и откуда пришли? Хабаровъ отвѣчалъ: мы Русскіе, пришли къ вамъ торговать и привезли подарки. Лавкай сказалъ: не обманывайте, мы знаемъ казаковъ! Прежде васъ былъ здѣсь Иванъ Квашнинъ и сказывалъ, что васъ идетъ много, хотите насъ погубить и ограбить, а женъ и дѣтей въ полонъ взять. Вотъ отчего мы разбѣжались! Соболей у насъ нѣтъ, а что было, то отдали князю Богдо и вашему Квашнину! Хабаровъ ему отвѣчалъ: впередъ давайте ясакъ царю Русскому, за то онъ будетъ оберегать васъ. Посмотримъ, сказалъ Лавкай, какіе вы люди! поворотилъ коня и уѣхалъ. Хабаровъ зналъ, что, сидя въ городѣ, нельзя ничего сдѣлать, и рѣшился идти далѣе. Черезъ день пути пришелъ къ четвертому городу, пустому, какъ и прежніе. Отсюда отправились ночью, и назавтра въ полдень пришли къ пятому городу. Здѣсь въ одномъ домѣ нашли старуху. Чрезъ толмача узнали, что она сестра Лавкая, по имени Мегелчикъ, была въ плѣну у князя Богдо и выкуплена братомъ. По правиламъ тогдашняго производства слѣдствій, ее пытали и жгли на огнѣ, чтобъ сказала правду. Старуха говорила, что братъ ея съ родственниками и подчиненными удалился къ князьямъ Шилгинею и Гилдигѣ, гдѣ

(*) Вѣроятно, по лѣвому берегу: тамъ видны признаки городовъ.

и ожидаютъ Русскихъ. Отъ Шилгинеева города до князя Богдо двѣ недѣли ѣзды. Городъ у него земляной, съ пушками: въ городѣ лавки съ товарами, ясакъ беретъ со всѣхъ Даурскихъ князей. Во владѣніи его есть руда золотая, серебряная и дорогіе камни, пищали, сабли и прочее оружіе съ золотою насѣчкою; соболей у него много: кушаетъ и пьетъ изъ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ. Городъ Богда стоитъ на рѣкѣ Нони, впадающей въ рѣку Амуръ съ правой стороны. Около города живетъ много людей, земледѣльцевъ и скотоводовъ: самъ Богдо подвластенъ сильному хану. По рѣкѣ Амуру выше Лавкаевыхъ городковъ есть рѣка Урка, а въ трехъ дняхъ пути отъ нея, въ Амуръ впадаетъ слѣва рѣка Амазуръ. Видя, что съ тѣми силами, какія были въ его распоряженіи, нельзя дѣйствовать съ успѣхомъ противъ Даурскихъ владѣльцевъ, Хабаровъ вернулся въ Якутскъ, выпросилъ у воеводы небольшое подкрѣпленіе и обѣщаніе новыхъ вспоможеній и снова появился на Амурѣ. Первая стычка его съ Даурцами увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: Русскіе утвердились въ Албазиномъ-городкѣ. Пораженіе Даурцевъ шло одно за другимъ, и скоро Хабаровъ писалъ воеводѣ, что «Даурскою землею овладѣть можно, и будетъ она государю второе Сибирское царство. А если государь пожелаетъ овладѣть землями царей Шамшахана и Алакабатуръхана, то послать въ ихъ землю большую рать, а продовольствія можно достать хоть на 20,000 человѣкъ». Подвиги Хабарова обратили на себя вниманіе Московскаго правительства, и предпріимчивому Устюжанину было послано большое подкрѣпленіе, съ которымъ Хабаровъ отправился въ новую экспедицію. Даурцы, не смотря на частыя пораженія, не хотѣли долго сдаваться; наконецъ Хабарову удалось восторжествовать, и князья дали присягу на подданство Россіи и обѣщаніе платить ясакъ соболями. Послѣ нѣсколькихъ другихъ славныхъ дѣйствій, Хабаровъ возвратился въ Якутскъ. За экспедиціей Хабарова слѣдуетъ экспедиція Зиновьева, который недолго оставился на Амурѣ и, уѣхавъ съ Хабаровымъ въ Москву, оставилъ начальникомъ войска Онофрія Степанова. Время отъ назначенія Степанова до 1681 г. прошло въ безпрестанныхъ стычкахъ Даурцевъ съ Русскими, кончавшихся почти всегда торжествомъ этихъ послѣднихъ; наконецъ, Пекинскій дворъ, выведенный изъ терпѣнія за притѣсненіе подвластныхъ ему Маньчжуровъ, положилъ выгнать Русскихъ съ рѣки Амура. Вслѣдствіе этого въ 1684 г. богдыханъ прислалъ къ каза-

камъ, поселеннымъ въ Албазинѣ, грамоту, въ которой требовалъ добровольной сдачи этого городка. Грамота эта очень интересна; вотъ она въ Русскомъ переводѣ: «Богдайской славной и великой земли великій и сильный Богда-ханъ, указъ свой послалъ въ Албазинъ приказному управителю, лѣта своего великаго царствованія 22. Я во всей вселенной славенъ и великъ, для всѣхъ людей добръ и милостивъ, какъ отецъ къ дѣтямъ. На своей землѣ живу смирно и не трогаю никого; но вы, пришедши на сію землю, сгоняете моихъ ясачныхъ людей, отнимаете у промышленыхъ соболей и запасъ, приняли Кантумира съ товарищи, и на моемъ рубежѣ много дѣлаете худа, а потому я Богда-ханъ посылаю противъ васъ большое войско мое: погубить васъ не желаю, но только чтобы вы дурныя дѣла оставили, вышли изъ моего владѣнія и возвратили моего Кантимура, который къ вамъ сдался, о чемъ я къ вамъ писалъ въ разныя времена, и подтвердительно Николаю (Спафари) приказывалъ, чтобы всѣхъ людей къ вамъ пришедшихъ назадъ отдали. Вы, не внимая тому, хуже прежняго стали поступать. Въ прошедшемъ году моихъ ясачныхъ народовъ Тунгусовъ и Дауровъ на соболиномъ промыслѣ, Одиргія съ товарищи, коварно заманили въ избу свою и оную съ ними сожгли. Какъ вы не унимаетесь, то я послалъ своего воеводу съ великимъ числомъ войска, состоящаго изъ ратныхъ людей, и повелѣлъ по рѣкамъ Амуру, Зеѣ и другимъ въ нихъ стекающимъ, строить города, дабы не дать вамъ по-прежнему по Амуру и по Зеѣ вольничать, и гдѣ васъ найдутъ, тутъ бить и брать. Но прежде призываю васъ добрымъ порядкомъ подъ мою державу награждать и жаловать. Ваши Русскіе люди, въ прошломъ году по Амуру рѣкѣ внизъ перешедшіе на Быструю, встрѣтясь съ моимъ войскомъ, подъ державу мою сдалися 36 человѣкъ, изъ которыхъ многіе пожалованы, и ни одинъ человѣкъ не наказанъ. Изъ сихъ двухъ: Михайла и Ивана наградилъ, пожаловалъ и назадъ къ вамъ, для врученія сего моего указа на Маньчжурскомъ и Монгольскомъ языкахъ съ Россійскимъ переводомъ, теперь послалъ. Да будетъ вамъ про то извѣстно. Письменный отвѣтъ на оный указъ вы нынѣ-же съ сими людьми пошлите и явитесь сами, или изберите посла, котораго содержать будутъ и довольствовать. Не бойтесь ничего. Да будетъ вѣдомо Албазинскому приказному управителю. Царствія моего 22 года». Послѣ рѣшительнаго отказа казаковъ—сдать городъ, начались военныя дѣйствія. Пятнадцати-тысячное войско осадило Албазинъ; у Русскихъ всего бы-

ло 450 человѣкъ подъ командою воеводы Толбузина. Дѣло кончилось тѣмъ, что Русскіе сдали Албазинъ, отправились въ Нерчинскъ, и Амуръ снова былъ потерянъ для насъ. Но когда Маньчжуры ушли отсюда, то Русскіе опять появились и стали строить городъ, опять Маньчжуры подступили подъ Албазинъ и опять пошла осада. Между-тѣмъ въ Москвѣ поняли, что безъ утвержденія границъ между Россіею и Китаемъ нельзя прочно владѣть рѣкою Амуромъ, а потому рѣшено послать на границу полномочнаго, о чемъ извѣстили Пекинскій дворъ чрезъ нарочно-посланнаго канцеляриста Венукова. Тогда приказано было Маньчжурскому военачальнику отступить отъ Албазина. Когда-же канцеляристъ посольскаго приказа Логиновъ привезъ въ Пекинъ извѣстіе о назначеніи уполномоченнаго и выѣздѣ его изъ Москвы, Хуанди повелѣлъ Маньчжурскому войску оставить совсѣмъ Албазинъ. Вотъ причина остановки военныхъ дѣйствій противъ Албазина, о чемъ не знали осажденные. Маньчжуры отступили, а Русскіе опять принялись строить домы». Уполномоченными для переговоровъ избраны были съ нашей стороны: окольничій и намѣстникъ Брянскій Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ; вторымъ лицемъ былъ Нерчинскій воевода Иванъ Астафьевичъ Власовъ, дѣлами управлялъ дьякъ Семенъ Корницкій. Съ Китайской стороны были вельможи: Сонготу, государственный совѣтникъ (Дорги Амбань), Пунь-ге-гань, начальникъ знамени, Лантанъ и Ланъ-Дорджи, начальники знаменъ, Сонгу, второй предсѣдатель приказа внѣшнихъ сношеній, іезуиты: Жербильонъ и Перейра, въ качествѣ переводчиковъ. Съѣздъ былъ у Нерчинска, 21 іюля 1689 г. политическія обстоятельства сложились такъ, что Головинъ оробѣлъ передъ Китайцами и предоставилъ имъ сочиненіе мирнаго условія. Въ трактатѣ, подписанномъ 27 августа 1689 г., заключалось семь статей, изъ которыхъ главныя слѣдующія: 1) Рѣка именемъ Горбица, которая впадаетъ, идучи внизъ, въ рѣку Шилку съ лѣвыя стороны, близь рѣки Черной, рубежъ между обоими государствы постановить, такожде отъ вершины тое рѣки каменными горами, которыя начинаются отъ той вершины рѣки и по самымъ тѣхъ горъ вершинамъ даже до моря протягненными, обоихъ государствъ державу тако раздѣлить, яко всѣмъ рѣкамъ малымъ, или великимъ, которыя съ полудневныя стороны сихъ горъ впадаютъ въ рѣку Амуръ быти подъ владѣніемъ Хинскаго государства: такожде всѣмъ рѣкамъ, которыя съ другія стороны тѣхъ горъ идутъ, тѣмъ быти

подъ державою царскаго величества Россійскаго государства, протчіяжъ рѣки, которыя лежатъ въ срединѣ межъ рѣкою Удью, подъ Россійскаго государства владѣніемъ и межъ ограничными горами, которыя содержатся близь Амура, владѣнія Хинскаго государства, и впадаютъ въ море, и всякія земли посреди сущія, межъ тою выше помянутою рѣкою Удью и межъ горами, которыя до границы надлежатъ не ограничены нынѣ да пребываютъ, понеже на оныя земли разграниченіе великіе и полномочные послы, не имѣюще указу царскаго величества, отлагаютъ не ограничены до иного благополучнаго времяни, въ которомъ при возвращеніи съ обѣихъ сторонъ пословъ царское величество изволитъ и бохдыханово высочество похочетъ о томъ обослатися послы или посланники любительными пересылки, и тогда или чрезъ грамоты или чрезъ пословъ тыя назначенныя неограниченныя земли покойными и пристойными случаи успокоити и разграничить могутъ. 2) Такожде рѣка рѣченная Аргунь, которая въ рѣку Амуръ впадаетъ, границу постановить тако, яко всѣмъ землямъ которыя суть со стороны лѣвыя, идучи тою рѣкою до самыхъ вершинъ, подъ владѣніемъ Хинскаго хана да содержатся. Правая сторона такожде всѣ земли да содержатся въ сторонѣ царскаго величества Россійскаго государства и все строеніе съ полудневныя стороны той рѣки Аргуни снесть на другую сторону той-же рѣки. 3) Городъ Албазинъ, которой построенъ былъ съ стороны царскаго величества, разорить до основанія и тамо пребывающіе люди со всѣми при нихъ будущими воинскими и съ иными припасы, да изведены будутъ въ сторону царскаго величества, и не малаго убытку, или какимъ малыхъ вещей отъ нихъ та оставлено будетъ». И такъ, Амуръ былъ, казалось, навсегда потерянъ для насъ; но важность его для Россіи такъ ясно теперь были понятна, что мысль о возвращеніи этой рѣки не могла навсегда выйти изъ ума Русскаго правительства. Къ попыткамъ для исполненія этой цѣли относится неудачное посольство въ Пекинъ въ 1805 графа Головина, также неудачные переговоры Иркутскаго гражданскаго губернатора Трескина съ Китайцами въ Кяхтѣ, въ 1810 г. неисполненное предпріятіе генералъ-губернатора Восточной Сибири Лавинскаго, и т. п. Генералу Муравьеву суждено было наконецъ разрѣшить этотъ важный вопросъ».

— «Нѣчто о многомъ». — Подъ этимъ заглавіемъ помѣщены весьма интересныя географическія и этнографическія свѣдѣнія о

полуостровѣ Мангишлагѣ. «Часть восточнаго берега Каспійскаго моря образуетъ довольно обширный полуостровъ, не упоминаемый ни въ одной географіи, но тѣмъ не менѣе имѣющій свою долю важнаго и полезнаго для человѣка: это островъ Мангишлагъ—каменное волнистое плато, довольно возвышенное надъ уровнемъ моря. Ни одинъ потокъ не стремится съ горъ; ни одна рѣка не орошаетъ страны; дождей перепадаетъ мало, и потому она суха, бѣдна растительностію, гнѣздящеюся кое-гдѣ по ложбинамъ и ущельямъ. Но вообще мѣстная флора такъ скудна и злаки сами по себѣ такъ сухи, жестки, такъ не похожи на цвѣтистые луга наши, что, повидимому, скотоводство здѣсь невозможно; и однакожь оно-то и доставляетъ средство къ существованію кочеваго населенія Киргизъ и Туркменъ; мѣстный скотъ (верблюды, лошади, коровы, овцы и козы), не смотря на скудость пажити, здоровъ, силенъ, и рѣдко гдѣ можно найти такую вкусную баранину, какъ здѣсь. Случается однакожь, что молоко сильно отзывается полынемъ, который, вмѣстѣ съ разными видами солянки, составляетъ господствующее растеніе. Изъ кустарниковыхъ и древесныхъ породъ, кромѣ гребенщика и шелковицы, нѣтъ ничего. Вода здѣшняя добывается изъ родниковъ и колодцевъ, болѣе или менѣе солоновата и у непривычныхъ къ ней производитъ разстройство желудка, порождаетъ цынготную болѣзнь; но туземцы не хвораютъ ни тѣмъ, ни другой; о злокачественныхъ лихорадкахъ, этой язвы Персидскаго берега, здѣсь и понятія не имѣютъ, и туземцы до того любятъ свою каменистую пустыню, что даже тучныя луга приволжья не въ-состояніи были соблазнить нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вотъ общій очеркъ страны, и если вы пойдете въ виду береговъ полуострова, ничто не привлечетъ вашего взора, ничто не пробудитъ желанія побывать на этихъ сѣрыхъ, негостепріимныхъ утесахъ. Если-бы не было заливовъ, двухъ на N сторонѣ, одного въ SO части и одного въ NW оконечности полуострова, то доступъ къ нему съ моря былъ-бы возможенъ только въ самую тихую погоду, что однако рѣдко случается».

По географіи и этнографіи другихъ странъ и народовъ явились слѣдующія статьи: *Очеркъ оазисовъ южной Алжиріи*, А. Ц. Сумарокова (От. зап. № 2); *Современное состояніе изученія востока; О статьѣ Ю. Моля, напечатанной въ* Journal Asiatique (ibid. № 3); *Туристы вообще, и особенно Русскіе.* (Письмо въ редакцію изъ-за границы), Н. Левинскаго (ibid.); *Парижскія письма*

М. М. Михайлова (Совр. № 1 и 2); *Сѣверъ Скандинавіи въ картинахъ природы и народнаго быта* (ibid. № 2); *Два мѣсяца съ Парижѣ*, А. Р. (ibid. № 3 и 4); *Путешествіе на Гарцъ.* Изъ Гейне. П. И. Вейнберга (Библ. для чт. № 4); *Путешествіе по Америкѣ*, Э. Р. Циммермана (Русск. вѣст. № 3 и 5); *Изъ Америки*, Г. Матиля (ibid. № 5); *Гарцъ.* Изъ Гейне, М. А. Михайлова (ibid. № 6); *Этнографія, какъ наука*, В. Г. Риля (Атен. № 1); *Три мѣсяца за границей*, И. К. Бабста (ibid. № 4); *Путешествія и открытія доктора Барта въ Африкѣ*, Н. З. (ibid. № 5); *Воспоминанія о путешествіи за границей*, К. Б. (Рус. слово № 1); *Гибралтаръ.* Изъ путевыхъ записокъ туристовъ (Моск. вѣд. № 35); *Исландія* (ibid. № 38, 50 и 61); *Заграничныя письма въ редакцію Московскихъ вѣдомостей* (ibid. № 75, 80, 81, 83, 91 и 98); *Болгары* (Вил. вѣст. № 25); *Письма съ востока*, А. К. (Одес. вѣст. № 12); *Константинополь*, А. Безсонова (ibid. № 34 я 35); *Путешествіе по Америкѣ*, А. Лакіера (Рус. днев. № 42); *Японія* (Руск. газ. № 12).

VII. Исторія Русская и всеобщая.

Въ Чтеніи въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ (кн. I) напечатаны: *Гусъ и Лютеръ*, (отдѣлъ III. Отношеніе Гуса къ народу и его ученіе). Критическое изслѣдованіе Е. П. Новикова; *Источники Малороссійской исторіи, собранные Д. Н. Бантышемъ - Каменскимъ и изданные О. Бодянскимъ, ч. II.* 1691—1722 *г.*; *Очерки Польской кампаніи въ* 1831 *г., сочиненіе свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго, графа И. Ѳ. Паскевича-Эриванскаго; Чтеніе о житіи и о погубленіи и о чудесѣхъ святую и блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба; Твореніе преподобнаго Нестора, по харатейному списку Московской сѵнодальной библіотеки, съ разнословіями по другимъ*, О. Бодянскаго; *Московскіе глагольскіе отрывки, со снимкомъ*, соч. О. Бодянскаго; *Бѣдствія временъ. Въ память бѣдствій, постигшихъ Евреевъ въ* 1648—1649 *г. въ Украйнѣ, Подолѣ, Литвѣ и Бѣлоруссіи отъ соединенныхъ бунтовщиковъ подъ начальствомъ Богдана Хмѣльницкаго;* составлено Егошіею, сыномъ Львовскаго раввина, праведника Давида изъ Замостья, напечатано въ Венеціи 1656 г. и переведено М. Берлинымъ, прикомандированнымъ къ департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, состоящему при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ по Еврейскимъ дѣламъ; *Мнѣніе, представленное адми-*

раломъ Мордвиновымъ, при случаѣ разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ росписи о доходахъ и расходахъ на 1821 *г.; Его-же, по происшествію, бывшему въ Кіевской губерніи, и по суду, произведенному надъ помѣщикомъ Протопоповымъ; Далматовскій монастырь въ* 1773—1744 *году или Пугачевскій бунтъ*, соч. протоіерея Григорія Плотникова; *Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта*, сообщ. священникомъ Ал. Сулоцкимъ; *Нѣсколько словъ по поводу «Сборника съ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и другимъ юридическимъ актамъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, составленнаго П. И. Ивановымъ»*, соч. С. Гаврилова; *Въ правительствующій сенатъ отъ Императорскаго Московскаго университета куратора Шувалова доношеніе въ отвѣтъ противъ обвиненій Ададурова*, сообщ. П. И. Ивановымъ; *Записка генерала Невѣровскаго о службѣ своей въ* 1852 *году*, сообщ. М. А. Максимовичемъ; *Краткая записка о моемъ предпріятіи составить Кавказско-Горское ополченіе въ* 1812 *году*, соч. Романа Медокіа; *Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи, графа А. Р. Воронцова, императору Александру I представленныя*, сообщ. А. И. Казначеевымъ; *Объясненіе. Смѣшалъ-ли?* О. Бодянскаго; *Протоколы засѣданій Общества* 1858 *г. ноября* 22 *и декабря* 30.

— «Гусъ и Лютеръ». — Отдѣломъ III, или настоящею статьею, авторъ собственно оканчиваетъ рѣшеніе своей задачи. Онъ очертилъ, сколько могъ, двѣ великія личности, о которыхъ можно сказать, что онѣ не умѣстились въ пространствѣ одного столѣтія, потому-что отблескъ славы каждой изъ нихъ освѣщаетъ обширную полосу человѣчества. Лютеру нужно было послѣдовать за Гусомъ, чтобы начать новую эпоху развитія, на развалинахъ старой, которая не могла привиться на почвѣ западно-Европейской. Народное значеніе того и другаго сливается съ ихъ всемірнымъ значеніемъ и опредѣляетъ степень участія, принятаго двумя Европейскими народностями въ духовномъ развитіи человѣчества. Вотъ что, между-прочимъ, говоритъ авторъ о значеніи проповѣди Гуса: «Великое значеніе проповѣди его состояло, безспорно, въ ея всеобъемлющемъ свойствѣ. Она обнимала не одну только Прагу, а всю его родину, и въ ней всѣ слои народные. Тогда-какъ Лютеръ заключалъ предѣлы своей дѣятельности въ тѣсныхъ границахъ Виттембергскаго прихода, и противъ воли содѣйствовалъ раздробленію Германіи на множество сектъ и расколовъ, вся Чехія была

обширнымъ полемъ Евангельской проповѣди Гуса, весь Чешскій народъ его любезною паствою. Она высылала къ нему отовсюду своихъ представителей въ Виѳлеемскую часовню; но Гусъ и самъ, по всѣмъ областямъ и городамъ ея, разноситъ свою проповѣдь. Въ двукратномъ удаленіи изъ Праги, онъ обходилъ города и селенія; мы видимъ его попеременно то на родинѣ, въ южной сторонѣ Чехіи, въ окрестностяхъ Табора, въ Праханскомъ и Пехинскомъ округахъ, то на сѣверо-западѣ, въ Козьемъ Городкѣ, гдѣ онъ проповѣдывалъ въ житницѣ, и множество народа изъ окрестностей, особенно изъ города Усти, стекалось на его проповѣдь. Онъ находился въ письменныхъ сношеніяхъ со всѣми значительными городами Чехіи и Моравіи, съ католической Пильзной, съ Прахатинцами, Лунами, съ Голомуцемъ Моравскимъ. Въ сочиненіи «О трапезѣ Господней», писанномъ въ Костанцкой темницѣ, изложивъ вкратцѣ свое исповѣданіе вѣры, онъ самъ говоритъ: «Такъ зналъ, говорилъ и писалъ я въ Пражскомъ университетѣ; такъ проповѣдывалъ я по всему королевству Чешскому, особенно въ Прагѣ, Евангеліе Іисуса Христа. Я болѣе 12 лѣтъ трудился между вами, въ благовѣстіи слова, какъ Богъ мнѣ свидѣтель, — писалъ онъ къ Пражанамъ, во время изгнанія, — и высшимъ утѣшеніемъ для меня было, когда я видѣлъ ваше усердіе въ слушаніи Евангелія, и замѣчалъ истинное и чистосердечное покаяніе многихъ. Слыша объ успѣшномъ возрастаніи въ васъ слова Божія, я благодарю Бога, возлюбленные, и молю Его даровать вамъ совершенное разумѣніе; надѣюсь на Его милосердіе, что Онъ довершитъ благое дѣло, въ васъ начатое, и не попуститъ васъ уклониться отъ истины. Я желаю жить для тѣхъ, которые терпятъ насиліе и нуждаются въ проповѣди слова Божія, а потому и проповѣдую, и совершаю служеніе не въ одной только Прагѣ, зная, что такова о мнѣ воля». — Въ другомъ письмѣ изъ того-же изгнанія: «Молите Бога о мнѣ, чтобы онъ сподобилъ даровать мнѣ благіе успѣхи въ благовѣстіи своего слова на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ предстоитъ тому потребность, въ городахъ и мѣстечкахъ, въ селеніяхъ, крѣпостяхъ, на поляхъ и въ лѣсахъ, гдѣ только могу я принести пользу, чтобы дарованіе Божіе не оказалось во мнѣ тщетнымъ.» Къ жителямъ Лунъ, изъ Праги: «Хотя я, возлюбленные, и не видалъ васъ тѣлесными очами, а только внутренними, но слышу о вашей твердости въ вѣрѣ и о любви къ Евангелію Христову. Я

знаю, что Спаситель соединилъ васъ въ одномъ духѣ вѣры, любви, мира и слушанія слова Божія,.такъ-что наше согласіе и единодушіе, паче всѣхъ прочихъ городовъ Чехіи, сокрыты въ моей утробѣ. Молю васъ, возлюбленные, хотя лично незнаемый вами, но вѣрный служитель спасенія вашего въ Богѣ, любите другъ друга, пребывайте въ единомысліи и не попускайте лукавому разъединить васъ, какимъ-бы то ни было образомъ. Кто воспрещаетъ проповѣдь слова Божія, — говорилъ онъ, съ очевиднымъ намекомъ на буллы Александра V, — тотъ не мудрствуетъ о Христѣ Іисусѣ, который самъ, проповѣдуя и дѣломъ и словомъ въ синагогахъ, въ весяхъ, на площадяхъ, въ полѣ, на берегу и на морѣ, ученикамъ своимъ повелѣлъ проповѣдывать на кровляхъ». На обвиненіе католиковъ, что онъ не хотѣлъ выдать магистрамъ своихъ сочиненій и обольщалъ народъ ложнымъ ученіемъ, Гусъ отвѣчаетъ: «Я открыто говорилъ предъ всѣми; я училъ въ школахъ и въ Виѳлеемскомъ храмѣ, гдѣ сходятся магистры, баккалавры, студенты и люди простые; я украдкой не говорилъ ничего. Вопросите о мнѣ слышавшихъ». Прощальное письмо его, передъ отъѣздомъ въ Констанцъ, хотя и имѣетъ въ виду любимую Прагу, но надписано: ко всѣмъ вѣрнымъ Чехамъ ихъ вѣрнымъ проковѣдникомъ («per me fidum concionatorem vestrum). «Возлюбленные братья, такъ гласитъ оно, вы знаете, что я съ давнихъ лѣтъ наставлялъ васъ къ истинной вѣрѣ, уча васъ словамъ Господнимъ, а не ложнымъ ученіемъ, противнымъ вѣрѣ Христовой. Я всегда искалъ, ищу и буду искать, пока жизнь моя продлится, спасенія вашего. Враги стараются подавить слово истины, восхитить отъ васъ Евангеліе Христово, которое я проповѣдывалъ вамъ, совратить васъ съ пути спасенія. Вспомните прежде всего оскорбленіе, наносимое тѣмъ величію Божію; вспомните униженіе, въ которое повергаютъ лицемѣры вашъ славный народъ; вспомните личное озлобленіе, неправедно на васъ налагаемое. Но, все принимая съ радостію, побѣждайте терпѣніемъ. Какъ-бы діяволъ ни смѣялся надъ вами, какъ-бы антихристъ ни ругался вамъ, вы побѣдите его, только любите слово Господне, защищайте его всѣми силами, Богомъ вамъ данными. И мнѣ сатана грозитъ уже нѣсколько лѣтъ, но онъ не коснулся души моей, возложившей надежду на Бога, и съ каждымъ днемъ возрастаетъ во мнѣ духовная радость. Молите Бога за гонителей, предавшихъ меня въ руки враговъ моихъ, наложившихъ

на меня узы. Васъ, Пражане, особенно заклинаю Богомъ, любите храмъ Виѳлеемскій, старайтесь, сколько Богу будетъ угодно, чтобы не оскудѣвала въ немъ проповѣдь. За него прогнѣвался на насъ сатана; противъ него возбудилъ онъ канониковъ и приходскихъ священниковъ, потому-что въ нихъ сокрушился оплотъ сатаны. — Но я твердо надѣюсь, что Богъ, пока нужно будетъ, сохранитъ эту святую обитель и чрезъ другихъ проповѣдниковъ, успѣшнѣе, чѣмъ мною недостойнымъ, возроститъ въ нихъ обильные плоды своего слова». Здѣсь превосходно сказался характеръ всенародной дѣятельности Гуса, и притомъ враждебной западной церкви и Латинской іерархіи, за-то и на Констанцкомъ соборѣ Гусъ вынесъ отвѣтственность за распространеніе ереси (по понятіямъ собора) не въ одной Прагѣ, но и во всемъ королевствѣ. Онъ предсталъ обличителемъ запада за цѣлый народъ. Въ посланіи своемъ къ Сигизмунду, Чешскіе и Моравскіе вельможи свидѣтельствовали, что маг. Янъ Гусъ добровольно вызвался ѣхать на Констанцкій соборъ, съ цѣлію отвѣчать на обвиненія, направленныя не столько на него, сколько на цѣлый Чешскій народъ; что онъ готовъ на этомъ соборѣ защищать и очистить себя и всѣхъ своихъ Чеховъ (se suosque Bohemos omnes) отъ ложнаго подозрѣнія въ ереси, отвѣчая свободно на всѣ возраженія; что онъ желаетъ привести въ извѣстность ученіе свое (замѣтимъ, не передъ однимъ только Латинскомъ западомъ) передъ всѣми, во Христа вѣрующими; что не только королю Сигизмунду, но и всей Чехіи (universae Bohemiae) причинится великое зло, если праведный человѣкъ пострадаетъ невинно. Вся Чехія и Моравія, въ лицѣ самыхъ знатныхъ вельможъ своихъ, воздавала Гусу свидѣтельство въ томъ, что онъ жилъ у нихъ безукоризненно (apud nos vixisse). Общественная жизнь этого великаго мужа, — свидѣтельствовалъ съ своей стороны, Пражскій университетъ,—въ отношеніи къ Богу и къ людямъ, была поприщемъ зрѣлаго мужества (extitit maturior), достойнымъ уваженія всѣхъ христіанъ. Его земная жизнь, отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ не укрывавшаяся отъ свѣта общей извѣстности, до того красилась святыми нравами, что никто изъ насъ не смѣетъ обличить ее ни въ малѣйшемъ нарушеніи заповѣдей. Насъ поражала удивленіемъ высокая богословская мудрость учителя (magistralis intellectus); онъ быстрѣе всѣхъ отвѣчалъ, въ проповѣди слова Божія, явился усерднѣе и возвышеннѣе всѣхъ (ferventior et melior

ceteris)». Дурная черта Гусовой проповѣди—*общность*, которою обнимаетъ она всѣхъ членовъ народа, равно призывая ихъ къ участію въ великомъ дѣлѣ готовящагося преобразованія. Прекрасныя отношенія его къ верховной власти, къ духовенству, народу отразились въ словѣ его. Здѣсь, въ области Евангельской проповѣди, совершилъ онъ сближеніе между членами общества. Въ высшей степени замѣчательно, что всѣ сословія, до-сихъ поръ преслѣдовавшія одинакія цѣли, подвигнутыя могуществомъ слова его, соединились теперь въ общемъ чувствѣ взаимной пріязни. Въ отношеніяхъ Гуса къ народу едва-ли можно замѣтить послѣдовательность постепенно-прилагающихся къ нему, или отлагающихся отъ него элементовъ, которая такъ ясно проводится въ началѣ преобразованія Лютера. Постоянно враждовала ему вся Латинская половина народа; а мы уже знаемъ, что она состояла почти исключительно изъ высшаго духовенства и Нѣмецкихъ обитателей Чехіи; все-же родное и своеязычное съ самаго начала приложилось къ нему въ сознательномъ единодушіи. Причина понятна. Гусъ не развивалъ въ своей проповѣди земныхъ отношеній политическаго дѣятеля; не касался ни государственныхъ, ни финансовыхъ отношеній Чехіи къ папѣ; въ его проповѣди, религіозно-нравственной, не слышимъ отголоска современныхъ политическихъ вопросовъ. Правда, число приверженцевъ его росло каждодневно; но сочувствіе ихъ къ Гусу опредѣлялось не какой-нибудь единовременной уступкой частнымъ выгодамъ того или другаго сословія, а прочнымъ союзомъ одинаковыхъ убѣжденій, которыя сглаживали всѣ мелкія противоположности. Кромѣ простаго народа, дворянство и духовенство стояло за Гуса. Онъ одинъ въ 1405 г. могъ тронуть раскаяніемъ ожесточенное сердце разбойника, рыцаря Зуля. Онъ проповѣдывалъ въ окрестностяхъ города Усти, подъ непосредственнымъ покровительствомъ тамошнихъ пановъ; но это не мѣшало и простому народу и среднему сословію восторгаться его проповѣдью. Изъ города Усти, изъ числа его слушателей, вышелъ суконникъ Пытелъ, одинъ изъ первыхъ основателей Табора. Заступничество вельможъ и пановъ за него на соборѣ извѣстно. Смерть его подала знакъ къ образованію союза изъ 452 вельможъ, открыто отложившихся отъ западной церкви. Дворяне, и богатые, и бѣдные, одинаково любили его. Эта любовь оказалась въ безстрашномъ свидѣтельствѣ благороднаго рыцаря изъ Хлума, въ полномъ присутствіи членовъ

собора и императора: «Я—бѣдный дворянинъ и однако берусь безъ труда, впродолженіе цѣлаго года, охранять Гуса отъ всякаго насилія. Теперь что-же сказать о другихъ вельможахъ, ему преданныхъ, которые владѣютъ крѣпкими замками, и въ каждомъ изъ нихъ могли-бы свободно защищать его неопредѣленное время даже противъ соединенныхъ королей Чешскаго и Угорскаго?» Память его чтилась особенно въ сословіи рыцарей. Жижка изъ Троунова всю жизнь свою посвятилъ великой задачѣ отмстить за сожженіе Гуса и Іеронима. Бальбинъ разсказываетъ, что однажды, задумавшись надъ страшнымъ событіемъ, онъ былъ спрошенъ королемъ Вечеславомъ о причинѣ печали. «Государь! — отвѣчалъ Жижко — сильно сокрушаетъ меня неправда, съ какою поступлено противъ согражданъ моихъ на Констанцкомъ соборѣ. «Любезный! — возразилъ Вечеславъ — ни я, ни ты, не можемъ отмстить за эту неправду! впрочемъ, если встрѣтится тебѣ случай, соберись съ силами, отмсти за своихъ Чеховъ!» Это слово, какъ искра, заброшенная въ сердце юноши, оказалась пророчествомъ. Король, какъ извѣстно, въ-тайнѣ покровительствовалъ проповѣднику; королева его выбрала въ духовники. Все низшее, собственно Чешское духовенство, стояло за Гуса. Въ отвѣтъ на свидѣтельство Палега, что все духовенство какъ Чехіи, такъ и всего христіанства, предано западной церкви, Гусъ дѣлаетъ оговорку: «За насъ стоятъ немногіе бѣдные священники (nos paucos et pauperes sacerdotes habemus fautores). Но это малое число возрасло вскорѣ въ огромное, когда, еще прежде изгнанія Палега, все большинство приходскихъ священниковъ склонилось на сторону Гуса, повиновавшихся прежде прелатамъ, изъ страха лишиться своихъ бенефицій. Палегъ зналъ хорошо распоряженіе духовныхъ, когда, въ постановленіяхъ мѣстнаго собора въ Прагѣ, старался подтвердить изгнаніе Гуса такой оговоркой: «Не слѣдъ духовенству Пражскому судить поступки собора». — Въ чемъ-же заключалась внутренняя сила Гусевой проповѣди? Гдѣ искать объясненія той чудной народности, о которой враги его отзывались съ робкою ненавистью, заклиная его именемъ Божіимъ умѣрить невыносимую гордость? «Не сытымъ сердцемъ возносясь, какъ Богъ земной (такъ писалъ къ нему Палегъ), опираясь на могущество своихъ надменныхъ апостоловъ, ты стремишься, словно какъ необузданный. Ты употребляешь во зло могущество свое надъ народомъ, съ неслыханнымъ

отъ вѣка высокомѣріемъ». Гусъ умѣлъ превосходно разгадать потребности отдѣльныхъ сословій. Возстанавливая человѣческія права угнетенныхъ, онъ отдавалъ каждому должное. Но еще лучше постигъ великую язву народнаго тѣла — отсутствіе единомыслія, при общемъ разложеніи общественныхъ началъ. Силой Евангельскаго слова онъ смирялъ увлеченія строптиваго произвола; умѣлъ связать всѣхъ членовъ народа союзомъ любви и общностію святыхъ убѣжденій; покорилъ своекорыстныя цѣли ихъ торжествующему единству вѣры. Чуждый лицепріятно-рабской лести и самолюбія ревнивой личности, онъ ставилъ всѣхъ наравнѣ предъ закономъ Евангелія, сохраняя свободу служителя истины въ безстрашномъ обличеніи пороковъ. «М. Янъ Гусъ — писали высшіе паны Чехіи и Моравіи (числомъ 54), пораженные ужасомъ при вѣсти о казни его, — мужъ добрый, праведный, училъ и насъ и нашихъ подданныхъ (nos et subditos nostros) закону Евангельскому и пророческимъ книгамъ Ветхаго и Новаго Завѣта, согласно съ толкованіями св. отцевъ, постоянно убѣждая насъ противоборствовать ересямъ, словомъ, писаніемъ и дѣломъ побуждая насъ къ миру и взаимной любви». Вся полнота его духа вылилась въ завѣщаніи, писанномъ въ темницѣ, за нѣсколько недѣль до смерти. Здѣсь онъ въ послѣдній разъ обнимаетъ свѣтлымъ взоромъ всю совокупность народа и посылаетъ лобзаніе міра своимъ вѣрнымъ братьямъ о Христѣ Іисусѣ».

— «Бѣдствія временъ». — Изъ письма, которымъ переводчикъ посвящаетъ эту замѣчательную брошюру барону Модесту Андреевичу Корфу, видно, что переводчикъ счелъ необходимымъ перевести ее для того, чтобы она не исчезла для потомства. Брошюра эта пріобрѣтена Императорскою публичною библіотекою изъ Голландіи. «Предметъ разсказа, о которомъ идетъ рѣчь, довольно извѣстенъ въ исторіи, но между-тѣмъ я полагаю (говоритъ переводчикъ), что для спеціалистовъ будетъ интересно прочесть разсказъ очевидца, который, какъ видно, тщательно старался слѣдить за ходомъ событій. Въ этомъ меня убѣждаетъ и то, что на Еврейскомъ языкѣ есть о томъ-же предметѣ нѣсколько сочиненій, но ни одно изъ нихъ не излагаетъ историческихъ фактовъ, подобно автору брошюры. Онъ пишетъ единственно для Евреевъ и занимается болѣе тѣмъ, что до нихъ относится, однако не упускаетъ изъ виду и другихъ фактовъ, хотя не всегда излагаетъ ихъ вполнѣ

отчетливо. Упоминая объ участвовавшихъ въ этой войнѣ Польскихъ вождяхъ, онъ отдаетъ справедливость тѣмъ, кто ее заслуживаетъ, упрекаетъ недостойныхъ и проч. — Слогъ брошюры довольно странный; авторъ, по обычаю современныхъ ему Еврейскихъ писателей, старается щеголять стихами, украшать строфы акростихами и прочими затѣями тогдашняго Еврейскаго письма. Иные столбцы лишены всякаго историческаго значенія, за-то иногда въ двухъ словахъ заключается достопримѣчательный фактъ. Поэтому я рѣшился не ограничиваться однимъ подстрочнымъ переводомъ, но подвергнуть и самый подлинникъ очисткѣ критикой; передавалъ лишь необходимое, не обременялъ читателя лишними фразами, исправилъ безчисленные опечатки и объяснилъ въ примѣчаніяхъ, что было нужно для выраженій перевода».

— «Мнѣніе, представленное адмираломъ Мордвиновымъ, при случаѣ разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ росписи о доходахъ и расходахъ на 1821 годъ». — Настоящее мнѣніе Мордвинова, подобно всѣмъ другимъ его мнѣніямъ, отличается просвѣщеннымъ взглядомъ на государственное хозяйство нашего отечества, истинно-патріотическимъ чувствомъ и своеобразнымъ языкомъ. Сообщаемъ здѣсь его мысли о расходахъ по министерству юстиціи. «Въ представленной отъ министра финансовъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта росписи доходовъ и расходовъ наступившаго 1821 года, назначено всего съ небольшимъ 5 м. р. на все министерство юстиціи, на всѣ подвѣдомственные оному департаменты и суды вышніе и нижніе, коихъ число многое и служеніе важное, бдѣнію коихъ предоставлено охраненіе частныхъ и общественныхъ правъ, и власть коихъ объемлетъ собственность, честь, спокойствіе, жизнь и всю правду земли Русской — царства, наипространнѣйшаго въ мірѣ. Въ Европѣ нѣтъ государства самаго малѣйшаго, едва могущаго равняться съ единою изъ областей Россіи, которое-бы свыше сего не оцѣняло правосудія своего. Въ Россійской имперіи доходы государственные простираются на 450 милліоновъ рублей; изъ оныхъ на содержаніе всѣхъ мѣстъ правосудія и расправы удѣляется съ небольшимъ одна сотая часть, — часть малая, но долженствующая дѣлима быть между множествомъ лицъ, и множества сего удовлетворить необходимымъ потребностямъ въ содержаніи. Признано, что большая половина чиновниковъ суда и расправы получаютъ казеннымъ жалованьемъ

меньше, нежели простой работникъ отъ труда своего получаетъ. А какъ несоразмѣрность наградъ за трудъ уничтожаетъ и право на требованіе вѣрности онаго, то правительство, не пекущееся о внутреннемъ довольствѣ дому чиновника, приставленнаго къ суднымъ и народорасправнымъ дѣламъ, и служителю такой части государственнаго состава, которую изъ первыхъ почесть должно, недающее способовъ достаточныхъ для удовлетворенія первыхъ нуждъ человѣка, — для выполненія первыхъ обязанностей отца семейства, не можетъ ожидать отъ него, чтобы, изшедъ изъ дому глада и нищеты, съ душею скорбною и съ негодованіемъ на всечасно испытуемую самимъ имъ лично несправедливость, возсѣлъ на мѣсто свое съ духомъ бодрымъ, разсудкомъ крѣпкимъ, сердцемъ спокойнымъ, и держалъ-бы вѣсы правосудія рукою твердою и не дрожащею. Жалуются на повсемѣстное въ судахъ лихоимство; но можно-ли почитать его тамъ, гдѣ существуетъ житейскій недостатокъ, и можетъ-ли быть преступленіе въ томъ, что естественнымъ правомъ оправдано быть должно и чего гражданскіе законы воспретить не въ-состояніи? Ибо и служителямъ правосудія, равно-какъ и всякому другому человѣку, пристанище, пища и одежда необходимо потребны, а получаемые ими отъ казны оклады жалованья — недостаточны къ доставленію оныхъ; слѣдственно, что невозможно, того и ожидать не должно. Доколѣ правосудіе въ Россіи не будетъ достаточно вознаграждено удовлетвореніемъ всѣхъ необходимыхъ нуждъ исполнителей онаго, то правда не возсядетъ на судѣ; ибо правду не можно водворить тамъ, гдѣ скудость обитаетъ. Она несовмѣстна съ нищетою, коея первое дѣйствіе — охлажденіе сердца и ослабленіе умственныхъ способностей».

— «Долматовскій монастырь въ 1773 и 1774 году». — «Къ разряду событій, ознаменовавшихъ извѣстностію Долматовскій Успенскій монастырь, отнести надобно его осаду и защиту въ смутную для юго-восточной Россіи годину Пугачевскаго бунта. Въ осадѣ Долматовскій монастырь держала шайка бродягъ, которую составляли крестьяне Сибирскихъ слободъ, близкихъ къ монастырю,— крестьяне, бывшіе до учрежденія штатовъ за монастыремъ Долматовскимъ, и Башкирцы, кочевавшіе къ юго-западу отъ земель экономическихъ; защитниками были нѣкоторые изъ лицъ иноческаго чина, штатные служители при монастырѣ, военнослу-

жители, частію отставные, частію изъ г. Екатеринбурга, изъ Шадринска, также крестьяне села Николаевскаго. При извѣстіи о приближеніи мятежной сволочи, лица этихъ сословій (крестьяне съ семействами) въ стѣнахъ Долматовскаго монастыря, толщиною въ 3 аршина, вышиною, со щитами, въ 4 сажени, съ тремя по угламъ башнями и однимъ бастіономъ, засѣвшіе, какъ въ надежной твердынѣ, отстаивали, впродолженіе 20 дней, и отстояли съ оружіемъ въ рукахъ жизнь свою, честь монастыря, вѣрность къ престолу самодержавной, законной власти». Эта-то замѣчательная защита и описана въ настоящей статьѣ.

— «Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта». — Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено описаніе *дѣйствій Русскаго духовенства вообще и въ частности духовенства Тобольской епархіи во время Пугачевскаго бунта.* Въ предисловіи къ этому описанію авторъ говоритъ: «Вѣроятно, вы согласны съ нѣкоторыми изъ нашихъ литераторовъ, что «Исторія Пугачевскаго бунта», хотя она и вышла изъ-подъ пера Пушкина, не есть еще настоящая исторія, по-крайней-мѣрѣ, она неполна. Я, съ своей стороны, такъ могу говорить объ ней, судя и по тому одному, что въ ней сказано о распространеніи мятежа на Сибирь. Пушкинъ во всей своей исторіи Пугачевскаго бунта не болѣе двухъ, или трехъ разъ, и то мимоходомъ, упоминаетъ о Сибири, замѣчая напр., что Сибирь, или Екатеринбургъ, въ такое-то время находились въ опасности, что Сибирскій губернаторъ, для охраненія ввѣреннаго ему края, на границахъ Тобольской губерніи выставилъ отряды войска подъ начальствомъ такого-то и такого-то. Между-тѣмъ бунтъ кипѣлъ не только въ уѣздахъ Челядинскомъ, Троицкомъ, Шадринскомъ и Далматовскимъ, которые тогда подъ именемъ Исетской провинціи принадлежали къ Оренбургской губерніи, но и во всѣхъ смежныхъ съ ними мѣстахъ, входившихъ въ составъ Сибирской губерніи. Толпы мятежниковъ разорили весь Екатеринбургскій уѣздъ и смѣло расхаживали по уѣздамъ Курганскому, Ялотуровскому, около Тюмени, Ирбита, Алюпаевска и Красной слободы. Крестьяне, куда ни приходили они, вездѣ принимали ихъ сторону и клялись въ вѣрности мнимому Петру III. Этого мало: броженіе умовъ въ пользу мятежа обнаруживалось даже въ Барабинской степи, гдѣ незадолго предъ тѣмъ были поселены ссыльные; самый Тобольскъ, въ то время столица Сибири, находился въ опасности. Предводитель

мятежниковъ: Бурцевъ, Михайловскій, Сергѣевъ, особенно Алферовъ, Ковалевскій, Новгородовъ и Бѣлобородовъ, титулуя себя есаулами, атаманами, даже полковниками, всюду разсылали Пугачевскіе манифесты, захватывали казенную собственность, грабили и убивали всѣхъ, остававшихся вѣрными правительству. На Екатеринбургскихъ заводахъ разбили маіора Чубарова, овладѣли курганомъ, захватили въ плѣнъ въ Иковской слободѣ воинскую команду; командира оной, капитана Смольянинова, повѣсили, а офицеровъ мучили и увезли неизвѣстно куда; послѣ надъ слободами помянутой Иковской и Пуховой имѣли упорныя сраженія съ отрядами маіоровъ Артмана и Ѳаддѣева, а въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ съ отрядомъ маіора Гагрина. Словомъ, Сибирь во-время Пугачевщины (такъ Сибиряки называютъ мятежъ Пугачева) не только находилась въ опасности мятежа, но и терпѣла эту опасность, и можно смѣло сказать, что, быть можетъ, цѣлая половина ея, или и болѣе, подняла-бы знамя бунта, еслибы только губернаторомъ ея въ то время былъ не Чечеринъ. Этотъ отличный мужъ, котораго не поставляютъ между знаменитыми помощниками Екатерины II,—вѣроятно, потому только, что онъ управлялъ отдаленнымъ краемъ имперіи,—во-время набравъ изъ крестьянъ и мѣщанъ казаковъ, вооруживъ жителей Тобольска и другихъ городовъ, дѣйствуя во всемъ быстро, смѣло и умно, и противъ измѣнниковъ долгу, употребляя мѣры строгія, успѣлъ въ 1773 и 1774 годахъ спасти Сибирь отъ многихъ золъ. Послѣ этого, кажется, нѣтъ нужды доказывать, что вовсе не лишнее дѣло сообщать публикѣ свѣдѣнія касательно Пугачевскаго мятежа. Я, съ своей стороны, сообщаю такіе матеріалы, изъ которыхъ видно, какія мѣры употребляло и какъ содѣйствовало къ погашенію, или, по-крайней-мѣрѣ, къ ослабленію сего мятежа наше духовенство».

Изъ статей, помѣщенныхъ въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ, къ отечественной исторіи относятся: *О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI и XVII столѣтій*, П. В. Павлова (От. зап. № 1 и 3); *Вступленіе на престолъ императрицы Анны*, П. К. Щебальскаго (Русск. вѣстн. № 1); *Записки Льва Николаевича Энгельгардта* (ibid. и № 4); *Историческія письма*, С. М. Соловьева (ibid. № 5); *Изъ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія*, Д. Иловайскаго (Атеней № 6); *Елисавета Петровна до восшествія своего на престолъ*, 1709—1741. Историческій очеркъ М. Семевскаго

(Русск. слово № 2); *Заметаевъ*, Г. Д. Мордовцева (Русск. дневн. № 7 и 8).

— «О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI и XVII столѣтій». — Въ древній періодъ раздѣленія Русской земли между князьями Рюрикова дома, по праву родоваго старѣйшинства, существовали разныя народныя собранія. Они выражали и охраняли въ извѣстной мѣрѣ обычныя права сословій древняго общества: съѣзды княжескіе — права удѣльныхъ князей и областную самостоятельность, боярскія думы—права людей служилыхъ, вѣча — права общинъ, церковные соборы—духовенства, собранія всѣхъ сословій, рѣже созываемыя — права всего общества. Народныя собранія Русскаго союзнаго удѣльнаго государства были знаменемъ самостоятельности областной, служилой, общинной, церковной, наконецъ всего народа. Въ этихъ собраніяхъ древнее Русское союзное государство имѣло нѣкоторыя гарантіи какъ противъ чрезмѣрнаго усиленія централизаціи, такъ и противъ рѣзкаго возвышенія одного свободнаго сословія на-счетъ другаго. Намъ кажется, что на Русское союзное государство такъ-называемаго удѣльнаго періода не слѣдуетъ смотрѣть только съ правительственной стороны, съ точки зрѣнія однихъ междукняжескихъ отношеній. Правда, о дѣлахъ князей сохранилось болѣе извѣстій, нежели о жизни людей служилыхъ, духовныхъ, общинныхъ; не смотря на то, и изъ неполныхъ свѣдѣній открывается, что въ-дѣйствительности и люди служилые, особенно бояре, и общины и духовенство въ древній періодъ Русской исторіи не были совершенно-безгласны какъ въ политическомъ, такъ и общественномъ отношеніяхъ. Намъ могутъ указать на многія темныя стороны древней Руси, на невѣжество, суевѣріе, рабство. Мы знакомы съ этими темными сторонами; но, очень-хорошо зная о нихъ, въ то-же время не забываемъ, что и въ средневѣковой западной Европѣ XI, XII и XIII вѣковъ господствовали тѣ-же общественныя бѣдствія, вслѣдствіе общей неразвитости человѣчества; не забываемъ и того, что несвободное состояніе на Руси въ XVII и XVIII столѣтіяхъ усилилось несравненно-болѣе противъ прежняго, а просвѣщеніе, заимствованное у западной Европы въ XVIII и XIX вѣкахъ, съ одной стороны, служило тщеславной принадлежностью высшихъ классовъ, являясь какимъ-то хвастливымъ, пустымъ полуобразованіемъ, съ другой же — далеко не искоренило невѣжества и суевѣрія народнаго

большинства, чему однимъ изъ доказательствъ многочисленные расколы въ Россіи. Русь XI, XII и XIII столѣтій была невѣжественна, суевѣрна, опозорена язвою холопства, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладала самостоятельностью областною, служилою, церковною, общинною. При другихъ обстоятельствахъ она могла-бы выработать изъ себя и другія формы жизни, высшія государственныя и общественныя учрежденія, нисколько не отказываясь отъ просвѣщенія, отъ благодѣяній людскости, общежитія, промышлености, искусствъ и наукъ. Въ то время, какъ западной Руси суждено было сосредоточиться въ аристократическое конституціонное, Литовское княжество, потомъ соединиться съ конституціонной шляхетной Польшей, а южной части того-же Литовскаго княжества, Малороссіи, тщетно стремиться къ общенародности и самостоятельности, Руси восточной, Московской, предстояла другая участь. Подпавъ подъ иго Монголовъ, она должна была возвратить утраченную политическую независимость. Для удачнаго отпора врагу —кочевой, степной Азіи, Руси восточной пришлось сосредоточиться въ сильное государство Московское съ правительствомъ самодержавнымъ. Это обстоятельство дало возможноссь осуществиться въ Русской общественной жизни Византійскому понятію о государствѣ, коренившемуся въ нѣдрахъ православной церкви. Отсюда особенный ходъ Русской исторіи. Исчезла древняя областная союзность, потряслись въ основаніи стародаванія обычныя права сословій. Съ воцареніемъ Ивана III наступаетъ *средній*, переходный періодъ Русской исторіи. Земля собирается воедино; государи стремятся сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ нѣкогда были Византійскіе императоры — самодержавными; гибнетъ независимость послѣднихъ удѣльныхъ князей, самостоятельность Новгорода и Пскова (при Иванѣ III и его сынѣ Василіѣ); ограничиваются обычныя права людей служилыхъ въ ихъ высшихъ представителяхъ, боярахъ (при Иванѣ IV Грозномъ); закрѣпляются общины не только сельскія, но и городскія (при Ѳедорѣ Ивановичѣ, по мысли Бориса Годунова). Такъ-называемое смутное время самозванщины и междуцарствія (въ началѣ XVII вѣка) было произведено неудачнымъ, полусознательнымъ, разногласнымъ стремленіемъ разныхъ частей и сословій государственныхъ къ прежней самобытности, насколько то дозволяла современная дѣйствительность. Вмѣшательство иноземцевъ (Шведовъ, особенно Поляковъ) въ грозное междоусобіе

остановило всеобщее волненіе въ самомъ началѣ. Опасеніе потери политической независимости примирило партіи и финаломъ потрясающей кровавой брани было избраніе на царство Михаила Романова. Въ государствованіе Михаила и его ближайшаго потомства, древнія обычныя права разныхъ сословій совершенно пришли въ упадокъ. Стрѣлецкіе бунты были послѣднимъ нестройнымъ отголоскомъ прежнихъ безпокойныхъ движеній. При Петрѣ I самодержавіе утвердилось на Руси окончательно. XVIII столѣтіемъ открывается періодъ новой Русской исторіи. Изъ краткаго историческаго очерка, нами сдѣланнаго, на основаніи общихъ фактовъ, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, ясно видно, что *средній* періодъ Русской исторіи, время отъ Ивана III до Петра I, есть пора постепеннаго усиленія централизаціи и упадка обычныхъ правъ разныхъ государственныхъ областей и сословій. Обычныя права сословій совершенно преобразовались въ царствованіе Петра I; до XVIII-же столѣтія въ самомъ паденіи они долго еще сохраняли характеръ нѣкоторой самобытности. Земскіе соборы, въ которыхъ выражались обычныя права сословій Русскаго государства средняго періода, созывались высшими властями, свѣтскими и духовными, большею частію царемъ, въ смутное время—боярами, иногда патріархомъ; они были выраженіемъ общественнаго мнѣнія, представляемаго выборными разныхъ свободныхъ сословій; они явились до извѣстной степени, подобно государственнымъ собраніямъ древней Руси, охраной сословныхъ обычныхъ правъ и интересовъ; характеръ земскихъ соборовъ былъ не законодательный, а только совѣщательный. Земскіе соборы входили, какъ необходимый, существенный элементъ, въ составъ старинной Русской государственной администраціи. Со-времени ихъ установленія (вѣроятно, по образцу церковныхъ соборовъ, радъ Литовскихъ и сеймовъ Польскихъ), всѣ цари Русскіе XVI и XVII столѣтій нисколько не думали сомнѣваться въ ихъ умѣстности, принимая къ свѣдѣнію практическіе совѣты соборныхъ депутатовъ. Земскія думы прекратились на Руси съ воцареніемъ Петра I. Сравнивая земскіе соборы средняго періода съ подобными-же учрежденіями удѣльной Руси, открываемъ, что древнія государственныя собранія (княжескіе съѣзды, служилыя думы, общинныя вѣча, церковные соборы) происходили по сословіямъ; сходы-же депутатовъ всѣхъ классовъ были, повидимому, рѣдки; на земскихъ соборахъ, напротивъ, вы-

ступали выборные всѣхъ разрядовъ общества. Большая часть древнихъ государственныхъ собраній отличалась характеромъ совѣщательности, за исключеніемъ вѣчъ вольныхъ городовъ Новгорода и Пскова: то-же совѣщательное свойство имѣли и Русскія средневѣковыя государственныя собранія. Общенародностью, совѣщательностью запечатлѣна была дѣятельность думъ земскихъ, въ противоположность радамъ Литовскимъ и сеймамъ Польскимъ, государственнымъ установленіямъ аристократическаго и законодательнаго значенія. Ближайшее разсмотрѣніе нѣкоторыхъ земскихъ соборовъ XVI и XVII вѣковъ весьма-любопытно, не смотря на всю недостаточность самостоятельности соборныхъ депутатовъ. Въ настоящее время врядъ-ли найдется охотникъ до споровъ, который-бы захотѣлъ отрицать историческую важность подобныхъ установленій. Непрерывный рядъ совѣщательныхъ государственныхъ собраній средняго періода открывается земскимъ соборомъ 1549 года. Весьма замѣчательно, что первый земскій соборъ имѣлъ мѣсто по распоряженію Ивана IV, извѣстнаго причудливостью и страстной необузданностью своего крутаго нрава».

Къ исторіи другихъ странъ и народовъ принадлежатъ слѣдующія статьи: *Возвращеніе князя Милоша Обреновича въ Сербію* (Совр. № 3); *Эпизодъ изъ исторіи Нидерландовъ. Правленіе герцога Альбы* (Библ. для чт. № 3); *Послѣдняя борьба Черногорцевъ съ Турками* (ibid. № 3); *Западная Европа въ дофеодальную эпоху.* Очерки сравнительной исторіи политическихъ учрежденій и сословныхъ отношеній Франціи, Англіи и Германіи, Г. В. Вызинскаго (Русск. вѣстн. № 2, 4, 7); *Публичныя лекціи проф. Стасюлевича о провинціальномъ бытѣ Франціи, при Людовикѣ XIV*, А. (ibid. № 4); *Дневникъ г-жи Дальримпль Эллiотъ*, съ Англ. (Атен. № 3); *Нравы Французскаго дворянства въ XVII столѣтіи*, съ Франц. (ibid. № 4); *Князь Меттернихъ*, К. Т. (ibid. № 5 и 6); *Іезуиты до Іезуитовъ*, М. Касторскаго (Русск. слово № 2); *Ораторская дѣятельность Маколея*, г. Благосвѣтлова (ibid. № 3); *Развитіе государства въ Германіи, Англіи и Франціи*, Бидермана (Моск. вѣд. № 1, 4, 6, 10 и 17); *Императорскій Римъ.* По описаніямъ очевидцевъ (ibid. № 48, 57 и 84); *Юліанъ-отступникъ.* Историческій очеркъ (ibid. № 72); *Ааронъ Буръ.* Эпизодъ изъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ (ibid. № 73 и 75); *Исторія Филиппа II*, соч. Прескотта (ibid. № 81); *Историческій очеркъ судебъ*

Италіи съ конца XVIII столѣтія. А. Н. (ibid. № 85); *Взглядъ на исторію Сербіи послѣднихъ 60 лѣтъ* (Вил. вѣстн. № 3 и 4); *Виленское епископство* (ibid. № 16); *Очеркъ Сербскаго вопроса*,—ова (Одесск. вѣстн. № 8); *Открытіе Китая*, В. П. Васильева (Русск. дневн. № 82, 83, 84 и 85).

Въ Извѣстіяхъ Императорскаго археологическаго Общества (вып. 6) помѣщены: Матеріалы для исторіи иконъ и иконописанія: *О древнемъ наперсномъ мѣдномъ образѣ, въ библіотекѣ Александроневской лавры*, о. архимандрита Макарія; *Икона святителя Николая Чудотворца, въ Новгородскомъ Николаевскомъ дворянскомъ соборѣ*, его-же; *О возобновленіи иконы Знаменія Божіей Матери въ Новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ, въ 1640 г.*, его-же; *Старинныя иконы въ Тобольской епархіи*, Н. А. Абрамова; *Поручная запись Вязниковскихъ посадскихъ людей по иконописцѣ Пономаревѣ*, 1704 *г.*, П. И. Савваитова; *О томъ, что въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ въ-старину совершался чинъ пещнаго дѣйствія*, Н. И. Суворова; *Рядная запись о приданомъ съ оцѣнкою вещей*, 1641 г., его-же; *Опись стариннаго дворянскаго имѣнія въ XVII столѣтіи* (1671 г.), его-же; *Собранія отдѣленій Русской, Славянской и восточной археологіи*; *Каменныя бабы въ С. Петербургѣ*, С. И. Гуляева; *Новѣйшія находки монетъ въ разныхъ губерніяхъ*.

VIII. Языкознаніе.

Въ Извѣстіяхъ Императорской академіи наукъ по отдѣнію Русскаго языка и словесности помѣщены: *Слѣды глаголицы въ памятникахъ X вѣка*, И. И. Срезневскаго (том. VII, вып. V, листы 22—24); *Записка о фотографическихъ снимкахъ П. И. Севастьянова*, И. И. Срезневскаго (ibid.); *Письмо къ редактору*, архим. Саввы (ibid.); *Письмо къ редактору*, А. Ф. Гильфердинга (bid.); *Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ Русскаго языка*, И. И. Срезневскаго; *О Русскомъ полногласіи*, П. Лавровскаго (ibid.); *Изъ словаря Русскихъ синонимъ*, И. И. Давыдова (том. VIII, вып. I, лист. 1—5); *О нарѣчіи Померанскихъ Словинцевъ и Кашубовъ*, А. Ѳ. Гильфердинга (ibid.); *Прибавленіе къ 1-й части грамматики Славянской*, А. Х. Востокова (ibid.); *Записка о языкѣ Русскихъ повременныхъ изданій. Изъ письма къ редактору* (ibid.); начало 2-го тома *Церковно-Славянскаго словаря*, А. Х. Востокова (ibid.).

— «О нарѣчіи Померанскихъ Словинцевъ и Кашубовъ». — «На южномъ берегу Балтійскаго моря, на западъ отъ низовьевъ Вислы сохранились до-сихъ-поръ населенія Славянъ. Это послѣдніе остатки нѣкогда великаго и славнаго народа, который въ-теченіе многихъ столѣтій отстаивалъ свою народную независимость и свое непокорное язычество отъ напора всей Германской имперіи. Теперь потомки этого воинственнаго племени скрываются въ песчаномъ и болотистомъ захолустьѣ, куда рѣдко заглядываетъ путешественникъ. Поляки и Нѣмцы называютъ ихъ Кашубами; сами они себя называютъ «*Кашеби*» (единств. ч. *Кашеба*), выговаривая *о* за *у*, — а въ нѣкоторыхъ, наиболѣе отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, сохранилось у нихъ древнее народное имя *Словинцевъ*. Кашубы и Словинцы Прибалтійскіе занимаютъ сѣверную и западную половину Гданской области (Regierungsbexirk Danzig), составлявшей нѣкогда Польское поморье, и восточную часть Кослинской области (Regierungzbezirk Cocslin) въ Помераніи. Въ Гданской области они населяютъ сплошь округи Вейеровскій и Картузскій Первый составляетъ сѣверную оконечность этой области и прилегаетъ съ сѣвера и запада къ морю; къ востоку граничитъ онъ съ Помераніею, къ югу съ Картузскимъ округомъ; это главное средоточіе Кашубовъ. Только юго-западная оконечность его, около станціи Кацъ, въ двухъ миляхъ на сѣверъ отъ Данцига, занята Нѣмцами. Картузскій округъ принадлежитъ весь Кашубамъ, кромѣ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ колоній, водворенныхъ въ срединѣ его, около Колпина, и на западѣ около Пржеязна (Rheinfeld). Нѣкоторыя деревни на окраинѣ Данцингскаго округа, прилегающей къ округу Картузскому. На югъ отъ Картузскаго округа, округъ Косцержинскій занятъ Славянами, но тутъ Кашубская рѣчь мало-по-малу сливается съ Великопольскою. Сѣверная и западная половина этого округа принадлежитъ болѣе Кашубскому говору, южная и восточная—Польскому. Въ самомъ городѣ Косцержанѣ особенно замѣтно это сліяніе: онъ какъ-будто находится на пограничной картѣ обоихъ нарѣчій. Лежащій на юго-востокъ отъ Косцержинскаго округа, округъ Старгардскій уже чисто-Польскій (за исключеніемъ Нѣмецкихъ поселеній; но на юго-западъ, въ округѣ Хойницкомъ (Conitz), черта Кашубской рѣчи, хотя уже теряющей все болѣе и болѣе свои особенности, тянется далеко къ югу, до самаго города Хойницы. Мы опредѣлили такимъ образомъ восточную

и южную границу Кашубовъ; опишемъ теперь западную границу идя съ юга, отъ Хойница, на сѣверъ. Кашубы занимаютъ сѣверо-западную половину Хойницкаго и прилегающіе къ нему съ запада приходы Конаржинскій и Боржяковскій Челоховскаго округа. Затѣмъ мы изъ западной Пруссіи вступаемъ въ Померанію. Здѣсь Кашубамъ недавно еще принадлежалъ юго-восточный уголъ, именно округъ Бытовскій, но только слабые остатки ихъ сохранились тамъ (впрочемъ, почти во всѣхъ деревняхъ этого края), ежедневно исчезая. На сѣверѣ отсюда, въ округѣ Лауэнбургскомъ, Кашубы живутъ въ узенькой окраинѣ, прилегающей къ западной Пруссіи, именно въ деревняхъ: Ракитке, Глеснище, Вучковл, Шемеровице, Буковина, Лебунье, Вусево, Попово, Дзенцелицы, Восѣкъ, Ловчъ, Ежево, Парашено, Божеполе. За Божеполемъ Нѣмецкія поселенія достигаютъ до самой границы западной Пруссіи и занимаютъ пограничный съ ней Померанскій приходъ Свислено. Сѣвернѣе опять находимъ двѣ пограничныя Померанскія деревушки, Бисмаркъ и Ребинке, въ которыхъ еще уцѣлѣла Кашубская рѣчь. Далѣе на сѣверъ, пограничный приходъ Гнѣвинскій сдѣлался совсѣмъ Нѣмецкимъ; но въ самомъ крайнемъ на сѣверо-востокъ приходѣ Померанскомъ, Осѣкскомъ, на прибрежьѣ Балтійскаго моря, еще живетъ Кашубскій языкъ, именно въ деревняхъ Осѣкъ, Старбенино, Слухово, Вержхуцино, Бѣлогоро и Пьосница. Отсюда мы должны поворотить на западъ и найдемъ Кашубскую рѣчь въ прибрежной полосѣ, тянущейся на западъ до Гордненскаго озера: это сѣверная, приморская часть цѣлаго Лауэнбургскаго и восточной половины Столпскаго округа. Ширина этой полосы—отъ полумили до двухъ и двухъ съ половиною миль отъ морскаго берега. Числа Кашубскаго народонаселенія опредѣлить нельзя. Полагаютъ однако, что Кашубовъ (со включеніемъ Кабатковъ и Словинцевъ, которыхъ, впрочемъ, едва-ли наберется двѣ или три тысячи, сохраняющихъ еще природный свой языкъ) должно считать около 200,000, можетъ быть нѣсколько больше. Нарѣчіе, на котромъ говорятъ эти послѣдніе остатки Прибалтійскихъ Славянъ, имѣетъ наиболѣе сходства съ Польскимъ языкомъ. Мы имѣемъ также въ разныхъ письменныхъ памятникахъ нѣкоторые обломки нарѣчія Славянскаго населенія, жившаго въ-старину на Эльбѣ и въ западной части Балтійскаго поморья. Обломки эти показываютъ, что языкъ прежнихъ Славянскихъ обитателей Мекленбур-

гіи, Бранденбургіи и Люнебургскаго *Вендланда* близокъ былъ къ типу Польской рѣчи, но имѣлъ также свои характеристическія особенности. Это свидѣтельство признаковъ лингвистическихъ, подкрѣпляемое разными историческими фактами, наводитъ на мысль, что Польскій языкъ и языкъ Прибалтійскихъ Славянъ составляли одну общую вѣтвь Славянской рѣчи—вѣтвь, которую можно назвать Ляшскою, и что вѣтвь эта раздѣлялась на два нарѣчія—Польское и Прибалтійское, точно такъ-же, какъ напр. Русская вѣтвь раздѣлилась на нарѣчія Великорусское и Малорусское. Языкъ Кашубовъ и Померанскихъ Словинцевъ есть послѣдній живой остатокъ Прибалтійскаго нарѣчія, объемъ ктотораго въ средніе вѣка былъ по-крайней-мѣрѣ ровенъ объему нарѣчія Польскаго, но которое несчастныя обстоятельства мало-по-малу стерли и стираютъ съ лица земли. Потому мнѣніе, господствующее въ образованномъ классѣ туземцевъ, будто Кашубское нарѣчіе есть лишь искаженный Польскій языкъ, совершенно ложно; это то-же самое, какъ еслибы кто-нибудь сталъ увѣрять, что Малороссійскій языкъ есть испорченный Великорусскій. Но мнѣніе это легко могло составиться и весьма извинительно. Дѣло въ томъ, что Прибалтійское нарѣчіе угасло въ тѣхъ краяхъ, гдѣ оно должно было имѣть всю полноту своего своеобразнаго типа, т.-е. на берегахъ Эльбы и въ западной части Балтійскаго поморья; мы его знаемъ только въ мѣстахъ, гдѣ оно граничитъ съ чистымъ Польскимъ языкомъ и гдѣ, естественно, въ говорѣ народа слышенъ переходъ къ этому языку. Представьте себѣ Малороссійскую рѣчь исчезнувшею вездѣ, кромѣ какъ на пограничной чертѣ съ Великорусскимъ племенемъ напр. на рубежѣ Курской и Черниговской губерній; въ такомъ случаѣ трудно было-бы представить себѣ своеобразный типъ этого языка и освободиться отъ мнѣнія, что тамошняя рѣчь есть только искаженный мѣстный говоръ. Постепенное приближеніе къ Польскому языку слышится, можно сказать, на каждомъ шагу Кашубской земли, по-мѣрѣ того, какъ подвигаешься отъ запада къ востоку и отъ сѣвера къ югу. Потому нѣтъ никакой возможности опредѣлить, такъ сказать, нормальный типъ Кашубскаго нарѣчія, или можно это сдѣлать только условно, принявъ говоръ одной какой-нибудь мѣстности за норму, какъ пытался Цейнова въ изданныхъ имъ Кашубскихъ книжечкахъ. Онъ принялъ за норму рѣчь, господствующую въ его родинѣ, въ сѣверной приморской части

Вейеровскаго округа, въ западной Пруссіи; но эта норма гораздо ближе къ Польскому языку, нежели говоръ Кашубовъ и особенно Словинцевъ въ Помераніи, и гораздо дальше отъ него, нежели говоръ Кашубовъ въ южной части Вейеровскаго и въ Картузскомъ и Косцержинскомъ округахъ. Говоръ жалкихъ рыбаковъ и поселянъ, живущихъ около Гордненскаго и Лебскаго озеръ въ Помераніи и носящихъ названіе Словинцевъ и Кабатковъ, особенно любопытенъ тѣмъ, что въ немъ представляется это нарѣчіе съ наиболѣе своеобразными чертами. Если можно искать какого-нибудь опредѣленнаго типа въ угасающихъ остаткахъ Прибалтійскихъ Славянъ, то должно брать его именно въ деревняхъ Померанскихъ Словинцевъ и Кабатковъ«.

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ по части языкознанія мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Нѣмецкій словарь братьевъ Гриммовъ*, Ю. К. Фелькеля (Атен. № 5); *Слѣды глаголицы въ десятомъ вѣкѣ*, И. И. Срезневскаго (Извѣст. Имп. арх. Общ. вып. 6); *Сближеніе Греческой монограммы на крестахъ* «Т. К. П. Г.» *со Славянскою* «*М. А. Р. Б.*», Г. С. Дестуниса (ibid.).

VII.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

I

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

О размноженіи насѣкомыхъ. *Дюмериля* (1). — *Дюмериль* приготовляетъ къ изданію большое сочиненіе о насѣкомыхъ, подъ заглавіемъ «Аналитическая энтомологія», извлеченія изъ котораго онъ читалъ въ Парижской академіи наукъ. Познакомимъ читателей съ однимъ изъ этихъ интересныхъ извлеченій—о размноженіи насѣкомыхъ:

«Самое важное изъ отдѣленій, образующихся въ животныхъ, есть безспорно то, которое служитъ для распространенія жизни и для воспроизведенія недѣлимыхъ совершенно сходныхъ съ ними, или дѣлающихся такими впослѣдствіи: между живыми существами, особенно у насѣкомыхъ, возродительное отправленіе подвергается самымъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ, чрезвычайно-интереснымъ для изученія.

«Восходя къ началу живыхъ существъ, или, въ-частности, одного изъ нихъ, мы доходимъ до пары недѣлимыхъ различнаго пола. Нисходя въ ряду поколѣній, мы находимъ только прогрессивное развитіе того-же вида или тѣхъ-же видовъ. Слѣдовательно воспроизведеніе органическихъ существъ есть только послѣдовательное

(1) Comptes rendus 11 avril 1859.

расширеніе видовъ, гдѣ первыя существа совершенно-тожественны съ тѣми, которыхъ мы видимъ теперь. Такимъ образомъ исчезаютъ сами собою мнѣнія о произвольномъ зарожденіи, о составляющихся зародышахъ, и остается только одна неизмѣнная истина, выведенная изъ опыта и наблюденія: всякое живое существо, хорошо-организованное, воспроизводитъ себѣ подобнаго.

«Физіологъ, отыскивая первыя причины зарожденія, находитъ ихъ въ отдѣленіи, которое происходитъ отъ излишка жизни, отъ избытка питанія надъ потребленіемъ движеніями и возрастаніемъ. Анатомъ, изучая организацію частей, назначенныхъ для этого особеннаго отправленія, видитъ только снаряды, способные извлекать, выдѣлять изъ недѣлимаго, или содержать въ себѣ нѣсколько времени жидкости, которыя впослѣдствіи одушевятся и будутъ наслаждаться собственною, отдѣльною жизнію. Натуралистъ, кромѣ-того, подмѣчаетъ разницу въ наружномъ видѣ самцовъ и самокъ; обращая особенное вниманіе на изученіе нравовъ, онъ наблюдаетъ факты, которые происходятъ во-время оплодотворенія и во-время воспроизведенія породы.

«Пусть-же всѣ такія изслѣдованія бросятъ нѣкоторый свѣтъ на это важное отправленіе, на это начало жизни, которыя, по-видимому, уже существовали въ жидкости!

«Всѣ предварительныя явленія возродительнаго акта должно разсматривать, какъ стимулы, необходимые для отдѣленія зародышей. Напомнимъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, изложивъ подробности обстоятельствъ, которыя возвѣщаютъ у самцовъ и самокъ время оплодотворенія.

«Классъ насѣкомыхъ изъ всего животнаго царства безспорно представляетъ болѣе всего видоизмѣненій и особенностей въ-отношеніи возрожденія, по-причинѣ огромнаго числа и разнообразія формъ недѣлимыхъ, его составляющихъ. Что̀ можетъ быть, на-самомъ-дѣлѣ, удивительнѣе перехода животнаго изъ одной формы въ другую, этой невѣроятной перемѣны въ наружномъ видѣ и въ строеніи существа, которое сдѣлается столь отличнымъ отъ того, чѣмъ оно было прежде, не переставая однакожь быть самимъ собою! Здѣсь, кажется, превращеніе видоизмѣняется для каждаго отряда, для каждаго рода, измѣняются образъ жизни, наклонности, привычки, свойственныя каждому виду, и въ-особенности инстинктъ въ любви и въ способѣ, которымъ производится сближеніе половъ».

«Насѣкомыя, какъ и всѣ животныя, когда заслышатъ въ себѣ могучій голосъ природы, повелѣвающій воспроизведеніе и сохраненіе природы, обнаруживаютъ потребность и изъявляютъ желаніе половаго сближенія; они стараются взаимно сообщить свои желанія и дать знать о своемъ присутствіи на большое разстояніе. Одни изъ нихъ помощію снарядовъ, которые мы описали, говоря о звукахъ, ими издаваемыхъ, и помощію органовъ, которыми ихъ одарилъ Создатель, кажется, только съ этою цѣлію издаютъ и повторяютъ вдали свои пѣсни любви, во мракѣ и тиши ночей. Другія, и чаще всего самцы, выставляютъ на показъ свои яркіе металлическіе цвѣта и кокетливыя украшенія и обнаруживаютъ свой полъ богатствомъ красокъ и блескомъ своихъ крыльевъ. Иныя заставляютъ свѣтиться фосфорическимъ или электрическимъ свѣтомъ нѣкоторыя части своего тѣла и такимъ образомъ привлекаютъ вниманіе пола, помощи и поддержки котораго они желаютъ. Многіе испускаютъ въ воздухъ испаренія, обнаруживающія ихъ присутствіе и заставляющія желать ихъ приближенія. Всѣ имѣютъ свои знаки, свой телеграфическій языкъ.

«Такимъ образомъ, говоря о голосѣ насѣкомыхъ, или, лучше, о звукахъ, которые они издаютъ, мы сказали, какъ необходимо присутствіе и отправленіе органа слуха для этого акта жизни. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ. У жесткокрылыхъ, убѣгающимъ свѣта, какъ напр. у мѣдняковъ (Blaps), пимелій, у которыхъ тѣло толстое, походка медленная, надкрылія сросшіяея, и которыя слѣдовательно лишены способности легко переноситься на мѣста, гдѣ ихъ желанія могли-бы быть удовлетворены, почти всѣ самки имѣютъ снарядъ, состоящій изъ пучка твердыхъ волосковъ, противъ котораго находится упругая роговая пластинка, способная издавать звукъ вслѣдствіе потрясеній, производимыхъ перемѣннымъ движеніемъ, такимъ образомъ она исполняетъ роль кожи на барабанѣ. Когда самка начинаетъ тереть щетку изъ волосковъ о какой-нибудь твердый предметъ, то отъ этого тренія происходитъ довольно сильный звукъ. Тогда выходятъ изъ своихъ темныхъ убѣжищъ самцы, которые, не смотря на свою медленность, не остаются глухи къ этому призыву и къ сильнымъ потребностямъ, имъ возбуждаемымъ.

«При подобныхъ-же обстоятельствахъ и съ тою-же цѣлію, издаютъ очень странные звуки почти всѣ виды жуковъ-древоточцевъ внутри деревъ, которыя они проточили. Совершенное насѣ-

комое, плотно-приставшее лапками къ стѣнкамъ мины или галереи, которую оно пробуравило, сообщаетъ своей головѣ очень быстрое движеніе; оно ударяетъ такимъ образомъ черезъ нѣкоторые промежутки, начиная разъ 5 или 6, и производитъ звуки тикъ-такъ, которые сравниваютъ со стукомъ карманныхъ часовъ; потомъ остается нѣкоторое время неподвижнымъ, и если никто не выходитъ изъ сосѣднихъ отверстій, то переходитъ на нѣкоторое разстояніе и снова начинаетъ это дрожательное движеніе. Вѣроятно, подобнымъ-же намѣреніямъ должно приписать тѣ слабые звуки, которые народное суевѣріе называетъ часами смерти и приписываетъ маленькому термиту, извѣстному подъ названіемъ лѣсной вши.

«Мы приводимъ примѣры звуковъ, происходящихъ только отъ волненій, передаваемыхъ внѣшними тѣлами; но нѣкоторыя насѣкомыя могутъ сами собою производить звуки, которые дѣлаются очень скучными по ихъ продолжительности и однообразію. Мы уже описали органы, назначенные для этого употребленія, у кузнечиковъ, сверчковъ, саранчи, говоря объ отправленіи дыханія насѣкомыхъ.

«Нетерпѣливая потребность воспроизведенія обнаруживается у того и другаго пола многими другими способами; они относятся ко всѣмъ чувствамъ. Мы уже показали различные случаи, въ которыхъ она съ настояніемъ умоляетъ органъ слуха. Иныя изъ насѣкомыхъ, какъ только наступятъ сумерки, заставляютъ издали любоваться своими свѣточами любви, если можно такъ выразиться. Эти болѣе или менѣе блестящіе факелы обозначаютъ ихъ существованіе въ пространствѣ. Нѣкоторые виды жаркихъ странъ полудня обладаютъ въ высшей степени способностью издавать свѣтъ. Многія прыгунки, свѣтоноски, наши свѣтящіеся червячки принадлежатъ къ этой категоріи; но мѣсто органовъ, издающихъ свѣтъ, не у всѣхъ одно и то-же. Здѣсь это пятна, или прозрачныя пластинки, которыя лежатъ по бокамъ или на корсетикѣ; тамъ огонь выходитъ изъ продолженія лба; тутъ отдѣленіе свѣта происходитъ на концѣ брюха, наконецъ нѣкоторыя тысяченожки блестятъ фосфорическимъ или электрическимъ свѣтомъ на всей своей поверхности: но это случается только въ эпоху воспроизведенія, такъ-что это особенное и возбуждающее проявленіе можно разсматривать, какъ стимулъ, необходимый для отдѣленія зародышей».

«И такъ только въ эпоху, когда насѣкомыя сдѣлались способ-

ными къ размноженію, всегда въ одно и то-же время года, они украшають своимъ свѣтомъ театръ природы. Въ-особенности безкрылыя самки Ивановыхъ-червяковъ нашихъ странъ доказываютъ настоящую цѣль или поводъ этой фосфоричности. На-самомъ дѣлѣ, не достойна-ли безконечной предусмотрительности способность этой будущей матери, сдѣлавшейся безсильною вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія многочисленныхъ яицъ въ ея брюшной части, привлекать къ себѣ особеннымъ средствомъ легкихъ и подвижныхъ самцовъ, которыхъ быстрый полетъ направляется прямо къ ней блескомъ этого особеннаго маяка? Поэтому блестящій свѣтъ самки дѣлается живѣе и страстнѣе при приближеніи самца. Часто даже у нѣкоторыхъ видовъ свѣтляковъ, самецъ обнаруживаетъ свое присутствіе, разбрасывая въ воздухѣ нѣсколько отдѣльныхъ искръ. Но какъ-скоро оплодотвореніе совершилось, огонь гаснетъ, органы теряютъ свой блескъ; они сдѣлались уже ненужными: потребность природы удовлетворена.

«Мы не можемъ хорошо опредѣлить, какъ мы сказали, свойство запаха или испареній, испускаемыхъ нѣкоторыми насѣкомыми въ эту эпоху ихъ существованія; но положительно извѣстно, что многія изъ нихъ издаютъ запахъ. Мы привели весьма замѣчательные примѣры этого, говоря объ органѣ обонянія, и не думаемъ, чтобы нужно было ихъ повторять здѣсь.

«Все вычислено, все предусмотрѣно въ строеніи насѣкомыхъ, чтобы актъ воспроизведенія совершился безъ затрудненій. Говоря объ устройствѣ половыхъ частей, мы показали, что мягкіе мужскіе органы обернуты трубкою изъ многихъ твердыхъ частей, составляющихъ подвижныя и растяжимыя заслонки, которыя служатъ для введенія безъ всякой потери и для направленія оплодотворяющей жидкости въ женскіе органы; мы показали различныя видоизмѣненія въ формѣ и положеніи, иногда необычайномъ, наружныхъ мужскихъ и женскихъ органовъ.

«Чаще всего, какъ мы сказали, полы отдѣльны и находятся на недѣлимыхъ, которыя у одного и того-же вида бываютъ иногда весьма различны по формѣ, величинѣ и цвѣту. Относительное число самцовъ и самокъ также очень измѣняется. Весьма рѣдко насѣкомыя живутъ попарно, соединяясь въ настоящую семью для общаго житья и для воспитанія дѣтей, которыхъ они почти никогда не видятъ живыми. Вообще самцы не заботятся объ устройствѣ гнѣздъ и не обнаруживаютъ предусмотрительности матерей.

которую онѣ выказываютъ въ попеченіяхъ положить свои яица въ безопасное мѣсто. Только самки одарены удивительнымъ инстинктомъ, который управляетъ ими, когда онѣ довѣряютъ обманомъ развитіе своего потомства другимъ видамъ, или когда онѣ кладутъ свои яица въ такія мѣста или въ такія вещества, которыя лучше всего пригодны для житья и для первоначальной пищи личинокъ, питающихся часто совершенно иными веществами, чѣмъ совершенныя насѣкомыя. Нельзя не удивляться такимъ заботамъ и такой предупредительности, которыхъ мы не забыли выставить на видъ.

«Много случаевъ многобрачія представляется намъ въ обоихъ полахъ; изъ перепончато-крылыхъ, у пчелъ, осъ, муравьевъ и у термитовъ изъ сѣтчатокрылыхъ. Въ этихъ республикахъ, рождается, или, лучше сказать, развивается извѣстное число недѣлимыхъ, заранѣе обреченныхъ бесплодію, какъ полагаютъ, вслѣдствіе питанія, недостаточнаго для совершеннаго развитія половыхъ органовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ родовъ, возродительною немочью поражено множество самокъ, которыхъ принимаютъ за среднія недѣлимыя, потому-что онѣ не имѣютъ внѣшнихъ органовъ, позволяющихъ сближеніе половъ, но онѣ одарены инстинктомъ матерней любви. Онѣ посвящены исключительно физическому воспитанію дѣтей; на однѣхъ лежатъ общія заботы, которыхъ требуютъ жилище, питаніе всего роя и заготовленіе для него припасовъ; другія привязаны къ одной или нѣсколькихъ плодороднымъ самкамъ, какъ преданныя кормилицы, и берутъ на себя всѣ заботы истинной матери; послѣдняя не участвуетъ даже въ попеченіяхъ о безпрерывныхъ и нетерпящихъ отлагательства нуждахъ личинокъ, которыя одолжены ей своимъ существованіемъ.

«Легко видѣть, что всѣ эти насѣкомыя должны жить въ многочисленныхъ обществахъ; они доставляютъ намъ возможность наблюдать странные союзы, которые мы можемъ назвать вмѣстѣ съ ботаниками, по Линнею, какъ нѣкоторые сростнопыльниковые цвѣты, или *поліандріей моногиніей* (т.-е. множество самцовъ на одну самку): таковы пчелы въ нашихъ ульяхъ, нѣкоторыя осы, муравьи, термиты, или *полигиніей* (т.-е. множество самокъ на одного самца), таковы нѣкоторые шелкопряды (Bombyces), диспароты, или еще рѣже, *монеціей* (одна и та-же пара, живущая въ одномъ и томъ-же жилищѣ).

«Самцы по большей части меньше, живѣе, дѣятельнѣе, чѣмъ самки; форма и длина усиковъ, цвѣтъ крыльевъ, размѣры глазъ

особенно измѣняютса у нихъ; есть также различіе въ строеніи свободнаго конца брюха, гдѣ у самцовъ помѣщены половые органы, а у самокъ органы для кладки яицъ, приноровленные, смотря по даннымъ обстоятельствамъ, самымъ благопріятнымъ для послѣдующаго развитія яицъ. Такимъ образомъ самцы муравьевъ, кошенили, травяныхъ вшей и нѣкоторыхъ травоядныхъ жуковъ чрезвычайно-тонки сравнительно съ самками, которыя огромны и бездѣйственны. Въ-особенности ихъ усики подвергаются значительнымъ видоизмѣніямъ. Стоитъ только привести въ примѣръ дриллы, рипифоры, фалены и пр. Есть даже насѣкомыя, у которыхъ самки совсѣмъ безъ крыльевъ, тогда-какъ у самцовъ эти органы весьма развиты, каковы напр. дорилы, психеи и множество другихъ.

«Чаще всего самцы погибаютъ почти въ тотъ-же моментъ, какъ только потеряютъ наружные половые органы, что случается послѣ половаго сближенія, потому-что эти органы могутъ служить только разъ, и, сдѣлавшись ненужными, остаются и удерживаются въ тѣлѣ самки. Точно такъ-же, какъ въ растеніяхъ, тычинки завядаютъ и опадаютъ вмѣстѣ съ лепестками послѣ оплодотворенія пестика, который развивается въ плодъ, живущій до зрѣлости сѣменъ; мы видимъ, что самка насѣкомыхъ живетъ до кладки яицъ.

«Кажется, что только во время возрастанія или когда насѣкомоо было еще въ-состояніи личинки, выработываются соки, которые могутъ служить для дѣла возрожденія: ибо хотя только въ послѣдней формѣ своей жизни эти мелкія животныя могутъ передать или получать родъ *орошенія*, распространяющаго жизнь, но матеріалы для этого приготовлялись заранѣе и отлагались въ-запасъ для того, чтобы цѣль природы, которая есть непрерывное продолженіе вида, была достигнута, и для того, чтобы былъ выполненъ послѣдній актъ индивидуальнаго существованія.

«Какъ-скоро насѣкомое перестаетъ рости въ видѣ личинки, и когда оно готово надѣть оболочки послѣдней формы, подъ кото-которою родители передали ему существованіе, оно уже до того окончено и совершенно внутри, что не имѣетъ нужды въ пищѣ и часто даже лишено возможности принимать ее. Но оно можетъ съ этого времени, смотря по полу, сообщать или получать жидкости, которыхъ тѣсное соединеніе необходимо для передачи всей дѣятельности жизни.

«Излишекъ питательной дѣятельности, кажется, отлагаетъ

нѣкоторыя изъ существенныхъ частицъ пищи въ особенной жирной ткани, которую мы постоянно находимъ въ послѣднемъ возрастѣ гусеницъ и личинокъ, и которая исчезаетъ у нимфъ и куколокъ. Этотъ драгоцѣнный запасъ питательныхъ веществъ былъ отложенъ для болѣе или менѣе продолжительнаго сна, во время котораго они всасываются и по большей части переносятся во внутренніе половые органы. Эти вещества должны служить не только къ сохраненію недѣлимаго, но и къ воспроизведенію породы.

«Когда соединеніе половъ состоялось, главная и окончательная цѣль существованія недѣлимаго достигнута. Возрожденіе есть послѣдній актъ жизни насѣкомаго. Оно ускоряетъ конецъ своего существованія, повинуясь необходимости, вложенной въ него природою: принимаетъ окончательную форму, совокупляется, несетъ яица и умираетъ. Вотъ послѣднія фазы существованія, и совершенныя и оконченныя въ нѣсколько часовъ у поденки, цвѣточницы, веснянки, насѣкомыхъ, — которыя жили въ другой формѣ два или три года, не имѣя въ это время другихъ страстей, другихъ желаній, кромѣ заботъ о собственномъ сохраненіи и кромѣ удовлетворенія нуждъ питательной жизни.

«Извѣстно однакожь, что самки нѣкоторыхъ насѣкомыхъ несли плодородныя яица, хотя и были помѣщены въ такихъ условіяхъ, что не могли имѣть сближенія съ самцами. Очень хорошо изслѣдованъ и утвержденъ фактъ многихъ послѣдовательныхъ рядовъ рожденій въ родѣ травяныхъ вшей (Aphis). Это одинъ изъ странныхъ случаевъ, которые *Оуэнъ* предложилъ разсматривать, какъ явленіе рожденій дѣвственными самками, партеногенезисъ (Lucina sine concubitu) и которые *Зибольдъ* и другіе натуралисты наблюдали много разъ у самокъ нѣкоторыхъ чешуекрылыхъ, каковы шелкопряды, психеи и бражники, именно бирючинные и тополевые.

«Наблюдали также у разныхъ насѣкомыхъ настоящій гермафродитизмъ. Это были болѣзненныя уродливости. Такъ у нѣкоторыхъ бабочекъ, у бражниковъ, у фаленъ, у которыхъ самцы часто имѣютъ другіе цвѣта, чѣмъ самки, часто замѣчали недѣлимыхъ, окрашенныхъ, съ одной стороны, какъ самцы, а съ другой, какъ самки, равно-какъ и на среднихъ соотвѣтственныхъ частяхъ тѣла. Этотъ родъ гермафродитизма обнаруживался также изъ сравненія размѣровъ различныхъ частей тѣла, изъ пятенъ и цвѣта надкрылій, изъ формы и размѣровъ усиковъ, изъ расширенія нѣкоторыхъ частей ножекъ, которыхъ видоизмѣненія служатъ ха-

рактеристикою для различныхъ половъ, и часто находятся въ связи съ различными способами тѣснаго сближенія, требуемаго актовъ размноженія....»

Болѣзнь шелковичныхъ червей. — *Жоли*, назначенный Тулузской академіей наукъ и земледѣльческимъ Обществомъ Верхней-Гаронны для собранія свѣдѣній о болѣзни шелковичныхъ червей, въ замѣткѣ своей (2) говоритъ, что напрасно смѣшиваютъ болѣзнь пятенъ или гаттину съ рахитизмомъ, съ мускардиною. Изъ двухсотъ рахитическихъ червей, присланныхъ ему изъ Монпелье, ни одинъ не свилъ кокона, и даже не достигъ четвертаго возраста. Всѣ умерли послѣ перваго, втораго или третьяго линянія, а нѣкоторые и совсѣмъ не линяли.

Линяніе для нихъ весьма трудно. Нерѣдко старая кожа образуетъ на концѣ брюха кольцо, которое стягиваетъ его и причиняетъ смерть. Часто также старая кожа остается на лицѣ въ видѣ маски и дѣлаетъ невозможнымъ принятіе пищи; тогда животное умираетъ съ голоду. Иногда три или четыре заднія кольца головы раздуваются безъ мѣры и образуютъ настоящій горбъ. Такое раздутіе происходитъ отъ скопленія пищи въ желѣзистомъ желудкѣ, которое зависитъ отъ малой сжимаемости стѣнокъ послѣдняго. Эти стѣнки размягчены, какъ-будто расплываются и разрываются отъ малѣйшаго прикосновенія, а часто и сами собою. Въ такомъ случаѣ кусочки листьевъ вмѣстѣ съ большимъ количествомъ липкаго вещества находятъ даже въ грудныхъ лапкахъ. Иной разъ разрываются только наружныя оболочки пищепріемнаго канала, а внутренняя остается цѣльною и очень легко отдѣляется отъ наружной. Иногда, животное какъ-будто дѣлало тщетныя усилія для испражненія, потому-что задній проходъ окруженъ возвышенностію, оканчивающеюся розеткою, которая есть ни что иное, какъ выпятившаяся кишка вслѣдствіе сильныхъ потугъ. Испражненіе дѣлается весьма труднымъ или совершенно-невозможнымъ; только желтоватая жидкость, похожая на высачивающуюся кровь, выходитъ наружу; но вскорѣ послѣ-того обнаруживается гангрена на перемѣщенныхъ частяхъ; задній проходъ засоряется, пластинки его *обугливаются* и животное умираетъ.

Рахитическіе черви, также-какъ черви, пораженные гаттиною,

(2) Comptes rendus, 30 août 1858.

имѣютъ на лицѣ, лапкахъ, въ-особенности на послѣднихъ кольцахъ, а иногда и на всемъ тѣлѣ (*чернота*) пятна различной величины. Микроскопическое изслѣдованіе этихъ пятенъ показываетъ, что они не происходятъ отъ грибковъ, а тѣмъ менѣе отъ крови животнаго, но отъ медленнаго умиранія, отъ настоящей гангрены кожи. Отъ той-же причины рожокъ на хвостѣ сначала чернѣетъ, а потомъ спадаетъ какъ у рахитическихъ, такъ и гаттинированныхъ червей. Но какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ гангрена обхватываетъ не только кожу, но и весь пищепріемный каналъ. Кровь также разлагается и дѣлается изъ бѣлой или желтой чисто-бураго, а иногда и чернаго цвѣта (негрона). Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *Жоли* замѣчалъ у рахитическихъ червей несмѣтное множество гематозоаровъ, похожихъ нѣсколько на Vibrio gurula *Мильнера* и движущихся съ ужасною быстротою.

Шарики съ иглами, замѣчаемые въ нормальной крови, исчезли въ крови больныхъ червей; но за то въ ней миріады тѣлъ съ дрожательнымъ движеніемъ. *Жоли* полагаетъ, что это Nosema bombicis или Panhistophyton ovatum *Либерта*. По изслѣдованіямъ *Жоли*, трудно классифицировать болѣзни шелковичныхъ червей по химическому свойству крови. Однакожь, должно сказать, что она постоянно кислаго свойства въ мускардинѣ, почти всегда щелочнаго въ чернотѣ, у ожирѣвшихъ червей и пр.

По мнѣнію *Жоли*, показаніе *Катрфажа*, что когда-бы ни случилась смерть червей, пораженныхъ пятнами, они всегда засыхаютъ, не разлагаясь», слишкомъ абсолютно, потому-что черви съ пятнами гніютъ и распространяютъ невыносимый запахъ.

Болѣзнь пятенъ, по мнѣнію *Жоли*, не прилипчива, а напротивъ того мускардина заразительна. Послѣднюю онъ привилъ отъ одного червя къ 12. Когда они были покрыты налетомъ бѣлаго снѣжнаго цвѣта, что показываетъ совершенно развитіе споръ мускардины, онъ положилъ ихъ на столъ въ питомникѣ: не только черви, но и куколки и бабочки заразились болѣзнію черезъ воздухъ. Точно также заражаются здоровыя бабочки, будучи помѣщены въ ящикъ съ червями въ мускардинѣ.

Различныя средства, которыя *Жоли* употреблялъ какъ противъ рахитизма, такъ и противъ болѣзни пятенъ или гаттины, слабый уксусъ и спиртъ, хлористый кальцій, порошокъ угля, одинъ или въ смѣси съ сѣрнымъ цвѣтомъ, не дали ему удовлетворительныхъ результатовъ. Что касается до мелкаго сахару, то ему

не пришло въ голову испытать это средство. Вообще, по его мнѣнію, пагубно разводить червей въ большомъ видѣ, потому-что тогда черви находятся въ противо-гигіеническихъ условіяхъ.

Катрфажъ отвѣчаетъ *Жоли*, что черви по большей части были поражены не одною болѣзнію, а нѣсколькими, и что если они были больны пебриною (болѣзнію пятенъ) вмѣстѣ съ чернотою (негроною), то они сгнивали и распространяли страшное зловоніе; но если черви умираютъ отъ небримы, то всегда засыхая (3).

Потомъ *Катрфажъ* представилъ снова отчетъ коммиссіи гораздо пространнѣе (4) прежняго, о которомъ мы говорили (5). Новый отчетъ начинается пространнымъ изложеніемъ, что больные листья не составляли первой причины болѣзни шелковичныхъ червей, но что они могли только увеличивать ее. То-же самое прилагается и къ другимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, такъ-что Парижская коммиссія въ этомъ ссучаѣ совершенно согласна съ Ломбардскою, которая полагаетъ, что начало зла происходитъ отъ причинъ, неизвѣстныхъ до-сихъ-поръ.

«Но если отъ насъ ускользаютъ причины, породившія зло, то мы знаемъ тѣ, которыя увеличиваютъ его, говоритъ *Катрфажъ*. Однѣ изъ нихъ независимы отъ власти человѣка, какъ напр. чрезвычайно-дурныя времена года, атмосферныя явленія, препятствующія нормальному развитію шелковичныхъ червей, и пр.; другія, гораздо многочисленнѣйшія, находятся во власти человѣка, и умный воспитатель можетъ и долженъ ихъ удалить. Изъ послѣднихъ между другими мы назовемъ слѣдующія. Употребленіе слишкомъ большихъ питомниковъ, отчего происходитъ слишкомъ большое скопленіе червей въ одномъ мѣстѣ. Привычка, болѣе и болѣе распространяющаяся, ускорять развитіе червей помощію высокой температуры, отчего время, нужное для созрѣванія, уменьшилось почти наполовину противъ прежняго: правда, это экономическій способъ воспитанія, но онъ не можетъ дать сильныхъ животныхъ. Замѣна прежнихъ разновидностей шелковицы, болѣе приближавшихся къ дикой, новыми, каковы Римская, царица и розовая, у которыхъ листья широкіе, толстые и водянистые. Несовершенства въ устройствѣ печей, почти всегда распространяющихъ въ камерахъ, про-

(3) Comptes rendus, 11 octobre 1858.
(4) Ibid. 12 mars 1859.
(5) Нов. естеств. наукъ за 1858 г. стр. 334.

дукты горѣнія, отчего происходитъ такъ называемый обжогъ червей, который должно было-бы называть удушеніемъ. Недостатокъ чистки, который заставляетъ червей жить и совершать самые критическіе акты ихъ жизни на подстилкѣ въ броженіи. Въ-особенности почти совершенное отсутствіе достаточнаго провѣтриванія, это одно объясняетъ, почему самыя опасныя болѣзни опустошали большую часть питомниковъ.

«Мы не можемъ въ этомъ отчетѣ изслѣдовать, даже поверхностно, обстоятельства, на которыя указали. Но мы должны теперь-же сдѣлать одно замѣчаніе. Всѣ причины нездоровья, которыя мы исчислили, оказываютъ на червей ослабляющее дѣйствіе. Но составлявшій отчетъ убѣдился сравнительными опытами, что ослабленіе червя простымъ кровопусканіемъ развиваетъ въ немъ въ высшей степени признаки нынѣшней болѣзни и губитъ его чрезвычайно быстро, между-тѣмъ-какъ, предоставленный самому-себѣ, онъ вьетъ довольно-хорошій коконъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что серьезная доля дѣйствій нашихъ шелководовъ имѣетъ причиною то, что можетъ ослабить червей.

«Всѣ эти недостатки воспитанія, и многіе другіе, о которыхъ было-бы долго говорить, происходятъ отъ несоблюденія самыхъ элементарныхъ правилъ гигіены. Незнаніе или забывчивость этихъ предписаній тѣмъ болѣе достойны сожалѣнія, что это ведетъ, по существу самой болѣзни, къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ».

Далѣе *Катрфажъ* говоритъ, что болѣзнь шелковичныхъ червей не простая, а состоитъ изъ совокупности многихъ болѣзней, въ числѣ которыхъ всегда встрѣчается пебрина (болѣзнь пятенъ). Если развивается одна пебрина, то, при соблюденіи гигіеническихъ условій, большая часть червей вьетъ коконы, и даже часто очень хорошіе. Но если къ этой болѣзни присоединится совершенное отсутствіе гигіеническихъ предосторожностей, то развиваются другія болѣзни, сопутствующія пебринѣ, и погибаютъ почти всѣ черви. Эти послѣднія болѣзни дѣйствуютъ съ ужасною силою и повидимому составляютъ главную причину опустошеній. На-самомъ-дѣлѣ, въ странахъ, наиболѣе опустошенныхъ язвою, нѣкоторые воспитатели нисколько не потерпѣли убытка, были счастливы, по народному выраженію, именно потому, что соблюдали гигіеническія условія.

«Однакожь, должно признаться, что отсутствіе гигіены недостаточно для объясненія всѣхъ патологическихъ явленій, обнару-

живавшихся на червяхъ. Мы пришли къ одному изъ вопросовъ, на которые особенно указывала намъ академія при нашихъ изслѣдованіяхъ: настоящая болѣзнь составляетъ ли эпидемію? наслѣдственна-ли она? заразительна-ли? Не входя въ подробное изслѣдованіе этихъ вопросовъ, мы изложимъ нѣкоторые факты, дающіе возможность рѣшить эти вопросы. Чтобы избѣжать спора о словахъ, мы сравнимъ эту болѣзнь съ болѣзнію людей, которая всѣми принимается за эпидемическую, — съ холерою.

«1) Холера, родомъ съ дельты Ганга, распространилась сначала въ южной Индіи и на островахъ Индійскаго архипелага; потомъ она опустошала страну за страною въ Азіи, Европѣ и въ цѣломъ мірѣ.

«Болѣзнь шелковичныхъ червей появилась прежде всего въ окрестностяхъ Авиньона, въ долинахъ, образованныхъ наносами Роны. Оттуда она перешла въ Нижній Лангедокъ и въ то-же время поднялась къ Ліону. Скоро она обняла всѣ мѣста Франціи, гдѣ занимаются шелководствомъ, Испанію, Верхнюю Италію и весь Апенинскій полуостровъ, острова Архипелага и пр. Въ 1858 г. она появилась даже на берегахъ Каспійскаго моря.

«2) Холера при своемъ распространеніи иногда обходила на нѣкоторое время иныя страны, которыя потомъ подвергались этой болѣзни.

«Болѣзнь шелковичныхъ червей уже господствовала въ Сициліи и на Калабрскихъ островахъ, между-тѣмъ-какъ Тоскана оставалась еще нетронутою.

«3) Въ опустошаемыхъ странахъ холера иногда не проникаетъ въ нѣкоторыя мѣстности.

«Болѣзнь шелковичныхъ червей представляетъ подобные факты въ Европѣ и во Франціи. Въ Италіи Абруцци до-сихъ-поръ пощажены; во Франціи — многія мѣста въ Лозерскихъ горахъ.

«4) Часто невозможно объяснить себѣ особенныя условія для здоровья въ болѣе или менѣе обширныхъ мѣстностяхъ, въ деревняхъ и городахъ, пощаженныхъ холерою.

«То-же самое и относительно мѣстностей, гдѣ не было болѣзни шелковичныхъ червей. Однѣ изъ нихъ находятся на горныхъ возвышенныхъ площадкахъ, другія расположены на равнинахъ, однѣ изъ нихъ лежатъ на высотѣ, гдѣ растутъ букъ и сосна, другія помѣщены въ странѣ виноградниковъ и масличинъ.

«5) Въ городахъ, гдѣ свирѣпствуетъ холера, часто улицы, даже

дома избѣгаютъ общей участи и нельзя объяснить себѣ этихъ исключеній.

«Болѣзнь шелковичныхъ червей представляетъ совершенно-подобные-же факты. Въ Сентъ-Ипполитѣ одинъ домъ посреди города впродолженіе пяти лѣтъ не былъ подверженъ болѣзни, междутѣмъ-какъ цѣлый городъ былъ охваченъ ею, но онъ не имѣетъ ничего особеннаго ни въ своемъ положеніи, ни въ своемъ освѣщеніи солнцемъ, ни въ способѣ воспитанія червей.

«6) Вообще холера появляется внезапно безъ всякихъ предвѣстниковъ. Обнаружившись разъ, зло распространяется съ быстротою, которая слишкомъ хорошо извѣстна.

«Болѣзнь шелковичныхъ червей появлялась совершенно такимъ-же образомъ, почти повсюду, даже вездѣ, можно-сказать, если исключить мѣста, гдѣ она произошла: 1848 годъ былъ особенно хорошъ въ Верхнихъ и Нижнихъ Севеннахъ; въ 1849 году былъ повсемѣстный неуспѣхъ. Болѣзнь появилась заразъ на равнинахъ и на горахъ, на всѣхъ высотахъ и на мѣстахъ, представляющихъ самыя разнообразныя условія на пространствѣ въ 400 или 500 льё. Во время этого перваго появленія насчитываютъ нѣсколько пощаженныхъ мѣстностей. Онѣ были опустошены поочереди въ слѣдующіе годы и всегда съ тою-же внезапностью. Почти вездѣ за отличнымъ сборомъ слѣдовало совершенное опустошеніе.

«7) Во-время холеры, самое сильное здоровье, самое строгое соблюденіе правилъ гигіены не составляютъ ручательства за избѣжаніе зла.

«То-же самое и во-время болѣзни шелковичныхъ червей. Мы видѣли, что черви, которые со-времени вывода были помѣщены въ исключительныя условія для здоровья и которые имѣли несомнѣнные признаки силы и здоровья, подвергались болѣзни и погибали, какъ и другіе.

«8) Совершенно-здоровый человѣкъ, пріѣхавшій изъ страны, гдѣ нѣтъ эпидеміи, въ мѣсто, гдѣ есть холера, подверженъ ея дѣйствію столько-же, какъ и жители этого мѣста.

«Здѣсь нужно сдѣлать нѣкоторое различіе. Перевозятъ съ мѣста на мѣсто не червей, а только яица. Но яица здоровыхъ бабочекъ изъ странъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда болѣзни, при выводѣ изъ нихъ червей въ странѣ, гдѣ господствуетъ зло, даютъ животныхъ, которыя бываютъ поражены болѣзнію въ различной степени».

«Иные приписываютъ такой результатъ трудности акклиматизаціи; но до болѣзни никогда не замѣчали такой трудности относительно сѣменъ, полученныхъ изъ Испанія, Пьемонта, Ломбардіи и даже Средней Италіи, а тѣмъ-болѣе этого нельзя допустить въ сѣменахъ, полученныхъ изъ мѣстъ за два или за три льё, гдѣ не дѣйствовала болѣзнь.

«Нѣтъ надобности проводить далѣе параллель. Мы полагаемъ, что довольно предыдущаго, чтобы вывести заключеніе, которое можно формулировать такимъ образомъ: *если холера есть эпидемія, то болѣзнь шелковичныхъ червей есть эпизоотія.* Безъ-сомнѣнія, такое заключеніе не утѣшительно; но его не должно слишкомъ опасаться. Послѣ ужасовъ и недочетовъ—неизбѣжныхъ результатовъ перваго опустошенія, увидѣли, что гигіена и терапія могутъ во многихъ случаяхъ бороться съ успѣхомъ даже противъ холеры, и, какъ ниже покажемъ, и противъ болѣзни шелковичныхъ червей».

«Наслѣдственно-ли зло, отъ котораго терпятъ шелковичные черви? По-несчастію, очень легко доказать, что это дѣйствительно такъ. Мы ограничимся для этой цѣли только изложеніемъ нѣкоторыхъ общихъ фактовъ:

«1) При первомъ появленіи болѣзни мысль о *наслѣдственности* ея никому не приходила въ голову. Нуженъ былъ опытъ нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы убѣдиться, что въ странахъ, подверженныхъ болѣзни, невозможно получить *хорошихъ сѣменъ.* Отъ этого родилась торговля сѣменами, которой прежде не было.

«2) Всѣ наши породы, разводимыя теперь во Франціи, вывезены первоначально изъ другихъ странъ. Акклиматизація нѣкоторыхъ изъ нихъ совершилась весьма недавно, и мы всѣ знаемъ, что безъ всякихъ трудностей. Тогда не было болѣзни. Теперь въ мѣстностяхъ, подверженныхъ злу, невозможно акклиматизировать какую-нибудь породу, поступая по-прежнему. Вообще черви, выведенные изъ чужихъ хорошихъ сѣменъ, даютъ въ коконахъ, если за ними былъ хорошій уходъ, удовлетворительные результаты; но со втораго поколѣнія уже результаты дѣлаются посредственными, а съ третьяго и весьма плохими.

«То-же самое происходитъ, когда выводятъ червей не только изъ Италіянскихъ или Испанскихъ сѣменъ, но и изъ сѣменъ, полученныхъ за два, за три льё, на тѣхъ-же горахъ. Очевидно, что черви подвергаются эпидеміи уже съ перваго поколѣнія, и что болѣзнь усиливается съ каждымъ поколѣніемъ.

«3) Правда, что это усиленіе можетъ быть приписано болѣзненному расположенію, развивающемуся въ поколѣніяхъ. Но вотъ два факта, доказывающіе, что здѣсь болѣе простаго расположенія. Во-первыхъ, сѣмена, собранныя въ здоровомъ мѣстѣ, раздѣленныя на двѣ части, изъ которыхъ одна перенесена въ здоровую-же мѣстность, а другая — въ мѣстность, пораженную болѣзнію, — даютъ совершенно противоположные результаты. Въ первой мѣстности все идетъ по-прежнему, во второй — результаты все хуже и хуже. Во-вторыхъ, бабочки, вышедшія изъ коконовъ, перенесенныхъ изъ зараженныхъ мѣстъ въ здоровое мѣсто, оказались больными, какъ-бы ни были благодѣтельны для здоровья условія мѣста, гдѣ ихъ воспитывали.

«4) Если у кого-нибудь осталось хотя малѣйшее сомнѣніе на этотъ счетъ, то мы просимъ того разсмотрѣть итоги, выведенные изъ различныхъ журналовъ шелководовъ, въ-особенности тѣ, которые заключаются въ отчетѣ Ардешскаго префекта. Повсюду утверждаютъ и обнародываютъ негодность *своихъ сѣменъ.*

«Рѣдкое исключеніе составляютъ сѣмена съ мѣстностей, пощаженныхъ болѣзнію

Итакъ болѣзнь шелковичныхъ червей есть эпидемія и кромѣ того, наслѣдственна, поэтому съ нею трудно бороться.

Не смотря на то, можно получать почти навѣрное удовлетворительные сборы.

Для этого необходимы два условія: 1) выводить изъ яицъ, оплодотворенныхъ и снесенныхъ совершенно-здоровыми родителями; 2) строго соблюдать правила гигіены во все время воспитанія.

Очень небольшія камеры, къ которымъ приложенъ особенный уходъ, могутъ дать сѣмена хорошаго качества нѣсколько лѣтъ сряду даже въ мѣстахъ, наиболѣе пораженныхъ эпидеміей.

Въ-заключеніе коммиссія желаетъ, чтобы правительство требовало отъ консуловъ тѣхъ странъ, гдѣ есть шелководство, точныя и подробныя свѣдѣнія о здоровьѣ червей во все время ихъ воспитанія и публиковало правильнымъ образомъ.

Наконецъ *Катрфажъ* (6) даетъ практическія наставленія, какъ поступать для полученія *хорошихъ сѣменъ*, не смотря на господствующую эпидемію, хотя нѣкоторыя изъ этихъ наставленій требуютъ подтвержденія опыта и могутъ быть совершенно измѣнены.

(6) Comptes rendus 28 mars 1859.

I. *Выборъ сѣменъ.* Должно выбирать преимущественно здѣшнія бѣлыя сѣмена, полученныя изъ мѣстъ, не пораженныхъ болѣзнію. Изъ иностранныхъ сѣменъ надобно предпочитать отъ хорошей породы также бѣлыя, пристающія къ бѣлью и полученныя изъ мѣстности по-возможности подъ такими-же условіями, какъ тѣ, куда ихъ выписываютъ.

II. *Количество сѣменъ.* Во время эпидеміи камера для сѣменъ никакъ не должна быть болѣе того, чтобы съ нее получалось 10—15 граммовъ. Несравненно лучше умножить число такихъ маленькихъ камеръ, чѣмъ увеличивать ихъ размѣры.

Чтобы получить количество червей, соотвѣтственное означеннымъ числамъ, должно выводить изъ двойнаго или тройнаго количества сѣменъ, и выбирать червей перваго или втораго вывода.

III. *Высиживаніе.* Сѣмена для вывода должны быть помѣщены въ совершенно-провѣтриваемое мѣсто, имѣющее температуру отъ 12 до 14° стоградуснаго термометра или 10 — 11° Реомюрова.

IV. *Мѣстность.* Мѣстность камеры для сѣменъ должна быть по-крайней-мѣрѣ въ пять или шесть разъ болѣе, чѣмъ мѣстность для обыкновенной камеры.

Камера для сѣменъ должна часто провѣтриваться снизу вверхъ; окна должны быть защищены полотномъ и имѣть кромѣ-того деревянныя ставни; столы для всхода—свободны. Какого-бы устройства ни были печи, должно стараться, чтобы дымъ не распространялся въ питомникѣ.

V. *Топка, температура.* Температура вывода поддерживается и во-время перваго возраста. Потомъ ее постепенно возвышаютъ до 22° стоградуснаго или 20° Реомюрова термометра.

VI. *Провѣтриваніе.* Провѣтриваніе должно быть непрерывное. Какъ только позволитъ наружная температура, надобно отворять двери и окна. Когда она будетъ слишкомъ высока, то днемъ окна затворяются, а ночью открываются. Можно также поливать землю въ питомникѣ.

VII. *Пища.* Въ молодомъ возрастѣ червей должно кормить молодыми же листьями. Листья снимаются съ непривитыхъ шелковицъ и даются на вѣтвяхъ, переплетенныхъ подъ прямымъ угломъ.

VIII. *Чистка.* Каждые два или три дня должно приподнимать верхнія вѣтви въ то время, когда на нихъ взошли черви, и слегка потрясать, чтобы съ нихъ спали испражненія, мертвые и больные

черви; въ то-же время убираютъ нижнія вѣтви и хорошенько выметаютъ.

IX. *Линяніе.* Когда черви начинаютъ линять, должно возвысить температуру на одинъ или на два градуса и усилить провѣтриваніе. Когда извѣстное число червей *заснетъ*, то снимаютъ вѣтви, на которыя взошли опоздавшіе, и помѣщаютъ ихъ на другую снасть, чтобы не обременить червей, уже начавшихъ линять. То-же должно дѣлать и для разъединенія червей, которыхъ надобно держать на *большомъ разстояніи* другъ отъ друга.

X. *Отдѣленіе больныхъ червей.* Во все время воспитанія, должно ежедневно изслѣдовать помощію лупы нѣсколько червей, взятыхъ наудачу. Если на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтятъ пятна небрины, то усилить наблюденіе и отдѣлять зараженныхъ червей.

XI. *Свиваніе коконовъ.* Для витья коконовъ можно давать, какъ обыкновенно, верескъ; но опытъ показалъ, что небольшое число червей безъ всякаго неудобства вьетъ коконы на сплетенныхъ вѣтвяхъ, доставлявшихъ имъ пищу.

XII. *Выборъ коконовъ.* Послѣ снятія съ вѣтвей должно разсмотрѣть каждый коконъ, и отбросить всѣ коконы, поврежденные какимъ-бы то ни было образомъ.

XIII. *Выборъ бабочекъ.* Должно тщательно наблюдать выходъ изъ коконовъ бабочекъ. Надобно отбросить всѣхъ, у которыхъ щелочная жидкость, назначенная для облегченія выхода, окрашиваетъ коконъ, даже слегка, въ бурый, болѣе или менѣе красноватый цвѣтъ. Нормальный цвѣтъ ея желто-нанковый съ болѣе или менѣе розовымъ оттѣнкомъ.

Потомъ должно отбросить всѣхъ бабочекъ желтоватаго или сѣраго цвѣта, — всѣхъ, которыя потеряли часть одѣвающаго ихъ пуха, и всѣхъ, у которыхъ крылья со складками. Наконецъ надобно разсмотрѣть въ лупу всѣхъ, кажущихся здоровыми простому глазу, и выбросить тѣхъ, у которыхъ на тѣлѣ или на крыльяхъ есть пятна.

XIV. *Совокупленіе бабочекъ.* Въ вышедшихъ бабочкахъ должно отдѣлить самцовъ отъ самокъ и не давать имъ сближаться до захожденія солнца, чтобы они имѣли время хорошо очиститься. Совокупленіе происходитъ вечеромъ. Оно не должно быть прерываемо насильно до-тѣхъ-поръ, пока насѣкомыя не разойдутся сами. Къ совокупленію должны быть допускаемы самцы и самки по системѣ *Андрея Жана*, т.-е. не изъ одной выводки, а по-возможности

не родственные. Перемѣны между сосѣдними воспитателями самцовъ или самокъ одновременныхъ выводковъ и одной породы облегчитъ этотъ способъ.

XV. *Кладка яицъ.* Самки, оставленныя самцами, кладутся на полотно, гдѣ онѣ должны нестись, и надобно выбросить еще всѣхъ тѣхъ, которыя кладутъ яица съ трудомъ.

Крахмалъ и различныя состоянія клѣтчатки. — Съ января до половины мая нынѣшняго года тянулся въ Парижской академіи наукъ споръ между *Пайеномъ* и *Фреми* о различныхъ состояніяхъ клѣтчатки и каждый изъ спорившихъ остался при своемъ мнѣніи. Какъ всегда бываетъ между спорящими, въ иныхъ случаяхъ правъ одинъ, въ другихъ — другой. Такъ, по нашему мнѣнію, *Пайенъ* правъ въ томъ, что нѣтъ разницы между клѣтчаткою и *параллелюлозою*, открытою *Фреми*, а неправъ въ томъ, что смѣшиваетъ cuticulu съ epidermis и даже съ корковымъ веществомъ.

Пайенъ открылъ первый слоистое строеніе крахмала (1834 Recueil des Savants étrangers. T. VIII. p. 209); онъ-же сдѣлалъ слѣдующій интересный опытъ, который, по его мнѣнію, доказываетъ, что іодомъ окрашивается крахмальное вещество только въ разрѣженномъ состояніи; если-же оно имѣетъ значительную плотность, то іодъ не окрашиваетъ его.

На самомъ дѣлѣ, если оставить на нѣкоторое время зерна крахмала обыкновеннаго картофеля въ крѣпкомъ растворѣ хлорноватокислой извести, то слои зеренъ, имѣвшіе меньшую плотность, будутъ разложены этимъ растворомъ и превращаются въ воду и угольную кислоту. Такимъ-образомъ зерна лишаются вещества, окрашивающагося іодомъ, и хотя на нихъ еще видны слои возрастанія, но они уже не синѣютъ въ прикосновеніи съ іодомъ.

«И это не потому, говоритъ *Пайенъ* (7), что оставшіяся пленочки отличаются по своему составу отъ остальнаго вещества крахмалинки, ибо анализъ показываетъ и въ томъ и въ другомъ веществѣ тѣ-же составныя части и въ тѣхъ-же пропорціяхъ; но потому, что сцѣпленіе въ этихъ пленкахъ сильнѣе, и такое различіе достаточно для объясненія, почему іодъ не окрашиваетъ ихъ, не будучи въ-состояніи помѣститься между частицами, слишкомъ

(7) Comptes rendus 10 Janvier 1859.

сближенными между собою. Но тогда, если раздвинуть частицы, произойдетъ-ли окрашиваніе въ синій цвѣтъ? Безъ всякаго сомнѣнія; стоитъ только для этого опустить на стекло объектива каплю сѣрной кислоты: въ то же мгновеніе, вслѣдствіе разъединенія частицъ сѣрною кислотою, зерна окрашиваются въ прекрасный сине-фіолетовый цвѣтъ.

«Слѣдовательно, эти слои крахмалинокъ, имѣющіе наибольшее сцѣпленіе, приближаются чрезвычайно къ клѣтчаткѣ, которая при тѣхъ-же условіяхъ обнаруживаетъ тѣ-же явленія; и однакожь мнѣ кажется, что эти два вещества (т.-е. крахмалъ и клѣтчатка), столь близкія между собою, что смѣшиваются на своей границѣ, вообще различны, именно въ тканяхъ, гдѣ клѣтчатка образуетъ стѣнки клѣточекъ, она сопротивляется дѣйствію діастаза, который растворяетъ весь крахмалъ. Тогда послѣдній можетъ переходить изъ одной ткани въ другую, гдѣ онъ снова отлагается и скопляется, чтобы снова раствориться и служить для образованія новыхъ тканей.

«Дѣйствіе слабыхъ кислотъ, растворяющихъ крахмалъ и нетрогающихъ клѣтчатку, и дѣйствіе ѣдкихъ щелочей, которыя раздуваютъ слои крахмалинки и могутъ увеличить ея объемъ, когда она въ водѣ, во сто разъ, не измѣняя значительно клѣтчатки, равно-какъ другія отличительные признаки приводятъ къ такимъ-же заключеніямъ. Во всякомъ случаѣ, теперь лучше можно объяснить эти явленія, относящіяся къ самымъ труднымъ вопросамъ растительной физіологіи, и вслѣдствіе новѣйшихъ открытій имѣющіе важность и въ животной.

«*Нэгели* неутомимыми изслѣдованіями, изложенными въ огромной и важной монографіи крахмала, разсматриваемаго съ химической и физіологической точки зрѣнія, достигъ растворенія слабыхъ слоевъ крахмалинки дѣйствіемъ животнаго діастаза,—результатъ, который я получилъ уже въ 1834 г. помощію сильнаго окисляющаго реактива. Какъ и въ моемъ примѣрѣ, у него получались крахмалинки, отчасти или совершенно не синѣющія отъ дѣйствія іода, которыя, какъ и у меня, окрашивались въ синій или фіолетовый цвѣтъ, тѣмъ-же реактивомъ, какъ только прикасалась къ нимъ сѣрная кислота, разъединяющая ихъ частицы.

«Такіе признаки заставили *Нэгели* принять, что слои крахмалинки, не синѣющіе отъ іода, составлены изъ настоящей клѣтчатки.

«Такое заключеніе, мнѣ кажется, на-самомъ-дѣлѣ весьма близко къ истинѣ. Однакожь, слѣдующія наблюденія, о которыхъ я сейчасъ скажу, даютъ новые отличительные признаки, новую черту разграниченія между слоями крахмалинокъ, имѣющими наибольшее сцѣпленіе, и клѣтчаткой, образующей растительныя клѣточки и фибры, и не утолщенной и не насыщенной никакимъ веществомъ.

«Въ *Репертуарѣ чистой и прикладной химіи* отъ 15 ноября прошлаго года, помѣщена статья подъ заглавіемъ: *Отличительные признаки шелка и хлопчатой бумаги*, гдѣ публикованъ неожиданный фактъ, подмѣченный *Швейцеромъ*: раствореніе клѣтчатки шелка и крахмала въ растворѣ окиси мѣди въ амміакѣ.

«Съ своей стороны *Крамеръ*, воспользовавшись этимъ открытіемъ, издалъ слѣдующія микроскопическія наблюденія.

«Новый реактивъ не дѣйствуетъ на клѣтчатую перепонку многихъ одноклѣтчатыхъ водорослей, грибовъ, различныхъ лишаевъ, лубовыхъ волоконъ China rubra, клѣточекъ сердцевины, Hoyu carnosa, пробки, волосковъ, летучекъ, кожицы Ficus elastica, клѣтчатыя перепонки древесины тиса, дуба, ели, Fucus vesiculosus и пр.

«Препятствіемъ растворяющему дѣйствію на клѣтчатку служитъ часто пленка (cuticula) и отлагающіяся на клѣтчатку вещества; но, послѣ удаленія этихъ веществъ, раствореніе клѣтчатки можетъ имѣть мѣсто.

«По моимъ собственнымъ наблюденіямъ, это предложеніе можно сдѣлать болѣе общимъ и сказать, что всѣ периферическія оболочки растеній: cuticula, epidermis или peridermis, насыщенныя кремнеземомъ, веществами жирными и азотистыми, этимъ самымъ предохраняются отъ дѣйствія реактива; то-же самое можно сказать и о клѣточкахъ или фибрахъ съ толстыми стѣнками, въ которыхъ рыхлая клѣтчатка проникнута древесиннымъ органическимъ веществомъ, и еще о растительныхъ волокнахъ, употребляемыхъ для ткани въ частяхъ, гдѣ наружная пленка предохраняетъ ихъ отъ растворяющаго дѣйствія. Наконецъ чистая клѣтчатка изъ всѣхъ этихъ тканей растворяется въ новомъ реактивѣ.

«Я доказалъ это на клѣтчаткѣ, извлеченной изъ древесинныхъ волоконъ дуба, бука, ели, акаціи, изъ кожицы Cactus opuntia и изъ травянистой ткани различныхъ растеній съ естественнаго луга.

«Тотъ-же реактивъ дѣйствуетъ подобнымъ-же образомъ и на

животную клѣтчатку, извлеченную въ чистомъ состояніи изъ гибкихъ и шерстяныхъ оболочекъ плащеносныхъ.

«Я достигъ нѣкоторыхъ результатовъ, полезныхъ съ точки зрѣнія химическихъ, органографическихъ и физіологическихъ изслѣдованій. Вотъ эти результаты:

«Клѣтчатка, извлеченная изъ растеній или животныхъ оболочекъ плащеносныхъ, растворяется въ аммоніакальной мѣди и можетъ быть осаждена изъ этого раствора въ видѣ зернистыхъ хлопковъ, имѣющихъ составъ и свойства чистой клѣтчатки.

«Частное насыщеніе аммiака и даже прибавленіе большаго количества воды осаждаютъ клѣтчатку, удерживая окись мѣди.

«Между крахмаломъ и клѣтчаткой, полученной изъ большей части растительныхъ тканей и изъ плащеносныхъ животныхъ, замѣтны слѣдующія различія:

«A. Клѣтчатка растворяется новымъ реактивомъ и осаждается при насыщеніи аммiака и окиси кислотами въ излишкѣ.

«A'. Крахмалъ при тѣхъ-же условіяхъ не растворяется, при насыщеніи-же аммiака и окиси мѣди кислотами въ излишкѣ растворяется въ большей части; часть-же, нерастворимая первымъ реактивомъ, есть именно периферическій слой зеренъ, представляющій въ другихъ случаяхъ наиболѣе сходства съ клѣтчаткою.

«B. Крахмалъ въ зернахъ образуетъ въ новомъ реактивѣ прямо безъ нагрѣванія съ окисью мѣди нерастворимое соединеніе.

«B'. При тѣхъ-же условіяхъ клѣтчатки не образуютъ нерастворимаго соединенія.

«C. Клѣтчатка не имѣетъ тѣхъ замѣчательныхъ свойствъ, которыми обладаетъ крахмалъ.

«C'. Аммiакъ отнимаетъ у крахмально-кислой окиси мѣди ея окись, и крахмалъ, сдѣлавшись свободнымъ, въ большей части растворимъ въ водѣ.

«C''. Слабая кислота также разлагаетъ крахмально-кислую окись мѣди; растворяя окись, она освобождаетъ крахмалъ, который прямо растворимъ въ водѣ, за исключеніемъ его наружнаго слоя; послѣдній чрезвычайно увеличенъ и окрашивается іодомъ въ фіолетовый цвѣтъ.

«C'''. Прозрачный растворъ содержитъ крахмальное вещество, мало разъединенное, но дающее съ іодомъ фіолетовое соединеніе, которое осаждается при дѣйствіи различныхъ реактивовъ, и замѣчательное по своему постоянству.

«C^{v}. Амміакъ непосредственно обезцвѣчиваетъ это соединеніе; но при испареніи въ воздухѣ или въ пустотѣ возращаетъ его густой цвѣтъ.

C^{v}. Разрывъ клѣточекъ картофеля безъ нагрѣванія новымъ реактивомъ и освобожденіе имъ крахмала, объемъ котораго увеличивается разъ въ десять, дастъ возможность опредѣлять качество картофеля».

Всѣ эти характеристическія явленія легко воспроизвести передъ глазами слушателей. Эти явленія даютъ возможность изучить особенныя свойства и отличительные признаки крахмала и клѣтчатки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что можно найти еще болѣе аналогіи между плотными частями крахмальныхъ зеренъ и рыхлою клѣтчаткою, нежели найдено до-сихъ-поръ; но, съ другой стороны, весьма вѣроятно также, что между ними отыщутся новые отличительные признаки, которые не позволятъ смѣшать эти изомерныя тѣла.

Наконецъ *Пайэнъ* думаетъ, что эти два вещества можно различить и по ихъ отправленію. Крахмалъ есть вещество переходное, скопляющееся во время остановки растительности и составляющее запасъ для образованія новыхъ тканей, между-тѣмъ-какъ клѣтчатка есть вещество постоянное, сохраняющее свою форму въ строеніи различныхъ органовъ растеній и въ оболочкахъ нѣкоторыхъ животныхъ. Въ рѣдкихъ только исключеніяхъ клѣтчатка исполняетъ роль крахмала.

24 января г. *Фреми* читалъ мемуаръ о химическомъ составѣ растительныхъ клѣточекъ, подавшій поводъ къ продолжительному спору между Французскими академиками (8).

«Свойства жидкостей, заключающихся въ растительныхъ клѣточкахъ, говоритъ *Фреми*, иногда изслѣдовали съ большею точностью обыкновенными методами, которыя употребляются въ непосредственномъ органическомъ анализѣ. Но о составѣ нерастворимыхъ частей, образующихъ стѣнки клѣточекъ, мы имѣемъ весьма несовершенныя свѣдѣнія».

Извѣстно, что твердыя тѣла отлагаются внутри на оболочку клѣточки и увеличиваютъ ея толстоту; нѣкоторые реактивы доказываютъ, что эти слои часто содержатъ въ себѣ азотъ, но что часто также они имѣютъ тройной составъ. Нерастворимость этихъ

(8) Comptes rendus 1859, 24 janvier.

тѣлъ въ среднихъ жидкостяхъ дѣлаетъ невозможнымъ ихъ отдѣленіе и мѣшаетъ съ точностью опредѣлить ихъ составъ.

Изслѣдованіе перепонокъ растительныхъ клѣточекъ однакожь весьма важно съ точки зрѣнія какъ химіи, такъ и растительной физіологіи. На-самомъ-дѣлѣ, впродолженіе растительности эти перепонки претерпѣваютъ значительныя видоизмѣненія; въ извѣстныхъ случаяхъ ихъ толстота увеличивается съ быстротою, въ другихъ она уменьшается значительно.

Послѣдній случай представляется во время созрѣванія плодовъ. Стѣнки клѣточекъ зеленыхъ плодовъ обыкновенно бываютъ сначала толсты и состоятъ изъ многихъ концентрическихъ перепонокъ, которыя дѣлаются чрезвычайно тонкими впродолженіе созрѣванія. Такое утонченіе перепонокъ клѣточекъ обнаруживается въ измѣненіи твердости и прозрачности плода; оно можетъ быть строго опредѣлено анализомъ.

Фреми изслѣдовалъ околоплодники двухъ видовъ грушъ, и нашелъ, что околоплодникъ первой 16 іюня содержалъ перепонокъ 17,7 %, околоплодникъ другой 13,4 %; содержаніе это постепенно уменьшалось и наконецъ 28 августа околоплодники имѣли перепонокъ въ первой 3,4 %, а во второй 3,5 %. Подобные-же анализы были сдѣланы и надъ яблоками и результаты были тѣ-же.

Доказавъ это, *Фреми* искалъ, какія перепонки въ стѣнкахъ клѣточекъ могутъ исчезать въ извѣстный моментъ растительности.

Въ 1848 году *Фреми* доказалъ, что растительныя ткани содержатъ въ себѣ нерастворимое вещество, которое онъ назвалъ *пектозомъ* и которое постоянно сопровождаетъ клѣтчатку. Оно при весьма слабыхъ вліяніяхъ дѣлается растворимымъ и обращается въ *пектинъ*.

Такое видоизмѣненіе объясняетъ появленіе камедистаго вещества въ сокѣ плода, который зрѣетъ или который варятъ; оно заставляетъ думать, что исчезающія внутреннія перепонки клѣточки состоятъ изъ пектоза, между-тѣмъ-какъ наружная оболочка образована изъ клѣтчатки, отличающейся, какъ извѣстно, большимъ постоянствомъ.

До-сихъ-поръ нельзя было оправдать опытомъ этого предположенія, потому-что студенистыя тѣла растеній были извѣстны только изъ растворовъ, получаемыхъ при дѣйствіи кислотъ или щелочей на пектозъ: микроскопическими изслѣдованіями невозможно отличить ихъ отъ клѣтчатки и опредѣлить мѣсто, которое

они занимаютъ въ растительной клѣточкѣ; поэтому нужно было найти реактивъ, который растворялъ-бы клѣтчатку, не измѣняя состава и формы пектиноваго соединенія въ клѣточкѣ.

Такой реактивъ открытъ *Швейцеромъ* въ амміакальной мѣди: онъ растворяетъ клѣтчатку и азотныя вещества, сопровождающія ее, и отдѣляетъ пектинныя вещества.

Для изслѣдованія растительныхъ клѣточекъ этимъ реактивомъ, *Фреми* разрѣзывалъ плоды и корни на тонкіе ломтики и клалъ ихъ на нѣсколько часовъ въ амміакально-мѣдистую жидкость.

Клѣточки принимали тогда зеленоватый цвѣтъ, слегка раздувались и, повидимому, отставали другъ отъ друга.

Декень, по просьбѣ *Фреми*, изслѣдовалъ мацерированную ткань и нашелъ, что она сохранила свой прежній видъ, только стѣнки ея имѣли не столь ясные контуры. Въ этихъ изслѣдованіяхъ были выбраны клѣточки, не содержавшія въ себѣ крахмала, чтобы избѣжать вторичныхъ реакцій, описанныхъ *Пайэномъ*,

При изслѣдованіи аммоніакально-мѣдистой жидкости, дѣйствовавшей на клѣточки, оказалось, что она содержитъ въ себѣ слѣды азотистыхъ тѣлъ и всю клѣтчатку, составлявшую наружную оболочку клѣточекъ и волоконъ.

Легко опредѣлить количество растворенной клѣтчатки, насыщая жидкость слабою кислотою и промывая осадокъ слабымъ растворомъ кали.

Зеленое вещество, нерастворившееся и сохранившее форму клѣточекъ, есть пектинное вещество, измѣненное дѣйствіемъ реактива; оно не содержитъ въ себѣ болѣе клѣтчатки и состоитъ изъ пектинокислой окиси мѣди: дѣйствіемъ кислотъ оно обезцвѣчиваетъ и даетъ пектинную кислоту, которая растворяется совершенно въ щелочахъ.

Дѣйствуя на стѣнки клѣточекъ амміакальною мѣдью, кислотою и наконецъ кали, мы отдѣляемъ, узнаемъ свойства и даже опредѣляемъ количество различныхъ нерастворимыхъ веществъ, составляющихъ растительныя оболочки.

Эти факты не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія о важности пектинныхъ веществъ въ организаціи растеній. Въ иныхъ клѣточкахъ ихъ даже болѣе, нежели клѣтчатки, они отлагаются на внутренней поверхности клѣтчатой стѣнки и утолщаютъ ее. Реактивъ, отнимая клѣтчатку, оставляетъ пектинное вещество, форма котораго совершенно такая-же, какъ и у цѣльной клѣточки.

Такимъ образомъ аммiакальная мѣдь доставляетъ возможность анализировать стѣнки клѣточекъ въ плодахъ и корняхъ. Но она дѣйствуетъ на оболочки не всѣхъ клѣточекъ, какъ это показалъ *Пайэнъ*; сердцевина нѣкоторыхъ деревъ и губчатая ткань грибовъ сопротивляются ея дѣйствiю.

Поэтому, по мнѣнiю *Фреми*, несправедливо даютъ названiе *клѣтчатки* всѣмъ оболочкамъ клѣточекъ, хотя эти оболочки и имѣютъ одинаковый элементарный составъ; но онѣ отличаются другъ отъ друга химическими свойствами. *Фреми* думаетъ, что должно допустить нѣсколько видовъ клѣтчатки.

Методы, употребленныя для растворенiя клѣточекъ, дозволили опредѣлить растворенныя вещества. Это опредѣленiе показало, что въ растворѣ, кромѣ клѣтчатки, находится еще вещество, которое *Фреми* называетъ *клѣтчатою кислотою* и которое образуется, когда стѣнки клѣточекъ разъединяются и когда онѣ подвержены дѣйствiю кислотъ или щелочей.

Клѣтчатая кислота не происходитъ ни изъ клѣтчатки, ни изъ пектина, потому-что эти тѣла не превращаются въ нее ни при какихъ обстоятельствахъ.

Ее легко получить, если подвергнуть дѣйствiю извести кашицу плодовъ или кореей, освобожденную промыванiемъ отъ всѣхъ растворимыхъ тѣлъ. Тогда образуется клѣтчато-кислая известь, которая находится въ растворѣ въ водѣ и которую легко осадить алькоголемъ: отъ дѣйствiя щавельной кислоты эта соль разлагается и даетъ чистую клѣтчатую кислоту.

Клѣтчатая кислота растворима въ водѣ; ея кислотность схожа съ яблочною; она образуетъ со всѣми основанiями растворимыя соединенiя; она не летуча и легко разлагаетъ соли золота и серебра.

Открытiе этой кислоты важно не только съ научной, но и съ промышленой точки зрѣнiя. При добыванiи сахара изъ свекловицы, кашица подвержена дѣйствiю извести прежде выжиманiя. Отъ влiянiя послѣдней растительныя перепонки измѣняются, теряютъ свою упругость и легче сжимаются, пектинныя соединенiя обращаются въ пектино-кислую известь. Тогда давленiемъ получается сокъ, который обработывается гораздо легче; только патока сохраняетъ щелочное свойство, которое не уничтожается дѣйствiемъ углекислоты, и содержитъ въ растворѣ значительное количество известковой соли. Прежде невозможно было открыть причи-

ну такого явленія; теперь-же очень легко. Чтобы избѣжать его, должно уменьшить дѣйствіе извести на основаніе и производить прибавленіе при невысокой температурѣ.

Изъ предыдущаго *Фреми* выводитъ заключеніе, что стѣнки клѣточекъ состоятъ изъ различныхъ перепонокъ, которыя нельзя отличить микроскопическимъ наблюденіемъ; что наружная перепонка состоитъ изъ чистой клѣтчатки, а внутренняя—изъ пектиннаго вещества съ новымъ соединеніемъ, которому *Фреми* далъ названіе клѣтчатой кислоты.

Пайеръ (Payer) предложилъ *Фреми* вопросъ: надъ какою тканью, молодою или совершенно образовавшеюся, онъ производилъ свои изслѣдованія? если надъ молодою, то внутренніе слои стѣнокъ клѣточекъ, безъ сомнѣнія, состоятъ изъ пектоза, потому-что они отъ дѣйствія іода и сѣрной кислоты не окрашиваются въ синій цвѣтъ; если-же надъ тканью въ совершенной зрѣлости, то дѣйствіе этого реактива, такъ-какъ онъ окрашиваетъ всѣ стѣнки въ зрѣлыхъ клѣточкахъ, не можетъ служить отличительнымъ признакомъ клѣтчатки.

На это *Фреми* отвѣчалъ, что онъ производилъ свои опыты надъ тканью въ зрѣломъ состояніи, и что опыты эти доказываютъ, что стѣнки зрѣлыхъ клѣточекъ состоятъ изъ различныхъ перепонокъ: потому-что 1) растительная ткань, подверженная дѣйствію слабыхъ кислотъ, осаждаетъ клѣтчатку и даетъ значительное количество пектина, дѣлающаго воду студенистою; нерастворимый пектозъ при дѣйствіи кислотъ обращается въ растворимый пектинъ; 2) щелочи также отдѣляютъ клѣтчатку въ зрѣлой ткани, превращая пектозъ въ растворимыя пектинокислыя соли; 3) аммоніакальная мѣдь, напротивъ-того, растворяя клѣтчатку, оставляетъ въ нерастворимомъ состояніи пектинныя соединенія.

Пелузъ, по окончаніи чтенія *Фреми*, сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія о клѣтчаткѣ: клѣтчатка, осажденная слабою кислотою изъ раствора въ аммоніакальной мѣди, растворима въ такой хлористоводородной кислотѣ, въ которой не растворяется ни бумага, ни корпія, ни вата и пр. Дѣйствуя на клѣтчатку ѣдкимъ кали, расплавленнымъ при температурѣ отъ 150 до 190°, и растворяя ее потомъ въ водѣ, мы отдѣляемъ изъ нея помощію кислотъ вещество, которое обращается въ сахаръ весьма легко, и которое даже при обыкновенной температурѣ растворяется въ щелочной водѣ.

Послѣ того *Пайенъ* дѣлаетъ замѣчанія о различныхъ веществахъ, которыя отлагаются вмѣстѣ съ клѣтчаткою внутри клѣточекъ, образованныхъ почти изъ чистой клѣтчатки, какъ это видно во внутреннихъ отложеніяхъ древесинныхъ волоконъ,—отложеніяхъ, которыя содержатъ въ себѣ все болѣе и болѣе постороннихъ веществъ, начиная отъ наружной до самой внутренней оболочки. Онъ напоминаетъ о результатахъ своихъ изслѣдованій относительно мѣста пектинныхъ соединеній и пектино-кислыхъ солей, находящихся между клѣточекъ, склеенныхъ ими. Это общій законъ для разныхъ корней и клубней и для многихъ плодовъ, гдѣ можно разъединить, отдѣлить другъ отъ друга клѣточки, растворяя названныя соединенія при обыкновенной температурѣ: 1) слабою хлористо-водородною кислотою и 2) слабымъ растворомъ аммiака.

Замѣчательный примѣръ такого отдѣленія клѣточекъ представляетъ толстая кожица подъ очень сопротивляющеюся пленкою (cuticula) на стебляхъ кактусовъ. Если дѣйствовать послѣдовательно на кожицу Cereus Peruvianus или Cactus Opuntia слабокислотными и щелочными растворами, то толстые слои, помѣщенные между клѣточками, растворяются и тогда плаваютъ свободно въ жидкости клѣточки съ канальцами, покрытыми клѣтчаткою и входившими до половины въ толщу слоевъ, связывавшихъ клѣточки. Фильтрованный щелочной растворъ даетъ съ кислотами массы безцвѣтной и прозрачной пектинной кислоты. Что-же касается до пектоза, содержащагося въ клѣточкахъ, говоритъ *Пайэнъ*, то я не наблюдалъ его; это наблюденіе, сдѣланное нашимъ ученымъ собратомъ, въ высшей степени интересно.

«Я не замѣтилъ также пектоза (хотя онъ можетъ быть и находился) въ клѣточкахъ картофеля, когда я дѣйствовалъ на тоненькія ломтики его аммоніакальною окисью мѣди, которая растворила клѣтчатку и азотистыя вещества, не трогая разбухшаго крахмала и кожицы. Но я наблюдалъ студенистое вещество въ большихъ клѣточкахъ съѣдобныхъ клубней Orchis, сжимая клѣточки, содержащія крахмалъ; я доказалъ присутствіе желѣза въ клѣточкахъ Gelidium corneum; пектинъ и пектинныя соли и другія органическія вещества и ихъ соединенія между клѣточками и въ тканяхъ различныхъ водорослей.

«Что касается до клѣтчатки, то я показалъ, что въ различныхъ случаяхъ она бываетъ весьма различна и измѣняется отъ того

состоянія, когда она образуетъ пленку (cuticula), кожицу и перидерму большаго числа растеній, и когда она по своему сцѣпленію, насыщенію кремнеземомъ, азотистыми и жирными веществами сопротивляется дѣйствію крѣпкой сѣрной кислоты, до того состоянія, когда она растворяется непосредственно въ хлористо-водородной кислотѣ съ 6 эквивалентами воды (какъ напр. въ грибницѣ Xylostroma лиственницы), когда она окружаетъ сѣмена айвы и имѣетъ видъ слизи, когда наконецъ частицы ея такъ мало сближены, что она синѣетъ непосредственно отъ дѣйствія іода. *Нэгели* и *Крамеръ* недавно показали различія такого-же рода въ тканяхъ растеній, гдѣ клѣтчатка, безъ сомнѣнія, видоизмѣняется или-какъ я доказалъ, отъ болѣе или менѣе сильнаго сцѣпленія, или отъ насыщенія ея посторонними веществами, органическими или минеральными. Тѣмъ не менѣе весьма интересно опредѣлить всѣ свойства, составъ и изомерность клѣтчатки въ различныхъ формахъ, которыя она можетъ принимать и которыя, конечно, еще далеко не всѣ извѣстны. Это трудъ въ высшей степени важный: физіологи и химики будутъ весьма благодарны нашимъ ученымъ собратамъ *Пелузу* и *Фреми* за предпріятіе пополнить этотъ пробѣлъ, и я съ своей стороны почту себя счастливымъ, если могу что-нибудь прибавить къ нашимъ познаніямъ въ обширномъ полѣ опытныхъ изысканій».

Противъ этого мнѣнія *Пайена*, которое раздѣлялъ и А. *Жюссьё*, возразилъ *Фреми* (9). Онъ полагаетъ, что должно допустить различныя или по-крайней-мѣрѣ изомерныя тѣла для стѣнокъ клѣточекъ сердцевины и стѣнокъ древесинныхъ волоконъ съ одной стороны и для стѣнокъ лубовыхъ волоконъ и для стѣнокъ клѣточекъ плодовъ и корней съ другой, потому-что первыя не растворяются въ аммоніакальной мѣди, а вторыя растворяются. Нерастворимость стѣнокъ сердцевины не можетъ происходить отъ силы сцѣпленія, потому-что онѣ менѣе тверды, нежели стѣнки лубовыхъ волоконъ, которыя растворяются въ этомъ реактивѣ; причиной такой нерастворимости не можетъ быть и примѣсь къ этимъ стѣнкамъ постороннихъ веществъ, потому-что при сжиганіи сердцевины остается мало золы и среднія жидкости, употребляемыя для очищенія какого-нибудь соединенія, не оказываютъ на нее никакого вліянія.

---

(9) Comptes rendus 14 fevrier 1859.

Гораздо труднѣе получить чистыя стѣнки древесинныхъ волоконъ, которыя бываютъ часто проникнуты утолщающими веществами азотистыми и неорганическими тѣлами и пектозомъ; но это можно устранить, если дѣлать изслѣдованія надъ только-что образовавшимися фибрами.

Степень сцѣпленія частицъ, образующихъ волокна, не можетъ быть причиною ихъ нерастворимости, потому-что есть ткани гораздо болѣе твердыя, которыя растворяются въ аммоніакальной мѣди. На самомъ дѣлѣ, бѣлокъ Phytelephas, извѣстный въ торговлѣ подъ названіемъ слоновой кости, имѣетъ такую твердость, что сталь съ трудомъ беретъ его и, не смотря на то, онъ быстро растворяется въ аммоніакальной мѣди.

Точно также нерастворимость волоконъ нельзя приписать и присутствію въ нихъ постороннихъ веществъ, потому-что для опытовъ волокна были очищены какъ только можно; и они по-крайней-мѣрѣ раздѣлились-бы, еслибы состояли изъ того-же вещества, какъ и лубовыя волокна.

Химическія различія между волокнами коры и древесины согласны съ наблюденіями надъ развитіемъ древесинныхъ слоевъ.

Доказавъ различіе между химическими стѣнками волоконъ луба и древесины, *Фреми* старался превратить эти тѣла, очевидно изомерныя, какъ это видно изъ анализовъ *Пайена*, одно въ другое посредствомъ реактивовъ. Эти преобразованія, въ высшей степени важныя для растительной физіологіи, были исполнены Французскимъ академикомъ.

Рисовая бумага, замѣчательная по чистотѣ клѣтчатки, была кипячена въ крѣпкой уксусной кислотѣ, которая извлекла-бы изъ нея всѣ основанія и соли, могущія препятствовать ея растворимости, еслибы они были въ ней; но и послѣ того рисовая бумага не растворялась въ аммоніакальной окиси мѣди. Но если на нее дѣйствовать веществами, обращающими крахмалъ въ декстринъ и сахаръ, т.-е. слабыми минеральными кислотами, то клѣточки рисовой бумаги дѣлаются прозрачными, разбухаютъ и растворяются въ реактивѣ. Щелочи дѣйствуютъ такимъ-же образомъ, только медленнѣе. Древесинныя волокна обнаруживаютъ тѣ-же явленія, какъ и клѣточки сердцевины. Такимъ образомъ ясно, что вещество, изъ котораго состоятъ стѣнки древесинныхъ волоконъ и клѣточекъ плодовъ и корней, суть изомерныя состоянія клѣтчатки.

Напротивъ-того губчатая ткань грибовъ, столь отличная въ

анатомическомъ отношеніи отъ древесины, также отличаются отъ нея и въ химическихъ свойствахъ: кислоты не дѣлаютъ ея растворимою въ новомъ реактивѣ.

Пайенъ (10) возражаетъ на это, что указанія новаго реактива могутъ быть иногда ошибочны. *Крамеръ* того-же мнѣнія, что *Пайенъ*, именно: что если очистить надлежащимъ образомъ стѣнки какихъ угодно клѣточекъ, нерастворимый сначала въ аммiакальной мѣди, то онѣ растворяются въ ней.

Уже *Шлоссбергеръ* доказалъ, что крѣпкіе растворы щелочныхъ солей, меда, камеди и декстрина осаждаютъ клѣтчатку изъ раствора въ аммоніакальной окиси мѣди; изъ этого онъ заключилъ, что эти вещества препятствуютъ клѣтчаткѣ растворяться въ реактивѣ.

Пайенъ, для опредѣленія вліянія, которое оказываетъ сахаръ на раствореніе клѣтчатки, разрѣзалъ свеклу на тоненькіе ломтики и положилъ ихъ въ реактивъ. Они всосали жидкость и окрасились въ голубой цвѣтъ. Черезъ пятьнадцать дней началось разъединеніе ткани съ краевъ и только черезъ мѣсяцъ клѣточки отдѣлились другъ отъ друга, но раствореніе было еще несовершенно. По насыщеніи жидкости хлористо-водородною кислотою, клѣтчатка осадилась въ большомъ количествѣ. Нерастворимыя-же клѣточки растворились въ реактивѣ послѣ промыванія ихъ въ чистой водѣ.

Если волокна льна, конопли, снѣжной крапивы (Urtica nivea) растворяются въ аммоніакальной мѣди, а волокна нѣкоторыхъ деревъ, именно хвойныхъ, не растворяются, то это происходитъ, по мнѣнію *Пайена*, оттого, что послѣднія были проникнуты веществами древесинными, азотистыми, окрашивающими и пр., а первыя нѣтъ. По очищеніи отъ постороннихъ веществъ, онѣ растворялись въ реактивѣ.

Клѣточки сердцевины нѣкоторыхъ растеній нерастворимы въ реактивѣ отъ сильнаго ихъ сцѣпленія. Такъ очень тонкія стѣнки сердцевины Aeschinomene имѣютъ весьма большое сцѣпленіе и проникнуты известью, а съ внутренней стороны одѣты азотистой оболочкой, и потому не растворимы въ реактивѣ; если сжечь ихъ, то останется углекислая известь, сохраняющая видъ ткани и клѣточекъ; но если ихъ промыть водою, къ которой прибавлено только 0,005 хлористо-водородной кислоты, то они растворяются. Здѣсь

---

(10) Comptes rendus 14 fevrier 1859.

хлористо-водородная кислота была употреблена при обыкновенной температурѣ и въ такомъ растворенномъ состояніи, что не могла обратить крахмала въ декстринъ.

Большая твердость околосѣменниковъ Phytelephas и финиковъ не служитъ доказательствомъ ихъ сильнаго сцѣпленія, потому-что они растворяются легко во время прорастанія, что финиковыя косточки переваривαются верблюдами, и что тѣ и другіе легко рѣжутся бритвою.

Если руководствоваться однимъ признакомъ, то въ одной крахмалинкѣ должно допустить до 30 изомерныхъ состояній крахмала, потому-что іодъ окрашиваетъ различные слои ея въ различные цвѣта—въ желтый, красноватый, фіолетовый, синій и пр.

Фреми возражаетъ, что никакъ нельзя употреблять сильныя реагенціи, въ-особенности кислоты и щелочи, потому-что онѣ превращаютъ одни вещества въ другія и уничтожаютъ видоизмѣненія, которыя хотятъ подмѣтить. Я не знаю, говоритъ онъ, никакого средства доказать, что остовъ растеній состоитъ изъ одного и того же вещества, покрытаго или проникнутаго посторонними тѣлами, потому-что сильные реактивы, служащіе для удаленія постороннихъ тѣлъ, очень измѣняютъ вещество, которое хотятъ характеризовать. По этому весьма полезно дать особенныя названія тѣламъ, которыя, послѣ очищенія въ среднихъ жидкостяхъ, представляютъ весьма рѣзкія отличія въ своихъ химическихъ свойствахъ, тѣламъ, — каковы сердцевина деревьевъ, губчатая ткань грибовъ, древесинныя и лубовыя волокна.

Пайенъ отвѣчалъ, что онъ никогда не приписывалъ исключительно минеральнымъ веществамъ различій въ свойствахъ клѣтчатки различныхъ органовъ растеній, что онъ всегда приписывалъ ихъ силѣ сцѣпленія перепонокъ и присутствію въ ихъ толщѣ минеральныхъ и органическихъ веществъ, свободныхъ или въ соединеніи,—что онъ еще не получилъ двухъ изомерныхъ состояній клѣтчатки, т.-е. имѣющихъ одинъ и тотъ-же составъ и различныя химическія свойства.

Пелузъ дѣлаетъ на это слѣдующія замѣчанія: 1) Вещество, которое я получилъ, нагрѣвая около 160° смѣсь клѣтчатки и ѣдкаго кали, выщелачивая жидкость и наливая туда кислоты, имѣетъ составъ и общія свойства клѣтчатки, но оно растворяется, какъ при высокой, такъ и при низкой температурѣ въ щелочахъ. 2) Очень крѣпкая хлористо-водородная кислота съ большею лег-

костью и весьма скоро растворяетъ клѣтчатку. Вода осаждаетъ изъ этого раствора бѣлый осадокъ, тожественный съ тѣмъ, который получается отъ прибавленія кислотъ въ растворъ клѣтчатки въ аммоніакально-мѣдистой жидкости; но если вмѣсто того, чтобы тотчасъ послѣ растворенія прибавлять воды въ кислую жидкость, подождать одинъ или два дни, то осадка не бываетъ. Древесинное вещество совершенно исчезло; вмѣсто его, жидкость, нейтрализованная щелочью, даетъ при нагрѣваніи много краснаго осадка вмѣстѣ съ виннокаменнокислою окисью мѣди и кали: онъ сильно бурѣетъ отъ прибавленія щелочей, и если его сжигать, то испускаетъ запахъ, похожій на сженый сахаръ: онъ имѣетъ свойства гликоза. 3) Вопреки принятымъ мнѣніямъ, вода, окисленная въ слабой степени хлористо-водородной, сѣрной и другими кислотами, послѣ долгаго кипяченія съ клѣтчаткою, превращаетъ ее въ сахаристое вещество. Бумага, старое бѣлье, стружки дерева, и вообще клѣтчатки въ болѣе или менѣе чистомъ состояніи, превращаются въ глюкозъ въ водѣ, содержащій нѣсколько сотыхъ по вѣсу кислоты.

«Я убѣжденъ, что это явленіе сдѣлается основаніемъ новой промышлености; что оно съ быстротою произойдетъ въ закрытыхъ сосудахъ при возвышенной температурѣ. Я сдѣлаю такой опытъ на фабрикѣ и докончу аналитическую часть труда, котораго только очеркъ я теперь представляю».

Пайенъ повторяетъ свои прежніе отвѣты и прибавляетъ, что доказательство двухъ изомерныхъ состояній клѣтчатки получено изъ опытовъ *Пелуза*, потому-что здѣсь клѣтчатка имѣетъ различныя химическія свойства при одномъ и томъ-же составѣ; но, можетъ-быть, и здѣсь эти состоянія зависятъ отъ сцѣпленія. Новый фактъ растворимости клѣтчатки въ хлористо-водородной кислотѣ указываетъ на аналогію съ грибницею Xylostroma лиственницы, растворяющеюся въ хлористо-водородной кислотѣ съ 6 эквивалентами воды.

Въ слѣдующемъ засѣданіи *Пайенъ* (11) говоритъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ различныхъ состояніяхъ, которыя можетъ принимать клѣтчатка въ растеніяхъ впродолженіе растительности, но онъ только утверждаетъ, что этого невидно изъ опытовъ *Фреми*, тѣмъ болѣе, что кипятя сердцевину Aeschymenc въ уксус-

(11) Comptes rendus 21 fevrier 1859.

ной кислотѣ, имѣвшей крѣпость сначала 3 градуса, а потомъ 7 градусовъ, не полчаса, а нѣсколько часовъ, получаемъ клѣтчатку, растворимую въ аммоніакальной мѣди, а если взять кислоту, имѣющую крѣпость 8 градусовъ, то довольно кипятить только часъ, чтобы получить растворимую клѣтчатку.

Фреми повторяетъ свои прежнія мнѣнія и говоритъ, что не нужно употреблять при опытахъ сильныхъ реактивовъ, потому-что они измѣняютъ натуру изслѣдуемаго вещества. «Превращеніе, которое происходитъ въ сердцевинѣ отъ вліянія минеральныхъ кислотъ, и даже отъ продолжительнаго дѣйствія уксусной кислоты, какъ это доказалъ *Пайенъ*, для меня строгое доказательство этого интереснаго факта».

На это *Пайенъ* замѣчаетъ, что онъ не употреблялъ сильныхъ реактивовъ, а уксусную кислоту, которая не превращаетъ крахмалъ въ декстринъ и гликозъ, а только извлекаетъ минеральныя вещества изъ клѣтчатки, нисколько не измѣняя ея состоянія.

Чтобы опровергнуть серьёзныя возраженія *Пайена*, *Фреми* (12) сдѣлалъ два опыта, въ которыхъ минеральныя части стѣнокъ остаются безъ измѣненія, а подвергается перемѣнѣ только клѣтчатка, именно онъ: 1) сушилъ сердцевину жаромъ, не превышающимъ 150°, и 2) держалъ сердцевинную ткань въ кипяткѣ впродолженіе сутокъ. Послѣ этихъ опытовъ ткань растворялась въ аммоніакальной мѣди, между-тѣмъ-какъ минеральныя части не растворялись и составляли ткань совершенно такой-же формы, какъ и съ клѣтчаткой. Поэтому вещество нерастворимое въ мѣдистомъ реактивѣ *Фреми* называетъ *парацеллюлозою*, въ отличіе отъ *целлюлозы* (клѣтчатки), растворимой въ аммоніакальной мѣди.

Доказавъ изомерныя состоянія клѣтчатки, *Фреми* приступилъ къ изученію свойствъ *кожицы* (epidermis) растеній. *Пайенъ* доказалъ, что она содержитъ въ себѣ жирное вещество, азотистое тѣло и кремнеземъ.

Броньяръ открылъ на кожицѣ особую перепонку, которую онъ назвалъ cuticula; назовемъ ее *пленкою*.

Извѣстно, что кожица касатика (Jris) весьма легко отдѣляется отъ листьевъ, поэтому *Фреми*, по совѣту *Декеня*, и выбралъ ее для перваго изслѣдованія.

Стѣнки клѣточекъ кожицы состоятъ изъ парацеллюлозы; слѣ-

---

(12) Comptes rendus 4 avril 1859.

довательно прямо не растворяются въ аммоніакальной мѣди, поэтому для отдѣленія плёнки *Фреми* кипятилъ кожицу въ слабой хлористо-водородной кислотѣ около получаса, потомъ промывалъ ее и наконецъ подвергалъ дѣйствію мѣдистаго реактива, который растворяетъ клѣтчатку совершенно; далѣе оболочка промывалась водою, хлористо-водородною кислотою, удаляющею аммiакъ и окись мѣди, слабымъ растворомъ кали, растворяющимъ бѣлковинныя вещества и пектинную кислоту, наконецъ алькоголемъ и эѳиромъ, увлекающими всѣ жирныя тѣла. Тогда получается плёнка (cuticula) въ совершенной чистотѣ: микроскопическое изслѣдованіе показываетъ, что она совсѣмъ отдѣлена отъ клѣточекъ и фибръ; она имѣетъ видъ непрерывной перепонки, не представляющей никакого слѣда организаціи; на ней находятся только отверстія, соотвѣтствующія устьицамъ.

Такимъ-же образомъ были приготовлены плёнки листьевъ цвѣтовъ и плодовъ весьма разнообразныхъ растеній; плёнки листьевъ жирныхъ растеній отличаются толстою; напротивъ-того, пленки лепестковъ чрезкычайно тонки и если ихъ положить на воду, то онѣ иногда имѣютъ свойства разлагать свѣтъ на радужные цвѣта, подобно тонкимъ пластинкамъ; пленки плодовъ также отличаются своею толщиною.

Подвергнувъ изслѣдованію плёнку яблокъ, *Фреми* нашелъ, что она нерастворима въ среднихъ жидкостяхъ; не измѣняется отъ дѣйствія слабаго раствора кали, амміака, новаго реактива, кипячей хлористо-водородной кислоты, азотной и сѣрной кислотъ при обыкновенной температурѣ, она очень упруга, когда высохнетъ; въ ней отъ 10 до 15 тысячныхъ золы, состоящей преимущественно изъ известковыхъ веществъ, углерода 73,66, водорода 15,37, кислорода 14,97. Такой составъ весьма замѣчателенъ, потому-что онъ указываетъ на большую разницу между пленкою и другими тканями растеній и приближаетъ это вещество къ жирнымъ тѣламъ.

И на-самомъ-дѣлѣ плёнка, подверженная дѣйствію жара, даетъ настоящія жирныя кислоты, азотная кислота, при кипяченіи, даетъ съ нею всѣ тѣла, которыя происходятъ отъ дѣйствія этой кислоты на жирныя тѣла, и въ-особенности пробковую кислоту, характеризующую пробковое вещество. Замѣчательно, что плёнка и пробка, играющія одну и ту же физіологическую роль въ растеніи, даютъ одно и то-же произведеніе съ азотною кислотою.

Наконецъ, дѣйствуя на пленку крѣпкимъ и кипячимъ кали, находимъ, что она теряетъ видъ перепонки и мылится, какъ настоящее жирное тѣло. Мыло, полученное такимъ образомъ, при разложеніи даетъ жидкую кислоту, имѣющую всѣ свойства жирнаго тѣла, растворимую въ алькоголѣ и эѳирѣ и тожественную, по мнѣнію *Фреми*, съ аминовою кислотою.

Тѣ-же свойства показываютъ пленки всѣхъ изслѣдованныхъ листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ.

Плёнка не состоитъ изъ смѣси жирнаго тѣла и древесиннаго вещества, какъ это видно изъ нерастворимости ея къ эѳирѣ и изъ ея состава, а еще болѣе изъ того, что она обращается въ мыло вся, безъ всякаго остатка при дѣйствіи щелочей.

Но пленка удаляется отъ жирныхъ веществъ тѣмъ, что совершенно не растворяется въ эѳирѣ и что имѣетъ видъ перепонки, поэтому она состоитъ изъ особеннаго вещества, которое *Фреми* назвалъ *кутиномъ*.

«Не удивительно-ли, говоритъ онъ, найдти на поверхности растеній вещество, которое имѣетъ постоянство жирныхъ тѣлъ, непрерывность перепонки, крѣпость древесинной ткани и въ нѣкоторомъ родѣ упругость каучука? По причинѣ всѣхъ этихъ свойствъ, она можетъ принимать формы самыхъ нѣжныхъ частей растеній, препятствуетъ кислороду воздуха проникать внутрь клѣточекъ и такимъ-образомъ предохраняетъ клѣточки отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя могли-бы причинить ей вредъ».

Пайенъ (13) склонялся принять мнѣнія *Фреми* о клѣтчаткѣ, какъ новые факты представились ему и возбудили снова его сомнѣнія объ ихъ справедливости.

Чтобы уничтожить препятствія къ раствореній, происходящія отъ недостатка соприкосновенія и увлаженія стѣнокъ клѣточекъ вслѣдствіе присутствія въ послѣднихъ воздуха, *Пайенъ* растеръ сердцевину Aeschymene въ водѣ и 0,45 всего вѣса растворилось; это количество увеличивается до 0,75, если предварительно высушить сердцевину при 110° въ пустомъ пространствѣ, что облегчитъ механическое раздѣленіе и увлаженіе при обыкновенной температурѣ.

Если сердцевину погрузить въ воду, помѣстить подъ колоколъ воздушнаго насоса и вытянуть оттуда воздухъ, потомъ замора-

---

(13) Comptes rendus 18 avril 1859 г.

зить, чтобы произвести ближайшее соприкосновеніе клѣтчатки съ водою, потомъ оттаить и смѣшать съ реактивомъ, то раствореніе тотчасъ-же начинается и растворяется болѣе половины по вѣсу.

«Разумѣется, говоритъ *Пайенъ*, нельзя предположить, чтобы пониженіе температуры могло произвести измѣненіе въ клѣтчаткѣ; однакожь я почелъ себя обязаннымъ представить доказательство болѣе прямое. Для этого онъ разрѣзалъ сердцевину на тонкія пластинки, имѣвшія въ толщину отъ 1 до 3 миллиметровъ; положилъ ихъ въ аммоніакально-мѣдистую жидкость, которую взбалтывалъ; большая часть клѣтчатки растворилась. Нерастворимая часть содержала въ себѣ известковыя соединенія и часть окиси мѣди, которую нельзя было извлечь промывкою аммоніакальною мѣдью. Итакъ, говоритъ *Пайенъ*, часть клѣтчатки, проникнутая посторонними веществами и имѣющая болѣе сильное сцѣпленіе, осталась нетронутою въ этомъ случаѣ, между-тѣмъ-какъ свободная клѣтчатка растворилась непосредственно.

Далѣе *Пайенъ* дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о кожицѣ и пленкѣ, говоритъ о трудахъ *Митчерлиха* по этому предмету, о которыхъ не упомянулъ *Фреми* въ своемъ мемуарѣ, и о своихъ собственныхъ изысканіяхъ, сдѣланныхъ имъ вмѣстѣ съ *Мирбелемъ*.

«Впродолженіе этого изученія мы могли слѣдить за образованіемъ и развитіемъ новыхъ органовъ, которые мы открыли въ иныхъ остающихся листьяхъ, родъ внутреннихъ подпорокъ, поддерживающихъ за разъ обѣ поверхности пластинки во взаимной зависимости, состоящія изъ клѣточекъ сначала съ очень тонкими стѣнками; клѣточки эти постепенно удлиняются, потомъ развѣтвляются, распространяясь подъ кожицей каждой стороны листа, въ то-же время стѣнки ихъ утолщаются и проникаются отвердѣвающими веществами, принимая такимъ-образомъ, мало-по-малу, свойства, подобныя волокнистымъ фибрамъ».

«Здѣсь можно бы было найдти случай составить для этихъ клѣточекъ, сдѣлавшихся вѣтвистыми, толстыми, съ большимъ сцѣпленіемъ и съ большею плотностью, восемь или десять изомерныхъ состояній, потому-что, впродолженіе имъ развитія, каждая изъ нихъ представляетъ различную растворяемость въ сѣрной кислотѣ и различные цвѣта отъ дѣйствія іода и сѣрной кислоты: сначала синій, потомъ фіолетовый, зеленоватый, оранжевый; но это было-бы безъ основанія, потому-что эти явленія зависятъ не только отъ сцѣпленія, постепенно-увеличивающагося, но и отъ насыщаю-

щихъ веществъ, отложившихся въ толщѣ стѣнокъ этихъ подпорокъ, какъ это показали сравнительные анализы ихъ».

«Такимъ-образомъ одинъ отличительный признакъ (даже еслибъ онъ былъ дѣйствительнымъ, тогда-какъ онъ только видимый), наблюдаемый помощію одного реактива, кажется мнѣ недостаточнымъ для составленія особеннаго вида. Приведенный къ тому-же заключенію другимъ путемъ, чѣмъ въ первой части мемуара, я думаю въ-правѣ сказать, что клѣтчатка въ различныхъ формахъ, въ которыхъ она встрѣчается въ растеніяхъ, еще не представила нѣсколькихъ дѣйствительно изомерныхъ состояній».

Фреми на тѣхъ-же основаніяхъ, что и прежде, поддерживаетъ свое мнѣніе, подкрѣпляя его своими новыми изслѣдованіями надъ стѣнками древесинныхъ волоконъ и стѣнками сосудовъ (14). И тѣ и другія состоятъ изъ веществъ, отличнаго отъ клѣтчатки и другъ отъ друга.

Для изученія состава и химическихъ свойствъ стѣнокъ древесинныхъ волоконъ, клѣтчатой ткани, составляющей сердцевинные лучи и, собственно сосудовъ, *Фреми* старался отдѣлить ихъ другъ отъ друга и получить въ чистомъ состояніи, и для этого дѣйствовалъ прежде всего на древесину слабымъ растворомъ кали, удаляющимъ танинъ, бѣлковинныя и пектинныя вещества, потомъ подвергалъ дѣйствію хлористо-водородной кислоты различной крѣпости, начиная съ весьма слабой и оканчивая дымящеюся; отъ ея дѣйствія ткань отчасти растворяется и древесинныя волокна дѣлаются растворимыми въ аммоніакально-мѣдистомъ растворѣ. Наконецъ онъ дѣйствовалъ крѣпкою сѣрною кислотою, она растворяла тѣ клѣточки и волокна, которыя устояли противъ дѣйствія хлористо-водородной кислоты и мѣдистой жидкости; промыванія водою, алькоголемъ и спиртомъ оканчиваютъ приготовленія сосудовъ.

Ткань, составляющая ихъ, противостоитъ дѣйствію кислотъ хлористо-водородной и крѣпкой сѣрной, и новаго реактива, и потому *Фреми* считаетъ ее особенныхъ веществомъ и называетъ *васкулозою* (vasculose); она за-то растворяется въ кипячемъ и крѣпкомъ растворѣ кали; въ этомъ отношеніи она схожа съ кутиномъ и совершенно противоположна клѣтчаткѣ.

Стѣнки клѣточекъ сердцевинныхъ лучей совершенно сходны

(14) Comptes rendus 2 mai 1859.

со стѣнками клѣточекъ серрцевины и состоятъ изъ *парацеллюлозы.*

Крѣпкій и кипячій растворъ поташа, растворяющій сосуды, можетъ также растворять и сердцѣвинные лучи; отъ растворенія получается щелочная жидкость, которая отъ дѣйствія кислотъ осаждаетъ мало-окрашенное органическое вещество, которое получилъ *Пелиго*, дѣйствуя щелочами на древесину.

Чтобы получить древесинныя волокна въ чистомъ состояніи, должно стружки дерева подвергнуть дѣйствію слабаго раствора кали, тогда жидкость дѣлается желтоватою, но ткань еще не распадается; когда-же щелочной растворъ будетъ доведенъ до той степени сгущенія, что можетъ дѣйствовать на сердцевинные лучи и сосуды, то ткань тотчасъ-же разрушается: чтобы видѣть это, надобно дѣлать опытъ въ стеклянномъ шарѣ и при температурѣ, при которой не происходитъ разложеніе дерева. Промывая оставшуюся массу водою, получаемъ совершенно-чистыя древесинныя волокна снѣжно-бѣлаго цвѣта. При изслѣдованіи ихъ въ микроскопъ, они оказываются совершенно-нормальнаго строенія; только отъ продолжительнаго дѣйствія щелочи они дѣлаются нѣсколько болѣе и на нихъ исчезаютъ продушинки. Такимъ-образомъ можно извлечь волокна изъ древесины и опредѣлить ихъ количество.

Они бѣлаго цвѣта и мягки, такъ-что легко мнутся и имѣютъ всѣ свойства бумажнаго тѣста; быть можетъ, современемъ промышленость воспользуется этимъ для производства бумаги. Вещество, изъ котораго состоятъ древесинныя волокна, *Фреми* называетъ *фиброзою.*

И такъ фиброза отличается: 1) нерастворимостью въ щелочныхъ жидкостяхъ, растворяющихъ васкулозу и парацеллюлозу; 2) растворимостью въ крѣпкой сѣрной кислотѣ, которая не растворяетъ васкулозу; 3) нерастворимостью въ мѣдистомъ реактивѣ, растворяющимъ непосредственно клѣтчатку и растворяющимъ фиброзу, только когда на нее дѣйствовали химическіе реактивы. Отъ клѣтчатки фиброза еще отличается тѣмъ, что послѣ растворенія въ *SO*, она осаждается изъ раствора отъ прибавленія воды въ видѣ густой прозрачной студени, между-тѣмъ-какъ клѣтчатка отъ растворенія въ сѣрной кислотѣ обращается въ декстринъ и не осаждается отъ прибавленія воды.

Какъ въ старомъ, такъ и въ только-что образовавшемся стеблѣ, эти три вещества имѣютъ одинъ химическій составъ и различны

другъ отъ друга. Отъ возраста они только плотнѣютъ; стѣнки дѣлаются толще, но химическія ихъ свойства не измѣняются.

Пайенъ (15) изслѣдованіями надъ кожицею тыквы и авторитетомъ *Митчерлиха* доказываетъ присутствіе азотистыхъ веществъ и клѣтчатки въ плёнкѣ, хотя ему можно возразить, что онъ изслѣдовалъ не плёнку, а *корковое вещество*. Но слѣдующія замѣчанія *Пайена* не лишены основанія: «Однакожь недавно утверждали, что пленка состоитъ изъ особеннаго соединенія, не содержащаго въ себѣ ни азотистыхъ веществъ, ни клѣтчатки; заключеніе, слишкомъ поспѣшное, потому-что въ опытахъ были употреблены самые сильные реактивы для растворенія клѣтчатки, слабая хлористо-водородная кислота въ постоянномъ кипяченіи, предложенная *Пелузомъ* и реактивъ *Швейцера*, который долженъ былъ извлечь послѣдніе слѣды клѣтчатки; а растворъ кали могъ съ своей стороны удалить азотистыя вещества.

Въ этомъ состояніи, очевидно поврежденномъ, должна-ли пленка представлять свойства, которыя ея характеризуютъ въ нормальномъ состояніи?

Далѣе, по окончаніи своихъ анализовъ, *Пайенъ* говоритъ, что не должно торопиться давать веществу пленки названіе, до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ съ точностью извѣстенъ ея составъ, ея эквивалентъ не опредѣленъ, ея сродство и соединенія сомнительны.

Въ другомъ мемуарѣ *Пайенъ* обѣщаетъ познакомить съ новымъ методомъ опредѣлять истинный составъ древесины, сравнивать между-собою различныя ткани, составляющія ее, и изучить измѣненія, которыя онѣ претерпѣваютъ съ возрастомъ и въ различныхъ видахъ растеній, показать, что разница происходитъ отъ различнаго количества клѣтчатки и веществъ, отлагающихся въ ней, иногда также отъ веществъ, связывающихъ (оклеивающихъ) между-собою волокна; дать новое доказательство чистоты клѣтчатки въ сердцевинѣ.

Пайенъ надѣется, что, до появленія его трудовъ, ни одинъ химикъ не приметъ, что древесина состоитъ изъ трехъ различныхъ веществъ, которыя всѣ, не смотря на новыя названія, имъ данныя, содержатъ только 0,444 углерода, между-тѣмъ-какъ, по изслѣдованіямъ *Пру*, *Гай-Люссака*, *Тенара*, *Декандоля*, *Петерсена* и

(15) Comptes rendus 9 Mai 1850.

Шлоссера, *Бертье* и многихъ другихъ авторитетовъ въ различныхъ древесинахъ встрѣчается углерода отъ 0,47 до 0,535. Слѣдовательно, рѣшительно невозможно допустить, что разница между твердыми и мягкими древесинами зависитъ единственно отъ утолщенія стѣнокъ волоконъ клѣтчаткою.

А. Михайловъ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Уставъ Русскаго музыкальнаго общества. — Сообщаемъ извлеченіе изъ этого устава, который 1 мая удостоился Высочайшаго разсмотрѣнія и утвержденія Государя Императора. Цѣль Русскаго музыкальнаго Общества — развитіе музыкальнаго образованія и вкуса къ музыкѣ въ Россіи, и поощреніе отечественныхъ талантовъ. Для достиженія своихъ цѣлей Общество: а) исполняетъ въ возможномъ совершенствѣ лучшія произведенія музыки инструментальной и вокальной, какъ-то: симфоніи, увертюры, квартеты, тріо, ораторіи, мессы, кантаты и проч. б) Доставляетъ отечественнымъ композиторамъ возможность слышать свои произведенія въ исполненіи. в) Назначаетъ конкурсы для музыкальныхъ сочиненій и отличившимся выдаетъ золотыя и серебряныя медали, похвальные листы и денежныя преміи. г) По мѣрѣ развитія своихъ средствъ, оказавшимся особенно-способными какъ въ музыкальномъ сочиненіи, такъ и въ исполненіи (въ пѣніи или игрѣ на какомъ-либо инструментѣ), Общество выдаетъ денежныя и другія преміи, на свой счетъ печатаетъ замѣчательнѣйшія музыкальныя произведенія Русскихъ авторовъ, по взаимному съ ними соглашенію посылаетъ за границу для усовершенствованія и пр. д) Для доставленія желающимъ заниматься музыкою возможныхъ къ тому средствъ, при Обществѣ находится музыкальная библіотека и выписываются важнѣйшіе музыкальные газеты и журналы. Общество имѣетъ право выбивать медали въ честь знаменитыхъ Русскихъ музыкантовъ, по испрошеніи на то предварительно Высочайшаго соизволенія. Членами Общества могутъ быть лица обоего пола. Число членовъ не ограничено. Каждый членъ вноситъ ежегодно 15 р. сер. въ кассу Общества, и утверждается въ званіи члена комитетомъ Общества по предложенію одного члена. Лица, жертвующія единовременно довольно значительный капиталъ (не менѣе 1000 р. сер.), или обязавшіяся вносить ежегодно не менѣе

100 р. сер., пользуются званіемъ *почетныхъ членовъ*. Имена первыхъ вносятся на мраморную доску, выставляемую въ залѣ Общества. Званія почетнаго члена могутъ быть удостоиваемы по опредѣленію общаго собранія Русскіе и иностранные артисты, пріобрѣтшіе извѣстность, и въ-особенности лица, принесшіе пользу музыкѣ въ Россіи. Эти лица удостоиваются званія почетнаго члена безъ всякаго денежнаго взноса. Члены Общества имѣютъ право: присутствовать въ общемъ собраніи съ правомъ голоса (но въ комитетѣ заявляютъ только свое мнѣніе), пользоваться музыкальною библіотекою и получаемыми въ ней музыкальными журналами и газетами. Каждый членъ получаетъ билетъ для входа на 10 симфоническихъ вечеровъ, даваемыхъ ежегодно Обществомъ, но не имѣетъ права передавать его другому лицу. За всѣ-же остальные музыкальные вечера, или утра, членъ платитъ наравнѣ съ прочими лицами, непринадлежащими къ Обществу. Почетные члены, вносящіе ежегодно 100 р. сер., получаютѣ билеты на всѣ музыкальныя собранія Общества безплатно. Всѣми дѣлами Общества какъ по искусственной, такъ и по хозяйственной и распорядительной части завѣдываетъ комитетъ, состоящій изъ пяти директоровъ. На комитетѣ лежитъ обязанность приведенія въ исполненіе сего устава и наблюденіе за точнымъ его исполненіемъ. Комитетъ заботится объ увеличеніи средствъ Общества, о современномъ взносѣ денегъ членами, назначаетъ конкурсы и темы для конкурсовъ, присуждаетъ за нихъ медали, преміи, назначаетъ денежныя пособія, печатаетъ музыкальныя сочиненія, назначаетъ дни какъ музыкальныхъ, такъ и общихъ собраній, хранитъ имущество Общества и ежегодно даетъ отчетъ общему собранію въ приходѣ и расходѣ суммъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Отчетъ этотъ печатается для свѣдѣнія публики. Для управленія оркестромъ и хорами, для выбора артистовъ, участвующихъ въ исполненіи, комитетъ избираетъ опытнаго артиста, который имѣетъ право голоса во всѣхъ собраніямъ комитета. Разсмотрѣніе сочиненій, представляемыхъ на соисканіе премій или на конкурсъ, а равно и для исполненія, присужденіе премій исполнителямъ, составленіе программъ для концертовъ, комитетъ поручаетъ директору, избранному имъ для управленія концертами, вмѣстѣ съ извѣстными своими музыкальными познаніями лицами и, соображаясь съ ихъ заключеніями, дѣлаетъ окончательное постановленіе.

Объ опредѣленіи почетныхъ блюстителей при учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства. — Святѣйшій сѵнодъ, признавъ полезнымъ, для лучшаго устройства хозяйственной части въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, назначать къ нимъ особыхъ почетныхъ блюстителей, преимущественно изъ лицъ купеческаго сословія, опредѣленіемъ 26 марта сего года положилъ: «На опредѣленіе къ духовнымъ академіямъ, семинаріямъ и уѣзднымъ духовнымъ училищамъ почетныхъ блюстителей по хозяйственной части, предоставить г. оберъ-прокурору святѣйшаго сѵнода испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе, съ тѣмъ, во-1-хъ, чтобы блюстителямъ присвоенъ былъ мундиръ духовнаго вѣдомства: служащимъ при академіяхъ — VII разряда, при семинаріяхъ — VIII разряда и при низшихъ училищахъ — IX класса; во-2-хъ, чтобы лица купеческаго званія носили такой мундиръ по установленной для нихъ формѣ, и на все время пребыванія въ должности блюстителя освобождались отъ другой общественной службы, и въ-3-хъ, чтобы почетные блюстители въ духовныя академіи и семинаріи, безъ различія сословій, дворяне-ли они будутъ или купцы, опредѣлялись святѣйшимъ сѵнодомъ, а въ низшія духовныя училища — епархіальными преосвященными». Вслѣдствіе сего, г. оберъ-прокуроръ предложилъ святѣйшему сѵноду, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, въ 15 день минувшаго апрѣля удостоилъ Высочайшаго утвержденія предположенія святѣйшаго сѵнода объ опредѣленіи въ духовно-учебныя заведенія почетныхъ блюстителей по хозяйственной части. Въ разсужденіи избранія и обязанностей почетныхъ блюстителей святѣйшимъ сѵнодомъ постановлено: 1) Почетные блюстители избираются епархіальными архіереями изъ дворянъ или изъ почетныхъ гражданъ и купцовъ первыхъ двухъ гильдій. 2) Когда желающіе поступить въ блюстители принадлежатъ къ купеческому сословію, то избраніе ихъ производится съ согласія городскаго общества, по сношенію съ гражданскимъ начальствомъ. 3) Главная обязанность почетныхъ блюстителей состоитъ въ содѣйствіи училищному начальству къ устройству хозяйственной части, способствуя сему, по усердію своему, единовременными и постоянными денежными и другими приношеніями,—что будетъ вмѣняемо имъ въ особую заслугу. 4) Они въ академіяхъ и семинаріяхъ вмѣстѣ съ ректорами, а въ низшихъ училищахъ вмѣстѣ съ смотрителями, имѣютъ надзоръ за экономіею означенныхъ заведеній, и обязаны

сколько возможно содѣйствовать къ тому, чтобы заведенія содержимы были возможно въ лучшемъ видѣ, чтобы соблюдалась въ нихъ чистота и опрятность и чтобы содержаніе учениковъ пищею и одеждою было значительно улучшено. 5) Для сего почетные блюстители имѣютъ право и обязанность посѣщать заведенія, особенно въ неучебные часы, присутствовать при столѣ воспитанниковъ, входить въ ихъ нужды по содержанію не только пищею, но и одеждою, осматривать жилыя комнаты, библіотеку, больницу, кухню и другія хозяйственныя заведенія, принадлежащія училищамъ. 6) Посѣщая заведенія, почетные блюстители, хотя и не дѣлаютъ въ оныхъ сами собою никакихъ распоряженій, но имѣютъ право, замѣтивъ упущенія или безпорядки по хозяйственной части, обращать на нихъ вниманіе ближайшаго училищнаго начальства, а въ случаѣ важныхъ представлять о томъ епархіальному преосвященному. 7) Почетные блюстители приглашаются въ собраніе училищнаго правленія по дѣламъ хозяйственной части, и въ семъ случаѣ имѣютъ въ ономъ голосъ совѣщательный и присутствуютъ на торжественныхъ актахъ и собраніяхъ.

Публичное собраніе Императорской академіи художествъ. — Императорская академія художествъ, 10 мая, имѣла публичное собраніе, въ которомъ происходило слѣдующее: предсѣдательствовавшій въ собраніи, за неприсутствіемъ Ея Императорскаго Высочества президента, вице-президентъ графъ Ѳ. П. *Толстой*, почетные и дѣйствительные члены академіи, въ часъ пополудни, собрались въ академической конференцъ-залѣ, и, по занятіи мѣстъ своихъ присутствующими, г. вице-президентомъ объявлено о предметахъ собранія и прочитанъ г. конференцъ-секретаремъ академіи журналъ засѣданія академическаго совѣта, бывшаго предъ публичнымъ собраніемъ, и провозглашены имена вновь избранныхъ членовъ академіи. Конференцъ-секретарь читалъ отчетъ академіи съ 6 апрѣля 1858 по 10 мая 1859 г., къ которомъ между-прочимъ заключалось краткое обозрѣніе всего, что происходило въ-теченіе означеннаго времени въ области художествъ и самой академіи. По прочтеніи отчета, при звукѣ трубъ и литавръ, розданы были назначенныя отъ академіи, за отличные успѣхи въ художествахъ, золотыя медали перваго и втораго достоинствъ. *Перваго достоинства:* ученикамъ академіи: Льву *Далю*—за проектъ публичныхъ роскошныхъ бань, С. *Хлѣбовскому* — за картину императрица Екате-

рина II принимаетъ Запорожскихъ депутатовъ, и А. *Мещерскому* — за пейзажи съ натуры. *Втораго достоинства:* ученикамъ академіи: Ю. *Томашевскому* — за живопись историческую, Н. *Лаверецкому* и Ѳ. *Каменскому* — за скульптуру, А. *Карнѣеву* и Н. *Шильдеру* — за живопись народныхъ сценъ (de genre), Н. *Зауервейду* — за живопись баталическую, И. *Шишкину* — за живопись пейзажную и ему-же первая серебряная медаль за ту-же живопись, и Л. *Матушевскому* — за медальерное искусство. Въ настоящемъ собраніи академіи избраны: а) въ *почетные любители академіи* — въ уваженіе извѣстной любви, ободренія и покровительства художествъ: г. намѣстникъ Царства Польскаго, кн. М. Д. *Горчаковъ*, г. намѣстникъ Кавказскій, кн. А. И. *Барятинскій*, д. тайн. сов.: А. В. *Кочубей* и А. В. *Кочубей;* б) въ *почетные вольные общники* — въ уваженіе любви и познаній въ художествахъ: дѣйств. стат. сов. Н. И. *Севастьяновъ*, гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества кн. В. Ѳ. *Одоевскій*, стат. сов. гр. Г. А. *Кушелевъ-Безбородко*, полковникъ М. И. *Цейдлеръ*, подполковникъ П. Т. *Борисполецъ*, полковникъ Н. И. *Анбериχъ*. архитекторъ Н. Л. *Виллерсъ*, колл. сов. В. В. *Стасовъ*, извѣстный Римскій художникъ, граверъ П. *Меркури*, профессоръ живописи Мюнхенской академіи А. *Ридель*, археологъ, статсъ-секретарь его величества короля Греческаго *Венландъ*, директоръ Берлинской академіи художествъ *фонъ-Ольферсъ*, Англійскій граверъ *Джонъ Пай*, извѣстный Французскій живописецъ *Бланшаръ*, извѣстный живописецъ изъ Гааги Давидъ *Блезъ*, профессоръ Римской Сенъ-Лукской академіи *Капальди*, профессоръ Флорентинской академіи художествъ *Костоли*, Французскій акварельный живописецъ *Босе* и Французскій архитекторъ Эмилій Жакъ *Жильберъ* (старшій). — Признаны: а) *профессорами* — за особенное искусство и отличныя познанія въ архитектурѣ: Э. *Жиберъ* и И. *Семеновъ;* б) *академиками* — за искусство и познанія въ художествахъ: по архитектурѣ: Е. *Прейсъ*, К. *Андерсонъ*, Н. *Макаровъ*, П. *Нотикъ*, Я. *Набаловъ*, С. *Дмитріевъ*, А. *Бѣловъ*, Н. *Лиссопацкій*, И. *Климовъ*, К. *Михѣевъ*, К. *Маевскій*, Н. *Газельмейеръ*, А. *Разгильдѣевъ*, М. *Вебель*, Д. *Кабановъ*, И. *Демутъ-Малиновскій*, А. *Видовъ*, И. *Сафоновъ*, К. *Вердицкій*, Н. *Весманъ*, Е. *Гинкенъ*, А. *Горностаевъ*, В. *Болотовъ*, Д. *Ткаченко;* по скульптурѣ: Р. *Залеманъ;* по живописи портретной масляными красками: И. *Совиновъ*, К. *Ясевичъ*, К. *Турчаниновъ*, П. *Пороховниковъ* и К. *Рафаловичъ;* по живописи акварельной: А. *Соколовъ*; по живописи миніатюрной акварельной: И. *Меллеръ*; по жи-

вописи декораціонной: Ѳ. *Вундерлихъ;* по живописи баталической: А. *Шарлеманъ;* по живописи пейзажной: А. *Жаметъ* и В. *Аммонъ;* за акварельные рисунки Русской древности; Ю. *Львовъ*; по медицинскому искусству: И. *Чукмасовъ* и И. *Брусницынъ.* Число учащихся въ академіи съ каждымъ годомъ увеличивается и успѣхи школы достаточно оправдываютъ представляемыя на выставки художественныя произведенія по разнымъ отраслямъ искусства. Въ минувшемъ академическомъ году учениковъ въ академіи состояло 666 человѣкъ, изъ нихъ 329 обучались художествамъ по избранной каждымъ отрасли искусства, именно: живописи исторической и портретной: подъ руководствомъ ректора Ѳ. А. *Бруни* 15: заслуж. проф. П. В. *Басина* 13; проф. А. Т. *Маркова* 87 и учениковъ проф. *Нефа* 14; живописи пейзажной и перспективной подъ руководствомъ проф. С. М. *Воробьева* 37; живописи баталической, подъ руководствомъ проф. Г. И. *Вилесальде* 33; скульптурѣ: подъ руководствомъ заслуж. проф. барона П. К. *Клодта* — двое, г. проф. Н. С. *Пименова* — 10; гравированію на мѣди: подъ руководствомъ заслуж. проф. Н. И. *Уткина* — одинъ, проф. Ѳ. И. *Іордана*—пять; медальерному искусству, подъ руководствомъ проф. А. П. *Лялина* двое; архитектурѣ: подъ руководствомъ заслуж. профессора А. П. *Брюллова* — 15, проф. А. И. *Штакеншнейдера* — 61; проф. Ѳ. И. *Эпингера* — 24, проф. А. М. *Горностаева* — 10; начальнымъ правиламъ архитектуры, подъ руковоодствомъ акад. А. К. *Бруни* обучалось 124; перспективѣ, подъ руководствомъ проф. А. И. *Горностаева*, 88; слушали курсы: теоріи строительнаго искусства, подъ руководствомъ проф. А. И. *Резанова* 73; въ старшемъ курсѣ 35, въ младшемъ 38; анатоміи, подъ руководствомъ засл. проф. И. В. *Буяльскаго*, 57, и теоріи изящныхъ искусствъ, подъ руководствомъ преподавателя оной, конференцъ-секретаря В. И. *Григоровича*, 96. Въ-теченіе минувшаго академическаго года, для рѣшенія предметовъ, относящихся собственно до художественной части и разсмотрѣнія произведеній по разнымъ отраслямъ искусства, представляемыхъ на полученіе академическихъ званій и другихъ наградъ, академія имѣла пятнадцать собраній. Въ собраніяхъ сихъ признаны академіею: профессорами 2, академиками 39, классными художниками 6, художниками съ правомъ на полученіе чина 14 класса по вступленіи на службу 5, неклассными художниками 106. Удостоены учителями рисованія: въ гимназіи 12, въ уѣздныя училища 23. Въ истекшій годъ академія лишилась смер-

тію членовъ своихъ: почетныхъ вольныхъ общниковъ—архитектора А. А. *де-Монферана*, графа А. Н. *Мордвинова*, проф. архитектуры К. А. *Бейне*, акад. живописи А. А. *Иванова* и академиковъ: архитектуры—И. А. *Козлянинова* и орнаментной живописи—Б. О. *Медичи*. Каждый годъ въ отчетѣ академіи съ прискорбіемъ упоминается о подобныхъ лишеніяхъ, но въ настоящемъ собраніи эти лишенія именовать тѣмъ прискорбнѣе, что художники: *Монферанъ*, графъ *Мордвиновъ*, *Бейне* и *Ивановъ*, каждый въ своемъ искусствѣ, принадлежатъ къ числу превосходнѣйшихъ. *Монферанъ* поставилъ здѣсь колонну Александровскую, соорудилъ великолѣпный храмъ св. Исаакія Далматскаго, построилъ зданіе военнаго министерства, домы, нынѣ принадлежащіе г. Демидову, проектировалъ памятникъ императору Николаю I и исполнилъ другія работы. Болѣе сорока лѣтъ онъ посвятилъ свои дарованія служенію Россіи, и имѣлъ счастіе начать и возвести храмъ, какіе, рѣдко бывъ предначертаны художникомъ, имъ-же доведены были до совершенія. Храмъ св. Исаакія, съ какой стороны ни судить о немъ, есть памятникъ необыкновенный! Время пощадитъ его долгіе вѣка, и если строгій судъ найдетъ въ немъ несовершенства, — а какое твореніе человѣческое не имѣетъ ихъ?—то это не умалитъ уваженія къ имени и труду заслуженнаго художника, которому искусство Русское обязано за то, что таланты нашихъ художниковъ и вѣчные матеріалы, которыми такъ богата Россія, употреблены имъ впервые въ такомъ объемѣ и деталяхъ къ чести нашего вѣка и славѣ отечества. Графъ А. Н. *Мордвиновъ*, любитель-художникъ, занимавшійся искусствомъ со страстію къ искусству, ознаменовалъ дѣятельность свою многими прекрасными произведеніями живописи перспективной и морскихъ видовъ. Кампо-Санто въ Пизѣ и виды Венеціи, изъ коихъ два послѣдніе находятся въ Императорскомъ эрмитажѣ, почитаются лучшими плодами его кисти. *Бейне*, окончивъ курсъ ученія въ академіи по части архитектуры, путешествовалъ на счетъ правительства за границею, изучалъ памятники искусствъ въ Италіи, Греціи, Испаніи, въ Египтѣ и Палестинѣ, занимался живописью акварельною и, возвратясь въ Россію, производилъ разныя работы и выстроилъ зданіе думы большой гильдіи въ Ригѣ. Ранняя кончина его лишила отечество и искусство даровитаго художника, который могъ-бы служить имъ съ величайшею пользою. *Ивановъ* произвелъ картинъ числомъ немного, но съ самаго начала своего поприща подавалъ надежды необыкновенныя;

какъ рисовальщикъ и живописецъ, трудился добросовѣстно. Его картина въ Императорскомъ эрмитажѣ: «Срѣтеніе по воскресеніи Христа Спасителя Маріею Магдалиною», и многолѣтній трудъ его, огромное твореніе: «Явленіе Мессіи на Іорданѣ», находящаяся въ академіи, суть памятники его высокаго искусства. О семъ последнемъ произведеніи мнѣнія были различны. Одни его превозносили, другіе отыскивали въ немъ недостатки; но большинство соглашалось, что Ивановъ, совершивъ эту картину достойнымъ образомъ, оставилъ по себѣ память прочную. И въ Римѣ, гдѣ она была выставлена, такъ-же, какъ и здѣсь, разные и слишкомъ многіе были толки. Не мѣсто здѣсь разбирать, кто былъ правъ, кто ошибался. Довольно замѣтить, что Ивановъ былъ человѣкъ съ необыкновеннымъ дарованіемъ, много учился, многое понялъ, не пошелъ по тропѣ пробитой, но искалъ прекраснаго по своему образу мыслей, понятнаго всѣмъ и каждому; въ большой картинѣ онъ стремился къ тому, чтобы достигнуть окончательности и дѣленія предметовъ картинъ небольшаго объема, не оставить ничего угадывать зрителю, но все высказать, все выразить вразумительно для зрителя; въ народной толпѣ не искать формъ только изящныхъ, или головъ только прекрасныхъ, но представить пророка пророкомъ, Мессію Мессіею и народъ народомъ; въ толпѣ послѣдняго, состоящей изъ лицъ разныхъ возрастовъ, разныхъ характеровъ, разныхъ чувствованій, изобразить его какъ является вездѣ и всегда въ разнообразіи типовъ и естественности положеній и движеній. Тутъ и старцы, и мужи, и юноши, и отроки, каждое лицо, каждое тѣло имѣютъ свойственный цвѣтъ, характеръ, выраженіе, движеніе, драпировку, стиль, вѣрность и красивость складокъ по свойству тканей; лица мыслятъ или недоумѣваютъ, но тотъ, кто указываетъ на Христа, грядущаго вдали, тотъ есть Предтеча его, Іоаннъ, пустынножитель, подвижникъ, святый, вдохновенный пророкъ Божій! Картина Иванова есть твореніе, дѣлающее честь школѣ, и принадлежитъ къ числу немногихъ первоклассныхъ ея произведеній. Сравненій мы дѣлать не станемъ, да сравненія отличныхъ произведеній искусства одного съ другими и не всегда могутъ быть умѣстны. Каждый великій авторъ, каждый превосходный художникъ долженъ быть самостоятельнымъ, или, лучше сказать, самимъ собою. Геніи различны, и искусство художниковъ разнородно, или, вѣрнѣе, хотя и одного рода, бываетъ многообразно. Такъ напримѣръ: мы имѣли доселѣ два

необыкновенно-важныя творенія, которыми могла-бы гордиться лучшая и старѣйшая школа въ Европѣ, а именно: «Послѣдній день Помпеи» и «Мѣдный змій въ пустынѣ»; но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ три творенія Иванова, Брюллова и Бруни должно мѣрить однимъ и тѣмъ-же мѣриломъ. Каждому отдадимъ достойное и скажемъ, что Русское искусство, представившее, въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ, три такія произведенія, находится на высокой степени, и всякій, кто любитъ отечество и искусства, въ-правѣ пожелать, чтобы художество отечественное процвѣтало у насъ всегда, и, возвышаясь болѣе и болѣе по мѣрѣ силъ и средствъ, даруемыхъ Провидѣніемъ человѣку, развивалось трудомъ и наукою, и совершенствовалось неуклоннымъ стремленіемъ художниковъ нашихъ къ истинному, благому и прекрасному!»

Новыя пріобрѣтенія Императорской публичной библіотеки по отдѣленію изящныхъ искусствъ. — Нельзя не быть признательнымъ начальству Императорской публичной библіотеки за-то, что оно подробно знакомитъ съ ея разнообразными пріобрѣтеніями, а не ограничивается однимъ только краткимъ обозначеніемъ оныхъ. Позволимъ себѣ заимствовать изъ С. Пбург. вѣд. нижеслѣдующее весьма любопытное извѣстіе о послѣднихъ пріобрѣтеніяхъ публичной библіотеки по части изящныхъ искусствъ. Пріобрѣтенія сіи, кромѣ своего художественнаго достоинства, имѣютъ особенную важность для занимающихся исторіею изящныхъ искусствъ и археологіею, а потому представляютъ весьма обильные матеріалы для разнообразныхъ изслѣдованій. «Въ-теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ прошедшаго года и въ первое полугодіе нынѣшняго Императорская публичная библіотека пріобрѣла значительное количество фотографій и гравюръ, которыя, по своему высокому художественному достоинству, или-же по своей чрезвычайной рѣдкости, заняли весьма-важное мѣсто въ ея коллекціяхъ. Ограниченные предѣлы годичныхъ отчетовъ библіотеки не дозволяютъ вносить въ нихъ всѣ тѣ подробности, которыхъ заслуживаютъ многія изъ ея пріобрѣтеній, особливо художественныя, потому мы надѣемся доставить нашимъ любителямъ и знатокамъ удовольствіе нѣсколько болѣе-подробнымъ исчисленіемъ упомянутыхъ выше новыхъ ея замѣчательностей, тѣмъ-болѣе, что въ настоящее время едва-ли какая-нибудь другая изъ библіотекъ или частныхъ коллекцій въ Россіи обладаетъ этими художественными произведе-

ніями, даже отдѣльно взятыми; во всей-же ихъ совокупности, конечно, не обладаетъ ни одна. Первое мѣсто, не только между новопріобрѣтенными, но и вообще между всѣми *фотографіями* публичной библіотеки, занимаютъ огромные семь фотографическихъ снимковъ съ картоновъ Рафаэля, находящихся въ Рамптонъ-Кортскомъ дворцѣ, близъ Лондона. Это—даръ почетнаго члена библіотеки графа Н. Г. Кушелева-Безбородко, который пріобрѣлъ сказанные снимки въ Лондонѣ, вскорѣ послѣ выпуска ихъ въ свѣтъ, въ концѣ 1858 г., Лондонскими фотографами *Кальдези* и *Монтекки*. Означенныя фотографіи, состоящія каждая изъ двухъ склеенныхъ (по длинѣ) листовъ, имѣютъ по аршину вышины и отъ 1 арш. 5 вершк. до 1 арш. 9 вершк. длины, такъ-что многія фигуры представляются въ величинѣ 8 и даже 10 вершковъ. Такимъ-образомъ, это однѣ изъ самыхъ большихъ фотографій, какія только до-сихъ-поръ были сняты гдѣ-либо въ Европѣ съ картинъ. Читатели наши знаютъ, что для свѣтописи ничего нѣтъ труднѣе, какъ дѣлать снимки съ картинъ, особливо древнихъ, и потому поймутъ все значеніе фотографій, передающихъ съ художественнымъ совершенствомъ тѣ произведенія, которыя принадлежатъ къ числу высшихъ созданій Рафаэля. Лишь немногіе изъ Русскихъ художниковъ имѣли возможность видѣть оригинальные картоны Рафаэля въ Лондонѣ; теперь каждый можетъ, не выходя изъ Петербурга, изучать эти великія произведенія, въ чрезвычайно-вѣрныхъ копіяхъ. Гг. профессоры академіи художествъ, разсматривавшіе въ публичной библіотекѣ сказанныя фотографіи, не могли не выразить чувствъ живѣйшаго восторга при видѣ этой вѣрной передачи первостепенныхъ созданій своего общаго великаго учителя, и безъ труда различали, по фотографіямъ, части, дѣланныя въ картонахъ самимъ Рафаэлемъ, отъ тѣхъ, которыя выполнены рукою учениковъ, помогавшихъ ему въ огромной и спѣшной работѣ. Сюжеты этихъ картоновъ (въ томъ порядкѣ, какъ они развѣшены въ Гантонъ-Кортѣ) слѣдующіе: 1) ***Смерть Ананіи***, 2) ***Ослѣпленіе волхва Еллимы***, 3) ***Исцѣленіе хромаго въ преддверіи храма апостоломъ Петромъ***, 4) ***Чудесный ловъ рыбы***, 5) ***Апостолы Петръ и Варнава въ Листрѣ***, 6) ***Проповѣдь апостола Петра въ Аѳинахъ***, 7) «***Паси овцы моя***». Другое, тоже необыкновенно-важное фотографическое изданіе—опять Лондонское, и тѣхъ-же самыхъ фотографовъ Кальдези и Монтекки. Это снимки съ замѣчательнѣйшихъ картинъ Манчестерской художественной выставки 1857 г., вышедшіе въ свѣтъ въ 1858 году,

въ двухъ большихъ томахъ въ листъ, подъ заглавіемъ: «Photographs of the Gems of the art treasures exhibition. Manchester, 1857». Всего тутъ 200 листовъ, изъ которыхъ половина (первый томъ) посвящена живописи *всѣхъ* Европейскихъ школъ отъ XIV до XIX вѣка, другая-же представляетъ образцы Англійской школы живописи XIX вѣка. Ясно, что, не смотря на всѣ достоинства, встрѣчаемыя во второмъ томѣ, главнѣйшій интересъ сосредоточенъ на первомъ, гдѣ мы получаемъ *въ первый разъ*, и притомъ въ большомъ совершенствѣ, снимки съ драгоцѣннѣйшихъ произведеній, которыя, бывъ скуплены въ три послѣднія столѣтія, на всѣхъ концахъ Европы, богатыми Англійскими путешественниками-любителями, часто за баснословныя цѣны, потомъ скрылись отъ глазъ художниковъ и любителей въ непроницаемыя для всѣхъ стѣны аристократическихъ замковъ, разсѣянныхъ по цѣлой Англіи. Нужно было такое патріотическое предпріятіе, какъ Манчестерская художественная выставка (на которую изъ всѣхъ возможныхъ собраній Англіи снесены были лучшія и драгоцѣннѣйшія сокровища искусства), для того, чтобы составить, посредствомъ тщательной и вѣрной фотографіи, тотъ удивительный художественный атласъ, который мы имѣемъ теперь въ изданіи Кальдези и Монтекки, и которому ничего подобнаго никогда еще не бывало въ исторіи художествъ. Превосходнѣйшія произведенія Рафаэля (всѣхъ трехъ его періодовъ), Леонардо Винчи, Микель-Анджело, Тиціана, Джорджоне, Рубенса, Фанъ-Дейка, Рембрандта, Веласкеца, Мурильо, Фанъ-Эйка, Мартына Шёна, Роогра-фанъ-деръ-Вейде (котораго до-сихъ-поръ извѣстно только два другія произведенія, находящіяся въ Кольмарѣ), Мабюза, Гольбейна, А. Дюрера и множества другихъ великихъ живописцевъ соединены здѣсь вмѣстѣ, въ снимкахъ весьма-значительныхъ размѣровъ. Изданіе это, приводящее въ восторгъ каждаго истиннаго художника (какъ и прежде упомянутое), обошлось библіотекѣ въ 252 талера. Третье весьма-значительное Англійское фотографическое изданіе, на которое мы укажемъ въ числѣ новыхъ нашихъ пріобрѣтеній, есть коллекція видовъ, снятыхъ Робертомъ Мурреемъ въ Мальтѣ, Александріи, Каирѣ, Өивахъ, Верхнемъ Египтѣ и Нубіи, и состоящее изъ 168 листовъ (особаго заглавія у него нѣтъ). Еще въ августѣ 1839 года знаменитый Араго̀, тогдашній непремѣнный секретарь Парижской академіи наукъ, говорилъ въ ея засѣданіи о томъ, какую пользу фотографія принесетъ, между-про

чимъ, изученію древней Египетской архитектуры, скульптуры и іероглифовъ. Французскіе и другіе фотографы поспѣшили воспользоваться его мыслью, и вскорѣ появилось множество воспроизведеній памятниковъ древняго Египта, лучшимъ между которыми доселѣ было фотографическое изданіе Максима Дюкана (Египетъ, Сирія и Палестина), вышедшее въ свѣтъ въ 1853 г. Но изданіе Муррея, появившееся въ 1857 г., оставило далеко позади себя всѣ остальныя, какъ по мастерскому выбору пунктовъ зрѣнія, такъ и по полнотѣ, живописности эффектовъ и чрезвычайной отчетливости общихъ видовъ и каждой отдѣльной части изображенія, начиная отъ статуи, колонны, пальмы, скалы, почвы—и до послѣдняго іероглифа на каменныхъ стѣнахъ храмовъ и гробницъ. Это изданіе привѣтствовано было въ Англіи тѣмъ съ бо́льшимъ восторгомъ, что въ послѣднее время путешественники особенно жаловались на варварство и нерадѣніе Турокъ, отъ котораго множество замѣчательныхъ памятниковъ древняго Египетскаго искусства постоянно все болѣе и болѣе исчезаетъ. Одни изъ нихъ разрушены окончательно, другіе близки къ тому-же, и не проходитъ года, въ который Египетъ не лишился-бы одного или нѣсколькихъ изъ числа этихъ драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ. При такомъ положеніи дѣлъ, Мурреевское изданіе, весьма-полное по объему и художественное по выполненію, имѣетъ для будущаго времени необыкновенно-важное значеніе. Библіотека заплатила за свой экземпляръ 150 талеровъ. Замѣчательно еще, по особенной красотѣ фотографій, великолѣпное Лондонское изданіе: «Prendeville, Photographic fascimiles of the antique gems formerly possesed by the Prince Poniatowski», 4°, заключающее въ себѣ снимки съ коллекціи геммъ (вогнуто-гравированныхъ драгоцѣнныхъ камней), принадлежавшихъ прежде Польскимъ королямъ, потомъ князю Понятовскому, а ныньче г. Тиррелю. Въ нынѣшнемъ своемъ объемѣ, эта коллекція, самая полная въ мірѣ, заключаетъ въ себѣ около 12,000 пьесъ. Въ первыхъ двухъ томахъ, до-сихъ-поръ вышедшихъ (въ 1857 и 1859 годахъ), даны снимки съ 471 пьесы (за каждый томъ заплачено по 66 талеровъ). Наконецъ, въ числѣ Англійскихъ изданій, упомянемъ еще о фотографическихъ снимкахъ, которые выполнены въ Лондонѣ съ рисунковъ, дѣланныхъ въ Индіи цѣлою коммиссіею Англійскихъ архитекторовъ и инженеровъ, подъ главнымъ надзоромъ капитанъ-инженера Остъ-Индійской службы Харта, съ архитектурныхъ памятниковъ города Биджапура въ южной Индіи (осо-

баго общаго заглавія у этого изданія нѣтъ). Все изданіе состоитъ изъ 74 листовъ, большаго формата, отлично-исполненныхъ; рисунки-же, съ которыхъ они сняты, признаны лучшими этюдами, какіе только до сихъ-поръ были дѣланы съ Индійскихъ архитектурныхъ монументовъ. Эти этюды принадлежатъ Остъ-Индійской компаніи, которая, снявъ съ нихъ фотографіи, раздарила немногочисленные ихъ экземпляры разнымъ публичнымъ библіотекамъ и собраніямъ въ Европѣ. Архитектурные памятники, сохранившіеся въ пустынномъ и почти покинутомъ нынче городѣ Биджапурѣ, когда-то могущественной и цвѣтущей столицѣ мусульманскихъ владыкъ, примѣчательны столько-же своими гигантскими размѣрами, сколько чрезвычайною красотою формъ и смѣлостью конструкціи; но, быть-можетъ, еще примѣчательнѣе въ нихъ соединеніе двухъ разныхъ стилей, совершенно-противоположныхъ, чего не встрѣчается въ другихъ монументахъ Индіи, а именно, храмы и прочіе памятники Биджапура принадлежатъ къ XV, XVI и XVII столѣтіямъ по Р. Хр., т.-е. къ позднимъ временамъ мусульманской архитектуры въ Индіи, но въ то-же время носятъ на себѣ сильнѣйшій отпечатокъ характера древне-Индійской архитектуры. Слѣдовательно, при такомъ многообразномъ значеніи Биджапурскихъ памятниковъ, воспроизведеніе ихъ во всемъ ихъ объемѣ съ мельчайшими подробностями есть большой подарокъ какъ для искусства, такъ и для художниковъ. Между Французскими фотографіями, изъ числа новыхъ пріобрѣтеній публичной библіотеки, главное мѣсто занимаютъ снимки съ Византійскихъ миніатюръ нѣкоторыхъ скульптурныхъ произведеній, находящихся въ библіотекахъ Парижской, Руанской и Туринской. Скульптуръ Византійскихъ, какъ извѣстно, весьма-немного, вслѣдствіе отвращенія Византіи къ произведеніямъ, напоминавшимъ ей древній языческій міръ, и потому, при рѣдкости этихъ скульптуръ, копіи съ нихъ тѣмъ болѣе интересны и драгоцѣнны въ нынѣшнее время. Въ нашемъ собраніи, онѣ состоятъ въ небольшихъ барельефахъ изъ мрамора и слоновой кости (*) и богатыхъ металлическихъ переплетахъ, украшенныхъ драгоцѣнными каменьями и представляющихъ барельефы Византійскаго стиля. Ихъ число, впрочемъ, весьма-огра-

(*) Полнѣйшія извѣстія о скульптурѣ изъ слоновой кости новыхъ народовъ находятся въ сочиненіи Дигби Уайатта: «Notices of sculpture in ivory, bu Digby Wyatt», London 1856, 4⁰, къ которому приложено и нѣсколько фотографій. Это сочиненіе также есть въ нашей библіотекѣ.

ничено. Что касается до снимковъ съ миніатюръ, хоторыхъ мы, напротивъ, получили весьма-много, то между ними всего примѣчательнѣе фотографіи съ Византійскихъ произведеній этого рода въ главнѣйшихъ рукописяхъ Парижской публичной библіотеки, столько-же драгоцѣнныхъ, сколько и знаменитыхъ. Такимъ-образомъ, мы имѣемъ теперь, напримѣръ, 18 листовъ, съ многочисленными сюжетами Ветхаго и Новаго Завѣта и изъ церковной исторіи, весьма-значительной величины, служащими иллюстраціею къ тексту проповѣдей Григорія Назіанзина IX вѣка (*); 11 листовъ съ сюжетами изъ исторіи царя Давида, почти-что Римскаго еще стиля (въ родѣ Помпейской стѣнной живописи), изъ псалтыря X вѣка; рѣдкія изображенія евангелистовъ, не сидящихъ, а стоящихъ, изъ рукописи XI вѣка; историческія картины съ изображеніями императора Никифора Вотоніата, его супруги и придворныхъ — изъ рукописи, содержащей въ себѣ творенія Іоанна Златоуста XI вѣка; 17 листовъ съ рисунками на сюжеты Ветхаго и Новаго Завѣта изъ весьма знаменитой рукописи XII вѣка, заключающей въ себѣ письма Іакова монаха, и гдѣ между прочимъ находится также одно изъ древнѣйшихъ изображеній храма св. Софіи въ Константинополѣ; рисунокъ, представляющій Спасителя, благословляющаго съ небесъ императора Мануила-Палеолога съ его супругой и дѣтьми, изъ рукописи Діонисія Ареопагита, XV вѣка и т. д. Рисунки эти еще никогда и нигдѣ не были изданы, не смотря на чрезвычайную извѣстность, которою уже давно пользовались въ ученой Европѣ; во какъ они имѣютъ особенно-важное значеніе для Русской археологіи и исторіи Русскаго искусства, то графъ А. С. Уваровъ исходатайствовалъ въ Парижѣ дозволеніе снять съ нихъ фотографическіе снимки. Подлинные clichés или *негативы* (на бумагѣ) куплены княземъ Гр. Гр. Гагаринымъ, нынѣ вице-президентомъ академіи художествъ, для учрежденной подъ его надзоромъ, при этой академіи, школы христіанскаго искусства; снятые же до-сихъ-поръ съ этихъ clichés оттиски принадлежатъ: одинъ экземпляръ — Парижской публичной библіотекѣ, другой — графу Уварову, третій, упомянутый выше, — школѣ при Академіи художествъ, и, наконецъ, четвертый экземпляръ, отпечатанный уже въ Петербургѣ нарочно для Императорской публичной библіотеки,

(*) Въ числѣ рисунковъ этой рукописи находятся необыкновенно-интересныя изображенія *Распятія* и *Преображенія*, древнѣйшія, до-сихъ-поръ извѣстныя въ Византійскомъ искусствѣ.

по ея заказу, съ разрѣшенія князя Гагарина — этой библіотекѣ. Къ числу очень примѣчательныхъ, также Французскихъ фотографическихъ изданій, принадлежащихъ нынче публичной библіотекѣ, относятся снимки съ лучшихъ и драгоцѣннѣйшихъ гравюръ славныхъ мастеровъ, которыхъ полныя, удовлетворительныя коллекціи теперь уже почти невозможны для частнаго человѣка, и стоятъ по нѣскольку десятковъ тысячъ руб. Замѣняющіе ихъ (разумѣется *лишь до нѣкоторой степени*) фотографическія копіи являются великимъ благодѣяніемъ для тѣхъ, которые, любя страстно эту отрасль искусства, не имѣютъ возможности разсматривать подлинныя произведенія рѣзца великихъ мастеровъ. Такъ Шарль Бланъ издалъ снимки со 100 гравюръ Рембрандта (20 ливрезоновъ, 400 франковъ), Делессеръ—снимки съ 77 гравюръ *Маркантонія* (7 ливрезоновъ, 140 франковъ), братья Биссоны—снимки съ 104 гравюръ *Альберта Дюрера* (26 ливрезоновъ, 312 франковъ), и всѣ эти изданія отличаются превосходствомъ и вѣрностью, которыя дѣлаютъ ихъ необходимою принадлежностью каждой большой библіотеки нашего времени.—Между Нѣмецкими фотографическими изданіями мы имѣемъ превосходное Мюнхенское изданіе, подъ названіемъ: «Copies photographiques des plus rares gravures criblées, gravures, estampes en bois etc. du XV et du XVI siécle qui se trouvent dans la collection royale de Munich». Мюнхенская коллекція гравюръ — одна изъ лучшихъ въ Европѣ преимущественно по части гравюръ самыхъ древнихъ, большею частью неизвѣстныхъ мастеровъ. Отличный Мюнхенскій фотографъ Лёхереръ издалъ 50 превосходныхъ снимковъ (10 ливрезоновъ, 60 талеровъ) съ замѣчательнѣйшихъ изъ числа этихъ рѣдкостей, и снимки его тѣмъ болѣе должны считаться драгоцѣнными для насъ, что въ нѣкоторыхъ Русскихъ коллекціяхъ, хотя далеко неполныхъ, есть по-крайней-мѣрѣ по нѣскольку обращиковъ великихъ произведеній гравировальнаго искусства А. Дюрера, Маркантонія и Рембрандта, но вовсе нѣтъ еще произведеній древнихъ Италіянскихъ и Нѣмецкихъ мастеровъ, а потому должно предполагать, что наврядъ-ли и когда будутъ: вкусъ къ нимъ до-сихъ-поръ еще не дошелъ въ наше отечество, когда-же дойдетъ, то для пріобрѣтенія ихъ будетъ уже слишкомъ-поздо, такъ-что фотографіи останутся единственнымъ средствомъ для изученія у насъ этихъ, столь немногочисленныхъ произведеній. Другое важное Нѣмецкое фотографическое изданіе не совсѣмъ уже новое; оно началось еще въ 1855

году, но второй томъ его полученъ нами лишь недавно. Это: «Vorbilder für Handwerker und Fabrikanten aus der Sammlung des Minutolischen Instituts etc.» Наши читатели, конечно, слыхали о коллекціи стеклянныхъ, фарфоровыхъ, фаянсовыхъ и другихъ тому подобныхъ произведеній, собранныхъ извѣстнымъ Минутоли во время его путешествій по Европѣ и Востоку, и составившихъ удивительный музей ремесленнаго искусства древнихъ и новыхъ народовъ. Минутоли далъ своему музею назначеніе служить школою ремесленникамъ своего отечества, Пруссіи, въ которой они могли-бы возвысить и облагородить свой вкусъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ придать своимъ произведеніямъ ту красоту и художественность, въ недостаткѣ которой такъ часто упрекаютъ наше время. Не довольствуясь устройствомъ этого музея въ Лигницѣ,—городѣ, гдѣ особенно-сильно процвѣтаетъ ремесленная производительность, онъ задумалъ сдѣлать фотографическое изданіе, которое сохранило-бы навсегда, и неразрушимо, воспроизведеніе и, такъ сказать, перечисленіе лучшихъ пьесъ его собранія. Но ему удалось лишь начать это прекрасное предпріятіе: Минутоли умеръ, успѣвъ издать только первые томы своего собранія. Неизвѣстно, будетъ-ли оно продолжаться и послѣ его смерти; по-крайней-мѣрѣ то, что онъ самъ сдѣлалъ, отличается рѣдкою добросовѣстностію: изъ предисловія мы узнаемъ, что, прежде изданія въ свѣтъ, Минутоли посылалъ на судъ знаменитѣйшихъ Берлинскихъ ученыхъ, своихъ друзей: Ал. Гумбольдта, Куглера, Шорка, Ваагена, Беттихера, Ольферса и т. д. фотографическіе небольшіе снимки съ каждой вещи, которую намѣренъ былъ издать, и отпечатывалъ ее фотографически лишь въ случаѣ общаго одобренія. Каждый томъ, состоящій изъ 150 почти листовъ, стоилъ библіотекѣ по 200 талеровъ.—Публика Петербургская видѣла, въ началѣ нынѣшняго года, на выставкѣ, устроенной въ залахъ св. сѵнода, богатую коллекцію Русскихъ фотографій, снятыхъ г. Севастьяновымъ въ разныхъ Аѳонскихъ монастыряхъ, съ многочисленныхъ тамошнихъ древностей, остававшихся до-сихъ-поръ сокрытыми отъ ученаго и художественнаго міра. Одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ между этими снимками, а именно съ полнаго глаголическаго Евангелія (относимаго, приблизительно, къ XII вѣку), былъ поднесенъ производителемъ Государю Императору и, по Высочайшему повелѣнію, обращенъ въ Императорскую публичную библіотеку. Онъ открытъ теперь ученымъ изысканіямъ для опредѣленія особенности

какъ формы, такъ и содержанія этой рукописи, между-тѣмъ-какъ три встрѣчающіяся въ ней миніатюры Византійскаго стиля, весьма-характерныя, войдутъ въ число интереснѣйшихъ матеріаловъ къ будущей исторіи Русской миніатюрной живописи. Г. Севастьяновъ съ своей стороны лично принесъ библіотекѣ въ даръ нѣсколько снимковъ съ Византійскихъ миніатюръ, находящихся въ «Житіи святыхъ», XII вѣка, сохраняемомъ въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, и съ Русскаго серебрянаго переплета (по преданію XII-же вѣка, но, вѣроятно, болѣе поздняго), которымъ одѣта одна Русская рукопись, содержащая въ себѣ творенія Іоанна Купцника и сохранившаяся также на Аѳонѣ. Барельефъ переплета представляетъ Благовѣщеніе, съ надписью Кирилловскимъ шрифтомъ, вычеканенною весьма-выпукло по замысловатому фону. Наконецъ, въ числѣ новыхъ нашихъ фотографическихъ рѣдкостой, нельзя пропустить снимка съ знаменитой картины А. А. Иванова «Первое явленіе Іисуса Христа народу». Не задолго до кончины своей, въ началѣ лѣта 1858 года, А. А. Ивановъ самъ подарилъ библіотекѣ фотографію съ своей картины, подписавъ подъ нею свое имя съ мѣсяцомъ и числомъ. Но этотъ экземпляръ, подобно прочимъ оттискамъ съ негатива, дѣланнаго въ Римѣ передъ отъѣздомъ Иванова изъ Италіи въ Россію, не можетъ почесться вполнѣ-удовлетворительнымъ. Раньше упомянутаго негатива, сдѣланъ былъ въ Римѣ другой, съ котораго однакожь успѣли снять только 15 оттисковъ, послѣ чего лопнуло стекло. Въ началѣ нынѣшняго года одинъ изъ этихъ 15 оттисковъ, столько-же рѣдкихъ, сколько и прекрасныхъ, принесенъ библіотекѣ въ даръ М. П. Боткинымъ, который, въ кратковременное пребываніе Иванова въ Россіи, былъ однинъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей. Нашъ экземпляръ имѣетъ весьма-значительные размѣры: а именно, 15½ вершковъ длины и 10½ вершковъ вышины. *Гравюры*, пріобрѣтенныя публичною библіотекою въ послѣднее время, уступая значительно фотографіямъ въ количествѣ, не уступаютъ имъ въ рѣдкости, а тѣмъ менѣе въ художественномъ достоинствѣ и значеніи. Прежде всего укажемъ на три листа огромнаго формата, награвированные Анрикèль-Дюпономъ со стѣнной живописи Поля Делароша въ конференцъ-залѣ Парижской академіи художествъ,—живописи, извѣстной подъ именемъ «Hémicycle du Palais des Beaux-arts». То и другое принадлежитъ къ числу высшаго, что только создано Европейскимъ искусствомъ XIX столѣтія; въ немногіе годы съ своего

появленія въ свѣтъ, оба эти произведенія кисти и рѣзца заняли мѣсто между классическими созданіями художества и послужатъ будущимъ вѣкамъ лучшимъ доказательствомъ того, что художество въ наше время не такъ еще умерло, какъ увѣряютъ въ томъ столько живыхъ голосовъ и столько печатныхъ книгъ. Полукруглая стѣна Парижской академіи художествъ превратилась въ одну изъ драгоцѣннѣйшихъ страницъ художественной исторіи, на которой изображены въ одной непрерывной, далеко и широко-раскинувшейся группѣ, всѣ великіе художники новой Европы XIV, XV, XVI и XVII столѣтій. Эта картина — точно энциклопедія исторіи хутожества, и великіе художники этихъ четырехъ вѣковъ, снова вызванные къ жизни и имѣющіе посреди себя, въ самомъ центрѣ, сидящихъ на возвышенномъ тронѣ, точно трехъ Юпитеровъ, трехъ главныхъ представителей древняго искусства, въ первый разъ сошлись всѣ вмѣстѣ въ залѣ собраній и раздачи наградъ Французской академіи, для того, чтобы съ высокаго пьедестала своего присутствовать при сужденіи о произведеніяхъ своихъ потомковъ и наслѣдниковъ. По многообъемлемости композиціи, Дюпôнъ долженъ былъ раздѣлить гравюру свою на три листа огромнаго размѣра, что и доставило ему возможность придать фигурамъ оченьнемалую величину. Красота, сила и мягкость гравюры его стали въ уровень съ силою и могуществомъ композиціи, и можетъ-быть мы имѣемъ здѣсь *первый* (во всякомъ случаѣ, уже навѣрное чрезвычайно-рѣдкій) примѣръ такого удивительнаго художественнаго равновѣсія между живописцемъ-творцомъ и граверомъ-воспроизводителемъ его. Это равновѣсіе объясняется тожествомъ художественныхъ натуръ и самою искреннею дружбою Делароша и Дюпôна, которые вели свои двѣ работы одновременно, съ одного и того-же первоначальнаго картона Делароша, и мѣнялись совѣтами и неутомимыми замѣчаніями. При своихъ большихъ размѣрахъ, гравюры не могли стоить дешево. Но нашъ экземпляръ принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ épreuves d'artiste, т.-е. такихъ оттисковъ, которые отпечатаны съ преимущественнымъ тщаніемъ и выбраны авторомъ ихъ, какъ самые необыкновенные по своей полнѣйшей удовлетворительности; естественно, что онъ долженъ былъ стоить еще дороже. Epreuves d'artiste этой гравюры (чрезвычайно-малочисленные) продавались въ 1853 г., при выпускѣ ихъ въ свѣтъ, по 600 франковъ; ныньче, когда онѣ сдѣлались еще рѣже, немногіе остающіеся экземпляры будутъ продаваться (какъ

мы слышали изъ Парижа, по 1000 франковъ. Библіотека получила этотъ великолѣпный подарокъ отъ почетнаго члена своего, графа Н. Г. Кушелева-Безбородко. Другой подарокъ, также очень драгоцѣнный, есть полное собраніе отличныхъ произведеній Польскаго гравера Олещинскаго, который, воспитывавшись въ нашей академіи, теперь уже болѣе 30 лѣтъ живетъ и работаетъ въ Парижѣ. Этотъ художникъ принадлежитъ, безспорно, къ числу примѣчательнѣйшихъ нашего времени, но до-сихъ-поръ еще не пользуется, внѣ художественнаго собственно круга, тою извѣстностью, которой заслуживаетъ, и которая, безъ сомнѣнія, *будетъ* ему принадлежать. Изъ числа награвированныхъ имъ отличныхъ портретовъ знаменитыхъ Поляковъ стараго и новаго времени и сюжетовъ (малаго размѣра) изъ исторіи Польши, которые всѣ высоко уважаются знатоками, 58 пьесъ принесено нынѣ въ даръ библіотекѣ статскимъ совѣтникомъ Мясковскимъ, другомъ Олещинскаго; между ними особенно-примѣчательны портреты: графа Замойскаго, Коперника, Гашинскаго, Мининскаго и Леополиты и монументъ со статуею Мицкевича; сверхъ-того, три другія его гравюры и собственный его фотографическій портретъ подарены библіотекѣ знаменитою Польскою импровизатрисою Деотимою Лущевскою. Талантъ Олещинскаго весьма-разнообразенъ, и, чтобъ опредѣлить его физіономію, нѣкоторыя изъ его произведеній часто сравнивали съ гравюрами лучшихъ Французскихъ мастеровъ XVII-го вѣка, между-тѣмъ-какъ въ другихъ маленькихъ его сюжетахъ находили отблескъ таланта Рембрандта. Еще важное новое пріобрѣтеніе — собраніе оттисковъ, нарочно-сдѣланныхъ для библіотеки, по ея заказу, съ 294 досокъ, гравированныхъ Русскими граверами, состоявшими при академіи художествъ въ-теченіе XVIII и XIX вѣка, и хранящихся при той академіи. Здѣсь находятся работы 43 граверовъ собственно Русскихъ, и 5 иностранцевъ, жившихъ въ Россіи. Въ-особенности замѣчательны произведенія: Берсенева, Чемесова, Скородумова, Березникова, Чесскаго, Уткина, Галактіонова, Іордана, Пищалкина, Аѳанасьева и т. д. Коллекція эта, въ которой интересное мѣсто занимаютъ работы малоизвѣстныя, или произведенныя во время ученическихъ годовъ многихъ Русскихъ художниковъ, образуетъ важный матеріалъ при изученіи исторіи Русской гравюры. Рѣдкій подарокъ принесъ еще библіотекѣ почетный членъ ея, *М. П. Погодинъ.* Это – эстампы съ Французскихъ оригиналовъ, приложенныхъ при одномъ изъ изданій «Те-

лемака», награвированные молодыми Русскими граверами, которые учились своему искусству подъ смотрѣніемъ извѣстнаго гравера Вортманна, вызваннаго въ Россію при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, для устройства Русской гравюрной школы. Эти, очень-рѣдкіе ныньче эстампы, отмѣченные рукою извѣстнаго Штелина, члена нашей академіи того-же времени, принадлежатъ, какъ и предыдущіе, къ числу важныхъ матеріаловъ для исторіи нашей гравюры. Принесенъ также въ даръ библіотекѣ, отъ ея почетнаго корреспондента, *И. Н. Каратаева*, необыкновенно-рѣдкій грудной портретъ Петра Великаго. Онъ гравированъ Италіянскимъ художникомъ *Петромъ Павломъ Ландони*, котораго имени мы до-сихъ-поръ не встрѣчали ни въ одномъ лексиконѣ граверовъ, и представляетъ Петра Великаго, пожилыхъ уже лѣтъ, и *лысымъ*. Надпись подъ портретомъ слѣдующая: «Pierre-le-Grand voulant donner son portrait au Cardinal Ottoboni se soumit à faire tirer sa forme en plâtre sur son visage même. On fit de cette forme un buste en cire coloré et parlant Ce buste passa dans le fameux cabinet du Cardinal Silvio Valenti amateur et protecteur des beaux-arts. C'est avec la permission de Monseigneur le Nonce Valenti héritier des vertus de son oncle qu'on en donne ici au public une copie très-fidele» (*). Изъ Голикова извѣстно (томъ VIII, страница 454), что въ 1720 г. Петръ Великій былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ кардиналомъ Оттобони, отъ котораго даже получилъ въ подарокъ статую Аполлона, и потому можно предполагать, что около этого-же времени послалъ ему маску съ собственнаго лица. Объ этомъ любопытномъ обстоятельствѣ не сохранилось никакого другаго извѣстія, кромѣ нашей гравюры. Она теперь крайне-рѣдка и намъ не случилось слышать о другомъ экземплярѣ, кромѣ нашего. Нѣтъ надобности прибавлять, что Петръ Великій не былъ *лысъ*. Представилъ его лысымъ, безъ сомнѣнія, тотъ скульпторъ, который въ Италіи придѣлалъ къ маскѣ, присланной изъ Россіи, остальную часть головы, шею, грудь и плечи. Граверъ только повторилъ то, что̀ видѣлъ на восковомъ бюстѣ, теперь уже вѣроятно давно не существующемъ — или по-крайней-

(*) Петръ Великій, желая подарить свой портретъ кардиналу Оттобони, позволилъ снять съ лица своего гипсовую маску. Съ нея сдѣлали восковой бюстъ, раскрашенный и чрезвычайно-похожій. Этотъ бюстъ перешелъ въ коллекцію кардинала Сильвіо Валенти, любителя и покровителя изящныхъ искусствъ. Публикѣ представляется здѣсь очень-вѣрная съ него копія съ дозволенія нунція Валенти, наслѣдника добродѣтелей его дяди.

мѣрѣ до-сихъ-поръ совершенно неизвѣстномъ. Наконецъ, упомянемъ еще о двухъ миніатюрахъ, принесенныхъ библіотекѣ въ даръ совѣтникомъ нашей миссіи въ Константинополѣ, княземъ *А. Лобановымъ-Ростовскимъ*, который купилъ ихъ въ этомъ городѣ. Обѣ вырѣзаны, вѣроятно давно уже, изъ какой-либо Италіянской книги церковнаго пѣнія, и по стилю своему относятся къ Флорентинской школѣ живописи XIV вѣка. Одна изъ нихъ представляетъ *поклоненіе волхвовъ*, а другая *І. Христа во славѣ посреди разныхъ святыхъ*. Превосходство живописи и нѣкоторыя особенности рисунковъ наводятъ на мысль, что эти миніатюры могутъ быть произведеніемъ знаменитаго Флорентинскаго монаха-живописца «Донъ-Сильвестра», жившаго въ первой половинѣ XIV вѣка. Но произведенія его, рѣдкія и малочисленныя, о которыхъ многіе писали, хотя лишь немногіе ихъ видѣли, находятся въ настоящее время только въ Лондонѣ; почему на-дняхъ фотографическіе снимки съ нашихъ миніатюръ посылаются какъ въ этотъ городъ для сличенія, такъ и къ знаменитому Ваагену (директору Берлинскаго музея), который специально посвятилъ себя изученію миніатюрной живописи, и приготовляетъ въ настоящее время обширное сочиненіе объ этомъ предметѣ. О результатѣ розысканій о двухъ нашихъ миніатюрахъ въ свое время сообщится во всеобщее извѣстіе».

Въ память Александра фонъ-Гумбольдта. — Въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія Императорской академіи наукъ 13 мая (*), ординарный академикъ *Беръ* слѣдующими словами почтилъ память Александра фонъ-Гумбольдта: «Приглашаю васъ, господа, привстать, чтобы почтить воспоминаніемъ почившаго нынѣ старѣйшаго и, безспорно, величайшаго естествоиспытателя новѣйшихъ временъ. Не только современники признавали его корифеемъ: то-же сдѣлаетъ и отдаленнѣйшее потомство. Если спросимъ, въ-самомъ-дѣлѣ, какіе люди заслуживаютъ наименованіе великихъ, то, конечно, тѣ, которые оставили по себѣ глубокій и продолжительный слѣдъ: отвѣтъ едва-ли можетъ быть инаковъ. Тѣхъ государей искони называли великими, дѣятельность которыхъ надолго оставалась плодотворною; это мѣрило одинаково примѣнимо и въ другихъ кругахъ дѣятельности. А по этому мѣрилу величіе Гумбольдта съ те-

(*) Въ первомъ засѣданіи по полученіи извѣстія о кончинѣ Гумбольдта.

ченіемъ времени все ярче будетъ выступать предъ глазами потомства, потому-что истинное величіе, въ умственномъ мірѣ, какъ и въ физической природѣ, не теряетъ отъ разстоянія, а только выигрываетъ. Каждая тропинка, по которой проходилъ онъ, скоро становилась широкою дорогой научнаго изслѣдованія, потому-что каждую онъ направлялъ туда, откуда должно было ожидать свѣта. Его разсужденіе объ изотермахъ, заброшенное въ журналъ, до-тѣхъ-поръ мало извѣстный, сдѣлалось зародышемъ всѣхъ новѣйшихъ, обширныхъ и основательныхъ изысканій о метеорологіи. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія точныя метеорологическія наблюденія обыкновенно считались, даже истинно-учеными людими, за невинное, но вмѣстѣ и безполезное занятіе: теперь весь шаръ земной опоясанъ сѣтью метеорологическихъ станцій. Эта сѣть есть твореніе Гумбольдта, и, можетъ быть, недалеко то время, когда способность странъ производить полезныя растенія будутъ опредѣлять термометромъ и гигрометромъ, ибо произрастаніе есть процессъ химико-физическій. Почти столь-же обильны были послѣдствіями въ-теченіе полустолѣтія Гумбольдтовы: «Идеи о географіи растеній». Точно также есть цѣлые потоки ученаго изслѣдованія, которыми продолжается вліяніе покойнаго, и многіе слѣдуютъ потоку, не вспоминая о томъ, кто первый открылъ шлюзы. Нынѣ самые недальновидные умы понимаютъ, что исторію народа составляютъ не именные списки его властителей, не число выигранныхъ или проигранныхъ сраженій, а духъ народовъ въ-связи съ окружающей ихъ природой; но и теперь, быть можетъ, лишь немногіе сознаютъ, что живое изображеніе вліянія внѣшней природы на жизнь народовъ, изложенное въ «Картинахъ природы», много содѣйствовало тому, что изъ сухихъ лѣтописныхъ сказаній возникла исторія развитія человѣческихъ обществъ. Послѣ того, какъ Гумбольдтъ въ цвѣтѣ лѣтъ, съ свѣжими силами молодости, съ богатымъ запасомъ познаній и еще съ большимъ даромъ проницательности, изъ конца въ конецъ прошелъ по обширнымъ Испанскимъ владѣніямъ Америки, которыя считались досихъ-поръ умышленно-замкнутыми для иностранцевъ; послѣ того, какъ онъ со всѣхъ сторонъ изобразилъ эти страны въ-отношеніи къ природѣ и человѣку въ своихъ сочиненіяхъ, снискавшихъ уваженіе даже въ высшихъ слояхъ общества, ни одно изъ Европейскихъ правительствъ не держится болѣе той мысли, что ученое изслѣдованіе страны противно интересамъ государственнымъ. Съ-

тѣхъ-поръ этотъ взглядъ предоставленъ лишь Татарскимъ и Китайскимъ государствамъ Азіи. Въ исторіи ученыхъ путешествій, вслѣдствіе странствованій Гумбольдта, явилось два стремленія: вопервыхъ, рядъ многостороннихъ наблюденій, иногда даже выходившихъ за предѣлы ихъ назначенія, и, во-вторыхъ, сильное стремленіе путешественниковъ въ Америку, тогда-какъ до-тѣхъ-поръ они были направлены по-преимуществу на новѣйшую часть свѣта. Въ Америку влекло путешественниковъ частію величественное изображеніе грандіозной природы у Гумбольдта и желаніе испытать ея впечатлѣнія на себѣ самихъ, частію желаніе изслѣдовать на югѣ и сѣверѣ страны, непосѣщенныя знаменитымъ путешественникомъ. Теперь Америка, послѣ Европы, наиболѣе извѣстная часть свѣта и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже извѣстнѣе Европы. Если мы нынѣ гораздо опредѣлительнѣе представляемъ себѣ Азію, по-крайней-мѣрѣ ея западную половину, не Гумбольдту-ли особенно мы тѣмъ обязаны? И кромѣ большихъ путешествій, совершенныхъ имъ самимъ, сколько другихъ, по всѣмъ частямъ свѣта, состоялось только благодаря его участію? Всѣ помнятъ великія экспедиціи въ область Нила и въ центральную Азію; но исчислить всѣ путешествія, осуществленныя при содѣйствіи Гумбольдта, не легко даже будущему его географу. Расширимъ-ли мы взглядъ еще больше, и тамъ увидимъ, что Гумбольдтъ поощрялъ всякое ученое стремленіе, какъ едва-ли кто другой. Онъ былъ отцомъ всѣхъ посвящавшихъ себя наукѣ, и въ нашемъ кругу, конечно, есть люди, которые чувствуютъ себя ему обязанными. Высоко ставилъ Гумбольдтъ всякое серьезное стремленіе въ пользу науки. Какъ-бы ни казалось оно, по мнѣнію другихъ, мелочныхъ и одностороннимъ, ему, привыкшему обозрѣвать совокупность вещей въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, было ясно, что всякое изслѣдованіе ведетъ къ истинѣ. Исканіе истины признавалъ онъ за самое высшее *преимущество* человѣка и вмѣстѣ за высшую его *задачу*. Какъ высоко цѣнилъ онъ науку, такъ онъ чувствовалъ потребность высоко ставить и назначеніе человѣка. Это, можетъ быть, не столько результатъ изслѣдованія, сколько внушеніе высокаго прозрѣнія, которое можно назвать *вѣщимъ* (*). Еслибы отъ насъ потребовали

(*) Такъ, по собственнымъ словамъ его, ему не хотѣлось думать, что нѣкоторыя племена человѣческаго рода, по своей организаціи, меньше другихъ способны къ полному развитію.

изображенія его въ краткихъ чертахъ, мы сказали-бы, что онъ многостороненъ и точенъ, какъ наблюдатель, глубокъ и дальновиденъ, какъ мыслитель, и возвышенъ въ своихъ прозрѣніяхъ. Все ученое его поприще дѣйствительно представляется стремленіемъ къ великому и высокому. Двадцатилѣтнимъ (*) юношей онъ началъ свою жизнь для науки изслѣдованіемъ базальта и перешелъ къ первымъ слабымъ слѣдамъ органической растительности, въ темныхъ Фрейцбургскихъ шахтахъ; въ зрѣломъ мужествѣ онъ обогатилъ содержаніемъ и часто новымъ направленіемъ физику, химію, географію, ботанику, зоологію, физіологію и исторію человечества; 90-лѣтнимъ старцемъ, онъ закончилъ свое поприще изображеніемъ мірозданія съ его небесными свѣтилами. Такъ невѣдомая сила, называемая нами судьбою, поставила его въ благопріятное общественное положеніе, въ средоточіе Нѣмецкой науки, надѣлила обильнѣйшими дарами ума и сердца и для употребленія ихъ даровала ему долговѣчную жизнь. Прекраснѣйшее развитіе всѣхъ этихъ даровъ въ-теченіе долгой жизни — вотъ его заслуга! Но всѣ плоды, какіе только принесли эти дарованія и его труды, онъ всегда считалъ достояніемъ всего человѣчества, а не своею личною собственностью: потому-то изъ всѣхъ родовъ литературной дѣятельности полемика была такимъ поприщемъ, на которое ему противно было выступать. Чистъ, безъ малѣйшаго пятна, переходитъ въ потомство его образъ. Дѣло потомства понять и воспроизвесть этотъ образъ во всемъ его величіи. А эти немногія слова мы позволили себѣ сказать во всеуслышаніе лишь для того, чтобы дать выраженіе тѣмъ чувствамъ, съ какими были приняты учеными всѣхъ странъ извѣстія о его болѣзни и кончинѣ».

Актъ выпуска студентовъ главнаго педагогическаго института.—12 іюня, въ главномъ педагогическомъ институтѣ, происходилъ актъ выпуска студентовъ, окончившихъ полный курсъ наукъ. Послѣ божественной литургіи съ благодарственнымъ молебствіемъ, актъ совершенъ въ конференцзалѣ института, въ присутствіи г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, тайн. сов. Н. А. *Муханова*, члена главнаго правленія училищъ П. И. *Гаевскаго*, г. попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа и управлявшаго главнымъ педагогическимъ институтомъ

(*) Собственно, двадцати одного года.

И. Д. *Делянова*, г. директора департамента народнаго просвѣщенія Н. Р. *Ребиндера*. Ученый секретарь, адъюнктъ А. *Смирновъ* прочелъ «Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій главнаго педагогическаго института съ 1828 по 1859 годъ», прослѣдивъ при семъ всѣ важнѣйшія перемѣны, которымъ подвергалось заведеніе во время своего существованія, подъ управленіемъ двухъ директоровъ онаго: Ѳ. И. Миддендорфа (съ 1828 по 1847 г.) и И. И. Давыдова (съ 1847 по 1859 г.). Затѣмъ, на основаніи § 76 устава института, провозглашены имена окончившихъ курсъ студентовъ и удостоенныхъ званія старшихъ и младшихъ учителей гимназій. Изъ двадцати студентовъ, окончившихъ курсъ, шестнадцать удостоены званія старшихъ учителей гимназій, и четыре младшихъ учителей. Отличнѣйшіе изъ перваго разряда удостоены наградъ: золотыми медалями — *Пустонскій*, *Воскресенскій* и *Фрязиновскій*, серебряными — *Желомскій*, *Преображенскій*, *Веселовскій*, *Грѣшищевъ* и *Остоумовъ*. Г. управлявшій министерствомъ удостоилъ раздать студентамъ медали и почтилъ ихъ начальническимъ напутствіемъ, поощряя молодыхъ людей къ дальнѣйшимъ трудамъ, и обнадеживая внимательностью высшаго начальства къ ихъ посильнымъ успѣхамъ на ожидающемъ ихъ важномъ педагогическомъ поприщѣ.

РѢЧЬ ОБЪ УЧАСТІИ РОДИТЕЛЕЙ ВЪ ДѢЛѢ ОБЩЕСТВЕННАГО ОБРАЗОВАНІЯ ДѢТЕЙ ИХЪ (*). — Милостивые государи и государыни. Присутствіе ваше здѣсь, на мѣстѣ образованія дѣтей вашихъ или близкихъ къ вамъ, доставляетъ мнѣ удобный случай сказать нѣсколько словъ о томъ участіи, какое мы можемъ и должны видѣть со стороны вашей въ общемъ дѣлѣ воспитанія. Рѣчь моя особенно будетъ относиться къ тѣмъ изъ васъ, милостивые государи, которыхъ дѣти состоятъ въ гимназіи приходящими учениками, и слѣдовательно большую часть дня проводятъ дома, подъ надзоромъ своихъ родителей. Вотъ объ этомъ-то надзорѣ, въ которомъ мы уже не участвуемъ (но о которомъ, однакожь, можемъ имѣть понятіе по дѣтямъ), о надзорѣ, который долженъ служить вѣрнымъ помощникомъ нашимъ въ дѣлѣ умственнаго развитія и преуспѣянія и полнымъ

(*) Произнесена на публичномъ актѣ (18 іюня) третьей С. Петербургской гимназіи младшимъ учителемъ А. *Антоновымъ*.

распорядителемъ въ высокомъ трудѣ нравственнаго образованія; неразрывно-связаннаго съ умственнымъ, я и обращусь къ вамъ со словомъ, имѣя въ виду только искренне желаніе — да примите вы должное, неотъемлемое ваше участіе въ трудѣ, отъ котораго вамъ нѣтъ возможности отказаться, да и грѣшно-бы было. Никакая дѣятельность такъ тѣсно не связываетъ человѣка съ обществомъ, какъ дѣятельность педагогическая. Никто не обремененъ такимъ тяжелымъ числомъ отвѣтомъ передъ обществомъ, какъ педагогъ. Иначе и быть не можетъ. Его знаніямъ, его умѣнью пріохотить къ наукѣ, приготовить сердце къ воспріятію всего высокаго и прекраснаго, ввѣряетъ общество своихъ будущихъ членовъ; отъ него, значитъ, вполнѣ зависитъ—или пробудить къ дѣятельности неразвитаго, затеряннаго ученика, или въ способномъ не взростить того, что уже начало давать отростки. Такъ оно, пожалуй, и могло-бы быть, еслибы школа могла сдѣлаться фабрикой, гдѣ къ извѣстному времени и въ совершенствѣ приготовляютъ ту или другую вещь; но не то она на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ, мм. гг., мы принимаемъ отъ васъ дитя ваше, взрощенное и развитое вами, лѣнивое или прилежное, капризное или кроткое, злобное или доброе— по вашимъ начинаніямъ: и такъ, не откажитесь-же принять участіе въ томъ, что̀ начали, что̀ вамъ-же придется окончить, съ чѣмъ вамъ не придется бороться; не произносите, отдавши свое дѣтище въ школу, фразы: «тамъ его исправятъ, тамъ не дадутъ потачки!» не заключайте своего дѣла словомъ: «пристроилъ!» и Бога ради, не складывайте рукъ. Мы просимъ вашего участія для васъ самихъ, для дѣтей вашихъ и потомъ уже, для вящаго успѣха, и для самихъ себя. Да что̀-же, развѣ ужь нѣтъ никакого участія со стороны нашей въ дѣлѣ образованія дѣтей нашихъ? спросите вы. Есть, мм. гг., но не совсѣмъ то, какого мы вправѣ ожидать отъ васъ. Не забудьте только того, что если общество всегда готово поставить насъ въ отвѣтственное положеніе передъ нимъ, то и вы, составляющіе это общество, какъ отцы и матери, какъ родные, за отвѣтомъ нашимъ, ставите и себя въ отвѣтственное положеніе, не относительно формы или кажущейся, внѣшней неисправности только, а относительно благаго преуспѣянія дѣтей вашихъ въ знаніяхъ и движеніяхъ по пути нравственности. Вопросъ объ участіи вашемъ въ дѣлѣ общественнаго образованія не есть вопросъ случайный, поднятый мною по праву говорящаго и произвольно избирающаго себѣ предметъ разговора; нѣтъ, онъ есть скорѣе отвѣтъ

на частые вопросы ваши: «отчего мой сынъ не идетъ, почему его не привели, за что его наказали?» Вы спрашиваете часто, позвольте-же попросить васъ и отвѣтъ держать, насколько вы, проникнутые любовію къ дѣтищу своему, принимаете настоящаго участія въ дѣлѣ воспитанія и образованія. Вотъ тѣ немногіе факты, по которымъ можно сказать, что есть ваше участіе въ дѣлѣ воспитанія дѣтей вашихъ. Первая встрѣча наша съ вами была тогда, когда вы, съ полнымъ желаніемъ образовать дѣтей своихъ, переступили порогъ гимназіи. Мы видѣли тогда горячее участіе ваше въ дѣлѣ образованія съ той стороны, чтобы и ваши дѣти учились, чтобы и они раздѣлили со-временемъ плоды просвѣщенія. Видѣли мы искреннее желаніе ваше, чтобы дѣти поступили въ гимназію, видѣли мы, какъ вы старались помочь имъ въ отвѣтахъ на пріемномъ экзаменѣ, и гимназія сдѣлала для васъ все, насколько могла: она приняла желавшихъ сѣсть на скамьяхъ ея, насколько позволило мѣсто. Вотъ ваше первое участіе — и вотъ отвѣтъ на него гимназіи. Затѣмъ, уже спокойные опредѣленіемъ дѣтей вашихъ въ гимназію, и сложивъ всякую отвѣтственность на гимназію, вы являлись, сначали часто, а потомъ и порѣже, узнать: какъ идутъ наши дѣти? И радовался отецъ или мать, когда давали благопріятный отвѣтъ, что ученикъ во всѣхъ отношеніяхъ идетъ хорошо; и радовались они справедливо, благодарили гимназію; но не скрыли отъ нея того благороднаго сознанія, что вѣдь и мы принимаемъ тутъ участіе, что и мы слѣдимъ за развитіемъ нашего сына, что домъ нашъ есть безукоризненно-приготовленное поле, на которомъ взростетъ все, посѣянное вами. Русское спасибо сказала имъ гимназія и рѣшила, что дѣти такихъ родителей добросовѣстно окончатъ курсъ свой, и вполнѣ признала участіе родителей въ благомъ дѣлѣ образованія. Въ то-же время гимназія осмотрѣлась и, по дѣтямъ, опять рѣшила: такихъ родителей немного. И смущался отецъ или мать, когда давали имъ неблагопріяттый отвѣтъ, что ученикъ во всѣхъ отношеніяхъ идетъ плохо, и негодовали и горячились они несправедливо, и напрасно винили гимназію, забывъ то, что мало приняли участія въ образованіи сына, что отдали дитя, какъ на фабрику, гдѣ должны изготовить къ сроку, что явились въ гимназію съ рѣшительнымъ вопросомъ, какъ въ мѣсто казенное, не приготовивъ отвѣта,—отвѣта родителя, долженствующаго принять ближайшее участіе въ дѣлѣ образованія своего дѣтища, какъ существа, ими поднятаго на ноги, ими взрощеннаго, ими-же

и двигнутаго къ дальнѣйшему образованію, ими-же ежедневно встрѣчаемаго дома, ими сохраняемаго отъ уроковъ подъ предлогомъ болѣзни или домашнихъ обстоятельствъ, ими-же защищаемаго, наконецъ, отъ справедливыхъ наказаній гимназіи. Осмотрѣлась гимназія и нашла такихъ, если немного, то и немало. Вотъ ваше второе участіе, милостивые государи. Гимназія, какъ учрежденіе правительства, получаетъ отъ этого правительства и власть надъ учащимися въ ней; власть эту раздѣляютъ директоръ гимназіи и педагогическій совѣтъ, состоящій изъ преподавателей. Въ силу этой власти, директоръ, купно съ педагогическимъ совѣтомъ, наказываетъ непокорныхъ, дерзкихъ, нерадивыхъ учениковъ, под готовленныхъ такими очень часто уже дома. И вотъ вслѣдствіе уже исполнившагося наказанія, или еще только долженствующаго исполниться, являетесь вы; одни—обиженные, оскорбленные, напоминающіе свои права и свое достоинство, даже съ угрозами жаловаться высшему начальству; другіе тихо, кротко благодарящіе за вниманіе, совершенно соглашающіеся съ непреложностію грядущаго наказанія дѣтей ихъ, какъ мѣры исправительной, ведущей къ возможному благу; понимающіе, что директоръ есть лице въ высшей степени довѣренное, и довѣренное отъ самаго правительства; что совѣтъ, посвятившій себя исключительно труду педагогическому, конечно, всегда станетъ выше мнѣнія одного лица. И къ счастію гимназіи — число послѣднихъ гораздо болѣе превышаетъ число первыхъ, къ которымъ нужно отнести тѣхъ особъ, которыя никакъ не хотятъ понять, что и у заслуженнаго отца можетъ быть сынъ—плохой ученикъ. Такого рода вмѣшательства составляютъ третье участіе ваше, милостивые государи. Наконецъ четвертое и послѣднее участіе ваше въ учебномъ году—теперь здѣсь, въ залѣ гимназіи Вы пришли узнать конечный результатъ: перешелъ или не перешелъ, худъ или хорошъ? На это послѣднее участіе ваше гимназія опять вамъ отвѣтитъ сейчасъ съ полною готовностію. И такъ, милостивые государи, въ четырехъ случаяхъ видимъ мы ваше участіе: въ опредѣленіи дитяти въ гимназію, въ справкѣ о его занятіяхъ, въ рѣшеніи вопроса: наказать или нѣтъ, и наконецъ, въ послѣднемъ вопросѣ: быть въ слѣдующемъ классѣ или не быть. И довольно, кажется, или нѣтъ? Нѣтъ, милостивые государи, не такое участіе можно назвать истиннымъ участіемъ. Это только внѣшность, взглядъ, справки. Нѣтъ, при опредѣленіи дитя въ гимназію, приготовьте его настолько, чтобы онъ пони-

малъ, куда его ведутъ, чтобы и слабѣйшій трудъ въ его понятіяхъ не былъ наказаніемъ, чтобы онъ не слышалъ отъ васъ грозныхъ словъ: «а вотъ погоди-ка: отдамъ въ гимназію, такъ тебя вышколятъ тамъ!» чтобы въ васъ онъ всегда видѣлъ самыхъ близкихъ себѣ помощниковъ. Справляясь о занятіяхъ вашихъ дѣтей, не говорите только: «странно, отчего онъ нейдетъ!» а поищите лучше средствъ исправить его; вѣдь онъ у васъ большую часть дня, вѣдь съ вашего позволенія онъ и ступаетъ, отъ васъ онъ идетъ или лучше нейдетъ въ гимназію, вѣдь въ вашихъ рукахъ для него и доброе и злое. Вмѣсто неудовольствій на наказанія, на худыя отмѣтки, положитесь лучше на отвѣты и приговоры гимназіи; вѣдь директоръ гимназіи, пока дѣти ваши въ ней, замѣняетъ имъ васъ, да и замѣняетъ еще какъ лице, избранное правительствомъ: положитесь-же на него и не сѣтуйте. Вѣдь преподаватели тоже лица не пришлыя, а избранныя правительствомъ; вѣдь они отдаютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и, право, желаютъ добра вашимъ дѣтямъ — не корите-же ихъ. Но помогайте намъ и словомъ и дѣломъ, въ то время, когда дѣти при васъ — дома; или хоть, по-крайней-мѣрѣ, сохраните въ нихъ то, что они услышали отъ насъ. Теперь предстоитъ около двухъ мѣсяцевъ свободнаго времени; къ вамъ идутъ они; вы отвѣтчики: и покажите-же тутъ ваше участіе. Расшевелите-же того, который дремалъ цѣлые годъ, пробудите къ труду того, который, при первыхъ дняхъ отдыха, готовъ забыть его; пріохотьте исподволь, въ это совершенно-свободное время, не обязывающее опредѣленнымъ срокомъ, къ занятіямъ того, который не чувствовалъ къ нимъ никакой охоты. Бѣда, если слово «каникулы» будетъ принято за полную гулянку и окончательно укоренитъ ученика въ праздности. Вѣдь мы его тогда, право, встрѣтимъ гораздо худшимъ, нежели отпускаемъ теперь, каковъ онъ есть. Блюдите-же за посѣянными сѣменами: да не подавитъ ихъ терніе; въ этомъ признаемъ мы ваше истинное участіе. Вы остаетесь полными хозяевами въ дѣлѣ доброй нравственности: направляйте сердца дѣтей вашихъ на путь правый, на путь всего добраго и прекраснаго. Тогда и умъ, опираясь на строгія правила нравственности, не будетъ только умствовать и заноситься безъ толку и цѣли, на погибель самому себѣ, а пойдетъ по прямому пути, конечная цѣль котораго есть всегда истина и благо, — тогда, съ теплою надеждою на Провидѣніе, мы скажемъ вмѣстѣ, что сѣмя пало на добрую землю, и выросши — принесетъ обильный плодъ.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО КЪ ВОСПИТАННИКАМЪ, ОКОНЧИВШИХЪ КУРСЪ УЧЕНІЯ (*). — Васъ соединило въ настоящее собраніе вниманіе къ заведенію и любовь къ воспитывающимся въ немъ юношамъ, празднующимъ сегодня свершеніе посильныхъ подвиговъ. Вниманіе и любовь къ воспитывающемуся поколѣнію, какъ основаніе въ дѣлѣ воспитанія, украшаетъ и возвышаетъ всякое педагогическое торжество. Выразивъ предъ вами искреннюю признательность совѣта заведенія за ваше посѣщеніе, я воспользуюсь послѣдними минутами настоящаго торжества, чтобы высказать нѣсколько словъ въ прощальный привѣтъ молодымъ людямъ, которые сегодня оставляютъ наше заведеніе. Друзья! Изъ уваженія къ наукѣ, дорожившіе вашей будущностію указали вамъ путь въ наше заведеніе. Развить уваженіе и любовь къ наукѣ составляло одно изъ главныхъ стремленій вашихъ наставниковъ. Не угасите-же, но утверждайте и развивайте во всю жизнь это уваженіе и любовь къ наукѣ,—вотъ вамъ завѣщаніе наше при прощаньи. Едва-ли кто выскажетъ теперь неуваженіе къ наукѣ; могущественное, благодѣтельное вліяніе ея въ жизни заставляетъ преклоняться предъ нею всѣхъ; но истинныхъ, безкорыстныхъ почитателей ея мало. Смѣшивая положительное разработываніе науки съ извлеченіемъ вещественныхъ выгодъ изъ истинъ, раскрываемыхъ наукой, нѣкоторые возвышаютъ голосъ, чтобы клеймить безполезностію разныя отрасли вѣдѣнія, гдѣ не осязательны для нихъ выгоды, и такимъ взглядомъ низводятъ науку въ степень ремесла. Прямое назначеніе науки удовлетворить пытливую мысль человѣка. Онъ стремится обнять своею мыслію все существующее. Строгимъ изслѣдованіемъ всѣхъ явленій онъ старается привести въ сознаніе законы, управляющіе міромъ. Каждая отрасль знаній раскрываетъ какую-либо сторону этой общей задачи, отсюда тѣсная связь всѣхъ знаній, всѣхъ наукъ, соединяющая ихъ въ одно цѣлое. La science est une comme la nature, сказалъ одинъ глубокій мыслитель. Каждый значительный шагъ на пути къ этому сознанію стоитъ значительныхъ трудовъ и пожертвованій, которыя можетъ выносить только безкорыстная любовь къ истинѣ, развиваемая и укрѣпляемая изученіемъ любимаго предмета, проникаетъ все существо человѣка и отражается во всей его нравственной дѣ-

(*) Произнесено на публичномъ актѣ третьей С. Петербургской гимназіи младшимъ учителемъ К. *Кедровымъ*.

ятельности. Трудолюбіе, твердость, систематическое преслѣдованіе разумной цѣли, самообладаніе, осторожность въ заключеніяхъ, правдивость, стремленіе къ возвышенному, къ прекрасному—вотъ свойства, отличающія человѣка, проникнутаго любовію къ истинѣ. Она зажигаетъ въ душѣ благотворный огонь, сожигающій ложь и коварство и всякую скверну, зараждающуюся во нравственной тьмѣ. Въ этой-то тѣсной связи любви къ наукѣ съ нравственною стороной человѣка и заключается благодѣтельная сила науки, возвышающая и облагороживающая человѣка. Итакъ, избравъ ту или другую отрасль знаній для дальнѣйшаго совершенствованія, руководствуясь индивидуальнымъ расположеніемъ къ тому или другому роду занятій, а не соображеніемъ выгодъ (въ чемъ такъ легко ошибиться), проникайтеся бескорыстною любовію къ истинѣ такъ, чтобы она отражалась во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ. Она предохранитъ васъ отъ увлеченій молодости, отъ гнетущей пустоты и резонерства, украситъ васъ многими достоинствами и жизнь ваша не останется безъ благодѣтельнаго вліянія въ той средѣ, гдѣ вы будете призваны дѣйствовать. Вліяніе живаго образца — неотразимо.

Публичное защищеніе г. Никольскимъ диссертаціи на степень магистра.— 29 мая, въ публичномъ засѣданіи юридическаго факультета Императорскаго Московскаго университета, исправляющій должность адъюнкта *Никольскій* защищалъ диссертацію: «О началахъ наслѣдованія въ древнемъ Русскомъ правѣ», написанную имъ для полученія степени магистра гражданскаго права. Въ диспутѣ принимали участіе оффиціальные оппоненты В. Н. *Лешковъ* и С. Н. *Орнатскій*, и сверхъ-того О. М. *Бодянскій*. Диспутъ заключился замѣчаніями г. декана юридическаго факультета С. И. *Баршева*, изложившаго мнѣніе факультета объ удовлетворительности сочиненія диспутанта для полученія искомой имъ ученой степени. Г. деканъ присоединилъ къ этому мнѣнію факультета свое собственное, что сочиненіе г. Никольскаго не только удовлетворяетъ требованіямъ магистерской диссертаціи, но и далеко превышаетъ ихъ, ибо содержитъ въ себѣ не только самое отчетливое фактическое и критическое изложеніе предмета, но и носитъ на себѣ печать самобытности. Ставъ въ своемъ изслѣдованіи на ту точку, на которой остановилась современная историческая наука, г. Никольскій не принялъ на вѣру добытыхъ ею результатовъ, но

подвергнулъ ихъ строгой оцѣнкѣ, и гдѣ они не казались ему удовлетворительными, чужое замѣнилъ своимъ.

Вотъ положенія диссертаціи г. Никольскаго:

I. Исторія Славянъ открывается бытомъ племенно-родовымъ.

II. Первобытные роды (γένος, gens, Sippe, Sippschaft и т. д.) суть тѣ родственные, образовавшіеся нарожденіемъ союзы людей, съ которыхъ всегда и вездѣ зачинается народная жизнь. Каждый родовой союзъ составляетъ органическое цѣлое, скрѣпленное кровію, сознаніемъ общаго всѣхъ членовъ происхожденія, одинакостію семейныхъ вѣрованій, преданій, обычаевъ и наконецъ общею мѣстностію. Родственныя чувства даютъ въ немъ извѣстное положеніе каждому члену и опредѣляютъ объемъ его правъ и обязанностей.

III. При такомъ сознаніи и устройствѣ домашняго быта Славянъ не могло быть и дѣйствительно не было понятія о частной собственности: личное единство рода переносилось въ полной силѣ на имущество и дѣлало его общимъ родовымъ достояніемъ, подъ управленіемъ старшаго изъ родичей, главы рода, родоначальника, владыки.

IV.Естественнно, что пока существовалъ у Славянъ подобный порядокъ вещей, до-тѣхъ-поръ не могло возникнуть вопроса о наслѣдствѣ: ибо общность имущества исключаетъ собою понятіе наслѣдственности.

V. Хотя недовольство восточныхъ Славянъ племенно-родовымъ бытомъ, какъ формою общественной жизни, окончательно выразилось въ призваніи Варяго-Русскихъ князей для управленія, суда и расправы, тѣмъ не менѣе родовыя понятія и устройство въ домашней жизни продолжали существовать до временъ Русской Правды.

VI. Первоначальное соединеніе Славянъ и Варяговъ было чисто-механическое, внѣшнее: и тѣ, и другіе остались на первыхъ порахъ при своихъ обычаяхъ, нравахъ и вѣрованіяхъ. Поэтому вовремена ближайшія къ призванію нельзя переносить извѣстій объ одномъ изъ этихъ двухъ народностей на другую. Свидѣтельства Арабскихъ писателей, договоры Олега и Игоря съ Греками, на основаніи коихъ нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей дѣлаютъ обширныя заключенія о наслѣдствѣ въ это время у Славянъ по закону и завѣщанію, относятся не къ Славянамъ, а къ Варягамъ, Скандинавамъ, которые, какъ народъ совершенно иной національности, имѣли иныя понятія о семейномъ бытѣ и наслѣдствѣ.

VII. Сліяніе Славянъ и Варяговъ дѣлается замѣтнымъ съ Святослава, т.-е. со-временъ прочнаго, постояннаго водворенія Варяжскихъ князей въ Кіевѣ. Съ этого времени Варяги теряютъ мало-по-малу свою національность и усвоиваютъ себѣ туземныя, Славянскія понятія. Варяжскіе конунги принимаютъ характеръ князей нарядниковъ, призвавшіе ихъ обращаются въ подданныхъ, а дружинники изъ наемниковъ дѣлаются слугами. Варяги, какъ національность, исчезаютъ между Славянами, не произведя никакого вліянія на домашній бытъ Славянъ; но какъ элементъ, изъ котораго образовалось общее для Славянскихъ племенъ правительство и высшее, служебное сословіе, они занесли къ Славянамъ нѣкорыя особенности, которыя отразились и на наслѣдственномъ правѣ.

VIII. Въ періодъ времени отъ призванія Варяжскихъ князей до Русской Правды совершилось постепенное разложеніе древне-родоваго быта: первобытный родъ, раздробившись на свои составныя части, на родство, родню — домъ, дымъ, превратился въ патріархальную общину, а земля, имъ занятая,—въ землю общинную.

IX. Подъ вліяніемъ Византійскихъ понятій о семейномъ бытѣ и при измѣнившихся условіяхъ общественной жизни, семейство во-времена Правды получило возможность выдѣляться изъ родства и жить самостоятельно. Отсюда новый порядокъ въ преемственности родственныхъ правъ и обязанностей, образованіе частной движимой собственности и первое появленіе наслѣдства.

X. Постановленія Русской Правды относятся только къ движимымъ имуществамъ.

XI. Русская Правда говоритъ только о наслѣдованіи по закону; наслѣдованіе-же по завѣщанію еще не появилось въ это время.

XII. Порядокъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ нашемъ правѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Умершему наслѣдуютъ прежде всего его нисходящіе; дѣти внуки и т. д. При этомъ женскій полъ вовсе устраняется мужескимъ отъ наслѣдства. Сестра при братѣ не вотчинница, она получаетъ только приданое.

2) Если не было сыновей, то въ семейномъ имуществѣ, т.-е. принадлежащемъ отцу семейства, наслѣдовали дочери. Ограниченіе женскаго пола въ наслѣдствѣ недвижимыхъ имуществъ есть дѣло позднѣйшаго времени, ибо въ настоящее время земля не подлежала частной собственности, а потому и не переходила по наслѣдству.

3) Если не было нисходящихъ — дѣтей и внуковъ, то наслѣдство поступало къ боковымъ родственникамъ, по степени близости къ умершему. При чемъ также женскій полъ исключался мужескимъ.

4) Такое постоянное предпочтеніе мужескаго пола женскому съ одной стороны и признаніе наслѣдственныхъ правъ боковыхъ родственниковъ съ другой—суть слѣдствія, непосредственно-истекающія изъ этого родоваго быта, которымъ такъ долго жили наши предки. Женщина, какъ назначенная для выхода изъ своей семьи и родства, постоянно устраняется у насъ отъ наслѣдства мужескимъ поломъ, между-тѣмъ-какъ боковое родство, вслѣдствіе особенно-крѣпкой родственной связи съ семействомъ, никогда не устранялось отъ наслѣдства ни въ настоящую эпоху, ни въ послѣдующее за Правдою время.

5) Ни восходящіе родственники нисходящимъ, т.-е. родители дѣтямъ, ни супруги другъ другу не наслѣдовали: ибо первобытное наше семейство есть нравственное, юридическое лицо, естественнымъ и полновластнымъ представителемъ котораго былъ отецъ семейства. Поэтому, пока онъ былъ живъ, ни жена, ни дѣти не могли имѣть своего отдѣльнаго имущества, а слѣдовательно, и не могли оставить отцу никакого наслѣдства.

XIII. Вліяніе христіанства и Византійскаго права обнаружилось на постановленіяхъ Правды о наслѣдствѣ въ слѣдующимъ явленіяхъ:

1) Устроеніе души умершаго, вслѣдствіе коегѡ церковь дѣлается необходимымъ наслѣдникомъ въ извѣстной части имущества умершаго.

2) Перенесеніе формы Византійскихъ завѣщаній на предсмертныя распоряженія умершаго. Отсюда все наслѣдственное право по закону получило у насъ впослѣдствіи видъ наслѣдованія по завѣщанію.

3) Женскій полъ, какъ не признанный въ правахъ, былъ принятъ церковью подъ особое ея покровительство. Отсюда примѣненіе Византійскихъ постановленій о вдовѣ-матери, а именно: обезпеченіе ей права жить въ домѣ мужа, права получать извѣстную часть изъ его имущества и передавать это имущество только своимъ дѣтямъ.

XIV. Кромѣ общаго порядка наслѣдованія, правда установляетъ и особенный, по различію народныхъ классовъ, а именно, для

рабовъ, смердовъ и дружинниковъ. Рабъ — вещь, а потому рожденный отъ рабы не имѣетъ наслѣдственныхъ правъ на имущество свободнаго отца. Смерды, дружинники и вообще всякаго рода люди, ставшіе къ правительству въ различныя обязательныя отношенія, получая отъ него содержаніе подъ условіемъ выполненія извѣстнаго рода повинностей, не могутъ передать даннаго имъ имущества тѣмъ изъ своихъ наслѣдниковъ, которые не въ-состояніи исполнить лежащихъ на нихъ обязанностей. Отсюда первоначальное устраненіе дочерей отъ наслѣдства у смердовъ и дружинниковъ.

Публичный актъ Олонецкой гимназіи. — 25 числа іюня, въ достопамятный для Олонецкой гимназіи день посѣщенія ея въ минувшемъ году Государемъ Императоромъ, совершенъ былъ торжественный актъ, въ присутствіи высокопреосвященнаго архіепископа Олонецкаго и Петрозаводскаго *Аркадія*, почетныхъ лицъ города, гражданскихъ и военныхъ, почетныхъ лицъ духовнаго сана, родителей и родственниковъ учащихся и вообще любителей просвѣщенія. Молебствіе совершено бывшимъ и нынѣшнимъ законоучителями гимназіи, причемъ освящена святою водою поставленная предъ тѣмъ въ залѣ гимназіи мраморная доска, съ надписью объ удостоеніи ея въ минувшемъ году Высочайшимъ Его Императорскаго Величества посѣщеніемъ. Самый портретъ Государя былъ украшенъ вѣнками изъ цвѣтовъ, собранныхъ воспитанниками гимназіи. По прибытіи въ публичную залу гимназіи архипастыря, пропѣта воспитанниками молитва: «Спаси Господи, люди Твоя». Потомъ законоучитель гимназіи, священникъ *Казанскій* обратился къ собранію съ рѣчью въ воспоминаніе посѣщенія этого учебнаго заведенія Государемъ Императоромъ; далѣе слѣдовало чтеніе стихотвореній учениками: *Баранцевымъ* — «Къ портрету Государя» (Бенедиктова) и *Фортунатовымъ* — «Многолѣтіе» (Жуковскаго); послѣ этого старшій учитель *Ределинъ* произнесъ рѣчь на тему: «Что такое гимназія по ея значенію?» Затѣмъ провозглашены имена учениковъ, переведенныхъ въ высшіе классы, и выданы воспитанникамъ гимназіи аттестаты; потомъ присуждена раздача ученикамъ въ награду книгъ и похвальныхъ листовъ. Въ этотъ годъ, также въ память Царскаго посѣщенія гимназіи, собраны были на актъ всѣ ученики уѣзднаго училища. Изъ нихъ девятерымъ, кончившимъ курсъ ученія, выдали свидѣ-

тельства, а достойнѣйшимъ розданы награды. Послѣ сего г. директоръ училищъ обратился къ дѣтямъ, наставникамъ и посѣтителямъ съ заключительною рѣчью, и затѣмъ народнымъ гимномъ «Боже, Царя храни!» пропѣтымъ всѣми воспитанниками, окончень былъ торжественный актъ гимназіи.

Публичный актъ одесскихъ гимназій. — 21 іюня, въ залѣ лицейскаго зданія, былъ праздновань одновременно гимназіями лицейскою и Одесскою второю, торжественный актъ, въ присутствіи г. министра народнаго просвѣщенія, викарія Херсонской епархіи, епископа Одесскаго *Антонія*, Одесскаго градоначальника, исправляющаго должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, начальства, профессоровъ лицея и при большомъ стеченіи публики. Послѣ божественной литургіи, совершенной въ Александро-Невской лицейской церкви, предъ началомъ молебствія, настоятелемъ лицейской церкви, профессоромъ богословія въ лицеѣ, протоіереемъ *Павловскимъ* произнесено было слово: «О свойствахъ просвѣщенія христіанскаго» на текстъ: «Свѣтъ истинный просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ». Іоан. 1, 5, 9. Послѣ молебствія о здравіи и долгоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, актъ начался въ 12 часовъ дня, пѣніемъ молитвы «Царю небесный». Потомъ произнесены рѣчи: инспекторомъ 2 гимназіи И. П. *Минаковымъ* — «О состояніи географіи у Грековъ въ эпоху Гомера» и учителемъ лицейской гимназіи *Бенуа* — «Etude sur Augustin Thierry; ученики обѣихъ гимназій читали избранныя стихотворенія, и по одному изъ каждой исполнили одинъ за другимъ двѣ піесы. Затѣмъ читаны историческія записки: лицейской гимназіи — исправляющимъ должность инспектора, старшимъ учителемъ И. Ѳ. *Миницкимъ*, и Одесской второй гимназіи — старшимъ учителемъ *Шугуровымъ*, при чемъ розданы были награды отличнымъ ученикамъ и провозглашены имена воспитанниковъ, удостоенныхъ перевода въ высшіе классы. Актъ заключенъ пѣніемъ народнаго гимна: «Боже, Царя храни!»

Открытіе въ Соломбальскомъ селеніи, въ Архангельскѣ, приходскаго училища. — Соломбальское селеніе, при значительномъ числѣ жителей, большею частью нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства, занятыхъ работами въ адмиралтействѣ, имѣло до-сихъ-поръ очень мало

средствъ къ образованію и воспитанію дѣтей. Чувствуя потребность въ грамотности, жители селенія нерѣдко довѣряли обученіе дѣтей своихъ полуграмотнымъ людямъ, или посылали ихъ во второе приходское училище, отстоящее на дальнемъ разстояніи отъ Соломбальскаго селенія, что при суровости здѣшняго климата представляло многія неудобства. Мысль учредить приходское училище въ Соломбальскомъ селеніи уже давно сознаваема была; но, за неимѣніемъ средствъ къ покрытію издержекъ, не могла быть приведена въ исполненіе. При открытіи въ 1839 г. въ г. Архангельскѣ втораго приходскаго училища, начальство имѣло въ виду не только удовлетворить возраставшей потребности къ образованію между городскими обывателями, но и предоставить возможность Соломбальскимъ жителямъ посылать дѣтей своихъ во вновь открываемое училище. Перенести это училище въ Соломбалу, гдѣ болѣе ощущалась въ немъ потребность, не смотря на всѣ старанія училищнаго начальства, не было возможности, такъ-какъ на содержаніе этого училища отпускалась сумма изъ городскихъ доходовъ, на пользованіе которыми жители Соломбальскаго селенія не имѣли права. Сознавая вполнѣ необходимость и пользу особаго приходскаго училища для жителей Соломбальскаго селенія, главный командиръ Архангельскаго порта, генералъ-адъютантъ Б. А. *Глазенапъ* принялъ въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе, входилъ въ надлежащее съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніе и старанія его увѣнчались успѣхомъ. Государь Императоръ, вслѣдствіе ходатайства Его Высочества Генералъ-Адмирала и по всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управляющаго морскимъ министерствомъ объ учрежденіи Соломбальскаго приходскаго училища, въ 11 день минувшаго мая, Высочайше на сіе соизволилъ и удостоилъ утвержденія проекты положенія и штата этого училища (*). Къ радости мѣстныхъ жителей, училище открыто 7 іюня, въ 2 часа по-полудни, молебствіемъ, совершеннымъ преосвященнымъ *Александромъ*, епископомъ Архангельскимъ и Холмогорскимъ, въ домѣ, занимаемомъ приходскимъ училищемъ, въ присутствіи главнаго командира Архангельскаго порта и многихъ почетныхъ лицъ города, а равно родителей и ихъ дѣтей. По принесеніи Господу Богу благодаренія за дарованіе Монаршей милости жителямъ Соломбальскаго селенія и по провозглашеніи многолѣтія Государю

(*) См. выше, отд. I, стр. 8.

Императору и всему Августѣйшему Дому, его преосвященству угодно было краткимъ назидательнымъ словомъ напутствовать дѣтей къ предстоящимъ трудамъ. Затѣмъ, по отбытіи духовенства изъ училища, г. директоръ училищъ поздравилъ дѣтей и ихъ родителей съ Высочайшею милостію и объявилъ о начатіи съ слѣдующаго числа (8 іюня) классныхъ занятій. Вновь открытое училище помѣщено въ весьма удобной и приличной квартирѣ и снабжено необходимыми на первое время учебными пособіями и классными принадлежностями. Въ какой мѣрѣ ощущалось потребность въ подобномъ заведеніи для мѣстныхъ жителей, видно изъ того, что въ день его открытія по спискамъ оказалось 98 учениковъ, на слѣдующій день ихъ было 120, два дня спустя 152, передъ закрытіемъ-же училища, по-случаю лѣтнихъ вакацій, число учениковъ простиралось до 200. Да послужитъ этотъ блестящій результатъ наградою и утѣшеніемъ тому, кому принадлежатъ и мысль и труды въ основаніи училища!

Испытаніе въ Царскосельскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія. — 12 мая, въ Царскосельскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, состоящемъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Алексадровны, происходило открытое испытаніе воспитанницъ шестаго учебнаго курса. Испытаніе началось, въ 11 часовъ утра, пѣніемъ тропаря: «Христосъ воскресе», и молитвы предъ ученіемъ: «Преблагій Господи....» въ присутствіи высокопреосвященнѣйшаго *Григорія*, митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго, преосвященнаго *Агаѳангела,* епископа Ревельскаго, г. исправляющаго должность оберъ-прокурора св. син. ст. сов. князя С. Н. *Урусова* и другихъ почетныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ. При входѣ его высокопреосвященства въ залу, воспитанницы стройно пропѣли *исполла эти деспота*, а прибывшіе въ собраніе посѣтители тотчасъ обратили вниманіе на многообразные труды воспитанницъ, заблаговременно разложенные на столахъ. Тутъ были опыты сочиненій, тетради чистописанія, образцы шитья и рукодѣлій и географическія карты, начерченныя воспитанницами; здѣсь-же въ сторонѣ, особыми связками, въ красивыхъ переплетахъ, лежало болѣе двухъ-сотъ книгъ, предназначенныхъ для раздачи воспитанницамъ. Въ числѣ рукодѣлій замѣчательны были по тщательной отдѣлкѣ: риза съ вышитымъ оплечьемъ (серебромъ по атласу), ков-

рики и подушки, искусно шитыя по канвѣ разрѣзнымъ, бархатнымъ швомъ, платья и бѣлье, приготовленныя къ выпуску самими воспитанницами, и разныя другія вещи. Когда, по окончаніи молитвы, посѣтители заняли мѣста, воспитанницы, согласно съ училищной программою, подвергнуты были словесному испытанію сперва въ законѣ Божіемъ, потомъ въ географіи, древней, Россійской и всеобщей, въ Русской грамматикѣ и словесности, въ ариѳметикѣ и гражданской исторіи, всеобщей и Русской, наконецъ въ церковномъ пѣніи. Отвѣты воспитанницъ, сколько позволительно судить по общему впечатлѣнію, произведенному ими, были вполнѣ удовлетворительны. Сверхъ устныхъ испытаній въ означенныхъ программою предметахъ, двѣ изъ лучшихъ воспитанницъ должны были, впродолженіе часа, написать на доскахъ небольшія сочиненія на заданныя имъ темы, по назначенію его высокопреосвященства; нѣсколько-же другихъ чертили на доскахъ карты древней Палестины, Европейской Россіи и отдѣльныхъ частей ея и западныхъ государствъ Европы. По окончаніи, тѣ и другія, сочиненія и карты, заслужили всеобщее одобреніе: первая—правильностію языка и живостію мыслей и чувствованій, послѣднія—вѣрностію чертежа и точностію объясненій, сдѣланныхъ на нихъ воспитанницами. Испытаніе окончилось въ 2 часа пополудни, пѣніемъ: «Отче нашъ....» и пасхальной пѣснію: «Святися, святися». Въ-заключеніе всего провозглашены были имена *тридцати* воспитанницъ, окончившихъ нынѣ курсъ ученія, и розданы имъ аттестаты вмѣстѣ съ книгами, назначенными каждой изъ нихъ въ награду и поощреніе къ будущимъ трудамъ въ кругу тѣхъ семействъ, которымъ онѣ должны будутъ служить, по-мѣрѣ силъ своихъ, и словомъ, и примѣромъ. Церковь и отечество ждутъ отъ нихъ общеполезной дѣятельности....

Необходимость археологическаго музеума въ Казанской губерніи.—Въ 1855 году, въ ваканціонное для училищъ время, по порученію Императорскаго Казанскаго экономическаго Общества, въ качествѣ члена-сотрудника, занимался я собираніемъ сельско-хозяйственныхъ и другихъ общеполезныхъ свѣдѣній по Казанской губерніи, и между-прочимъ обозрѣвалъ Булгаръ на Волгѣ, въ Спасскомъ уѣздѣ. Посильный взглядъ мой на великолѣпные остатки знаменитой нѣкогда на востокѣ столицы славнаго Булгарскаго царства, которое, по сказанію восточныхъ писателей, славилось въ свое вре-

мя ученостію, образованіемъ, самою дѣятельною торговлею и роскошною жизнію своихъ обитателей,—взглядъ мой навѣялъ на меня мысль, что, въ видахъ науки, было-бы весьма полезно основать на мѣстѣ, въ селѣ Болгарахъ — такъ-какъ оно находится на самыхъ развалинахъ Булгара—музеумъ Татарско-Булгарскихъ древностей, и учредить просвѣщенный надзоръ за цѣлостью развалинъ, археологическая почва которыхъ представляетъ въ Казанской губерніи наибольшую добычу какъ въ-отношеніи монетъ, такъ и въ-отношеніи Татарско-Булгарскихъ издѣлій. Въ противномъ случаѣ, и то, что пощадило время и невѣжество туземцевъ, скоро исчезнетъ невозвратно. Тщетно будетъ искать взорами великолѣпныхъ Булгарскихъ палатъ любознательный изыскатель восточныхъ древностей: ему представятся однѣ безобразныя груды дикихъ каменьевъ, но и тѣ будутъ окончательно разобраны мѣстными жителями на сельско-хозяйственныя постройки. Эта печальная участь уже постигла остатокъ другаго Булгарскаго города—Биляра, находящагося въ Казанской губерніи, Чистопольскаго уѣзда, у пригорода Билярска. А монеты и древнія издѣлія—это драгоцѣнное достояніе науки, въ большомъ количествѣ открываемыя крестьянами въ селѣ Болгарахъ и его окрестностяхъ, съ невозвратимою потерею для науки, каждый день расходятся по безпредѣльному пространству Россіи, скупаемыя путешественниками, которые мало, или вовсе не сообщаютъ ученой публикѣ о своихъ археологическихъ пріобрѣтеніяхъ. Грустная для науки картина! Кромѣ проѣзжающихъ по мѣстному почтовому тракту, монеты и др. древнія вещи покупаютъ у жителей помѣщики Казанской губерніи и приходящіе въ Болгары на поклоненіе мусульмане. Туземцы въ нарочныхъ археологическихъ поискахъ, или случайно открываютъ древности, когда дождь, или полая вода вымываютъ ихъ изъ почвы, и находятъ также на пашняхъ и огородахъ. Археологическими открытіями занимаются преимущественно крестьянскія дѣти! Татарско-Булгарскія древности состоятъ въ металлическихъ, стеклянныхъ, глиняныхъ и каменныхъ издѣліяхъ; въ серебряной и мѣдной, а изрѣдко въ золотой монетѣ и человѣчьихъ скелетахъ. Можно представить себѣ, какъ многочисленно было народонаселеніе Булгара, и какое несмѣтное богатство сосредоточено было въ рукахъ его промышленыхъ и роскошныхъ обитателей, когда, чрезъ столько вѣковъ, мѣстная почва не истощила своихъ сокровищъ! Восточный писатель Ибнъ-Хаукалъ сообщаетъ, что наро-

донаселеніе Булгара, при взятіи его Руссами, простиралось до 10 тысячъ человѣкъ, а г. профессоръ *Березинъ* полагаетъ, что въ цвѣтущее время Болгарской державы доходило оно до 50 тысячъ душъ! Въ общеполезныхъ видахъ, я надѣюсь, въ непродолжительномъ времени, сообщить ученой публикѣ проектъ учрежденія, въ Булгарѣ, музеума Татарско-Булгарскихъ древностей. Учрежденіе провинціальныхъ музеумовъ по спеціальнымъ предметамъ имѣетъ весьма важное значеніе для науки и отечественнаго посвѣщенія.

К. Г. [illegible].

Дешевыя книги для простаго народа въ Англіи. — Г. *Забѣлинъ*, въ концѣ статьи своей: «Разногласія по вопросу о народномъ образованіи», помѣщенной въ Русской газ., приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ статьи Кюшкваля Клариньи, напечатанной въ газетѣ «la Patrie». «Сильное броженіе царствовало между рабочими классами во время возмутительныхъ сочиненій Коббета, проповѣдей братьевъ Гунтъ, смутъ и убійствъ въ Манчестерѣ. Въ это время появилась книжка, написанная для хозяевъ и работниковъ, котовая нынѣ достигла двадцать третьяго изданія. Лордъ Брумъ, бывшій еще простымъ адвокатомъ, излагалъ въ ней то мнѣніе, что невѣжество было одною изъ главныхъ причинъ этихъ смутъ, нарушавшихъ спокойствіе Англіи и превращавшихъ въ дѣятелей безпорядка самыя вѣрныя орудія общественнаго благосостоянія. По его мнѣнію, настоятельнѣйшая обязанность хозяевъ состояла въ томъ, чтобы заботиться о распространеніи просвѣщенія среди работниковъ, въ чемъ собственная ихъ выгода согласуется съ долгомъ. Авторъ обращался къ духу товарищества, чтобы создать и доставить народу средства образованія. Тогда возникло *Общество полезныхъ знаній*, которое занялось изданіемъ трактатовъ о всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній,—трактатовъ, написанныхъ самымъ простымъ и яснымъ языкомъ, и стало продавать ихъ по самой дешевой цѣнѣ. Многіе пытались выставить въ смѣшномъ видѣ эти усилія и смѣялись надъ шести - пенсовой наукой (по такой цѣнѣ продавались книги Общества). Но каково-же было ихъ удивленіе, когда люди съ громкими именами, съ Европейскою извѣстностью, приглашены были къ составленію этихъ осмѣиваемыхъ книженокъ. Адмиралъ Бофоръ, начальникъ гидрографическаго департамента, Англійскаго флота, самъ вызвался составить географическія карты съ тѣмъ, чтобы ихъ не продавали дороже

6 пенсовъ. Когда успѣхъ этихъ изданій сталъ неоспоримъ, когда *Общество*, ободренное результатомъ, издало нѣкоторое количество сочиненій для легкаго чтенія, съ цѣлью распространить образованіе въ пріятной формѣ, тогда стали кричать, что оно разоритъ сочинителей. *Обществу* стоило только показать свои счеты, и тогда увидѣли, что въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оно выплатило писателямъ-сотрудникамъ около 3 милліоновъ. Однакожь, виновники этого филантропическаго движенія не совсѣмъ были довольны своимъ дѣломъ; успѣхомъ своихъ книгъ они были обязаны среднему сословію, а имъ хотѣлось проникнуть до низшаго. Тогда мистеръ Гиль, нынѣ председатель Бирмингамскаго суда, придумалъ издавать «Penny-Magazine». Казалось невозможнымъ давать публикѣ по восьми страницъ поучительнаго и забавнаго текста, составленнаго хорошими писателями, и по три или по четыре картинки, изъ которыя иныя стоили до 1,500 франковъ. «Penny-Magazine» осуществилъ однакожь эту мысль, а по истеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ у него было двѣсти двадцать тысячъ подписчиковъ и милліонъ читателей. Вслѣдствіе этого неожиданнаго успѣха, явилось изданіе энциклопедіи въ 2 су, и альманахъ полезныхъ знаній, продажа которыхъ превзошла всѣ ожиданія. Чтобы яснѣе выставить счастливое дѣйствіе этихъ изданій, лордъ Брумъ въ Ливерпулѣ, въ рѣчи своей на послѣднемъ конгрессѣ общества, образовавшагося въ прошломъ году и именующагося ***народной ассоціаціей для развитія общественной науки***, привелъ различные примѣры, между-прочимъ разсказъ объ искусномъ скульпторѣ, въ которомъ пробудился талантъ при разсматриваніи картинокъ въ «Penny-Magazine». Онъ упомянулъ, какое-бы пособіе получили отъ этихъ маленькихъ трактатовъ, нынѣ повсемѣстно распространенныхъ, Франклинъ, Даламберъ, Симпсонъ и столько другихъ великихъ людей, которые образовали сами себя и по бѣдности не могли покупать книгъ. Цифры, приведенныя ораторомъ, были лучшимъ доказательствомъ его мысли. Англія теперь обладаетъ истинно-народной литературой для самаго скуднаго кармана; она проникаетъ во всѣ хижины, вступаетъ въ соперничество съ кабаками и участвуетъ въ трудахъ священника и школьнаго учителя. Нельзя повѣрить, что среднее сословіе покупаетъ еженедѣльно 350,000 нумеровъ «Лондонскаго журнала», 300,000 иллюстрированнаго «Семейнаго листка», 200,000 «Семейнаго вѣстника», 1,200,000 нумеровъ девяти Magazine въ два су, 900,000 нумеровъ семнадца-

ти журналовъ, исключительно религіозныхъ, и 300,000 нумеровъ журналовъ, издаваемыхъ обществами воздержанія. Къ этому нужно присоединить еще по-крайней-мѣрѣ 400,000 нумеровъ разныхъ сочиненій, издаваемыхъ по 2 су за каждый еженедѣльный выпускъ; каковы: народная исторія Англія Knight'а, иллюстрированная исторія Англіи, курсъ воспитанія и народный воспитатель Касселя. Слѣдовательно, въ Англіи продается еженедѣльно около трехъ милліоновъ нумеровъ. Даже если мы положимъ на каждой нумеръ по одному читателю, не вправѣ-ли мы спросить, что-бы читали, тридцать лѣтъ тому назадъ, эти 3 милліона читателей, и были-ли-бъ они въ-состояніи читать что-бы то ни было? Стало-быть, мы видимъ успѣхъ неоспоримый, блестящій. Онъ принесъ пользу всѣмъ: правительству — тѣмъ, что нѣкоторыя изъ изданій платятъ до 200,000 франковъ пошлины за бумагу; писателямъ — потому, что за рукописи нѣкоторыхъ статей платятъ по сту или по двѣсти фун. стерлин.; въ-особенности-же — простонародью, которое находитъ въ этихъ разнородныхъ изданіяхъ средства къ образованію и развлеченіе, удерживающее отца семейства у домашняго очага. Наконецъ, нравы улучшились съ прекращеніемъ безнравственныхъ и грязныхъ изданій. Изъ всѣхъ сборниковъ этого рода, числомъ около десяти, существовавшихъ до основанія Penny-Magazine, не осталось уже ни одного. Нелѣпые альманахи, наводнявшіе села и маленькіе города, не вынесли конкурренціи альманаха полезныхъ знаній. Опытъ Англіи, подкрѣпляемый опытомъ Соединенныхъ Штатовъ, доказываетъ, что дурныя книги рано или поздно, но непремѣнно вытѣсняются съ рынкомъ поучительными и нравственными сочиненіями. Доброе зерно заглушаетъ плевелы».

ВОСПИТАТЕЛЬНО-УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

МАГИСТРА ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Г. А. ЭЗОВА.

Съ усовершенствованіемъ различныхъ отраслей человѣческаго знанія все болѣе и болѣе входитъ въ убѣжденіе общества необходимость общечеловѣческаго университетскаго образованія. Убѣжденіе это, справедливость котораго неопровержимо доказана мыслителями и учеными педагогами нашего времени, точно опредѣляетъ характеръ современнаго приготовительнаго заведенія.

Такой-то мыслію руководился я, приступая, съ разрѣшенія правительства, къ открытію воспитательно-учебнаго заведенія, для приготовленія молодыхъ людей къ поступленію въ университетъ.

Соотвѣтственно этой цѣли, программа и объемъ преподаванія будутъ постоянно соображаемы съ требованіями вступительныхъ университетскихъ экзаменовъ (*). Считаю излишнимъ

(*) Въ послѣднее время изученіе восточныхъ языковъ обратило на себя особое вниманіе правительства и общества, чему можетъ служить доказательствомъ развитіе факультета восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ университетѣ и постоянно-возрастающее число его студентовъ. Зная по опыту, въ какой степени недостатокъ приготовительныхъ свѣдѣній препятствуетъ успѣху университетскихъ по этому факультету занятій, я считаю полезнымъ и нахожу возможнымъ для желающихъ открыть преподаваніе болѣе распространенныхъ восточныхъ языковъ: Арабскаго, Турецкаго, Татарскаго, Персидскаго, Армянскаго и Грузинскаго.

упоминать о томъ, что приготовительное образованіе въ этомъ объемѣ совершенно достаточно и для вступленія во всякое спеціальное заведеніе.

Склонности и темпераменты людей не только весьма разнообразны, но и развиваются не у всѣхъ одновременно; для успѣха-же воспитанія оно необходимо должно быть приноровлено къ степени развитія, способностямъ и темпераменту каждаго, къ тому-же и основная цѣль воспитанія—правильное развитіе нравственной стороны человѣка, требуетъ, чтобы вниманіе воспитателя было сосредоточено на меньшемъ, по-возможности, числѣ воспитанниковъ.

Такимъ образомъ цѣль моя—соединить научное образованіе съ нравственнымъ воспитаніемъ не могла-бы быть достигнута, еслибы я раздробилъ мою дѣятельность между многими, а потому заведеніе мое я предназначаю для весьма ограниченнаго числа воспитанниковъ, не болѣе 10 человѣкъ.

«Въ дѣлѣ воспитанія главное—намѣреніе и убѣжденіе; они зависятъ отъ воспитателей, успѣхъ-же отъ Бога».

Учебное заведеніе открыто въ началѣ сентября сего года, въ Гребецкой улицѣ, близъ Владимірской церкви, въ домѣ Туляковыхъ, квар. № 31.

Учредителя можно видѣть ежедневно до 11 час. утра и послѣ 5 ч. по-полудни.

МАГИСТРЪ ЗЗОВЪ.

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

Древность Австралии.—Въ одной изъ своихъ блистательныхъ лекцій *Оуэнъ* (1), желая выставить въ полномъ свѣтѣ всю важность изученія животной организаціи, говоритъ между прочимъ:

«Мы знаемъ, что Богу угодно было даровать намъ способности, при правильномъ употребленіи которыхъ мы можемъ достигнуть вѣрнаго познанія Его твореній, и, кажется, не безъ особеннаго промысла Онъ отъ времени до времени допускаетъ, чтобы мы такимъ образомъ получали частицы истины, разсѣевающія заблужденія прежнихъ временъ. Помощію этихъ способностей была определена истинная форма нашего сфероида и, послѣ нѣкотораго сопротивленія (смотри Лактанція, Instit. lib. III, c. 24, противъ круглоты земли, и Августина, De Civit. Dei, lib. XVI. c. 9, противъ антиподовъ), была признана; за тѣмъ было опредѣлено истинное отношеніе земли къ солнцу, именно ея движеніе. Нашему поколѣнію предоставлено было — пріобрѣсти болѣе точныя понятія о возрастѣ міра; и анатомія была и должна быть самымъ главнымъ и существеннымъ средствомъ для утвержденія этого важнаго элемента въ исторіи земли» (2).

Нельзя не согласиться, что изысканія естественныхъ наукъ, относящіяся къ исторіи земли, имѣютъ для насъ особенный интересъ, и что результаты ихъ должно считать наряду съ величай-

(1) Недавно онъ избранъ въ число восьми associés étrangers Парижской академіи. «Высочайшая награда (какъ онъ самъ выразился), какой только можетъ желать ученый человѣкъ».

(2) Lectures on the Comp. Anat. II, 4.

шими открытіями, производящими переворотъ въ человѣческихъ умахъ. Извѣстно, что изученіе организмовъ есть главный источникъ исторіи земнаго шара въ эпохи, близкія къ появленію на немъ человѣка. Недавно Л. Беккеръ представилъ слѣдующія любопытныя соображенія о животныхъ и растеніяхъ Австраліи (3):

«По моему мнѣнію, нынѣшняя Австралійская фауна и флора есть древнѣйшая во всемъ животномъ и растительномъ царствѣ, такъ-что человѣческимъ глазамъ дано въ настоящее время изслѣдовать ту мѣстность, тѣ лѣса и поля, которыя еще раньше оолитовой эпохи давали пищу и убѣжище множеству животныхъ, и мы видимъ нынѣ прямыхъ потомковъ этихъ животныхъ.

«Я приведу вкратцѣ основанія такого мнѣнія.

«1. Сумчатыя и птице-звѣри составляютъ низшій классъ млекопитающихъ.

«Первое появленіе млекопитающихъ относится къ оолиту, и первыя млекопитающія принадлежатъ къ сумчатымъ. Почти всѣ млекопитающія Австраліи суть сумчатыя.

«2. Недостатокъ плодовыхъ и хлѣбныхъ растеній въ какой-нибудь странѣ показываетъ, что ея растительность находится сравнительно на низшей степени развитія. Въ оолитѣ погребены остатки растеній весьма сродныхъ съ Австралійскою флорою; укажу только на ископаемую Казуарину этой формаціи, стоящую какъ разъ между двумя видами того-же рода, понынѣ зеленѣющими въ западной Австраліи. Плоды, овощи, хлѣбныя растенія рѣдко бываютъ туземными въ Австраліи; напротивъ, папоротники тамъ преизобилуютъ.

«3. Птицы также представляютъ примѣры, что роды, которые по организаціи ниже другихъ, имѣютъ въ Австраліи болѣе представителей, нежели въ другихъ частяхъ свѣта. Leipoa, Talegaua, Megapodius и пр. не сами высиживаютъ свои яица. Дневныхъ хищныхъ мало; напротивъ, число ночныхъ больше, чѣмъ въ какой бы ни было другой странѣ (Gould). Основаніе такого явленія очевидно: большая часть млекопитающихъ, которыми питаются эти птицы, суть ночныя животныя. Точно также между насѣкомыми всего многочисленнѣе ночныя. Почти всѣ млекопитающія Австраліи ночью на ногахъ.

«4. Свѣтъ есть одно изъ главныхъ средствъ къ развитію и

(3) Neues Jahrbuch für Mineralogie etc. 1858, s. 535.

усовершенствованію органической жизни. Творенія, которыя вовсе или отчасти могутъ не нуждаться въ свѣтѣ, стоятъ ниже на лествицѣ совершенства, чѣмъ тѣ, для которыхъ необходимо потребенъ свѣтъ. Кромѣ-того кажется, что предъоолитовая кора земли имѣла болѣе высокую температуру и что новосозданныя млекопитающія не были способны выносить *сухой* жаръ дня и должны были искать своей пищи ночью, когда прохлада и роса приправляли травы и листву. Такъ точно бываетъ до-сихъ-поръ въ Новой-Голландіи, гдѣ главныя черты физіономіи этой части земной коры очень мало измѣнялись съ того времени. Извѣстно, что лѣтомъ температура въ Австраліи представляетъ такой жаръ, какого не бываетъ ни въ какой другой странѣ. Безмѣрные низменные пески во внутренности этого большаго острова образуютъ источникъ такого жара и такой сухости, что едва-ли они уступятъ жару и сухости до-оолитовой эпохи. (Еслибы можно было провести морскую воду во внутренность Новой-Голландіи и образовать постоянное средиземное море, то климатъ сталъ-бы гораздо мягче и влажнѣе; вмѣсто 120° Фаренгейта, въ тѣни получилось-бы 80° или 90°; но такая перемѣна принесла-бы болѣзнь и смерть, какъ мы это видимъ во влажныхъ тропическихъ странахъ. Теперь горячій вѣтеръ, сухой, какъ изъ печи, не допускаетъ никакого гніенія; мертвыя растенія высыхаютъ на воздухѣ; міазмовъ вовсе не бываетъ. Пустыня во внутренности для насъ есть величайшее благодѣяніе).

«5. Рыбы, зубы которыхъ мирно лежатъ въ юрскихъ пластахъ, до-сихъ-поръ составляютъ ужасъ здѣшнихъ морскихъ обитателей. Я напомню только Cestracion.

«Trigonia живетъ въ Австралійскихъ моряхъ вмѣстѣ съ другими мягкотѣлыми, раковины которыхъ болѣе чѣмъ только сходны съ раковинами оолита.

«6. Тріасъ, юра и мѣлъ не встрѣчаются въ Австраліи. (За исключеніемъ пестраго песчаника. Уже *Стршелецки* говоритъ, что пестрый песчаникъ и *третичный желтый известнякъ* съ раковинами Bulimus и Helix *составляютъ самые высшіе пласты въ геологическомъ ряду обѣихъ колоній* [Тасманія и Новый Южный Валлисъ]). Слоевъ, которые лежали-бы между пестрымъ песчаникомъ и третичными образованіями, до-сихъ-поръ не нашли».

«Изъ всего этого, я полагаю, должно заключить, что родоначальники нынѣшней Австралійской флоры и фауны большею ча-

стію принадлежатъ предъолитовымъ временамъ, а нѣкоторые, напротивъ, — одной изъ третичныхъ эпохъ.

«Какимъ образомъ могла эта страна столь долгія времена оставаться неизмѣнною надъ поверхностію моря и почему третичныя перемѣны имѣли сравнительно столь малое вліяніе на почву и на органическую жизнь этой части свѣта, я стараюсь объяснить слѣдующими соображеніями.

«Кажется, что подземныя силы, которыя были здѣсь еще очень дѣятельны во времена пестраго песчаника, позднѣе нашли себѣ выходъ въ видѣ вулкановъ, которые лежатъ полукругомъ около сѣверной и восточной Австраліи и изъ которыхъ болѣе шестидесяти еще остаются дѣятельными; это предохранительные клапаны для Новой-Голландіи.

«Нарушеніе покоя въ третичныя времена было вызвано вѣроятно, совпаденіемъ нѣкоторыхъ подземныхъ отводящихъ каналовъ; послѣдствія этого были относительно неважны и не обширны, такъ-какъ все еще оставалось достаточное число открытыхъ клапановъ, недопускавшихъ такихъ переворотовъ, пониженій и пр., которые могли-бы здѣсь, подобно тому, какъ это было въ другихъ мѣстахъ, совершенно разрушить все существующее. Напротивъ, это были только частныя потрясенія, которыя дозволяли животнымъ и растеніямъ, живущимъ на сосѣднихъ мѣстахъ, оставленныхъ ими въ покоѣ, мало-по-малу разселяться на новозданной почвѣ.

«Найденные въ здѣшнихъ третичныхъ пластахъ (я причисляю Diluvium къ Пліоцену) остатки вымерзшаго гигантскаго населенія принадлежатъ къ семействамъ, которыя произошли, можетъ быть, еще въ богатую растеніями каменноугольную эпоху и, переживши пестрый песчаникъ (въ немъ до-сихъ-поръ не открыто никакихъ костей) погибли только въ третичныя времена.

«Напротивъ, существа, которыя появились во-время происхожденія пестраго песчаника, настоящія *предъоолитовыя* созданія, до-сихъ-поръ живутъ и только не многія, по вышеуказаннымъ причинамъ, были погребены въ новѣйшемъ Пліоценѣ (куда я причисляю пещеру Mount Macedon и ея ископаемые остатки). Третичная эпоха сдѣлала шагъ впередъ и породила животныхъ, которыя *не* всѣ относятся къ сумчатымъ, и теперь вмѣстѣ съ предъоолитовыми образуютъ фауну Австраліи.

Двѣ новыя силы, открытыя Флурансомъ (5).— Сперва мы приведемъ почти цѣликомъ двѣ замѣтки, представленныя *Флурансомъ* Парижской академіи и отличающіяся обыкновеннымъ его мастерствомъ въ изложеніи.

«Скоро будетъ двадцать лѣтъ, какъ я въ мемуарѣ, читанномъ въ академіи (4 октября 1841) доказалъ, опираясь на точные опыты, что кость образуется въ надкостной плевѣ, что надкостная плева образуетъ кость, что кость есть ни что иное, какъ окостенѣвшая надкостная плева.

«Въ моей — *Опытной теоріи образованія костей* (сочиненіе, изданное въ 1847) я говорилъ:

«Моя теорія опирается на слѣдующія шесть положеній:

1. Что кость образуется въ надкостной плевѣ.

2. Что она утолщается слоями, налегающими другъ на друга.

3. Что она удлиняется слоями, отлагающимися другъ возлѣ друга.

4. Что мозговой каналъ увеличивается отъ всасыванія внутреннихъ слоевъ кости.

5. Что концы костей послѣдовательно образуются и всасываются и снова образуются до-тѣхъ-поръ, пока растетъ кость.

6. Что безпрерывная смѣна вещества есть великая и удивительная пружина возрастанія костей (6).

«Далѣе я говорю (глава IV, стр. 66): надкостная плева воспроизводитъ кость и *возвращаетъ* ей всѣ свойства, какія у нея отняли. Я доказалъ даже, что можно разрушить самую эту плеву, что она воспроизводится, и какъ-скоро воспроизведена, воспроизводитъ и кость.

«Наконецъ я заключаю эту главу словами: итакъ надкостная плева есть вещество, органъ, *матеріалъ*, служащій для всякаго рода воспроизведенія въ костяхъ; она есть органъ, производящій и воспроизводящій кости; никакая другая составная часть животной экономіи не имѣетъ такой способности воспроизводиться; для ея воспроизведенія достаточно нѣсколькихъ дней и это воспроизведеніе неистощимо; можно отнять часть надкостной плевы и она возобновится; можно снова отнять и она снова возобновится и пр.»

---

(5) Comptes rendus 1859. Mai. p. 868 et 1009.

(6) Théorie experim. de la formation des os. p. 1.

«И теперь, продолжалъ я, послѣ того, какъ я выставилъ въ полномъ свѣтѣ и доказалъ столькими опытами удивительную и до меня столь мало извѣстную способность костей воспроизводиться, неужели я не могу надѣяться, что эта чудесная сила не станетъ скоро новымъ орудіемъ въ рукахъ хирургіи? О, безъ сомнѣнія! обращаюсь къ наблюдательнымъ, къ мыслящимъ хирургамъ, къ тѣмъ, которые видятъ въ хирургіи не простое рутинное ремесло, но науку, великую науку, и которые выше самой науки видятъ человѣчество!

«Чтобы выставить въ полномъ свѣтѣ великій фактъ *воспроизведенія костей надкостною плевою*, я старался непрерывно, въ-теченіе восьми лѣтъ (1841 — 1847), умножать и разнообразить мои опыты.

«1. Я разрушилъ надкостную плеву на нѣкоторомъ пространствѣ кости. Скоро плева возродилась; возпроизводясь, она окостенѣвала и я видѣлъ пластинки, которыя наполовину были надкостною плевою, а наполовину костью.

«2. Въ многочисленныхъ моихъ опытахъ, относящихся къ образованію *сростка*, я нарочно испыталъ множество случаевъ разрыва надкостной плевы. Этотъ разрывъ происходитъ всегда въ случаѣ перелома, въ-особенности-же въ случаяхъ перелома съ надвигомъ. И всегда, когда плева разорвана, раздражена, она окостенѣваетъ и эта-то окостенѣвшая плева образуетъ сростокъ.

«И такъ (говорилъ я тогда) сростокъ образуется въ надкостной плевѣ; онъ образуется только въ этой плевѣ и слѣдовательно образованіе его есть только частный случай общаго случая, обыкновеннаго случая образованія костей.

«3. Я вынималъ часть кости (многихъ реберъ), сохраняя неприкосновенною надкостную плеву, дѣлая операцію, которую я назвалъ *подплевною* (7); сохранившаяся надкостная плева воспроизвела всю эту часть кости, всю отнятую часть ребра.

«4. Я пошелъ далѣе: такъ-какъ (говорилъ я тогда) надкостная плева производитъ кость, то я могу получить кость вездѣ, гдѣ есть плева, т.-е. вездѣ, куда я могу ввести плеву. Если захочу, я

(7) При всякомъ отнятіи кости, общее правило то, чтобы оставлять сколько можно болѣе надкостной плевы; воспроизведеніе кости идетъ тѣмъ быстрѣе. Но разрушеніе надкостной плевы не препятствуетъ возобновленію кости; разрушенная плева воспроизводится, и тогда воспроизводитъ кость, только воспроизведеніе идетъ медленнѣе.

могу увеличить число костей животнаго, могу придать ему кости, которыхъ у него не было-бы естественнымъ образомъ.

«По этому я придумалъ проткнуть кость и ввести въ нее серебряную трубку.

«Скоро надкостная плева вошла въ трубку; потомъ она утолстилась, вздулась; потомъ превратилась въ хрящъ и наконецъ въ кость. Такимъ образомъ у животнаго въ ногѣ (я дѣлалъ опытъ надъ большою берцовою костью) явилась маленькая новая кость,—кость, которой естественнымъ порядкомъ у него не было бы (8).

«Я не буду умножать этихъ выписокъ. Вся эта книга наполнена опытами, которые доказываютъ *образованіе костей надкостною плевою.* Перехожу прямо къ предмету моего настоящаго труда. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что не только кость вполнѣ воспроизводится надкожною плевою, но — совершенно-особая черта явленія — что она воспроизводится въ полной своей *первоначальной* формѣ.

«Съ 1841 года я повторялъ опыты Троя,—опыты, которые, если понять ихъ какъ слѣдуетъ, показываютъ намъ, съ одной стороны, что цѣлая кость пропадаетъ вслѣдствіе разрушенія *внутренней надкостной плевы*, и съ другой — что цѣлая новая кость воспроизводится *наружною надкостною плевою.*

«Я опять взялся за эти опыты, чтобы изучить ихъ съ моей новой точки зрѣнія, именно со стороны *воспроизведенія формы.*

«Рисунки, которые Флурансъ представилъ академіи, изображаютъ *новую лучевую кость,* образовавшуюся у козла поверхъ старой кости, мертвой вслѣдствіе разрушенія внутренней надкостной плевы. Старая лучевая кость уже начала всасываться, а у новой образовалась новая внутренняя надкостная плева.

«И такъ вотъ, говоритъ авторъ, лучевая кость, совершенно воспроизводенная, и притомъ, что для меня главное, воспроизведенная во всей своей формѣ.

«И такъ кости воспроизводятъ свои формы.

«Новая лучевая кость воспроизвела *форму* старой кости. Но, сказалъ я самъ-себѣ можетъ-быть, образованію новой кости помогла старая, можетъ быть, служила для новой ядромъ, *внутреннею формою*, какъ сказалъ-бы Бюффонъ; можетъ-быть, форма старой кости передалась новой.

(8) Théorie experim. de la formation des os, p. 10.

«Чтобы уничтожить это сомнѣніе, я прибѣгнулъ къ другому опыту. Самое сложное въ костяхъ, это ихъ концы, такъ-называемыя *головки* костей.

«Я отнялъ локтевой отростокъ (olecranon) на локтевыхъ костяхъ у нѣсколькихъ собакъ. Отростокъ воспроизвелся вполнѣ.

«Но, можетъ-быть, еще сказалъ я себѣ, новый отростокъ, для полученія своей формы, встрѣтилъ пособіе, родъ *внѣшней формы*, въ томъ углубленіи нижней головки плечевой кости, которое назначено для его принятія.

«Чтобы уничтожить и это новое сомнѣніе, я вынималъ у разныхъ кроликовъ и собакъ всю верхнюю половину малаго берца.

«Берцо возобновилось вполнѣ въ своей первоначальной формѣ, и, что еще удивительнѣе, съ своимъ эпифизомъ на его обыкновенномъ мѣстѣ.

«Итакъ, очевидно, здѣсь нѣтъ формы для отлива, ни внѣшней, ни внутренней; малое берцо есть кость совершенно-свободная, ничѣмъ не стѣсняемая. Не смотря на то, она воспроизводится и, что мнѣ въ настоящее время всего нужнѣе, воспроизводитъ свою *форму*. Даже болѣе—она воспроизводитъ, чего я никакъ не могъ-бы ожидать, даже свой эпифизъ.

«Итакъ, въ немъ самомъ, въ малой берцовой, или, скорѣе, въ томъ органѣ, который производитъ эту кость, въ надкостной плевѣ находится и присутствуетъ *сила* воспроизведенія.

«Эту особенную, индивидуальную силу я называю *морфопластическою силою*.

«Эта сила, говоритъ Флурансъ уже въ другой замѣткѣ (9), управляетъ формою. Теперь я покажу, что въ живыхъ тѣлахъ есть еще другая сила, которая управляетъ веществомъ и которую я называю *мета-пластическою*.

«Въ моей книгѣ «Théorie experimentale de la formation des os», я говорилъ (стр. 12—25):

«Я окружалъ кольцомъ изъ пластиновой проволоки различныя длинныя кости у разныхъ животныхъ, у собакъ, кроликовъ, Индѣйскихъ свинокъ и пр.

«Спустя нѣкоторое время, платиновое кольцо, которое сперва окружало кость, было окружено костью и заключалось въ мозговомъ каналѣ.

---

(9) Comptes rendus, mai, p. 1009.

«Какъ произошла такая перемѣна? Какъ могла она произойти?

«Она не могла произойти иначе, какъ только такимъ образомъ, что, съ одной стороны, кость пріобрѣтала новые слои, покрывшіе кольцо, съ другой — кость теряла свои внутренніе слои, которые всасывались.

«Чтобы разнообразить мои опыты, вмѣсто кольца я употреблялъ очень тонкую пластинку платины, которую вводилъ подъ надкостную плеву. Черезъ нѣсколько времени пластинка, бывшая *надъ* костью, очутилась во внутренности кости.

«Кость, которая была подъ пластинкой, находится теперь надъ пластинкою. Что-же произошло? Очевидно, *старая* кость исчезла и образовалась *новая*. Кость, существующая теперь, уже не та, которая существовала, когда накладывали пластинку; она образовалась послѣ; и прежней кости уже нѣтъ, она всосалась.

«Итакъ, вещество кости безпрестанно смѣняется въ то-же время, какъ она растетъ, и, кромѣ-того, такое возобновленіе очень быстро.

«Нужно не болѣе нѣсколькихъ недѣль для совершеннаго возобновленія кости. Самый длинный опытъ такого рода продолжался тридцать шесть дней.

«Съ 1847 года, когда это было сказано, я во множествѣ производилъ опыты и, сводя ихъ всѣ вмѣстѣ, нахожу, что тридцать шесть дней не есть *наибольшая продолжительность*, а только средняя.

«Самый короткій изъ моихъ опытовъ продолжался тридцать дней, самый длинный — сорокъ три дни; итакъ около тридцати шести дней будетъ средняя величина.

«Впрочемъ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, я чувствую, сколько опытовъ мнѣ остается сдѣлать для того, чтобы достигнуть вполнѣ точнаго результата; и я дѣлаю эти опыты.

«Какъ-бы то ни было, легко видѣть, что *обновленіе* вещества происходитъ много разъ во время возрастанія животнаго, а тѣмъ болѣе въ-теченіе цѣлой его жизни. Собака растетъ два года; живетъ десять или двѣнадцать лѣтъ среднимъ числомъ и двадцать два, двадцать три года, при наибольшомъ долголѣтіи.

«Прибавлю, что опыты мои были дѣлаемы надъ молодыми собаками отъ одномѣсячныхъ до шестинедѣльныхъ. Еще замѣчу, что по моимъ опытамъ движеніе обновленія постепенно замедляется; съ каждымъ мѣсяцемъ по-мѣрѣ-того, какъ молодое животное достигаетъ предѣла своего возрастанія и съ каждымъ го-

домъ по-мѣрѣ-того, какъ зрѣлое животное приближается къ предѣлу своей жизни.

«Ограничиваясь пока временемъ возрастанія, такъ-какъ только для этого времени мои опыты достаточно многочисленны, я думаю, не будетъ слишкомъ далеко отъ истины сказать, что *обновленіе* вещества происходитъ по-крайней-мѣрѣ пять или шесть разъ въ-теченіе времени возрастанія.

«Каковъ-бы, впрочемъ, ни былъ дѣйствительный періодъ этого обновленія, главное въ томъ, что оно совершается; оно происходитъ нѣсколько разъ и этого довольно, чтобы доказать то, что я хочу доказать: именно, что въ живыхъ тѣлахъ есть сила, управляющая веществомъ, такъ-точно, какъ есть сила, управляющая формою.

«Силу, управляющую формою, я назвалъ *морфо-пластическою;* силу, которая управляется веществомъ, или скорѣе постоянною смѣною вещества, я называю *метапластическою.*

Нельзя не подивиться странному желанію знаменитаго секретаря Парижской академіи создавать новыя силы. На самомъ дѣлѣ кто-же не видитъ наконецъ съ совершенною ясностію, что это одни слова? Позволительно еще группировать явленія въ извѣстные разряды и напримѣръ одни явленія называть морфо-пластическими, другія метапластическими (въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, и это было-бы только излишнею расточительностію Греческихъ словъ); но зачѣмъ-же для каждаго, иногда самаго произвольнаго разряда, непремѣнно придумывать особую силу? Вѣдь если разсуждать послѣдовательно, то мы принуждены будемъ организмъ, представляющій такое множество различныхъ явленій, населить безчисленнымъ множествомъ силъ. Очевидно, напр. морфопластическая сила, образующая лучевую кость, не та, которая образуетъ малую берцовую; одна даетъ своему произведенію одну форму, другая—другую. Слѣдовательно это двѣ различныя силы, хотя того-же рода. То-же самое можно сказать и о каждомъ мускулѣ, о каждомъ нервѣ и т. д.

Итакъ, если позволительно принимать какія-нибудь силы, то для этого должны быть какія-нибудь ограниченія, какія-нибудь правила. Существенное и очевидное правило состоитъ въ томъ, что явленія, приписываемыя одной силѣ, не должны сводиться на явленія другой силы; тогда подъ силою можно разумѣть по-крайней-мѣрѣ нѣкоторую особенную дѣятельность вещества, нѣкоторое

особенное его проявленіе. Соблюдено-ли Флурансомъ это правило? Нисколько. Напримѣръ явленія обновленія вещества можно тотчасъ-же разложить на элементы, которые явно относятся къ другимъ силамъ. Частицы приносятся и уносятся кровью чисто механически, просачиваются, отлагаются по физическимъ законамъ, и вообще до-времени нѣтъ никакого повода думать здѣсь объ особенной силѣ.

Но, если такъ, то спрашивается: откуда-же являются эти фантастическія силы, какому направленію, какой потребности ума они удовлетворяютъ? Вопросъ любопытный. Очевидно, тутъ играетъ роль какой-то ложный аппетитъ; очевидно, глубокомысленными и учеными словами заглушаются и успокоиваются какія-то темныя требованія. Уже двѣсти лѣтъ тому назадъ (1673) Мольеръ въ безсмертномъ фарсѣ осмѣялъ это самоуспокоеніе ученыхъ. Мы позволимъ себѣ привести изъ него цитату, тѣмъ-болѣе, что она будетъ по-Латыни. Арганъ экзаменуется на доктора, и его спрашиваетъ экзаменаторъ:

Domandabo causam et rationem quare
Opium facit dormire.

Арганъ отвѣчаетъ:

Qvia est in eo
Virtus dormitiva,
Cujus est natura
Sensus assoupire.

И хоръ подхватываетъ

Bene, bene, bene, bene respondere!

Послѣ этого трудно рѣшить, что удивительнѣе: проницательность-ли генія, такъ вѣрно угадавшаго слабость натуралистовъ, или упорство испытателей природы, которые до-сихъ-поръ коснѣютъ въ ней, и на вопросъ — какимъ образомъ вещество костей возобновляется, готовы отвѣчать: посредствомъ дѣйствія метапластической силы.

Свойства льда. — Мы приводили любопытные опыты Тиндаля, которыми онъ показалъ, какъ массы льда легко измѣняютъ свою форму (10). Эти измѣненія основаны на томъ, что ледъ ломается

(10) Журн. м. н. п. 1857, № 6.

на мелкія части, но что потомъ эти части смерзаются. Такимъ образомъ была объяснена мнимая тягучесть льда, которая повидимому такъ ясно обнаруживается въ ледникахъ.

Все явленіе существенно зависитъ отъ этой способности смерзаться, которую и нужно было объяснить.

Уже задолго прежде Джемсъ Томсонъ вывелъ изъ механической теоріи теплоты предположеніе, что точка таянія льда должна понижаться при увеличеніи давленія. Вильямъ Томсонъ доказалъ опытами справедливость такого предположенія (11). При увеличеніи давленія на одну атмосферу точка таянія льда понижается на $^3/_{400}$ градуса по термометру Цельзія. По мнѣнію Джемса Томсона, такое свойство льда должно играть важную роль въ объясненіи видимой пластичности ледниковъ и также для пониманія любопытныхъ опытовъ Тиндаля (12).

«Представимъ себѣ, говоритъ онъ, массу льда при нулѣ градусовъ, нѣсколько пористую и съ небольшимъ количествомъ воды въ порахъ; представимъ, что на эту массу дѣйствуютъ силы, стремящіяся измѣнить ся форму. Вездѣ, гдѣ произойдетъ сжатіе льда, точка таянія должна опуститься ниже нуля, ниже температуры массы. Слѣдовательно въ сжатыхъ частяхъ начнется таяніе, сопровождаемое пониженіемъ температуры, вслѣдствіе поглощенія скрытаго теплорода. Вода, происшедшая отъ этого таянія, распространится по порамъ цѣлой массы, и изъ мѣстъ, гдѣ давленіе сильнѣе уйдетъ въ мѣста, гдѣ давленіе слабѣе. Такимъ образомъ произойдетъ уменьшеніе того избытка давленія, который былъ причиною таянія льда въ извѣстныхъ мѣстахъ и пониженія въ нихъ температуры. Но, какъ скоро избытокъ давленія исчезъ, пониженіе температуры должно произвести замерзаніе воды; такимъ образомъ всѣ эти явленія представятъ намъ измѣненіе формы, подобное тому, которое произошло-бы въ какомъ-нибудь пластическомъ тѣлѣ. Вновь образовавшійся ледъ сперва не испытываетъ усилія внѣшнихъ силъ, но такъ-какъ часть массы не можетъ уступить давленію безъ того, чтобы другая часть въ свою очередь также не подверглась давленію и не представила подобныхъ-же явленій, то изъ этого выйдетъ непрерывный послѣдовательный рядъ мѣстныхъ давленій, сопровождаемыхъ таяніемъ и замерза-

(12) Ann. de ch. et de phys. XXXV, 376.
(13) Ann. de ch. et de phys. 1858. Mars. 344.

ніемъ. Эти явленія должны продолжаться до-тѣхъ-поръ, пока продолжается дѣйствіе внѣшнихъ силъ».

Пониженіемъ температуры таянія при давленіи объясняется также, отчего тающіе куски льда, будучи сжаты, смерзаются даже въ тепломъ лѣтнемъ воздухѣ, или даже подъ теплою водою.

Недавно *Муссонъ* произвелъ опыты, которые замѣчательнымъ образомъ расширяютъ результаты Томсона (13). Томсонъ наблюдалъ, что, подъ вліяніемъ давленія въ 17 атмосферъ, точка таянія льда понижается нѣсколько болѣе, чѣмъ на десятую долю градуса. Муссонъ предложилъ себѣ довести явленіе до крайней степени и изслѣдовать, не возможно-ли посредствомъ давленія удержать воду въ жидкомъ состояніи при температурѣ гораздо ниже нуля, или довести до таянія массу льда, гораздо болѣе холодную, чѣмъ при нулѣ.

Чтобы разрѣшить первый вопросъ, Муссонъ устроилъ толстую желѣзную призму, состоящую изъ двухъ половинъ, соединенныхъ толстыми винтами и заключающихъ между собою узкую цилиндрическую полость. По среди длины этой полости находились два отверстія, закрываемыя толстыми стеклянными призмами и позволявшія видѣть внутренность полости. Кромѣ того, маленькое боковое отверстіе на верхней части вело изъ полости наружу.

Чтобы произвести опытъ, наполняли цилиндрическую часть водою, вводили въ нее толстую мѣдную проволокую, такъ чтобы ее можно было видѣть черезъ стеклянныя призмы и запирали сверху полость пистономъ, на который и производилось давленіе посредствомъ гайки. Когда пистонъ опускался ниже маленькаго боковаго отверстія, тогда начиналось уже сжатіе воды. Когда сжатіе было произведено въ желаемой степени, тогда подвергали весь приборъ дѣйствію холода и наблюдали—при какой температурѣ мѣдная проволока перестаетъ быть видна, такъ-какъ при замерзаніи вода теряетъ свою прозрачность. Муссонъ успѣлъ такимъ образомъ остановить замерзаніе воды до—5°.

Опыты надъ сжиманіемъ льда дали результатъ еще болѣе замѣчательный. Для нихъ Муссонъ употреблялъ стальную призму съ цилиндрическою полостью, идущею по оси призмы и съ винтовымъ нарѣзомъ снаружи на верхней части. Снизу цилиндрическая по-

---

(13) Poggendorf's Annalen, CV. p. 161. Ann. de ch. et de phys. 1859. juin стр. 252.

лость закрывалась мѣднымъ конусомъ, задвинутымъ посредствомъ толстаго винта. На верхнемъ концѣ полость имѣла слегка-коническую форму и запиралась длиннымъ мѣднымъ конусомъ; на него упирался стальной пистонъ, который можно было давить съ большою силою посредствомъ гайки, надѣваемой на верхнюю часть призмы. Гайка навертывалась посредствомъ рычага въ 60 сентиметровъ длиною. Для опыта закрывали верхнюю часть аппарата, переворачивали его и вводили въ него мѣдную палочку; потомъ наполняли водою и подвергали дѣйствію холода. Когда вода совершенно замерзала, тщательно снимали лишній ледъ и запирали наполненную льдомъ полость нижнимъ мѣднымъ конусомъ. Тогда приборъ переворачивали опять и погружали въ охлаждающую смѣсь, достигавшую—18°. Давши время прибору принять эту температуру, начинали сжимать ледъ съ возможно-большимъ усиліемъ. Очевидно, если давленіе можетъ привести ледъ въ жидкое состояніе, то мѣдная палочка, которая находилась въ верхней части цилиндрической полости, должна упасть въ нижнюю часть, и останется въ ней, если при уменьшенномъ давленіи вода снова замерзнетъ. Такъ и оказалось на опытѣ; Муссонъ заключаетъ отсюда, что, *при помощи надлежащаго* давленія, можно понизить точку таянія льда ниже—18°.

Муссонъ полагаетъ, что въ его опытахъ давленіе, производимое на ледъ, было не ниже 13,000 атмосферъ и что соотвѣтствующее уменьшеніе объема составляло около $^{13}/_{100}$.

Приведемъ здѣсь также новые интересные опыты Тиндаля надо льдомъ (14), тѣмъ болѣе, что онъ думаетъ показать ими неточность объясненія, предложеннаго Томсономъ. Подвергая ледъ дѣйствію солнечныхъ лучей, сосредоточенныхъ зажигательнымъ стекломъ, Тиндаль замѣтилъ интересные факты. Во-первыхъ, какъ скоро лучи проходятъ черезъ массу льда, на пути ихъ являются во множествѣ блестящія точки, подобныя воздушнымъ пузырькамъ и обозначающія собою путь солнечныхъ лучей, подобно тому, какъ атмосферная пыль дѣлаетъ видимымъ путь лучей въ темной комнатѣ. Изслѣдуя массу льда при помощи лупы и отраженнаго свѣта, можно убѣдиться, что эти точки представляютъ маленькія полости, имѣющія форму *цвѣтовъ съ шестью лепестками*. Лепестки

(14) Transactions philos. pour 1858.—Ann. de ch. et de phys. 1859, mai, стр. 122.

наполнены водою, и потому ихъ трудно разсмотрѣть; центръ-же цвѣтка, напротивъ, есть полость и потому въ отраженномъ свѣтѣ, при надлежащемъ наклоненіи лучей, представляетъ совершенно-металлическій блескъ. Всѣ эти цвѣты параллельны той-же плоскости и, въ большей части случаевъ, эта плоскость есть плоскость замерзанія, т.-е. плоскость, которой была параллельна поверхность массы воды, образовавшей ледъ. Тиндаль встрѣтилъ однакожь исключенія изъ этого правила. Какъ-бы то ни было, онъ думаетъ, что форма этихъ полостей есть указаніе на кристаллическое строеніе льда и что она, подобно оптическимъ явленіямъ, наблюденнымъ Брюстеромъ, доказываетъ, что ледъ принадлежитъ къ шестигранной системѣ, и что ось его перпендикулярная къ плоскости замерзанія. Центръ цвѣтовъ совершенно пустой; если погрузить въ теплую воду кусокъ льда, въ которомъ уже развились такіе цвѣты, то, какъ-скоро таяніе достигнетъ одного изъ такихъ цвѣтовъ, центральное пустое мѣсто исчезаетъ мгновенно и не показывается ни малѣйшаго пузырька воздуха. Наконецъ, образованіе цвѣтовъ не происходитъ однообразно во всей массѣ и не рѣдко можно видѣть, что въ кускѣ, повидимому совершенно однородномъ, цвѣты происходятъ только въ извѣстныхъ плоскостяхъ, отстоящихъ одна отъ другой на разстояніяхъ отъ 5 до 6 миллиметровъ, и въ промежуткахъ незамѣтно никакого плавленія.

Неоднородность льда обнаруживается еще иначе. Въ совершенно-прозрачномъ кускѣ, предоставленномъ самому себѣ, подъ вліяніемъ внѣшней теплоты образуются маленькія чечевицеобразныя полости, наполненныя водою, всѣ параллельныя той-же плоскости на значительномъ протяженіи куска и иногда параллельныя различнымъ плоскостямъ въ различныхъ частяхъ куска. Величина этихъ полостей постепенно возрастаетъ и наконецъ наступаетъ время, когда ледъ можно сравнить съ твердою клѣтчатою тканью, клѣтки которой наполнены водою. За этимъ скоро слѣдуетъ полное таяніе. Если подвергнуть дѣйствію солнечныхъ лучей кусокъ льда, гдѣ уже развиты такіе чечевицеобразныя полости, то шестилепестные цвѣтки будутъ всегда параллельны этимъ полостямъ.

Агасисъ, въ своемъ сочиненіи «Systême glaciaire» и братья Шлагинтвейтъ, въ своихъ «Recherches sur les Alpes», упоминаютъ о томъ, что во льду часто встрѣчаются сферическія полости, заключающія жидкую воду и небольшую пустоту, наполненную воздухомъ. Они

предполагали, что присутствіе воды въ этихъ полостяхъ происходитъ отъ нагрѣванія воздуха подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей; но такое объясненіе, предполагающее, что воздухъ менѣе теплопрозраченъ чѣмъ ледъ, не можетъ быть допущено. Одинъ изъ опытовъ Тиндаля заставляетъ смотрѣть на это явленіе съ новой и очень интересной точки зрѣнія. Тиндаль взялъ кусокъ Норвежскаго льда, въ которомъ находилось нѣсколько такихъ полостей, и обернувъ въ оловянный листъ, погрузилъ его въ охлаждающую смѣсь льду и поваренной соли, такъ-что заморозилъ воду во всѣхъ этихъ полостяхъ. Потомъ онъ вынулъ кусокъ изъ охлаждающей смѣси и предоставилъ его дѣйствію атмосферы въ совершенно-темномъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько времени ледъ растаялъ во всѣхъ полостяхъ, которыя прежде были наполнены водою, такъ-что теплота, необходимая для этого таянія, была проведена черезъ массу твердаго льда.

Отсюда вытекаетъ замѣчательное слѣдствіе, что температура, необходимая для таянія льда въ точкахъ, гдѣ ледъ находится въ прикосновеніи съ пузырькомъ газа или уже растаявшею жидкостью, менѣе высока, чѣмъ температура, необходимая для таянія внутри массы. Представимъ теперь, что мы сблизили до прикосновенія поверхности двухъ кусковъ тающаго льда; какъ-скоро произошло прикосновеніе, таяніе должно прекратиться, и такъ какъ очень тонкій слой жидкости, необходимо раздѣляющій обѣ поверхности, долженъ перейти въ твердое состояніе, то куски будутъ соединены въ одинъ. Такимъ образомъ Тиндаль объясняетъ свои предыдущіе опыты надъ сліяніемъ, которое всегда образуется, какъ-скоро два тающіе куска льда привести въ прикосновеніе. Онъ полагаетъ, что объясненіе, предложенное Томсономъ, не точно, что явленіе не зависитъ вовсе отъ давленія, такъ-какъ оно происходитъ, когда два куска льда просто положены одинъ на другой.

Н. Страховъ.

Отношенія крахмала къ клѣтчаткѣ. *Изслѣдованія Моля* (10). — По мнѣнію *Нэгели*, крахмальныя зерна состоятъ изъ двухъ веществъ:

---

(10) Bot. Zeit. 1859. №№ 26 и 27.

зернины (granulosa) или крахмальнаго вещества и *клѣтчатки* (cellulosa). Въ предыдущей статьѣ о крахмалѣ мы видѣли, что *Пайенъ*, на основаніи своихъ опытовъ, не согласенъ принять за клѣтчатку вещество крахмалинокъ, оставшееся отъ растворенія зернины въ слюнѣ. Теперь знаменитый *Моль*, хотя и считаетъ это вещество очень сходнымъ съ клѣтчаткою, но не признаетъ его тожественности съ послѣднею.

Нэгели, для отличія крахмала отъ клѣтчатки, принимаетъ только одинъ признакъ, именно отношеніе обоихъ веществъ къ іоду. Онъ говоритъ (стр. 182, 189), что *реакція іодомъ образуетъ существенное отличіе крахмала отъ клѣтчатки и единственное средство разпознавать ихъ* Іодъ окрашиваетъ крахмалъ въ различныя стѣнки синяго цвѣта. Если-же на клѣтчатку сначала дѣйствовать сѣрною кислотою, а потомъ іодовой тинктурой и водой, то она окрашивается въ синій цвѣтъ. Такъ-какъ здѣсь клѣтчатка какъ-бы разрыхлена сѣрною кислотою, то здѣсь можетъ образоваться іодовая или іодо-водородная кислота, или обѣ вмѣстѣ; *Нэгели* принимаетъ за вѣроятное, что происходитъ іодовая кислота. Дѣйствіемъ сѣрной кислоты или высушиваніемъ съ іодомъ, аггрегативное состояніе клѣтчатки измѣняется такъ, что она относится къ іоду, какъ крахмалъ, или, какъ полагаетъ *Нэгели*, она переходитъ въ крахмалъ.

Факты вѣрны; но объясненіе ихъ несправедливо. Іодъ вызываетъ красный или синій цвѣтъ не отъ того, что наблюдаемое вещество будетъ крахмалъ или клѣтчатка, не отъ того, сколько она вберетъ въ себя іода, но существенно отъ того, сколько воды входитъ въ нее. При меньшемъ вбираніи воды происходитъ красный цвѣтъ, при большемъ—синій. Можно съ осторожностью окрасить іодомъ клѣтчатку въ прекрасный синій цвѣтъ, а крахмалъ—въ красный или фіолетовый.

Какъ крахмалъ, такъ и клѣтчатка необходимо должны вбирать въ себя воду и до извѣстной степени разбухать для того, чтобы окрашиваться іодомъ. Это видно изъ того, что они не окрашиваются, если ихъ высушить и погрузить въ растворъ іода въ безводномъ алькоголѣ. Одно вещество (крахмалъ) уже въ естественномъ состояніи, какъ скоро придетъ съ водою въ прикосновеніе, вбираетъ ее въ такомъ количествѣ, что окрашивается іодомъ въ извѣстный цвѣтъ, между-тѣмъ-какъ другое вещество (клѣтчатку) должны заставить дѣйствіемъ разрыхляющаго средства вбирать

воду. Изъ такого возвышенія способности разбухать, мы не въ-правѣ заключить, что оно основывается на существенномъ химическомъ измѣненіи вещества, пока не будетъ показано, что вещество измѣнилось и въ другихъ свойствахъ. На самомъ дѣлѣ, это не доказано для клѣтчатки, которая разбухаетъ въ амміакальной окиси мѣди, даже напротивъ, въ послѣдней жидкости она совершенно растворяется и потомъ осаждается изъ раствора въ аморфномъ состояніи, сохраняя свои химическія свойства. Если, съ одной стороны, клѣтчатка, безъ измѣненія химическихъ свойствъ, при вліяніи разрыхляющихъ средствъ вбираетъ въ себя болѣе воды, чѣмъ въ естественномъ состояніи, но если при этомъ возрастаетъ ея способность принимать въ себя іодъ, отчего она окрашивается въ такой синій цвѣтъ, какой получаетъ въ естественномъ состояніи крахмалъ; если, съ другой стороны, крахмалъ, когда онъ несовершенно насыщается водою, получаетъ цвѣтъ, какимъ окрашивается клѣтчатка, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что синій или красный цвѣтъ, сообщаемый іодомъ этимъ веществамъ, зависитъ не отъ химическаго ихъ состава, а отъ гидратнаго ихъ состоянія.

Пока не было извѣстно средствъ окрашивать іодомъ клѣтчатку въ синій цвѣтъ безъ дѣйствія сѣрной кислоты, до-тѣхъ-поръ, можно было предполагать, что эта кислота обращаетъ клѣтчатку въ крахмалъ. Однакожь такое мнѣніе опровергали многіе ученые, каковы напр. *Митчерлихъ*, *Моль*, на томъ основаніи, что клѣтчатка, разрыхленная сѣрною кислотою, не имѣетъ свойствъ храхмала. Теперь послѣднее мнѣніе доказано положительно изслѣдованіями *Бешана*. который показалъ, что продукты, получаемые отъ дѣйствія сѣрной кислоты на клѣтчатку, имѣютъ совершенно другія свойства, нежели продукты, происходящіе отъ дѣйствія сѣрной кислоты на крахмалъ, чего не могло-бы случиться, еслибы клѣтчатка при дѣйствіи сѣрной кислоты непосредственно обращалась въ крахмалъ.

Но прежде еще изслѣдованій *Бешана*, *Моль* нашелъ средство окрашивать клѣтчатку іодомъ въ синій цвѣтъ безъ дѣйствія сѣрной кислоты: для этого довольно клѣтчатку сначала насытить іодомъ, а потомъ привести ее въ прикосновеніе съ водою; тогда клѣтчатка окрашивается въ синій цвѣтъ, который остается до-тѣхъ-поръ, пока вода не отниметъ весь іодъ изъ клѣтчатки. *Нэгели* старается объяснить это тѣмъ, что при насыщеніи клѣтчатки іодомъ образуется іодная и іодо-водородная кислоты, которыя дѣйствуютъ на нее подобно сѣрной кислотѣ. Но это не справед-

ливо, потому-что *Моль*, насытивъ очищенную клѣтчатку іодовой тинктурой, приливалъ къ ней іодную и іодоводородную кислоты, и не получалъ ни малѣйшаго слѣда синяго цвѣта. Впрочемъ, и безъ этого опыта можно видѣть несправедливость предположенія *Нэгели*. Крахмалъ весьма жадно вбираетъ въ себя іодъ и весьма сильно удерживаетъ его, такъ-что вода не только не въ-состояніи отнять его, но напротивъ, если только въ ней есть хотя малѣйшее количество іода, часть его входитъ въ крахмалъ. Совсѣмъ другія отношенія представляетъ клѣтчатка, насыщенная іодомъ. Правда, при прибавленіи воды, она очень быстро окрашивается въ синій цвѣтъ, потому что уже содержитъ іодъ; но она его удерживаетъ очень слабо, такъ-что окружающая вода скоро отнимаетъ его у ней. Обезцвѣченная такимъ образомъ клѣтчатка также трудно окрашивается іодомъ, какъ и та, которая никогда не была съ нимъ въ прикосновеніи; этого не могло-бы случиться, еслибы клѣтчатка обратилась въ крахмалъ при насыщеніи ея іодомъ.

Такое-же заключеніе можно вывести изъ явленій, которыя обнаруживаетъ клѣтчатка при дѣйствіи на нее хлоро-цинк-іода. Если клѣтчатку, очищенную по способу *Шульца* (т.-е. кипяченіемъ въ азотной кислотѣ съ хлорноватокислымъ кали), или по способу *Шлоссбергера* (осажденную въ аморфномъ состояніи изъ раствора въ аммiакальной окиси мѣди поваренною солью) въ сухомъ состояніи погрузить въ густой растворъ хлористаго цинка, то она принимаетъ изъ этого раствора столь малое количество, что не разбухаетъ замѣтно и при этомъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда синяго цвѣта. Напротивъ того, клѣтчатка окрашивается въ различныя оттѣнки краснаго цвѣта (древесинныя клѣточки и сосуды, а также осадокъ изъ аммiакальной мѣди въ пурпуровый и краснобурый цвѣтъ, паренхима-же болѣе въ фіолетовый). Если-же препаратъ, насыщенный іодомъ, положить въ воду, то цвѣтъ клѣтчатки тотчасъ перемѣняется въ синій, а въ осажденной—даже въ индиго-синій. Но и въ этомъ случаѣ сцѣпленіе клѣтчатки съ іодомъ весьма слабо и вода увлекаетъ его отсюда такъ-же быстро, какъ и изъ клѣтчатки, прямо насыщенной водою. Здѣсь точно такъ-же, какъ и въ первомъ случаѣ, нельзя допустить химическаго измѣненія клѣтчатки, потому-что іодъ удаляется изъ нея умѣренною теплотою, и послѣ того клѣтчатка имѣетъ тѣ-же свойства, что и прежде.

Если на хлопчатую бумагу дѣйствовать аммiакальною окисью

мѣди, но не до того, чтобы она растворилась, а до того, чтобы разбухла, и если ея хорошо промыть водою, то она окрашивается іодною тинктурою въ синій цвѣтъ: потому-что отъ вліянія аммiакальной мѣди клѣтчатка получаетъ свойство вбирать въ себя воды болѣе, чѣмъ въ естественномъ состояніи; но здѣсь, очевидно, нѣтъ химическаго измѣненія, ибо клѣтчатка, даже растворившись, сохраняетъ всѣ свои свойства.

Изъ всего сказаннаго ясно, что окрашиваніе клѣтчатки въ синій цвѣтъ іодомъ не даетъ доказательства, что она превратилась въ крахмалъ, а зависитъ единственно отъ того, что клѣтчатка вбираетъ въ себя довольно большое количество воды; при меньшемъ-же всасываніи воды она принимаетъ различные оттѣнки краснаго цвѣта.

Точно-такъ-же мы можемъ и наоборотъ крахмалъ окрасить іодомъ не въ синій, а въ красный цвѣтъ. И въ этомъ случаѣ цвѣтъ крахмала зависитъ не отъ количества іода, которое онъ вбираетъ, а отъ содержанія воды въ немъ.

Если положить картофельный крахмалъ въ воду, то онъ быстро вбираетъ ее въ себя и при малѣйшемъ количествѣ іода его зерна, если не всѣ, то нѣкоторыя окрашиваются, однакожь не краснымъ, а рѣшительно синимъ, хотя и слабымъ цвѣтомъ. Совершенно иное случится, если крахмалъ вберетъ въ себя много іода и мало воды. Если положить сухой картофельный крахмалъ въ растворъ тростниковаго сахара, сгущенный до кристаллизаціи, который имѣетъ свойство втягивать въ себя воду изъ органическихъ тѣлъ, и если прибавить туда іодной тинктуры, то крахмалинки окрашиваются не въ синій цвѣтъ, а въ разные оттѣнки свѣтлаго виннокраснаго и фіолетоваго. Цвѣтъ тотчасъ переходитъ въ синій, какъ только будетъ прибавлено воды. Такой-же результатъ получается, если сухой картофельный крахмалъ положить въ безводный алькоголь, въ которомъ растворено много іода, и потомъ осторожно взбалтывая прибавить каплю воды: цвѣтъ зеренъ дѣлается красноватымъ и фіолетовымъ, но не синимъ. Большое количество воды тотчасъ вызываетъ синій цвѣтъ.

Подобныя-же явленія происходятъ при дѣйствіи хлоро-цинкіода на сухой крахмалъ, который вбираетъ въ себя воду изъ раствора и сильно раздувается отъ дѣйствія хлористаго цинка. Но этотъ процессъ требуетъ много времени. Въ первое время наружный слой зерна сильно сопротивляется разбуханію: поэтому зерна

сначала получаютъ буро-красный цвѣтъ, а позже, по мѣрѣ раздуванія, которое вначалѣ неправильно и происходитъ мѣстами, окрашиваются въ прекрасный синій цвѣтъ. Если однакожь количество крахмала въ-отношеніи къ раствору хлористаго цинка слишкомъ велико и послѣ совершеннаго разбуханія образуетъ липкую, плотную массу, похожую на клейстеръ, то синій цвѣтъ его, впродолженіе 24 часовъ, пока еще не кончилось разбуханіе, превращается въ прекрасный пурпуровый. Если теперь прибавить воды, не прибавляя іода, то цвѣтъ переходитъ быстро въ синій. Очевидно, при началѣ разбуханія въ растворѣ хлористаго цинка было довольно воды, чтобы сообщить крахмалу синій цвѣтъ, а потомъ, когда увеличилось разбуханіе, воды сдѣлалось мало и крахмалъ окрасился въ красный цвѣтъ.

Итакъ реакція клѣтчатки и крахмала на іодъ не только не составляетъ единственнаго признака, чтобы различить ихъ другъ отъ друга, но и *вовсе негодна для этой цѣли.*

Правда, *Нэгели*, для отличія этихъ веществъ, приводитъ еще то обстоятельство, что клѣтчатка сильнѣе сопротивляется всѣмъ растворяющимъ и разбухающимъ средствамъ, нежели крахмалъ, и что по-этому крахмальныя зерна, по содержанію въ себѣ клѣтчатки, менѣе растворимы, чѣмъ безформенный крахмалъ (стр. 193). Конечно, это положеніе справедливо, относительно многихъ растворяющихъ средствъ; однакожь оно не имѣетъ всеобщаго значенія. Амміакальная окись мѣди растворяетъ очищенную клѣтчатку весьма быстро, а не растворяетъ крахмала, заставляя его только разбухать. Далѣе ферментъ въ гниломъ картофелѣ, открытый *Митчерлихомъ*, растворяетъ клѣтчатку и не дѣйствуетъ на крахмалъ. *Нэгели* объясняетъ это тѣмъ, что ферментъ дѣйствуетъ на протеинныя вещества, заключающіяся въ оболочкахъ клѣточекъ, и потому разлагаетъ и клѣтчатку, между-тѣмъ-какъ въ крахмалѣ нѣтъ протеинныхъ веществъ, и потому онъ и не разлагается. Можетъ быть, это и такъ; но *Моль* справедливо замѣчаетъ, что прежде, нежели принять это, должно сдѣлать сравнительныя изслѣдованія надъ дѣйствіемъ этого фермента надъ чистою клѣтчаткою и крахмаломъ.

Моль замѣчаетъ, что односторонне принимать, будто крахмальныя зерна труднѣе растворяются или вовсе не растворяются отъ присутствія въ нихъ вещества, нерастворимаго въ водѣ, потому-

что послѣднее въ чистомъ видѣ во многихъ случаяхъ легче растворяется, нежели въ соединеніи съ крахмаломъ.

Также несправедливо мнѣніе *Нэгели* о томъ, что часть крахмалинки, нерастворимая въ слюнѣ, есть клѣтчатка.

Основанія, на которыхъ опирается *Нэгели*, взяты отъ реакціи этого вещества на іодъ (стр. 186), именно, что оно окрашивается іодовой водой, іодовой тинктурой или іодистымъ цинкомъ въ мѣдно-красный или красноватый цвѣтъ; что если его высушить съ іодной тинктурою и смочить водою, или дѣйствовать на него іодомъ и сѣрною кислотою, то оно получаетъ синій цвѣтъ.

Эти отношенія указываютъ на большое сходство этого вещества съ клѣтчаткою. Какъ дальнѣйшее сходство между ними, *Моль*, въ противоположность наблюденіямъ *Пайена*, о которыхъ мы говорили въ предыдущей статьѣ, приводитъ, что оба эти вещества растворяются въ амміакальной окиси мѣди. Не смотря однакожь на это, между ними есть много и различій.

Въ-отношеніи къ физическимъ свойствамъ: вещество крахмалинки весьма ломко, чистая клѣтчатка, напротивъ-того, въ значительной степени упруга и тягуча, далѣе, оба соединенія дѣйствуютъ на поляризованный свѣтъ въ противоположномъ направленіи, что̀ весьма важно, потому-что указываетъ на различіе въ химическомъ составѣ этихъ веществъ.

Въ-отношеніи къ химическимъ свойствамъ:

Ѣдкое кали растворяетъ мгновенно вещество крахмалинки; клѣтчатка-же, хотя раздувается въ немъ, но не растворяется впродолженіе нѣсколькихъ часовъ.

Хлоро-цинкъ-іодъ въ сгущенномъ состояніи растворяетъ вещество крахмалинки мгновенно въ буро-красную жидкость; клѣтчатка-же разбухаетъ въ немъ незамѣтно и нисколько не растворяется впродолженіе сутокъ.

Амміакальная окись мѣди, въ которую прибавлено столько углекислаго амміака, что она не дѣйствуетъ болѣе на клѣтчатку, растворяетъ мгновенно вещество крахмалинки; но если прибавить больше углекислаго амміака, то и вещество крахмалинки также не растворяется.

Амміакальная окись Никкеля растворяетъ вещество крахмалинки мгновенно, клѣтчатка-же не растворяется въ немъ.

Азотная кислота растворяетъ вещество крахмалинки мгно-

венно; клѣтчатка-же растворяется въ ней послѣ прибавленія хлорновато-кислаго кали и послѣ долгаго кипяченія.

Хлористо-водородная кислота растворяетъ вещество крахмалинки мгновенно; клѣтчатка-же растворяется въ ней незамѣтно.

Самую рѣзкую противоположность между ними составляетъ отношеніе къ поляризованному свѣту; но и другія различія также весьма разительны и постоянны для клѣтчатки и крахмала, полученныхъ изъ различныхъ растеній. Они въ такой-же степени важны, какъ различія между различными сортами сахара. По-этому есть достаточное основаніе не смѣшивать вещество крахмалинки съ клѣтчаткою и дать ему особенное названіе. *Моль* предлагаетъ назвать его *мучниною* (farinosa).

О значеніи органогеніи. — При представленіи Парижской академіи наукъ мемуара *Байльона* о семействѣ *молочайныхъ*, *Пайеръ* (11), привелъ нѣсколько примѣровъ того, какъ легко можно ошибиться на-счетъ значенія органовъ растеній, если не прослѣдить ихъ исторіи развитія.

«*А.-Л. Жюссьё*, *Декандоль* и ихъ послѣдователи, говоритъ онъ, принимаютъ форму за существенный признакъ при опредѣленіи органовъ, такъ-что сходство формы влечетъ за собою сходство и сущности. Во мнѣніи-же, которое мы защищаемъ, форма составляетъ совершенно второстепенный признакъ и для опредѣленія значенія органовъ должно прибѣгать къ совокупности ихъ *сростаній*, дознанныхъ помощію органогеніи.

«Такимъ образомъ для партизановъ формы чешуйки сосновой, шишки и чешуйки кипарисной будутъ одно и то-же, т.-е. прибавочные органы. Для насъ, преслѣдовавшихъ развитіе этихъ чешуекъ, кипарисныя чешуйки, имѣющія въ своей пазухѣ маленькую цвѣточную ножку съ цвѣтами, будутъ прибавочные органы, между-тѣмъ-какъ сосновыя чешуйки, выходящія сами изъ пазухи другихъ органовъ и приносящія сѣмена, суть осевые органы.

«Точно также, если сравнить зеленые органы на стеблѣ спаржи съ игольчатыми листьями сосенъ, то найдемъ большое сходство въ формѣ, и ботаники, о которыхъ идетъ рѣчь, не замедлили заключить, что на спаржѣ, какъ и на соснѣ, эти органы суть листья.

---

(11) Comptes rendus, 27 juin 1859.

Однакожь органогеническія наблюденія намъ показали, что эти органы, столь сходные по формѣ, суть листья на соснѣ и цвѣточныя ножки, которыхъ цвѣты не развились, на спаржѣ.

«У баволъниковыхъ открытые плоды формою похожи на листья. По-этому и заключили, что эти плоды образованы изъ столькихъ видоизмѣненныхъ листьевъ. Отсюда родилась блестящая теорія плодниковыхъ листочковъ, которая такъ долго господствовала въ наукѣ; но наблюденіе сростанія и развитія этихъ плодовъ показало намъ, что въ каждомъ изъ нихъ есть и осевая часть, приносящая яички, и прибавочныя части.

«Но возьмемъ примѣры изъ молочайныхъ: всѣ ботаники, пораженные сходствомъ двухъ органовъ, сопровождающихъ завязь въ женскихъ цвѣтахъ полѣски (Mercurialis), съ нитями тычинокъ, приняли ихъ за неразвившіяся тычинки. Органогенія доказала напротивъ-того г. Байльону, какъ и мнѣ, что это медовники.

«Во всѣхъ ботаникахъ, вышедшихъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, цвѣтокъ молочайныхъ разсматривается какъ сложный, потому-что при основаніи завязи нѣкоторыхъ видовъ есть зубчатый ободокъ, который похожъ на чашечку, а при основаніи каждой тычинки— органъ, похожій на прицвѣтникъ. Но органогенія показала намъ, что такъ-называемая чашечка подъ завязью есть дискъ, а такъ-называемые прицвѣтники рождаются послѣ тычинокъ и слѣд. не могутъ ихъ произвести; что они помѣщены вовсе не подъ тычинками, а со стороны, и что они суть ни что иное, какъ медовники.

«Я могъ-бы увеличить число примѣровъ и показать академіи, что не одно это семейство заключаетъ въ себѣ ошибочныя опредѣленія органовъ, вслѣдствіе несчастнаго расположенія большей части ботаниковъ.

На это *Броньяръ* (12) дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«Какъ можетъ *Пайеръ* утверждать, что *Жюссьё*, *Декандоль* и ботаники, которые считаютъ честью принадлежать къ ихъ школѣ, принимаютъ форму за существенный признакъ органовъ, когда *Жюссьё*, удаляясь отъ пути, проложеннаго *Турнефоромъ*, и слѣдованнаго *Линнеемъ*, отбрасывалъ признаки формы и цвѣта и различалъ почти всегда весьма счастливо чашечку отъ вѣнчика, основываясь именно на происхожденіи и сростаніи этихъ органовъ, когда во столькихъ мѣстахъ безсмертнаго сочиненія: «Genera plan-

(12) Comptes rendus 11 juillet 1859.

tarum», открывшаго путь, которому мы теперь слѣдуемъ, онъ настаиваетъ такъ часто на гораздо большей важности признаковъ, взятыхъ отъ происхожденія и отъ положенія, нежели доставляемыхъ формою органовъ.

«Что касается до *Декандоля*, то съ 1815 г. въ «Théorie élémentaire de la botanique», которую справедливо называли философскою теоріею этой науки, онъ настаиваетъ именно на измѣнчивости формъ тѣхъ-же органовъ и посвящаетъ особую длинную главу спеціально тому, что называетъ вырожденіемъ и преобразованіемъ органовъ, гдѣ показываетъ, что ихъ относительное положеніе есть истинный критерій, по которому можно судить о ихъ природѣ. По-этому онъ и оканчиваетъ эту главу слѣдующими словами: «Всѣ эти перемѣны въ составѣ, исчисленныя мною (и я ограничился только тѣми, которыя встрѣчаются довольно часто и могутъ ввести въ заблужденіе), доказываютъ, какъ легко ошибиться насчетъ истинной природы органовъ, *если не изслѣдовать прежде всего ихъ положенія въ данной системѣ органической симметріи* (стр. 113, изд. 1819). И далѣе, считаетъ-ли онъ форму за существенный признакъ, говоря: «Нѣтъ, я не боюсь утверждать, что тычинки и лепестки одной и той-же природы; нельзя описывать одинъ изъ этихъ органовъ иначе, нежели другой».

Было бы слишкомъ долго приводить всѣ мѣста *Декандоля* (изъ этого сочиненія или изъ другихъ, слѣдовавшаго за нимъ, которыя доказываютъ, что форма, составъ, цвѣтъ и пр. въ опредѣленіи значеніи органовъ подчинены *Декандолемъ* относительному положенію, которое занимаютъ эти органы.

Тѣ-же идеи изложены во многихъ главахъ «Traité de morphologie végétale» *Огюста Сентъ-Илера*, гдѣ онъ, описывая различныя формы органовъ, предостерегаетъ ученика противъ расположенія приписать слишкомъ большую важность этимъ внѣшнимъ видимостямъ. Мало того, эти мысли сдѣлались всеобщимъ достояніемъ не только въ теоретическомъ и философскомъ смыслѣ, но получили свое приложеніе въ описательной ботаникѣ. *Пайеръ* приводитъ въ примѣръ такъ-называемыя листья спаржи; но для рѣшенія этой задачи нѣтъ необходимости прибѣгать къ органогеніи,—эта задача рѣшена другимъ путемъ гораздо прежде, именно въ 1840 году *Огюстомъ Сентъ-Илеромъ*. Вотъ что онъ говоритъ: (Leçons de bot. стр. 776): Вы увидите, напр. прибавочные органы спаржи въ шелушистыхъ чешуйкахъ, которыя расположены симметрически на

стеблѣ, а нѣжныя части въ видѣ иголочекъ, которыя обыкновенно называютъ листьями, будутъ для васъ неразвившіяся вѣтви, потому-что онѣ находятся въ пазухѣ чешуй». Это точное опредѣленіе было введено въ родовые признаки рода Asparagus въ 1845 году гг. *Коссономъ* и *Жерменемъ* въ ихъ «Flore des environs de Paris» (стр. 537). Терминъ листовидныхъ вѣтвей употребленъ гг. *Гренье* и *Годрономъ* при описаніи спаржи въ ихъ «Flore de France». Наконецъ *Кунтъ*, въ своемъ большомъ сочиненіи «Enumeratio plantarum» и пр. (томъ V, стр. 57, 1850 г.), при описаніи спаржи говоритъ: «Folia sparsa squamaeformia nunc pedunculos steriles, nunc fortiles, nunc ambos stipantia».

Такимъ образомъ уже 20 лѣтъ, а можетъ быть и болѣе, извѣстно то, что *Пайеръ* выставляетъ какъ новость, открытую органогеническимъ изученіемъ, и что найдено другимъ путемъ и принято послѣдователями *Жюссьё* и *Декандоля*.

«Приводя эти общія идеи и нѣкоторые факты, сюда относящіеся, ради ботаниковъ, которые предшествовали намъ и которымъ по большей части мы обязаны тѣмъ, что мы есть, говоритъ *Броньяръ*, я думаю только воздать имъ справедливость, потому-что я лично заинтересованъ въ вопросѣ весьма косвеннымъ образомъ, предполагая, что *Пайеръ* считаетъ меня послѣдователемъ двухъ великихъ ботаниковъ, на принципы которыхъ онъ нападаетъ такъ легкомысленно, что я считаю себѣ за особую честь, чтобы жаловаться на это».

Въ-заключеніе *Броньяръ* весьма справедливо замѣчаетъ, что онъ весьма уважаетъ органогеническія изслѣдованія, и что нападаетъ только на преувеличенія, которыя имъ приписываютъ Органогенія не можетъ преобразовать ботаники, какъ думаютъ ея исключительные приверженцы, она только усовершенствуетъ ея нѣкоторыя части. Во многихъ-же случаяхъ она даетъ темныя и сбивчивыя данныя, которыя должны быть подтверждены или опровергнуты анатомическими и тератологическими изслѣдованіями. Только одновременнымъ употребленіемъ различныхъ способовъ изслѣдованія можно дойти до совершеннаго познанія растительной организаціи.

Пайеръ (13), для подтвержденія своего мнѣнія, приводитъ нѣсколько фактовъ, объясненныхъ *Жюссьё* и *Декандолемъ* ложно, чего

---

(13) Comptes rendus, 18 juillet 1859

они не могли-бы сдѣлать, еслибы руководились при своихъ изслѣдованіяхъ органогеніей. «Не будемъ, говоритъ онъ, дѣлать усилія уменьшить ея важность, когда эта важность признана всѣми; не будемъ стараться уменьшить заслугу тѣхъ, кто имѣетъ право на открытіе, отыскивая зачатки его въ отрывочныхъ фразахъ прежнихъ авторовъ».

Такимъ образомъ *Пайеръ*, кажется, приписываетъ себѣ честь открытія новаго пути въ ботаникѣ, основаннаго на исторіи развитія! Странная смѣлость! Всѣмъ извѣстно, что первый, слѣдовавшій новому пути изслѣдованій, былъ недавно умершій *Робертъ Броунъ*, что распространилъ это ученіе и довелъ его до всеобщаго сознанія *Шлейденъ*. *Пайеръ* намекаетъ на то, что онъ проложилъ новый путь изысканій!

Мокенъ-Тандонъ защищалъ *Броньяра*, котораго не было въ этомъ засѣданіи, говоря, что его замѣчанія весьма справедливы.

«Органогенія доставила наукѣ новое средство, новый элементъ для достиженія дѣйствительнаго познанія сростаній; но она не открыла этого начала, ни его приложенія къ таксономіи.

«Начало *сростаній* не ново. *Линней* формулировалъ его очень ясно въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій, въ «Classes plantarum» (1738). Этотъ великій ботаникъ сказалъ: Sciunt nullam partem universalem magis valere, quam illam a situ» (стр. 287). Къ сожалѣнію, *Линней*, увлеченный другими соображеніями, не всегда прилагалъ начало, о которомъ идетъ рѣчь. Эта слава была предоставлена *Жюссьè*, основателю той превосходной школы, откуда мы черпали всѣ,—той славной школы, которую *Дю-Пти-Туаръ* назвалъ школою прикрѣпленій, т.-е. положеній абсолютныхъ, или относительныхъ, а слѣдов. и сростаній.

«Знаменитый *Жоффруа-Сентъ-Илеръ*, который извлекъ изъ сростаній такія удивительныя и плодотворныя послѣдствія въ своихъ «Etudes d'anatomie philosophique», всегда признавалъ добросовѣстно и предъ всѣми, чѣмъ онъ обязанъ *Жюссьè*, который предшествовалъ ему и вдохновлялъ его. Правда, что потомъ благодарная зоологія возвратила ботаникѣ по части уродливостей болѣе, чѣмъ вдохновенія!

«Я настаиваю на этомъ спасительномъ впечатлѣніи, которое ботаника сообщила зоологіи, потому-что *Пайеръ* сказалъ въ последній разъ, что ботаники не воспользовались трудами зоологовъ и въ-особенности трудами *Этьена Жоффруа-Сентъ-Илера*. Вы ви-

дите, мм. гг., что это утвержденіе не точно. Съ точки зрѣнія таксономіи, какъ теоретической, такъ и практической, наука о растеніяхъ шла очень рано по этому прекрасному пути; она не имѣла надобности въ образцѣ; она должна-бы была служить образцомъ сама себѣ.

«Одинъ изъ нашихъ ученыхъ непремѣнныхъ секретарей разсказалъ намъ, какъ *усилія молодаго Кювье для обновленія зоологіи были въ связи съ самою книгою* «Genera plantarum», *которая обновила ботанику.* Этотъ второй законодатель *животнаго царства* съ удовольствіемъ и передъ всѣми признавалъ вліяніе школы *Жюссьё* на его труды. Въ одномъ изъ торжественныхъ случаевъ *Кювье* объявилъ, что главный трудъ, служащій выраженіемъ этой школы, *произвелъ въ наблюдательныхъ наукахъ эпоху, можетъ-быть столь-же важную, какъ химія въ опытныхъ наукахъ.* И одна, кожь этотъ самый трудъ *Пайеръ* при другомъ случаѣ назвалъ развалиной!

«Перехожу къ *Декандолю.* Изслѣдованія, столь многочисленныя, этого славнаго ботаника о симметріи органовъ въ снарядахъ или частей въ каждомъ органѣ доказали уже давно, что онъ придавалъ весьма большую таксономическую важность относительнымъ положеніямъ или сростаніямъ. Философскія начала *Декандоля*, впрочемъ, вездѣ. Онъ развивалъ ихъ и въ своемъ курсѣ и въ своихъ сочиненіяхъ, особенно въ самой прекрасной изъ своихъ книгъ, въ своей «Théorie élémentaire». Онъ блистательно прилагалъ ихъ и въ спеціальныхъ монографіяхъ и въ томъ удивительномъ памятникѣ, который позволяетъ обнять все растительное царство.

«*Броньяръ* привелъ два мѣста изъ «Théorie élémentaire», гдѣ *Декандоль* весьма ясно требуетъ, чтобы изслѣдовали прежде всего положеніе органовъ въ данной системѣ симметріи. Вотъ еще мѣсто, гдѣ выражены весьма ясно мысли объ употребленіи *формы* въ классификаціяхъ. «Хотя во всѣхъ ботаническихъ книгахъ имѣютъ обыкновеніе описывать съ большимъ тщаніемъ форму органовъ, но *эта форма* (только въ таксономическомъ отношеніи) *въ дѣйствительности имѣетъ очень не большую важность*» (стр. 145).

«Я долженъ замѣтить мимоходомъ, что примѣръ настоящихъ листьевъ спаржи, приведенный *Пайеромъ*, есть не только фактъ давно извѣстный, какъ это доказалъ *Броньяръ*, но что этотъ фактъ былъ обозначенъ въ 1827 г. самимъ *Декандолемъ* въ его органографіи (стр. 335).

Дюналь еще болѣе развивалъ эти идеи.

Огюстъ-Сентъ-Илеръ и самъ *Мокень-Тандонъ* также занимались симметріей цвѣтка. Слѣдовательно *Декандоль* и его послѣдователи не придали формѣ большой важности въ таксономическомъ отношеніи.

На это *Пайеръ* отвѣчаетъ, что по его мнѣнію, чтобы судить о принципахъ автора, должно разсмотрѣть его теорію и самыя важныя наблюденія, а не приводить отдѣльныя фразы, и въ заключеніе выставляетъ нѣсколько ошибочныхъ опредѣленій самого *Мокень-Тандона*.

Изъ этого спора ясно, что ни *Жюссьё*, ни *Декандоль* не отвергали важности исторіи развитія и не придавали особеннаго значенія формѣ. какъ утверждаетъ *Пайеръ*, но что при опредѣленіи значенія органовъ они не слѣдовали исторіи развитія, потому-что не могли этого сдѣлать: имъ было слишкомъ много труда для того, чтобы изучить исторію развитія; они должны были сначала хотя приблизительно обнять всѣ формы и опредѣлить ихъ значеніе. Теперь, когда этотъ предварительный трудъ конченъ, можно приступить къ изслѣдованію исторіи развитія растеній и найдти нѣсколько погрѣшностей въ ихъ опредѣленіи; но, во всякомъ случаѣ, честь проложенія новаго пути въ ботаникѣ принадлежитъ не *Пайеру!*

Л. МИХАЙЛОВЪ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Открытіе клиническаго отдѣленія для душевныхъ болѣзней при 2-мъ военно-сухопутномъ санктпетербургскомъ госпиталѣ. — 13 іюня, въ 11 часовъ утра, происходило публичное открытіе клиническаго отдѣленія при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, состоящемъ, какъ извѣстно, въ непосредственномъ вѣдѣніи Императорской С. Петербургской медико-хирургической академіи. Къ этому времени съѣхались въ новую клинику, по приглашенію начальства академіи, члены высшихъ медицинскихъ учрежденій — медицинскаго совѣта и военно-медицинскаго ученаго комитета; члены конференціи академіи и другіе преподаватели, равно-какъ спеціалисты по части душевныхъ болѣзней изъ больницъ Всѣхъ Скорбящихъ и Обуховской и имѣющіе частныя больничныя заведенія для подобнаго рода больныхъ. Сначала посѣтители были введены въ прежнее госпитальное отдѣленіе для душевныхъ болѣзней, причемъ они не могли не замѣтить величайшаго неудобства въ размѣщеніи больныхъ и, вообще, неустройства самаго зданія, вовсе неприспособленнаго къ его спеціальной цѣли. За-то, при переходѣ въ новое клиническое отдѣленіе, посѣтителямъ представилась самая пріятная картина порядка, чистоты, удобства и системы въ размѣщеніи больныхъ, такъ-что одинъ изъ посѣтителей удачно замѣтилъ: «Переходя изъ стараго въ новое отдѣленіе, кажется, какъбудто мы перешагнули чрезъ два вѣка!» Въ самомъ-дѣлѣ, здѣсь все обдумано, приспособлено къ спеціальной цѣли, видно, что всему лежала въ основаніи идея добра, идея истиннаго, гуманнаго направленія. Вмѣсто длинныхъ, однообразныхъ палатъ съ обыкновенными госпитальными койками, вы видите и общія залы, и отдѣльные нумера для безпокойныхъ больныхъ, и особеннаго рода кровати для неопрятныхъ больныхъ и эпилептиковъ, и отдѣльныя комнаты съ мягкими стѣнами, и комнаты для занятій рукодѣліями, и шкафы съ музыкальными инструментами и другими предметами для занятій больныхъ; въ офицерскомъ отдѣленіи стоитъ великолѣпный билліардъ, на дворѣ устроены кегли, вокругъ

отдѣленія тѣнистыя деревья, съ мѣстомъ для прогулки больныхъ; вездѣ проведена чистая вода, устроены роскошныя ванны и души, обращено вниманіе на удобнѣйшій способъ отопленія, на вентиляцію и другіе гигіеническіе предметы. Сверхъ-того устроена особая комната для занятій врачей клиническаго отдѣленія и студентовъ академіи, и тутъ посѣтители видѣли всѣ ученыя средства и пособія отдѣленія — и прекрасные микроскопы, и аппараты для химическихъ анализовъ, и проч.

По обозрѣніи всѣхъ палатъ и другихъ комнатъ заведенія, протоіереемъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя совершено было, въ одной изъ большихъ залъ, молебствіе, и потомъ завѣдывающій отдѣленіемъ, адъюнктъ-профессоръ академіи И. М. *Балинскій*, которому оно болѣе всего обязано своимъ новымъ, истинно—гуманнымъ устройствомъ, прочиталъ слѣдующую рѣчь:

«Милостивые государи!

«Вы присутствуете при открытіи перваго клиническаго отдѣленія душевныхъ болѣзней въ нашемъ отечествѣ. Событіе — достойное вниманія и сочувствія каждаго мыслящаго человѣка и тѣмъ-болѣе врача; новое доказательство возрастающаго попеченія правительства объ участи несчастнѣйшихъ изъ подданныхъ, выраженіе вполнѣ сознанной необходимости образованія спеціальныхъ врачей въ этомъ отношеніи, очевидное стремленіе къ дальнѣйшему усовершенствованію мало еще разработанной науки. Когда, въ началѣ текущаго столѣтія, повинуясь голосу Пинеля, растворились темницы, въ которыхъ заключались помѣшанные, и оковы спали съ рукъ несчастныхъ жертвъ вѣковыхъ предразсудковъ и невѣжества, то было, безъ сомнѣнія, начало новой эпохи въ исторіи человѣчества и въ нашей наукѣ. Въ безумномъ признано и уважено достоинство человѣка, пріисканы средства для облегченія жалкой его участи, и пламя мысли оживлено нерѣдко тамъ, гдѣ оно казалось уже погасшимъ безвозвратно. И кто не сочувствовалъ благимъ намѣреніямъ Пинеля? Едва миновало полвѣка со времени его, и уже во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ Европы воздвигнуты многочисленные пріюты и лечебницы для помѣшанныхъ. Цѣлыя тысячи несчастныхъ, вмѣсто цѣпей и побоевъ, холодной насмѣшки или гнуснаго убѣжденія въ безпомощности ихъ состоянія, встрѣчаютъ тамъ теплое сочувствіе, родительскій уходъ, дѣятельную помощь. Имъ доставлены всѣ удоб-

ства жизни, достатокъ, безопасность, возможная свобода, необходимыя занятія и соотвѣтственныя развлеченія. Самыя вѣжныя, самыя вѣрныя средства возвратить къ дѣйствительной жизни болѣзненно-мечтающій умъ. Помѣшанные окружены прислугой, вникающей въ ихъ состояніе, участь ихъ ввѣрена опытнымъ и просвѣщеннымъ врачамъ, всѣ нравственныя и физическія условія ихъ жизни напередъ разсчитаны и взвѣшены наукой. Дѣйствительно, подобныя учрежденія суть могущественнѣйшіе памятники въ честь человѣчеству и наукѣ. Результаты ихъ вполнѣ оправдали ожиданія врачей—возможно-ли еще сомнѣваться въ наше время въ излечимости помѣшательства? Не доказали-ли обществу усилія врачей, что и неизлечимые помѣшанные могутъ быть еще полезными его членами, окупая, хотя отчасти, собственнымъ трудомъ жертвуемое для нихъ пособіе. Умноженіе и хорошее устройство домовъ помѣшанныхъ не остались безъ вліянія и на самую науку. Изъ рукъ философовъ и психологовъ вна перешла въ руки врачей-естествоиспытателей. Они первые поставили главною цѣлію своихъ усилій прямую пользу больныхъ, и первые достигли ея кровавымъ трудомъ. Никто не посмѣлъ оспаривать у нихъ первенства и не пожелалъ раздѣлить съ ними практическихъ трудовъ. Въ рукахъ врачей наука быстро воспользовалась обильнымъ матеріаломъ точныхъ наблюденій, она отстала отъ пустыхъ споровъ о существѣ неосуществленнаго, отъ поэтическихъ взглядовъ на припадки болѣзни, отъ спекулятивныхъ теорій о ея сущности и одностороннихъ понятій о причинахъ; она отклоняетъ отъ себя все темное, двусмысленное, сомнительное. Современныя психологическія понятія врачей основываются на наблюденіяхъ, постоянно-собираемыхъ ими у постели больныхъ; это не суть плоды фантазіи, это факты, которые встрѣчаютъ на каждомъ шагу обширное примѣненіе на практикѣ. Имъ обязаны опытные врачи тѣмъ вліяніемъ, которое они оказываютъ на своихъ больныхъ и которое для тѣхъ столь полезно. Въ описаніяхъ душевныхъ болѣзней мы не довольствуемся уже выставленіемъ нѣсколькихъ, болѣе-рѣзкихъ явленій, сильнѣе поражающихъ воображеніе, но замѣчаемъ каждое изъ нихъ отдѣльно и изслѣдуемъ подробно. Мы убѣдились въ томъ, что разстройству умственныхъ способностей почти постоянно сопутствуютъ различныя тѣлесныя страданія, что они состоятъ въ тѣсной съ ними связи, и прибѣгаемъ ко всѣмъ методамъ изслѣдованія больнаго организма. Мы

слѣдимъ за новѣйшими успѣхами анатоміи и физіологіи; намъ необходимы химическія и микроскопическія наблюденія, мы вѣримъ въ пользу, приносимую наукѣ тщательными вскрытіями умершихъ. Замѣчательно измѣнились и расширились наши понятія о душевныхъ болѣзняхъ со времени Пинеля и Эскироля, благодаря приданному ими направленію психіатріи. Конечно, слабы еще результаты новѣйшихъ усилій; но легко можно замѣтить, что наука о душевныхъ болѣзняхъ вступила уже твердою ногой на путь, по которому слѣдуя, легко можетъ принести неожиданную пользу. Вездѣ, наконецъ, гдѣ устройство домовъ для помѣшанныхъ достигло желаемаго совершенства, появилось клиническое преподаваніе душевныхъ болѣзней, труды опытныхъ врачей сообщались новому поколѣнію, пріобрѣтали гласность, подвергались ученой критикѣ. Образовались общества, имѣющія единственною цѣлію улучшеніе участи помѣшанныхъ и обогащеніе науки объ ихъ болѣзни; появились спеціальныя по этому предмету сочиненія и журналы и возбудили всеобщій интересъ. Неутомимыя усилія врачей обратили на себя вниманіе многихъ правительствъ Европы; устройство и управленіе домовъ помѣшанныхъ сдѣлалось важною отраслью государственнаго управленія. Во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ оно довѣряется врачамъ, обладающимъ спеціальными познаніями и пріобрѣтшимъ уже извѣстную опытность. Врачи эти поставлены въ зависимость отъ особаго управленія, во главѣ котораго стоитъ одинъ изъ ихъ товарищей; отъ нихъ требуется строгая отчетливость въ ученомъ и административномъ отношеніи; каждая мысль ихъ о новомъ усовершенствованіи встрѣчаетъ теплое сочувствіе, обсуживается и приводится въ исполненіе. Слѣдуя внушенію врачей, правительства распространили свои попеченія не только на больныхъ, но и на выздоравливающихъ; дѣйствительно, достойна ихъ вниманія мысль о мѣрахъ для предотвращенія ужасной болѣзни и ея возвратовъ. Согласно современнымъ требованіямъ науки, умножаются наконецъ и совершенствуются законы о помѣшанныхъ, а разрѣшенія врачей въ судебныхъ вопросахъ становятся болѣе ясными, положительными и вѣрными. Основываясь на наукѣ, въ наше время, они дѣйствительно нерѣдко спасаютъ несправедливо-обвиненныхъ въ преступленіи и чистую совѣсть судей. Германія, Франція, Англія, Голландія, Бельгія и нѣкоторыя другія страны съ гордостію могутъ взглянуть на плоды трудовъ своихъ на этомъ поприщѣ. Слѣдовательно, если устройство до-

мовъ помѣшанныхъ составляетъ въ каждой странѣ важное событіе въ филантропическомъ, административномъ и ученомъ отношеніи, то у насъ, гдѣ подобныхъ домовъ такъ мало, гдѣ устройство и управленіе большинства изъ нихъ далеко не достигло совершенства, это — событіе, нетолько важное для ума, но новое и радостное для сердца. Мы просили главныхъ представителей врачебной науки у насъ и лицъ, сочувствующихъ общественному добру, присутствовать при открытіи новаго отдѣленія для помѣшанныхъ. Отдѣленіе это дѣйствительно новое, и вы легко можете въ этомъ убѣдиться, милостивые государи, выслушавъ еще нѣсколько словъ, которыми осмѣлюсь утруждать ваше вниманіе.

«Около двухъ лѣтъ тому назадъ, я назначенъ былъ, г. президентомъ академіи въ должность завѣдывающаго отдѣленіемъ помѣшанныхъ при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, единственнымъ подобнаго рода заведеніемъ для лицъ военнаго вѣдомства. Но, къ глубочайшему моему прискорбію, кромѣ названія, я не нашелъ во ввѣренномъ мнѣ отдѣленіи никакого устройства, напоминающаго дома помѣшанныхъ. Это было одно изъ тѣхъ заведеній, память о которыхъ дошла до насъ лишь по преданіямъ средневѣковыхъ писателей. Число помѣшанныхъ не было ограничено, больные стѣснены были чрезмѣрно, находились безъ надлежащаго надзора, безъ всякихъ средствъ для занятія и развлеченія. Безпокойные не были отдѣлены отъ спокойныхъ, буйство одного помѣшаннаго приводило въ раздраженіе остальныхъ и укрощалось только угрозами и побоями, наносимыми имъ прислугой. Корридоры были темны, двери во всѣхъ комнатахъ низки, самыя комнаты неудобно распредѣлены и мрачны; вездѣ почти царствовали сырость и холодъ. Устройство клеенчатой комнаты не дозволяло помѣщать въ ней больныхъ, по причинѣ твердости стѣнъ ея и совершеннаго недостатка вентиляціи. Ванны и души вполнѣ не соотвѣтствовали своей цѣли. Немногочисленная прислуга помѣщалась въ отхожемъ мѣстѣ. При подобныхъ условіяхъ, отдѣленіе это стояло еще ниже средневѣковыхъ домовъ помѣшанныхъ устроиваемыхъ съ единственною цѣлію — охранить общество отъ опасныхъ поступковъ помѣшанныхъ. Здѣсь предстояли больнымъ всѣ удобства къ отлученію ихъ изъ заведенія, и они легко могли наносить себѣ всевозможный вредъ. Одно обстоятельство поразило однакожь меня болѣе другихъ: это обманчивый порядокъ, существовавшій въ отдѣленіи во время посѣщенія его начальствомъ.

Тогда дѣйствительно всѣ больные становились по мѣстамъ, хранили молчаніе и, за исключеніемъ буйныхъ, теряли даже видъ людей помѣшанныхъ. Подобнаго кратковременнаго порядка достигали, конечно, не вполнѣ мягкими средствами, жертвуя хладнокровно удобствомъ и спокойствіемъ больныхъ для глазъ неопытныхъ посѣтителей.

«Я привелъ здѣсь вкратцѣ нѣкоторые недостатки устройства бывшаго отдѣленія помѣшанныхъ, единственно въ смыслѣ словъ Бекона: «что добросовѣстное сознаніе собственныхъ недостатковъ есть вѣрнѣйшій залогъ стремленія къ лучшему». Въ подробномъ рапортѣ, представленномъ г-ну президенту академіи, я донесъ немедленно о состояніи отдѣленія и о томъ, что̀, по моему мнѣнію, слѣдовало предпринять для радикальнаго его преобразованія. Мой рапортъ встрѣтилъ живѣйшее сочувствіе и одобреніе его превосходительства, и мнѣ поручено было приступить къ составленію полнаго проекта объ устройствѣ отдѣленія помѣшанныхъ, съ соблюденіемъ однакожь слѣдующихъ условій: 1) чтобы, соединивъ новой пристройкой два старыя зданія (такъ-называемые 6 и 7-й больничные корпуса, изъ которыхъ первый собственно назначенъ для помѣщенія помѣшанныхъ, а второй—для арестантовъ), помѣстить въ нихъ то число помѣшанныхъ, которое помѣщалось обыкновенно въ госпиталѣ, т.-е. около 120 больныхъ; 2) чтобы ограничиться самыми необходимыми перемѣнами въ существующемъ устройствѣ этихъ деревянныхъ зданій, по-причинѣ ихъ ветхости и необходимости скораго окончанія работъ; 3) чтобы избѣжать всѣхъ излишнихъ расходовъ; 4) чтобы пріобрѣтать предметы, которые могли-бы пригодиться современемъ въ совершенно-новый домъ помѣшанныхъ, ежели постройка будетъ разрѣшена, и объяснить во всей подробности причины, по которымъ требуются всѣ измѣненія и нововведенія. Проектъ, составленный на этихъ основаніяхъ, съ планами и рисунками, представленъ былъ мною г. президенту, принятъ имъ и одобренъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Вслѣдствіе этого, по ходатайству г. президента, разрѣшена его высокопревосходительствомъ г. военнымъ министромъ сумма, въ количесвѣ 9,000 р. с., на внутренее устройство отдѣленія, т.-е. на покупку мебели, инструментовъ, средствъ для занятій и развлеченія больныхъ, на проведеніе воды по всему отдѣленію, устройство ваннъ и душей, на обзаведеніе библіотеки для врачей, покупку микроскоповъ, устройство платья для больныхъ, и т. д. Сумма эта

вѣроятно, не покажется значительною тѣмъ изъ моихъ товарищей, которые ознакомлены съ устройствомъ домовъ помѣшанныхъ.

«Вторая часть проекта—о прислугѣ, необходимой для дома помѣшанныхъ, о надзирателяхъ, учителяхъ, фельдшерахъ, и т. д., о возвышеніи жалованья служителямъ и улучшеніи ихъ содержанія, о сокращеніи срока ихъ службы, благодаря согласію, изъявленному военнымъ совѣтомъ, и просвѣщенному ходатайству г. военнаго министра—была всемилостивѣйше разрѣшена Государемъ Императоромъ въ 27 день марта текущаго года. Наконецъ

«Третья часть проекта, заключающая въ себѣ положеніе о порядкѣ въ домѣ помѣшанныхъ, о содержаніи больныхъ въ нравственномъ и тѣлесномъ отношеніи, объ обязанностяхъ служащихъ и т. д., одобрена конференціею и представлена на благоусмотрѣніе г. военнаго министра.

«Согласно проекту, клиническое отдѣленіе душевныхъ болѣзней при 2 военно-сухопутномъ госпиталѣ будетъ помѣщать въ себѣ 120 больныхъ обоего пола и раздѣлено на 6 слѣдующихъ отдѣленій: 1) спокойныхъ офицеровъ—12 чел., 2) спокойныхъ нижнихъ чиновъ—36 чел., 3) неопрятныхъ и трудныхъ—12 чел., 4) безпокойныхъ—30 чел., 5) неизлечимыхъ и эпилептиковъ—18 чел. и 6) женщинъ—12 чел.

«Надзирателей назначено въ отдѣленіе трое, съ жалованьемъ: старшему изъ нихъ — 194 руб. сер. и каждому изъ младшихъ—по 165 руб. серебромъ въ годъ. Должность старшаго надзирателя причислена къ X классу, а младшихъ — къ XII. Они пользуются квартирой и всѣмъ содержаніемъ отъ госпиталя. По прослуженіи въ сихъ должностяхъ каждыхъ пяти лѣтъ, надзиратели получаютъ, изъ суммъ коммиссаріата, прибавку къ положенному жалованью, равняющуюся одной трети первоначальнаго жалованья, до удвоенія онаго. Въ женское отдѣленіе назначена одна надзирательница, съ жалованьемъ по 150 руб. сер. въ годъ; она пользуется также полнымъ содержаніемъ отъ госпиталя и получаетъ пенсію по правиламъ, установленнымъ для лицъ женскаго пола, служащихъ по вѣдомствамъ учрежденій императрицы Маріи. Учителей назначено въ отдѣленіе двое; они опредѣляются по найму и каждому изъ нихъ назначено по 96 р. с. въ годъ. Фельдшеровъ назначено трое—одинъ старшій и двое младшихъ. Старшій, сверхъ настоящаго своего жалованья, получаеть 72 р. 40 к. с., а младшіе—по 54 р. 65 к. с. въ годъ. Въ мужскія отдѣленія клиники

назначено 10 старшихъ и 24 младшихъ служителей. Старшіе, сверхъ настоящаго ихъ жалованья, получаютъ по 50 р. 55 к. с. въ годъ, а младшіе—по 25 р. 75 к. с. въ годъ. Въ женское отдѣленіе назначено пять сидѣлокъ, съ жалованьемъ каждой изъ нихъ по 40 р. с. въ годъ. Фельдшера, служители и сидѣлки пользуются полнымъ содержаніемъ отъ госпиталя и получаютъ ту-же пищу, какъ и больные выздоравливающіе. Въ служители отдѣленія умалишенныхъ повелѣно назначить самыхъ благонадежныхъ изъ числа палатныхъ пріемщиковъ и служителей, а для поощренія ихъ къ ревностному исполненію своихъ обязанностей и въ вознагражденіе за тяжкіе труды, предоставлено имъ право получать отставку по прослуженіи въ этомъ отдѣленіи пятнадцати лѣтъ. Службу-же ихъ до поступленія въ отдѣленіе повелѣно причислить къ службѣ при отдѣленіи, считая пять лѣтъ за три года. То-же преимущество предоставлено и состоящимъ при отдѣленіи фельдшерамъ; срокъ ихъ службы ограничивается пятнадцатью годами, служба-же до поступленія въ отдѣленіе причисляется къ службѣ при отдѣленіи, считая четыре за три года. Изъ положеннаго служителямъ жалованья повелѣно выдавать имъ на руки только половину, другую-же половину отсылать въ одно изъ кредитныхъ установленій, для приращенія процентами, и возвращать имъ, съ процентами, не ранѣе, какъ по прослуженіи каждымъ изъ нихъ при отдѣленіи умалишенныхъ десяти лѣтъ. Если-же кто изъ служителей выбудетъ изъ отдѣленія до истеченія этого срока, то удержанная у него сумма, съ процентами, обращается на усиленіе средствъ отдѣленія умалишенныхъ. На улучшеніе пищи умалишенныхъ повелѣно выдавать, сверхъ госпитальнаго положенія, 934 рубли 40 коп. сер. въ годъ. На содержаніе и исправленіе инструментовъ, увеличеніе библіотеки, пріобрѣтеніе химическихъ принадлежностей и предметовъ для занятія умалишенныхъ назначено ежегодно 400 руб. сер.

«Съ разрѣшенія г. военнаго министра, постройка зданія для помѣщенія помѣшанныхъ и внутреннее его устройство возложены были на смотрителя госпиталя, г. капитана Моргенстіерна, и должны были производиться по указанію г. президента академіи и моему. Отдѣленіе это устроивалось совершенно особеннымъ образомъ, съ полнымъ самоотверженіемъ со-стороны г. Моргенстіерна, съ истинною любовію къ дѣлу, съ единственною мыслью объ общественной пользѣ. На каждый предметъ представлено было нѣсколько образцовъ, каждая вещь была измѣнена столько разъ,

сколько это понадобилось. Труды наши облегчены были постоянным поощреніемъ и содѣйствіемъ г. президента академіи, къ которому мы имѣли свободный доступъ во всякое время дня и ночи. Вся переписка была уничтожена; мы не составляли бумагъ; вездѣ, гдѣ нуждались въ совѣтѣ или разрѣшеніи его превосходительства, онъ былъ на мѣстѣ и все разрѣшалъ лично и немедленно. Если цѣль этихъ трудовъ достигнута, то единственно благодаря дѣятельному участію г. президента академіи.

«Окончивъ устройство клиническаго отдѣленія душевныхъ болѣзней при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, мы придали гласность этому дѣлу, считая его дѣломъ добрымъ и полезнымъ. Мы ожидаемъ отъ него хорошихъ послѣдствій въ будущемъ. Оно послужитъ, быть-можетъ, къ образованію врачей, которые спеціальными своими познаніями принесутъ истинную пользу на службѣ. Оно возбудитъ, быть-можетъ, общій интересъ къ наукѣ душевныхъ болѣзней, соединитъ отдѣльно-трудящихся врачей-спеціалистовъ въ одно общество, труды котораго приблизили-бы насъ и сравнили въ этомъ отношеніи съ другими просвѣщенными народами. Мы придали, наконецъ, гласность этому дѣлу потому, что отъ врачей преимущественно ожидаемъ сочувствія и въ-правѣ ожидать его отъ людей, единственно-способныхъ оцѣнить подобный трудъ. Отъ врачей также, и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которые обладаютъ спеціальными познаніями въ этомъ отношеніи, ожидаемъ самой строгой, но ученой и добросовѣстной критики. Критика ихъ падаетъ вполнѣ на меня; но пусть товарищи мои вспомнятъ объ условіяхъ этого заведенія, о томъ преимущественно, что оно не вновь построено, но передѣлано изъ стараго и вполнѣ-негоднаго зданія. Критика отдѣленія съ этой точки зрѣнія представлена уже мною въ собственномъ проектѣ.

«И такъ, милостивые государи, намѣренія наши были очевидно-похвальны, но довели-ли они насъ до желаемой цѣли и удовлетворяютъ-ли требованіямъ науки, рѣшить это принадлежитъ собственно вамъ».

Эти убѣдительныя, изъ глубины души истекшія слова молодаго ученаго возбудили всеобщее сочувствіе слушателей. Со всѣхъ сторонъ посыпались рукоплесканія и поздравленія. Г. президентъ академіи П. А. Дубовицкій, выразивъ ему при этомъ свою душевную благодарность, благодарилъ также особенно и сотрудника его, г. капитана Моргенстіерна, и поздравилъ г. *Балинскаго* съ

Монаршей милостію, вручивъ ему тутъ-же, при особой поздравительной бумагѣ, орденъ Св. Анны 3-й степени.

Всѣ участвовавшіе въ этомъ, можно сказать, торжественномъ праздникѣ нашей науки вынесли самое теплое, чистое, отрадное впечатлѣніе. Честь и слава молодому нашему ученому! Мы всѣ очень-хорошо понимаемъ, сколько ему стоило труда, усилій и самоотверженія для приведенія въ исполненіе своихъ благихъ намѣреній. Вы обращаетесь къ гласному, общественному суду и къ безпристрастной критикѣ; знайте-же, что они уже составили вамъ приговоръ—это: bene meritus de patria.

К. [illegible].

Возобновленіе комитета для всенароднаго распространенія грамотности на религіозно-нравственномъ основаніи. *Предложеніе г. вице-президента Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства С. П. Шипова, читанное въ засѣданіи Общества* 15 *ноября* 1849 *года.* — Въ 1859 году учрежденъ былъ при Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства комитетъ для всенароднаго распространенія грамотности на религіозно-нравственномъ основаніи, который возбудилъ сочувствіе къ сей важной мѣрѣ въ высшихъ духовныхъ и правительственныхъ лицахъ, а также и во многимъ благонамѣренныхъ помѣщикахъ, учредившихъ въ своихъ имѣніяхъ сельскія училища для образованія крестьянскихъ дѣтей. Дѣйствія сего комитета слились впослѣдствіи съ дѣйствіями цѣлаго Общества. Нынѣ, когда Августѣйшею волею Всемилостивѣйшаго Государя большая часть народа, принадлежащаго къ земледѣльческому состоянію, получаетъ новыя права, долженствующія расширить кругъ его дѣятельности, распространеніе въ немъ грамотности на религіозно-нравственномъ основаніи дѣлается болѣе и болѣе настоятельнымъ и достойнымъ особыхъ попеченій нашего Общества. Чтобы привести вамъ на память прежнія дѣйствія комитета грамотности, г. непремѣнный секретарь представитъ вамъ записку объ историческомъ ходѣ всего дѣла.

Объ учрежденіи при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства комитета для всенароднаго распространенія грамотности на религіозно-нравственномъ основаніи. *Записка г-на непремѣннаго секретаря С. А. Маслова.*—Въ 1844 году, покойный д. членъ Н. С. *Стремоуховъ* прислалъ Обществу нашему свѣдѣнія о заведенной у него, 25 лѣтъ тому, школѣ для образованія крестьянокъ, какъ буду-

щихъ матерей, что̀ онъ признавалъ необходимымъ для всеобщаго образованія народа—мысль вѣрная, глубоко-обдуманная и приведенная имъ въ исполненіе въ школѣ, заведенной въ его имѣніи Лебедянскаго уѣзда, с. Миловидовѣ. По новости своей, она была принята одинаково всѣми членами и вызвала въ Обществѣ борьбу мнѣній о томъ: наградить-ли г. Стремоухова золотою медалью за учрежденіе имъ этой школы. Въ то время нашлись защитники этой прекрасной, человѣколюбивой и государственно-полезной мысли и, вслѣдствіе представленныхъ ими мнѣній, въ 1846 году былъ составленъ при Обществѣ с. хозяйства комитетъ для распространенія грамотности между крестьянками въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Въ экстраординарномъ собраніи Общества, бывшемъ 8 декабря 1845 года подъ предсѣдательствомъ князя С. И. *Гагарина*, въ присутствіи князя А. Г. *Щербатова*, бывшаго въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ, самое учрежденіе сего комитета, въ которомъ изложены цѣль и составъ его, было утверждено и подписано 25 присутствовавшими членами. Хотя Общество, на основаніи своего устава, и могло это учрежденіе привести въ исполненіе, но, по важности предмета, опредѣлило испросить чрезъ г. министра государственныхъ имуществъ Высочайшее соизволеніе на открытіе его дѣйствій. На представленіе объ этомъ г. министръ, въ отношеніи своемъ на имя г. президента, полагалъ, что Общество можетъ развить свои дѣйствія по сему предмету и не испрашивая особаго Высочайшаго повелѣнія на учрежденіе комитета. Вслѣдствіе сего Общество приступило къ развитію своихъ дѣйстій, и въ 1846 году издало двѣ книжки о грамотности въ числѣ 2 тысячъ экземпляровъ; въ 1848 г. вновь издало ихъ, съ прибавленіемъ третьей книжки, въ числѣ 6 тыс. экземпл., посвященныя издателемъ всему православному Россійскому духовенству. Онѣ были разосланы ко всѣмъ архипастырямъ и ректорамъ семинарій, съ просьбою о распространіи грамотности на религіозно-нравственномъ основаніи. Духовенство приняло въ этомъ святомъ дѣлѣ живѣйшее участіе, засвидѣтельствованное въ-отношеніяхъ къ президенту Общества и къ издателю. Изданіе 6 тысячъ экземпл. въ одинъ годъ разошлось, и представилась потребность вновь издать первыя три книжки съ прибавленіемъ четвертой. Онѣ изданы уже въ числѣ 12 тыс. экземпл., да 4-й книжки, въ дополненіе къ тремъ прежде изданнымъ, 6 тыс. экземпл., и сверхъ-того 4-й книжки, какъ заключающей въ себѣ сокращенно все сказанное въ преды-

дущемъ, напечатано отдѣльно 6 тыс. экземпл., и всѣ они разошлись въ два года, безъ публикаціи въ газетахъ, потому-что многія епархіи выписали ихъ по числу церквей, въ нихъ находящихся. Эти книжки сдѣлались библіографическою рѣдкостью, и Общество въ 1855 г. признавало полезнымъ повторить ихъ изданіе, но до настоящаго времени многія обстоятельства какъ-будто задерживали редакцію приступить къ этому дѣлу. Теперь потребность образованія милліоновъ людей сдѣлалась нераздѣльною съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, и Общество наше, соединивъ свои дѣйствія въ особомъ комитетѣ для всенароднаго распространенія грамотности на религіозно-нравственномъ основаніи, исполнитъ свой девизъ: ora et labora (*молись и трудись*), и будетъ содѣйствовать вселюбезнѣйшему нашему Монарху въ достиженіи его человѣколюбивой цѣли: дать свободу крестьянамъ, *для чего твердое религіозно-нравственное основаніе съ необходимымъ просвѣщеніемъ* есть краеугольный камень; иначе трудно будетъ человѣку сладить съ свободою.

Въ томъ-же засѣданіи 15 ноября 1858 года, по выслушаніи предложенія г. вице-президента и записки г. непремѣннаго секретаря, Общество признало полезнымъ пересмотрѣть учрежденія комитета грамотности 1845 года, измѣнить или дополнить ихъ, сообразно съ настоящими потребностями, и избрало для того особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ г. начальника 1-го отдѣленія А. А. Альфонскаго, изъ гг. членовъ: Д. П. Шипова, А. Дм. Желтухина, графа П. Евгр. Комаровскаго, Д. Ѳ. Самарина, г. непремѣннаго секретаря и С. П. Шевырева, избраннаго въ дѣйствительные члены Общества. Проектъ устава, составленный коммиссіею, вмѣстѣ съ сдѣланными къ нему впослѣдствіи дополненіями, былъ одобренъ въ засѣданіи совѣта 13 января и затѣмъ представленъ на утвержденіе Общества, которое, на основаніи устава Общества главы X § 6, и утвердило его въ торжественномъ годичномъ собраніи, бывшемъ 31 января 1859 года.

УСТАВЪ ДЛЯ ВСЕНАРОДНАГО РАСПРОСТРАНЕНІЯ ГРАМОТНОСТИ НА РЕЛИГІОЗНО (ХРИСТІАНСКИ)-НРАВСТВЕННОМЪ ОСНОВАНІИ.

Цѣль комитета.

§ 1. Содѣйствовать всенародному распространенію грамотности на религіозно (христіански)-нравственномъ основаніи.

Члены комитета.

§ 2. Каждый членъ Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства и каждый помѣщикъ, признавшій эту цѣль полезною и рѣшившійся содѣйствовать ей по-мѣрѣ своихъ способовъ и средствъ, можетъ быть избранъ въ *дѣйствительные члены* сего комитета.

§ 3. *Въ почетные члены* будутъ избираемы высшіе государственные сановники и особы высшаго духовенства, покровительствующіе всенародному распространенію грамотности на религіозно-нравственномъ основаніи.

Примѣч. Особы женскаго пола, оказавшія участіе во всенародномъ распространеніи грамотности между крестьянками и дѣвицами другихъ классовъ народа, могутъ участвовать въ комитетѣ въ званіи почетныхъ или дѣйствительныхъ членовъ, пока не образуется особаго женскаго отдѣленія комитета.

§ 4. *Въ сотрудники* комитета могутъ быть избираемы священнослужители, оказавшіе ревностное содѣйствіе къ распространенію грамотности, равно и учители народныхъ и сельскихъ училищъ, учрежденныхъ въ удѣльныхъ, государственныхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ.

§ 5. *Благотворителями* комитета признаются тѣ члены и посторонніе лица, которые изъ богатства своего сдѣлаютъ назначеніе, сообразное съ цѣлію комитета, и предоставятъ свое пожертвованіе въ его распоряженіе.

Отношеніе комитета къ Обществу сельскаго хозяйства.

§ 6. Комитетъ для всенароднаго распространенія грамотности на религіозно-нравственномъ основаніи состоитъ въ нераздѣльной связи съ Императорскимъ Московскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства, и потому пользуется всѣми правами онаго, но въ дѣйствіяхъ своихъ и управленіи руководствуется собственнымъ своимъ уставомъ.

§ 7. Президентъ Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, какъ главный блюститель всѣхъ правилъ, симъ Обществомъ установленныхъ, есть также блюститель устава и правилъ комитета для всенароднаго распространенія грамотно-

сти, состоящаго въ нераздѣльной связи съ Обществомъ сельскаго хозяйства. На семъ основаніи

§ 8. Президентъ Московскаго Общества сельскаго хозяйства, присутствуя въ комитетѣ для всенароднаго распространенія грамотности, имѣетъ первое мѣсто.

§ 9. Если, за отсутствіемъ президента или его болѣзнію, въ комитетѣ присутствуетъ вице-президентъ Общества, то засѣданіе бываетъ подъ его предсѣдательствомъ.

§ 10. Комитетъ при открытіи избираетъ изъ среды своихъ членовъ: предсѣдателя, директора и правителя дѣлъ.

О предсѣдателѣ.

§ 11. Предсѣдатель направляетъ всѣ дѣйствія комитета къ предположенной цѣли, какъ въ засѣданіяхъ его, такъ и въ сношеніяхъ и перепискѣ съ мѣстами и лицами. Онъ избирается на три года, по истеченіи коихъ можетъ быть избранъ вновь.

О директорѣ.

§ 12. Директоръ есть исполнитель опредѣленій комитета и на основаніи оныхъ ведетъ переписку съ членами и посторонними лицами, о которой доноситъ комитету въ каждое собраніе. Онъ избирается на неопредѣленное время, какъ и непремѣнный секретарь Московскаго Общества сельскаго хозяйства.

О правителѣ дѣлъ.

§ 13. Правитель дѣлъ завѣдываетъ канцеляріею комитета и письмоводствомъ, для чего предполагается имѣть при ней двухъ письмоводителей: старшаго и младшаго, съ вознагражденіемъ трудовъ ихъ по мѣрѣ способовъ комитета.

О собраніяхъ комитета.

§ 14. Собранія комитета назначаются предсѣдателемъ, по мѣрѣ дѣйствительной въ томъ надобности.

Примѣч. Въ случаѣ отсутствія изъ Москвы предсѣдателя или его болѣзни, если встрѣтятся обстоятельства, требующія обсуж-

денія и рѣшенія комитета, то директоръ приглашаетъ къ засѣданію присутствующихъ въ Москвѣ членовъ, и на то засѣданіе они избираютъ изъ среды своей предсѣдателя по общему согласію.

О предметахъ собраній.

§ 15. Предметомъ собраній первоначально могутъ быть сообщенія гг. членовъ и другихъ лицъ: a) о началѣ и распространеніи грамотности въ ихъ имѣніяхъ или въ мѣстахъ ихъ круга дѣятельности; b) объ удобствахъ и затрудненіяхъ, при томъ встрѣчаемыхъ, и c) совѣщанія о средствахъ къ лучшему достиженію цѣли комитета.

Объ изданіи записокъ.

§ 16. Изъ этихъ свѣдѣній, совѣщаній и опредѣленій комитета, записанныхъ въ протоколъ, съ нужными къ нему приложеніями, будутъ составляться записки комитета и печататься въ Журналѣ сельскаго хозяйства и отдѣльными книжками, если это будетъ признано полезнымъ.

Объ отдѣленіяхъ комитета.

§ 17. На основаніи сихъ положеній, Московскій комитетъ для распространенія грамотности можетъ имѣть и отдѣленія по губерніямъ, подобно тому, какъ это предоставлено Обществу сельскаго хозяйства уставомъ V отдѣленія, утвержденнымъ 1832 г. іюля 19, подъ названіемъ главнаго Мосвовскаго и губернскихъ Обществъ для распространенія улучшеннаго овцеводства.

О членахъ-представителяхъ комитета

§ 18. По уваженію и довѣренности къ ревностнымъ членамъ своимъ, въ губерніяхъ находящимся, Московскій комитетъ можетъ поручать имъ быть его представителями и посредниками между образовавшимися въ губерніяхъ отдѣленіями и вообще для дѣйствій, споспѣшествующихъ главной цѣли комитета.

§ 19. Годичный отчетъ о дѣйствіяхъ комитета долженъ быть

изготовляемъ къ торжественному годичному собранію Общества сельскаго хозяйства и поступаетъ въ общій его отчетъ.

§ 20. Способъ избранія въ члены комитета, порядокъ засѣданій и сношеній предоставляется его распоряженіямъ и постановленіямъ.

Желаніе добра, одушевляющее членовъ коматета, для блага отечества и человѣчества, укажетъ впослѣдствіи, что нужно будетъ прибавить къ сему первоначальному образованію комитета, для проявленія его дѣйствій въ живой, цвѣтущей формѣ.

Уставъ, по одобреніи совѣтомъ Общества, въ засѣданіи 13 января, былъ представленъ на утвержденіе Общества, которымъ въ годичномъ собраніи 31 января 1859 г. утвержденъ.

Засѣданіе комитета для всенароднаго распространенія грамотности. — 12 марта 1859 года, было засѣданіе комитета для всенароднаго распространенія грамотности на религіозно (христіански)-нравственномъ основаніи, подъ предсѣдательствомъ г. вице-президента Общества сельскаго хозяйства С. П. *Шипова*, въ присутствіи непремѣннаго секретаря Общества С. А. *Маслова*, гг. членовъ В. Н. *Лермонтова*, А. С. *Ершова*, А, Д. *Желтухина*, С. П. *Шевырева* и проч. 1) Г. вице-президентъ объявилъ собравшимся членамъ, что, по опредѣленію Общества с. хозяйства, послѣдовавшему въ засѣданіи его 7 февраля сего года, онъ пригласилъ ихъ для выслушанія устава комитета, одобреннаго Обществомъ, избранія предсѣдателя, директора и правителя дѣлъ комитета и для сообщенія своихъ мнѣній, которыя, на основаніи правилъ устава, могли-бы послужить матеріаломъ къ составленію предначертанія будущихъ дѣйствій. 2) Прочтенъ уставъ комитета для всенароднаго распространенія грамотности на религіоно (христіански)-нравственномъ основаніи. 3) Члены комитета единогласно просили г. вице-президента принять на себя званіе предсѣдателя, на что его высокопревосходительство изъявилъ свое согласіе. 4) Единогласнымъ-же приговоромъ предложено было члену С. П. *Шевыреву* принять на себя званіе директора комитета, на что онъ также изъявилъ свое согласіе. Въ правители дѣлъ назначенъ П. И. *Андреевъ*. 5) Читана записка д. членомъ Общества И. В. *Селивановымъ*, въ которой онъ выражаетъ мнѣніе свое о необходимости поручить кому-нибудь изъ членовъ составленіе проекта дѣйствій комитета и въ немъ

опредѣлить самымъ яснымъ и положительнымъ образомъ, какими средствами думаетъ онъ достигнуть своей цѣли и какіе пути для этого изберетъ. При этомъ И. В. Селивановъ опредѣляетъ, какъ, по его мнѣнію, должно разумѣть религіозно-нравственное основаніе, на которомъ предполагается распространять грамотность въ народѣ Русскомъ и полагаетъ сосредоточить это основаніе преимущественно въ разумѣніи истины. Опредѣлено принять записку г. д. члена въ соображеніе при составленіи предначертанія дѣйствій комитета. 6) Непремѣнный секретарь Общества прочелъ свою записку. Связавъ воспоминаніемъ возобновленныя теперь дѣйствія комитета съ его первоначальными дѣйствіями въ 1845, 46, 47, 48 и 49 годахъ, С. А. Масловъ обратилъ вниманіе членовъ, во-1-хъ, на главную основу всенароднаго распространенія грамотности, которая заключается въ напечатлѣніи святыхъ истинъ вѣры въ сердцѣ человѣка, — истинъ, безъ которыхъ разумное образованіе его не бываетъ полно въ жизни; во-2-хъ, на развитіе въ народѣ трехъ идей, вложенныхъ въ душу человѣка: истиннаго, благаго и прекраснаго, начиная съ сердца и оканчивая разумомъ и чувствомъ изящнаго; въ-3-хъ, на призваніе покровительства и содѣйствія всѣхъ высшихъ нравственныхъ силъ въ государствѣ Русскомъ, какъ предержащихъ власть, такъ и именемъ ея управляющихъ, безъ чего безсильны были-бы дѣйствія комитета. Члены съ особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ выслушали мнѣніе С. А. Маслова, какъ перваго виновника великой мысли Общества и перваго ея двигателя, начиная съ 1845 года, и положили принять основныя мысли, изложенныя въ его мнѣніи, въ составъ предначертанія дѣйствій комитета. 7) Г. д. членъ С. П. Шевыревъ читалъ свое слово о томъ способѣ, которымъ народъ Русскій распространяетъ грамоту между собою посредствомъ *ученья другъ у дружки*, и о примѣненіи этого способа къ немедленному исполненію великой современной мысли о распространеніи грамотности, возобновленной Обществомъ. Въ-заключеніе онъ обратилъ вниманіе комитета на тѣ задачи, рѣшенія которыхъ должно ожидать отъ его дѣятельности, и преимущественно на изданіе книгъ для народа полезныхъ, имѣя въ виду сначала не столько задавать темы на сочиненія для народа, сколько извлекать изъ всей древней и новой литературы Русской все то, что для него написано и что можетъ быть ему полезно. Опредѣлено: принять слово и записку С. П. Шевырева въ соображеніе при составленіи предначертанія. 8)

Пресѣдатель, желая связать будущія дѣйствія комитета съ тѣми, которыя совершены были прежде, напомнилъ гг. членамъ, что необходимо въ предначертаніи дѣйствій представить важность въ народѣ религіозно-нравственнаго образованія между дѣтьми женскаго пола, какъ это было прежде, дабы чрезъ будущихъ матерей приготовить воспитаніе будущихъ поколѣній. Опредѣлено: принять это напоминаніе г. предсѣдателя, какъ одну изъ основъ, въ предначертаніе. 9) Въ-заключеніе, по предложенію г. предсѣдателя, возложено на новоизбраннаго директора составить немедленно предначертаніе дѣйствій комитета, принявъ за основу уставъ, утвержденный Обществомъ, и включивъ мнѣнія, читанныя гг. членами И. В. Селивановымъ, С. А. Масловымъ и С. П. Шевыревымъ, равно и словесно выраженныя при разсужденіи о будущихъ дѣйствіяхъ комитета гг. участниками перваго засѣданія.

Приводимъ здѣсь слѣдующій отрывокъ изъ вышеупомянутаго слова г. *Шевырева:* «Прошедшимъ лѣтомъ, въ одномъ богатомъ селѣ, мнѣ случилось видѣть на опытѣ рѣшеніе вопроса о грамотности народной. Я посѣтилъ село Новое, лежащее на правомъ берегу Волги, въ Клинскомъ уѣздѣ. Въ немъ живетъ до 500 душъ. Оно принадлежитъ помѣщику, богатѣйшему во всей Россіи, и пользуется тѣми льготами, которыми пользуются всѣ его села. Земли у крестьянъ немного, но Волга даетъ имъ богатый рыбный промыселъ. Село ведетъ торговлю и имѣетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ рынковъ во всемъ округѣ. Хотя село и называется Новымъ, но имѣетъ многіе признаки древности. Вспомнимъ, что одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Руси, откуда пошла Русская земля, именуется *новымъ*. Жители села гордо величаютъ себя Новлянами. У нихъ существуетъ обычай наказывать преступника, уличеннаго въ воровствѣ, всѣмъ міромъ и водитъ его по всему селу съ вещами, которыя онъ укралъ, напоказъ народу. Такой обычай, издавна существующій, причиною, что нравы села отличаются чистотою и воровства въ этомъ селѣ почти не существуетъ. Конокрадства нѣтъ—и лошади, какъ мѣстныхъ крестьянъ, такъ и пріѣзжихъ на рынокъ, пасутся свободно, безъ особаго надзора. Молва о честности села и его рынка далеко несется по окружности и пріобрѣла ему почетную извѣстность въ общественномъ мнѣніи народа. Въ этомъ селѣ рѣдкій крестьянинъ не знаетъ грамотѣ. Въ молодомъ-же поколѣніи, отъ 8 до 17 лѣтъ, вовсе нѣтъ неграмотныхъ. Удивившись и обрадовавшись такой

просвѣщенной мѣстности середи нашего отечества, я спросилъ у одного мальчика десяти лѣтъ, бѣгавшаго по берегу Волги: умѣешь-ли грамотѣ? — Умѣю и читать и писать, закричалъ онъ мнѣ весело, какъ-бы утѣшаясь тѣмъ, что имѣетъ право назвать себя не безграмотнымъ. Въ этомъ отвѣтѣ мальчика, представлявшаго мнѣ голосъ всей Новленской грамотной общины, слышится для меня и отвѣтъ всего Русскаго народа въ литературномъ и общественномъ вопросѣ о народной грамотности. Къ чести его, какъ мы видимъ, онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ свою пользу. Когда ему льготно и свободно, онъ учится грамотѣ и безграмотность считаетъ за стыдъ. Общественная нравственность села и чистота его семейныхъ нравовъ служатъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ противъ тѣхъ, которые думаютъ, не къ чести народа Русскаго, что будтобы грамотность бываетъ иногда камнемъ претыканія для нравственности общественной Русскаго человѣка. Конечно, согласимся, что можно иногда употреблять во зло и это прекрасное орудіе. Но что кажется прекраснѣе дара слова изъ даровъ Божіихъ человѣку? А развѣ онъ не употребляется во зло, развѣ языкъ не дѣлается *лѣпотою неправды*, по выраженію Апостола? Что сказали-бы мы, еслибы Творецъ нашъ, убоясь всѣхъ злоупотребленій нашего слова, которыя Онъ конечно своею премудростію предвидѣлъ, лишилъ-бы насъ его и создалъ нѣмыми? А не такъ-ли желаютъ поступить съ народомъ тѣ, которые, боясь злоупотребленій грамоты, готовы-бъ были лишить его того перваго орудія, безъ котораго онъ не можетъ быть просвѣщенъ и умственно и нравственно? Русскій народъ, рѣшая вопросъ о грамотности въ свою пользу, предупреждаетъ злоупотребленія ея тѣмъ, что прежде всего приноситъ ее въ даръ Богу, для выраженія въ храмѣ своихъ молитвенныхъ чувствъ и мыслей. Я любовался прекраснымъ примѣромъ того въ храмѣ грамотнаго села Новаго. Сорокъ человѣкъ пѣвчихъ стройнымъ пѣніемъ оглашаютъ храмъ съ двухъ его клиросовъ. Чтеніе шестопсалмія, каѳисмъ и канона совершается съ тѣмъ благолѣпіемъ, какого желать надобно въ каждомъ православномъ храмѣ Божіемъ. Но гдѣ-же источникъ этому грамотному просвѣщенію села? Можно-бы было подумать, что оно богато училищами. Нѣтъ, въ селѣ Новомъ нѣтъ ни одного училища. Какъ-же вы учитесь? — спросилъ я у старшинъ Новленскихъ. — Прежде всего у священно-и церковнослужителей, отвѣчали мнѣ они, а всего больше *другъ у дружки*. Грамотные отцы передаютъ грамоту своимъ дѣ-

тямъ, а лучшіе грамотѣи сельскаго общества передаютъ ее всѣмъ другимъ. *Другъ у дружки*—великое слово, народная Русская метода къ обученію грамотѣ, нашъ истый старинный ланкастеръ, искони присущій духу народа, великая сила, живая, плодотворная, движущая всякое доброе дѣло. Слыхалъ я это слово изъ устъ народа, когда спрашивалъ о томъ, откуда взялась такая-то любимая по времени пѣсня?—Услыхали *другъ отъ дружки*—отвѣчаетъ народъ. Такъ собралъ онъ богатый запасъ своихъ пословицъ, сокровищъ своего ума. Такъ сохранилъ въ древности историческія преданія до XI вѣка, когда лѣтописецъ ввѣрилъ ихъ хартіи. Такъ хранитъ онъ и преданія вѣры и церкви. Учиться грамотѣ *другъ у дружки*—вотъ первое, самое удобнѣйшее средство къ ея распространѣнію у насъ въ народѣ, изобрѣтенное самимъ-же народомъ. Пускай священнослужитель послѣ литургіи вынесетъ грамоту изъ храма для нѣкоторыхъ; пускай освятитъ этотъ даръ прежде всего церковь, а потомъ пусть Русскіе люди учатся ей *другъ у дружки*. Позволю себѣ сравненіе. Церковь наша однимъ символическимъ обрядомъ сама указываетъ на великое значеніе этого общественнаго средства, этого общенія міра во имя грамоты. Въ воскресную полночь, въ Іерусалимѣ, отъ одной свѣчи, выносимой изъ пещеры Гроба Господня, зажигается быстротекущій свѣтъ — и всѣ, другъ отъ дружки, принимая его себѣ и разливая кругомъ себя, озаряютъ мгновенно темную область многолюднаго храма. Вотъ прекрасный божественный символъ, повторяемый и у насъ, символъ этой силы общенія народнаго во имя свѣта, во имя слова, во имя мысли, во имя грамоты. Училища заводить трудно. Они требуютъ издержекъ на постройку зданій, на содержаніе ихъ и учителей. Для нихъ нужны строгая система, дисциплина, самый бдительный надзоръ и самый тщательный уходъ. Что могло-бы быть, на примѣръ, безобразнѣе, еслибы учитель, нанятый для училища, въ нетрезвомъ видѣ сталъ передавать грамоту крестьянскимъ дѣтямъ? Въ такомъ случаѣ, конечно, уже лучше не учить ихъ. Покамѣсть еще по всей Россіи не распространены училища, со всѣмъ тѣмъ, чего требуютъ ихъ нравственное значеніе и благоустройство, будемъ распространять грамотность тѣмъ способомъ, который самъ народъ предлагаетъ. Способъ этотъ тѣмъ удобнѣе, что можно начать имъ немедленно исполненіе полезной мысли, возобновляемой Обществомъ. Начнемъ съ распространенія грамотности посредствомъ народнаго способа здѣсь въ Москвѣ, около насъ, въ сво-

ихъ домахъ, между своими младшими челядинцами. Положимъ себѣ правиломъ, чтобы тамъ, гдѣ это возможно, ни одинъ изъ челядинцевъ въ домѣ не оставался лишеннымъ этого орудія къ своему нравственному просвѣщенію. Что, еслибы родители возлагали о томъ попеченіе на дѣтей своихъ, полагая такое дѣло частію ихъ нравственнаго воспитанія, вмѣняя имъ въ обязанность удѣлять меньшей братіи хотя частицу того свѣта, который сами они принимаютъ заботами родителей? Дѣти сообщаютъ другимъ охотно то, что сами знаютъ; Ланкастерская метода въ ихъ натурѣ, или, лучше, въ общительной силѣ самого человѣка, данной ему отъ Бога. Ежелибы черезъ годъ, черезъ два, не было ни одного безграмотнаго челядинца ни въ одномъ образованномъ Московскомъ домѣ! Еслибы каждому, получившему даръ грамоты, вмѣнено было въ обязанность передать ее по-крайней-мѣрѣ двумъ или тремъ человѣкамъ въ его жизни! Мнѣ пріятно думать, что мысль, которую я сообщаю здѣсь, въ серединѣ членовъ Общества, отзовется быстро по всей Москвѣ и пробудитъ живые отголоски во всѣхъ домахъ и семействахъ, куда только достигаетъ голосъ общественной жизни. Великая мысль общества, посредствомъ народнаго способа, посредствомъ ученья *другъ у дружки*, можетъ быть немедленно приводима въ исполненіе. И кому-же начать приложеніе этого способа къ распространенію грамотности, если не тѣмъ, кому ввѣрена участь и образованіе меньшей братіи, на комъ лежитъ отвѣтственность за нее передъ Богомъ, передъ человѣчествомъ, передъ судомъ собственной совѣсти!»

Актъ Пермской гимназіи. — 15 августа по-случаю окончанія учебнаго года, въ Пермской гимназіи былъ торжественный актъ, который начался въ половинѣ 1 часа пополудни, съ прибытіемъ ректора Пермской духовной семинаріи архимандрита *Палладія*, молитвою *Царю Небесный*, пропѣтою учениками гимназіи, и привѣтственною ученическою рѣчью къ посѣтителямъ на Русскомъ языкѣ. Затѣмъ прочитаны были: старшимъ учителемъ естественныхъ наукъ *Лейманомъ*—разсужденіе его «О вліяніи успѣховъ физико-математическихъ наукъ на благосостояніе общества» и секретаремъ педагогическаго совѣта, старшимъ учителемъ *Залежскимъ* — краткій отчетъ о состояніи гимназіи и училищъ Пермской дирекціи за минувшій 1858-1859 учебный годъ, съ объявленіемъ фамилій учениковъ, выпущенныхъ съ аттестатами по окончаніи кур-

са, переведенныхъ въ высшіе классы и удостоенныхъ наградъ за отличные успѣхи, прилежаніе и поведеніе, при чемъ розданы были и самыя награды. Предъ разсужденіемъ г. Леймана и по прочтеніи онаго, оркестръ музыки исполнилъ нѣсколько музыкальныхъ піесъ, а по раздачѣ ученикамъ наградъ тотъ-же оркестръ игралъ тушъ. Актъ заключенъ былъ благодарственною рѣчью ученика къ посѣтителямъ и народнымъ гимномъ: «Боже, Царя храни!» исполненнымъ оркестромъ музыки. На актѣ присутствовали многіе родители обучающихся въ гимназіи дѣтей и другіе посѣтители изъ почетнаго духовенства, гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ и изъ купечества, большое собраніе посѣтителей, и полное вниманіе ихъ къ происходившему на актѣ служило убѣдительнымъ доказательствомъ сочувствія Пермскаго общества къ дѣлу народнаго образованія. Выставленные въ залѣ ученическіе рисунки также обратили на себя вниманіе посѣтителей, изъ которыхъ многіе и по окончаніи акта оставались еще нѣкоторое время и разсматривали эти рисунки.

Парижское и Лондонское географическія общества. — Извлекаемъ свѣдѣнія о сихъ двухъ Обществахъ изъ отчета о занятіяхъ за границею въ 1857-58 годахъ г. секретаря Императорскаго географическаго Общества, напечатаннаго въ 6-ой кн. Вѣстника сего Общества.

Парижское географическое Общество Географическое Общество въ Парижѣ состоитъ изъ двухъ частей: 1) изъ Общества, которое собирается только два раза въ годъ — въ ноябрѣ, для представленія годоваго отчета объ успѣхахъ географіи, и въ маѣ, для присужденія медали, и 2) изъ центральной коммиссіи, засѣданія которой имѣютъ мѣсто два раза въ мясяцъ, за исключеніемъ времени съ 15 сентября по 15 октября, полагаемаго на вакаціи. Всѣ члены Общества могутъ присутствовать въ засѣданіяхъ центральной коммиссіи, но эта послѣдняя имѣетъ своего особаго предсѣдателя, вице-президентовъ и 1 и 2-го секретарей. Въ центральной коммиссіи сосредоточивается вся дѣятельность Общества, въ ея собраніяхъ ведутся ученыя бесѣды, между членами дѣлаются сообщенія и распоряженія, относящіяся къ предметамъ занятій; засѣданія-же Общества суть публичныя собранія, на которыхъ присутствуютъ и посторонніе любители и любительницы просвѣщенія. Принятый въ число членовъ Парижскаго Общества,

я присутствовалъ постоянно въ-теченіе зимы во всѣхъ его засѣданіяхъ общихъ и частныхъ, принималъ нѣкоторое участіе въ занятіяхъ, посѣщалъ его библіотеку и. сблизившись съ должностными лицами, коротко познакомился съ устройствомъ и ученою его дѣятельностію. Парижское Общество пережило эпоху блестящаго существованія и сохраняетъ теперь лишь отблескъ прежней своей славы. При своемъ учрежденіи оно было единственнымъ географическимъ обществомъ въ Европѣ. Всѣ ученыя знаменитости, всѣ путешественники, всѣ изслѣдователи и любители географіи и сродственныхъ ей наукъ, къ какому-бы народу они не принадлежали по своему происхожденію, были членами географическаго Общества въ Парижѣ. Всѣ замѣчательныя географическія открытія, извѣстія о путешествіяхъ, сообщались впервые Обществу и черезъ него проходили въ ученый міръ; самыя снаряженія путешествій сосредоточивались въ немъ и изъ него выходили обдуманными и приготовленными въ совѣщаніяхъ спеціалистовъ и опытныхъ путешественниковъ. Мало-по-малу сосредоточенность ученыхъ силъ распалась сама собою; въ другихъ государствахъ образовались свои центры географическихъ собраній, многіе изъ самыхъ горячихъ дѣятелей сошли въ могилу, въ самой Франціи возникли частные географическіе журналы; правительство образовало у себя въ своемъ морскомъ министерствѣ и колоній свои экспедиціи, отстранивъ отъ работъ этихъ послѣднихъ не только всякое содѣйствіе Общества, но и самое сообщеніе съ нимъ, и такимъ образомъ ученые любители путешествій и географическихъ успѣховъ предоставлены были однимъ собственнымъ средствамъ и одной своей любви къ наукѣ. Эта любовь продолжаетъ и теперь собирать ихъ въ тѣсный кружокъ любителей, приходящимъ бесѣдовать между собою и обмѣниваться мыслями по предметамъ, которые случайно доходятъ до свѣдѣнія того или другаго изъ частныхъ его корреспонденцій или изъ постороннихъ оффиціальныхъ публикацій географическаго содержанія. Не смотря на это ослабленіе самодѣятельности Парижскаго Общество, ученое его значеніе и вліяніе сохранились въ весьма замѣчательной степени и имя его пользуется до-сихъ-поръ справедливымъ уваженіемъ въ ученомъ мірѣ. Душой центральной коммиссіи служитъ въ настоящее время почтенный представитель географической науки во Франціи, членъ института *Жомаръ*, занимающій должность предсѣдателя. Его живой любознательности, дѣятельности и привѣтливому

характеру засѣданія коммиссіи чрезвычайно обязаны своею значительностію и ученымъ достоинствомъ. Обширныя сношенія его, глубокія познанія географіи Африки и богатая воспоминаніями память придаютъ особенную жизнь бесѣдамъ коммиссіи и поддерживаютъ связь Парижскаго Общества съ другими подобными учрежденіями за границей. Въ настоящее время дѣятельность Общества ограничивается частными собраніями и изданіемъ «Bulletin». О содержаніи послѣдняго я не буду распространяться, такъ-какъ изданіе это всѣмъ такъ хорошо извѣстно. Въ собраніяхъ-же, въ которыхъ присутствуетъ весьма небольшое число членовъ, человѣкъ отъ 10 до 20, сообщаются изданія, поступившія въ даръ Обществу, приглашаются члены къ представленію отчета о нихъ, читаются корреспонденціи, дѣлаются замѣчанія и пр. Часто нѣсколько словъ изъ письма, нѣсколько строкъ изъ печатной газетной статьи служатъ началомъ весьма любопытной бесѣды, продолжающейся вечеръ, и иногда по-поводу того или другаго предмета дѣлаются вызовы къ приготовленію статьи для «Bulletin» или для прочтенія въ слѣдующее собраніе. Каждому засѣданію ведется краткій протоколъ, приготовляемый вторымъ секретаремъ, должность котораго исполняетъ г. *Мальтбренъ*, редакторъ частнаго журнала «Nouvelles Annales des Voyages». На обязанности перваго секретаря г. *Альфреда Мори*, члена института, лежитъ составленіе годоваго отчета объ успѣхахъ географіи, и изданіе «Bulletin». Въ числѣ членовъ, принимавшихъ участіе въ занятіяхъ коммиссіи въ теченіе 1857-58 года, кромѣ упомянутыхъ секретарей и президента, я назову слѣдующихъ, наиболѣе извѣстныхъ лицъ: *Вивьенъ де-С.-Мартенъ*, графа *Эскейракъ де Лотюръ*, *Катрефажъ*, *д'Авезакъ*, *де-ла-Рокетъ*, г. *Досси*, президента Общества *Кортамберъ* и нѣк. друг. Иностранные ученые, пребывающіе въ Парижѣ, вводятся въ собранія г. президентомъ и принимаютъ участіе въ бесѣдахъ. Въ мое время между-прочимъ Общество занималось разсмотрѣніемъ трудовъ г. *Севастьянова* и обратило особенное вниманіе на снимки съ рукописи географіи Птоломея. Число членовъ Парижскаго Общества въ настоящее время весьма не велико и денежныя средства его очень ограничены. Главный доходъ его, состоящій изъ взносовъ, отъ членовъ, простирается до 6 т. фр.; отъ продажи изданій оно выручаетъ до 1,000 фр. и за тѣмъ получаетъ незначительное пособіе отъ императора—1,000 фр. и отъ нѣкоторыхъ министерствъ, въ видѣ подписки на журналъ Общества

Соотвѣтственно съ доходами, Общество принуждено ограничивать свои расходы. Управленіе дѣлами сосредоточено въ рукахъ одного агента или письмоводителя, который состоитъ при Обществѣ, имѣетъ квартиру, завѣдываетъ библіотекою и даже производитъ переписку. Помѣщеніе Общества довольно тѣсно и ограничивается одною комнатою, въ которой помѣщается библіотека и въ которой-же вокругъ стола собираются члены для засѣданій. Публичныя собранія или полу-годовыя засѣданія Общества происходятъ въ залахъ, уступаемыхъ для сего посторонимъ учрежденіемъ. Главная статья расхода состоитъ въ изданіи «Bulletin»—4,030 фр. и въ выдачѣ медали до 946 фр.; остальныя суммы идутъ на содержаніе агента, помѣщеніе, освѣщеніе, переплетъ книгъ и другіе мелочные расходы. Весь ежегодный расходъ составляетъ не многимъ болѣе 10,000 фр. При такихъ незначительныхъ средствахъ Общество должно было прекратить изданіе «Мемуаровъ» или собранія путешествій, которыхъ вышло до 7 томовъ in-4°. Первый томъ этого собранія, содержащій въ себѣ переводъ и оригиналъ путешествія Марко Поло, сдѣлался уже теперь библіографическою рѣдкостію. Мнѣ удалось на одной аукціонной продажѣ библіотеки пріобрѣсть 6 томовъ этого изданія, которыя я прошу Общество принять отъ меня въ даръ для своей библіотеки.

Лондонское географическое Общество. По составу своему и порядку управленія, наше Общество имѣетъ много общаго съ Лондонскимъ. Покровителемъ его состоитъ королева, вице-покровителемъ—принцъ-супругъ. Оно получаетъ денежное пособіе отъ правительства и ежегодно двѣ медали. Вообще денежныя средства Общества достаточно велики для обыкновенныхъ его ученыхъ занятій. Бюджетъ его простирается до 20 т. р. с. въ годъ, изъ которыхъ 3,750 составляютъ пособіе и награды отъ правительства, остальныя-же собираются съ членовъ, число коихъ простирается за 1,000 человѣкъ (до 1,000), отъ продажи изданій до 1,000, и съ процентовъ на капиталъ. Въ числѣ расходовъ—изданія журнала и Proceedings стоютъ до 5,525 р. въ годъ, на вспоможеніе при ученыхъ экспедиціяхъ 1,600 р.; жалованье служащимъ, т.-е. секретарю и помощникамъ, 5,200 р., на библіотеку и карты 1,600, столько-же на содержаніе канцеляріи, затѣмъ на наемъ дома, прислуги, освѣщеніе и пр. 4,225, и на выдачу наградъ до 340 р. Изъ этихъ статей расхода можно уже видѣть положеніе Общества и внутренняго его устройства. Общество имѣетъ обширную квартиру, въ которой

помѣщается секретарь, канцелярія, большая комната для картъ и для занятій, и обширная зала для библіотеки и для чтенія. Для частныхъ и многочисленныхъ засѣданій есть помѣщеніе въ квартирѣ, но общія собранія происходятъ обыкновенно въ другомъ мѣстѣ, въ Burlington House, въ залахъ Лондонскаго университета. При обезпеченномъ положеніи секретарь имѣетъ возможность посвящать все свое время заботамъ объ Обществѣ, наблюдать за порядкомъ дѣлъ и правильнымъ сохраненіемъ ученыхъ пособій и редижировать изданія Общества. Отдѣленіе картъ и книгъ имѣютъ каждое своего особаго хранителя, которому даются также всѣ средства къ составленію каталоговъ и содержанію книгъ въ совершенномъ порядкѣ. Само Общество рѣдко снаряжаетъ большія и дорогія экспедиціи; оно снабжаетъ большею частію путешественниковъ инструментами и наставленіями и безъ этого нравственнаго пособія со-стороны Общества не отправляется ни одна изъ экспедицій правительства, которое ревностно заботится объ успѣхахъ географіи въ обширныхъ своихъ колоніяхъ. Въ этомъ отношеніи Лондонское Общество занимаетъ завидно-почетное мѣсто. Къ нему обращаются за совѣтами и наставленіями, ему первому сообщаются оффиціальныя извѣстія о всѣхъ экспедиціяхъ отъ правительства, его ученому суду подвергаются всѣ вопросы, въ которыхъ землевѣдѣніе и познанія о дальнихъ странахъ играютъ существенную роль. Общія собранія его привлекаютъ избранную публику, въ томъ числѣ дамъ, которыя съ любопытствомъ слѣдятъ за чтеніями о путешествіяхъ своихъ соотечественниковъ и о новѣйшихъ открытіяхъ въ географіи. Собранія книгъ и картъ Лондонскаго Общества весьма замѣчательны, и при обиліи картографическихъ матеріаловъ, сообщаемыхъ ему для пользованія, нельзя удивляться богатству прилагаемыхъ имъ картъ къ своимъ изданіямъ.

Женская гимназія въ Москвѣ. — Въ Москов. (универс.) вѣдом. напечатано: «Наконецъ и Москва имѣетъ женскую гимназію. Великія начертанія мудрой Государыни осуществились теперь во многихъ городахъ необъятной Россіи. Желая сдѣлать счастливымъ, по-возможности, каждое семейство, Она обратила особенное вниманіе на воспитаніе женскаго пола, отъ котораго зависитъ семейное счастіе и нравственное направленіе общества. Цѣль женскихъ гимназій состоитъ въ томъ, чтобы дать образованіе проч-

ное, основанное на правилахъ религіи, образованіе необходимое для жизни общественной и для частной, доступное всѣмъ сословіямъ и состояніямъ, чрезвычайно дешевое; чтобы воспитанницы получали въ гимназіи преимущественно образованіе умственное, а нравственное болѣе дома, въ кругу родной семьи, согласно съ требованіемъ семейнаго назначенія, не отвлекаясь отъ обязанностей домашнихъ; посему учиться будутъ въ гимназіи только до половины третьяго часа, остальное-же время дня будутъ проводить въ родительскомъ пріютѣ. Семейный бытъ, семейное направленіе, приготовленіе къ будущему образу жизни лучше всего могутъ быть предложены, развиты въ семействѣ. Впрочемъ, воспитанницы Московской женской гимназіи могутъ имѣть столъ, квартиру, прислугу и добросовѣстный надзоръ опытныхъ наставницъ; но это все онѣ будутъ получать не отъ казны, а отъ начальницы гимназіи, подъ ея внимательнымъ наблюденіемъ, за условную, особенную плату. Это благое, общеполезное начертаніе Государыни Императрицы тогда только принесетъ истинную пользу, когда въ немъ приметъ участіе все Русское общество; когда благонамѣренные члены его, по мѣрѣ силъ, принесутъ свою лепту въ пользу новоустроеннаго училища, какъ это часто дѣлалось на Руси, если того требовало общественное благо; когда родители или родственники воспитанницъ будутъ содѣйствовать разумнымъ требованіямъ училища своимъ бдительнымъ домашнимъ надзоромъ. Московская женская гимназія образовалась изъ частнаго пансіона, принадлежащаго г-жѣ *Пенигкау*, которая назначена начальницей женской гимназіи, или Московскаго женскаго училища. Г-жа Пенигкау, назадъ тому девять или десять лѣтъ, открыла свое заведеніе, имѣя только девять воспитанницъ, и добросовѣстными трудами обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ образованныхъ семействъ, всѣхъ бывшихъ и настоящихъ начальниковъ и наконецъ осчастливлена вниманіемъ самой Императрицы. Женское училище, или гимназія, по курсу преподаванія, принадлежитъ къ первому разряду женскихъ училищъ, основанныхъ по Высочайше утвержденному 30-го мая 1858 года положенію. Высшее управленіе училищемъ ввѣряется г-ну попечителю Московскаго учебнаго округа. Директоромъ гимназіи, или женскаго училища, назначенъ директоръ училищъ Московской губерніи Г. К. *Виноградовъ*, которому ввѣрено было высшимъ начальствомъ образованіе женскаго училища, или гимназіи, изъ пансіона г-жи

Ценигкау. Женская московая гимназія будетъ называться Московскимъ женскимъ училищемъ перваго разряда. Изъ почетныхъ лицъ женскаго пола, живущихъ въ Москвѣ, и принимающихъ въ процвѣтаніи училища наиболѣе участія, избирается начальствомъ учебнаго округа попечительница. Избранное лицо, когда изъявитъ на это свое согласіе, утверждается въ семъ почетномъ званіи г. министромъ народнаго просвѣщенія. Губернскій директоръ училищъ, по окончаніи каждаго гражданскаго года, представляетъ попечителю округа отчетъ о состояніи женскаго училища по общей формѣ. Начальникъ губерніи имѣетъ право посѣщать женское училище во всякое время, и о замѣченномъ сообщать мѣстному или окружному учебному начальству, или-же доводить до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія. Преподаватели училища пользуются правами дѣйствительной службы, и должны имѣть законное на преподаваніе право, равно-какъ наставницы и гувернантки. Опредѣленіе и увольненіе учителей принадлежитъ губернскому директору училищъ, по соглашенію съ начальницей училища; наставницъ и гувернантокъ опредѣляетъ и увольняетъ начальница. Курсъ ученія продолжается 6 лѣтъ, и раздѣляется на шесть классовъ, въ каждомъ по одному году. Посему пріемъ и выпускъ бываетъ ежегодный. Ученицы принимаются отъ 9 до 13 лѣтъ, но по уважительнымъ причинамъ могутъ быть принимаемы и восьмилѣтнія, равно и старѣе 13-лѣтняго возраста; послѣднія — только въ высшіе классы, по предварительномъ испытаніи. Предметы преподаванія раздѣляются на обязательные и необязательные. Къ предметамъ обязательнымъ принадлежатъ: Законъ Божій, Русскій языкъ, ариѳметика, географія, исторія, нѣкоторыя свѣдѣнія изъ естественной исторіи, чистописаніе и рукодѣліе. Къ необязательнымъ относятся: Французскій и Нѣмецкій языки, рисованіе, музыка, пѣніе и танцованіе. Уроки будутъ продолжаться по $1^1/_4$ часу. Воспитанницы и приходящія дѣвицы должны собираться въ классы къ 9 часамъ утра, расходиться по домамъ по окончаніи уроковъ. По прибытіи въ училище, воспитанницы состоятъ подъ наблюденіемъ классныхъ дамъ и самой начальницы; внѣ заведенія, училищное начальство за поведеніе дѣтей, а равно за ихъ безопасность, не отвѣчаетъ; надзоръ за ними въ этомъ случаѣ возлагается на самихъ родителей; почему послѣдніе обязаны сопровождать дѣтей или сами, или присылать съ благонадежною прислугой, рекомендованною ими начальницѣ заведенія-

Годичная плата за обученіе предметамъ обязательнымъ полагается 35 руб. сер. съ дѣвицы, а за обученіе предметамъ необязательнымъ — 15 руб. сер. Плата эта вносится по-полугодно впередъ. Воспитанницы училища, по окончаніи полнаго курса наукъ, получаютъ аттестатъ о своихъ познаніяхъ. Для соблюденія единообразія въ формѣ, училищное начальство полагаетъ, чтобы въ низшихъ 3 классахъ воспитанницы носили шерстяныя коричневыя платья, а въ высшихъ трехъ—синія; пелеринки и рукава бѣлыя, фартуки черные, безъ всякихъ украшеній. Общественная благотворительность не замедлила и въ настоящемъ случаѣ принять участіе: дѣйствительный статскій совѣтникъ А. П. *Шиповъ*, гвардіи полковникъ Д. П. *Шиповъ* и почетный гражданинъ И. Ѳ. *Мамонтовъ* назначили въ пособіе къ прочимъ средствамъ училища, пока заведеніе не достигнетъ самостоятельности, 2,500 руб. сер. ежегодно, въ-теченіе 3 лѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что найдется еще много благотворителей. (*Моск. вѣд.*).

Учительскія бесѣды въ Иркутскѣ. — 15 апрѣля, въ пансіонѣ Геэка, Пальнцова и Косыгина, съ словеснаго разрѣшенія г попечителя Иркутской гимназіи, состоялось учительское собраніе. На этомъ собраніи присутствовали почти всѣ лица, принадлежащія къ сословію учащихъ г. Иркутска, всего до 32 человѣкъ. Въ этомъ числѣ были два законоучителя, учители гимназіи, семинаріи, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и учители военнаго вѣдомства. Въ началѣ бесѣды одинъ изъ учредителей пансіона произнесъ привѣтствіе къ собравшимся, призывая ихъ, по примѣру современныхъ воспитателей Европейскихъ и Русскихъ, къ единодушному, дружному обсужденію педагогическихъ вопросовъ въ общихъ бесѣдахъ учителей, и выразилъ надежду, что подобныя собранія, при согласіи на то г. попечителя, не ограничатся однимъ настоящимъ, но будутъ повторяться время-отъ-времени, по общему согласію. На это предложеніе всѣ присутствующіе изъявили полное согласіе. Затѣмъ однимъ изъ участвовавшихъ въ собраніи сказано было нѣсколько словъ о цѣли подобныхъ учительскихъ бесѣдъ. Приводимъ изъ сказаннаго нѣсколько мыслей: «Господа, обратился говорившій къ присутствующимъ, пользу учительскихъ собраній доказывать нечего, особенно между нами. Присутствіе здѣсь почти всего учащаго сословія нашего города показываетъ, что всѣ мы равно понимаемъ важность этихъ собраній. Позвольте мнѣ въ

краткихъ словамъ обозначить ту цѣль и то направленіе, которыя мы должны имѣть въ виду въ нашихъ учительскихъ бесѣдахъ. Цѣль нашихъ собраній — разрѣшеніе, путемъ взаимныхъ совѣщаній, важнѣйшихъ вопросовъ воспитанія и обученія и достиженіе этимъ путемъ наилучшихъ послѣдствій въ томъ и другомъ. Надо сознаться, что наша профессія — воспитаніе и образованіе юношества, болѣе чѣмъ всякое другое общественное служеніе имѣетъ сторонъ темныхъ, вопросовъ, недостаточно разрѣшенныхъ. Большею частію приходится итти ощупью, воспитывать и учить безъ опредѣленнаго, научно-доказаннаго и вполнѣ разумнаго плана. Тутъ нѣтъ точнаго закона, нѣтъ общепринятаго руководства; все предоставлено собственному уму и опыту каждаго воспитателя и преподавателя. Трудъ необъятный — составить одному человѣку цѣлую систему воспитанія и образованія. А какія у насъ существуютъ пособія для этой работы? Наша педагогика еще въ пеленкахъ. А между-тѣмъ великая отвѣтственность лежитъ на насъ. Если не все, то многое и очень многое въ нашей жизни, привычкахъ, характерѣ есть слѣдствіе впечатлѣній дѣтства, слѣдствіе видѣнныхъ въ молодости примѣровъ и слышанныхъ уроковъ. Недостатокъ убѣжденій, недоученность, малограмотность нашихъ сословій не имѣетъ-ли одною изъ причинъ—неуспѣшность первоначальнаго обученія? Слѣдовательно и невѣжество и безнравственность отчасти суть слѣдствія несовершенства первоначальнаго воспитанія и обученія. Вотъ за что мы отвѣчаемъ предъ обществомъ? И если не мы одни тутъ виноваты (конечно, не одни мы), то уже одно молчаніе наше при видѣ зла, вкоренившагося въ принятыхъ у насъ правилахъ воспитанія и образованія, одно уже робкое молчаніе, безразличіе и недѣятельность наша — дѣлаютъ насъ виноватыми. Снять съ себя эту печальную отвѣтственность, очистить себя отъ справедливаго нареканія можно только дѣломъ, т.-е. достиженіемъ наилучшей системы воспитанія и преподаванія, усвоеніемъ всѣхъ современныхъ понятій педагогическихъ и неослабнымъ примѣненіемъ этихъ понятій въ собственной практикѣ. Умъ хорошо, а два лучше того. Можно и одному усвоить себѣ всѣ разумныя начала воспитательской науки, добросовѣстно изучая и дѣтей и книги. Но трудъ этотъ облегчается, когда принимаемся за него дружно, общими силами, помогая взаимно другъ другу совѣтами, указаніями, даже преніями. Вотъ выгода совѣщаній. Не одинъ, не два вопроса представляются для нашихъ бесѣдъ. У

насъ нѣтъ системы преподаванія строго-обдуманной и вполнѣ разумной—ни въ одной наукѣ. Наши учебники плохи. Самое первоначальное обученіе грамотѣ и письму — еще вопросъ и вопросъ. Преподаваніе грамматики безконечно-разнообразно и большею частію безплодно при всемъ трудолюбіи учащихъ и тяжкой работѣ учащихся. Какой системы держаться, какой методѣ слѣдовать, — предоставляется рѣшить учителю. Да и того часто нельзя, а доводится проходить курсъ по учебнику, завѣдомо дурному. Много, гг., предстоитъ намъ вопросовъ, много задачъ, еще не разрѣшенныхъ. Не будемте дѣлать святаго дѣла съ небреженіемъ, станемте братски помогать другъ другу, кто чѣмъ можетъ. Вопросъ, предложенный собранію, иногда можетъ быть важнѣе, чѣмъ цѣлое разсужденіе. Предложившій этотъ одинъ вопросъ уже сдѣлаетъ хорошее дѣло.... Принявъ на себя охотно учительское званіе, надо имѣть въ виду и великую отвѣтственность этого званія,—и дѣлать свое дѣло, какъ должно. Отложимъ въ сторону и ложную гордость и ложную скромность. Откровенно сознаемся въ своей неопытности, и общими силами станемъ искать средствъ къ собственному развитію и улучшенію священнаго дѣла воспитанія и образованія!» Послѣ того всѣ вообще разсуждали о предметахъ учительскихъ бесѣдъ и о томъ порядкѣ, въ какомъ въ нихъ имѣютъ быть разсужденія, и тутъ-же предложена мысль объ основаніи особой педагогической библіотеки для руководства учащихъ и учащихся. Мысль эта единодушно принята была всѣми присутствующими. Въ заключеніи съ общаго согласія рѣшено, что предметомъ разсужденія въ слѣдующемъ собраніи будетъ первоначальное обученіе грамотѣ, чтенію и письму.

(*Ирк. губ. вѣд.*)

ПРОЕКТЪ ХРАМА ВЪ МОСКВѢ, СОСТАВЛЕННЫЙ ХУДОЖНИКОМЪ ВИТБЕРГОМЪ. — Въ Указ. полит.-экон. напечатана слѣдующая статья: «Работы по устройству храма Спасителя въ Москвѣ производятся дѣятельно и будутъ, говорятъ, усилены. Храмъ Спасителя строится по обѣту, данному императоромъ Александромъ I, когда Наполеоновское нашествіе совершенно отхлынуло изъ Россіи. По мысли Александра I, храмъ Спасителя долженъ быть выраженіемъ глубокой благодарности Всемогущему за міровое торжество, такъ неожиданно упавшее намъ въ годину испытанія и страха. Вмѣстѣ съ Александромъ I, вся Россія раздѣляла его изумленіе передъ

совершившимся событіемъ. Надпись на медаляхъ за 12 годъ: «не намъ, не намъ, а имени Твоему» была народно-искренняя. Событія, послѣдовавшія за изгнаніемъ Наполеона изъ Россіи, еще болѣе утвердили религіозное направленіе духа Русскаго императора. Онъ хотѣлъ, чтобы слава построеннаго имъ храма Спасителя-искупителя увѣковѣчивала славу, выпавшую ему на долю. Для составленія проекта храма былъ назначенъ конкурсъ и представленные проекты разсматривались самимъ Александромъ I. На вызовъ откликнулся геніальный художникъ, — этотъ художникъ былъ Русскій. Въ самомъ себѣ пережилъ онъ то направленіе, которое сопутствовало и слѣдовало за побѣдами надъ Наполеономъ. Его проектъ былъ живымъ, геніальнымъ, конечнымъ выраженіемъ тогдашняго направленія Русскаго Общества и на немъ Александръ остановился. Имя этого художника, которымъ по-справедливости можетъ гордиться Россія, совершенно неизвѣстно нашему обществу, но память о немъ съ благоговѣніемъ передается между талантливыми строителями. Этотъ геніальный художникъ былъ — Витбергъ, тогда человѣкъ первой молодости, воспитывавшійся въ горномъ кадетскомъ корпусѣ и потомъ кончившій курсъ въ академіи художествъ съ золотою медалью за живопись. Александръ захотѣлъ видѣть автора проекта. Витбергъ былъ представленъ государю. Со слезами на глазахъ, пожимая руку Витбергу, Александръ слушалъ его восторженную рѣчь и тутъ-же принялъ его проектъ и назначилъ геніальнаго художника не только строителемъ храма, но и однимъ изъ директоровъ коммиссіи о постройкѣ. Сначала дѣло шло быстро. Вскорѣ храмъ былъ заложенъ съ торжествомъ и рѣчами духовныхъ. Началась постройка, и тутъ Витбергъ палъ подъ бременемъ ея. Геніальный художникъ былъ подкошенъ канцелярскими формальностями и своей неопытностью въ наблюденіи за подчиненными. Начались злоупотребленія служащихъ при постройкѣ. Поднялись жалобы на Витберга, государь приказалъ Аракчееву разобрать дѣло, но оно затянулось до средины 30 годовъ. Проектъ Витберга былъ оставленъ, и храмъ Спасителя начали строить въ другомъ мѣстѣ по проекту г. Тона. Послѣ Витберга ничего не осталось, кромѣ его проекта, который хранится, какъ говорятъ, у гр. С. Г. С—ова. Витбергъ проектировалъ храмъ Спасителя на самомъ рубежѣ Наполеоновскаго нашествія—на Воробьевыхъ горахъ. Сообщаемъ нѣкоторыя черты проекта, и то по разсказамъ строителей, видѣвшихъ проектъ Витберга. Храмъ Вит-

берга состоялъ изъ трехъ частей, говорившихъ объ извѣстныхъ догматахъ христіанства. Нижняя часть, изсѣченная въ горѣ, представляла мрачную могилу всѣхъ павшихъ въ 12 году. Тяжелый порталъ, поддерживаемый громадными колоннами, гробовой мракъ, едва разгоняемый могильными лампадами, изсѣченныя по стѣнамъ имена всѣхъ убитыхъ въ 12 году, отъ рядоваго до генераловъ, и едва пробивающійся свѣтъ изъ средняго храма чрезъ прозрачный образъ Рождества Спасителя вмѣстѣ съ вѣчною панихидою по убіеннымъ передавали тяжесть одной стороны воспоминаній и невольно подымали взоръ къ среднему храму. Коллонада, украшенная статуями ветхозавѣтныхъ лицъ, пророки у самаго входа вводили въ средній храмъ, гдѣ художникъ истощилъ все могущество своего генія. Средній храмъ, имѣя въ планѣ видъ Греческаго креста, представлялъ въ картинахъ и статуяхъ всю евангельскую и апостольскую исторію. Громадныя арки, шагающія одна за одной надъ этими картинами и статуями, прекрасныя классично, переносили взоръ въ свѣтлое небо громаднаго купола. Кругомъ кольца его, символа вѣчности, шелъ вѣнокъ архангеловъ; не было ни одной картины, ни одной статуи въ невозмущаемомъ свѣтѣ купола. Проектъ Витберга требовалъ громадныхъ издержекъ. Храмъ по немъ уже никогда не будетъ построенъ, и потому тѣмъ болѣе было-бы желательно изданіе его проекта, что весьма легко сдѣлать при теперешнемъ состояніи фотографіи. Витбергъ, какъ и всѣ Русскіе художники, бывшій конечнымъ выраженіемъ и двигателемъ общественныхъ силъ, погибъ преждевременно подъ тяжестію своего генія».

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

Новое отправленіе послѣда (1). — Прежде нежели обратимся къ этому новому открытію *Клода Бернара*, изложимъ кратко прежнія его открытія, которымъ оно служитъ продолженіемъ. Бернаръ нашелъ (2), что сахаръ встрѣчается въ животномъ организмѣ не случайно, какъ прежде думали, но что онъ образуется въ животныхъ совершенно особеннымъ отправленіемъ, каково-бы ни было свойство принимаемой пищи. Это *гликогеническое* отправленіе, т.-е. производство сахара, существуетъ у человѣка и у всѣхъ животныхъ. Органъ этого отправленія есть печень; какъ всѣ отдѣляющіе органы напитаны продуктами своего отдѣленія, напр. почки — мочею, шулята — сѣменемъ и пр., такъ и печень напитана сахаромъ. Такимъ образомъ печень совершаетъ разомъ два отдѣленія — желчи и сахара, но отдѣленіе сахара только внутреннее, т.-е. сахаръ не выходитъ черезъ выводящіе каналы печени, а уносится кровью. Поэтому въ крови воротной вены не былъ находимъ сахаръ, а въ печеночныхъ венахъ онъ всегда находится. Сахаръ, образуемый печенью, уносится кровью въ легкія; здѣсь онъ исчезаетъ, такъ что его нельзя найти въ артеріальной крови. Впрочемъ, во время пищеваренія сахаръ появляется и въ воротной венѣ и въ артеріяхъ, но потомъ исчезаетъ и находится только между печенью и легкими.

---

(1) Comptes rendus, 1859 janv. стр. 77.

(2) Leçons de physiologie experimentale par C. Bernard. 1855.

Далѣе Бернаръ доказалъ, что сахаръ образуется только въ крови, а въ самой ткани печени его нѣтъ. Онъ черезъ воротную вену впрыскивалъ въ печень воду до-тѣхъ-поръ, пока она, вытекая изъ печеночныхъ венъ, не заключала уже въ себѣ никакого слѣда сахару. Тогда и въ веществѣ печени не оказывалось сахару. Но когда, по истеченіи 24 часовъ, онъ снова впрыскивалъ воду, то въ ней опять показывался сахаръ. Такимъ образомъ мертвая печень продолжала образовывать сахаръ. Изъ этого видно, что въ печени заключается нѣкоторое вещество, способное превращаться въ сахаръ. Бернаръ назвалъ это вещество *гликогеномъ.* Онъ добывалъ его изъ печени, которую истиралъ въ кашицу и промывалъ водою, спиртомъ и эѳиромъ до-тѣхъ-поръ, пока въ ней не оставалось слѣда сахару. Не останавливаясь на подробномъ описаніи добыванія гликогена, замѣтимъ только, что гликогенъ въ сухомъ видѣ имѣетъ бѣлый цвѣтъ, не имѣетъ ни запаха, ни вкуса, растворимъ въ водѣ, не растворимъ въ алкоголѣ и по реакціямъ есть вещество среднее. Оно не заключаетъ въ себѣ азота; при всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ растительный крахмалъ переходитъ въ декстринъ или въ глюкозъ, гликогенъ превращается въ сахаръ, причемъ переходитъ черезъ состояніе подобное декстрину.

Множество вопросовъ, относящихся къ значенію гликогеническаго отправленія въ здоровомъ и больномъ организмѣ, было изслѣдовано Бернаромъ и сюда-же относятся его новые труды.

«Отправленія послѣда были до-сихъ-поръ предметомъ многихъ гипотезъ; но ничего положительнаго объ нихъ еще не было извѣстно. Самое распространенное мнѣніе то, что послѣдъ, вѣроятно, исполняетъ для зародыша роль, подобную роли легочнаго аппарата послѣ рожденія. Это предположеніе, безъ-сомнѣнія, основывается на томъ фактѣ, что въ мгновеніе рожденія, когда млекопитающее переходитъ изъ жизни утробной въ жизнь внѣутробную, отправленія послѣда прекращаются, а отправленія легкихъ начинаются и потому, повидимому, замѣняютъ ихъ.

«Такъ-какъ я предлагаю здѣсь опытное изслѣдованіе, то мнѣ нѣтъ нужды разсматривать всѣ болѣе или менѣе вѣроятныя отправленія, какія были приписываемы послѣду по наведенію. Цѣль моей статьи доказать анатомически и физіологически, что между отправленіями, безъ-сомнѣнія, многочисленными и разнообразными, послѣдъ впродолженіе перваго времени зародышнаго развитія

исполняетъ также гликогеническое отправленіе печени, такъ-какъ печень не имѣетъ еще того развитія и устройства, которыя впослѣдствіи позволяютъ ей совершать это отправленіе.

«Уже въ 1853 году (3) я приведенъ былъ къ убѣжденію, что гликогеническое отправленіе печени начинается только въ очень поздній періодъ утробной жизни. Между-тѣмъ съ самаго начала организаціи ткани зародыша заключаютъ въ себѣ какъ элементъ, повидимому, необходимый для ихъ развятія, или сахаръ, или гликогенъ. Съ другой стороны, опытъ показалъ мнѣ, что у млекопитающихъ гликогенъ зародыша не можетъ происходить отъ матери, и этотъ фактъ становился еще болѣе несомнѣннымъ для птицъ, которыхъ зародышъ развивается отдѣльно. Такимъ образомъ въ самомъ значеніи гликогеническаго отправленія господствовала темнота относительно мѣстности, что уже тогда подало мнѣ поводъ думать, что произведеніе гликогена, которое позднѣе принадлежитъ печени, въ первыя времена утробной жизни или распредѣлено по различнымъ органамъ тѣла, или-же помѣщается временно въ неизвѣстныхъ зародышныхъ органахъ, которые должны исчезать, когда впослѣдствіи печень начнетъ свои полныя отправленія.

«Опытъ подтвердилъ это послѣднее предположеніе и я надѣюсь показать, что на самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ зародышная печень можетъ исполнять свои отправленія, существуетъ настоящій послѣдный печеночный органъ, производящій гликогенъ. Кромѣ того я покажу, что эта временвая печень исчезаетъ позднѣе, именно въ ту эпоху утробной жизни, когда печень начинаетъ исполнять свои отправленія.

«Долгое время я былъ отвлеченъ отъ цѣли, которой достигли мои изысканія, потому-что употреблялъ для опытовъ послѣды

---

(3) «Я замѣтилъ въ 1854 году (Leçons de physiologie experimentale 1854—1855, p. 250) присутствіе нѣкотораго рода животнаго крахмала или гликогена въ мускулахъ и въ легкомъ у зародыша. Въ то время я не могъ еще выдѣлить это вещество изъ органовъ, какъ это я дѣлалъ потомъ. Впрочемъ, оно имѣетъ всѣ признаки, свойственные гликогену печени; въ микроскопъ можно посредствомъ тѣхъ-же реактивовъ распознать его размѣщеніе въ мускулахъ и въ легочныхъ пузырькахъ зародыша. Впослѣдствіи я разсмотрю значеніе этихъ фактовъ и постараюсь разрѣшить вопросъ, образуется-ли этотъ гликогенъ на мѣстѣ, или-же онъ переносится въ эти органы, въ которыхъ встрѣчается».

жвачныхъ, легко добываемые въ Парижскихъ бойняхъ. Въ-теченіе многихъ лѣтъ я безплодно дѣлалъ многочисленныя наблюденія надъ коровами и баранами, во всѣхъ возрастахъ ихъ утробной жизни, и не могъ найти ни одной части послѣда, которая содержала-бы гликогенъ. Не смотря на столь полную неудачу, я прибѣгнулъ потомъ къ послѣдамъ кроликовъ, Индійскихъ свинокъ и пр.

«И я нашелъ, что въ послѣдѣ этихъ животныхъ находится бѣловатое вещество, образуемое скопленіемъ эпителіальныхъ или желѣзистыхъ клѣточекъ. Далѣе я увѣрился, что эти клѣточки, какъ печеночныя клѣточки взрослаго животнаго, наполнены гликогеномъ. Масса гликогеническихъ клѣточекъ была расположена, какъ мнѣ показалось, между матернею и зародышнею частію послѣда; развившись вполнѣ, она казалось атрофировалась по-мѣрѣ приближенія къ времени рожденія. Я нашелъ также, что послѣдъ кроликовъ и Индійскихъ свинокъ состоитъ изъ двухъ частей, имѣющихъ различныя отправленія: одна—сосудистая и постоянно-существующая до самаго времени рожденія, другая — желѣзистая, приготовляющая гликогенъ и существующая не такъ долго.

«Какъ-бы то ни было, у меня все еще оставались отрицательныя наблюденія, сдѣланныя въ большемъ числѣ надъ жвачными, отрицательные опыты, которые были для меня столь-же несомнѣнны, какъ и тѣ, въ которыхъ я получилъ положительные результаты. Какъ надлежало поступить въ этомъ случаѣ? Должно-ли было допустить противорѣчіе опытовъ, принять, какъ говорятъ, исключенія изъ общаго правила и положить, что послѣдъ грызуновъ имѣетъ отправленіе, котораго нѣтъ у послѣда жвачныхъ? Признаюсь, что въ физіологическихъ наукахъ слово—*исключеніе* казалось мнѣ обыкновенно словомъ, не имѣющимъ смысла и употребляемымъ только для того, чтобы прикрыть наше незнаніе обстоятельствъ какого-нибудь явленія. Здѣсь, въ томъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ, я могъ только принять различное расположеніе гликогенической части послѣда у жвачныхъ, но повѣрить полному ея отсутствію я не могъ. Въ такомъ убѣжденіи я снова принялся за опыты надъ жвачными и на этотъ разъ самый полный успѣхъ увѣнчалъ мои усилія. Я успѣлъ доказать весьма замѣчательное расположеніе, которое трудно было-бы предугадать, именно, что у жвачныхъ, между-тѣмъ-какъ сосудистая часть послѣда, представляемая его долями (cotyledones) сопровождаетъ алантоидъ и распространяется по его наружной поверхности, желѣзистая часть послѣ-

да отдѣльна отъ сосудистой и развивается на внутренней поверхности амніоса. Отсюда видно, что если у грызуновъ и другихъ животныхъ съ простымъ послѣдомъ сосудистая и желѣзистая части послѣда перемѣшаны, то, наоборотъ, у жвачныхъ та и другая части этого органа отдѣльны и развиваются на различныхъ перепонкахъ, и слѣдовательно можно отдѣльно наблюдать развитіе каждой изъ нихъ. При помощи такого анатомическаго устройства мы можемъ ясно доказать, что сосудистая часть послѣда остается и возростаетъ до самаго времени рожденія, между-тѣмъ-какъ его гликогеническая часть, соединенная съ амніосомъ, увеличивается въ первыя времена плодоношенія, около третьяго или четвертаго мѣсяца (4) утробной жизни достигаетъ наибольшаго развитія и потомъ мало-по-малу исчезаетъ, переходя черезъ различныя формы вырожденія и атрофіи,—такъ-что во-время рожденія млекопитающаго уже не существуетъ и слѣдовъ этой временной печеночной части послѣда. Нужно еще прибавить для полной характеристики этихъ органовъ, что впродолженіе всего времени, когда возрастаетъ и дѣйствуетъ печеночный послѣдъ амніоса, печень зародыша не имѣетъ еще ни своего настоящаго строенія, ни своихъ отправленій, и что когда печень развита вполнѣ и когда ея клѣточки, получивъ свою окончательную форму, начинаютъ отдѣлять гликогенъ, именно тогда начинаетъ исчезать печеночный органъ амніоса.

«Отнынѣ, слѣдовательно, можно съ величайшимъ удобствомъ изучать на этой перепонкѣ анатомическую и физіологическую исторію желѣзистаго или эпителіальнаго органа, назначеннаго для отдѣленія, помощію особыхъ клѣточекъ, гликогена или животнаго крахмала. Изученіе этого анатомическаго развитія, разсматривая отправленія въ зависимости отъ точно-опредѣленнаго гистологическаго элемента, представитъ ту выгоду, что будутъ удалены сами собою всѣ причины ошибокъ, какія имѣютъ мѣсто при употребленіи химичеекихъ реакцій для распознаванія и опредѣленія мѣста сахаристаго вещества, обращающагося вмѣстѣ съ кровью. Однимъ словомъ, нельзя найти расположенія болѣе удобнаго для изученія механизма образованія животнаго гликогена. Вотъ почему, хотя этотъ гликогеническій органъ послѣда встрѣчается и у

(4) Я указываю здѣсь эпохи только приблизительно, потому-что невозможно съ точностію знать возрастъ коровъ, добываемыхъ на бойняхъ.

другихъ животныхъ, я ограничусь въ настоящее время краткимъ описаніемъ амніотическихъ пластинъ у жвачныхъ, предоставляя себѣ впослѣдствіи возвратиться къ анатоміи этихъ органовъ, когда я изучу ихъ сравнительно на большемъ числѣ животныхъ.

«Печеночные слои амніоса являются у жвачныхъ съ перваго времени зародышной жизни. Они развиваются мало-по-малу на внутренней поверхности амніоса, покрывая сперва пуповинный канатъ до того мѣста, гдѣ ясная линія отдѣляетъ кожу отъ амніоса. Потомъ эти слои, которые на пуповинѣ особенно ясно имѣютъ форму ворсинъ, распространяются на другія части амніоса по-мѣрѣ того, какъ развиваются сопровождающіе ихъ кровеносные сосуды. Мало-по-малу они увеличиваются въ объемѣ; состоя сперва изъ прозрачнаго вещества, они становятся потомъ болѣе непрозрачными, въ-особенности по краямъ, которые нѣсколько приподымаются и придаютъ имъ нѣкоторое сходство съ пластинками лишаевъ. Кромѣ-того они представляютъ весьма разнообразныя формы, пластинчатыя и нитевидныя, и иногда сливаются одни съ другими. При полномъ своемъ развитіи эти пластинки достигаютъ иногда толщины 3 или 4 миллиметровъ; нитевидныя представляютъ часто большую длину и иногда раздуты на концѣ въ видѣ булавы. Позднѣе всѣ они перестаютъ развиваться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они становятся желтыми, жироподобными; въ другихъ они спадаютъ и плаваютъ въ жидкости амніоса, при чемъ на перепонкѣ, отъ которой они отдѣлились, остаются рубцы, впослѣдствіи исчезающіе. Способы атрофіи и исчезанія этихъ печеночныхъ наростовъ, кажется, весьма различны. Когда исчезаніе происходитъ посредствомъ слупливанья и полнаго всасыванія, то при рожденіи зародыша не оказывается никакого слѣда наростовъ и амніосъ вездѣ совершенно гладокъ. Когда жировое перерожденіе захватываетъ наросты, оставшіеся прикрѣпленными, то при рожденіи еще можно найти ихъ превращенными въ жиръ и иногда значительно утолщенными. Въ этихъ случаяхъ можетъ быть, что нѣкоторыя изъ этихъ жирныхъ массъ отдѣляются отъ амніоса и плаваютъ въ амніотической жидкости.

«Съ величайшею легкостію можно доказать присутствіе гликогена въ печеночныхъ наростахъ амніоса во всѣ періоды ихъ развитія. Какъ только они появляются, легко распознать это вещество подъ микроскопомъ помощію іода. Когда наросты вполнѣ развиты, можно извлечь изъ нихъ гликогенъ въ большихъ количествахъ и можно

удобно изучать его свойства. Чтобы всего легче получить его, нужно помочить амніосъ въ кипящей водѣ; тогда наросты легко отстанутъ, ихъ можно истереть въ ступкѣ и извлечь изъ нихъ кипяченіемъ гликогенъ, совершенно также, какъ онъ извлекается изъ печени. Что касается до его свойствъ, то гликогенъ, извлекаемый изъ амніоса, совершенно тожественъ съ гликогеномъ печени. Онъ растворяется въ водѣ, придавая ей молочный видъ, осаждается алкоголемъ и кристаллизующеюся уксусною кислотою. Іодъ дастъ ему густой винно-красный цвѣтъ, исчезающій при нагрѣваніи и возобновляющійся при охлажденіи. Это окрашиванье іодомъ гликогена изъ амніоса происходитъ не только въ томъ случаѣ, когда гликогенъ извлеченъ кипяченіемъ, но оно обнаруживается и въ самыхъ клѣточкахъ органа, какъ мы это вскорѣ увидимъ. Какъ гликогенъ печени такъ и гликогенъ амніоса очень легко переходитъ въ декстринъ и въ способный къ броженію сахаръ (glycose) подъ вліяніемъ діастатическихъ ферментовъ, растительныхъ и животныхъ, а также вслѣдствіе кипяченія съ крѣпкими кислотами.

«При изученіи строенія и гистологическаго развитія печеночныхъ наростовъ зародыша, можно очень отчетливо слѣдить за образованіемъ гликогеническихъ клѣточекъ и за развитіемъ этого вещества во внутренности ихъ.

«Перепонка амніоса у коровы сперва, кажется, не имѣетъ ясно-развитого эпителія и ткань ея состоитъ преимущественно изъ фибръ упругой ткани, съ ядрами, расположенными въ петляхъ веретенообразныхъ клѣточекъ. Въ то самое время, когда появляются наросты, можно замѣтить въ микроскопъ, на внутренней поверхности амніоса, и прежде всего на той части этой перепонки, которая облекаетъ пуповину, родъ пятенъ, образуемыхъ эпителіальными клѣточками; потомъ въ центрѣ пятна являются группы желѣзистыхъ клѣточекъ, сначала не въ большомъ количествѣ; случается даже найти наростъ, только-что начинающійся и состоящій только изъ одной или изъ двухъ желѣзистыхъ клѣточекъ. Эти желѣзистыя или гликогеническія клѣточки легко отличить отъ сопровождающихъ ихъ эпителіальныхъ, сперва по формѣ и потомъ по ихъ реакціи съ іодомъ. На самомъ дѣлѣ, если подъ микроскопомъ прибавить къ такому амніоническому наросту, или сосочку нѣсколько тинктуры іода, смѣшанной съ уксусною кислотою, то тотчасъ гликогеническія клѣточки принимаютъ винно-красный цвѣтъ, между-тѣмъ-какъ эпителіальныя клѣточки остаются безцвѣтными

или становятся слегка желтыми. Мало-по-малу, вслѣдствіе развитія, группы гликогеническихъ клѣточекъ увеличиваются и принимаютъ форму сосочковъ въ-особенности на той части оболочки, которая облекаетъ пуповину. Если разсмотрѣть ихъ въ микроскопъ, то окажется, что эти бородавки состоятъ изъ гликогеническихъ клѣточекъ, покрытыхъ эпителіемъ. Когда прибавить іодовой тинктуры съ кислотою, то гликогеническія клѣточки сосочковъ окрашиваются въ винно-красный цвѣтъ, въ-особенности при основаніи сосочковъ, ясно-отличающемся отъ окружающей ткани. Печеночныя пластинки состоятъ изъ тѣхъ-же элементовъ, какъ и сосочки; не смотря на то, трудно рѣшить, должно-ли ихъ считать слившимися сосочками или-же они имѣютъ какой-нибудь другой способъ образованія. Можно только сказать объ нихъ, что они распространяются своею окружностью, представляющею вполнѣ развитыя гликогеническія клѣточки, между-тѣмъ-какъ въ центрѣ эти клѣточки, кажется, менѣе развиты.

«Если разорвать пластинку или сосочикъ и если механически раздѣлить ихъ гистологическіе элементы, то получатся отдѣльныя клѣточки, снабженныя ядромъ и иногда ядрышкомъ, и содержащія зернистое вещество. Это зернистое вещество окрашивается въ красно-винный цвѣтъ іодовою тинктурою; ядро, котораго объемъ, какъ мнѣ показалось, измѣняется вслѣдствіе реактивовъ, не всегда окрашивается іодомъ въ такой-же цвѣтъ. Клѣточки печеночныхъ пластинокъ амніоса представляютъ, впрочемъ, большую аналогію въ формѣ и въ реакціи съ клѣточками печени при полной ея дѣятельности.

«На самомъ дѣлѣ можно изолировать клѣточки печеночныхъ наростовъ и клѣточки печени, вымачивая нѣкоторое время небольшіе куски ткани этихъ органовъ въ густомъ алкогольномъ растворѣ ѣдкаго кали. Тогда можно видѣть, что содержимое того и другаго рода клѣточекъ остается нерастворимымъ въ этомъ реактивѣ и опускается на дно жидкости въ видѣ бѣловатаго вещества, которое подъ микроскопомъ представляетъ или сохранившуюся первоначальную форму клѣточекъ, или-же аморфныя зернистыя массы. Если теперь подъ микроскопомъ насытить избытокъ поташа кристаллизующеюся уксусною кислотою и если потомъ прибавить іодовой тинктуры, то появится винно-красный цвѣтъ и даже болѣе густой, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда-бы дѣйствовали на свѣжія клѣточки.

«Когда печеночныя пластинки амніоса начинаютъ желтѣть, падать, всасываться или вырождаться въ жирное вещество, тогда можно замѣтить перемѣны въ ихъ микроскопическомъ строеніи. Вообще желѣзистыя клѣточки теряютъ сперва свои ядра и вмѣстѣ свой гликогенъ, такъ-что, дѣйствуя подъ микроскопомъ кислою іодовою тинктурою на кусочикъ измѣнившейся пластинки, мы увидимъ смѣсь разныхъ клѣточекъ, изъ которыхъ однѣ окрашиваются въ винно-красный цвѣтъ, между-тѣмъ-какъ другія остаются безцвѣтными. Кромѣ-того оказывается, что клѣточки неокрасившіяся не имѣютъ ядра и зернистаго содержимаго. Иногда можно даже замѣтить переходъ между этими двумя состояніями, то-есть бываютъ клѣточки, въ которыхъ и зернистая масса почти исчезла и въ которыхъ винно-красный цвѣтъ едва замѣтенъ.

«Нѣсколько позже, когда пластинки амніоса уже не образуютъ болѣе рубцовъ, встрѣчаются только сплющенныя клѣточки, всѣ безъ ядеръ, безъ малѣйшаго слѣда гликогена. Позднѣе и самыя эти клѣточки исчезаютъ. Когда пластинки, вмѣсто-того, чтобы отпадать и исчезать, вырождаются въ жировыя вещества, то можно помощію микроскопа убѣдиться въ присутствіи жирнаго вещества и въ то-же время найти въ смѣшеніи съ нею прекрасные октаедрическіе кристаллы, представляющіе всѣ признаки кристалловъ щавелевокислой извести. Безполезно прибавлять, что при этомъ нѣтъ никакого слѣда гликогена.

«Изъ всего этого видно, что, какъ я сказалъ, можно съ величайшимъ удобствомъ слѣдить за всѣми періодами развитія этихъ гликогеническихъ пластинокъ зародыша и убѣдиться, что онѣ представляютъ въ-теченіе утробной жизни сперва періодъ возрастанія, потомъ періодъ убыванія, такъ-что въ эпоху рожденія ихъ кругъ развитія совершенно заключенъ.

«Если теперь мы изслѣдуемъ параллельно съ развитіемъ печеночныхъ пластинокъ амніоса, организацію и гистологическое развитіе печени зародыша, то мы будемъ поражены постояннымъ обратнымъ отношеніемъ въ развитіи клѣточекъ печени и клѣточекъ печеночныхъ пластинокъ.

«Въ первыя времена зародышной жизни (5), когда амніотиче-

---

(5) Съ самаго начала зародышной жизни, у коровьихъ зародышей 2—8 сантиметровъ длины, я не находилъ еще пластинокъ на амніосѣ. Можетъ быть, тогда можно найти гликогеническія клѣточки въ пупочномъ пузырѣ.

скія пластинки совершенно наполнены гликогеномъ, оказывается, что весьма мягкая печень зародыша состоитъ только изъ зародышныхъ клѣточекъ, округленныхъ и веретенообразныхъ, распускающихся въ алкогольномъ растворѣ кали, не окрашивающихся іодомъ и не представляющихъ никакихъ признаковъ гликогеническихъ клѣточекъ. Въ это время ткань печени не даетъ никакого слѣда гликогена.

«Когда гликогеническія клѣточки амніоса оканчиваютъ свое развитіе и пластинки, ихъ заключающія, спадаютъ или вырождаются, тогда, наоборотъ, въ печени зародыша клѣточки пріобрѣтаютъ окончательную форму печеночныхъ клѣточекъ, заключаютъ одно или нѣсколько ядеръ съ зернистымъ содержимымъ, не растворяются въ спиртовомъ растворѣ кали и принимаютъ винно-красный цвѣтъ отъ іода, если щелочь насытить уксусною кислотою. Въ это время можно извлекать изъ печени зародыша, теперь уже болѣе твердой, гликогенъ совершенно подобный тому, который производится зрѣлою печенью. Еще позднѣе, когда пластинки совершенно исчезли, или совершенно выродились въ жирное вещество, когда зародышъ уже близокъ къ рожденію, оказывается, что ткань печени, уже твердая, какъ у взрослаго животнаго, состоитъ изъ анатомическихъ элементовъ, уже принявшихъ вполнѣ свою окончательную форму; тогда всѣ клѣточки печени наполнены гликогеномъ и въ это время изъ печени зародыша можно извлечь гликогенъ въ такомъ-же изобиліи, какъ изъ печени хорошо-откормленнаго взрослаго животнаго.

«Изъ всѣхъ сообщенныхъ выше фактовъ, я полагаю, можно извлечь слѣдующія заключенія:

«1) Послѣдъ млекопитающихъ имѣетъ отправленіе, до-сихъ-поръ остававшееся неизвѣстнымъ, и которое, повидимому, замѣняетъ гликогеническое отправленіе печени въ первыя времена зародышной жизни. Это отправленіе ограничено железистымъ или эпителіальнымъ анатомическимъ элементомъ послѣда, и этотъ элементъ у нѣкоторыхъ животныхъ смѣшанъ съ сосудистою частью послѣда, а у жвачныхъ отдѣленъ отъ нея, именно образуетъ на амніосѣ пластинки, подобныя эпителію, которыя, безъ-сомнѣнія, всѣми были замѣчены, но значеніе которыхъ до-сихъ-поръ не было извѣстно.

«2) Этотъ временный печеночный органъ послѣда, давая возможность прямо, въ отдѣльномъ анатомическомъ элементѣ изу-

чать произведеніе гликогена, подтверждаетъ и дополняетъ новымъ примѣромъ то, что я давно уже говорилъ, т.-е., что образованіе крахмалистаго вещества, способнаго переходить въ сахаръ свойственно равно животному и растительному царству. Наблюденія, которыя я здѣсь изложилъ, представляютъ еще новыя аналогіи, потому-что мы видимъ, что гликогенъ скопляется около животнаго зародыша точно такъ, какъ въ растеніяхъ онъ скопляется въ зернахъ около растительнаго зародыша.

«3) Гликогеническое отправленіе у животныхъ начинается съ самаго начала зародышной жизни и прежде, нежели разовьется органъ, въ которомъ это отправленіе помѣщается у взрослаго. До-тѣхъ-же поръ оно помѣщается въ временномъ органѣ, принадлежащемъ къ прибавочнымъ частямъ зародыша.

«4) Все, что здѣсь сказано, относится единственно къ гликогеническому отправленіе печени. Теперь нужно-бы изслѣдовать,— исполняется ли подобнымъ-же образомъ и желчное отправленіе последнымъ печеночнымъ органомъ, который мы описали. Вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: нужно рѣшить, исполняются-ли оба отправленія одними и тѣми-же желѣзистыми клѣточками; тогда эти отправленія были-бы связаны неизмѣнно; или-же печень нужно разсматривать, какъ сложный органъ, въ которомъ перемѣшаны отдѣльные анатомическіе элементы,—одни, назначенные для образованія крахмалистой матеріи, другіе—для образованія желчи. Этотъ вопросъ, котораго до-сихъ-поръ не могли разрѣшить анатомы, не смотря на многочисленныя гистологическія работы надъ печенью, мнѣ кажется, можетъ быть, уясненъ и даже разрѣшенъ физіологическими изысканіями, отчасти надъ развитіемъ отправленія въ зародышѣ, отчасти надъ низшими животными. Я предпринялъ въ этомъ отношеніи многія изслѣдованія, о которыхъ отдамъ отчетъ, какъ-скоро они будутъ кончены».

Открытія Якубовича. — Г. Якубовичу Парижская академія наукъ присудила большую премію по опытной физіологіи на конкурсѣ 1858 года. Пользуемся этимъ случаемъ для того, чтобы привести краткое изложеніе открытій г. Якубовича, сдѣланное при этомъ присужденіи Клодомъ Бернаромъ (6).

Сначала онъ приводитъ основанія, почему физіологическая премія назначается за анатомическія изысканія.

(6) Comptes rendus. 1859. mars. 500.

«Во всѣ эпохи науки, говоритъ онъ, физiологи въ изученiи организацiи частей искали объясненiя явленiй жизни, слѣдуя той мысли, что отправленiя суть не что иное, какъ точное выраженiе приведенныхъ въ дѣйствiе свойствъ органовъ. Можно даже сказать, что такой взглядъ вполнѣ обнимаетъ физiологическую задачу, какъ она была предложена въ древности и какъ разработывается въ до нашихъ дней».

Дѣйствительно — построить цѣлое изъ частей, всю гармонiю, весь смыслъ цѣлаго отыскать въ его элементахъ—таково, повидимому, стремленiе каждой науки.

«Но, продолжаетъ Кл. Бернаръ, если сущность вопроса не измѣнилась, то его данныя могли измѣниться и расшириться.

«Въ послѣднее время, благодаря распространившемуся употребленiю микроскопа, гистологiя сдѣлала значительные успѣхи. Мы видимъ, что микроскопическая анатомiя ежедневно добываетъ для науки многочисленные матерiалы. Эти новыя понятiя отодвигаютъ все дальше и дальше границы физiологической задачи, до-тѣхъ-поръ, пока наконецъ, достигнувъ послѣднихъ гистологическихъ элементовъ, съ которыми мы можемъ соединять очевидно и необходимо каждое физiологическое свойство, мы достигнемъ такимъ образомъ основанiя, на которомъ научнымъ образомъ можетъ воздвигнуться наука о жизненныхъ явленiяхъ».

Прибавимъ съ своей стороны, что можно идти еще далѣе. Свойство и строенiе гистологическихъ элементовъ очевидно основаны на строенiи ихъ изъ химическихъ элементовъ и далѣе изъ физическихъ атомовъ, и на свойствахъ этихъ атомовъ. Слѣдовательно, атомизмъ—вотъ гдѣ вполнѣ строгая и научная основа физiологiи.

«Между системами органовъ существуютъ, безъ-сомнѣнiя, такiя, которыя особенно привлекали къ себѣ вниманiе анатомовъ и физiологовъ. Сюда относятся въ-особенности различные органы нервной системы. Уже въ 1856 году академiя присудила награду трудамъ Штиллинга (изъ Касселя) надъ микроскопическимъ устройствомъ Варолiева моста.

«Трудъ г. Якубовича содержитъ результаты большей важности для гистологiи, физiологiи и сравнительной анатомiи. Онъ совершенъ при точномъ знанiи всѣхъ физiологическихъ результатовъ, добытыхъ по настояще время; гистологическiя изысканiя были дѣлаемы съ намѣренiемъ уяснить анатомiею строенiя тѣ явле-

нія, которыя предварительно были дознаны опытною физіологіею. И дѣйствительно, если анатомическія свѣдѣнія должны служить точкою исхода физіологическихъ изысканій, то равнымъ образомъ необходимо, чтобы въ свою очередь физіологическія свѣдѣнія руководили изысканіями анатомовъ и служили для нихъ поводомъ.

«Г. Якубовичъ раздѣлаетъ существенныя составныя части нервной системы на три рода нервныхъ элементовъ: 1) звѣздчатыя клѣточки, самыя большія (клѣточки движенія); 2) веретенообразныя клѣточки самыя малыя (клѣточки чувствительности); 3) круглыя или овальныя клѣточки, среднія по объему (узловыя клѣточки).

«Отъ трехъ предъидущихъ нервныхъ элементовъ идутъ продолженія: это—новые цилиндры, представляющіе также три рода нервовъ, именно: нервы движенія, выходящіе изъ звѣздчатыхъ клѣточекъ; нервы чувствительности, выходящіе изъ веретенообразныхъ клѣточекъ, и узловые нервы, выходящіе изъ узловыхъ клѣточекъ. Эти три разряда нервовъ, какъ и соотвѣтствующіе имъ три разряда клѣточекъ, различаются между собою своимъ объемомъ и кромѣ-того невриллемою, которая ихъ окружаетъ.

«Но нервныя клѣточки не только производятъ изъ себя нервныя нити, распредѣляющіяся въ периферическихъ частяхъ тѣла; онѣ даютъ еще другіе отростки, назначенные для ихъ взаимнаго сообщенія. Нервныя клѣточки соединяются между собою различнымъ образомъ.

«1) Онѣ образуютъ спайки или перемычки (commissurae), т.-е. даетъ отростки, назначенные для соединенія нервныхъ клѣточекъ лѣвой стороны спиннаго и головнаго мозга съ клѣточками правой стороны того-же органа. Эти спайки соединяютъ клѣточки того-же рода и свойственны клѣточкамъ чувствительности и движенія.

«2) Нервныя клѣточки той-же стороны могутъ также соединяться между собою, но всегда той-же группы; клѣточки движенія съ клѣточками движенія и клѣточки чувствительности съ клѣточками чувствительности.

«2) Кромѣ двухъ предъидущихъ соединеній, происходящихъ между однородными нервными клѣточками, г. Якубовичъ дѣйствительно недавно открылъ нервные отростки, соединяющіе чувствительныя клѣточки съ двигательными.

«Что касается до объема и числа нервныхъ элементовъ и до ихъ распредѣленія въ различныхъ частяхъ спиннаго мозга у человѣка и у животныхъ, то вотъ, что нашелъ г. Якубовичъ:

«Нервныя клѣточки, а также ихъ отростки бываютъ различны по величинѣ у различныхъ позвоночныхъ. У человѣка нервные элементы самые мелкіе и самые многочисленные.

«У рыбъ и лягушекъ число нервныхъ элементовъ кажется вообще весьма незначительно въ-сравненіи съ млекопитающими и въ то-же время узловыя клѣточки у нихъ явно господствуютъ.

«У птицъ узловыя клѣточки, также какъ и клѣточки движенія, очень развиты, между-тѣмъ-какъ чувствительные элементы не значительны. Такъ обыкновенно у нихъ можно найти двигательныя клѣточки въ заднихъ рогахъ спиннаго мозга, чего не бываетъ у млекопитающихъ, гдѣ ихъ можно найти только въ шейной части, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается прибавочный Виллизіевъ нервъ.

«Г. Якубовичъ полагаетъ, что всѣ нервные элементы постоянно соединяются при образованіи нервовъ, такъ-что всѣ нервы — смѣшаннаго свойства, то-есть содержатъ осевые цилиндры, принадлежащіе и двигательнымъ и чувствительнымъ и узловымъ клѣточкамъ. Въ этомъ отношеніи разница между передними и задними корнями нервовъ состоитъ единственно въ томъ, что въ первыхъ преобладаютъ двигательныя волокна, тогда-какъ во вторыхъ болѣе многочисленны чувствительныя.

«Какъ физіологическій выводъ изъ своихъ анатомическихъ изысканій г. Якубовичъ находитъ, что различныя элементарныя физіологическія свойства нервной системы человѣка и млекапитающихъ размѣщены въ различныхъ гистологическихъ элементахъ (клѣточкахъ и волокнахъ), характеризуемыхъ разницею въ формѣ и объемѣ. Кромѣ-того г. Якубовичъ принимаетъ, что не величина нервныхъ элементовъ, не объемъ и вѣсъ всей нервной массы или ея различныхъ частей опредѣляютъ степень физіологической высоты у животныхъ, но скорѣе количество самыхъ нервныхъ элементовъ въ-сравненіи къ массѣ клѣтчатой ткани, равнымъ образомъ входящей въ составъ нервныхъ центровъ».

Клодъ Бернаръ справедливо замѣчаетъ, что эти физіологическія заключенія должны быть повѣрены опытомъ; тогда только можно будетъ принять, что нервные элементы различнаго свойства имѣютъ и различное отправленіе, и именно то отправленіе, которое предполагаетъ въ нихъ г. Якубовичъ.

Н. СТРАХОВЪ.

Труды Гофмейстера по части растительной физiологiи (7). — Труды *Гофмейстера* весьма важны по точности наблюденiй и по вѣрности выводовъ: поэтому они въ высшей степени интересны для всякаго, занимающагося ботаникой.

Въ первомъ выпускѣ излагается исторiя развитiя Isoëtes lacustris, которая дополняетъ и исправляетъ предшествующiя изслѣдованiя, предпосланныя авторомъ собственнымъ наблюденiямъ; всѣ степени развитiя, начиная отъ проростанiя споръ до новаго ихъ образованiя, разсмотрѣны имъ самымъ тщательнымъ образомъ и изображены на рисункахъ въ 15 таблицахъ. Ваи этого растенiя не листья, а вѣтви съ опредѣленнымъ возрастанiемъ, похожiя на листья, листья-же находятся только на плодовыхъ сучочкахъ въ видѣ шелушистыхъ чешуекъ (palea). Изъ ясшаго представленiя всей исторiи развитiя Isoëtes lacustris и изъ обзора нѣжныхъ формъ ея, которыя растутъ около Средиземнаго моря, въ сухомъ или полусухомъ видѣ, слѣдуетъ, что этотъ родъ составляетъ особую группу, которая сродна съ Selagines, но должна быть отдѣлена отъ нихъ, какъ особое семейство.

Далѣе авторъ излагаетъ свои наблюденiя о проростанiи *хвощей* (Equisetaceae). Первый разъ онъ наблюдалъ архегонiи у хвощей въ 1850 году. Слѣдующiя за тѣмъ изысканiя доказали ему, что полевой, луговой и болотный хвощи (Equisetum arvense, pratense и palustre) суть растенiя двудомныя. Первичные ростки, приносящiе архегонiи, гораздо больше, многократно-лопастные и встрѣчаются гораздо рѣже, нежели другiе; но споры всѣ одинаковы, но имъ нельзя различить, какое недѣлимое разовьется. Три таблицы объясняютъ строенiе сперматозоидовъ и архегонiй и проростанiе, такъ-что, благодаря автору, теперь совершенно ясно, какъ образуются, изъ одинаковаго вначалѣ ростка, различныя формы хвощей.

Второй выпускъ заключаетъ въ себѣ изслѣдованiя о возрастанiи папоротниковъ офiоглоссовыхъ (змѣеязычковыхъ) и сальвинiи и сопровождается 13 таблицами. Представителями первыхъ служатъ: Pteris aquilina съ ползучей осью, съ разрѣзными и двурядными ваями, и Aspidium filix mas съ вертикальной осью безъ

(7) *W. Hofmeister*, Beiträge zur Kenntniss der Gefäss-Kryptogamen I u. II Lieferungen (Abh. d. math. phys. Classe d. K. Sachs. Gesellsch. d. Wissensch. IV. S. 121—179 и V. S, 601—682). Bot. Zeit. 1859, № 35.

вѣтвей и съ ваями, расположенными въ короткой, сжатой спирали, какъ двѣ формы, отдаленнѣйшія по развитію. Сначала очерченъ общій ихъ характеръ, потомъ особенности каждаго. Далѣе слѣдуютъ Asplenium filix femina, Belangeri; Struthiopteris germanica, Nephrolepis undulata и splendens, потомъ Polypodium и Niphobolus, далѣе Platycerium alcicorne и Marattia cicutaefolia. Затѣмъ идутъ Ophioglosseae, именно сначала проростаніе и развитіе Botrychium Lunaria. У этого папоротника проростаніе подземное, и потому его трудно наблюдать съ самаго начала, но *Гофмейстеръ* нашелъ молодыя растеньица съ первичными ростками и прослѣдилъ постепенное развитіе вай и ихъ отношеній другъ къ другу. Ophioglossum vulgatum также описанъ въ-отношеніи развитія вай и прилистниковъ. Какъ у этого растенія, такъ и у Botrychium, плодородныя ваи должно разсматривать, какъ побѣги безплодныхъ.

Въ статьѣ о проростаніи Salvinia natans описываются антеридіи, образованіе первичныхъ ростковъ и архегоній и развитіе зародышей.

Эти изслѣдованія были сдѣланы изъ чистой любви къ предмету, какъ это видно уже изъ того, что авторъ откровенно сознается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прежде заблуждался, и составляли часы отдыха для ученаго, котораго все время посвящено другимъ частямъ науки.

Недавно вышло еще новое сочиненіе того-же автора (8).

Измѣненія, которыя встрѣчаются у явнобрачныхъ впродолженіе и тотчасъ послѣ оплодотворенія, и производятъ живой зародышъ, иногда сопровождаемый массою питающихъ клѣточекъ, составляли въ послѣднее время предметъ многочисленныхъ изслѣдованій, въ которыя вкрались нѣкоторыя ошибки; для опроверженія этихъ ошибокъ необходимы были новыя, самыя точныя наблюденія. Уже раньше *Гофмейстеръ* представилъ въ настоящемъ свѣтѣ самый процессъ оплодотворенія и доказалъ несправедливость воззрѣнія, почти всѣми принятаго; теперь онъ прослѣдилъ образованіе клѣточекъ внутри зародышнаго мѣшечка, составляющихъ бѣлокъ, у тѣхъ растеній, у которыхъ въ зародышномъ мѣшечкѣ, тотчасъ послѣ оплодотворенія, образуется только одна клѣ-

---

(8) Neue Beiträge zur Kenntniss der Embryobildung der Phanerogamen von *Wilhelm Hofmeister*. I. Dikotyledonen mit ursprünglich einzelligem, nur durch Zellentheilung wachsendem Endosperm. 1859. Bot. Zeit. № 38.

точка, занимающая значительную часть этого мѣшечка и плотно прилегающая своими стѣнками къ его стѣнкамъ; потомъ эта клѣточка дѣлится перегородкою на двѣ дочернія, которыя, въ свою очередь также дѣлятся на двѣ новыя клѣточки; эти послѣднія опять дѣлятся и т. д. до-тѣхъ-поръ, пока не образуется бѣлокъ (эндоспермъ), внутрьсѣменникъ. Такимъ образомъ развивается бѣлокъ у Loranthaceae, Santalaceae, Aristolochieae, Asarineae, Cytineae, Balanophoreae, Orobancheae, Scrophularineae, Bignoniaceae, Acanthaceae, Labiatae, Verbenaceae, Selagineae, Globularineae, Lentibularieae, Gesneriaceae, Hydrophylieae, Plantagineae, Ericaceae, Epacrideae, Pyrolaceae, Droseraceae, Campanulaceae, Loasaceae, Bartoniaceac. Если разсматривать весь зародышный мѣшечекъ, какъ маточную клѣточку и половину его, происшедшую отъ перваго дѣленія за первую клѣточку внутрьсѣменника, и если обратить вниманіе на болѣе или менѣе сильное развитіе эндоспермовыхъ клѣточекъ, въ различныхъ частяхъ зародыша, то получимъ слѣдующія различія:

1) Парныя эндоспермовыя клѣточки развиваются обѣ; сила размноженія уменьшается отъ боковъ къ срединѣ зародышнаго мѣшечка: Aristolochia, Balanophora, Pyrola, Drosera, Bartonia. У послѣдней вершинный отростокъ зародышнаго мѣшечка уже передъ оплодотвореніемъ отдѣляется поперечною перегородкою.

2) Одна изъ первыхъ дочернихъ клѣточекъ не размножается; все размноженіе происходитъ въ другой. Послѣдняя, т.-е. въ которой происходитъ размноженіе, можетъ быть нижнею, какъ у Loranthus, Lepidoceras, Catalpa, Acanthus, или верхнею, и въ этомъ случаѣ, размноженіе бываетъ со всѣхъ сторонъ, равномѣрно, какъ у Viscum, Thesium, Asarum; или дочернія клѣточки, наполняющія вершину зародышева мѣшечка, останавливаются въ размноженіи гораздо раньше и здѣсь опять два случая: a) дѣленіе въ вершинныхъ клѣточкахъ, окружающихъ зародышевы пузырьки, происходятъ или одинъ разъ или два раза, какъ у Lathraea, Mazus, Veronica hederaefolia и triphylios, Rhinanthus, Melampyrum, Plantago, Globularia; или b) наружныя вершинныя клѣлочки остаются совершенно безъ дѣленія продольными стѣнками: какъ у Pedicularis, Veronica hederaefolia и Buxbaumii. Nemophila, Acanlhus, Catalpa, Lamium, Prostantera, Hebenstreitia, Campanulacea, Loasa.

Какъ ни рѣзка такая особенность размноженія эндосперма у названныхъ растеній, однакожь трудно провести границу между

явнобрачными, у которыхъ онъ образуется только дѣленіемъ клѣточекъ, и тѣми, у которыхъ эта часть развивается свободнымъ образованіемъ клѣточекъ.

Далѣе, у нѣкоторыхъ растеній другихъ семействъ встрѣчается эндоспермъ изъ одной клѣточки, потому-что у нихъ верхній конецъ зародышева мѣшечка, вскорѣ послѣ оплодотворенія, отдѣляется поперечною перегородкою отъ остальной его части, содержащей въ себѣ зародышевы пузырьки, и происходитъ образованіе дочернихъ клѣточекъ. Это встрѣчается изъ двусѣменодольныхъ у Nymphaea, Nuphar, Ceratophyllum; изъ односѣменодольныхъ — у Anthurium longifolium. Послѣдній случай отличается отъ другихъ тѣмъ, что остающійся эндоспермъ отлагается въ верхней половинѣ зародышева мѣшечка, только изъ одной клѣточки, образовавшейся свободно, между-тѣмъ-какъ въ маточной клѣточкѣ развивается болѣе двухъ свободныхъ ядеръ, около которыхъ появляются стѣнки, не наполняя всего ея пространства.

У растеній, у которыхъ эндоспермъ происходитъ послѣдовательнымъ дѣленіемъ одной маточной клѣточки, зародышевъ мѣшечекъ длиннѣе, при оплодорвореніи обхватываетъ цвѣтенную трубочку, имѣетъ болѣе твердыя стѣнки, особенно въ вершинной части, и потому не такъ тѣсно соединенъ съ окружающими частями. Сюда принадлежитъ бо̀льшая часть настоящихъ паразитовъ, за исключеніемъ повители (Cuscuta), у которой эндоспермъ развивается послѣ оплодотворенія свободнымъ образованіемъ клѣточекъ, а также паразитныхъ Rhinanthaceae, Scrophularineae, Monotropeae. Pyrolaceae, Ericaceae, Asarineae и пр. Образованіе эндосперма останавливается, какъ-скоро не было оплодотворенія.

Вотъ растенія, которыя были спеціально изслѣдованы для этой цѣли, и о которыхъ сведены всѣ наблюденія прежнихъ авторовъ: Loranthus Europaeus, Thesium alpinum и intermedium, Aristolochia Clematitis, Avarum Europaeum и Canadense; *Balanophoreae*, именно: Cytiuus Hypocystis, Cynomarium coccineum, Langsdorfia hypogaea, Sapcophyte sanguinea, Balanophora diciea, invoiucrata и fungosa, Helosis Mexicana и Guajanensis, Phyttocoryne Jamaicensis, Corynea crassa, Rhopalomemis phalloides, Soibalium fungiforme; *Orobancheae*: Lathraea Squamarea; *Scrophularineae:* Pedicularis sylvatica и comosa, Mazns rugosus, Rhinanthns minor и hirsntus, Melampyrnm nemorosum, Veronica Buxbaumii, hederifoiia и triphyllos; *Acanthaceae:* Acan-

thus spinosus; ***Plantogineae:*** Plantago lanceolata; ***Labiotae:*** Lamium purpureura и maaulatum, Prostantera violacea; ***Sclagineae:*** Hebeu strekia dentata; ***Globurarieae:*** Globularia vulgaris; ***Bignoniaceae:*** Catalpa syringaofolia; ***Hydrophylleae:*** Nemophila insignis; ***Pyrolaceae:*** Pyrola rotundifolia; ***Vaccineae:*** Vaccinium uiiginosnm; ***Droseraceae:*** Droserarotundifolia; ***Campanulaeeae; Loasaceae:*** Loasa tricolor; ***Bartonieae:*** Bartonia aürea. Слѣдовательно, получается огромное число наблюденій, совершенно новыхъ, или подтверждающихъ и исправляющихъ прежнія.

ЛѢСА ФИНЛЯНДІИ, *Берга* (9). — Это описаніе Финляндскихъ лѣсовъ составлено по собственнымъ наблюденіямъ и по новѣйшимъ источникамъ, главнымъ образомъ съ лѣсоводственною цѣлью, и содержитъ въ себѣ предложенія различныхъ мѣръ и распоряженій, которыя должно было-бы сдѣлать, чтобы въ этой странѣ, еще богатой лѣсомъ, воспрепятствовать неизбѣжнымъ и страшнымъ послѣдствіямъ истребленія лѣсовъ, распространяющагося все болѣе и болѣе. Но, кромѣ того, въ немъ заключается живое изображеніе свойствъ лѣсныхъ участковъ и ихъ расположенія, начиная отъ Финскаго залива и до Ледовитаго моря, слѣдовательно на пространствѣ болѣе 10° широты. Прежде всего Финляндія разсмотрѣна относительно величины, политическаго и административнаго раздѣленія, климатическихъ условій и народонаселенія; потомъ авторъ переходитъ къ особенностямъ ея лѣсовъ и спеціально описываетъ главныя лѣсныя породы: сосну, ель, березу и сѣверную или бѣлую ольху. Затѣмъ слѣдуетъ общее лѣсное хозяйство Финляндіи и его видоизмѣненія въ береговыхъ странахъ, въ участкахъ, гдѣ гонятъ деготь, внутри полярнаго круга, въ областяхъ, отдаленныхъ отъ моря; въ заключеніе помѣщены данныя о торговлѣ лѣсными продуктами и о потребленіи лѣсовъ въ цѣлой странѣ. При спеціальномъ изслѣдованіи главныхъ лѣсныхъ деревъ показаны также различныя ихъ видоизмѣненія, которыя происходятъ вслѣдствіе климатическихъ условій и особенностей мѣстностей, гдѣ они растутъ. Нѣкоторыя изъ такихъ видоизмѣ-

(9) Jahrbuch der K. Sächs. Academie f. Forst- u. Landwirthe z. Tharand Die Wälder in Finland. Bot. Zeit. 1859 № 35.

ненiй изображены на рисункахъ въ текстѣ. При описанiи березы, авторъ держится относительно этого дерева мнѣнiй *М. А. Ларссона*, изложенныхъ въ 1856 году (Forhandlinger ved de Skandinavske Naturforskers Syvende Müde. Christiania, 1857), и слѣдуетъ воззрѣнiю *Ниландера*, что всѣ Скандинавскiя березы суть разновидности Betula alba, происходящiя отъ мѣстностей, прибавляя къ этому, что онъ, какъ лѣсничiй, могъ замѣтить только двѣ разновидности этого дерева; одна изъ нихъ растетъ въ болѣе южныхъ частяхъ Финляндiи, а другая въ болѣе сѣверныхъ.

Въ другой статьѣ, помѣщенной въ томъ-же сборникѣ, тотъ-же авторъ разсматриваетъ *распространенiе лѣсныхъ деревъ и кустарниковъ въ Швецiи, Норвегiи и Финляндiи.* Статья эта составлена частiю по собственнымъ наблюденiямъ автора, частiю по свѣдѣнiямъ, сообщеннымъ ему другими наблюдателями, а частiю по печатнымъ источникамъ, и сопровождается картою, на которой зелеными чертами обозначены границы смежныхъ лѣсовъ, на концахъ этихъ линiй поставлены названiя растенiй, встрѣчающихся въ нихъ. На картѣ проведены также разными красками изотермы iюля, января и годовыя + 4° R. (по *Дове*). При изслѣдованiи отдѣльныхъ полосъ растительности, авторъ приводитъ деревья и кустарники, которыя растутъ дико въ Швецiи между границами бука и граба, между границами бука и дуба, между границами дуба и ольхи, наконецъ кустарники, которые растутъ въ Лапландiи и исчезаютъ далѣе къ югу. Далѣе *Бергъ* дѣлаетъ попытку обозначить точнѣе границы деревъ и кустарниковъ, растущихъ въ Норвегiи, именно тѣхъ, которые встрѣчаются сѣвернѣе 64°, и которые доходятъ только до этой широты, гдѣ почти лежитъ Трондгемъ. Наконецъ авторъ разсматриваетъ растительность деревъ и кустарниковъ на западѣ Финляндiи въ окрестностяхъ Або и на востокѣ растительность острова Валаама, славнаго своимъ монастыремъ и лежащаго на Ладожскомъ озерѣ, слѣдовательно только южную часть Финляндiи до 63° сѣверной широты. *Шлехтендаль* справедливо замѣчаетъ, что хотя флора Финляндiи сходна съ флорою Швецiи, но распространенiе отдѣльныхъ растенiй въ этихъ странахъ иное: многiя растенiя въ Финляндiи идутъ далѣе къ сѣверу, нежели къ Швецiи, что зависитъ отъ наклоненiя этихъ странъ къ сѣверу. Матерiаловъ для составленiя болѣе точнаго распредѣленiя растенiй въ Финляндiи довольно, и жаль, что авторъ не воспользовался ими.

Каталогъ растеній, дико-растущихъ и повсюду разводимыхъ около Харькова и въ Украйнѣ. *Заслуженнаго профессора Черняева* (10). — За Русскимъ и Латинскимъ заглавіями этого труда слѣдуетъ предисловіе на Русскомъ и Французскомъ языкахъ; затѣмъ отъ 1 до 78 страницы исчисленіе растеній, дикорастущихъ и разводимыхъ въ большомъ видѣ въ Украйнѣ и въ-особенности около Харькова; наконецъ все заключается реестромъ родовъ.

Въ Украйнѣ, о границахъ которой мы говорили по-случаю статьи того-же профессора: «О лѣсахъ Украйны», растетъ 1769 высшихъ растеній, изъ нихъ 1740 явнобрачныхъ, 6 хвощей, 1 марсилейное (Salvinia), 5 плауновъ и 17 папоротниковъ. Около Харькова встрѣчается 1017 растеній, изъ которыхъ 17, а съ Cochlenria Psendarmoracea — 18 еще нигдѣ не описано. Эти растенія суть: Nasturtium Turczianinovii, весьма сродное, если не тожественное, съ N. armoracloides, Myosotis ucranica, весьма похожая на M. hispida, но принадлежащая къ группѣ незабудокъ съ волосками, прилегающими къ чашечкѣ, Brassica armoracloides, Draba cretacea, Linum ucranicum (L. flavum, var. ucranicum Griseb.), Pedicularis Selivanovii, Melampyrum cretaceum, Statice membranaeea, Rumex haplorhizus, уже прежде описанный *Турчаниновымъ*, и соединный *Мейснеромъ* въ его монографіи гречишныхъ (ДС. XIV, p. 65), съ R. Acetosa, Euphorbia Kaleniczenskii, весьма сходна съ Euphorbia Esula, Agropyzum stipaefolium, Melica viridiflora, Stipa platyphylla, dasyphylla и stenophylla, Koeleria Delavignii и sabuletorum.

Этотъ каталогъ предшествуетъ большому труду объ Украйнской флорѣ; онъ расположенъ по системѣ *Декандоля*, начинается лютиковыми и кончается папоротниками. При видовыхъ Латинскихъ названіяхъ есть и Русскія, гдѣ они существуютъ, и у весьма немногихъ показаны мѣстности и среда, въ которыхъ они встрѣчаются, остальныя попадаются почти повсюду. Растенія, живущія около Харькова, обозначены начальною буквою этого города.

Растительность Новой Зеландіи (11). — По письмамъ д-ра *Морно*, *Гукеръ* составилъ очерки растительности Новой Зеландіи, и въ-особенности Нельсоновой страны.

---

(10) Conspectus plantarum circa Charcoviam et in Ukraina sponte crescientium et vulgo cultarum. Professore emerito *Czerniaew*. 1859. Bot. Zeit. № 34.

(11) Gartenflora. 1859. März.

Морно описываетъ путь отъ Ваймеа до Вайрана, на пространствѣ около 100 Англійскихъ миль. Дорога идетъ сначала на югъ около 4 миль чрезъ сравнительно-низменную и волнистую мѣстность; здѣсь перемежаются хребты горъ, ихъ склоны и долины. Растительность здѣсь однообразна и состоитъ по большей части изъ довольно-высокихъ папоротниковъ. Далѣе слѣдуютъ хребты горъ. Здѣсь, возлѣ низкихъ кустарниковъ и папоротниковъ, одѣвающихъ скалы, растетъ небольшая разновидность Ново-Зеландскаго льна (Phormium tenax). Здѣсь встрѣчается также очень часто растеніе, у котораго изъ средины пучка мечевидныхъ листьевъ выходитъ цвѣторасположеніе бѣлыхъ цвѣтовъ вышиною около фута (Celmisia coriacea Hook fil.). Съ нижней стороны этихъ листьевъ отдѣляется кожица, очень похожая на тонкую козлиную шерсть. Изъ нея жители приготовляютъ родъ пряжи, изъ которой плетутъ рыболовныя сѣти, а также ткутъ мягкое и теплое сукно.

По проѣздѣ четырехъ миль на югъ, встрѣчаешь проходъ Вайри. Эта глубокая разсѣлина въ горномъ хребтѣ—единственная, прерывающая его; послѣ того, этотъ хребетъ поворачиваетъ къ югу и соединяется съ Альпійской цѣпью, окружающую озера Ротуили и Ротуева и покрытую вѣчнымъ снѣгомъ. Проходъ имѣетъ въ длину около 10 миль и повсюду покрытъ лѣсомъ, который состоитъ единственно изъ бука (Fagus fusca, Black birch); почва-же одѣта нѣжнымъ зеленымъ ковромъ мховъ; на деревьяхъ живетъ паразитъ съ прекрасными цвѣтами изъ рода Loranthus.

Изъ горнаго прохода въѣзжаешь въ долину Вайрау, лежащую около 2000 футовъ надъ поверхностью моря. Большая скала образуетъ эту долину и растительность ея бѣдна. Только по берегамъ рѣки и ея островамъ встрѣчается большое разнообразіе кустарниковъ, изъ которыхъ многіе, должно-быть, еще не описаны. Далѣе долина покрыта однообразнымъ злакомъ, между которымъ попадается Anisolome или Acipbylla squarosa поодиночкѣ.

Потомъ *Морно* разсказываетъ объ экскурсіи на озеро Ротуили. Онъ полагаетъ, что оттуда можно взойдти на высоту 7000 футовъ надъ поверхностью моря и найдти тамъ много неизвѣстныхъ растеній.

Какъ самое высокое дерево въ этой странѣ, онъ упоминаетъ о Podocarpus dacrydicides Rich., которое тамъ называютъ White Pine. Стволъ его достигаетъ до 4—5 футовъ въ поперечникѣ. Оно ра-

стетъ, какъ гигантская мирта, и требуетъ богатой, глубокой почвы: На сухихъ аллювіальныхъ почвахъ растутъ Podocarpus spicata R. Br. и Pod. Totara A. Cunn. Послѣднее дерево очень живописно и достигаетъ значительной высоты. Его древесина легко колется, и потому употребляется для заборовъ, планокъ, драницъ и т. под.; кромѣ-того, по ея негніючести, туземцы приготовляютъ изъ нея каное.

Другое высокое дерево въ здѣшнихъ лѣсахъ есть Dacrydium Cupressinum. Оно растетъ и на дурныхъ почвахъ и поднимается на горахъ выше, нежели другія хвойныя. Молодые экземпляры очень красивы, но старые производятъ грустное впечатлѣніе.

Лѣса на возвышенностяхъ состоятъ главнымъ образомъ изъ этихъ деревьевъ; но поодиночкѣ встрѣчаются и другія, напр.: Podocarpus ferruginea Don. Neodaphne Tawa ипр. Если подниматься выше, то къ нимъ присоединяется Fagus fusca и на высотѣ 1500 футовъ, это дерево является преобладающимъ въ лѣсахъ. Такъ по дорогѣ въ Вайранъ весь лѣсъ состоитъ изъ него и изъ фуксій, аристолохій и нѣкоторыхъ другихъ, составляющихъ подлѣсокъ. Должно однакожь замѣтить, что вмѣстѣ съ нимъ растетъ много другихъ буковъ, но ихъ трудно отличить, потому-что листья у нихъ весьма разнообразны и представляютъ постепенные переходы. Одинъ изъ нихъ съ узкими листьями идетъ до высоты 4000 футовъ и многіе изъ этихъ буковъ можно разводить въ Англіи на открытомъ воздухѣ. На этихъ высотахъ встрѣчается также множество видовъ вероники, которые, кажется, многолѣтни.

Высокія горы первичнаго образованія изъ гранитовъ и порфировъ лежатъ въ западной части острова. Онѣ составляютъ высокую цѣпь Альповъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ и останавливаютъ влажный вѣтеръ съ южнаго океана, который, охлаждаясь, осаждаетъ пары воды и производитъ частые дожди. Поэтому весь западный берегъ острова имѣетъ сырой климатъ; совершенно иныя климатъ и образованіе горъ восточныхъ береговъ.

Садоводство въ Новой Зеландіи должно-бы идти успѣшно; но по недостатку рабочихъ силъ, оно находится въ дурномъ состояніи. Хотя рабочая плата за день высока, и колонисты не пожалѣли-бы денегъ для разведенія садовъ; но нѣтъ людей и нѣтъ возможности достать работниковъ. Лѣтомъ теплота умѣренная и термометръ рѣдко поднимается выше 22° R. По плодамъ, созрѣвающимъ здѣсь, климатъ очень сходенъ съ климатомъ южной

Франціи. Здѣсь есть высокоствольные персики превосходнаго качества и прекрасныя фиги, виноградъ растетъ очень хорошо въ защищенныхъ мѣстахъ. Дыни вызрѣваютъ на открытомъ воздухѣ; но апельсины и гранаты дурно растутъ и удаются только въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ морскаго вѣтра.

Растительность Гималая (12). — Д-ръ *Мадденъ* долгое время жилъ въ провинціи Кеманнъ, части Гималая, заключающейся въ Непалѣ и принадлежащей Англіи. Эта страна особенно замѣчательна тѣмъ, что въ ней растутъ еще многія изъ чисто-тропическихъ растеній, и возлѣ нихъ—многія формы растеній, свойственныхъ теплой части умѣреннаго климата, такъ-что можно надѣяться, что растущія тамъ пальмы, древовидные злаки и пр. можно разводить на открытомъ воздухѣ въ южной Франціи и Италіи.

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ пальмъ, растущихъ тамъ, есть Phoenix humilis Royle (Phoenix acaulis Boxb.), вѣроятно разновидность Ph. sylvestris или дикой финиковой пальмы Остъ-Индіи. Эта пальма образуетъ прекрасные лѣса при подножіи горъ и поднимается на горахъ до высоты 5500 футовъ. На этой высотѣ она встрѣчается очень часто въ окрестностяхъ Альмораха, главнаго города провинціи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ даже до высоты 6500 ф. Она имѣетъ стебель высотою до 40—50 ф. и такой вышины встрѣчается еще на высотѣ 5000 ф. Другая изъ растущихъ здѣсь пальмъ есть Harina oblongifolia Griffith (Wallichia); она встрѣчается только въ теплыхъ и жаркихъ долинахъ рѣкъ Сыръ-юе и Калие и поднимается на горахъ не выше 4000 ф. Эта пальма растетъ низкимъ кустарникомъ, похожимъ на Arenga. Выше всѣхъ поднимается третья пальма, Chamaerops Khasyana Griffi th. Чаще всего попадается эта красивая пальма въ горахъ Такила; она имѣетъ стебель вышиною въ 30—50 ф., который увѣнчанъ пучкомъ прекрасныхъ опахаловидныхъ листьевъ, и встрѣчается между 6500 и 7800 ф. высоты надъ поверхностью моря.

На горахъ Такила Pinus longifolia образуетъ огромные лѣса между 2000 и 7000 ф. высоты. На вершинѣ горъ нѣтъ никакихъ деревьевъ, а растутъ только злаки, камнеломни, первоцвѣты, горчанки и другія Альпійскія травы. Непосредственно подъ вершиною начинаются лѣса, которые состоятъ изъ дубовъ (Quercus incana, lanata, floribunda) кленовъ, падубовъ (Ilex), дикихъ кашта-

(12) Gartenflora. 1859. März.

новъ (Pavia), рододендровъ, Андромедъ, тиссовъ, барбарисовъ и другихъ деревъ и кустарниковъ умѣреннаго пояса, и въ этихъ лѣсахъ растетъ въ несмѣтномъ множествѣ Chamaerops отдѣльными группами. Цвѣты появляются въ апрѣлѣ и маѣ, и во время путешествія д-ра *Маддена*, 20 марта 1847 г., множество плодовъ лежало на почвѣ вокругъ деревъ, между-тѣмъ-какъ снѣгъ еще покрывалъ многія мѣста, а въ сосѣдствѣ цвѣла: Primula denticulata и многія другія близьальпійскія растенія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ климатѣ, гдѣ снѣгъ лежитъ на почвѣ отъ ноября до марта, еще растетъ пальма, и двѣ другія нѣсколько ниже. Вмѣстѣ съ послѣдними встрѣчается еще бананъ (Musa), достигающій здѣсь высоты 4000 ф., а въ провинціи Ассамъ даже до 7000 ф.

Древовидные злаки принадлежатъ къ 4 видамъ рода Arundinaria и очень похожи на бамбукъ. Одинъ изъ нихъ даже стали разводить по указаніямъ *Маддена*,—это Arundinaria falcata, который растетъ между 3,500 и 8,500 ф. выс.; другой—Arundinaria utilis, встрѣчается на высотѣ между 7,000 и 9,000 ф.; третій, еще неописанный (Гиваза, Пурха, Туземцевъ) — между 7,000 и 10,000 ф.; четвертый, *Тамъ* туземцевъ, — между 8,500 и 11,500 ф., между-тѣмъ-какъ на 12,000 ф. начинается уже граница снѣговъ.

Три послѣдніе вида распространены по всему поясу хвойныхъ на Гималаѣ, за исключеніемъ пояса Pinus longifolia, которая растетъ гораздо ниже. Самый красивый и полезный изъ нихъ есть Arundinaria utilis, котораго толстые стволы достигаютъ вышины 20—40 ф. и котораго твердое дерево употребляется для различныхъ цѣлей. Весьма вѣроятно, что всѣ эти три вида можно разводить на открытомъ воздухѣ въ южной Европѣ и такимъ образомъ ввести въ нашихъ садахъ новое украшеніе тропическою формою.

Азорскіе острова и ихъ растительность (13). — Посреди Атлантическаго Океана, между 36° и 40° сѣв. широты, лежитъ группа острововъ волканическаго происхожденія на ровномъ разстояніи отъ Европы, Африки и Америки,—это Азорскіе острова, которые нельзя причислить ни къ одной изъ названныхъ частей свѣта, и которыхъ особенный климатъ не принадлежитъ ни жаркому поясу, ни теплой полосѣ умѣреннаго пояса. Помѣщенныя въ большомъ эква-

(13) Gartenflora 1859. Juli.

торіальномъ теченіи, они подобны большей теплицѣ, гдѣ растенія всѣхъ странъ и поясовъ могутъ расти другъ возлѣ друга; растеній, собственно принадлежащихъ этимъ островамъ и растущихъ исключительно на нихъ, не много; но за то, какъ разнообразна флора, которая занесена сюда изъ сосѣднихъ материковъ, и которая могла-бы быть еще богаче, еслибы здѣсь не обнаруживалась та-же беззаботность и недостатокъ духа предпріимчивости, которыя свойственны жителямъ всѣхъ странъ, богато одаренныхъ природою. Однакожь плодородіе почвы и необыкновенная умѣренность климата взяли верхъ надъ апатіей жителей и мало-помалу эти острова населились экзотическими растеніями. Въ-особенности съ нѣкотораго времени народонаселеніе пробудилось отъ летаргіи и стремится къ улучшеніямъ и движенію впередъ, возбужденное примѣромъ нѣсколькихъ Англичанъ, поселившихся здѣсь. Въ высшей степени поучительно для ботаника и садовода изученіе растительности этихъ островов, гдѣ сѣверныя растенія живутъ рядомъ съ тропическими.

Вся группа Азорскихъ островов—волканическаго происхожденія, какъ это видно изъ трахитоваго состава почвы; только островъ св. Маріи составляетъ исключеніе: онъ одинъ имѣетъ основаніемъ слой вязкой глины. присутствіе которой указываетъ на то, что самое дно морское было приподнято. Особенно замѣчателенъ островъ св. Михаила явленіями, которыя еще до-сихъ-поръ продолжаются. На восточной сторонѣ этого острова есть глубокая долина, почти со всѣхъ сторонъ ограниченная крутыми горами высотою около 3,000 г. — это Valle das Furnas (долина домменной печи), какъ называютъ ее туземцы; она до-сихъ-поръ еще не остыла и угрожаетъ. Въ ней много кипячихъ фонтановъ, образующихъ источники; самый замѣчательный изъ нихъ называется Grande Caldeira (большой котелъ); его бассейнъ имѣетъ около 20 ф. въ діаметрѣ и вода кипитъ въ немъ съ такою силою, что иногда поднимаются волны въ 4—6 ф. надъ его поверхностью. Сосѣдніе жители варятъ въ немъ маисъ и другія кушанья. За нѣсколько шаговъ оттуда, на днѣ оврага находится другой горячій источникъ почти такой-же величины, который иногда съ ужаснымъ шумомъ выбрасываетъ илъ. Даже въ ручьѣ, который пересѣкаетъ долину, замѣчаютъ нѣсколько горячихъ источниковъ, открывающихся въ различныхъ мѣстахъ. Изъ нѣкоторыхъ разсѣлинъ окружныхъ горъ вырываются пары воды столь горячія, что къ нимъ

нельзя приблизиться. Не менѣе замѣчательно, что въ этой удивительной долинѣ, возлѣ горячихъ сѣрныхъ ключей, есть холодные желѣзистые. Только на разстояніи 25 шаговъ отъ описанныхъ горячихъ источниковъ изъ разсѣлины горъ бьетъ ключъ холодной пѣнистой воды, на вкусъ очень похожей на искусственныя минеральныя воды. Склоны горъ, обломки скалъ и даже кустарники въ этой долинѣ покрыты осадками сѣры изъ паровъ тысячи горячихъ источниковъ. Островъ св. Михаила одинъ изъ самыхъ большихъ острововъ группы и главный городъ на немъ того-же имени весьма богатъ садами. Климатъ здѣсь пріятенъ, умѣренъ и постояненъ: лѣтомъ термометръ колеблется между 20 и 24° Р., рѣдко и только нѣсколько дней бываетъ жарче; зимою температура не бываетъ ниже 12—16° Р., а иногда доходитъ и до 20°; только въ январѣ и то, какъ рѣдкое исключеніе, термометръ понижается до 3° Р.

Можно сказать, что лѣто продолжается здѣсь отъ мая до октября, а зима—остальныя шесть мѣсяцевъ; весна и осень едва замѣтны. Почва этихъ острововъ весьма подвижна, какъ легкая невязкая садовая земля, и въ равнинахъ образуетъ значительный слой; къ-несчастію, вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, зимою она большими массами уносится въ море. Однакожь эта вулканическая почва столь плодородна, что съ нея получаются богатѣйшіе сборы маиса, если ея на поѣвѣ не болѣе 6 дюймовъ; многія насажденія апельсинныхъ деревъ растутъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ почва лежитъ не болѣе 15—16 дюйм. толщиною на скалахъ, куда не могутъ проникать корни деревъ.

Изъ немногихъ растеній, свойственныхъ Азорскимъ островамъ, должно прежде всего упомянуть о Myrica Faya, потому-что она употребляется туземцами весьма разнообразно; дерево ея идетъ на топливо, кора на дубленіе и пр. На горныхъ склонахъ, которые не подвержены дѣйствію морскихъ вѣтровъ, растутъ различные виды лавровъ, Myrsine retusa, Laurus tinus, можжевельникъ и одинъ видъ вереска; два послѣдніе растенія очень красивы, и смотря по мѣстностямъ, весьма разнообразны, то въ видѣ мелкихъ кустарниковъ, ползущихъ по землѣ, то въ видѣ большихъ деревьевъ, гордо-поднимающихъ свою вершину. Campanula Vidalii образуетъ большіе кусты вышиною въ 2—3 ф., покрытые большими бѣлыми цвѣтами. Эти растенія и нѣкоторые папоротники, каковы Balantium culcita, Woodwartia radicons, нѣсколько видовъ Aspidium

Osmunda regalia, Hymenofphyllum tunbridgense и Selaginclla denticulata, составляютъ главныя растенія флоры, первоначально принадлежавшей Азорскимъ островамъ.

Если мы перейдемъ къ разведеннымъ здѣсь растеніямъ, то замѣтимъ въ нихъ величайшее разнообразіе. *Мадденъ* изслѣдовалъ садъ Іозе де Канто, одинъ изъ самыхъ большихъ и богатыхъ; онъ лежитъ на склонѣ холма, обращенномъ къ морю, на четверть часа ходьбы отъ моря. Здѣсь рядомъ растутъ Anona и яблоня, Guajava (Psidium Catteyanum) и слива Beine-Blaude, Японскій кизильникъ (Eriobotrya japonica) и персикъ, Poinsettia pulcherrima и Европейскій дубъ.

Paulownia imperialis въ семь лѣтъ выростаетъ деревомъ вышиною въ 30 футовъ, и покрывается ежегодно прекрасными синими цвѣтами, похожими на цвѣты глоксиніи, потому-что здѣсь морозы не разрушаютъ почекъ этого растенія. Изъ лѣсныхъ деревъ, служащихъ для украшенія, которыя выносятъ лучше всего густой, напитанный солями, туманъ, суть: Araucaria excelsa, Pinus pinaster, Pinea palustris и canariensis. Пробовали разводить другіе виды елей, но они едва переживаютъ первый годъ, послѣ посадки. Напротивъ-того всѣ Австралійскіе виды Eucalyptus растутъ необыкновенно хорошо; Euc. resinifera, которая уже давно здѣсь разведена, встрѣчается въ экземплярахъ, имѣющихъ вышину въ 70—80 ф. Casuarina equisetifolia и stricta растутъ также хорошо; нѣкоторые экземпляры имѣютъ высоту около 20 ф. и превосходятъ красотою Araucaria excelsa, и потому считаются весьма хорошимъ деревомъ для украшенія. Araucaria excelsa весьма хорошо противостоитъ страшнымъ морскимъ бурямъ, достигаетъ высоты 50 ф. и приноситъ шишки, но не даетъ сѣменъ, потому-что здѣсь нѣтъ мужескихъ экземпляровъ. Камеліи и Metrosideros растутъ большими кустами и не оставляютъ желать ничего лучшаго. Большія полезныя деревья разведены здѣсь уже давно, и теперь засѣяны въ большихъ размѣрахъ. Pinus pinaster самое важное изъ нихъ и болѣе всего разведено; также встрѣчается много прекрасныоъ деревъ Laurus indica и еще другое дерево, которое принимается за камфорное, но которое отлично отъ настоящаго Laurus Camphora L. Послѣднее также хорошо растетъ; дерево, отъ котораго разведены на островахъ всѣ настоящіе камфорныя деревья, имѣетъ стволъ въ вышину 70 ф. и въ обхватѣ 16 ф.; стволъ этотъ шишковатъ и развилистъ, какъ у нашихъ дубовъ. Часто въ са-

дахъ разводятся также дубы, ясени, березы, буки, каштаны, липы, орѣховыя деревья, вязы, самахъ, кленъ, чинаръ, масличина, ликвидамбаровое дерево (стираксовое), плакучія ивы и мн. др.; ивы и Taxodium distichum, которыя удаются обыкновенно только на болотистыхъ почвахъ, здѣсь растутъ превосходно и на самыхъ сухихъ мѣстахъ; причиной этого, вѣроятно, здѣшній влажный климатъ. Деревья съ опадающими листьями растутъ очень хорошо; листья у нихъ остаются до самой зимы, и послѣ короткаго отдыха снова развиваются. По красотѣ цвѣтовъ первое мѣсто безспорно занимаетъ Melia Azedarah между деревьями съ опадающими листьями и играетъ здѣсь такую-же роль, какъ сирень въ Европѣ.

Средство противъ головни (14). — Извѣстно, что головня есть грибокъ, развивающійся въ колоскахъ хлѣбныхъ растеній и покрывающій ихъ въ видѣ мелкой черной пыли. Нынѣ болѣе и болѣе разъясняются болѣзни, происходящія отъ грибовъ, и почти всѣми принято, что появленіе и размноженіе ихъ возможно только изъ споръ. Придерживаясь этого мнѣнія, *Фрирксенъ*, по порученію *Ленгерке*, сдѣлалъ нѣсколько опытовъ относительно этого предмета въ Остъ-Фрисландѣ. Изъ опытовъ своихъ онъ получилъ слѣдующіе выводы:

1) Хлѣбныя зерна, посѣянныя вмѣстѣ съ порошкомъ головни, дали $^9/_{10}$ сбора, пораженнаго этою болѣзнію.

2) Если-же такія зерна промыть три раза водою, то получается $^9/_{10}$ здороваго хлѣба и только $^1/_{10}$ больнаго.

3) Были испробованы различныя протравы надъ хлѣбомъ, зараженнымъ головнею. Известь, поваренная соль, зола торфа уже оказываютъ свое дѣйствіе на такія сѣмена; но результаты, полученные такимъ образомъ, неудовлетворительны, потому-что попадается еще много колосьевъ съ головнею. Протрава мѣднымъ купоросомъ, хотя уменьшаетъ количество головни, но убиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ множество сѣменъ, поэтому также не годится для этой цѣли.

Но превосходною оказалась вода, насыщенныя ѣдкою известью, съ прибавленіемъ поваренной соли около $^1/_{16}$ по объему. Сѣмена,

(14) Gartenflora 1859 Marz.

которыя были протравлены этой смѣсью, не только не погибли, но дали хорошій сборъ, гдѣ не было и слѣда головни.

Протрава производится слѣдующимъ образомъ: 2 работника мѣшаютъ палками хлѣбъ, а третій наливаетъ протраву до-тѣхъ-поръ, чтобы всѣ зерна смочились. Потомъ жидкость наливается также при мѣшаніи зеренъ до-тѣхъ-поръ, пока сверху зеренъ не сберется небольшой слой и все оставляется въ тѣни часовъ на 6. Если, по прошествіи этого времени, нельзя будетъ приняться за посѣвъ, та зерна должно раскидать, чтобы они высохли и не перегорѣли. Передъ посѣвомъ-же должно опять смочить ихъ водою или смѣсью.

Улучшеніе чернаго хлѣба, *предложенное Либихомъ* (15). — Главная питательная часть муки хлѣбныхъ растеній есть *клейковина*. Въ свѣжемъ состояніи она мягка, упруга и нерастворима въ водѣ. Но, находясь долгое время въ прикосновеніи съ водою, она теряетъ это свойство; ея объемъ уменьшается и она наконецъ превращается въ мутную слизистую жидкость, которая не образуетъ тѣста съ крахмаломъ. При сохраненіи муки, въ ея клейковинѣ происходитъ подобное-же измѣненіе, потому-что мука втягиваетъ въ себя изъ воздуха воду очень скоро, отчего уменьшается ея способность образовать тѣсто и питательность испеченнаго изъ нея хлѣба. Въ ржаной мукѣ такое измѣненіе происходитъ весьма быстро, даже быстрѣе, можетъ быть, нежели въ пшеничной. Только искусственное высушиваніе и отсутствіе прикосновенія съ воздухомъ можетъ предохранить муку отъ такой порчи.

Либихъ оказалъ большую услугу, отыскавъ средство устранить это зло посредствомъ прибавленія известковой воды къ тѣсту при печеніи хлѣба. Когда будетъ приготовлено тѣсто изъ опредѣленнаго количества муки и известковой воды, то къ нему прибавляютъ дрожжей и оставляютъ ихъ въ немъ; наступаетъ броженіе совершенно также, какъ и безъ известковой воды. Послѣ-того-какъ, по истеченіи надлежащаго времени, тѣсто закиснетъ, его замѣшиваютъ, дѣлаютъ хлѣбы и пекутъ обыкновеннымъ способомъ, и тогда получается прекрасный хлѣбъ, некислый, твердый, упру-

(15) Gartenflora 1859. März.

гій. мелконоздристый, не отмякающій, превосходнаго вкуса; онъ нравится болѣе обыкновеннаго всѣмъ, кто его пробовалъ.

Для приготовленія его должно взять на 100 фунтовъ муки 26—27 ф. известковой воды и 1 фунтъ извести, чтобы приготовить 600 фунт. известковой воды. При замѣшиваніи хлѣба однакожь не вливаютъ всего этого количества известковой воды, а напротивъ должно добавить, сколько нужно, обыкновенною чистою водою. Такъ-какъ хлѣбъ дѣлается совершенно прѣснымъ, то нужно класть въ него болѣе соли, чтобы онъ имѣлъ пріятный вкусъ.

Приготовленный такимъ образомъ хлѣбъ не только пріятнѣе на вкусъ, но и гораздо питательнѣе обыкновеннаго, потому-что отъ прибавленія извести клейковина превращается въ соединеніе, которое гораздо легче переваривается. Кромѣ-того, отъ извести клейковина опять получаетъ способность дѣлаться тѣстомъ и изъ того-же количества муки получается хлѣба болѣе по вѣсу. Поэтому такое приготовленіе хлѣба, совершенно безвредное для здоровья, заслуживаетъ повсемѣстнаго распространенія.

Изслѣдованія низшихъ водорослей (16). — О важности изученія низшихъ водорослей было уже говорено въ нашемъ журналѣ (17). Сознавая вполнѣ эту важность, *Прингсгеймъ*, открывшій половые органы у этихъ растеній занялся изученіемъ ихъ и представилъ рядъ мемуаровъ о различныхъ семействахъ низшихъ водорослей, гдѣ дополняетъ свое первое открытіе объ оплодотвореніи и половыхъ органахъ на этой послѣдней ступени растительнаго царства.

Первое семейство, которое онъ изслѣдовалъ во всѣхъ отношеніяхъ, есть *ёдогоніи*. Оно заключаетъ въ себѣ два рода: Oedogonium и Bulbochaete. Oedogonium состоитъ изъ неразвѣтвленныхъ, Bulbochaete—изъ развѣтвляющихся рядовъ клѣточекъ. Послѣдняя отличается, кромѣ-того, особенною формою конечныхъ клѣточекъ, которыя въ нижней части раздуты на подобіе луковочекъ, а въ верхней вытянуты въ видѣ щетинки и весьма бѣдны содержаніемъ. У нѣкоторыхъ видовъ ёдогонія конечныя клѣточки нѣсколько сходны съ такими-же клѣточками Bulbochaete, у другихъ-же онѣ оканчиваются тупыми или мало-заостренными клѣточками.

---

(16) Jahrbücher für wissenschaftliche Botanik. 1858 Lief. I и II и 1859 Lief. I.

(17) Нов. ест. наукъ за 1857, стр. 75.

Это семейство (18) отличается особеннымъ, только ему одному свойственнымъ дѣленіемъ клѣточекъ. Передъ дѣленіемъ въ верхней части клѣточки образуется кольцо клѣтчатки, плотно-прилегающее къ стѣнкамъ маточной клѣточки. Потомъ подъ этимъ кольцомъ въ нижней, средней или верхней части клѣточки происходитъ перегородка, раздѣляющая ее на двѣ дочернія. Послѣ-того стѣнка маточной клѣточки разрывается поперечно ровными краями на двѣ неравныя части; верхнюю, которая гораздо меньше, *Прингсгеймъ* называетъ колпачкомъ, и нижнюю, которая гораздо длиннѣе,—влагалищемъ. Отъ развитія дочернихъ клѣточекъ колпачекъ удаляется все болѣе и болѣе отъ влагалища, а кольцо клѣтчатки, бывшее сначала толстымъ и узкимъ, дѣлается болѣе и болѣе широкимъ и покрываетъ выросшія части дочернихъ клѣточекъ, не закрытыя колпачкомъ и влагалищемъ, и соединяетъ послѣднія другъ съ другомъ.

Когда дочернія клѣточки достигнутъ длины маточной, то они въ свою очередь опять дѣлятся.

При дѣленіи верхней опять развивается кольцо клѣтчатки нѣсколько ниже края колпачка, и цилиндръ, происшедшій изъ перваго кольца маточной клѣточки, разрывается поперечно; отчего колпачекъ дочерней клѣточки 2-й степени будетъ имѣть два края: одинъ отъ перваго колпачка, а другой отъ разорвавшагося цилиндра. Кромѣ-того внутри подъ колпачкомъ и цилиндромъ будетъ еще оболочка отъ разорвавшихся стѣнокъ дочерней клѣточки 1-й степени. Такимъ образомъ при послѣдовательномъ дѣленіи клѣточекъ можетъ образоваться колпачекъ съ 4-мя или многими краями, или, какъ *Прингсгеймъ* называетъ, 4-хъ многочленистый.

При дѣленіи нижней клѣточки, которая своимъ верхнимъ концомъ нѣсколько выставляется изъ влагалища, цилиндръ, происшедшій изъ перваго кольца, разрывается выше краевъ влагалища, и такимъ образрмъ у дочерней клѣточки 2-й степени будетъ влагалище съ двойными краями, а при послѣдовательномъ дѣленіи — съ нѣсколькими краями.

Несмотря на простоту строенія нисшихъ водорослей, мы встрѣчаемъ въ нихъ большое разнообразіе въ развитіи. У ёдогонія обѣ дочернія клѣточки способны къ размноженію, но верхняя несравненно сильнѣе. Верхняя дѣлится гораздо раньше и произво-

---

(18) Jahrb. für wiss. Bot. 1 Liefer. стр. 1—81.

дитъ уже нѣсколько поколѣній, между-тѣмъ-какъ нижняя только еще разъ раздѣлилась. Изъ клѣточекъ, происходящихъ отъ дѣленія первой верхней, опять дѣлится верхняя; клѣточка отъ дѣленія послѣдней опять дѣлится и т. д. Поэтому въ нитяхъ ёдогонія по большей части встрѣчаются влагалищныя клѣточки, и только изрѣдка попадаются колпачковыя; конечныя-же всегда колпачковыя съ колпачкомъ многочленистымъ. Такъ-какъ дочернія клѣточки обыкновенно бываютъ нѣсколько короче маточныхъ: то, при быстромъ размноженіи клѣточекъ ёдогоніи, естественно, что къ концу нитей клѣточки короче, нежели въ началѣ.

У Bulbechaete, напротивъ-того, размножается нижняя влагалищная клѣточка. Изъ споры выростаетъ клѣточка, которая на вершинѣ своей отдѣляетъ клѣточку съ безцвѣтнымъ содержаніемъ. Верхняя часть послѣдней вытягивается въ щетинку. Колпачекъ не остается на ея вершинѣ, а виситъ въ видѣ крышечки на нижней клѣточки. Эта нижняя клѣточка размножается обыкновеннымъ способомъ, свойственнымъ семейству. Верхняя колпачковая клѣточка остается безъ развитія, а нижняя снова раздѣляется и т. д.; слѣдовательно нити Bulbochaete будутъ состоять изъ колпачковыхъ клѣточекъ съ простымъ колпачкомъ и изъ основной многовлагалищной клѣточки. При развитіи вѣтвей одна изъ клѣточекъ ствола дѣлится, но верхняя часть ея выпячивается въ бокъ; эта выпятившая часть опять дѣлится; верхняя часть ея обращается въ щетинку, а нижняя, продолжаясь дѣлиться, образуетъ вѣтвь такъ-же, какъ основная клѣточка главный стволъ. Замѣчательно развѣтвленіе Bulbochaete: если основной стволъ далъ вѣтвь въ правую сторону, то эта вѣтвь даетъ вѣтвь влѣво, послѣдняя опять вправо и т. д. и такимъ образомъ происходятъ красивѣйшіе кустарники этого растеньица.

Едогоніи размножаются посредствомъ подвижныхъ споръ, образующихся безъ участія половыхъ органовъ, или посредствомъ споръ, для образованія которыхъ необходимо оплодотвореніе и присутствіе половыхъ органовъ. Подвижныя крупинки развиваются у Oedogonium и Bulbochaete изъ всего содержанія, по одной въ каждой клѣточкѣ, и на переднемъ прозрачномъ концѣ имѣетъ кругъ мерцательныхъ рѣсничекъ. Она выходятъ изъ маточной клѣточки отъ разрыванія послѣдней, какъ при дѣленіи клѣточекъ, на двѣ половины, изъ которыхъ верхняя, меньшая, открывается на-подобіе крышечки, или совершенно отбрасывается, а спора вы-

ходитъ медленно и начинается двигаться. По совершенномъ выходѣ, она одѣта широкимъ прозрачнымъ пузыремъ, который мѣшаетъ ея скорости движенія; вскорѣ послѣ-того пузырь также разрывается и спора начинаетъ весьма быстро кружиться, переносясь съ мѣста на мѣсто. Но такое движеніе непродолжительно; спора скоро останавливается на чемъ-нибудь и проростаетъ. Во время выхода изъ маточной клѣточки и во время движенія на спорѣ нѣтъ никакой оболочки, какъ это доказалъ *Ал. Браунъ* посредствомъ стягивающихъ реагенцій; именно при сжиманіи споръ на прежнемъ ея очертаніи не остается никакой перепонки.

Пузырь, окружающій спору, состоитъ изъ клѣтчатки и образуется во время выходя споры изъ маточной клѣточки. Внутри-же послѣдней на спорѣ нельзя открыть никакой оболочки; но рѣсничкй образуются уже прежде выхода. При развитіи споры содержаніе клѣточки округляется и отстаетъ отъ стѣнокъ сначала въ углахъ, потомъ и на длинныхъ стѣнкахъ. Посрединѣ послѣднихъ появляется кругловатое тѣло, на одномъ концѣ котораго скоро показываются рѣснички; тѣло растетъ и обращается въ подвижную спору.

Есть экземпляры ёдогоній, которые устроены совершенно также, какъ и описанные, только они гораздо уже и мельче. Это такъ-называемые мужскіе экземпляры. Въ нихъ развиваются подвижныя споры описаннымъ образомъ; только эти споры гораздо меньше описанныхъ и названы *Прингсгеймомъ андроспорами* (мужскими спорами). Изъ нихъ всегда развиваются мужскіе экземпляры, или отдѣльно отъ женскихъ или на самыхъ женскихъ недѣлимыхъ. Черезъ нѣсколько поколѣній на мужскихъ недѣлимыхъ развиваются *антеридіи*, которыя состоятъ изъ клѣточекъ, отличающихся отъ другихъ своею короткостью и малымъ содержаніемъ зеленаго вещества. Въ нихъ происходятъ впослѣдствіи подвижныя *сѣменныя тѣла* или *живчики*. Число клѣточекъ въ антеридіи бываетъ различно, отъ 1 до 12, и ихъ поддерживаетъ обыкновенно одна растительная клѣточка, а иногда и ея не бываетъ.

Клѣточки антеридій развиваются описаннымъ образомъ, т.-е. дѣленіемъ; только верхняя клѣточка образуется весьма короткою; живчики появляются не прямо въ антеридіяхъ, но послѣднія дѣлятся очень тонкою стѣнкою на двѣ маточныя клѣточки, и въ этихъ-то послѣднихъ и происходятъ сѣменныя тѣла. Они отличаются отъ всѣхъ другихъ клѣточекъ едогоній тѣмъ, что при ихъ развитіи маточная клѣточка не разрывается и не образуется

кольца клѣтчатки. Поперечная перегородка антеридій у иныхъ параллельна перегородкамъ другихъ клѣточекъ, а у другихъ перпендикулярна общему направленію перегородокъ.

Маточныя клѣточки живчиковъ наполнены безцвѣтною протоплазмою, въ которой весьма немного слабожелтовато-зеленыхъ крупинокъ. Изъ содержанія каждой клѣточки происходитъ по одному живчику. Слѣдовательно каждая клѣточка антеридіи въ зрѣлости содержитъ по два живчика. Только у одного вида Oed. curvum въ клѣточкѣ антеридія развивается одинъ живчикъ.

Когда созрѣетъ живчикъ, что видно по его округленію и отставанію отъ угловъ маточныхъ клѣточекъ, клѣточки антеридій разрываются совершенно такимъ-же образомъ, какъ стѣнки клѣточекъ при выходѣ подвижныхъ споръ. Въ обыкновенныхъ антеридіяхъ выходитъ сначала верхній живчикъ; а потомъ, спустя нѣсколько времени, и нижній, прорывая перегородку, раздѣлявшую ихъ маточныя клѣточки. Въ антеридіяхъ съ вертикальною перегородкою оба живчика выходятъ разомъ.

Живчики по развитію, а также и по строенію, весьма сходны съ подвижными крупинками, только гораздо меньше, но имѣютъ на переднемъ концѣ кружокъ рѣсничекъ.

Женскіе органы, соотвѣтствующіе архегоніямъ другихъ тайнобрачныхъ, *Прингсгеймъ* называетъ *оогоніями*; у низшихъ прѣсноводныхъ водорослей оогоніи состоятъ изъ одной клѣточки, которая въ разсматриваемомъ семействѣ мало отличается отъ другихъ клѣточекъ.

Оогоніи рода Oedogonium находятся въ ряду другихъ клѣточекъ, образующихъ нити этой водоросли, и отличаются отъ прочихъ клѣточекъ своей раздутой, почти шарообразной формой. Они происходятъ дѣленіемъ и всегда изъ верхней дочерней клѣточки, и потому всегда покрыты колпачкомъ, простымъ или многочленистымъ; въ нихъ входитъ почти все содержаніе маточной клѣточки, такъ-что нижняя дочерняя клѣточка, поддерживающая оогонію, бываетъ почти пуста. Если-же въ ней остается еще много содержанія, то она можетъ снова дѣлиться и образовать другую оогонію; такимъ образомъ происходитъ иногда цѣлый рядъ оогоній (отъ 3 до 6). Оогоніи-же, происшедшія изъ двухъ сосѣднихъ клѣточекъ, отдѣляются другъ отъ друга поддерживающими клѣточками.

У Bulbochaete оогоніи развиваются всегда на боковыхъ вѣт-

вяхъ. Вѣтвь, приносящая это органы, развивается сначала обыкновеннымъ образомъ и первая клѣточка ея обращается въ щетинку; слѣдующая за тѣмъ иногда образуетъ оогонію, а иногда одна или нѣсколько клѣточекъ размножаются обыкновеннымъ образомъ, составляя собою растительныя клѣточки, а иногда производятъ антеридіи, а подъ ними уже развивается оогоніи.

Развитіе оогоніи идетъ сначала обыкновеннымъ путемъ; но потомъ часть дочерней клѣточки, вышедшая изъ влагалища, раздувается шарообразно или овально. У овальныхъ оогоній перегородка, отдѣляющая ее отъ нижней дочерней клѣточкѣ, находится, можетъ быть, на краю влагалища; но у шарообразныхъ оогоній эта перегороока лежитъ гораздо ниже края влагалища, такъ-что шарообразная часть имѣетъ снизу цилиндрическое продолженіе, лежащее во влагалищѣ. При дальнѣйшемъ развитіи, эта клѣточка снова дѣлится, и перегородка отдѣляетъ раздувшуюся часть отъ цилиндрической, которая почти пуста, потому-что все содержаніе перешло въ шарообразную часть; эта шарообразная часть и есть оогонія. Слѣдовательно здѣсь оогонія есть дочерняя клѣточка 2-й степени.

Когда созрѣютъ оогоніи, то ихъ содержаніе отстаетъ отъ стѣнокъ и составляетъ такъ-называемый оплодотворительный шаръ, который состоитъ изъ плотной непрозрачной массы зеленаго цвѣта. На одномъ мѣстѣ его собирается прозрачная слизистая масса и въ этомъ мѣстѣ растрескивается оогонія круглымъ или овальнымъ отверстіемъ. Отверстіе это открывается или на вершинѣ или съ боку оогоніи, смотря по видамъ. Иногда, впрочемъ, оогонія открывается крышечкою, и тогда на слизистой части образуется твердая оболочка, составляющая трубочку. Изъ отверстія или изъ трубочки выставляется сосочекъ слизи, скопляющейся подъ нимъ. На оплодотворительномъ шарѣ нѣтъ никакой оболочки.

Около этого времени антеридіи выпускаютъ свои живчики. Наблюденію ничто не мѣшаетъ и оно происходитъ передъ глазами наблюдателя. Антеридіи по большей части находятся вблизи оогоній, особенно это удобно расположено у тѣхъ видовъ, у которыхъ мужскіе экземпляры растутъ на женскихъ въ видѣ паразитовъ. Оплодотвореніе состоитъ въ томъ, что живчикъ пристаетъ къ выставившейся части оплодотворительнаго шара и въ первый моментъ еще сохраняетъ свою форму; но черезъ мгновеніе его уже нельзя узнать, онъ уменьшается и наконецъ совершенно исче-

заетъ,—такъ-что послѣ него не остается никакого слѣда, ни оболочки, ни остатка содержанія. Онъ весь втягивается сосочкомъ оплодотворительнаго шара внутрь, какъ это видно изъ того, что передъ оплодотвореніемъ прозрачная часть оплодотворительнаго шара состояла изъ желтоватой мелкозернистой слизи, а послѣ оплодотворенія въ ней замѣчается сѣроватое овальное тѣло, которое и есть вошедшій въ нее живчикъ.

Тотчасъ послѣ оплодотворенія начинаются перемѣны въ оплодотворительномъ шарѣ. Онъ одѣвается особою оболочкою изъ двухъ контуровъ и составляетъ *ооспору*, по терминологіи *Прингсгейма*, или неподвижную спору прежнихъ писателей. Хлорофиль распредѣляется въ немъ равномѣрно, такъ-что прозрачная часть исчезаетъ. Вскорѣ потомъ начинаются химическія измѣненія: хлорофиль переходитъ въ бурый цвѣтъ, который окрашиваетъ не только ооспору, но и оболочку оогоніи, а также и трубочку, гдѣ она есть. Клѣточки нитей водоросли разрушаются и ооспора вмѣстѣ съ оогоніей, ее одѣвающей, падаетъ на дно бассейна, въ которомъ росла водоросль.

У иныхъ видовъ Bulbochaete, вмѣсто бураго цвѣта, ооспоры окрашиваются въ ярко-красный цвѣтъ и теряютъ свой слизистый мелкозернистый видъ, а принимаютъ видъ однообразной капли масла.

Не всегда стѣнки ооспоръ бываютъ гладкія, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся бугорки, иглы, шипы, возвышенныя линіи и пр.

Иногда оогоніи не достигаютъ полнаго развитія, на нихъ не открываются отверстія; въ такихъ оогоніяхъ зернистаго содержанія гораздо меньше, хлорофиль разрушается и содержаніе стягивается. Но онѣ, если не образуютъ споръ, то могутъ размножать водоросль дѣленіемъ и нити, выросшія изъ нихъ, отличаются необыкновенною шириною.

Подвижныя споры послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго и очень быстраго движенія останавливаются и свѣтлымъ концомъ прикрѣпляются къ удобному мѣсту. Для этой цѣли этотъ конецъ дѣлится на лопасти или вѣтви и образуетъ такимъ образомъ присосокъ или корневую вѣтвь. Иногда изъ нея выдѣляется вещество, прикрѣпляющее его къ подводнымъ предметамъ, и которое должно разсматривать, какъ выдѣленіе клѣточки. Рѣснички опадаютъ и вся спора одѣвается оболочкою, очерченною двумя контурами. Эта

первая клѣточка начинаетъ дѣлиться и производитъ нить водоросли. Замѣчательно, что иногда, прежде дѣленія, эта первая клѣточка уже образуетъ новую подвижную спору.

Ооспоры проростаютъ очень рѣдко и *Прингсгейму* удалось только разъ видѣть ихъ развитіе, которое происходитъ слѣдующимъ образомъ.

Внутренній слой оболочки ооспоры начинаетъ рости и разрываетъ наружный. Выростая болѣе, онъ разрываетъ и стѣнки оогоніи и выходитъ изъ нея. Тогда ооспора имѣетъ овальный или яйцеобразный видъ; въ ней начинаетъ развиваться хлорофиль, и по-мѣрѣ его развитія уменьшается красное вещество, наполнявшее ее до-тѣхъ поръ. Потомъ содержаніе ее раздѣляется на четыре части и изъ кажоой части образуется подвижная спора. Эти споры совершенно похожи на обыкновенныя подвижныя споры и отличаются отъ нихъ только небольшимъ содержаніемъ краснаго вещества, наполнявшаго ооспору, которая во-время ихъ развитія, становится все длиннѣе и уже, а стѣнки ея тоньше, такъ-что споры разрываютъ ихъ и свободно движутся; но вскорѣ потомъ прикрѣпляются и проростаютъ, какъ было описано выше.

Должно замѣтить, что половые органы едогоній развиваются не на всѣхъ недѣлимыхъ, что много поколѣній растутъ и размножаются безъ нихъ; что только по прошествіи нѣсколькихъ поколѣній развиваются эти органы. Въ заключеніе Прингсгеймъ описываетъ виды родовъ Oedogonium и Bulbochaete.

Изслѣдованія другихъ семействъ водорослей оставляемъ, по недостатку мѣста, до слѣдующей книжки.

Д. МИХАЙЛОВЪ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Актъ Императорскаго Университета св. Владиміра. — Въ нынѣшнемъ году исполнилось 25 лѣтъ со-времени учрежденія университета св. Владиміра въ Кіевѣ. Имѣя въ виду это обстоятельство, университетъ желалъ въ нынѣшнемъ году праздновать свой годичный актъ особенно-торжественнымъ образомъ. Съ этою цѣлью. годичный актъ, совершающійся, по принятому обычаю, въ здѣшнемъ университетѣ въ началѣ іюня мѣсяца, немедленно послѣ окончанія годичнаго курса, былъ перенесенъ на 30 августа, высокоторжественный день тезоименитства Государя Императора Александра Николаевича. 30 августа, въ 10 часовъ утра, въ обѣихъ университетскихъ церквахъ, православной и католической, было совершено торжественное богослуженіе. Литургію и молебствіе въ православной церкви совершалъ высокопреосвященный митрополитъ Кіевскій и Галицкій *Исидоръ*, съ почетнѣйшимъ Кіевскимъ духовенствомъ. Приличную случаю проповѣдь произнесъ заслуженный профессоръ богословія при здѣшнемъ университетѣ протоіерей Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора *Скворцевъ*. По окончаніи богослуженія, присутствовавшее духовенство, почетнѣйшіе изъ посѣтителей, профессоры и чиновники университета и представители отъ студентовъ всѣхъ четырехъ факультетовъ были приглашены къ приготовленному завтраку, за коимъ были провозглашены тосты за здравіе Государя Императора и за процвѣтаніе и преуспѣяніе университета св. Владиміра, вступающаго во второе двадцатипятилѣтіе своего существованія. Затѣмъ, въ часъ пополудни, начался годичный актъ въ торжественной залѣ университета, куда собралась довольно многочисленная публика и множество студентовъ для слушанія отчета и рѣчи. Рѣчь произнесъ ординарный профессоръ по каѳедрѣ Русской словесности *Силинъ* на избранную для настоящаго торжества тему о Равноапостольномъ Князѣ Владимірѣ, просвѣтившемъ Россію христіанскою вѣрою, священнымъ именемъ котораго именуется здѣшній университетъ. Составленный синдикомъ университета годич-

ный отчетъ читалъ экстраординарный профессоръ *Ставровскій*. По прочтеніи отчета, вручена золотая медаль студенту юридическаго факультета *Леонтовичу* за написанное имъ историческое изслѣдованіе о крестьянахъ въ Россіи. Въ заключеніе акта былъ пропѣтъ съ аккомпаниментомъ музыки народный гимнъ, и тѣмъ торжество окончилось въ три съ половиною часа. Такимъ образомъ университетъ св. Владиміра,—этотъ юнѣйшій изъ Русскихъ университетовъ, отпраздновалъ первое двадцатипятилѣтіе своего существованія. Пожелаемъ-же этому высшему разсаднику просвѣщенія въ Россіи быть вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда разсадникомъ единства, братства и любви между различными племенами общаго Славянскаго корня, сталкивающимися вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ въ мѣстности, въ коей основанъ Кіевскій университетъ. Пожелаемъ, чтобы изъ этого полнаго единства произошло нѣчто благое для всего человѣчества.

(*Моск. вѣд.*).

Пріемныя испытанія въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ. —20 августа окончены въ С. Петербургскомъ университетѣ пріемныя испытанія молодыхъ людей, желавшимъ поступить въ число студентовъ. Для того, чтобы эти испытанія могли быть произведены съ должною основательностію и вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на очень-значительное количество желавшихъ имъ подвергнуться, не заняли непомѣрно-много времени, приглашены были на нихъ учители всѣхъ пяти С. Петербургскихъ гимназій, по пяти для каждаго предмета, и по каждому-же предмету для наблюденія за правильнымъ ходомъ испытаній избраны были профессоры. Отъ экзаменовавшихся требовалось знаніе предметовъ гимназическаго курса, и даже въ меньшей степени, нежели сколько требуется отъ воспитанниковъ С. Петербургскихъ гимназій для полученія аттестатовъ (*).

(*) Вообще должно замѣтить, что въ правилахъ для поступленія въ университетъ, изданныхъ еще въ 1837 г., допущены нѣкоторыя снихожденія, коими не пользуются ученики гимназій. Такъ, напримѣръ, по правиламъ гимназическимъ, не только не удостоиваются аттестатовъ ученики высшаго класса, но даже не переводятся изъ класса въ классъ малолѣтные, получившіе хотя-бы изъ одного предмета единицу, между-тѣмъ-какъ, по правиламъ испытанія для поступленія въ университетъ, молодые люди принимаются съ такою отмѣткою (т.-е. при совершенномъ незнаніи одного изъ предметовъ гимназическаго курса) въ число студентовъ.

Никто изъ экзаменовавшихся не могъ знать впередъ, у какого именно экзаменатора придется ему держать экзаменъ; никто изъ нихъ не могъ и выбирать экзаменатора по своей волѣ. На каждаго изъ экзаменовавшихся по каждому изъ предметовъ употреблено было около получаса времени, а въ случаѣ надобности и болѣе, сколько было нужно, чтобы удостовѣриться въ знаніи или незнаніи экзаменовавшагося. Всѣмъ этимъ важнымъ дѣломъ управляло и уваженіе къ университету, одинаково одушевлявшее экзаменаторовъ и профессоровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ сочувствіе къ юношеству, ищущему пути съ своему дальнѣйшему образованію.

Требовались, какъ замѣчено выше, отъ подвергавшихся испытанію, знанія необходимыя, такъ-что вообще нельзя назвать экзаменовъ строгими; тѣмъ не менѣе изъ числа 328, изъявившихъ желаніе поступить въ студенты, съ успѣхомъ выдержали испытаніе только 73.

Сколько ни частно и случайно само-по-себѣ это явленіе, оно отразило однакожь на себѣ общее положеніе дѣла, достойное полнаго вниманія родителей и воспитателей, готовящихъ наше юношество для дальнѣйшаго образованія въ университетѣ. Вотъ почему университетъ счелъ долгомъ собрать наблюденія и матеріалы объ отвѣтахъ экзаменовавшихся отъ всѣхъ тѣхъ профессоровъ и учителей, которые принимали участіе въ пріемныхъ экзаменахъ, свести ихъ въ общій сводъ, и въ такомъ видѣ высказать ихъ печатно, для общаго свѣдѣнія.

По каждому изъ предметовъ испытанія большинство молодыхъ людей, къ-сожалѣнію, показало недостаточность и непрочность знаній самыхъ необходимыхъ.

На испытаніяхъ по Русскому языку и словесности замѣчено, что многіе не знали основаній грамматики, изъ исторіи словесности отвѣчали заученыя фразы, не понимая ихъ, а изъ исторіи литературы знали только нѣсколько именъ; въ письменныхъ отвѣтахъ на темы не умѣли ни правильно располагать своихъ понятій и знаній, ни пользоваться съ отчетливостію словами и оборотами, ни даже избѣгать ошибокъ противъ правилъ правописанія. Очень немногіе были знакомы съ писателями посредствомъ внимательнаго чтенія ихъ произведеній.

Слабость знанія Латинскаго языка выказалась у многихъ еще рѣзче, и неумѣньемъ спрягать и склонять, и непривычкой вникать въ расположеніе словъ, непривычкой разгадывать смыслъ

выраженій, если и были извѣстны имъ значенія всѣхъ словъ встрѣтившихся въ этихъ выраженіяхъ.

Слабость знанія новыхъ языковъ, Французскаго и Нѣмецкаго, доходила у нѣкоторыхъ даже до неумѣнья читать, а большей части испытывавшихся очень мало были знакомы главныя грамматическія правила этихъ языковъ.

На испытаніяхъ изъ исторіи замѣчена была особенная слабость свѣдѣній хронологическихъ и историко-географическихъ, неправильность и неопредѣленность въ изложеніи событій, неумѣніе отличать факты болѣе важные, главные, отъ менѣе важныхъ и частныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ неумѣнье разсказывать.

По географіи, знанія многихъ ограничивались одними именами мѣстностей, рѣкъ и горъ, такъ-что описательная географія, по-отношенію къ природѣ и жителямъ, была имъ совсѣмъ неизвѣстна; многіе были почти вовсе незнакомы съ глобусомъ и съ ландкартами, выказывая самыя сбивчивыя понятія о широтѣ и долготѣ мѣстности; умѣнья рисовать карты не оказалось почти ни у кого: требовалось, разумѣется, не искусное черченіе, а приблизительно-вѣрное обозначеніе главныхъ принадлежностей странъ въ ихъ взаимномъ отношеніи по мѣстности.

На испытаніяхъ изъ математики замѣчено было, что, при знаніи правилъ ариѳметическихъ (исчисленій), многіе не умѣли прилагать ихъ къ рѣшенію задачъ; отвѣты изъ алгебры и тригонометріи органичивались пересказомъ заученыхъ наизустъ правилъ и формулъ, безъ умѣнья ихъ доказать, безъ умѣнья рѣшать задачи и пользоваться таблицами логариѳмовъ; изъ начальной геометіи многіе знали, и то нетвердо, только лонгиметрію или планиметрію.

Отвѣты изъ физики были крайне слабы по всѣмъ частямъ этой науки, въ которыя входятъ вычисленія, и даже по вопросамъ о свѣтѣ, теплородѣ, электричествѣ и магнитизмѣ. Оказалось, что многіе не имѣли случая разсматривать физическіе инструменты и присутствовать при производствѣ опытовъ.

На испытаніяхъ по всѣмъ предметамъ одинаково замѣчено слѣдующее:

1) Вообще, хотя и не безъ исключеній, тѣ молодые люди, которые приготовлялись дома, слабѣе другихъ. Лучше другихъ приготовлены окончившіе курсъ въ гимназіяхъ, впрочемъ и изъ этихъ многіе отвѣчали вовсе не такъ, какъ-бы можно было ожи-

дать, судя по ихъ гимназическимъ аттестатамъ и свидѣтельствамъ,

2) Отвѣты большинства были дословнымъ повтореніемъ статей учебниковъ или учебныхъ тетрадей, такъ-что часто оказывалась совершенная невозможность вызвать отвѣтъ своими словами или поясненіемъ выученаго наизусть, какими-нибудь припоминаніями другихъ мѣстъ предмета. Если отвѣчавшій случайно забывалъ слова выученаго, то забывалъ и все, говорилъ какое-нибудь другое мѣсто учебника, и окончательно сбивался. Очевидно было, что учился онъ не для того, чтобы усвоить себѣ знаніе, а только чтобъ выучить отвѣты на разные вопросы.

3) Приготовленіе къ экзамену большинства экзаменовавшихся было слишкомъ поспѣшно и поверхностно, только для того, чтобъ какъ-нибудь сдать экзаменъ. Иные откровенно признавались, что только за нѣсколько недѣль до экзамена начали заниматься тѣмъ или другимъ предметомъ, единственно для экзамена. Если безполезны оказались такія временныя усилія памяти по предметамъ, требовавшимъ болѣе всего памяти, то чего-же можно было ожидать отъ отвѣтовъ по предметамъ, которые должны быть изучаемы безъ спѣха и въ должномъ порядкѣ переходовъ отъ простаго къ сложному, отъ легкаго къ трудному, и т. п. Отъ поспѣшнаго приготовленія зависѣло, между прочимъ, и то, что разныя необходимыя части предметовъ экзаменовавшимися вовсе не были пройдены.

4) Неприготовленность къ экзамену была сознаваема самими тѣми, которые рѣшались ему подвергнуться. Это выказалось, между прочимъ, и въ томъ, что нѣкоторые вмѣсто себя высылали къ экзамену другихъ. Изъ такихъ подставныхъ лицъ шестеро были изобличены во время самаго экзамена и изъ нихъ четверо, по неизвѣстности, точно-ли они тѣ, за кого себя выдавали, отосланы къ г. С. Петербургскому оберъ-полицеймейстеру. Само собою разумѣется, что тѣ, за которыхъ они экзаменовались, были лишены права продолжать экзаменъ.

Нельзя, конечно, безъ сожалѣнія смотрѣть на каждый неудачный шагъ молодаго человѣка; но нельзя и руководствоваться только снисходительностію, когда этотъ шагъ его не какая-нибудь случайность, которой онъ не могъ предусмотрѣть, а дѣйствіе, къ которому должно было готовиться, и котораго послѣдствія можно было предвидѣть. Университетъ не можетъ принимать въ число

студентовъ всѣхъ, желающихъ этого, не обратя вниманія на степень ихъ приготовленности. Университетъ, какъ высшее учебное заведеніе, даетъ молодымъ людямъ средства оканчивать свое образованіе не только общее, но и научно-спеціальное, такъ, чтобы они готовы были къ самодѣятельному, отчетливому труду и самосовершенствованію на избранномъ пути. Онъ можетъ быть вполнѣ полезенъ только тѣмъ молодымъ людямъ, которые предварительно приготовлены къ разумному усвоенію передаваемыхъ знаній. Иначе, или професоръ долженъ, снисходя къ незнанію или къ неразвитости своихъ слушателей, тратить время на объясненія, неумѣстныя въ университетскомъ курсѣ, и чрезъ то лишать свой курсъ и должнаго достоинства, и оконченности, не успѣвая пройти что слѣдуетъ такъ, какъ слѣдуетъ,—или-же слушатели не въ силахъ будутъ слѣдить за его чтеніями, и, поневолѣ, все болѣе слабѣя вниманіемъ къ тому, что имъ непонятно, будутъ все болѣе отставать. Требованія пріемнаго студентскаго экзамена могутъ быть извѣстны всякому, кто имѣетъ намѣреніе ему подвергнуться; случайныя удачи тѣхъ, которые поступили въ тотъ или другой университетъ помимо этихъ требованій, не уничтожаютъ ихъ силы, и ранѣе или позднѣе, вредныя отъ того послѣдствія должны отразиться въ жизни этихъ молодыхъ людей. Только неспѣшнымъ, основательнымъ приготовленіемъ не къ одному экзамену, а къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ наукахъ, только прочнымъ общимъ образованіемъ себя для самого себя, а не для экзамена, можно удовлетворить требованіямъ вступительнаго экзамена и извлечь истинную пользу отъ слушанія университетскихъ лекцій.

Открытие въ Казани женскаго училища. — Въ день тезоименитства Его Величества Государя Императора, происходило въ Казани открытіе женскаго училища 1-го разряда. Училище пока открыто на три первые класса; остальные классы, которыхъ всѣхъ должно быть шесть, будутъ открываться постепенно въ-теченіе трехъ лѣтъ. Въ день открытія въ немъ было уже 66 воспитанницъ: изъ нихъ дочерей чиновниковъ 47, купеческихъ 8, мѣщанскихъ 7 и дочерей иностранцевъ 4; въ томъ числѣ безплатно обучающихся 27 (*). Помѣщеніе училища устроено весьма хорошо

(*) Дочерей чиновниковъ 20, купеческихъ и мѣщанскихъ 7. Освобождаются отъ платы, по бѣдности, только за обученіе предметамъ обязательнымъ. За предметы необязательные, къ которымъ относятся языки Фран-

и прилично, и вся внѣшняя обстановка въ немъ отличается даже щеголеватостію: классы просторные и свѣтлые, мебель прекресная, учебныя пособія — глобусы, карты, рисунки, пріобрѣтены самыя лучшія и нѣкоторыя выписаны даже изъ-за границы. Всѣмъ этимъ внѣшнимъ устройствомъ заведенія занимался г. исправляющій должность директора училищъ Казанской губерніи, О. А. *Имшенникъ*, вмѣстѣ съ командированнымъ отъ городскаго общества членомъ, Казанскимъ купцомъ-книгопродавцемъ А. Г. *Мясниковымъ*. Въ заключеніе, мы не можемъ не высказать теплаго слова душевной благодарности нашему доблестному купечеству. Если у насъ существуетъ теперь женское училище, и въ немъ около 70 дѣвочекъ получаютъ образованіе, столь необходимое для женщины по ея важному значенію въ жизни семейной, то этимъ мы почти исключительно обязаны купеческому обществу, которое приняло въ этомъ дѣлѣ самое живое и дѣятельное участіе.

(*Каз. губ. вѣд.*).

Публичная библіотека во Владимірѣ. — Въ Моск. (унив.) вѣд. напечатано: «*Московскія вѣдомости* и *Русскій дневникъ* сообщали уже, что во Владимірѣ открывается публичная библіотека. Событіе это наконецъ совершилось 4-го прошлаго іюля, въ историческій для Владиміра день. Мы не станемъ здѣсь описывать скромнаго торжества, бывшаго по этому случаю, хотя оно по всей справедливости составляетъ одно изъ отрадныхъ явленій въ губернской нашей жизни, а спѣшимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ идетъ здѣшняя библіотека въ началѣ своего возрожденія (*). На первыхъ порахъ всѣхъ книгъ въ публичной здѣшней библіотекѣ считается до 4,000 экземпляровъ; изъ нихъ Русскихъ оригинальныхъ 1,700, переводныхъ 1,500 и иностранныхъ 500. Разныхъ Русскихъ журналовъ и газетъ получается до 20. Съ будущимъ годомъ содержатель библіотеки обѣщаетъ увеличить число отечественныхъ періодическихъ изданій, а также восполнить, по-мѣрѣ возможности, недостатокъ книгъ и журналовъ иностранныхъ. Подписчиковъ, со дня открытія по настоящее время, библіотека пріобрѣла

цузскій и Нѣмецкій, рисованіе, музыка, пѣніе и танцованіе, во всякомъ случаѣ платится по 10 р. с. въ годъ за ученицу. Такихъ ученицъ, изъ 27-ми, оказалось 17.

(*) О существованіи во Владимірѣ публичной библіотеки съ 1834 по 1840 г. см. ст. въ *Русск. дневн.*, № 82.

56 чел.; между ними годовыхъ 47, полугодовыхъ 7, на три мѣсяца 1 и 1 на мѣсяцъ. Чтобы еще болѣе показать степень общественнаго сочувствія къ учрежденію, мы позволимъ себѣ сдѣлать между подписавшимися слѣдующее подраздѣленіе: дворянъ потомственныхъ подписалось 47, въ томъ числѣ два лица женскія; духовныхъ 1; чиновниковъ гражданскихъ и дворянъ 10; купцовъ 7 и 1 крестьянинъ. Что касается до ежедневныхъ посѣтителей библіотеки, то, вѣроятно, по недавнему ея открытію, а быть можетъ и по непривычкѣ еще большинства нашего губернскаго общества ко всякой публичности, намъ прежде всего пришлось встрѣтить между ними дѣтей—учениковъ здѣшней гимназіи и нѣкоторыхъ кадетъ. Затѣмъ было два-три студента Моск. университета, нѣсколько учителей разныхъ учебныхъ заведеній, немного военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, два священника и одинъ купецъ; мѣщанъ не было. Вотъ краткій отчетъ нашъ за протекшіе два мѣсяца начальной жизни здѣшней библіотеки. Приведенныя нами цифры, конечно, еще незначительны, но нельзя не радоваться и за тѣ факты, какіе есть. Прекрасно уже то, что существуетъ предложеніе и есть въ той или другой мѣрѣ требованіе. Въ заключеніе считаемъ справедливымъ долгомъ упомянуть о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ въ пользу библіотеки въ началѣ ея основанія. Въ дворянскомъ домѣ для помѣщенія ея отведено нѣсколько очень приличныхъ комнатъ. Разными лицами, а именно преосвященнымъ *Іустиномъ*, протоіереемъ Юрьевскаго Георгіевскаго собора *Соловьевымъ*, гг. полковникомъ *Холентовскимъ*, инспект. гимн. *Коссовичемъ* и г. *Юнковымъ*, пожертвовано книгъ до 70 экземпл., а также, по распоряженію губернскаго начальства, въ вѣдѣніе ея переданы всѣ книги, принадлежавшія прежней публичной библіотекѣ. При библіотекѣ открыто также депо сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій Юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства.

Народонаселеніе земнаго шара.—Въ 7-й книжкѣ Вѣстника Импер. геогр. Общ. напечатана первая часть статьи директора статистическаго бюро въ Берлинѣ *Дитерици*,—къ сожалѣнію, недавно (30 мая) похищеннаго смертію,—подъ заглавіемъ: «Народонаселеніе земнаго шара, по его количеству, племеннымъ различіямъ и вѣроисповѣданіямъ», заимствованная изъ журнала доктора *Петерманна*: «Mittheilungen». Въ явившейся части статьи находится исчисленіе народонаселе-

нія по его количеству. Сообщаемъ однѣ только цифры любопытнаго изслѣдованія *Дитерици*.

1. *Европа.*

Государства.	Площадь геогр. кв. м.	Жители.	На одну кв. м.
1. Францiя (переп. 1856)........	9,619,$_{80}$	36,039,364	3,746
2, Великобританiя и Ирландiя (переп. 1851)...............	5,749,$_{94}$	27,488,853	4,781
3. Бельгiя (Пр. корр. 1857 № 48)	536,$_{84}$	4,607,066	8,582
4. Нидерланды (Готск. пр. альм. 1858)................	670,$_{96}$	3,487,617	5,198
5. Пруссiя по сѣв. границѣ въ Таможенномъ Союзѣ (Centralblatt d. Abg. u. s. w. 1857 № 5)	5,063,$_{94}$	17,089,407	3,375
6. Прочiя части Таможеннаго Союза, т.-е.:			
а) Причитающiяся къ Пруссiи Нѣм. области (ib.)...........	129,$_{82}$	466,899	3,596
б) Саксонское корол. (ib.).......	271,$_{68}$	2,039,176	7,506
в) Тюринскiй союзъ (ib.)........	222,$_{08}$	1,025,642	4,618
г) Ганноверъ (ib.).............	700,$_{48}$	1,841,317	2,629
д) Ольденбургъ (ib.)...........	116,$_{05}$	231,381	1,994
е) Нассау (ib.).................	86,$_{55}$	428,237	4,948
ж) Вел. г. Гессенское (ib.).......	154,$_{04}$	848,102	5,506
з) Курф. Гессенское (ib.)........	168,$_{76}$	709,659	4,205
и) Баденъ (ib.)................	278,$_{01}$	1,312,918	4,723
i) Виртембергъ (ib.)...........	375,$_{00}$	1,669,720	4,453
к) Баварiя (ib.)................	1,392,$_{78}$	4,547,239	3,265
л) Брауншвейгъ (ib.)...........	55,$_{54}$	245,771	4,425
м) Франкфуртъ-на-Майнѣ (ib.)...	1,$_{83}$	76,146	—
7. Прочiя Нѣмецкiя земли, не принадлежащiя Тамож. С., за исключенiемъ Австрiи.			
а) Оба Мекленбурга (St.-Kal., 1857)	290,$_{33}$	642,064	2,211
б) Гамбургъ (Датск. гос. к. 1857)	6,$_{89}$	220,000	—
в) Любекъ (ib.)................	6,$_{62}$	54,000	—
г) Бременъ (ib.)...............	4,$_{58}$	88,856	—
д) Лихтенштейнъ...............	2,$_{90}$	7,000	2,414
8. Австрiйскiя земли (Tafel z. St.)	12,121,$_{35}$	36,398,620	3,005

Государства.	Площадь геогр. кв. м.	Жители.	На одну кв. м.
9. Швейцарія (Pr. C. 1857, № 154)	754,$_{50}$	2,494,500	3,306
10. Сардинія (ib. № 284).......	1,375,$_{56}$	4,976,034	3,617
11. Прочія Итал. государства:			
а) Обѣ Сициліи (ib.)............	2,040,$_{44}$	8,616,922	4,223
б) Священная область (ib.).....	774,$_{20}$	3,100,000	4,004
в) Тоскана (ib.)................	400,$_{41}$	1,817,166	4,538
г) Модена (ib.)................	102,$_{24}$	606,139	5,929
д) Парма (ib.).................	114,$_{80}$	511,969	4,460
е) Санъ-Марино (Готск. альм. 1858)	1,$_{25}$	7,800	6,240
12. Данія (Датск. гос. кал. 1857).	1,037,$_{00}$	2,468,648	2,381
13. Швеція и Норвегія (ib.).....	14,154,$_{57}$	5,072,820	359
14. Португалія (Ф. Минутоли Португалія 1851)...............	1,881,$_{89}$	3,471,199	1,845
15. Испанія (Pr. corr. 1857, № 217)	9,064,$_{57}$	15,518,516	1,712
16. Греція (Датск. гос. к. 1857) .	895,$_{58}$	1,043,153	1,165
17. Іоническіе острова (Г. а. 1858).	50,$_{80}$	226,824	4,536
18. Россія (Pr. Staats-Anz. 1854).	100,429,$_{46}$	62,000,000	617
19. Турція (Pr. Corr. 1856, № 240)	9,545,$_{09}$	18,740,000	1,963
20. Исландія и Ферросскіе остр..	1,863,$_{92}$	67,808	36
Итого......	182,512,$_{20}$	272,304,552	1,492

2. *Азія:*

Государства и земли.	Величина площади въ геогр. к. м.	Жители.	На одну кв. м.
1. Сибирь....................	247,736	7,000,000	28
2. Китайская имперія..........	231,021	400,000,000	1,731
3. Восточная Индія............	68,872	171,000,000	2,483
4. Дальная Индія..............	36,791	15,000,000	408
5. Индійскій архипелагъ.......	37,620	80,000,000	2,126
6. Японія.....................	7,496	35,000,000	4,699
7. Татарія съ Тюркестаномъ, Бухарою, Хивою..............	38,176	8,000,000	209
8. Персія.....................	26,450	13,000,000	491
9. Афганистанъ................	12,160	4,000,000	329
10. Белуджистанъ..............	7,800	2,000,000	256
11 Аравія.....................	48,260	5,000,000	103
12. Азіатская Турція съ Джиддою	31,582	15,000,000	475
Итогъ	793,964	755,000,000	951

3. *Африка.*

По переписи 31 декабря 1856 г. въ Алжиріи жило Европейцевъ 167,135 душъ: остальное народонаселеніе считается въ $2^1/_2$ милл. Протяженіе области опредѣляютъ въ 10,145 кв. м., при чемъ на кв. милю приходилось-бы 247 душъ. Въ Египтѣ, т.-е. въ Верхнемъ Среднемъ и Нижнемъ Египтѣ безъ Нубіи, насчитывается (Goth. Geneal. Kal., S. 770) до 2,895,000 жителей; пространство его, по Энгельгардту, занимаетъ 8,372 кв. м., отчего на кв. милю приходится 346 душъ и въ этой странѣ находится большой городъ Каиръ, населеніе коего опредѣляютъ въ 250—300,000 душъ. Карлъ Риттеръ во «Временникѣ всеобщаго землевѣдѣнія» (B. I, 1853), настоящее положеніе республики Либеріи опредѣляетъ такимъ образомъ, что въ ней на пространствѣ почти 900 кв. миль живетъ 300,000 душъ, слѣдовательно по 333 человѣка на кв. милѣ. Вся Африка простирается на 543,570 кв. миль. Принимая 300 человѣкъ на кв. милю, получимъ 163,071,000 жителей; съ принятіемъ-же 400 человѣкъ на кв. милю, получимъ 217,428,000 жителей; такимъ образомъ можно считать народонаселеніе Африки въ 200 милліоновъ, выговоривъ особенно, что здѣсь только считается по общимъ даннымъ и нельзя дать никакого ручательства за 20 процентовъ ни съ плюсомъ, ни съ минусомъ. Въ географическихъ учебникахъ обыкновенно полагается въ Африкѣ 156 милліоновъ жителей.

4. *Америка.*

Государства и земли.	Величина площади въ геогр. к. м.	Жители.	На одну кв. м.
1. Соединенные Штаты	146,717	23,191,876	158
2. Обѣ Канады	64,006	2,571,437	40
3. Мексика	30,700	7,661,520	250
4. Средняя Америка	9,244	2,150,000	232
5. Гаити и С.-Доминго	1,368	1,133,000	828
6. Куба	1,966	1,449,462	737
7. Ямайка	278	379,000	1,363
8. Прочіе Антильскіе острова	445	445,000	1,000
9. Новая Гранада	18,200	2,250,000	124
10. Венезуэла	18,362	1,356,000	74
11. Экуадоръ	13,558	900,000	66

Государства и земли.	Величина площади въ геогр. к. м.	Жители.	На одну кв. м.
12. Перу	23,941	1,700,000	71
13. Чили	6,635	1,300,000	196
14. Боливія	22,410	2,326,000	104
15. Бразилія	147,625	7,677,800	52
16. Ла-Плата съ Буэносъ-Айресомъ	25,282	1,235,000	49
17. Урагвай, Republica oriental dal	5,080	150,000	29
18. Парагвай	4,132	600,000	145
19. Гюяна	4,856	170,994	40
20. Свободные Индійцы и т. д.	31,960	319,600	10
21. Полярныя страны	173,290	10,000	
	750,055	58,976,689	79
(Безъ полярныхъ странъ)	576,765	58,966,689	102.

5. *Австралія.*

Викторія	414,000
Новый южный Валисъ	300,000
Южная Австралія	105,000
Фанъ-Дименова земля	80,000
Западная Австралія	14,000
Новая Зеландія	130,000

Результаты въ круглыхъ числахъ:

Европа	182,571 кв. м. съ	272,000,000;	слѣд. на 1 кв. м.	1,490 ж.
Азія	793,964 » » »	755,000,000;	» » » »	951 »
Африка	543,570 » » »	200,000,000;	» » » »	368 »
Америка	750,055 » » »	59,000,000;	» » » »	79 »
Австралія	161,452 » » »	2,000,000;	» » » »	12 »
Южный Полюсъ	2,288 » » »			
	2,433,900 к. м. съ	1,288,000,000;	слѣд. на 1 кв. м.	520 ж.

Земли, изъ которыхъ въ древнѣйшее время далеко распространилась цивилизація, какъ Западная Азія съ Аравіею и Египтомъ, въ настоящемъ положеніи свѣта—области отсталыя. Европа, и пре-

имущественно въ сѣверныхъ и западныхъ частяхъ своихъ, оказываетъ благопріятнѣйшее развитіе, и если глядѣть на народонаселеніе только съ точки зрѣнія статистической, то Европа можетъ еще далеко пойти впередъ, такъ-какъ и по статистикѣ и по политической экономіи еще не имѣется мѣрила тому количеству людей, въ какомъ они могутъ жить и питаться на кв. милѣ. Немало представляется разностей отъ 1,000 до 6,000 д. на кв. милѣ и даже есть не вовсе малыя области, какъ въ Прусской Рейнской провинціи округи Солингенъ, Гладбахъ, Эльберфельдъ, въ Бельгіи—восточная и западная Фландрія, въ старой Англіи—Ланкаширъ, которыя содержатъ на 1 кв. м. 12,000 жителей, и нѣкоторые изъ этихъ округовъ питаютъ даже свое народонаселеніе единственно своею производительностію; такъ статистически доказано г. *фонъ-Хайеромъ*, по-крайности относительно округа Солингена. Послѣ Европы для человѣческаго развитія, кажется, будущая первая часть свѣта—Америка. При необыкновенныхъ естественныхъ богатствахъ, эта страна еще населена очень рѣдко и какія-бы ни происходили замѣшательства въ гражданскихъ и подобныхъ отношеніяхъ, несомнѣнно, что Европейское образованіе и много Европейскихъ дарованій туда переселились и разработываютъ богатые туземные источники доходовъ. Очень возможно, что за Америкою послѣдуетъ Австралія и прилежащій міръ островов. Индія и Китай, хотя вообще плотно населенные, обладаютъ однако такою цивилизаціею, по которой можно ожидать въ будущемъ скорѣе остановки и шествія обратнаго, нежели поступательнаго.

Міръ ушелъ впередъ, наука человѣческая все болѣе и болѣе торжествуетъ надъ природою и подчиняетъ себѣ ея силы. Еще вѣкъ тому назадъ разсчитывалъ *Зюсмильхъ*, что на землѣ легко могутъ жить 3,000 милліона людей; нѣтъ мѣрила для опредѣленія того, какъ далеко можетъ простираться количество людей на землѣ, послѣ-того-какъ паръ сдѣлался движителемъ и блистательнѣйшія изобрѣтенія отъ одного десятилѣтія до другаго становятся новыми главными условіями всей образованности. Вѣрно то, что старое положеніе о томъ, что земля населена 900 — 1,000 милліонами людей, нынѣ уже несправедливо. Вышеприведенное вычисленіе даетъ 1,288 милліоновъ. Едва-ли этотъ разсчетъ преувеличенъ; тамъ даже, гдѣ ведутся исчисленія, обыкновенно людей находится больше, чѣмъ то показано въ спискахъ. По-моему, соображенія о распредѣленіи племенъ, вѣроиспо-

вѣданій и т. д. вполнѣ подтвердятъ, что количество населенія всего земнаго шара можно опредѣлить суммою 1,300 милліоновъ душъ.

MONUMENTA HISTORICA SLAVORUM MERIDIONALIUM. — Извѣстный въ ученомъ мірѣ трудами своими по церковной и гражданской исторіи южныхъ Славянъ, членъ-корреспондентъ Императорской академіи наукъ и предсѣдатель литературнаго общества исторіи и археологіи южныхъ Славянъ, *Кукулѣевичъ-Сакцинскій*, собралъ самыя любопытныя данныя и свѣдѣнія, доселѣ въ печати не появлявшіяся, въ рукописи на Латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Monumenta historica Slavorum meridionalium». Источниками для этого сочиненія служили рѣдкіе манускрипты, исчисленные въ прилагаемомъ при семъ конспектѣ. Императорская академія наукъ, разсматривавшая конспектъ, нашла, что отъ предполагаемаго Кукулѣевичемъ-Сакцинскимъ изданія историческихъ памятниковъ можно ожидать много пользы въ отношеніи пріумноженія источниковъ для изученія быта и образованности юго-западныхъ Славянъ, и что посему его предпріятіе заслуживаетъ поощренія.

CONSPECTUS MONUMENTORUM HISTORICUM IN MANUSCRIPTO EXISTENTIUM QUAE AD ILLUSTRANDAM HISTORIAM ECCLESIASTICAM AC CIVILEM SLAVORUM MERIDIONALIUM TYPIS VULGARI POSSENT.

A. Opera latina et italica.

Msc. saeculi

1. ANNALES Monasterii Lepoglavensis in Croatia ab a. 1400 usque 1764. In Bibl. Archi-Episcopali Zagrabiensi........................ XVIII.
2. ANNALI di Ragusa, copiati da un antichissimo Codice che conservavasi in Ancona in casa dei Signori Storani. Ab a. 458—1510. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae.................. XVII.
3. ANNALI ossia Notizie dell' origine della Republica di Ragusa da varij manuscritti antichi. Dall' a. 568—1554. In Bibl. Fr. Franciscanorum Ragusii........................ XVI.
4. AQUILEIENSIUM Pontificum Historia. Ab a. 407—697. Cod. cart. Bibl. J. K. S. Zagrabiae. XIV.
5. BARBULAE aut Barbatae Joannis Pompilii Ticen-

Msc. saeculi

sis. Rerum Dalmaticarum Libri tres. Opus aureum. A. 1480. In Bibl. FF Ord. S. Francisci Ragusii et in Bibl. Nat. Musei Hung... XV.

6. BAUZER Martinus Soc. Jesu. Annales Noricorum et Forojuliensium. In Bibl. Comitis Cobenzl Goritiae. In Collectione Dr. De Bona Goritiae et in Bibl. Gimnasiali Labacensi........... XVII.

7. » Syllabus ducalium Comitum Goritiae. In Bibl. Comitis Cobenzl Goritiae et in Joanneo Grätzensi.................................. »

8. BEDEKOVICH Balthasaris. Continuatio Balth. Kerchelich Cathalogi Episcoporum, Abbatum, Archidiaconorum et Canonicorum Zagrabiensium. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae......... XVIII.

9. BENGER Nicolai, Ord. S. Pauli. Synopsis Historico-chronologica Monasterii Lepoglavensis in Croatia. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae...... »

10. » Monologium illyricanum, seu Syllabus Sanctorum et Ven. Dei servorum ad Illyricam nationem spectantium, cum Indice. A. 1742. In Bibl. Universitatis Pesthiensis......... »

11. » Descriptio synoptica Monasteriorum Ordinis S. Pauli primi Eremitae. In Bibl. J. K. S. Zagr. »

12. » Chronotaxis Monasteriorum Ordinis Fratrum Eremitarum S. Pauli in Provinciis Istriae et Croatiae. In Bibl. Archi Episc. Zagrab...... »

13. » Historica Epitome de Regno et natione illyrica, speciatim de Slavonieo-Croatica. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae........................ »

14. BOLIZZA Mariano. Relazione et Descrizione del Sangiacato di Scutari, dove si ha piena contezza delle città et siti loro, villagi, case et habitatori, rito, costumi, havere et armi di quei popoli et quanto di considerabile minutamente si contenga in quel Ducato. In Bibl. S. Marci Venetiis...................... XVII.

15. CARINTHIAE Chronici Fragmentum ad annum 1274. In Bibl. Imp. Viennensi........... XIII.

Msc. saeculi

16. CERVA Seraphini P. Ord. Praed. Bibliotheca Scriptorum Ragusinorum. In Bibl. FF. Ord. S. Dominici et S. Franc. Ragusii. In Epitomen redacta a Joanne Maria Mathaei cum additamentis P. Antonii Aghich. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae.................................. XVIII.
17. » Historia Ecclesiastica Ragusina. Libr. XII. In Bibl. Canonici Ragusani Rešetar. In Epitomen redacta in Bibl. FF. Rag. S. Franciscl......... »
18. » Iconotheca Illustrium Fratrum Congregationis Ragusanae Ord. Praedicatorum. A. 1728. In Bibl. FF. Ord. Praed. S. Dominici Ragusii.................................. »
19. » Monumenta Congregationis S. Dominici de Ragusa Ord. FF. Praed. Ab. a 1225 usque 1728. Libri V. In Bibl. FF. Ord. Praed. Ragusii.................................. »
20. CHRONICI Ragusani antiquissimi Fragmentum. In Bibl. FF. Ord. S. Francisci Ragusii, Copia in Bibl. J. K, S. Zagrabiae.................. XVI.
21. CHRONICON Carinthiae (Germanice). In Bibl. Imp. Viennensi.................................. »
22. CHRONICON Cathari ab anuo 1266—1338. In Bibl. Manfredo dei Conti Patavii............... XIV.
23. COLETI Jacopi. Opera diversa ad illustrandam Historiam Illyricam servientia. In Bibl. Emanuelis Cicognae Venetiis et in Bibl. Seminarii Pataviensis.............................. XVIII.
24. CRONACA Jadertina dall' a. 1346. In Bibl. J. K. S. Zagr. et Venetiis in Bibl. S. Marci.......... XIV et XV.
25. CRONACA Ragusana dall' a. 410—1510 con continuazione fino al a. 1679. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae.............................. XVII.
26. DESCRIPTIO antiqui et recentioris districtus Jadertini habita anno 1584. In Bibl. Seminarii Venetiis.................................. XVI.
27. DIFNICO (Divnić) Francesco. Historia della guerra di Dalmazia tra Veneziani e Turchi dall' a.

Msc. saeculi

1645 fino 1671. In Bibl. Joannis Gurato Presb. Arbae et in Bibl. J. K. S. Zagrabiae....... XVII.

28. DIVERSIS (de) Philippus de Quartigianis Descriptio Ragusina in 4 sectiones distributa, ubi loquitur de climate, de positione, de aquis, de ecclesiis, de publicis aedificiis, de magistratibus, de moribus etc. Reipublicae Ragusinae. In Bibl. Comitis Gozze Romae et FF. Ord. S. Francisci Ragusae...................... XV.

29. DOLCI Sebastiani. Libertas perpetua Reipublicae Ragusinae ab omni jure venetae Reip. asserta et vindicata. Dissertatio historico-chronologico-critica. In Bibl. Emanuelis Cicogna Venetiis.................................. XVIII.

30. DOLNICERII (Thalnitscher a Thalberg), Joannis. Descriptio Topografica Urbis Labacensis. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae.................. XII.

31. » Miscellanea historica et geografica. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae...................... »

32. DRASKOVICH Georgii Episcopi Quinqueecclesiensis et Zagrabiensis Caesareique in Concilio Tridentino Oratoris, Acta et Literae. In Museo Hung. Pesthiensi et in Archivo Archi-Episcopatus Zagrabiensis.................. XVI.

33. GASPARI Steffano. Relazione della Diocesi di Servia dell' a. 1671. In Bibl. Brancaciana Neapoli. Copia in Bibl. J. K. S. Zagrabiae.... »

34. GAZZARI (Gazarović) Alessandro. Avvenimenti storici di Lesina in Dalmazia. In Bibl. FF. Ord. S. Franc Ragusii.................... XVII.

35. GEORGII (Gjorgjić) Ignatii Abbatis Melitensis. Rerum Illyricarum sive Historiae Rhacusanae Pars I. In qua de veteri Illyrico vel de Urbis Rhacusae progenitoribus agitur. Libri VIII. In Bibl. FF. Ord. S. Francisci Ragusii et in Copia in Bibl. J. K. S. Zagrabiae......... XVIII.

36. » Istoria della chiesa di Curzola con la serie, dei suoi vescovi e la vita in succinto di ca-

Msc. saeculi

dauno. Sequuntur variae notitiae cum adnotationibus et litteris de rebus Ragusanis. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae.................. XVIII.

37. GLAVINA Venantius. Lexicon Historicum Illyrici. In Bibl. Nat. Zagrabiae.................. XVII.

38. GLAVINIC Sebastiani de Istria. Brevis et Compendiosa Descriptio Comitatum Likae et Corbaviae in Croatia. A. 1685. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae........................... »

39. GLIUBOVAC-FRANGIPANE Simeone. Dissertatione topografico-storica del Contado e territorio di Zara. In Bibl. Josephi Ferrari-Cupilli Jaderae et in Bibl. Archi-Episc. Zagr.. »

40. GONDOLA (Gundulić) Giovanni di Marino. L'Annali della mobilissima Republica di Ragusa. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae.............. »

41. » In Matteo. Diverse notizie dello stato della Christianità nei Regni di Bosnia, Serviae di Bulgaria. A. 1675. In Bibl. Cassanatensi Romae et in Copia in Bibl. J. K. S. Zagrabiae. »

42. GOZZE Augustino F. Notizie riguardanti le scritture delle Provincie di Dalmazia, Ragusa e Cattaro. A. 1605. In Bibl. FF. Ord. S. Francisci Ragusii.......................... »

43. HISTORIA obsidionis urbis Jadrae in Dalmatia tempore Regis Hungariae Ludovici I. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae...................... XVI.

44. HISTORIA Rebellionis Stibrensium (Rusticorum) in Regno Croatiae a. 1608, 1633 et 1654. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae.................. XVII.

45. HORVATH Marci (Croatae). Historia obsidionis et oppugnationis arcis Szigeth in Hungaria. In Bibl. Musei Nat. Pesthini................ XVI.

46. JOANNIS Archidiaconi de Querche Canonici Zagrabiensis. Quaedam utilia et memoriae digna pro statu Capituli Zagrabiensis Ecclesiae, una cum brevi Historia Episcoporum ejusdem Ecclesiae et quibusdam aliis rarissimis notis

Msc. saeculi

historicis eandem Ecclesiam illustrantibus, consilio Ladislavi Episc. Zagr. A. 1334 conscriptis. In Archivo Cap. Zagr. et in Bibl. J. K. S. Zagrabiae........................ XIV.

47. IVANOVICH Cristoforo. Cronaca di Budva. In Bibl. J. K. S. Zagrabiae...................... XVII.

48. KERCHELICH Adami Balth. Catalogus Episcoporum, Abbatum, Archidiaconorum et Canonicorum Zagrabiensium, cum continuatione Balthasaris Bedekovich post mortem Kerchelichii confecta. In Bibl. J. K. S. Zagr. XVIII.

49. » Commentarius de Familia Lapsanovichiorum. In Bibl. Comitis Wojkfy in Croatia.......... »

50. » Corollaria ad Historiam Ecclesiae Zagrabiensis. (typis editam). In Bibl. J. K. S. Zagrabiae.. »

51. » De Banis Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae, cum appendice 1. De Locumtenentibus Banalibus et 2. De Jani Pannonii Ortu, Parentibus, stydiis, Amicis in Italia. In Bibl. J. K. S. Zagr. copiatum ex originali Musei Nationalis Pesthiensis.............................. »

52. » Historia Cath. Ecclesiae Zagrabiensis (de qua solummodo Tomus primus in lucem prodivit). Tomus II. usque ad a. 1646 in Bibl. Archi-Episc. Zagr. et Tomus III. sub titulo «Annuae sive Historia ab a. 1748 et subsequis» in Bibl. Accad. Zagr................ XVIII.

53. » Miscellanea historica et geographica una cum Litteris familiaribus. In Bibl. Accad. Zagr. et J. K. S. Zagr.......................... »

54. » Summum Breviarium rerum status Hungarici post obitum Ludovici II, seu post cladem Mohachiensem potissimum per pessimos ministros Regios praeter caeteros per Georgium Marchionem Brandenburgensem et avaros Praelatos et ambitiosos proceres causatam. In Bibl. J. K. S. Zagr...................... »

55. KOLINOVICH Gabrielis, Croatae Senquincensis.

Msc. saeculi

Rerum Hungaricarum Libri XVI. seu omnium eorum quae ab A. 1701 ad 1720 in Hungaria, Dalmatia, Croatia. Slavonia, Bosnia, Servia, Transylvania, Valachia, Moldavia gesta sunt. In Bibl. S. Martini de Monte Pannoniae et in Copia in Museo Nat. Pesthiensi .... XVIII.

56. KOVACHEVICH Thomas, Canonicus Zagr. Historia Ecclesiae Zagrabiensis. In Bibl. Adami Mravinec Canonici Zagr.................. XVII.

57. KRAJACHICH Benedictus. Observationes de Formula Gubernii in Regnis Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae praevigentis. In Bibl. Archiepisc. Zagr., in Museo Nat. Pesth. et in Bibl. J. K. S. Zagr.............................. XVIII.

58. LADANY Francisci nobilis Croatae. De gestis Banorum Regni Slavoniae. In Bibl. Archi-Episc. Zagr. et in Bibl. J. K. S. Zagr............. »

59. LEVACOVICH Raphaelis P. Historia de Fundatione Ecclesiae et Episcopatus Zagrabiensis. In Bibl. J. K. S. Zagr.......................... XVI.

60. » Historia Provinciae Sisciensis Ven. Cap. Zagr. In Bibl. J. K. S. Zagr. .... »

61. LIBER Croceus, vulgo dictus «il giallo» Legum Ragusii qui incipit a die 10 mensis Decembris a 1460 usque ad diem 16 Julii 1535. Cum supplementis. In Membr. In Bibl. J. K. S. Zagr................................ »

62. LIBER de li ordinamenti et de usanze de la universitade et de la comuni de la insula de Lagusta (in Dalmazia) Anno D. 1310. Indict. 8. die 10 Mens. Januarii Confectus. Jn Membr. In Bibl. J. K. S. Zagr. et in Copia in Bibl. FF. Ord. S. Francisci Ragusii. .... XIV.

63. LUPOSIGNOLI (Vukoslavić) Michele. Notizie della Dalmazia ora sogetta al Dominio veneto, cesareo e ottomano, raccolte dalle memorie istoriche e geografiche si antiche che moderne de più degni autori. In Bibl. J. K. S. Zagr... XVIII.

Msc. saeculi

64. LUCII Joannis Traguriensis. Notationes Historicae ad illustrandam Historiam Dalmatiae et Croatiae. Ab a. 1385. In Bibl. J. K. S. Zagr..... XVII.
65. MARCHELLOVICH J., Canonici Zagr. Historia Episcoporum Zagr. ab anno 1237. In Bibl. Archiepisc. Zagr.......................... XVIII.
66. » Extracta historica ex diplomatibus et aliis documentis antiquis a saec. XIII—XVI. In Bibl. J. K. S. Zagr......................... »
67. MARINI Georgii Ragusei. Descriptio Bulgariae et Praefecturarum in ea Turcicarum de a. 1598. Brassoviae facta. In Museo Nat. Pesthiensi.. XVI.
68. MARNAVICH Joannes Tomcus. De Illyrico Caesaribusque Illyricis. Dialogorum libri VII. a. 1603. In Collectione Georgii Plancich de Lesina. Venetiis.......................... XVII.
69. » S. Felix Episcopus et Martyr Spalatensis. Romae 1634. In Bibl. FF. Ord. Franc. Ragusii »
70. MARULUS Marcus de Spalato. Literae de antiquitatibus Salonitanis. In Bibl. pal Viennensi .. XVI.
71. MIKOCZY Petri Josephi P. Soc. Jesu. Historia Banorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae a. saec. XI. usque ad XIV. viventium. In Bibl. J. K. S. Zagr.......................... XVIII.
72. PASTRITII Hieronymi Spalatensis. Allegationes de Alessio Civitate Dalmatiae. In Bibl. J. K. S. Zagr.............................. XVII.
73. » De Confiniis Dalmatiae et Albaniae. In Bibl. J. K. S. Zagr.......................... »
74. » De Origine gentis et linguae Albanorum. In Bibl. J. K. S. Zagr. Cum Miscellaneis de gente et Patria Albanorum........... »
75. » Informatio de Congregatione illyrica S. Hieronymi. In Bibi. J. K. S. Zagr............. »
76. PATACHICH Alexandri Comitis. Origo Familiae Comitum Patachich cum Specificatione Bonorum, Honorum, rerumque gestarum ab a. 1400 usque 1747. In Bibl. J. K. S. Zagr.... XVIII.

Msc. saeculi

77. PEJACHEVICH Francisci Xav. L. Baronis. Collectio diversarum notitiarum potissimum Slavos concernentium. Tomi IV. In Bibl. Archiepisc. Zagr. et in Excerptis in Bibl. J. K. S. Zagr. .... XVIII.
78. PONTE de Valerii Archidiaconi Jadrensis. De Ecclesia Jadrensi ejusque Episcopis et Archiepiscopis. In Bibl. J. K. S. Zagr. et in Fragmento in Bibl. Joannis Gurato Arbae....... XVII.
79. PRIVILEGIA Reipublicae Ragusanae concessa a Regibns Neapolitanis. In Bibl. J. K. S. Zagr. XVIII.
80. PUNCTA principalia et auctoritates extractae de Disputatione inter Christianum romanum et patarenum bosnensem. Codex Membr. in Bibl. S. Marci Venetiis et in copia in Bibl. J. K. S. Zagr.............................. XIII.
81. RAICEVICH Ignazio Stefano e Don Giorgio Ferrich da Ragusa. Lettere intorno all' origine, le Emigrazioni, la Dottrina e la Religione dei popoli Slovani. In Bibl. FF. Ord. S. Francisci
82. RAVENNA (de) Joannes (1370—1400). Historia Ragusii. In Bibl. Imperiali Parisiis......... XIV.
83. RAZZI Serafino. Vite degli Arcivescovi di Ragusa. In Bibl. FF. Ord. Praed. Florentiae........ XVI.
84. RELAZIONI della Istria littorale e della Dalmatia. A. 1553. In Bibl. J. K. S. Zagr............ »
85. RESTI Giunio. Annali di Ragusa fino al a, 1455. In Bibl. Antonii Casnacich in Ragusa...... XVIII.
86. RITTER seu Vitezovich Pauli. Annales Croatiae. In Bibl. Archiepisc. Zagrab. et in Nat. Museo Pesthiensi.................................... XVII.
87. » Atocion Despotarum, magnorumque Ducum Serbiae Posteritatis. A. 1694. In Bibl. J. K. S. Zagr. (Autographum).................. »
88. » Banologia seu de Banatu Chorvatiae cum Geographia Illyrici et Stematographia. In Bibl. Archiepisc. Zagr. et J. K. S. Zagr.......... »
89. » Bosna captiva sive Regnum et interitus Ste-

Msc. saeculi

phani ultimi Regis Bosnae. Cum adjunctis notatis croatico-historicis. In Bibl. J. K. S. Zagr. .... XVII.

90. RITTER Croatia rediviva. In Bibl. Archiepisc. Zagr. »

91. » De aris et focis Illyricorum. In Bibl. Archiepisc. Zagr. .... »

92. » Lamentatio Segniaé. (Autographum). In Bibl. J. K. S. Zagr. .... »

93. » Miscellanea historica, potissimum Autographa. In Bibl. J. K. S. Zagr. .... »

94. » Origo, progressus et finis Imperii Domus Nemanyae qui dominabantur in Rassia et Servia. In Bibl. Musei Nat. Pesth. .... »

95. » Origo Slavorum et progressus Imperii Slavici. In Bibl. Archiepisc. Zagr. et Nat. Musei Pesthini. .... »

96. » Regesta Privilegiorum Abbatiam Toplicensem in Croatia respicientium. (Autographum). In Bibl. J. K. S. Zagr. .... »

97. » Regesta Privilegiorum et Diplomatum Archivi Comitum Keglevich (Autographum). In Bibl. J. K. S. Zagr. .... »

98. » Serbia illustrata. In Bibl. J. K. S. Zagr. ..... »

99. ROSMANICH Mathaeus, Canonicus Buccarensis. Relatio facta Romam de tota Dioecesi Segniensi et Modrusiensi, expedita a. 1663, die 3 Novembris. (Autographum). In Bibl. J. K. S. Zagr. .... »

100. RUICH Marco Lauro. Notizie e Riflessioni storiche sopra l'antico stato civile ed ecclesiastico della città di Pago fatte a diversi autori, diplomi, privilegij et altre carte publiche e private. Tomi X. In Bibl. Joannis Gurato Arbae, Jos. Cupilli-Ferrari Jadrae et Prof. Francisci Lanza Spalati. .... XVIII.

101. SALONITANAE Ecclesiae Episcoporum Memoria. In Bibl. Comitis Garagnin Fanfogna Tragurii et J. K. S. Zagr. .... XVI et XVII.

Msc. saeculi

102. SAVERSCHNIGG Josephi Fluminensis. Animadversiones de Natali Solo Divi Hieronymi et de variis rebus Illyricis ad Reverendissimum D. Petrum Stancovich. (Autogr). In Bibl. J. K. S. Zagr.................................. XIX.

103. » Animadversiones de lingua illyrica. (Autogr.) In Bibl. J. K. S. Zagr.................... »

104. » Commentaria de Illyrico, cum adjunctis notatis de Familia Comitum Frangepanorum. (Autogr.) In Bibl. J. K. S. Zagr............. »

105. » De gente Cettimina exin illyrica et dalmatica nuncupata et de nationibus et populis Slavis eorumque originibus, migrationibus et reditus, deque Slavorum apostolis SS. fratribus Cyrillo et Methodio. Notitiae praeliminares. (Autographum). In Bibl. J. K. S. Zagr...... »

106. SCHINELLA Pietro. Catastico dei Beni della Confraternità della chiesa di S. Zuanne de Verbenico contenuti nei suoi Instrumenti autentici parte in schiavo e parte in italiano carattere scritti per molti notari, tradotti, estratti e per me Pietro Schinella Nobile di Veglia e Notario publico nel presente libro registrati. Codex. Membr. In Bibl. J. K. S. Zagr.................................. XVI.

107. SELISHEVICH Stephani Episcopi Çorbaviensis. De Districtu Modrusiensi cum descriptione limitum Episc. Segniensis. In Bibl. J. K. S. Zagr. XVII.

108. SERIES Ducum et Regum Bulgariae et Praesulum Salonitanorum et Spalatensium. In Bibl. J. K. S. Zagr................................ XVIII.

109. SISCIENSIS Provinciae Historia. In Bibl. J. K. S. Zagr.................................. »

110. » Rebellionis et Pestis Historia. (1654). In Bibl. J. K. S. Zagr............................ XVII.

111. SISGOREO Georgius de situ Illyrici et civitate Sibenici, una cum versione Italica. In Bibl. Emanuelis Cicogna Venetiis................ XV.

		Msc. saeculi
112.	STATUTA Civitatis Arbae in Dalmatia. In Cancellaria civitatis Arbae et in Bibl. J. Gurato.	XV.—XVI.
113.	» Civitatis Budvae in Dalmatia. In Cancellaria Communitatis Budvae. In Copia existit in Bibl. S. Marci Venetiis et in Bibl. J. K. S. Zagr.	XVI.
114.	» Cathari Civitatis. In Bibl. S. Marci Venetiis.	»
115.	» Communis Curzolae in Dalmatia. In Collectione Caporiana Curzolae	XIII.
116.	» Civitatis Fluminis in Croatia. In Cancellaria Communitatis Fluminensis et in Bibl. J. K. S. Zagr.	XVI.
117.	» Civitatis Jadrae in Dalmatia. In Bibl. S. Marci Venetiis et FF. Ord. S. Franc. Ragusae	»
118.	» Civitatis et Insulae Lagustae in Dalmatia de a. 1310. Codex Membr. in Bibl. J. K. S. Zagr.	XIV.
119.	» Meledae Insulae in Dalmatia de a. 1345. In Bibl. FF. Ord. S. Francisci Ragusae	»
120.	» Civitatis Scardonae in Dalmatia. In Bibl. S. Marci Venetiis	»
121.	» Civitatis Sibenici in Dalmatia. In Bibl. S. Marci Venetiis	»
122.	» Civitatis Spalati in Dalmatia. In Bibl. J. K. S. Zagr., Nat. Musei Zagr., Franc. Lanza Spalati et FF. Ord. S. Francisci Ragusae	»
123.	» Civitatis Rhacusii. In Bibl. FF. Ord. S. Francisci Ragusii et J. K. S. Zagr.	XVI.
124.	» Civitatis et Insulae Vegliae in Istria. In Bibl. Antonii Nimirae Arbae, et J. K. S. Zagr.	»
125.	» Collegii Bonorum Praebendariorum Cath. Ecclesiae Zagrabiensis de a. 1468 et 1515. In Bibl. J. K. S. Zagr.	XV et XVI.
126.	» Confraternitatis S. Spiritus in Catharo de a. 1350. Codex Membr. in Bibl. J. K. S. Zagr.	XIV.
127.	» Confraternitatis S. Hieronymi Illyricorum. In Bibl. Cassanatensi Romae et in Copia J. K. S. Zagr.	XVI.

Msc. saeculi

128. STATUTA Congregationis Presbyterorum Civit. Ragusanae de a. 1595. In Bibl. J. K. S. Zagr... XVI.

129. » Civitatis Segniae in Croatia de a. 1388. In Archivo Civitatis Segniae................ XIV.

130. » Civitatis Varasdinensis. A. 1699. In Bibl. J. K. S. Zagr............................. XVII.

131. » et Ordinationes Ven. Capituli Confraternitatis in Civ. Ragusina de a. 1483. In Bibl. FF. Ord. S. Francisci Ragusii................ XV.

132. STATUTI, Privilegii et Esenzioni concesse alli nobili huomini di Pastrovichio. Codex Membr. In Bibl. J. K. S. Zagr..................... XVII.

133. STORIA del Stefano piccolo di Montenero colla Storia del Montenero. In Bibl. Episcopi Diacovarensis................................ XVIII.

134. » e Statistica del Montenero. In Bibl. Episc. Diacovarensis............................ »

135. » di Ragusa. In Bibl. Episcop. Diacovarensis.. »

136. THOMAS Archidiaconus Spalatensis. Historia Salonitana cum Cathalogo Episcoporum Salonitanorum. In Bibl. Imp. Parisiis. In Bibl. Collegii de Propaganda fide et Cardinalis Barberini Romae. Differt ab Exemplari typis vulgato................................ XIII.

137. USCOCCORUM in Croatia. Historiae variae et Relationes Venetorum. Asservantur in Bibl. S. Marci et Emanuelis Cicognae Venetiis. In Bibl. Imp. Parisiis et Viennae etc.......... XVII.

138. VINCIGUERRA Antonio, Secretario della Republica Veneta. Cronica della isola di Veglia et della Famiglia Frangepani in quella Isola. In Bibl. S. Marci Venetiis, in Bibl. Imp. Viennae et in Bibl. J. K. S. Zagr...................... XV et XVI.

139. VISITA Archiepiscopi Spalatensis de a. 1578 et 1595. In Bibl. J. K. S. Zagr................ XVI.

140. » apostolica di Monsignor Ottaviano Garzadoro in Diocesi di Zara. A. 1635. In Bibl. J. K. S. Zagr................................ XVII.

Msc. saeculi

141. ZAGRABIENSIS Civitatis manifestatio dissidiorum cum Capitulo Zagrabiensi inde ab Anno 1247 usque ad Annum 1689. In Bibl. J. K. S. Zagr. »

142. » Civitatis Regestrum super injuriis et plurima facta mala quae per dominos Capituli Zagr. Ecclesiae sunt illata et perpetrata super cives Civitatis. Ab a. 1375 usque inclusive a. 1435. In Bibl. J. K. S. Zagr.................... XV.

143. ZAVOREI Dominici Sibenicensis. Historia Dalmatina, dedicata concivi suo Episcopo Fausto Verantio. In Bibl. S. Marci Venetiis, Joannis Gurati Arbae et J. K. S. Zagr............. XVI.

144. » Idem Opus Italice. In Bibl. J. K. S. Zagr.... »

145. » Trattato sopra le cose bi Sebenico. A. 1597. In Bibl. J. K. S. Zagr..................... »

146. ZELNICEY aliter Stepanich Nicolai, Episc. Zagr. Historia Obsidionis Petriniae et Cladis Szerdarianae. A. 1596. In Archivo V. Capituli Zagr. et in Bibl. J. K. S. Zagr............ »

147. ZMAJEVICH Vincentius, Archiepiscopus Jadertinus. Annales Ecclesiastici. Latine et slavice. In Bibl. Seminarii Venetiis et in Collegio de propaganda fide Romae.................... XVII.

B. Opera slavica.

148. DOCUMENTA croatica glagolitico caractere exarata, inde ab anno 1309 usque ad saec. XVII. In pergamenta et carta. In Bibl. J. K. S. Zagr................................ XIV—XVIII.

149. » croatica et serbica, caractere cyrilliano exarata a saeculo XV usqne XVIII. Continent potissimum mandata Archiepiscoporum Spalatensium et Praefectorum Turcicorum, deinde litteras familiares Principum Montisnigri et Zentae aliorumque Magnatum et Incolarum Dalmatiae et vicinarum provinciarum. In Bibl. J. K. S. Zagr......................... XV—XVII.

	Msc. saeculi
150. DOCUMENTA Croatica, latinis litteris, sed in lingua croatica scripta, continent Privilegia, Mandata et Litteras familiares Banorum, Magnatum, Nobilium et aliorum incolarum Regni Croatiae et Dalmatiae. In Bibl. J. K. S. Zagr.	XVI—XVIII.
151. GENEALOGIAE (Родословѣ) Principum, Regum, Imperatorum et Patriarcharum Serbiae. Duo Manuscripta saec. XV et XVI. In Bibl. J. K. S. Zagr.	XV et XVI.
152. HISTORIA gentis Illyricae anonymi auctoris Dalmatae saec. XVIII. caractere cyrilliano conscripta, cum adnexa et locupletata cronica croatica Pauli Vitezović Ritter. In Bibl. J. K. S. Zagr.	XVII.
153. STATUTA (Zakoni) Tersactensia saec. XIV—XVII. Civitatis Castvae in Istria saec. XV et Confraternitatis S. Mariae Zlarinensis in Dalmatia. A. 1456. In Bibl. J. K. S. Zagr.	XIV—XVII.
154. VISITA apostolica Archiepiscopi Spalatensis Cosmi in Districtu Poglizae de a. 1682 et Hyacinthi Dimitrii Episcopi Segniensis de a. 1684, prima cyrillianis, secunda latinis caracteribus conscripta. In Bibl. J. K. S. Zagr.	XVII.
155. VITA (житїє) S. Savae Archiepiscopi Serviae scripta a Domitiano monacho chilendarensi saec. XIV. Orig. in Russia, Copia in Bibl. J. K. S. Zagr.	XIV.
156. » Principis Serbiae Lazari. In Bibl. J. K. S. Zagr.	XVII.
157. » S. Romili Eremitae. Orig. in Russia Copia in Bibl. J. K. S. Zagr.	XV.

Accedunt ad haec.

158. MONUMENTA serbica, bosnensia et Montisnigri inde a saeculo VIII usque ad XIX cum Privilegiis et Documentis in lingua latina et italica exaratis a J. K. S. ad typum finaliter praeparatis.

159. CODEX Diplomaticus Regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae cum Documentis latinis a saeculo IV. usque ad saec. XIV, a J. K. S. compilatus.

Zagrabiae die 25 Januarii 1859.

Jannes Kukuljević Sakcinski,

Praeses Societatis litterariae pro Historia et Archeologia Slavorum Meridionalium Membrum Corr. plurium eruditarum Societatum.

Приглашеніе Русскихъ духовныхъ писателей къ пожертвованію своихъ произведеній въ даръ библіотекѣ Аѳинскаго университета. — Библіотека Аѳинскаго университета, образовавшаяся въ недавнее время, содержитъ уже замѣчательное собраніе книгъ и рукописей, пожертвованныхъ ей западными учеными обществами и университетами, которые съ благороднымъ соревнованіемъ спѣшили подѣлиться съ Греціей сокровищами своихъ книгохранилищъ и принести въ даръ столицѣ Греческаго классическаго міра лучшія произведенія Европейской науки. Только въ Русскихъ книгахъ оказывается въ Аѳинской библіотекѣ недостатокъ, тѣмъ болѣе поразительный, что Россія преимущественно предъ всѣми другими народами обязана Греціи тѣмъ, что отъ ней воспріяла божественный свѣтъ православно-христіанскаго ученія.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, въ недавнюю бытность свою въ Аѳинахъ, обративъ вниманіе на недостатокъ Русскихъ книгъ въ Аѳинской библіотекѣ, сдѣлалъ распоряженіе о снабженіи ея книгами и картами отъ морскаго вѣдомства и предложилъ духовному вѣдомству легчайшій и удобнѣйшій способъ къ пересылкѣ книгъ въ Аѳины чрезъ морское министерство. Святѣйшій сѵнодъ, постоянно заботясь о скрѣпленіи узъ духовнаго братства между обоими единовѣрными народами: Русскимъ и Греческимъ, поспѣшилъ съ любовію воспользоваться этимъ предложеніемъ и отправилъ уже въ Аѳины по экземпляру всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ книгъ, хранящихся въ его запасахъ. Сей способъ духовнаго и умственнаго общенія съ Греціей, конечно, встрѣтитъ живое сочувствіе въ нашемъ православномъ отечествѣ, и, безъ сомнѣнія, всѣ просвѣщенные дѣятели духовной литературы не откажутъ обогатить своими произведеніями Аѳинскую библіотеку; съ сею цѣлію жертвуемыя книги могутъ быть доставляемы въ учрежденное при святѣйшемъ сѵнодѣ хозяйственное управленіе, которое, при содѣй-

ствіи морскаго министерства, будетъ отправлять ихъ по назначенію на военныхъ судахъ нашихъ, ежегодно посылаемыхъ въ Средиземное море и Архипелагъ.

О конкурсѣ на сочиненіи проекта клинической больницы при Императорской С. Петербургской медико-хирургической академіи, на завѣщанный покойнымъ лейбъ-медикомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ баронетомъ *Вилліе* капиталъ. 1) Срокъ для представленія проекта опредѣляется къ 1 іюня 1860 г. 2) За тотъ изъ доставленныхъ на конкурсъ проектовъ, который избранъ будетъ для постройки больницы, сочинителю назначается денежное вознагражденіе въ три тысячи рублей серебромъ, изъ коихъ полторы тысячи выдаются ему вслѣдъ за избраніемъ проекта, а остальныя тысяча пятьсотъ руб. сер. по представленіи одобренія детальныхъ чертежей, рисунковъ и смѣты. Второй по достоинству проектъ изъ числа представленныхъ на конкурсъ получаетъ премію въ тысячу пятьсотъ руб. сер., а третій—въ тысячу руб. сер. Прочіе всѣ проекты возвращаются по принадлежности. 3) Всѣ художники Русскіе, или въ Россіи проживающіе, приглашаются къ участію въ семъ конкурсѣ. Они приглашаются доставлять свои проекты въ конференцію Императорской С. Петербургской медико-хирургической академіи не позже исхода мая мѣсяца 1860 года; причемъ, желающіе сохранить имя свое въ тайнѣ, могутъ обычнымъ въ семъ случаѣ порядкомъ означить его въ отдѣльномъ запечатанномъ конвертѣ съ девизомъ, помѣщенномъ и на проектѣ. 4) Присужденіе той или другой преміи зависитъ отъ особой коммиссіи, составленной изъ членовъ Императорскихъ академій: медико-хирургической и художествъ и душеприкащиковъ покойнаго баронета Вилліе. Предсѣдатель комитета и душеприкащикъ тайный совѣтникъ *Енохинъ*. Программу этого конкурса можно получить въ Императорской медико-хирургической академіи.

(*Русск. Инв.*)

КОНЕЦЪ CIII ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТО ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія за май, іюнь и іюль 1859 года.

Министерскія распоряженія за май, іюнь и іюль 1859 года.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Словесность, науки и художества.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

Книги, изданныя въ Россіи:

Обозрѣніе газетъ и журналовъ:

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Новости и Смѣсь.

I. Новости естественныхъ наукъ.

II. Разныя извѣстія.

